

Учредитель:
ООО «Русайнс»

Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-86677 от 26.01.2024 г.
ISSN 2306-5001

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: ed-russia@list.ru
Сайт: <https://ed-russia.ru/>

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афанасьев Михаил Юрьевич, д-р экон. наук, проф., заведующий лабораторией прикладной эконометрики, ЦЭМИ РАН;

Афанасьев Антон Александрович, д-р экон. наук, проф., ведущий научный сотрудник лаборатории социального моделирования, ЦЭМИ РАН;

Брижак Ольга Валентиновна, д-р экон. наук, доц., проф. Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Валинурова Лилия Сабиховна, д-р экон. наук, проф., зав. кафедры инновационной экономики, Уфимский университет науки и технологий;

Васильева Елена Викторовна, д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой бизнес-информатики, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Глинский Владимир Васильевич, д-р экон. наук, проф. кафедры статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»;

Колесников Андрей Викторович, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, проф. Департамента бизнес-информатики, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Коровин Дмитрий Игоревич, д-р экон. наук, проф., проф. Департамента анализа данных и машинного обучения, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Криничанский Константин Владимирович, д-р экон. наук, проф. Департамент финансовых рынков и финансового инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Ларионова Ирина Владимировна, д-р экон. наук, проф., Департамент финансовых рынков и финансового инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Липски Станислав Анджеевич, д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой земельного права, Государственный университет по землеустройству;

Мазур Наталья Зиновьевна, д-р экон. наук, проф., профессор кафедры инновационной экономики, Уфимский университет науки и технологий;

Нишкин Валерий Викторович, д-р экон. наук, проф., заведующий учебно-научной лабораторией профессиональной подготовки работников образовательных организаций, РЭУ им. Г.В. Плеханова;

Носова Светлана Сергеевна, д-р экон. наук, проф., НИЯУ МИФИ;

Папаскири Тимур Валикович, д-р экон. наук, проф., врио ректора, Государственный университет по землеустройству;

Погорлецкий Александр Игоревич, д-р экон. наук, проф. кафедры мировой экономики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Попова Елена Владимировна, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий, РЭУ им. Г.В. Плеханова;

Сильвестров Сергей Николаевич, д-р экон. наук, проф., засл. экономист РФ, Департамент мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет;

Соловьев Владимир Игоревич, д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой "Прикладной искусственный интеллект", МТУСИ;

Тургель Ирина Дмитриевна, д-р экон. наук, проф., зам.директора по науке Высшей школы экономики и менеджмента, УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Главный редактор:

Соколинская Наталия Эвальдовна, канд. экон. наук, проф., проф. кафедры банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 28.02.2026 Цена свободная Тираж 300 экз.

Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале,
подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ

Векторная агентская теория: человекоцентричная структура для управления экономическими векторными потоками с помощью модели GUARDS. Заседателев О.С.	6
Влияние организационной амбидекстрии на эффективность деятельности энергогенерирующих предприятий РФ. Гусов А.З., Иванова З.Д.	13
Цифровая валюта Центрального Банка: от дизайна к благосостоянию. Осолков Д.И.	19
Баланс интересов в экономическом и геоэкономическом пространствах: новые подходы к анализу и проектированию посредством инструментов парадигмального анализа. Пискарев П.М.	27

МИРОВОЙ ОПЫТ

Особенности международных проектов «Группы Газпром» на Ближнем Востоке в современных экономических условиях. Кочкин А.В.	33
Восточный вектор экономического развития России в контексте интенсификации международной торговли. Кузьменко С.С.	42
Роль России в развитии международных транспортных коридоров в современных международных условиях. Новикова Д.Д., Кукушкин А.А., Мнацаканян Э.К.	48
Современное состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества между молодыми предпринимателями Китая и России. Тянь Юйвэй	51
Научно-методические основы разработки регионально-отраслевого классификатора эффективности российско-китайского делового сотрудничества. Лисичкин А.А., Шапор М.А.	55

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ. МЕНЕДЖМЕНТ. МАРКЕТИНГ

Модель реализации независимой оценки компетенций в практике управления общеобразовательной организацией. Белкин В.Е.	62
Технологии управления человеческими ресурсами в рамках риск-менеджмента. Бокова М.С.	66
Роль центра обработки вызова при комплексном реагировании экстренных оперативных и иных служб жизнеобеспечения на сложные происшествия и ЧС. Бородин М.П.	73
Институт независимых директоров: сущность и роль в корпоративном управлении. Велижанский М.И.	77
Дивергенция потребительского поведения в индустрии гостеприимства. Дегтярева Я.В., Германчук А.Н.	81
Отпуск по уходу за ребенком в разных странах. Губанова О.А.	86
Оценка уровня интеллектуализации процесса подбора персонала: апробация модели и ее роль в совершенствовании системы управления. Жагловская А.В.	90
Диагностика рисков реализации инвестиционных решений. Зелиско А.П.	96
Стратегия развития университета на основе платформенного образования. Золотарева В.В.	100
Можно ли оценить уровень элитности как свойство личности и характеристику социальной группы в развивающейся организации. Карпенко А.Г., Киселев В.Д.	106
Моделирование специалистами элементов объективной действительности: от случайно-интуитивной к осознанно-продуктивной деятельности. Карпенко А.Г., Киселев В.Д.	115
Проектно-ориентированный подход к трансформации оргструктуры управления устойчивостью переменного контингента в образовательной организации. Киреев С.П., Дмитриев А.Г.	119
Влияние цифровизации на эффективность управления в компаниях металлургической дистрибуции. Кислых К.О.	128
Анализ и моделирование закупочных бизнес-процессов предприятия. Лаврухина Т.В., Газизова Н.Т.	134
Методика оценки эффективности применения блокчейна в менеджменте организации. Лосев В.С., Макаров А.Е.	139
Сценарная настройка интегрированного бизнес-планирования металлургической компании в условиях ограничений. Нежникова Е.В., Мартынов К.Д., Аксёнова А.А.	146
Внедрение технологии информационного моделирования в инновационную проектную деятельность: основные подходы. Проничев В.В.	151

Территория присутствия бизнеса: согласование интересов и стратегических обязательств власти и бизнеса. Николаева А.С.	157
Киберриски цифровой трансформации бизнес-процессов: экономические потери и меры управления в российских организациях. Растегаева Ф.С.	161
Мощность торгового предприятия и инструментарий ее оценки: инновационный подход. Шарохина С.В., Карсунцева О.В.	170
Анализ трансформации функций менеджмента малых инновационных предприятий под влиянием цифровых технологий. Ян Чэньдун	176

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕЙ И РЕГИОНОВ. ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Инфраструктурные проекты в российских регионах: экономические и геополитические вызовы. Аветян М.М., Шаповалов М.Ю.	180
Структура экосистемы рынка инфлюенс-услуг. Азарян Е.М., Худяков А.А.	185
Методология оценки конкурентных преимуществ туристского регионального комплекса. Синюков В.А., Ивашкин М.В., Голубева И.А., Алешков А.В., Лешкова О.В.	189
Анализ современных подходов к управлению демографической политикой региона. Антонова И.И., Лулаков Д.В.	195
Инновации как инструмент повышения конкурентоспособности предприятий на внутреннем рынке России. Арцытов Н.А., Козлов Р.А., Ковельский В.В.	200
Концептуальный подход к развитию ресурсного потенциала рынка социальных услуг. Бессарабов В.О., Абдурахимова М.Г.	207
Концепция создания радикально нового сервиса дистанционного зондирования земли. Волкова Е.В.	212
Цифровое неравенство регионов как фактор снижения экономической безопасности России в контексте перехода к энергоэффективной экономике. Глушак Н.В.	217
Цифровизация регулирования рынка услуг туризма и гостеприимства как фактор повышения конкурентоспособности: информационно-аналитический подход. Захарова М.В., Бурлаков В.В.	222
Особенности экономического роста в постиндустриальной экономике. Зенкина Е.В., Костромин П.А.	227
Основные противоречия системы образования и рынка труда в России в современных условиях: актуальные проблемы и перспективы. Исаев З.Э., Бородин М.А., Кондратенко Т.Е., Соколицына Н.А., Соколицын А.С.	230
Методика оценки готовности организаций нефтегазового сектора к реализации инновационных проектов в условиях цифровой трансформации. Лебедева Д.В., Каширин А.Д.	235
Корпоративный технологический суверенитет и технологическая независимость на рынке РФ: управление вендорной зависимостью на примере трансформации VMware после поглощения Broadcom. Кубасов С.М.	243
Актуальные вопросы импортозамещения и технологического развития России. Мингалева Ж.А., Брюхина Н.Г., Каунова Ц.В., Дорофеев С.В.	248
Развитие логистических маршрутов и инфраструктуры для экспорта нефти и нефтепродуктов из России: вызовы и перспективы. Мустафаев Т.Г.	254
Цифровое неравенство и перспективы развития информационного общества в российских регионах. Нуйкина Е.Ю., Куртянык М.С., Загородняя Ю.В., Реди Е.В.	258
Оценка эффективности существующих программ и механизмов поддержки моногородов Российской Федерации. Пальянов Д.С.	264
Цифровизация железнодорожного транспорта: снижение выросов и операционных затрат. Панин Д.И.	268
Персонализация, прозрачность и эмоциональная вовлеченность как фундаментальная основа развития репутации малого и среднего бизнеса Донецкой Народной Республики. Салита С.В., Гуськова О.В.	276
Организационно-управленческий механизм создания экоиндустриальных парков как среды реализации государственно-частного партнерства. Смирнова Т.С., Головина Т.А.	280

Анализ инвестиционной привлекательности аграрных формирований как фактор обеспечения экономической безопасности региона. Тарасова Т.М., Минина Ю.И., Захарова П.С.	288	Методологические подходы к оценке волатильности и ликвидности производных финансовых инструментов: возможности и ограничения применения на российском рынке. Дрягалин С.Р.	342
Многомерная бедность в системе государственного управления: адаптация "Sarability approach" к российской социально-экономической специфике. Тихонов К.А.	295	Методологические подходы к управлению стоимостью сложных объектов социальной инфраструктуры. Бурцева Н.А., Ляховский К.А.	346
Исследование путей оптимизации школьного образования на государственном общем языке в контексте языковой экологии. У Си, Гуо Цзясинь	299	Анализ консолидированного государственного долга Российской Федерации как фактора экономической безопасности. Мазурчук Т.М., Голосная У.А., Корытникова М.Г.	352
Региональная экономика в структуре экономики государства: современные тенденции и направления развития. Филатов Е.А., Соколицына Н.А., Цыплакова Е.Г., Янкевич Ю.Г., Терещенко О.В.	304	ESG-факторы и их интеграция в оценку стоимости капитала компании: каналы материализации, измерение и методики. Сидорова Е.Ю., Коштоян С.А.	359
Государственное управление в сфере физической культуры и спорта: эволюция, современное состояние, формы и методы. Фомин В.А.	308	Модель оценки цифровых компаний при IPO на основе интеграции фундаментальных и поведенческих факторов. Стрельцов П.В.	361
Анализ трендов и современных особенностей развития высокотехнологичных отраслей России. Шолох Л.С.	319	Влияние качества налогового контроля на обеспечение экономической безопасности страны. Таранова И.В., Назарова Н.А., Пондо Е.А., Сыроватская В.И.	365
Закономерности роста платформенной экономики России. Шульга В.Ю., Орехов В.Д.	325	Эволюция и практика использования ключевой ставки в денежно-кредитной политике. Трофимов Д.В.	375
ФИНАНСЫ. НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ. СТРАХОВАНИЕ			
Страховая ценность финансовой устойчивости в условиях институциональных шоков. Агадулин Р.Р., Аюпов А.А.	330		
Формирование отраслевых пакетов адресных налоговых мер поддержки базовых отраслей и кластеров экономики с учетом целевых показателей и стратегических инициатив. Грундел Л.П.	336		

Contents

THEORY AND HISTORY OF ECONOMY

Vector Agency Theory: A Human-Centered Framework for Managing Economic Vector Flows Using the GUARDS Model. O. S. Zasedatelev	6
The Impact of Organizational Ambidexterity on the Performance of Energy Generating Enterprises in the Russian Federation. A. Z. Gusov, Z. D. Ivanova	13
The Digital Currency of the Central Bank: From Design to Welfare. D. I. Oskolkov	19
The Balance of Interests in Economic and Geoeconomic Spaces: New Approaches to Analysis and Design Using Paradigm Analysis Tools. P. M. Piskarev	27

GLOBAL EXPERIENCE

Characteristics of Gazprom Group's International Projects in the Middle East in the Current Economic Context. A. V. Kochkin	33
The Eastern Vector of Russia's Economic Development in the Context of Intensifying International Trade. S. S. Kuzmenko	42
Russia's Role in the Development of International Transport Corridors in the Current International Context. Novikova D.D., Kukushkin A.A., Mnatsakanyan E.K.	48
The Current State and Prospects of Trade and Economic Cooperation between Young Entrepreneurs of China and Russia. Tian Yuwei	51
Scientific and Methodological Foundations for Developing a Regional-Sectoral Classifier of the Effectiveness of Russian-Chinese Business Cooperation. Lisichkin A.A., Shapor M.A.	55

MANAGEMENT THEORY. MANAGEMENT. MARKETING

A Model for Implementing Independent Competency Assessment in the Practice of Managing a General Education Organization. Belkin V.E.	62
Human Resource Management Technologies within the Framework of Risk Management. Bokova M.S.	66
The Role of the Call Center in the Integrated Response of Emergency Operations and Other Life Support Services to Complex Incidents and Emergencies. Borodin M.P.	73
The Institute of Independent Directors: Its Essence and Role in Corporate Governance. Velizhansky, M.I.	77
Divergence of Consumer Behavior in the Hospitality Industry. Degtyareva, Ya.V., Germanchuk, A.N.	81
Parental Leave in Different Countries. Gubanov, O.A.	86
Assessing the Level of Intellectualization of the Recruitment Process: Testing a Model and Its Role in Improving the Management System. Zhaglovskaya, A.V.	90
Diagnosing the Risks of Implementing Investment Decisions. Zelisko, A.P.	96
University Development Strategy Based on Platform Education. Zolotareva, V.V.	100
Is it Possible to Assess the Level of Eliteness as a Personality Trait and a Characteristic of a Social Group in a Developing Organization? Karpenko, A.G., Kiselev, V.D.	106
Modeling Elements of Objective Reality by Specialists: From Random-Intuitive to Conscious-Productive Activity. Karpenko, A.G., Kiselev, V.D.	115
A Project-Based Approach to Transforming the Organizational Structure for Managing the Sustainability of a Variable Contingent in an Educational Organization. Kireev, S.P., Dmitriev, A.G.	119
The Impact of Digitalization on Management Efficiency in Metallurgical Distribution Companies. Kislykh, K.O.	128
Analysis and Modeling of Enterprise Procurement Business Processes. Lavrukhina, T.V., Gazizova, N.T.	134
A Methodology for Assessing the Effectiveness of Blockchain Application in Organizational Management. Losev, V.S., Makarov, A.E.	139
Scenario-Based Configuration of Integrated Business Planning for a Metallurgical Company under Constraints. Nezhnikova, E.V., Martynov, K.D., Akseanova, A.A.	146
Implementation of Information Modeling Technology in Innovative Project Activities: Key Approaches. Pronichev, V.V.	151

Business Presence Territory: Aligning the Interests and Strategic Commitments of Government and Business. A.S. Nikolaeva.	157
Cyber Risks of Digital Transformation of Business Processes: Economic Losses and Management Measures in Russian Organizations. F.S. Rastegaeva.	161
Retail Enterprise Capacity and its Assessment Tools: An Innovative Approach. S.V. Sharokhina, O.V. Karsuntseva.	170
Analysis of the transformation of management functions of small innovative enterprises under the influence of digital technologies. Yang Chendong	176

ECONOMY OF INDUSTRIES AND REGIONS. STATE AND MUNICIPAL GOVERNANCE

Infrastructure Projects in Russian Regions: Economic and Geopolitical Challenges. M.M. Avetyan, M.Yu. Shapovalov.	180
Structure of the Influencer Services Market Ecosystem. E.M. Azaryan, A.A. Khudyakov.	185
Methodology for Assessing the Competitive Advantages of a Regional Tourism Complex. Sinyukov V.A., Ivashkin M.V., Golubeva I.A., Aleshkov A.V., Leshkova O.V.	189
Analysis of Modern Approaches to Managing Regional Demographic Policy. Antonova I.I., Lulakov D.V.	195
Innovation as a Tool for Improving Enterprise Competitiveness in the Russian Domestic Market. Artsytov N.A., Kozlov R.A., Kovelsky V.V.	200
A Conceptual Approach to Developing the Resource Potential of the Social Services Market. Bessarabov V.O., Abdurakhimova M.G.	207
A Concept for Creating a Radically New Earth Remote Sensing Service. Volkova E.V.	212
Digital Inequality of Regions as a Factor in Reducing Russia's Economic Security in the Context of the Transition to an Energy-Efficient Economy. Glushak N.V.	217
Digitalization of Tourism and Hospitality Services Market Regulation as a Factor in Improving Competitiveness: An Information-Analytical Approach. Zakharova M.V., Burlakov V.V.	222
Characteristics of Economic Growth in a Post-Industrial Economy. Zenkina E.V., Kostromin P.A.	223
The Main Contradictions of the Education System and Labor Market in Russia in Current Conditions: Current Issues and Prospects. Isaev Z.E., Borodina M.A., Kondratenko T.E., Sokolitsyna N.A., Sokolitsyn A.S.	230
Methodology for Assessing the Readiness of Oil and Gas Sector Organizations to Implement Innovative Projects in the Context of Digital Transformation. Lebedeva D.V., Kashirin A.D.	235
Corporate Technological Sovereignty and Technological Independence in the Russian Market: Managing Vendor Dependence Using the Example of VMware's Transformation after the Acquisition of Broadcom. Kubasov S.M.	243
Current Issues of Import Substitution and Technological Development in Russia. Mingaleva Zh.A., Bryukhina N.G., Kaunova Ts.V., Dorofeev S.V.	248
Development of Logistics Routes and Infrastructure for Oil and Petroleum Product Exports from Russia: Challenges and Prospects. Mustafayev T.G.	254
Digital Divide and Prospects for the Development of the Information Society in Russian Regions. Nuykina E.Yu., Kurtyanyk M.S., Zagorodnyaya Yu.V., Redi E.V.	258
Assessing the Effectiveness of Existing Programs and Mechanisms for Supporting Single-Industry Towns in the Russian Federation. Palyanov D.S.	264
Digitalization of Rail Transport: Reducing Emissions and Operating Costs. Panin D.I.	268
Personalization, Transparency, and Emotional Engagement as a Fundamental Basis for Developing the Reputation of Small and Medium-Sized Businesses in the Donetsk People's Republic. Salita S.V., Guskova O.V.	276
Organizational and Management Mechanism for the Creation of Eco-Industrial Parks as an Environment for Implementing Public-Private Partnerships. Smirnova T.S., Golovina T.A.	280

Analysis of the Investment Attractiveness of Agricultural Formations as a Factor in Ensuring Regional Economic Security. Tarasova T.M., Minina Yu.I., Zakharova P.S.	288	Formation of Sectoral Packages of Targeted Tax Support Measures for Key Industries and Clusters of the Economy, Taking into Account Target Indicators and Strategic Initiatives. Grundel, L.P.	336
Multidimensional Poverty in the Public Administration System: Adapting the "Capability Approach" to Russian Socioeconomic Specifics. Tikhonov K.A.	295	Methodological Approaches to Assessing the Volatility and Liquidity of Derivatives: Potential and Limitations of Application in the Russian Market. Dryagalin, S.R.	342
A Study of Ways to Optimize School Education in the Common State Language in the Context of Linguistic Ecology. Wu Xi, Guo Jiaxin	299	Methodological Approaches to Managing the Cost of Complex Social Infrastructure Facilities. Burtseva, N.A., Lyakhovsky, K.A.	346
Regional Economy in the Structure of the National Economy: Current Trends and Development Directions. Filatov E.A., Sokolitsyna N.A., Tsyplakova E.G., Yankevich Yu.G., Tereshchenko O.V.	304	Analysis of the Consolidated Public Debt of the Russian Federation as a Factor of Economic Security. Mazurchuk T.M., Golosnaya U.A., Korytnikova M.G.	352
Public Administration in Physical Culture and Sports: Evolution, Current State, Forms, and Methods. Fomin V.A.	308	ESG factors and their integration into the valuation of a company's capital: channels of materialization, measurement, and methods. Sidorova E.Yu., Koshtoyan S.A.	358
Analysis of Trends and Current Features of the Development of High-Tech Industries in Russia. Sholokh, L.S.	319	A model for valuing digital companies during IPOs based on the integration of fundamental and behavioral factors. Streltsov P.V.	361
Performance Patterns of Russia's Platform Economy. Shulga, V.Yu., Orekhov, V.D.	325	The impact of the quality of tax control on ensuring the country's economic security. Taranova I.V., Nazarova N.A., Pondo E.A., Syrovatskaya V.I.	365
FINANCE. TAXATION. INSURANCE		Evolution and practice of using the key rate in monetary policy. Trofimov D.V.	375
The Insurance Value of Financial Stability in the Context of Institutional Shocks. Agadulin, R.R., Ayupov, A.A.	330		

Векторная агентская теория: человекоцентричная структура для управления экономическими векторными потоками с помощью модели GUARDS

Заседателев Олег Сергеевич

магистрант, факультет «Стратегический и финансовый менеджмент в современных организациях», Московский технологический институт, zasedatelevofficial@gmail.com

В данной работе представлена концепция GUARDS, описывающая организацию как структуру, взаимодействующую с шестью фундаментальными экономическими векторами: Роста (G), Пользы (U), Эффективности активов (A), Риски (R), Развития (D) и Социальности (S). Методология GUARDS предлагает динамический подход, где ключевая роль отводится «Нодам» (High-Agency Node) - фокальным точкам агентности и носителям интеллектуального капитала, способным к глубокому взаимодействию с векторами и управлению их параметрами через механизмы модуляции (амплификацию и аттенуацию). Также, был разработан математический аппарат для количественной оценки этого взаимодействия, что является метрикой оценки качества управления векторными потоками. Векторная теория закладывает философский фундамент нового взгляда на стратегию как на «трансмиссию потоков», а на фирму как на «синтропийную систему». Предложены практические инструменты для диагностики и управления компаниями в условиях высокой неопределенности.

Ключевые слова: стратегический менеджмент, высокоэнтропийный мир, интеллектуальный капитал, теория фирмы, эконометрическое моделирование, временные ряды, high-agency node, узел высокой агентности, GUARDS, управление векторными потоками.

Актуальность и степень разработанности проблемы

Поводом проведения исследования и разработки векторной теории стал переход от относительно стабильного VUCA-мира к высокоэнтропийному миру, BANI-миру, что способен серьезно обесценить классические модели стратегического менеджмента, основанные на долгосрочном планировании и экстраполяции прошлых тенденций. Говоря о классических моделях мы понимаем статические методы вроде SWOT-анализа или Balanced Scorecard метода. Стоит отметить, что возрастающая роль интеллектуального капитала является ключевым драйвером конкурентного преимущества, однако требует пересмотра традиционного, обезличенного взгляда на управление. Согласно векторной теории успех современной фирмы определяется качеством интеллектуального капитала лидеров.

Переходя к степени разработанности проблемы мы отмечаем, что в научной литературе существует значительное количество работ, посвященных отдельным аспектам данной проблемы. Во-первых, стоит отметить теорию фирмы (Р. Коуз, О. Уильямсон) и ресурсную теорию (Д. Барни), объясняющих природу организации и ее конкурентных преимуществ, однако не предлагают динамических инструментов для их измерения в реальном времени. Во-вторых, это работы по стратегическому менеджменту (М. Портер, Г. Минцберг) и организационному поведению (И. Адизес) что глубоко анализируют внутренние и внешние факторы успеха, однако главный минус заключается в том, что их модели часто носят качественный, описательный характер и не всегда адаптированы к нелинейной динамике высокоэнтропийного мира. В-третьих, мы отмечаем что эконометрические подходы к анализу производительности фирмы предлагают мощный математический аппарат, но редко интегрируются в целостную, интуитивно понятную управленческую концепцию, оставаясь инструментом для узких специалистов.

Исходя из вышеизложенного, несмотря на глубокую проработку отдельных элементов, в современном менеджменте наблюдается разрыв между статической теорией и динамической реальностью, а также между «жесткими» финансовыми метриками и «мягкой», но решающей ролью интеллектуального капитала. Настоящее исследование направлено на преодоление этого разрыва путем создания синтетической, человекоцентричной и количественно измеримой модели управления потоками - GUARDS.

Цель и задачи

В данной статье целью обозначается разработка и теоретическое обоснование концептуальной модели управления «GUARDS», предназначенной для диагностики и повышения эффективности организации/бизнес-юнита в условиях нелинейной экономической среды посредством измерения ее способности взаимодействовать с шестью фундаментальными экономическими векторными потоками. Достижения поставленной цели требует решить следующие задачи: сформулировать теоретические основы модели GUARDS: определить и дать характеристику шести фундаментальным экономическим векторными потоками (G, U, A, R, D, S), ввести и описать ключевые

чевые концепты «Медиатирующая структура», «Векторный поток», «Локусы модуляции» и «Узел высокой агентности» (Нода); разработать математический аппарат для количественной оценки взаимодействия фирмы с потоками; определить примеры ключевых метрик для измерения Exogenous Input (рыночный бенчмарк) и Endogenous Output (показатели фирмы) частей каждого из шести экономических векторов; продемонстрировать работоспособность модели на симулированных сценариях, отражающих различные состояния бизнес-среды и показать ее диагностические возможности; сформулировать философские аксиомы и управленческие принципы, вытекающие из модели GUARDS; определить ее место среди существующих теорий.

Научная новизна исследования

Автором предложена новая концептуальная оптика, в рамках которой фирма рассматривается не как статичный рыночный субъект, а как динамическая «медиатирующая структура», существующая внутри шести экзогенных экономических векторных потоков, что смещает фокус стратегического анализа с «позиционирования» на «трансмиссию». Введен и теоретически обоснован концепт «Узла высокой агентности» (HAN). Разработан математический аппарат, что позволяет провести количественную оценку качества управленческого воздействия. Сформулирована модель жизненного цикла фирмы как процесса последовательной векторной дифференциации.

Практическая значимость исследования

Разработан управленческий фреймворк GUARDS. Фреймворк позволяет диагностировать качество стратегического управления, а также позволяет высшему менеджменту холдингов осуществлять декомпозицию стратегии между бизнес-юнитами, избегая деструктивной максимизации конфликтующих показателей. Предложенный математический аппарат коэффициентов модуляции дает возможность визуализировать эффективность управления на двумерной матрице.

Материалы и методы

Применяется смешанная методология, сочетающая концептуальное моделирование и количественный анализ временных рядов. Теоретической базой послужили фундаментальные труды в области теории фирмы, стратегического менеджмента, теории систем и эконометрики. Однако, основным методом является концептуальное моделирование, в рамках которого была разработана структура модели GUARDS, определены ее ключевые элементы и сформулированы гипотезы об их взаимодействии. Для верификации и операционализации модели использовались методы статистического анализа временных рядов.

Теоретические аксиомы Векторной Агентской Теории

Концептуальный каркас Векторной Агентской Теории базируется на трех аксиоматических допущениях, которые формируют ее теоретический фундамент и определяют логику интерпретации результатов.

Аксиома об экзогенной стохастичности: экономическая среда концептуализируется не как статический фон, а как система шести фундаментальных векторных потоков. Эти потоки представляют собой структурные императивы, экзогенные по отношению к фирме. Опираясь на теорию открытых систем, мы постулируем, что, хотя фирма не может отрицать существование этих потоков, ее выживание зависит от способности взаимодействовать

с ними. Потоки рассматриваются как объективные независимые переменные, оказывающие постоянное давление на организационную структуру.

Аксиома о гетерогенности, обусловленной агентом: в условиях сопоставимого доступа к факторным рынкам (векторным потокам) межфирменные различия в результатах деятельности приписываются качеству Узлов высокой агентности (High-Agency Nodes). Согласно с ресурсной концепцией (RBV) и теорией высших эшелонов, мы предполагаем, что человеческий капитал, воплощенный в этих узлах, выступает основным источником асимметрии результатов. Узел (HAN) является не просто ресурсом, а активным оператором функции трансформации, преобразующим рыночный потенциал (Exogenous Input) в ценность фирмы (Endogenous Output).

Аксиома о векторной трансмиссии: модель отвергает парадигму фирмы как изолированной сущности, вместо этого организация определяется как Медиатирующая Структура. Следовательно, стратегия переопределяется от «позиционирования» к «трансмиссии».

Концептуальный аппарат модели GUARDS

В этом разделе вводятся и определяются ключевые термины, используемые в исследовании.

1) Фундаментальные экономические векторы (Fundamental Economic Vectors) - шесть базовых, нехаотичных макроэкономических и рыночных императивов, обладающих магнитудой и направлением, которые транзитивно проходят через организацию:

- 1.1) Growth - вектор рыночного расширения;
- 1.2) Utility - вектор потребительской ценности;
- 1.3) Assets efficiency (далее Эффективность/Эффективность активов) - вектор операционной эффективности;
- 1.4) Risks - вектор угроз, рисков;
- 1.5) Development - вектор инновационного и технологического развития;
- 1.6) Social - вектор социально-экологической интеграции.

2) Векторные потоки (Exogenous Input / Endogenous Output): описание концепции потока как вектора, имеющего магнитуду и направление, и разграничение между входящей частью (рыночной) и исходящей частью (фирменной) потока:

- 2.1) Exogenous Input - компонент вектора, характеризующий внешнюю среду (рыночный бенчмарк);
- 2.2) Endogenous Output - компонент вектора, характеризующий показатели самой фирмы.

3) Медиатирующая Структура и Узел высокой агентности (Mediating Structure & High-Agency Node):

3.1) Медиатирующая Структура (Mediating Structure) - не столько формально назначенная, сколько объективно существующая процессуальная область в организации, где происходит наиболее интенсивное взаимодействие с доминирующим экономическим вектором. Точка приложения управленческого воздействия.

3.2) Узел высокой агентности (High-Agency Node, HAN, Нода) - индивид или сплоченная группа, чья экспертиза и уникальный опыт создают способность глубоко взаимодействовать с определенным вектором. Нода является фокальной точкой агентности, и его статус в модели GUARDS не привязан к формальной иерархии, а определяется способностью идентифицировать и оказывать влияние на модуляцию конкретного векторного потока. В контексте микрооснований стратегии (Microfoundations of Strategy), HAN выступает оператором функции трансформации. Если традиционный менеджмент рассматривает персонал как ресурс (Resource), то GUARDS определяет HAN как активный модулятор. Математически это выражается через способность HAN изменять амплитуду и во-

латильность проходящего сквозь медиатирующие структуры вверенного ему вектора посредством идентификации локусов модуляции и вхождения в резонанс с ними.

4) Локусы модуляции: Амплификация и Аттенуация (Loci of Modulation: Amplification & Attenuation):

4.1) локус Амплификации (Locus of Amplification) - точка или процесс, что может быть идентифицирован HAN и резонирован к положительной модуляции вектора;

4.2) локус Аттенуации (Locus of Attenuation) - точка или процесс, что может быть идентифицирован HAN и резонирован к отрицательной модуляции вектора.

5) Волатильность Вектора (Vector Volatility) - степень стохастичности или непредсказуемости векторного потока, выражаемая через стандартное отклонение его временного ряда.

Теория векторных потоков в модели GUARDS

Принимается, что каждый экономический вектор в условиях BANI-мира является мало предсказуемым в экзогенной части и предсказуемым в эндогенной части, однако без должного контроля способным серьезно дестабилизировать как бизнес-юнит, так и холдинг в целом. Каждый вектор существует внутри (Exogenous Input) и снаружи (Endogenous Output) организации, образуя поток сквозь фирму, ее бизнес-юниты и бизнес процессы. Фирма не может контролировать экономические векторы полностью, она должна использовать интеллектуальный капитал чтобы идентифицировать и резонировать с локусами модуляции.

Мы признаем, что любая метрика измерения векторного потока является лишь прокси-способом его выражения и может меняться в зависимости от стадии развития рынка и/или стадии развития фирмы, а также от степени доступности информации. Сам векторный поток представляет собой множество агрегированных стохастических событий, как макро так и микро, и в соответствии с Центральной Предельной Теоремой распределение суммы или среднего значения большого числа независимых случайных величин стремится к нормальному, независимо от исходного распределения этих величин.

Дополнительно, стоит отметить, что некоторые векторные потоки способны входить друг с другом в конфронтацию в рамках одного бизнес-юнита, к примеру: G (рост) и A (эффективность) что есть классическая дилемма «рост против прибыльности» (Шумпетер, Ансофф); D (развитие) и R (Риск) что является дилеммой «инновации против стабильности» (Марч, концепция exploration vs exploitation); U (польза) и S (социальность) есть дилемма «внешней ориентации (клиент) против внутренней» (теория стейкхолдеров Фримена).

Ядро фирмы и его роль в модели GUARDS

Согласно векторной агентской теории и модели GUARDS, Ядро является крайне существенным элементом и представляет собой интегративную сущность организации, включающую ее миссию, видение и фундаментальные культурные установки. Ключевая функция Ядра заключается в выполнении роли стратегического фильтра, который детерминирует характер взаимодействия организации с векторными потоками.

Определяя цель Ядра, корпоративного (холдинга) или локального (созданное специально для отдельного бизнес-юнита), как установление стратегических императивов взаимодействия с векторными потоками, определяя, какие из них подлежат целенаправленной амплификации (усилению), а какие сознательной аттенуации (ограничению); этот процесс мы определяем как «Политику Стратегической Модуляции Векторов» (Strategic Vector Modulation Policy, SVMP). Данная политика является сво-

его рода компасом позволяющим формировать уникальную конфигурацию конкурентных преимуществ и избегать расфокусировки ресурсов, исходя из допущения, что одновременная максимальная амплификация всех шести векторных потоков невозможна и нецелесообразна для достижения целей отдельного бизнес-юнита.

Политика стратегической модуляции векторов (SVMP)

Согласно векторной агентской теории политика SVMP определяется нами как набор регулирующих правил и алгоритмов, отвечая на вопрос какие именно из шести фундаментальных векторов подлежат амплификации (усилению), а какие - аттенуации (сдерживанию) на каждом уровне организационной иерархии. Идея универсальной максимизации всех потоков признается несостоятельной и отвергается в условиях ограниченных ресурсов. Вместо этого SVMP предлагает принцип «векторной специализации». Мы разделяем создание такой политики на два уровня.

Первый уровень представляет собой холдинговую архитектуру. Здесь задача SVMP обозначается как обеспечение устойчивости системы через диверсификацию векторных нагрузок между бизнес-юнитами (БЮ). Мы выделяем три функциональных кластера векторов:

1) Кластер «Стабильность» (AR - Assets & Risks): аттенуатор риска. Холдинг централизует функции комплаенса, безопасности и казначейства, снижая волатильность вектора R для отдельных БЮ, требуя взамен стабильного потока эффективности активов (A).

2) Кластер «Развитие» (GD - Growth & Development): акселератор роста. Холдинг перераспределяет излишки ресурса (A) от «зрелых» БЮ в пользу «инновационных» БЮ.

3) Кластер «Ценность» (US - Utility & Social): гарант легитимности. Холдинг формирует единый стандарт Социальности (S), обеспечивая «ESG-лицензию» на деятельность, в то время как генерация Полезности (U) частично делегируется на уровень БЮ (в технической части реализации).

Второй уровень представлен локальной стратегией БЮ. На уровне отдельного бизнес-юнита реализация SVMP сводится к принципу векторной специализации. Исходя из предположения о синтропийной природе бизнес-юнита как ограниченного в ресурсах анти-энтропийного фильтра, попытка одновременной максимизации всех шести векторов признана нецелесообразной и даже деструктивной. Избыточное давление конфликтующих императивов ведет к потере точности управления. Следовательно, конфигурация локальной стратегии определяется созданным для БЮ Ядром и высшим руководством холдинга, которое директивно устанавливает целевые векторы для модуляции для каждого конкретного БЮ в рамках общей архитектуры.

Академическое позиционирование

Модель не стремится опровергнуть фундаментальные теории фирмы и стратегического менеджмента, а скорее предлагает новый синтез и операционализацию их ключевых идей для условий BANI-мира. Концепция позиционируется на стыке нескольких теоретических направлений, развивая и дополняя их за счет перехода от статического анализа ресурсов и состояний к динамическому управлению потоками.

Говоря о классической ресурсной теории мы утверждаем, что конкурентное преимущество проистекает из обладания ценными, редкими, неимитируемыми и незаменимыми ресурсами. В условиях мира с высокой энтропией, где материальные активы и даже технологии могут

быстро обесцениваться, главным ресурсом становится интеллектуальный капитал.

Отмечая теорию динамических способностей мы фокусируемся на способности фирмы интегрировать, создавать и реконфигурировать внутренние и внешние компетенции для адаптации к меняющейся среде. Модель предлагает конкретный механизм для реализации этих способностей: способность организации находить, надеяться полномочиями и поддерживать своих Нод является её главной динамической способностью; фреймворк GUARDS, с его непрерывным мониторингом с помощью разработанного математического аппарата, является практическим инструментом для ощущения (sensing), захвата (seizing) и трансформации (transforming) возможностей, что составляет суть динамических способностей.

Переходя к теории стейкхолдеров мы постулируем необходимость балансировки интересов всех ключевых сторон, а не только акционеров. Модель GUARDS переводит этот этический императив в плоскость измеримого управленческого процесса. Шесть фундаментальных экономических векторов напрямую коррелируют с ожиданиями основных групп стейкхолдеров: Рост (G) и Эффективность (A) - инвесторы, собственники; Польза (U) - клиенты; Риск (R) - кредиторы, регуляторы; Развитие (D) - сотрудники, будущие поколения; Социальность (S) - общество, сотрудники, локальные сообщества (ESG-повестка). Модель превращает управление стейкхолдерами из абстрактной задачи в конкретную проблему оптимизации портфеля потоков, управляемую через SVMP.

В заключении, обращаясь к классической агентской проблеме, что описывает конфликт интересов между собственником (принципалом) и менеджером (агентом) и сложности контроля за деятельностью последнего мы отмечаем что традиционные инструменты контроля (KPI, бюджеты) часто оказываются неэффективными в высоко-энтропийной среде.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, методология GUARDS, вводя понятия «векторной агентской теории» и человекоцентричного управления потоками, служит мостом между классическими теориями и современной управленческой практикой, предлагая язык и инструментарий, адекватные вызовам XXI века.

Расположение медиатирующих структур

Местами расположения медиатирующих структур являются процессы организации, поскольку своими процессами организация (холдинг) или бизнес-юнит взаимодействует между бизнес-юнитами холдинга или с внешним миром. Стоит отметить и примеры мест расположения таких структур, к примеру: расположение медиатирующих структур G (рост) в процессе M&A сделок, в выходе на новые рынки; расположение медиатирующих структур U (польза) в процессе обработки обратной связи от клиентов (Customer Journey Mapping), в процессе управления качеством продукта; расположение медиатирующих структур A (эффективность активов) в бюджетировании, управлении цепочками поставок; расположение медиатирующих структур R (Риск) в комплаенс-контроле, в кибербезопасности, в контроле финансовых рисков; расположение медиатирующих структур D (развитие) в R&D подразделении холдинга и его процессов; расположение медиатирующих структур S (Социальность) в процессе онбординга сотрудников, в ESG-отчетности.

Операционализация переменных в модели GUARDS

В рамках модели, процесс операционализация переменных как пример представлен в таблице 1 ниже, где приведены примеры определения переменных, их описание и единицы измерения. Отмечается, что фирма может

и должна использовать релевантные ей, ее целям анализа и отрасли переменные для каждого векторного потока.

Таблица 1

Пример операционализации переменных в модели GUARDS

Векторный поток	Описание	Exogenous Input	Endogenous Output	Единица измерения
Growth	Поток рыночного расширения и захвата доли	Средний рост выручки топ-5 конкурентов	Темп роста выручки фирмы	%
Utility	Поток потребительской ценности	Средний рейтинг товара по сектору	CSI индекс или Retention rate	Баллы или %
Assets	Поток эффективности активов	Средняя маржинальность EBITDA по отрасли	Маржинальность EBITDA фирмы	%
Risks	Поток рисков и угроз	% закрепитованности отрасли, % налогового давления, % шанса внешних ситуаций, % судебных издержек по отрасли от средней операционной прибыли	% закрепитованности холдинга/БЮ, % налогового давления, % шанса внешних ситуаций, % судебных издержек по отрасли от операционной прибыли фирмы	%
Development	Поток инноваций	Объем венчурных инвестиций конкурентов в % от выручки	Расходы на RD фирмы в % от выручки	%
Social	Поток социальной легитимности	Индекс настроений в СМИ по отрасли	Метрика eNPS или ESG-score	Баллы

О проблеме квантификации качественных векторов. Традиционные финансовые модели часто игнорируют векторы U (Utility) и S (Social) из-за сложности прямой оценки. В рамках GUARDS мы применяем распространенный в таких случаях подход «цифровая тень». Для вектора U (Utility) в цифровой экономике полезность мгновенно конвертируется в поведенческие паттерны; здесь, в качестве примера, мы используем Retention Rate (коэффициент удержания) как главный прокси-индикатор. Для вектора S (Social), в качестве примера, мы используем Sentiment Analysis (анализ тональности) что способен к трансформации качественного понятия в количественный ряд.

О проблеме операционализации показателей для Exogenous Input частей некоторых векторных потоков. Модель предполагает использование качественных временных рядов для Input-частей векторных потоков, что может потребовать составления собственных индексов или использования меняющихся во времени метрик.

Ограничения модели

Переходя к ограничениям модели мы предполагаем, что влияние Нод является основной причиной выживаемости холдинга/бизнес-юнита, однако не исключает влияния других неучтенных факторов (таких как вмешательство государства, экстерналии рынка, макросоциальные паттерны поведения или прочие факторы). Мы также признаем, что в реальности шесть фундаментальных экономических потоков тесно взаимосвязаны и одно решение Ноды может вызывать каскадные эффекты в нескольких потоках. Сложность изоляции и декомпозиции индивидуального вклада Ноды в режиме реального времени также

может вызывать сложность, однако мы не отвергаем возможность его вычисления через специализированное статистическое оборудование. В данной же работе предлагается агрегированный подход к оценке качества модуляции на основе анализа трансформации параметров распределения векторных потоков (математического ожидания μ и волатильности σ).

Математический инструментарий и графическое представление

В данном разделе представлены основные формулы и графическое представление модели, что будут применяться далее. Графическое представление модели GUARDS представлено на рисунке 1.

Основной математический инструментарий, что используются в дальнейшем анализе представлен следующими формулами:

- 1) стандартное отклонение ряда (σ) = $\sqrt{(\sum (x - \mu)^2 / N)}$;
- 2) среднее значение ряда (μ) = $(a_1 + a_2 + \dots + a_n) / n$;
- 3) дельта стандартных отклонений рядов ($\Delta\sigma$) = σ (Endogenous output) - σ (Exogenous input);
- 4) дельта средних значений рядов ($\Delta\mu$) = μ (Endogenous output) - μ (Exogenous input);
- 5) коэффициент модуляции стандартного отклонения ряда = $(\sigma$ (Endogenous output) - σ (Exogenous input)) / σ (Exogenous input);
- 6) коэффициент модуляции среднего значения ряда = $(\mu$ (Endogenous output) - μ (Exogenous input)) / μ (Exogenous input).

Важно отметить, если гипотеза о нормальности отвергается (например, с помощью теста Шапиро-Уилка), то для гомогенизации свойств рядов и стабилизации дисперсии следует применять соответствующее преобразование. В зависимости от характера распределения может быть использовано параметрическое преобразование Бокса-Кокса или непараметрическое квантильное преобразование, приводящее данные к стандартному нормальному виду.

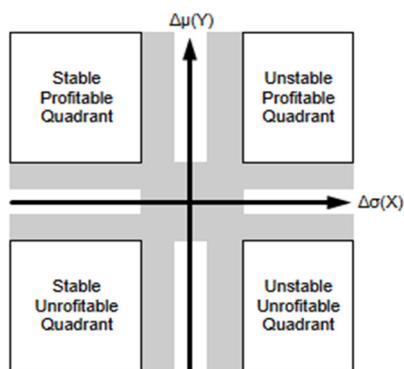

Рисунок 1. Графическое представление модели GUARDS. Серым цветом обозначены зоны где $\Delta\mu$ (ось Y) и/или $\Delta\sigma$ (ось X) $\geq \pm 5\%$ по коэффициенту/ам модуляции

Эволюция фирмы как процесс векторной дифференциации

Векторная Агентская Теория не отвергает классические модели менеджмента, а предлагает единую динамическую шкалу, на которой эти модели занимают свое место, следовательно, становится возможным представить жизненный цикл организации как последовательную смену доминирующих векторов и усложнение архитектуры SVMP. **Этап 1** представляет собой стартап (рождение через Полезность, доминирует вектор U) и состояние первоначального хаоса. Главная задача заключается в

том, чтобы доказать право на существование, найдя корректное взаимодействие с рынком через вектор Полезности (U). Остальные векторы на этом этапе практически игнорируются, так как выживание зависит исключительно от создания ценности для клиента. **Этап 2** сводится к формализации (становление структуры, доминируют векторы A и R). На этом этапе предполагается что продукт нашел своего потребителя, и теперь внутренний хаос угрожает нанести удар компании. На первый план выходят векторы Эффективности активов (A) и управления Рисками (R), больше времени уделяется созданию первых процессов, правил и иерархии. **Этап 3** заключается в масштабировании (агрессивная экспансия, доминирует вектор G). Этот период характеризуется деструктивной интерференцией: агрессивный рост (G), в рамках одного бизнес-юнита, вступает в конфликт с операционной эффективностью (A) и стабильностью системы (R). **Этап 4** представляет собой зрелость. Рост (G) замедляется и компания становится стабильной «дойной коровой» с отлаженными процессуальными медиатирующими структурами. Чтобы избежать старения продукта и стагнации холдинга/бизнес-юнита и обеспечить долгосрочное выживание, необходим новый продукт, рынок или модификации старого продукта, необходим импульс. В таких условиях Фокус смещается на вектор Развития (D) - инновации, НИОКР, поиск новых S-образных кривых, и на вектор Социальности (S), отвечающий за бренд, ESG и легитимность в обществе. **Этап 5** достигается при условии что холдинг становится экосистемой, управляющей портфелем векторов. На этом этапе холдинг окончательно перестает быть монолитным фильтром и представляет собой сложную экосистему. Управление переходит от модуляции отдельных векторов к стратегическому управлению портфелем векторов, которое реализуется через создание специализированных кластеров бизнес-юнитов: кластер Стабильности (AR-юниты) это зрелые бизнесы, генерирующие стабильный денежный поток и минимизирующие риски; кластер Развития (GD-юниты) это точки роста и инновационные проекты, нацеленные на агрессивный рост; кластер Ценности (US-юниты) это структуры, управляющие брендом, клиентской лояльностью и социальной лицензией.

Расчеты с использованием симулированных временных рядов на примере векторного потока G

Для верификации работоспособности математического аппарата модели GUARDS был проведен вычислительный эксперимент на симулированном наборе данных (N=28 периодов). Объектом моделирования выступает вектор рыночного расширения (Growth, G) выраженный в условных единицах. В рамках эксперимента мы моделируем четыре фазы управления, каждая из которых характеризуется различной эффективностью работы Ноды(HAN). Входящая часть потока (Exogenous Input) содержит стохастическую компоненту и трендовые изменения, имитирующие рыночную волатильность. Исходящая часть потока (Endogenous Output) отражает результат модуляции данного вектора. На примере данных, изображенных на рисунке 2, мы можем диагностировать качество управления векторным потоком, используя предложенную матрицу состояний (Stable/Unstable, Profitable/Unprofitable).

Начальный этап (периоды 1-7) демонстрирует явное некорректное взаимодействие с рыночной частью вектора. Коэффициент модуляции среднего значения отрицателен (-10,59%), что говорит о существенном отставании от рынка ($\Delta\mu = -0,59$). Одновременно с этим волатильность исходящего потока выше рыночной части (Коэффициент модуляции $\sigma = +17,26\%$). Мы можем утверждать, что организация теряет рыночный потенциал и создает внутренний хаос, что является классическим примером

диссипативной системы и явным признаком квадранта Unstable Unprofitable. Задача менеджмента и Ноды сводится к выведению показателей в серую зону.

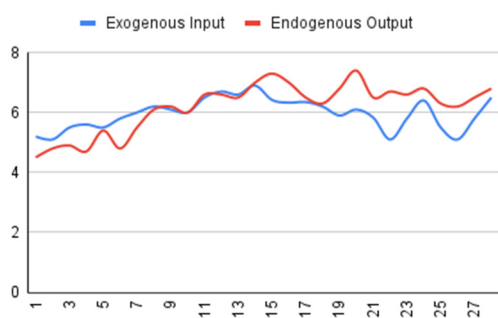

Рисунок 2. Симулированный векторный поток G. По оси X отложены временные периоды, выраженные неделями; по оси Y отложены условные единицы измерения векторного потока G (его экзогенной и эндогенной частей).

Серая зона обозначается периодами 8-14 и демонстрирует как Нода, преодолев провал начальности этапа, смогла добиться паритета с рынком. Коэффициенты модуляции для среднего значения и волатильности близки к нулю (0,00% и +4,35% соответственно).

Фирма делает стратегический выбор в пользу агрессивной амплификации вектора G, периоды 15-21, и опережает рынок по росту ($\Delta\mu=+0,67$ и модуляция +10,83%), но платит за это ростом внутренней нестабильности (коэффициент модуляции $\sigma = +84,88\%$). Такое состояние, хоть и результативно в краткосрочной перспективе, но является неустойчивым и сигнализирует о необходимости стабилизации эндогенной части. Это явный признак квадранта Unstable Profitable.

Заключительный этап представлен периодами 22-28 и демонстрирует идеальное состояние управления в модели GUARDS. В условиях волатильного рынка холдинг и его Ноды, используя интеллектуальный капитал, смогли показать уверенный рост, опережающий бенчмарк ($\Delta\mu=+0,81$ и модуляция +14,18%), и при этом снизить внутреннюю волатильность (коэффициент модуляции $\sigma = -57,84\%$) приведя фирму к состоянию устойчивой синтропии. Это признак квадранта Stable Profitable.

Заключение

В ходе проведенного исследования была предпринята попытка решить фундаментальную задачу по преодолению разрыва между статическим инструментарием классического менеджмента и динамической реальностью BANI-экономики. Разработанная Векторная Агентская Теория и концепция GUARDS не только предлагают новый взгляд на природу фирмы и природу стратегического управления, но и закладывает фундамент для развития новых управленческих систем, адаптированных к сложному и нелинейному миру.

Выводы

В работе был обоснован переход от стратегии как «позиционирования ресурсов» к стратегии как «трансмиссии потоков» и показано, что выживаемость организации в условиях неопределенности зависит не только от накопления активов, но и от способности ее Узлов взаимодействовать с шестью фундаментальными векторами (G, U, A, R, D, S). Впервые введен концепт «Узла высокой агентности» (HAN, Нода) и показано, что именно качество интеллектуального капитала Узлов (HAN) определяет способность фирмы трансформировать рыночный хаос в структурированную ценность. Математический аппарат,

основанный на анализе коэффициентов модуляции статистических моментов (μ, σ), доказал свою диагностическую способность, а проведенный вычислительный эксперимент подтвердил, что модель способна корректно идентифицировать различные режимы управления - от «управленческого провала» и пассивного дрейфа до устойчивого состояния. Предложенная модель жизненного цикла организации через призму векторной агентской теории позволила синтезировать теории менеджмента в единый фреймворк.

Литература

1. Ансофф, И. Стратегическое управление / И. Ансофф ; пер. с англ. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 344 с. – ISBN 978-5-388-00216-9.
2. Барни, Дж. Б. Ресурсы фирмы и устойчивое конкурентное преимущество / Дж. Б. Барни // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2003. – № 3. – С. 27–54.
3. Грейнер, Л. Е. Эволюция и революция в процессе роста организаций / Л. Е. Грейнер // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2002. – № 4. – С. 76–92.
4. Коуз, Р. Природа фирмы / Р. Коуз // Вехи экономической мысли. Теория фирмы. Т. 2 / под ред. В. М. Гальперина. – Санкт-Петербург : Экономическая школа, 2000. – С. 11–32. – ISBN 5-900428-49-4.
5. Кристенсен, К. М. Дилемма инноватора: Как из-за новых технологий погибают сильные компании / К. М. Кристенсен ; пер. с англ. – Москва : Альпина Паблишер, 2017. – 239 с. – ISBN 978-5-9614-6453-8.
6. Минцберг, Г. Взлет и падение стратегического планирования / Г. Минцберг ; пер. с англ. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 416 с. – ISBN 978-5-388-00217-6.
7. Портер, М. Е. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / М. Е. Портер ; пер. с англ. – Москва : Альпина Паблишер, 2020. – 606 с. – ISBN 978-5-9614-3221-6.
8. Уильямсон, О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / О. И. Уильямсон ; науч. ред. В. С. Катыкало. – Санкт-Петербург : Лениздат, 1996. – 702 с. – ISBN 5-289-01816-6.
9. Teece, D. J. Dynamic Capabilities and Strategic Management / D. J. Teece, G. Pisano, A. Shuen // Strategic Management Journal. – 1997. – Vol. 18, No. 7. – P. 509–533.
10. Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем — критический обзор / Л. фон Берталанфи // Исследования по общей теории систем : сборник переводов / под общ. ред. В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина. – Москва : Прогресс, 1969. – С. 23–82.
11. Винер, Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Н. Винер ; пер. с англ. И. В. Соловьева ; под ред. Г. Н. Поварова. – 2-е изд. – Москва : Наука, 1983. – 344 с.
12. Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – Москва : Прогресс, 1986. – 432 с.
13. Шрёдингер, Э. Что такое жизнь? Физический аспект живой клетки / Э. Шрёдингер ; пер. с англ. А. А. Малиновского. – 2-е изд., испр. – Москва ; Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2002. – 92 с. – ISBN 5-93972-137-3.
14. Дженсен, М. К. Теория фирмы: поведение менеджеров, агентские издержки и структура собственности / М. К. Дженсен, У. Х. Меклинг // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2004. – № 4. – С. 118–191.
15. Канеман, Д. Думай медленно... решай быстро / Д. Канеман ; пер. с англ. А. Андреева, Ю. Декатовой, Н. Парфеновой. – Москва : АСТ, 2014. – 653 с. – ISBN 978-5-17-080053-7.

16. Фримен, Р. Э. Стратегический менеджмент: концепция заинтересованных сторон / Р. Э. Фримен ; пер. с англ. под ред. Т. П. Вархоловой. – Москва : Изд-во Высшей школы экономики, 2021. – 424 с. – ISBN 978-5-7598-2323-0.

Vectorial Agency Theory: A Human-Centric Framework for Managing Economic Vector Flows with the GUARDS Model
Zasedatelev O.S.

Moscow Technological Institute

JEL classification: B41, E22, E44, N01, N10, O33, O38

The article presents the GUARDS concept, which describes an organization as a structure interacting with six fundamental economic vectors: Growth (G), Utility (U), Asset Efficiency (A), Risk (R), Development (D) and Sociality (S). The GUARDS methodology offers a dynamic approach, where a key role is assigned to "High-Agency Nodes" are focal points of agency and carriers of intellectual capital capable of deep interaction with vectors and control of their parameters through modulation mechanisms (amplification and attenuation). Also, a mathematical apparatus has been developed to quantify this interaction, which is a metric for assessing the quality of vector flow management. Vector theory lays the philosophical foundation for a new perspective on strategy as a "flow transmission" and on the firm as a "syntropic system." Practical tools have been proposed for diagnosing and managing companies in high-uncertainty environments.

Keywords: strategic management, high-entropy world, intellectual capital, theory of the firm, econometric modeling, time series, high-agency node, GUARDS, vector flow management.

References:

1. Ansoff, H. I. (2009). Strategicheskoye upravleniye [Strategic management]. Piter.
2. Barney, J. (1991). Firm Resources and Sustained Competitive Advantage. *Journal of Management*, 17(1), 99–120.
3. Bertalanffy, L. von. (1968). *General System Theory: Foundations, Development, Applications*. George Braziller.
4. Christensen, C. M. (2016). *The Innovator's Dilemma: When New Technologies Cause Great Firms to Fail*. Harvard Business Review Press.
5. Coase, R. H. (1937). The Nature of the Firm. *Economica*, 4(16), 386–405.
6. Freeman, R. E. (2010). *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. Cambridge University Press.
7. Greiner, L. E. (1972). Evolution and Revolution as Organizations Grow. *Harvard Business Review*, 50(4), 37–46.
8. Jensen, M. C., & Meckling, W. H. (1976). Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure. *Journal of Financial Economics*, 3(4), 305–360.
9. Kahneman, D. (2011). *Thinking, Fast and Slow*. Farrar, Straus and Giroux.
10. Mintzberg, H. (1994). *The Rise and Fall of Strategic Planning*. Free Press.
11. Porter, M. E. (2008). *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*. Free Press.
12. Prigogine, I., & Stengers, I. (1984). *Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. Bantam Books.
13. Schrödinger, E. (1944). *What Is Life? The Physical Aspect of the Living Cell*. Cambridge University Press.
14. Teece, D. J., Pisano, G., & Shuen, A. (1997). Dynamic Capabilities and Strategic Management. *Strategic Management Journal*, 18(7), 509–533.
15. Wiener, N. (1961). *Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine* (2nd ed.). MIT Press.
16. Williamson, O. E. (1985). *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting*. Free Press.

Влияние организационной амбидекстрии на эффективность деятельности энергогенерирующих предприятий РФ

Гусов Аузби Захарович

доктор экономических наук, профессор Экономического факультета, Российский университет дружбы народов, gusov-az@rudn.ru,

Иванова Злата Дмитриевна

аспирант Экономического факультета, Российский университет дружбы народов, zлата.ivanova.1997@mail.ru

Настоящая статья посвящена исследованию влияния организационной амбидекстрии на эффективность деятельности энергогенерирующих предприятий Российской Федерации. Автор анализирует концептуальные основы амбидекстрии как способности организации одновременно осуществлять эксплуатационную и исследовательскую деятельность.

Исследование раскрывает специфику применения различных типов организационной амбидекстрии в энергетическом секторе России, включая структурную, контекстуальную и последовательную формы. Особое внимание уделяется механизмам балансирования между оптимизацией текущих операций и развитием инновационных направлений в условиях цифровой трансформации отрасли. Результаты работы демонстрируют, что успешная реализация амбидекстрических стратегий энергогенерирующими компаниями способствует повышению операционной эффективности, развитию инновационного потенциала и формированию устойчивых конкурентных преимуществ на энергетическом рынке.

Ключевые слова: организационная амбидекстрия, энергогенерирующие предприятия, исследование и эксплуатация, инновационное развитие, цифровая трансформация, стратегический менеджмент, операционная эффективность, конкурентоспособность.

Современная энергетическая отрасль Российской Федерации функционирует в условиях интенсивной трансформации технологического уклада, характеризующейся одновременным усилением требований к операционной эффективности традиционной генерации и необходимостью развития инновационных направлений деятельности. В данном контексте возрастает актуальность исследования организационной амбидекстрии как управленческой концепции, позволяющей энергогенерирующим предприятиям достигать стратегического баланса между эксплуатацией существующих компетенций и исследованием новых возможностей [1, с. 88].

Понятие организационной амбидекстрии, введенное в научный оборот в конце двадцатого столетия, обозначает способность организации одновременно осуществлять эксплуатационную деятельность, направленную на повышение эффективности существующих бизнес-процессов, и исследовательскую деятельность, ориентированную на разработку базисных инноваций [1]. Применительно к энергетическому сектору эксплуатация предполагает оптимизацию функционирования действующих генерирующих мощностей, снижение операционных издержек и поддержание высокого уровня надежности энергоснабжения. Исследование включает освоение новых технологий генерации, внедрение систем интеллектуального управления энергетическими активами и разработку цифровых сервисов для потребителей [2].

Актуальность исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, энергетические компании России осуществляют масштабные программы модернизации производственных активов при одновременном развертывании проектов цифровой трансформации, что требует формирования амбидекстрических организационных структур [3]. Во-вторых, ужесточение конкурентной среды на энергетических рынках и изменение потребительских предпочтений в пользу экологичных источников энергии актуализируют необходимость развития исследовательских компетенций при сохранении операционного превосходства в традиционных видах деятельности [4]. В-третьих, специфика энергетической отрасли, характеризующаяся высокой капиталоемкостью активов и длительными инвестиционными циклами, создает организационные противоречия между краткосрочными задачами эксплуатации и долгосрочными целями инновационного развития [5, с. 345].

Целью настоящего исследования является выявление механизмов влияния организационной амбидекстрии на эффективность деятельности энергогенерирующих предприятий Российской Федерации с определением оптимальных форм балансирования эксплуатационной и исследовательской активности в условиях отраслевой специфики.

Концептуальные основы организационной амбидекстрии в управлении предприятиями

Теоретический фундамент концепции организационной амбидекстрии формировался в рамках эволюционной теории организаций и исследований в области стратегического управления инновациями. Центральной проблемой амбидекстрии выступает необходимость преодоления фундаментального противоречия между эксплуатацией существующих компетенций, обеспечивающей теку-

щую финансовую результативность, и исследованием новых возможностей, формирующим основу долгосрочной конкурентоспособности [1, с. 87].

Эксплуатация подразумевает целенаправленное совершенствование текущих технологий, процессов и продуктов для достижения краткосрочной максимизации эффективности. Организационная среда эксплуатации характеризуется формализованностью, стандартизацией принятия решений, минимизацией рисков и стремлением к операционному совершенству [6]. Исследование предполагает поиск принципиально новых знаний, технологий и бизнес-моделей, требующих создания гибких организационных структур, высокой толерантности к неопределенности и готовности к экспериментированию с непредсказуемыми результатами [7].

Фундаментальная проблема амбидекстрии заключается в том, что эксплуатация и исследование предъявляют противоречивые требования к организационной архитектуре, системам мотивации персонала, процессам распределения ресурсов и организационной культуре [1, с. 90]. Эксплуатация благоприятствует централизованному управлению с жесткими иерархическими структурами и фокусом на краткосрочных показателях эффективности. Исследование требует децентрализации, автономности подразделений и оценки результатов в долгосрочной перспективе [8, с. 163].

Научная литература идентифицирует четыре основных типа организационной амбидекстрии, различающихся механизмами разрешения противоречий между эксплуатацией и исследованием [1, с. 91]. Последовательная амбидекстрия предполагает чередование периодов концентрации на эксплуатации и периодов интенсивной исследовательской активности. Структурная амбидекстрия заключается в создании организационно обособленных подразделений, специализирующихся на эксплуатации либо исследовании.

Контекстуальная амбидекстрия основывается на формировании организационной среды, стимулирующей сотрудников на всех уровнях иерархии самостоятельно балансировать между эксплуатацией и исследованием. Межорганизационная амбидекстрия реализуется посредством альянсов и партнерств позволяющих специализироваться на одном виде деятельности при получении доступа к компетенциям партнеров в другом [1]. Контекстуальная амбидекстрия предполагает культивирование организационной среды, способствующей автономному регулированию баланса между эксплуатационной и исследовательской деятельностью на всех уровнях иерархии. Межорганизационная амбидекстрия достигается через стратегические альянсы и партнерства, обеспечивающие специализацию на одном виде деятельности при одновременном доступе к комплементарным компетенциям партнеров.

Эмпирические исследования демонстрируют, что успешные амбидекстрические организации характеризуются наличием интегрирующих механизмов, обеспечивающих координацию эксплуатационных и исследовательских подразделений на уровне высшего руководства [9]. Критическую роль играет формирование общего стратегического видения, объединяющего краткосрочные операционные цели и долгосрочные инновационные устремления компании [10].

Специфика энергогенерирующих предприятий как объекта амбидекстрического управления

Энергогенерирующие предприятия Российской Федерации обладают рядом отраслевых характеристик, определяющих специфику применения концепции организационной амбидекстрии. Первая группа факторов связана с особенностями производственного процесса генерации

электрической и тепловой энергии. Непрерывность производства и необходимость мгновенного балансирования спроса и предложения на электроэнергию предъявляют жесткие требования к надежности функционирования оборудования и операционной дисциплине персонала [11, с. 42]. Данные характеристики формируют сильную организационную ориентацию на эксплуатацию существующих активов с минимизацией рисков технологических сбоев.

Вторая группа факторов обусловлена высокой капиталоемкостью энергетических активов и длительностью инвестиционных циклов. Строительство новой генерирующей станции требует инвестиций в размере от пятидесяти до ста пятидесяти миллиардов рублей с периодом окупаемости от 15 до 25 лет. Масштаб и длительность инвестиционных проектов создают естественное стремление менеджмента к снижению неопределенности и предпочтению проверенных технологических решений, что усиливает эксплуатационную ориентацию отрасли [13, с. 74].

Третья группа особенностей связана с регуляторной средой функционирования энергетических компаний. Высокая степень государственного регулирования тарифов, технических стандартов безопасности и экологических норм формирует организационную среду с выраженным акцентом на соответствие формальным требованиям и минимизацию регуляторных рисков [14]. Одновременно государство осуществляет целенаправленную политику стимулирования инновационной активности энергетических компаний посредством программ поддержки научно-исследовательских разработок и льготных механизмов финансирования технологической модернизации [15].

Четвертая группа факторов определяется текущей стадией трансформации российского энергетического сектора. Основные энергетические холдинги страны реализуют масштабные программы цифровой трансформации, включающие внедрение систем предиктивного обслуживания оборудования на основе технологий искусственного интеллекта, развертывание цифровых платформ управления распределенной генерацией и автоматизацию операционных процессов [2]. Одновременно продолжается модернизация физических активов с заменой устаревшего оборудования на современные высокоэффективные генерирующие установки [16].

Специфика энергетической отрасли обуславливает доминирование структурной амбидекстрии как преобладающей формы организационного дизайна. Крупные энергетические холдинги формируют обособленные структурные подразделения, специализирующиеся на исследовательской деятельности в форме проектных офисов цифровой трансформации, инновационных центров и венчурных фондов при сохранении традиционных производственных дивизионов, ориентированных на эксплуатацию генерирующих активов [17, с. 12].

Практики реализации организационной амбидекстрии в российских энергетических компаниях

Исследование стратегических документов и операционной деятельности ключевых российских энергогенерирующих компаний позволило определить конкретные механизмы, с помощью которых они реализуют амбидекстрические стратегии. Показательным примером является ПАО «РусГидро», крупнейший российский производитель электроэнергии из возобновляемых источников. Компания утвердила Стратегию цифровой трансформации до 2030 года, планируя инвестировать более 2 миллиардов рублей в цифровизацию и ожидая, что каждый вложенный рубль принесет не менее 2 рублей прибыли [18].

Структурная амбидекстрия реализуется посредством создания специализированных подразделений, ответ-

ственных за разработку и внедрение инновационных технологий. Для повышения эффективности и внедрения передовых технологий, РусГидро организовало работу проектных офисов, специализирующихся на применении беспилотных летательных аппаратов для инспекции гидротехнических объектов и линий электропередачи. Параллельно развиваются подразделения, занимающиеся искусственным интеллектом для оптимизации работы гидроагрегатов, и центры компетенций в области программной роботизации бизнес-процессов [18]. Важно отметить, что эти структуры отделены от производственных подразделений, эксплуатирующих действующие гидроэлектростанции. Такое разделение позволяет создавать оптимальные организационные условия как для текущей эксплуатации, так и для проведения исследовательских работ. Данные структуры организационно обособлены от производственных подразделений, эксплуатирующих действующие гидроэлектростанции, что позволяет формировать различные организационные контексты для эксплуатационной и исследовательской деятельности.

Конкретным примером успешной реализации исследовательской активности выступает система РУСА (рационального управления составом агрегатов), представляющая собой программный комплекс на основе алгоритмов искусственного интеллекта, подсказывающий оптимальное включение гидротурбин в режиме реального времени [18]. Система интегрирована в автоматизированные системы управления технологическими процессами станций и обеспечивает повышение энергоэффективности генерации при снижении износа оборудования. Внедрение РУСА демонстрирует механизм трансформации результатов исследовательской деятельности в операционные улучшения эксплуатационных процессов.

Имплементация РУСА служит наглядным подтверждением эффективности конвертации научно-исследовательских достижений в ощутимые операционные усовершенствования. Внедрение беспилотных летательных аппаратов для мониторинга инфраструктурных объектов, таких как плотины и линии электропередачи, является показательным примером перехода от ресурсоёмких традиционных методов инспекции (с привлечением пилотируемой авиации и наземных групп) к инновационным технологическим решениям, обеспечивающим существенное сокращение временных и финансовых затрат на проведение контрольных мероприятий [18]. Дроны с высокоточными камерами и тепловизорами выявляют микротрещины в бетонных конструкциях, коррозию арматуры и повреждение проводов линий электропередачи, создавая трехмерные цифровые модели гидротехнических сооружений. Данная технология повышает оперативность принятия решений о необходимости ремонтных работ и снижает затраты на плановые осмотры.

Программная роботизация бизнес-процессов на базе технологии RPA (Robotic Process Automation) представляет собой форму автоматизации, основанную на программных роботах с применением искусственного интеллекта [21]. АО «Промышленные инновации» осуществляет интеграцию программных роботов ROBIN ROBOT в ПАО «РусГидро», обеспечивая механизацию повторяющихся операций по сбору и обработке данных в корпоративных информационных системах. Освобождение персонала от рутинных операций позволяет перераспределить человеческие ресурсы на решение творческих и аналитических задач.

АО «РусГидро», обеспечивая механизацию повторяющихся операций по сбору и обработке данных в корпоративных информационных системах.

Компания чередует периоды интенсивного строительства новых энергоблоков, требующие концентрации на

эксплуатационной деятельности по обеспечению надежного функционирования действующих станций и финансированию капитального строительства, с периодами разработки инновационных реакторных технологий следующих поколений [20]. Проектирование реакторов на быстрых нейтронах и высокотемпературных газоохлаждаемых реакторов представляет собой исследовательскую деятельность с горизонтом реализации от 10 до 15 лет.

Энергетическая стратегия Российской Федерации до 2050 года закрепляет целевой сценарий развития отрасли, предусматривающий рост выработки электроэнергии к 2050 году до одной тысячи шестисот тридцати 8 миллиардов киловатт-часов, что на 42% превышает уровень 2023 года [21]. Для достижения поставленных целевых показателей необходимо комплексное решение, включающее как оптимизацию использования существующих производственных мощностей, так и внедрение передовых технологий генерации энергии. Это, в свою очередь, подчеркивает критическую важность развития у энергетических компаний организационных компетенций, позволяющих одновременно эффективно управлять текущей деятельностью и успешно осваивать инноваций

Влияние организационной амбидекстрии на показатели эффективности энергогенерирующих предприятий

Эмпирические исследования связи организационной амбидекстрии с результативностью деятельности компаний демонстрируют положительное влияние сбалансированного развития эксплуатационных и исследовательских компетенций на финансовые и операционные показатели [22]. В контексте энергетической отрасли амбидекстрия оказывает влияние на эффективность через ряд механизмов. Один из ключевых каналов заключается в оптимизации операционной деятельности генерирующих мощностей за счет интеграции передовых технологий управления производственными циклами.

Первый канал связан с повышением операционной эффективности эксплуатации генерирующих активов посредством внедрения инновационных технологий управления производственными процессами. Системы предиктивного обслуживания оборудования на основе машинного обучения позволяют прогнозировать возникновение технических неисправностей за несколько недель до их фактического проявления, что обеспечивает переход от планово-предупредительных ремонтов к ремонтам по фактическому состоянию оборудования [21, с. 167]

Внедрение данной трансформации приносит ощутимые выгоды: сокращаются простои генерирующих мощностей, снижаются затраты на техническое обслуживание, а надежность энергоснабжения повышается. Второй канал – это оптимизация планирования производства электроэнергии. Интеллектуальные системы, способные точно прогнозировать спрос и оптимально распределять нагрузку между работающим оборудованием (подобно системе РУСА в РусГидро), ведут к снижению удельного расхода топлива и минимизации износа генераторов. Улучшенная точность прогнозов выработки также открывает возможности для более выгодного участия в торгах на оптовом рынке электроэнергии, что напрямую влияет на рост доходов компаний [18]. Повышение точности прогнозов выработки позволяет энергетическим компаниям более эффективно участвовать в торгах на оптовом рынке электроэнергии, максимизируя доходы от реализации мощности.

Третий канал связан с формированием новых источников выручки за счет разработки цифровых сервисов для промышленных и бытовых потребителей энергии.

Энергетические компании развивают платформенные бизнес-модели, предоставляя потребителям сервисы по

управлению энергопотреблением, оптимизации графиков нагрузки и интеграции распределенной генерации [21, с. 230].

Диверсификация источников доходов снижает зависимость финансовых результатов от волатильности цен на энергоносители и тарифов на электроэнергию.

Четвертый канал, которым амбидекстрия влияет на эффективность, заключается в улучшении инвестиционного имиджа энергетических компаний. Когда компания показывает, что способна к технологическим преобразованиям и развитию инноваций, она воспринимается инвесторами и кредиторами более позитивно. Это позволяет ей привлекать капитал для своих проектов по более низкой цене. Тем не менее, применение амбидекстрических стратегий сопряжено с риском неправильного распределения ограниченных ресурсов между операционной деятельностью и научно-исследовательскими разработками [23].

Вместе с тем реализация амбидекстрических стратегий сопряжена с рисками неэффективного распределения ограниченных ресурсов между эксплуатационными и исследовательскими направлениями деятельности. Избыточное смещение фокуса в сторону исследований может привести к недостаточному финансированию текущего обслуживания и модернизации действующих активов, что негативно отразится на надежности энергоснабжения [24, с. 89]. Противоположная ситуация чрезмерной концентрации на эксплуатации создает риски технологического отставания и утраты долгосрочной конкурентоспособности в условиях ускоряющейся цифровой трансформации энергетического сектора [25].

Каждая энергетическая компания должна индивидуально подходить к вопросу распределения инвестиций между поддержанием текущей деятельности (эксплуатацией) и развитием (исследованиями). Это решение формируется под влиянием множества факторов, включая возраст её генерирующих мощностей, применяемые технологии, общий масштаб операций и стратегические планы. Примечательно, что для традиционной энергетики, считающейся зрелой отраслью, существует эмпирическое правило из инновационного менеджмента, предлагающее направлять на эксплуатацию в четыре раза больше ресурсов, чем на исследования. [26, с. 112].

Управленческие механизмы формирования амбидекстрических способностей энергетических компаний

Создание способности энергогенерирующих компаний одновременно эффективно управлять текущими процессами и активно развиваться требует продуманных управленческих шагов, затрагивающих различные аспекты их организации. Центральное место занимает формирование стратегического направления, которое объединяет стремление к максимальной эффективности в использовании существующих мощностей с амбициями по инновационному росту. Стратегия цифровой трансформации должна четко определить, как цифровые технологии повысят операционную эффективность, и убедительно показать сотрудникам, что поддержание текущей работы и исследование новых возможностей являются взаимодополняющими видами деятельности. [28, с. 94].

Структурный уровень формирования амбидекстрии предполагает создание организационных подразделений с различающимися характеристиками организационного контекста. Исследовательские подразделения требуют децентрализованной структуры принятия решений с высокой степенью автономии проектных команд, гибких процедур формирования бюджетов и систем мотивации, ориентированных на достижение прорывных результатов при толерантности к неудачам экспериментов [29, с. 67].

Эксплуатационные подразделения характеризуются формализованной иерархической структурой, стандартизированными операционными процедурами и системой мотивации, основанной на показателях надежности работы оборудования и операционной эффективности.

Критическую роль в обеспечении эффективности структурной амбидекстрии играют интегрирующие механизмы, предотвращающие организационную изоляцию эксплуатационных и исследовательских подразделений [29, с. 163]. Формирование кросс-функциональных проектных команд с участием представителей производственных подразделений и инновационных центров обеспечивает передачу знаний о специфике эксплуатационных процессов в исследовательские проекты и ускоряет внедрение разработанных инновационных решений в операционную практику [31].

Система управления человеческими ресурсами должна обеспечивать развитие амбидекстрических компетенций персонала на индивидуальном уровне. Программы обучения сотрудников производственных подразделений цифровым технологиям и методам проектного управления формируют способность оперативного персонала участвовать в исследовательских проектах при сохранении ответственности за эксплуатацию оборудования [33, с. 112]. Ротация персонала между эксплуатационными и исследовательскими подразделениями способствует формированию общего понимания организационных приоритетов и снижает межфункциональные барьеры.

Система распределения финансовых ресурсов требует балансирования между стабильным финансированием текущей эксплуатации и выделением средств на реализацию инновационных проектов с неопределенными результатами.

Механизм портфельного управления инновационными проектами позволяет диверсифицировать риски исследовательской деятельности посредством одновременной реализации проектов различной степени радикальности инноваций [33, с. 345]. Внедрение систем оценки эффективности инновационных проектов на основе опционного подхода обеспечивает более адекватную оценку долгосрочной ценности исследовательских инициатив по сравнению с традиционными методами дисконтирования денежных потоков [34].

Способность компании одновременно поддерживать текущую эффективность и внедрять инновации (амбидекстрия) критически зависит от ее организационной культуры. Энергетические компании, чья культура традиционно построена на принципах надежности, стабильности и минимизации рисков, сталкиваются с сопротивлением сотрудников при попытке внедрить инновационные практики, которые требуют терпимости к неопределенности и готовности к экспериментам. Преодоление этих культурных препятствий требует активной позиции высшего руководства, которое должно не только артикулировать ценность инновационного развития, но и демонстрировать личное участие в исследовательских инициативах [35, с. 189].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы относительно влияния организационной амбидекстрии на эффективность деятельности энергогенерирующих предприятий Российской Федерации.

Во-первых, Организационная способность быть "амбидекстром" – то есть одновременно эффективно использовать существующие ресурсы (эксплуатация) и активно искать новые возможности (исследования) – становится критически важной для энергетических компаний в эпоху

цифровой трансформации. Гармоничное развитие навыков как в оптимизации текущих процессов, так и в освоении передовых технологий позволяет достичь превосходства в операционной деятельности и заложить основу для долгосрочных конкурентных преимуществ.

Во-вторых, специфика энергетического сектора, характеризующаяся высокими требованиями к надежности энергоснабжения, капиталоемкостью активов и длительностью инвестиционных циклов, обуславливает доминирование структурной амбидекстрии как преобладающей формы организационного дизайна. Создание организационно обособленных подразделений, специализирующихся на исследовательской деятельности, при сохранении традиционных производственных структур позволяет формировать различающиеся организационные контексты для эксплуатации и исследования.

В-третьих, лидеры российского энергетического рынка уже активно применяют амбидекстрические стратегии. Примеры включают внедрение систем прогнозирования поломок оборудования с помощью искусственного интеллекта, использование дронов для осмотра инфраструктуры, разработку алгоритмов для более эффективной работы генерирующих мощностей и автоматизацию рутинных бизнес-процессов. Данные инновации напрямую повышают эффективность основной деятельности за счет результатов исследовательских разработок.

В-четвертых, организационная амбидекстрия положительно сказывается на эффективности энергетических компаний по многим направлениям. Это проявляется в: сокращении операционных расходов, повышении надежности работы оборудования, улучшении планирования производства электроэнергии, появлении новых источников дохода от цифровых услуг и росте привлекательности компании для инвесторов.

В-пятых, успешное формирование амбидекстрических организационных способностей требует целенаправленных управленческих воздействий на стратегическом, структурном и культурном уровнях организационной архитектуры.

Ключевыми элементами выступают артикуляция интегрирующего стратегического видения, создание структурных механизмов координации эксплуатационных и исследовательских подразделений, развитие амбидекстрических компетенций персонала и трансформация организационной культуры в направлении повышения толерантности к инновационным экспериментам.

Литература

1. Сидорова, А. А. Организационная амбидекстрия: концептуальные основы и современные подходы / А. А. Сидорова // Государственное управление. Электронный вестник. — 2023. — № 98. — С. 86–95.
2. Вилисов, М. В. Цифровая трансформация электроэнергетики: международный опыт и перспективы России / М. В. Вилисов, Н. А. Кравченко // Энергетическая политика. — 2024. — № 2. — С. 45–62.
3. Государственное стимулирование трансформации электроэнергетики / В. И. Рабчук [и др.] // Энергорынок. — 2020. — № 3. — С. 24–38.
4. Долгосрочные перспективы российской энергетики в контексте глобальной трансформации / А. А. Макаров [и др.] // Энергетическая политика. — 2024. — № 6. — С. 195–216.
5. Потравный, И. М. Подготовка кадров для отрасли возобновляемой энергетики: образовательные программы и компетенции / И. М. Потравный, В. В. Гассий // Экономика в промышленности. — 2023. — Т. 16, № 3. — С. 345–359.
6. Плотников, А. В. Концептуальная модель организационной гибкости / А. В. Плотников // Креативная экономика. — 2021. — Т. 15, № 12. — С. 4591–4610.

7. Домнич, Е. Л. Исследование и эксплуатация технологий как способы обучения инновациям в регионах России / Е. Л. Домнич // Инновации. — 2024. — № 3. — С. 67–82.
8. Холодов, К. В. Балансирующий рынок электроэнергетики: зарубежный опыт и российская практика / К. В. Холодов [и др.] // Энергетик. — 2024. — № 3. — С. 163–179.
9. Тушман, М. Организационная амбидекстрия: прошлое, настоящее и будущее / М. Тушман, Ч. О'Рейли ; пер. с англ. // Российский журнал менеджмента. — 2022. — Т. 20, № 1. — С. 33–56.
10. Гурова, Т. Г. Инновационная политика в сфере возобновляемой энергетики / Т. Г. Гурова, Н. А. Кравченко // Инновации. — 2024. — № 2. — С. 94–110.
11. Беляев, Л. С. Солнечная энергетика России: экономические реалии и перспективы / Л. С. Беляев, В. А. Марченко // Известия Российской академии наук. Энергетика. — 2024. — № 2. — С. 42–58.
12. Федоров, А. С. Инвестиционная привлекательность проектов возобновляемой энергетики / А. С. Федоров, О. В. Ратникова // Финансы и кредит. — 2022. — Т. 28, № 7. — С. 174–195.
13. Бушуев, В. В. Энергетическая стратегия России в контексте глобальной трансформации / В. В. Бушуев, А. М. Мастепанов // Энергетическая политика. — 2023. — № 1. — С. 74–92.
14. Белоусова, Н. И. Региональные энергетические стратегии и механизмы стимулирования ВИЭ / Н. И. Белоусова, С. В. Васильева // Региональная экономика: теория и практика. — 2023. — Т. 21, № 4. — С. 198–215.
15. Андреева, Е. Л. Роль институтов развития в финансировании проектов ВИЭ / Е. Л. Андреева, Д. Е. Моргунов // Деньги и кредит. — 2023. — № 9. — С. 67–85.
16. Воропай, Н. И. Адаптация энергетического рынка к интеграции возобновляемых источников / Н. И. Воропай, Б. Б. Кобец // Известия Российской академии наук. Энергетика. — 2023. — № 4. — С. 15–29.
17. Географические и климатические факторы размещения объектов ВИЭ-генерации / Н. И. Воропай [и др.] // Энергетик. — 2023. — № 8. — С. 12–18. // Электроэнергия. Передача и распределение. — 2024. — № 2. — С. 198–215.
20. Портер, М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / М. Портер ; пер. с англ. — 4-е изд. — Москва : Альпина Паблишер, 2011. — 454 с.
21. Раиш, С. Организационная амбидекстрия: antecedенты, результаты и модераторы / С. Раиш, Дж. Биркиншоу ; пер. с англ. // Российский журнал менеджмента. — 2021. — Т. 19, № 2. — С. 189–214.
22. Троицкий, М. А. Налоговые механизмы стимулирования инвестиций в зеленую энергетику / М. А. Троицкий, И. С. Букина // Налоги и налогообложение. — 2024. — № 4. — С. 230–248.
23. Кудрявцева, О. В. Сравнительный анализ инструментов государственной поддержки возобновляемой энергетики в зарубежных странах / О. В. Кудрявцева, И. А. Яковлев // Финансовый журнал. — 2021. — Т. 13, № 3. — С. 89–107.
24. Дроздова, Л. П. Санкционные ограничения и их влияние на развитие ВИЭ-индустрии / Л. П. Дроздова, А. В. Быстрицкий // Проблемы прогнозирования. — 2023. — № 6. — С. 85–98.
25. Телегина, Е. А. Международные климатические соглашения и их влияние на энергетическую политику государств / Е. А. Телегина, Г. И. Халова // Международная экономика. — 2022. — № 7. — С. 15–28.
26. Сергеев, И. Б. Формирование отечественного производства оборудования для возобновляемой энергетики

/ И. Б. Сергеев, Т. К. Богданова // Проблемы современной экономики. — 2024. — № 1. — С. 112–127.

27. Марч, Дж. Исследование и эксплуатация в организационном обучении / Дж. Марч ; пер. с англ. // Российский журнал менеджмента. — 2020. — Т. 18, № 4. — С. 543–568.

28. Горбачева, Н. В. Технологическая трансформация возобновляемой энергетики и механизмы государственной поддержки / Н. В. Горбачева [и др.] // Управленческие науки. — 2021. — Т. 11, № 1. — С. 120–135.

29. Андреева, Т. Е. Управление знаниями в российских компаниях: основные проблемы и тенденции / Т. Е. Андреева, Т. Ю. Гутникова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Менеджмент. — 2022. — Т. 21, № 2. — С. 65–90.

30. Грабчак, П. Н. Управление спросом на электроэнергию как инструмент интеграции ВИЭ / П. Н. Грабчак, А. С. Некрасов // Вестник Финансового университета. — 2023. — Т. 23, № 5. — С. 88–104.

31. Шевченко, И. В. Экспортный потенциал российской индустрии ВИЭ-оборудования / И. В. Шевченко, Т. С. Осокина // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. — 2023. — № 4. — С. 89–106.

32. Дмитриев, А. Н. Экономические барьеры развития возобновляемой энергетики в России / А. Н. Дмитриев, С. М. Карпова // Экономический анализ: теория и практика. — 2024. — Т. 23, № 3. — С. 65–82.

33. Филиппов, С. П. Региональная дифференциация ресурсного потенциала ВИЭ в России / С. П. Филиппов, А. О. Кейко // Регион: экономика и социология. — 2023. — № 2. — С. 140–162.

34. Киселева, С. А. Региональные аспекты энергетической безопасности в контексте развития ВИЭ / С. А. Киселева, Г. С. Юмаев // Энергетическая политика. — 2024. — № 3. — С. 45–62.

35. Криворутский, Л. Д. Территориальное планирование развития энергетической инфраструктуры с учетом ВИЭ / Л. Д. Криворутский [и др.] // Пространственная экономика. — 2024. — Т. 20, № 2. — С. 185–206.

The impact of organizational ambidexterity on the performance efficiency of energy generating enterprises in the Russian Federation

Gusov A.Z., Ivanova Z.D.

Peoples' Friendship University of Russia, Mareven Food Central

JEL classification: B41, E22, E44, N01, N10, O33, O38

This article is devoted to the study of the impact of organizational ambidexterity on the performance of energy generating enterprises in the Russian Federation. The author analyzes the conceptual foundations of ambidexterity as the organization's ability to simultaneously carry out exploitation and exploration activities. The study reveals of applying various types of organizational ambidexterity in the Russian energy sector, including structural, contextual and sequential forms. Special attention is paid to the mechanisms of balancing between optimization of current operations and development of innovative directions in the context of digital transformation of the industry. The results of the work demonstrate that successful implementation of ambidextrous strategies by energy generating companies contributes to improving operational efficiency, developing innovation potential and forming sustainable competitive advantages in the energy market.

Keywords: organizational ambidexterity, energy generating enterprises, exploration and exploitation, innovative development, digital transformation, strategic management, operational competitiveness.

References

- Sidorova, A. A. Organizational Ambidexterity: Conceptual Foundations and Modern Approaches / A. A. Sidorova // Public Administration. Electronic Bulletin. - 2023. - No. 98. - Pp. 86-95.
- Viliso, M. V. Digital Transformation of the Electric Power Industry: International Experience and Russia's Prospects / M. V. Viliso, N. A. Kravchenko // Energy Policy. - 2024. - No. 2. - Pp. 45-62.
- State Incentives for the Transformation of the Electric Power Industry / V. I. Rabchuk [et al.] // Energorynok. - 2020. - No. 3. - Pp. 24-38.
- Long-Term Prospects of the Russian Energy Sector in the Context of Global Transformation / A. A. Makarov [et al.] // Energy Policy. - 2024. - No. 6. - Pp. 195-216.
- Potravnny, I. M. Training of Personnel for the Renewable Energy Industry: Educational Programs and Competencies / I. M. Potravnny, V. V. Gassiy // Economics in Industry. - 2023. - Vol. 16, No. 3. - Pp. 345-359.
- Plotnikov, A. V. Conceptual Model of Organizational Flexibility / A. V. Plotnikov // Creative Economy. - 2021. - Vol. 15, No. 12. - Pp. 4591-4610.
- Domnich, E. L. Research and exploitation of technologies as ways of teaching innovation in the regions of Russia / E. L. Domnich // Innovations. - 2024. - No. 3. - Pp. 67-82.
- Kholodov, K. V. Balancing electricity market: foreign experience and Russian practice / K. V. Kholodov [et al.] // Energetik. - 2024. - No. 3. - Pp. 163-179.
- Tushman, M. Organizational ambidexterity: past, present and future / M. Tushman, C. O'Reilly; trans. from English // Russian Journal of Management. - 2022. - Vol. 20, No. 1. - Pp. 33-56.
- Gurova, T. G. Innovative Policy in the Sphere of Renewable Energy / T. G. Gurova, N. A. Kravchenko // Innovations. - 2024. - No. 2. - P. 94-110.
- Belyaev, L. S. Solar Energy in Russia: Economic Realities and Prospects / L. S. Belyaev, V. A. Marchenko // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Power Engineering. - 2024. - No. 2. - P. 42-58.
- Fedorov, A. S. Investment Attractiveness of Renewable Energy Projects / A. S. Fedorov, O. V. Ratnikova // Finance and Credit. - 2022. - Vol. 28, No. 7. - P. 174-195.
- Bushuev, V. V. Russia's Energy Strategy in the Context of Global Transformation / V. V. Bushuev, A. M. Mastepano // Energy Policy. - 2023. - No. 1. - P. 74-92.
- Belousova, N. I. Regional Energy Strategies and Mechanisms for Stimulating Renewable Energy Sources / N. I. Belousova, S. V. Vasilyeva // Regional Economy: Theory and Practice. - 2023. - Vol. 21, No. 4. - P. 198-215.
- Andreeva, E. L. The Role of Development Institutions in Financing Renewable Energy Projects / E. L. Andreeva, D. E. Morgunov // Money and Credit. - 2023. - No. 9. - P. 67-85.
- Voropai, N. I. Adaptation of the energy market to the integration of renewable sources / N. I. Voropai, B. B. Kobets // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Power Engineering. - 2023. - No. 4. - Pp. 15-29.
- Geographic and climatic factors in the placement of renewable energy generation facilities / N. I. Voropai [et al.] // Power Engineering. - 2023. - No. 8. - Pp. 12-18. // Electricity. Transmission and Distribution. - 2024. - No. 2. - Pp. 198-215.
- Porter, M. Competitive Strategy: Methodology for Analysis of Industries and Competitors / M. Porter ; trans. from English. - 4th ed. — Moscow: Alpina Publisher, 2011. — 454 p.
- Raish, S. Organizational Ambidexterity: Antecedents, Outcomes, and Moderators / S. Raish, J. Birkinshaw; trans. from English // Russian Journal of Management. — 2021. — Vol. 19, No. 2. — Pp. 189–214.
- Troitsky, M. A. Tax Mechanisms for Stimulating Investments in Green Energy / M. A. Troitsky, I. S. Bukina // Taxes and Taxation. — 2024. — No. 4. — Pp. 230–248.
- Kudryavtseva, O. V. Comparative analysis of instruments of state support for renewable energy in foreign countries / O. V. Kudryavtseva, I. A. Yakovlev // Financial Journal. - 2021. - Vol. 13, No. 3. - P. 89–107.
- Drozдова, L. P. Sanctions restrictions and their impact on the development of the renewable energy industry / L. P. Drozdova, A. V. Bystritsky // Problems of forecasting. - 2023. - No. 6. - P. 85-98.
- Telegina, E. A. International climate agreements and their impact on the energy policies of states / E. A. Telegina, G. I. Khalova // International Economics. - 2022. - No. 7. - P. 15-28.
- Sergeev, I. B. Formation of domestic production of equipment for renewable energy / I. B. Sergeev, T. K. Bogdanova // Problems of modern economics. - 2024. - No. 1. - P. 112-127.
- March, J. Exploration and exploitation in organizational learning / J. March; trans. from English // Russian Journal of Management. - 2020. - Vol. 18, No. 4. - P. 543-568.
- Gorbacheva, N. V. Technological transformation of renewable energy and government support mechanisms / N. V. Gorbacheva [et al.] // Management sciences. - 2021. - Vol. 11, No. 1. - P. 120-135.
- Andreeva, T. E. Knowledge management in Russian companies: main problems and trends / T. E. Andreeva, T. Yu. Gutnikova // Bulletin of St. Petersburg University. Management Series. — 2022. — Vol. 21, No. 2. — P. 65–90.
- Grabchak, P. N. Electricity Demand Management as a Tool for Renewable Energy Sources Integration / P. N. Grabchak, A. S. Nekrasov // Bulletin of the Financial University. — 2023. — Vol. 23, No. 5. — P. 88–104.
- Shevchenko, I. V. Export Potential of the Russian Renewable Energy Sources Equipment Industry / I. V. Shevchenko, T. S. Osokina // Bulletin of Moscow University. Series 6: Economy. — 2023. — No. 4. — P. 89–106.
- Dmitriev, A. N. Economic barriers to the development of renewable energy in Russia / A. N. Dmitriev, S. M. Karpova // Economic analysis: theory and practice. - 2024. - Vol. 23, No. 3. - P. 65-82.
- Filippov, S. P. Regional differentiation of the resource potential of renewable energy sources in Russia / S. P. Filippov, A. O. Keiko // Region: economics and sociology. - 2023. - No. 2. - P. 140-162.
- Kiseleva, S. A. Regional aspects of energy security in the context of renewable energy sources development / S. A. Kiseleva, G. S. Yumaev // Energy policy. — 2024. — No. 3. — P. 45–62.
- Krivorutsky, L. D. Territorial planning of energy infrastructure development taking into account renewable energy sources / L. D. Krivorutsky [et al.] // Spatial Economics. — 2024. — Vol. 20, No. 2. — P. 185–206.

Цифровая валюта Центрального Банка: от дизайна к благосостоянию

Осколков Дмитрий Иванович

аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАН-ХиГС), doskolkov@nes.ru

Цифровые валюты центральных банков (ЦВЦБ) активно исследуются регуляторами и учеными по всему миру. Настоящая обзорная статья структурирует накопившиеся научные труды с целью проследить путь, который, согласно научной литературе, ЦВЦБ проходит от этапа конструирования до влияния на благосостояние. В статье также обоснованно показаны принципы дизайна, при следовании которым, как ожидается, внедрение ЦВЦБ принесет максимальную полезность обществу.

Ключевые слова: цифровая валюта, центральный банк, благосостояние, дизайн.

Введение

За последние годы цифровые валюты центральных банков (ЦВЦБ) перешли из сферы концепций в плоскость проектных решений и пилотов. В регулярных обзорах и опросах Банка международных расчетов (BIS) видно, что к теме подключилось большинство регуляторов. Поэтому обсуждение стало нормативным: какой дизайн даст реальную полезность и не создаст новые финансовые и институциональные риски [11][20].

В настоящей статье ЦВЦБ рассматривается не как единый «продукт», а конструктор параметров: доступ и идентификация, архитектура учета и расчетов, роль посредников, проценты и лимиты по остаткам, режим данных, офлайн-функции, совместимость с платежной инфраструктурой и, при необходимости, программируемые платежи. Эти настройки формируют стимулы домохозяйств, бизнеса и банков. То, что ускоряет принятие в норме, может усиливать конкуренцию с депозитами и повышать уязвимость в стрессе. Поэтому дизайн ЦВЦБ стоит обсуждать как связку «принятие и сетевые эффекты - равновесие - благосостояние» [2][27][33].

Текст статьи сконструирован следующим образом: сначала - ключевые элементы дизайна и их экономический смысл [6][7][34]; затем - механика принятия (издержки подключения, двусторонний рынок платежей, совместимость, доверие) [37][39][31]; далее - каналы влияния на благосостояние и неизбежные компромиссы [33][44].

1. Элементы дизайна ЦВЦБ

Дизайн ЦВЦБ - это набор юридических и технических решений, которые определяют: кто имеет доступ, как устроены учет и расчеты, какие стимулы и ограничения задаются для хранения и платежей, и как распределяются данные и ответственность между центральным банком и частным сектором. В «картах» дизайна эти выборы обычно группируются в несколько блоков [6][7][34]. Ниже - краткий разбор именно экономически значимых параметров.

Внутри этих блоков есть развилка, которая выглядит технической, но имеет экономические последствия: что считается «единицей учета» и как фиксируется право собственности. В упрощении это противопоставление счетной (account-based) и токеновой (token-based) логики, а также централизованного реестра и распределенного реестра (distributed ledger technology, DLT). На практике границы размыты: токены требуют правил доступа и восстановления, а «счетные» кошельки могут имитировать свойства наличных криптографическими методами. Тем не менее выбор влияет на издержки соблюдения требований, восстановление доступа, масштабируемость и режим конфиденциальности. Технологические обзоры подчеркивают: центральные банки обычно начинают с решений, где важнее пропускная способность и управляемая устойчивость, а более сложные конструкции оставляют как опцию второго этапа [6][7].

Доступ и идентификация

Первый блок отвечает за то, кого допустить в систему и на каких условиях. Для розничной ЦВЦБ пользователями являются домохозяйства и нефинансовые организации, для оптовой - банки и финансовые институты. Розничная модель дает больше сценариев, но сильнее затрагивает финансовую стабильность и требует продуманной идентификации и защиты потребителя [27][34]. Практиче-

ски работает риск-ориентированный подход: многоуровневая идентификация и лимиты, при которых повседневные платежи и небольшие остатки обслуживаются с минимальными барьерами, а крупные операции переводятся в более строгий режим. В странах, где важна финансовая доступность, этот блок становится частью социальной политики [9][43].

Оптовая и розничная ЦВЦБ решают разные задачи. Оптовая обычно рассматривается как инфраструктура расчетов между финансовыми институтами, тогда как розничная напрямую входит в портфели домохозяйств и затрагивает спрос на депозиты. На практике эти уровни связаны: розничный инструмент часто строится поверх оптового «ядра», а пользователь видит только кошелек. Поэтому даже проекты с заявленными платежными целями должны учитывать банковский канал трансмиссии и риски фондирования [7][12].

Архитектура и роль посредников

Второй блок — о том, где проходит граница между центральным банком и посредниками. Обычно обсуждают прямую, двухуровневую и гибридную модели розничной ЦВЦБ. В прямой модели центральный банк берет на себя розничный контур (кошельки, учет, обслуживание), что повышает простоту юридического требования пользователя, но переносит на регулятора операционные и репутационные риски. Двухуровневая и гибридная архитектуры сохраняют посредников в клиентском интерфейсе и сервисе, а центральный банк обеспечивает «ядро» денег и расчетов. Такой дизайн обычно рассматривают как компромисс: он снижает нагрузку на центральный банк и позволяет использовать конкуренцию и инновации на уровне услуг, не разрушая двухуровневую структуру финансовой системы [6][7][34].

Не менее важна окончательность расчетов: где и в какой момент платеж становится безусловным. Если окончательность фиксируется в реестре центрального банка, сбой в клиентском интерфейсе не должен превращаться в кредитный риск для пользователя. Если же часть расчетной логики у посредников, возникают вопросы синхронизации и ответственности за ошибочные списания. Поэтому дизайн включает «правила игры»: кто выполняет процедуры «знай своего клиента» и ПОДУ/ФТ (KYC/AML), кто несет риск мошенничества, как устроены возвраты, какие уровни сервиса (SLA) гарантируются. Эти детали напрямую подпитывают доверие — а значит, и принятие [10][34].

Вознаграждение, тарифы и лимиты

Элементы этого блока напрямую взаимодействуют с экономическими стимулами, поэтому он самый чувствительный к макроэффектам. Если ЦВЦБ не приносит дохода, она ближе к наличным и в основном работает как средство платежа. Если по остаткам начисляется процент, ЦВЦБ начинает конкурировать с депозитами: это может дисциплинировать банки и улучшать передачу ставок, но при высокой привлекательности способно вытеснять депозиты и менять структуру кредитного фондирования [2][17][33]. Поэтому центральные банки часто рассматривают «предохранители»: количественные лимиты на остатки и/или ступенчатое вознаграждение (tiering), где условия ухудшаются на крупных остатках. В теоретической литературе такой дизайн описывают как способ удерживать ЦВЦБ в платежной нише, не делая ее универсальным сберегательным активом «для бегства в качество» [14][33].

Тарифы и распределение издержек важны не меньше, чем процент по остаткам. На двустороннем рынке платежей (плательщик и торговец) «дешево для всех» редко достижимо: фиксированные издержки инфраструктуры нужно на кого-то положить, и это меняет стимулы сторон. Поэтому экономический дизайн ЦВЦБ включает не только

процент и лимиты, но и структуру комиссий, правила возвратов и ответственность за сбои — они в сумме определяют привлекательность сети приема и интенсивность использования [37][38][39].

Совместимость и стандарты

Совместимость определяет, будет ли ЦВЦБ встроена в существующую инфраструктуру или станет отдельным «островом». Внутри страны это интеграция с системами быстрых платежей, банковскими приложениями и торговой инфраструктурой. В трансграничном измерении — стандарты сообщений, согласование идентификации, режимы доступа нерезидентов и правила конвертации. Практика и аналитика сходятся на том, что ключевой ресурс здесь — стандартизация и совместимость интерфейсов: ISO 20022, унификация прикладных интерфейсов (API), шлюзы и мультивалютные платформы [18][46]. Чем шире совместимость, тем выше потенциал снижения издержек переводов и роста конкуренции в платежных цепочках, но тем заметнее требования к координации регулирования и риск нежелательных трансграничных потоков и «цифровой валютной субституции» [18][8].

Платежный рынок плохо переносит «вторую систему» с собственными правилами. Несовместимые стандарты кошельков или отраслевые «особые форматы» (QR, маршрутизация, разные правила возвратов) создают координационный провал: участники ждут, когда стандарты устоятся, и внедрение откладывается. Ранние решения закрепляются через сетевые эффекты даже если они не оптимальны, а смена стандарта требует координации [24][31]. Поэтому в трансграничных сценариях чаще обсуждают не одну «глобальную ЦВЦБ», а совместимые мосты и платформы, где регуляторная координация столь же важна, как и технология [18][46].

Функциональные возможности

Функции в случае ЦВЦБ важны не сами по себе, а через то, какие трения они снимают. Офлайн-платежи повышают устойчивость расчетов к сбоям связи и электропитания и приближают ЦВЦБ к роли «цифрового аналога наличных», но требуют строгих лимитов и инженерных решений против двойного расходования [6][10]. Программируемость стоит трактовать аккуратно: спрос обычно возникает на программируемые платежи как надстройку (например, для государственных трансфертов или эс-кроу), а не на «программируемые деньги» как набор невзаимозаменяемых токенов. Такой разделительный подход снижает риск фрагментации денег и политизации платежной инфраструктуры [28].

Тема «универсального доступа» без смартфона связана и с финансовой доступностью, и с устойчивостью платежей: наличные ценны как резервный канал именно потому, что не зависят от связи и батареи. Если ЦВЦБ позиционируется как цифровой аналог наличных, ей нужны автономные сценарии и строгие ограничения, которые делают офлайн-режим безопасным для эмитента и приемлемым для торговца. С экономической точки зрения офлайн-функциональность — это страховка: в обычное время она используется редко, но высоко ценится в хвостовых состояниях [6][10].

Конфиденциальность и кибер-устойчивость

Режим данных — один из главных источников доверия и одновременно один из главных регуляторных конфликтов. В исследованиях конфиденциальность платежей часто описывают как общественное благо: пользователи недооценивают долгосрочные издержки утечки данных и ценовой дискриминации, поэтому «саморегулирование» платформ обычно дает слишком низкий уровень защиты [23][29]. Для ЦВЦБ это означает, что дизайн должен начинаться с принципов минимизации данных и четких юридических ограничений доступа, а технические решения (псевдонимизация, разграничение доступа, в перспективе

— более сложная криптография) рассматриваются как средства реализации этих принципов [4][10]. Параллельно рост функциональности расширяет поверхность атак, поэтому кибер-устойчивость и сценарии отказоустойчивости — не «техническая деталь», а часть общественного договора вокруг ЦВЦБ.

Часто важнее не «максимальная приватность», а ясные и проверяемые правила доступа к данным. Пользователь готов принять умеренный уровень раскрытия, если понимает, кто и при каких условиях получает доступ, и если видит ответственность за злоупотребления. Отсюда практический критерий качества дизайна: юридическая процедура доступа к данным должна быть простой для объяснения и одинаковой для всех участников. Иначе даже технически корректные решения будут восприниматься как инструмент расширенного контроля, а это подрывает доверие [26][4].

Правовой статус и обязанности участников

Наконец, дизайн включает юридическую структуру «кто кому что должен». Варианты различаются от прямого требования пользователя к центральному банку до синтетических схем, где розничный инструмент выпускает частный эмитент под полное резервирование в ЦБ. Выбор влияет на распределение обязанностей по идентификации, защите данных, возвратам при ошибках и мошенничестве, а также на то, сколько операционных функций фактически берет на себя центральный банк [30][34]. На практике большинство концепций тяготеет к двухуровневой логике: центральный банк обеспечивает безрисковое «ядро» и окончательность расчетов, а конкурентные поставщики услуг отвечают за клиентский контур и соблюдение требований [7].

Еще один юридический вопрос — режим обязательного приема (legal tender) и его практическая интерпретация. Формальная обязанность принимать ЦВЦБ может ускорить распространение, но без экономической мотивации и удобных технологий приема она легко превращается в «бумажное требование», которое конфликтует с реальными издержками бизнеса. Поэтому во многих подходах акцент смещается с юридического принуждения на экономический стимул: быстрый расчет, низкая стоимость приема, простые возвраты и минимальная операционная нагрузка. В этом смысле правовой статус и экономический дизайн неразделимы: одно без другого либо не работает, либо создает сопротивление внедрению.

В итоге пространство дизайна — это не набор независимых опций, а система взаимосвязанных параметров. Переход к следующему шагу логичен: если элементы дизайна определяют стимулы, то именно они должны объяснять, почему ЦВЦБ в одних странах и сценариях быстро приживается, а в других остается на периферии.

2. Распространение и принятие

Распространение ЦВЦБ разумно рассматривать как процесс, в котором дизайн уменьшает издержки переключения и запускает сетевые эффекты. Важно различать два решения: «подключиться» (открыть кошелек/получить доступ) и «использовать регулярно». Для многих платежных инноваций эти шаги живут разными экономическими законами: фиксированные издержки входа и обучение важны на стадии принятия, тогда как в повседневном использовании доминируют удобство, скорость, безопасность и цена [41][35].

Пилоты и поэтапный запуск полезно рассматривать как способ накопить знания, а не как витрину. Даже простые элементы экспериментального дизайна (разные лимиты в группах, разные форматы информирования, сравнение сценариев приема у торговцев) помогают понять, что именно удерживает пользователей. Без этого регуля-

тор рискует усилить функциональность там, где не хватает сети приема, или ужесточать контроль там, где барьером является доверие.

Принятие обычно не растет по прямой. Пользователи «тестируют» инструмент небольшими суммами, а затем либо закрепляют привычку, либо возвращаются к прежним способам оплаты. Поэтому важно разделять показатели: число открытых кошельков, долю активных пользователей, частоту транзакций и средний чек. Дизайн может улучшать одну метрику и почти не сдвигать другую.

Ключевой параметр — конвертация между ЦВЦБ и банковскими деньгами. Быстрый и бесплатный вход/выход облегчает тестирование, но в стрессовые периоды ускоряет «бегство» в актив центрального банка. Дорогая или медленная конвертация снижает риск набегов, но режет повседневную полезность. Это пример того, как один параметр одновременно влияет и на рост сети, и на финансовую устойчивость.

2.1. Принятие и использование: что ускоряет переход в повседневные платежи

Эмпирика по платежному поведению показывает устойчивый факт: домохозяйства редко «раскидывают» транзакции по десяткам инструментов. Обычно используются один-два основных способа оплаты, а переключение происходит медленно. Для дизайна ЦВЦБ это означает, что сама по себе доступность кошелька еще не гарантирует использования. Дизайн, ориентированный на принятие, снижает фиксированные издержки: простое подключение, понятная выписка, минимальные «первые шаги», прозрачные правила ответственности. Дизайн, ориентированный на использование, должен выигрывать в конкретных контекстах: быстрый расчет, минимум действий, удобные сценарии возврата/отмены, надежная защита от мошенничества. Если преимущество размыто, ЦВЦБ рискует остаться «резервным» инструментом — его держат, но им не платят.

С точки зрения экономики выбора полезно думать о затратах на переключение и о привычке. Часть потребителей параллельно использует несколько инструментов (multi-homing), но для массового рынка характерна инерция: новый способ оплаты должен быть либо заметно удобнее в частых сценариях, либо встроен в сильный «дефолт» (например, в зарплатные и социальные выплаты). Работы по спросу на платежные инструменты показывают, что даже небольшие различия в удобстве и вознаграждениях могут менять структуру использования, но эффект проявляется постепенно [35][41]. Для дизайна ЦВЦБ отсюда следует простой тест: если пользователь не получает понятного выигрыша в первых типовых сценариях, вероятность регулярного использования невысока.

Дизайн интерфейса — не «косметика». В платежах важны скорость и предсказуемость: сколько действий требуется, как быстро приходит подтверждение, что происходит при ошибке. Пользователь запоминает худшие случаи: один сбой в важной ситуации снижает доверие непропорционально. Поэтому на ранней стадии иногда рационально жертвовать сложными функциями ради безотказности базовых сценариев [41].

2.2. Двусторонний рынок платежей: торговцы, комиссии и критическая масса

ЦВЦБ, как и любая платежная инфраструктура, сталкивается с задачей «курицы и яйца». Плательщику удобен инструмент, который принимается повсеместно; торговцу выгодно подключать то, чем действительно платят. В терминах экономики платформ это двусторонний рынок, где важны сетевые эффекты и структура цен, а не только общий уровень издержек [37][38][39]. Отсюда прямое следствие для дизайна: критичны издержки приема у бизнеса

(интеграция, оборудование, правила возвратов, сроки зачисления), а также совместимость с привычными сценариями — QR, бесконтактные, платежи через банковские приложения. Несовместимые или фрагментированные стандарты повышают риск координационного провала: участники откладывают внедрение, ожидая, что сначала подключатся другие [31][22]. Эмпирические работы по электронным платежным сетям показывают, что внедрение действительно имеет тенденцию к кластеризации: принятие в «локальной» сети контрагентов повышает отдачу от принятия для каждого отдельного участника [25].

Для торговца важны не только комиссии, но и оборотный капитал. Мгновенное зачисление повышает ликвидность бизнеса и снижает потребность в краткосрочном кредитовании, тогда как задержки и спорные операции создают скрытые издержки. В карточных сетях значительную роль играют правила возвратов, которые защищают потребителя, но увеличивают издержки торговца. В этом смысле ЦВЦБ может конкурировать за счет прозрачных и более простых правил, но только если правовой режим ответственности понятен и не перекладывает непропорциональные риски на торговую сторону. Теория двусторонних рынков подсказывает, что оптимальная структура тарифов может подразумевать асимметрию: одну сторону субсидируют ради сети, другая оплачивает инфраструктуру [37][38][39].

Отсюда следует практическая дилемма: если сделать прием ЦВЦБ бесплатной для торговца, сеть приема растет быстрее, но фиксированные издержки инфраструктуры никуда не исчезают — их либо берет на себя государство, либо покупатель, либо они возвращаются в другом виде (через требования к оборудованию, через косвенные сборы, через ограничения функциональности). Если же переложить издержки на торговца, внедрение замедляется, и инструмент не достигает критической массы. Теория платформ позволяет сформулировать этот компромисс следующим образом: вопрос в том, где предельный эффект от субсидии выше — на стороне торговца или потребителя. Для ЦВЦБ, которая претендует на статус публичной инфраструктуры, часто обсуждается вариант «минимального тарифа» и открытых стандартов: инфраструктура покрывает базовые издержки, а конкуренция сервисов добавляет ценность сверху [37][38].

Вопрос, чем «стартует» сеть, обычно решают через якорные случаи: крупные торговые сети, оплата коммунальных услуг, государственные переводы. Для ЦВЦБ естественным якорем могут быть бюджетные платежи и социальные выплаты, где государство одновременно является крупным плательщиком и способно координировать стандарты приема. Но без широкой сети использования инструмент быстро превращается в транзитный: его держат «для получения», а затем сразу обменивают на привычные деньги.

Административное продвижение имеет предел. Если ЦВЦБ становится каналом целевых выплат, возникает соблазн встроить ограничения, которые воспринимаются как ограничение свободы распоряжения деньгами. Более устойчив подход, где условия задаются на уровне контракта на выплату (кому, когда, сколько), а полученные деньги остаются обычными взаимозаменяемыми единицами. Это согласуется с идеей программируемых платежей как надстройки, а не «программируемых денег» [28].

2.3. Доверие, конфиденциальность и кибер-риски как факторы спроса

Для денег важна не только функциональность, но и доверие. В опросах о готовности принять ЦВЦБ намерение использовать инструмент связано и со знанием о нем, и с доверием к центральному банку, а конфиденциальность и безопасность выступают самостоятельными драйверами спроса [13]. Если ЦВЦБ воспринимается как «платеж под

наблюдением», часть пользователей будет избегать повседневного применения. Полная анонимность, впрочем, имеет социальную цену, поэтому реализуемым компромиссом становится управляемая конфиденциальность: минимум данных и упрощенный режим для малых платежей при усиленной идентификации на крупных суммах. Такой подход согласуется и с идеей «конфиденциальность как общественное благо», и с регуляторной логикой ПОД/ФТ [23][29].

Полезно отделять институциональное доверие (правила не меняются произвольно, права защищены) от технологического (система устойчива, ошибки исправимы). Дизайн влияет на оба: юридическая ясность поддерживает первое, а отказоустойчивость и понятное восстановление доступа — второе. Отсюда требование к коммуникации проекта: объяснять его нужно не лозунгами, а правилами и примерами типовых ситуаций.

2.4. Контекст имеет значение: развивающиеся экономики и Россия

Вес факторов принятия зависит от исходных условий страны. В экономиках с низкой финансовой доступностью и дорогими платежными услугами ЦВЦБ часто рассматривается как «входной» продукт, поэтому дизайн должен снижать пороги: многоуровневые кошельки, пропорциональная идентификация, офлайн-сценарии и опора на существующие каналы наличного ввода/вывода [9][43].

Эффект «инфраструктурного скачка» возможен, но не гарантирован. Если ЦВЦБ становится общим технологическим слоем для частных провайдеров, она может ускорять инновации; если строится как отдельная закрытая система, то рискует остаться нишевой. Поэтому в развивающихся экономиках обсуждение часто смещается от дизайна кошелька к дизайну экосистемы — кто подключает торговцев, кто несет издержки оборудования, как устроен наличный ввод/вывод и как обеспечивается конкуренция сервисов на едином «ядре» [9][34].

В странах с развитой безналичной инфраструктурой (включая Россию) конкуренция жестче: ЦВЦБ сравнивают не с «отсутствием сервиса», а с быстрыми и привычными инструментами. Поэтому центральным становится вопрос совместимости и пользовательской бесшовности. Модели спроса на цифровой рубль показывают, что предполагаемая доля ЦВЦБ в транзакциях чувствительна к восприятию скорости, удобства и безопасности [26][47]. Прикладные оценки подчеркивают: даже высокая совместимость не заменяет задачу критической массы, но без совместимости критическая масса практически недостижима [48].

Практический вывод простой: если ЦВЦБ не снижает издержки приема или не дает торговцу понятной выгоды (например, более быстрый расчет и простые возвраты), у бизнеса нет мотивации продвигать инструмент. Для пользователей же решают «мелочи» — стабильность работы, офлайн-сценарии в транспорте и на рынках, понятная ответственность за ошибки и мошенничество.

Есть и конкуренция за доверие на фоне общего уровня цифровой безопасности. При высокой частоте мошенничества новый инструмент оценивают прежде всего по защите от ошибок и социальной инженерии: лимиты, подтверждения, уведомления, простая блокировка кошелька и понятная процедура оспаривания.

Наконец, даже национальные проекты быстро упираются в трансграничный спрос: переводы и расчеты с внешними контрагентами. Здесь без координации требований (идентификация, комплаенс, валютный контроль) технологическая интероперабельность мало что дает [18][46].

В сумме дизайн влияет на распространение через порог входа, качество повседневного сценария, совместимость/стандарты и доверие (включая режим данных).

Негативный сценарий внедрения ЦВЦБ - пытаться «продать» принятие административно, не решив задачу полезности и сетевого эффекта.

Для оценки политики внедрения нужна дисциплина в целях и метриках. Если цель - снижение издержек платежей, ключевые показатели - стоимость приема у бизнеса, время зачисления и доля операций, реально переключившихся на ЦВЦБ. Если цель - финансовая доступность, важны охват и активность у групп, которые раньше были исключены. Если цель - устойчивость, нужны стресс-тесты конвертации и поведение спроса в эпизодах неопределенности. Поэтапное масштабирование здесь не роскошь: один крупный сбой способен надолго закрепить репутацию «ненадежных денег».

3. Влияние на благосостояние

Если предположить, что ЦВЦБ стала массовым платежным инструментом, ее дизайн перестает быть набором инженерных деталей и превращается в набор параметров общего равновесия. Меняются портфельный выбор домохозяйств, конкуренция за депозиты, трансмиссия денежно-кредитной политики и профиль финансовой стабильности. Теоретические модели полезны тем, что заставляют явно назвать трения, которые ЦВЦБ «лечит», и риски, которые она может создать [7][27][33].

Важная оговорка: многие эффекты нелинейны. Небольшая по объему ЦВЦБ, используемая в отдельных сценариях, скорее напоминает новый платежный инструмент. Массовая ЦВЦБ с заметными остатками - это уже изменение структуры ликвидных активов. Поэтому нормативные рекомендации обычно касаются в том числе порогов и режимов, которые срабатывают при росте масштабов, а не лишь одной дихотомии «процентная/непроцентная ЦВЦБ».

3.1. Почему новая форма денег вообще влияет на благосостояние

В мире без трений новая форма денег часто была бы нейтральной: балансы перераспределяются, но реальные аллокации почти не меняются [15]. Реальные эффекты возникают из-за транзакционных издержек, рыночной власти, информационных ограничений и риска ликвидности. ЦВЦБ может снижать издержки обмена, менять структуру ликвидных активов в портфелях, дисциплинировать банковский сектор и расширять набор реализуемых политик в кризисных состояниях [3][33][44].

Отдельный канал - платежные издержки и рыночная власть в инфраструктуре. Если рынок услуг контролируется несколькими крупными провайдерами, комиссии и закрытые стандарты могут содержать устойчивую маржу посредника. Появление публичной альтернативы способно снизить маржапы и изменить структуру цен между сторонами рынка [17]. Эффект возможен даже без процента по ЦВЦБ, но он сильнее при открытых стандартах и низких барьерах для инноваций в слое сервисов.

Есть и распределительный аспект. Даже в странах с развитой безналичной инфраструктурой остаются группы, для которых нужны простые и нейтральные инструменты: пожилые, люди без устойчивого доступа к смартфону, часть малого бизнеса. Если ЦВЦБ снижает барьеры входа и повышает устойчивость платежей в сбоях, она работает как элемент базовой инфраструктуры и через это поддерживает благосостояние [9][43]. Без сети приема этот канал почти не включается.

3.2. Ключевые каналы трансмиссии

Процентная ЦВЦБ делает ставку центрального банка «видимой» для домохозяйств и создает прямую конкуренцию депозитам. В моделях с рыночной властью банков это может улучшать передачу политики в розничные ставки и снижать депозитные маржапы [17][19][24][36].

Если роль наличных снижается, цифровые деньги расширяют пространство ставок и могут облегчать стабилизацию при дефляционных шоках [1]. Но у этого механизма есть обратная сторона: чем привлекательнее ЦВЦБ как актив, тем сильнее давление на депозитное фондирование.

В операционном режиме процентная ЦВЦБ может задавать «пол» для ставок: если домохозяйство всегда может держать актив центрального банка с доходностью i , депозитные ставки в равновесии должны учитывать эту альтернативу. Это повышает прозрачность трансмиссии, но сближает денежно-кредитную и макропруденциальную политику: спрос на ЦВЦБ влияет на баланс банков, а баланс банков - на кредит и экономическую активность [19][33][36].

Реакция банков на конкуренцию со стороны ЦВЦБ не механическая. Они могут повысить депозитные ставки, усилить сервис, сместить фондирование в сторону оптовых рынков или активнее использовать кредит центрального банка. Поэтому выпуск ЦВЦБ не обязательно означает «сжатие кредита»: результат зависит от того, насколько центральный банк готов перераспределять ликвидность обратно в банковскую систему и какие ограничения есть на замещение фондирования [33][32].

Не все каналы трансмиссии строятся вокруг ставки по ЦВЦБ: даже непроцентная ЦВЦБ способна давить на депозитный рынок, если она воспринимается как более удобная или более безопасная форма ликвидности. В этом случае конкуренция идет не через ставку, а через качество и надежность. Для банков это означает необходимость удерживать клиентов сервисом, а для регулятора — необходимость понимать, какие сегменты депозитов наиболее подвержены замещению (например, транзакционные остатки) и как это отражается на кредитовании. В работах по дизайну ЦВЦБ этот аспект часто связывают с идеей «платежной ЦВЦБ»: инструмент может улучшать платежи, не становясь полноценным сберегательным активом [33][2].

Лимиты на остатки и/или ступенчатое вознаграждение по остаткам выступают как встроенный макропруденциальный контур. Они позволяют отделить платежную функцию от сберегательной: ЦВЦБ остается удобной для повседневных расчетов, но не превращается в универсальный «безрисковый депозит» для крупных сумм [14][33]. В переходной динамике такие предохранители могут быть важны не меньше, чем в новом стационарном равновесии: без них спрос на ЦВЦБ способен временно превысить долгосрочный уровень, создавая давление на баланс банков и кредитование; этот канал подробно анализируется в работах о переходе к использованию ЦВЦБ [5].

Для пользователя лимиты и нелинейные ставки — источник раздражения, поэтому они требуют аккуратного «перевода» на язык целей. Если люди воспринимают ограничения как попытку «запретить хранить деньги», это подрывает доверие. Но если ограничения объясняются как технический и макропруденциальный механизм, поддерживающий устойчивость системы и позволяющий сохранять низкие тарифы на платежи, они становятся частью общественного договора вокруг ЦВЦБ. В этом смысле дизайн — это не только параметры, но и интерпретация параметров пользователями.

Самая чувствительная зона — финансовая стабильность. В терминах классической логики набегов (Diamond–Dybvig) наличие безрискового и мгновенно доступного инструмента может ускорять «бегство в качество» и усиливать цифровые набеги на банки [21][42]. Ряд моделей показывает, что эффект неоднозначен: ЦВЦБ может дисциплинировать банки и снижать их рыночную власть, но при высокой заменяемости депозитов и ЦВЦБ

может ухудшать устойчивость банковского сектора и повышать вероятность кризисов [16][40]. Отсюда следует практический вывод: дизайн для благосостояния почти всегда включает ограничители скорости и масштаба перетока в ЦВЦБ в стрессовые периоды — через лимиты, нелинейные ставки, правила конвертации и готовность ЦБ предоставить ликвидность [12][32][45].

Возможен и поведенческий эффект: если банки ожидают быстрые перетоки фондирования в ЦВЦБ, они либо держат больше ликвидности (удорожая кредит), либо повышают риск активов в попытке компенсировать стоимость фондирования. Итог зависит от того, какими надзорными рамками сопровождается ЦВЦБ - нормативами ликвидности, страхованием вкладов, доступом к ликвидности ЦБ [16][33][44].

Скорость цифровой конвертации в ЦВЦБ потенциально выше, чем снятие наличных и даже переводы между банками. Поэтому в стрессовых состояниях критичны встроенные «замедлители»: дневные лимиты, задержки на крупные суммы, нелинейные ставки и заранее определенные правила предоставления ликвидности [42][45].

Компромисс по анонимности тоже неизбежен: конфиденциальность повышает доверие и спрос, но снижает эффективность контроля незаконной активности. Практически это ведет к режимам управляемой конфиденциальности и минимизации данных: по умолчанию - минимум персональной информации в ядре, а доступ государства к деталям операций - только через процедуру и полномочия, закрепленные законом [23][29][4].

3.3. Нормативная калибровка: устойчивые принципы «дизайна по умолчанию»

Литература сходится в том, что «универсально оптимального» дизайна нет: работает логика второго лучшего, а знак эффектов зависит от структуры банковского рынка, роли наличных, доверия к институтам и приоритетов политики [33][27]. Тем не менее можно выделить набор устойчивых принципов, которые дают шанс получить увеличение благосостояния при разработке дизайна ЦВЦБ.

Первый принцип — двухуровневая (посредническая) архитектура доступа. Центральный банк обеспечивает единое безрисковое «ядро» денег и окончательность расчетов, а посредники конкурируют на уровне интерфейсов и сервисов. Это снижает операционные риски для центрального банка и уменьшает сопротивление внедрению со стороны рынка [7][34].

Внутри двухуровневой логики есть тонкость: конкуренция интерфейсов работает только при стандартизированных правилах доступа. Если лицензирование провайдеров кошельков слишком узкое или требования непрозрачны, система легко превращается в квазимонополию. Поэтому архитектура и регулирование должны идти вместе: открытые стандарты и понятные требования к безопасности - условие конкуренции сервисов.

Второй принцип — «предохранители» против вытеснения депозитов и ускоренных набегов: лимиты на остатки, ступенчатые ставки, а также правила, позволяющие управлять скоростью конвертации в стрессовых состояниях. Такие решения не отменяют конкуренции с банками, но переводят ее в управляемую форму [14][12].

Третий принцип — управляемая конфиденциальность и минимизация данных. Цель здесь не «анонимность любой ценой», а такой режим, который поддерживает доверие пользователей и при этом оставляет работоспособным контур соблюдения требований. Практически это означает: меньше данных в ядре, больше прозрачности в процедурах доступа, четкие юридические гарантии и понятная ответственность за утечки и злоупотребления [23][4].

Четвертый принцип — программируемость как надстройка. Наиболее безопасная конфигурация — когда базовая ЦВЦБ остается взаимозаменяемой единицей денег, а условия и ограничения реализуются на уровне сервисов и платежных контрактов (например, в государственных выплатах или эскроу), а не «внутри» самих денег. Такой подход соответствует выводам о спросе на программируемые платежи и снижает риск фрагментации денег [28].

При такой архитектуре инновации логичнее выносить в слой сервисов и платежных контрактов, оставляя слой денег простым и взаимозаменяемым.

Пятый принцип — совместимость как часть экономического дизайна, а не как «поздняя интеграция». Интероперабельность с быстрыми платежными системами, единые протоколы и стандартизированные интерфейсы снижают издержки внедрения и ускоряют сетевой эффект; без этого даже хороший инструмент может не выйти на масштаб [18][46].

Наконец, есть «принцип этапности». По мере роста масштабов меняются риски, и дизайн должен предусматривать возможность безболезненно менять отдельные параметры: поднимать лимиты, добавлять новые виды кошельков, расширять функциональность, не ломая совместимость. Именно поэтому в руководящих принципах центральных банков постоянно повторяется мысль о модульности и о тестировании на ограниченном периметре до масштабирования [10][5].

ЦВЦБ влияет на благосостояние не самим фактом цифровизации денег, а тем, как ее дизайн перестраивает цену и распределение ликвидности, стимулы банков и режим данных. Поэтому калибровка всегда балансирует: платежная эффективность и конкуренция - против рисков вытеснения депозитов и ускоренных набегов; конфиденциальность - против издержек контроля; инновации - против операционных и политических рисков. Устойчивый путь - начинать с умеренной конфигурации и расширять функциональность по мере накопления опыта и доверия.

Заключение

ЦВЦБ нельзя трактовать как нейтральную цифровую оболочку наличных. Это институциональная настройка денег: архитектура, правила доступа и режим данных, которые формируют стимулы участников и траекторию распространения. Дизайн влияет на принятие через порог входа, совместимость и доверие, а достигнутый масштаб превращает ЦВЦБ в фактор общего равновесия - она начинает влиять на ставки, банковское фондирование и финансовую устойчивость.

Обсуждать ЦВЦБ продуктивнее без оптимизма и без априорного страха: важно понять, какие трения инструмент снимает и какие риски добавляет. Эмпирика пока ограничена, поэтому многие оценки остаются модельно-зависимыми и требуют аккуратной интерпретации.

Практически полезно мыслить в терминах «карты решений». Если цель - повысить эффективность платежей без роста системных рисков, отправной точкой выглядит двухуровневая архитектура с интеграцией в существующие каналы, управляемой конфиденциальностью и предохранителями по остаткам. Рискованные конфигурации тоже понятны: высокая привлекательность ЦВЦБ как сберегательного актива при отсутствии ограничений, фрагментация стандартов и непрозрачные правила ответственности.

Российский контекст усиливает акцент на интеграции и бесшовности. В условиях развитых безналичных платежей цифровой рубль будет оцениваться по тому, насколько он встроен в привычные интерфейсы и насколько дешев и прост его прием у бизнеса. С точки зрения устойчивости оправдана консервативная настройка

стимулов (ограничения на крупные остатки и отказ от «депозитной» доходности), а доверие к режиму данных и процедурам доступа становится условием массового использования [26][47][48].

Ограничение обзора состоит в том, что эмпирическая база по «взрослой» ЦБЦБ пока формируется: у большинства проектов нет длительной истории, а поведение пользователей меняется по мере накопления опыта. Поэтому выводы стоит читать как условные и зависящие от масштаба и доминирующих сценариев использования.

Ближайшая исследовательская программа выглядит прагматично: сопоставимые данные о поведении пользователей в пилотах, эмпирика реакции банков (ставки и продуктовые линейки) и измерение того, как режим данных влияет на спрос. Эти результаты позволят перевести дискуссию о дизайне из уровня общих принципов в уровень калибровки, где компромиссы становятся измеримыми.

Литература

- Agarwal, R., Kimball, M. S. (2015). Breaking Through the Zero Lower Bound. IMF Working Paper 15/224.
- Agur, I., Ari, A., & Dell'Ariccia, G. (2022). Designing central bank digital currencies. *Journal of Monetary Economics*, 125, 62-79.
- Ahnert, T., Assenmacher, K., Hoffmann, P., Leonello, A., Monnet, C., Porcellacchia, D. (2022). The Economics of Central Bank Digital Currency. European Central Bank Working Paper Series No. 2713.
- Ahnert, T., Hoffmann, P., & Monnet, C. (2022). The Digital Economy, Privacy, and CBDC. ECB Working Paper Series No. 2662.
- Assenmacher, K., Ferrari Minesso, M., Mehl, A., & Pagliari, M. S. (2024). Managing the transition to central bank digital currency: CBDC and business-cycle dynamics. ECB Working Paper Series No. 2907.
- Auer, R., Böhme, R. (2020). The technology of retail central bank digital currency. *BIS Quarterly Review* (March), 85-100.
- Auer, R.; Frost, J.; Gambacorta, L.; Monnet, C.; Rice, T.; Shin, H. S. Central Bank Digital Currencies: Motives, Economic Implications, and the Research Frontier // *Annual Review of Economics*. 2022. Vol. 14. P. 697-721. DOI:10.1146/annurev-economics-051420-020324.
- Aurazo J., Banka H., Frost J., Kosse A., Piveteau T. Central bank digital currencies and fast payment systems: rivals or partners? // *BIS Papers*. 2024. No. 151. Basel: Bank for International Settlements.
- Bank for International Settlements (2022). CBDCs in emerging market economies. *BIS Papers* No 123.
- Bank for International Settlements // Central Bank Digital Currencies: Foundational Principles and Core Features. Report No. 1. Basel: BIS, 2020. 26 p.
- Barontini, C.; Holden, H. Proceeding with caution - a survey on central bank digital currency. *BIS Papers*. 2019. No. 101. Basel: Bank for International Settlements. 24 p.
- Bidder, R., Jackson, T., & Rottner, M. (2024). CBDC and Banks: Disintermediating Fast and Slow. *Deutsche Bundesbank Discussion Paper* No. 15/2024.
- Bijlsma, M., van der Crujzen, C., Jonker, N., Reijerink, J. (2021). What triggers consumer adoption of CBDC? *De Nederlandsche Bank Working Paper* No. 709.
- Bindseil, U. (2020). Tiered CBDC and the Financial System. European Central Bank Working Paper Series No. 2351.
- Brunnermeier, M. K., & Niepelt, D. (2019). On the Equivalence of Public and Private Money. *Journal of Monetary Economics*, 106, 27-41.
- Chen, W., & Phelan, G. (2023). Digital Currency and Banking-Sector Stability. Office of Financial Research Working Paper No. 23-01.
- Chiu, J., Davoodalhosseini, S. M., Jiang, J. H., Zhu, Y. (2023). Bank Market Power and Central Bank Digital Currency: Theory and Quantitative Assessment. *Journal of Political Economy*, 131(5), 1213-1248.
- Committee on Payments and Market Infrastructures; BIS Innovation Hub; International Monetary Fund; World Bank. Options for access to and interoperability of CBDCs for cross-border payments. Report to the G20. Basel: Bank for International Settlements, 2022.
- Davoodalhosseini, S. M. (2022). Central bank digital currency and monetary policy. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 142, 104150.
- Di Iorio, A.; Kosse, A.; Mattei, I. Embracing diversity, advancing together - results of the 2023 BIS survey on central bank digital currencies and crypto. *BIS Papers*. 2024. No. 147.
- Diamond, D. W., & Dybvig, P. H. (1983). Bank Runs, Deposit Insurance, and Liquidity. *Journal of Political Economy*, 91(3), 401-419.
- Farrell, J., Saloner, G. (1985). Standardization, Compatibility, and Innovation. *RAND Journal of Economics*, 16(1), 70-83.
- Garratt, R. J., & van Oordt, M. R. C. (2021). Privacy as a Public Good: A Case for Electronic Cash. *Journal of Political Economy*, 129(7), 2157-2180.
- Garratt, R., Yu, J., Zhu, H. (2023). The Case for Convenience: How CBDC Design Choices Impact Monetary Policy Pass-Through. *BIS Working Papers* No. 1046.
- Gowrisankaran, G., Stavins, J. (2004). Network Externalities and Technology Adoption: Lessons from Electronic Payments. *RAND Journal of Economics*, 35(2), 260-276.
- Grishchenko, V., Ponomarenko, A., Seleznev, S. (2024). A feasible approach to projecting household demand for the digital ruble in Russia. *Borsa Istanbul Review*, 24, 643-662.
- Infante S., Kim K., Orlik A., Silva A. F., Tetlow R. J. The Macroeconomic Implications of CBDC: A Review of the Literature // *Finance and Economics Discussion Series*. 2022. No. 2022-076.
- Kahn, C. M., & van Oordt, M. R. C. (2022). On the demand for programmable payments. *Tinbergen Institute Working Paper* 2022-076.
- Kahn, C. M., McAndrews, J., & Roberds, W. (2005). Money is Privacy. *International Economic Review*, 46(2), 377-399.
- Kahn, C. M., Rivadeneyra, F., & Wong, T.-N. (2018). Should the Central Bank Issue e-money? *Bank of Canada Staff Working Paper* 2018-58.
- Katz, M. L., Shapiro, C. (1985). Network Externalities, Competition, and Compatibility. *American Economic Review*, 75(3), 424-440.
- Keister, T., & Monnet, C. (2022). Central Bank Digital Currency: Stability and Information. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 142, 104501.
- Keister, T., & Sanches, D. R. (2023). Should Central Banks Issue Digital Currency? *Review of Economic Studies*, 90(1), 404-431.
- Kiff, J., Alwazir, J., Davidovic, S., Farias, A., Khan, A., Khiaonarong, T., Malaika, M., Monroe, H., Sugimoto, N., Tourpe, H., Zhou, P. (2020). A Survey of Research on Retail Central Bank Digital Currency. *IMF Working Paper* WP/20/104.
- Koulayev, S., Rysman, M., Schuh, S., Stavins, J. (2016). Explaining adoption and use of payment instruments by US consumers. *The RAND Journal of Economics*, 47(2), 293-325.
- Meaning, J., Dyson, B., Barker, J., Clayton, E. (2021). Broadening Narrow Money: Monetary Policy with a Central Bank Digital Currency. *International Journal of Central Banking*, 17(2), 1-42.

37. Rochet, J.-C., Tirole, J. (2002). Cooperation Among Competitors: Some Economics of Payment Card Associations. *RAND Journal of Economics*, 33(4), 549-570.
38. Rochet, J.-C., Tirole, J. (2003). Platform Competition in Two-Sided Markets. *Journal of the European Economic Association*, 1(4), 990-1029.
39. Rysman, M. (2009). The Economics of Two-Sided Markets. *Journal of Economic Perspectives*, 23(3), 125-143. <https://doi.org/10.1257/jep.23.3.125>
40. Schilling, L., Fernández-Villaverde, J., Uhlig, H. (2024). Central bank digital currency: When price and bank stability collide. *Journal of Monetary Economics*, 145.
41. Schuh, S., Stavins, J. (2011). How Consumers Pay: Adoption and Use of Payments. Federal Reserve Bank of Boston Working Paper No. 12-2.
42. Skeie, D. (2021). Digital Currency Runs. Warwick Business School Finance Group Research Paper.
43. Tan, B. J. (2023). Central Bank Digital Currency and Financial Inclusion. IMF Working Paper WP/23/069.
44. Williamson, S. D. (2022). Central Bank Digital Currency: Welfare and Policy Implications. *Journal of Political Economy*, 130(11), 2829-2861.
45. Williamson, S. D. (2022a). Central Bank Digital Currency and Flight to Safety. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 142, 104146.
46. World Bank. Interoperability Between CBDC Systems and Fast Payment Systems: A Technical Perspective. 2024.
47. Грищенко, В., Пономаренко, А., Селезнев, С. (2023). Возможные подходы к прогнозированию спроса российских домохозяйств на цифровой рубль. Серия докладов об экономических исследованиях Банка России, № 108.
48. Чапышев, И., Шайдуллин, А. (2024). Исследование проблемы интероперабельности цифровой валюты Банка России. Деньги и кредит, 83(1), 104-126.
12. Bidder, R., Jackson, T., & Rottner, M. (2024). CBDC and Banks: Disintermediating Fast and Slow. Deutsche Bundesbank Discussion Paper No. 15/2024.
13. Bijlsma, M., van der Cruysen, C., Jonker, N., Reijerink, J. (2021). What triggers consumer adoption of CBDC? De Nederlandsche Bank Working Paper No. 709.
14. Bindseil, U. (2020). Tiered CBDC and the Financial System. European Central Bank Working Paper Series No. 2351.
15. Brunnermeier, M. K., & Niepelt, D. (2019). On the Equivalence of Public and Private Money. *Journal of Monetary Economics*, 106, 27-41.
16. Chen, W., & Phelan, G. (2023). Digital Currency and Banking-Sector Stability. Office of Financial Research Working Paper No. 23-01.
17. Chiu, J., Davoodalhosseini, S. M., Jiang, J. H., Zhu, Y. (2023). Bank Market Power and Central Bank Digital Currency: Theory and Quantitative Assessment. *Journal of Political Economy*, 131(5), 1213-1248.
18. Committee on Payments and Market Infrastructures; BIS Innovation Hub; International Monetary Fund; World Bank. Options for access to and interoperability of CBDCs for cross-border payments. Report to the G20. Basel: Bank for International Settlements, 2022.
19. Davoodalhosseini, S. M. (2022). Central bank digital currency and monetary policy. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 142, 104150.
20. Di Iorio, A.; Kosse, A.; Mattel, I. Embracing diversity, advancing together - re-sults of the 2023 BIS survey on central bank digital currencies and crypto. BIS Papers. 2024. No. 147.
21. Diamond, D. W., & Dybvig, P. H. (1983). Bank Runs, Deposit Insurance, and Liquidity. *Journal of Political Economy*, 91(3), 401-419.
22. Farrell, J., Saloner, G. (1985). Standardization, Compatibility, and Innovation. *RAND Journal of Economics*, 16(1), 70-83.
23. Garratt, R. J., & van Oordt, M. R. C. (2021). Privacy as a Public Good: A Case for Electronic Cash. *Journal of Political Economy*, 129(7), 2157-2180.
24. Garratt, R., Yu, J., Zhu, H. (2023). The Case for Convenience: How CBDC Design Choices Impact Monetary Policy Pass-Through. BIS Working Papers No. 1046.
25. Gowrisankaran, G., Stavins, J. (2004). Network Externalities and Technology Adoption: Lessons from Electronic Payments. *RAND Journal of Economics*, 35(2), 260-276.
26. Grishchenko, V., Ponomarenko, A., Seleznev, S. (2024). A feasible approach to designing household demand for the digital ruble in Russia. *Borsa Istanbul Review*, 24, 643-662.
27. Infante S., Kim K., Orlik A., Silva A. F., Tetlow R. J. The Macroeconomic Implications of CBDC: A Review of the Literature // Finance and Economics Discussion Series. 2022. No. 2022-076.
28. Kahn, C. M., & van Oordt, M. R. C. (2022). On the demand for programmable payments. Tinbergen Institute Working Paper 2022-076.
29. Kahn, C. M., McAndrews, J., & Roberds, W. (2005). Money is Privacy. *International Economic Review*, 46(2), 377-399.
30. Kahn, C. M., Rivadeneyra, F., & Wong, T.-N. (2018). Should the Central Bank Issue e-money? Bank of Canada Staff Working Paper 2018-58.
31. Katz, M. L., Shapiro, C. (1985). Network Externalities, Competition, and Compatibility. *American Economic Review*, 75(3), 424-440.
32. Keister, T., & Monnet, C. (2022). Central Bank Digital Currency: Stability and Information. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 142, 104501.
33. Keister, T., & Sanches, D. R. (2023). Should Central Banks Issue Digital Currency? *Review of Economic Studies*, 90(1), 404-431.
34. Kiff, J., Alwazir, J., Davidovic, S., Farias, A., Khan, A., Khiaonarong, T., Malaika, M., Monroe, H., Sugimoto, N., Tourpe, H., Zhou, P. (2020). A Survey of Research on Retail Central Bank Digital Currency. IMF Working Paper WP/20/104.
35. Koulayev, S., Rysman, M., Schuh, S., Stavins, J. (2016). Explaining adoption and use of payment instruments by US consumers. *The RAND Journal of Economics*, 47(2), 293-325.
36. Meaning, J., Dyson, B., Barker, J., Clayton, E. (2021). Broadening Narrow Money: Monetary Policy with a Central Bank Digital Currency. *International Journal of Central Banking*, 17(2), 1-42.
37. Rochet, J.-C., Tirole, J. (2002). Cooperation Among Competitors: Some Economics of Payment Card Associations. *RAND Journal of Economics*, 33(4), 549-570.
38. Rochet, J.-C., Tirole, J. (2003). Platform Competition in Two-Sided Markets. *Journal of the European Economic Association*, 1(4), 990-1029.
39. Rysman, M. (2009). The Economics of Two-Sided Markets. *Journal of Economic Perspectives*, 23(3), 125-143. <https://doi.org/10.1257/jep.23.3.125>
40. Schilling, L., Fernández-Villaverde, J., Uhlig, H. (2024). Central bank digital currency: When price and bank stability collide. *Journal of Monetary Economics*, 145.
41. Schuh, S., Stavins, J. (2011). How Consumers Pay: Adoption and Use of Payments. Federal Reserve Bank of Boston Working Paper No. 12-2.
42. Skeie, D. (2021). Digital Currency Runs. Warwick Business School Finance Group Research Paper.
43. Tan, B. J. (2023). Central Bank Digital Currency and Financial Inclusion. IMF Working Paper WP/23/069.
44. Williamson, S. D. (2022). Central Bank Digital Currency: Welfare and Policy Implications. *Journal of Political Economy*, 130(11), 2829-2861.
45. Williamson, S. D. (2022a). Central Bank Digital Currency and Flight to Safety. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 142, 104146.
46. World Bank. Interoperability Between CBDC Systems and Fast Payment Systems: A Technical Perspective. 2024.
47. Grishchenko, V., Ponomarenko, A., Seleznev, S. (2023). Possible approaches to forecasting Russian household demand for the digital ruble. Bank of Russia Economic Research Series, No. 108.

Central Bank Digital Currency: From Design to Wealth
Oskolkov D.I.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

JEL classification: B41, E22, E44, N01, N10, O33, O38

Central Bank Digital Currencies (CBDs) are being actively researched by regulators and academics around the world. This review article structures the accumulated scientific papers in order to trace the path that, according to the scientific literature, the CSF goes from the design stage to the impact on well-being. The article also justifiably shows the design principles, which are expected to bring maximum benefit to society when implemented.

Keywords: digital currency, central bank, welfare, design.

References

1. Agarwal, R., Kimball, M. S. (2015). Breaking Through the Zero Below Bound. IMF Working Paper 15/224.
2. Agur, I., Ari, A., & Dell'Ariccia, G. (2022). Designing central bank digital currencies. *Journal of Monetary Economics*, 125, 62-79.
3. Ahnert, T., Assenmacher, K., Hoffmann, P., Leonello, A., Monnet, C., Porcellacchia, D. (2022). The Economics of Central Bank Digital Currency. European Central Bank Working Paper Series No. 2713.
4. Ahnert, T., Hoffmann, P., & Monnet, C. (2022). The Digital Economy, Privacy, and CBDC. ECB Working Paper Series No. 2662.
5. Assenmacher, K., Ferrari Minesso, M., Mehl, A., & Pagliari, M. S. (2024). Managing the transition to central bank digital currency: CBDC and business-cycle dynamics. ECB Working Paper Series No. 2907.
6. Auer, R., Böhme, R. (2020). The technology of retail central bank digital currency. *BIS Quarterly Review* (March), 85-100.
7. Auer, R.; Frost, J.; Gambacorta, L.; Monnet, C.; Rice, T.; Shin, H. S. Central Bank Digital Currencies: Motives, Economic Implications, and the Research Frontier // *Annual Review of Economics*. 2022. Vol. 14. P. 697-721. DOI:10.1146/annurev-economics-051420-020324.
8. Aurazo J., Banka H., Frost J., Kosse A., Piveteau T. Central bank digital currency and fast payment systems: rivals or partners? // BIS Papers. 2024. No. 151. Basel: Bank for International Settlements.
9. Bank for International Settlements (2022). CBDCs in emerging market economies. BIS Papers No. 123.
10. Bank for International Settlements // Central Bank Digital Currencies: Foundational Principles and Core Features. Report no. 1. Basel: BIS, 2020. 26 p.
11. Barontini, C.; Holden, H. Proceeding with caution - a survey on central bank digital currency. BIS Papers. 2019. No. 101. Basel: Bank for International Settlements. 24 p.m.

Баланс интересов в экономическом и геоэкономическом пространствах: новые подходы к анализу и проектированию посредством инструментов парадигмального анализа

Пискарев Павел Михайлович

Доктор психологических наук, профессор, АНО ДПО «Институт психологии творчества Павла Пискарева»,
neiro.nauka@yandex.ru

Глобализация и проблемы «Север-Юг» требуют новых подходов к управлению. В статье уточнена категория «баланс интересов» и определены алгоритмы его формирования агентами геоэкономического пространства. Обоснована замена термина «международные отношения» на «взаимодействие агентов», разделены понятия интересов, стимулов и мотивов. Выявлено, что баланс интересов, присутствуя всегда, варьируется от конструктивного до деструктивного под влиянием когнитивных и культурных факторов. Предложен алгоритм моделирования экономического пространства на основе этих факторов и принципов парадигмального анализа, что меняет парадигму экономического мышления.

Ключевые слова: экономическое пространство, баланс интересов, моделирование экономического пространства, когнитивные факторы, ценностно-культурные факторы, парадигмальный анализ

Понятие «баланс интересов» переходит из гражданско-правового поля в международные отношения, сменяя принцип «баланса силы» и становясь определяющей характеристикой стабильности [23, с. 100]. Данный принцип включает оптимальное соотношение национальных интересов государств и совпадение интересов субъектов в экономике и иных отношениях [14, с. 12]. Однако такая формулировка носит лозунговый характер, исключающий системность и возможность построения алгоритмов, что обуславливает необходимость конкретизации понятийного аппарата.

Интересы как ключевая категория рассматривались в трудах Т. Гоббса [21, с. 90], Г. Гегеля [3, с. 713], меркантилистов, А. Тюрго, Ф. Кенэ, А. Смита и К. Маркса [8, с. 14-15]. В отечественных исследованиях внимание уделяется трансформации национальных экономических интересов под воздействием экзогенных факторов.

Значимыми характеристиками интересов экономических агентов являются: объективность; материализация; обеспечение непрерывности; рациональность; ценностно-культурная ориентация; динамичность, обусловленная изменениями внутри агента и системы [25, с. 41].

Таким образом, отдавая должное внимание экономической объективной составляющей, невозможно исключить субъективные факторы экономических интересов, четко разделяя процессы экономических отношений, базирующиеся на субъективных факторах, и результат, представленный объективной составляющей [13, с. 10].

Содержание и сущность интересов во взаимодействии приобретают диалектический характер, выступая источником движения и воспроизводства соответствующей системы, находя новые точки равновесия и баланса. Геоэкономическая система формируется из совокупности взаимоотношений и интересов национального бизнеса, транснациональных корпораций, лоббистских групп и геоэкономически активной бюрократии [24, с. 491].

В рамках трансдисциплинарных исследований экономическое пространство не имеет однозначной трактовки. Если традиционное понимание экономического пространства подразумевает контекст экономической географии, то в трансдисциплинарном подходе оно несводимо к физическим параметрам и линейным измерениям. Данный подход предполагает интеграцию теории экономических благ К. Менгера [9, с. 133], теории структуры общественного производства К. Маркса [4, с. 166], теории качественной неоднородности экономических ресурсов Ю.В. Яременко [15, с. 467], теории полей П. Бурдьё [27, с. 145], теории поля в психологических науках К. Левина [29, с. 6], положений институциональной теории Т. Веблена [303, с. 212], Д. Норта [26, с. 253], Р. Коуза [2, с. 17], О. Уильямсона [11, с. 58], а также положения теории топософии [32, с. 110], то есть «философии места» – формы организованного социального, смыслового и материального бытия. Таким образом, экономическое пространство представляет собой некую матрицу социальных практик, отношений, институтов, ценностей и субъективных смыслов. Подобный подход к экономическому пространству подтверждается и в одном из принципов К. Берталанфи, согласно которому мир трактуется не в контексте механицизма, а как сложная система сфер реальности, связанная

между которыми проявляется в подобии действующих в них законов [22, с. 98].

В связи с этим возникает вопрос соотношений, например, мислеобразов психического пространства, ценностных ориентиров культурного пространства и объективных показателей физического пространства. Экономическое пространство может быть представлено либо как эклектика в зависимости от контекста, либо как определенная зона конвергенции, проявляющая синергетический эффект, что предполагает несведение ни к одному, ни к сумме элементов [18, с. 637].

Многомерность экономического пространства существенно превышает когнитивные способности человека, а, следовательно, человек стремится упростить его, интерпретируя поступающую информацию и проецируя ее на доступные ему образы, что актуализирует использование психологических, философских и иных гуманитарных подходов при анализе и моделировании экономического пространства. Более того, исходя из когнитивных (субъективных) способностей, экономическое пространство может формироваться именно вокруг конкретного человека (агента). Так при условии, одинаковых мерностей, кроме п-когнитивные способности, экономические пространства отдельно взятых агентов будут существенно отличаться. Его можно назвать субъективным восприятием экономической реальности (действительности) или субъективным экономическим пространством [1, с. 49].

В соответствии с данным подходом, экономические отношения сводятся к взаимодействию субъективных экономических пространств, где ключевая роль отводится информационно-когнитивным факторам (рисунок 1). В этом контексте баланс есть точка равновесия (состояния системы, когда одни воздействия на неё компенсируются другими или отсутствуют вообще). Любая система, стремясь к равновесию, воспроизводит его как устойчивое, неустойчивое или безразличное к воздействиям.

Учитывая, что одно и то же действие может быть вызвано у разных агентов несовпадающими причинами или мотивами, то для достижения баланса важна корреляция стимулов (задаваемых извне) и мотивов (формируемых внутри). Это актуализирует задачу поиска инструментов для корреляции внешних стимулов и внутренних мотивов агентов, что является условием баланса интересов агентов (государства, коалиции, частные структуры и т.д.). Однако при неполноте информации и асимметрии намерений экономических агентов это невозможно.

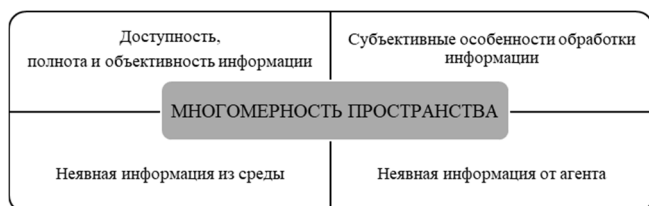

Рисунок 1. Природа информационной асимметрии экономического пространства

Как видно из рисунка, источники и причины асимметричности информации многообразны. В отличие от подхода Дж. Акерлофа, когда источники неполноты информации, оперируемой при принятии решений, находятся по отношению к агенту с внешней стороны (сокрытие, недоступность или распространение ложной информации) [5, с. 33], трансдисциплинарный подход к установлению баланса интересов и концепция многомерности пространства позволяют утверждать, что причины асимметрии находятся и внутри самого агента: это когнитивные факторы и ценностно-культурные ориентиры (в соответствии

с которыми осуществляется поиск, интерпретация и применение информации), истинные мотивы, которые могут быть как осознанные, так и неосознаваемые.

Справедливо возникает вопрос о том, как соотносится возможность достижения баланса интересов с принципами оптимальности и рациональности, и здесь существуют различные модели, когда, основываясь на принципах оптимальности и рациональности, агенты принимают решения, с объективной точки зрения, соответствующие балансу. Сложность состоит в том, что среди параметров, которые необходимы для создания таких моделей, присутствуют не только количественные, но трудно измеримые качественные, часто не поддающиеся идентификации. Связывая реальность и теоретический подход, модель выступает связующим звеном между миром разработанных, устоявшихся экономических теорий и фактами хозяйственной жизни.

Современная научная модель – это синтез социально-гуманитарного и математического аппаратов, поддающийся количественной оценке и программированию. Реалистичность моделей предполагает ее отличие от экспериментов, для которых свойственны искусственные условия изоляции. Называя теоретические модели «баснями», А. Рубинштейн утверждает, что они важны как элемент морали и общей культуры, влияющий на принятие решений [31, с. 28]. Но при подобной конфигурации модель-реальная жизнь продуцируется нормативный характер, а не позитивный. Данное противоречие указывает на непростую исследовательскую задачу разработки модели баланса интересов в позитивном подходе.

В подтверждение нормативного характера экономических моделей стоит отметить научные результаты неоклассического направления: модели частного и общего равновесия, оптимального распределения ресурсов по различным направлениям, условий равновесия обмена и потребления. Сюда же можно отнести неоклассические модели поведения потребителя, построение функций спроса, зависимостей спроса от цен и дохода, построение производственной функции, модели поведения фирмы и т.д.

Для сокращения разрыва «теоретическая модель – реальная жизнь» необходимо связующее звено, отражающее многомерность пространства, его формальные и неформальные контексты. Трудность моделирования через линейные математические уравнения состоит в том, что они подчиняются влиянию многочисленных импульсов и факторов, многие из которых пока до конца не изучены. Гораздо проще обстоит дело с факторами внешнего влияния (подталкивание, архитектура выбора и т.д.), нежели с факторами намерений.

Для того, чтобы достичь минимального разрыва между теоретическими моделями и реальной жизнью, проведем анализ подходов к институциональному моделированию с точки зрения их принципов и параметров.

Э. Остром, исследуя институциональные соглашения, указывает, что дизайн систем для ресурсов коллективного пользования должен соответствовать набору принципов: четкие границы группы, локальные правила использования, вовлеченность участников в модификацию правил, мониторинг, градуалистские санкции, механизмы разрешения конфликтов, признание самоорганизации властями [28, с. 57]. Несмотря на градацию рациональности и внимание к манипуляциям [7, с. 555], в модели Острома сохраняется активная роль дизайнера, задающего стимулы сверху без учета внутренних мотивов агентов.

В подходе В. Тамбовцева выделяются принципы этапной и компонентной полноты, достаточного разнообразия стимулов, защищенности от оппортунизма, соучастия, типологичности [20, с. 47]. При этом одно действие у разных

субъектов может вызываться несовпадающими мотивами, поэтому важен не просто набор стимулов, а их корреляция с внутренними мотивами для установления баланса.

Теория игр (Л. Гурвиц, Р. Майерсон, Э. Маскин) применяется к моделированию принципа равновесия по Нэшу [19, с. 79], однако существует проблема манипулируемости при неискренних предпочтениях. Реальные взаимодействия часто напоминают игру с нулевой суммой, где совокупный результат не приращивается [16, с. 7]. Теория игр допускает множественность точек равновесия, их несовпадение с оптимумом Парето или отсутствие равновесия [6, с. 32].

Равновесие по Нэшу — ситуация, где ни один игрок не может увеличить выигрыш в одностороннем порядке [12, с. 132]. Концепция "необязательного соглашения" уязвима, так как допускает нарушения при прецеденте [17, с. 59]. Форс-мажоры и системные потери от оппортунизма отдельных игроков создают ситуацию неопределенности, требующую изучения баланса внешних факторов и внутренних мотивов.

Таким образом, интеграция когнитивно-информационных и ценностно-культурных факторов в моделирование экономического пространства и баланса экономических интересов меняет парадигму экономического мышления.

Альтернативным подходом к изучению баланса интересов может выступить концепция парадигмального анализа М.П. Пискарева, основанная на принципах метамодерна как «нового феномена, мульти- и кросскультурного, а также метаполитического» [10, с. 248]. Модель метамодерна построена с использованием пространственной логики топософии. Ее основой выступает Декартова система координат — исследовательский инструмент, который можно применять как в математике, так и в гуманитарных науках. П.М. Пискаревым предложена собственная модель четырех квадрантов, где движение от правого верхнего квадранта до верхнего левого выстраивает модель сменяющих друг друга эпох: премодерн, модерн, постмодерн, метамодерн (рисунок 2).

Рисунок 2. Ключевая рамка парадигмального анализа

Парадигмальный анализ представляет собой способ анализа и проектирования различных феноменов мира через четыре качественные парадигмы, соответствующие историческим эпохам. Они качественно отличаются методами познания и антропологическими принципами, но не исключают одна другую, а работают системно. Поэтому парадигмальный анализ строится на схемах, через которые можно упаковывать самые разные знания, теории, формации, составляющие человеческую культуру.

Отражая будущие проекты, в единой системе оказываются феноменальный и аналитический миры. Так, два верхних квадранта рамки парадигмального анализа (первый и четвертый) представляют феноменальный мир. Это пространство объективных фактов и взаимосвязей между ними. Два нижних квадранта (второй и третий) представляют аналитический мир. Это мир размышлений, сравне-

ния и сопоставления, который определяет сложность развития системы. С одной стороны, в феноменологическом мире легко видеть факты, если отключена разумная, различающая часть сознания. С другой стороны, полное пребывание в феноменальном мире лишает контакта с настоящим. Важно находить индивидуальный баланс между феноменальным и аналитическим мирами.

Если аналитическое мышление ориентировано на поиск различий и тем самым усложняет его за счет многочисленных дихотомий, то феноменологическое описывает мир в своей структурной целостности. Чем сложнее аналитический процесс, тем более сложные изменения в системе мы способны наблюдать, организовывать или инициировать для эволюции из первого квадранта в четвертый. Мыслить парадигмальным анализом означает включать все четыре парадигмы сознания, обусловленные, в том числе, кризисами перехода при движении из квадранта в квадрант. Можно наблюдать движение из первого квадранта в четвертый и обратно. Это движение интересно тем, что показывает соотношение контрастов между квадрантами. Первый квадрант контрастирует с третьим, а второй — с четвертым. Таким образом, посредством парадигмального анализа всегда можно проанализировать сходства и различия, а также системный характер явления.

Приведем несколько рамок, балансирующих отношения субъектов в рамках экономического пространства (рисунки 3-5).

Рисунок 3. Рамка баланса интересов субъектов отношений собственности

Так, объединив основные элементы «пучка прав собственности» гражданско-правового контекста с экономическим контекстом отношений собственности, получается соответствующая рамка баланса интересов.

Рисунок 4. Рамка баланса стимулов и мотиваций субъектов по Р. Баусайстеру

Представленная на рисунке 4 рамка отражает движение, отражая уровни развития субъекта. В первом квадранте, когда субъект находится в парадигме выживания, когда поведение определяется внутренними мотивами и

ориентацией на материальный мир, для субъекта эффективные стимулы агрессивной внешней среды. На следующем уровне развития (социальном) приобретают значение статусы. Следующий уровень (благополучия и комфорта) соотносится с высокими доходами, ментальной зрелостью, постижением красоты и новизны. В четвертом квадранте находится духовно-энергетический уровень, свидетельствующий о трансценденции сознания.

Рамка баланса капиталов (рисунок 5) отражает сосуществование в единой системе материальных и нематериальных форм капитала. Баланс интересов возможен только на основе противоположных квадрантов (например, только при наличии социального и символического) или расположенных рядом (например, социальный и биологический). Таким образом, для достижения баланса необходимо присутствие в системе как материальных, так и нематериальных форм капитала.

Таким образом, независимо от явления, рамка парадигмального анализа даёт возможность увидеть мир и целиком, и в его четырёх базовых частях, в четырёх парадигмах с отношениями между ними. Данный подход позволяет определить местоположение в пространстве рассматриваемой темы, в пространстве культуры мышления.

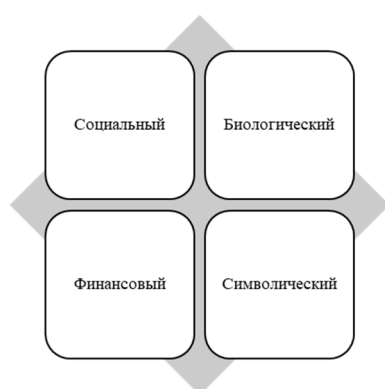

Рисунок 5. Рамка баланса капиталов по П. Бурдьё

Таким образом, исследование переосмысливает категорию «баланс интересов» в контексте геоэкономической реальности, переводя проблему из плоскости абстракций в сферу практического моделирования. Баланс интересов представляет собой динамическое состояние системы, производное от взаимодействия внешних стимулов и внутренних мотивов агентов. Традиционное понимание информационной асимметрии должно быть дополнено учётом ценностно-культурных факторов и когнитивных особенностей интерпретации.

Критический анализ институциональных и игровых моделей выявил их ограниченность, связанную с недостаточным вниманием к внутренней мотивации. Преодоление методологического разрыва достигается интеграцией инструментов парадигмального анализа, позволяющего концептуализировать экономическое пространство как многомерную среду.

Преодоление методологического разрыва видится в интеграции инструментов парадигмального анализа. Предложенный подход, базирующийся на модели четырёх квадрантов (премодерн, модерн, постмодерн, метамодерн), позволяет концептуализировать экономическое пространство не как однородное поле, а как многомерную среду, где сосуществуют материальные и нематериальные капиталы, рациональные и ценностные мотивации, феноменальный и аналитический миры.

Разработанные в статье аналитические рамки (на примерах отношений собственности, мотивации, структуры капиталов) демонстрируют практическую применимость парадигмального анализа для поиска точек конвергенции

разнородных интересов. Данный инструментарий позволяет не только диагностировать причины дисбалансов, коренящиеся в ценностно-культурных и когнитивных асимметриях, но и проектировать такие системы взаимодействия, в которых баланс интересов приобретает конструктивный, синергетический характер.

Интеграция когнитивно-информационных и ценностно-культурных факторов в моделирование экономического пространства знаменует собой сдвиг в парадигме экономического мышления. Это движение от механицизма и плоского рационализма к пониманию экономики как сложной, одухотворённой человеческими смыслами системы. Предложенный подход открывает перспективы для разработки более реалистичных моделей прогнозирования и управления геоэкономическими процессами, где стабильность и безопасность достигаются не через «баланс сил», а через гармонизацию субъективных реальностей агентов — то есть через подлинный баланс интересов.

Литература

1. Антипина, О. Н. Экономика и счастье в России: эмпирический анализ / О. Н. Антипина, А. Д. Кривицкая // Вопросы экономики. — 2022. — Т. 8. — С. 48–67.
2. Ахмадеев, Д. Р. Рональд Коуз и новая институциональная теория / Д. Р. Ахмадеев, Е. П. Дятел, Б. А. Ерзнкян [и др.]. — Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство „КноРус“», 2022. — 252 с. — ISBN 978-5-406-09601-7. — EDN SZYSNB.
3. Беляев, В. П. Правовая природа интереса как предтеча определения понятия национальных интересов / В. П. Беляев, Б. Б. Бидова, Г. С. Беляева // Nomothetika: Философия. Социология. Право. — 2023. — Т. 48, № 4. — С. 710–717.
4. Бирюков, В. В. Основной вопрос экономической теории и изучение протосистемы экономических систем // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2025. — Т. 19, № 1. — С. 163–172.
5. Вольчик, В. В. К вопросу о теории и методологии нарративной экономики // Вопросы теоретической экономики. — 2022. — № 3. — С. 31–46.
6. Долгоруков, В. В. Нормативные стандарты в логике и теории игр: структурные параллели / В. В. Долгоруков, Е. Л. Попова // Логические исследования. — 2025. — Т. 31, № 2. — С. 31–51.
7. Егберт, Х. Основы на съвременната икономика: Елиностр Остром и общите ресурси / Х. Егберт, Т. Седларски, А. Б. Тодоров // Икономическа мисъл. — 2023. — Т. 68, № 5. — С. 554–571.
8. Иващенко, А. О. Согласование экономических интересов в процессе движения основного капитала промышленных предприятий как цель государственной экономической политики // Теоретическая и прикладная экономика. — 2025. — № 2. — С. 13–30.
9. Ковалев, А. В. Деньги и капитал в концепциях У. Ст. Джевонса и К. Менгера // Экономическая наука сегодня. — 2022. — № 15. — С. 131–141.
10. Мальшина, Н. А. Логический квадрат метамодерна — отношения базовых категориальных пропорций // Общество: философия, история, культура. — 2025. — № 8. — С. 246–255.
11. Маньковский, И. А. Институциональная экономическая теория как научная основа перехода на новый технологический уклад: перспективы и условия применения // Экономическое возрождение России. — 2022. — № 4 (74). — С. 57–67.
12. Мещеряков, А. А. Поиск равновесия по Нэшу для системы из двух взаимосвязанных рынков сырья и продукции / А. А. Мещеряков, О. О. Хамисов // Записки Горного института. — 2026. — № 276-1. — С. 129–141.

13. Миронова, И. С. Сущность противоречивости экономических интересов хозяйствующих субъектов / И. С. Миронова, С. М. Сотников // Современная экономика: проблемы и решения. — 2022. — Т. 3. — С. 8–21.
 14. Митин, А. Н. Риски утраты государственного суверенитета и баланса интересов под влиянием агрессивных форм наднационального контроля / А. Н. Митин, Д. В. Лебедев // *European and Asian Law Review*. — 2024. — Т. 7, № 1. — С. 10–23.
 15. Нормова, Ю. В. Неоднородность регионального технологического пространства Российской Федерации // *Вопросы инновационной экономики*. — 2022. — Т. 12, № 1. — С. 463–478.
 16. Словохотов, Ю. Л. Распределённый интеллект мультиагентных систем. Ч. 2. Коллективный интеллект социальных систем / Ю. Л. Словохотов, Д. А. Новиков // *Проблемы управления*. — 2023. — Т. 6, № 1. — С. 3–21.
 17. Сольский, М. Б. Принцип равновесия Джона Нэша как основа формирования экономической структуры многопродуктовых производственных систем // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. — 2025. — № 2 (60). — С. 56–62.
 18. Суворова, А. В. Теоретические основы исследования экономического пространства: эволюция подходов // *Журнал экономической теории*. — 2020. — Т. 17, № 3. — С. 629–642.
 19. Сутягин, А. И. Особенности проведения анализа эффективности инвестиционных проектов в условиях цифровизации экономики / А. И. Сутягин, А. Р. Калинин // *Вестник евразийской науки*. — 2023. — Т. 15, № 2S. — С. 62–77.
 20. Тамбовцев, В. Л. Институциональный анализ экономики: качественные и количественные исследования и методы // *Вопросы теоретической экономики*. — 2024. — Т. 23, № 2. — С. 45–55.
 21. Тартыгашева, Г. В. Идея общественного договора в трудах Томаса Гоббса // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. — 2023. — № 4. — С. 89–99.
 22. Тищенко, В. И. Об истоках «общей теории систем» Берталанфи // *Ценности и смыслы*. — 2025. — № 4 (98). — С. 97–113.
 23. Тощенко, Ж. Т. Общественный договор: эволюция идей // *Россия реформирующаяся*. — 2023. — № 21. — С. 98–121.
 24. Туманян, Ю. Р. Геоэкономика и неолиберализм: теория, методология, практика / Ю. Р. Туманян, М. А. Корытцев, А. В. Ипатова // *Russian Journal of Economics and Law*. — 2025. — Т. 19, № 3. — С. 488–502.
 25. Чернецова, Н. С. Устойчивое развитие экономических систем как функция системы экономических интересов // *Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе*. — 2024. — № 4 (52). — С. 39–52.
 26. Evstropieva, O. V. Institutional Approach in Recreational–Geographical Research // *Geography and Natural Resources*. — 2025. — Vol. 46, № 3. — P. 249–262.
 27. Fjeld, T. Bourdieu's Field Theory Revisited: A Case for 'National Signification' // *Sport, Ethics and Philosophy*. — 2024. — Т. 18, № 2. — P. 142–160.
 28. Kleyner, G. B. Economic agents and social institutions: A behavioral interaction model / G. B. Kleyner, M. A. Rybachuk, D. V. Ushakov // *Terra Economicus*. — 2023. — Т. 21, № 4. — P. 55–68.
 29. Lebedeva, A. B. Conceptualisation of Kurt Levin's Field Theory in the Transactional Analysis Paradigm // *Transactional Analysis in Russia*. — 2024. — Т. 4, № 1. — P. 5–13.
 30. Mertens, S. The effectiveness of nudging: A meta-analysis of choice architecture interventions across behavioral domains / S. Mertens, M. Herberz, U. J. Hahnel, T. Brosch // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. — 2022. — Vol. 119, № 1. — P. 1–8.
 31. Rubinstein, A. Economic fables. — Kineret : Zemorah-Bitan, 2009. — 259 p.
 32. Waterman, T. Making meaning: Utopian method for minds, bodies, and media in architectural design // *The Landscape of Utopia* / ed. by [указать редактора, если есть]. — London ; New York : Routledge, 2022. — P. 107–123.
 33. Woodhouse, D. Institutional theory / *International encyclopedia of business management*. — 2024. — Vol. 2. — P. 209–217.
- Balance of interests in economic and geoeconomic spaces: new approaches to analysis and design through the tools of paradigm analysis**
Piskarev P.M.
Pavel Piskarev Institute of Psychology of Creativity
JEL classification: B41, E22, E44, N01, N10, O33, O38
- Globalization and the «North-South» problems require new approaches to governance. The article clarifies the category of «balance of interests» and defines algorithms for its formation by agents of the geoeconomic space. The replacement of the term «international relations» with «interaction of agents» is substantiated, and the concepts of interests, incentives, and motives are distinguished. It is revealed that the balance of interests, while always present, varies from constructive to destructive under the influence of cognitive and cultural factors. An algorithm for modeling economic space based on these factors and the principles of paradigm analysis is proposed, which changes the paradigm of economic thinking.
- Keywords: economic space, balance of interests, modeling of economic space, cognitive factors, value-cultural factors, paradigm analysis.
- References**
1. Antipina, O. N. Economics and Happiness in Russia: An Empirical Analysis / O. N. Antipina, A. D. Krivitskaya // *Voprosy Ekonomiki*. — 2022. — Vol. 8. — P. 48–67. [In Russian]
 2. Akhmadeev, D. R. Ronald Coase and New Institutional Theory / D. R. Akhmadeev, E. P. Dyatel, B. A. Yeznkyan [et al.]. — Moscow : Limited Liability Company "Publishing House "KnoRus", 2022. — 252 p. — ISBN 978-5-406-09601-7. — EDN SZYSNB. [In Russian]
 3. Belyaev, V. P. The Legal Nature of Interest as a Precursor to Defining the Concept of National Interests / V. P. Belyaev, B. B. Bidova, G. S. Belyaeva // *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law*. — 2023. — Vol. 48, No. 4. — P. 710–717. [In Russian]
 4. Biryukov, V. V. The Fundamental Question of Economic Theory and the Study of the Protosystem of Economic Systems // *The Science of Person: Humanitarian Researches*. — 2025. — Vol. 19, No. 1. — P. 163–172. [In Russian]
 5. Volchik, V. V. On the Theory and Methodology of Narrative Economics // *Issues of Economic Theory*. — 2022. — No. 3. — P. 31–46. [In Russian]
 6. Dolgorukov, V. V. Normative Standards in Logic and Game Theory: Structural Parallels / V. V. Dolgorukov, E. L. Popova // *Logical Investigations*. — 2025. — Vol. 31, No. 2. — P. 31–51. [In Russian]
 7. Egbert, H. Foundations of Modern Economics: Elinor Ostrom and the Commons / H. Egbert, T. Sedlarski, A. B. Todorov // *Economic Thought*. — 2023. — Vol. 68, No. 5. — P. 554–571. [In Russian]
 8. Ivashchenko, A. O. Harmonization of Economic Interests in the Process of Fixed Capital Movement at Industrial Enterprises as a Goal of State Economic Policy // *Theoretical and Applied Economics*. — 2025. — No. 2. — P. 13–30. [In Russian]
 9. Kovalev, A. V. Money and Capital in the Concepts of W. S. Jevons and C. Menger // *Economic Science Today*. — 2022. — No. 15. — P. 131–141. [In Russian]
 10. Malshina, N. A. The Logical Square of Metamodernism — Relations of Basic Categorical Proportions // *Society: Philosophy, History, Culture*. — 2025. — No. 8. — P. 246–255. [In Russian]
 11. Mankovsky, I. A. Institutional Economic Theory as a Scientific Basis for the Transition to a New Technological Paradigm: Prospects and Conditions for Application // *The Economic Revival of Russia*. — 2022. — No. 4 (74). — P. 57–67. [In Russian]
 12. Meshcheryakov, A. A. Searching for a Nash Equilibrium for a System of Two Interconnected Raw Material and Product Markets / A. A. Meshcheryakov, O. O. Khamisov // *Journal of Mining Institute*. — 2026. — No. 276-1. — P. 129–141. [In Russian]
 13. Mironova, I. S. The Essence of the Contradictory Nature of Economic Interests of Economic Entities / I. S. Mironova, S. M. Sotnikov // *Modern Economics: Problems and Solutions*. — 2022. — Vol. 3. — P. 8–21. [In Russian]
 14. Mitin, A. N. Risks of Loss of State Sovereignty and Balance of Interests under the Influence of Aggressive Forms of Supranational Control / A. N. Mitin, D. V. Lebedev // *European and Asian Law Review*. — 2024. — Vol. 7, No. 1. — P. 10–23. [In Russian]
 15. Normova, Yu. V. Heterogeneity of the Regional Technological Space of the Russian Federation // *Russian Journal of Innovation Economics*. — 2022. — Vol. 12, No. 1. — P. 463–478. [In Russian]
 16. Slovokhotov, Yu. L. Distributed Intelligence of Multi-Agent Systems. Pt. 2. Collective Intelligence of Social Systems / Yu. L. Slovokhotov, D. A.

- Novikov // Control Sciences. — 2023. — Vol. 6, No. 1. — P. 3–21. [In Russian]
17. Solsky, M. B. John Nash's Equilibrium Principle as a Basis for Forming the Economic Structure of Multi-Product Production Systems // Problems of Socio-Economic Development of Siberia. — 2025. — No. 2 (60). — P. 56–62. [In Russian]
 18. Suvorova, A. V. Theoretical Foundations of the Study of Economic Space: Evolution of Approaches // Journal of Economic Theory. — 2020. — Vol. 17, No. 3. — P. 629–642. [In Russian]
 19. Sutyagin, A. I. Features of Analyzing the Efficiency of Investment Projects in the Context of Digitalization of the Economy / A. I. Sutyagin, A. R. Kalinin // The Eurasian Scientific Journal. — 2023. — Vol. 15, No. 2S. — P. 62–77. [In Russian]
 20. Tambovtsev, V. L. Institutional Analysis of the Economy: Qualitative and Quantitative Research and Methods // Issues of Economic Theory. — 2024. — Vol. 23, No. 2. — P. 45–55. [In Russian]
 21. Tartygasheva, G. V. The Idea of the Social Contract in the Works of Thomas Hobbes // RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series. — 2023. — No. 4. — P. 89–99. [In Russian]
 22. Tishchenko, V. I. On the Origins of Bertalanffy's "General Systems Theory" // Values and Meanings. — 2025. — No. 4 (98). — P. 97–113. [In Russian]
 23. Toshchenko, Zh. T. Social Contract: Evolution of Ideas // Russia Reforming. — 2023. — No. 21. — P. 98–121. [In Russian]
 24. Tumanyan, Yu. R. Geoeconomics and Neoliberalism: Theory, Methodology, Practice / Yu. R. Tumanyan, M. A. Koryttsev, A. V. Ipatova // Russian Journal of Economics and Law. — 2025. — Vol. 19, No. 3. — P. 488–502. [In Russian]
 25. Chernetsova, N. S. Sustainable Development of Economic Systems as a Function of the System of Economic Interests // Models, Systems, Networks in Economics, Technology, Nature and Society. — 2024. — No. 4 (52). — P. 39–52. [In Russian]
 26. Evstropieva, O. V. Institutional Approach in Recreational-Geographical Research // Geography and Natural Resources. — 2025. — Vol. 46, № 3. — P. 249–262.
 27. Fjeld, T. Bourdieu's Field Theory Revisited: A Case for 'National Signification' // Sport, Ethics and Philosophy. — 2024. — T. 18, № 2. — P. 142–160.
 28. Kleyner, G. B. Economic agents and social institutions: A behavioral interaction model / G. B. Kleyner, M. A. Rybachuk, D. V. Ushakov // Terra Economicus. — 2023. — T. 21, № 4. — P. 55–68.
 29. Lebedeva, A. B. Conceptualisation of Kurt Levin's Field Theory in the Transactional Analysis Paradigm // Transactional Analysis in Russia. — 2024. — T. 4, № 1. — P. 5–13.
 30. Mertens, S. The effectiveness of nudging: A meta-analysis of choice architecture interventions across behavioral domains / S. Mertens, M. Herberz, U. J. Hahnel, T. Brosch // Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2022. — Vol. 119, № 1. — P. 1–8.
 31. Rubinstein, A. Economic fables. — Kineret : Zemorah-Bitan, 2009. — 259 p.
 32. Waterman, T. Making meaning: Utopian method for minds, bodies, and media in architectural design // The Landscape of Utopia / ed. by [указать редактора, если есть]. — London ; New York : Routledge, 2022. — P. 107–123.
 33. Woodhouse, D. Institutional theory / International encyclopedia of business management. — 2024. — Vol. 2. — P. 209–217.

Особенности международных проектов «Группы Газпром» на Ближнем Востоке в современных экономических условиях

Кочкин Александр Вадимович

аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Президентская Академия, РАНХиГС)

Исследование направлено на изучение особенностей международных проектов «Группы Газпром» на Ближнем Востоке. Определены основные страны региона, сформулировано авторское понятие международного проекта, проведён анализ присутствия корпорации в регионе, в частности, в санкционный период. Определено, что «Группа Газпром» сохраняет устойчивую позицию в ряде стран в условиях ограничительных мер и развивает отдельные направления сотрудничества. Выявлены перспективы потенциальных совместных проектов в странах расширенного формата ОПЕК+ и в государствах, преодолевших политическую нестабильность.

Ключевые слова: проектный менеджмент, проект, Ближний Восток, санкции, международный проект, инвестиции, нефтегазовый сектор.

Введение

Для расширения международного присутствия российские нефтегазовые компании прибегают к поиску новых зарубежных рынков. Близость к Европейскому региону позволяла проводить устойчивый экспорт углеводородов и внешнюю экспансию через реализацию международных проектов. Однако первые ограничения 2014 г., и последующее беспрецедентное санкционное давление на отечественный нефтегазовый сектор в 2022 г. вызвали необходимость адаптации к изменившимся условиям внешней среды.

Ближний Восток продолжает демонстрировать одни из самых высоких темпов роста и привлекательности для инвестиций, что во многом обусловлено его традиционно богатыми запасами нефти и природного газа. Отдельные государства также являются участниками картеля ОПЕК. Эта организация, расширенная до формата ОПЕК+, участникам которого является Российская Федерация, что в свою очередь определило направлений развития международной деятельности российских нефтегазовых компаний.

Актуальность выбранной темы обусловлена изменениями системы управления международными проектами «Группы Газпром» в условиях санкционных ограничений со стороны недружественных стран, переориентации зарубежной деятельности корпорации на Восток, и адаптацией к внешним условиям с целью закрепления прочной позиции и планомерного роста в долгосрочной перспективе.

Целью исследования является выявление особенностей международных проектов «Группы Газпром» в странах Ближнего Востока в современных экономических условиях. Для достижения поставленной цели выделены основные задачи:

- 1) Определить основной перечень стран Ближнего Востока, исходя из общепринятых определений данного региона;
- 2) Рассмотреть определения проекта и определить его основные особенности;
- 3) Сформулировать авторское понятие международного проекта в рамках развития зарубежной деятельности компаний до становления глобальной корпорацией;
- 4) Рассмотреть проекты «Группы Газпром» на Ближнем Востоке с учётом санкционного давления со стороны недружественных стран после февраля 2022 г. и определить перспективные направления по реализации будущих проектов в регионе.

Материал и методы исследования

В работе использованы труды российских и иностранных исследователей, посвященных проектному управлению, реализации международных проектов, деятельности российских нефтегазовых корпораций на Ближнем Востоке и данные зарубежных исследовательских центров, затрагивающий изучение нефтегазового сектора региона.

В исследовании были использованы системный анализ и синтез, которые позволили установить взаимосвязь устойчивой позиции «Группы Газпром» на Ближнем Востоке от диверсификации маршрутов поставок на основе реализуемых и потенциальных международных проектов.

Основная часть

В связи с растущей конкуренцией на внутреннем рынке вместе с рядом внешних факторов, довлеющих над деятельностью компании, организации прибегают к поиску

новых способов адаптации к изменившимся условиям. Одной из стратегий является реализация одного или нескольких проектов, в том числе, за рубежом. Их успешное завершение гарантирует укрепление рыночной позиции и стратегическое развитие в долгосрочной перспективе. Согласно определению Института проектного управления, проект — это временное мероприятие, предпринимаемое для создания уникального продукта, услуги или результата [40]. Согласно глоссарию Ассоциации проектного управления, проект - это уникальное, временное начинание, предпринятое для осуществления перемен и достижения запланированных целей [32]. Туман Дж. Дж. предполагает, что «Проект - это организация людей, преданных определенной цели. Проекты, как правило, включают в себя крупные, дорогостоящие, уникальные или сопряженные с высоким риском мероприятия, которые должны быть завершены к определенному сроку, за определенную сумму денег и с определенным ожидаемым уровнем эффективности. Как минимум, все проекты должны иметь четко определенные цели и достаточные ресурсы для выполнения всех необходимых задач» [41]. Определяя проект, автор [39] выделяет следующие характеристики: определенное начало и конец (определенное время до завершения); конкретная, предопределенная цель или набор целей (ожидаемые результаты); ряд сложных или взаимосвязанных мероприятий; ограниченный бюджет. По мнению Турнера Дж. Р., «проект - это мероприятие, в рамках которого человеческие, финансовые и материальные ресурсы организованы по-новому для выполнения уникального объема работ с заданной спецификацией в рамках ограничений по затратам и времени, с тем чтобы добиться полезных изменений, определенных количественными и качественными целями» [42].

В отечественной литературе, определение рассматриваемого термина пересекается с трактовками зарубежных авторов. Согласно ГОСТ Р 54869 – 2011, где проект - это «Комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленный на создание уникального продукта или услуги в условиях временных и ресурсных ограничений» [12]. По мнению исследователей [28], «...под проектом вообще необходимо понимать некоторую целенаправленную идею, для достижения которой обусловленные заранее действия выполняются определенной командой во временных рамках, которые характеризуют ее начало и окончание, используя при этом ограниченные ресурсы и достигая установленных идей результатов». Авторы считали, что «Понятие «проект» объединяет разнообразные виды деятельности, характеризующиеся рядом общих признаков, основные из них таковы: направленность на достижение конкретных целей, определенных результатов; координированное выполнение многочисленных взаимосвязанных действий; ограниченная протяженность во времени с определенным началом и концом» [19, с.18].

Независимо от области работы и отраслевой принадлежности организации следует выделить основные черты каждого проекта: установленные временные рамки для достижения конкретной цели - создание товара, услуги, или определенного результата; утвержденный бюджет проекта служит инструментом для контроля и мониторинга использования доступных ресурсов. Наконец, проект - особенное мероприятие с целью достижения уникального результата, отличного от других аналогичных мероприятий этой же или иных компаний, в том числе, конкурентов.

В контексте развития международной деятельности компания эволюционирует от локального участника до глобальной корпорации, последовательно укрепляя свои позиции в процессе конкурентной борьбы. С целью увеличения доходности операционной деятельности, компания

прибегает к выходу на зарубежные рынки через географическую экспансию по средствам поиска наиболее благоприятных регионов для повышения рентабельности операционной деятельности. Перспективные международные рынки должны обладать свойствами открытости, стабильности, конкурентным характером взаимосвязи, а также, в частности, требуют анализа объема и степени государственного участия в экономике и отдельных качественных характеристик, например, организационно-культурную модель [18, с.5-6]. Наиболее оптимальное соотношение указанных факторов позволяет проводить эффективное проникновение зарубеж. Руководствуясь данными критериями отбора, корпорация обеспечивает постепенный рост числа международных проектов в ряде стран и регионов, что позволяет создавать единую, глобальную цепочку добавленной стоимости.

Олейник С.П., Матына Л.И. предлагают своё авторское определение, согласно которому «Международный бизнес-проект — это проект, среди участников которого, а именно хозяйствующих субъектов, хотя бы один расположен в другой стране» [25]. Рыжкова И.В. считала, что «Международный проект в терминологии менеджмента проектов определяется как полный, завершённый цикл продуктивной инновационной деятельности группы стран» [27]. В качестве основных примеров международных проектов в глобализированной деловой среде следует выделить международные совместные предприятия, зарубежные дочерние компании многонациональных корпораций [33, с.38], которые наиболее характерны в нефтегазовой отрасли. В рамках данных форм сотрудничества проводятся проекты в секторе upstream, включающий операции по разведке и добыче углеводородного сырья. В случае обнаружения коммерческого месторождения, участники получают доступ к сырьевой базе иностранного государства на основе эксклюзивных прав (СРП, концессионные соглашения, формирование стратегических альянсов), обеспечивая не только расширение портфолио собственных иностранных активов, но и устойчивую позицию в долгосрочной перспективе.

С учетом рассмотренных определений, сформулируем собственное определение международного проекта — это ограниченное во времени, уникальное мероприятие, реализуемое группой участников, в том числе на уровне государств, через выполнения ряда определенных задач для достижения поставленных целей на основе взаимовыгодной формы сотрудничества.

Перед рассмотрением международной деятельности «Группы Газпром» на Ближнем Востоке, следует уточнить, что список стран в зависимости от подхода весьма разнится. Рассмотрим наиболее основные определения. Согласно Большой Российской Энциклопедии (БРЭ), «Ближний Восток» определяется, как «...территории на юго-западе Азии и северо-востоке Африки, на которой расположены Египет, Судан, Бахрейн, Израиль, Иордания, Ирак, Йемен, Катар, Кипр, Кувейт, Ливан, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Сирия, Турция, Палестинская нац. Автономия» [8]. По мнению Ахмадуллина В.В., в данный регион следует включать следующие страны: Египет, Судан, Южный Судан, Израиль, Палестина, Иордания, Ирак, Сирия, Ливан, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, Йемен, Кувейт, Катар, Бахрейн, Оман, Кипр, Турция, Иран [6]. Авторами [14] предлагается понятие ближневосточных субрегионов - Машрик, Персидский Залив и Северная Африка. В своем исследовании авторы [13, с.3] выделили основные группы стран по четырем географическим структурам - Ближний Восток и Северная Африка, Ближний Восток, Большой Ближний Восток, Современный Большой Ближний Восток. В годовом отчете за 2017 г. с целью сегментации своей деятельности по географическому признаку, ПАО «Газпром» выделяется

регион Среднего и Ближнего Востока, в состав которого входили 11 основных стран: Афганистан, Израиль, Иордания, Ирак, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, ОАЭ, Пакистан и Саудовская Аравия [10, с.62]. Однако с учётом рассмотренных определений «Ближнего Востока» и масштаба международной деятельности корпорации видятся необходимым учесть такие значимые страны, как Турция и Иран, а также Египет, Сирия, Ливия и Алжир.

В силу приоритетности и важности нефтегазового сектора, деятельность национальных нефтегазовых корпораций на международных рынках является не только основой расширения производственных операций для поддержания нормы прибыли, но и объектом продвижения внешней политики Российской Федерации. Активная экспансия российского нефтегазового сектора на территории Ближнего Востока началась в советский период. Для эффективного осуществления международных инициатив в 1967 г. Министрство нефтяной промышленности СССР приняло решение о создании Всесоюзного объединения «Зарубежнефть». Его основной задачей стало оказание технической помощи дружественным государствам в формировании нефтяной и других ключевых отраслей экономики [16]. Первым государством стала Сирия, на территории которой производилась разработка трёх месторождений - Суэдия, Румелан, Карачок. Основным перспективным рынком долгое время являлся Ирак, где велась разработка четырех месторождений - Северная Румейла, Нахр Умр, Лухейс и Западная Курна. Впоследствии данная организация расширила свою деятельность, инициировав проекты в Ливии, Алжире и Египте. После распада Советского Союза и экономических реформ 1990-ых гг. уже сформированная компания АО «Зарубежнефть» также продолжала работать на рынках Ближнего Востока. Однако, после политически негативных событий в Ираке, компания приостановила работу в стране.

Начало XXI столетия ознаменовало новый виток в развитии сотрудничества с арабским миром. Благодаря твёрдой позиции российского руководства с целью поддержания тесных дипломатических отношений с большинством стран Северной Африки на основе российско-африканского диалога и сближения с монархиями государств Персидского залива, несмотря на ранее оказанную поддержку деятельности террористических организаций на территории Северного Кавказа в 2000-е гг., российские нефтегазовые компании постепенно начали расширять международное присутствие в регионе [28]. Сотрудничество Российской Федерации с отдельными странами региона усилилось в 2010-е гг. на фоне обострения политических отношений с Украиной в 2014 г. и постепенным выводом активов российских компаний из Европейского региона. Новые условия потребовали поиска альтернативных рынков сбыта и поиска более надёжных партнёров по встречному взаимодействию, в том числе, в нефтегазовом секторе. В 2018 г. международные проекты российских нефтегазовых мейджеров были представлены в 6 государствах [30], чему способствовало активное расширение сотрудничества со странами Ближнего Востока в начале 2010-х гг., и последующее вступление Российской Федерации в неформальный, расширенный формат ОПЕК+. Подобная тенденция определила портфель международных проектов тройки основных российских нефтегазовых мейджеров – «Группы Газпром», ПАО «Лукойл», ПАО «НК «Роснефть», а также АО «Зарубежнефтегаз».

Наиболее подробное присутствие «Группы Газпром» в регионе было продемонстрировано в годовом отчёте 2017 г. (Таблица 1).

Исходя из проведенных ниже Рисунков 1 и 2 следует, что в 2017 г. «Группа Газпром» рассматривала регион в большей степени (54%), как рынок сбыта продукции в рамках диверсификации поставок, однако в должной мере не

анализировала возможности реализации проектов в секторе upstream (13%), несмотря на ранее проводимые и осуществляемые на текущий момент производственные операции в Ливии, Алжире, Ираке и Курдистане.

Таблица 1

Присутствие «Группы Газпром» в регионе Среднего и Ближнего Востока, а также отдельно включаемых странах, по сегментам сбытовой и производственной деятельности, 2017 г.

Страна	Наименование хозяйственной деятельности	Количество направлений деятельности в стране
Афганистан	Продажи продукции переработки углеводородного сырья	1
Израиль	Продажи продукции переработки углеводородного сырья Продажи нефти и газового конденсата	2
Иордания	Продажи продукции переработки углеводородного сырья	1
Ирак	Поиск и разведка углеводородов Добыча газа и газового конденсата Добыча нефти	3
Йемен	Продажи продукции переработки углеводородного сырья	1
Катар	Продажи продукции переработки углеводородного сырья	1
Кувейт	Продажи СПГ	1
Ливан	Продажи продукции переработки углеводородного сырья	1
ОАЭ	Продажи продукции переработки углеводородного сырья Продажи СПГ	2
Пакистан	Продажи продукции переработки углеводородного сырья	1
Саудовская Аравия	Продажи продукции переработки углеводородного сырья	1
Турция	Продажи газа, поставляемого по магистральным газопроводам Продажи продукции переработки углеводородного сырья	2
Иран	-	0
Сирия	-	0
Ливия	Поиск и разведка углеводородов Добыча газа и газового конденсата Добыча нефти Продажи продукции переработки углеводородного сырья	4
Алжир	Поиск и разведка углеводородов Продажи продукции переработки углеводородного сырья	2
Египет	Продажи продукции переработки углеводородного сырья	1

Составлено автором на основе: [10, с.62]

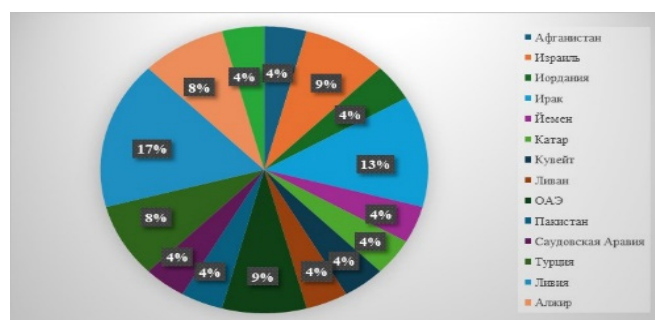

Рисунок 1. Присутствие «Группы Газпром» в регионе Среднего и Ближнего Востока, а также отдельно включаемых странах, включаемых в регион, по сегментам сбытовой и производственной деятельности, 2017 г.

Составлено автором на основе: [10, с.62]

Подобная избирательность в вопросе приоритезации географии международной деятельности в контексте обычных проектов отражает неоднозначный характер присутствия корпорации в указанных странах.

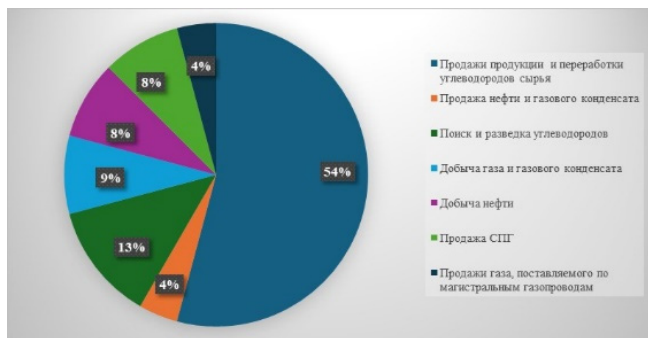

Рисунок 2. Долевое соотношение сегментов сбытовой и производственной деятельности «Группы Газпром» в регионе Среднего и Ближнего Востока, а также отдельно включаемых странах, 2017 г.

Составлено автором на основе: [10, с.62]

Позиция ОАО «Газпром» в Ливии являлась крайне противоречивой на протяжении длительного периода. В 2006 г. компания добилась успеха, выиграв тендер на разработку и разведку углеводородов на участке шельфа №19 в Средиземном море сроком на 30 лет. Первоначальные проектные планы включали бурение шести поисково-разведочных скважин [23]. Через год после подписания компанией соглашения о разделе продукции (СРП) с «Национальной Нефтяной Компанией Ливии» (ННК), были рассмотрены обширные возможности для сотрудничества. Среди них [22]: участие «Газпром» в новых тендерах на разведку и разработку углеводородов на условиях СРП в Ливии; реализацию совместных нефтегазовых проектов в стране; совместные инициативы по маркетингу природного газа и СПГ. Однако последующая гражданская война в феврале 2011 г., и так называемый «второй период гражданской войны», затронувший 2014–2020 гг. частично заморозили деятельность компании на территории Ливии. Официальных анонсов о возобновлении данного проекта со стороны корпорации не последовало.

Другим проектом в стране было участие с 2007 г. подразделения «Gazprom International Limited» (49%) в совместном предприятии Wintershell AG (WIAG) в кооперации с «Wintershell Dea AG» в Ливии. С 1966 г. «WIAG» являлось оператором двух участков, на которых были открыты 10 месторождений, а 9 из них в последствии введены в промышленную эксплуатацию. Крупнейшим являлось Ас-Сарах, входившее в одну из старейших концессий С96, помимо второй С97, добыча на которых велась с 1970-ых гг. [24]. На период с 2011 по конец 2019 гг. деятельность СП частично возобновлялась и снова приостанавливалась в связи с изменениями политической обстановки в Ливии. В 2017 г. подразделение «Gazprom International Limited» вновь провела встречу с «Wintershell AG» о возобновлении операций. Двумя годами позже в городе Триполи состоялось подписание нового СРП по участкам 91 и 107 между «WIAG» и «Национальной нефтяной корпорацией Ливии» (ННК). В 2020 г. «WIAG» получил права оператора в новом образованном совместном предприятии «Sarir Oil Operations» с ливийской компанией [26]. С 2022 г. совместное предприятие «WIAG» возобновило производственные операции по добыче нефти совместно с национальной компанией «Sarir Oil Operations» на двух участках в бассейне Сирт [21]. На момент 2025 г. данные о проекте не представлены в открытых источниках корпорации, что частично связано, как с политически нестабильной ситуацией в стране в период с 2022 по 2025 гг., так и возможным ограничением международной деятельности подразделений «Группы Газпром» со стороны недружественных стран, несмотря на заинтересованность подразделения ПАО «Газпром нефть», ПАО «Лукойл» и других российских нефтегазовых компаний в проектах

upstream в Ливии в рамках 9-ого международного семинара ОПЕК в 2025 г.

С 2008 г. «Gazprom International Limited» выступает в качестве оператора алжирского проекта «Эль Ассаль». Геологоразведка привела к четырем газонефтяным месторождениям - Землэ Эр-Реккеб, Северный Землэ Эр-Реккеб, Рурд-Сая, Северный Рурд-Сая. Экономическая нерентабельность стала основной причиной при принятии решения об отказе дальнейшей разработки первых двух месторождений. Оставшиеся два признаны коммерчески перспективными. Текущее соглашение остается в силе до 2039 г. Согласно плану, в 2026 г. планировалась промышленная добыча углеводородного сырья [15].

Однако справедливо указать, что основным наименее предсказуемым риском региона остаётся политический фактор. Исследователь писал, что «Геополитические последствия, связанные с запасами нефти на Ближнем Востоке, продолжают оказывать влияние на мировую политику и экономику. Энергетическая безопасность остается важнейшей проблемой для стран всего мира. Центральная роль региона в мировой цепочке поставок нефти требует дипломатического взаимодействия и создания стратегических альянсов. Исторические примеры конфликтов, такие как ирано-иракская война и война в Персидском заливе, подчеркивают уязвимость региона перед лицом геополитической напряженности и нестабильности» [34, с.176]. Очередной виток кризиса в регионе снова наблюдался во взаимоотношениях между Ираном и Израилем в процессе трансформации системы региональной безопасности в период с 2023 по середину 2025 гг., когда противостояние участников переросло в полномасштабный межгосударственный конфликт на фоне поддержания и противостояния отдельных военных формирований, а география боевых действий затрагивала израильско-ливанскую приграничную зону, Голанские высоты, территорию Сирии, акваторию Персидского залива и израильско-египетскую границу [9, с.800]. Несмотря на указанные события, «Группа Газпром» продолжала работать в политически нестабильных странах рассматриваемого региона.

Подразделение ПАО «Газпром нефть» сохраняет свое присутствие и продолжает операционную деятельность в политически нестабильном Ираке и его автономном регионе Курдистане. Начиная с 2010 г., компания выполняет функции оператора с долей участия 30% на месторождении Бадра в кооперации с международными участниками - корейской Kogas, малайзийской Petronas, турецкой ТРАО и иракской нефтяной разведочной компанией ОЕС. Срок реализации проекта составляет 20 лет. В Иракском Курдистане осуществляется деятельность по разработке блоков Гармани и Шакал. В 2011 г. в пределах первого блока было обнаружено месторождение Саркала [37]. В 2025 г. компания не предоставляла официальные данные о проекте, что следует связывать с намеренным сокрытием информации для нивелирования потенциальных санкционных ограничений.

Турецкая Республика остаётся наиболее стабильным партнером в энергетическом взаимодействии. Вопреки ряду серьезных вызовов - от диверсий на «Северных потоках», сокращение украинского транзита газа в Западную Европу, национализацию части газопровода «Ямал-Европа», а также отсутствие видимых перспектив реализации газового хаба, призванного частично восстановить экспорт в Европу, проекты «Турецкий поток» и «Голубой поток» продолжают демонстрировать устойчивость. Помимо наличия альтернативного направления природного газа в обход стран-транзитеров и Европейского союза, а также санкционных ограничений, повлиявших на вынужденный уход корпорации из большинства Западных стран, «Группа Газпром» сохраняет экспорт природного газа в

страны Балканского региона (Болгарию, Венгрию и Сербию) и Юго-Восточной Европы (Греция, Северная Македония, Румыния).

Несмотря на то, что в регионе происходит постепенное смещение инвестиций в сторону сферы финтех, гига-проектов, туристической инфраструктуры, недвижимого имущества [13], нефтегазовый сектор продолжает сохранять свою значимость в удельном весе отдельно взятых государств. Согласно Международному Энергетическому Агентству (МЭА), объем инвестиций в разведку и добычу нефти и газа на Ближнем Востоке варьируются от 100% внутренних инвестиций национальных нефтяных компаний в Саудовской Аравии до 35% в Ираке, что свидетельствует о различных уровнях доступного финансирования и иностранного участия в добыче ресурсов. В Катаре внутренние инвестиции выросли в семь раз с 2015 года благодаря ускоренному развитию крупного месторождения «Северное поле», в то время как иностранные инвестиции за тот же период увеличились в четыре раза. В Объединенных Арабских Эмиратах и Омане около 40% инвестиций в разведку и добычу стабильно поступают из иностранных источников. В Ираке около 70% инвестиций в разведку и добычу поступает из иностранных источников и продолжает расти, при этом страна планирует заключить 30 новых лицензионных соглашений по нефтегазовым проектам в рамках двух последних раундов лицензирования [36].

Приоритетными направлениями для развития внешней экспансии в данном регионе «Группы Газпром» видется реализация участков магистральных газопроводов на территории отдельных стран и проведение проектов по разработке и освоению преимущественно газовых месторождений в наиболее политически, дипломатически стабильных и ресурсобеспеченных странах. А.С. Аль-Дирави и Л.А. Подольянец справедливо замечали, что «Ближневосточный регион имеет удачное территориальное расположение: отсюда по магистральным трубопроводам можно экспортировать газ к крупным потребителям в странах Азии, Европы и Африки, а выход к морю дает возможность отправлять СПГ кораблями в любую точку мира. Низкие объемы экспорта стран Ближнего Востока связаны в основном с политическими причинами, историческим преобладанием нефтяной отрасли над газовой в регионе и недостаточно развитой инфраструктурой газовой промышленности» [31, с. 33].

Потенциальной, но политически нестабильной остается потенциальная возможность участия корпорации в проекте по строительству участка трубопровода ТАПИ. Маршрут пролегает через 4 государства - Туркмения, Афганистан, Пакистан, Индия. Изначальной целью проекта ставился достижение Афганистаном статуса развитого государства, однако после череды политически негативных событий, сроки выполнения были сдвинуты. Первоначальный консенсус в письменной форме был зафиксирован между компаниями «Unocal» (США) и «Delta Oil» (Саудовская Аравия) в 1995 г. Морозова М.Ю. писала, что «Позднее, в структурном балансе сторон, участвующих в строительстве газопровода, произошли очередные изменения. В октябре 1997 г. в Ашхабаде было подписано соглашение о создании АО «Central Asia Gas Pipeline Ltd.». В число пайщиков и акционеров новой компании наряду с туркменским правительством вошли также «Henday» (Южная Корея), «Kresent» (Пакистан), «Itochu Corporation Imprex» (Япония). Доля «Unocal» и «Delta» составила по 15%, 17% было зарезервировано за правительством Туркменистана. Позднее доля «Unocal» была увеличена до 46%, однако в декабре 1998 г. компания вышла из консорциума. Формально поводом для отказа «Unocal» от сотрудничества стало падение мировых цен на нефть и вы-

полнение связанного с этим решением о сокращении затрат» [20]. В 2002 г. компания вновь рассматривала возможность участия в консорциуме в кооперации с фирмами из США.

Спустя четыре года Индия повторно изъявила желание об участии в проекте. Кульминацией этого стало подписание рамочного соглашения в 2010 г. Активная фаза строительства началась с 2015 г. Вне зависимости от приостановки в 2021 г. по причине смены власти в стране, возобновление работ было официально анонсировано в 2024 г. На момент 2025 г. построен участок Туркмения – Афганистан [5]. Проект также имеет потенциально стратегическое значение для Российской Федерации, чей политический курс с 2021 г. направлен на выстраивание дипломатических отношений с новыми властями Афганистана. Конечная реализация трубопровода потенциально позволит выйти на рассматриваемое компанией стратегическое направление экспортных поставок природного газа через рынок Центральной Азии в Иран, Пакистан и Индию, что также подкрепляется общей стратегией переориентации на Восток. С развитием политических взаимоотношений, «Группа Газпром» также имеет возможность изучения перспектив реализации upstream проектов в кооперации с местными компаниями в стране. Ф.А. Нурмамедли и М.А. Ахадов указывали, что «В Афганистане выявлены одно нефтяное (Ангот), два газонефтяных (Ходжа-Булан, Джаркудук) и три газовых (Етымдаг, Джуминское, Ходжа-Гугердаг) месторождения. Территория страны богата полезными ископаемыми. Имеется крупное месторождение природного газа в районе Шивиргана (136 млрд куб.м)» [22].

Приоритетным реализуемым проектом, находящимся на финальной стадии, являются поставки природного газа через Азербайджан в Иран по двум рассматриваемым маршрутам – магистральному газопроводу (МГП) Хаджи-кабул – Астара – Абадан, или экспортные разовые поставки по газопроводу «Средняя Азия – Центр», проходящий через территории Туркменистана, Узбекистана, Казахстана и России. Экспортная деятельность осуществляется в рамках стратегического меморандума, заключенного между ПАО «Газпром» и «Национальной газовой компанией Ирана» (NIGC). Несмотря на потенциал для экспорта в Индию и Пакистан, ПАО «Газпром» сталкивается со значительными неопределенностями в реализации подобного крупного инфраструктурного проекта. Текущая геополитическая нестабильность и активный разворот Российской Федерации на Восток, подкрепленный стратегическими инициативами по строительству газопроводов «Сила Сибири-2» и «Сила Сибири-3», делают перспективы данного направления для компании финансово неопределенными.

Иным перспективным рынком остаётся Сирия. Несмотря на падение политического режима Башара Асада в 2024 г. и необходимость выстраивания благоприятных взаимоотношений с новой администрацией страны, серьезным основанием для сотрудничества с национальными предприятиями могут стать совместные проекты вместе с другими крупнейшими иностранными инвесторами по разработке и освоению месторождений на Сирийском Левантском шельфе.

Помимо возможности реализации upstream проектов, существует потенциал на уровне государственного диалога с привлечением корпорации к реализации давней инициативы по строительству участка трубопровода, который в перспективе соединит Катар с Турцией, объединив газовые месторождения Ближнего Востока и Европы. Расположенный рядом Катар, являясь крупнейшим обладателем запасами природного газа в размере 25 трлн. куб. м., на протяжении долгого времени рассматривает

подобные перспективы. Осуществление данного инфраструктурного проекта позволило бы трансформировать Сирию в потенциальный газовый хаб на территории Ближнего Востока. Потенциальная география трубопровода охватит 6 основных участников по следующему маршруту: Катар – Саудовская Аравия – Иордания – Сирия – Турция – Болгария [35, с.8]. Реализация подобного проекта «Группой Газпром» позволило не только расширить географию своего присутствия, но и укрепить политическое взаимодействие с новой администрацией Сирии и позицию в регионе.

«Группа Газпром» также необходимо вновь рассмотреть возможность международной деятельности в Израиле. Страна остаётся весьма нейтральной стороной в вопросе санкционных ограничений в отличие от большинства западных государств, а также обладает перспективой реализации проектов upstream. По данным Израильской торговой ассоциации природного газа, доказанные природные запасы природного газа в стране на конец 2023 г. составили 1,083 млрд. куб. м., при этом увеличившись с 2012 г. на 40% [38, с.8]. Хотя компания проиграла тендер по освоению масштабного месторождения «Левиафан», в 2013 г. был заключен 20-летний контракт на экспорт природного газа с месторождений Тамар и Далит. Впоследствии проводились переговоры с правительством страны о приобретении 30% доли в консорциуме по разработке месторождения. В 2016 г. компания приняла окончательное решение об уходе с данного рынка [4]. В 2025 г. компания официально не представлена в Израиле.

Хотя большинство рассмотренных государств требует размещение инвестиций и проработки стратегии выхода с учётом факторов внешней среды, «Группа Газпром» развивает сотрудничество с компаниями из государств-участников ОПЕК.

В 2015 г. ПАО «Газпром» и «Kuwait Petroleum» подписали Меморандум о взаимопонимании. Соглашение закладывает основу для партнерства в таких сферах, как СПГ, СУГ и другие нефтепродукты, а также научно-технического взаимодействия и инвестиционной деятельности [2]. Следует также выделить потенциально перспективное направление сотрудничества на морском шельфе Кувейта с «Kuwait Oil Co.» в сфере морской геологии, разведки, и разработки открытого месторождения «Jazah», запасы которого оценивались в 1 трлн. куб. фут. природного газа и 120 млн. куб. фут. газового конденсата, соответственно [11]. Несмотря на территориальные размеры Кувейта, играет существенную роль на глобальной арене энергетики, находясь на четвертом месте по величине запасов нефти на Ближнем Востоке, которые в 2024 г. оценивались в 104 млрд. барр. Будучи третьим по объёму добычи производителем нефти в рамках ОПЕК, Кувейт контролирует 8% мировых нефтяных резервов [17].

Хотя на момент 2025 г. компаний не анонсированы крупные международные проекты или совместные предприятия в секторе upstream, с 2017 г. основным партнером ПАО «Газпром» в технологическом аспекте нефтегазовой сферы остается Саудовская Аравия. С 2017 г. в рамках стратегического партнерства с ведущей нефтегазовой компанией в стране «Saudi Aramco». В 2018 г. для более эффективного управления этим сотрудничеством, было запланировано формирование координационного комитета в соответствии с подписанным Дополнением к меморандуму [2, 3]. В 2019 г. компания установила стратегическое взаимодействие с «ADNOC». Это соглашение призвано изучить возможности для совместных проектов в сфере геологоразведки, разработки и эксплуатации нефтегазовых месторождений, в том числе в рамках концессионных участков в Абу-Даби. Дополнительным научно-технологическим аспектом взаимодействия заклю-

чается в разработке производственных аналитических систем для разведки, добычи, логистики, переработки и сбыта углеводородов [1].

Результаты исследования

Несмотря на санкционное давление, начатое в 2014 г. и позднее усилившееся в 2022 г., «Группа Газпром» представлена на Ближнем Востоке. Основным, не подтвержденным политическим изменением, остаётся алжирский проект «Эль-Ассаль», стабильно функционируют «Голубой поток» и «Турецкий поток», направленные в Турецкую Республику, сохраняя частичное присутствие компании в Юго-Восточной Европе и Балканах. Поставки природного газа через территорию Азербайджана в Иран позволяют потенциально рассматривать возможности дальнейшего экспорта в Пакистан и Индию. Представляется необходимым сотрудничество корпорации с Афганскими нефтегазовыми компаниями для ускорения строительства газопровода ТАПИ.

Хотя Ирак, Иракский Курдистан и Ливия остаются политически нестабильными государствами, подразделения ПАО «Газпром нефть» и «Gazprom International Limited» продолжают сохранять своё присутствие, осуществлять производственные операции и рассматривать перспективы для проведения совместных мероприятий. Наблюдается формирование сотрудничества с такими странами ОПЕК как Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт. Хотя заключенные соглашения определяют основные направления кооперации с ключевыми игроками в регионе, следует сделать акцент на формировании паритетных совместных предприятий по разработке нефтяных и газовых месторождений в целях формирования конкурентного и устойчивого портфеля проектов.

Целесообразно изучить перспективы осуществления проектов в Израиле, учитывая его политический нейтралитет и ранний опыт присутствия корпорации в стране. Также представляется важным возобновить диалог с новым руководством Сирийской Республики для продвижения интересов Российской Федерации в отношении проектов по освоению месторождений на Левантийском шельфе и необходимость обсуждения реализации трубопровода Катар – Болгария.

Заключение

На основе проведенного исследования выявлено, что «Группа Газпром» продолжает сохранять устойчивую позицию в регионе, несмотря на санкционные ограничения, реализуя проекты в Алжире, Ираке и Иракском Курдистане, осуществляет поставки природного газа в Турцию, сохраняет присутствие в странах Юго-Восточной Европы и ведёт подготовку к экспорту в Иран. Корпорация сотрудничает с нефтегазовыми компаниями из стран ОПЕК, однако взаимодействие требует формирования совместных предприятий для формирования устойчивого портфолио проектов «Группы Газпром» в данных государствах. Перспективными рынками остаются Израиль, как приоритетного газового рынка, возможность участия в проекте ТАПИ на территории Афганистана для развития экспортного маршрута в Пакистан и Индию и проведения проектов по разведке и освоению месторождению в стране. Важным аспектом развития международной деятельности является возобновление диалога с новыми властями Сирии для реализации проектов на Левантийском шельфе и реализации потенциального проекта в сфере трубопроводной инфраструктуры Катар – Болгария.

Литература

1. «Газпром нефть» и ADNOC договорились о стратегическом сотрудничестве в нефтегазовой отрасли [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Газпром

нефть». 2018. 18 апреля. URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/news/gazprom-neft-i-adnoc-dogovorilis-o-strategicheskom-sotrudnichestve-v-neftegazovoy-otrasli/> (Дата обращения: 29.01.2026)

2. «Газпром нефть» и Saudi Aramco подписали меморандум о сотрудничестве [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Газпром нефть». — 2017. — 5 октября. — URL: «Газпром» и Kuwait Petroleum Corporation подписали Меморандум о взаимопонимании // ГАЗПРОМ: официальный сайт. — 2015. — 10 ноября. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2015/november/article250208/> (Дата обращения: 29.01.2026)

3. «Газпром» и Saudi Aramco создадут совместный координационный комитет [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «Газпром». — 2018. 18 апреля. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2018/april/article418316/> (Режим доступа: 28.01.2026)

4. Gazprom Marketing & Trading будет эксклюзивно закупать СПГ в рамках проекта Tamar FLNG в Израиле [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «Газпром». 2013. 6 февраля. URL: <https://www.gazprom.ru/about/subsidiaries/news/2013/february/article156888/> (Режим доступа: 29.01.2026)

5. Алифиров Е. Участок МГП ТАПИ на территории Афганистана построен на 10%. Или на 2% [Электронный ресурс] // Neftegaz.RU : официальный сайт. 2025. 24 октября. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/904413-uchastok-mgp-tapi-na-territorii-afganistana-postroen-na-10-ili-na-2/> (Режим доступа: 14.01.2026)

6. Ахмадуллин В.В. Анализ интерпретации термина «Ближний Восток» западными авторами [Электронный ресурс] // Власть. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-interpretatsii-termi-na-blizhniy-vostok-zapadnymi-avtorami> (дата обращения: 18.01.2026).

7. Бахтина О. Ливан начал обсуждение с Сирией морской границы после сделки с Израилем [Электронный ресурс] // Neftegaz.RU : официальный сайт. 2022. 23 октября. URL: <https://neftegaz.ru/news/politics/755592-livan-nachala-obsuzhdenie-s-siriyey-morskoy-granitsy-posle-sdelki-s-izrailem/#:~:text=Левантийский%20бассейн,%20Израиля%20вдоль%20Восточного%20Средиземноморья> (Дата обращения: 28.01.2026)

8. Ближний Восток // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/geography/text/1873301#:~:text=БЛИЖНИЙ%20ВОСТОК%20*%20Рубрика:%20География%20*%20Том%203.%20Москва%2C%202005%2C%20стр.%20597 (Дата обращения: 28.01.2026)

9. Вержаковская, М. А., Аксинина, О. С., Черницына, Р. Н., Королев, А. А. Геополитическая нестабильность Ближнего Востока как детерминанта глобальной нефтяной волатильности: структурный анализ и прогностическое моделирование / М. А. Вержаковская, О. С. Аксинина, Р. Н. Черницына, А. А. Королев // Экономические отношения. 2025. Т.15. № 3. С.797-820. DOI: 10.18334/eo.15.3.123659. EDN PTELJG.

10. Газпром. Годовой отчет 2017 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «Газпром». — 2017. — URL: https://www.gazprom.ru/f/posts/85/227737/gazprom_annual_report_2017_rus.pdf (Дата обращения: 11.02.2026)

11. Гончаренко А. Кувейт открыл третье месторождение на континентальном шельфе [Электронный ресурс] // Neftegaz.RU : официальный сайт. 2025. 14 октября. URL: <https://neftegaz.ru/news/shelf/903237-kuveyt-otkryl-trete-mestorozhdenie-na-kontinentalnom-shelfe/>

12. ГОСТ Р 54869-2011. Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом : национальный стандарт Российской Федерации [Текст] / Разраб. АНО «Центр

стандартизации управления проектами». — М. : Стандартинформ, 2011. — 13 с. — Утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22.12.2011 № 1582-ст. — Дата введения: 01.09.2012.

13. Захарченко, Е. С. Инвестиционная активность в странах Ближнего Востока: региональные особенности в условиях геополитической нестабильности / Е. С. Захарченко, Т. С. Шепель, А. В. Ходоченко // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. №2. URL: <https://esj.today/PDF/34ECVN223.pdf>

14. Звягельская И.Д., Богачева А.С., Давыдов А.А., Ибрагимов И.Э., Лазовский С.О., Самарская Л.М., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю., Тюкаева Т.И. Российская политика на Ближнем Востоке: перспективы и вызовы [Электронный ресурс] // Свободная мысль. 2021. №6 (1690). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-politika-na-blizhnem-vostoke-perspektivy-i-vyzovy> (Дата обращения: 25.01.2026).

15. Игнатъева А. Газпром и алжирская SONATRACH обсудили вопросы сотрудничества в газовой сфере [Электронный ресурс] // Neftegaz.RU : официальный сайт. 2024. 9 октября. URL: <https://neftegaz.ru/news/exhibitions/859048-gazprom-i-alzhirskaya-sonatrach-obsudili-voprosy-sotrudnichestva-v-gazovoy-sfere/> (Режим доступа: 18.01.2026)

16. История нефтегазовой компании «Зарубежнефть» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «Зарубежнефть». 2026. URL: <https://www.nestro.ru/ru/o-kompanii/istoriya/> (Дата обращения: 13.01.2026)

17. Кадирова Г.Ш. Ближний Восток в мировой геополитике [Электронный ресурс] // CENTRAL ASIA IN MODERN INTERNATIONAL RELATIONS: PROSPECTS FOR SUSTAINABILITY AND DEVELOPMENT. Uzbekistan, 2025. 29 мая. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.15541690> (Дата обращения: 25.01.2026)

18. Лузянин, М.А. Ключевые аспекты процесса выхода компании на международные рынки // Вестник евразийской науки. 2022. Т.14. №5. URL: <https://esj.today/PDF/12ECVN522.pdf> (Дата обращения: 25.01.2026)

19. Мазур И.И., Шапиро В.Д. и др. Управление проектами: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Менеджмент организации» [Текст] / под общ. ред. И.И. Мазура, В.Д. Шапиро. 6-е изд., стер. М.: Издательство «Омега-Л», 2010. 960 с.: ил., табл. (Современное бизнес-образование).

20. Морозова М.Ю. Иран и Туркменистан: Проблемы транспортировки природного газа в регион Южной Азии // Ближний Восток и современность. — М., 2005. — Вып. 26. — С. 275–290.

21. Новый оператор нефтяных месторождений в Ливии [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «Газпром интернэшнл». 2020. 28 октября. URL: <https://www.gazprom-international.ru/press/news/2017/10/268/> (Дата обращения: 16.01.2026)

22. Нурмамедли Ф.А. Обзор нефтегазовых месторождений Ближнего и Среднего Востока // Молодой ученый. 2017. №11 (145). С. 169–173. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2006/december/article55969/> (Дата обращения: 14.01.2026)

23. ОАО «Газпром». Корпоративный журнал ОАО «Газпром» [Электронный ресурс] / ОАО «Газпром». М. : ООО «Типография Сити Принт». 2014. URL: <https://www.gazprom.ru/f/posts/76/689984/gazprom-magazine-2014-11.pdf> (Дата обращения: 14.01.2026)

24. Об итогах визита делегации ОАО «Газпром» в Ливию [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «Газпром». 2007. 26 марта. URL: :

- <https://www.gazprom.ru/press/news/2006/december/article55969/> (Дата обращения: 14.01.2026)
25. Олейник С.П., Матына Л.И. МЕЖДУНАРОДНЫЙ БИЗНЕС-ПРОЕКТ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПРОФИЛЬ КОМАНДЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТОМ (ЧАСТЬ 1) // ЭСГИ. 2021. №2(30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-biznes-proekt-i-kompetentnostnyy-profil-komandy-upravleniya-proektom-chast-1> (дата обращения: 11.02.2026).
26. Прошла рабочая встреча с BASF и Wintershall [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «Газпром интернэшнл». 2017. 6 октября. URL: <https://www.gazprom-international.ru/press/news/2017/10/268/> (Дата обращения: 15.01.2026)
27. Рыжкова И.В. Международный проект как инновационная форма деятельности современного университета // Известия ВГГУ. 2009. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-proekt-kak-innovatsionnaya-forma-deyatelnosti-sovremennogo-universiteta-1> (дата обращения: 11.02.2026).
28. Ткаченко М.Ф. Российские нефтегазовые компании в странах Арабского Востока [Электронный ресурс] // Геоэкономика энергетики. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-neftegazovye-kompanii-v-stranah-arabskogo-vostoka> (дата обращения: 18.01.2026).
29. Шарохина С.В. О сущности понятия «инвестиционный проект» [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Отходы и ресурсы». 2018. Т. 5. — №5. С. 1–8. DOI: 10.15862/03ECOR118.
30. Шмелева Т. Российские нефтегазовые компании на Ближнем Востоке и в Северной Африке: интересы, проекты и перспективы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российского совета по международным делам (РСМД). — 2019. 4 декабря. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskie-neftegazovye-kompanii-na-blizhnem-vostoke-i-v-severnoy-afrike-interesy-proekty-i-perspekt/> (Дата обращения: 27.01.2026)
31. Al-Dirawi A., Podolyanets L. (2020). The current state of the gas industry in the countries Middle East // *Mezhdunarodnaja jekonomika* (The World Economics). P. 26–35. DOI: 10.33920/vne-04-2011-03.
32. APM. APM glossary of project management terms [Electronic resource] // Association for Project Management website. 2025. URL: <https://www.apm.org.uk/resources/glossary/> (Accessed: 12.01.2026)
33. Daniel PhD, Protheroe D., MacDonald D., Vulpe T. (2006). International projects: Some lessons on avoiding failure and maximizing success // *Performance Improvement*. Vol. 45. P. 38–46. DOI: 10.1002/pfi.2006.4930450309.
34. Gazi, Haikal. (2023). Oil Reserves in the Middle East: A Comprehensive Analysis. *International Journal of Science and Society*. 5. 172–181. DOI: 10.54783/ijssoc.v5i4.774.
35. Institute of Energy for South-East Europe (IENE). SEE Energy Brief: Monthly Analysis December 2024 — January 2025 (No. 426). URL: https://www.iene.eu/media/Monthly_Analysis_No_442_Aug_ust_2025_.pdf (Accessed: 15.01.2026)
36. International Energy Agency (IEA). World Energy Investment 2025: Middle East [Electronic resource] // IEA website. — 2025. — URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2025/middle-east> (Accessed: 21.01.2026)
37. Iraq [Electronic resource] // Gazprom official website. 2026. URL: <https://www.gazprom.com/about/production/projects/deposits/iraq/> (Accessed: 15.01.2026)

38. Israeli Natural Gas Trade Association. Energy Security in Israel in 2024 [Electronic resource] // Israeli Natural Gas Trade Association website. 2024. URL: https://naturalgas.org.il/wp-content/uploads/2024/12/GAZ_V4_EN_1.pdf (Accessed: 15.01.2026)
39. Pinto J.K., Slevin D.P. (1988). Project Success: Definitions and Measurement Techniques // *Project Management Journal*. Vol. 19, No. 1. P. 67–72.
40. PMI. What is a project [Electronic resource] // PMI website. 2026. URL: <https://www.pmi.org/about/what-is-a-project> (Accessed: 28.01.2026)
41. Tuman G.J. Development and implementation of effective project management information and control systems // *Project Management Handbook* / Eds. D.I. Cleland, W.R. King. New York: Van Nostrand Reinhold Company. P. 495–532.
42. Turner J.R. (1999). The handbook of project-based management: improving the processes for achieving strategic objectives [Book] London: McGraw-Hill. 2nd ed.

Features of Gazprom Group's International Projects in the Middle East in the Current Economic Conditions

Kochkin A.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA, Presidential Academy)

JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

The study aims to explore the specifics of Gazprom Group's international projects in the Middle East. It identifies the main countries in the region, defines the author's concept of an international project, and analyzes the corporation's presence in the region, particularly during the sanctions period. The study reveals that Gazprom Group maintains a stable position in several countries despite the restrictive measures and continues to develop specific areas of cooperation. It also identifies potential joint projects in the expanded OPEC+ countries and states that have overcome political instability.

Key words: project management, project, the Middle East, sanctions, international projects, investments, oil and gas sector.

References

- Gazprom Neft and ADNOC agreed on strategic cooperation in the oil and gas industry [Electronic resource] // Official website of Gazprom Neft. — 2018. — April 18. — URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/news/gazprom-neft-i-adnoc-dogovorilis-o-strategicheskoy-sotrudnichestve-v-neftegazovoy-otrasli/> (Дата обращения: 29.01.2026)
- Gazprom Neft and Saudi Aramco signed a memorandum of cooperation [Electronic resource] // Official website of Gazprom Neft. 2017. October 5. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2015/november/article250208/> (Accessed: 29.01.2026)
- Gazprom and Saudi Aramco will create a joint coordination committee [Electronic resource] // Official website of PJSC Gazprom. 2018. April 18. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2015/november/article250208/> (Accessed: 28.01.2026)
- Gazprom Marketing & Trading will exclusively purchase LNG within the Tamar FLNG project in Israel [Electronic resource] // Official website of PJSC Gazprom. 2013. February 6. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2018/april/article418316/> (Accessed: 29.01.2026)
- Alifirova E. TAPI pipeline section in Afghanistan built by 10% (or 2%) [Electronic resource] // Neftegaz.RU website. 2025. October 24. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/904413-uchastok-mgp-tapi-na-territorii-afganistana-postroen-na-10-ili-na-2/> (Accessed: 14.01.2026)
- Akhmadullin V.V. Analysis of interpretation of the term "Middle East" by Western authors [Electronic resource] // *Vlast' journal*. — 2014. — No. 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-interpretatsii-termina-blizhniy-vostok-zapadnymi-avtorami> (Accessed: 18.01.2026).
- Bakhtina O. Lebanon began discussing maritime border with Syria after deal with Israel [Electronic resource] // Neftegaz.RU website. 2022. October 23. URL: <https://neftegaz.ru/news/politics/755592-livan-nachala-obshuzhdenie-s-siriyey-morskoy-granitsy-posle-sdelki-s-izrailem/#:~:text=Левантийский%20бассейн,и%20Израиля%20вдоль%20Восточного%20Средиземноморья> (Accessed: 28.01.2026)
- Middle East // Great Russian Encyclopedia [Electronic resource]. — URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/1873301#:~:text=БЛИЖНИЙ%20ВОСТОК%20%20Рубрика:%20География%20%20Том%203.%20Москва%2C%202005%2C%20стр.%20597> (Accessed: 28.01.2026)
- Verzhakovskaya M.A., Aksina O.S., Chernitsyna R.N., Korolev A.A. Geopolitical instability of the Middle East as a determinant of global oil volatility: structural analysis and predictive modeling // *Economic Relations*. — 2025. — Vol. 15, No. 3. — P. 797–820. — DOI: 10.18334/er.15.3.123659

10. Gazprom. Annual Report 2017 [Electronic resource] // Official website of PJSC Gazprom. 2017. URL: https://www.gazprom.ru/posts/85/227737/gazprom_annual_report_2017_rus.pdf (Accessed: 11.02.2026)
11. Goncharenko A. Kuwait discovered the third field on the continental shelf [Electronic resource] // Neftegaz.RU website. — 2025. — October 14. — URL: <https://neftegaz.ru/news/shelf/903237-kuveyt-otkryl-tretemstorozhdenie-na-kontinentalnom-shelfe/> (Accessed: 29.01.2026)
12. GOST R 54869-2011. Project management. Requirements for project management: National standard of the Russian Federation / Developed by ANO «Center for Project Management Standardization». Moscow: Standartinform, 2011. 13 p.
13. Zakharchenko E.S., Shepel T.S., Khodochenko A.V. Investment activity in the Middle East countries: regional features under conditions of geopolitical instability // Eurasian Science Journal. 2023. Vol. 15, No. 2. URL: <https://esj.today/PDF/34ECVN223.pdf> (Accessed: 25.01.2026)
14. Zvyagelskaya I.D., Bogacheva A.S., Davydov A.A., Ibragimov I.E., Lazovsky S.O., Samarskaya L.M., Svistunova I.A., Surkov N.Yu., Tyukaeva T.I. Russian policy in the Middle East: prospects and challenges [Electronic resource] // Svobodnaya Mysl. 2021. No.6 (1690). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-politika-na-blizhnem-vostokey-perspektivy-i-vyzovy> (Accessed: 25.01.2026)
15. Ignatieva A. Gazprom and Algerian SONATRACH discussed cooperation in the gas sector [Electronic resource] // Neftegaz.RU website. 2024. October 9. URL: <https://neftegaz.ru/news/exhibitions/859048-gazprom-i-alzhirskaya-sonatrach-obsudili-voprosy-sotrudnichestva-v-gazovoy-sfere/> (Accessed: 18.01.2026)
16. History of the oil and gas company «Zarubezhneft» [Electronic resource] // Official website of PJSC Zarubezhneft 2026. URL: <https://www.nestro.ru/ru/o-kompanii/istoriya/> (Accessed: 13.01.2026)
17. Kadirova G.Sh. The Middle East in world geopolitics [Electronic resource] // CENTRAL ASIA IN MODERN INTERNATIONAL RELATIONS: PROSPECTS FOR SUSTAINABILITY AND DEVELOPMENT. Uzbekistan, 2025. May 29. DOI: 10.5281/zenodo.15541690 (Accessed: 25.01.2026)
18. Luzyanin M.A. Key aspects of the process of company's entry into international markets // Eurasian Science Journal. 2022. Vol. 14, No. 5. URL: <https://esj.today/PDF/12ECVN522.pdf> (Accessed: 25.01.2026)
19. Mazur I.I., Shapiro V.D. et al. Project management: textbook for students studying in the specialty «Organization Management» / Ed. by I.I. Mazur, V.D. Shapiro. 6th ed. Moscow: Omega-L Publishing House, 2010. 960 p.
20. Morozova M.Yu. Iran and Turkmenistan: Problems of natural gas transportation to South Asia // Middle East and Modernity. — Moscow, 2005. — Issue 26. — P. 275-290.
21. New operator of oil fields in Libya [Electronic resource] // Official website of Gazprom International. 2020. 28 october. URL: <https://www.gazprom-international.ru/press/news/2017/10/268/> (Accessed: 16.01.2026)
22. Nurmammedli F.A. Review of oil and gas fields in the Near and Middle East // Young Scientist. 2017. No. 11(145). P.169-173. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2006/december/article55969/> (Accessed: 14.01.2026)
23. PJSC Gazprom. Corporate journal of PJSC Gazprom [Electronic resource]. Moscow: City Print Publishing House, 2014. URL: <https://www.gazprom.ru/posts/76/689984/gazprom-magazine-2014-11.pdf> (Accessed: 14.01.2026)
24. On the results of the visit of the Gazprom delegation to Libya [Electronic resource] // Official website of PJSC Gazprom. 2007. March 26. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2006/december/article55969/> (Accessed: 14.01.2026)
25. Oleinik S.P., Matyna L.I. International business project and competency profile of the project management team (Part 1) // ESG. 2021. №2(30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-biznes-proekt-i-kompetentnostnyy-profil-komandy-upravleniya-proektom-chast-1> (Accessed: 11.02.2026)
26. Working meeting with BASF and Wintershall [Electronic resource] // Official website of Gazprom International. 2017. October 6. URL: <https://www.gazprom-international.ru/press/news/2017/10/268/> (Accessed: 15.01.2026)
27. Ryzhkova I.V. International project as an innovative form of activity for modern university // Proceedings of VSPU. 2009. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-proekt-kak-innovatsionnaya-forma-deyatelnosti-sovremennogo-universiteta-1> (Accessed: 11.02.2026)
28. Tkachenko M.F. Russian oil and gas companies in the Arab East countries [Electronic resource] // Geoenergy Economics. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-neftegazovye-kompanii-v-stranah-arabskogo-vostoka> (Accessed: 18.01.2026)
29. Sharokhina S.V. On the essence of the concept «investment project» // Waste and Resources Internet Journal. — 2018. — Vol. 5, No. 5. — P. 1-8. — DOI: 10.15862/03ECOR118
30. Shmeleva T. Russian oil and gas companies in the Middle East and North Africa: interests, projects and prospects [Electronic resource] // Official website of the Russian International Affairs Council (RIAC). 2019. December 4. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskie-neftegazovye-kompanii-na-blizhnem-vostokey-i-v-severnoy-afrike-interesy-proekty-i-perspekt/> (Accessed: 27.01.2026)
31. Al-Dirawi A., Podolyanets L. (2020). The current state of the gas industry in the countries Middle East // Mezhdunarodnaja jekonomika (The World Economics). P. 26–35. DOI: 10.33920/vne-04-2011-03.
32. APM. APM glossary of project management terms [Electronic resource] // Association for Project Management website. 2025. URL: <https://www.apm.org.uk/resources/glossary/> (Accessed: 12.01.2026)
33. Daniel PhD, Protheroe D., MacDonald D., Vulpe T. (2006). International projects: Some lessons on avoiding failure and maximizing success // Performance Improvement. Vol. 45. P. 38–46. DOI: 10.1002/pfi.2006.4930450309.
34. Gazi, Haikal. (2023). Oil Reserves in the Middle East: A Comprehensive Analysis. International Journal of Science and Society. 5. 172-181. DOI: 10.54783/ijssoc.v5i4.774.
35. Institute of Energy for South-East Europe (IENE). SEE Energy Brief: Monthly Analysis December 2024 — January 2025 (No. 426). URL: https://www.iene.eu/media/Monthly_Analysis_No_442_August_2025_.pdf (Accessed: 15.01.2026)
36. International Energy Agency (IEA). World Energy Investment 2025: Middle East [Electronic resource] // IEA website. — 2025. — URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2025/middle-east> (Accessed: 21.01.2026)
37. Iraq [Electronic resource] // Gazprom official website. 2026. URL: <https://www.gazprom.com/about/production/projects/deposits/iraq/> (Accessed: 15.01.2026)
38. Israeli Natural Gas Trade Association. Energy Security in Israel in 2024 [Electronic resource] // Israeli Natural Gas Trade Association website. 2024. URL: https://naturalgas.org.il/wp-content/uploads/2024/12/GAZ_V4_EN_1.pdf (Accessed: 15.01.2026)
39. Pinto J.K., Slevin D.P. (1988). Project Success: Definitions and Measurement Techniques // Project Management Journal. Vol. 19, No. 1. P. 67–72.
40. PMI. What is a project [Electronic resource] // PMI website. 2026. URL: <https://www.pmi.org/about/what-is-a-project> (Accessed: 28.01.2026)
41. Tuman G.J. Development and implementation of effective project management information and control systems // Project Management Handbook / Eds. D.I. Cleland, W.R. King. New York: Van Nostrand Reinhold Company. P. 495–532.
42. Turner J.R. (1999). The handbook of project-based management: improving the processes for achieving strategic objectives [Book] London: McGraw-Hill. 2nd ed.

Восточный вектор экономического развития России в контексте интенсификации международной торговли

Кузьменко Светлана Сергеевна

доцент кафедры международной экономики, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского

В статье усовершенствован научно-методический подход к определению направлений повышения конкурентоспособности рынка товаров России в контексте реализации Восточного вектора внешнеторгового сотрудничества, который, в отличие от существующих, включает доминанты: развитие импортозамещающих отраслей промышленности, снятие инфраструктурных ограничений, повышение привлекательности страны для иностранных инвесторов, расширение масштабов финансовой поддержки, повышение эффективности использования человеческого капитала, развитие транзитных функций, создание новой структуры экономики на инновационной основе и др. На основе анализа международной торговли на рынке товаров определены определен теоретический базис исследования экономического развития; представлены результаты оценки основных показателей мирового рынка товаров в условиях геополитической турбулентности; обосновано повышение конкурентоспособности рынка товаров России в рамках реализации Восточного вектора экономического развития.

Ключевые слова: международная торговля, экономическое развитие, конъюнктура, Восточный вектор сотрудничества, инновации, инвестиции.

Интенсификация международной торговли особенно актуализируется в рамках реализации Восточного вектора экономического развития России в условиях многополярности и геополитической турбулентности. Современный рынок товаров России предоставляет покупателю достаточное разнообразие номенклатурных позиций, обеспечивает широкий ассортимент и высокое качество исследуемой продукции, однако вопросы повышения конкурентоспособности российского рынка товаров имеют дискуссионный характер, требуют уточнений, особенно в контексте реализации Восточного вектора экономического развития, который, с одной стороны, представляет собой ускоренное развитие экономики Дальнего Востока, с другой стороны, предполагает интеграцию в экономику Азиатско-Тихоокеанского региона, что достигается посредством реализации инвестиционных проектов, развития инфраструктуры и поддержки бизнеса.

Аспектам функционирования мирового товарного рынка, в т. ч. рынка товаров Российской Федерации, посвящены исследования таких отечественных и зарубежных учёных как Ледян Ю. А. [1, с. 341], Зиятдинова Н. Р. [2, с. 75-77], Мамедова В. Г., Гасанова А. А. [3, с. 96-100], Азжеурова М. В. [4, с. 587-589], Егорова Л. И., Шабаев А. А., Алешков А. В. [5, с. 82], Шемякин А. Ю. [6, с. 367-371], Ковалевская П. О. [7, с. 72], Аносов Н. А. [8, с. 215], Губарев Е. Е., Степанова К. О., Федоркова С. А., Курнина И. С. [9, с. 122-123] и др. Вопросам повышения конкурентоспособности России, в т. ч. российского рынка товаров и основных хозяйствующих субъектов товарного рынка, посвящены исследования отечественных и зарубежных учёных: Матвеевой А. И., Ялуниной Е. Н., Коротенко В. Э. [20, с. 155], Ульяева М. С. [21, с. 120], Дрожжиной С. В. [22, с. 237-244], Азарян Е. М., Антонова Е. Н. [23, с. 35-40], Азарян А. А. [24, с. 145], Возияновой Н. Ю., Германчук А. Н., Возиянова Д. Э. [25, с. 25-26], Мелентьевой О. В. [26, с. 155-157], Антошиной К. А. [27, с. 11-14] и др. Комплексная диагностика показателей внешней торговли товарами России в контексте реализации Восточного вектора в экономической литературе отсутствует, что подтверждает актуальность и необходимость исследований.

Целью научной статьи является исследование Восточного вектора экономического развития России в контексте интенсификации международной торговли. Достижение этой цели требует решения следующих задач: определить теоретический базис исследования экономического развития; представить оценку основных показателей мирового рынка товаров в условиях геополитической турбулентности; обосновать повышение конкурентоспособности рынка товаров России в рамках реализации Восточного вектора экономического развития. Методология исследования включает в себя комплексный анализ факторов воздействия конъюнктуры на состояние внешнеторговой деятельности хозяйствующих субъектов, структурный и динамический анализ статистических данных о внешнеторговых потоках, а также синтез полученных результатов. Основа логики исследования включает сочетание теоретического и эмпирического анализа воздействия совокупности конъюнктурных факторов на международную торговлю, как специфики деятельности хозяйствующих субъектов на мировом рынке товаров в условиях глобальной геополитической турбулентности.

Экономическое развитие представляет собой процесс изменений в структуре и динамике экономики, направленный на улучшение жизненного уровня населения и увеличение производства благ. Термин охватывает широкий

спектр изменений: рост валового внутреннего продукта (ВВП), изменение уровня занятости, рост инвестиций и улучшение социальной инфраструктуры. Концепция «экономического развития» была введена в научный оборот в 1911 г. экономистом Йозефом Шумпетером.

Экономическое развитие предполагает постепенные качественные и структурные положительные изменения экономики, производительных сил, образования, науки, культуры, уровня и качества жизни населения, человеческого капитала. Целесообразно уточнить аспекты процесса:

- 1) экономический рост – увеличение объёма производства товаров и услуг, что может привести к повышению уровня жизни населения;
- 2) социальное развитие – улучшение социальных условий жизни: увеличение доступности образования и здравоохранения, улучшение инфраструктуры, снижение уровня бедности;
- 3) инновации и технологии – страны, которые активно внедряют новые технологические решения, имеют больше шансов на успешное развитие.

Для оценки уровня экономического развития целесообразно использовать следующие показатели:

- 1) ВВП на душу населения – отношение общего ВВП к численности населения страны, отражает средний уровень богатства граждан;
- 2) индекс человеческого развития (ИЧР) – комплексный показатель, включающий ожидаемую продолжительность жизни, уровень образованности и уровень жизни;
- 3) структура экономики – распределение экономической активности по секторам, как правило, сельское хозяйство, промышленное производство и услуги.

В контексте интенсификации международной торговли целесообразно акцентировать внимание на показателях экономического роста в соответствии со структурой экономики в условиях геополитической турбулентности.

Рынок товаров – это сфера обращения или совокупность актов купли-продажи определённых видов продуктов в соответствии с их функциональным назначением. Целесообразно классифицировать 2 вида рынка товаров: **рынок средств производства, рынок предметов конечного потребления. Рынок средств производства** интегрирует здания и сооружения, оборудование, сырьё, материалы, комплектующие изделия и другие товары, которые необходимы для производства. **Рынок предметов конечного потребления** включает в себя широкий спектр товаров, предназначенных для личного, семейного или домашнего использования [1, с. 341; 2, с. 75-77; 3, с. 96-100; 4, с. 587-589; 5, с. 82; 6, с. 367-371; 7, с. 72; 8, с. 215; 9, с. 122-123].

В контексте интенсификации международной торговли целесообразно акцентировать внимание на показателях рынка предметов конечного потребления в условиях геополитической турбулентности в соответствии с представлением актуального статистического массива и расчётов показателей прогнозных сценариев роста.

Необходимо понимать, что качественные параметры экономического развития основываются на количественных параметрах экономического роста, которые в комплексе интегрируют предпосылки для повышения конкурентоспособности.

Конкурентоспособность рынка (конкурентоспособность товара, предприятия, отрасли) – это способность объекта отвечать требованиям конкурентного рынка, запросам покупателей в сравнении с другими аналогичными товарами, услугами или конкурирующими субъектами. Универсального общепринятого определения конкурентоспособности не существует. Способность объекта опере-

жать соперника в достижении поставленных экономических целей в общем понимании является конкурентоспособностью. Приоритетный показатель – наличие у объекта конкурентных преимуществ, т. е. качеств, которые отсутствуют или менее выражены у соперников. Конкурентоспособность является понятием относительным, чётко соотносящееся с конкретным рынком и временем продажи [10, с. 155; 11, с. 120; 12, с. 237-244; 13, с. 35-40; 14, с. 145].

В контексте исследования рынка товаров России целесообразно акцентировать внимание на показателях конкурентоспособности товара, предприятия и отрасли, применить максимально инструментарий оценки показателей конкурентоспособности на основе факторов, влияющих на неё в условиях геополитической турбулентности, используя основные методы повышения конкурентоспособности.

Восточный вектор экономического развития России предполагает её взаимодействие, ориентацию на торговые взаимосвязи с дружественными странами Восточной, Юго-Восточной Азии и Океании. Свидетельством ориентации на Восточный вектор является проведение во Владивостоке Восточного экономического форума с целью стимулирования иностранных инвестиций на Дальний Восток Российской Федерации и развития экономического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Получивший широкое распространение термин «восточный поворот» включает в себя 3 взаимосвязанных компонента [15]:

- 1) необходимость развития российских территорий Зауралья;
- 2) интегрирование Российской Федерации в новый центр мировой экономики;
- 3) противостояние давлению со стороны коллективного Запада.

«... В целом же, доминантной отечественного политологического дискурса выступает мнение о том, что глобальные тенденции благоприятствуют формированию общего интереса Востока к созданию противовеса «гегемону» на мировой арене. В ходе укрепления двусторонних российско-китайских отношений формируются общие евразийские ценности, основанные на принципах плюрализма и многополярности. Будущее России находится в Большой Евразии, создание которой, несмотря на связанные с ним трудности и противоречия, представляется необратимым процессом, знаменующим «конец европейского путешествия России ...» [15].

В 2015-2024 гг. наблюдается значительный рост мирового экспорта товаров (на 47,52 %) и мирового товарооборота (на 47,75 %), что подтверждает положительную динамику, является благоприятной тенденцией. Мировой импорт товаров в 2015-2024 гг. характеризуется значительным ростом (на 47,97 %), что подтверждает положительную динамику, однако является неблагоприятной тенденцией. Вместе с тем, в контексте исследований мирового рынка товаров одновременный рост и мирового экспорта товаров, и мирового импорта товаров является объективным процессом, который свидетельствует о сбалансированности международной торговли товарами. Сальдо торгового баланса характеризуется отрицательными значениями, что обусловлено спецификой ценообразования и различными условиями поставки экспорта и импорта. Изменение показателя в 2024 г. по сравнению с 2015 г. имеет отрицательное значение (-0,15 трлн. долл.), подтверждает негативную динамику, является неблагоприятной тенденцией. Мировой экспорт товаров представлен основными векторами: Китай, США, Германия, Нидерланды, Япония, Южная Корея, Италия, Гонконг, Франция, Мексика и др. В исследуемом периоде наблюдается рост объёмов экспорта всех исследуемых стран,

что является благоприятной тенденцией, т. к. подтверждается экспортоориентация стран, как компонента их экономического развития. Мировой импорт товаров представлен основными векторами: США, Китай, Германия, Великобритания, Нидерланды, Франция, Япония, Гонконг, Индия, Мексика и др. В исследуемом периоде наблюдается рост объемов импорта во все исследуемые страны, что является неблагоприятной тенденцией, т. к. подтверждается определенная импортная зависимость стран. В 2024 г. наблюдается рост доли экспорта Китая, Нидерландов и Мексики в географической структуре мирового рынка товаров, что является благоприятной тенденцией для рассматриваемых стран в контексте их экономического развития. В 2024 г. наблюдается рост доли импорта в Китай, Нидерланды, Индию, Мексику в географической структуре мирового рынка товаров, что является неблагоприятной тенденцией для рассматриваемых стран в контексте их экономического развития [16]. В исследуемом периоде эффективность международной торговли не подтверждается. Динамика исследуемого показателя отрицательная (-0,2 %), что является неблагоприятной тенденцией. Таким образом, вышеперечисленные разнонаправленные тенденции подтверждают неоднородность экономического развития в условиях геополитической турбулентности.

В соответствии с базовыми прогнозными сценариями роста объемных показателей международной торговли предполагается ежегодный рост мирового экспорта товаров на 4,01-5,52 % (до 28,1 трлн. долл. в 2027 г.) и ежегодный рост мирового товарооборота на 4,01-5,5 % (до 56,55 трлн. долл. в 2027 г.). В соответствии с оптимистичными прогнозными сценариями роста объемных показателей международной торговли предполагается ежегодный рост мирового экспорта товаров на 7-7,79 % (до 30,29 трлн. долл. в 2027 г.) и ежегодный рост мирового товарооборота на 7-7,82 % (до 60,97 трлн. долл. в 2027 г.). В соответствии с пессимистическими прогнозными сценариями роста объемных показателей международной торговли предполагается ежегодный рост мирового экспорта товаров на 0,98-2,94 % (до 25,9 трлн. долл. в 2027 г.) и ежегодный рост мирового товарооборота на 1-2,9 % (до 52,12 трлн. долл. в 2027 г.). В условиях геополитической турбулентности целесообразным является применение базовых прогнозных сценариев роста мирового экспорта товаров и мирового товарооборота.

В соответствии с базовым прогнозным сценарием роста показателей эффективности международной торговли товарами предполагается её ежегодный рост на 4,05-5,48 % (до 1,136 в 2027 г.). В соответствии с оптимистичным прогнозным сценарием роста показателей эффективности международной торговли товарами предполагается её ежегодный рост на 6,98-7,84 % (до 1,225 в 2027 г.). В соответствии с пессимистическим прогнозным сценарием роста показателей эффективности международной торговли товарами предполагается её ежегодный рост на 1,01-2,85 % (до 1,047 в 2027 г.). В условиях геополитической турбулентности целесообразным является применение базового прогнозного сценария роста эффективности международной торговли.

В 2015-2024 гг. наблюдается значительный рост российского экспорта товаров (на 22,19 %) и внешнеторгового товарооборота (на 33,17 %), что подтверждает положительную динамику, является благоприятной тенденцией. Российский импорт товаров в 2015-2024 гг. характеризуется значительным ростом (на 52,6 %), что подтверждает положительную динамику, свидетельствует о сбалансированности российской внешней торговли товарами. Сальдо торгового баланса характеризуется положительными значениями, что обусловлено превышением

объемов экспорта товаров над объемами импорта. Подтверждается благоприятная тенденция внешней торговли Российской Федерации, свидетельствующая об экспортоориентации страны, что является маркером экономического развития России. Изменение показателя в 2024 г. по сравнению с 2015 г. имеет отрицательное значение (-25,77 млрд. долл.), подтверждает негативную динамику, является неблагоприятной тенденцией [16]. В исследуемом периоде эффективность внешнеторговой деятельности российских предприятий на рынке товаров подтверждается, что является благоприятной тенденцией, показывает превышение доходов от внешней торговли над затратами. Динамика исследуемого показателя отрицательная (-19,96 %), что является неблагоприятной тенденцией. Таким образом, вышеперечисленные разнонаправленные тенденции, выявленные в результате оценки эффективности внешнеторговой деятельности российских предприятий на рынке товаров, являются маркером турбулентности геополитических факторов, влияющих на конкурентоспособность России на мировом рынке товаров, следовательно, на экономическое развитие страны.

Совокупность результатов оценки внешней торговли России подтверждает целесообразность наращивания объемов экспорта страны в контексте сотрудничества с дружественными странами, приоритизации повышения конкурентоспособности рынка товаров России в рамках реализации Восточного вектора экономического развития. Прогнозирование основных показателей внешней торговли товарами России предусматривает потенциальную реализацию базового, оптимистичного и пессимистического сценариев. В соответствии с базовыми прогнозными сценариями роста объемных показателей внешней торговли России предполагается ежегодный рост российского экспорта товаров на 4-5,51 % (до 479,75 млрд. долл. в 2027 г.) и ежегодный рост внешнеторгового товарооборота на 4-5,51 % (до 818,47 млрд. долл. в 2027 г.). В соответствии с оптимистичными прогнозными сценариями роста объемных показателей внешней торговли России предполагается ежегодный рост российского экспорта товаров на 7-7,83 % (до 517,29 млрд. долл. в 2027 г.) и ежегодный рост внешнеторгового товарооборота на 7-7,83 % (до 882,52 млрд. долл. в 2027 г.). В соответствии с пессимистическими прогнозными сценариями роста объемных показателей внешней торговли России предполагается ежегодный рост российского экспорта товаров на 1-2,91 % (до 442,2 млрд. долл. в 2027 г.) и ежегодный рост внешнеторгового товарооборота на 1-2,91 % (до 754,41 млрд. долл. в 2027 г.). В условиях геополитической турбулентности целесообразным является применение базовых прогнозных сценариев роста российского экспорта товаров и внешнеторгового товарооборота.

Прогнозирование показателей эффективности внешнеторговой деятельности российских предприятий на рынке товаров предусматривает потенциальную реализацию базового, оптимистичного и пессимистического сценариев. В соответствии с базовым прогнозным сценарием роста показателей эффективности внешнеторговой деятельности российских предприятий на рынке товаров предполагается её ежегодный рост на 4,03-5,51 % (до 1,628 в 2027 г.). В соответствии с оптимистичным прогнозным сценарием роста показателей эффективности внешнеторговой деятельности российских предприятий на рынке товаров предполагается её ежегодный рост на 6,99-7,86 % (до 1,756 в 2027 г.). В соответствии с пессимистическим прогнозным сценарием роста показателей эффективности внешнеторговой деятельности российских предприятий на рынке товаров предполагается её ежегодный рост на 0,99-2,88 % (до 1,501 в 2027 г.). В условиях геополитической турбулентности целесообразным

является применение базового прогнозного сценария роста показателей внешнеторговой деятельности российских предприятий на рынке товаров.

На основе исследования основных показателей внешнеторговой деятельности России на рынке товаров целесообразно обосновать направления повышения конкурентоспособности рынка отечественных товаров в контексте реализации Восточного вектора экономического развития (табл. 1); предложить стратегические векторы взаимовыгодного внешнеторгового сотрудничества России с дружественными странами в условиях геополитической турбулентности (табл. 2).

Для повышения конкурентоспособности рынка товаров России целесообразно изучение опыта ведущих развитых стран, которые занимают лидирующие позиции в мировых рейтингах конкурентоспособности.

В рамках внешнеэкономической стратегии России следует развивать торговые и инвестиционные связи со странами Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки.

Таким образом, на основе исследования Восточного вектора экономического развития России в контексте интенсификации международной торговли, целесообразно заключить следующие выводы:

Таблица 1

Направления повышения конкурентоспособности рынка товаров России в контексте реализации Восточного вектора экономического развития

Направления	Аспекты повышения конкурентоспособности
Развитие импортозамещающих отраслей промышленности	Развитие импортозамещающих отраслей промышленности, в первую очередь агропромышленного сектора, что позволит обеспечить продовольствием население России и нарастить экспорт
Создание новой структуры экономики на инновационной основе	Создание новой структуры экономики на инновационной основе. Для этого необходимо использовать преимущества Дальнего Востока, в частности обеспеченность природными ресурсами и топливно-энергетическую базу
Снятие инфраструктурных ограничений	Снятие инфраструктурных ограничений для реализации флагманских инвестиционных проектов, которые формируют новую экономику региона
Развитие транзитных функций	Развитие транзитных функций и формирование крупных транспортно-логистических узлов на пересечении железнодорожных, воздушных, автодорожных, речных и морских путей
Повышение привлекательности России для иностранных инвесторов	Повышение привлекательности России для иностранных инвесторов, в т. ч. китайских партнёров, за счёт противодействия коррупции
Повышение эффективности использования человеческого капитала	Повышение эффективности использования человеческого капитала. Для этого необходимо развивать систему непрерывного образования, упростить порядок получения рабочих виз для специалистов
Расширение масштабов финансовой поддержки	Расширение масштабов финансовой поддержки инновационной и экспортной деятельности

Составлено автором

1. Экономическое развитие представляет собой это процесс изменений в структуре и динамике экономики, направленный на улучшение жизненного уровня населения и увеличение производства благ. Термин охватывает широкий спектр изменений: рост валового внутреннего продукта (ВВП), изменение уровня занятости, рост инвестиций и улучшение социальной инфраструктуры. Рынок товаров – это сфера обращения или совокупность актов купли-продажи определённых видов продуктов в соответствии с их функциональным назначением. Конкурентоспособность рынка (конкурентоспособность товара, предприятия, отрасли) – это способность объекта отвечать требованиям конкурентного рынка, запросам покупателей в

сравнении с другими аналогичными товарами, услугами или конкурирующими субъектами.

Таблица 2

Стратегические векторы взаимовыгодного внешнеторгового сотрудничества России с дружественными странами в условиях геополитической турбулентности

Аспекты	Стратегические векторы
Укрепление связей с Китаем	Китай является крупнейшим импортером российских углеводородов и важным рынком для российских товаров. Символом партнёрства является проект «Сила Сибири», обеспечивающий поставки газа в Китай
Развитие торгово-экономических отношений с Индией	Стороны активно работают над расширением сотрудничества, важными направлениями взаимодействия являются инвестиционные проекты в энергетическом секторе и сельском хозяйстве
Сотрудничество с Беларусью	Экономические отношения основаны на взаимовыгодной торговле и сотрудничестве в различных отраслях, включая энергетику и сельское хозяйство
Взаимодействие с Казахстаном	Торговля и инвестиции между странами находятся на высоком уровне. Казахстан является важным рынком для российских товаров и инвестиций, а Россия предоставляет доступ к своим технологиям и ресурсам
Сотрудничество с Ираном	В условиях западных санкций страны развивают стратегические отношения, заинтересованы в укреплении сотрудничества в области безопасности и экономики. Иран и Россия активно сотрудничают в энергетическом секторе, включая совместные проекты по добыче и переработке углеводородов
Сотрудничество с КНДР	Сотрудничество с КНДР позволяет России укрепить свою позицию в Восточной Азии. Россия поддерживает многосторонние усилия по снижению напряжённости в регионе

Составлено автором

2. Наблюдается значительный рост мирового экспорта товаров и мирового товарооборота, что подтверждает положительную динамику, является благоприятной тенденцией. Мировой импорт товаров в 2015-2024 г. характеризуется значительным ростом. Сальдо торгового баланса характеризуется отрицательными значениями. Изменение показателя в 2024 г. по сравнению с 2015 г. имеет отрицательное значение, подтверждает негативную динамику, является неблагоприятной тенденцией. Мировой экспорт товаров представлен основными географическими направлениями: Китай, США, Германия, Нидерланды, Япония, Южная Корея, Италия, Гонконг, Франция, Мексика и др. Мировой импорт товаров представлен основными географическими направлениями: США, Китай, Германия, Великобритания, Нидерланды, Франция, Япония, Гонконг, Индия Мексика и др. В условиях геополитической турбулентности целесообразным является применение базовых прогнозных сценариев роста основных показателей объёма и эффективности международной торговли товарами.

3. В исследуемом периоде наблюдается значительный рост российского экспорта товаров и внешнеторгового товарооборота, что является благоприятной тенденцией. Российский импорт товаров в 2015-2024 г. характеризуется значительным ростом, что свидетельствует о сбалансированности российской внешней торговли товарами. Сальдо торгового баланса характеризуется положительными значениями; подтверждается благоприятная тенденция внешней торговли России, свидетельствующая об экспортоориентации страны, что является маркером экономического развития России. В исследуемом периоде эффективность внешнеторговой деятельности российских предприятий на рынке товаров подтверждается, что показывает превышение доходов от внешней торговли над затратами. В условиях геополитической турбулентности целесообразным является применение базовых прогнозных сценариев роста основных показателей внешней торговли России на рынке товаров. Направления

повышения конкурентоспособности рынка товаров России в контексте реализации Восточного вектора экономического развития включают компоненты: **развитие импортозамещающих отраслей промышленности; создание новой структуры экономики на инновационной основе; снятие инфраструктурных ограничений; развитие транзитных функций; повышение привлекательности России для иностранных инвесторов, в т. ч. китайских; повышение эффективности использования человеческого капитала; расширение масштабов финансовой поддержки.** Стратегическими векторами взаимовыгодного внешнеторгового сотрудничества России с дружественными странами в условиях геополитической турбулентности являются следующие: **укрепление связей с Китаем; развитие торгово-экономических отношений с Индией; сотрудничество с Беларусью; взаимодействие с Казахстаном; сотрудничество с Ираном и КНДР.**

Мировой рынок товаров характеризуется функционированием значительного количества китайских и индийских ТНК, диагностика показателей прибыльности которых остаётся актуальным научным вопросом в качестве задач для дальнейших исследований рассматриваемого рынка в контексте реализации Восточного вектора экономического развития мирового хозяйства для повышения конкурентоспособности стран, рынков, отраслей и хозяйствующих субъектов в условиях геополитической турбулентности.

Литература

1. Ледян, Ю. А. Мировой рынок высокотехнологичной продукции как элемент мирового рынка товаров и услуг: теоретический аспект / Ю. А. Ледян // VI Международный форум молодых управленцев : Сборник материалов XXVIII Международной научно-практической конференции студентов и магистрантов, Минск, 23 января 2024 года. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2024. – С. 340-342. – EDN ECTGRG.
2. Зиятдинова, Н. Р. Тенденции и перспективы мирового рынка экологических товаров / Н. Р. Зиятдинова // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2020. – № 3(69). – С. 74-78. – EDN ZABAUN.
3. Мамедова, В. Г. Сегмент продовольственных товаров мирового аграрного рынка: текущая ситуация и перспективы развития / В. Г. Мамедова, А. А. Гасанова // Международный журнал аграрной науки и образования. – 2025. – № 1(5). – С. 95-101. – EDN VJACIR.
4. Азжеурова, М. В. Оценка состояния мирового рынка продовольственных товаров / М. В. Азжеурова // Роль аграрной науки в устойчивом развитии сельских территорий : Сборник VIII Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием, Новосибирск, 20 декабря 2023 года. – Новосибирск: ИЦ НГАУ "Золотой колос", 2023. – С. 586-590. – EDN XHMQMB.
5. Егорова, Л. И. Состояние и тенденции обеспечения экономической безопасности России на мировом рынке строительных товаров и услуг / Л. И. Егорова, А. А. Шабает, А. В. Алешков // Экономика устойчивого развития. – 2025. – № 1(61). – С. 81-84. – EDN ZHGYGW.
6. Шемякин, А. Ю. Тенденции развития мирового рынка спортивных товаров: современное состояние и тренды / А. Ю. Шемякин // Актуальные проблемы глобальной экономики : молодежная секция : материалы XXVI Международной научной конференции молодых ученых, Москва, 19 апреля 2024 года. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2024. – С. 366-372. – EDN EPZONB.
7. Ковалевская, П. О. Мировой рынок и международное движение товаров / П. О. Ковалевская // Экономика, управление, бизнес в современном мире: актуальные вопросы и перспективы развития : Сборник научных трудов по материалам IX Международной научно-практической конференции, Тверь, 21 мая 2024 года. – Тверь: ЗАО "Университетская книга", 2024. – С. 70-73. – EDN VQNPXI.
8. Аносов, Н. А. Синтезирование парадигм изучения мирового рынка товаров премиум-класса / Н. А. Аносов // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2024. – № 5. – С. 213-216. – EDN JGTBMO.
9. Губарев, Е. Е. Формирование внешнеторговых цен на товары на мировом и межрегиональных рынках в условиях санкций / Е. Е. Губарев, К. О. Степанова, С. А. Федорова, И. С. Курнина // Лучшая студенческая статья 2024 : Сборник статей XI Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 30 апреля 2024 года. – Пенза: Международный центр научного сотрудничества "Наука и Просвещение", 2024. – С. 121-125. – EDN CSEMLS.
10. Матвеева, А. И. Повышение конкурентоспособности компании на мировых рынках товаров и услуг на примере рыбной промышленности / А. И. Матвеева, Е. Н. Ялунина, В. Э. Коротенко // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 12-1(118). – С. 154-158. – DOI 10.24412/2411-0450-2024-12-1-154-158. – EDN MEIOZZ.
11. Ульянов, М. С. Основные направления повышения конкурентоспособности отечественных товаров и услуг на мировом рынке в новых экономических реалиях / М. С. Ульянов // Наука и практика: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 июня 2025 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 119-123. – EDN YAGTPT.
12. Дрожжина, С. В. Идентичность российского государства-цивилизации как фактор обеспечения духовно-культурной безопасности (экофилософский взгляд) / С. В. Дрожжина // Kant. – 2025. – № 1(54). – С. 236-245. – DOI 10.24923/2222-243X.2025-54.35. – EDN MIUIQH.
13. Азарян, Е. М. Оценка качества программно-целевого управления маркетингом территорий на основе импортозамещения / Е. М. Азарян, В. Н. Антонов // Экономическое развитие России. – 2025. – Т. 32, № 2. – С. 34-41. – EDN WSZXYJ.
14. Азарян, А. А. Международный маркетинг / А. А. Азарян // Маркетинг-дайджест : Сборник тезисов научных докладов. Республиканская научно-практическая интернет-конференция преподавателей, аспирантов, студентов и школьников, Донецк, 31 октября 2024 года. – Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, 2024. – С. 146-147. – EDN BSATLO.
15. Цыганов, П. А. Восточный вектор российской внешней политики. – URL: <https://centro.press/news/nauka/vostochnyi-vektor-rossiiskoi-vneshnei-politiki/> (дата обращения: 19.02.2026).
16. Стоимость экспорта товаров | 2024. – URL: <https://statbase.ru/datasets/trade/merchandise-exports-wto/> (дата обращения: 19.02.2026).

The eastern vector of Russia's economic development in the international trade intensifying context

Kuzmenko S.S.

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

The article improves the scientific and methodological approach to determining the directions for increasing the competitiveness of the Russian goods market in the Eastern vector of foreign trade cooperation implementing context, which, unlike the existing approaches, includes the following priorities: developing import-substituting industries, removing infrastructure restrictions, increasing the country's attractiveness for foreign investors, expanding financial support, improving the efficiency of human capital use,

developing transit functions, creating a new economic structure based on innovation, etc. Based on the analysis of international trade in the goods market, the theoretical basis for studying economic development has been determined; the results of assessing the main indicators of the global goods market in the geopolitical turbulence context have been presented; and the increase in the competitiveness of the Russian goods market as part of the implementation of the Eastern vector of economic development has been substantiated.

Keywords: international trade, economic development, market conditions, Eastern vector of cooperation, innovations, investments.

References

1. Ledyan, Yu. A. The global market for high-tech products as an element of the global market for goods and services: a theoretical aspect / Yu. A. Ledyan // VI International Forum of Young Managers: Collection of materials from the XXVIII International scientific and practical conference of students and postgraduates, Minsk, January 23, 2024. - Minsk: Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, 2024. - pp. 340-342. - EDN ECTGRG.
2. Ziyatdinova, N. R. Trends and prospects of the global market for environmental goods / N. R. Ziyatdinova // Scientific notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University. - 2020. - No. 3 (69). - pp. 74-78. - EDN ZABAUN.
3. Mamedova, V. G. Food products segment of the global agricultural market: current situation and development prospects / V. G. Mamedova, A. A. Gasanova // International journal of agricultural science and education. - 2025. - No. 1 (5). - P. 95-101. - EDN VJACIR.
4. Azzheurova, M. V. Assessment of the state of the global food market / M. V. Azzheurova // The role of agricultural science in the sustainable development of rural areas: Collection of the VIII All-Russian (national) scientific conference with international participation, Novosibirsk, December 20, 2023. - Novosibirsk: IC NGAU "Golden Ear", 2023. - P. 586-590. - EDN XHMQMB.
5. Egorova, L. I. State and trends of Russia's economic security in the global market of construction goods and services / L. I. Egorova, A. A. Shabaev, A. V. Aleshkov // Economics of sustainable development. - 2025. - No. 1 (61). - Pp. 81-84. - EDN ZHGYGW.
6. Shemyakin, A. Yu. Trends in the development of the global sporting goods market: current state and trends / A. Yu. Shemyakin // Actual problems of the global economy: youth section: materials of the XXVI International scientific conference of young scientists, Moscow, April 19, 2024. - Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2024. - Pp. 366-372. - EDN EPZOHB.
7. Kovalevskaya, P. O. The global market and international movement of goods / P. O. Kovalevskaya // Economy, management, business in the modern world: current issues and development prospects: Collection of scientific papers based on the materials of the IX International scientific and practical conference, Tver, May 21, 2024. - Tver: ZAO "Universitetskaya kniga", 2024. - Pp. 70-73. - EDN VQNPXI.
8. Anosov, N. A. Synthesizing paradigms for studying the global market for premium goods / N. A. Anosov // Competitiveness in the global world: economics, science, technology. - 2024. - No. 5. - Pp. 213-216. - EDN JGTBMO.
9. Gubarev, E. E. Formation of foreign trade prices for goods in the global and interregional markets under sanctions / E. E. Gubarev, K. O. Stepanova, S. A. Fedorkova, I. S. Kurnina // Best student article 2024: Collection of articles of the XI International research competition, Penza, April 30, 2024. - Penza: International Center for Scientific Cooperation "Science and Education", 2024. - Pp. 121-125. - EDN CSEMLS.
10. Matveeva, A. I. Increasing the competitiveness of a company in the global markets for goods and services using the example of the fishing industry / A. I. Matveeva, E. N. Yalunina, V. E. Korotenko // Economy and business: theory and practice. - 2024. - No. 12-1 (118). - Pp. 154-158. - DOI 10.24412/2411-0450-2024-12-1-154-158. - EDN MEIOZZ.
11. Uliev, M. S. The main directions of increasing the competitiveness of domestic goods and services in the world market in the new economic realities / M. S. Uliev // Science and practice: current issues, achievements and innovations: collection of articles from the VII International scientific and practical conference, Penza, June 25, 2025. - Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2025. - Pp. 119-123. - EDN YAGTPT.
12. Drozhzhina, S. V. Identity of the Russian state-civilization as a factor in ensuring spiritual and cultural security (ecophilosophical view) / S. V. Drozhzhina // Kant. - 2025. - No. 1(54). - P. 236-245. - DOI 10.24923/2222-243X.2025-54.35. - EDN MIUIQH.
13. Azaryan, E. M. Assessment of the quality of program-targeted management of territorial marketing based on import substitution / E. M. Azaryan, V. N. Antonov // Economic development of Russia. - 2025. - Vol. 32, No. 2. - P. 34-41. - EDN WSXYJ.
14. Azaryan, A. A. International marketing / A. A. Azaryan // Marketing digest: Collection of abstracts of scientific reports. Republican scientific and practical Internet conference of teachers, graduate students, students and schoolchildren, Donetsk, October 31, 2024. - Donetsk: Donetsk National University of Economics and Trade named after M. Tugan-Baranovsky, 2024. - Pp. 146-147. - EDN BSATLO.
15. Tsyganov, P. A. The Eastern Vector of Russian Foreign Policy. - URL: <https://centro.press/news/nauka/vostochnyi-vektor-rossiiskoi-vneshnei-politiki/> (date of access: 19.02.2026).
16. Value of Goods Exports | 2024. - URL: <https://statbase.ru/datasets/trade/merchandise-exports-wto/> (date of access: 19.02.2026).

Роль России в развитии международных транспортных коридоров в современных международных условиях

Новикова Дарья Дмитриевна

к.ист.н., старший преподаватель, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет),
meo@fa.ru,

Кукушкин Артемий Андреевич

студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет),
artemiykukushkin2@gmail.com,

Мнацаканян Эдуард Каренович

студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет), edvard100604@gmail.com

Статья посвящена анализу роли Российской Федерации в развитии международных транспортных коридоров в условиях трансформации мировой логистики, перераспределения внешнеторговых потоков и роста геоэкономической неопределенности. Показано, что конкурентоспособность России как основного евразийского транзитного узла в 2025 году определяется сочетанием инфраструктурной емкости Восточного полигона железных дорог, потенциала Северного морского пути как стратегического арктического маршрута, а также ускоренного становления мультимодальных маршрутов международного транспортного коридора «Север – Юг». Обосновано, что изменение структуры внешней торговли усиливает значение альтернативных направлений доставки грузов между Европой, Азией и странами Ближнего Востока. На основе актуальных статистических данных за 2025 год предложен сопоставительный индекс коридорной значимости, учитывающий как масштаб перевозок, так и динамику развития ключевых сегментов. Проведенные расчеты показывают, что при умеренном снижении грузопотока по СМП и контейнеризации на сети РЖД наиболее выраженный рост демонстрирует МТК «Север – Юг», что свидетельствует о постепенном смещении логистических приоритетов в направлении Север–Юг. Сделан вывод о необходимости фокусной государственной поддержки мультимодальной инфраструктуры, развития портовых мощностей Каспийского региона, совершенствования таможенных процедур и цифровизации международного транспортного документооборота.

Ключевые слова: международные транспортные коридоры, Россия, Северный морской путь, Транссибирская магистраль, Восточный полигон, МТК «Север – Юг», транзит, контейнерные перевозки, логистика, 2025 год.

Введение

Международные транспортные коридоры (МТК) в 2025 году выступают не только инфраструктурным, но и институциональным механизмом обеспечения устойчивости внешнеторговых потоков в условиях перестройки глобальных цепочек поставок. Для России значение МТК усиливается вследствие одновременного действия трех факторов: перераспределения внешней торговли в пользу рынков Азии и Ближнего Востока; роста доли мультимодальных решений и контейнеризации; повышения требований к предсказуемости транзита и цифровизации процедур [6, с. 42]. На этом фоне ключевой научной задачей является количественное описание вклада России в развитие и фактическую работоспособность основных коридоров, а также выявление направлений, где эффект мер транспортной политики может быть максимальным. Актуальность исследования обусловлена необходимостью научно обоснованной оценки роли Российской Федерации в системе международных транспортных коридоров в условиях трансформации мировой логистики и изменения географии внешнеторговых потоков в 2025 году. Несмотря на активное развитие инфраструктурных проектов и институциональных механизмов, в научных публикациях по-прежнему преобладают описательные подходы, в то время как количественные сопоставимые оценки роли отдельных коридоров остаются ограниченными.

Целью статьи является анализ роли России в развитии международных транспортных коридоров в современных международных условиях на основе актуальных количественных данных за 2025 год и разработка сопоставительного инструмента оценки значимости ключевых коридоров с участием Российской Федерации.

Международные транспортные коридоры: подходы к определению и критерии эффективности

В прикладных исследованиях МТК рассматриваются как совокупность маршрутов и инфраструктуры, обеспечивающих перевозку грузов между регионами с использованием одного или нескольких видов транспорта, а также набор согласованных организационно-правовых процедур (таможенных, пограничных, портовых и иных). Для целей экономико-управленческого анализа целесообразно выделять три группы критериев эффективности коридора:

- производственно-инфраструктурные (пропускная и провозная способность, наличие узких мест, резерв мощности);
- операционные, в которых содержатся время транзита, регулярность сервиса, устойчивость графика;
- институциональные, например, простота процедур, цифровые сервисы, согласованность правил с партнерами [4, с. 71].

В современных международных условиях именно сочетание инфраструктуры и процедур определяет, будет ли коридор конкурентоспособным по отношению к альтернативным маршрутам.

Роль России в системе ключевых МТК: выбор опорных направлений анализа

Для количественной иллюстрации роли России в статье рассматриваются три взаимодополняющих направления, отражающие разные модели перевозок:

1. Арктический маршрут Северного морского пути (СМП) как морской коридор с высокой экспортной составляющей.

2. Евразийское железнодорожное направление Восток–Запад (включая инфраструктуру Транссиба/БАМа и международные перевозки в сообщении с КНР) как основной сухопутный каркас внешнеторговых потоков;

3. Международный транспортный коридор «Север – Юг» как развивающаяся альтернатива маршрутам в направлении Индийского океана и Ближнего Востока.

Количественная база 2025 года и сопоставительный индекс коридорной значимости

Методологическая проблема сопоставления МТК состоит в неоднородности единиц измерения: СМП традиционно оценивается в тоннах, контейнерные маршруты – в TEU, а смешанные железнодорожные потоки включают как контейнеры, так и навалочные грузы. В этой связи предлагается сопоставительный индекс коридорной значимости (ИКЗ), который комбинирует относительную «масштабность» коридора по данным 2025 года и динамику ключевого показателя в 2025 году по сравнению с 2024 годом. Индекс предназначен для экспресс-оценки и не заменяет детальных эконометрических моделей (формула 1).

$$ИКЗ = 0,7V + 0,3G$$

где V — нормированная оценка масштаба коридора (0–1) на основе объема перевозок; G — нормированная оценка годовой динамики (0–1) на основе темпов изменения в 2025 году.

Таблица 1

Отдельные количественные показатели по опорным МТК России (2025 г.) [1; 5]

Коридор	Показатель масштаба (2025)	Динамика к 2024 г.	Ед. изм.
Северный морской путь (СМП)	37,02	-2,3%	млн т
Ж/д перевозки в сообщении с КНР (сеть РЖД, 10 мес.)	155	+7%	млн т
МТК «Север – Юг» (контейнеры)	11	рост с 7,2 до 11	тыс. контейнеров
Контейнерные перевозки по сети РЖД (все виды сообщения)	7,5604	-4,1%	млн TEU

Расчет ИКЗ для опорных коридоров (иллюстративная оценка)

Для нормирования масштаба V используется порядковая шкала на основе ранжирования показателей из таблицы 1 (наибольший объем получает V=1, наименьший — V=0, остальные распределяются равномерно). Для нормирования динамики G применяется линейное преобразование темпов изменения (для «роста с 7,2 до 11 тыс.» рассчитывается относительный прирост). В результате получаем сопоставимую оценку: наибольший вклад в индекс дает евразийское направление Восток–Запад по масштабу, тогда как по динамике наиболее быстро растущим сегментом выступает МТК «Север – Юг».

Таблица 2

Иллюстративные значения ИКЗ в 2025 г. [2; 3]

Коридор	V (0–1)	G (0–1)	ИКЗ	Интерпретация
Ж/д перевозки в сообщении с КНР	1,00	0,77	0,93	максимальный масштаб при положительной динамике
Контейнерные перевозки по сети РЖД	0,67	0,00	0,47	высокий масштаб при снижении общего объема
Северный морской путь (СМП)	0,33	0,11	0,27	умеренный масштаб в выборке при небольшой просадке
МТК «Север – Юг»	0,00	1,00	0,30	максимальная динамика при малом текущем масштабе

Обсуждение результатов

Результаты иллюстративного расчета позволяют сделать три прикладных вывода. Во-первых, евразийское железнодорожное направление Восток–Запад в 2025 году сохраняет наибольшую «массу» за счет значительных объемов перевозок в сообщении с КНР, что подтверждает роль России как сухопутного моста между азиатскими производственными центрами и внутренними/евразийскими рынками. Во-вторых, снижение суммарных контейнерных перевозок на сети РЖД в 2025 году указывает на чувствительность контейнеризации к конъюнктуре внешней торговли и тарифно-организационным условиям, что требует адресной работы с сервисными продуктами, парком и цифровыми сервисами «сквозной» логистики. В-третьих, ускоренный рост контейнерных отправок по МТК «Север – Юг» (при относительно небольшом масштабе) свидетельствует о структурном сдвиге логистических приоритетов в пользу направления Север–Юг. Это повышает значение мультимодальных узлов (портовая инфраструктура Каспия, железнодорожные стыки, сухие порты), а также унификации процедур и документарного обмена с партнерами.

Ограничения и направления дальнейших исследований

Предложенный индекс носит упрощенный характер и основан на ограниченном наборе показателей. К ограничениям относятся: неоднородность единиц измерения объемов перевозок, различная доступность оперативных данных за 2025 год и различия в структуре грузовой базы коридоров. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: (1) построение единой модели стоимости доставки по коридорам с учетом времени, ставок, портовых простоев и рисков; (2) оценка мультипликативных эффектов инфраструктурных инвестиций; (3) анализ институциональных решений по упрощению процедур и цифровизации международного документооборота.

Заключение

Роль России в развитии международных транспортных коридоров в современных международных условиях определяется способностью одновременно поддерживать крупномасштабные евразийские перевозки и развивать альтернативные направления. Количественные данные 2025 года показывают, что при сохранении высокой значимости восточного вектора и контейнерных сервисов на сети РЖД, наиболее заметный прирост демонстрирует направление МТК «Север – Юг», что требует фокусной поддержки мультимодальной инфраструктуры и согласованных процедур. Предложенный сопоставительный индекс коридорной значимости может использоваться как инструмент первичной диагностики при формировании приоритетов транспортной политики и программ развития логистических узлов.

Литература

1. В 2025 году перевозки по МТК «Север – Юг» достигли 11 тысяч контейнеров // РЖД, 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/news/v-2025-godu-perevozki-po-mtk-sever-yug-dostigli-11-tysyach-konteynerov/> (дата обращения: 11.02.2026).
2. Грузопоток по Севморпути в 2025 году снизился на 2,3% до 37,02 млн т. // «Ведомости», 09.02.2026. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spb.vedomosti.ru/economics/news/2026/02/09/174931-gruzopotok-po-sevmorputi-v-2025-godu-snizilsya-na-23> (дата обращения: 11.02.2026).
3. Ж/д перевозки в сообщении с Китаем за 10 месяцев 2025 (со ссылкой на сообщение РЖД). // SeaneWS [Электронный ресурс]. URL: <https://seaneWS.ru/2025/11/20/ru->

zhd-perevozki-v-soobshhenii-s-kitaem-za-10-mesjacev-2025/ (дата обращения: 11.02.2026).

4. Ларин А.Н., Ларина И.В. Развитие транспортных коридоров в современных условиях // Известия Транссиба. 2023. №4 (56). С. 71-82.

5. ОАО «РЖД». В ноябре 2025 года отправлено свыше 1 млн ДФЭ (официальные данные о контейнерных перевозках) // РЖД [Электронный ресурс]. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9398/page/104069?id=320124> (дата обращения: 11.02.2026).

6. Сипаро К. А. Роль России в развитии евразийских транспортных коридоров // ТДР. 2022. №1. С. 42-47.

The role of Russia in the development of international transport corridors in the contemporary international environment

Novikova D.D., Kukushkin A.A., Mnatsakanyan E.K.

Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University)

JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

The article analyzes the role of the Russian Federation in the development of international transport corridors amid the transformation of global logistics, the redistribution of foreign trade flows, and increasing geoeconomics uncertainty. It is shown that Russia's competitiveness as a major Eurasian transit hub in 2025 is determined by a combination of the infrastructure capacity of the Eastern railway polygon, the potential of the Northern Sea Route as a strategic Arctic corridor, and the accelerated development of multimodal routes within the International Transport Corridor "North-South." The study substantiates those changes in the structure of foreign trade enhance the importance of alternative cargo delivery routes between Europe, Asia, and the countries of the Middle East. Based on current statistical data for 2025, a comparative corridor significance index is proposed, taking into account both the scale of transportation and the development dynamics of key segments. The calculations indicate that despite a moderate decline in cargo traffic along the Northern Sea Route and containerization on the Russian Railways network, the International Transport Corridor "North-South" demonstrates the most pronounced growth, reflecting a gradual shift in logistics priorities toward the North-South direction. The article concludes that targeted state support for multimodal infrastructure, development of port capacities in the Caspian region, improvement of customs procedures, and digitalization of international transport documentation are essential.

Keywords: international transport corridors, Russia, Northern Sea Route, Trans-Siberian corridor, Eastern Rail Polygon, International North-South Transport Corridor, transit, container transport, logistics, 2025.

References

1. In 2025, transportation along the International Transport Corridor "North-South" reached 11 thousand containers. Russian Railways, 2025. [Electronic resource]. Available at: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/news/v-2025-godu-perevozki-po-mtk-sever-yug-dostigli-11-tysyach-konteynerov/> (accessed: 11.02.2026).
2. Cargo traffic along the Northern Sea Route in 2025 decreased by 2.3% to 37.02 million tons. Vedomosti, 09.02.2026. [Electronic resource]. Available at: <https://www.spb.vedomosti.ru/economics/news/2026/02/09/1174931-gruzopotok-po-sevmorputi-v-2025-godu-snizilsya-na-23> (accessed: 11.02.2026).
3. Rail transportation in traffic with China for 10 months of 2025 (with reference to a statement by Russian Railways). SeaNews. [Electronic resource]. Available at: <https://seanews.ru/2025/11/20/ru-zhd-perevozki-v-soobshhenii-s-kitaem-za-10-mesjacev-2025/> (accessed: 11.02.2026).
4. Larin A.N., Larina I.V. Development of transport corridors in modern conditions. Izvestiya Transsiba, 2023, no. 4 (56), pp. 71–82.
5. In November 2025, more than 1 million TEU were dispatched (official data on container transportation) // Russian Railways. [Electronic resource]. Available at: <https://company.rzd.ru/ru/9398/page/104069?id=320124> (accessed: 11.02.2026).
6. Siparo K.A. The role of Russia in the development of Eurasian transport corridors. TDR, 2022, no. 1, pp. 42–47.

Современное состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества между молодыми предпринимателями Китая и России

Тянь Юйвэй

доктор филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет, tianyuwei9099@163.com

Актуальность темы исследования обусловлена тем фактом, что международная обстановка по-прежнему остается сложной и изменчивой. Восстановление мировой экономики идет медленно, отличается неравномерностью в различных государствах, пока российско-китайские отношения развиваются на высоком уровне. Целью статьи является анализ текущего состояния торгово-экономического взаимодействия между молодыми предпринимателями Китая и России, в том числе в рамках таких проектов, как «Российско-китайский молодежный бизнес-инкубатор». Для этого охарактеризованы хронологические этапы развития их совместной работы. Автором охарактеризованы проблемы, способствующие стагнации партнерства между рассматриваемыми странами: узкая география сотрудничества, сырьевая, низкодиверсифицированная отраслевая структура, дефицит квалифицированных кадров и др. Большое внимание было уделено составлению рекомендаций, связанных с расширением логистических маршрутом, созданием цифровых платформ, диверсификацией различных секторов.

Ключевые слова: молодежное сотрудничество, молодежь, торгово-экономическое сотрудничество, Россия, Китай, российско-китайское партнерство, молодые предприниматели.

В условиях изменений, касающихся перехода к биполярному мироустройству, которые осложнены сложной мировой экономической ситуацией, движущие силы глобального роста остаются неустойчивыми. Согласно прогнозам экспертов, Азиатско-Тихоокеанский регион будет способствовать становлению мирового прогресса, усилившийся на 4,5% в 2024 году против 2,4% в среднем по миру. Однако, сохраняется тенденция к снижению экономической динамики.

В нынешние дни взаимоотношения между Китаем и Россией находятся на пике своего исторического развития. Для этого стороны приняли и обнародовали два документа: План развития приоритетных направлений двустороннего экономического сотрудничества и Совместное заявление, в котором определяются пути углубления всеобъемлющего партнерства в новую эпоху. В них также зафиксировано намерение государств к активизации сотрудничества в следующих сферах: расширение применения инструментов цифровой экономики, развитие логистической инфраструктуры, сельское хозяйство, а также укрепление студенческих обменов и поддержку инноваций и предпринимательства в молодежной среде, что привело к созданию проекта «Российско-китайского молодежного бизнес-инкубатора». Как отмечает И.А. Емельянова, «чтобы обеспечить будущий экономический рост, необходимо активно вовлекать молодых специалистов в бизнес и помогать им воплощать свои идеи» [3, с. 62]. Лу Цзяцзинь поддерживает эту точку зрения, подмечая, что обе стороны входят в группу мировых лидеров по легкости ведения бизнеса [4, с. 28].

После XVIII съезда КПК отношения между Китаем и Россией стали более интенсивными, а их сотрудничество в области реализации торгово-экономического направления продолжает углубляться. В последние годы объем двусторонней торговли стабильно растет, и Китай уже много лет является крупнейшим торговым партнером России. Две страны достигли значительного прогресса в таких сферах, как энергетика, электронная коммерция, финансы, аграрная деятельность и др.

Аналогичная картина наблюдается и при проведении обменов между молодыми специалистами. Для развития их взаимодействия обе страны приняли ряд совместных деклараций. Во время государственного визита в марте 2013 года в Россию китайское руководство подписало совместное заявление, в котором подчеркнули выгоду от реализации двустороннего экономического сотрудничества.

В 2014 году, в рамках Года молодежных дружественных обменов, Китай и Россия реализовали План действий по гуманитарному сотрудничеству. В документе содержались рекомендации по укреплению взаимопонимания между молодыми поколениями через различные мероприятия. Подобная инициатива привела к положительным результатам.

В 2016 году при активной поддержке руководства Китая и России был запущен инновационный гуманитарный проект – Российско-китайский молодежный бизнес-инкубатор, объединяющий усилия представителей двух стран.

Проект динамично развивался: в 2018 году состоялись взаимные визиты делегаций Циндао и Омска, а в 2019 году произошли обмены между провинцией Гуйчжоу и Брянской областью, в процессе которых индивиды обсу-

дали собственные идеи, вели переговоры и др. На практике это воплотилось в конкретные инициативы: например, один из них касался получения и применения полипентенола в Циндао. А уже после 2020 года часть активностей была переведена в онлайн-формат. Например, запущен облачный сервис, на котором за два года зарегистрировались около 200 студентов.

В июне 2021 года, к 20-летию Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, стороны подтвердили намерение укреплять молодежные связи. В том же году инкубатор при поддержке Всекитайской федерации молодежи и Российского союза молодежи расширил деятельность до 24 городов.

Активность продолжала нарастать. Так, например, в августе 2023 года в Хэйхэ прошел Китайско-российский молодежный форум по торгово-экономическому развитию. Год спустя, в рамках ЭКСПО в Харбине состоялся круглый стол молодых предпринимателей. В июле 2024 года город Хэйхэ принял ежегодную конференцию инкубатора, а также провел второе по счёту мероприятие, посвящённое торгово-экономическому партнёрству. В честь 75-летия дипломатических отношений стороны вновь заявили о планах по развитию региональных молодежных обменов. Реализация этих мер наглядно демонстрирует внимание правительства к молодежному сотрудничеству как ключевому инструменту укрепления гуманитарных связей. Для наглядного понимания того, как подобное взаимодействие воплощается на практике, можно обратиться к данным, представленным на рисунке 1.

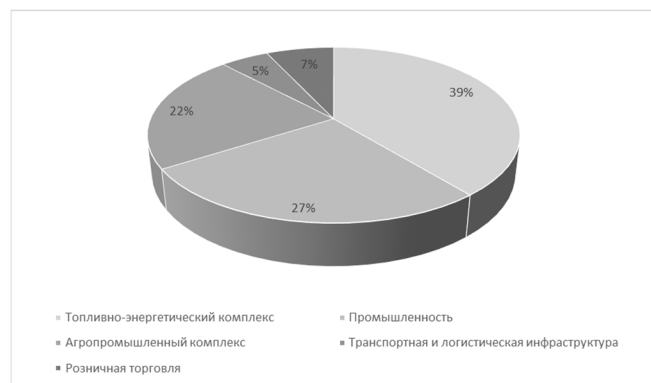

Рисунок 1 – Целевая отраслевая структура совместных проектов молодых предпринимателей Китая и России.

Исходя из данных, представленных на рисунке 1, становится ясно, что были намечены конкретные национальные приоритеты. Китайско-российское партнерство будет активно развиваться, выходя за рамки традиционных отраслей, таких как топливо-энергетический комплекс. Товарная структура становится всё более сбалансированной, особенно заметно будут представлены поставки промышленных, несырьевых товаров. На рисунке 2 представлены фактические результаты такой политики.

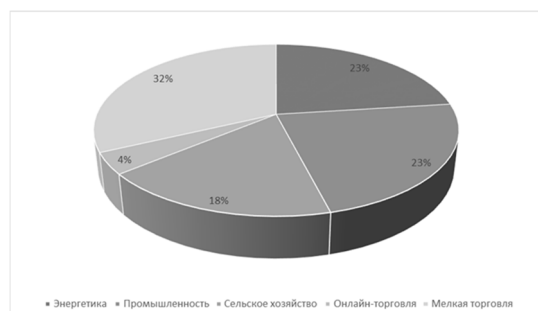

Рисунок 2 – Фактическая отраслевая структура совместных проектов молодых предпринимателей Китая и России.

Реализация различных стратегических проектов также является свидетельством углубления партнёрства. Среди ключевых достижений можно выявить строительство атомных электростанций «Тяньвань» и «Сюйдабао», ввод в эксплуатацию автомобильного моста через Амур у Хэйхэ, завершение железнодорожного мостового перехода Тунцзын – Нижнеленинское, а также совместная работа над созданием Международной научной лунной станции.

Инвестиционная деятельность также на подъёме: на протяжении 3-х лет объём новых контрактов китайских компаний на строительные проекты в России превышал 5 млрд долларов США, достигнув исторического максимума по обороту. Параллельно стороны активно развивают сотрудничество в новых, перспективных областях, таких как электронная коммерция (объёмы которой резко выросли за 11 месяцев 2021 года), «зелёная», низкоуглеродная экономика, биомедицина и культурно-креативные индустрии. Несмотря на позитивную динамику, сфера торгово-экономического взаимодействия между молодыми предпринимателями двух стран остаётся относительно узкой. Согласно перечню договорённостей, достигнутых на Втором форуме по торгово-экономическому сотрудничеству молодых предпринимателей в июле 2024 года (включаяшему 22 проекта), их совместная деятельность в основном сосредоточена на экспорте-импорте энергоносителей, строительстве логистической инфраструктуры и торговле товарами массового спроса.

Географическая близость во многом определяет российско-китайское партнерство: этому способствуют развитие приграничной инфраструктуры, либерализация торговых процедур, а также запуск новых совместных инициатив. Как отмечают П.П. Дерюгин, П. Цзе и Д.А. Лебединцев, молодежный бизнес всё больше тяготеет к региональной локализации. Это подтверждается различиями в карьерных предпочтениях: 59% выпускников в восточных регионах склонны начинать дело у себя на родине, в то время как на северо-востоке таких лишь 24% [2, с. 25].

Однако у этого явления есть и обратная сторона. Большинство проектов сосредоточены в приграничных районах, таких как Хэйхэ и Владивосток. Такая модель формирует узкий, локализованный взгляд на рынок, в связи с чем деятельность многих предпринимателей редко выходит за рамки соседних регионов. Для развития перспективных сфер, таких как цифровая экономика или международная онлайн-торговля, критически важным становится доступ к высококвалифицированным специалистам. А они, как правило, сосредоточены в крупных деловых центрах, удаленных от границы. Аналогичное мнение можно найти в научных трудах М.О. Тураевой и А.А. Яковлевой [6, с. 10].

В условиях неопределенности стратегических ориентиров молодым бизнесменам сложно выйти за пределы устоявшейся модели. Это сдерживает развитие инновационного сектора, наглядно демонстрируя негативный эффект от излишней географической концентрации сотрудничества.

К тому же, взаимодействие Китая и России сосредоточено на энергетической промышленности, в первую очередь, на поставках нефти и природного газа. Такая модель, с одной стороны, закономерна из-за наличия богатых природных ресурсов обеих стран, а с другой, ведет к асимметрии в торговых отношениях. Колебания мировых цен на энергоносители также отражаются на общих показателях товарооборота.

Значительную часть несырьевого экспорта составляет сельскохозяйственная продукция, тогда как доля высокотехнологичных товаров и услуг с высокой добавленной

стоимостью остается невысокой. Следовательно, взаимодействие между Россией и Китаем в наукоемких отраслях пока остается поверхностным. При всех усилиях, направленных на диверсификацию партнерства в последние годы, на практике сохраняются проблемы. К ним относятся неотрегулированные процедуры взаимодействия, несовершенство законодательства и недостаточное бюджетное финансирование.

Зачастую рыночные механизмы работают неэффективно. Это объясняется как различиями в реализации политических решений, так и барьерами на уровне местных рынков: препятствиями для ведения бизнеса, расхождениями в нормативных требованиях и др.

При этом новые технологии развиваются стремительно, но у России и Китая пока нет отлаженных механизмов для работы в этой сфере. Пока что не создано действенных механизмов взаимодействия, которые позволили бы координировать политику, осуществлять совместные НИОКР и снимать барьеры для выхода компаний на рынки друг друга. Разработка необходимых правил требует времени, поэтому меры поддержки часто запаздывают. В таких передовых областях, как искусственный интеллект, блокчейн или облачные вычисления, страны ещё не выстроили полноценную систему государственного стимулирования. Недостаток внимания к этим направлениям и скромные инвестиции в научные исследования замедляют сотрудничество. В качестве примера можно привести сектор низковысотной авиации. Хотя внутри обеих стран это направление активно развивается, оно почти не находит отражения в совместных проектах молодых предпринимателей России и Китая, что свидетельствует о значительном количестве упущенных возможностей.

Существующие проекты, которые связаны с проведением обменов для молодых людей из двух стран, пока носят ограниченный характер: их форматы часто однотипны, а аудитория остаётся узкой. Большинство мероприятий до сих пор остаются в рамках привычных, традиционных форматов, например, академических визитов, посвященных изучению языка. Одновременно наблюдаются дефицит новых форматов, а также недостаточное внедрение цифровых инструментов.

Активность молодёжи в торгово-экономическом и культурном сотрудничестве необходимо повышать; возможно, этому мешают слабая информационная поддержка или высокие барьеры для участия на рынке. Многие инициативы носят разовый характер, им не хватает долгосрочного планирования, что препятствует созданию устойчивого эффекта.

Диверсификация торговли требует активного внедрения цифровых технологий. Для решения выявленных проблем обеим странам рекомендуется развивать IT-сферу: работать над совместными проектами в области больших данных, разработки программного обеспечения, биофармацевтики и др. Использование интернет-платформ позволит сделать торговлю по-настоящему безграничной возможностью.

В таких обстоятельствах перспективным направлением является создание единой цифровой платформы, где будет использован аналогичный опыт китайских компаний. Чтобы это работало, странам нужно согласовать правила цифровой торговли, отладить систему трансграничных платежей и ускорить работу с цифровыми валютами. Эти и другие вопросы можно обсудить на деловых переговорах.

К тому же, целесообразно использовать потенциал Китайско-Европейского железнодорожного сообщения. Для этого необходимо анализировать промышленную специализацию городов вдоль маршрута, выявляя возможности для кооперации с российскими предприятиями. Маршрут

может служить каналом для двусторонней торговли: экспорта специализированной сельскохозяйственной продукции из внутренних районов Китая, а также для импорта востребованных российских товаров.

Китайским и российским региональным властям следует поддерживать предприятия через создание специализированных фондов и предоставление налоговых льгот, что снизит сложности молодых предпринимателей при старте запуска бизнеса. Например, Ф.Ф. Шарипов и А.Н. Родионов отмечают, что к мерам такой поддержки относятся выделение финансирования на запуск проектов, оперативное содействие в их реализации и аренда помещений на льготных условиях [7, с. 53]. Параллельно важно расширять подготовку кадров: организовывать обучающие курсы, налаживая взаимодействие между начинающими бизнесменами и техническими специалистами. Этому также будет способствовать развитие новых форматов взаимодействия, таких как транснациональные бизнес-инкубаторы и научно-исследовательские лаборатории, которые предоставят практические возможности для реализации проектов молодых специалистов. Стоит уделить внимание и проведению тренингов, отражающих особенности деловой коммуникации с иностранными партнерами, как отмечается в статье М.Д. Маруковой, С.С. Соболевой и А.Р. Цигуняевой [5, с. 8].

Необходима система поддержки стартапов на всех этапах их жизненного цикла. Доступ к менторству, целевому финансированию и маркетингу ускорит рост молодых компаний. Процесс их развития будет способствовать зарождению новых отраслей, что поможет диверсифицировать двустороннее сотрудничество. В таком контексте ключевым условием является последовательное упрощение деловых процедур. Внедрение механизмов, сокращающих бюрократические барьеры и минимизирующих излишнее административное вмешательство, повысит операционную эффективность предприятий. Особое внимание следует уделить укреплению защиты интеллектуальной собственности, что создаст необходимые правовые гарантии для инноваций и работы в перспективных сферах.

Отдельным направлением должно стать развитие финансовой инфраструктуры. Это поможет бизнесу легче находить дополнительные источники финансирования, а также минимизировать возможные убытки.

Стоит упомянуть об адаптации государственной политики к динамике высокотехнологичных отраслей. Это предполагает несколько взаимосвязанных мер: налаживание постоянного диалога через регулярные отраслевые форумы для формирования согласованной политики, увеличение инвестиций в совместные НИОКР через создание специальных фондов, активное использование существующих платформ, таких как Российско-китайский молодежный бизнес-инкубатор, а также оптимизацию рыночного доступа. Это подразумевает упрощение и ускорение вывода новых технологий на рынок при гарантии безопасности данных, с последующим мониторингом соблюдения законодательства и норм честной конкуренции. В совокупности это создаст прозрачные и благоприятные условия для предпринимателей двух стран. На это также указывает и А. Т. Алексеев [1].

Таким образом, несмотря на изменчивость глобальной экономической конъюнктуры, торгово-экономическое взаимодействие между молодыми предпринимателями Китая и России проявляет отличительные черты. Тесные двусторонние торгово-экономические связи создали для благоприятные условия для сотрудничества молодых предпринимателей России и Китая. Прогресс достигнут в таких сферах, как энергетика, сельское хозяйство и трансграничная электронная коммерция, и структура товарооборота постепенно совершенствуется. Однако на фоне

этих достижений в процессе взаимодействия также проявился ряд трудностей.

Если рассматривать региональный аспект, то сотрудничество чрезмерно сконцентрировано в традиционных приграничных регионах, таких как российский Дальний Восток и северо-восток Китая. Эта географическая узость серьёзно ограничивает как масштабы, так и глубину партнёрства. Кроме того, развитию совместных проектов в новых высокотехнологичных отраслях мешает неравномерное распределение кадровых ресурсов, что препятствует созданию диверсифицированной кооперации.

Параллельно сохраняется проблема узкой отраслевой направленности сотрудничества. Доминирование торговли энергоносителями формирует несбалансированную структуру товарооборота, которая оказывается чрезмерно зависимой от конъюнктуры мировых цен на сырьё. Взаимодействие в сфере перерабатывающей промышленности развито слабо, его механизмы остаются неотлаженными, а рыночный потенциал реализуется не в полной мере. В вопросах политической адаптации к новым высокотехнологичным отраслям наблюдается заметное запаздывание. Отсутствует целостная система государственной поддержки передовых направлений, объёмы инвестиций в совместные НИОКР недостаточны, а механизмы кооперации не развиты. Высокие барьеры для выхода на рынок и ограниченный масштаб программ подготовки и обмена специалистами дополнительно сдерживают развитие этого сегмента. Кроме того, само торгово-экономическое сотрудничество в недостаточной степени ориентировано на молодёжь. Доминирование традиционных секторов снижает его привлекательность для нового поколения предпринимателей. Деловые обмены зачастую проводятся в устоявшихся, однотипных форматах, отличаются недостатком инновационных подходов и, как следствие, невысокой вовлечённостью участников.

Для решения обозначенных проблем предлагаются конкретные меры. Стратегическими приоритетами определены диверсификация сотрудничества и его цифровая трансформация. Это подразумевает укрепление партнёрства в таких сферах, как информационные технологии и биофармацевтика, развитие платформ электронной коммерции и максимальное использование логистического потенциала Китайско-Европейского железнодорожного маршрута для стимулирования связанных отраслей.

Еще одним важнейшим направлением является расширение отраслевого взаимодействия. Этому будет способствовать предоставление целевой финансовой поддержки со стороны правительств, масштабирование программ подготовки кадров, внедрение новых форм кооперации, а также совершенствование механизмов, упрощающих торговлю. Для эффективной работы в высокотехнологичных секторах необходимо создать специализированные площадки, наращивать инвестиции в совместные НИОКР и оптимизировать условия выхода инновационных продуктов на рынок.

Одновременно, следует расширять обменные программы, усиливать меры государственной поддержки и поощрять совместные инициативы в области предпринимательства. Следовательно, последовательная поддержка молодёжного сотрудничества со стороны двух стран создаёт условия для преодоления текущих ограничений. Благодаря внедрению новых форматов кооперации, можно ожидать существенного прогресса в расширении отраслевых горизонтов партнёрства, особенно в высокотехнологичных сферах. Благодаря этому российско-китайские отношения выйдут на новый уровень.

Литература

1. Алексеев А. Т. Перспективные области и формы российско-китайского инвестиционного сотрудничества // Научные записки молодых исследователей. – 2025. – № 1. – С. 5-13.
2. Дерюгин П. П., Цзе Ц., Лебединцев Д.А. Эволюция и трансформации молодежного предпринимательства в Китае: социологический анализ // Социодинамика. – 2024. – № 2. – С. 16-29.
3. Емельянова И. А. Молодежное предпринимательство в современной России: проблемы и перспективы развития правового регулирования // Вестник Поволжского института управления. – 2023. – № 1. – С. 60-67.
4. Лу Цзяцзинь. Предпринимательские среды в России и Китае: сравнительный анализ возможностей для ведения бизнеса // Human Progress. – 2024. – Т. 10, № 4. – С. 21-30.
5. Марукова М. Д., Соболева С.С., Цигуняев А.Р. Особенности взаимодействия российских компаний с китайскими партнерами // Научные записки молодых исследователей. – 2025. – Т. 13, № 3. – С. 5-15.
6. Тураева М. О., Яковлев А.А. Сотрудничество России и Китая в новых условиях: некоторые экономические итоги 2023 г. // Россия и современный мир. – 2024. – № 3 (124). – С. 6-29.
7. Шарипов Ф. Ф., Родионов А.Н. Сотрудничество в сфере инновационных бизнес-проектов между Россией и Китаем на базе бизнес-площадок китайских высших учебных заведений // Вестник университета. – 2017. – № 11. – С. 51-55.

The current state and prospects of trade and economic cooperation between young entrepreneurs from China and Russia

Tian Yuwei

Heilongjiang University

JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

The relevance of the research topic is due to the fact that the international situation remains complex and volatile. The recovery of the global economy is slow and uneven in various countries, while Russian-Chinese relations are developing at a high level. The purpose of the article is to analyze the current state of trade and economic cooperation between young entrepreneurs from China and Russia, including in the framework of projects such as the Russian-Chinese Youth Business Incubator. For this purpose, the chronological stages of the development of their joint work are outlined. The author describes the problems contributing to the stagnation of partnership between the countries under consideration: a narrow geography of cooperation, a raw material, low-diversified industry structure, a shortage of qualified personnel, etc. Much attention was paid to the preparation of recommendations related to the expansion of logistics routes, the creation of digital platforms, and the diversification of various sectors.

Keywords: youth cooperation, youth, trade and economic cooperation, Russia, China, Russian-Chinese partnership, young entrepreneurs.

References

1. Alekseev A. T. Promising areas and forms of Russian-Chinese investment cooperation // Scientific notes of young researchers. – 2025. – No. 1. – P. 5-13.
2. Deryugin P. P., Tse Ts., Lebedintsev D.A. The evolution and transformation of youth entrepreneurship in China: a sociological analysis // Sociodynamics. – 2024. – No. 2. – P. 16-29.
3. Yemelyanova I. A. Youth entrepreneurship in modern Russia: problems and prospects of legal regulation development // Bulletin of the Volga Institute of Management. – 2023. – No. 1. – P. 60-67.
4. Lu Jiajin. Entrepreneurial environments in Russia and China: a comparative analysis of business opportunities // Human Progress. – 2024. – Vol. 10. – No. 4. – P. 21-30.
5. Marukova M. D., Soboleva S.S., Qigunyaev A.R. Peculiarities of interaction between Russian companies and Chinese partners // Scientific notes young researchers. – 2025. – Vol. 13. – No. 3. – P. 5-15.
6. Turaeva M. O., Yakovlev A.A. Cooperation between Russia and China in new conditions: some economic results of 2023 // Russia and the modern world. – 2024. – № 3. – P. 6-29.
7. Sharipov F. F., Rodionov A.N. Cooperation in the field of innovative business projects between Russia and China on the basis of business platforms of Chinese higher educational institutions // Bulletin of the University. – 2017. – No. 11. – P. 51-55.

Научно-методические основы разработки регионально-отраслевого классификатора эффективности российско-китайского делового сотрудничества

Лисичкин Александр Андреевич

аспирант Центра социально-экономических исследований, Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН),
lisichkinsasha97@gmail.com,

Шапор Мария Александровна

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН), доцент кафедры международного бизнеса, Финансовый университет Российской Федерации, chursina17@gmail.com

В рамках представленного в настоящей работе исследования авторами предложен классификатор мер государственной поддержки основных отраслей промышленности страны должен включать в себя определенные группы составляющих оценочных параметров мер государственной поддержки обозначенных отраслей. Основу формирования данного отраслевого классификатора и его концепции, так называемую, первую группу мер, составил **комплекс нетарифных мер, предложенный У. Доннелли и Д. Манифолд**, применяемый в 53 странах мира. Согласно данной концепции, представленная классификация включает в себя следующие группы мер: формальные меры государственного регулирования; меры государственной экономической политики; неформальные меры. Следующий параметр представленного классификатора – **использование механизмов государственной поддержки со стороны Китая и России**. В контексте проводимого нами исследования фокус будет смещен на механизмы государственной поддержки промышленности КНР. Третья группа мер сводится исключительно к **оценке влияния санкционных ограничений на экспорт каждой исследуемых товарных групп**. Еще одной группой мер является **возможность использования влияния «Китайского Фактора»**, представляющего собой совокупное влияние Китая на ситуацию в другой стране, регионе, отрасли или глобальном процессе. В заключении отметим, что в контексте различных отраслей возможно использование взаимосочетания указанных групп мер при проведении количественной оценки их влияния на динамику отраслевых аспектов внешней торговли страны.

Ключевые слова: Россия, Китай, регионально-отраслевой классификатор эффективности российско-китайского делового сотрудничества, комплекс нетарифных мер, Стратегия экономического развития Китая, льготное налогообложение различных групп МСП Китая.

В рамках представленного исследования необходимо провести количественную оценку эффективности отраслевых мер государственной поддержки и механизмов внешней торговли страны, как важнейшей составляющей проведения корректной количественной оценки. В целях нивелирования обозначенного пробела нами было предложено разработать некоторый отраслевой классификатор мер государственной поддержки, учитывающий совокупность различных групп факторов и их комбинации. При формировании такого чувствительного к изменениям инструмента (классификатора) появилась необходимость использовать взаимосочетание групп мер и связанных с ними показателей.

Таким образом, предложенный нами классификатор мер государственной поддержки основных отраслей промышленности любой страны, таких как, энергетика, автомобилестроение, высокие технологии, агропродовольственный сектор должен включать в себя следующие группы составляющих оценочных параметров мер государственной поддержки обозначенных отраслей:

I. Основу формирования данного отраслевого классификатора и его концепции, так называемую, первую группу мер, составил **комплекс нетарифных мер, предложенный У. Доннелли и Д. Манифолд**, применяемый в 53 странах мира. Согласно данной концепции, представленная классификация включает в себя следующие группы мер:

1) Формальные меры государственного регулирования (таможенное регулирование, лицензирование, квотирование, эмбарго, субсидии, налоги на экспортно-импортные операции, административные барьеры и валютный контроль).

2) Меры государственной экономической политики (инвестиционные требования, налоги и сборы, различные виды пошлин).

3) Неформальные меры (доступ к информации, прозрачность механизма принятия решений).

II. Следующий параметр представленного классификатора – **использование механизмов государственной поддержки со стороны Китая и России**, что, в свою очередь, позволит нивелировать негативные последствия санкционных ограничений, которые оказывают отрицательное влияние на многие отрасли. В контексте проводимого нами исследования фокус будет смещен на механизмы государственной поддержки КНР, поскольку в последующих публикациях нами будет представлено моделирование, а также апробация представленных механизмов государственной поддержки МСП Китая, как основы ее промышленности, на которые, согласно совокупной численности сотрудников предприятий, приходится 98,5% всех предприятий Китая. МСП играют решающую роль в трансформации экономики и темпы экономического роста, что также помогает достижению Целей устойчивого развития (ЦУР) к 2030 году, включая ликвидацию нищеты и предотвращение наихудших последствий изменения климата.

Рассмотрим основные меры поддержки предпринимательства в Китае, представленные в Стратегии экономического развития страны, которые могут быть полезны для российских промышленных предприятий:

1. Важное место занимают **меры реализации налоговой политики**, включающие в себя налоговые льготы,

являющиеся полезным индикатором рыночных тенденций и приоритетов правительства. Отметим, что в КНР существуют различные формы налоговых льгот, доступных для предприятий, таких как собственное налоговые льготы, налоговые вычеты, более низкие налоговые ставки, налоговые возвраты или скидки по уплате налога, отсрочки платежа по налогам и т. д.

Налоговые льготы КНР обычно классифицируют по типу налогов (как известно, в КНР существует 18 различных видов налогов, взимаемых с физических и юридических лиц, некоторые из которых имеют право на большее количество льгот, чем другие, по налоговым обязательствам, таким как корпоративный подоходный налог (КПН), налог на добавленную стоимость (НДС) и индивидуальный подоходный налог (ИПН)).

Согласно Каталогу по администрированию преференциальной политики по налогу на прибыль (CIT), выпущенному Государственной налоговой администрацией (STA), предприятиям доступно 69 различных стимулирующих мер CIT, среди которых стоит выделить следующие: освобождение от налога на прибыль определенных видов доходов (дивиденды, бонусы и другие доходы от инвестиций в акционерный капитал квалифицированных предприятий-резидентов); снижение ставки налога на прибыль для определенных групп доходов, например, на доход, полученный от приемлемой передачи технологий. Помимо указанных льгот предусмотрен дополнительный вычет до налогообложения определенных расходов, таких как расходы на исследования и разработки (НИОКР); налоговые льготы на определенные расходы, такие как инвестиции в начальные или стартовые технологические предприятия.

Кроме того, предусматриваются более низкие ставки CIT (стандартная ставка CIT составляет 25%) для определенных типов предприятий, таких как высокотехнологичные компании или предприятия в определенных регионах (компании, работающие в стимулируемых секторах в западных районах Китая) и Ускоренная амортизация или единовременный вычет стоимости основных средств. Также существует льготная налоговая политика по НДС, ИПН и другим видам налогов. Предприятия могут проверить, доступны ли какие-либо налоговые льготы, изучив налоги по одному.

Отдельно стоит выделить налоговые льготы для иностранных граждан, работающих в Китае. Данная категория лиц имеет право пользоваться налоговыми льготами по следующим восьми категориям: расходы на аренду жилья; расходы на образование детей; расходы на языковую подготовку; плата за питание; плата за стирку; расходы на переезд; расходы на командировки; расходы на отпуск на родину. Обозначенные виды льгот известны как льготы в натуральной форме или BIK, которые относятся к дополнительным льготам, не включенным в зарплату, но выплачиваемым на возмещаемой основе и представленные в неденежной форме. Виды льгот (BIK) освобождаются от ИПН при условии, что расходы разумны по размеру и для каждого расхода имеются соответствующие подтверждающие документы, такие как счета-фактуры (фаляо).

2. Размер предприятия. Поскольку малые предприятия находятся в невыгодном положении на конкурентных рынках из-за ограниченного капитала и человеческих ресурсов, правительство предоставляет налоговые льготы для поддержки их развития и помогает им выживать и процветать в трудные времена на основе использования, главным образом, инструментов льготной налоговой политики.

Как известно, проведение льготной налоговой политики является важнейшим инструментом поддержки МСП страны со стороны государства, в связи с чем Правительством КНР для стимулирования или поощрения определенной экономической деятельности или для поддержки

находящихся в неблагоприятном положении владельцев бизнеса или отдельных лиц предлагается целый ряд мер, детализация которых приведена в Таблице 1 настоящей работы.

Таблица 1

Льготное налогообложение различных групп МСП Китая

№ п/п	Ставка	Применимые условия	Срок действия	Особенности
1.	0%	Доход, полученный в Китае, не связанный с деятельностью предприятий-нерезидентов КНР, или доход, полученный предприятием-нерезидентом, не ведущим свою деятельность в Китае	Бессрочно	Временно снижено до 10%
2.	0%	Для низкорентабельных предприятий налогом облагается 25% дохода, находящегося в пределах от 1 до 3 млн. юаней	До 31 декабря 2027 года	Эффективная ставка налога на прибыль: 5%
3.	15%	Для предприятий, использующих высокие и новые технологии (HNTEs)	Бессрочно	Необходимо быть включенным в официальный список HNTE (предприятия, специализирующиеся в области новых и высоких технологий) и получить соответствующий сертификат
4.	5%	Для предприятий сферы передовых технологий (ATSE)	Бессрочно	Необходимо включить в официальный список предприятий, специализирующихся в области новых и высоких технологий
5.	5%	Для предприятий, занимающихся предотвращением и контролем загрязнения окружающей среды	До 31 декабря 2027 года	-
6.	5%	Для предприятий-экспортеров, специализирующихся на западных регионах	До 31 декабря 2030 года	-
7.	5%	Для предприятий, основу деятельности которых составляет сотрудничество в сфере услуг Цяньхай-Шэньчжэнь-Гонконг	До 31 декабря 2025 года	Должен входить в Каталог льготных режимов по налогу на прибыль организаций
8.	5%	Для предприятий, ведущих углубленного сотрудничества Хэнцзинь, Гуандун-Макао	Бессрочно	Должен входить в Каталог льготных режимов по налогу на прибыль организаций
9.	5%	Для предприятий Пинтаньской комплексной экспериментальной зоны	До 31 декабря 2025 г.	Должен входить в Каталог льготных режимов по налогу на прибыль организаций
10.	5%	Для предприятий, зарегистрированных в порту свободной торговли Хайнань, занимающиеся производством высокотехнологичной продукции.	До 31 декабря 2024 г.» (с 2025 года для порта Хайнань могут быть введены новые правила)	Необходимо проведение основной части операций в порте свободной торговли Хайнань
111.	5%	Для предприятий, сосредоточенных в новом районе Линган экспериментальной зоны свободной торговли Шанхая, занимающиеся производством высокотехнологичной продукции, значительную долю которой составляют	Бессрочно	Необходимо иметь пятилетний опыт работы в высокотехнологичных отраслях

		НИОКР ключевых отраслей промышленности		
12.	0%	Для предприятий, основу деятельности которых составляет производство программного обеспечения, а также для ключевых предприятий по производству интегральных схем после первых пяти лет освобождения от уплаты налога на прибыль	Бессрочно	-

Источник: Составлено автором на основе данных China Briefing from Dezan Shira & Associates [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.china-briefing.com/doing-business-guide/china/taxation-and-accounting/corporate-income-tax-in-china> (Дата обращения: 10.12.2025)

Как известно, 2 августа 2023 года Министерство финансов Китая (MOF) и Государственное налоговое управление (STA) совместно опубликовали несколько объявлений, продлевая льготную налоговую политику для малого бизнеса до конца 2027 года. Продление последовало сразу после заседания Исполнительного комитета Госсовета в этот понедельник, на котором Госсовет призвал к продлению льготных налоговых льгот и сборов для бизнеса, реализованных за последние три года. Китай продлил целый ряд налоговых льгот для малого бизнеса до конца 2027 года, включая налог на прибыль предприятий (CIT), НДС, а также обеспечение доступа к льготному режиму. До продления налоговые льготы для малого бизнеса должны были прекратить свое действие к концу 2023 или 2024 года соответственно.

В контексте налоговой политики и предоставления льгот МСП особое внимание следует уделить налогу на прибыль предприятий, который служит значимым мотивирующим инструментом развития МСП в высокотехнологичных отраслях промышленности КНР. Как известно, стандартная ставка налога на прибыль для предприятий, зарегистрированных в Китае, независимо от того, является ли акционер местным или иностранным, составляет 25%. При этом существует большое количество прецедентов, которые могут снизить эту сумму для высокотехнологичных предприятий, компаний с низкой прибылью и других компаний, которые соответствуют критериям органов власти, ответственных за проведение налоговой политики страны.

Продление льготной налоговой политики КНР включает в себя следующие инструменты [1]:

1. Стимулирующие вычеты по налогу на прибыль предприятий (CIT), включая отдельные льготы для малых и низкорентабельных предприятий (SLPE), в том числе, введение льготных налоговых режимов для малых предприятий, микропредприятий и индивидуальных предприятий, способствующих снижению затрат на финансирование.

2. Освобождение от налога на добавленную стоимость (НДС) и его снижение для налогоплательщиков, являющихся малыми предприятиями, если их ежемесячный объем продаж не превышает 30 000 юаней, а также освобождение от уплаты гербового сбора по кредитным договорам с финансовыми учреждениями.

3. Проведение политики снижения индивидуального подоходного налога (IIT) для индивидуальных предпринимателей.

4. Сокращение «шести налогов и двух сборов» для малых предприятий, являющихся налогоплательщиками, а также для низкорентабельных и индивидуальных предприятий, реализуемое за счет внесенных поправок в Закон Китайской Народной Республики о содействии развитию малых и средних предприятий, которые пытаются содействовать финансированию МСП, включающих в себя

такие направления, как проведение агитационной политики, позволяющей высветить роль Национального банка Китая (НБК), как центрального банка страны; содействие развитию бизнеса малых и средних банков, недепозитных кредитных институтов и компаний интернет-финансирования, а также их услуг для МСП; развитие акционерного и облигационного финансирования, что позволит расширить разнообразие режимов финансирования МСП.

Однако опубликованный в 2023 году отчет о состоянии социального финансирования Китая показал, что каналы финансирования, обслуживающие китайские МСП, сократились, что, главным образом, с тем, что кредитные организации, предоставляющие небольшие кредиты, компании интернет-финансирования и частные банки, изменили направление своего бизнеса с обслуживания инвестиций на обслуживание потребительских кредитов и с обслуживания МСП на обслуживание частных лиц и крупных предприятий. В этих условиях для МСП из ЕС, которым необходимо финансирование в Китае, лучше внимательно изучить политику и практику этого вопроса, изучив бесплатное руководство по финансированию иностранных инвестиций в КНР.

III. Третья группа мер сводится исключительно к **оценке влияния санкционных ограничений на экспорт каждой исследуемых товарных групп**, что естественным образом требует использования не только финансовых, но и нефинансовых мер поддержки российских экспортёров, также реализуемых в отраслевом разрезе. Оценка этих мер может иметь не только количественный, но и качественно – количественный характер, требуя использования соответствующих методов их анализа

IV. Еще одной группой мер является **возможность использования влияния «Китайского Фактора»**, представляющего собой совокупное влияние Китая (его политики, экономики, культуры, демографии) на ситуацию в другой стране, регионе, отрасли или глобальном процессе.

Данный элемент предложенного нами классификатора является фактически определяющим при оценке динамики торгового – экономического и промышленного сотрудничества РФ – КНР с учетом современных реалий геополитического кризиса.

Следующим разделом Стратегии экономического развития КНР является **экспортная ориентация, привлечение инноваций и инвестиций**. Анализ данного раздела представленной Стратегии требует проведения описания, а в рамках дальнейших исследований оценки эффективности совокупности мероприятий, относительно трех ее опорных элементов: внешняя торговля и, в частности, экспорт, а также привлечение инноваций и инвестиций, в первую очередь, иностранных, которые отличаются не только большим объемом, но и позволяют вывести продукт на внешний рынок за счет возможности производства высококачественной и конкурентоспособной на внешнем рынке продукции.

В рамках данного подраздела (**экспортная ориентация**) рассмотрим анонсируемые в Стратегии цели развития торговли Китая до 2035 года. **Цели развития торговли Китая до 2035 года** сводятся к следующим приоритетным направлениям:

1. Укрепление роли Китая, как крупной страны-потребителя.
2. Дальнейшее повышение качества производимой в Китае продукции и услуги, что будет способствовать повышению качества жизни населения страны.
3. Дальнейшая модернизация торговых сетей.
4. Формирование новой модели открытости.
5. Получение страной значительно более сильных преимуществ в международном экономическом сотрудничестве и конкуренции.

6. Достижение нового прогресса за счет развития торговли страны.

7. Получение Китаем лучших возможностей для использования иностранных инвестиций, осуществления исходящих инвестиций и сотрудничества с другими странами.

8. Развитие цифровой, зеленой и безопасной торговли на более высоком уровне.

9. Повышение лидерских позиций Китая в глобальном экономическом управлении.

В свою очередь, **цели развития торговли в период 14-й пятилетки** сводятся к реализации следующих направлений [8]:

- новые достижения в развитии сильного внутреннего рынка;
- новые достижения в содействии открытости экономики страны на качественно более высоком уровне;
- новые роли устанавливаются в участии в глобальном экономическом управлении;
- новые улучшения достигаются за счет предотвращения и устранения рисков.

Основные меры достижения заявленных выше целей развития торговли Китая сводятся к реализации следующих мероприятий [1]:

- содействие формированию сильного внутреннего рынка;
- стимулирование инновационной внешней торговли;
- повышение качества использования иностранных инвестиций; стимулирование высококачественного развития зон свободной торговли и портов;
- оптимизация планов региональной открытости;
- повышение возможностей исходящих инвестиций и экономического сотрудничества;
- углубление торгово-экономического сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь»;
- активное участие в глобальном экономическом управлении;
- совершенствование системы предотвращения и контроля коммерческих рисков.

В части развития **инвестиционной деятельности КНР** значимым элементом Стратегии экономического развития Китая, реализуемой в рамках 14-го пятилетнего плана использования иностранных инвестиций, 12 октября 2021 года Министерством коммерции КНР было опубликовано положение, в котором были четко изложены руководящие принципы, цели развития и ключевые задачи по использованию иностранных инвестиций Китаем в обозначенный период. Для облегчения доступа к инвестициям и повышения деловой активности в рамках 14-го пятилетнего плана использования иностранных инвестиций были обозначены следующие **цели использования иностранных инвестиций к 2035 году**:

- всеобъемлющие конкурентные преимущества Китая в привлечении иностранных инвестиций становятся более явными;
- возможности и качество использования иностранных инвестиций значительно улучшаются;
- благодаря формированию деловой среды мирового класса Китай становится основным местом назначения транснациональных инвестиций;
- развитие Китая, как восточноазиатского центра инноваций и передового производства;
- значительное усиление новых преимуществ Китая в рамках реализации международного экономического сотрудничества и повышения уровня конкурентоспособности региона.

Отметим, что 14-й пятилетний план использования иностранных инвестиций включает в себя следующие

цели использования иностранных инвестиций в исследуемый период:

- отраслевые аспекты расширения получаемых инвестиций;
- структура использования иностранных инвестиций стремительно улучшается;
- рост уровня значимости платформ, используемых для проведения электронных торгов;
- повышение уровня надежности системы управления иностранными инвестициями;
- оптимальная среда для иностранного инвестирования;
- масштаб инвестиционной деятельности КНР позволяет причислить Китай к ведущим мировым инвесторам и обеспечивает позицию локомотива в данном секторе;
- укрепление степени скоординированности отношений иностранных инвестиций и исходящих инвестиций, внешней торговли и стимулирования уровня потребления;
- повышение уровня иностранного инвестирования вносит значительный вклад в стимулирование внутренней экономики и соединение внутренних и внешних рынков.

В рамках 14-ой пятилетки предложены следующие **меры** достижения обозначенных выше инвестиционных целей:

- поощрение Китаем более высокого уровня открытости экономики;
- оптимизация структуры использования иностранных инвестиций;
- укрепление функций платформ, используемых для проведения электронных торгов;
- совершенствование возможностей обслуживания продвижения иностранных инвестиций;
- совершенствование системы управления иностранными инвестициями;
- улучшение состояния среды для проведения иностранного инвестирования;
- упрощение условий международной инвестиционной деятельности [6].

Указанные выше меры для их оценки требуют использования качественно-количественного анализа данных, в частности, проведения расширенного SWOT-анализа.

1. Следующим значимым элементом не только данного раздела Стратегии, но и всей экономической политики КНР, являются **инновации** и уровень их развития и внедрения в стране. Отметим, что, в частности, инновационные технологии Китая демонстрируют впечатляющий экономический потенциал. Так, например, Goldman Sachs ожидает, что китайские акции привлекут 200 миллиардов долларов и вырастут на целых 19 процентов в течение следующих 12 месяцев благодаря лихорадочному принятию DeepSeek и других ИИ в стране, сообщает South China Morning Post. Во-первых, такие технологии, как DeepSeek, подчеркнули экономическую эффективность китайских инноваций, значительно повысив их коммерческую привлекательность. Коммерциализация может быть легко достигнута, что стимулирует экономический рост. Во-вторых, огромный китайский рынок еще больше усиливает этот потенциал. Например, как сообщается, пользовательская база генеративного ИИ в Китае превысила 250 миллионов человек, а быстро расширяющийся рынок постоянно усиливает экономическое влияние последних технологических инноваций страны [7].

После более чем трех десятилетий, когда средние темпы экономического роста КНР составляли более 10%, экономика Китая переходит к «новой норме» более медленного, но более сбалансированного и устойчивого ро-

ста. Ее старые драйверы роста — рост рабочей силы, миграция из сельских районов в города, высокий уровень инвестиций и расширение экспорта — ослабевают или оказывают меньшее влияние. При этом стране нужны новые драйверы роста.

Касательно эффективности оценки вводимых КНР инноваций, отметим, что здесь требуется относительно сложная система оценивания, включающая в себя разработку соответствующих критериев эффективности и классификаторов. Наиболее удачно обозначенный подход изложен в рукописи диссертационного Вавилова О. К., где на примере внедряемых в автомобильной промышленности КНР инноваций представлен соответствующий подход, который возможно тиражировать и на другие отрасли промышленности [2].

II. Немаловажным элементом развития инвестирования в КНР является **повышение уровня инвестиционной активности региона и обеспечение притока иностранных инвестиций в страну**, что реализуется, согласно представленному в феврале текущего (2025 года) Плану стабилизации иностранного инвестирования, разработанного Министерством торговли КНР, включающего в себя следующие меры:

1. **Упорядоченное расширение автономного открытия**, основу которого составляет расширение реализации отраслевых пилотных проектов в областях телекоммуникаций, медицинского обслуживания, образования, биотехнологий и т. д., имеющих высокую добавленную стоимость; расширение доступа к зарубежному инвестированию и поощрения притока иностранного капитала, в частности, в области биофармацевтики, которая в настоящее время стремительно развивается в стране; фокус внимания на развитии рынка услуг.

2. Следующий элемент – **повышение уровня инвестиционного продвижения**. Здесь основой успеха является развитие бренда «Инвестируйте в Китай», включающее в себя разработку плана соответствующих мероприятий, в том числе, использование модели реинвестирования, расширения необходимых для инвестирования отраслей, снижение административных барьеров по внутренним займам для компаний с иностранным инвестированием, поощрение деятельности многонациональных компаний и создания инвестиционных компаний, а также возможности использования механизма слияний и поглощений для иностранных инвесторов. Еще один элемент продвижения, стоящий несколько особняком от вышеназванных остальных – распространение и анонсирование собственного видения экономической политики и деловой среды, включающее в себе возможность и даже необходимость использования пресс-релизов, брифингов, интервью, экспертных оценок и других методов активного распространения и объяснения новой политики страны.

3. **Повышение эффективности открытых платформ**, включающее углубление реформы системы управления зонами развития, включая реализацию стратегии модернизации пилотных зон свободной торговли.

4. **Увеличить усилия по гарантиям обслуживания**. В этом подразделе речь опять-таки пойдет про содействие инвестированию в крупные проекты, а также внедрению и развитию системы государственных закупок отечественной продукции [7].

Исходя из вышеприведенного фактического материала можно сделать вывод, что для повышения эффективности управления внешней торговлей Китая должны быть организованы соответствующие департаменты, необходимые для проведения специальных визитов в ключевые регионы и на наиболее значимые предприятия, основу финансирования которых составляют зарубежные источники, чаще всего, ПИИ, а также иные источники, составляющие основу внешнего финансирования производства

промышленной продукции страны. Следует понимать потребности предприятий с иностранным финансированием и эффективно реагировать на возникающие у них проблемы. Кроме того, Министерство торговли и Национальная комиссия по развитию и реформам Китая должны усиливать координацию с соответствующими департаментами и подразделениями, проводить определенную работу в области продвижения отечественной продукции и оказывать содействие ее реализации.

Обозначенные меры и инструменты инвестиционной политики требуют проведения качественно-количественного анализа, поскольку исключительно качественный анализ не даст нам полного представления и некоторой конкретизации полученных результатов, требующих использования элементов количественного анализа.

Таким образом, наиболее удачным выбором для проведения соответствующих оценок станет возможность использования взаимосочетания расширенного SWOT – и PEST – анализа.

III. Следующим разделом Стратегии экономического развития КНР являются **особенности национального характера**. Национальный характер Китая оказывает существенное влияние на его экономическое развитие, формируя модель, основанную на государственном и партийно-государственном управлении, в рамках которой основной акцент делается на технологических инновациях, самодостаточности и интеграции в глобальные сети, что способствует укреплению национальной мощи.

Ключевые особенности выбранной модели включают в себя автономное партийно-государственное устройство, прагматичный подход к глобализации, формирующий условия и стимулирующий конкуренцию, а также стремление к высококачественному, экологичному развитию, которое ставит во главу угла сохранение окружающей среды наряду с экономическим прогрессом. Эта стратегия также предполагает использование культуры, обеспечение экономической стабильности и стремление к общему процветанию населения как к основополагающему фактору модернизации.

Основными характеристиками представленной модели, составляющими основные принципы национального характера, являются следующие:

1. **Сильное государственное руководство**. Отличительной чертой является мощное, автономное партийное государство, которое обеспечивает реализацию устойчивых стратегий развития под руководством государства, в ходе реализации рыночного регулирования и экономического планирования, что коренным образом отличает экономику КНР от неолиберальных моделей экономики.

2. **Технологические инновации**. Китай отдает приоритет технологическим инновациям как стимулу экономического роста, признавая решающую роль науки и технологий в новой экономике.

3. **Прагматичная глобализация и самодостаточность**. Китай подходит к глобализации стратегически, диктуя условия иностранным компаниям и активно приобретая технологии для развития своей национальной промышленности и повышения международной конкурентоспособности.

4. **Зелёное развитие**. Особое внимание уделяется охране окружающей среды и переходу к зелёному, низкоуглеродному развитию, при этом политика направлена на сохранение ресурсов и защиту окружающей среды для достижения идеи «Прекрасного Китая».

5. **Ориентация на общее процветание**. Основная цель экономической модернизации Китая — постепенное достижение общего процветания для всех людей наряду с индустриализацией, информатизацией и урбанизацией.

6. **Культурная интеграция.** Стратегия включает в себя развитие региональной культуры как компонента содействия экономическому развитию и повышению национальной конкурентоспособности.

7. **Качественное развитие.** Китай ориентирован на качественное развитие, переход от быстрого роста к оптимизации структур, расширение внутреннего спроса и повышение доверия при одновременном предотвращении рисков [3].

Таким образом, данный элемент Стратегии экономического развития Китая может быть оценен исключительно на основе использования методов качественно – количественного анализа данных, в частности, расширенного SWOT – анализа.

IV. Отдельное внимание в рамках Стратегии уделено **развитию среднего класса**, несмотря на описанный выше термин «среднезажиточное общество», сочетающий в себе некоторые его элементы [4]. Экономическая стратегия Китая всё больше ориентируется на развитие среднего класса, чтобы обеспечить переход от роста, основанного на инвестициях и экспорте, к росту, основанному на потреблении, что считается критически важным для устойчивого, сбалансированного развития и устранения структурных ограничений, таких как снижение производительности труда и сокращение численности трудоспособного населения.

Государственные реформы, урбанизация, индустриализация и расширение доступа к образованию и финансовым услугам привели к тому, что миллионы людей стали частью среднего класса, создав обширную потребительскую базу, которая в настоящее время является важным фактором внутреннего спроса и потенциальным драйвером мировых тенденций. При анализе развития среднего класса в КНР выделяют следующие направления:

- 1) Переход к росту, основанному на потреблении.
- 2) Драйверы расширения среднего класса.
- 3) Последствия роста среднего класса.

Обозначенные выше три направления включают в себя ряд составляющих его элементов. Так, **переход к росту, основанному на потреблении**, включает в себя **выход за рамки инвестиций**. Высокие темпы экономического роста Китая исторически основывались на инвестициях и экспорте, но эта модель достигла своих пределов, что привело к экономическому и социальному дисбалансу.

Касательно второго заявленного направления (**драйверы расширения среднего класса**) необходимо отметить, что растущий средний класс станет доминирующей силой, поскольку его растущий спрос на более качественные товары и услуги будет способствовать переориентации экономики на внутреннее потребление и предоставление высококачественных услуг.

В контексте данного раздела исследователи выделяют следующие факторы [5]:

1) **Экономические реформы.** Проводимые в стране реформы, начатые в конце 1990-х годов, способствовали развитию рынка, индустриализации и росту частного сектора, создавая новые возможности.

2) **Урбанизация и изменения на рынке труда.** Массовая урбанизация и расширение рынка труда, а также значительное сокращение рабочих мест в государственном секторе создали условия для роста промежуточного слоя общества.

3) **Развитие образования и финансового сектора.** Расширение доступа к образованию, финансовые реформы и рост частного предпринимательства способствовали росту доходов домохозяйств.

В рамках третьего заявленного направления, **последствия роста среднего класса**, выделяют следующие факторы:

1) **Внутренний спрос.** Потребность среднего класса в товарах и услугах теперь является ключевым элементом стратегии Китая, особенно в условиях, когда страна стремится снизить внешнюю зависимость посредством стратегии «двойной циркуляции».

2) **Глобальное влияние.** Китайский средний класс не только является важным внутренним рынком, но и задает новые потребительские тренды, влияя на мировые рынки и даже экспортируя свои знания, особенно в таких областях, как финтех и электронная коммерция.

3) **Структурные проблемы.** Рост среднего класса также создает проблемы, такие как увеличение выбросов углерода и необходимость баланса между демографическим давлением, таким как старение населения, и политической социальной обеспеченности и повышения рождаемости.

Подводя итог анализа значимости среднего класса, как элемента Стратегии экономического развития КНР, следует отметить, что развитие среднего класса Китая занимает центральное место в текущей экономической стратегии страны, направленной на трансформацию экономики путем создания прочной базы внутреннего потребления, развития отраслей с высокой добавленной стоимостью и снижения зависимости от традиционных моделей роста.

Касательно проведения оценки эффективности данного раздела настоящей работы, отметим, что здесь возможно использовать следующие методы анализа, а также их взаимосочетание: модели множественной регрессии, векторной авторегрессии, в том числе, глобальной векторной авторегрессии, факторный анализ, а также элементы DSGE – моделирования.

V. Завершающим элементом Стратегии экономического развития КНР, требующим нашего внимания, является такой ее элемент, как **«мировой центр производства товаров»**, где будем говорить про широкую номенклатуру производимой продукции, а также про показатели эффективности промышленных предприятий Китая.

В заключении отметим, что в контексте различных отраслей возможно использование взаимосочетания указанных групп мер при проведении количественной оценки их влияния на динамику отраслевых аспектов внешней торговли страны.

Литература

1. Современная экономика КНР: коллективная монография Центра социально-экономических исследований Китая ИККА РАН/ под общей редакцией К.В. Бабаева – Москва: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, 2026. – 450 с.
2. Вавилов О.К. Инновационное развитие автомобильного комплекса КНР и его роль в российско-китайском сотрудничестве. дис. канд. экономических наук: 5.2.5 – Мировая экономика. – М.: Институт Китая и современной Азии РАН, 2025. – [Неопубликованная кандидатская диссертация].
3. Клитин А. Политика "открытых дверей" в Китае [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ushistory.ru/populjarnaja-literatura/365-politika-otkrytyh-dverej-v-kitae>
4. О Китае. Среднезажиточное общество [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruchina.org/xiaokang.html>
5. Angang Hu, Yilong Yan, Xiao Tang, Shenglong Liu. 2050 China. Becoming a Great Modern Socialist Country. 2025. p. 108.
6. China Briefing from Dezan Shira & Associates [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.china-briefing.com/doing-business-guide/china/taxation-and-accounting/corporate-income-tax-in-china>

7. Foreign Investment Guide of the People's Republic of China (2024 Edition) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fdi.mofcom.gov.cn/EN/come-newzonghe.html?parentId=110&name=National%20Strategy&comeID=1>

8. Enoch Yiu. China's latest action plan shows it's trying to boost foreign investment amid geopolitical tensions [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cnbc.com/2025/02/24/china-strives-to-attract-foreign-investment-amid-geopolitical-tensions.html>

Scientific and methodological foundations for the development of a regional-industry classifier of the effectiveness of Russian-Chinese business cooperation

Lisichkin A.A., Shapor M.A.

Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences (ICSA RAS), Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences (ICSA RAS), Financial University of the Russian Federation

JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

The study proposes a classifier for state support measures of the country's key industrial sectors. This classifier includes specific groups of parameters designed to evaluate state support within the designated industries. The foundation of the proposed sectoral classifier is based on the complex of non-tariff measures developed by W. Donnelly and D. Manifold, which is applied in 53 countries. According to this concept, the classification includes formal state regulation measures, economic policy measures, and informal measures. The next parameter of the classifier considers the implementation of state support mechanisms in China and Russia, with a particular focus on the industrial support mechanisms of the PRC. The third group of measures is dedicated exclusively to assessing the impact of sanctions restrictions on the exports of each studied commodity group. Additionally, the classifier incorporates the "China Factor," representing China's aggregate influence on the situation in other countries, regions, industries, or global processes. The authors conclude that various combinations of these measures can be used to conduct a quantitative assessment of their impact on the dynamics of sectoral aspects of foreign trade.

Keywords: Russia, China, Regional and sectoral classifier of Russia-China business cooperation efficiency, Complex of non-tariff measures, China's economic development strategy, Tax incentives for various groups of Chinese SMEs.

References

1. The Modern Economy of the PRC: a collective monograph of the Center for Socioeconomic Research of China, Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences / edited by K.V. Babaev. Moscow: Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences, 2026. 450 p.
2. Vavilov, O.K. Innovative Development of the Automobile Complex of the PRC and its Role in Russian-Chinese Cooperation. Cand. of Sciences (Economics): 5.2.5 – World Economy. Moscow: Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences, 2025. [Unpublished Candidate's Dissertation].
3. Klitin, A. Open Door Policy in China [Electronic resource]. Available at: <https://ushistory.ru/populjarnaja-literatura/365-politika-otkrytyh-dverej-v-kitae>
4. About China. Moderately Prosperous Society [Electronic resource]. Available at: <https://ruchina.org/xiaokang.html>
5. Angang Hu, Yilong Yan, Xiao Tang, Shenglong Liu. 2050 China. Becoming a Great Modern Socialist Country. 2025. p. 108.
6. China Briefing from Dezan Shira & Associates [Electronic resource]. Available at: <https://www.china-briefing.com/doing-business-guide/china/taxation-and-accounting/corporate-income-tax-in-china>
7. Foreign Investment Guide of the People's Republic of China (2024 Edition) [Electronic resource]. Available at: <https://fdi.mofcom.gov.cn/EN/come-newzonghe.html?parentId=110&name=National%20Strategy&comeID=1>
8. Enoch Yiu. China's latest action plan shows it's trying to boost foreign investment amid geopolitical tensions [Electronic resource]. Access mode: <https://www.cnbc.com/2025/02/24/china-strives-to-attract-foreign-investment-amid-geopolitical-tensions.html>

Модель реализации независимой оценки компетенций в практике управления общеобразовательной организацией

Белкин Владимир Евгеньевич

аспирант, Институт экономики, управления и права, Московский городской педагогический университет, belkinve@mgpu.ru

Современные общеобразовательные организации сталкиваются с повышением сложности управленческих задач, необходимостью устойчивого кадрового управления и повышением требований к результатам деятельности организации. В этих условиях независимая оценка компетенций системы менеджмента приобретает особое значение как инструмент внешней экспертизы и оптимизации управленческих решений. В статье представлена модель реализации независимой оценки, которая разграничивает два объекта анализа: компетенции руководящего состава и компетенции системы менеджмента как институционального комплекса процессов и практик. Предложены методы оценки, включая анализ управленческих кейсов, ассессмент-процедуры, 360-опрос, базовое анкетирование, пульс-опросы, выборочные интервью и документальный анализ. Вводится шкала зрелости управленческих практик и карта разрывов восприятия между руководством и сотрудниками, позволяющая выявлять слабые места и приоритеты управленческих изменений. Предложенная модель обеспечивает систематизацию данных о практиках в системе менеджмента, повышение устойчивости системы и снижение рисков кадровых потерь.

Ключевые слова: независимая оценка компетенций, система менеджмента, общеобразовательная организация, управленческие практики, менеджмент в сфере образования, кадровая устойчивость.

Независимая оценка компетенций системы менеджмента общеобразовательной организации в современных условиях приобретает особую значимость в связи с усложнением управленческих задач, ростом требований к результатам образования и усилением внимания к кадровой устойчивости школ. В этом контексте независимая оценка рассматривается как форма внешней экспертизы, позволяющая сопоставить управленческую практику образовательной организации с установленными требованиями, ожиданиями стейкхолдеров и принципами системного менеджмента.

Логика независимой оценки соотносится с подходами, закреплёнными в международных стандартах менеджмента, в частности в стандарте ISO 21001:2018, определяющем требования к системе менеджмента образовательной организации и ориентированном на удовлетворённость обучающихся и иных заинтересованных сторон через процессный подход, мониторинг, анализ данных и непрерывное совершенствование [1]. В российской практике параллельно развиваются государственные механизмы независимой оценки, включая процедуры НОК, реализуемые при участии общественных советов и аккредитованных операторов [2]. Однако данные механизмы преимущественно направлены на оценку условий осуществления образовательной деятельности и информационной открытости, тогда как внутренняя управленческая зрелость кадровых практик остается в значительной степени вне системного внешнего анализа.

Одним из ключевых вопросов, возникающих при разработке модели независимой оценки, является определение субъектов, которые осуществляют независимую оценку системы менеджмента образовательной организации. В международной практике такие функции выполняют внешние экспертные организации, аккредитованные агентства и сертификационные органы, обладающие компетенциями в области менеджмента качества и специализированной экспертизой в образовании. Как правило, эти организации работают на основе международных стандартов и обладают процедурой внешнего аудита, что обеспечивает объективность и сопоставимость оценочных результатов.

В российском образовательном пространстве есть примеры организаций, которые осуществляют независимую оценку в образовательной сфере. Одним из таких примеров является Центр независимой оценки компетенций студентов (ЦНОКС), функционирующий как структурное подразделение Московского городского педагогического университета [3]. Основная деятельность этого центра связана с проведением процедур независимой оценки профессиональных педагогических компетенций лиц, осуществляющих или претендующих на осуществление педагогической деятельности на разных уровнях образовательной системы. В экспертизу привлекаются внешние эксперты — руководители образовательных организаций, педагоги и представители независимых профессиональных сообществ, что обеспечивает внешнюю перспективу при оценке педагогических. Хотя ЦНОКС специализируется на оценке компетенций педагогов, его организационная модель — привлечение внешних экспертов, обеспечение экспертной методики, документированная экспертиза — может служить примером подхода к внешней независимой оценке и быть адаптирована для оценки системы менеджмента образовательной организации.

При разработке модели реализации независимой оценки компетенций в практике управления общеобразовательной организацией представляется методологически обоснованным развести два взаимосвязанных объекта анализа: компетенции руководящего состава, как совокупность управленческих способностей и компетенции системы менеджмента в целом. Разграничение позволяет избежать редукции управленческой эффективности к индивидуальным качествам руководителя и одновременно предотвратить абстрагирование системы от субъектов управления, обеспечивающих её функционирование.

Первая группа процедур ориентирована на оценку компетенций руководящего состава как носителей управленческих функций [4]. Оценка на данном уровне направлена на выявление индивидуальных управленческих компетенций. Методология оценки строится вокруг наблюдаемых проявлений компетенций [5]:

- Анализ управленческих кейсов. Метод предполагает предъявление руководителям типичных проблемных ситуаций из практики управления (например, распределение ресурсов, конфликтной ситуации в коллективе) и оценку их решений по критериям стратегичности, анализа данных и влияния на систему управления. Такой подход позволяет фиксировать способность применять управленческие модели в конкретных ситуациях, что важно для управления сложными образовательными процессами. Экспертная группа проводит оценку кейсов по стандартизированным шкалам, что снижает субъективность выводов.

- Ассессмент-процедуры. Руководители выполняют ряд упражнений, для которых потребуется проявить важные для компании и конкретной должности знания, навыки и качества. Степень присутствия этих качеств оценивают специальные эксперты-оценщики, они используют строгие критерии. По итогам испытания делается вывод о соответствии человека данной должности. Согласно современным обзорам, такие процедуры дают наиболее полную картину управленческих компетенций, поскольку моделируют сложные ситуации управления и фиксируют поведенческие реакции участников в мультисценарной среде. [6].

- 360-опрос и самооценка. Метод многосторонней обратной связи включает оценки компетенций руководителя со стороны подчинённых, коллег и руководства, а также собственную самооценку. Исследования демонстрируют, что такой подход выявляет многогранное восприятие управленческого поведения, но требует верификации через более объективные методы, поскольку субъективные оценки могут исказить картину компетенций. В модели эти данные используются для уточнения профиля компетенций и сопоставления восприятия различных групп с результатами кейсов и ассесмента [7].

Вторая группа процедур связана с оценкой компетенций системы менеджмента как институционализированного комплекса процессов, регламентов, механизмов и управленческих практик, обеспечивающих устойчивость и воспроизводимость результатов. Здесь анализируется степень формализации процессов, их регулярность, наличие показателей результативности, введение механизмов мониторинга и обратной связи, а также способность системы к адаптации и саморазвитию.

При этом компетенции понимаются как устойчивые управленческие практики образовательной организации, обеспечивающие адаптацию, поддержку, развитие и удержание сотрудников [8]. Логика модели заключается в том, чтобы перевести выявленные эмпирически проблемы «неформальности», нерегулярности и слабой измеримости практик в управленчески наблюдаемые параметры: наличие процедур, их регулярность, закрепление ответственности и подтверждение данными.

Базовый принцип модели – фиксировать разрывы восприятия между сторонами (педагогический состав, менеджмент общеобразовательной организации, иные стейкхолдеры). В связи с этим, предлагаемая модель независимой оценки должна быть устроена так, чтобы:

- выявлять эти расхождения;
- превращать их в измеряемые показатели зрелости практик;
- задавать приоритеты управленческих изменений.

В модели выделяются возможные направления развития:

- Адаптация и наставничество
- Управленческие коммуникации и обратная связь
- Управление нагрузкой и организация труда
- Мониторинг удовлетворённости и благополучия сотрудников
- Профессиональное развитие и включённость в методическую среду
- Удержание сотрудников и работа с причинами ухода/сомнений

Модель опирается на две группы источников:

- Сотрудники – фактический опыт (как реально устроена адаптация, доступность помощи, характер обратной связи, стресс, удовлетворённость условиями и поддержкой развития)
- Директора и управленческий состав – управленческий замысел и представления о механизмах (какие инструменты считаются действующими, как оценивается подготовка выпускников, есть ли мониторинг удовлетворённости, какие каналы взаимодействия применяются).

Сопоставление этих источников даёт основу для карты расхождений восприятия – где управление считает, что практика есть, но сотрудники её не переживают как регулярную и полезную.

Модель предполагает вовлечение в процесс оценки независимых экспертов из специализированных организаций, а также сотрудников других образовательных учреждений (в том числе иных ступеней образования), директоров, завучей и т. п.. Также предполагается анонимность участия в опросах.

В модели предполагается сочетание четырёх типов инструментов, чтобы независимая оценка не превращалась в разовую диагностику, а работала как устойчивый контур управленческой обратной связи. Каждый тип инструмента решает свою задачу:

1. Базовое анкетирование (1–2 раза в год) по всем контурам. проводится по единому ядру вопросов, привязанных к контурам компетенций (адаптация и наставничество; коммуникации и обратная связь; управление нагрузкой; благополучие/удовлетворённость; развитие и методическая включённость; удержание и причины ухода). Важно, что анкетирование строится зеркально: часть вопросов формулируется одинаково для директоров и сотрудников, что позволяет измерять разрывы восприятия (например, «есть ли регулярные индивидуальные встречи», «как оценивается доступность наставника», «насколько понятны ожидания и требования» и др.). Для директоров блоки могут уточнять наличие процедур и управленческих решений (регламент, ответственность, используемые методы мониторинга), для сотрудников – частоту и качество переживаемых практик. Управленческий эффект базового анкетирования состоит в том, что оно превращает «разрозненные мнения» в профиль по контурам и позволяет увидеть, какие практики растут/стагнируют при повторном измерении через 6–12 месяцев.

2. «Пульс-опросы» (ежеквартально) по чувствительным параметрам. Их задача – фиксировать изменения в наиболее чувствительных для удержания зонах: стресс и

усталость, удовлетворённость поддержкой, ощущение перегрузки, ясность требований, качество коммуникации, наличие «острых» проблем с классом/родителями, потребность в помощи и др. В отличие от базового анкетирования, пульс-опрос не должен быть длинным: 5–7 вопросов, единая шкала (например, 1–5 баллов), плюс один открытый вопрос «что сейчас больше всего мешает/что бы вы улучшили в первую очередь». Методический смысл – закрыть проблему управленческой «невидимости» проблемой сотрудников, например стресса или перегрузки. Когда школа опирается только на неформальные разговоры, риски часто проявляются слишком поздно. Пульс-данные позволяют увидеть тренд (например, рост доли высоких оценок стресса или падение оценки поддержки) и запустить управленческое действие до того, как накопленное напряжение перейдёт в выгорание, что повлечет за собой ухудшения качества образовательного процесса или решение об уходе.

3. Выборочные интервью и фокус-группы (по зонам максимальных разрывов) включаются по результатам количественных замеров, когда обнаружены наиболее выраженные разрывы между управленческим представлением и опытом сотрудников. Их функция – объяснить причины расхождений и уточнить, какие именно элементы практики «не работают». Проблема может быть не в отсутствии механизма, а в его нерегулярности, недоступности, неясности правил или в том, что он существует только формально. Например, если наставничество декларируется, но молодые специалисты описывают адаптацию как инструктаж, интервью помогает понять, что наставник не назначается персонально или нет удобного канала «быстрой помощи». Если обратная связь «есть», но воспринимается как формальная, интервью выявляет, что обсуждения происходят, например, публично на совещания, отсутствуют индивидуальные встречи или нет безопасного формата проговаривания проблем. Формат интервью точечный (6–10 интервью) и может дополняться фокус-группой (6–8 участников) для проверки типичности выводов. Результатом является не «описание мнений», а конкретизация управленческого разрыва – где именно в цепочке «регламент – действие – частота – фиксация – эффект» происходит сбой, и какие изменения дадут максимально положительную динамику.

4. Подтверждение практик нужны для проверки того, что практики являются не только заявляемыми, но и реально встроенными в управленческий цикл. Их роль – доказательная, то есть если школа утверждает наличие стандартизированной адаптации, это должно подтверждаться планом адаптации, приказом о назначении наставника, картой контрольных точек и т.п.; если говорится о регулярной обратной связи – должны существовать графики индивидуальных встреч, минимальные протоколы договорённостей, шаблоны обратной связи; если речь про удержание сотрудника – должны быть данные о текучести кадров, фиксация причин ухода/сомнений, результаты «stay/exit» бесед. Важно, что документальные индикаторы оцениваются не только по наличию, но и по исполнению, например, наличие регламента без регулярного применения относится к низким уровням зрелости. Тем самым документальный слой защищает модель от «эффекта витрины», когда управленческие механизмы существуют формально, но не работают как практика.

В совокупности эти четыре инструмента образуют замкнутый цикл: базовая диагностика задаёт профиль по контурам, пульс-опросы отслеживают риски в динамике, интервью объясняют причины разрывов и дают материал для корректировок, документальные индикаторы подтверждают, что изменения действительно институционализированы.

Шкала зрелости управленческих практик вводится для того, чтобы результаты независимой оценки переводились не в общие формулировки «есть/нет», а в управленческие решения, которые отвечают на вопросы «что именно нужно изменить», «где слабое место – в отсутствии механизма, в его формальности, в нерегулярности или в отсутствии подтверждающих данных» (см. таблицу 1). Под практикой в рамках модели понимается воспроизводимый управленческий механизм:

- у него есть понятный формат;
- закреплённые ответственные;
- регулярность;
- минимальная фиксация результатов и возможность увидеть эффект в показателях.

Уровень 0 означает, что практика отсутствует как система. В организации нет устойчивого механизма: не определены процедуры, нет распределения ответственности, действия не повторяются с заданной частотой и не оставляют управленческих следов. При таком уровне отдельные эпизоды поддержки могут случаться, но они зависят от личной инициативы и потому не гарантируют результата для каждого сотрудника. В диагностике это проявляется тем, что участники затрудняются назвать используемые инструменты, отсутствуют документы или данные, позволяющие контролировать процесс, а в опыте молодых специалистов нет устойчивого ощущения, что у них есть предсказуемый канал помощи и обратной связи.

Уровень 1 фиксирует ситуацию, когда практика существует формально: она декларируется, упоминается и может восприниматься руководством как «имеющаяся», но фактически не встроена в управленческий цикл. На этом уровне описываются общие принципы, однако не задаёт обязательный формат, не закрепляет регулярность, не фиксирует результаты и не делает практику видимой для сотрудников как гарантированную. В результате возникает типичный эффект расхождения – управленческий замысел есть, но переживаемого опыта устойчивой поддержки нет, а механизм работает случайным образом, при благоприятных обстоятельствах.

Уровень 2 означает, что практика действительно применяется, но нерегулярно и ситуативно. Школа действительно использует отдельные элементы механизма: наставник может помогать, руководство может обсуждать сложности, обратная связь может даваться, однако это происходит не по стандарту и не для всех, частота зависит от загруженности, а договорённости чаще остаются устными. Проблема уровня 2 в том, что управление получает слабую измеримость – трудно увидеть динамику и вовремя заметить ухудшение состояния сотрудника, поскольку «данных» недостаточно или они собираются эпизодически. В итоге система действует реактивно, то есть реагирует тогда, когда проблема уже стала заметной (конфликт, эмоциональный срыв, ухудшение результатов образовательного процесса, решение об уходе), а не тогда, когда появились первые сигналы.

Уровень 3 описывает практику как устойчивую управленческую технологию, которая применяется системно и подтверждается данными. Здесь есть регламент или стандарт (даже краткий), распределены роли, соблюдается периодичность, присутствует минимальная фиксация результатов и договорённостей, а также набор показателей, позволяющих видеть эффект и риски в динамике. Принципиально, что данные не «лежат», а запускают управленческое реагирование. Если мониторинг показывает рост стресса или падение удовлетворённости поддержкой, школа делает конкретные корректировки (нагрузка, формат сопровождения, частота индивидуальных встреч, подключение методической или психологической поддержки). На этом уровне практика становится не-

зависимой от личности отдельных руководителей, а воспроизводится как часть системы менеджмента и потому работает на удержание и развитие кадров.

Таблица 1
Уровни зрелости управленческих практик в модели независимой оценки системы менеджмента

Уровень зрелости	Характеристика практики	Проявление практики	Управленческие последствия
Уровень 1	Практика декларируется, но не встроена в управленческий цикл	Нет стандарта, регулярности и фиксации результатов; сотрудники не воспринимают механизм как устойчивый	Разрыв между управленческим замыслом и реальным опытом сотрудников
Уровень 2	Практика применяется частично и нерегулярно	Используются отдельные элементы (поддержка, обсуждения, обратная связь), но без системы и данных	Слабая измеримость, управление реагирует на уже возникшие проблемы
Уровень 3	Практика функционирует как управленческая технология	Есть регламент, распределение ролей, периодичность и фиксация результатов	Решения принимаются на основе данных, практика поддерживает развитие и удержание кадров

Ценность шкалы зрелости для исследования заключается в том, что она позволяет корректно описать ключевую проблему, выявленную сопоставлением ответов. Многие механизмы поддержки и коммуникации могут существовать на уровне декларации руководства, но не обеспечиваться регулярностью и измеримостью в повседневном опыте сотрудников. Когда преобладают общие совещания и неформальные разговоры, редки индивидуальные встречи и письменная обратная связь, адаптация сводится к инструктажу, а мониторинг удовлетворённости заменяется неформальной беседой, школа фактически остаётся на уровнях 1–2, даже если руководящий персонал считает практику развитой. Шкала показывает, что управленческая задача состоит не в добавлении новых процедур, а в доведении практик до уровня 3 – закрепить формат, частоту, ответственность и доказательность через минимальные данные и фиксацию, чтобы разрывы восприятия сокращались, а риски выгорания и ухода становились видимыми раньше, чем они превращаются в кадровые потери.

- Результатом независимой оценки становится:
- Профиль компетенций системы менеджмента по контурам (зрелость практик 0–3 по каждому полю).
 - Карта разрывов между перспективами (опыт сотрудников – управленческий замысел руководителей).

Именно карта разрывов задаёт приоритеты управленческих изменений: где разрыв выше, там риск скрытых проблем и кадровых потерь выше.

Понимание результатов независимой оценки компетенций системы менеджмента позволяет перевести субъективные наблюдения в объективные управленческие показатели, что существенно расширяет возможности управления образовательной организацией. Оценка системы менеджмента рассматривается как важный инструмент управления, который позволяет выявлять слабые зоны и использовать результаты для совершенствования системы управления.

Таким образом, модель независимой оценки компетенций системы менеджмента общеобразовательной организации выступает инструментом развития системы менеджмента, поскольку превращает кадрово-значимые практики в измеряемые и управляемые контуры, что позволяет школе оптимизировать систему менеджмента, переходить к устойчивой технологии удержания и развития сотрудников, снижая риск демотивации, выгорания, ухудшения результатов и увольнения.

Литература

1. ISO 21001:2018. Educational organizations – Management systems for educational organizations – Requirements with guidance for use. — Geneva: International Organization for Standardization, 2018. — 63 p.

2. АИС «Независимая оценка квалификации» (СПК в сфере образования): описание автоматизированной системы // Национальное агентство развития квалификаций. — Электрон. ресурс. — Режим доступа: <https://nark.ru> (дата обращения: 24.02.2026).

3. Центр независимой оценки компетенций студентов // Московский городской педагогический университет. — Электрон. ресурс. — Режим доступа: <https://www.mgpu.ru/centers/tsentr-sertifikatsii-kvalifikatsij/> (дата обращения: 24.02.2026).

4. Ломовцева О. А., Тимошкин С. П. Лидерство в менеджменте образовательных организаций: конструктивная проекция зарубежной практики // Экономика. Информатика. — 2025. — Т. 52, № 1. — С. 78–85.

5. Миронова И. И., Скрипниченко Л. С., Тхагалижкова Л. В. Методы оценки управленческих компетенций персонала // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. — 2024. — № 6. — С. 45–49.

6. Afsouran N. R., Thornton G. C. III, Charkhabi M. Leadership Development Assessment Center: A Review on Advantages and Disadvantages for Developing Leadership Behavioral Competencies // International Journal of Organizational Leadership. — 2022. — Vol. 11. — P. 71–88.

7. Гадрохманов А. Р., Габдрахманова А. Р. Современные методы оценки персонала в организации // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. — 2023. — № 1. — С. 146–152.

8. Агишева Е. С. Система управления персоналом в образовательном учреждении // Вестник науки. — 2024. — № 6 (75), т. 4. — С. 756–763.

A model for implementing independent assessment of competencies in the practice of managing a general education organization
Belkin V.E.
Moscow City University
JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

Modern educational organizations face an increase in the complexity of managerial tasks, the need for sustainable human resources management, and increased requirements for the organization's performance. In these conditions, an independent assessment of the management system's competencies becomes crucial as a tool for external expertise and optimization of managerial decisions. The article presents a model for implementing an independent assessment that distinguishes between two objects of analysis: the competencies of the management team and the competencies of the management system as an institutional complex of processes and practices. The article discusses assessment methods, including case analysis, assessment procedures, 360-degree feedback, basic questionnaires, pulse surveys, selected interviews, and documentary analysis. It introduces a maturity scale for management practices and a perception gap map between management and employees, which helps identify weaknesses and prioritize management changes.

Keywords: independent competence assessment, management system, general education organization, management practices, education management, and personnel sustainability.

References

1. ISO 21001:2018. Educational organizations – Management systems for educational organizations – Requirements with guidance for use. — Geneva: International Organization for Standardization, 2018. — 63 p.

2. AIS "Независимая оценка квалификации" (СПК в сфере образования): описание avtomatizirovannoy sistemy [AIS "Independent Qualification Assessment" (Sectoral Council for Professional Qualifications in Education): Description of the Information System]. — Electronic resource. — Available at: <https://nark.ru> (accessed: 24 February 2026).

3. Center for Independent Assessment of Students' Competencies. Moscow City University. — Electronic resource. — Available at: <https://www.mgpu.ru/centers/tsentr-sertifikatsii-kvalifikatsij/>

4. Lomovtseva O. A., Timoshkin S. P. Leadership in the management of educational organizations: A constructive projection of foreign practice // Ekonomika. Informatika (Economics. Informatics). — 2025. — Vol. 52, No. 1. — P. 78–85.

Технологии управления человеческими ресурсами в рамках риск-менеджмента

Бокова Марина Сергеевна

преподаватель кафедры «Экономика и менеджмент», Приволжский государственный университет путей сообщения, m.bokova@samgups.ru

В статье рассматриваются основные этапы управления человеческими ресурсами в системе менеджмента безопасности движения, включая признание факта наличия человеческого фактора, поиск причин, связанных с поведением человека, управляющее воздействие и оценку полученных результатов. Анализируются элементы человеческих ресурсов, такие как взаимодействие человека с организацией, средой, машиной и другими людьми, а также методы и инструменты управления человеческими ресурсами. Представлены модели и методологии оценки человеческими ресурсами, включая модель SHELL, методику SHARP, методологию THERP и другие. Статья направлена на комплексное рассмотрение управления человеческими ресурсами для обеспечения безопасности движения.

Ключевые слова: Управление человеческими ресурсами, менеджмент безопасности, поведенческие риски, гарантоспособность персонала, скрытые условия, матрица риска, методы управления, инструменты оценки, модели и методологии оценки человеческого фактора.

В условиях современной экономики и высокорисковых производств управление человеческими ресурсами становится ключевым аспектом обеспечения безопасности и устойчивости организаций. Человеческий ресурс играет значительную роль в возникновении и минимизации рисков, особенно в отраслях с высокорисковым характером производства. В данном контексте, исследование, направленное на управление человеческими ресурсами, приобретает особую значимость.

Управление человеческим ресурсами включает в себя несколько ключевых этапов, направленных на минимизацию рисков, связанных с поведением человека в определенных ситуациях. Эти этапы включают:

1. Признание факта наличия человеческого фактора: осознание того, что человеческий фактор играет значительную роль в возникновении рисков и нарушений безопасности.
2. Поиск причин, связанных с поведением человека: анализ проявлений человеческого фактора, и оценка его влияния на безопасность движения.
3. Управляющее воздействие: разработка и внедрение мероприятий, направленных на снижение влияния человеческого фактора на безопасность.
4. Оценка полученных результатов: анализ эффективности внедренных мероприятий и их влияние на уровень безопасности.

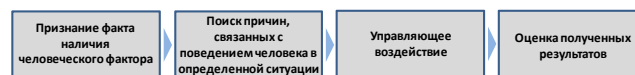

Рисунок 1 – Основные этапы управления человеческими ресурсами.

Снижение количества нарушений безопасности движения по причинам человеческого фактора выполняется за счет повышения уровня гарантоспособности персонала в совокупности со снижением количества и значимости скрытых условий.

Гарантоспособность персонала — это способность сотрудников выполнять свои обязанности и обеспечивать безопасность и эффективность работы организации. Дословно термин означает состояние, характеризующее уровень профессиональных знаний и умений, личностных характеристик и условий влияния внешней среды на коллектив.

Уровень проявления человеческого фактора в зависимости от гарантоспособности персонала и наличия скрытых условий изображается в виде матрицы риска. Чем выше уровень гарантоспособности персонала и ниже уровень проявления скрытых условий, тем меньше риск нарушений безопасности движения по причине человеческого фактора.

Анализ проявления человеческого фактора основывается на сведениях о допущенных нарушениях безопасности движения, результатах мониторинга достижения целевых параметров, сравнении уровня безопасности, индикаторах раннего обнаружения риска безопасности движения в прогнозной модели состояния объектов и процессов на инфраструктуре ОАО «РЖД».

Уровень проявления человеческого фактора в зависимости от гарантоспособности персонала и наличия скрытых условий изображается в виде матрицы риска (рисунок 2). Чем выше уровень гарантоспособности персонала и ниже уровень проявления скрытых условий, тем меньше

риск нарушений безопасности движения по причине человеческого фактора.

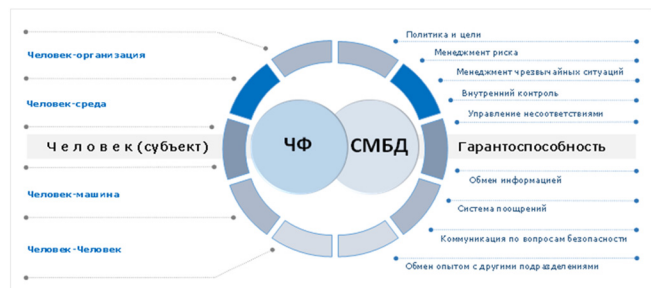

Рисунок 2 – Человеческий фактор в системе менеджмента безопасности движения

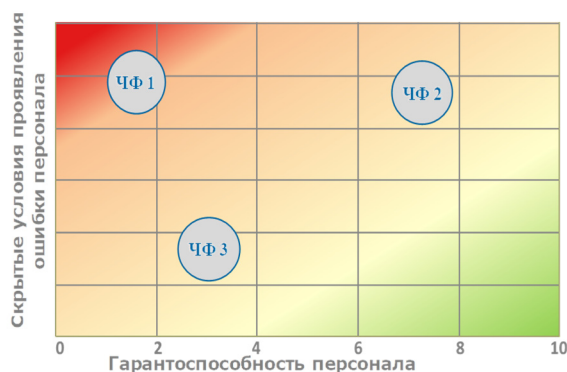

Рисунок 3 – Пример матрицы риска проявления человеческого фактора

По вертикальной оси указывается фактическое количество нарушений безопасности движения, для которых в способствующей причине присутствуют скрытые условия. По горизонтальной оси указывается уровень гарантоспособности персонала.

Анализ проявления человеческого фактора основывается на сведениях о допущенных нарушениях безопасности движения, результатах мониторинга достижения целевых параметров, сравнении уровня безопасности, индикаторах раннего предупреждения (обнаружения) риска безопасности движения в прогнозной модели состояния объектов и процессов на инфраструктуре ОАО «РЖД».

Рекомендуемый порядок действий при работе по проявлению человеческого фактора включает в себя следующие этапы:

1. Применение результатов оценки гарантоспособности персонала: внесение результатов оценки гарантоспособности персонала в матрицу фактических значений гарантоспособности и влияния скрытых условий на проявление человеческого фактора.

2. Идентификация скрытых условий: поиск скрытых условий по способствующей причине, установленной по результатам расследования нарушения безопасности движения.

3. Классификация скрытых условий по показателям (оценочным критериям).

4. Группировка скрытых условий по показателям (оценочным критериям) и внесение указанных данных в матрицу фактических значений гарантоспособности и влияния скрытых условий на проявление человеческого фактора.

Оценка влияния человеческого фактора на безопасность движения включает сопоставление прогнозного значения уровня вероятности активного отказа с допустимым уровнем и уровнем вероятности активного отказа за

предыдущий отчетный период. Для сопоставления статистической и предиктивной оценки влияния человеческого фактора на безопасность движения применяется аналитическая таблица, в которой по строкам представлены значения показателей гарантоспособности и скрытых условий, собранных в подразделении за анализируемый период (год), по столбцам представлены значения статистических данных по активным отказам.

Результатом анализа проявления человеческого фактора является матрица фактических значений гарантоспособности и влияния скрытых условий на проявление человеческого фактора.

Анализ проявления человеческого фактора проводится ежегодно, причем при первом анализе проявления человеческого фактора динамика изменений прогнозных значений вероятности наступления случаев нарушения безопасности движения не оценивается.

Таблица 1
Матрица фактических значений гарантоспособности и влияния скрытых условий на проявление человеческого фактора

Показатели (оценочные критерии)		
Оценка гарантоспособности персонала	Профессиональная надежность персонала	Y ₁
		Y ₂
	Цеховая культура подразделения	Y ₄
		Y ₅
Скрытые условия	Функционирование технической системы	Y ₇
		Y ₈
	Состояние технических средств	X ₁
		X ₂
	Материально-техническое обеспечение	X ₄
		X ₅
	Использование персонала и дисциплина труда	X ₇
		X ₈
	Технологический процесс и техническое обслуживание	X ₁₀
		X ₁₁
	Прочие условия	X ₁₃
		X ₁₄

X – фактическое количество нарушений безопасности движения, для которых в способствующей причине присутствуют скрытые условия;

Y – фактическое значение гарантоспособности, рассчитанное в соответствии с утвержденной ОАО «РЖД» методикой.

Оценка влияния человеческого фактора на безопасность движения – это сопоставление прогнозного значения уровня вероятности активного отказа с допустимым уровнем и уровнем вероятности активного отказа за предыдущий отчетный период.

Для сопоставления статистической и предиктивной оценки влияния человеческого фактора на безопасность движения применяется аналитическая таблица 2, в которой по строкам представлены значения (Y₁-Y₉) показателей гарантоспособности и (Y₁₀-Y₂₄) скрытых условий, собранных в подразделении за анализируемый период (год), по столбцам представлены значения (P₁-P₈) статистических данных по активным отказам.

Показатели гарантоспособности (Y₁-Y₉) и скрытых условий определяются в соответствии с действующими в ОАО «РЖД» методиками и приводятся к универсальной десятибалльной шкале.

Показатели скрытых условий (Y₁₀-Y₂₄) рассчитываются по формуле:

$$Y_i = 10 \cdot \left(1 - \frac{x_i}{\sum n_i}\right) (1),$$

где X_i – количество нарушений безопасности i -го типа

по причине скрытых условий за оцениваемый период;

$\sum n_i$ – общее количество нарушений безопасности i -го

типа за оцениваемый период.

Для предиктивной оценки влияния человеческого фактора на безопасность движения производят расчет коэффициентов влияния (k_{ij}) показателей влияния человеческого фактора на безопасность движения поездов.

Значение k_{ij} , равное 0 означает, что влияние отсутствует, равное 1 – максимальное влияние. Коэффициент влияния определяется на основании экспертной оценки специализированной экспертной группы, формируемой распоряжением руководителя регионального уровня управления. Состав группы экспертов актуализируется не реже одного раза в три года. Суммарное значение коэффициентов влияния по одному типу активного отказа должно равняться 1.

Уровень вероятности активного отказа по причине человеческого фактора за предыдущий отчетный период рассчитывается по приведенной ниже формуле.

$$P_i = \frac{n_i^{\text{ЧФ}}}{\sum n_i} (2),$$

где $n_i^{\text{ЧФ}}$ – количество нарушений безопасности i -го

типа по причине

человеческого фактора за предыдущий отчетный период

$\sum n_i$ – общее количество нарушений безопасности i -

го типа за предыдущий отчетный период.

Таблица 2

Форма аналитической таблицы оценки уровня влияния человеческого фактора на безопасность движения

Доля нарушений безопасности движения поездов по причине ЧФ		Статистическая оценка уровня ЧФ подразделений ОАО «РЖД»							
		Показатели (оценочные критерии)							
		Трудовая дисциплина и режим	Обсл. ж.д. поездов	Орг-ия маневр. работы	Обсл. и ремонт СЦБ, связи и электроснаб.	Формирование поездов	Строительно-монтажные работы	Работа лок. бригады	...
Оценка гарантийности персонала	Профессиональная надежность персонала	Y ₁	k ₁₁	k ₁₂	k ₁₃	k ₁₄	k ₁₅	k ₁₆	k _{1n}
		Y ₂	k ₂₁	k ₂₂	k ₂₃	k ₂₄	k ₂₅	k ₂₆	k ₂₈
		...	...	...	...	...	...	...	...
	Цеховая культура подразделения	Y ₄	k ₄₁	k ₄₂	k ₄₃	k ₄₄	k ₄₅	k ₄₆	k ₄₈
		Y ₅	k ₅₁	k ₅₂	k ₅₃	k ₅₄	k ₅₅	k ₅₆	k ₅₈
		...	...	...	...	...	...	...	...
	Функционирование технической системы	Y ₇	k ₇₁	k ₇₂	k ₇₃	k ₇₄	k ₇₅	k ₇₆	k ₇₈
		Y ₈	k ₈₁	k ₈₂	k ₈₃	k ₈₄	k ₈₅	k ₈₆	k ₈₈
		...	...	...	...	...	...	...	...
	Состояние технических средств	Y ₁₀	k ₁₀₁	k ₁₀₂	k ₁₀₃	k ₁₀₄	k ₁₀₅	k ₁₀₆	k ₁₀₈
		Y ₁₁	k ₁₁₁	k ₁₁₂	k ₁₁₃	k ₁₁₄	k ₁₁₅	k ₁₁₆	k ₁₁₈

Доля нарушений безопасности движения поездов по причине ЧФ		Статистическая оценка уровня ЧФ подразделений ОАО «РЖД»							
		Показатели (оценочные критерии)							
		Трудовая дисциплина и режим	Обсл. ж.д. поездов	Орг-ия маневр. работы	Обсл. и ремонт СЦБ, связи и электроснаб.	Формирование поездов	Строительно-монтажные работ	Работа лок. бригады	...
		P ₁	P ₂	P ₃	P ₄	P ₅	P ₆	P ₇	P ₈
Материально-техническое обеспечение	...	...	...	...	...	...	...	...	...
	Y ₁₃	k ₁₃₁	k ₁₃₂	k ₁₃₃	k ₁₃₄	k ₁₃₅	k ₁₃₆	k ₁₃₇	k ₁₃₈
	Y ₁₄	k ₁₄₁	k ₁₄₂	k ₁₄₃	k ₁₄₄	k ₁₄₅	k ₁₄₆	k ₁₄₇	k ₁₄₈
Использование персонала и дисциплина труда	...	...	...	...	...	...	...	...	...
	Y ₁₆	k ₁₆₁	k ₁₆₂	k ₁₆₃	k ₁₆₄	k ₁₆₅	k ₁₆₆	k ₁₆₇	k ₁₆₈
	Y ₁₇	k ₁₇₁	k ₁₇₂	k ₁₇₃	k ₁₇₄	k ₁₇₅	k ₁₇₆	k ₁₇₇	k ₁₇₈
Технологический процесс и техническое обслуживание	...	...	...	...	...	...	...	...	...
	Y ₁₉	k ₁₉₁	k ₁₉₂	k ₁₉₃	k ₁₉₄	k ₁₉₅	k ₁₉₆	k ₁₉₇	k ₁₉₈
	Y ₂₀	k ₂₀₁	k ₂₀₂	k ₂₀₃	k ₂₀₄	k ₂₀₅	k ₂₀₆	k ₂₀₇	k ₂₀₈
Прочие условия	...	...	...	...	...	...	...	...	...
	Y ₂₂	K ₂₂₁	K ₂₂₂	K ₂₂₃	K ₂₂₄	K ₂₂₅	K ₂₂₆	K ₂₂₇	K ₂₂₈
	Y ₂₃	k ₂₃₁	k ₂₃₂	k ₂₃₃	k ₂₃₄	k ₂₃₅	k ₂₃₆	k ₂₃₇	k ₂₃₈
Прогнозный уровень вероятности активного отказа	...	...	...	...	...	...	...	...	...
	P ₁ ^{пр}	P ₂ ^{пр}	P ₃ ^{пр}	P ₄ ^{пр}	P ₅ ^{пр}	P ₆ ^{пр}	P ₇ ^{пр}	P ₈ ^{пр}	
	P ₁ ^{доп}	P ₂ ^{доп}	P ₃ ^{доп}	P ₄ ^{доп}	P ₅ ^{доп}	P ₆ ^{доп}	P ₇ ^{доп}	P ₈ ^{доп}	
Уровень вероятности активного отказа за предыдущий отчетный период		P ₁	P ₂	P ₃	P ₄	P ₅	P ₆	P ₇	P ₈

Прогнозный уровень вероятности активного отказа определяется как нормативный уровень гарантийности в ОАО «РЖД» ($Y^{\text{норм}}$), отнесенный к сумме произведений показателей гарантийности и скрытых условий (Y_i) и их степени влияния на нарушения безопасности движения (k_{ij}), умноженный на текущий уровень активных отказов по i -му фактору нарушения безопасности движения (P_i):

$$P_i^{\text{пр}} = \frac{Y^{\text{норм}}}{\sum_{j=1}^{24} Y_j \cdot k_{ij}} \cdot P_i (3)$$

при этом $Y^{\text{норм}}$ устанавливается по нижней границе удовлетворительного уровня соответствия гарантийности.

Оценка допустимого уровня вероятности наступления случаев нарушения безопасности движения $P^{\text{доп}}$ определяется экспертной группой на основании анализа рисков.

Для проведения оценки влияния человеческого фактора на безопасность движения необходимо определить степень влияния оценочных критериев гарантийности персонала подразделения ОАО «РЖД» и скрытых условий на вероятность наступления случаев нарушения безопасности движения, проклассифицированных по активным отказам и нарушениям по причинам скрытых условий.

По результатам оценки влияния человеческого фактора на безопасность движения должны быть определены:

1. прогнозные значения вероятности наступления случаев нарушения безопасности движения по причинам человеческого фактора, рассчитанные в зависимости от

оценочного уровня составляющих гарантоспособности персонала подразделения и скрытых условий;

2. динамика изменений прогнозных значений вероятности наступления случаев нарушения безопасности движения по причинам человеческого фактора по сравнению со статистикой предыдущего отчетного периода;

3. соотношение прогнозных значений вероятности наступления случаев нарушения безопасности движения по причинам человеческого фактора и их допустимого уровня.

Сравнение прогнозных и допустимых значений вероятности наступления случаев нарушения безопасности движения по причинам человеческого фактора позволяет определить параметры, требующие влияния. Далее производится анализ ресурсов, необходимых для повышения гарантоспособности персонала, с целью снижения степени влияния человеческого фактора на безопасность движения. На основе этой модели выбираются наиболее рациональные мероприятия, позволяющие при допустимом количестве ресурсов оказать максимальное снижение влияния человеческого фактора на безопасность движения в подразделении.

Пример составления матрицы по определению необходимости применения мер снижения рисков нарушения безопасности движения в зависимости от результатов оценки вероятности их наступления приведены в таблице 3.

Таблица 3

Матрица определения необходимости применения мер снижения рисков нарушения безопасности движения

Отношение к $R^{пр}$ и $R^{доп}$		Сравнение текущего уровня вероятности наступления случаев нарушения безопасности движения с уровнем предыдущего отчетного периода $R^{пр}$		
		снижение	равенство	рост
Сравнение текущего уровня вероятности	ниже	Меры по снижению рисков не требуются	Меры по снижению рисков не требуются	Требуется мониторинг и поддерживающие меры по снижению рисков

Отношение к $R^{пр}$ и $R^{доп}$	Сравнение текущего уровня вероятности наступления случаев нарушения безопасности движения с уровнем предыдущего отчетного периода $R^{пр}$		
	снижение	равенство	рост
равен	Меры по снижению рисков не требуются	Требуется мониторинг и поддерживающие меры по снижению рисков	Требуется меры по снижению рисков
выше	Требуется мониторинг и поддерживающие меры по снижению рисков	Требуется меры по снижению рисков	Требуется первоочередные меры по снижению рисков

Управление человеческими ресурсами в обеспечении безопасности движения выполняется структурными подразделениями ОАО «РЖД» регионального уровня управления на основе оценки влияния человеческого фактора на безопасность движения.

Основой для выбора методов влияния на человеческие ресурсы в обеспечении безопасности движения является систематическая идентификация и анализ проблем, связанных с человеческими ресурсами, а также предоставление соответствующих инструментов, методов и мер, направленных на эти проблемы. На основании анализа должны разрабатываться и приниматься управленческие решения по повышению безопасности движения на основе снижения негативного влияния человеческого фактора.

Основными методами управления человеческими ресурсами являются обучение и развитие персонала, мотивация, коммуникация, лидерство, наличие обратной связи, культура и ценности Компании ОАО «РЖД».

В зависимости от типов отклонений от правил безопасности движения могут применяться различные методы воздействия (рисунок 4).

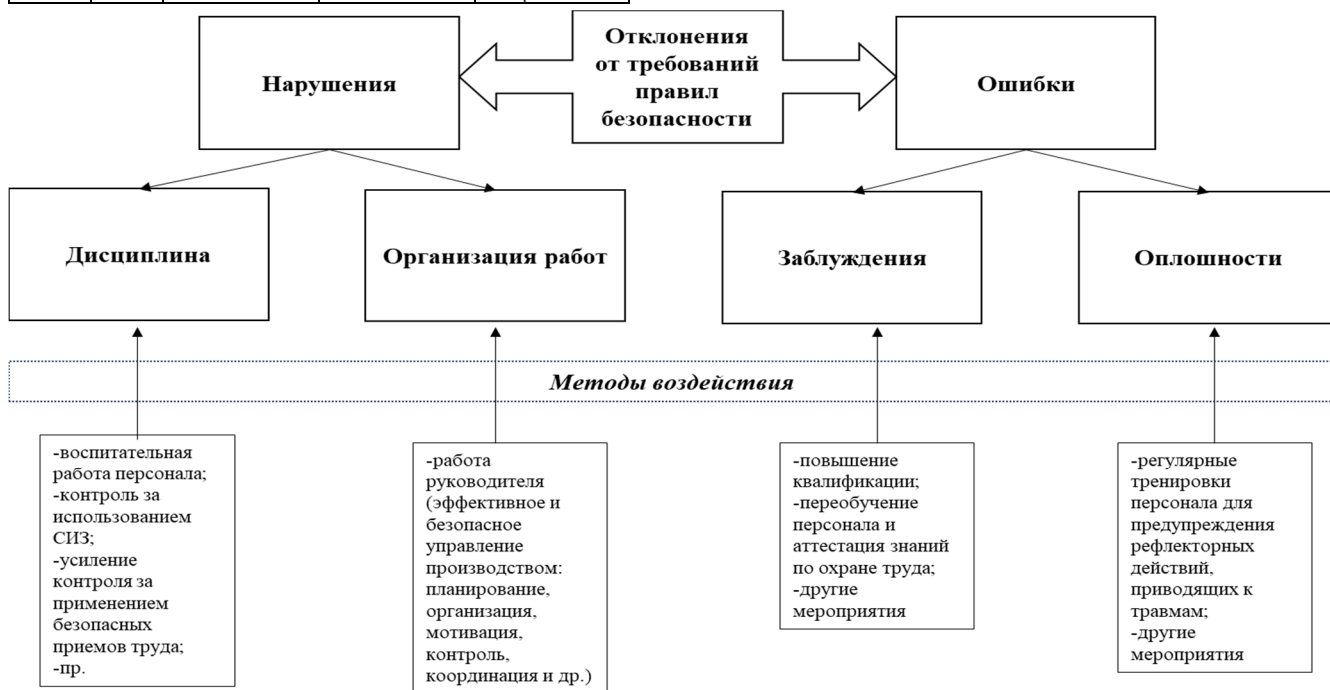

Рисунок 4 – Типы отклонений от требований правил безопасности движения и методы воздействия на них

В качестве инструментов оценки человеческих ресурсов могут использоваться и другие методы, и их сочетания, такие как:

1. Оценка предрасположенности к стресс-реакциям, которые могут сопровождаться психологическим и физи-

ческим истощением, эмоциональной лабильностью, тревожно-депрессивным состоянием. Инструмент оценки данного параметра личностный опросник OPQ32 (Стресс-отчет) / Личностный опросник WSQ, опросник «PS-статус», методика «Миссисипская шкала», Бостонский тест.

2. Оценка индивидуальных особенностей и психических состояний личности. Инструмент оценки данного параметра личностный опросник OPQ32 / Личностный опросник WSQ. Данный инструмент оценивает 32 шкалы, миннесотский многоаспектный личностный опросник. Данная методика оценивает 10 шкал.

3. Оценка уровня ответственности. Инструмент оценки данного параметра личностный опросник OPQ32 / Личностный опросник WSQ; для руководителей – оценка методом ассессмент-центра.

4. Оценка работника со стороны руководителя, коллег, подчиненных, в сопоставлении с самооценкой работника. Инструмент оценки данного параметра оценка методом «360 градусов».

Пример результата оценки сотрудника приведен на рисунке 5.

Рисунок 5 – Формат представления результатов оценки методом 360 градусов

5. Оценка работника в практической деятельности. Инструмент оценки данного параметра оценка методом ассессмент-центра / оценочная конференция, практические упражнения по заданным тематикам и параметрам / деловые игры.

Для оценки необходимости управления влиянием человеческого фактора на безопасность движения необходимо использовать следующий алгоритм:

1. В строках матрицы, приведенной в таблице 2 раздела 5, указываются значения (Y_1 – Y_{24}) показателей гарантоспособности и скрытых условий, рассчитанные по формуле (1) (таблица 4).

Таблица 4
Оценка показателей гарантоспособности и учета скрытых факторов подразделения

Направления гарантоспособности и учета скрытых факторов		Оценочные критерии	
Оценки гарантоспособности персонала подразделения ОАО «РЖД»	Профессиональная надежность персонала	Y_1	9,27
		Y_2	8,57
		Y_3	7,79
	Цеховая культура подразделения	Y_4	9,82
		Y_5	4,31
		Y_6	6,50
	Функционирование технической системы	Y_7	7,67
		Y_8	7,29
		Y_9	5,49
Скрытые условия	Состояние технических средств	Y_{10}	6,86
		Y_{11}	6,39
		Y_{12}	6,89
	Материально-техническое обеспечение	Y_{13}	8,02
		Y_{14}	8,38
		Y_{15}	6,43
		Y_{16}	7,50

	Использование персонала и дисциплина труда	Y_{17}	7,75
		Y_{18}	5,54
	Технологический процесс и техническое обслуживание	Y_{19}	7,61
		Y_{20}	7,09
		Y_{21}	6,98
	Прочие причины	Y_{22}	7,31
		Y_{23}	7,39
		Y_{24}	6,38

В столбцах матрицы, приведенной в таблице 2 раздела 5, указываются значения (P_1 – P_8), статистических данных по активным отказам, рассчитанные по формуле (2) (таблица 5).

Таблица 5
Оценка статистических данных по активным отказам подразделения

Статистическая оценка уровня ЧФ подразделения ОАО «РЖД» по категориям:	Общее число случаев нарушений БД $\sum n_i$	Число случаев нарушений БД по причине ЧФ $n_i^{ЧФ}$	Статистические данные по активным отказам $P_i = \frac{n_i^{ЧФ}}{\sum n_i}$
Трудовая дисциплина и режим	6	5	0,83
Обсл. ж.д. перевозов	3	1	0,33
Орг-ия маневр. работы	4	2	0,50
Обсл. и ремонт СЦБ, связи и электроснаб.	8	7	0,88
Формирование поездов	0	0	0,00
Строительно-монтажные работ	7	1	0,14
Работа лок. бригады	10	4	0,40

В ячейках матрицы по форме, приведенной в таблице 5, указываются коэффициенты (k_{ij}) степени влияния показателей гарантоспособности и скрытых условий на нарушения безопасности движения, определенные на основании экспертной оценки (таблица 5).

В строке матрицы «Допустимый уровень вероятности активного отказа» указывается допустимый уровень отказа по причине человеческого фактора $P_{i\text{доп}}$.

В строке матрицы «Уровень вероятности активного отказа за предыдущий отчетный период» приводятся статистические данные по активным отказам за предыдущий отчетный период.

В настоящее время существует ряд методов оценки влияния человеческого фактора на нарушения безопасности движения, которые описаны ниже.

Модель SHELL

Рис.6 Модель SHELL

SHELL – это аббревиатура от начальных букв модулей:
Software – программное обеспечение, установка (процедуры, символы);
Hardware – аппаратное обеспечение, объект (машина);
Environment – окружающая среда, среда, в которой действуют элементы системы;
Liveware – субъект (человек).

Эта модель не показывает взаимосвязи между модулями, выходящими за рамки, она рассматривается только как дополнение для понимания человеческого фактора.

В центре модели SHELL находится человек. Он является самым мощным и гибким компонентом системы. В производственных условиях человек ограничен долж-

ностными требованиями – перечнем функций, большинство из которых можно предусмотреть и регулировать. Другие модули модели должны располагаться близко к центру, чтобы предотвратить возможные поломки в системе.

Методика SHARP – это процедура системного анализа человеческих ошибок, которая содержит общие шаги для различных методов: определение, разделение, производительность, расчеты и документация. Процедура состоит из 7 шагов и 2 этапов для принятия решения. Первые два шага выполняются системными аналитиками, следующие два выполняются специалистами по анализу человеческого фактора, последние три шага выполняются совместными усилиями. Объем работы на каждом этапе зависит от типа используемой техники.

Методология THERP также используется для оценки роли человеческого фактора в контроле безопасности. Это определение значимости человеческих ошибок в технике. Эта методика широко распространена как наиболее полная, позволяющая выполнить все этапы анализа человеческих ошибок: идентификацию, моделирование и количественную оценку человеческих ошибок.

Модель HCR рассматривает надежность человека как функцию его способностей. В нем используется таксономия Дж. Расмуссена. Зависимость надежности человека от времени дана в виде определенной формулы. Этот метод часто используется в диагностических целях.

Метод SLIM – это метод индексов вероятности успеха. Это связано с экспертными оценками и учитывает психологическую оценку. Метод основан на парных сравнениях. Это сравнение мнений экспертов друг с другом, определение факторов, важных для конкретных задач, и их влияние на конечную вероятность ошибки. Значимость каждого фактора относится к максимальному и минимальному значениям ошибки.

Методология DNE основана на прямых численных оценках, мнениях, экспертных оценках. В этом случае вероятность успешного действия работника определяется экспертами.

Метод MAPS представляет собой подход компьютерного моделирования. Это экспертная система, состоящая из набора правил, которые лежат в основе решений, принимаемых работником во время аварий.

Методология оценки рисков включает анкету, состоящую из нескольких общих вопросов (пол, возраст, стаж работы) и 7 блоков вопросов (образ жизни, сон и восстановление сил, неудовлетворенность работой, социальная поддержка и изоляция, тревога, уныние и отчаяние, дистресс).

Каждый блок состоит из 7 вопросов (49 всего вопросов) с четырьмя возможными ответами:

- определенно да;
- скорее всего, да;
- скорее всего, нет;
- определенно нет.

Каждый вариант ответа оценивается от 1 до 4 баллов; количество баллов ответа указывается в тесте. Первичный интегральный показатель предлагается использовать для количественной оценки показателей по четырехбалльной шкале. Он рассчитывается по формуле:

$$\Psi_n = (a-d) + (b-c)/2N,$$

где a – количество респондентов, выбравших ответ «1 балл»;

b – «2 балла»;

c – «3 балла»;

d – «4 балла»;

N – количество респондентов.

Далее, для расчета интегрального показателя психосоциального риска (отдельной категории) необходимо

суммировать первичные интегральные показатели каждого вопроса, включенный в блок:

$$\Psi = \sum \Psi_n$$

Результирующий интегральный показатель психосоциального риска является безразмерным, варьируется от -7 до $+7$ и соответствует определенному классу условий труда и категориям профессионального риска (таблица 6). Окончательный класс условий труда в соответствии с психосоциальным фактором производственной среды рассчитывается по комбинации классов условий труда. В результате определяется окончательная категория влияния психосоциального риска.

Таблица 6
Класс условий труда, категория психосоциального риска и срочность профилактических мер

Класс и под-класс условий труда в соответствии с [9]		Интегрированный индекс риска Ψ	Категория психо-социального риска	Неотложность мер по снижению рисков
3	3.4	От -7 до -5,1	Очень высокий риск	Работы не могут быть начаты или продолжены до тех пор, пока риск не будет снижен
	3.3	От -5 до -2,6	Высокий риск	Требуется срочные меры по снижению риска
	3.2	От -2,5 до 0	Средний (значительный) риск	Меры по снижению риска требуются в установленные сроки
	3.1	От 0 до 2,5	Малый (умеренный) риск	Необходимы меры по снижению риска
2		От 2,6 до 5	Незначительный (допустимый) малый риск	Меры не требуются, но уязвимые лица нуждаются в дополнительной защите
1		От 5,1 до 7	Здесь нет никакого риска	Меры не требуются

Управление человеческим фактором в системе менеджмента безопасности движения включает в себя комплекс мероприятий, направленных на минимизацию рисков, связанных с поведением человека. Это включает признание факта наличия человеческого фактора, поиск причин, связанных с поведением человека, управляющее воздействие и оценку полученных результатов. Для эффективного управления человеческим фактором используются различные методы и инструменты, такие как обучение и развитие персонала, мотивация, коммуникация, лидерство, наличие обратной связи, культура и ценности компании. Также применяются различные модели и методологии для оценки человеческого фактора, такие как модель SHELL, методика SHARP, методология THERP и другие. Эти методы и инструменты позволяют комплексно подходить к управлению человеческим фактором и обеспечивать безопасность движения.

Литература

1. Бадалова А.Г. Управление рисками производственных систем: теория, методология, Монография. – М.: «Станкин», «ЯНУС-К», 2016.
2. Бадалова А.Г. Система управления рисками: методология, организационно-информационное обеспечение, эффективность внедрения. Монография. – М.: «Станкин», «ЯНУС-К», 2017.
3. Бадалова А.Г. Управление рисками промышленных предприятий: практический инструментарий для менеджеров. – М.: «Янус-К», 2018.
4. Бадалова А.Г., Еленева Ю.Я., Коршунова Е.Д. Оценка качества менеджмента: теория, методология, Монография. – М.: «ЯНУС-К», 2019.
5. Сиганьков А.А., Бадалова А.Г., Тохунц Н.Б. Финансовый менеджмент: Курс лекций. – М.: МГИРЭА, 2020.

6. Бадалова А.Г. Экономика предприятия. – М.: МАИ. Информационно-издательский центр «Пять плюс», 2021.
7. Песелева Р.И., Бадалова А.Г., и др. Прогнозирование техники, технологии, организации производства и труда. – М.: ВНИИПИ, 2022.
8. Бадалова А.Г., Песелева Р.И. и др. Прогнозирование НТП в отраслях промышленности. Методические рекомендации, частные методики прогнозирования. – М.: ВНИИПИ, 2023.
9. Минаев Э.С., Песелева Р.И., Бадалова А.Г. и др. Рекомендации по выбору и комплексированию методов прогнозирования. – Мн.: БелНИИТИ, 2024.
10. Коршунова Е.Д., Еленева Ю.Я., Бадалова А.Г. и др. Управление предприятием в практике малого бизнеса. Библиотека предпринимателя. Курс лекций. – М.: МГТУ «Станкин», 2025.

Human Resource Management Technologies within the Framework of Risk Management

Bokova M.S.

Volga Region State Transport University

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

This article examines the key stages of human resource management in a traffic safety management system, including recognizing the human factor, identifying the causes associated with human behavior, implementing control actions, and evaluating the results. It analyzes human resource elements, such as human interaction with the organization, the environment, the machine, and other people, as well as human resource management methods and tools. Human resource assessment models and methodologies are presented, including the SHELL model, the SHARP methodology, the THERP methodology, and others. This article aims to provide a comprehensive examination of human resource management for traffic safety.

Keywords: Human resource management, safety management, behavioral risks, personnel reliability, hidden conditions, risk matrix, management methods, assessment tools, and human factor assessment models and methodologies.

References

1. Badalova A.G. Risk Management of Production Systems: Theory, Methodology, Monograph. Moscow: Stankin, YANUS-K, 2016.
2. Badalova A.G. Risk Management System: Methodology, Organizational Information Support, Implementation Efficiency. Monograph. Moscow: Stankin, YANUS-K, 2017.
3. Badalova A.G. Risk Management of Industrial Enterprises: A Practical Toolkit for Managers. Moscow: YANUS-K, 2018.
4. Badalova A.G., Eleneva Yu.Ya., Korshunova E.D. Management Quality Assessment: Theory, Methodology, Monograph. Moscow: YANUS-K, 2019.
5. Sigankov A.A., Badalova A.G., Tokhunts N.B. Financial Management: Lecture Course. Moscow: MGIREA, 2020.
6. Badalova A.G. Enterprise Economics. Moscow: MAI. Information and Publishing Center "Five Plus", 2021.
7. Peseleva R.I., Badalova A.G., et al. Forecasting Equipment, Technology, Organization of Production and Labor. Moscow: VNIPI, 2022.
8. Badalova A.G., Peseleva R.I., et al. Forecasting Scientific and Technical Progress in Industrial Branches. Methodological Recommendations, Specific Forecasting Methods. Moscow: VNIPI, 2023.
9. Minaev E.S., Peseleva R.I., Badalova A.G., et al. Recommendations for Selecting and Combining Forecasting Methods. – Мн.: БелНИИ-ТИ, 2024.
10. Korshunova E.D., Eleneva Yu.Ya., Badalova A.G., et al. Enterprise Management in Small Business Practice. Entrepreneur's Library. Lecture Course. – М.: MSTU "Stankin", 2025.

Роль центра обработки вызова при комплексном реагировании экстренных оперативных и иных служб жизнеобеспечения на сложные происшествия и ЧС

Бородин Михаил Павлович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя РФ генерала армии Е.Н. Зиничева, michaelborodin@mail.ru

В работе рассматривается значение «Системы-112» для организации совместных действий экстренных служб в условиях чрезвычайных ситуаций. Предметом анализа является функциональная архитектура Центра обработки вызовов (ЦОВ). Обоснована актуальность совершенствования процессов обмена данными между операторами и БД. Элемент научной новизны заключается в исследовании автоматического режима управления силами и средствами при комплексном реагировании. Особенность данного режима состоит в автоматизации принятия решений, что исключает субъективный фактор. Результатом внедрения является повышение оперативности реагирования, минимизация человеческих жертв и ущерба материальным и культурным активам.

Ключевые слова: экстренное реагирование, алгоритм, комплексное реагирование, человеческий фактор.

Правовой фундамент, регламентирующий порядок создания, функционирования и развития системы-112, базируется на положениях Конституции Российской Федерации, гарантирующей права граждан на защиту жизни и здоровья, и формируется с учетом общепризнанных принципов международного права и международных договоров Российской Федерации.

Системообразующим элементом законодательной базы выступает Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 488-ФЗ «Об обеспечении вызова экстренных оперативных служб по единому номеру "112"...», который устанавливает правовые и организационные основы деятельности системы. Комплексное регулирование также обеспечивается нормами Федеральных законов «О связи» (№ 126-ФЗ), «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций...» (№ 68-ФЗ), а также Постановлением Правительства РФ № 958 «О системе обеспечения вызова экстренных оперативных служб...», определяющим правила взаимодействия участников системы.

Нормативная база носит иерархический характер и на региональном уровне конкретизируется законодательными актами субъектов Российской Федерации, учитывающими территориальные особенности, а на муниципальном уровне — правовыми актами органов местного самоуправления, регламентирующими участие муниципальных служб в экстренном реагировании [1].

В контексте данного правового поля под вызовом экстренных оперативных и иных служб жизнеобеспечения по единому номеру «112» понимается процесс поступления в систему (в том числе в автоматическом режиме от датчиков или через систему «ЭРА-ГЛОНАСС») информации о происшествии или угрозе ЧС. Данная информация инициирует комплекс согласованных мероприятий по обработке вызова, анализу ситуации и организации оперативного реагирования, направленного на предотвращение угроз, минимизацию ущерба и ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций. В это понятие входят не только сообщения о непосредственных угрозах, но и обращения граждан за психологической помощью или справочной информацией в области безопасности жизнедеятельности, защиты здоровья, жизни и имущества [2; 6].

Система-112 субъекта Российской Федерации представляет собой территориально-распределенную автоматизированную информационно-управляющую систему, объединяющую на основе единых программно-аппаратных средств органы повседневного управления, дежурно-диспетчерские службы (ДДС) экстренных оперативных служб и Единые дежурно-диспетчерские службы (ЕДДС) муниципальных образований.

Основной задачей системы является не только гарантированный прием вызовов (сообщений о происшествиях) по принципу «одного окна» от населения и датчиков мониторинга, но и их интеллектуальная обработка, включающая автоматическое определение местоположения абонента, анализ ситуации и оказание дистанционной психологической поддержки.

Функционирование Системы-112 обеспечивает унифицированное информационное взаимодействие всех служб жизнеобеспечения, что позволяет сократить время реагирования, координировать совместные действия при ликвидации сложных, многофакторных чрезвычайных ситуаций.

В структуру сил системы-112 входят оператор и диспетчерские службы экстренных оперативных служб и иных организаций. Оператор представляет собой специализированную организацию, создаваемую органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации и отвечающую за функционирование и развитие системы. Он обеспечивает её бесперебойную работу, осуществляет приём, обработку и маршрутизацию вызовов в соответствующие диспетчерские службы, которые, в свою очередь, принимают обращения по номеру «112» и организуют дальнейшее реагирование.

Техническую основу системы образует комплекс современных программных и аппаратных решений, включая специализированное программное обеспечение, аппаратно-программные комплексы, региональные информационные ресурсы и телекоммуникационную инфраструктуру. Их применение обеспечивает надёжный приём сигналов о происшествиях как от граждан, так и от автоматизированных систем мониторинга, функционирующих на стационарных и мобильных объектах.

Автоматизированное рабочее место (АРМ) центра обработки вызовов (ЦОВ) системы-112 представляет собой современный программно-аппаратный комплекс, оснащённый специализированным интерфейсом и интегрированными модулями, который обладает широким функционалом и позволяет эффективно решать следующий круг ключевых задач:

- автоматическое распознавание и идентификацию номера телефона звонящего абонента с выводом информации о его принадлежности и истории предыдущих обращений;

- непосредственный приём и первичную регистрацию вызовов, поступающих по единому номеру «112», с автоматическим присвоением уникального идентификатора;

- оперативное определение геолокации заявителя (по данным сотовой сети, GPS или Wi-Fi) или точных координат источника вызова (в том числе от автоматических датчиков), с одновременным автоматическим сбором дополнительных сведений, в число которых входят тип происшествия, пострадавшие, угрозы и данные, требуемые для налаживания соответствующего уровня реагирования;

- глубокий аналитический анализ поступающей информации об инцидентах с использованием встроенных алгоритмов классификации и приоритизации для быстрого выявления степени опасности;

- автоматическое выявление множественных звонков и сообщений, относящихся к одному и тому же событию, их сопоставление и объединение в единую электронную карточку происшествия с целью исключения дублирования и обеспечения целостности данных;

- автоматическое распределение и передачу формализованных данных (в виде информационной карточки происшествия) в дежурно-диспетчерские службы (ДДС ЭОС). Система производит интеллектуальный отбор получателей информации на основе классификатора видов происшествий и географической привязки абонента. Это обеспечивает синхронное оповещение всех необходимых служб (пожарной охраны, полиции, скорой медицинской помощи и др.) и позволяет инициировать комплексные меры реагирования в режиме реального времени, исключая задержки на ручное согласование действий;

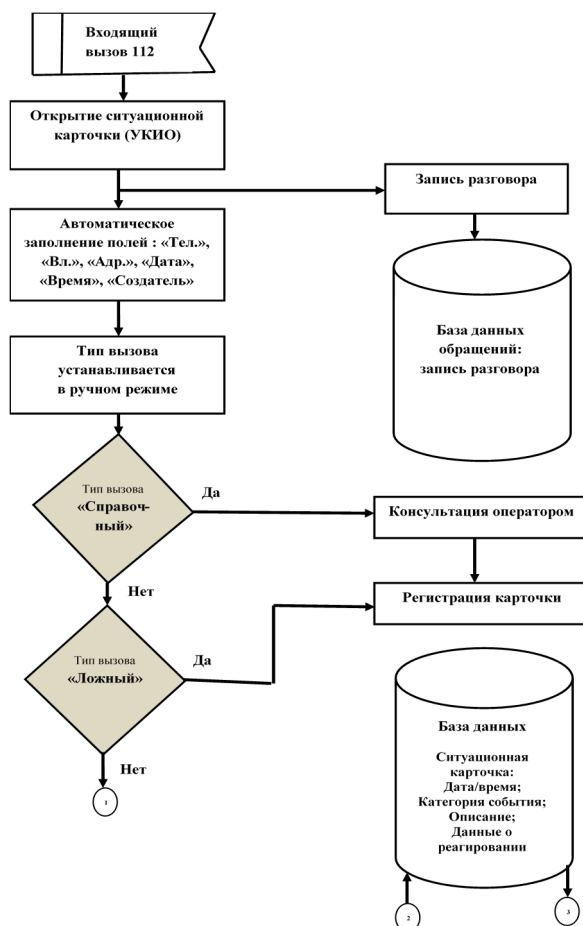
- обеспечение функции автоматического восстановления соединения (Callback) при нештатном прерывании сеанса связи или отсутствии ответа заявителя. Данный механизм реализуется с сохранением активной сессии в информационной системе, что гарантирует целостность контекстных данных и непрерывность процесса заполнения унифицированной карточки происшествия без необходимости повторного опроса абонента;

- осуществление сквозного объективного контроля и юридически значимой регистрации всех событий в системе. Это включает в себя протоколирование входящего и исходящего трафика, долговременное архивное хранение аудиозаписей переговоров, текстовых транскриптов и метаданных вызова (включая геолокационные метки и телематические данные) для последующего анализа правомерности действий операторов и служб;

- синхронизацию и автоматическую актуализацию распределённых ведомственных баз данных в режиме реального времени. Система обеспечивает обогащение информационных ресурсов детальными сведениями о статусе реагирования, формируя точную хронологию действий (тайминг) привлечённых сил и средств, фиксируя итоговые результаты работ по ликвидации последствий происшествия для статистического учета и оценки эффективности.

В ходе разговора с заявителем оператор системы-112 действует по утверждённым чек-листам, последовательно уточняя место, время и характер происшествия, сведения о пострадавших и возможных угрозах. Одновременно данные вносятся в Унифицированную карточку информационного обмена с применением встроенных классификаторов, что обеспечивает их оперативную формализацию и структурирование.

Такой алгоритм минимизирует риск утраты или искажения критически важной информации. Также формирует достоверную основу маршрутизации вызова и последующего анализа. Обработка обращений сотрудниками ЦОВ и дежурно-диспетчерских служб осуществляется в строгом соответствии с утверждённым технологическим алгоритмом (рис. 1). Это гарантирует единообразие действий, соблюдение временных нормативов и эффективность комплексного реагирования.

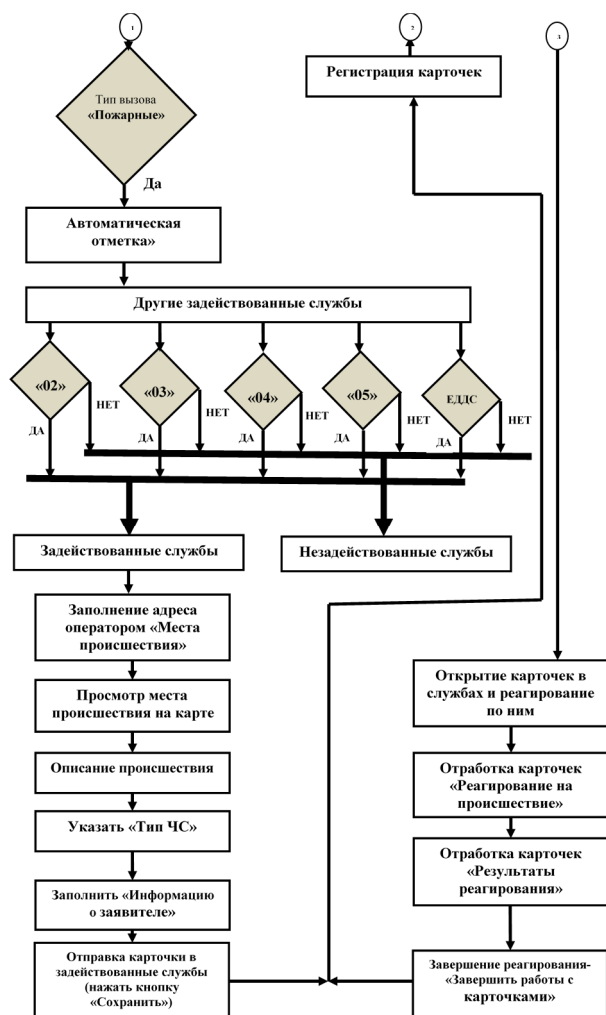

Рис. 1- Алгоритм действий персонала ЦОВ, ДДС системы «112»

Квалификацию происшествия и определение состава необходимых сил осуществляет оператор «Системы-112», основываясь на аналитической обработке поступивших от заявителя сведений и руководствуясь утвержденными классификаторами видов ЧС. В строгом соответствии с функциональной компетенцией и территориальной подведомственностью производится маршрутизация унифицированной карточки информационного обмена в адрес дежурно-диспетчерских служб:

— При выявлении признаков горения, задымления, угрозы возникновения техногенных пожаров, а также при необходимости эвакуации людей из зон термического воздействия привлекается служба пожарной охраны [3; 7; 13; 19; 20; 21; 22];

— Для проведения аварийно-спасательных и других неотложных работ (АСДНР), деблокации пострадавших и ликвидации последствий обрушений, требующих применения спецоборудования, задействуется служба спасения (аварийно-спасательные формирования) [14; 23];

— В целях обеспечения общественного порядка, безопасности дорожного движения (включая оформление ДТП), оцепления зон ЧС и пресечения противоправных действий направляется служба полиции (органы внутренних дел) [8; 17];

— При наличии пострадавших, лиц в беспомощном состоянии, а также при любой прямой угрозе жизни и здоровью граждан для медицинской эвакуации и оказания

экстренной помощи высылается служба скорой медицинской помощи [11];

— Реагирование на инциденты, связанные с утечкой газа, неисправностью распределительного оборудования или угрозой взрыва газозавоздушной смеси, обеспечивает аварийная служба газовой сети [9];

— Подлежат обязательному оповещению службы «Антитеррор» (ФСБ/Росгвардия) в случаях выявления угроз террористического характера, обнаружения взрывных устройств, захвата заложников или совершения диверсионных актов [17; 18].

В процессе комплексного реагирования диспетчеры привлеченных ДДС обеспечивают тактическое управление своими подразделениями. Важнейшим элементом взаимодействия является синхронная актуализация данных в Унифицированной карточке информационного обмена (УКИО). Диспетчеры служб обязаны в режиме реального времени фиксировать смену статусов реагирования (например: «Вызов принят», «Следование», «На месте», «Работы завершены»), вносить сведения о принятых мерах и привлеченных ресурсах.

Оператор «Системы-112», выполняя функцию надзорного и координирующего звена, осуществляет непрерывный мониторинг оперативной обстановки. Он обеспечивает информационную поддержку всех участников ликвидации ЧС, контролирует соблюдение временных нормативов реагирования и производит процедуру закрытия карточки происшествия исключительно после получения подтвержденных статусов о завершении мероприятий от всех задействованных экстренных служб [5; 6; 10].

Система экстренного реагирования РФ включает пожарную охрану, полицию, скорую помощь, газовую службу, спасательные формирования и службу «Антитеррор». Каждая структура обладает специализированной компетенцией и ресурсами. Прием вызовов осуществляется по прямым каналам, централизованно через «Систему-112» и ЕДДС. Это обеспечивает оперативную мобилизацию сил для ликвидации последствий ЧС [4; 12; 15].

За прошедшие годы в Российской Федерации накоплен значительный и многогранный практический опыт организации межведомственного взаимодействия при ликвидации последствий различных происшествий и чрезвычайных ситуаций. Благодаря системной работе по унификации протоколов обмена информацией в значительной степени решены вопросы технической и информационной совместимости дежурно-диспетчерских служб различных ведомств, что позволило существенно повысить скорость и качество совместных действий в условиях реальных инцидентов.

Анализ имеющейся практики свидетельствует о том, что примерно в 10 процентах случаев эффективное и своевременное разрешение возникшей ситуации объективно требует привлечения двух и более служб одновременно, то есть реализации режима комплексного реагирования. Именно такие многосубъектные инциденты, как правило, отличаются наибольшей сложностью, сопряжены с наиболее серьезными последствиями для жизни и здоровья граждан, а также с существенным материальным и экологическим ущербом [10].

Одним из важнейших критериев, определяющих общую эффективность деятельности всех экстренных оперативных служб, по праву считается время реагирования — интервал от момента приема вызова до начала практических действий по оказанию помощи. Сокращение данного временного показателя напрямую и самым существенным образом влияет на снижение тяжести последствий чрезвычайных ситуаций и происшествий, позволяя заметно уменьшить число погибших и пострадавших, а

также минимизировать размеры материального ущерба. В то же время недостаточная координация действий различных ведомств начиная с момента приема вызова и до непосредственного прибытия помощи на место остается одной из наиболее значимых причин сохраняющейся высокой летальности, особенно в тех случаях, когда к ликвидации последствий привлекается несколько служб одновременно.

Максимальный положительный эффект от четко налаженного межведомственного взаимодействия проявляется именно в сложных, многофакторных ситуациях, требующих совместных, скоординированных усилий нескольких служб. В относительно простых случаях, когда достаточно действий одной службы, преимущества комплексного подхода, хотя и присутствуют, проявляются в значительно меньшей степени. Для достижения существенного сокращения среднего времени реагирования и качественного повышения уровня помощи населению в современных условиях необходимо последовательное внедрение целого комплекса организационно-технических мероприятий. К приоритетным векторам развития системы относятся совершенствование алгоритмов комплексного реагирования экстренных служб, неразрывно связанное с модернизацией инфокоммуникационной инфраструктуры и внедрением передовых технологий маршрутизации вызовов. Ключевым условием эффективности выступает поддержание в актуальном состоянии интегрированных ведомственных баз данных, а также имплементация интеллектуальных систем поддержки принятия решений, которые, наряду с геоинформационными технологиями и средствами ситуационного моделирования, обеспечивают мониторинг потенциально опасных объектов и качественную консультативную помощь населению [16].

Комплексный анализ, включающий синтез передового международного и отечественного опыта, а также аудит результатов реализации федеральных целевых программ и региональных проектов в сфере общественной безопасности, позволяет обоснованно утверждать, что на текущем этапе государственного строительства централизованная модель системы-112 является наиболее надежным, функционально эффективным и перспективным механизмом защиты населения и территорий. Она обеспечивает рациональное использование имеющихся ресурсов, достижение высочайшей степени согласованности действий всех задействованных служб и, как следствие, существенное повышение общего уровня защищенности и безопасности населения Российской Федерации.

Литература

1. Федер. закон от 30.12.2020 № 488-ФЗ.
2. Semenova D. [и др.] IMPACTO DAS REDES NEURAI... // Relacoes Internacionais no Mundo Atual. 2024. Т.3. №45. С.574–581.
3. Бородин М.П. Подготовка ДДС 01 системы 112 // Эконом. развитие России. 2025. №6.
4. Бородин М.П. История связи пожарной охраны : дис. канд. ист. наук. СПб., 2012.
5. Бородин М.П. Информ. технологии системы «112» // Совр. наука. 2024. №10.
6. Бородин М.П. ИИ в подготовке персонала системы-112 // Эконом. развитие России. 2025. Т.32. №10. С.56–60.
7. Бородин М.П. Профобразование ДДС 01 системы 112 // Эконом. развитие России. 2025. №5.
8. Бородин М.П. Инновац. технологии ДДС 02 системы 112 // Совр. пед. образование. 2022. №5.
9. Бородин М.П. Подготовка персонала системы-112 : учеб. пособие. М., 2022.
10. Бородин М.П. Геоинформ. подсистема системы 112 // Эконом. развитие России. 2025. Т.32. №7. С.87–91.

11. Бородин М.П. Визуализация ДДС-03 системы-112 // Эконом. развитие России. 2025. Т.32. №6. С.35–40.
12. Бородин М.П., Васютина Т.Л., Зуев А.В. Визуализация карточек системы «112» // Пед. журнал. 2024. Т.14. №4-1.
13. Бородин М.П., Васютина Т.Л., Зуев А.В. Навиг. система МЧС // Совр. пед. образование. 2024. №10. С.173–178.
14. Бородин М.П. [и др.] Диспетчерская служба МЧС России. 2012.
15. Бородин М.П., Губанова О.А. Вебинары персонала 112 // Инновации и инвестиции. 2021. №9.
16. Бородин М.П. [и др.] Система-112 // Пробл. управления рисками в техносфере. 2015. №2(34).
17. Бородин М.П., Зуев А.В. Система-112 при террористических актах // Совр. пед. образование. 2024. №10.
18. Бородин М.П., Зуев А.В., Васютина Т.Л. Навиг. система МЧС // Совр. пед. образование. 2024. №10.
19. Бородин М.П. [и др.] Инклюзивное обучение МЧС // Учен. зап. ун-та им. Лесгафта. 2023. №2(216). С.43–46.
20. Бородин М.П. [и др.] Инклюзивные технологии ДДС 01 // Учен. зап. ун-та им. Лесгафта. 2023. №4(218).
21. Бородин М.П. [и др.] Инновац. технологии ДДС 01 системы 112 // Совр. пед. образование. 2022. №2.
22. Бородин М.П., Селифанов Д.С. Компетенции ДДС 01 // Совр. пед. образование. 2022. №7.
23. Мироньчев А.В., Бородин М.П., Селифанов Д.С. Подготовка ДДС-01 в системе «112» : учеб. пособие. СПб., 2024.

The Role of the Call Center in the Integrated Response of Emergency and Other Life Support Services to Complex Incidents and Emergencies. Borodin, M.P.

St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

This paper examines the role of the "System-112" in organizing joint actions of emergency services in emergency situations. The functional architecture of the Call Center (COC) is analyzed. The need for improving data exchange processes between operators and the database is substantiated. The novelty lies in the study of an automatic mode for managing forces and resources during an integrated response. A distinctive feature of this mode is the automation of decision-making, which eliminates the subjective factor. The implementation results in increased response times, minimizing casualties and damage to material and cultural assets.

Keywords: emergency response, algorithm, integrated response, human factor.

References

1. Federal Law of 30.12.2020 No. 488-FZ.
2. Semenova D. [et al.] IMPACT OF NEURAL REDES... // International Relations of the Current World. 2024. Vol. 3. No. 45. pp. 574–581.
3. Borodin M.P. Preparation of the 112 Emergency Response System DDS 01 // Economic Development of Russia. 2025. No. 6.
4. Borodin M.P. History of Fire Service Communications: Dissertation of Cand. Sci. (Hist.) St. Petersburg, 2012.
5. Borodin M.P. Information Technologies of the 112 System // Modern Science. 2024. No. 10.
6. Borodin M.P. AI in Training of System-112 Personnel // Economic Development of Russia. 2025. Vol. 32. No. 10. pp. 56–60.
7. Borodin M.P. Vocational Education of DDS 01 of System 112 // Economic Development of Russia. 2025. No. 5.
8. Borodin M.P. Innovative Technologies of DDS 02 of System 112 // Modern Pedagogical Education. 2022. No. 5.
9. Borodin M.P. Training of System-112 Personnel: A Manual. Moscow, 2022.
10. Borodin M.P. Geoinformation Subsystem of System 112 // Economic Development of Russia. 2025. Vol. 32. No. 7. pp. 87–91.
11. Borodin M.P. Visualization of the DDS-03 system-112 // Economic development of Russia. 2025. Vol. 32. No. 6. pp. 35–40.
12. Borodin M.P., Vasyutina T.L., Zuev A.V. Visualization of cards-checks of the "112" system // Pedagogical journal. 2024. Vol. 14. No. 4-1.
13. Borodin M.P., Vasyutina T.L., Zuev A.V. Navigation system of the Ministry of Emergency Situations // Modern ped. education. 2024. No. 10. pp. 173–178.
14. Borodin M.P. [et al.] Dispatch service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 2012.
15. Borodin M.P., Gubanova O.A. Webinars of personnel 112 // Innovations and investments. 2021. No. 9.
16. Borodin M.P. [et al.] System-112 // Problems of Risk Management in the Technosphere. 2015. No. 2 (34).

Институт независимых директоров: сущность и роль в корпоративном управлении

Велижанский Максим Иванович

аспирант, Центр частного права, кафедра частноправовых дисциплин, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, osunstaffake@gmail.com

Существенная перестройка «архитектуры» российской корпоративной среды в 2022-2026 годах, сопровождавшаяся беспрецедентным оттоком зарубежных экспертов, со всей очевидностью обострила вопрос о жизнеспособности института независимых директоров. По сути, актуальность темы продиктована необходимостью понять, способен ли отечественный бизнес генерировать качественный непредвзятый надзор, опираясь исключительно на внутренние кадровые резервы. Цель состоит в системной оценке функциональной трансформации характеризуемого института и определении реальных границ его эффективности на современном этапе. Отправной точкой анализа служит фундаментальное практическое противоречие: нормативные требования регулятора предполагают строгую автономию директора, а доминирование концентрированной собственности в российских реалиях делает его назначение *de facto* зависимым от воли мажоритарного акционера. Как представляется, именно этот конфликт между заявленной ролью и фактическим статус-кво порождает феномен «символической независимости», при котором скрупулезное соблюдение буквы Кодекса корпоративного управления маскирует неготовность объективно оппонировать исполнительному менеджменту. Сформулированные выводы и рекомендации будут полезны представителям регулирующих органов при калибровке листинговых правил. Кроме того, статья обладает практической ценностью для корпоративных секретарей, формирующих составы комитетов, для институциональных и частных инвесторов, прицельно оценивающих нефинансовые риски эмитентов.

Ключевые слова: агентская теория, корпоративное управление, независимый директор, принципал-агент, совет директоров.

Введение

Проблема эффективного корпоративного управления по праву занимает одно из центральных мест в современной экономической науке и деловой практике. По сути, именно качество управленческих механизмов внутри публичных компаний во многом определяет долгосрочную устойчивость бизнеса, доверие инвесторов и, в конечном счёте, темпы роста национальных экономик. В данном контексте институт независимых директоров служит одним из ключевых инструментов, который призван сбалансировать интересы различных стейкхолдеров и обеспечить объективный надзор за деятельностью исполнительного менеджмента.

Теоретические основания для существования рассматриваемого института коренятся в классической агентской теории, разработанной М. Дженсеном и У. Меклингом в 1976 году. Согласно её положениям, в условиях разделения собственности и управления интересы менеджеров и акционеров объективно расходятся. Это порождает так называемые агентские издержки. Независимые директора, не связанные с менеджментом ни трудовыми, ни имущественными отношениями, теоретически способны выступать эффективными мониторами, которые снижают подобные издержки. Впрочем, между нормативным и реальным выполнением описываемой роли сохраняется весьма существенный разрыв.

Значимость обсуждаемой темы для российских компаний определяется рядом факторов. Во-первых, стремительное преобразование корпоративной среды в 2022-2025 годах (уход значительной части иностранных участников советов директоров, изменение структуры собственности крупнейших организаций, корректировка регуляторных требований Банка России) поставило задачу качественного обновления. Во-вторых, вопрос о том, в какой мере рассматриваемые директора реально независимы в российских реалиях корпоративного контроля, остаётся дискуссионным. Он требует систематического научного осмысления. Наконец, следует учитывать, что именно советы директоров с весомой долей независимых участников демонстрируют более высокие показатели рыночной капитализации и качества раскрытия информации.

Важно подчеркнуть, что за последнее десятилетие российская нормативная база в данной области претерпела принципиальные изменения. Принятый в 2014 году Кодекс корпоративного управления Банка России, который был разработан с учётом лучших международных стандартов, существенно конкретизировал критерии независимости директоров и функции. Последующая правоприменительная практика регулятора, письма, рекомендации Банка России в адрес публичных акционерных обществ указывают на то, что характеризуемый институт рассматривается надзорным органом в качестве одного из приоритетных элементов качественного корпоративного управления.

Материалы и методы

По результатам обзора современных источников обнаруживается, что исследование института независимых директоров осуществляется, главным образом, в рамках институционального, сравнительно-правового, организационно-управленческого, эмпирико-аналитического подходов.

Так, М.И. Велижанский рассматривает данных субъектов как фактор повышения эффективности корпоратив-

ного управления (через призму агентской теории и механизмов контроля) [1]. В.Б. Жуков, И.В. Охотников, И.В. Сибирко применяют сравнительно-аналитический ракурс в целях выявления тенденций функционирования советов директоров в российской и зарубежной практике [2]. А.А. Книшевская и А.В. Бутов используют компаративный институциональный анализ моделей США и России [4], а Л.Н. Леванова, А.В. Вавилина, Т.В. Комарова исследуют трансформацию роли советов директоров с позиций стратегического управления корпорациями [5]. И.В. Мирошниченко акцентирует внимание на эволюции концепции независимого директора и перспективах её развития в российской правовой системе [6]. О.В. Тарасова рассматривает вклад характеризуемых лиц в инновационное развитие организаций [8]. Аналитические и статистические отчёты профессиональных организаций и консалтинговых структур [3, 7, 9, 10] формируют эмпирическую базу, которая отражает практические тенденции и изменения профиля независимых директоров на международном уровне.

Выбор обозначенных выше публикаций аргументируется их непосредственной релевантностью теме исследования, сочетанием теоретических концепций и практических данных, возможностью сопоставления российского и зарубежного опыта корпоративного управления. Одновременно с этим, в литературе наблюдаются пробелы, которые связаны с недостаточной разработанностью количественных методик оценки влияния независимых директоров на результаты деятельности компаний, ограниченным анализом отраслевой специфики, недостаточным вниманием к поведенческим аспектам принятия решений. Противоречия проявляются в оценке реальной независимости анализируемых субъектов. Часть авторов рассматривает их как эффективный инструмент корпоративного контроля; другие же указывают на зависимость от мажоритарных акционеров.

В статье применены институциональный, сравнительный, системный методы, а также анализ статистических и аналитических данных. Это обусловлено необходимостью комплексного рассмотрения института независимых директоров как элемента корпоративного управления, сочетающего правовые, организационные, экономические аспекты.

Результаты и обсуждение

Теоретическое осмысление роли независимых директоров опирается на несколько концептуальных конструкций. Каждая из них высвечивает различные аспекты их деятельности.

Так, наиболее распространённой остаётся агентская теория. В её логике совет директоров является, в первую очередь, механизмом мониторинга, а независимые директора – агентами, действующими в интересах акционеров-принципалов. Вследствие этого резюмируем, что эффективность данного института напрямую определяется качеством информации, доступной независимым директорам, и реальными стимулами, которые побуждают их к объективной оценке действий менеджмента.

Альтернативную перспективу предоставляет ресурсная теория. Она была разработана Дж. Пфеффером и Дж. Саланчином. В её рамках независимые директора позиционируются не столько как надзорный орган, сколько как носители уникальных компетенций, социальных связей, репутационного капитала. Они обогащают стратегический потенциал компании. С помощью описываемого подхода объясняется устойчивый спрос на директоров с опытом работы в государственных структурах, регуляторных органах либо ведущих отраслевых ассоциациях. Иными словами, на тех, кто способен снижать транзакционные издержки взаимодействия компании с внешней средой.

Наконец, с позиций теории стюардства предлагается принципиально иная интерпретация. Так, менеджеры рассматриваются не как оппортунисты, а как добросовестные стюарды интересов акционеров. Это ставит под сомнение необходимость жёсткого независимого контроля [6, 8].

Как представляется, в условиях российского корпоративного управления, где концентрированная собственность остаётся нормой, а не исключением, сочетание элементов агентской и ресурсной теорий обеспечивает наиболее реалистичное объяснение роли характеризующих субъектов.

Понятие «независимый директор» во всех правовых системах строится вокруг одного центрального требования – отсутствия аффилированности с компанией, её менеджментом, крупными акционерами. Между тем, конкретное наполнение этого требования существенно варьируется (см. таблицу 1).

Таблица 1
Сравнительный анализ критериев независимости директоров в различных юрисдикциях (составлено на основе [1, 2, 4, 6, 8])

Различия в корпоративных стандартах на основе [1, 2, 4, 6, 8]				
Критерий	Россия (Кодекс КУ, 2014)	США (NYSE Listing Rules)	Великобритания (UK Corporate Governance Code)	ЕС (рекомендации Комиссии)
Запрет на трудовые отношения с компанией	Да (в течение 3 лет)	Да (5 лет)		Да
Запрет на аффилированность с крупным акционером	Да (>5% голосов)	Да	Да (>10%)	Да
Ограничение срока полномочий	Не установлено		9 лет (после – утрата статуса)	Рекомендательно 12 лет
Запрет на существенные деловые отношения с компанией	Да			
Требование к занятию должностей в комитетах	Комитет по аудиту, вознаграждениям, номинациям	Обязательно для трёх комитетов	Рекомендательно	
Самооценка независимости советом	Предусмотрена			

Как видно из приведённой таблицы, российский подход в целом гармонизирован с лучшими международными стандартами. Однако он обладает своими особенностями. В частности, отечественное регулирование до сих пор не устанавливает предельного срока непрерывного пребывания в должности. Уместно предположить, что именно отсутствие подобного ограничителя способствует формированию феномена укоровившихся «ветеранов» совета, чья изначальная непредвзятость с течением времени становится весьма иллюзорной.

В литературе выделяются три базовые функции независимых членов совета:

- мониторинговая (финансовый аудит, независимая оценка рисков);
- стратегическая (подразумевается внешняя беспристрастная экспертиза инвестиционных проектов);
- консультативная [1, 5].

Тем не менее, их подлинная результативность на практике нередко нивелируется рядом структурных ограничений.

Во-первых, критическим барьером служит информационная асимметрия: исполнительное руководство неизбежно аккумулирует несопоставимо больший объём оперативных данных.

Во-вторых, в реалиях высококонцентрированной собственности независимые участники, как правило, фактически одобряют мажоритарным владельцем. Вследствие этого возникает фундаментальный риск «символической независимости», при которой формально свободные лица избегают открытой конфронтации с контролирующим акционером.

Помимо этого, беспрецедентный исход иностранных специалистов в период 2022-2023 годов резко обнажил проблему кадрового голода на узком рынке корпоративных управленцев высшего звена.

Несмотря на макроэкономическую турбулентность, корпоративный сектор Российской Федерации демонстрирует устойчивый тренд на укрепление независимого надзора. Согласно комплексным исследованиям Национального объединения корпоративных секретарей (НОКС), которое было опубликовано в 2025 году, анализируемый институт успешно преодолел период структурной адаптации. Заметно просев после внешних «шоков» 2022 года, доля независимых директоров в советах крупнейших публичных компаний планомерно увеличивалась и достигла 41%. Впечатляет и тот факт, что в 36% публичных акционерных обществ эти эксперты сегодня составляют половину или более от общего числа членов совета. Удельный вес независимых председателей советов директоров за последнее десятилетие вырос в полтора раза – до 24% [3, 7] (таблица 2).

Таблица 2

Динамика состава советов директоров крупнейших российских публичных компаний (2022-2025 гг.) (составлено на основе [3, 7])

Индикатор	2022 г.	2023 г.	2024-2025 гг.
Доля независимых директоров, %	37	39	41
Доля компаний, где ≥50% – независимые директора, %	н/д	н/д	36
Доля независимых председателей совета, %	н/д	н/д	24
Доля новых назначений в составе советов, %	н/д	15,8	13,8
Доля иностранных директоров, %	~20	~9	6

В целях объективной оценки достигнутых результатов целесообразно обратиться к актуальной зарубежной статистике. Согласно отчёту Spencer Stuart U.S. Board Index (выпуск конца 2025 года), в корпорациях индекса S&P 500 независимыми признаны 86% директоров, а 41% советов уже возглавляют независимые председатели. Тем не менее, и на самых развитых рынках в настоящее время фиксируется отчётливое замедление обновления кадрового резерва. Так, в 2025 году в американские советы директоров было назначено лишь 374 новых независимых участника. Это является наиболее низким показателем с 2016 года (общее снижение на 8% к предыдущему периоду) [9, 10]. По-видимому, и отечественные, и зарубежные эмитенты сегодня предпочитают смягчать риски и делать ставку на сохранение уже сплочённых команд на фоне глобальной неопределённости.

Основываясь на проведённом анализе, перед подведением общих итогов необходимо сформулировать комплекс рекомендаций, которые ориентированы на преодоление институциональных барьеров. Их ключевое назначение – устранение дисбаланса между формальным соответствием букве закона и фактической независимостью суждений.

Так, предлагается нормативно закрепить предельный срок непрерывного пребывания в статусе независимого директора в одной компании (например, девять лет). Описываемая мера успешно апробирована в британской практике; её внедрение в России поможет решить проблему профессионального выгорания и сращивания контролёров с менеджментом, обеспечив регулярный приток свежих взглядов.

Ввиду существенного оттока зарубежных профессионалов целесообразно инициировать создание единой верифицированной базы сертифицированных управленцев под эгидой регулятора. Подобная инфраструктура нивелирует проблему кадрового дефицита и снизит транзакционные издержки поиска кандидатов. А это жизненно необходимо для компаний со средним уровнем капитализации.

Следует обязать эмитентов детализированно публиковать сведения о любых потенциальных конфликтах интересов и скрытых связях директоров, выходящих за сухие рамки критериев аффилированности. Такой подход вооружит инвестиционное сообщество реальным инструментом для оценки подлинной, а не только документальной неподвзятости надзорных органов.

Заключение

По своей природе институт независимых директоров выступает в качестве сложного компромиссного механизма, призванного непрерывно балансировать разноразличные интересы ключевых стейкхолдеров: мажоритарных и миноритарных акционеров, исполнительного менеджмента, общества в целом. Анализ теоретических подходов наглядно продемонстрировал, что ни сугубо агентская теория, ни ресурсная концепция по отдельности не способны исчерпывающе описать функционал характеризуемых субъектов. Очевидно, что их роль носит двойственный характер. С одной стороны, они осуществляют жизненно необходимый объективный мониторинг управленческих решений, снижая агентские издержки. С другой, генерируют уникальный стратегический и репутационный капитал, содействуя устойчивому росту бизнеса.

Рассмотрение актуальной эмпирической базы показало, что, невзирая на беспрецедентные геополитические и макроэкономические «шоки» последних лет, российский корпоративный сектор характеризуется впечатляющей степенью адаптивности. Статистика указывает на поступательное укрепление позиций независимых директоров в России. В то же время, было бы преждевременно утверждать об окончательном разрешении хронических проблем. Высочайшая концентрация акционерного капитала по-прежнему продуцирует неявные риски «символической независимости», когда формально безупречные директора фактически выступают как безальтернативные проводники воли мажоритариев. Параллельно с этим сокращение иностранного присутствия актуализировало вызов локального «кадрового голода».

Отечественному рынку предстоит пройти ещё весьма длительный путь институциональной эволюции, прежде чем независимый надзор станет непререкаемым стандартом абсолютно для всех публичных эмитентов. Сформулированные в статье авторские рекомендации обладают практической новизной и прикладной значимостью. Введение жёсткого временного ценза позволит гарантировать необходимую кадровую ротацию, а запуск национального реестра квалифицированных кандидатов существенно упростит процедуры номинирования. Внедрение расширенных требований к раскрытию скрытых связей повысит прозрачность корпоративных структур, укрепит хрупкое доверие со стороны частных розничных инвесторов.

Как представляется, дальнейшее развитие анализируемого института должно идти строго по пути качественного, а не просто количественного усложнения. Полученные в ходе данного исследования результаты могут быть продуктивно использованы регулирующими органами при калибровке национальных стандартов корпоративного управления, а также послужить прочной отправной точкой для будущих изысканий.

Литература

1. Велижанский М.И. Независимые директора как фактор эффективности корпоративного управления // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 9. – С. 200-203.
2. Жуков В.Б., Охотников И.В., Сибирко И.В. Выявление современных тенденций и основных проблем в организации деятельности совета директоров в российских и зарубежных компаниях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2021. – № 4. – С. 31-38.
3. Иванов П. НОКС представил «Обзор практик корпоративного управления – 2024» // URL: <https://ao-journal.ru/noks-predstavil-obzor-praktik-korporativnogo-upravleniya-2024> (дата обращения: 26.02.2026).
4. Книшевская А.А., Бутов А.В. Особенности института независимых директоров в России и США // Инновации в управлении социально-экономическими системами (RCIMSS-2019). Сборник статей. – Москва: 2024. – С. 103-107.
5. Леванова Л.Н., Вавилина А.В., Комарова Т.В. Трансформация роли советов директоров в российских корпорациях // Вестник МИРБИС. – 2021. – № 4 (28). – С. 149-161.
6. Мирошниченко И.В. Концепция «независимого директора»: истоки формирования и перспективы развития в России // Вестник арбитражной практики. – 2023. – № 4 (107). – С. 60-69.
7. Портрет совета директоров – 2024. Исследование НОКС // URL: <https://nokc.org.ru/portrait-bod-2024-release/> (дата обращения: 26.02.2026).
8. Тарасова О.В. Роль независимых директоров в инновационном развитии организации // Проблемы современной экономики: глобальный, национальный и региональный контекст. Сборник научных статей. – Гродно: 2021. – С. 180-190.
9. Baumgarten J. 2025 Spencer Stuart U.S. Board Index: Reflection and Opportunity // URL: https://www.linkedin.com/posts/jasonbaumgarten_2025-us-spencer-stuart-board-index-activity-7382033357326471168-o7VD (дата обращения: 26.02.2026).
10. Spencer Stuart U.S. Board Index Marks 40 Years with Signs of Slowing Refreshment and Shifting Director Profiles // URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/spencer-stuart-us-board-index-marks-40-years-with-signs-of-slowing-refreshment-and-shifting-director-profiles-302577697.html> (дата обращения: 26.02.2026).

The Institution of Independent Directors: Essence and Role in Corporate Governance

Velizhansky M.I.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The substantial restructuring of the “architecture” of the Russian corporate environment in 2022–2026, accompanied by an unprecedented outflow of foreign experts, has clearly intensified the question of the viability of the institution of independent directors. In essence, the relevance of the topic is driven by the need to understand whether domestic businesses are capable of generating high-quality impartial oversight relying solely on internal human resources. The purpose of the study is to provide a systemic assessment of the functional transformation of this institution and to determine the real boundaries of its effectiveness at the present stage. The starting point of the analysis is a fundamental practical contradiction: regulatory requirements assume strict director autonomy, while the dominance of concentrated ownership in Russian realities makes appointments de facto dependent on the will of the majority shareholder. It appears that this conflict between the declared role and the actual status quo generates the phenomenon of “symbolic independence,” whereby meticulous compliance with the letter of the Corporate Governance Code masks the reluctance to objectively challenge executive management. The conclusions and recommendations formulated will be useful for regulatory authorities in calibrating listing rules. In addition, the article has practical value for corporate secretaries responsible for forming committee compositions, as well as for institutional and private investors specifically assessing issuers’ non-financial risks.

Keywords: agency theory; corporate governance; independent director; principal-agent; board of directors.

References

1. Velizhansky, M.I. Independent directors as a factor in the effectiveness of corporate governance // Innovations and Investments. – 2025. – No. 9. – Pp. 200–203.
2. Zhukov, V.B., Okhotnikov, I.V., Sibirko, I.V. Identification of modern trends and key problems in organizing the activities of boards of directors in Russian and foreign companies // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law. – 2021. – No. 4. – Pp. 31–38.
3. Ivanov, P. NOKS presented the “Corporate Governance Practices Review – 2024” // URL: <https://ao-journal.ru/noks-predstavil-obzor-praktik-korporativnogo-upravleniya-2024> (accessed: February 26, 2026).
4. Knishevskaya, A.A., Butov, A.V. Features of the institution of independent directors in Russia and the USA // Innovations in the Management of Socio-Economic Systems (RCIMSS-2019). Collection of articles. – Moscow: 2024. – Pp. 103–107.
5. Levanova, L.N., Vavilina, A.V., Komarova, T.V. Transformation of the role of boards of directors in Russian corporations // MIRBIS Herald. – 2021. – No. 4 (28). – Pp. 149–161.
6. Miroshnichenko, I.V. The concept of the “independent director”: origins of formation and development prospects in Russia // Bulletin of Arbitration Practice. – 2023. – No. 4 (107). – Pp. 60–69.
7. Portrait of the Board of Directors – 2024. NOKS Study // URL: <https://nokc.org.ru/portrait-bod-2024-release/> (accessed: February 26, 2026).
8. Tarasova, O.V. The role of independent directors in the innovative development of an organization // Problems of Modern Economics: Global, National and Regional Context. Collection of scientific articles. – Grodno: 2021. – Pp. 180–190.
9. Baumgarten, J. 2025 Spencer Stuart U.S. Board Index: Reflection and Opportunity // URL: https://www.linkedin.com/posts/jasonbaumgarten_2025-us-spencer-stuart-board-index-activity-7382033357326471168-o7VD (accessed: February 26, 2026).
10. Spencer Stuart U.S. Board Index Marks 40 Years with Signs of Slowing Refreshment and Shifting Director Profiles // URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/spencer-stuart-us-board-index-marks-40-years-with-signs-of-slowing-refreshment-and-shifting-director-profiles-302577697.html> (accessed: February 26, 2026).

Дивергенция потребительского поведения в индустрии гостеприимства

Дегтярева Яна Владимировна

к.э.н., доцент, заведующая кафедрой сервиса и гостиничного дела, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского,

Германчук Алла Николаевна

д.э.н., доцент, профессор кафедры маркетингового менеджмента, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, allagerm@rambler.ru

В статье представлены основные положения, формирующие теоретический базис дивергенции потребительского поведения, в частности, рассмотрены и проанализированы существующие дефиниции данного понятия различными зарубежными и отечественными исследователями; выявлены специфические особенности и ключевые детерминанты, отражающие фрагментацию потребностей, мотивов, ценностей, информационно-коммуникационных каналов и технологий, фрагментацию целевой аудитории, географических рынков, конкуренции и фрагментацию времени относительно гостинично-ресторанного бизнеса. Проведенный критический контент-анализ позволил сформулировать авторское определение дивергенции потребительского поведения, который следует рассматривать как комплексный феномен, характеризующийся возрастающим разнообразием предпочтений, мотиваций и моделей поведения потребителей при взаимодействии с предприятиями и его услугами, а также паттернов дивергенции потребительского поведения, под которыми следует понимать комплекс динамичных тенденций, отражающих фрагментацию потребительских предпочтений, мотивации и моделей принятия решений, обусловленных рядом факторов внешней среды, включая социокультурные изменения, технологический прогресс, экономические колебания, демографические сдвиги и т.д. На основе результатов проведенных исследований в статье определены основные виды дивергенции потребительского поведения, характерные для индустрии гостеприимства, а именно: функциональная дивергенция, информационная, социокультурная, экономическая, психографическая, геолокационная и временная дивергенция, что позволило разработать математическую модель, описывающую динамические изменения потребительских предпочтений в рассматриваемой отрасли.

Ключевые слова: дивергенция, дивергенция потребительского поведения, фрагментация потребительских предпочтений, потребительский опыт, индустрия гостеприимства, паттерны дивергенции потребительского поведения.

Введение

Современные условия усиления конкуренции и трансформации запросов потребителей вынуждают предприятия постоянно адаптировать свою деятельность к рыночной ситуации, разрабатывая дифференцированные маркетинговые стратегии с учетом специфики каждого целевого сегмента. В данном контексте ключевым трендом, определяющим стратегическое развитие предприятий, в том числе гостиничного бизнеса, выступает изучение разнородности предпочтений потребителей, персонализации параметров выбора и критериев принятия решений, что обуславливает актуальность концепции дивергенции потребительского поведения.

В зарубежной и российской научной литературе феномен дивергенции потребительского поведения рассматривается в различных аспектах, отражающих многогранность данного понятия.

В контексте гостинично-ресторанного бизнеса данная дефиниция авторами практически не исследовалась, а определение различий в потребительском поведении имеет ряд акцентов, обусловленных спецификой исследовательских интересов и методологических подходов.

Учитывая вышеизложенное, объективной необходимостью выступает разработка теоретической базы для понимания сущности и специфики дивергенции потребительского поведения в индустрии гостеприимства, что подразумевает проведение критического анализа дефиниций, предлагаемых различными авторами, определение влияющих факторов, идентификацию паттернов и ключевых детерминант, и разработку на этой основе модели, описывающей динамику потребительских предпочтений.

Методы

Методологической основой исследования являются разработки отечественных и зарубежных ученых в сфере изучения дивергенции потребительского поведения и потребительских паттернов в индустрии гостеприимства.

В работе использовался комплекс общенаучных методов, включающий обзор, теоретическое обобщение и систематизацию научной литературы, критический анализ публикаций и логико-семантический синтез полученных данных для выявления основных тенденций и закономерностей, а также метод математического моделирования, основанный на системе дифференциальных уравнений, для описания динамики потребительских предпочтений в исследуемой сфере.

Результаты

Дивергенция – это термин, происходящий от латинского «divergege», который указывает на процесс расхождения, отклонения от общего направления или стандарта.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегов определяет дивергенцию как «... вид (или разновидность), особое качество, особенности активности, существования и развития во времени объектов любого рода, свойство или способность целостного объекта разделяться на части и сливаться, объединяться в новое целое» [1].

В.Е. Реутов и В.Р. Ильичева, понятие «дивергенция» трактуют как «...динамический процесс, направленный на расхождение субъектов, объектов, систем или же их показателей исследования и оценки» [2]. В своих исследованиях они пришли к выводу, что использование данного термина в социологическом и политологическом кон-

текстах послужило неким толчком к переносу и рассмотрению понятия в различных областях знаний, обусловив последующее распространение в сфере экономики, включая маркетинг.

Предпосылками выделения понятия дивергенции в контексте потребительского поведения стали работы зарубежных авторов, посвященные дифференцированности поведенческих паттернов, обусловленного устойчивым стремлением индивидов отличаться от референтных групп или общественности посредством выбора товаров, услуг и практик потребления, а также различными мотивами, включая потребность в самовыражении, стремление к уникальности и социальному различению (Г. Симмель [3], Р. Белк [4], К. Тянь, В. Бирден, Г. Хантер [5]).

В попытке систематизации данных исследований Дж. Бергер и Ч. Хит сформулировали подход к дивергенции, основанный на сигналах идентичности, которая рассматривается как один из ключевых механизмов стратегии вовлечения потребителей, направленного на формирование лояльности и культового статуса [6].

Несмотря на аргументацию авторов, предложенный подход не учитывал тот факт, что дивергенция относительно потребительского поведения может быть эффективной стратегией только в определенных контекстах. С этой точки зрения М. де Муй, признанный эксперт в области межкультурного потребительского поведения, рассматривает дивергенцию как элемент взаимодействия между культурой, индивидуальными особенностями и потребительским выбором [7].

Е.В. Радевич, исследуя вопросы дивергенции современных обществ, подчеркивает, что «... современная культура демонстрирует тенденцию к индивидуализации и фрагментации социального пространства. Происходит дробление общества на множество частей и человек получает возможность одновременного «присутствия» в различных социальных группах соответственно своим личным интересам и предпочтениям, становясь носителем множества идентичностей» [8].

Таким образом, дивергенция в потребительском поведении предопределяет разнообразие предпочтений и реакций покупателей, вариативность поведенческих моделей и паттернов в силу культурных и личностных характеристик индивидов.

Расхождение в моделях потребительского поведения обуславливает сегментацию рынка, а расширение спектра запросов и потребностей дифференцированных потребительских групп предопределяет необходимость разработки более персонализированных и специализированных продуктов или услуг. Это характеризует возрастающую сложность адаптации стандартных маркетинговых стратегий к неоднородной аудитории.

Кроме того, персонализация и кастомизация потребительского поведения усиливают стремление потребителей к получению уникального опыта и их вовлеченности в создание ценности. Это означает, что предприятия должны выступать не только как поставщики товаров и услуг, но и как партнеры в создании уникального ценностного предложения.

Современные российские исследователи акцентируют внимание на многофакторности дивергенции потребительского поведения, выделяя влияние технологических, экономических, социокультурных и психологических факторов.

Е.В. Радевич в своей работе характеризует технологический аспект, который заключается в расширении возможностей потребителей в формировании индивидуальных предпочтений посредством информационно-коммуникационных технологий, в т.ч. цифровых платформ и социальных сетей. Автор подчеркивает, что «... дивергенция становится основной тенденцией на современном

этапе и касается культурных, этнических и религиозных противоречий, которые усиливаются под действием современных технологий в культурно-информационном пространстве» [8]. Данный аспект углубляет дивергенцию потребительского поведения в контексте формирования уникального и аутентичного потребительского опыта.

Согласно результатам исследований В.Р. Ильичевой, экономический фактор проявляется во влиянии уровня доходов населения на структуру потребительского спроса. Автор отмечает, что причины дивергенции связаны с особенностями экономической специализации регионов и макрорегионов, их уровнем социально-экономического развития, что обуславливает территориальную дифференциацию предпочтений относительно выбора между предложениями, формируя различные потребительские кластеры с уникальными потребностями и ожиданиями [9]. Е.М. Азарян, определяя влияние нейрофизиологических и психологических факторов на лояльность и предпочтения потребителей в условиях глобальных и региональных трансформаций, акцентирует внимание на специфике различных потребительских сегментов, дифференцированных по уровню материального дохода. Выделенная автором приоритизация атрибутов потребительского выбора выступает основой модели потребительского поведения в Донецкой Народной Республике, учитывающая влияние интеграционных процессов и тенденций [10]. Таким образом, экономический фактор выступает ключевой детерминантой дивергенции потребительского поведения относительно географической сегментации целевого рынка.

З.М. Алиева, изучая различные модели формирования потребительского поведения, акцентирует внимание на определяющей роли институциональной среды потребительского рынка, которая выступает регулятором потребительского поведения. Ключевыми факторами в рамках данного подхода выступают: рутина, обычаи, привычки, ориентация на общепринятые правила, процедурная рациональность и жизнерадостность [11]. Полученные данные, постулируя иррациональность и разнородность покупательских решений, позволяют утверждать, что социокультурные факторы формируют новые потребительские сегменты с уникальными потребностями и отличающимися ценностями, что способствует усилению дивергенции потребительского поведения.

Е.В. Капцова, О.Д. Агафонова, И.С. Руднева, опираясь в своих исследованиях на мотивационные, когнитивные, психографические и эмоциональные модели потребительского поведения, делают вывод о различиях поведенческих и ценностных ориентиров потребителей, обусловленных их демографическими характеристиками, половозрастной и мотивационной структурой, когнитивными установками, убеждениями и предпочтениями, основанных на стиле жизни, привычной социальной среде, а также эмоциональном фоне принятия решений. Кроме того, вариативность потребительского поведения определяется за счет разницы в системе ценностей между поколениями [12]. Исходя из этого можно констатировать, что дивергенция потребительского поведения формируется под воздействием социально-демографических и психологических факторов, определяющих различные психологические портреты потребителей и специфические паттерны поведения.

Таким образом, дивергенция потребительского поведения – это комплексный феномен, который характеризуется возрастающим разнообразием предпочтений, мотиваций и моделей поведения потребителей при взаимодействии с предприятиями и его услугами.

Сущность и специфика дивергенции потребительского поведения проявляется в гетерогенности внешних и внут-

ренных факторов, оказывающих влияние на выбор потребителем конкретного предложения, в вариативности действий относительно приобретения и потребления услуг, а также реализации своих потребностей. В индустрии гостеприимства данные потребности проявляются в отдыхе, размещении, питании, развлечениях и других социально-культурных сервисах.

Паттерны дивергенции потребительского поведения представляют собой комплекс сложных и динамичных тенденций, отражающих фрагментацию потребительских предпочтений, мотивации и моделей принятия решений, обусловленных рядом факторов, включая социокультурные изменения, технологический прогресс, экономические колебания, демографические сдвиги и т.д.

Среди основных тенденций в индустрии гостеприимства на современном этапе можно выделить следующие:

1. Фрагментация потребностей, характеризующая отказ от стандартизированных предложений в пользу кастомизированных решений, т.к. потребители ищут уникальные впечатления, аутентичные и соответствующие их индивидуальным запросам варианты размещения и питания, развлечений и дополнительных услуг.

2. Фрагментация мотивов, характеризующая выбор и принятие решений потребителями, исходя из разных целей и стимулов, включая знакомство с культурой, историей, искусством и традициями конкретного региона или страны, активный отдых, оздоровление, приключения и т.д., что предопределяет географию и тип турпродукта, приоритетные критерии выбора и ожидания от услуги.

3. Фрагментация ценности, характеризующая выбор и принятие решения потребителем, основанный не только на рациональных факторах (цена, удобство, безопасность, функциональность и т.д.), но и субъективно-эмоциональных (экологическая осознанность, социальная ответственность, стремление к роскоши, экономия и т.д.), что предопределяет дифференциацию предложений с учетом специфических потребностей и предпочтений различных сегментов потребителей.

4. Фрагментация информационно-коммуникационных каналов и технологий в силу развития интернета, социальных сетей, мобильных приложений и мессенджеров, онлайн-платформ и агрегаторов, интерактивных и иммерсивных технологических решений, характеризующая доступность для потребителей огромного массива информации, возможность сравнения предложений, а также использование технологий виртуальной и дополненной реальности, онлайн-отзывов и рекомендаций других пользователей в процессе принятия решений и персонализированного выбора вариантов размещения, питания, развлечений. Аспекты данной тенденции оказывают прямое воздействие на уровень удовлетворенности и эмпирический опыт потребителей, формируя новые стандарты качества обслуживания.

5. Фрагментация целевой аудитории, которая характеризуется уникальными потребностями, предпочтениями и поведенческим поведением, что предопределяет увеличение количества узкоспециализированных сегментов, а также нишевых рынков и обуславливает разработку персонализированных предложений на основе совокупности демографических характеристик (возраст, пол, доход и т.д.), психографических (интересы, образ жизни и т.д.) и поведенческих признаков (частота путешествий, типы потребляемых услуг и т.д.). В контексте данной тенденции особое значение приобретает необходимость учета поколенческих характеристик, демонстрирующих существенные различия в ценностях, мотивациях, предпочтениях и моделях поведения потребителей разных поколений.

6. Фрагментация географических рынков, характеризующаяся пространственным распределением и дифференциацией предложения услуг размещения, питания и

развлечений в силу разнообразия региональных факторов и специфики спроса на отдельных территориях. Это обусловлено тем, что, во-первых, природные ресурсы, культурно-историческое наследие, транспортная доступность и развитость инфраструктуры оказывают определяющее влияние на формирование территориальных кластеров, специализирующихся на определенных видах туризма, а, во-вторых, спрос на услуги гостеприимства варьируется в зависимости от географического происхождения и социально-культурных особенностей потребителей, т.к. потребители из разных регионов предъявляют различные требования к уровню сервиса, типам размещения, гастрономическим предпочтениям и видам развлечений. Данная тенденция предопределяет анализ потребительских предпочтений и адаптацию продуктов и услуг к требованиям целевых групп с учетом специфики региональных факторов.

7. Фрагментация конкуренции (особенно на локальном уровне), характеризующаяся разделением рынка между множеством малых и средних предприятий, предлагающих уникальные продукты и услуги с местным колоритом и традициями, сетевых и крупных предприятий, имеющих надежную репутацию бренда и предлагающих более высокий уровень сервиса, качества продуктов и услуг, разнообразия маркетинговых стимулов. Данная тенденция предопределяет низкие барьеры для входа на рынок, широкий спектр предложений, географическую рассредоточенность, что повышает степень изменчивости предпочтений потребителей и требует от компаний гибкости, адаптивности, постоянного поиска новых возможностей для дифференциации и улучшения сервисных предложений.

8. Фрагментация времени, характеризующаяся вариациями в спросе и предложении, обусловленными факторами сезонности, продолжительностью путешествий, временем, затраченным на дорогу, различиями в графиках работы и предпочтениях потребителей, а также влияния событий и цифрового кочевничества, что предопределяет необходимость учета влияния этих факторов на операционную эффективность предприятий, постоянного мониторинга, анализа и адаптации стратегий управления спросом, ценообразования, маркетинга и управления персоналом.

Обсуждение

1) Функциональная дивергенция характеризуется расхождением в функциональных потребностях, предъявляемых потребителями к продуктам и услугам гостеприимства, определяется различиями в потребностях, мотивах и выгодах, лежащих в основе потребительского выбора – удобство месторасположения, качество номерного фонда, стандарты и уровень питания, доступность развлечений и т.д.

2) Информационная дивергенция – определяется различиями в объеме и качестве информации, которая доступна потребителям, а также аспектом цифрового неравенства и информационной асимметрии, которые проявляются в рациональности и обоснованности решений или принятии эмоциональных решений, искаженных когнитивными предубеждениями и установками.

3) Социокультурная дивергенция – обусловлена ценностями, нормами, традициями, образом жизни потребителей и проявляется в различиях предпочтений в отношении видов отдыха, выбора блюд, дизайна заведений, видов развлечений и стиля обслуживания.

4) Экономическая дивергенция – обусловлена уровнем доходов, покупательской способностью, экономическими ожиданиями потребителей и проявляется в различиях относительно готовности платить за продукт или услугу в зависимости от индивидуальных потребностей и

восприятия ценности, в т.ч. в выборе между бюджетными и премиальными вариантами размещения, питания и развлечений.

5) Психографическая дивергенция – основывается на дифференциации личностных характеристиках, образа жизни, ценностей, мотивов потребителей и проявляется в различиях предпочтений относительно типа отдыха, приключений, релаксации, общения с природой или культурного обогащения.

6) Геоолокационная дивергенция – обусловлена различиями в географическом местоположении потребителей, климатических условиях, доступности ресурсов и проявляется в предпочтениях относительно выбора направлений отдыха, типов питания и видов развлечений.

7) Временная дивергенция – обусловлена сезонностью, продолжительностью путешествий, временем на дорогу, различиями в графиках работы потребителей, влиянием событий и цифрового кочевничества, которая проявляется в отношении периода планирования путешествий, выбора направлений отдыха, транспортной инфраструктуры и логистических маршрутов, сроков пребывания.

Предположим, что $A(t) = [f(t), i(t), s(t), e(t), p(t), g(t), v(t)]$, где:

$A(t)$ – вектор потребительских предпочтений в момент времени t ;

1. $f(t)$ – функциональные предпочтения,
2. $i(t)$ – информационные предпочтения,
3. $s(t)$ – социокультурные предпочтения,
4. $e(t)$ – экономические предпочтения,
5. $p(t)$ – психографические предпочтения,
6. $g(t)$ – геоолокационные предпочтения,
7. $v(t)$ – временные предпочтения.

D – мера дивергенции потребительского поведения.

$\alpha, \beta, \gamma, \delta, \varepsilon, \eta, \lambda$ – коэффициенты, отражающие изменения соответствующих видов предпочтений.

φ – коэффициент, отражающий влияние факторов на потребительские предпочтения.

$C(t) = [c_1(t), c_2(t), c_3(t), c_4(t), c_5(t), c_6(t), c_7(t)]$ – соответствующие факторы для каждого вида предпочтений, где $C(t)$ – вектор факторов, влияющих на потребительские предпочтения в момент времени t .

Тогда динамика потребительских предпочтений может быть описана системой дифференциальных уравнений:

$$\begin{cases} \frac{df(t)}{dt} = \alpha \times (f_{cq} - f(t)) + \varphi \times c_1(t) \\ \frac{di(t)}{dt} = \beta \times (i_{cq} - i(t)) + \varphi \times c_2(t) \\ \frac{ds(t)}{dt} = \gamma \times (s_{cq} - s(t)) + \varphi \times c_3(t) \\ \frac{de(t)}{dt} = \delta \times (e_{cq} - e(t)) + \varphi \times c_4(t), \\ \frac{dp(t)}{dt} = \varepsilon \times (p_{cq} - p(t)) + \varphi \times c_5(t) \\ \frac{dg(t)}{dt} = \eta \times (g_{cq} - g(t)) + \varphi \times c_6(t) \\ \frac{dv(t)}{dt} = \lambda \times (v_{cq} - v(t)) + \varphi \times c_7(t) \end{cases}$$

где $f_{cq}, i_{cq}, s_{cq}, e_{cq}, p_{cq}, g_{cq}, v_{cq}$ – равновесные значения соответствующих видов предпочтений.

Мера дивергенции $D(t)$ может быть определена как дисперсия вектора потребительских предпочтений $A(t)$:

$$D(t) = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \|P_i(t) - \bar{P}(t)\|^2, \text{ где:}$$

N – количество потребителей,

$P_i(t)$ – вектор предпочтений i -го потребителя (группы) в момент времени t ,

$\bar{P}(t)$ – средний вектор предпочтений в момент времени t .

Для определения начальных условий модели целесообразно использовать результаты маркетинговых исследований и опросов потребителей, а значения коэффици-

ентов могут быть оценены на основе исторических данных и статистического анализа. Функция факторов, влияющих на потребительские предпочтения, требует проведения анализа макроэкономических показателей, социальных трендов и конкурентной среды. Решение системы дифференциальных уравнений может быть найдено численными методами с использованием специализированного программного обеспечения, например, MATLAB.

Предложенная математическая модель может применяться для:

- прогнозирования изменений в потребительских предпочтениях, поскольку анализ динамики вектора позволяет выявить тренды и предсказать будущие изменения в потребительском поведении;

- оптимизации продуктового и сервисного предложения, т.к. с учетом результатов прогнозирования можно адаптировать продукты и услуги к изменяющимся потребностям клиентов с целью повышения их удовлетворенности и лояльности;

- разработки эффективных маркетинговых стратегий, поскольку модель позволяет оценить влияние маркетинговых кампаний на потребительские предпочтения и выбрать наиболее эффективные каналы и средства коммуникации;

- управления рисками, т.к. раннее выявление признаков дивергенции позволяет своевременно нивелировать угрозы снижения спроса на продукты и услуги;

- персонализации предложений, поскольку анализ потребительских предпочтений позволяет создавать уникальные предложения, соответствующие потребностям целевых потребителей.

Заключение

Таким образом, дивергенция потребительского поведения в индустрии гостеприимства представляет собой тенденцию к возрастающему разнообразию запросов, потребностей, ожиданий и предпочтений потребителей относительно услуг размещения, питания, развлечений и других сопутствующих предложений. Этот феномен, подкрепленный технологическим прогрессом, глобализацией и изменениями во внешней среде, радикально трансформирует конкурентную среду и требует от предприятий индустрии гостеприимства адаптации традиционных маркетинговых подходов к клиентскому сервису, что предопределяется расхождением в предпочтениях потребителей и формированием нестандартных моделей потребления. Разработанная математическая модель дивергенции потребительского поведения позволит предприятиям индустрии гостеприимства прогнозировать эти изменения, принимать более эффективные решения, оптимизировать предложение продуктов и услуг, повышая их конкурентоспособность и удовлетворенность целевых клиентов.

Дальнейшие исследования будут направлены на выявление параметров и конкретизацию факторов модели, влияющих на потребительское поведение, а также разработку специализированного программного обеспечения для практического применения модели.

Литература

1. Стрельцова, Н. В. К вопросу о сущности понятия «дивергентное мышление» / Н. В. Стрельцова // Педагогика, психология, общество: актуальные исследования : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 19 марта 2021 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2021. – С. 308-312.
2. Реутов, В. Е. К вопросу о «конвергенции» и «дивергенции» в различных отраслях и областях наук / В. Е. Реутов, В. Р. Ильичева // Тенденции развития интернет и

цифровой экономики : Труды VII Международной научно-практической конференции, Симферополь-Сатера (Алушта), 30 мая – 01 2024 года. – Симферополь: ИП Зуева, 2024. – С. 36-38.

3. Simmel, G. Fashion. American Journal of Sociology, 1957. – Vol. 62. № 6. – P. 541-558.

4. Belk, R. W. Possessions and the Extended Self // Journal of Consumer Research Inc., 1988. – Vol. 15(2). – P. 139-168, DOI: 10.1086/209154.

5. Tian, K. T., Bearden, W. O., Hunter, G. L. Consumers' need for uniqueness: Scale development and validation // Hunter Journal of Consumer Research, 2001. – Vol. 28, No. 1 (June 2001). – P. 50-66.

6. Berger, J., Heath, Ch. Where Consumers Diverge from Others: Identity Signaling and Product Domains // Journal of Consumer Research Inc., 2007. – Vol. 34. – P. 121-134. DOI: 10.1086/519142

7. M., De Mooij. Convergence and divergence in consumer behavior: implications for global advertising // International Journal of Advertising, 2003. – 22(2). – P. 183-202. DOI:10.1080/02650487.2003.11072848.

8. Радевич Е. В. Дивергенция современных обществ как результат интегрального взаимодействия информационно-коммуникационных технологий и процессов глобализации // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2018. №2 (215). – С. 81-87.

9. Ильичева, В. Р. Теоретические подходы к пониманию конвергенции и дивергенции в экономических исследованиях / В. Р. Ильичева // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – Т. 13, № 10-1. – С. 113-121. – DOI 10.34670/AR.2023.33.37.017.

10. Азарян, Е. М. Нейромаркетинговые аспекты восприятия бренда потребителями в условиях интеграционных процессов / Е. М. Азарян // Экономическое развитие России. – 2025. – Т. 32, № 6. – С. 18-26.

11. Алиева, З. М. Методологические подходы к исследованию потребительского поведения и модели его формирования / З. М. Алиева // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2013. – № 1(45). – С. 176-183.

12. Капцова, Е. В. Психологический портрет целевой аудитории брендов среднего ценового сегмента: на примере Befree и Sela / Е. В. Капцова, О. Д. Агафонова, И. С. Руднева // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. – 2025. – № 1(37). – С. 36-45.

Divergence of consumer behavior in the hospitality industry

Germanchuk A.N., Degtyareva Ya.V.

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The article presents the key provisions that form the theoretical basis for consumer behavior divergence. In particular, it examines and analyzes existing definitions of this concept by various foreign and domestic researchers. Specific features and key determinants reflecting the fragmentation of needs, motives, values, information and communication

channels and technologies, fragmentation of the target audience, geographic markets, competition, and fragmentation of time in relation to the hotel and restaurant business are identified. A critical content analysis allowed the author to formulate a definition of consumer behavior divergence, which should be considered as a complex phenomenon characterized by an increasing diversity of preferences, motivations, and behavior models of consumers when interacting with enterprises and their services, as well as patterns of consumer behavior divergence, which should be understood as a set of dynamic trends reflecting the fragmentation of consumer preferences, motivations, and decision-making models caused by a number of environmental factors, including sociocultural changes, technological progress, economic fluctuations, demographic shifts, etc. Based on the results of the conducted research, the article identifies the main types of divergence of consumer behavior characteristic of the hospitality industry, namely: functional divergence, informational, socio-cultural, economic, psychographic, geolocal and temporal divergence, which made it possible to develop a mathematical model describing the dynamic changes in consumer preferences in the industry under consideration.

Keywords: divergence, divergence of consumer behavior, fragmentation of consumer preferences, consumer experience, hospitality industry, patterns of divergence of consumer behavior.

References

1. Strel'czova, N. V. K voprosu o sushnosti ponyatiya «divergentnoe my'shlenie» / N. V. Strel'czova // Pedagogika, psixologiya, obshchestvo: aktual'ny'e issledovaniya : Sbornik materialov Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Cheboksary, 19 marta 2021 goda. – Cheboksary : Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'skij dom «Sreda», 2021. – P. 308-312.
2. Reutov, V. E. K voprosu o «konvergencii» i «divergencii» v razlichny'x otraslyax i oblastiakh nauk / V. E. Reutov, V. R. Il'icheva // Tendencii razvitiya internet i cifrovoy e'konomiki : Trudy' VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Simferopol'-Satera (Alushta), 30 maya – 01 2024 goda. – Simferopol' : IP Zueva, 2024. – P. 36-38.
3. Simmel, G. Fashion. American Journal of Sociology, 1957. – Vol. 62. № 6. – P. 541-558.
4. Belk, R. W. Possessions and the Extended Self // Journal of Consumer Research Inc., 1988. – Vol. 15(2). – P. 139-168, DOI: 10.1086/209154.
5. Tian, K. T., Bearden, W. O., Hunter, G. L. Consumers' need for uniqueness: Scale development and validation // Hunter Journal of Consumer Research, 2001. – Vol. 28, No. 1 (June 2001). – P. 50-66.
6. Berger, J., Heath, Ch. Where Consumers Diverge from Others: Identity Signaling and Product Domains // Journal of Consumer Research Inc., 2007. – Vol. 34. – P. 121-134. DOI: 10.1086/519142
7. M., De Mooij. Convergence and divergence in consumer behavior: implications for global advertising // International Journal of Advertising, 2003. – 22(2). – P. 183-202. DOI:10.1080/02650487.2003.11072848.
8. Radevich E. V. Divergenciya sovremenny'x obshhestv kak rezul'tat integral'nogo vzaimodejstviya informacionno-kommunikacionny'x texnologij i processov globalizacii // Trudy' BGTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya. 2018. №2 (215). – P. 81-87.
9. Il'icheva, V. R. Teoreticheskie podxody k ponimaniyu konvergencii i divergencii v e'konomicheskix issledovaniyax / V. R. Il'icheva // E'konomika: vchera, segodnya, zavtra. – 2023. – Т. 13, № 10-1. – P. 113-121. – DOI 10.34670/AR.2023.33.37.017.
10. Azaryan, E. M. Nejromarketingovy'e aspekty' vospriyatiya brenda potrebitel'nyy v usloviyax integracionny'x processov / E. M. Azaryan // E'konomicheskoe razvitie Rossii. – 2025. – Т. 32, № 6. – S. 18-26.
11. Alieva, Z. M. Metodologicheskie podxody k issledovaniyu potrebitel'skogo povedeniya i modeli ego formirovaniya / Z. M. Alieva // Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, e'konomiki i prava. – 2013. – № 1(45). – P. 176-183.
12. Kapczova, E. V. Psixologicheskij portret celevoj auditorii brendov srednego cenovogo segmenta: na primere Befree i Sela / E. V. Kapczova, O. D. Agafonova, I. S. Rudneva // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: Psixologiya. – 2025. – № 1(37). – P. 36-45.

Отпуск по уходу за ребенком в разных странах

Губанова Ольга Александровна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н.Зиничева, gubanova-olga@mail.ru

В публикации рассмотрены исторические аспекты отпуска по уходу за ребенком в России. Проанализированы изменения произошедшие в социальной сфере гарантий и мер поддержки для семей с детьми, которые обеспечивают свободу выбора родителям относительно периода своего нахождения с ребенком и возвращения к трудовой деятельности. Рассмотрены изменения, касающиеся включения периода отпуска по уходу за ребенком в страховой стаж и вследствие этого увеличения накопленных индивидуальных пенсионных коэффициентов для дальнейшего оформления пенсии. На примере различных стран изучены вопросы финансирования и социальных гарантий, связанных с периодом отпуска по уходу за ребенком. В статье сделаны выводы про новый образ семьи, который основывается на принципах: «семейноцентричность», исключение противопоставления между работой и семьей, забота об эмоциональном ресурсе родителей, осознанное родительство.

Ключевые слова: отпуск по уходу за ребенком, демография, социальные гарантии, страховой стаж, пенсионные баллы.

Введение

Напомним исторические аспекты отпуска по уходу за ребенком в России. Данный вид отпуска был установлен для женщины-матери (декретный отпуск) в России в 1918 году декретом Совнаркома РСФСР, продолжительностью 56 календарных дней до родов и 56 после.

Значительные изменения произошли в конце 1920-х годов, когда советское государство стало осознавать важность заботы о детях и поддержке семей. Постепенно стали вводиться льготы для матерей, работающих на предприятиях, включая предоставление комнат отдыха и детских садов на производстве.

После победы в Великой Отечественной войне правительство обратило внимание на необходимость поддержки рождаемости и облегчения условий труда молодых родителей. Начиная с середины 1950-х годов Советский Союз начал активно развивать инфраструктуру материнства и детства. Появились первые специализированные учреждения для детей младшего возраста – ясли и детские сады. Государство стало поддерживать семьи путем выплаты пособий молодым матерям и предоставления оплачиваемых отпусков на короткий срок после рождения ребенка.

Решающим событием стал указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1956 года, согласно которому отпуск по беременности и родам был увеличен с 77 до 112 календарных дней. Это стало значительным достижением в области защиты прав беременных женщин и улучшения демографической ситуации в стране. Тем не менее продолжительность такого отпуска была ограничена периодом физического восстановления после родов и молодые родители сталкивались с необходимостью возвращаться к работе, оставляя маленьких детей под присмотром родственников или нянь.

В 1989 году, в ходе перестройки начались серьезные реформы социального обеспечения. Одним из важных шагов стала возможность продления отпуска по уходу за ребенком до достижения им трех лет. Также появились ежемесячные пособия на содержание детей до полутора лет. Эти меры способствовали росту числа детей, находящихся под опекой матери и повышению уровня благосостояния семей.

В постсоветской России законодательство претерпело значительные изменения. Федеральный закон № 81-ФЗ от 19 мая 1995 года закрепил право женщин на получение ежегодного оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста. Кроме того, государственные гарантии предусмотрели минимальный размер пособия и сохранения рабочего места.

Основная часть

Сегодня российское законодательство обеспечивает широкий спектр социальных гарантий и мер поддержки для семей с детьми, создавая возможности для индивидуального выбора срока ухода за ребенком и возобновления трудовой деятельности.

В настоящее время в России, в соответствии с Трудовым кодексом (ТК) женщины имеют право на отпуск по беременности и родам (140 кал.дн.) либо 156 или 194 календарных дня (осложнения во время родов или многоплодная беременность) полностью оплачиваемые. [1]

После этого начинается отпуск по уходу за ребенком до трех лет. Он оплачивается до полутора лет - около 40 % среднего заработка за два последних года. В статье 256 ТК РФ закреплено право на отпуск по уходу за ребенком.

Его может оформить любой член семьи, фактически осуществляющий уход за ним.

В настоящее время сотрудники силовых структур находятся в наиболее выгодном положении при использовании права на отпуск по уходу за ребенком. Так, например, для сотрудников ФПС МЧС России весь период отпуска по уходу за ребенком до 3 лет засчитывается в стаж службы, в том числе для выхода на ведомственную пенсию, в данный период женщины (мужчины, которые при определенных условиях, прописанных в ФЗ-141 от 23.05.2016 имеют право на данный вид отпуска), являющиеся сотрудниками МЧС получают все звания в этот период, которые им полагаются по выслуге, в зависимости от штатной категории.

Сотруднику ФПС женского пола, а также сотруднику, являющемуся отцом (усыновителем, попечителем) и воспитывающему ребенка без матери (в случае ее смерти, лишения ее родительских прав, длительного пребывания в медицинской организации и в других случаях отсутствия материнского попечения по объективным причинам), предоставляется отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет в порядке. На такого сотрудника распространяются социальные гарантии, установленные трудовым законодательством (п.8 ст.57 ФЗ-141 от 23.05.2016). [2,3,4]

Изучим изменения, касающиеся отпуска по уходу за ребенком в России в 2026 году:

1. Включения периода ухода за ребенком в страховой стаж. С 1 января 2026 года все периоды ухода за ребенком до полутора лет будут полностью включаться в страховой стаж одного из родителей без ограничения по количеству детей и продолжительности пребывания в таком отпуске. (Раньше существовало ограничение в шесть лет суммарного ухода за всеми детьми, теперь оно отменено.)

2. Увеличение минимальной и максимальной суммы пособия по уходу за ребенком. Минимальные размер пособия по уходу за ребенком до полутора лет увеличится до 10837,20 рублей в месяц (ранее было 9227,24 рубля). Максимальная сумма пособия вырастет до 83021,18 рублей в месяц (ранее максимальная сумма составляла 68995,48 рублей.)

3. Правила замены лет для расчета пособия. Работники смогут подавать заявление о замене лет для расчета пособия, если предыдущий период ухода за ребенком или болезнь снизили их заработок. Средний дневной заработок, полученный в заменяемом году не должен уменьшать общую сумму пособия.

4. Новый порядок начисления пенсионного стажа. Пенсионные баллы за уход за каждым последующим ребенком станут больше. Многодетные семьи получают дополнительные преимущества при исчислении пенсии благодаря этому изменению. Периоды ухода входят в страховой стаж и одновременно дают пенсионные баллы — индивидуальные пенсионные коэффициенты (ИПК). Именно из них потом складывается размер страховой пенсии.

За каждый полный год ухода начисляют:

за первого ребёнка — 1,8 ИПК;

за второго — 3,6 ИПК;

за третьего и каждого следующего — 5,4 ИПК.

Баллы начисляются, если в это время родитель не работал и получал пособие по уходу.

Пример: предположим, женщина родила семерых детей, находилась в отпуске по уходу за каждым ребёнком по 1,5 года и в этот период не работала.

Как считали раньше (с лимитом)

1-й ребёнок: $1,8 \times 1,5 = 2,7$ ИПК

2-й ребёнок: $3,6 \times 1,5 = 5,4$ ИПК

3-й ребёнок: $5,4 \times 1,5 = 8,1$ ИПК

4-й ребёнок: $5,4 \times 1,5 = 8,1$ ИПК

Итого: 24,3 пенсионного балла. Уход за пятым, шестым и седьмым ребёнком в расчёт не шёл — ни по стажу, ни по баллам.

Как считают теперь (без ограничений)

С 2026 года учитываются все семь детей:

1-й ребёнок: $1,8 \times 1,5 = 2,7$ ИПК

2-й ребёнок: $3,6 \times 1,5 = 5,4$ ИПК

3-й ребёнок: $5,4 \times 1,5 = 8,1$ ИПК

4-й ребёнок: $5,4 \times 1,5 = 8,1$ ИПК

5-й ребёнок: $5,4 \times 1,5 = 8,1$ ИПК

6-й ребёнок: $5,4 \times 1,5 = 8,1$ ИПК

7-й ребёнок: $5,4 \times 1,5 = 8,1$ ИПК

Итого: 48,6 пенсионного балла. Разница — более 24 баллов.

Напомним, что ИПК с 1 января 2026 года составляет - 156,76 рублей. [5,6]

Тем, кто будет оформлять пенсию уже после 1 января 2026 года, все годы должны учесть автоматически. Тем, кто вышел на пенсию до 2026 года, чтобы увеличить размер страховой пенсии, родителю, который воспитал пятерых и более детей и стал пенсионером до конца 2025 года, необходимо обратиться в Социальный фонд России с заявлением о перерасчете пенсии.

4. Повышенные требования к уровню доходов при оформлении детских пособий. Введено новое правило, согласно которому для назначения пособия по уходу за ребенком каждый трудоспособных член семьи должен зарабатывать не менее 8 МРОТ за расчетных период (216744 рубля в год.)

Данные меры призваны поддержать многодетные семьи и семьи с детьми.

В нашей публикации мы рассмотрим финансирование и социальные гарантии отпуска по уходу за ребенком в разных странах.

Швеция. В этой стране существует одна из наиболее щедрых систем поддержки семей с детьми. Родители получают оплачиваемый отпуск продолжительностью до 480 дней, который распределен таким образом:

- Отпуск предоставляется обоим родителям совместно. Каждый родитель имеет право на индивидуальные дни отпуска, предназначенные исключительно для него;

- Оплата отпуска варьируется в зависимости от дохода родителей, однако средняя выплата достигает примерно 80% заработной платы;

- Государство поощряет совместное использование отпуска родителями, предлагая дополнительные бонусы за разделенные дни ухода за ребенком.

Германия. Родителям полагаются ежемесячные выплаты («родительские деньги») на протяжении первых 14 месяцев жизни ребенка, составляющие примерно две трети предыдущего заработка родителя. Дополнительно государство поддерживает программы помощи детям и семьям с низкими доходами, включая бесплатное дошкольное образование и поддержку для работающих матерей.

Франция. Во Франции действует система материнского и отцовского отпуска, предусматривающая уход за ребенком. Матери получают полное освобождение от работы на срок до четырех месяцев после родов с выплатной компенсации в размере примерно 60-100 % прежнего заработка. После окончания декретного отпуска родители могут воспользоваться дополнительным отпуском по уходу за ребенком до исполнения ребенком возраста трех лет, хотя этот отпуск часто частично неоплачиваемый или оплачивается минимально.

Великобритания. Система отпуска по уходу за ребенком в этой стране отличается гибкостью и разнообразием вариантов. Материнский отпуск длится минимум 26 недель и максимум 52 недели, причем первые шесть

недель оплачиваются примерно 90% зарплаты, остальные – на базовом уровне. Работодатели вправе предлагать собственных схемы оплаты отпуска, превышающие государственные нормы.

США. Отпуск по уходу за ребенком существенно отличается от большинства европейских стран и России. В США отсутствуют федеральные оплачиваемые отпуска по беременности и родам и уходу за ребенком. Единственным федеральным законом, регулирующим этот аспект является Закон о семейных и медицинских отпусках, данный закон предусматривает право сотрудников брать неоплачиваемый отпуск до 12 недель в течение календарного года по следующим причинам:

- рождение ребенка;
- усыновление или прием в семью новорожденного или несовершеннолетнего ребенка;
- забота о близком родственнике (супруге, ребенке, родителях);
- лечение серьезного заболевания.

Однако данный закон распространяется только на работников компаний с численностью персонала не менее 50 человек и проработавших не менее года в данной организации.

Некоторые штаты приняли собственные законы, предусматривающие частично оплачиваемые отпуска по семейным обстоятельствам. Также многие крупные американские компании предлагают своим сотрудникам дополнительные преимущества (Google, Microsoft).

Таким образом, ситуация с отпуском по уходу за ребенком сильно зависит от региона проживания и работодателя сотрудника.

Китай. Отпуск по уходу за ребенком регулируется государственными законами. Женщины имеют право на отпуск по беременности и родам – 98 дней, 15 дней перед родами и 83 дня после родов. Если тяжелые роды этот срок продлевается на 15 дней. У женщин родивших двух и более детей к данному отпуску прибавляется еще 15 дней. Отец также имеет право на краткосрочный отпуск в связи с рождением ребенка, продолжительность которого зависит от региона проживания и организации, где работает сотрудник.

Китай активно продвигает политику поддержки семей с детьми, особенно после отмены политики ограничения деторождения («одна семья – один ребенок»). Государство стимулирует рождение второго и третьего ребенка путем предоставления налоговых льгот и субсидий семьям с несколькими детьми. Таким образом государство стремится создать благоприятные условия для воспитания детей, сочетая государственные меры поддержки и защиты прав родителей. [7,8]

Заключение

Международный опыт показывает, что демографический рост происходит тем, где государственная политика воспринимается как планомерная стратегия по формированию благополучного общества, в котором рождение и воспитание детей становится естественным явлением и приоритетом. [9,10]

Согласно докладу Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), если матери остаются дома с детьми на срок более двух лет, их шансы вернуться на работу и не потерять в зарплате и карьерном росте сильно падают. При этом большие социальные выплаты по уходу за ребенком в других странах, поощряют женщин оставаться дома и снижают мотивацию к профессиональной реализации.

Основной вывод исследования ОЭСР: если декретный отпуск длится больше двух лет, это наносит сильный вред

для карьеры женщины. Лучших успехов в профессиональной сфере добиваются матери, которые вернулись на работу не позднее 20 недель после родов.

Правильно организованный отпуск по уходу за ребенком может принести пользу матери и отцу, если он будет грамотно осуществлен. При помощи мужчины женщина получает возможность работать неполный день, освоить новую профессию. Также данный отпуск может помочь работодателю пересмотреть свои взгляды, основанные на гендерных стереотипах. Общество не может допустить, чтобы женщины слишком долго сидели с детьми, не выходя на работу. И в этом им должен помочь мужчина.

В 2024 году «Национальные приоритеты» представили аналитический доклад «Совмещение карьеры и семьи – успех демографической и кадровой политики России», участие в котором приняли более 20 экспертов.

Мнение экспертов - новый образ семьи должен основываться на четырех принципах: «семейноцентричность», исключение противопоставления между работой и семьей, забота об эмоциональном ресурсе родителей, осознанное родительство. Кроме того, очень важно развивать культуру отцовства, закладывая ценность и значимость роли отца, начиная с детства, популяризировать образ отца и вводить государственные награды для отцов. [11]

Для России сокращение численности населения чревато прежде всего геополитическими и экономическими проблемами. В настоящее время от решения демографических проблем зависит будущее России, в связи с этим необходима комплексная поддержка института семьи, создание условий для совмещения профессионального развития и воспитания детей. [12,13]

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. От 28.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 23.05.2016 N 141-ФЗ (ред. от 30.11.2024) "О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации." Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Губанова О.А., Ильина И.М., Османов Ш.А., Завьялов Д.Е. Социальная гарантия сотрудников ГПС МЧС России // Юридическая наука, 2024. № 2. С. 34-38.
4. Губанова О.А., Зуев А.В., Османов Ш.А., Завьялов Д.Е. Пенсия за выслугу лет // Юридическая наука, 2024. № 4. С. 37-40.
5. Губанова О.А., Бруевич М.Ю. Права на вторую пенсию // Закон и власть. 2023. № 1.
6. Губанова О.А. Вторая пенсия для сотрудников ФПС ГПС // Юридическая наука, 2025, № 10. С. 190-193.
7. Болдова К. Самые длинные декретные отпуска в мире // Статистика. 2025. URL: https://t-j.ru/short/maternity-leave-country/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fcountry/
8. Губанова О.А. Демография в России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2020. № 3 (48). С. 53–56.
9. Губанова О.А., Зуев А.В. Актуальные вопросы глобального увеличения численности населения // Инновации и инвестиции. 2023. № 2. С.44-46.
10. Губанова О.А. Материнский капитал в разных странах // Экономическое развитие России. 2026. № 1. С.254-255.
11. Экспертный доклад о мерах, способствующих совмещению семьи и карьеры. 17.02.2025. URL: <https://dsznshur.yanao.ru/presscenter/news/278116/>

12. Попадайкин В.В., Архипова М.Ю., Сиротин В.П., Нарциссова С.Ю. Проблемы демографии. М.: Изд.дом "Инфа-М"; 2021. 162 с.

13. Попадайкин В. В. Проблемы демографии: монография / В. В. Попадайкин, М. Ю. Архипова, В. П. Сиротин, С. Ю. Нарциссова. М.: Академия МНЭПУ. 2022. 220 с.

Parental leave in different countries

Gubanova O.A.

Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The publication examines the historical aspects of parental leave in Russia. The article analyzes the changes that have occurred in the social sphere of guarantees and support measures for families with children, which ensure the freedom of choice for parents regarding the period of their stay with the child and return to work. The changes concerning the inclusion of the period of parental leave in the insurance record and, as a result, the increase in accumulated individual pension coefficients for further pension registration are considered. Using the example of various countries, the issues of financing and social guarantees related to the period of parental leave are considered. The publication concludes that the new image of the family should be based on four principles: "family-centricity", exclusion of the opposition between work and family, caring for the emotional resources of parents, conscious parenting.

Keywords: parental leave, demography, social guarantees, insurance record, pension points.

References

1. The Labor Code of the Russian Federation" dated 12/30/2001 N 197-FZ (ed. Dated 12/28/2024). Access from the help.-legal system "ConsultantPlus".
2. Federal Law No. 141-FZ dated 05/23/2016 (as amended on 11/30/2024) "On Service in the Federal Fire Service of the State Fire Service and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation." Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus".
3. Gubanova O.A., Ilina I.M., Osmanov Sh.A., Zavyalov D.E. Social guarantee of employees of the State Border Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Yuridicheskaya nauka, 2024. № 2. pp. 34-38.
4. Gubanova O.A., Zuev A.V., Osmanov Sh.A., Zavyalov D.E. Long-service pension // Yuridicheskaya nauka, 2024. No. 4. pp. 37-40.
5. Gubanova O.A., Bruevich M.Yu. The rights to a second pension // Law and Power. 2023. № 1.
6. Gubanova O.A. The second pension for employees of the Federal Migration Service // Yuridicheskaya nauka, 2025, No. 10. pp. 190-193.
7. Boldova K. The longest maternity leave in the world // Statistics. 2025. URL: https://t-j.ru/short/maternity-leave-country/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F
8. Gubanova O.A. Demography in Russia // Psychological and pedagogical problems of human and society security. 2020. No. 3 (48). pp. 53-56.
9. Gubanova O.A., Zuev A.V. Topical issues of global population increase // Innovation and investment. 2023. No. 2. pp.44-46.
10. Gubanova O.A. Maternity capital in different countries // Economic Development of Russia. 2026. No. 1. pp.254-255.
11. Expert report on measures promoting the reconciliation of family and career. 17.02.2025. URL: <https://dsznshur.yanao.ru/presscenter/news/278116/>
12. Popadeikin V.V., Arkhipova M.Yu., Sirotnin V.P., Narcissova S.Y. Problems of demography. Moscow: Publishing house "Infra-M"; 2021. 162 p.
13. Popadeikin V. V. Problems of demography: a monograph / V. V. Popadeikin, M. Y. Arkhipova, V. P. Sirotnin, S. Y. Narcissova. Moscow: Academy of MNEPU. 2022. 220 p.

Оценка уровня интеллектуализации процесса подбора персонала: апробация модели и ее роль в совершенствовании системы управления

Жагловская Анна Валериевна
к.э.н., доцент

В условиях активной цифровизации промышленности особое значение приобретает оценка умственной деятельности человека как элемента системы управления, ориентированной на выработку решений по цифровизации процессов, замене отдельных функций роботизированными системами и повышению уровня интеллектуализации. Вместе с тем, отсутствие универсальных моделей оценки интеллектуализации функций затрудняет обоснованный выбор таких решений, а также ограничивает возможности оптимизации и цифровизации умственного труда. Предложенная авторская модель оценки уровня интеллектуализации, основанная на матричной системе шкал по типам (логический, аналитический, творческий) и сложности (простой, средний, сложный) интеллектуального труда, позволяет объективно оценить уровень интеллектуализации деятельности. Статья посвящена апробации модели оценки на примере процесса подбора персонала. Предложенная модель оценки позволяет количественно определить уровень интеллектуальной деятельности, выявлять скрытые резервы производительности и аргументировать инвестиции в технологии, включая искусственный интеллект.

Анализ и оценка функций, выполненные на примере процесса подбора персонала, позволили детально разбить процессы на отдельные компоненты, определить и оценить их уровни интеллектуализации функций процесса, структурировать процесс по их удельному весу. Благодаря такому подробному анализу удалось получить четкое понимание интеллектуальной структуры процесса, что создало предпосылки повышения общей эффективности в процессе цифровизации.

Результаты такой оценки служат экономическим обоснованием для внедрения сквозных цифровых технологий, позволяя четко разграничить зоны ответственности естественного интеллекта (творчество, эмпатия, принятие решений в условиях неопределенности) и искусственного интеллекта (алгоритмизированная рутинная и обработка больших данных), а также обоснованием для совершенствования систем управления организацией в целом в условиях интеллектуализации экономики.

Апробация разработанной модели в реальных условиях продемонстрировала её практическую применимость, в частности, в областях повышения качества управленческих решений, развития персонала и внедрения технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: уровень интеллектуализации, естественный интеллект, искусственный интеллект, цифровые технологии, подбор персонала.

В условиях оптимизации ресурсов, стремления к повышению эффективности и цифровизации промышленных предприятий возрастает роль унифицированных подходов к оценке интеллектуализации функций естественного интеллекта (ЕИ), отсутствие которых препятствует формализации, оптимизации и цифровизации умственного труда. Традиционные подходы к анализу зрелости интеллекта носят преимущественно качественный характер, игнорируя количественные метрики для операций, процессов и деятельности. Именно численная оценка позволит обоснованно перераспределять функции работников между исполнителями, экспертами и руководителями, проводить их стоимостную оценку и принимать решения по вопросам роботизации и внедрения технологий искусственного интеллекта.

Анализ источников показывает фрагментарность подходов к интеллектуализации труда, преобладают описания эволюции под влиянием информационных и цифровых технологий, но системные количественные модели оценки уровня интеллектуализации умственного труда человека (естественного интеллекта) отсутствуют.

Уточним понятие интеллектуальной деятельности. Мандель Б.А. определяет интеллектуальный труд как «деятельность, при осуществлении которой для создания результата или продукта используется интеллект, преобладают затраты умственной энергии» [1], выделяя формы (операторский, управленческий, творческий) и компоненты (регламентированный, творческий, эвристический).

Интеллектуальный труд определяется в общем виде как мыслительный (умственный) процесс, осуществляемый при помощи таких усилий (способностей) человека, которые направлены на производство товаров и услуг. Результаты интеллектуального труда представляют собой преимущественно нематериальные объекты [2]. Такое определение подтверждает необходимость оценки умственного труда с точки зрения его уровня интеллектуализации в системах управления организацией, как способности производить нематериальные объекты разного уровня сложности, начиная формированием электронных таблиц и заканчивая принятием управленческих решений стратегического масштаба.

Однако, Лебединцева Л.А. в работе «Понятие и сущность интеллектуального труда в современных экономико-социологических исследованиях» различает соотношение умственного и интеллектуального труда через категории исполнительского/творческого характера и новизны результата, проводя четкую грань между ними: умственный труд преимущественно исполнительский, в то время как интеллектуальный предполагает творческую составляющую; при этом в умственном труде творчество может присутствовать в той или иной степени [3].

Булеев Е.И., Рябыкина Н.И., Ревва А.Н. рассматривая вопросы интеллектуализации труда, дают определение, интеллектуализации производства, которое включает интеллектуализацию человеческих ресурсов (трудовой деятельности) и развитие наукоемкого производства (выпуск интеллектуальной продукции); представляет собой совокупность компетентности и стремления каждого работника использовать свой потенциал наиболее эффективно для реализации целевых установок предприятия. Авторы определяют интеллектуализацию труда как динамичный процесс непрерывного насыщения деятельности знаниями, где ключевыми драйверами выступают образование,

готовность к повышению квалификации, природные задатки работника и способность ассимилировать накопленный опыт предшествующих поколений [4].

Н.А. Антипина, С.М. Моор, Е.В. Мурзина также акцентируют внимание, что «важным признаком процесса интеллектуализации является генерация знаний как категория, продуцирующая новые знания» [5].

По мнению Ж.А. Мингалёвой и Л.Н. Депутатовой: в условиях конкуренции и цифровизации экономики «главной задачей становится формирование человека, обладающего творческими и культурными потенциалами, новаторскими способностями. Творческий человек является главным средством прогресса мира, основанного на интеллектуальном труде» [6].

По мнению А.Н. Митрущенковой интеллектуализация неразрывно связана со все большим проникновением во все сферы жизни информационно-коммуникативных технологий [7].

Анализируя термины и подходы к определению понятия интеллектуализация, согласимся с Н.В. Святохо, что в настоящее время, концептуальное понимание интеллектуализации расширилось до уровня категориального обобщения [8], охватывающего спектр взаимосвязанных экономических явлений и процессов. Понятийная иерархия включает производные категории – интеллектуальная экономика, интеллектуальный капитал, интеллектуальные активы, интеллектуальные технологии и интеллектуальные ресурсы, которые представляют собой различные аспекты единого феномена.

Интеллектуализация труда естественного интеллекта выступает определяющим фактором трансформации производственных систем и внедрения систем менеджмента гибридного интеллекта, где умственный труд эволюционирует от рутинных операций к инновационным процессам, в том числе на основе цифровых технологий и систем искусственного интеллекта. Ключевая проблема - отсутствие инструментальных средств для количественной оценки уровня зрелости (уровня интеллектуализации) ЕИ при исполнении определенных функций, что препятствует его формализации в регламентах бизнес-процессов, профилированию компетенций персонала и обоснованному переходу на технологии искусственного интеллекта (ИИ).

Так, методика оценки степени интеллектуальности технических и социотехнических систем [9], разработанная А.И. Моховым с соавторами демонстрирует ряд достоинств, однако ее ограничения, особенно отсутствие привязки к человеческому фактору, существенно снижают применимость для анализа естественного интеллекта. Среди преимуществ следует отметить универсальность абстрактного подхода, позволяющего сравнивать системы одного класса от интеллектуальных транспортных систем до умных городов без учета их конкретной природы, что обеспечивает межсистемный бенчмаркинг. Структурированный алгоритм с четкими критериями и шкалами гарантирует воспроизводимость и стандартизацию оценки, а приведенные примеры актуальных технологий подчеркивают практическую релевантность в цифровой экономике. Вместе с тем, фундаментальным недостатком остается отсутствие привязки к человеческому фактору, что делает методику непригодной для оценки интеллектуализации непосредственно в умственном труде персонала, она ориентирована исключительно на искусственные и социотехнические объекты. В то же время, Яковлева Е.В. в процессе концептуального проектирования обосновывает необходимость управления развитием интеллектуализации персонала инновационных предприятий промышленности [10], а Харченко Н.П. рассматривает интеллектуализацию персонала, как фактор инновационного развития промышленных предприятий [11].

Таким образом, исходя из проведенного анализа литературных источников следует, что вопросы оценки уровня интеллектуализации человеческого труда требуют исследований и являются актуальными.

Автором данной статьи предложена комплексная методика оценки уровня интеллектуализации системы управления предприятием на основе оценок естественного и искусственного интеллектов которая включает оценку уровня интеллектуализации естественного интеллекта и искусственного интеллекта [12].

Целью работы является апробация авторской модели оценки уровня интеллектуализации естественного интеллекта на процессе подбора персонала, а также проработка перспективных направлений применения результатов оценки для совершенствования системы управления организацией.

Под интеллектуализацией в контексте данного исследования понимается деятельность персонала на основе знаниево - компетентного подхода, заключающегося в преобразовании трудовых функций умственного труда, генерации и передачи знаний, развития компетенций и когнитивных способностей.

Оценочная модель [12] квантифицирует умственную деятельность комбинаторикой шкал: тип умственного труда (логический – последовательность; аналитический – декомпозиция закономерностей; творческий – нестандартные решения) и сложность функции (простая – база; средняя – интеграция; сложная – инновации).

Комбинирование этих шкал позволяет рассчитать уровень интеллектуализации ЕИ для конкретной функции, операции или процесса, а также определить, соответствует ли профиль сотрудника требованиям к выполнению данной функции. Подход можно закрепить в нормативной документации – инструкциях, регламентах и модельных сценариях деятельности организации (таблица 1).

Таблица 1
Описание комбинаторик видов умственного труда и уровней сложности (с примерами)

Уровень сложности \ Вид труда	Логический	Аналитический	Творческий
Простой	Следование стандартным несложным алгоритмам	Обработка структурированных данных	Генерация идей и разработка проектной документации по шаблону
Средний	Следование стандартным многоэтапным алгоритмам	Выявление причинно-следственных связей	Разработка концепций
Сложный	Создание систем (например, код) - программирование	Прогнозирование и моделирование	Инновации, изобретения

Формируемая матрица 3×3 позволяет не только рассчитать и визуализировать интеллектуальный профиль функции в системе управления, но и адаптировать критерии под функциональные особенности профессий. Для проектировщика приоритетом станет аналитическая категория высокой сложности, тогда как специалист в сфере продвижения продуктов потребует сочетания креативного подхода с адаптивными когнитивными навыками. Гибкая структура оценки делает возможным применение в условиях промышленной среды, где важно учитывать специфику рабочих процессов (рисунок 1).

Согласно модели оценки уровень интеллектуализации равен сумме уровня сложности и вида труда, по итогам оценки формируется пять уровней интеллектуализации деятельности.

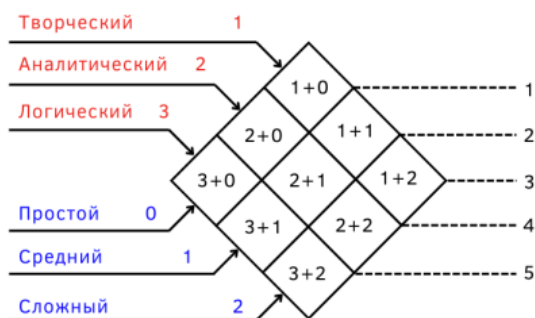

Рисунок 1 – Матрица уровня интеллектуализации ЕИ [12]

Использование математических инструментов открывает возможность выстраивать сценарные модели динамики интеллектуализации ЕИ с ориентацией на управляемое повышение ее уровня, развитие когнитивных способностей либо компетенций по конкретным областям деятельности. Включение в расчеты экономических параметров позволяет обосновывать выбор направлений развития, выстраивая приоритеты между различными траекториями роста через наращивание когнитивного потенциала персонала, внедрение цифровых технологий и ИИ-систем, либо их сбалансированное совмещение.

Апробируем методику оценки на примере бизнес-процесса «Подбор персонала», данный процесс был декомпозирован на основе работ [13-17] и научно-практических исследований автора на отдельные функции и подфункции (выделено 10 функций и 39 подфункций). Следует отметить, что чем детальнее декомпозиция, тем точнее оценка. Максимальная детализация целесообразна после оценки уровня интеллектуализации и принятия решения по роботизации конкретных функций.

Приведем ключевые функции (этапы процесса):

1. Формирование потребности и профиля – определение потребности в найме, анализ должности, требований к кандидату, разработка профиля и согласование;
2. Планирование подбора и подготовка к публикации – расчет бюджета/сроков, выбор каналов, создание текста вакансии, подготовка инструментов оценки;
3. Публикация и активный поиск – размещение вакансии, работа с рекомендациями, привлечение кандидатов;
4. Скрининг и первичный отбор – регистрация резюме, анализ по критериям, телефонное интервью, решение о приглашении;
5. Тестирование и проверка компетенций – администрирование тестов, анализ результатов, кейс-интервью или практические задания;
6. Структурированное интервью и оценка – подготовка сценария, раунды интервью (рекрутер, руководитель, топ-менеджмент), фиксация результатов;
7. Проверка информации и фоновая проверка – проверка рекомендаций, квалификаций, документов, безопасность;
8. Принятие решения и формирование предложения кандидату (оффера) – сравнение кандидатов, согласование условий, подготовка/презентация оффера, получение согласия;
9. Оформление и подготовка к выходу – подготовка договора, сбор документов, рабочего места, координация;
10. Выход на работу и принятие – подписание договора, ознакомление с документами, интеграция в компанию.

Для каждой подфункции определен уровень интеллектуализации столбец 7 таблицы 2 по разработанной модели оценки (оценка вида труда и его сложности, столбцы 4 и 5 таблицы 2), что позволило получить количественный

профиль процесса по типам интеллектуальной деятельности.

Стоит отметить, что в таблице 2 структура оценки процесса представлена фрагментарно (порядка 30% от общего объема) для демонстрации процесса апробации и логики оценочной модели. Полный перечень, включающий 39 функций, не приводится ввиду его значительного объема.

Таблица 2

Оценка уровня интеллектуализации (УИ) функций процесса «Подбор персонала» по функциям (фрагмент)

Этап	Подэтап	Роль	Вид труда (балл)	Уровень сложности (балл)	Описание функции	УИ*
1	2	3	4	5	6	7
1. Формирование потребности и профиля	1.1 Определение потребности в найме	Руководитель подразделения	Аналитический (2)	Средний (1)	Анализ текущей ситуации в команде, определение причин открытия должности, оценка критичности роли	3
	1.2 Анализ текущей должности и функций	Руководитель подразделения, специалист по профилированию	Аналитический (2)	Средний (1)	Выявление и документирование ключевых задач, зоны ответственности, процессы взаимодействия с другими подразделениями	3
	1.3 Определение требований к кандидату	Руководитель подразделения, специалист по кадрам	Аналитический (2)	Сложный (2)	Выявление hard skills (опыт, знания, технологии), soft skills (коммуникация, лидерство), личностных качеств	4
	1.4 Разработка профиля должности	Специалист по подбору персонала	Творческий (3) (3)	Сложный (2)	Структурирование информации, создание компетентностного профиля, формирование критериев оценки, определение иерархии требований (обязательные/желательные)	5
	1.5 Согласование с руководством и утверждение	HR-руководитель, руководитель подразделения	Логический (1)	Средний (1)	Проверка соответствия профиля организационной стратегии, согласование уровня зарплаты и условий, получение подписей на документе	2
2. Планирование подбора и подготовка к публикации	2.1 Определение бюджета и сроков	HR-руководитель, финансовый отдел, руководитель подразделения	Логический (1)	Средний (1)	Расчет бюджета на найм (сайты, агентства, прочие каналы), определение срока закрытия позиции, планирование рабочего времени участников	2
	2.2 Выбор каналов поиска и стратегии	Специалист по подбору персонала	Аналитический (2)	Средний (1)	Анализ рынка труда, оценка доступности кандидатов в целевой нише, выбор оптимального микса каналов (портал Работа в России, hh.ru, соцсети, рекомендации, агентства)	3
	2.3 Создание текста вакансии	Специалист по подбору персонала, копирайтер	Творческий (3)	Средний (1)	Трансляция профиля должности в привлекательный язык вакансии, подчеркивание уникальности компании, форматирование под каждый канал поиска	4

	2.4 Подготовка инструментов оценки	Специалист по подбору персонала, психолог (опционально)	Творческий (3)	Сложный (2)	Разработка опросников скрининга, кейсовых заданий, чек-листов интервью, тестов компетенций, шкал оценки кандидатов	5
3. Публикация и активный поиск	3.1 Размещение вакансии на выбранных каналах	Специалист по подбору персонала, координатор рекрутинга	Логический (1)	Простой (0)	Публикация объявления на job-сайтах, в соцсетях, отправка агентствам, размещение на корпоративном сайте компании, фиксация даты и источников	1
	3.2 Прямой поиск в базах и соцсетях	Специалист по подбору персонала	Аналитический (2)	Средний (1)	Поиск релевантных кандидатов на профильных сайтах, профессиональных сообществах, анализ профилей по ключевым критериям	3
	3.3 Работа с рекомендациями и кадровыми агентствами	Специалист по подбору персонала	Логический (1)	Средний (1)	Сбор рекомендаций от сотрудников, управление взаимодействием с агентствами	2
N//						...
10. Выход на работу и принятие	10.1 Подписание трудового договора и ознакомление с документами	Специалист по кадрам, линейный руководитель	Логический (1)	Простой (0)	Приём документов, подписание трудового договора, ознакомление с должностной инструкцией, коллективным договором, правилами внутреннего распорядка	1

На основе оценки уровня интеллектуализации функций процесса структура процесса проанализирована с точки зрения распределения функций по 5 уровням интеллектуализации и их долевого вклада в общий объем работ (табл.3).

Таблица 3
Структура процесса «Подбор персонала» по уровням интеллектуализации функций

Уровень (вес) интеллектуализации	Кол-во подэтапов	% от процесса	Характер работы
1	11	28.2%	Рутинная (100% автоматизируется)
2	6	15.4%	Обработка данных (70–80% автоматизируется)
3	11	28.2%	Анализ (50–70% автоматизируется)
4	7	17.9%	Творческая работа (требует поддержки ИИ)
5	4	10.3%	Стратегия, решения (исключительно человек)
ИТОГО	39	100%	-

В целях более детальной характеристики процессов, подлежащих интеллектуализации, сгруппируем подэтапы по типу выполняемой работы, количеству операций и их доле в общем объеме процесса «Подбор персонала» (табл.4). Такая группировка позволяет увязать вес интеллектуализации с характером деятельности и определить приоритетные направления для внедрения цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта.

Оценка уровня интеллектуализации процесса служит инструментом выявления скрытых резервов производительности, количественного обоснования инвестиций в технологии и перевода дискуссий о внедрении цифровых технологий и искусственного интеллекта в плоскость прикладных управленческих решений. На основе структури-

рованного анализа функций «Подбора персонала» становятся видимыми те участки процесса, где цифровизация способна дать максимальный эффект при минимальных издержках.

Таблица 4
Группировка подэтапов процесса «Подбор персонала» по типу работы, количеству операций и их удельному весу в процессе

Вес	Тип работы	Подэтапов	%	Примеры
1	Чистая рутинная	11	28%	Размещение вакансии, регистрация резюме, отправка тестов, подписание договора
2–3	Анализ и обработка	17	44%	Анализ резюме, телефонный скрининг, проверка рекомендаций
4–5	Творчество, стратегия	11	28%	Разработка профиля, интервью, финальные решения

В системе управления организацией такая оценка уровня интеллектуализации может быть использована для решения следующих прикладных задач:

1. Обоснование стратегии цифровизации (роботы/ИИ). Это самая очевидная сфера применения, разделение на типы работ позволяет точно подобрать цифровые инструменты для категорий:

– «Чистая рутинная» (вес в апробируемом процессе 1: 28%, 11 подэтапов): это прямой кандидат на внедрение жестких алгоритмов. Оценка показывает, что почти треть процесса можно передать «программным роботам», полностью исключив человека;

– «Анализ и обработка» (вес 2–3, 44%): зона применения систем поддержки принятия решений и искусственного интеллекта (ИИ-анализ резюме, голосовые боты). Человек здесь выступает оператором или верификатором, а не единственным исполнителем;

– «Творчество, стратегия» (вес 4–5, 28%): обоснование необходимости сохранения «человека в контуре». Цифровизация здесь играет вспомогательную роль (инструменты коллаборации, аналитические дашборды).

2. Оптимизация организационно-штатной структуры и формирования интеллектуально-полиморфической системы управления. Полученные оценочные данные таблицы позволяют пересмотреть требования к квалификации персонала и разделению труда в части:

– делегирования, функции с весом «1» могут быть переданы сотрудникам начального уровня (стажерам, ассистентам) или выведены в Общий центр обслуживания (ОЦО), что снижает стоимость процесса;

– экспертной фокусировки: высокооплачиваемые специалисты должны быть освобождены от рутинных (28%) и сосредоточены исключительно на задачах веса «4–5», которые создают основную добавленную стоимость (стратегия поиска, оценка, переговоры).

– формирования системы менеджмента гибридного интеллекта с регламентированным распределением функций между ЕИ и ИИ.

3. Оценка позволяет перейти от часового метода учета рабочего времени к дифференцированному, а также рассчитать, сколько реально времени тратится на интеллектуальный труд, а сколько на механические действия. Помогает обосновать численность штата: например, «нам нужен 1 администратор для 28% рутинных и 2 эксперта для 72% аналитики и стратегии».

4. Совершенствование системы мотивации через дифференциацию систем мотивации (КПЭ). Показатели эффективности для разных типов работ должны отличаться. Так, для рутинных – КПЭ ориентированы на скорость, безошибочность и объем (количество обработанных заявок), а для творчества – КПЭ ориентированы на качество и результат (успешное прохождение испытательного срока кандидатом, качество профилирования).

5. Результаты оценки служат метрикой зрелости процесса. Руководство может ставить цели по изменению структуры:

«Текущая доля интеллектуального труда (вес 4-5) составляет 28%. Цель на следующий год за счет автоматизации рутины повысить долю интеллектуальных функций до 50%, сместив фокус рекрутеров на HR-брендинг и стратегию».

Таким образом, разработанная автором модель оценки уровня интеллектуализации управленческих процессов, основанная на матричном анализе, создает предпосылки количественной оценки эффективности цифровизации и интеллектуальной деятельности, что позволит выявлять скрытые резервы производительности и обосновывать инвестиции в технологии. В частности, применение этой модели к процессу подбора персонала демонстрирует её практическую пригодность для оценки, структурирования функций процесса и повышения уровня интеллектуализации всего процесса в целом.

В условиях активного внедрения цифровых технологий и искусственного интеллекта важность такой оценки возрастает, поскольку она способствует формализации и оптимизации умственного труда, способствует развитию персонала и повышению эффективности управленческих решений.

Выводы

На основе проведённой апробации модели оценки сегментированы функции процесса подбора персонала по уровням интеллектуализации, что является необходимым условием для перехода к доказательной кадровой политике и интеллектуализации систем управления организацией. Результаты такой оценки служат экономическим обоснованием для внедрения сквозных цифровых технологий, позволяя четко разграничить зоны ответственности естественного интеллекта (творчество, эмпатия, принятие решений в условиях неопределенности) и искусственного интеллекта (алгоритмизированная рутина и обработка больших данных).

В системе управления организацией предлагаемая модель оценки уровня интеллектуализации может применяться комплексным инструментом, позволяющим обосновать стратегию цифровизации через четкое разделение функций между алгоритмами (RPA), искусственным интеллектом и человеком, а также провести оптимизацию организационно-штатной структуры путем делегирования рутины младшему персоналу, либо технологиям для фокусировки экспертов на задачах высокой сложности.

Литература

1. Мандель, Б. Р. Основы интеллектуального труда: учебное пособие для обучающихся в системе среднего профессионального образования / Б. Р. Мандель. – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 394 с. – ISBN 978-5-4499-0458-4. – EDN OJICLA.
2. Экономическая энциклопедия/ Гл.ред. А.И. Абалкин. – М.: Экономика. 1999. – 1056 с.
3. Лебединцева, Л. А. Понятие и сущность интеллектуального труда в современных экономико-социологических исследованиях / Л. А. Лебединцева // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – № 1(22). – С. 108-111.
4. Булеев, Е. И. Интеллектуализация труда как высшая форма его разделения на современном этапе экономического развития / Е. И. Булеев, Н. И. Рябыкина, А. Н. Ревва // Стратегия и механизмы регулирования промышленного развития. – 2017. – № 9. – С. 20–31.
5. Антипина, Н. Л. Интеллектуализация общества: социально-экономические проблемы / Н. Л. Антипина, С. М.

Моор, Е. В. Мурзина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4. – С. 91–98.

6. Мингалева, Ж. А. Двойственность мотивации интеллектуального труда работников / Ж. А. Мингалева, Л. Н. Депутатова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2016. – № 2. – С. 209–220.

7. Митрущенко, А. Н. Социокультурные предпосылки интеллектуализации современного общества / А. Н. Митрущенко // Человек. Общество. Инклюзия. – 2016. – № 3–2 (27). – С. 65–70.

8. Святохо, Н. В. Интеллектуализация как тренд развития современной экономики / Н. В. Святохо // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2024. – Т. 10, № 4. – С. 99–110.

9. Мохов А. И., Душкин Р. В., Андронов М. Г., Мальцев В. П. – Методика оценки степени интеллектуальности технических и социотехнических систем//Цифровая экономика. – 2019, № 3 (7). – С. 24–33.

10. Яковлева, Е. В. Управление развитием интеллектуализации персонала инновационных предприятий промышленности: исследование теоретических аспектов / Е. В. Яковлева // Омский научный вестник. – 2015. – № 4(141). – С. 268-277.

11. Харченко, Н. П. Интеллектуализация персонала как фактор инновационного развития промышленных предприятий / Н. П. Харченко // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2014. – № 6(45). – С. 221-224.

12. Жагловская, А. В. Комплексная методика оценки уровня интеллектуализации системы управления предприятием на основе оценок естественного и искусственного интеллектов / А. В. Жагловская // Экономическое развитие России. – 2025. – Т. 32, № 5. – С. 350-356.

13. Мубаракшина, О. А. Совершенствование подбора и расстановки персонала как процесс оптимизации работы компании / О. А. Мубаракшина // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. – 2021. – № 3(11). – С. 96-102. – DOI 10.52170/2618-7949_2021_11_96.

14. Смирнова, Т. С. Автоматизация процесса подбора и отбора персонала в организации / Т. С. Смирнова // Управленческий учет. – 2020. – № 5. – С. 73-78.

15. Saatci M. Resume Screening with Natural Language Processing (NLP) // Alphanumeric Journal. – 2023. – Vol. 11, No. 2. – P. 121–140. – Text : electronic. – Access mode: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/4159614>. – Accessed: 09.10.2025.

16. Dhanalakshmi R.V., Lakshmi Priya G., Sivaranjani S. AI-Powered Resume Screening System Using NLP and Machine Learning // 2025 International Conference (IEEE). – 2025. – Text : electronic. – Access mode: <https://ieeexplore.ieee.org/document/11069785>. – Accessed: 09.10.2025.

17. Ekuma K. Artificial intelligence and automation in human resource development: a systematic review // Human Resource Development Review. – 2024. – Text: electronic. – Access mode: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/15344843231224009>. – Accessed: 09.11.2025.

Approval of the Human Intelligence Level Assessment Model in the Recruitment Process as a Comprehensive Tool for Improving Organization Management Systems
Zhaglovskaya A.V.

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

In the context of active industrial digitalization, assessing human mental activity as an element of the management system becomes particularly significant. This assessment is oriented towards developing decisions on process

digitalization, the replacement of specific functions with robotic systems, and increasing the level of intellectualization. However, the lack of universal models for assessing the intellectualization of functions hinders the justified selection of such decisions and limits the opportunities for optimizing and digitizing intellectual labor.

The proposed author's model for assessing the level of intellectualization, based on a matrix system of scales by types (logical, analytical, creative) and complexity (simple, medium, complex) of intellectual labor, allows for an objective assessment of the activity intellectualization level. This article focuses on the approbation of the assessment model using the example of the recruitment process. The proposed model enables quantitative determination of the intellectual activity level, identification of hidden productivity reserves, and justification of investments in technologies, including Artificial Intelligence.

The analysis and evaluation of functions, carried out on the example of the recruitment process, allowed for a detailed breakdown of processes into individual components, the identification and evaluation of their levels of process function intellectualization, the structuring of the process by their specific weight. Thanks to such a detailed analysis, a clear understanding of the intellectual structure of the process was obtained, which created the prerequisites for increasing the overall efficiency in the digitalization process.

The results of this assessment serve as an economic justification for implementing end-to-end digital technologies, allowing for a clear delineation of responsibility zones between Human Intelligence (creativity, empathy, decision-making under uncertainty) and Artificial Intelligence (algorithmized routine and big data processing). They also provide a rationale for improving organization management systems in the context of the economy's intellectualization.

The approbation of the developed model in real conditions demonstrated its practical applicability, particularly in the areas of improving the quality of managerial decisions, personnel development, and the implementation of Artificial Intelligence technologies.

Keywords: intellectualization level, human Intelligence (HI), artificial Intelligence (AI), digital technologies, recruitment.

References

1. Mandel, B. R. Fundamentals of Intellectual Labor: A Textbook for Students in the System of Secondary Vocational Education / B. R. Mandel. - Moscow-Berlin: Direct-Media, 2020. - 394 p. - ISBN 978-5-4499-0458-4. - EDN OJICLA.
2. Economic Encyclopedia / Ed. A. I. Abalkin. - Moscow: Economica. 1999. - 1056 p.
3. Lebedintseva, L. A. Concept and Essence of Intellectual Labor in Modern Economic and Sociological Research / L. A. Lebedintseva // Society. Environment. Development. - 2012. - No. 1 (22). - P. 108-111.
4. Buleyev, E. I. Intellectualization of labor as the highest form of its division at the current stage of economic development / E. I. Buleyev, N. I. Ryabykina, A. N. Revva // Strategy and mechanisms of industrial development regulation. - 2017. - No. 9. - P. 20-31.
5. Antipina, N. L. Intellectualization of society: socio-economic problems / N. L. Antipina, S. M. Moor, E. V. Murzina // Bulletin of Surgut State Pedagogical University. - 2019. - No. 4. - P. 91-98.
6. Mingaleva, Zh. A. Duality of motivation of intellectual labor of workers / Zh. A. Mingaleva, L. N. Deputatova // Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences. - 2016. - No. 2. - P. 209-220.
7. Mitruschenkova, A. N. Sociocultural Prerequisites for the Intellectualization of Modern Society / A. N. Mitruschenkova // Man. Society. Inclusion. - 2016. - No. 3-2 (27). - P. 65-70.
8. Svyatokho, N. V. Intellectualization as a Trend in the Development of the Modern Economy / N. V. Svyatokho // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Economics and Management. - 2024. - Vol. 10, No. 4. - P. 99-110.
9. Mokhov A. I., Dushkin R. V., Andronov M. G., Maltsev V. P. - Methodology for assessing the degree of intelligence of technical and socio-technical systems/Digital economy. - 2019, No. 3 (7). - P. 24-33.
10. Yakovleva, E. V. Managing the development of intellectualization of personnel of innovative industrial enterprises: a study of theoretical aspects / E. V. Yakovleva // Omsk Scientific Bulletin. - 2015. - No. 4 (141). - P. 268-277.
11. Kharchenko, N. P. Intellectualization of personnel as a factor in the innovative development of industrial enterprises / N. P. Kharchenko // Bulletin of the North Caucasus Federal University. - 2014. - No. 6 (45). - P. 221-224.
12. Zhaglovskaya, A. V. Integrated methodology for assessing the level of intellectualization of an enterprise management system based on assessments of natural and artificial intelligence / A. V. Zhaglovskaya // Economic development of Russia. - 2025. - Vol. 32, No. 5. - Pp. 350-356.
13. Mubarakshina, O. A. Improving the selection and placement of personnel as a process of optimizing the company's performance / O. A. Mubarakshina // Bulletin of the Siberian State Transport University: Humanitarian Research. - 2021. - No. 3 (11). - Pp. 96-102. - DOI 10.52170/2618-7949_2021_11_96.
14. Smirnova, T. S. Automation of the process of recruitment and selection of personnel in the organization / T. S. Smirnova // Management accounting. - 2020. - No. 5. - P. 73-78.
15. Saatci M. Resume Screening with Natural Language Processing (NLP) // Alphanumeric Journal. - 2023. - Vol. 11, No. 2. - P. 121-140. - Text : electronic. - Access mode: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/4159614>. - Accessed: 09.10.2025.
16. Dhanalakshmi R.V., Lakshmi Priya G., Sivaranjani S. AI Powered Resume Screening System Using NLP and Machine Learning // 2025 International Conference (IEEE). - 2025. - Text: electronic. - Access mode: <https://ieeexplore.ieee.org/document/11069785>. - Accessed: 10/09/2025.
17. Ekuma K. Artificial intelligence and automation in human resource development: a systematic review // Human Resource Development Review. - 2024. - Text: electronic. - Access mode: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/15344843231224009>. - Accessed: 11/09/2025.

Диагностика рисков реализации инвестиционных решений

Зелиско Алексей Павлович

соискатель Базовой кафедры Благотворительного фонда поддержки образовательных программ «КАПИТАНЫ» «Инновационный менеджмент и социальное предпринимательство», РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2207058@mail.ru

В условиях цифровой трансформации управления организацией традиционные методы оценки рисков инвестиционных проектов, такие как расчётно-аналитические, вероятностно-статистические и экспертные демонстрируют существенные ограничения: зависимость от репрезентативной статистики сопоставимых проектов, сложности типизации уникальных цифровых инициатив и отсутствие системной связи между факторами внешней среды и управленческими решениями. В данной статье предложена методика диагностики рисков реализации инвестиционного проекта, основанная на комбинации SWOT-анализа с модифицированным STEEPLE-M-анализом, который включает восьмью группу факторов внешней управленческой среды — «Управленческие» (М). Отрицательные факторы STEEPLE-M с оценками $s_i \in \{-1, -2, -3\}$ преобразуются в реестр рисков через расчёт степени ущерба $D_i = |s_i|$ и экспертную оценку вероятности по трёхуровневой шкале. Разработан алгоритм диагностики, включающий 7 этапов: от создания матрицы STEEPLE-M до принятия инвестиционного решения. Ключевым показателем служит индекс рисков $I = (1/n) \times \sum R_i$, делящий проект на зоны «Продолжить» ($I \leq 2,0$), «Изменить» ($2,0 < I \leq 5,0$) и «Прекратить» ($I > 5,0$). Матрица управленческих действий транслирует зональную оценку в типовые мероприятия. Предложенная методика устраняет разрыв между качественной идентификацией факторов внешней среды и количественным обоснованием инвестиционного решения; структура алгоритма инвариантна к отрасли и масштабу проекта, что обеспечивает широкий диапазон практической применимости.

Ключевые слова: инвестиционное решение, инвестиционный проект, риск, диагностика рисков, матрица управленческих действий.

В условиях цифровой трансформации управления организацией вопросы диагностики и оценки рисков реализации инвестиционных проектов приобретают особую актуальность. Традиционные методы анализа рисков, широко применяемые в инвестиционном менеджменте, эффективны при оценке классических инвестиционных проектов, однако их применимость в условиях цифровой трансформации управления требует критического анализа [3].

Научная литература предлагает несколько подходов к классификации методов оценки рисков. А.Е. Панягина отмечает, что «в подавляющем большинстве работ, посвященных вопросам оценки и анализа рисков, как самостоятельные группы рассматриваются статистические (математико-статистические, вероятностные), экспертные (эвристические) и аналитические (расчетно-аналитические)» [6]. Распространённым также является разделение методов на количественные и качественные; методы, применимые в условиях определённости, и методы, применимые в условиях частичной неопределённости. [3, с. 108].

Расчётно-аналитические методы позволяют количественно оценить риски при отсутствии достаточно обширной базы статистических данных. Все методы группы являются математическими, в то время, как некоторая их часть основывается на функциональных связях между показателями и применима в ситуации, близкой к полной определённости [3, с. 110].

Применение расчётно-аналитических методов для оценки рисков инвестиционных проектов сталкивается с ограничениями. Ж.А. Франкевич и А.Ю. Гагарина указывают, что «в расчётах эффективности необходимо учитывать неопределённость, т.е. неполноту и неточность информации об условиях реализации проекта» [8, с. 183].

Вероятностно-статистические методы основываются на изучении статистики потерь и выигрышей, имевших место в аналогичных производственно-хозяйственных ситуациях, установлении частоты и вероятности появления определённых типов рисков событий [3, с. 109].

Ограничения в условиях цифровой трансформации управления заключаются в том, что каждый инвестиционный проект обладает высокой степенью уникальности, что принципиально ограничивает возможности применения статистических методов [1].

Вероятностно-статистические методы требуют репрезентативной выборки сопоставимых проектов для формирования достоверных распределений [11]. Инвестиционные проекты по своей природе, что исключает возможность их типизации и проецирования на статистику существующих проектов.

Экспертные методы, в свою очередь, предполагают сбор, изучение, согласование и обобщение оценок риска, вынесенных высококвалифицированными специалистами в данной предметной области в процессе индивидуальной или коллективной работы [6].

Преимуществом экспертных методов является возможность их использования «практически в любых сферах, ситуациях и условиях», особенно «когда отсутствуют статистические данные, математические модели, задача является сложно формализуемой» [6].

Ограничения экспертных методов в условиях цифровой трансформации управления организациями представлены ниже.

1. Временная фиксация. Экспертный консенсус отражает мнения специалистов в конкретный момент времени и практически не учитывает высокую скорость развития цифровых технологий, появление новых классов киберугроз и изменение технологических трендов [4].

2. Субъективизм оценок. Панягина А.Е. указывает: «Привлечение экспертов должного уровня квалификации и проведение процедуры оценки может потребовать существенных затрат ресурсов и времени. Эти обстоятельства, и, кроме того, неизбежный субъективизм следует признать недостатками экспертных методов» [6].

3. Дефицит профильных экспертов. Без привлечения узкоспециализированных экспертов в области цифровых технологий аспекты цифровой трансформации управления организации и специфические риски могут быть существенно недооценены или проигнорированы [10].

4. Отсутствие связи с управленческими факторами. Традиционные экспертные методы оценивают риски изолированно, без привязки к внутренним управленческим возможностям организации [5].

Для преодоления выявленных ограничений экспертных методов предлагается использование комбинации SWOT-анализа с модифицированным STEEPLE-анализом, который включает дополнительную группу факторов «Управленческие». Добавление управленческого измерения (М — Management) в рамках STEEPLE-M анализа устраняет разрыв между внешними факторами и внутренними управленческими возможностями организации.

Группа «Управленческие» (М) охватывает факторы внешней управленческой среды: господствующие в отрасли стандарты проектного управления, уровень управленческой зрелости партнёрской экосистемы, требования инвесторов и кредиторов к управленческим практикам. К внешним факторам относится и конъюнктура рынка труда: доступность профильных управленческих специалистов определяется рынком, а не решениями организации. Все названные факторы принадлежат внешней среде. Задача группы М заключается в фиксации управленческого контекста реализации инвестиционного проекта, но не охарактеризовать внутренние возможности команды.

Классический STEEPLE-анализ оставляет методологический пробел, обуславливающий включение восьмой категории. Семь базовых групп охватывают макроэкономические, технологические, правовые и иные составляющие внешней среды, но не выделяют управленческий контекст как самостоятельное измерение. Любой инвестиционный проект существует во внешней управленческой среде. Отраслевые стандарты задают ожидания контрагентов, инвесторы предъявляют требования к управленческим навыкам менеджеров, а рынок труда определяет доступность профильных компетенций. Риски несоответствия управленческих навыков внешним стандартам образуют самостоятельный класс угроз, принципиально отличный от технологических, правовых или экономических. Именно поэтому такой класс заслуживает отдельной аналитической группы.

Предлагаемая в статье методика диагностики рисков реализации инвестиционного проекта базируется на последовательном преобразовании результатов комбинации SWOT-анализа с STEEPLE-M анализом в систему управленческих решений. Отправной точкой выступает STEEPLE-M анализ внешней среды, включающий в себя факторы с положительными оценками ($s_i > 0$), формирующие блок возможностей (О) для SWOT-матрицы, и факторы с отрицательными оценками ($s_i < 0$), образующие блок угроз (Т), которые также служат исходными данными реестра рисков. Результатом стратегического синтеза становится количественный реестр рисков, в котором каждой угрозе присваивается уровень $R_i = P_i \times D_i$.

где P_i — вероятность наступления ситуации риска,
 D_i — тяжесть ущерба.

Агрегирование уровней по реестру даёт индекс рисков проекта $I = (1/n) \times \sum R_i$, определяющий зону принятия

управленческого решения: $I \leq 2,0$ — решение «Продолжить», $2,0 < I \leq 5,0$ — «Изменить», $I > 5,0$ — «Прекратить».

Присвоение отрицательной оценки в шкале STEEPLE-M отражает экспертную оценку потенциального ущерба: балл -3 соответствует критическому воздействию на проект, -2 — умеренному, -1 — незначительному. Полученная оценка характеризует тяжесть последствий при реализации риска, однако не раскрывает вероятность его наступления.

Уровень риска вычисляется как произведение двух параметров — вероятности события и размера (тяжести) ущерба при его реализации. Оба параметра оцениваются по трёхуровневой шкале, что обеспечивает сопоставимость оценок по всем элементам методики STEEPLE-M.

Обоснование выбора шкалы для оценки уровня риска требует анализа отраслевой практики и методического обеспечения. Среди работ, посвящённых оценке рисков реализации инвестиционных проектов в строительстве и недвижимости, наибольшее распространение получили пятибалльные шкалы [11]. Применение пятибалльных шкал для оценки рисков реализации инвестиционных проектов, осуществляемых в условиях цифровой трансформации управления организации, методически проблематично по двум основаниям. Во-первых, каждый инвестиционный проект в условиях цифровой трансформации управления уникален и не имеет сопоставимой статистической базы. Во-вторых, Федорцов А.Г. аргументирует, что числовые значения в матрицах $P \times D$ представляют собой порядковые символы, а не истинные количественные величины, поэтому увеличение числа уровней за пределы практической дискриминации формирует иллюзию точности без реального увеличения информативности оценки [7].

Стандарт ГОСТ Р ИСО 31000-2019, на который ориентируется отечественная практика риск-менеджмента, закрепляет принцип контекстуальности: критерии риска, включая структуру шкал, устанавливаются применительно к специфике организации и целям управленческого решения [2, 9, с. 5].

Для описываемой методики критерием выбора шкал служит структурная согласованность с инструментом первичной диагностики, которым является STEEPLE-M. Балльная система последнего является трёхуровневой по тяжести воздействия ($s_i \in \{-1, -2, -3\}$), что задаёт шкалу ущерба $D_i = |s_i|$ с тремя градациями непосредственно из аналитической матрицы. Применение шкалы вероятности с тем же числом уровней ($P_i \in \{1, 2, 3\}$) обеспечивает методическую симметрию матрицы оценки рисков и позволяет напрямую сопоставить результаты ее применения с тремя вариантами управленческих решений в рамках итерационной модели принятия инвестиционного решения («Продолжить / Изменить / Прекратить»). Данный подход опирается на практику экспертного определения вероятностных зон без привязки к историческим данным, описанную в работе Шкурко В.Е. [9].

Три уровня градации вероятности симметричны шкале ущерба $D_i = |s_i|$, производной от трёхзначной балльной системы STEEPLE-M, что обеспечивает методологическую однородность матрицы оценки рисков. Границы 30% и 70% делят вероятностный диапазон [0; 100%] на три равных сегмента — подход, рекомендуемый при экспертной оценке в отсутствие репрезентативной статистики по аналогичным проектам [9]. Связь между оценкой STEEPLE-M и начальным значением ущерба задаётся формулой 1:

$$D_i = |s_i| \quad (1)$$

где s_i — оценка фактора в матрице STEEPLE-M ($s_i \in \{-1, -2, -3\}$), D_i — начальное значение тяжести ущерба по трёхуровневой шкале.

Уровень i -го риска вычисляется по формуле 2:

$$R_i = P_i \times D_i \quad (2)$$

где P_i — вероятность наступления ситуации риска, D_i — тяжесть ущерба. Множество возможных значений уровня риска: $R_i \in \{1, 2, 3, 4, 6, 9\}$. На основании определения уровня каждый риск относится к одной из трёх зон принятия инвестиционных решений: зелёная зона ($R_i \leq 2$) соответствует решению «Продолжить»; жёлтая зона ($3 \leq R_i \leq 6$) — решению «Изменить» параметры проекта; красная зона ($R_i > 6$, то есть $R_i = 9$) — решению «Прекратить» реализацию.

Для агрегированной оценки совокупного уровня риска инвестиционного проекта рассчитывается индекс рисков STEEPLE-M по формуле 3:

$$I = (1/n) \times \sum_i R_i (3)$$

где n — число идентифицированных рисков из состава отрицательных факторов STEEPLE-M, R_i — уровень i -го риска.

С практической точки зрения расчёт выглядит так: для каждого риска реализации инвестиционного проекта из реестра перемножаются вероятность наступления ситуации риска и тяжесть последствий (ущерба). Затем полученные произведения суммируются и делятся на общее количество рисков инвестиционного проекта [9, с. 48-49]. Таким образом, индекс рисков STEEPLE-M представляет собой средний уровень риска по портфелю: чем ближе его значение к максимуму, тем выше концентрация критических угроз относительно общего числа идентифицированных факторов.

Индекс рисков STEEPLE-M может быть интерпретирован следующим образом:

$I \leq 2,0$ — проект находится преимущественно в зелёной зоне, инвестиционное решение – допустимо продолжение без изменений;

$2,0 < I \leq 5,0$ — преобладает жёлтая зона, инвестиционное решение –требуется корректировка параметров проекта;

$I > 5,0$ — преобладает красная зона, рекомендуется инвестиционное решение – остановить реализацию инвестиционного проекта или кардинально пересмотреть его концепцию.

Разработанная методика диагностики рисков реализации инвестиционного проекта представляет собой последовательную процедуру из семи шагов. Каждый шаг характеризуется определёнными входными данными, совокупностью аналитических действий и фиксируемым результатом, служащим входом для следующего шага.

От диагностики внешней среды к стратегическому синтезу и далее к количественной оценке рисков. Применение методики не ограничено отраслью или типом инвестиционного проекта — её структура адаптируется к составу и численности идентифицированных факторов STEEPLE-M. Состав экспертной группы, привлекаемой на четвёртом шаге, определяется масштабом и спецификой конкретного инвестиционного проекта.

Таблица 1

Алгоритм применения методики оценки рисков реализации инвестиционного проекта

Шаг	Наименование	Входные данные	Выполняемые действия	Результат
1	Формирование матрицы STEEPLE-M	Данные о внешней среде проекта: макроэкономика, технология, регулирование, социальная динамика	Идентификация факторов по 8 категориям (S, T, E, E, P, L, E, M); балльная оценка каждого фактора экспертным методом: $s_i \in \{-3; -2; -1; +1; +2; +3\}$	Заполненная матрица STEEPLE-M
2	Составление EFAS-резюме	Матрица STEEPLE-M	Ранжирование факторов по весовому вкладу; отбор наиболее	EFAS-резюме — перечень приоритетных внешних факторов проекта

			значимых возможностей (O) и угроз (T)	
3	Формирование SWOT-матрицы и первичного перечня угроз	EFAS-резюме; результаты SNW-анализа и КФУ	Построение SWOT-матрицы: S/W ← SNW+КФУ; O/T ← STEEPLE-M; выгрузка всех факторов с оценкой $s_i < 0$ как первичных угроз	SWOT-матрица; перечень факторов-угроз для реестра рисков
4	Расчёт ущерба и экспертная оценка вероятности	Перечень факторов-угроз; экспертная группа	Расчёт начального ущерба по каждой угрозе	Данные по ущербу и вероятности наступления рисков
5	Расчёт уровня и построение матрицы рисков	Реестр рисков (D_i, P_i)	Расчёт уровня каждого риска: $R_i = P_i \times D_i$; размещение рисков в матрице по зонам (зелёная / жёлтая / красная)	Реестр рисков с уровнем R_i ; матрица рисков
6	Расчёт индекса рисков проекта	Реестр рисков (R_i)	Суммирование уровней и деление на общее число рисков: $I = (1/n) \times \sum R_i$	Индекс рисков I
7	Принятие управленческого решения	Значение индекса I; реестр рисков	Сравнение I с пороговыми значениями; определение зоны управленческого решения; выявление приоритетных рисков по наибольшему R_i	Управленческое решение: «Продолжить» / «Изменить» / «Прекратить»; перечень приоритетных рисков

Источник: разработана автором

Ключевым процедурным элементом четвёртого шага выступает экспертное определение вероятности P_i . Каждый эксперт независимо оценивает вероятность наступления каждой угрозы, относя её к одной из трёх градаций: низкая ($P_i \leq 30\%$, уровень 1), средняя ($30\% < P_i \leq 70\%$, уровень 2), высокая ($P_i > 70\%$, уровень 3). При разбросе оценок, превышающем один уровень, проводится дополнительный тур согласования: эксперты, придерживающиеся крайних позиций, аргументируют свою оценку, после чего группа фиксирует итоговое значение большинством голосов. Указанный подход основан на практике экспертного определения вероятностных зон без привязки к историческим данным и соответствует принципу контекстуальности ГОСТ Р ИСО 31000-2019, согласно которому критерии риска устанавливаются применительно к специфике организации и целям управленческого решения [2].

Таблица 2

Матрица управленческих действий по результатам оценки рисков инвестиционного проекта

Зона	Условие	Тип реагирования	Типовые управленческие мероприятия
Зелёная	$I \leq 2,0$; все $R_i \leq 2$	Мониторинг	Установление контрольных точек реализации; отслеживание показателей по параметрам с наибольшим D_i ; периодический пересмотр допущений STEEPLE-M при изменении внешней среды
Жёлтая	$2,0 < I \leq 5,0$; отдельные $R_i \in \{3; 4; 6\}$	Смягчение и компенсация	Корректировка бюджета, сроков или состава работ по рискам с наибольшим R_i ; разработка резервных планов; привлечение дополнительных компетенций; перераспределение ресурсов в пользу уязвимых параметров проекта
Красная	$I > 5,0$; один или несколько рисков с $R_i = 9$	Пересмотр концепции или прекращение	Переработка ключевых параметров проекта с устранением источников критических угроз; приостановка инвестирования до снятия критической угрозы; полный отказ от реализации при невозможности устранения источника риска

Источник: разработана автором

Результаты седьмого шага — отнесение проекта к одной из зон управленческого решения требуют содержательной интерпретации применительно к конкретной ситуации. Само по себе значение индекса I указывает на степень концентрации рисков в реестре, однако не предписывает конкретных действий. Каждой зоне соответствует определённый тип реагирования и перечень типовых управленческих мероприятий, представленных в таблице 2. Разграничение мероприятий по зонам обеспечивает соразмерность реакции выявленному уровню риска. Следовательно, ресурсы не расходуются на избыточное реагирование при низком уровне риска и не занижаются при критическом.

Заключение

Матрица управленческих действий не является исчерпывающим предписанием: конкретный состав мероприятий определяется структурой реестра рисков, доступными ресурсами и стратегическими приоритетами организации. Функция матрицы состоит в обеспечении трансляции количественного результата оценки — значения I и зональной принадлежности каждого R_i — в управленческое решение с достаточной степенью детализации для проектирования ответных мер. Совокупность алгоритма и матрицы управленческих действий составляет основу описываемой методики, обеспечивающую воспроизводимость результатов при её применении к различным типам инвестиционных проектов.

Литература

1. Вайл, П. Цифровая трансформация бизнеса. Изменение бизнес-модели для организации нового поколения / П. Вайл, С. Ворнер. — Альпина Диджитал, 2019. — URL: <https://www.litres.ru/book/piter-vayl/cifrovaya-transformatsiya-biznesa-izmenenie-biznes-modeli-dlya-o-39850809/> (дата обращения: 04.03.2026). — Текст : электронный.
2. ГОСТ Р ИСО 31000-2019 Менеджмент риска. Принципы и руководство / 31000 2019. — URL: <https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293724/4293724882.htm> (дата обращения: 04.03.2026). — Текст : электронный.
3. Зинатуллин Р.Р. Оценка эффективности инвестиционных решений / Зинатуллин Р.Р. // Актуальные вопросы современной науки. — 2015.
4. Калошина, М. Н. Business processes for managing the implementation of investment projects and programs / М. Н. Калошина, В. В. Габуев // Экономика и предпринимательство. — 2020. — № 10(123). — С. 664-671.
5. Масленников, В. В. Книга: Менеджмент. Учебник - Масленников, Ляндау, Калинина. Купить книгу, читать рецензии | Лабиринт. Книга / В. В. Масленников, Ю. В. Ляндау, Калинина Ирина Анатольевна. — 2025. — URL: <https://www.labyrinth.ru/books/671424/> (дата обращения: 04.03.2026). — Текст : электронный.
6. Панягина, А. Е. Современный Инструментарий Количественного Анализа И Оценки Рисков / А. Е. Панягина // Актуальные Вопросы Современной Науки. — 2013. — № 1. — С. 107-113.
7. Федорец, А. Г. Качественные и количественные методы оценки величины риска. — URL: <https://riskexpert.pro/tpost/p8gzeo0ai1-kachestvennie-i-kolichestvennie-metodi-o> (дата обращения: 04.03.2026). — Текст : электронный.
8. Франкевич, Ж. А. Анализ рисков инвестиционного проекта и методы их оценки / Ж. А. Франкевич, А. Ю. Гагарина // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). — 2018. — № 3. — С. 183-192.
9. Шкурко, В. Е. Управление рисками проектов / В. Е. Шкурко. — Издательство Уральского университета, . — 184 с.

10. Digital Transformation and Cybersecurity Challenges for Businesses Resilience: Issues and Recommendations / S. Saeed, S. A. Altamimi, N. A. Alkayyal [et al.] // Sensors. — 2023. — Vol. 23. — Digital Transformation and Cybersecurity Challenges for Businesses Resilience. — № 15.

11. Tikhomirov, N. P. Methods of Estimating Risk Dealing with Declining Efficiency of Investment Project in Conditions of Statistic Uncertainty / N. P. Tikhomirov, T. M. Tikhomirova // Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. — 2024. — № 2. — С. 28-35.

Investment Decision Implementation Risk Assessment

Zelisko A.P.

Plekhanov Russian University of Economics

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

Under conditions of digital transformation in organizational management, traditional methods for assessing risks of investment projects — such as computational-analytical, probabilistic-statistical, and expert-based approaches — demonstrate significant limitations: dependence on representative statistics from comparable projects, difficulties in typifying unique digital initiatives, and the absence of a systematic link between environmental factors and managerial decisions. This article proposes a methodology for diagnosing the risks of investment project implementation, based on a combination of SWOT analysis with a modified STEEPLE-M analysis, which incorporates an eighth group of external managerial environment factors — "Managerial" (M). Negative STEEPLE-M factors with scores $s_i \in \{-1, -2, -3\}$ are transformed into a risk register through the calculation of damage severity $D_i = |s_i|$ and an expert probability assessment using a three-level scale. A diagnostic algorithm has been developed comprising 7 stages: from the STEEPLE-M matrix to the investment decision. The key indicator is the risk index $I = (1/n) \times \sum R_i$, which classifies the project into the zones "Continue" ($I \leq 2.0$), "Change" ($2.0 < I \leq 5.0$), and "Stop" ($I > 5.0$). A managerial action matrix translates the zonal assessment into standard measures. The proposed methodology eliminates the gap between the qualitative identification of environmental factors and the quantitative justification of investment decisions; the algorithmic structure is invariant to the industry and scale of the project, ensuring a broad range of practical applicability.

Keywords: investment decision, investment project, risk, risk diagnosis, management action matrix.

References

1. Weil, P. Digital Business Transformation. Reshaping the Business Model for the Next-Generation Organization / P. Weil, S. Warner. — Alpina Digital, 2019. — URL: <https://www.litres.ru/book/piter-vayl/cifrovaya-transformatsiya-biznesa-izmenenie-biznes-modeli-dlya-o-39850809/> (accessed: 04.03.2026). — Text: electronic.
2. GOST R ISO 31000-2019 Risk Management. Principles and Guidelines / 31000 2019. — URL: <https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293724/4293724882.htm> (date accessed: 04.03.2026). — Text: electronic.
3. Zinatullin R.R. Evaluation of the Effectiveness of Investment Decisions / Zinatullin R.R. // Current Issues of Modern Science. — 2015.
4. Kaloshina, M. N. Business Processes for Managing the Implementation of Investment Projects and Programs / M. N. Kaloshina, V. V. Gabuev // Economy and Entrepreneurship. — 2020. — No. 10 (123). — P. 664-671.
5. Maslennikov, V. V. Book: Management. Textbook - Maslennikov, Lyandau, Kalinina. Buy the book, read reviews | Labyrinth. Book / V. V. Maslennikov, Yu. V. Lyandau, Irina Anatolyevna Kalinina. — 2025. — URL: <https://www.labyrinth.ru/books/671424/> (date of access: 04.03.2026). — Text: electronic.
6. Panyagina, A. E. Modern Tools for Quantitative Analysis and Risk Assessment / A. E. Panyagina // Current Issues of Modern Science. — 2013. — No. 1. — P. 107-113.
7. Fedorets, A. G. Qualitative and quantitative methods for risk assessment. — URL: <https://riskexpert.pro/tpost/p8gzeo0ai1-kachestvennie-i-kolichestvennie-metodi-o> (date of access: 04.03.2026). — Text: electronic.
8. Frankevich, Zh. A. Analysis of investment project risks and methods for their assessment / Zh. A. Frankevich, A. Yu. Gagarina // Mining information and analytical bulletin (scientific and technical journal). — 2018. — No. 3. — P. 183-192.
9. Shkurko, V. E. Project risk management / V. E. Shkurko. — Publishing House of the Ural University, . — 184 p.
10. Digital Transformation and Cybersecurity Challenges for Businesses Resilience: Issues and Recommendations / S. Saeed, S. A. Altamimi, N. A. Alkayyal [et al.] // Sensors. — 2023. — Vol. 23. — Digital Transformation and Cybersecurity Challenges for Businesses Resilience. — No. 15.
11. Tikhomirov, N. P. Methods of Estimating Risk Dealing with De-lining Efficiency of Investment Project in Conditions of Statistic Uncertainty / N. P. Tikhomirov, T. M. Tikhomirova // Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. — 2024. — No. 2. — P. 28-35.

Стратегия развития университета на основе платформенного образования

Золотарева Виолетта Вагаршаковна

аспирант, Приволжский государственный университет путей сообщения, v.zolotareva@samgups.ru

Статья посвящена разработке стратегии развития университетского комплекса на основе платформенного образования. Актуальность исследования определяется необходимостью преодоления институциональных и ресурсных противоречий, которые сдерживают модернизацию транспортного образования в условиях ограниченных ресурсов. Цель работы заключается в создании экономико-математической модели трансформации образовательного процесса, обеспечивающей устойчивость развития и повышение качества подготовки кадров. Объект исследования – отраслевой университетский комплекс, предмет – ресурсное обеспечение образовательной деятельности при переходе к платформенной модели. В работе применяются методы институциональной экономики и моделирования социально-экономических систем. Практическая значимость заключается в формировании инструментов для стратегического управления развитием университетов, позволяющих сочетать цифровизацию, кадровую устойчивость и повышение эффективности образовательных программ. Настоящее исследование является частью комплексного научного исследования, посвященного совершенствованию системы отраслевого транспортного образования, проводимого на базе Приволжского государственного университета путей сообщения.

Ключевые слова: стратегия развития, платформенное образование, университетский комплекс, цифровизация, институциональная экономика, устойчивость системы, экономико-математическая модель, ресурсное обеспечение, транспортное образование.

Введение

Минтрансом России определено понятие «Транспортное образование», под которым понимается процесс подготовки кадров для транспортной отрасли. Фактически это система подготовки кадров для транспортной отрасли, включая проектирование, конструирование, строительство и эксплуатацию различных видов транспорта (железнодорожного, автомобильного, морского, речного, воздушного и других), специфика которой определена статьей Федерального закона «Об образовании в РФ» и распоряжением Правительства РФ от 06.02.2021 года №255-р., которым утверждена «Концепция подготовки кадров для транспортного комплекса до 2035 года».

Отраслевые транспортные университетские комплексы, составляющие основу транспортного образования, сегодня столкнулись с рядом проблем, отсрочка решения которых способна привести к потере устойчивости системы подготовки кадров для транспортной отрасли. Возникающие противоречия можно разделить на внешние и внутренние [1].

Внешние противоречия обусловлены длительным бессистемным реформированием системы профессионального образования. Сокращение внебюджетного приёма, усиливаемого попытками регулятора ограничить внебюджетный приём на непрофильные образовательные программы в области общественных наук, создало риски сокращения большинства статей программ развития университетских комплексов. Привязка уровня оплаты труда преподавателей к среднему уровню по регионам, осуществляемая на фоне ограничения государственного задания фактически статьями фонда заработной платы и стипендиального обеспечения без индексации роста заработной платы, привело к существенному ограничению ресурсного обеспечения, включая поддержку инфраструктуры и развитие сотрудников.

Внутренние противоречия обусловлены геронтологическим истощением преподавательского состава и сокращением притока молодежи, подпитываемое падением престижности профессии преподавателя, что особенно сильно ощущается в области среднего профессионального образования. В результате, современные преподаватели среднего возраста, которые формируют основу педагогического состава, преимущественно используют традиционный метод подачи материала через монолог и опираются на устоявшиеся модели поведения и в меньшей степени ориентированы на внедрение новых педагогических и цифровых практик [2].

Выходом может быть интеграция отраслевых транспортных университетских комплексов в единую систему с вертикально интегрированной системой управления на уровне единого учредителя. Такая интеграция в условиях неизбежного ограничения ресурсов несёт риски вымывания небольших исторических учебных заведений с контингентом обучающихся до 1500 человек, расположенных в небольших городах. В статье предложен альтернативный вариант решения возникших противоречий – трансформация отраслевых транспортных университетских комплексов на основе платформенного образования.

Цель, задачи и методология

Целью исследования является разработка экономико-математической модели трансформации отраслевого транспортного университетского комплекса на основе платформенного образования. Для достижения цели по-

ставлены и решены задачи: определение граничных условий трансформации отраслевого транспортного университетского комплекса, разработка экономико-математической модели, моделирование и оценка устойчивости системы. Объектом исследования является университетский комплекс, предметом исследования являются ресурсное обеспечение основных процессов при переходе от традиционной модели образования к платформенной.

При проведении исследования авторы придерживаются особенностей институционального подхода к экономическим исследованиям: рассматривая систему профессионального образования в качестве составной части социальной системы с учетом традиций общества; ставя интересы общества выше по отношению к интересам отдельных индивидов, чьи действия предопределяются ситуацией в экономике в целом; признавая ведущую роль государственного регулирования в экономике, рассматриваемого в качестве эволюционирующей системы.

Методологической основой исследования является направление институциональной экономики (институционализм) – экономическая теория, которая сосредотачивается на исследовании развития социальных (общественных) институтов и их влияния на формирование экономического поведения людей. В процессе исследования использовались экономико-математические методы исследования, а в качестве основного метода исследования – моделирование социально-экономических систем и процессов. Исследование опиралось на труды экономической школы Приволжского государственного университета путей сообщения, посвященные вопросам совершенствования системы отраслевого транспортного образования. Указанные публикации рассматривают возникающие системные и институциональные противоречия в системе профессионального образования.

Определение граничных условий

Граничные условия, или рамки, трансформации социально-экономической системы – это условия, которым должна удовлетворять целевая модель. Такие условия включают требования регулятора, интерес общества, риски и угрозы с точки зрения государства. По своей сути граничные условия – это рамки регулятора.

1. Воспитательная деятельность. Обязательное наличие воспитательной деятельности обучающихся на основе духовно-нравственных ориентиров и наличия механизмов психолого-педагогической поддержки обучающихся вне зависимости от объема образовательной программы, или уровня обучения [3]. Обязательные направления воспитания в отраслевом транспортном университетском комплексе: гражданское, патриотическое, моральное, трудовое, спортивное, экологическое. При этом трудовое воспитание направлено в том числе на отраслевую идентичность обучающихся. С учетом ряда исследований, а также рекомендаций регулятора минимальная доля контактной работы с обучающимися, направленной на реализацию плана воспитательной деятельности, для программ очной формы обучения не должна составлять менее 10 % от объема учебной нагрузки [4].

2. Инфраструктура. Необходимость наличия соответствующей инфраструктуры определена федеральным законом «Об образовании» и требования образовательных стандартов. Под инфраструктурой понимается доступная (в том числе для обучающихся с ОВЗ) и безопасная среда, необходимая для реализации образовательных программ в заявленных объеме и форме.

3. Уровень оплаты труда. Минимальный уровень оплаты труда работников. Условие включает выделенные категории работников, к которым относятся педагогические и научно-педагогические работники, а также весь

персонал образовательных организаций, включая вспомогательный и обслуживающий персонал [5].

4. Объем платного приема. С текущего года количество мест для платного приема университетами стало регулироваться государством. Эта мера регулятора стала ответом на растущий кадровый голод в отраслях. К моменту подготовки статьи нет каких-либо критериев, позволяющих определить минимально-возможную долю платного приема для вузов. Однако, учитывая опыт выделения бюджетных мест приема, можно предположить, что объем платного приема также будет определяться на конкурсной основе с учетом региональной и отраслевой специфики.

Обязательное участие в научной и инновационной деятельности сотрудников, привлеченных к реализации образовательных программ высшего образования вытекает из необходимости поддержки актуальности образовательных программ [6]. Данное условие намеренно не отнесено авторами к категории граничных условий по нескольким причинам. Во-первых, отсутствуют четкие критерии по объему научной деятельности в вузах и степени вовлечения в неё обучающихся. Во-вторых, отсутствуют требования к наличию необходимых инструментов для развития уровня технологической, производственной и рыночной готовности инноваций. Подтверждением тезиса о несовершенстве критериев оценки научно-инновационной деятельности вузов является ритуальный характер работы научных подразделений большинства региональных вузов, которая сводится преимущественно к публикации научных статей и проведению научных конференций. Что, в прочем, не мешало таким вузам до настоящего времени вести платный прием по широкому спектру, в том числе, непрофильных образовательных программ [7].

Экономико-математическая модель

Предлагается изменить существующий подход к формированию учебных планов и объема учебной нагрузки. Функциональными составляющими ресурсного обеспечения являются не экономические возможности образовательной организации, как это должно быть, а потребности разработчиков образовательных программ, которыми фактически являются заведующие выпускающих кафедр. Иными словами, планирование основного процесса и, как следствие, прямых затрат, осуществляется без учета экономической составляющей. Предлагаемый вариант исключает это противоречие, ставя объем учебной нагрузки в зависимость от бюджета образовательной организации.

Для писания модели введём понятия:

B – годовой бюджет образовательной организации (*budgets*), включающий государственные (*state*, B_s) и негосударственные (*non-state*, B_{ns}) источники финансирования, $B = B_s + B_{ns}$, руб.;

B_r – требуемый бюджет образовательной организации для реализации образовательных программ (*requirement*), руб.;

C – объем образовательной программы (*complexity*), включающий контактную (*teacher*, C_t) и самостоятельную (*independent*, C_i) работу, $C = C_t + C_i$, час;

P_{min} – минимальное количество работников различных профессионально-квалификационных групп, необходимых для реализации образовательных программ (*personal*), чел.;

N – норма учебной нагрузки на одного педагогического, научно-педагогического работника (*norm*), час.;

S_{min} – минимальный уровень оплаты труда (*salary*), руб.;

I_{min} – минимальная инфраструктура, необходимая для реализации образовательных программ (*infrastructure*), определяются как активы (основные средства), руб.

Существующее противоречие можно описать неравенством:

$$B = B_s + B_{ns} < B_r, \quad (1)$$

когда требуемый бюджет для реализации образовательных программ с учетом всех выплат и налогов больше бюджета образовательной организации. В результате возникают ресурсные ограничения, снижающие качество основных процессов.

Источником проблемы является потеря связи между потребностями и возможностями:

$$B_r \neq f(B_s + B_{ns}). \quad (2)$$

Тогда поиск решения можно представить в виде функционала:

$$B_r = f(B_s + B_{ns}). \quad (3)$$

Распишем функционалы

$$B_r = f(P_{min}, I_{min}), \text{ или}$$

$$B_r = f(\sum_{k=1}^a P_{min}, \sum_{h=1}^b I_{min}),$$

где a – количество профессионально-квалификационных групп работников, b – количество элементов инфраструктуры;

последнее выражение можно дифференцировать

$$\sum_{k=1}^a P_{min} = \sum_{k=1}^a \frac{C_{tk}}{N_k}$$

$$C_{tk} = \delta \gamma \frac{B_s + B_{ns}}{S_{min}}$$

в последнем выражении δ – доля педагогических и научно-педагогических работников в штате организации, γ – максимальная доля фонда оплаты труда в структуре бюджета образовательной организации, позволяющая обеспечить финансирование программ развития;

$$\sum_{h=1}^b I_{min} = f(B_s + B_{ns}, \sum_{k=1}^a P_{min})$$

Тогда можно записать целевую модель

$$B_r = \delta \gamma (B_s + B_{ns}) - \tau \sum_{h=1}^b I_{min} - F. \quad (4)$$

В последнем выражении τ – коэффициент, учитывающий эксплуатационные издержки, необходимые для содержания инфраструктуры, а F – годовые затраты на цифровую образовательную платформу.

Описанную модель можно представить графически

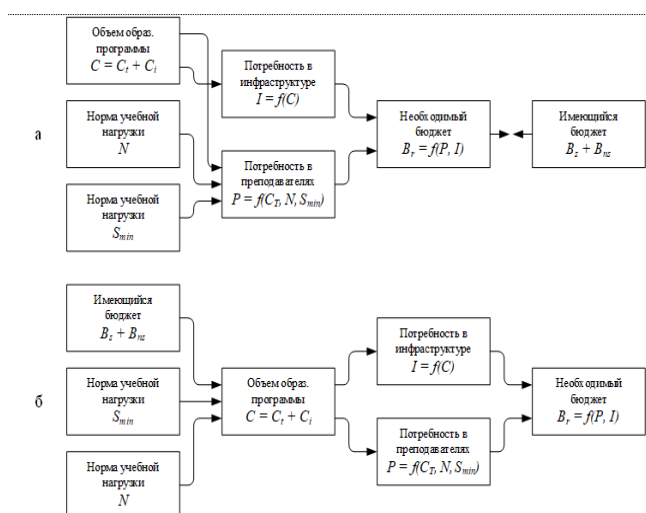

Рис. 1 – Экономико-математическая модель: а – существующая, б – целевая

Ключевым моментом является качество образования, для сохранения которого предлагается переводить контактную работу с обучающимися в цифровую среду – на платформенное образование. Существует два варианта использования платформенного образования: использо-

вать собственную образовательную платформу, или использовать чужую образовательную платформу. Экономическая задача «Сделать или Купить» (Make-or-Buy) заключается в сравнении общих издержек, связанных с использованием собственных ресурсов (доработки собственной информационной образовательной среды), и затрат, связанных с использованием чужого программного обеспечения [8].

Представленная экономико-математическая модель позволяет исследовать развитие экономических процессов, анализировать взаимосвязи между экономическими переменными, прогнозировать будущие значения таких переменных и последствия финансово-экономической политики, вырабатывать управленческие решения на всех уровнях системы управления.

Моделирование и оценка устойчивости системы

Проведём моделирование системы на примере отраслевого транспортного университетского комплекса с годовым бюджетом 2,2 млрд. руб. Как видно из рис. 2 более 70 % бюджета (желтая кривая) составляет фонд оплаты труда (ФОТ), что ограничивает развитие. Реализация программы цифровизации с переводом процесса реализации образовательных программ на цифровую образовательную платформу позволяет сократить ФОТ за счет высвобождения части преподавателей и соответствующей части работников из числа административно-управленческого персонала [9]. Это достигается за счет инвестиций в цифровизацию (красная кривая): по мере развития капитальные затраты уменьшаются, возникают эксплуатационные расходы на обслуживание системы. Финансовый результат, как разница между доходами и расходами в функции времени (голубая кривая) показывает, что переход через «0» происходит при двухкратном превышении затрат на цифровизацию. Это позволяет сформировать в бюджете статьи на развитие университетского комплекса.

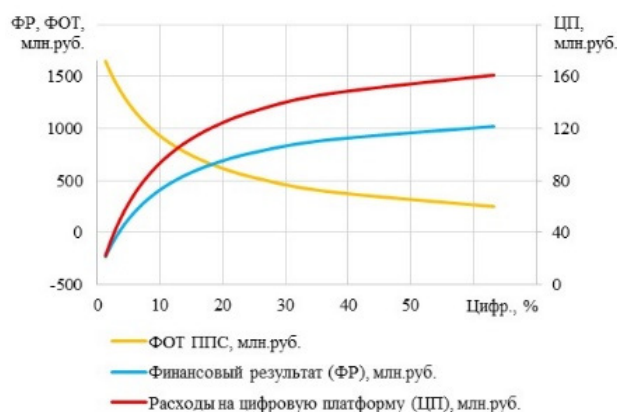

Рис. 2 – Моделирование

Несмотря на то, что представленный результат (рис. 2) получен по данным, представленным отраслевым университетским комплексом, результаты репрезентативны по отношению к большинству региональных образовательных организаций, реализующих программы профессионального образования. Разница будет определяться различным соотношением статей бюджета и различным уровнем развития информационной образовательной системы. Анализ пространства деятельности образовательных организаций показывает, что существующий уровень развития информационных образовательных систем вполне позволяет обеспечить перевод части образовательных программ в цифровую среду – требуются лишь политическая воля и поддержка учредителя / регулятора. Возникает вопрос оценки устойчивости системы в переходный период.

Используем для оценки устойчивости системы энтропийный аппарат. История использования в экономических науках энтропийного подхода весьма обширна и охватывает процесс бюджетирования, управления ресурсами, систем управления и пр. [10]. Исторически понятие «энтропия» появилось в работах Рудольфа Клаузиуса и обозначала меру хаоса, или меру неупорядоченности в любой системе, 1865 год. Эта мера оказалась настолько удачна, что быстро проникла во многие области знания. Различают детерминированную энтропию и вероятностную энтропию.

Для удобства энтропию нормируют: 0 – абсолютно идеальная, совершенная система; 1 – абсолютный хаос, смерть системы. Работа социально-экономических систем осуществляется в интервале от 0 до 1. Наиболее эффективное функционирование живых систем происходит при значении энтропии 0,62.

Перейдем к оценке устойчивости.

$dS \geq 0$ – энтропия Клаузеуса,

$S - S_0$ – энтропия Больцмана,

$H = -k \sum_{i=1}^N p_i \ln p_i$ – энтропия Шенона.

Устойчивость системы определим по энтропии Шенона

$$H = f\left(\ln \frac{p_i}{p_{max}}\right). \quad (5)$$

Задача – оценить, как развивается вся система в целом.

Критерий устойчивости системы:

$$\frac{dP}{dt} \leq 0, \quad (6)$$

$$\text{где } P = \frac{dH}{dt}.$$

Если система находится вблизи от равновесия, то

$$\frac{d^2H}{dt^2} \leq 0.$$

Рассмотрим, каким образом развивается система во времени (рис. 3). Красная кривая соответствует неустойчивым системам, зеленая – устойчивым системам, желтая – нейтральным системам.

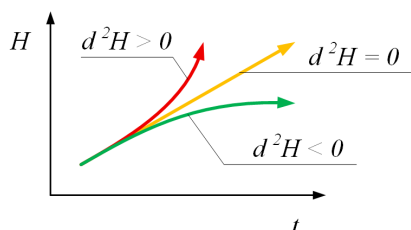

Рис. 3 – Оценка устойчивости системы

Экономико-математический анализ за 10 лет реализации проекта трансформации показывает устойчивость системы. Энтропия Шеннона равна -9,057, годовой финансовый результат составляет 470,9 млн. руб.

На энтропию экономических показателей переходного процесса университетского комплекса будут влиять как внутренние, так и внешние факторы.

Внутренние факторы:

Экономические процессы. Конкурсные процедуры за получение контрольных цифр бюджетного приёма, конкуренция на региональном рынке образования, формируют системные потери, которые увеличивают энтропию [11].

Качество экономического механизма. Низкое качество бюджетного планирования, низкая доля добавленной стоимости платформенного образования, что может привести к росту энтропии.

Институты. С их помощью снижается термодинамическая энтропия системы за счёт воздействия на информационную энтропию людей, входящих в систему. Например, институты меняют набор возможных вариантов дей-

ствий, чтобы исключить те варианты, которые могут разрушить систему, и иногда добавляют новые варианты, полезные для развития системы в целом [12].

Внешние факторы:

Конъюнктура рынка. Несмотря на то, что авторы не разделяют отнесение образования к услуге, некоторые признаки «рыночности» этого процесса все же присутствуют: спрос, предложение, равновесная цена и пр. Рыночные механизмы системы образования несовершенны и компенсируются государственным управлением.

Взаимодействие систем. Более устойчивые научно-образовательные экосистемы, или системы с меньшим уровнем энтропии обычно притягивает больше ресурсов и быстрее развивается.

Передача энтропии между системами. Так как экономические системы – открытые, энтропия может перетекать из одной системы в другую. Такой переток может быть как простым горизонтальным (между одноуровневыми системами), так и более сложным, перекрёстным между разными видами энтропии в разных системах.

Анализ результатов

Основным результатом работы является экономико-математическая модель трансформации отраслевых региональных университетов, относимая к классу моделей оптимального планирования – формализация целей экономического развития, возможностей и средств их достижения [13]. Использование такой модели по мнению авторов обеспечит устойчивость развития. Описанная модель может быть использована как комплексно, так и частично: в разрезе структурных подразделений (институтов, факультетов, филиалов). В последнем случае необходимо разбивать основные затраты пропорционально контингенту обучающихся.

Предложенная модель является основой стратегии развития отраслевого регионального университета. Представленная статья – это ответ на вопрос: «Как учить?». В процессе формирования стратегии предстоит переосмыслить и другие вопросы:

1) Кого предстоит учить? Предстоит идентифицировать целевую аудиторию применительно к обществу и бизнесу. Предстоит определить, каковы потребности и интересы целевой аудитории, каковы ожидания, какой запрос на среду (физическую и виртуальную).

2) Чему необходимо учить? Предлагаемый подход к переводу части образовательной программы на цифровую платформу позволяет реализовать практически любые образовательные программы, в том числе технически сложные программы в области транспорта, сопряженные с тренажёрной подготовкой обучающихся.

3) Кто будет учить? Предстоит описать модель идеального преподавателя, методиста, тьютора, воспитателя, менеджера в контексте образовательных программ. Очевидно, что с учетом реализации образовательных программ на основе цифровой платформы требования к преподавателю включают как традиционные навыки, так и цифровые.

Результатом такой трансформации является улучшение качества образовательного продукта за счет повышения качества ресурсного обеспечения, а также приобретение системой управления университетом необходимой гибкости и адаптивности. Результаты работы могут представлять интерес: для команд управления образовательными организациями и их филиалов; учредителей отраслевых университетов; специалистов HR-блоков корпораций.

Заключение

Сегодня во всём мире наблюдается увеличение интереса к образованию со стороны государства и бизнеса.

Государство в попытках найти источник технологического и экономического лидерства, а бизнес в поисках конкурентных преимуществ пытаются управлять системой подготовки кадров. В деятельность университетов все чаще встраиваются квазирыночные механизмы: предоставление субсидий и грантов на развитие на основе конкуренции, а в некоторых случаях с использованием территориальной и отраслевой принадлежности; использование нормативно-подушевого финансирования; регулирование процесса выбора образовательных услуг через систему государственных информационных систем, позволяющих принимать решения относительно выбора поставщика требуемых услуг и сравнения уровня качества таких услуг.

Такие механизмы приводят к дифференциации университетов, обнаруживая весьма узкий коридор решений для вузов, имеющих показатели ниже медианных значений: слияние, ликвидация, или продолжение существования при имитации деятельности. Первые два варианта представляют собой «хирургию» плохо неработающей системы. Последний – переход в режим ожидания. В статье предлагается альтернативный вариант – «лечение» системы на основе доступных технологий в обществе. Результат формирует в двух плоскостях управления: первая плоскость внутренняя – команда управления университетом, вторая плоскость внешняя – учредитель и система попечителей/наблюдателей университета. Сопротивление переменам со стороны сотрудников будет неизбежно. Однако, при неформальном подходе к процессу и согласованности плоскостей управления результатом будет обеспечение устойчивого развития и трансформация традиционного регионального университетского комплекса в среду притяжения лидеров.

Литература

1. Гаранин, М. А. Модель трансформации отраслевых транспортных образовательных организаций / М. А. Гаранин, А. М. Збарский // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 1721–1736.
2. Зборовский, Г. Е. Ресурсность научно-педагогического сообщества: административный и мобилизационный подходы к анализу / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 881–894.
3. Воронцова, А. В. Мониторинг внедрения программ воспитания в вузах Российской Федерации / А. В. Воронцова, О. Б. Скрябина // Ярославский педагогический вестник. – 2024. – № 1(136). – С. 78–88.
4. Методические рекомендации по разработке рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы образовательной организации высшего образования (утв. Министерством науки и высшего образования Российской Федерации 29 декабря 2023 г.).
5. Каравашкина, Р. И. Заработная плата и благоприятные условия труда как факторы совершенствования труда интеллектуальных работников (на примере преподавателей вуза) / Р. И. Каравашкина, Ю. Р. Гуро-Фролова, Е. В. Киселева // Экономика труда. – 2022. – Т. 9, № 10. – С. 1645–1658.
6. Збарский, А. М. Модель региональной отраслевой транспортной экосистемы инновационного развития / А. М. Збарский, М. А. Гаранин, Д. В. Горбунов // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 5. – С. 1927–1938.
7. Донских, О. А. РПД-логия и совершенствование образования в XXI в / О. А. Донских, В. И. Разумов // Профессиональное образование в современном мире. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 168–174.
8. Баймурзина, А. А. Задача «сделать или купить» / А. А. Баймурзина // Мавлютовские чтения : материалы XV Всероссийской молодежной научной конференции : в 7 т.,

Уфа, 26–28 октября 2021 года / Уфимский государственный авиационный технический университет. Том 1. – Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2021. – С. 124–128.

9. Цифровые «кентавры» в образовании / М. А. Гаранин, А. Ю. Максименко, К. С. Веляева, В. В. Золотарева // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 12. – С. 7907–7926.
10. Грачев, С. А. Энтропийный подход к оценке уровня цифровизации в Российской Федерации / С. А. Грачев, М. Л. Быкова // Проблемы развития территории. – 2022. – Т. 26, № 3. – С. 42–55.
11. Лисутин, О. А. О влиянии внешних факторов на распределение бюджетных контрольных цифр приема между вузами / О. А. Лисутин // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. – 2022. – № 2(34). – С. 122–132.
12. Таненкова, Е. Н. Возможности измерения институтов и институциональных изменений в современной экономической науке / Е. Н. Таненкова // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2020. – Т. 18, № 1. – С. 45–56.
13. Волков, В. Т. Методика трансформации образовательных организаций на основе фрактально-кластерной теории / В. Т. Волков, А. М. Збарский, М. А. Гаранин // Лидерство и менеджмент. – 2023. – Т. 10, № 3. – С. 871–886.
14. Блинкова, С. А. Методика оценки инновационных проектов в транспортной отрасли / С. А. Блинкова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 4. – С. 190–195.
15. Garaniin, M. A. Mission of Samara State Transport University / M. A. Garaniin, M. A. Gnatyuk, E. G. Khorovinnikova // BRICS Transport. – 2023. – Vol. 2, No. 4.
16. Блинкова, С. А. Развитие инновационных секторов в России и за рубежом / С. А. Блинкова, Е. М. Разумовская, К. С. Веляева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 6. – С. 235–244.

University development strategy based on platform education Zolotareva V.V.

Volga State Transport University

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The article is devoted to the development of a strategy for the university complex based on platform education. The relevance of the study is determined by the need to overcome institutional and resource-related contradictions that hinder the modernization of transport education under conditions of limited resources. The aim of the work is to create an economic and mathematical model of the transformation of the educational process, ensuring sustainable development and improving the quality of personnel training. The object of the study is a sectoral university complex, while the subject is the resource provision of educational activities during the transition to a platform model. The study employs methods of institutional economics and socio-economic systems modeling. The practical significance lies in the formation of tools for strategic management of university development, enabling the integration of digitalization, personnel sustainability, and increased efficiency of educational programs. This research is part of a comprehensive scientific project aimed at improving the system of sectoral transport education, carried out at the Volga State University of Railway Transport.

Keywords: development strategy, platform education, university complex, digitalization, institutional economics, system sustainability, economic and mathematical model, resource provision, transport education.

References

1. Garaniin, M. A. Model of transformation of industrial transport educational organizations / M. A. Garaniin, A.M. Zbarsky // Issues of innovative economics. – 2023. – Vol. 13, No. 3. – pp. 1721–1736.
2. Zborovsky, G. E. Resourcefulness of the scientific and pedagogical community: administrative and mobilization approaches to analysis / G. E. Zborovsky, P. A. Ambarova // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. – 2022. – Vol. 22, No. 4. – pp. 881–894.
3. Vorontsova, A.V. Monitoring the implementation of educational programs in universities of the Russian Federation / A.V. Vorontsova, O. B. Scriabina // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2024. – № 1(136). – Pp. 78–88.
4. Methodological recommendations for the development of a work program for education and a calendar plan for the educational work of an educational organization of higher education (approved by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation on December 29, 2023).

5. Karavashkina, R. I. Wages and favorable working conditions as factors for improving the work of intellectual workers (using the example of university teachers) / R. I. Karavashkina, Y. R. Guro-Frolova, E. V. Kiseleva // *Labor economics*. – 2022. – Vol. 9, No. 10. – pp. 1645-1658.
6. Zbarsky, A.M. Model of the regional sectoral transport ecosystem of innovative development / A.M. Zbarsky, M. A. Garanin, D. V. Gorbunov // *Economics, entrepreneurship and Law*. – 2024. – Vol. 14, No. 5. – pp. 1927-1938.
7. Donskikh, O. A. Methodology and improvement of education in the 21st century / O. A. Donskikh, V. I. Razumov // *Professional education in the modern world*. – 2022. – Vol. 12, No. 1. – pp. 168-174.
8. Baymurzina, A. A. The task of "making or buying" / A. A. Baymurzina // *Mavlyut readings : proceedings of the XV All-Russian Youth Scientific Conference : in 7 volumes, Ufa, October 26-28, 2021 / Ufa State Aviation Technical University. Volume 1. Ufa: Ufa State Aviation Technical University, 2021. pp. 124-128.*
9. Digital "centaurs" in education / M. A. Garanin, A. Y. Maksimenko, K. S. Velyaeva, V. V. Zolotareva // *Economics, entrepreneurship and Law*. – 2024. – Vol. 14, No. 12. – pp. 7907-7926.
10. Grachev, S. A. An entropic approach to assessing the level of digitalization in the Russian Federation / S. A. Grachev, M. L. Bykova // *Problems of territorial development*. – 2022. – Vol. 26, No. 3. – pp. 42-55.
11. Lisutin, O. A. On the influence of external factors on the distribution of budget admission control figures between universities / O. A. Lisutin // *Actual problems of economics and management*. – 2022. – № 2(34). – Pp. 122-132.
12. Tanenkova, E. N. The possibilities of measuring institutions and institutional changes in modern economics / E. N. Tanenkova // *Bulletin of Omsk University. Series: Economics*. – 2020. – Vol. 18, No. 1. – pp. 45-56.
13. Volov, V. T. Methodology of transformation of educational organizations based on fractal cluster theory / V. T. Volov, A.M. Zbarsky, M. A. Garanin // *Leadership and management*. – 2023. – Vol. 10, No. 3. – pp. 871-886.
14. Blinkova, S. A. Methodology for Evaluating Innovative Projects in the Transport Industry / S. A. Blinkova // *Humanities, Social Sciences, and Economics*. – 2024. – No. 4. – Pp. 190-195.
15. Garanin, M. A. Mission of Samara State Transport University / M. A. Garanin, M. A. Gnatyuk, E. G. Khorovinnikova // *BRICS Transport*. – 2023. – Vol. 2, No. 4.
16. Blinkova, S. A. Development of Innovative Sectors in Russia and Abroad / S. A. Blinkova, E. M. Razumovskaya, K. S. Velyaeva // *Humanities, Social Sciences, and Economics*. – 2024. – No. 6. – Pp. 235-244.

Можно ли оценить уровень элитности как свойство личности и характеристику социальной группы в развивающейся организации

Карпенко Александр Геннадьевич

докторант программы DBA, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, agk2899537@yandex.ru,

Киселев Владимир Дмитриевич

доктор делового администрирования, профессор практики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, f1f2f3f4@rambler.ru

Понятие «элита» в классической и современной научной практике имеет широкие разночтения. По этой причине его корректнее называть концептом, который указывает направления его раскрытия и по этой причине имеет свойство открытости. Концепт «элита» содержит в себе ассоциации с качеством результата отбора, с избранностью, с её активной ролью (легальным доминированием и социально-приемлемым насилием) в конвертации доступных социуму ресурсов и с высоким групповым статусом, основанном на результативной экспертности и доверии к ней, а часто - с закрытостью автономной, саморегулирующейся группы членства и/или интересов; с «жречеством» и аристократией как властью лучших, с силой и возможностью навязывания своей системы ценностей и принуждения к ней. Эта статья посвящена теоретическому обобщению концепта «элита» применительно к развивающимся организациям и системам разного рода и уровня.

Ключевые слова: элита в социуме, контр-элита, не-элита, супер-элита, социальная стратификация, ранговое Н-распределение, социальный лифт, этапы формирования и циркуляция элит, социальный переворот, результат технологических сдвигов, кооптация новых членов, конвертация ресурсов, теория элит.

Введение

Про элиту в государстве, про причины и принципы её формирования говорил в стародавние времена в своём трактате «Государство» Платон.

Николло Макиавелли в средневековые наблюдал (исследовал и описывал) поведение представителей элитных групп.

В девятнадцатых-двадцатых веках появились научные работы итальянцев В.Парето, Р.Михельса, Г.Моска, которые размышляли о власти элитного меньшинства над большинством. Они сделали это объектом и предметом научных исследований, предложили критерии принадлежности и качественные/количественные методы оценки этого сложного общественного явления.

Американские элитаристы Г.Лассуэлл и П.Блау говорили о развитии социальных и сетевых организационных структур во времени как о циклической смене (трансформации) доминирующих элит.

Обобщенная формулировка повторяющейся проблемы, обнаруживаемой исследователями-элитологами на разных ценологических уровнях и этапах развития описываемых ими организаций: «В изменяющейся (в том числе технологически) внешней среде социума элита (узкая группа внутри социума, которая ему служит) как закрытая система (подсистема) без ресурсной циркуляции (обязательной двунаправленной коммуникации, «социальных лифтов», кадрового и компетентностного обновления, ресурсной технологической подкачки) склонна к вырождению, что неизбежно порождает цепочку последовательных и взаимосвязанных драматических социальных переворотов в социуме.

Обзор литературы

Зарубежные исследователи элит

Среди зарубежных исследователей элит, в том числе и политических, следует упомянуть очень известные имена: Вилифредо Парето (1848–1923; теория элит, руководящего социального слоя, направляющего жизнь всего общества; Парето-распределение (правило 80/20)); Гаэтано Моска (1858–1941; теоретически обосновал неизбежность разделения общества на господствующее меньшинство и подвластное большинство); Роберт Михельс (1876–1936; ученик Г. Моска и М. Вебера, описал политическое поведение интеллектуальной элиты; формулировал «железный закон олигархии»: «Любая форма социальной организации неизбежно вырождается во власть немногих избранных — олигархию».); Карл Генрих Маркс (1818–1883; создатель классовой теории; экономическая и политическая стратификации общества); Талкотт Парсонс (1902–1979; основатель структурного функционализма; принципы динамического равновесия и функционального единства общества как целостной социальной системы); Тома Пикетти (род. 1971; провел исследование причин и последствий неравенства доходов); Миллс Райт Чарльз (1916–1962; автор знаменитой книги «Властвующая элита», в которой описал отношения внутри групп элит; размышлял о циркуляции элит и стабилизации общества), Вебер Максимилиан Карл (1864–1920; автор научной работы «Протестантская этика и дух капитализма»; один из основоположников социологии; теория бюрократии); Пьер Бурдьё (1930–2002; влиятельный социолог двадцатого века, изучал механизмы воспроизводства социальных иерархий; считал, что «символическое

насилие легитимирует социальные формы господства»; писал о «политическом поле» и взаимной конвертации капиталов разной природы); Йозеф Алоиз Шумпетер (1883–1950; популяризировал в экономической теории концепты «созидательное разрушение», «элитарная демократия» и «инновация»; исследовал динамику (циклы, прогресс и экономический рост) рыночной системы); Гарольд Лассуэлл (1902–1978; дал определение для термина «элита» – группа лиц «обладающих наибольшей властью»; написал классическую научную работу «Техника пропаганды во время мировой войны»; размышлял о классификациях элит и о способах защиты от «правлящих элит» для общества. В своей работе «Власть и личность» утверждал, что представитель элиты стремится к обладанию в максимальной степени всеми благами: «власть, знание, богатство, здоровье, умение, привязанность, уважение и моральность». Эти блага могут задавать сегментацию элитных групп по видам основной деятельности); Питер Майлс Блау (1918–2002; один из основоположников теории социального обмена, занимался исследованием бюрократии как организационной и социальной структурой и источниками изменения в организациях их структур); Дарендорф Ральф Густав (1929–2009; автор теории социального конфликта; результат конфликта – динамические изменения в социальной системе общества); Веблен Торнстейн Бунд (1857–1929; автор книги «Теория праздного класса: экономическое исследование институций»; «эффект (парадокс) Веблена» (неразумное решение, принятое под общественным и психологическим давлением); демаркация и солидарность), а ещё Герт Х., Даль Р., Домхофф У., Келлер С., Мур Г., Уорнер У., Филд Г.Л., Хигли Дж. и другие.

Российские исследователи элит

Среди российских исследователей элит, которые смогли исследовать и выявить специфику трансформации структур, функционирования, рекрутирования и циркуляции элит следует выделить имена ученых: Афанасьев Михаил Нисенбаумович (механизмы доминирования российских элит; темы клиентелизма и неопатримониализма); Ашин Геннадий Константинович (крупный теоретик, основатель российской школы элитологии); Барсенов Александр Семенович (механизмы формирования и функционирования российских элит); Барсукова Светлана Юрьевна (экономические отношения бизнес-элит с государством и его политические решения); Бунин И.М. (исследование взаимодействия основных бенефициаров политико-экономических трансформаций в России – политических и бизнес-элит); Веденов Александр Михайлович (инструменты властного взаимодействия элит); Гаман-Голутвина Оксана Викторовна (крупный теоретик, специализируется на сравнительном анализе российских и западных процессов образования элит); Дука Александр Владимирович (считал, что в исследованиях элит (с методологическими ограничениями и возможностями) можно их представлять либо функциональными группами или социальным слоем или в качестве институтов); Кочетков Александр Павлович (изучал практики взаимодействия элитных и неэлитных групп, а так же суть влияния элит на политический режим); Крыштановская Ольга Владимировна (провела эмпирический анализ состава советской и постсоветской элиты (номенклатуры) и классифицировала способы их ротации); Курочкина Антонина Владимировна (ценностные ориентации управленцев, представителей властных структур, состав правящего класса и его динамики); Магомедов Арбахан Курбанович (региональные правящие элиты и региональные идеологии); Макарин Аркадий Викторович (исследование роли политических институтов в формировании элит и их отношений с граждан-

ским обществом); Михеев Сергей Александрович (политолог; служение элиты, разложение элиты, мораль и нравственность; военная элита); Мохов Виктор Павлович (исследование механизмов преемственности власти в региональных элитах и процессы их трансформаций); Пастухов Владимир Борисович (исследование неформальных институтов управления и специфики «властных вертикалей», взгляд на элитологию через призму конституционного права и политической философии); Перегудов Сергей Петрович (эволюция моделей отношений и групп интересов корпорации, общества, государства); Овсей Ирмавич Шкаратан и Вадим Валерьевич Радаев (последователи П.Бурдьё, конвертация капиталов), Андрей Юрьевич Мельвиль и Владимир Игоревич Пантин (последователи теории модернизации и транзита С. Хантингтона); Петров Николай Владимирович (при решении задачи исследования структуры российской политической элиты использовал неформальные сети и аппарат сетевого анализа); Понделков Александр Владимирович (основатель (вместе со А.М. Старостиным) научной школы элитологии; исследование компетентности и политической культуры региональных административно-политических элит); Сельцер Дмитрий Григорьевич (исследование трансформаций административно-политических элит в современном мире); Сорокин Питирим Александрович (автор книги «О деградации элит и отрицательной селекции», автор теория социальной мобильности); Старостин Александр Михайлович (основатель (вместе с А.В. Понделковым) научной школы элитологии; исследования в области теории элит и их истории; эффективности управления государственной и муниципальной власти; вопросы кадровой политики) и многих других российских ученых.

Темы и теоретические обобщения для концепта «элита»

Опираясь на работы зарубежных и российских исследователей элит, можно выделить несколько ниже перечисленных обобщающих тем, направлений исследований.

Концепт «элита» содержит в себе ассоциации с качеством результата отбора (от франц. *élite* – лучшее, отборное, избранное), избранности, с её активной ролью (доминированием) в конвертации доступных ресурсов и высоким групповым статусом, и часто - с закрытостью автономной, саморегулирующейся группы членства и/или интересов.

Элита - это может быть социальная страта (слой, правящий класс, клан, функциональная группа, институт, коллективный капитал); небольшая группа (меньшинство) людей (узких специалистов, уникальных профессионалов) наиболее ценная для общества, которым делегированы права на управление; лучшие особ; образцы (стереотипы) поведения и образа (стиля) успешной жизни; обезличенный сегмент некоторой целостной общности, имеющий некоторые ресурсные преимущества (в том числе социальные статусы, связи, мировоззренческие позиции, мудрость, мужество); жилой район или конкретное жильё, учебный класс (группа, поток, курс, подразделение, факультет, вуз, ассоциация выпускников) или сам образовательный процесс как способ отбора в элиту; очень влиятельная политическая, культурная, научная, производственная или духовная группировка, имеющие доступ к распределению ресурсов (привилегий, рентных потоков) и управлению по праву рождения, состоятельности и/или одаренности.

Стартовыми факторами отбора в «элиту» могут оказаться личные качества (предрасположенности) личности или её соответствие актуальным ситуативным требованиям (вызовам) внешней среды. Элита как группа может

формироваться, следуя двум взаимосвязанными и взаимодополняющими тенденциям: сверху (принцип лояльности к существующей власти) и снизу (принцип согласованной координации распределения ресурсов).

Смена существующей и перезревшей (объективно упаднической) элиты происходит за счет созревшей контр-элиты, что приводит к развитию социума, но не обязательно ресурсно позитивному.

Элита – это всегда про групповую дифференциацию (правящая элита, контр-элита и не-элита); про границу между социальными стратами (узнавание своих по установкам, манерам, стилю, способам восприятия мира, статус естественный и неоспаримый); про разделение членов социума по ресурсам; про способ адаптации социума к драматичным изменениям в турбулентные периоды (войны, революции, катастрофы, технологические и культурные сдвиги), вызовам и противоречиям; про высокую внутригрупповую организованность, про власть, влияние, привилегии (преимущества потомков) и доминирование в обществе узкой (небольшой) группы, про перехват власти, инкорпорирование носителей иной корпоративной культуры (актуально при слияниях и поглощениях).

Концепты «элитный» и «элитарный», производные от общего корня «элита» имеют примерно такие же ассоциации, но часто первый – это про объекты потребления, отбора, качества селекции, люксовый, премиумный, а второй – это про некоторое дистанцирование (возможность/невозможность) доступа и продуктивного применения для определенного круга пользователей (можно, но не всем, а только VIP). Ключевая тема – отбор качественной (методологически подготовленной) элиты (её продуктивность, результативность, эффективность и синергичность в своей и общегрупповой деятельности). Умение представителей элиты делать адекватные обобщения (концептуализацию затруднений, операционализацию своих решений и деятельности) в сложных ситуациях. Наблюдаемость, контролируемость, управляемость и влияние. Умение делегировать полномочия. Умение синергично конвертировать различные капиталы (ресурсы).

С темой «элита» обязательно связана мифология имеющая архетипические этапы, образующие цикл: мечта о рождении героя (будущей элите) → рождение героя → герой-неудачник → герой-победитель (разовая победа, кандидат на элитность, рождение мифа о герое) → герой-воцарившийся (реальная элита) → смерть героя → герой-бог (кристаллизация текста мифа о герое) → распад (рутинизация) мифа о герое → новая мечта о рождении героя.

Фрагментация элит по локациям: федеральный центр, региональные центры, по институции: государственная власть и крупные корпорации, важно понимать про их объемное взаимодействие и противоборство.

Также важны и значимы такие темы: критерии отбора и отсева; организация и функционирование социальных лифтов (для человека или группы); определение этапов формирования и циркуляция элит; процессы вырождения (деградации, упадка, коррупции); преемственность; кооптация новых членов и членов старой элиты; устойчивое развитие (воспроизводство) элиты, закрепление, сохранение, передача по наследству; социальная мобильность (вертикальная (восходящая, нисходящая), горизонтальная), дауншифтинг, назначенческие механизмы формирования элиты, трансформации элит, ротация кадров, старение элит; прогностика социальных переворотов как результаты технологических сдвигов, войн и миграций; власть и влияние; способы конвертации ресурсов (инфраструктур) в процессе деятельности элит; мягкая (инфлюенсеры) и жесткая (формальная аристократия,

бюрократия, политическая (партийная) элита, технократическая, технологическая, креативный класс) элиты; что такое суперэлита и её культурный капитал; символы элитарности и карго-культы элитарности (внешние признаки элитарности, атрибуты успешной системы без понимания внутренних механизмов); престижное потребление; этика элиты (ответственность, убеждение социума, навязывание своих смыслов и категорий мышления остальному обществу как единственно верных и законных), идеология и ценностный профиль элиты; роль и судьба элиты как реформатора; формирование "санкционной элиты" — групп, получивших доступ к активам ушедших иностранных компаний; гибридные идентичности элиты; цифровое неравенство внутри элиты; взаимодействие и противостояние региональной, национальной и международной элит; элиты в развивающихся трудовых коллективах.

Несколько исследовательских вопросов

- Существуют ли механизмы сохранения активной позитивной конструктивной роли и высокого влиятельного статуса для большинства (или некоторого количества) членов прежней элитной группы при резком изменении внешних условий для социума членства элиты?
- Существует ли компактная система метрик, способная достаточно полно и корректно описать взаимоотношения элиты и социума?
- Существуют ли объективно измеряемые признаки (атрибуты) по которым в социуме можно выделить элитную группу (с её общими интересами, формальными и неформальными ценностями, целями и связями) и определить уровень и основания для её доминирования?
- Возможно ли существование в одном правовом, политическом и культурном пространстве нескольких поразному определяемых (определяющихся) элит?
- Всегда ли развитие элитной группы заканчивается переворотом, который характеризуется существенным ресурсным приращением для элитной группы и всего социума, переходом (квантовым скачком) на качественно новый желательный уровень?

Методология

Проведенное авторами исследование опирается на системно-ценологический подход. Использован сетевой анализ, как способ визуализации формальных и неформальных связей, профессиональных и других социальных контактов. Этот способ облегчает и систематизирует понимание взаимной проблематики отношений акторов и дает возможность качественной и количественной оценки механизмов принятия решений, которые могут быть целенаправленными и/или нецеленаправленными, гармоничными и/или противоречивыми, формальными и/или неформальными. Для стратификации уровней в социуме использовано гиперболическое ранговое Н-распределение, предложенное Б. Н. Кудриным.

Фрагментация элиты по видам основной деятельности

Пьер Бурдьё проводил различие в обществе между достаточно автономными «социальными полями», дифференцируя их по видам деятельности, например, поля искусств и поля политики. Питер Блау исследовал процессы взаимного (не всегда равновесного, иногда конфликтного) ресурсного обмена в межличностных и межгрупповых отношениях, приводящих к изменениям в социальной структуре, ценностях и целях, ролях и статусах.

На рисунке 1 представлен вариант динамической сетевой фрагментации полицентричной элиты по видам её основной деятельности. По сути, этот сетевой граф отображает поля власти в социуме, поля влияния ключевых

акторов на специфические ресурсы общества, поля проблематик взаимоотношений между акторами (элитными группами) в социуме.

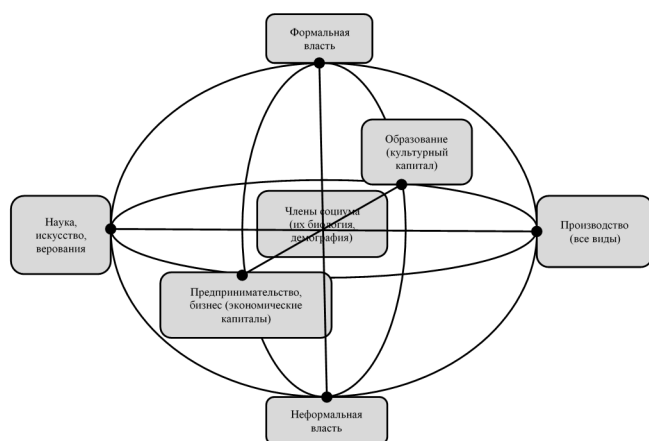

Рисунок 1 Фрагментация элиты по видам основной деятельности

Источник: Составлено авторами

В центре графа находится элитная групп, характерная своей биологией и демографией. Далее располагаются представители науки, искусства, верований. Далее – группа образовательной элиты, производственной (в широком смысле; технократической) элиты, предпринимательской и бизнес-элиты. В верхней части графа находятся представители формальной доминирующей легитимной элиты (законодательная, исполнительная и судебная власти, а также «четвертая информационная власть», она же медиакратия). В нижней части графа размещается неформальная социальная (общественная) власть (как легитимная, так и не легитимная).

Надо отметить динамику возможностей, когда конкретный человек, на некоторое время его жизни, может войти (или переместиться) в качестве лидера или маргинала в одну или несколько элитных групп, представленных на рисунке 1.

Инструмент, описанный выше, позволяет оценить степень (уровень) элитности и/или степень элитной акцентуированности человека (или группы людей). Таким образом может быть оценена глубина вхождения или не вхождения актора в те или иные элитные группы.

Если говорить об элите с точки зрения биологической популяции *Homo sapiens*, то речь пойдет о слое (группе) индивидов, характеризующихся эволюционно значимыми признаками доминирования в социуме: физическими, репродуктивными и адаптивными. Такой тип элитарной группы определяется при отборе объективными метриками генетического и физического здоровья, отсутствия вредных мутаций и хронических заболеваний, стратегий выживания и когнитивного долголетия, супериммунитетом, достаточным разнообразием (в группе членства), телесной привлекательности для устойчивого репродуктивного успеха, более высокой фертильностью для передачи генов своему следующему поколению. Группа, чтобы обеспечить в естественном отборе доминирование её генов в следующем поколении, должна быть характерна в первую очередь этим параметрами, а не социальными конструктами. Для предотвращения деградации группы и социума в целом, для осуществления через конкуренцию гармоничного баланса в группе и социуме разработаны и применяются в практике разнообразнейшие индивидуальные и групповые способы объективного сравнения, замера, диагностики и прогностики. Питирим Сорокин говорил об объективном неравенстве и процессах отрицательного отбора из членов одной популяции

(группы *Homo sapiens*) по биологическим, физиологическим, психологическим и нравственным свойствам. Люди неравны по своему возрасту (принадлежности к поколению), индивидуальному этапу развития личности, жизненному групповому и индивидуальному опыту и гендерной принадлежности, уровню и типу культуры и так далее.

Элиты научные – те, кто составляют «мозговые центры», кто управляет процессами, приводящими к научным прорывам, фундаментальным или прикладным открытиям, патентованию технологий, к проведению результативных НИОКР, инициативных (самостоятельных) или поддерживаемых государствами и корпорациями. Они создают (задают) фокусы для нарративов в обществе, формируют тренды для развития, лоббируют бюджеты развития и будущее социума.

Элиты духовные – это высоко моральные авторитетные нравственные целостные личности или группы, «совесть нации», «праведники мира», ориентированные в первую очередь в условиях кризиса на интересы общества и задающие обществу гуманистическую этику, ценностные концепты смысла жизни, трансцендентного опыта и фундаментальных (м.б. религиозных) знаний (истин), динамики развития, совести, чести, долга; задающие динамику развития общества. Концентрация на этих характеристиках отличает элиту духовную от культурной элиты, которая фокусируется в первую очередь на эстетике и производстве интеллектуальной деятельности. Элиту духовную характеризует независимость от сложившейся в социуме конъюнктуры, потребительской и/или политической целесообразности.

Элиты искусства – узкий круг выдающихся рефлексизирующих творцов-катализаторов, публичные работы которых выходят за грань повседневности, иногда нарушая границы табуированных тем и проблем; расширяют восприятие и провоцируют переосмысление окружающей объективной действительности с последующими трансформациями; формируют эстетику бытия и формы выражения в социальных коммуникациях; задают интеллектуальные тренды и их обсуждение; могут формировать и задавать идентичность групп; стимулировать тренды (моды) на отраслевых рынках в экономике.

Элита культурная формирует и формулирует социальные нормы и практики, консервативные и/или авангардные тренды развития общества, генерационные (поколенческие) сдвиги в его идентичности; контролирует и сохраняет символическое и смысловое пространство общества как социальный капитал; определяет цели и ценности, этику и эстетику деятельности себя как группы; формулирует (фильтрует, интерпретирует) для широкой аудитории (национальной и мировой) легитимные и нелегитимные культурные коды, нарративы, также публичные дискурсы в медиа; отражает актуальную реальность и конструирует возможные образы будущего, трактовки прошлого.

Элиты образовательные – круг социальных институтов (иногда закрытых) и высокообразованных физических лиц, которые могут создавать точки роста (для перехода в элиту) для талантливых учащихся и их наставников; могут индуцировать новые концепции и задавать уровень интеллектуальной и профессиональной подготовки будущих и актуальных лидеров, принимаемых обществом; выстраивать для отфильтрованных отбором лидеров целостную систему их ценностей и целей, их групповое мировоззрение, их картины мира и поведения, адекватные актуальным внешним вызовам. Образовательные элиты имеют легитимное право на присвоение выпускникам «символического образовательного капитала» в виде признаваемых обществом престижных титулов, дипломов и сертификатов; имеют право на сертификацию специалистов, обладающих «истинным знанием» (оно задается

через контроль рейтингов научных журналов и публикации в них); имеют право доступа к корпорациям своих выпускников. Глобальные университеты и их сотрудники, разнообразнее архитекторы образовательных реформ, технологические визионеры, меценаты, частные фонды – это социальные институты, в которых развивается образовательная элита. При равных стартовых условиях образование провоцирует возникновение меритократии, когда статус и влияние человека в обществе определяется только способностями и одаренностями, реализованными в талантах и квалификациях, в продуктивном трудолюбии на благо общества.

Элиты производственные – высший слой руководителей-технократов в сфере промышленного производства (владельцы; топ-менеджеры; ключевые специалисты; визионеры; отраслевые экономисты, ученые и технологи; финансовые магнаты; силовики как представители государства; олигархи), контролируют инновационные, технологические и управленческие процессы, влияют в целом на производственную деятельность средних и крупных организаций, формируют региональную, национальную и мировую экономики.

Элиты предпринимательские и бизнес-элиты – общепринятые и влиятельные в деловом сообществе слои высококомпетентных специалистов и собственников (и их наследников/преемников), способных принимать стратегические управленческие решения, которые приводят к созданию ключевых экономических активов на отраслевых рынках. Они имеют возможность привлекать внешние инвестиции (отечественные и иностранные) и развивать до значительных размеров собственные капиталы частных организаций. Они формируют правила, практики, стандарты и законы деловой культуры, задают в ней разнообразные тренды развития.

Элита общества формальная (политическая легитимная) – представители трех ветвей власти (исполнительной, законодательной и судебной), с официально закрепленным правом на управление в государстве, с правом обязательств и действий в рамках законодательства, с правом принятия управленческих решений, стратегических для социума. Сюда же следует отнести и «четвертую власть» – информационную. Медиакратия, которая так же обладает легальными полномочиями и значительной степенью влиятельности в управлении обществом. Право на власть этих четырех групп признается национальным и международными сообществами как законное. Продуктивность, результативность, эффективность и синергичность деятельности элиты этого вида основана на соблюдении ею установленных общественных договоренностей для обеспечения стабильности государства и гармоничного учета интересов всех слоев общества, на доверии к ней широких слоев граждан. Это первый контур управления обществом.

Элита общества неформальная – это второй контур управления обществом, иногда скрытый, неструктурированный и неформальный, а иногда открытый. Он может быть легитимным и нелегитимным, и даже криминальным. Власть неформальных сетей, общественных организаций и их лидеров может быть очень существенной, опираться не на формальную должность в организации и/или групповой статус, а на харизму, высококачественную экспертизу, интеллектуальный авторитет, на умение модерировать конфликтные интересы членов группы с минимизацией взаимных рисков, на доступ к разнообразным ресурсам (время, пространство, материалы, энергии, людским, информационным и технологическим инфраструктурам, способам мотивации продуктивной деятельности). Очень значимо для лидеров группы знание неформальных внутренних кодексов чести и членства, а также

обладание эксклюзивной информацией об уязвимых точках, проблемных темах, предметных областях и коммуникационных каналах, для получения дополнительных для группы предпочтениях. Вход в неформальную открытую и закрытую элиту, соответственно, может быть мягким или жестким, с подтверждением прошлых заслуг, с рекомендациями, с длительными проверками на практическую деятельностьную компетентность, на лояльность и надежность.

На исследовательский вопрос: «Возможно ли существование в одном правовом, политическом и культурном пространстве нескольких по-разному определяемых (определяющих) элит?» – ответ будет положительным.

Инструмент, представленный на рисунке 1 обладает свойствами самоподобия (фрактальности), что позволяет его разворачивать (конкретизировать) в любом направлении. На рисунке 2 представлен пример такого разворачивания, что позволяет делать результаты измерения инструментом более тонкими и точными, напр., для исследования суперэлит.

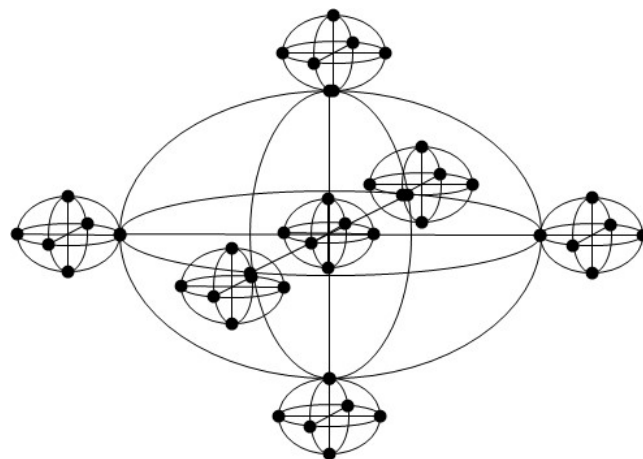

Рисунок 2. Фрактальная структура социума
Источник: Составлено авторами

Ресурсы

Актуальные затруднения, противоречия, формулировки частных проблем и общих проблематик авторы предлагают описывать при помощи метрик для ресурсов: укрупненно физических и укрупненно психологических, которые соответственно можно описывать двумя группами инфраструктур: физические (время, пространство, материала и артефакты, энергии как драйверы физических изменений), психологические (социальное, информационное, технологическое, мотивационно-деятельностное как драйвер психологических изменений). [Киселев, 2020]

Каждая из восьми, перечисленных выше, метрик может быть (по мере необходимости) более подробно описана своими производными, напр., для метрики «пространство» – точка, отрезок, линия, фигура на плоскости, плоскость, фигура в пространстве, пространство.

Использование перечисленных выше метрик позволяет нормализовать предлагаемые для обсуждения и последующего исследования текстовые формулировки проблем, которые часто могут быть некорректно неполно или избыточно сформулированы. В них могут отсутствовать упоминания ключевых акторов и/или взаимоотношений между ними. Могут быть существенно искажены акценты и пропорции взаимного влияния акторов, сути исследуемого противоречия между ними, иногда даже само противоречие может отсутствовать. Проблема может подаваться как констатация, напр., «денег нет».

Авторы разработали методику, которая позволяет качественно описанную словами формулировку проблемы

трансформировать при помощи упомянутых восьми метрик в количественную цифровую абстрактную формулу, которая позволяет перейти от конкретной эмпирики текста, описывающего проблемную ситуацию, к очень компактному теоретическому обобщению сути заявленного противоречия. После этого можно провести рефлексию цифровой структурированной формулировки и внести (иногда за несколько итераций) уточняющие корректирующие правки, и только после этого приступить к исследованию и решению проблемы, теперь уже в корректно уточнённой формулировке, что существенно экономит усилия исследователя и ведет к значимым результатам.

Все инструменты, описанные в данной статье, предполагают использование всех восьми ресурсных инфраструктур, позволяя их операционализировать и наполнить конкретными менеджерскими смыслами и стратегиями изменений.

На исследовательский вопрос: «Существует ли компактная система метрик, способная достаточно полно и корректно описать взаимоотношения элиты и социума? – ответ будет положительным.

Типы группового (организационного) развития (трансформации)

На рисунке 3 представлены пунктирными отрезками сценарии группового (организационного) развития. Смена существующей и перезревшей (объективно упаднической, коррумпированной) элиты происходит за счет созревшей контр-элиты, что приводит к развитию социума, перевороту, но не обязательно ресурсно позитивному. Может случиться деградация.

На исследовательский вопрос: «Всегда ли развитие элитной группы заканчивается переворотом, который характеризуется существенным ресурсным приращением для элитной группы и всего социума, переходом (квантовым скачком) на качественно новый желательный уровень?» – ответ будет отрицательным.

Модель инструмента «Формула власти как формы влияния»

На рисунке 4 представлена двухмерная модель для инструмента «Формула власти как формы влияния», которую можно применить для оценивания проявленности свойств элитности у личности. Модель разделена на две части, правая верхняя – это личные индивидуальные роли персонажа, которые он выбирает сам для достижения индивидуальных целей, левая нижняя – групповые статусы, присваиваемые персонажу группой, для установления и следования групповым ценностям. Модель содержит в себе четыре шкалы, семантических дифференциала: «Харизматическая власть (индивидуальная) (ВХ)» и «Власть формального статуса (групповая) (ВФС)»; «Мотивационная власть (индивидуальная) (ВМИ)» и «Мотивационная власть (групповая) (ВМГ)»; «Власть компетентного целеполагания лидера (индивидуальная) (ВЛ)» и «Власть «сакральных» знаний (авторитета) (ВС)»; «Власть поощрения и наказания (пряника и кнута) (ВПН)» и «Власть наказания и поощрения (кнута и пряника) (ВНП)». Все шкалы можно проградировать на отрезки с шагом 0,1, что позволяет оцифровать качественные экспертные оценки по каждой из них. Значение 0,0 означает полное отсутствие данного свойства у исследуемой личности, 1,0 – свойство ярко выражено.

«Власть наказания и поощрения (кнута и пряника)» говорит о склонности к силовой стимуляции (насилию) по отношению к ведомым, а «власть поощрения и наказания (пряника и кнута)» – о склонности к убеждающей мотивационной работе с ведомым.

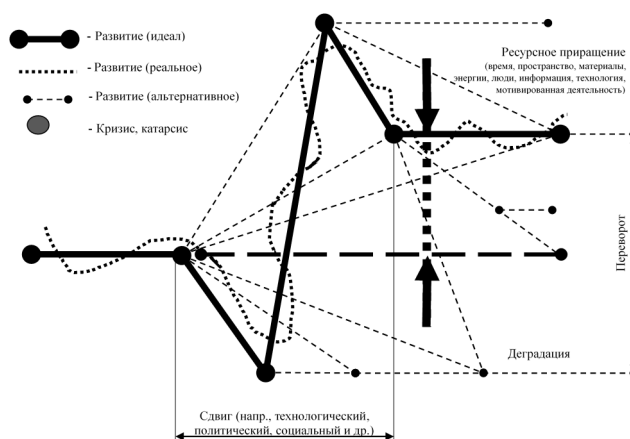

Рисунок 3 Типы группового (организационного) развития

«Власть компетентного целеполагания лидера (индивидуальная)» говорит о выраженности навыка мыслить креативно (новационно и инновационно), альтернативами и планами захвата желательных ресурсов, а «власть «сакральных» знаний (авторитета)» – о склонности действовать строго в рамках ранее установленных регламентов, жестких убеждений и морально-этических ориентиров, стабильных неукоснительных мировоззренческих установок социума.

«Мотивационная власть (индивидуальная)» говорит о способности успешно работать с одним ведомым, а «мотивационная власть (групповая)» – с группой ведомых.

«Харизматическая власть (индивидуальная)» говорит о физической возможности влиять на решения ведомого, а «Власть формального статуса (групповая)» – возможности влиять на решения ведомых, за счет их представлений о высоком легитимном статусе представителя элиты.

Рисунок 4. Двухмерная модель для инструмента «Формула власти как формы влияния»

Источник: Составлено авторами

На рисунке 5 приведен пример применения модели для оценки степени элитности для трех персонажей А, Б и В. А имеет три элитные атрибута (ВНП, ВХ, ВЛ). Б – два атрибута (ВФС и ВС). Персонаж В – все восемь элитных атрибутов, вероятно, его можно отнести к категории «суперэлита».

Инструмент может быть применен для оценки и прогноза парных или групповых взаимодействий между представителями элитной группы. Любые несовпадения элитных атрибутов можно положить в основу стандартных взаимных поведенческих стратегий (напр., сотрудничества, соперничества, следования, уклонения и компромисса).

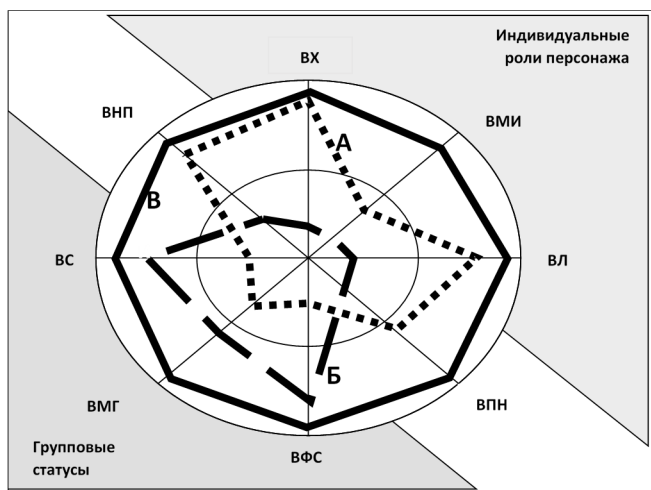

Рисунок 5. Двухмерная модель для инструмента «Формула власти как формы влияния»
Источник: Составлено авторами

Инструмент может быть положен в основу оценки ценностного профиля элиты или отдельного человека.

На исследовательский вопрос: *Существуют ли объективно измеряемые признаки (атрибуты) по которым в социуме можно выделить элитную группу и определить уровень и основания для доминирования?* – ответ будет положительным.

На рисунке 6 представлена трехмерная модель инструмента «Формула власти как формы влияния». Она позволяет оценить баланс логичных и нелогичных (целенаправленных/нецеленаправленных в рамках принятых социумом ценностей) действий (деятельности) предшественников элиты за определенный период времени на определенной территории, выработать на основании сравнений планы актуальных мероприятий и сделать прогноз по степени устойчивости/неустойчивости положения в социуме элитной группы.

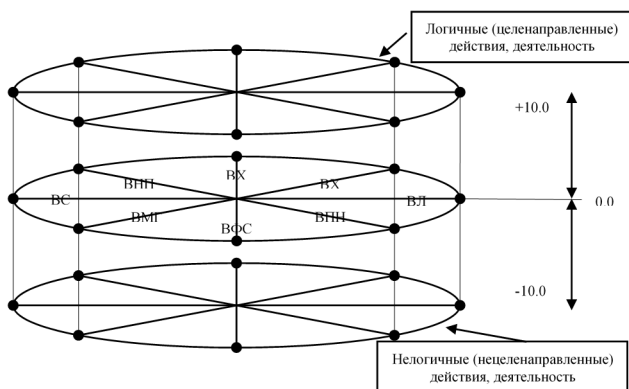

Рисунок 6. Трехмерная модель инструмента «Формула власти как формы влияния»
Источник: Составлено авторами

Логичная деятельность предполагает, что субъективные цели и ценности соответствуют объективным результатам, а средства рационально связаны с целями и ценностями (например, качественно по результатам, технологиям и срокам выполняется проект). Нелогические деятельность означает то факт, что связи между целями и ценностями, средствами и результатами нерациональны, бездоказательны (нет адекватной концептуализации) или основаны преимущественно на эмоциях, верованиях, традициях (например, защитных рационализациях, ритуалах, привычках, стереотипах, идеологизированных оправдательных теориях прошлых этапов развития).

Модель позволяет делать лонгитюдные исследования, для оценки применяемых сценариев поведения, стратегий, тактик и траектории развития элитной группы в целом или её отдельных членов.

Этапы и механизмы формирования и трансформации элиты как устойчивой группы

На рисунке 7 представлена модель этапов формирования (с наборами специфических для каждого этапа типовых проблем и видов основной деятельности) любой группы. Это, по своей сути, механизм рождения, развития, кульминации и смены идентичности (как один из возможных вариантов развития, угасания элиты как устойчивой по составу группы). Группа может обладать набором компетентностей: мягких (с учетом человеческих индивидуальностей своих членов) и жестких (без их учета). М1 – относится к кадровому менеджменту, М2 – маркетинг-менеджменту, М3 – менеджменту новаций, М4 – менеджменту знаний. Ж1 – относится к операционному менеджменту, Ж2 – финансово-ресурсному менеджменту, Ж3 – стратегическому менеджменту, Ж4 – инвестиционному менеджменту. Все точки пересечений в ромбе (рис.7) означают точки (моменты) перехода на качественно новый уровень развития компетентностей группы. Пример типовой проблемы для этапа «рождения» – пройти успешно так называемую «долину смерти», для этапа «смена идентичности» – уйти достойно, четко понимая кто во всем виноват и что надо делать. Ротация членов элитной группы внутри неё может происходить по мере освоения (или не освоения) ими тех или иных компетентностей актуальных для группы на момент рассмотрения. На рисунке есть при особые точки бифуркации: ПФ – переход группы к стратегии франчайзинга, когда накопившийся у группы «свод знаний» (своеобразная Библия) позволяет для расширения влияния группы привлекать чужие внешние средства и возможности; ПИ – переход группы для расширения своего влияния к стратегии инвестирования накопившихся у неё ресурсов; ПД – качественное и количественное изменение масштаба и структуры группы.

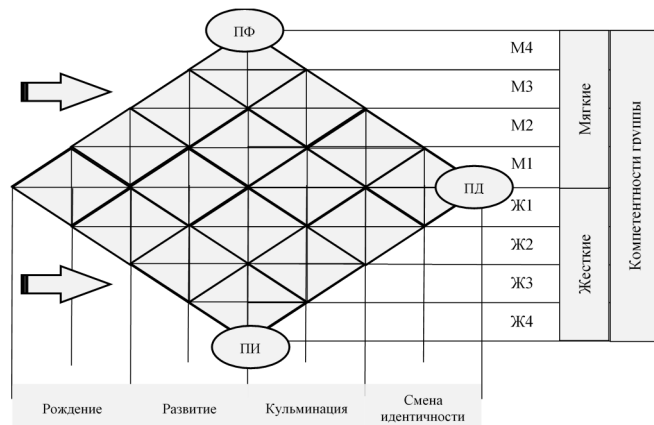

Рисунок 7. Этапы трансформации элиты как устойчивой группы.
Источник: Составлено авторами

Инструмент, представленный на рисунке 7 обладает свойством фрактальности, которое позволяет описывать не только процессы трансформации элитной группы, но процессы ротации и циркуляции элитных групп и их отдельных членов. Для этого им необходимо для новой для них проблемной ситуации обладать или максимально быстро овладеть необходимым и достаточным набором мягких и жестких компетентностей. На рисунке 8 представлена метафора укрупнённых этапов циркуляции (ротация) групп элит (Эл 1 – Эл3) и их отдельных членов.

Исследовательский вопрос: Существуют ли механизмы сохранения активной позитивной конструктивной роли и высокого влиятельного статуса для большинства (или некоторого количества) членов прежней элитной группы при резком изменении внешних (для социума) условий членства элиты?

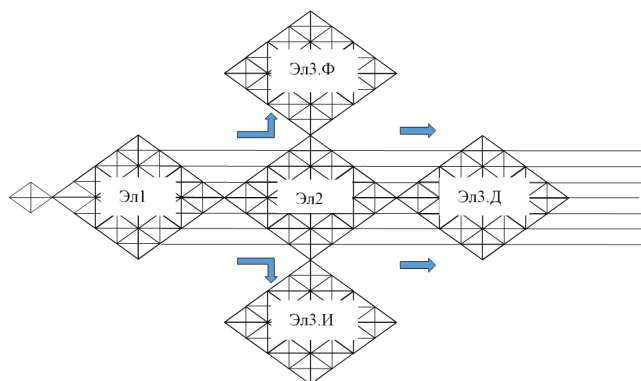

Рисунок 8. Этапы циркуляция (ротация) групп элит и их отдельных членов

Источник: Составлено авторами

Обсуждение

Фрактальные свойства инструментов, представленных на обсуждение, позволяют исследователями применять их для широкого диапазона явлений из объективной действительности.

Для инструментов представленный на рисунках 1 и 2 (фрагментация элиты по видам основной деятельности) надо отметить, что любое неравновесное накопление ресурсов (восемь типов) запускает динамики развития или даже перевороты, которые также могут возникать из-за разрывов или затруднений в двунаправленных ресурсных коммуникациях.

По мере необходимости инструменты могут быть дополнены измерительными шкалами из четырех взаимосвязанных градаций: первая шкала (наблюдаемость, контролируемость, управляемость и влиятельность) и вторая шкала (продуктивность, результативность, эффективность и синергетичность).

Отношение элит, супер-элит, анти-элит и не-элит не обязательно должны быть антагонистическими, более того они могут быть синергетическими и взаимовыгодными.

Элитные группы не должны замыкаться (закрываться от своей внешней среды), для этого карьерные лифты должны работать. Однако, излишняя открытость иногда приводит к размыванию границ, смыслов и результатов деятельности элитной группы. Не привлечение (жесткая фильтрация) новых членов, только отчасти разделяющих цели и ценности элитарной группы, на короткий период времени может приводить к существенной положительной возгонке результатов деятельности группы, но в итоге обязательно приводит к отрыву от целей и ценностей не-элиты, что может приводить к взаимным драматическим событиям.

Заключение

Элита группы - социальный клей, удерживающий, при внешнем давлении (вызовах) и внутренних противоречиях (кризисах), организационную структуру (необходимую и достаточную); гармонизирующий распределение функций на этой структуре организации; обеспечивающий устойчивую деятельность по продуктивному, результативному, эффективному и синергетичному воспроизводству значимого и ценного для контрагента конечного про-

дукта; рефлекссию (относительно заявленных группой целей и ценностей) качества и количества полученной конечной продукции; модификацию (при обнаруженных отклонениях) всех четырех выше перечисленных процессов.

На рисунках 1-8 представлены измерительные инструменты, которые могут быть операционализированы, могут быть для каждой из них предложены системы объективно измеримых ресурсных метрик. Инструменты могут быть положены в основу методик, позволяющих проводить оценку уровня элитности как свойство личности и/или характеристику социальной группы в развивающейся организации. Инструменты могут быть относительно просто оформлены в виде машинного кода с привлечением широчайших возможностей и инструментария искусственного интеллекта.

Авторы выражают осторожный пессимизм относительно реального ресурсного равенства всех членов общества в любой социальной формации, т.к. оно изменчиво по своему составу, организационной культуре, тяготеет к отбору (разделению), иерархичности и циркуляции.

На вопрос, заданный в названии этой статьи, и на четыре исследовательских вопроса, заданных в разделе «Несколько исследовательских вопросов» ответ будет положительным, т.к. если в результате социального переворота к власти приходят физически здоровые интеллектуалы, способные продуктивно, результативно, эффективно и синергетично решать возникающие перед социумом новые затруднения и противоречия; люди и/или малые группы, которые способны убеждать отдельных ключевых личностей и/или их целевые группы в адекватности внешним вызовам своих инновационных убеждений и ресурсно целенаправленно поддерживать и защищать их, т.е. это интеллектуалы обладающие значительным человеческим, культурным и образовательным капиталом (м.б. это представители анти-элитных групп), то у них есть значительных шанс удержаться во вновь образованной элитной группе и даже возглавить её.

На исследовательский вопрос: «Всегда ли развитие элитной группы заканчивается переворотом, который характеризуется существенным ресурсным приращением для элитной группы и всего социума, переходом (квантовым скачком) на качественно новый желательный уровень?» – ответ будет отрицательным.

Литература

1. Ашин, Г. К. Элитология: история, теория, современность / Г. К. Ашин. – Москва : Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2010. – 598 с. – ISBN 978-5-9228-0582-7. – EDN QILLWB.
2. Гаман-Голутвина, О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – Москва : Издательство "Политическая энциклопедия", 2006. – 446 с. – (Политология России). – ISBN 5-8243-0805-5. – EDN QOFXIN.
3. Головин, В. Г. Суперэлиты в современном мире / В. Г. Головин, Е. Е. Головина // Вопросы элитологии. – 2024. – Т. 5, № 3. – С. 119-155. – DOI 10.46539/elit.v5i3.211.
4. Дука, А. В. Исследование элит: поиск теоретических оснований // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. – СПб.: Интерсоцис, 2014. – Т. 1. – С. 399-436.
5. Исследование Forbes "Богатейшие чиновники" Эмпирические исследования 2020-х
6. Карабущенко, П. Л., Подвойский, Л. Я. & Резаков, Р. Г. (). Элитология образования: Элита и Университет. Москва: Изд-во «Экон-Информ». 2019.
7. Киселев, В. Д. Как написать авторский проектный социально-экономический кейс в формате Кейкис. Методика и сборник деловых игр. Москва : Галактика. 2020. 320 с. ISBN: 978-5-9500662-5-2.

8. Киселев, В. Д. Формула власти. // Химия и жизнь, 2018, № 2.
9. Крыштановская, О. В. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – С. 280–283
10. Макарин, В.А. Факторы устойчивости российской политической элиты // Вестник СПбГУ – Серия 6. – 1998 г. – Выпуск 3. – С. 43-52
11. Моска, Г. Правящий класс. // Социологические исследования. – 1994 г. – № 10 – С. 187-198
12. Мохов, В.П. Циркуляция элит: проблема критериев процесса // Власть и элиты /А.В. Дука (ред.). – СПб.: Интерсоцис, 2014. – Т. 1. – С. 4–18.
13. Парето, В. Трактат по общей социологии [Выдержки] // Осипова Е.В. Социология Вильфредо Парето: Политический аспект. СПб.: Алетейя, 2004. С. 77–159.
14. Понеделков, А. В. Политико-административная элита: генезис и проблемы ее становления в современной России // Элитизм в России: «за» и «против». Пермь, 2002.

Is it possible to assess the level of elitism as a personality trait and a characteristic of a social group in a developing organization
Karpenki A.G., Kiselev V.D.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The concept of "elite" in classical and modern scientific practice has wide discrepancies. For this reason, it is more correct to call it a concept that indicates the directions of its disclosure and for this reason has the property of openness. The concept of "elite" contains associations with the quality of the result of selection, selectivity, with its active role (legal dominance and socially acceptable violence) in converting available resources and a high group status based on effective expertise and trust in it, and often with the closeness of an autonomous, self-regulating group of membership and/or interests; with the "priesthood"; the aristocracy as the power of the best, with the possibility and power of imposing a value system and forcing it. This article is devoted to the theoretical generalization of the concept of "elite" in relation to developing organizations and systems of various kinds and levels.

Keywords: elite in society, counter-elite, non-elite, social stratification, H-rank distribution, social lift, stages of formation and circulation of elites, social revolution, result of technological shifts, co-optation of new members, resource conversion, elite theory.

References

1. Ashin, G. K. Elitology: history, theory, modernity / G. K. Ashin. – Moscow : Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2010. 598 p. – ISBN 978-5-9228-0582-7. – EDN QILLWB.
2. Gaman-Golutvina, O. V. Political elites of Russia: milestones of historical evolution. – Moscow : Publishing house "Political Encyclopedia", 2006. – 446 p. – (Political Science of Russia). – ISBN 5-8243-0805-5. – EDN QOFXIN.
3. Golovin, V. G. Superelites in the modern world / V. G. Golovin, E. E. Golovina // Questions of elitism. – 2024. – Vol. 5, No. 3. – pp. 119-155. – DOI 10.46539/elit.v5i3.211. – EDN APMZNM.
4. Duka, A.V. The study of elites: a search for theoretical foundations // Power and elites / Gl. ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersoci., 2014. Vol. 1. pp. 399-436.
5. Forbes study "The Richest officials" Empirical studies of the 2020s
6. Karabushchenko, P. L., Podvoisky, L. Ya. & Rezakov, R. G. (). Elitology of education: Elite and University. Moscow: Ekon-Inform Publishing House. 2019.
7. Kiselyov, V. D. How to write an author's project socio-economic case in the Keykis format. Methodology and collection of business games. Moscow : Galaktika. 2020. 320 p. ISBN: 978-5-9500662-5-2.
8. Kiselyov, V. D. Formula of power. // Chemistry and Life, 2018, No. 2.
9. Kryshstanovskaya, O. V. Anatomy of the Russian Elite. Moscow: Zakharov, 2005. pp. 280-283
10. Makarin, V.A. Factors of stability of the Russian political elite // Bulletin of St. Petersburg State University – Series 6. – 1998 – Issue 3. – pp. 43-52
11. Mosca, The ruling class. // Sociological research. – 1994 – No. 10 – pp. 187-198
12. Mokhov, V.P. Circulation of elites: the problem of process criteria // Power and elites / A.V. Duka (ed.). St. Petersburg: Intersoci., 2014. Vol. 1. pp. 4-18.
13. Pareto, V. A treatise on general sociology [Excerpts] // Osipova E.V. Sociology of Wilfredo Pareto: A political aspect. St. Petersburg: Aleteya, 2004. pp. 77-159.
14. Ponedelkov, A.V. Political and administrative elite Genesis and problems of its formation in modern Russia // Elitism in Russia: pros and cons. Perm, 2002.

Моделирование специалистами элементов объективной действительности: от случайно-интуитивной к осознанно-продуктивной деятельности

Карпенко Александр Геннадьевич

докторант программы DBA, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, agk2899537@yandex.ru,

Киселев Владимир Дмитриевич

доктор делового администрирования, профессор практики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, f1f2f3f4@rambler.ru

Статья посвящена вопросам, противоречиям, технологиям и конкретным ситуациям описания, моделирования и рефлексии объективно циклических процессов постепенного углубленного осознания специалистами содержания и условий своей повседневной и творческой проектной деятельности. Методологически корректное моделирование объектов и субъектов экономического хозяйствования с использованием современного инструментария (нейросетевого, сценарного, эконометрического, кластерного, факторного, дискриминационного и др.) может существенно повысить качество принимаемых специалистами управленческих решений для обеспечения устойчивости развития организаций и роста их экономических возможностей.

Ключевые слова: модель и моделирование, профессионализм учащегося, творчество специалиста, развитие как виток в спирали, осознанная трансформация деятельности, учение как творчество, проектная задача, новация и инновация.

Введение

Моделирование, его внутренняя сущность (что) и проявления сути (как), – давний объект исследования для человечества на всех этапах его развития. Актуальность не утрачена и сегодня. Отсутствие у специалиста-исследователя-управленца-собственника модели (всегда имеющей некоторые загромождения и упрощения) для исследуемого элемента объективной действительности порождает неопределенность в его описании прошлого и актуального поведения и в прогнозировании настоящего и будущего поведения, что может быть чревато для многих актов социума драматическими событиями.

Исследовательский вопрос: Творить сознательно сложно, а иногда весьма затруднительно (даже для представителей элитной и/или профессиональной групп). Могут ли технологии моделирования и/или обучения моделированию сделать для творцов этот процесс более продуктивным, результативным, эффективным и синергичным?

Проблема: в изменяющейся (иногда очень быстро) внешней среде существующие модели (их структуры ключевых параметров, картежей данных) объектов исследования и управления могут оказаться низко адаптивными, что недопустимо, или совсем неадаптивными из-за медленной реакции систем наблюдения, измерения (контроля) и управления на случившиеся изменения, из-за отсутствия корректной аппаратной (в широком смысле) и интеллектуальной (человеческой творческой) прогностики возможных рисков изменений.

Обзор литературы

В. В. Давыдов определял понятие модель как «форму научной абстракции особого рода, в которой выделенные существенные отношения объекта закреплены в наглядно-воспринимаемых и представляемых связях и отношениях вещественных или знаковых элементов ... на первый план выдвинуты моменты общего, существенного характера» [Давыдов, 2000]. Он говорил о модели как о продукте и инструменте познающей мыслительной деятельности человека.

Исследовательский вопрос по теме: могут ли современные ИИ (точнее, так называемые «лингвистические модели») создавать простые модели? Ответ, вероятно, положительный. Но может ли быть модель сложной? Ответ отрицательный, т.к. сложность предполагает отсутствие в ней целостной модели, адекватной изменяющейся объективной действительности. Получается, что встречающееся в профессиональной литературе и очень эмоциональное словосочетание «сложная модель» – это оксюморон, содержащий в себе слова с противоположными значениями.

Н. Н. Нечаев обращал внимание на двойственность любой модели [Нечаев, 1993], которая, с одной стороны, выступает, как система, заместителем-отражением оригинала, а с другой стороны сама оригинал, раскрывающий и воплощающий в себе принципы организации (конструирования, моделирования, копирования) своих копий (образцов). Н.Н. Нечаев, опираясь на деятельностный подход, предложил модель [Нечаев, 1987] для описания атрибуций личности специалиста (на примере архитекторов): целостность (системность); динамичность формирования и развития; иерархичность в соподчиненности и взаимосвязанности; амбивалентность (взаимодополняемость и

единство противоположных свойств); открытость для применения с различными целями в различных предметных областях (с сохранением профессиональной идентичности при модернизации и трансформации).

В статье [Киселев, 2018] предложена модель (шкала) для оценки компетентностей [Базаров, 2014] специалиста, которая состоит из четырех укрупненных взаимосвязанных градаций, отражающих суть имеющихся у оцениваемого профессиональных атрибуций: «Уровень знания своей профессиональной предметной области», «Степень умения осуществлять в ней целевую продуктивную деятельность», «Наличие и качество личных отношений и значимых взаимодействий в предметной области», «Степень и динамика личной мотивации на получение итогового результата». Каждая из перечисленных градаций делится ещё на три подградации, они оцениваются экспертно:

- «Уровень знания своей профессиональной предметной области»:

- знает и уверенно воспроизводит в коммуникациях основные понятия, термины и концепты (используемые специалистами в рамках, существующих и принятых профессиональным сообществом отраслевой парадигмы, методологий, методологических подходов, методов и методик);

- понимает их и может самостоятельно построить для конкретной профессиональной ситуации целостную концептуальную модель с полями типовых проблем, задач и типовых решений;

- принимает (как корректную) предложенную концептуальную модель и может её развивать; легко декомпозирует проблемы из «полей проблем» на «поля задач» и конкретные для исполнения задачи (в терминах «ресурсы»: время, пространство, материалы, энергии, социальное, информационное, технологическое и мотивационно-деятельностное), которые способен успешно решить; [Киселев, 2018]

- «Степень умения осуществлять в предметной области целевую продуктивную деятельность», в том числе, создавать, рефлексировать суть, применять и модифицировать модели собственного авторства:

- имеет некоторый успешный опыт что-то делать;
 - имеет целостный устойчивый навык продуктивной и результативной деятельности;

- имеет психологическую установку, адекватную внешним вызовам, на автоматическую реализацию имеющихся у специалиста знаний и умений;

- «Наличие и качество личных отношений с коллегами и значимых взаимодействий в предметной области»:

- знает (в рамках отрасли) имена профессионалов, осуществляющих успешную продуктивную профессиональную деятельность;

- может с ними выйти на профессиональный контакт и установить с ними устойчивые конструктивные отношения;

- имеет с ними устойчивые дружеские продуктивные взаимовыгодные отношения;

- «Степень и динамика личной мотивации на получение итогового результата» - могут быть экспертно оценены при помощи существующих мотивационных инструментов, напр., процессуальной модели Лоулера-Портера и оцениваться как низкая, средняя и высокая.

Модель (шкала) для оценки компетентностей специалиста может быть ещё более подробно операционализирована и положена в основу лонгитюдного исследования, использована для диагностики и прогностики жизненного цикла специалиста. Модель может быть использована как основание или доказательство для смены должностной или профессиональной идентичности специалиста.

В бизнес-практике для стабильных повторяющихся ситуаций описаны (в терминах: графические нотации, жизненные циклы, процессы, потоки, функции, иерархии, структурные декомпозиции, системы, интерфейсы, управление, механизмы и др.) и применяются несколько семейств методов моделирования, например, комбинации подходов IDEF (Integrated DEfinition) и BPMN (Business Process Model and Notation). Для стабильных, но творчество может предполагать дестабилизацию.

Специалистами, для обеспечения преемственности и смысловой навигации, облегчения обмена данными между созданными и создаваемыми моделями (в рамках предметной области), в научной литературе описано несколько десятков онтологий представления, включая онтологии верхнего порядка, и онтологий для предметных областей, включая узко прикладные (с формулировкой конкретной решаемой задачи), напр., онтология управленческих продуктов для государственного и муниципального управления.

Применение онтологий [ГОСТ Р 59798-2021] позволяет при моделировании методологически корректно анализировать и синтезировать, сравнивать и обобщать, конкретизировать и абстрагировать, классифицировать и систематизировать накопленные эмпирические знания, расширяя возможности специалистов для доказательности их логических выводов на основании разработанных моделей. Возможно, в РФ в вузах будут готовить «специалистов по моделированию (конструированию) предметных онтологий».

Существует обширный массив научных, учебных и научно-популярных публикаций посвященных математическому, численному, статистическому, имитационному, физическо-химическому, биологическому, информационному, когнитивному, графическому (3D), нейросетевому, сценарному, событийному, фреймовому, фрактальному, игровому, ситуационному, лабораторному, концептуальному, эконометрическому, бизнесовому, кластерному, факторному, дискриминационному, лингвистическому, онтологическому, педагогическому, метафорическому, функциональному, экспериментальному, другим технологиям моделирования объектов и субъектов самых разнообразных видов активностей. Перечисленный инструментарий позволяет визуализировать то, что может быть недоступным для наблюдения; корректно и достаточно полно собрать значимую информацию; верифицировать и валидизировать созданную специалистом модель объективной действительности; снизить риски наступления неблагоприятных событий; сократить ресурсные затраты; упростить для исследователя процессы познания сути и прогнозирования (интерпретации) результатов будущего поведения (развития) исследуемой сущности.

По ключевому слову «моделирование» в <https://elibrary.ru/keywords.asp> за всё время мониторинга публикаций всего найдено 18 183 словосочетаний и более 150 000 научных публикаций по ним, что свидетельствует о значительном интересе к этой теме.

По ключевому слову «проблемы моделирования» в <https://elibrary.ru/keywords.asp> за всё время мониторинга публикаций всего найдено 15 словосочетаний и (научных публикаций) по ним, а именно: проблемы моделирования (17), проблемы моделирования в психологии (2), проблемы моделирования потоков денежных средств (2), философские проблемы моделирования (2); по одной статье: проблемы моделирования бизнес-процессов, проблемы моделирования геофизических полей и процессов; интерпретация аномалий гравитационных и магнитных полей; проблемы моделирования дискурсных отношений; проблемы моделирования доходности курсов акций; проблемы моделирования поведения млекопитающих; про-

блемы моделирования показателей качества кокса; проблемы моделирования системы бюджетов; проблемы моделирования человеческого капитала; современные проблемы моделирования социально-экономических систем; фундаментальные проблемы моделирования; проблемы моделирования рисков. Методологических статей, по своей сути, среди них не оказалось практически ни одной.

Эмпирических знаний по широкому кругу конкретных примеров использования моделирования как инструмента накоплено, отрефлексировано и опубликовано много, а качественных теоретических обобщений, методологических знаний и публикаций об этом пока мало.

Методология

Методологический анализ существующих концептуальных подходов к моделированию в различных видах познавательной и созидательной деятельности, анализ их ролей и функций, их сущности и сути; системный анализ процессов и продуктов творческой деятельности; анализ программ формирования навыков творчества при проектировании профессиональной деятельности.

Применение моделей и моделирования в менеджменте

Если провести контент-анализ текста паспорта научной специальности 5.2.6. «Менеджмент» (34 направления исследований), то на рисунке 1 можно представить (по убыванию) несколько наиболее частотных словарных ассоциаций с концептом «Менеджмент». Концепт «Модель» оказался одним из наиболее значимых для этого вида профессиональной деятельности.

Менеджмент			
Управление	Организация, фирма, компания, корпорация	Методы, методология, теория	Система
Развитие (изменения)	Социум	Бизнес	<u>МОДЕЛЬ</u>
Стратегия	Предпринимательство	Инновация	Международный
Культура	Технология	Экономика	Практика
Государство	Интеллект	История	Операция
Разработка	Проект	Ресурсы (активы)	Трансформация
Решение	Маркетинг	Кадры (персонал)	Структура
Наука	Политика	Процесс	Способности
Эффективность	Логистика	Межорганизационный	Осуществление
Сеть	Ответственность	Антикризисный	...

Рис. 1. Сегментация для наиболее частотной ассоциации с концептом «Менеджмент» и позиционирование на ней концепта «Модель»

Источник: Составлено авторами

На рисунок 1 по какой-то причине в качестве частотных не попали важные для менеджерской предметной области термины: риск, этапы жизненного цикла, форма собственности, консультирование, конфликт, знания, управленческий учет, иерархия, конвертация, продуктивность, результативность, синергичность и некоторые другие.

В качестве примера применения моделирования в менеджменте на рисунке 2 представлена авторская модель [Карпенко, 2026] типовых этапов формирования проекта: рождение (начало и завершение), развитие (начало и завершение), кульминация (начало и завершение) и смена идентичности (начало и завершение). Для каждого этапа и подэтапа существуют наборы типовых специфических проблем, типовых методов их преодоления и типовых видов основной деятельности.

«Менеджмент по традиции принято делить на мягкий (с учетом человеческих качеств и компетентностей) и жесткий (без их учета). На рисунке 2 строчка М1 в матрице (ромбе) – это кадровый менеджмент, М2 – маркетинг-менеджмент, М3 – менеджмент новаций, М4 – менеджмент знаний (инноваций); Ж1 – операционный менеджмент, Ж2

– финансово-ресурсный менеджмент, Ж3 – стратегический менеджмент, Ж4 – инвестиционный менеджмент» [Карпенко, 2026].

Точки пересечений линий в ромбе (рис.2) - моменты смены ситуации (бифуркации) в проекте и переход его на качественно новый уровень развития, появление или утрата на этом этапе тех или иных менеджерских компетенций.

«На рисунке 2 есть особые точки бифуркации: НП – начало проекта; ПФ – переход команды проекта к стратегии франчайзинга, когда накопившийся у команды проекта и задокументированный «свод знаний» позволяет, для расширения влияния проекта, привлекать чужие внешние финансовые средства и возможности; ПИ - переход команды проекта для расширения своего влияния к стратегии инвестирования накопившихся у него ресурсов; ПД – качественное и количественное изменение масштаба и структуры проекта» [Карпенко, 2026].

Модель на рисунке 2 инвариантна и ценна тем, что она применима для описания процессов, полей проблем и инструментов их решения для организаций любого уровня.

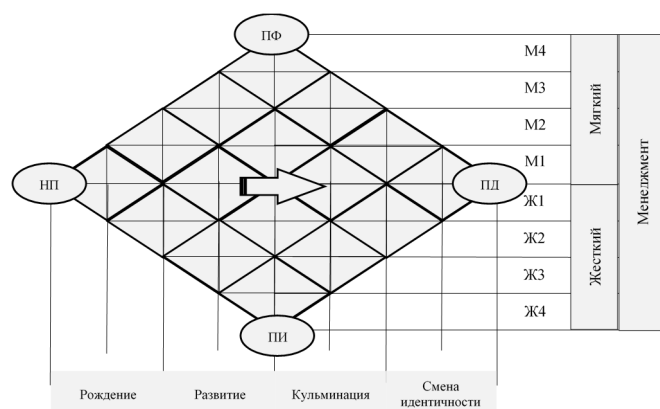

Рис 2 Модель «Этапы ресурсной трансформации проекта»
Источник: [Карпенко, 2026]

Обсуждение

Обучение моделированию надо начинать с младших классов средней школы. Например, освоение сложной для многих школьников темы «Смена времен года» можно начать с демонстрации примитивной модели: глобус, вращающийся вокруг светящейся лампочки, а можно помочь школьнику создать собственную обобщенную теоретическую модель: вращающаяся вокруг звезды планета, с некоторым углом наклона к собственной оси вращения (Солнце и Земля (у неё угол наклона 23,26°, она вращается как гироскоп), это частный случай), поверхность которой нагревает лучистая энергия звезды. Школьник относительно просто может обнаружить общую закономерность зависимости освещенности и нагрева поверхности планеты от угла её наклона, более того от этого зависит смена сезонов на планете и даже свойства её климата. Такая модель будет применима для любой пары (планета и звезда) в нашей галактике. Инсайт! Открытие! Индивидуальное открытие, которое запомнится обучающемуся навсегда!

Процессы обучения моделированию (в широком спектре предметных областей) должны продолжаться всю активную жизнь специалиста, который в своем проектном творчестве поднимается в своей профессиональной деятельности по последовательным ступенькам: продуктивности (напр., 100 лопат в час), результативности (яма, выкопанная в указанном месте с продуктивностью 100 лопат в час), эффективности (результат (яма), полученный без перерасхода ресурсов, выделенных на это) и синергичности (когда появляются дополнительные привлекательные смыслы существования

ямы, вырытой с обозначенной продуктивностью, результативностью и эффективностью).

Заключение

На исследовательский вопрос: Творить сознательно сложно, а иногда весьма затруднительно (даже для представителей элитной и/или профессиональной групп). Могут ли технологии моделирования и/или обучения моделированию сделать для творцов этот процесс более продуктивным, результативным, эффективным и синергичным? – да, могут.

Творческая осознанно-продуктивная деятельность специалиста опосредует продвижение познания от поверхностных слоев описания исследуемого объекта объективной действительности к его сути, сущности, запуская процесс возможного и желательного преобразования этой действительности.

Технологии творчества специалиста – это проектные технологии, предполагающие, по определению, создание новационных продуктов с последующими инновационными процессами их внедрения элитной и/или профессиональной группой в жизнь социума для расширения его ресурсной базы выживания, успешного функционирования и расширения.

Литература

1. Базаров Т.Ю., Ерофеев А.К., Шмелев А.Г. Коллективное определение понятия «компетенции»: попытка извлечения смысловых тенденций из размытого экспертного знания. // Вестник Московского университета. - Серия 14. Психология. - 2014. №1. - С.87-57.

2. ГОСТ Р 59798-2021 Национальный стандарт Российской Федерации, Информационные технологии, Онтологии высшего уровня (TLO), Базисная формальная онтология (BFO), Information technology. Top-level ontologies (TLO). Part 1. Basic Formal Ontology (BFO) <https://docs.cntd.ru/document/1200181577>

3. Давыдов, В.В. Виды обобщения в обучении : Логико-психол. проблемы построения учеб. предметов / В. В. Давыдов; Психол. ин-т. Рос. акад. образования. - 2. изд. - Москва : Пед. о-во России, 2000. - 478, [1] с.; 21 см.; ISBN 5-93134-060-2 <https://djvu.online/file/zGFhJOwhuixWn>

4. Карпенко, А. Г. Можно ли оценить уровень элитности как свойство личности и характеристику социальной группы в развивающейся организации/ А. Г. Карпенко, В. Д. Киселев // Экономическое развитие России. – 2026, №2

5. Карпенко, А. Г. Разработка маркетинговой продуктовой матрицы базовой кафедры на производстве (на примере высокотехнологичной и наукоемкой производственной компании) / А. Г. Карпенко, В. Д. Киселев // Экономические системы. – 2025. – Т. 18, № 2. – С. 107-129. – DOI 10.29030/2309-2076-2025-18-2-107-129. – EDN TPOYCK.

6. Киселёв В. Д. Как написать авторский проектный социально-экономический кейс в формате КЕЙКИС. Методика и сборник деловых игр. – М.: КТК «Галактика», 2020. – 320 с. ил.

7. Киселев, В.Д. Модель компетенций топ-руководителя, внедряющего новации в нефтехимической отрасли / В. Д. Киселев, О. В. Тудрий, С. Е. Новосад // Вестник МИРБИС. – 2018. – № 2(14). – С. 147-165. – DOI 10.25634/MIRBIS.2018.2.21. – EDN XSDCGD.

8. Моделирование и информационные технологии в исследовании социально-экономических систем: теория и практика : Монография / Харьковский национальный экономический университет имени Семена Кузнеця. – Харьков-Бердянск : ФЛ-П Ткачук А.В., 2014. – 604 с. – ISBN 978-966-2261-62-2. – EDN ZCEXMD.

9. Нечаев, Н. Н. Моделирование как творчество: методологические и психологические основы формирования профессиональной проектной деятельности / Н. Н. Нечаев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 563. – С. 9-34. – EDN LJMJCБ. file:///G:/001%20_%20Личности/001%20_%20Личность%20_%20Нечаев%20Николай%20Николаевич/elibrary_13502497_20376260.pdf

10. Нечаев, Н.Н. Проектное моделирование как творческая деятельность : психологические основы высшего архитектурного образования : диссертация ... доктора психологических наук : 19.00.07. - Москва, 1987. - 411 с. : ил. + Прил. (259 с.: ил.).

Modeling of elements of objective reality by specialists: from casual intuitive to consciously productive activity

Karpenki A.G., Kiselev V.D.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The article is devoted to issues, contradictions, technologies and specific situations of description, modeling and reflection of objectively cyclical processes of gradual in-depth awareness by specialists of the content and conditions of their daily and creative activities. Methodologically correct modeling of objects and subjects of economic management using modern tools (neural network, scenario, econometric, cluster, factor, discriminatory, etc.) can significantly improve the quality of management decisions made by specialists to ensure the sustainability of organizations and the growth of their economic capabilities.

Keywords: model and modeling, student's professionalism, specialist's creativity, development as a spiral in a spiral, conscious transformation of activity, learning as creativity, project task, innovation and innovation.

References

1. Bazarov T.Yu., Erofeev A.K., Shmelev A.G. Collective definition of the concept of "competence": an attempt to extract semantic trends from vague expert knowledge. // Bulletin of the Moscow University. - Episode 14. Psychology. 2014. No. 1. pp.87-57.
2. GOST R 59798-2021 National Standard of the Russian Federation, Information technologies, Higher-level ontologies (TLO), Basic formal ontology (BFO), Information technology. Top-level ontologies (TLO). Part 1. Basic Formal Ontology (BFO) <https://docs.cntd.ru/document/1200181577>
3. Davydov, V.V. Types of generalization in teaching : Logic and psychology. problems of building educational subjects / V. V. Davydov; Psychology. Institute of Russian Academy of Sciences. education. - 2nd ed. - Moscow : Pedagogical Institute of Russia, 2000. - 478, [1] p.; 21 cm.; ISBN 5-93134-060-2 <https://djvu.online/file/zGFhJOwhuixWn>
4. Karpenko, A. G. Is it possible to assess the level of elitism as a personality trait and characteristic of a social group in a developing organization/ A. G. Karpenko, V. D. Kiselyov // Economic development of Russia. – 2026, №2
5. Karpenko, A. G. Development of the marketing product matrix of the basic department in production (on the example of a high-tech and high-tech manufacturing company) / A. G. Karpenko, V. D. Kiselyov // Economic systems. – 2025. – Vol. 18, No. 2. – pp. 107-129. – DOI 10.29030/2309-2076-2025-18-2-107-129. – EDN TPOYCK.
6. Kiselyov V. D. How to write an author's project socio-economic case in the KEYKIS format. Methodology and collection of business games. Moscow: CTC "Galaktika", 2020. 320 p. ill.
7. Kiselev, V.D. The competence model of a top manager introducing innovations in the petrochemical industry / V. D. Kiselev, O. V. Tudriy, S. E. Novosad // The Messenger of MIRBIS. – 2018. – № 2(14). – Pp. 147-165. – DOI 10.25634/MIRBIS.2018.2.21. – EDN XSDCGD.
8. Modeling and information technologies in the study of socio-economic systems: theory and practice : Monograph / Semyon Kuznets Kharkiv National University of Economics. Kharkiv-Berdyansk : F.P. Tkachuk A.V., 2014. 604 p. ISBN 978-966-2261-62-2. EDN ZCEXMD.
9. Nechaev, N.N. Modeling as creativity: methodological and psychological foundations of the formation of professional project activity / N. N. Nechaev // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. – 2009. – No. 563. – pp. 9-34. – EDN LJMJCБ. file:///G:/001%20_%20Личности/001%20_%20Личность%20_%20Нечаев%20Николай%20Николаевич/elibrary_13502497_20376260.pdf
10. Nechaev, N.N. Design modeling as a creative activity : psychological foundations of higher architectural education : dissertation ... Doctors of Psychological Sciences : 19.00.07. - Moscow, 1987. - 411 p. : ill. + Adj. (259 p.: ill.).

Проектно-ориентированный подход к трансформации оргструктуры управления устойчивостью переменного контингента в образовательной организации

Киреев Сергей Павлович

соискатель кафедры Менеджмента ИБДА, РАНХиГС,
sergiodekir@gmail.com,

Дмитриев Антон Геннадиевич

к.экон.н., доцент, доцент кафедры Финансового и инвестиционного менеджмента, РАНХиГС, dmitriev-ag@yandex.ru

Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации систем управления высшим образованием к динамичным изменениям внешней среды и росту требований переменного контингента обучающихся к комфортности образовательной среды [4, 7]. Цель статьи — разработка и обоснование организационно-управленческой модели повышения структурной устойчивости переменного контингента на основе интеграции проектного подхода в функциональную структуру университета [3, 9]. Объектом исследования выступает система управления структурной устойчивостью переменного контингента Университета «Синергия» [9]. В работе выявлены недостатки действующей функциональной структуры: высокая административная нагрузка, запутанность коммуникационных связей, удаленность лиц, принимающих решения, от конечных потребителей образовательных услуг. Предложена оригинальная модель трансформации, предполагающая формирование в рамках существующей иерархии децентрализованного проектного блока на основе управляющего и студенческого советов [16, 20]. Разработан итеративный алгоритм внедрения организационных изменений, базирующийся на циклах обратной связи и адаптивного регулирования. Научная новизна заключается в обосновании двойственной природы проектного элемента: сочетания административного каркаса (регламенты) и ценностно-ориентированной самоорганизации (проектные команды) [10, 17]. Результаты исследования могут быть применены в практике управления образовательными организациями высшего образования, реализующими программы работы с молодежью и студенческим самоуправлением.

Ключевые слова: проектный менеджмент, структурная устойчивость, переменный контингент, образовательная среда, организационная структура, студенческий совет, управляющий совет, алгоритм внедрения.

Введение

Современная образовательная парадигма характеризуется смещением фокуса с сугубо академических результатов на создание комфортной, адаптивной и инклюзивной образовательной среды [5, 8]. Данный тренд усиливается под влиянием демографических процессов, роста конкуренции на рынке образовательных услуг и трансформации ценностных установок поколения Z и Альфа [15, 19]. В этих условиях одним из ключевых факторов конкурентоспособности вуза становится структурная устойчивость переменного контингента — способность образовательной системы удерживать обучающихся на протяжении всего периода подготовки, минимизируя отсев и обеспечивая высокий уровень удовлетворенности процессом обучения [9, 20].

В Университете «Синергия» накоплен значительный опыт реализации проектного управления в различных сферах деятельности. Однако, как показал предварительный анализ, существующая функциональная структура управления устойчивостью контингента не в полной мере отвечает требованиям динамично меняющихся ожиданий студентов. Наблюдается разрыв между административными механизмами контроля и потребностью обучающихся в соучастии в формировании образовательного пространства [10, 18].

Проблема исследования заключается в противоречии между:

- необходимостью обеспечения управляемости и нормативного соответствия образовательной деятельности;
- потребностью в гибких, децентрализованных механизмах, способных оперативно реагировать на запросы студентов и вовлекать их в процесс совершенствования образовательной среды [12, 16].

Цель настоящей работы — разработка и теоретическое обоснование модели трансформации организационной структуры управления структурной устойчивостью переменного контингента на основе интеграции проектно-ориентированного элемента в действующую функциональную архитектуру вуза [3, 11].

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Диагностика текущего состояния организационной структуры управления устойчивостью контингента Университета «Синергия» [9].
2. Выявление недостатков и «узких мест» в коммуникационных и иерархических связях.
3. Обоснование выбора проектной структуры как базиса для децентрализованного блока управления [1, 17].
4. Разработка архитектуры нового организационного элемента с распределением ролей (управляющий совет, студенческий совет).
5. Формирование итеративного алгоритма внедрения изменений, адаптированного к специфике образовательной организации [14].

Обзор литературы

Теоретический базис исследования составляют работы классиков организационной теории (М. Вебер, А. Файоль), труды по проектному управлению (И. Адизес, PMI) [11], а также современные исследования, посвященные адаптации гибких методологий в образовательной среде [3, 7].

М. Вебер, обосновывая концепцию рациональной бюрократии, заложил основы иерархического построения организаций, что долгое время оставалось доминирующей парадигмой в государственном и образовательном секторах. Однако, как отмечают Володин В. В. и Хабаров В. И., в условиях высокой неопределенности бюрократические структуры демонстрируют недостаточную адаптивность [14].

Переход к проектно-ориентированным формам управления рассматривается в работах Леонова М. Е. и Хабарова В. И., где обосновывается эффективность интеграции проектных команд в функциональные структуры для повышения операционной гибкости [1, 17]. В контексте образовательных организаций проблематика структурной устойчивости контингента исследовалась Полевым С. А., акцентирующим внимание на человеческом потенциале и социализации [9].

Анализ литературы показывает наличие устойчивого интереса к вопросам трансформации оргструктур вузов, однако недостаточно проработанными остаются:

- механизмы интеграции студенческого самоуправления в архитектуру проектного управления [10, 18];
- алгоритмизация процесса внедрения проектных элементов в сложившуюся функциональную структуру с минимизацией сопротивления изменениям [2, 6].

Настоящее исследование призвано восполнить указанные пробелы.

Результаты исследования

Диагностика текущей организационной структуры

Модернизация образовательных систем требует комплексного набора ключевых показателей эффективности (КПЭ) для обеспечения адаптивности и устойчивости в условиях колебаний числа учащихся [20]. Эти ключевые показатели эффективности должны включать скорость принятия административных решений, эффективность каналов коммуникации и успех инициатив, направленных на создание стабильной среды обучения.

Проектный подход, использующий широкий спектр инструментов и методологий, обеспечивает надежную основу для интеграции и оптимизации процессов управления [1, 11]. Эта структурированная методология не только повышает операционную эффективность, но и способствует кардинальным изменениям в системе управления образованием. Основная цель - достижение измеримых результатов в установленные сроки, что достигается за счет стратегического распределения ресурсов и тщательного выполнения задач.

Следовательно, парадигма проектирования становится важнейшей основой, значительно повышающей адаптивность и устойчивость образовательных систем в ответ на динамичные внешние факторы [3, 17]. Этот подход подчеркивает исключительную важность структурированного и целенаправленного подхода к управлению образованием, гарантирующего, что образовательные учреждения сохраняют гибкость и быстроту реагирования на меняющиеся потребности заинтересованных сторон. Это, в свою очередь, способствует сохранению их структурной целостности и эксплуатационной эффективности.

Отметим особенности текущей структуры управления устойчивостью переменного контингента в Университете «Синергия» [9], а именно высокая степень функционального распределения обязанностей по направлениям деятельности университета с минимальными функциональными коммуникациями. При этом зажатость структуры характеризуется высоким уровнем администрирования, что снижает возможность структуры быстро адаптироваться под высокие темпы изменения предпочтений переменного контингента. Условная схема действующей структуры представлена на рисунке 1.

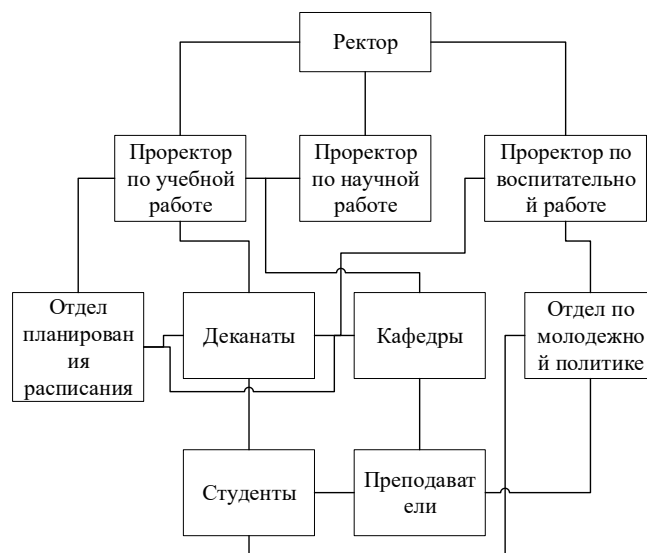

Рисунок 1. Условная схема организационной структуры управления структурной устойчивостью переменного контингента Университета «Синергия»

Источник: составлено автором

По данным представленной схемы отметим, что взаимосвязи между подразделениями отличаются высокой степенью запутанности. Высокая степень запутанности в представленной структуре характеризуется концентрацией на административных вопросах и низким взаимодействии с обучающимися относительно улучшений уровня комфортности образовательной среды.

Такой подход к организации процессов управления структурной устойчивостью обладает рядом преимуществ и недостатков. Например, цели и задачи изначально устанавливаются менее эффективные поскольку отсутствует представление о потребностях обучающихся, акценты в формировании образовательной среды делаются преимущественно для соблюдения правительственных норм, с минимальным учётом потребностей обучающихся [5, 8]. В результате анализа сложившейся организационной структуры мы приходим к выводам, о том, что действующая система управления структурной устойчивостью переменного контингента Университета «Синергия» не соответствует требованиям динамичной внешней среды, сложившейся из ожиданий переменного контингента о комфорте образовательного процесса [9, 15].

Тщательный анализ предлагаемой организационной структуры выявил существенный недостаток в каналах коммуникации между администрацией университета и важнейшими заинтересованными сторонами, в частности студентами. Это структурное несоответствие препятствует бесперебойному функционированию процессов социализации и образования, что приводит к снижению вовлеченности студентов [10, 18]. Нынешней системе обучения явно не хватает прозрачности, что искажает представление о состоянии образовательной среды, комфорте и предпочтениях учащихся. Эта проблема часто усугубляется индивидуальными организационными приоритетами, что приводит к фрагментарному и менее связанному процессу обучения.

В результате возникает настоятельная необходимость в обновлении существующей организационной структуры для улучшения взаимодействия со студентами и повышения их комфорта и удовлетворенности в рамках более широкой образовательной системы [12, 16]. Интеграция этой обновленной структуры с эмпирическими данными будет способствовать достижению идеального уровня структурной стабильности в рамках меняющегося контингента студентов некоммерческого образовательного учреждения.

Стремительный рост административных сложностей, усугубляемый укоренившимся сопротивлением управленческого персонала, представляет собой серьезное препятствие для поддержания равновесия в сложной системе обучения студентов [2, 6]. Недостаток как формальных, так и неформальных каналов коммуникации в сочетании с отсутствием важных иерархических связей способствует бесконтрольному господству бюрократических правил в академической среде университета. Такая ситуация, характеризующаяся недостатками в коммуникационной инфраструктуре, непреднамеренно ослабляет адаптационные возможности учреждения и создает условия, способствующие административной монополизации.

Очевидно, что нынешний подход к управлению структурной стабильностью в ответ на колебания численности учащихся выделяет значительную часть ресурсов на разрешение конфликтов между социальным и административным компонентами образовательной среды. Для решения этой постоянной проблемы необходимо заменить часть существующих иерархических структур более децентрализованной структурой [16, 20]. Это преобразование повысит адаптивность пересмотренной системы к динамичной внешней среде, оптимизирует как административные, так и социальные процессы и, следовательно, уменьшит конфликты интересов между заинтересованными сторонами.

Крайне важно подчеркнуть, что полная реструктуризация организационной структуры крайне нежелательна из-за значительных финансовых и ресурсных последствий, связанных с такой трансформацией [1, 17]. Более того, такое глубокое изменение устоявшихся отношений, вероятно, вызовет сопротивление в академическом сообществе, потенциально подрывая эффективность предлагаемых изменений.

Учитывая эти соображения, целесообразно использовать существующие механизмы проектирования для повышения эффективности и адаптивности организации [3, 11]. Благодаря созданию специализированных "проектных групп" организационная матрица может быть легко интегрирована в существующую функциональную структуру. Это подразделение, основанное на матрице, будет включать компонент саморегулирования, которому будет поручено внедрять инициативы, направленные на повышение структурной устойчивости динамично развивающейся рабочей силы, и участвовать в них. Такой подход позволяет проводить более детальную и контролируемую эволюцию организационной структуры, сводя к минимуму разрушительные последствия масштабной реструктуризации и максимально увеличивая потенциал для постепенного повышения операционной эффективности и стратегической адаптивности.

Обоснование выбора организационной структуры

Децентрализованные системы обладают высокой степенью операционной гибкости, превосходящей возможности централизованных систем [20]. Эта гибкость основана на автономном функционировании каждого компонента, что способствует динамическому взаимодействию и снижает жесткость, присущую иерархическим структурам. Парадигма децентрализации обеспечивает автономию отдельных элементов и способствует справедливому распределению обязанностей посредством коллективных процессов принятия решений, тем самым способствуя созданию более устойчивой и адаптивной архитектуры системы.

В отличие от этого, централизованные структуры демонстрируют большую эффективность на начальных этапах внедрения благодаря своей упрощенной организационной архитектуре. Тем не менее, важно понимать, что

простота внедрения не гарантирует достижения желаемых результатов. Централизованные системы могут сталкиваться с ограничениями в плане масштабируемости и адаптивности, особенно в динамичных средах, характеризующихся быстрыми изменениями и меняющимися требованиями заинтересованных сторон.

Учитывая текущее состояние научных исследований и в соответствии с требованиями Министерства науки и образования Российской Федерации, крайне важно разработать систему, учитывающую многогранные потребности всех заинтересованных сторон. Мы предлагаем гибридную структуру проекта, которая объединяет как социальные, так и административные компоненты, используя преимущества как децентрализованного, так и централизованного подходов [16, 17]. Предлагаемая структура направлена на сохранение существующих механизмов управления стабильностью меняющейся рабочей силы при одновременном повышении общей устойчивости и адаптивности системы.

Нами был проведен сравнительный анализ централизованных и децентрализованных систем управления, в результате из всех возможных вариантов для решения текущих проблем лучше всего подходит проектно-ориентированная модель. Результаты проведенного анализа представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика типов структур применительно к задаче управления устойчивостью контингента

Критерий	Функциональная структура (текущая)	Матричная структура	Проектная структура (предлагаемая)
Скорость реакции на запросы студентов	Низкая	Средняя	Высокая
Уровень вовлеченности студентов	Отсутствует	Эпизодический	Системный
Сложность внедрения в существующую архитектуру	—	Высокая	Средняя
Риск конфликта с иерархией	—	Высокий	Низкий
Необходимость изменения уставных документов	—	Частичная	Минимальная

Источник: составлено автором

Проектные структуры в отличие от матричных значительно проще формировать внутри функциональных структур, поскольку они базируются на схожих принципах за исключением более низкого уровня иерархичности в проектных [1, 3]. Поскольку в рассматриваемом нами ВУЗе уже существует проектное управление и его принципы заложены в базовую функциональную структуру внедрение нового проектного элемента не встретит иерархических преград [9]. Новый элемент организационной структуры позволит снизить существующую нагрузку на элементы, непосредственно взаимодействующие с обучающимися в образовательном процессе за счет перераспределения социальных и административных потоков между специализированными «проектными командами». Схема нового структурного элемента представлена на рисунке 2.

Пересмотренная организационная структура формализовала роли руководства и студенческих советов как специализированных "проектных команд", тем самым повысив их оперативную интеграцию и эффективность [10, 18]. Управляющий совет выступает в качестве куратора

проекта, контролируя и формализуя решения, принимаемые Студенческим советом, обеспечивая их соответствие законодательной и нормативной базе. Кроме того, Управляющий совет действует как административный фильтр, получая указания от исполнительного руководства университета и выборочно делегируя задачи в рамках установленных Студенческим советом полномочий.

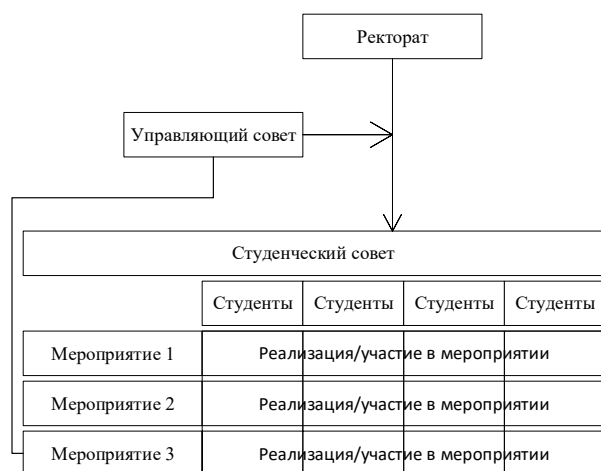

Рисунок 2. Схема нового организационного элемента в структуре управления устойчивостью переменного контингента образовательной организации.
Источник: составлено автором

В двойном качестве Студенческий совет выполняет функции координатора проекта и менеджера, эффективно определяя приоритеты целей проекта, обосновывая потребности в финансировании, составляя отчеты о результатах проекта и отчитываясь о них [12, 19]. В этом качестве Студенческий совет подчиняется непосредственно руководителю проекта, предоставляя исчерпывающую документацию и обеспечивая подотчетность. Кроме того, Студенческий совет берет на себя обязанности, соответствующие третьему компоненту трансформационного механизма, который специально разработан для управления адаптируемостью и стабильностью быстро развивающегося студенческого сообщества.

Как руководитель проекта студенческого совета, наша организация отвечает за формирование проектных команд, распределение конкретных ролей между каждым членом и тщательный контроль за выполнением мероприятий [16]. Коллективный характер студенческого совета в сочетании с его систематическими внутренними процедурами распределения заданий обеспечивает эффективное выполнение его многогранных обязанностей.

Студенческий совет играет решающую роль в поддержании структурной стабильности студенческого сообщества, способствуя созданию независимой учебной среды [10, 18]. Такой подход не только повышает комфортность обучения, но и способствует более глубокому вовлечению в академические занятия. Студенческий совет играет важную роль в создании надежной институциональной структуры, которая может динамично адаптироваться к меняющимся потребностям и чаяниям студентов.

В результате усовершенствованная организационная модель, разработанная для повышения устойчивости структуры студенческого сообщества, позволяет студентам активно формировать свою образовательную среду [5, 8]. Эта инициатива направлена на удовлетворение важнейших потребностей в активном участии, признании и возможностях для самовыражения. Оптимизированная структура позволяет образовательной организации максимально эффективно использовать имеющиеся ресурсы, тем самым поддерживая стабильность в среде

учащихся и создавая среду обучения, соответствующую ожиданиям современной молодежи от институционального образования [15, 19].

Алгоритм внедрения организационных изменений

Научные исследования, основанные на теоретических основах и практическом применении в области науки управления, подчеркивают критическую важность организационной структуры в более широком контексте управления [14]. Этот основополагающий принцип был предметом интенсивных научных исследований с начала 20-го века, а основополагающий вклад Макса Вебера стал поворотным моментом в развитии теории организаций.

Новаторская работа Вебера представила систематическую методологию совершенствования общих принципов управления и организационных функций, явно направленную на оптимизацию операционной эффективности. Его аналитическая концепция предполагала разделение организационных структур на отдельные компоненты, установление четких иерархических связей между этими элементами и определение конкретных функциональных ролей для каждого компонента в производственном процессе. Такой структурированный подход не только прояснил управленческие функции, но и значительно повысил операционную эффективность за счет систематического распределения обязанностей между различными уровнями управления.

Внедрение иерархических древовидных диаграмм для описания организационных структур стало важным достижением в современной корпоративной архитектуре, коренным образом изменив ландшафт организационного проектирования и управления [2, 6]. Этот фундаментальный прорыв впоследствии был подкреплен значительным вкладом научных исследований и практического применения, что привело к повсеместному внедрению механизмов управления в качестве важнейших инструментов для достижения организационных целей в различных секторах экономики. Более того, появление многофункциональных организационных структур стало краеугольным камнем современных парадигм управления, оказав глубокое влияние на теорию и практику организации.

Непреходящее значение управления проектами как ключевого стратегического инструмента достижения успеха в организации неразрывно связано с непрерывной эволюцией организационных структур [1, 11]. Разумное размещение организационных элементов, установление иерархических связей, оптимизация каналов коммуникации и разъяснение функциональных обязанностей для каждого подразделения имеют решающее значение для повышения эффективности управления и результативности организации. Эти структурные компоненты являются основополагающими для содействия достижению организационных целей, подчеркивая важнейшую роль организационной структуры в более широких рамках теории и практики управления.

В этом контексте эволюция модернизированных организационных структур требует тщательного согласования с уникальными характеристиками образовательных учреждений и строгими требованиями методологий управления проектами [3, 7]. Такое согласование обеспечивает оперативную эффективность и стратегическую согласованность, способствуя созданию организационной среды, способствующей успешному достижению целей. Интеграция этих принципов необходима для повышения устойчивости и адаптивности организации во все более сложной и динамичной среде.

Эмпирическое исследование подчеркивает критическую важность функциональной организационной структуры как основной основы для осуществления значитель-

ных организационных преобразований [14, 17]. Отличительная архитектура функционального управления Университета Синергия отличается эффективной интеграцией технологий проектирования, что значительно ускоряет создание новых организационных подразделений с помощью проектно-ориентированных команд [9]. Этот инновационный подход сочетает в себе модульность и гибкость, обеспечивая динамичную адаптацию к меняющимся образовательным парадигмам и институциональным задачам.

Примечательной особенностью новой организационной структуры является ее дуалистический характер, охватывающий как нормативные, так и проектно-ориентированные аспекты [16, 20]. С одной стороны, целостность недавно созданного организационного подразделения требует надежной нормативно-правовой базы для обеспечения слаженности работы и соответствия требованиям. Это особенно важно, учитывая автономный статус студенческого совета, который действует независимо и не входит в традиционную штатную или административную иерархию. С другой стороны, проектный компонент структуры смягчает чрезмерное регулирование, способствуя высокой степени самоорганизации и адаптивности.

Для устранения внутренней напряженности между этими двумя компонентами необходимо введение "правил взаимодействия", или организационных принципов [2, 6]. Эти принципы служат промежуточным звеном, связывающим нормативную базу с операционной деятельностью нового организационного подразделения. Приведение нормативных актов в соответствие с этими принципами позволяет достичь молчаливого консенсуса между участниками в отношении нормативной структуры, что сокращает прямой административный контроль и способствует более тесному сотрудничеству и адаптации организационной культуры. Такая сложная организационная структура повышает способность быстро и эффективно реагировать на институциональные вызовы и возможности, тем самым оптимизируя операционную эффективность и стратегическую гибкость Университета "Синергия".

Интеграция четко сформулированных стратегических целей с высокой степенью автономии в принятии решений и оперативной контролируемостью способствует разработке комплексных стратегий для навигации в сложной и динамичной экологической среде [1, 17]. В результате, усовершенствованная организационная структура характеризуется иерархической архитектурой, охватывающей как стратегический, так и операционный уровни. Такая проектно-ориентированная организационная модель способствует культивированию всесторонних ценностей проекта, акцентируя внимание на приоритетности результатов и их гармоничном соответствии параметрам реализации.

В операционном управлении принципы, исходящие от высших уровней руководства, заменяют протоколы регулирования и стандартизации, при этом сохраняются ключевые стандарты, являющиеся неотъемлемой частью организационной структуры. Данная конфигурация предоставляет исполнителям значительную гибкость в выборе методов реализации проекта, позволяя им сосредоточиться на достижении предварительно установленных целей [3, 11]. Такой стратегический подход не только повышает адаптивность организации, но и обеспечивает соответствие ее деятельности общим целям и задачам, оптимизируя тем самым операционную эффективность и результативность.

Для эффективного внедрения разработанной организационной структуры предложен алгоритм, базирующийся на апробации результатов каждого шага и циклах

доработки промежуточного и итогового результатов [14]. Схема алгоритма представлена на рисунке 3.

Рисунок 3. Схема алгоритма внедрения разработанной организационной структуры.

Источник: составлено автором

Первый шаг алгоритма. Проведение всестороннего аудита административных структур университета для оценки их готовности к потенциальным изменениям [2, 6]. Цель этой оценки - определить, соответствует ли существующая система образования нормативным стандартам и ожиданиям студентов. На этом этапе в деканатах систематически собираются обширные данные для оценки соответствия образовательной среды потребностям и целям студентов. Одновременно собирается дополнительная информация от различных административных органов, активно участвующих в образовательном процессе.

Проведение первоначального анализа имеет решающее значение для оценки готовности руководства, персонала и системы в целом к преобразованиям. Это также помогает определить сложность предлагаемых изменений и необходимые ресурсы. Начальная фаза служит основополагающим этапом в процессе преобразования, позволяя получить критическую информацию о текущем состоянии системы и определить потенциальные области для улучшения.

Ключевым компонентом первого этапа является циклический процесс, направленный на систематическую подготовку системы к ожидаемым изменениям [14]. После первоначальной оценки тщательно выявляются предпосылки и потенциальные источники сопротивления, а также препятствия, препятствующие преобразованию системы. Впоследствии принимаются целенаправленные меры для устранения и снятия этих препятствий. После преодоления выявленных препятствий система подвергается повторной оценке, при этом тщательно анализируются расхождения между первоначальными и последующими результатами. Зависимости предлагаемых изменений тщательно документируются, после чего циклический процесс повторяется до тех пор, пока не будет получен удовлетворительный результат. Такой итеративный подход обеспечивает всестороннюю и систематическую подготовку системы к структурным преобразованиям, тем самым повышая вероятность успешного внедрения и достижения устойчивых долгосрочных результатов.

Второй шаг. После получения положительного ответа на первоначальный запрос о сравнительном анализе проводится детальная проработка предлагаемых изменений [1, 17]. Этот процесс включает в себя идентификацию и

характеристику структурных элементов и их взаимосвязанных компонентов, которые являются кандидатами на трансформацию. Впоследствии проводится тщательная оценка масштабов этих изменений, включая тщательную оценку финансовых последствий и ресурсов, связанных с процессом организационной реструктуризации.

После получения соответствующих аналитических данных составляется предварительный план реструктуризации, в котором определяются основные требования к пересмотренной организационной архитектуре. В этом плане сформулированы цели структурных изменений, основные направления изменений и распределение обязанностей, что обеспечивает четкую дорожную карту для реализации.

Разработка концепции на этом этапе приобретает решающее значение. Это связано с потенциальным влиянием внешних факторов на переменные непредвиденные обстоятельства и систему управления, что может потребовать внесения изменений в основные принципы или рационализации организационной структуры, что потенциально может поставить под угрозу ее эффективность [5, 8]. Разработка надежной концептуальной основы гарантирует, что реализация плана реструктуризации системы управления будет осуществляться в рамках заранее определенных параметров, снижая риск сбоев в работе и обеспечивая соответствие стратегическим целям.

Третий шаг. Третий этап включает в себя разработку основной документации для новой организационной структуры, которая включает в себя всеобъемлющие правила, процедуры и политику [2, 6]. Этот этап имеет решающее значение для создания административной инфраструктуры, необходимой для предстоящих организационных преобразований. Ранее начало этого процесса помогает избежать необходимости в последующем создании документов, тем самым упрощая организационный переход.

Официальное одобрение и принятие этих документов всеми подразделениями образовательного учреждения способствует подготовке системы и созданию важнейших иерархических и коммуникационных каналов, которые необходимы для успешной реализации нового компонента проекта.

Четвертый шаг. Начало этого этапа характеризуется формированием Совета управляющих, ключевого органа в институциональной структуре [16, 18]. Представители деканатов, профильных факультетов, отдела молодежной политики и департамента образовательного планирования объединяют усилия для определения и выдвижения кандидатов в этот престижный орган. На первом заседании Ученого совета квалификация и профессиональный опыт этих кандидатов тщательно проверяются и представляются на рассмотрение. Выборы руководящего совета входят в центр внимания, наряду с обсуждением вопросов назначения профессорско-преподавательского состава, которые играют решающую роль в формировании академического ландшафта учебного заведения.

Одновременно с тщательной подготовкой к заседанию Ученого совета студенты систематически информируются о работе Студенческого совета, предстоящих обсуждениях и процессе подачи заявок на замещение должностей в студенческом совете [10, 12]. Стоит отметить, что преимущества, связанные с участием в работе Студенческого совета, служат значительным стимулом для студентов. Эти преимущества четко доведены до сведения всего студенческого населения, наряду с предоставлением студентам возможности самостоятельно улучшать условия своего обучения, способствуя развитию культуры активного участия и самозащиты в рамках системы образования.

Пятый шаг. На пятом шаге проводится всесторонняя оценка проведенных мероприятий [14]. Эффективность процедуры отбора членов Совета управляющих тщательно оценивается с помощью комбинации анонимных опросов, проводимых среди участников процесса голосования, а также структурированных интервью со всеми кандидатами. Такая методика оценки гарантирует, что кандидаты останутся в неведении относительно результатов голосования, определенных избирательной комиссией, что значительно повысит достоверность их ответов и прозрачность собранных данных.

Одновременно ученый совет собирается для обсуждения своих точек зрения, озабоченностей и замечаний относительно вновь сформированного коллегиального руководящего органа и более широкой системы, в рамках которой он функционирует. Этот совещательный процесс выполняет важнейшую функцию по выявлению потенциальных рисков на ранней стадии, что, в свою очередь, способствует разработке стратегических рамок, направленных на снижение этих рисков и обеспечение устойчивой целостности и эффективности структуры управления.

Шестой шаг. На шестом шаге проводится тщательная проверка конечного состояния системы с помощью оценки безопасности [6, 14]. Если в ходе оценки выявляются риски или недостатки в первоначальном планировании, разрабатываются корректирующие меры для устранения этих проблем. Впоследствии система возвращается к этапу разработки, в частности, для подготовки базовой документации, необходимой для ее оперативного внедрения.

По завершении этапа подготовки документации все пропущенные требования или операционные механизмы могут быть включены в нормативную базу. После утверждения эти документы интегрируются в существующую системную архитектуру, а подход к взаимодействию с системой модифицируется на начальном этапе. Эта стратегия сокращает время и ресурсы, необходимые для корректирующих действий, за счет пересмотра не начальных этапов алгоритма, а этапа, предшествующего внедрению.

Примечательной особенностью этих изменений является возможность обойти процесс избрания членов руководящего органа и студенческих советов, если такие выборы уже проводились ранее.

Шестой этап также включает в себя формализацию обновленной структуры системы в качестве операционного стандарта. Этот переход происходит после завершения всех корректировок и полного внедрения пересмотренной структуры. На этом этапе система достигает полного рабочего состояния и соответствует установленным принципам управления в организации.

Подводя итог разработке алгоритма внедрения обновленной организационной структуры, отметим то, что алгоритм использует несколько итераций, направленных на корректировку итоговой системы [14, 17]. Такой подход обеспечивает минимальную вероятность наступления рисков событий и планомерное встраивание нового элемента в обновленную структуру управления устойчивостью переменного контингента образовательной организации. В современных условиях, характеризующихся быстрыми преобразованиями и эволюционирующими парадигмами управления, простого внедрения инструментов управления проектами в рамках государственного управления проектами недостаточно для обеспечения успешного и эффективного достижения национальных экономических целей [1, 3]. Владение персоналом методологиями управления проектами, эффективность каналов коммуникации и способность оперативно принимать решения, предвидеть риски и адаптировать стратегические цели с помощью надежной системы контроля явля-

ются неотъемлемыми компонентами современной системы управления, адаптированной к динамичной среде образовательных учреждений [2, 11].

Заключение

Проведенное в рамках настоящего исследования комплексное диагностическое изучение системы управления устойчивостью переменного контингента в Университете «Синергия» [9] позволяет сформулировать ряд концептуальных выводов, имеющих как теоретическую, так и прикладную ценность.

В результате анализа установлено, что действующая функциональная структура управления характеризуется выраженными дисфункциональными признаками: избыточная вертикаль власти и гиперцентрализация принятия решений, многозвенность и запутанность коммуникационных каналов, а также слабая клиентоориентированность по отношению к основному бенефициару образовательного процесса — обучающемуся [5, 15]. Совокупность выявленных недостатков формирует устойчивый управленческий барьер, препятствующий оперативному реагированию на запросы студентов, снижая не только количественные показатели удержания контингента, но и качественные параметры образовательной среды [8, 20].

В качестве оптимального вектора трансформации обоснована стратегия, предполагающая не тотальную ломку сложившейся организационной архитектуры, а деликатную интеграцию децентрализованного проектного блока в консервативную функциональную структуру [1, 17]. Принципиальное преимущество предложенного подхода перед альтернативными сценариями (полномасштабный переход к матричной или чисто проектной модели) заключается в его ресурсосберегающем и малотравматичном характере [3, 16]. Данное решение позволяет достичь целей обновления, минимизируя финансовые издержки, временные потери и, что особенно важно, риск отторжения нововведений со стороны административно-управленческого персонала [2, 6]. По сути, речь идет о формировании зоны «управленческого инкубирования», обеспечивающей мягкое встраивание инновационного инструментария в рутинные процессы без разрушения последних.

В ходе исследования разработана оригинальная модель двухуровневого проектного управления, реализуемого на основе институционального взаимодействия двух ключевых субъектов — управляющего совета (административно-методологический центр) и студенческого совета (центр инициатив и горизонтальной координации) [10, 18]. Научная новизна предложенной модели раскрывается через обоснование двойственной (гибридной) природы проектного элемента [16, 20]. С одной стороны, он опирается на формальный административный каркас, включающий четкие регламенты, механизмы отчетности и легитимации решений. С другой — в его основе заложена ценностно-ориентированная самоорганизация, базирующаяся на гибких методологиях (Agile-подходы), принципах добровольности участия и развитии горизонтальных связей [12, 19]. Подобная бинарность не только не противоречит задачам управления устойчивостью, но и выступает драйвером вовлеченности студентов.

Для практической реализации модели предложен итеративный алгоритм внедрения, методологически построенный на циклах непрерывной обратной связи [14]. Данный алгоритм не является жестко детерминированной последовательностью действий; напротив, его архитектура изначально предполагает вариативность и адаптивность. Регулярно проводимые мониторинговые срезы позволяют своевременно идентифицировать отклонения параметров реализации от плановых значений, оперативно вносить корректирующие воздействия и таким образом

адаптировать процесс трансформации к динамично изменяющимся условиям как внутренней (организационная культура, кадровые перестановки), так и внешней (регуляторные изменения, запросы рынка труда) среды [2, 6].

Практическая значимость проведенного исследования выходит за рамки отдельно взятого вуза. Разработанная воспроизводимая модель управления структурной устойчивостью контингента представляет собой унифицированный управленческий конструкт, который может быть подвергнут параметрической адаптации и масштабирован на иные образовательные организации высшего образования [9, 17]. Особую ценность модель приобретает для тех университетов, которые сталкиваются с системными вызовами в области отсева обучающихся и фиксируют устойчивое снижение уровня удовлетворенности качеством образовательных услуг [4, 7].

Перспективное поле дальнейших научных изысканий видится в реализации следующих направлений:

- проведение количественной оценки эффективности внедренной модели с опорой на эмпирически верифицируемые показатели (динамика отсева, индекс лояльности студентов, уровень вовлеченности во внеучебную и проектную деятельность) [13, 20];
- адаптация разработанного алгоритма и модельных решений к специфике функционирования иных типов организаций некоммерческого сектора, включая культурные и социальные учреждения [1, 11];
- углубленная теоретическая рефлексия феномена ценностного управления в проектных командах смешанного типа, формируемых на принципах добровольческого участия (в частности, с активным включением студенческого контингента) [10, 16].

Литература

1. Ахинов Г.А. Управление реализацией национальных проектов в отраслях социальной сферы // Уровень жизни населения регионов России. - 2008. - N 10 - С.83-90.
2. Бандурин, А. В. Использование кадровой воронки для повышения эффективности работы кадровой службы организации в цифровой экономике / А. В. Бандурин // Креативная экономика. - 2022. - Т. 16, № 6. - С. 2463-2478. - DOI 10.18334/ce.16.6.114839. - EDN GIJUUG.
3. Бардыбахина А.Д. Современные тенденции развития проектного управления в сфере образования. - В сборнике: Материалы международного научного форума обучающихся "Молодежь в науке и творчестве". сборник научных статей в 5 частях. Гжель, 2023. С. 17-21.
4. Воронкина Е.С., Соколова Н.В. Актуальные направления развития системы образования. - В сборнике: Актуальные вопросы внедрения и реализации обновленных ФГОС общего образования. Всероссийская научно-практическая конференция: сборник материалов. Министерство образования Кировской области; Институт развития образования Кировской области. Киров, 2022. С. 7-10.
5. Ермаков Д.С., Ермаков А.С. Ключевые компетенции для устойчивого развития. - В сборнике: Сборник материалов экологического фестиваля, посвященного 160-летию В.И. Вернадского. Ульяновск, 2024. С. 16-19.
6. Ермолаева А.А., Громов А.Ю. Моделирование процессов образовательной деятельности. - В сборнике: Методы и средства обработки и хранения информации. Межвузовский сборник научных трудов. Рязань, 2021. С. 98-101.
7. Имамвердиева Н.Б. Инновационный подход к управлению образованием. В сборнике: Научная перспектива: проблема интерпретации знания в современном образовательном процессе. Сборник научных трудов. Казань, 2020. С. 68-72.

8. Казакевич Т.А. Предназначение и миссия образовательной системы страны. - В сборнике: Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт. Сборник научных трудов. Электронное издание. Москва, 2022. С. 87-93.
9. Киреев С.П. Особенности управления структурной устойчивостью переменного контингента в образовательных организациях. - Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 12. № 12 (141). С. 90-96.
10. Коккинаки С.Б. Сопричастное проектирование образовательной среды. - В сборнике: Магистратура «на салфетках». Проектирование городских образовательных инфраструктур: от идеи к реализации. Иванова Е.В., Асонова Е.А., Виноградова И.А. Сборник статей. Москва, 2020. С. 60-65.
11. Павлов А.Н. Управление программами проектов на основе стандарта PMI The Standart for Program management. Изложение методологии и рекомендации по применению / А.Н. Павлов. - М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. - 304 с.
12. Лаврова Ю.С. Практика разработки и реализации учебных проектов в образовательных организациях. - В сборнике: Социальные науки: молодые исследователи об актуальных проблемах теории и практики. Сборник статей и эссе. Москва, 2022. С. 85-89.
13. Маньков А.В., Белобородов В.А., Каретников И.А., Провадо А.И., Алейникова Н.Г. Современные аспекты выбора технологий и методов обучения в последипломном медицинском образовании // Система менеджмента качества: опыт и перспективы. 2022. № 11. С. 177-181.
14. Моделирование систем и процессов. Практикум: учебное пособие для вузов / В. Н. Волкова [и др.]; под редакцией В. Н. Волковой. - Москва: Издательство Юрайт, 2022. - 295 с.
15. Молотков А.Б., Фирсова И.А. Российский опыт развития образования. В книге: Формирование кросс-культурных и профессиональных компетенций в процессе работы со студентами: методика и практика. Андреев Н.В., Азарова С.П., Балова С.Л., Безденежных И.А., Грузина Ю.М., Горячева М.В., Кожаринов А.В., Крайнева Р.К., Коровушкина М.В., Молотков А.Б., Сорокин Д.Д., Фирсова И.А., Фирсов Ю.И., Штанова К.А. Под. ред. И.А. Фирсовой. Москва, 2020. С. 6-26.
16. Морозова А.Р. Синергетическое управление образовательными организациями (принципы и организационно-педагогические условия). - В сборнике: Научно-прикладные исследования современности. Сборник научных статей. Отв. ред. Е.А. Мазова. Краснодар, 2020. С. 95-103. Федоськина Л.А., Евдокимова Е.Н., Орлова Е.С., Филиппова И.В. Оценка и выбор технологий: комплексная инструментальная поддержка / Ars Administrandi (Искусство управления) - 2023 - Т. 15. № 1. С. 20-44.
17. Николаев А.А. Стратегическое проектирование развития. - В книге: Стратегическое управление организацией. Николаев А.А. Учебник. Москва, 2023. С. 230-274.
18. Овчаренко М.В. Использование возможностей сетевого взаимодействия как инновационного направления развития образования для повышения эффективности организации проектной и исследовательской деятельности обучающихся. - В сборнике: Школа-ВУЗ: современные формы взаимодействия в сфере эколого-географического образования. Сборник статей. Под общей редакцией С.А. Куролапа, В.В. Свиридова, О.Ю. Сушковой. Воронеж, 2020. С. 128-131.
19. Пилипенко, А. Э. Влияние корпоративной университетской идентичности на восприятие студенческой жизни / А. Э. Пилипенко // Caucasian Science Bridge. - 2022. - Т. 5, № 3(17). - С. 64-72. - DOI 10.18522/2658-5820.2022.3.6. - EDN WSOUHM.
20. Плетнев, Д. А. Критерий и показатели оценки устойчивости корпорации в русле системного подхода / Д. А. Плетнев // Стратегии бизнеса. - 2014. - № 6(8). - С. 42-47. - EDN TKUKAZ.

A project-oriented approach to the transformation of the organizational structure of managing the sustainability of a variable contingent in an educational organization

Kireev S.P., Dmitriev A.G.

RANEPA

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The relevance of the research is due to the need to adapt higher education management systems to dynamic changes in the external environment and the growing demands of a variable contingent of students for the comfort of the educational environment. The purpose of the article is to develop and substantiate an organizational and managerial model for increasing the structural stability of a variable contingent based on the integration of a project approach into the functional structure of the university. The object of the research is the structural stability management system of the University's variable contingent "Synergy". The paper reveals the shortcomings of the current functional structure: the high administrative burden, the complexity of communication links, the remoteness of decision makers from the end users of educational services. An original transformation model is proposed, which assumes the formation of a decentralized project block based on the governing and student councils within the existing hierarchy. An iterative algorithm for implementing organizational changes based on feedback cycles and adaptive regulation has been developed. The scientific novelty lies in substantiating the dual nature of the project element: a combination of an administrative framework (regulations) and value-oriented self-organization (project teams). The results of the study can be applied in the practice of management of educational institutions of higher education that implement programs of work with youth and student government.

Keywords: project management, structural sustainability, variable contingent, educational environment, organizational structure, student council, governing council, implementation algorithm.

References

1. Akhinov G.A. Managing the implementation of national projects in the social sphere // Standard of living of the population of the regions of Russia. - 2008. - N 10 - pp. 83-90.
2. Bandurin, A.V. Using the personnel funnel to improve the efficiency of the HR service of an organization in the digital economy / A.V. Bandurin // Creative Economy. - 2022. - Vol. 16, No. 6. - pp. 2463-2478. - DOI 10.18334/ce.16.6.114839. - EDN GIJUUG.
3. Barybakhina A.D. Modern trends in the development of project management in the field of education. - In the collection: Materials of the international scientific forum of students "Youth in Science and Creativity". collection of scientific articles in 5 parts. Gzhel, 2023. Pp. 17-21.
4. Voronkina E.S., Sokolova N.V. Current Directions in the Development of the Education System. - In the collection: Current Issues of Implementation and Realization of the Updated Federal State Educational Standards for General Education. All-Russian Scientific and Practical Conference: Collection of Materials. Ministry of Education of the Kirov Region; Institute for Education Development of the Kirov Region. Kirov, 2022. Pp. 7-10.
5. Ermakov D.S., Ermakov A.S. Key Competencies for Sustainable Development. - In the collection: Collection of materials from the environmental festival dedicated to the 160th anniversary of V.I. Vernadsky. Ulyanovsk, 2024. Pp. 16-19.
6. Ermolaeva A.A., Gromov A.Yu. Modeling of educational activity processes. - In the collection: Methods and means of processing and storing information. Interuniversity collection of scientific papers. Ryazan, 2021. pp. 98-101.
7. Imamverdieva N.B. Innovative approach to education management. In the collection: Scientific perspective: the problem of knowledge interpretation in the modern educational process. Collection of scientific papers. Kazan, 2020. pp. 68-72.
8. Kazakevich T.A. Purpose and mission of the country's educational system. - In the collection: Meaning-formation and its contexts: life, structure, culture, experience. Collection of scientific papers. Electronic publication. Moscow, 2022. pp. 87-93.
9. Kireev S.P. Features of Managing the Structural Sustainability of a Variable Contingent in Educational Organizations. - Economics and Management: Problems, Solutions. 2023. Vol. 12. No. 12 (141). Pp. 90-96.
10. Kokkinaki S.B. Participatory Design of the Educational Environment. - In the collection: Master's Degree "on Napkins". Design of Urban Educational Infrastructures: From Idea to Implementation. Ivanova E.V., Asonova E.A., Vinogradova I.A. Collection of articles. Moscow, 2020. Pp. 60-65.
11. Pavlov A.N. Project Program Management Based on the PMI Standard The Standard for Program Management. Presentation of the Methodology and Recommendations for Application / A.N. Pavlov. - Moscow: BINOM. Knowledge Laboratory, 2014. - 304 p.
12. Lavrova Yu.S. Practice of Developing and Implementing Educational Projects in Educational Organizations. - In the collection: Social Sciences: Young Researchers on Current Problems of Theory and Practice. Collection of Articles and Essays. Moscow, 2022. Pp. 85-89.
13. Mankov A.V., Beloborodov V.A., Karetnikov I.A., Provado A.I., Aleinikova N.G. Modern Aspects of Choosing Technologies and Teaching Methods in

- Postgraduate Medical Education // Quality Management System: Experience and Prospects. 2022. No. 11. Pp. 177-181.
14. Modeling of Systems and Processes. Workshop: a teaching aid for universities / V.N. Volkova [et al.]; edited by V.N. Volkova. — Moscow: Yurait Publishing House, 2022. — 295 p.
 15. Molotkov A.B., Firsova I.A. Russian experience in education development. In the book: Formation of cross-cultural and professional competencies in the process of working with students: methods and practice. Andreev N.V., Azarova S.P., Balova S.L., Bezdeneshnykh I.A., Gruzina Yu.M., Goryacheva M.V., Kozharinov A.V., Krayneva R.K., Korovushkina M.V., Molotkov A.B., Sorokin D.D., Firsova I.A., Firsov Yu.I., Shtanova K.A. Ed. by I.A. Firsova. Moscow, 2020. pp. 6-26.
 16. Morozova A.R. Synergetic management of educational organizations (principles and organizational and pedagogical conditions). - In the collection: Scientific and applied research of our time. Collection of scientific articles. Ed. E.A. Mazova. Krasnodar, 2020. Pp. 95-103.
 - Fedoskina L.A., Evdokimova E.N., Orlova E.S., Filippova I.V. Assessment and selection of technologies: comprehensive instrumental support / Ars Administrandi (The Art of Management) - 2023 - Vol. 15. No. 1. Pp. 20-44.
 17. Nikolaev A.A. Strategic development design. - In the book: Strategic management of the organization. Nikolaev A.A. Textbook. Moscow, 2023. pp. 230-274.
 18. Ovcharenko M.V. Using the possibilities of network interaction as an innovative direction in the development of education to improve the efficiency of organizing students' project and research activities. - In the collection: School-University: Modern Forms of Interaction in the Field of Ecological and Geographical Education. Collection of articles. General editors: S.A. Kurolap, V.V. Sviridov, O.Yu. Voronezh, 2020. pp. 128-131.
 19. Pilipenko, A.E. The Influence of Corporate University Identity on the Perception of Student Life / A.E. Pilipenko // Caucasian Science Bridge. – 2022. – Vol. 5, No. 3(17). – P. 64-72. – DOI 10.18522/2658-5820.2022.3.6. – EDN WSOUHM.
 20. Pletnev, D. A. Criterion and indicators for assessing the sustainability of a corporation in line with a systems approach / D. A. Pletnev // Business strategies. – 2014. – No. 6(8). – P. 42-47. – EDN TKUKAZ.

Влияние цифровизации на эффективность управления в компаниях металлургической дистрибуции

Кислых Константин Олегович

Независимый исследователь, 79122411733@yandex.ru

В работе рассмотрена актуальная проблема внедрения цифровых технологий на предприятия металлургической отрасли. Цифровизация позволяет предприятиям металлургической отрасли оперативно реагировать на изменения рынков, предлагать более конкурентоспособные цены и улучшать качество выпускаемой продукции.

Ключевые слова: цифровизация, металлургическая отрасль, эффективность.

Введение

В российской промышленности лидерами цифровизации становятся металлургические и машиностроительные предприятия. Модернизация промышленных предприятий с целью повышения их финансовой результативности является одной из первостепенных задач любого государства. Модернизация производства неразрывно связана с внедрением инновационных технологических решений, которые возможны путем сотрудничества с мировыми партнерами и создания совместных высокотехнологичных производств в сфере металлургии. Данный путь также позволит увеличить добавленную стоимость в процессе создания новых высокотехнологичных материалов и внедрения их в производство [1].

Одним из решающих факторов успеха отраслей народного хозяйства является применение цифровых технологий [2].

Распоряжением Правительства РФ от 6 ноября 2021 г. № 3142-р было принято Стратегическое направление в области цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности до 2030 г [3]. Целью цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности является обеспечение технологической независимости государства, возможности коммерциализации российских исследований и разработок, а также ускорение технологического развития российских компаний и обеспечение конкурентоспособности разрабатываемых ими продуктов и решений на глобальном рынке путём достижения "цифровой зрелости" при помощи модернизации управления производственными процессами, что должно привести к значительному повышению производительности труда и росту ВВП в производственном секторе и, следовательно, к росту уровня благосостояния населения страны. Металлургические компании стали одними из первых, кто разработал и начал внедрять масштабные проекты по цифровизации своих процессов – начиная от добычи сырья и заканчивая реализацией готовой продукции. В рамках стратегического направления будет осуществлена реализация пяти ключевых проектов в целях цифровой трансформации по следующим укрупненным направлениям:

- инновации в организации производства;
- технологические инновации;
- продуктовые инновации;
- инновации в сфере кадров;
- инновации в государственном управлении [4].

Металлургический комплекс России, являясь ключевой отраслью национальной промышленности, сегодня активно интегрирует цифровые технологии в свои процессы.

Цифровая трансформация становится не просто трендом в отраслях экономики, а выступает необходимым условием для выживания и процветания на рынках глобальной конкуренции. Цифровая трансформация металлургической отрасли России, которая сегодня вступила в активную фазу своего развития, предоставляет ряд новых возможностей для повышения эффективности производства, сокращения издержек и оптимизации бизнес-процессов.

Внедрение цифровых технологий в металлургической отрасли сопровождается значительными изменениям финансовых показателей за счёт следующих факторов:

1) повышения эффективности производственной деятельности – цифровые решения позволяют оптимизиро-

вать производственные процессы, снизить затраты на ресурсы (энергию, сырьё и рабочую силу), тем самым способствуя росту производительности;

2) эффективного управления рисками – анализ больших данных и искусственный интеллект позволяют идентифицировать и предотвращать риски, связанные с производством, сбытом и финансовыми потоками, способствуя увеличению стабильности и финансовой устойчивости предприятий;

3) повышения конкурентоспособности предприятия – цифровизация позволяет предприятиям металлургической отрасли оперативно реагировать на изменения рынков, предлагая более конкурентоспособные цены и улучшая качество выпускаемой продукции;

4) внедрения новых бизнес-моделей – цифровые технологии открывают возможности для развития новых бизнес-моделей, позволяя использовать цифровые решения в сфере цифрового инжиниринга и консалтинга.

Цифровая трансформация металлургического комплекса России охватывает направления, представленные в таблице №1:

Инструмент цифровизации	Результат применения
Искусственный интеллект	Оптимизация производственных процессов, прогнозирование спроса, управление запасами, повышение качества продукции металлургической промышленности
Цифровой инжиниринг с применением цифровых моделей и симуляций для проектирования, конструирования и модернизации оборудования.	Прогнозирование поведения систем и управление рисками
Анализ больших данных	Сбор, обработка и анализ данных с производственных линий, систем управления и других источников для повышения эффективности и принятия оптимальных управленческих решений
Автоматизация производственных процессов (внедрение роботизированных систем, автоматизированных линий, сенсоров и датчиков)	Улучшение управления технологическими процессами и контроль качества
Аналитика данных (сбор, обработка и анализ данных с производственных линий, систем управления)	Повышение эффективности и принятия оптимальных управленческих решений
Интернет вещей (IoT)	Мониторинг и контроль параметров производства металлов, оптимизация потребления ресурсов, улучшение качества продукции

Примечание. Составлено автором (использован источник [5]).

Цифровая трансформация в современных условиях приобретает стратегическое значение для национального экономического развития, выступая драйвером роста экономических показателей. Для оценки цифровой трансформации используются целевые показатели, а уровень цифровой зрелости предприятия выступает в качестве количественной характеристики.

Согласно рекомендациям Минцифры России, цифровая зрелость определяется уровнем внедрения информационных технологий (ИТ) в бизнес-процессы, направленных на создание единой бизнес-модели, объединяющей всех стейкхолдеров предприятия в виртуальном пространстве.

Цифровая трансформация металлургического комплекса России предполагает значительные преимущества в производственном процессе и открывает новые перспективы развития металлургических предприятий:

1) повышение конкурентоспособности на глобальном рынке: цифровизация позволит российским металлургическим предприятиям сохранить и укрепить лидирующие позиции на мировой арене;

2) создание новых рабочих мест: внедрение цифровых технологий требует новых специалистов в сфере ИТ,

больших данных и инжиниринга, стимулируя развитие кадрового потенциала;

3) создание «умных заводов»: цифровые технологии позволяют строить «умные заводы» с автоматизированными процессами, искусственным интеллектом и интегрированными системами управления, значительно увеличивая производительность и эффективность;

4) создание «зелёной» промышленности: цифровая трансформация позволяет создать более экологичное производство за счёт оптимизации потребления ресурсов и снижения выбросов [5].

Уровень цифровизации бизнес-процессов металлургического предприятия напрямую влияет на его конкурентоспособность, что подразумевает необходимость формирования набора стратегических реакций, позволяющих сформулировать стратегию цифровизации бизнес-процессов металлургического предприятия, которая помогает повысить результативность его деятельности и минимизировать риски для повышения эффективности и конкурентоспособности российской металлургии на глобальном рынке.

По оценкам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), в 2019 г. индекс цифровизации промышленности, рассчитываемый как среднеарифметическая доля организаций, использующих цифровые технологии, составил 36 [6].

Основные направления цифровой трансформации в металлургии и их стратегическое значение

В современной металлургической отрасли направлениями цифровизации служат внедрение цифровых технологий и применение искусственного интеллекта. Металлургические компании активно инвестируют в разработку и применение решений на базе машинного обучения, нейронных сетей и искусственного интеллекта [7]. Эти процессы цифровизации оказывают существенное влияние на российские предприятия металлургические отрасли, являющиеся фундаментом экономики страны и ориентированные на экспорт.

Цифровизация бизнес-процессов в металлургии доказала свою эффективность, выступая как инструмент развития, формируя дополнительные конкурентные преимущества. Учитывая сложную внешнюю среду и специфику металлургического производства, успешная цифровая трансформация во многом зависит от стратегических решений, направленных на нейтрализацию рисков и использование новых возможностей.

На сегодняшний день особую актуальность приобретают исследования, направленные на выявление, оценку и прогнозирование влияния ключевых факторов на цифровую трансформацию бизнес-процессов в металлургии, а также на оценку экономического эффекта от её дальнейшего внедрения.

Стратегия цифровизации бизнес-процессов с учётом минимизации рисков

Комплексная стратегия цифровизации бизнес-процессов, направленная на минимизацию выявленных рисков включает в себя положения, приведённые в таблице №2.

Таблица 2
Стратегия цифровизации

Приоритет инноваций и государственных программ	Необходимо максимально участвовать в инициативах по импортозамещению и в рамках программы "Цифровая экономика". Основные усилия следует сосредоточить на направлениях "Цифровые технологии" и "Искусственный интеллект".
Использование внутреннего спроса и национальных программ	Максимально задействовать существующий уровень цифровизации производства для удовлетворения растущего внутреннего спроса на

	сталь. Параллельно следует повышать уровень цифровизации бизнес-процессов, используя возможности национальных программ.
Развитие кадрового потенциала	Инвестировать в обучение сотрудников, повышая их компетенции в области цифровизации и импортозамещения
Повышение качества сервиса:	Рост квалификации персонала отрасли обеспечит возможность предоставления высококачественного сервиса
Оптимизация ценообразования	Рост внутреннего спроса на сталь, в сочетании с эффектом от цифровизации бизнес-процессов в рамках национальной программы "Цифровая экономика", позволит снизить цены до конкурентного уровня
Расширение продуктовой линейки	Ориентироваться на потребности, определяемые политикой импортозамещения, расширяя ассортимент продукции и дополнительных услуг.
Укрепление конкурентоспособности	Использовать рост внутреннего спроса на сталь для повышения конкурентоспособности, опираясь на сильные позиции на рынке и высокую рентабельность.

Примечание. Составлено автором [источник 8].

Внедрение инновационных разработок в металлургической отрасли позволяет решить следующие задачи:

- 1) развития минерально-сырьевой базы, обеспечивающей увеличение прироста промышленных запасов полезных ископаемых;
- 2) снижения себестоимости горных работ и удельных расходов материалов и реагентов, топлива, энергозатрат, эксплуатационных расходов на содержание горнотранспортного оборудования;
- 3) полноты отработки недр, комплексной и экономически рациональной выемки полезных ископаемых с учётом охраны окружающей среды и безопасности ведения работ;
- 4) локализации технологического оборудования и запасных частей;
- 5) обеспечения безопасных условий труда;
- 6) обеспечения своевременного анализа и прогнозирования, своевременного реагирования по предупреждению возможных аварий и инцидентов на опасных производственных объектах горно-металлургической отрасли;
- 7) снижения негативного воздействия производств на окружающую среду;
- 8) повышения надежности и безопасности производственного оборудования;
- 9) повышения уровня организационного управления производственными процессами;
- 10) увеличения номенклатуры экспортоориентируемой выпускаемой продукции;
- 11) прогнозирования и предотвращения рисков развития профессиональных заболеваний [9].

Как отмечают некоторые исследователи [10] цифровая трансформация предприятия оказывает благоприятное воздействие на:

- увеличение производительности труда сотрудников;
- сокращение затрат и потерь производства;
- оптимизацию процесса обработки данных;
- построение эффективной системы документооборота предприятия;
- повышение ключевых показателей критерия качества клиентского сервиса;
- оптимизацию загруженности в процессе выполнения рабочих функций, повышение мотивации сотрудников и т.д. [11; 12].

Примеры цифровизации на действующих российских производствах

Реструктуризация, осуществляемая через внедрение цифровых технологий в металлургическое производство, одновременно решает следующие значимые задачи по перестройке организаций:

- повышает отдачу от используемых факторов производства;
- дает возможность повысить мобильность используемых ресурсов;
- выстраивает оптимальную структуру бизнес-процессов, снижая издержки по достижению прогнозируемых результатов производства и сбыта металлопродукции;
- трансформирует систему управления предприятием;
- существенно расширяет производственные возможности компании;
- позволяет перейти на новый уровень отношений с потребителями за счет преобразований в клиентских сервисах;
- приводит к росту рыночной стоимости и конкурентоспособности компании.

По мнению автора работы [13] по цифровой зрелости отечественная металлургия все еще отстаёт от других промышленных секторов страны. Тем не менее, металлургические и горнодобывающие компании за последнее время, активно инвестируют в цифровые технологии по всей цепочке создания стоимости, от операций до закупок, продаж и маркетинга, что позволяет оптимизировать процессы, снизить затраты, улучшить извлечение металла и доходность, а также упростить цепочки поставок.

Так на предприятии Магнитогорского металлургического комбината установлена система по сбору данных на всех этапах производства, которые сохраняются в озере данных для дальнейшего анализа. Благодаря собранным данным был реализован проект «Снайпер» с использованием ML- модели для рекомендации операторам дозирования ферросплавов для выплавки различных марок стали.

Технология Big Data используется и компанией «Северсталь». В 2020 году для автоматизации управления скоростью непрерывно-литового агрегата (НТА) была разработана математическая модель «Аделина». В результате, около 90% времени агрегат работает автоматически. Для увеличения эффективности этой модели был создан цифровой двойник НТА, который будет обучаться на виртуальных рулонах стали, созданных нейросетью.

Использование больших данных и искусственного интеллекта позволяет компании не только оптимизировать работу машин, но и сделать её экологичнее. Так в 2021 году закончился эксперимент на комбинате «Карельский окатыш», где на одной из обжиговых машин была запущена модель, управляющая её работой. В результате расход мазута снизился на 6.4% – сократилось и количество выбросов оксидов углерода и серы.

Одним из лидеров металлургической промышленности по внедрению технологии цифрового двойника является Трубная металлургическая компания. С помощью этой технологии были разработаны новые резбывые соединения, разработка и испытания которых сначала проходила виртуально.

Также в виртуальной среде совершенствуются и технологии производства продукции. Такой подход позволяет проверять и дорабатывать новые технологии производства, не занимая ресурс предприятия, что ускоряет и удешевляет процесс внедрения технологий.

Благодаря внедрению цифровых близнецов прокатных станов Северского и Волжского трубных заводов компании удалось сэкономить около 500 млн рублей, в основном благодаря уменьшению времени простоя и количества брака. На Северском трубном заводе реализована система машинного зрения для отслеживания дефектов изделий в движении. Для принятия производственных решений на предприятии разрабатывается система сбора и хранения Big Data [14]. Цифровые решения на предприятиях «Норникеля» собраны в единую концепцию под

названием «Цифровая фабрика». При внедрении цифровых технологий используется три критерия: экономическая эффективность, качество доступных данных и масштабируемость. Цифровые проекты на предприятиях «Норникеля» делятся на три типа.

Системы по автоматизации обогащения руды. У технолога, управляющего своим отрезком производственного процесса, есть кнопка «круиз-контроля». Он нажимает её в определенный момент, и система начинает контролировать часть технологического процесса. При этом технолог может вмешаться, не выключая систему.

Системы машинного зрения. Это видекамера, которая в режиме реального времени может отслеживать размер руды. Машинное зрение помогает управлять технологическим процессом.

Моделирование поведения руды в мельницах. Человек не может заглянуть внутрь этих мельниц, соответственно, нужно смоделировать, как материал ведет себя внутри [13].

Новым трендом в металлургии является внедрение технологий ТОиР (Управление ремонтами и обслуживанием оборудования).

Данные технологии включают в себя использование мобильных устройств и систем управления надежностью, позволяющих существенно уменьшить влияние человеческого фактора на один из наиболее затратных процессов производства [15].

Управление и цифровизация

Готовность промышленного предприятия к цифровой трансформации характеризуется потребностью в цифровых изменениях и условиях для их реализации.

На цифровую трансформацию влияют, помимо достигнутого уровня цифровой зрелости (определяемого технологической и организационной составляющими в сравнении с отраслевыми практиками), такие факторы, как внешние стимулы и стратегические интересы компании, эффекты, полученные ею от предшествующих мероприятий по цифровизации и ожидаемые в перспективе, а также прогнозируемые риски и горизонт планирования будущих цифровых инициатив.

Предпосылкой для стимулирования (повышения готовности) промышленных предприятий к цифровой трансформации бизнес-моделей являются главным образом открывающиеся новые возможности для повышения конкурентоспособности.

Условия повышения готовности промышленных предприятий к цифровой трансформации, как следует из результатов исследования, определяются доступностью необходимых ресурсов. Поэтому предприятиям отечественного промышленного производства следует учитывать необходимость системной оценки влияния факторов их цифрового потенциала, различных внешних и внутренних рисков на их цифровую готовность для последующей разработки эффективных стратегий и проектов цифровой трансформации [16].

Успешный опыт организационно-правовой и управленческой реструктуризации накоплен в ПАО «Северсталь», вертикально интегрированной металлургической и горнодобывающей компании с основными активами в России. Высочайшая эффективность бизнеса компании подкрепляется вертикально интегрированной структурой с высококачественными, современными горнодобывающими и металлургическими предприятиями, многократно прошедшими реструктуризацию различных сфер своей деятельности. Благодаря непрерывным структурным преобразованиям компания практически полностью обеспечена коксуемыми углём и железной рудой за счёт собственных активов дивизиона «Ресурс», расположенных вблизи от металлургических заводов «Северстали».

Сложившаяся структура компании естественным образом защищает её от сезонных колебаний цен на сырьё и помогает поддерживать очень высокую для отрасли рентабельность. У «Северстали» самая низкая себестоимость производства стали в мире [17].

Начиная с 2018 г. компания осуществляет комплексную реструктуризацию с акцентом на организационно-правовые и управленческие аспекты, инвестируя в модернизацию имеющихся мощностей, чтобы стать компанией первого выбора для клиентов, сотрудников и партнеров.

В рамках организационно-правовой реструктуризации подразделения компании преобразованы в две ведущих структуры: upstream (добыча) и downstream (сбыт). В upstream переведены все сырьевые предприятия компании «Северсталь». Структура downstream (сбыта) имеет своей целью развивать производство и продажи, осуществлять взаимодействие с клиентами. Данная структура объединит производство продукции от выпуска стали до её высокого передела.

В Upstream реструктуризация направлена на сокращение затрат и подготовку ряд специализированных проектов с высокой внутренней нормой доходности, благодаря чему, объём добычи должен достигнуть 5 млн. тонн. в год к 2022 году [17].

В.Г. Фролов и др. в рамках исследования готовности металлургического предприятия к «Индустрии 4.0» на основе методики оценки степени развития производственной компании, приводят данные, что российские металлургические предприятия обладают высоким инновационным потенциалом, разрабатывают стратегические цели развития, включающие в себя процесс цифровизации управленческих и производственных бизнес-процессов. Предприятия отечественной металлургии на сегодняшний день находятся на стадии перехода от управляемого уровня зрелости к оптимизирующему уровню, что обусловлено затруднительным, длительным и финансово затратным процессом внедрения элементов «Индустрии 4.0» в деятельность металлургических организаций [18].

Согласно научному труду И.С. Прохоровой, В.С. Устинова, А.В. Елховой, российские металлургические предприятия, находясь в условиях санкционного давления и сложной геополитической обстановки, активно разрабатывают и реализуют цифровые решения, обеспечивающие цифровое развитие функционирования организаций [6].

Отечественная металлургия имеет высокие оценки отдельных показателей различных подходов к измерению уровня цифровой зрелости (Модель компании Deloitte Digital Maturity Model, Аналитика трендов на основе опросов KMDA, Исследования компании «Т-1 Консалтинг»). Так, наблюдается успешное внедрение цифровых технологий, снижающих операционные издержки; активное использование корпоративного цифрового ПО. Кроме этого, на крупных предприятиях металлургии РФ создаются собственные цифровые продукты.

Предприятия металлургии находятся в переходном к цифровой зрелости состоянии, о чем свидетельствует долгий и финансово затруднительный процесс разработки и внедрения цифровых технологий в управленческие и производственные бизнес-процессы.

Отечественная металлургия имеет высокие показатели оценки цифровой зрелости в отдельных аспектах, таких как разработка и производство собственных цифровых продуктов, наличие собственного ПО и т.д. Вместе с тем высокий инновационный потенциал в области цифрового взаимодействия с потребителями в полной мере не реализован.

Высокий уровень цифровой зрелости имеют крупные российские металлургические предприятия, которые разработали и в данный момент времени реализуют стратегию цифровой трансформации [18, 3].

Передовой опыт отечественных компаний, осуществивших реструктуризацию, свидетельствует о том, что трудностях предприятий, требующих реструктуризации, во многих отношениях типичны. Прежде всего, мешают дефицит рыночной культуры, отсутствие целей стратегии, неэффективность системы управления предприятием, дефицит достоверной информации о финансово-экономическом состоянии предприятий для собственников, акционеров, потенциальных инвесторов и кредиторов, слабо осуществляемые маркетинговые преобразования [19].

Цифровая трансформация – это не просто современный и модный тренд, а инструмент для повышения конкурентоспособности конечной продукции и самой компании.

Предприятиям металлургии необходимо более активно использовать цифровые инструменты, как в производстве, так и в бизнес-моделях, если они хотят сохранить своё присутствие на рынке [20].

Компании, способные быстро освоить новые инструменты, получают сравнительное преимущество перед более консервативными конкурентами. Эффективность цифровых технологий работы с персоналом связывают с адаптивностью к гибким и удаленным формам занятости, однако практическая оценка такой связи пока не предпринималась [21].

Заключение

Проведённые исследования показали, что цифровизация оказывает положительное влияние на эффективность управления в компаниях по производству и дистрибуции металлургической продукции. Интеграция цифровизации в металлургическую отрасль способствует появлению значительного потенциала для масштабирования за счёт внедрения цифровых технологий, которые позволяют оптимизировать производственные процессы и снизить затраты на ресурсы.

Внедрение новейших технологий в работу предприятий металлургического комплекса способствует повышению производительности труда, росту рыночной стоимости и конкурентоспособности компании, снижению потерь при производстве и сбыте продукции.

Литература

- Брайко Е.А. Вертикальная интеграция на российском рынке металлургии: предпосылки и последствия. Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2025. – №(1). – С. 209–218. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2025-1-209-218>.
- Попова А.А., Аксёнова Е.А. Цифровизация работы предприятий металлургической отрасли как основа их финансовой результативности. Business Strategies. – 2022. – Т. 10, № 9. – С. 237–243. DOI: 10.17747/2311-7184-2022-9-237-243.
- Сергеева К.Н., Инфраструктурные ограничения повышения показателей цифровой зрелости металлургической отрасли России // Финансовые рынки и банки. – 2024 – №7. – С. 273–278.
- Громова Е.А. Цифровая трансформация металлургической отрасли: состояние и перспективы the digital transformation of the metallurgical industry: status and prospects // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 6 (65). – С. 292–295.
- Шитиков О.В. Цифровая трансформация металлургического комплекса России: влияние на финансовые показатели и перспективы развития // Journal of Monetary Economics and Management. – 2024. – №9. С. 105–111. DOI 10.26118/2782-4586.2024.98.33.015.
- Прохорова И.С., Устинов В.С., Елхова А.В. Цифровая зрелость металлургической отрасли России: драй-

веры и проблемы роста в новых геополитических условиях. Часть I. Оценки инновационного потенциала цифровой трансформации // Вестник университета. – 2023. – № 11. – С. 61–69. DOI 10.26425/1816-4277-2023-11-61-69.

7 Великая О.А. Инновационная политика металлургических предприятий и их устойчивое развитие в промышленном секторе // Естественно-гуманитарные исследования. – 2022. – № 41. – С. 94–100.

8 Анисимов А.Ю., Плахотникова М.А., Грабский А.А. Цифровизация бизнес-процессов металлургического предприятия как направление обеспечения устойчивого развития // Вестник Сургутского государственного университета. – 2023. – Т. 11. – № 4. – С. 6–15. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-1.

9 Загидуллина К.Р. Современные методы внедрения цифровизации в горно-металлургическую промышленность // Цифровые технологии в промышленности. – 2023. – No.1(1). – С. 17–23. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.8372902>.

10 Николаева Е.В., Бирюкова Е.А. Исследование процессов цифровой трансформации горно-металлургических компаний РФ // IT-Economy. – 2023. – 16 (2). – 24–36. DOI: <https://doi.org/10.18721/JE.16202>.

11 Vial G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda. The Journal of Strategic Information Systems. – 2019. – №28(2). – С. 118–144. <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.003>.

12 Fitzgerald M., Kruschwitz N., Bonnet D., Welch M. Embracing digital technology: A new strategic imperative – MIT Sloan Management Review. – 2014. №55(2). – С. 1–12.

13 Мысаченко В.И. Цифровая трансформация высокотехнологичных металлургических компаний // Вестник Национального института бизнеса. – 2024. – №2(54). – С. 260–266.

14 Романова О.А., Сиротин Д.В. Проблемы цифровизации отечественной металлургии в условиях санкционного давления In compilation Цифровая трансформация промышленности: тенденции, управление, стратегии: сб. науч. ст. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 2022. – С.185–205. DOI: 10.17059/978-5-94646-673-8-2022-17.

15 Cascio W., al Ariss A. and Paauwe J. Talent Management: Current theories and future research directions// Journal of World Business. – 2019. – No. 49(20). – P. 173–288.

16 Краковская И.Н., Корокошко Ю.В., Слушкина Ю.Ю. Цифровая зрелость промышленных предприятий: опыт оценки. Вестник Санкт-Петербургского университета // Экономика. 2024. – №40(3). – С. 433–459. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.305>.

17 Санин Н.В. Опыт реструктуризации металлургических предприятий и методы его распространения Вестник Национального института бизнеса. – 2022. – №3 (47). – С. 103–112.

18 Фролов В.Г., Трофимов О.В., Мартынова Т.С. Анализ готовности металлургического предприятия к «Индустрии 4.0» и стратегия внедрения цифровых решений / Креативная экономика. – 2019. – № 6. – С. 1118–1132.

19 Мысаченко В.И. Механизм структурных преобразований в промышленности России. М.: Национальный институт бизнеса. – 2009. – С. 109–110.

20 Лаптева И.П., Летунов Д.А. Цифровые технологии как фактор повышения эффективности производства на предприятиях металлургической отрасли в России // Электронный научный журнал «Вектор экономики». – 2022. – №10. – С. 1– 10.

21 Zavyalova E., Sokolov D., Kuchеров D., Lisovskaya A. The Digitalization of Human Resource Management: Present and Future // Foresight and STI Governance. – 2022. – 16(2). – С. 42–51. DOI: 10.17323/2500-2597.2022.2.42.51.

The Impact of Digitalization on Management Efficiency in Metallurgical Distribution Companies

Kislykh K.O.

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

This paper examines the pressing issue of implementing digital technologies in metallurgical companies. Digitalization allows metallurgical companies to quickly respond to market changes, offer more competitive prices, and improve product quality.

Keywords: digitalization, metallurgical industry, efficiency.

References

- 1 Braiko E.A. Vertical Integration in the Russian Metallurgy Market: Prerequisites and Consequences. Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2025. No. (1). pp. 209–218. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2025-1-209-218>.
- 2 Popova A.A., Aksenova E.A. Digitalization of Metallurgical Enterprises as a Basis for Their Financial Performance. Business Strategies. 2022. Vol. 10, No. 9, pp. 237–243. DOI: 10.17747/2311-7184-2022-9-237-243.
- 3 Sergeeva K.N., Infrastructure Limitations for Improving Digital Maturity Indicators in the Russian Metallurgical Industry // Financial Markets and Banks. - 2024. - No. 7. - pp. 273–278.
- 4 Gromova E.A. Digital Transformation of the Metallurgical Industry: Status and Prospects // Bulletin of the Knowledge Academy. - 2024. - No. 6 (65). - pp. 292–295.
- 5 Shitikov O.V. Digital Transformation of the Russian Metallurgical Complex: Impact on Financial Performance and Development Prospects // Journal of Monetary Economics and Management. - 2024. - No. 9. - pp. 105–111. DOI: 10.26118/2782-4586.2024.98.33.015.
- 6 Prokhorova I.S., Ustinov V.S., Elkhova A.V. Digital maturity of the Russian metallurgical industry: Drivers and challenges of growth in new geopolitical conditions. Part I. Assessment of the innovative potential of digital transformation // Bulletin of the University. - 2023. - No. 11. - pp. 61–69. DOI 10.26425/1816-4277-2023-11-61-69.
- 7 Velikaya O.A. Innovation policy of metallurgical enterprises and their sustainable development in the industrial sector // Natural Sciences and Humanities. - 2022. - No. 41. - pp. 94–100.
- 8 Anisimov A.Yu., Plakhotnikova M.A., Grabsky A.A. Digitalization of business processes of a metallurgical enterprise as a direction for ensuring sustainable development // Bulletin of Surgut State University. - 2023. - No. 11(4). - pp. 6–15. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-1.
- 9 Zagidullina K.R. Modern methods of introducing digitalization into the mining and metallurgical industry // Digital technologies in industry. - 2023. - No. 1 (1). - pp. 17–23. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.8372902>.
- 10 Nikolaeva E.V., Biryukova E.A. Study of digital transformation processes of mining and metallurgical companies of the Russian Federation. *π-Economy*. - 2023. - 16 (2). - pp. 24–36. DOI: <https://doi.org/10.18721/JE.16202>.
- 11 Vial G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda. The Journal of Strategic Information Systems. - 2019. - №28(2). - pp. 118–144. <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.003>.
- 12 Fitzgerald M., Kruschwitz N., Bonnet D., Welch M. Embracing digital technology: A new strategic imperative – MIT Sloan Management Review. - 2014. - №55(2). - pp. 1–12.
- 13 Mysachenko V.I. Digital transformation of high-tech metallurgical companies // Bulletin of the National Institute of Business. - 2024. - №2(54). - pp. 260–266.
- 14 Romanova O.A., Sirotin D.V. Problems of digitalization of domestic metallurgy under sanctions pressure. In compilation Digital transformation of industry: trends, management, strategies: collection of scientific articles. - Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2022. - pp. 185–205. -DOI: 10.17059/978-5-94646-673-8-2022-17.
- 15 Cascio W., al Ariss A. and Paaue J. Talent Management: Current theories and future research directions // Journal of World Business. - 2019. - No. 49(20). - pp. 173–288.
- 16 Krakovskaya I.N., Korokoshko Yu.V., Slushkina Yu.Yu. Digital maturity of industrial enterprises: an assessment experience. Bulletin of St. Petersburg University // Economics. - 2024. - No. 40(3). - pp. 433–459. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.305>.
- 17 Sanin N.V. Experience in restructuring metallurgical enterprises and methods of its dissemination. Bulletin of the National Institute of Business. - 2022. - No. 3 (47). - pp. 103–112.
- 18 Frolov V.G., Trofimov O.V., Martynova T.S. Analysis of the readiness of a metallurgical enterprise for "Industry 4.0" and the strategy for implementing digital solutions // Creative Economy. - 2019. - No. 6. - pp. 1118–1132.
- 19 Mysachenko V.I. The Mechanism of Structural Transformations in Russian Industry. Moscow: National Institute of Business. - 2009. - pp. 109–110.
- 20 Lapteva I.P., Letunov D.A. Digital Technologies as a Factor in Improving Production Efficiency at Enterprises of the Metallurgical Industry in Russia // Electronic Scientific Journal "Vector of Economics". - 2022. - No. 10. - pp. 1–10.
- 21 Zavyalova E., Sokolov D., Kucherov D., Lisovskaya A. The Digitalization of Human Resource Management: Present and Future // Foresight and STI Governance. - 2022. No. - 16(2). - pp. 42–51. DOI: 10.17323/2500-2597.2022.2.42.51.

Анализ и моделирование закупочных бизнес-процессов предприятия

Лаврухина Тамара Владимировна

доцент центра информационных технологий, доцент кафедры информационных технологий факультета информационных технологий и анализа больших данных, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,

Газизова Надежда Тимуровна

студент кафедры информационных технологий факультета информационных технологий и анализа больших данных, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Для того чтобы выживать на рынке и оставаться конкурентоспособным каждое современное предприятие обязано заботиться о повышении эффективности своих бизнес-процессов. И одним из таких процессов, оказывающих существенное влияние на все результирующие показатели деятельности предприятия, является закупочная деятельность. Структура закупочных бизнес-процессов оказывает значительное влияние на конкурентоспособность компаний, обеспечивая оптимизацию издержек, сокращение сроков поставок и улучшение качества закупаемых материалов и комплектующих. В статье проведен анализ научных концептов «закупки» и «закупочная деятельность», которые являются взаимосвязанными и взаимодополняемыми. Выделены некоторые проблемы, возникающие в рамках закупочной деятельности, такие как большая доля затрат на логистику; необходимость формирования оптимального объема запасов; необходимость определения оптимального ассортимента и количества к поставке; правильный выбор поставщика. Сформулированы цели закупочной деятельности предприятия. Проведен анализ структуры закупочных бизнес-процессов на предприятии и предложена модель управления закупками, с помощью которой можно повысить эффективность бизнес-процессов. Статья может представлять интерес для менеджеров среднего и высшего звена, занимающихся управлением закупками, логистикой и оптимизацией производственных процессов, а также ученых-экономистов, интересующихся вопросами совершенствования закупочной деятельности и управления бизнес-процессами предприятий.

Ключевые слова: бизнес-процесс, закупочная деятельность, логистика, модель закупочной деятельности, структура закупочных бизнес-процессов, управление закупками, цепочка поставок.

Введение

В условиях цифровизации и стремительного развития технологий искусственного интеллекта и больших данных бизнес-процессы закупочной деятельности предприятий претерпевают изменения [18, С. 99]. При этом закупочная деятельность трансформируется из вспомогательной функции в стратегический актив предприятия, непосредственно влияющий на его финансовую устойчивость, конкурентоспособность и способность к инновациям. Оптимизация закупочных бизнес-процессов позволяет не только снижать прямые затраты на сырье, материалы и услуги, но и управлять рисками, повышать качество конечной продукции и ускорять вывод новых товаров на рынок. Однако, несмотря на очевидную значимость, на многих отечественных промышленных и торговых предприятиях управление закупками носит фрагментарный, слабо формализованный и ориентированный на краткосрочные тактические задачи характер, что приводит к существенным потерям и снижению общей эффективности бизнеса.

Необходимость анализа структуры закупочных бизнес-процессов на предприятии и разработки модели управления закупками, с помощью которой можно повысить эффективность бизнес-процессов, обусловлена следующими моментами. Во-первых, доля затрат на закупки в себестоимости продукции многих отраслей (машиностроение, розничная торговля, пищевая промышленность) достигает 60–80 % (а для государственных предприятий на закупку ресурсов приходится до 65–70 % всех расходов) [1, С. 41], что делает их основным резервом снижения издержек. Во-вторых, современная логистика требует интеграции закупочных процессов с управлением запасами, производством и дистрибуцией в единую сквозную систему. В-третьих, пандемийные и геополитические кризисы последних лет продемонстрировали уязвимость глобальных цепочек поставок, обострив потребность в построении гибких, устойчивых и прозрачных моделей закупочной деятельности.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы провести анализ структуры закупочных бизнес-процессов на предприятии и предложить модель управления закупками, с помощью которой можно повысить эффективность бизнес-процессов.

Литературный обзор

В современной научной литературе под бизнес-процессом понимается «логически заверченный набор взаимосвязанных и взаимодействующих видов деятельности, поддерживающий деятельность организации и реализующий ее политику, направленную на достижение поставленных целей» (Панькова Е.С., Каунова Н.Л. [10, С. 249]). А бизнес-процесс закупки – это «совокупность взаимосвязанных операций, действий, направленных на приобретение товаров, материалов в требуемые сроки и в необходимых объемах» [10, С. 249], также это структурированная система действий, направленная на приобретение организацией продукции и услуг, необходимых для реализации её стратегических целей и операционных задач [1, С. 41]. По сути, как отмечает Аванесова Е.А., процесс закупок представляет собой серию процессов, «которые необходимы для получения продуктов или услуг от подачи заявки до заказа на закупку и утверждения счета-фактуры» [1, С. 41].

Эффективный процесс организации закупочной деятельности способствует оптимизации затрат, повышению эффективности временных ресурсов и формированию

устойчивых партнёрских отношений с контрагентами – поставщиками товаров и услуг.

Процесс закупок включает совокупность взаимосвязанных процедур, начиная от инициации потребности и заканчивая заключительным этапом утверждения счёт-фактура. Эти процедуры охватывают различные этапы жизненного цикла приобретения товара или услуги, включая инициирование заявки, согласование условий поставки, выбор поставщика, оформление договора, контроль исполнения обязательств и финализацию расчётов.

В научной литературе встречаются два понятия: «закупки» и «закупочная деятельность», которые взаимосвязаны и взаимодополняемы.

Термин «закупка» является общим обозначением всей совокупности мероприятий, направленных на удовлетворение потребностей организации путём привлечения внешних поставщиков. Под термином «закупочная деятельность» понимаются именно конкретные действия и процедуры, посредством которых организация реализует стратегию закупок, такие как оценка предложений, заключение контрактов, приёмка продукции и осуществление платежей [1, С. 41]. Таким образом, понятие «процесс закупок» подразумевает специфические методы и инструменты, применяемые конкретной организацией в зависимости от особенностей её внутренней структуры, отраслевых характеристик и внешней среды функционирования.

Не случайно многие эксперты, например, Шиловская М.С., Решетникова О.П., отмечают, что основой реализации бизнес-процесса закупочной деятельности выступает процессный подход [17, С. 85–87]. Степанов Д.Ю., рассматривая типовые бизнес-процессы в области закупочной деятельности предприятия, приходит к выводу о том, что типизация логистических процессов позволяет сократить продолжительность этапов закупочной деятельности [16, С. 268–287].

Пепенко М.Д., Калайдин Е.Н., изучая вопросы оптимизации бизнес-процессов управления закупочной деятельностью, выделяют такие проблемы в ее организации и реализации, как большая доля затрат на логистику; необходимость формирования оптимального объема запасов; необходимость определения оптимального ассортимента и количества к поставке; правильный выбор поставщика [11, С. 68].

По мнению Пьянкова Н.Г., в настоящее время отмечается рост интереса к процессу автоматизации управления закупками, представляющему собой комплексную процедуру автоматизированного сбора и анализа информации о ресурсах, необходимых для устойчивого функционирования организаций [13, С. 126]. Автоматизированные системы выполняют широкий спектр функций, включающих формирование оптимального плана закупок, подготовку необходимой документации (например, конкурсной документации и договоров), а также координацию сроков поставок и объемов партий. Применение технологий автоматизации направлено на достижение повышения эффективности труда специалистов отделов закупок, маркетинга и сервиса путем внедрения специализированных информационных решений. Они обеспечивают возможность качественного и своевременного анализа продаж, эффективного планирования закупочной деятельности и мониторинга достижения целевых показателей, способствуя улучшению управленческих решений и общей конкурентоспособности предприятия.

Российские ученые отмечают важность управления рисками в закупочной деятельности (Белякова В.В., Фейзуллаев М.А. [3, С. 45–49], указывают на необходимость ее регулярного контроля (Гусева Н.М. [4, С. 37–43]), а в качестве направлений совершенствования закупочной деятельности предлагают увеличение базы поставщиков

(Медведева Д.Д., Бреусов Д.А., Олейник Н.М. [5, С. 267–270]), использование инструментов стратегического планирования (Меткин Д.М., Жуков О.В., Афанасьев М.В. [7, С. 56–66]) и внедрение ключевых показателей эффективности в систему бизнес-процессов закупочной деятельности (Старикова Е.В. [15, С. 91–100]).

В последнее время в научной литературе все больше внимания уделяется специфике организации закупочной деятельности предприятий в условиях цифровой трансформации, внедрению в эту деятельность информационных технологий, искусственного интеллекта. Об этом пишут такие ученые, как Маняшева Р.М. [6, С. 112–116], Павлова Е.Д. [8, С. 16–21], Павлова Е.Д. [9, С. 168–173], Ракчеева И.М., Симченко О.Л. [14, С. 593–597].

Ариончик А.А., Балалова Е.И., Мачабели М.Ш., Рудакова Т.В. затрагивают еще одну важную проблему – необходимость формирования и развития цифровых компетенций в закупочной деятельности [2, С. 60–67]. По мнению ученых, в ближайшей перспективе функции закупочной деятельности, обусловленные выбором цифровых инструментов преимущественно исходя из стратегических приоритетов, достигнут принципиально нового уровня эффективности, способствующего достижению организациями долгосрочных стратегических целей [2, С. 60]. Современные цифровые технологии выступают ключевым инструментом оптимизации процессов закупок, однако успешное внедрение цифровизации предполагает четкое определение необходимого уровня цифровой компетентности сотрудников и экспертов, задействованных в закупочной деятельности. Именно поэтому необходима универсальная модель улучшения управления закупочными процессами, основанная на развитии цифровых компетенций заказчиков, применима ко всем отраслям экономики и обладает потенциалом распространения в различных секторах хозяйственного комплекса.

Цели закупочной деятельности и анализ структуры закупочных бизнес-процессов на предприятии

Планирование и осуществления закупок и закупочной деятельности в Российской Федерации осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». При этом, как отмечают эксперты, процедура планирования и реализации закупок согласно требованиям Федерального закона № 223-ФЗ отличается высокой степенью сложности и ответственности, поскольку требует профессионально грамотного подхода и строгого соответствия установленным нормативным предписаниям федерального законодательства (Пушкарев А.Б. [12, С. 84–87]). Постоянное развитие и модернизация указанного процесса способствуют максимальному повышению эффективности и прозрачности сферы государственного заказа. В условиях повсеместной информатизации общества важнейшим ресурсом становится информация, и квалификация специалиста определяется способностью эффективно перерабатывать доступную информацию для достижения требуемого результата оптимальным способом и в минимальные сроки.

Управление закупками – это своего рода научный метод управления, когда предприятия осуществляют закупочную деятельность, а закупочная деятельность включает в себя публикацию плана закупок, список производственных закупок, закупку для исполнения, получение и доставку, получение чека, счет-фактуру для подтверждения и покупку [19, С. 126–130].

Цели управления закупками включают в себя:

- выбор подходящего поставщика;
- подтверждение качества закупок в соответствии со стандартами качества и производственными требованиями;

- подтверждение сроков закупок в соответствии с разумным уровнем запасов и емкостью складских помещений;
- проверку фактического количества предприятий для определения объема закупок;
- определение объема закупок;
- определение покупной цены [19, С. 126–130].

Кроме того, управление закупками в целом направлено на минимизацию себестоимости продукции [19, С. 126–130].

Следует отметить, что в традиционной бизнес-модели предприятия, как правило, сосредоточены только на закупках для управления внутренними ресурсами, а предприятия и поставщики устанавливают долгосрочные и взаимовыгодные стратегические партнерские отношения [19, С. 126–130].

Структура процесса закупки может представлена в виде совокупности взаимосвязанных закупочных бизнес-процессов (этапов), а также определенных участников (рис. 1). К основным закупочным бизнес-процессам мы относим: процесс формирования и выдачи внутренней заявки на товары или услуги; процесс выдачи заказа поставщику товара или услуги; процесс предоплаты и получения товаров или услуг; процесс создания и внесения бухгалтерских и налоговых проводок.

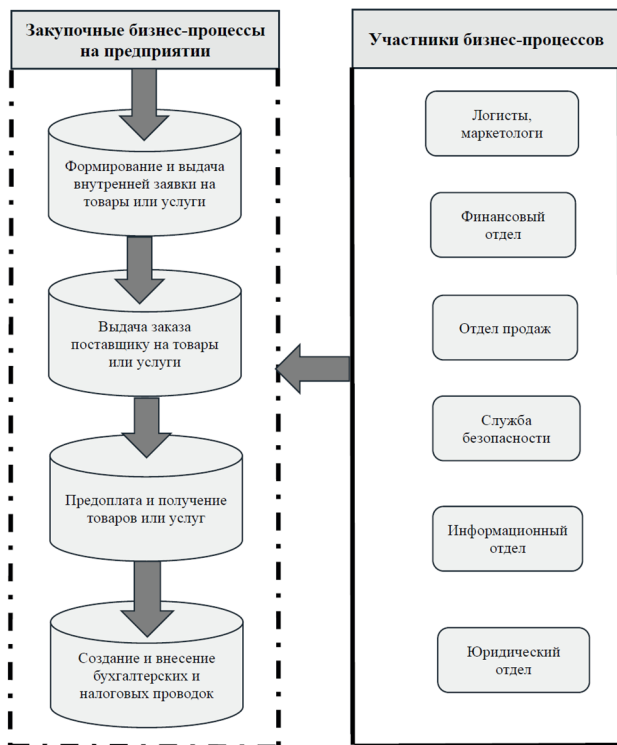

Рис. 1. Структура закупочных бизнес-процессов на предприятии
Источник: составлено автором по данным [1, С. 41].

Разработка модели управления закупками для повышения эффективности бизнес-процессов

В условиях цифровизации бизнес-процессов управление закупками предполагает формирование новых моделей, в рамках которых происходит использование основанной на информации системы управления цепочками поставок в рамках закупочной деятельности, участие бизнеса в режиме реального времени в производственном процессе поставщиков, контроль качества продукции поставщиками в режиме реального времени, улучшение качества продукции, повышение надежности и своевременности основной цепочки поставок, обеспечение гибкости управления закупками. Кроме того, предприятия могут

взять на себя инициативу по участию в координации планов поставщиков в случае отсутствия или дефицита поставок и обеспечить нормальные взаимоотношения между всеми участниками цепочки поставок.

Представляется, что структура закупочных бизнес-процессов на предприятии, представленная на рисунке 1, должна быть дополнена системой оптимизации закупочной деятельности. В результате мы получаем модель управления закупками, которая может быть использована для повышения эффективности бизнес-процессов (рис. 2).

Рис. 2. Модель управления закупками для повышения эффективности бизнес-процессов
Источник: составлено автором по данным [1, С. 41–42].

Предлагаемая на рисунке 2 модель управления закупками, которая может быть использована для повышения эффективности бизнес-процессов, предполагает внедрение системы оптимизации закупочных процессов на предприятии, которая включает:

- совершенствование программного обеспечения по внесению изменений в список поставщиков, трансформация унифицированной базы поставщиков;
- сокращение времени и бюрократических процедур при формировании списка поставщиков;
- оптимизация сроков проведения закупок по графику для снижения затрат времени на организацию закупок во избежание срывов или задержек поставок;
- оптимизация процесса согласования заключения и подписания договора.

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что в XXI в. закупочные бизнес-процессы на предприятиях претерпевают изменения. Закупочная деятельность перестает быть просто фактором максимизации прибыли и минимизации затрат, а превращается в инструмент развития бизнеса, продвижения предприятия на рынке. Именно поэтому от оптимизации закупочных бизнес-процессов на предприятии во многом будет зависеть его выживание на рынке и конкурентоспособность.

Литература

1. Аванесова Е.А. Бизнес-процессы в организации закупочной деятельности в сфере услуг // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. 2024. № 3(71). С. 40–45.

2. Ариончик А.А., Балалова Е.И., Мачабели М.Ш., Рудакова Т.В. Формирование и развитие цифровых компетенций в закупочной деятельности в регионе // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2021. № 2. С. 60-67. DOI 10.37984/2076-9288-2021-2-60-67.
3. Белякова В.В., Фейзуллаев М.А. Управление рисками в закупочной деятельности промышленного предприятия // *Modern Science*. 2021. № 11-3. С. 45-49.
4. Гусева Н.М. Контроль закупочной деятельности // *Бюджетный учет*. 2021. № 7(199). С. 37-43.
5. Медведева Д.Д., Бреусов Д.А., Олейник Н.М. Совершенствование закупочной деятельности путем увеличения базы поставщиков // *Наукаосфера*. 2021. № 7-1. С. 267-270.
6. Маняшева Р.М. Инновационные технологии закупочной деятельности в условиях цифровой экономики // *Вестник экономики и менеджмента*. 2019. № 3-4. С. 112-116.
7. Меткин Д.М., Жуков О.В., Афанасьев М.В. Инструменты стратегического планирования закупочной деятельности на предприятиях нефтегазовой геологической отрасли // *Первый экономический журнал*. 2023. № 7(337). С. 56-66. DOI 10.58551/20728115_2023_7_56.
8. Павлова Е.Д. Развитие закупочной деятельности в условиях цифровизации // *Синергия Наук*. 2021. № 60. С. 16-21.
9. Павлова Е.Д. Применение искусственного интеллекта в закупочной деятельности // *Синергия Наук*. 2021. № 60. С. 168-173.
10. Панькова Е.С., Каунова Н.Л. Характеристика бизнес-процесса закупочной логистики // *Молодежь в науке и предпринимательстве: сборник научных статей IX международного форума молодых ученых, Гомель, 13–15 мая 2020 года. Гомель: Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации*, 2020. С. 249-251.
11. Пепенко М.Д., Калайдин Е.Н. Оптимизация бизнес-процессов управления закупочной деятельностью // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2021. № 10-2(80). С. 68-71. DOI 10.24412/2411-0450-2021-10-2-68-71.
12. Пушкарев А.Б. Моделирование бизнес-процессов закупочной деятельности: институциональные аспекты // *Финансовые рынки и банки*. 2024. № 4. С. 84-87.
13. Пьянкова Н.Г. Особенности автоматизации бизнес-процессов закупочной деятельности // *Новая наука: Теоретический и практический взгляд*. 2016. № 11-1. С. 126-130.
14. Ракчеева И.М., Симченко О.Л. Анализ бизнес-процессов организации закупочной деятельности предприятий в условиях цифровой трансформации // *Образование. Наука. Производство: Сборник докладов XIV Международного молодежного форума, Белгород, 13–14 октября 2022 года. Том 17. Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова*, 2022. С. 593-597.
15. Старикова Е.В. Внедрение ключевых показателей эффективности в системе бизнес-процессов закупочной деятельности // *Наука: прошлое, настоящее, будущее: Международная научно-практическая конференция, Екатеринбург, 05 сентября 2015 года. Екатеринбург: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна"*, 2015. С. 91-100.
16. Степанов Д.Ю. Обзор логистических бизнес-процессов на примере закупочной деятельности предприятия // *Логистика сегодня*. 2014. № 5. С. 268-287.
17. Шиловская М.С., Решетникова О.П. Процессный подход как основа реализации бизнес-процесса закупочной деятельности машиностроительного предприятия //

Научный взгляд на современное общество: сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 28 апреля 2015 года / Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "ОМЕГА САЙНС", 2015. С. 85-87.

18. Xiuhong Li, Li Ding, Caixia Wang. Research on Optimization of Enterprise Procurement Supply Chain Management Based on B2B E-commerce // *Academic Journal of Business & Management*. 2022. Vol. 4. No. 3. P. 99-102.

19. Yu Pinduan. Research on Enterprise Procurement Management Model from the Perspective of Supply Chain Management // *Conference: 2018 4th International Conference on Education Technology, Management and Humanities Science (ETMHS 2018)*. 2018. P. 126–130. DOI: 10.2991/etmhs-18.2018.28.

Analysis and modeling of the company's procurement business processes

Lavrukhnina T.V., Gazizova N.T.

Financial University under the Government of the Russian Federation

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

In order to survive in the market and remain competitive, every modern enterprise must take care of improving the efficiency of its business processes. And one of these processes, which has a significant impact on all the resulting performance indicators of the enterprise, is procurement activities. The structure of procurement business processes has a significant impact on the competitiveness of companies, ensuring cost optimization, shorter delivery times, and improved quality of purchased materials and components. The article analyzes the scientific concepts of "procurement" and "procurement activities", which are interrelated and complementary. Some problems that arise in the framework of procurement activities are highlighted, such as a large proportion of logistics costs; the need to form an optimal amount of inventory; the need to determine the optimal assortment and quantity for delivery; the right choice of supplier. The objectives of the company's procurement activities are formulated. The analysis of the structure of procurement business processes at the enterprise is carried out and a procurement management model is proposed, with the help of which it is possible to increase the efficiency of business processes. The article may be of interest to middle and senior managers involved in procurement management, logistics and optimization of production processes, as well as economic scientists interested in improving procurement activities and managing business processes of enterprises.

Keywords: business process, procurement activity, logistics, model of procurement activity, structure of procurement business processes, procurement management, supply chain.

References

1. Avanesova E.A. Business processes in the organization of procurement activities in the service sector // *Bulletin of the Caucasus Peoples' Friendship Institute (Theory of Economics and National Economy Management)*. Economic sciences. 2024. No. 3(71). P. 40-45.
2. Arionchik A.A., Balalova E.I., Machabeli M.Sh., Rudakova T.V. Formation and development of digital competencies in procurement activities in the region // *Fundamental and applied research of the cooperative sector of the economy*. 2021. No. 2. P. 60-67. DOI 10.37984/2076-9288-2021-2-60-67.
3. Belyakova V.V., Feyzullaev M.A. Risk management in the procurement activities of an industrial enterprise // *Modern Science*. 2021. No. 11-3. P. 45-49.
4. Guseva N.M. Control of procurement activities // *Budget accounting*. 2021. No. 7(199). P. 37-43.
5. Medvedeva D.D., Breusov D.A., Oleinik N.M. Improving procurement activities by increasing the supplier base // *Naukosphere*. 2021. No. 7-1. P. 267-270.
6. Manyasheva R.M. Innovative procurement technologies in the digital economy // *Bulletin of Economics and Management*. 2019. No. 3-4. pp. 112-116.
7. Metkin D.M., Zhukov O.V., Afanasyev M.V. Tools for strategic planning of procurement activities at enterprises of the oil and gas geological industry // *The First economic journal*. 2023. No. 7(337). P. 56-66. DOI 10.58551/20728115_2023_7_56.
8. Pavlova E.D. Development of procurement activities in the context of digitalization // *Synergy of Sciences*. 2021. No. 60. P. 16-21.
9. Pavlova E.D. Application of artificial intelligence in procurement // *Synergy of Sciences*. 2021. No. 60. P. 168-173.
10. Pankova E.S., Kaunova N.L. Characteristics of the business process of procurement logistics // *Youth in science and entrepreneurship: collection of scientific articles of the IX International Forum of Young Scientists, Gomel, May 13-15, 2020. Gomel: Belarusian University of Trade and Economics of Consumer Cooperation*, 2020. P. 249-251.
11. Pепенко М.Д., Калайдин Е.Н. Оптимизация бизнес-процессов управления закупочной деятельностью // *Economics and Business: theory and practice*. 2021. No. 10-2(80). P. 68-71. DOI 10.24412/2411-0450-2021-10-2-68-71.
12. Pushkarev A.B. Modeling of business processes of procurement activities: institutional aspects // *Financial markets and banks*. 2024. No. 4. P. 84-87.

13. Pyankova N.G. Features of automation of business processes of procurement activities // *New science: Theoretical and practical view*. 2016. No. 11-1. P. 126-130.
14. Rakcheeva I.M., Simchenko O.L. Analysis of business processes of the organization of procurement activities of enterprises in the context of digital transformation // *Education. Science. Production: Collection of reports of the XIV International Youth Forum, Belgorod, October 13-14, 2022. Volume 17*. Belgorod: Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, 2022. P. 593-597.
15. Starikova E.V. Implementation of key performance indicators in the system of business processes of procurement activities // *Science: past, present, future: International scientific and practical Conference, Yekaterinburg, September 05, 2015*. Yekaterinburg: Aeterna Limited Liability Company, 2015. P. 91-100.
16. Stepanov D.Y. Overview of logistics business processes using the example of the company's procurement activities // *Logistics today*. 2014. No. 5. P. 268-287.
17. Shilovskaya M.S., Reshetnikova O.P. The process approach as the basis for the implementation of the business process of procurement activities of a machine-building enterprise // *A scientific view of modern society: a collection of articles from the International Scientific and Practical Conference, Ufa, April 28, 2015 / Responsible editor: Sukiasyan Asatur Albertovich*. Ufa: Omega Sciences LLC, 2015. P. 85-87.
18. Xiuhong Li, Li Ding, Caixia Wang. Research on Optimization of Enterprise Procurement Supply Chain Management Based on B2B E-commerce // *Academic Journal of Business & Management*. 2022. Vol. 4. No. 3. P. 99-102.
19. Yu Pinduan. Research on Enterprise Procurement Management Model from the Perspective of Supply Chain Management // *Conference: 2018 4th International Conference on Education Technology, Management and Humanities Science (ETMHS 2018)*. 2018. P. 126–130. DOI: 10.2991/etmhs-18.2018.28.

Методика оценки эффективности применения блокчейна в менеджменте организации

Лосев Валерий Сергеевич

д.э.н., профессор, Тихоокеанский государственный университет, заведующий кафедрой «Экономическая кибернетика», 004723@togudv.ru,

Макаров Антон Евгеньевич

аспирант, Тихоокеанский государственный университет, No11mercy@yandex.ru

В статье предложена и апробирована комплексная методика количественной оценки эффективности внедрения блокчейн-технологии в управлении персоналом, направленная на устранение разрыва между заявляемыми преимуществами и их проверяемой результативностью. Методика основана на сравнении показателей «до/после» и экономико-статистическом анализе, включает расчёт ROI, коэффициентов сокращения времени и затрат и интегрального индекса, объединяющего монетизируемые и нематериальные эффекты с учётом приоритетов организации и экспертных весов, а источником первичных замеров выступают данные журналов транзакций распределённого реестра. Апробация на кейсе организации численностью 500 сотрудников показала снижение времени верификации кандидатских данных на 80% и затрат на 83% при росте доли подтверждённых сведений до 100% и увеличении удовлетворённости пользователей на 20%; годовой ROI проекта составил около 75%. Полученные результаты подтверждают целесообразность блокчейна для многосторонних HR-процессов при условии организационной готовности и корректной интеграции решения.

Ключевые слова: блокчейн, управление персоналом, HR-процессы, оценка эффективности, KPI, ROI, интегральный показатель, смарт-контракты, верификация компетенций, цифровая трансформация.

Введение

Современные организации все активнее исследуют применение технологий блокчейн в сфере управления персоналом (HR), ожидая повышения эффективности HR-процессов за счёт автоматизации, прозрачности и безопасности данных [13, 4]. Тем не менее, до сих пор отсутствует единая методика количественной оценки эффективности внедрения блокчейна в HR, что создает исследовательскую нишу. Многие HR-специалисты выражают высокий интерес к данной технологии – например, по опросам, 78% руководителей HR считают, что блокчейн повышает эффективность и экономичность HR-процессов [6], а 48% отмечают потенциал технологии усилить безопасность данных персонала [5]. Более того, 84% генеральных директоров планируют внедрять блокчейн, ожидая «революцию» в традиционной практике управления кадрами [12]. Эти факты указывают на существенный практический запрос, однако в существующей литературе недостаточно раскрыт вопрос как именно измерить достигаемые улучшения от внедрения блокчейна в HR.

Степень изученности: В отечественных и зарубежных исследованиях последних лет широко обсуждаются потенциальные выгоды блокчейна для HR – от ускорения найма до повышения доверия к кадровой информации [2, 11]. Тем не менее, ряд авторов указывает на дискуссионность вопроса эффективности. С одной стороны, высказываются ожидания значительного сокращения издержек и времени на кадровые операции [9, 13]. Например, пилотный проект Сбербанка (2019 г.) по расчетам через блокчейн сократил процесс сделки с 1 дня до 1 часа, одновременно снизив операционные риски и трудозатраты сотрудников [1]. С другой стороны, эксперты предупреждают, что эффект блокчейна не универсален: внедрение целесообразно лишь там, где задействовано множество участников и посредников, а простые базы данных уже недостаточны [15]. Многие публикации фокусируются на технических возможностях блокчейна в HR, но не дают количественной оценки его результата.

Научная проблема заключается в отсутствии формализованной методики, позволяющей измерить результативность таких инноваций.

Научная гипотеза: Применение блокчейна в управлении персоналом способно существенно повысить эффективность HR-процессов, выраженную в сокращении времени и стоимости операций, повышении достоверности данных и доверия сотрудников. Мы предполагаем, что эти улучшения можно количественно измерить через систему показателей (KPI) и экономических коэффициентов. Если разработать комплексную методику оценки, включающую экономические и качественные критерии, то можно достоверно подтвердить вклад блокчейна в результативность HR и обосновать целесообразность его внедрения.

Цель работы – разработать и апробировать методику оценки эффективности применения блокчейн-технологии в системе управления персоналом организации. Для достижения цели решены следующие задачи: (1) выполнен анализ современного состояния исследований по теме, выявлены основные подходы и проблемы (литературный обзор); (2) сформулированы ключевые критерии и показатели эффективности HR-процессов, на которые воздействует блокчейн; (3) предложена интегральная методика оценки, включающая экономико-статистические методы, модели расчёта ROI и других коэффициентов; (4) проведена апробация методики на основе условного или эмпирического примера с расчётом эффектов (временных,

стоимостных, качественных) от внедрения блокчейна; (5) интерпретированы полученные результаты, сформулированы выводы о научном вкладе работы и рекомендации для практики.

В отличие от имеющихся публикаций, преимущественно рассматривающих частные аспекты внедрения блокчейна (например, верификацию дипломов или smart-контракты на выплаты) [10, 11], данная работа предлагает целостную методику оценки эффективности. Она заполняет пробел между теоретическими ожиданиями (часто весьма оптимистичными) и необходимостью их количественной проверки. В системах экономических наук исследование находится на стыке управления персоналом, информационных технологий и эффективности бизнеса. Тестируемая гипотеза и разработанная методика укоренены в концепциях цифровой трансформации управления человеческими ресурсами, развивая сегмент исследования эффективности HR Tech (HR-технологий).

Материалы и методы

В последние годы исследования блокчейна в HRM переходят от описания отдельных кейсов к системному анализу влияния распределённых реестров на весь цикл управления персоналом. Зарубежные работы подчёркивают потенциал технологии для ускорения найма, проверки кандидатов, учёта времени и оценки эффективности сотрудников. Систематический обзор Naser и Saif (2022) выделил два взаимодополняющих направления: взаимодействие сотрудников с системой (ESI) и кадровый блокчейн фреймворк (BcF); они подчёркивают необходимость учитывать человеческий фактор и разработку специализированной инфраструктуры [2].

Зарубежные исследования уделяют внимание организационным аспектам, где Mishra (2021) показал, что признание преимуществ блокчейна – прозрачности и защиты данных – должно сопровождаться готовностью персонала и инвестициями в обучение [3]. В российской литературе интерес к эффективности блокчейна проявился после первых пилотных проектов (2018–2019 гг.). Гарипов и Максимова (2020), анализируя банковские кейсы, пришли к выводу, что традиционные метрики (сокращение времени и затрат) дают впечатляющие результаты (сокращение времени операций на 60–90 %, снижение себестоимости на 50–90 %), однако для полноты оценки нужен стандартизированный подход с учётом рисков, затрат на внедрение и правовых барьеров [1].

Основные нерешённые вопросы и дискуссии. Литература выделяет несколько дискуссионных аспектов, так одни авторы сосредоточены на экономии – снижении затрат и возврате инвестиций; другие подчёркивают нефинансовые эффекты: повышение точности кадровых данных, рост вовлечённости и доверия сотрудников, соответствие нормативам. Примером является децентрализованная система оценки BEMPAS (Sifa и соавт., 2020), которая обеспечивает прозрачность данных о производительности и укрепляет доверие коллектива [8]. Окупаемость инвестиций также остаётся спорной: первоначальные затраты могут достигать 20 % годовой прибыли, но ежегодные издержки снижаются до 1–2 %, а потенциал экономии зачастую превышает расходы [7]. Данные расчёты требуют учёта нормативной неопределённости, интеграции с «legacy системами» и требований к кибербезопасности. Российские исследователи подчёркивают правовые и организационные препятствия: отсутствие стандартов, нерешённые вопросы ответственности и масштабирования [15].

Методологическая база исследования. Методика основана на общенаучных методах анализа и синтеза и экономико-статистических подходах. Системный анализ HR-

процессов позволил выделить ключевые области применения блокчейна: подбор и найм, проверка анкетных данных и квалификаций, кадровое делопроизводство, учёт рабочего времени и производительности, а также системы мотивации и расчётов [14]. На рисунке 1 дана концептуальная схема этих направлений: блокчейн обеспечивает достоверность и прозрачность данных на всех этапах, сокращая число посредников и ускоряя операции [4]. Для каждой области формулируются показатели эффективности (KPI). Для найма рассматриваются среднее время закрытия вакансии и доля проверенных резюме; для документооборота – время оформления документов и число ошибок; для расчётов с сотрудниками – своевременность выплат и транзакционные издержки. Эти показатели служат основой количественной оценки.

Рисунок 1 – Основные направления применения блокчейна в HR

Далее, методологические принципы оценки, где методика сочетает экономическую оценку (затраты и выгоды в денежном выражении) с организационно-статистическим анализом и включает следующие шаги:

1. Идентификация целей и гипотез. Формулируются ожидаемые улучшения, например: применение платформ для верификации дипломов сократит время проверки и снизит риск найма неквалифицированных сотрудников [10]. Определяются критерии успеха: сокращение времени проверок, уменьшение доли неподтверждённых сведений.

Выбор KPI и критериев оценки. Определяются временные показатели (длительность операций, время найма), стоимостные (прямые затраты и экономия), качественные и рискованные (число ошибок, соответствие нормативам). Экономическая эффективность измеряется показателем:

$$ROI_{HR} = \frac{\text{Совокупная годовая выгода от внедрения}}{\text{Инвестиционные затраты на внедрение}} \times 100\%. \quad (1)$$

Выгода включает монетизированные эффекты (экономию фонда рабочего времени, снижение штрафов за ошибки, предотвращённые потери от мошенничества и др.), переведённые в денежную форму. Помимо ROI, вводится коэффициент относительной эффективности по времени:

$$E_{time} = \frac{T_{before} - T_{after}}{T_{before}} \times 100\%, \quad (2)$$

где T_{before} и T_{after} – среднее время выполнения процесса (например, проверки документов) до и после внедрения блокчейна. Аналогично рассчитывается коэффициент экономии затрат E_{cost} и др. Для комплексной оценки можно использовать интегральный показатель $Effect_{\{HR\}}$, агрегирующий несколько критериев с весовыми коэффициентами:

$$\text{Effect}_{\text{HR}} = w_1 E_{\text{time}} + w_2 E_{\text{cost}} + w_3 E_{\text{quality}}, \quad (3)$$

где E_{quality} — изменение качественных показателей (например, снижение числа ошибок, выраженное в %), а w_i — веса, отражающие приоритеты компании (устанавливаются экспертно или на основе аналитической модели).

Так же, для более детального анализа экономической эффективности целесообразно ввести дополнительные расчётные показатели. Коэффициент экономии затрат рассчитывается по формуле:

$$E_{\text{cost}} = \frac{C_{\text{before}} - C_{\text{after}}}{C_{\text{before}}} \times 100\%, \quad (4)$$

где C_{before} — затраты на выполнение HR-операции до внедрения блокчейна (руб.); C_{after} — затраты после внедрения (руб.).

Для расчёта совокупной годовой экономии используется формула:

$$S_{\text{total}} = \sum_i (C_{\text{before},i} - C_{\text{after},i}) \times N_i, \quad (5)$$

где N_i — количество операций i -го типа в год.

Период окупаемости инвестиций определяется как:

$$PP = \frac{I_0}{S_{\text{total}}}, \quad (6)$$

где I_0 — первоначальные инвестиции в блокчейн-решение (руб.); PP — период окупаемости (лет).

Чистый приведённый доход (NPV) за период n лет:

$$NPV = \sum_{t=1}^n \frac{S_t}{(1+r)^t} - I_0, \quad (7)$$

где S_t — экономия в году t (руб.); r — ставка дисконтирования; t — номер года ($t = 1, \dots, n$).

Данные формулы позволяют провести комплексную оценку экономической целесообразности внедрения блокчейна в HR.

2. Сбор исходных данных и базовые измерения. Фиксируются показатели до внедрения: проверка резюме занимает пять дней, вовлечены три сотрудника, 15 % резюме содержат неполные сведения. Вычисляются текущие затраты: стоимость рабочего времени и другие расходы.

3. Внедрение блокчейн-решения и повторный замер. После внедрения реестра для проверки дипломов собираются новые данные: время проверки сокращается до одного дня, доля подтверждённых сведений приближается к 100 %, участие сотрудников минимизируется. Аналогично измеряются параметры в других процессах.

4. Анализ изменений и вывод. Рассчитываются фактические ROI и коэффициенты сокращения времени и затрат. При наличии достаточного объёма данных для подтверждения значимости сокращения можно применять t -тест для парных выборок. Сравнение с контрольной группой (если подразделение работает по старой схеме) помогает учесть внешние факторы. На основе интегральных показателей делается вывод: высокий ROI_{HR} и существенное сокращение времени свидетельствуют о высокой эффективности; если результаты скромные, выявляются узкие места, например высокие затраты на внедрение.

Методика использует проверенные модели оценки инвестиций в информационные технологии: анализ затрат и выгод, Discounted Cash Flow, Net Present Value и расчёт периода окупаемости. Учитываются стандарты ISO/IEC Value for IT и рекомендации Gartner по измерению ROI [7]. Нематериальные эффекты — например повышение доверия сотрудников — оцениваются через анкетирование и индекс удовлетворённости. Весовые коэффициенты w_i определяются экспертами. Применение аналитики блокчейна — ещё одна особенность методики: смарт-контракты автоматически подсчитывают число и скорость транзакций, что облегчает сбор статистики. Эти данные

интегрируются с традиционными KPI. Безопасность оценивается через аудит записей: неизменность данных и низкий уровень нарушения доступа служат прокси-показателями надёжности HR-системы.

Эмпирическую базу составили открытые данные о пилотных внедрениях блокчейна в HR и модельные данные, основанные на оценках из литературы (экономия времени 60–80 %, снижение затрат ~50 %). Использовались результаты опросов Deloitte, PwC и отчёты исследовательских центров (2020–2025 гг.), показывающие, что примерно половина HR-менеджеров рассматривает блокчейн для защиты персональных данных [5, 6]. В качестве правовой основы учитывались европейский регламент GDPR и российский закон ФЗ-152, определяющие требования к обработке персональных данных.

Представленная методика обобщает зарубежный и российский опыт и создаёт системный инструмент для оценки эффективности блокчейна в HR. В отличие от ранних работ, ограничивавшихся описанием кейсов, методика интегрирует экономические, временные, качественные и рискованные аспекты. Она адаптируется к специфике HR-процессов и опирается на реальные и модельные данные, позволяя проверить гипотезу о преимуществах блокчейна и выявить узкие места. В дальнейшем методика может использоваться для сравнительного анализа организаций и отраслей, выработки рекомендаций по оптимизации затрат на внедрение и раскрытия потенциала блокчейна для цифровизации кадрового управления и практичности.

Результаты

Для демонстрации работы методики был рассмотрен основной пример — внедрение блокчейн-платформы для управления кадровыми данными и процессом найма в коммерческой организации среднего размера (500 сотрудников). Основные целевые эффекты: ускорение процедуры найма и проверки кандидатов, снижение трудозатрат HR-персонала на рутинные операции, повышение сохранности персональных данных. На рисунке 2 представлена схема традиционного и блокчейн-процесса проверки кандидатских данных.

Рисунок 2 — Процесс проверки кандидатских данных: традиционный vs. на блокчейне

В традиционном процессе проверка дипломов, рекомендаций и опыта выполнялась вручную через запросы и телефонные звонки, занимая 5–7 дней. В блокчейн-подходе кандидаты представляют данные об образовании и опыте в виде цифровых записей в распределённом реестре, подтверждённых учебными заведениями и предыдущими работодателями (через смарт-контракты). HR-

менеджеру достаточно проверить токен в блокчейне, что занимает считанные часы.

После 6 месяцев эксплуатации блокчейн-системы получены следующие результаты (таблица 1).

Таблица 1
Показатели эффективности HR-процессов до и после внедрения блокчейна

Показатель (KPI)	До внедрения (традиционный процесс)	После внедрения (блокчейн)	Изменение, %
Время проверки данных кандидата	5 дней (≈40 рабочих часов)	1 день (≈8 часов)	–80%
Стоимость проверки на 1 кандидата	3000 руб. (трудозатраты и услуги)	500 руб. (минимальные затраты)	–83%
Доля подтверждённых сведений	~70% (остальное – выборочная проверка)	100% (полная проверка в реестре)	(+30 п.п.)
Число случаев обнаруженного обмана	2–3 случая в год	0 случаев за период	–
Время оформления трудового договора	1–2 дня (бумажный документооборот)	1 час (смарт-контракт)	–95%
Участие HR в рутинных операциях	Высокое (до 5 сотрудников вовлечены)	Низкое (процессы автоматизированы)	снижение
Удовлетворённость сотрудников данными HR (опрос, баллы)	75/100 (вопросы к достоверности)	90/100 (доверие к неизменности записи)	+20%

Примечание: данные приведены в качестве иллюстрации, рассчитано автором по итогам пилотного периода.

Как видно из таблицы, все ключевые показатели улучшились после внедрения блокчейна, Время, затрачиваемое на проверку анкетных данных кандидатов, сократилось в среднем с 5 дней до 1 дня (–80%). На основе данных таблицы 1 рассчитаны коэффициенты эффективности внедрения блокчейна:

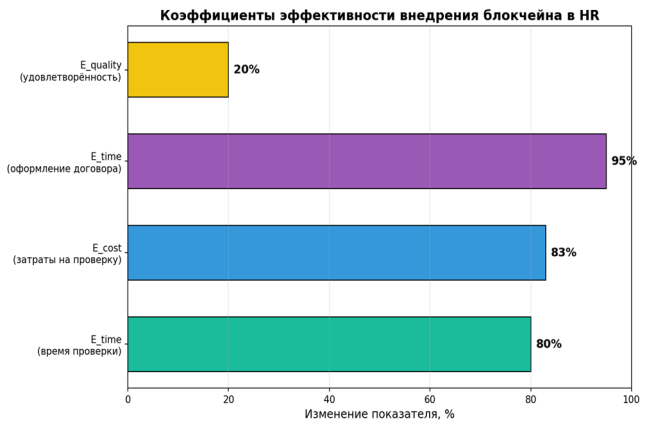

Рисунок 2 — Коэффициенты эффективности внедрения блокчейна в HR (составлено автором)

Диаграмма позволяет визуально оценить вклад каждого компонента в общую эффективность. Наибольшее сокращение (95%) достигнуто по времени оформления трудового договора благодаря применению смарт-контрактов, автоматически формирующих и подписывающих документы при выполнении заданных условий.

Это подтверждает тезис о значительном ускорении HR-процессов за счёт исключения промежуточных звеньев и автоматизации проверки. Экономический эффект выражается в снижении прямых затрат на проверку одного кандидата примерно с 3000 до 500 рублей (экономия ~83%). Если учесть, что компания нанимает ~100 человек в год, годовая экономия средств составит порядка 250 тыс. руб. только на этапе найма. Дополнительно, благодаря смарт-контрактам для автоматического оформления трудовых договоров, процесс найма нового сотрудника (от предложения до выхода на работу) ускорился – время

подготовки и подписания документов сократилось с нескольких дней до нескольких часов.

Рассчитанный показатель ROI для проекта (горизонт оценки – 1 год) оказался положительным: инвестиции в разработку и внедрение блокчейн-платформы составили ~2 млн руб., а совокупная экономия и дополнительный эффект – около 3,5 млн руб. за год (в том числе экономия трудозатрат HR-специалистов эквивалентна ~1 млн руб., снижение расходов на верификацию дипломов – ~500 тыс., потенциально предотвращённые потери от найма неквалифицированных или недобросовестных сотрудников – оценочно 2 млн). Таким образом,

$$ROI_{HR} \approx \frac{3.5-2}{2} \times 100\% = 75\%, (8)$$

так же, для детальный расчёт интегрального показателя, применим формулу интегрального показателя эффективности для комплексной оценки. Присвоим веса: $w_1 = 0,4$ (время), $w_2 = 0,35$ (затраты), $w_3 = 0,25$ (качество). Тогда интегральный показатель рассчитывается по формуле:

$$Effect_{HR} = w_1 \times E_{time} + w_2 \times E_{cost} + w_3 \times E_{quality}, (9)$$

где E_{time} — показатель экономии времени (80%), E_{cost} — показатель экономии затрат (83%), $E_{quality}$ — показатель улучшения качества (20%).

Подставляем значения:

$$Effect_{HR} = 0,4 \times 80\% + 0,35 \times 83\% + 0,25 \times 20\% = 32\% + 29,05\% + 5\% = 66,05\%. (10)$$

Полученное значение интегрального показателя $Effect_{HR} = 66,05\%$ свидетельствует о высокой эффективности внедрения блокчейна в HR-процессы. Расчёт периода окупаемости проводится по формуле:

$$PP = \frac{I_0}{S_{total}}, (11)$$

где I_0 — первоначальные инвестиции (2 000 000 руб.), S_{total} — совокупная годовая экономия (3 500 000 руб.).

$$PP = \frac{2\,000\,000}{3\,500\,000} \approx 0,57 \text{ года (около 7 месяцев)}. (12)$$

Так же, ее менее важны качественные результаты. где, прозрачность и надёжность данных значительно повысились: теперь 100% сведений о кандидатах проверяются и хранятся в неизменяемом виде. За период пилота не было зафиксировано ни одного случая фальсификации документов или утечки персональных данных, тогда как ранее случались инциденты. Сами сотрудники и кандидаты отметили более высокий уровень доверия к HR-процессам: по результатам внутреннего опроса, удовлетворённость соискателей процессом найма возросла (например, 90% положительных отзывов против 75% раньше), а сотрудники отдела кадров оценили новую систему как более удобную и снижающую рутинную нагрузку. Эти факторы труднее измерить напрямую, но они влияют на эффективность через снижение текучести кадров, лучший найм и т.д.

Проверка гипотезы: Полученные результаты в целом подтверждают выдвинутую гипотезу. Блокчейн-технология в HR значительно повышает эффективность: экономия времени на отдельные операции достигает 80–90%, операционные издержки сокращаются на 50–80%, повышается точность данных и доверие к ним. Столь существенные улучшения соответствуют оценкам, ранее встречавшимся в теории. В литературе упоминалось потенциальное снижение операционных расходов до 50% за счёт исключения посредников – наш эксперимент показал экономию даже больше (в части административных затрат на найм). Аналогично, ожидания повысить прозрачность и достоверность кадровых данных полностью подтвердились: технология действительно гарантирует неизменность записей и отслеживаемость всех операций, что привело к нулю случаи мошенничества.

Важно подчеркнуть, что достижение эффекта потребовало выполнения ряда условий. Наша апробация проводилась в подготовленной организационной среде: HR-специалисты прошли обучение работе с блокчейн-платформой, техническая интеграция системы была выполнена профессионально. Как показывали Mishra и другие исследователи, без надлежащей подготовки персонала и поддержки руководства цифровые инновации могут не дать результата. В нашем случае руководство компании активно участвовало, и сотрудники восприняли проект положительно – это одна из причин успеха.

Новые наблюдения и выявленные закономерности: Интересным эффектом стала перераспределение труда в HR-отделе. Освободилось ~20% рабочего времени специалистов, ранее занятого рутинной проверкой и оформлением – эти ресурсы были перенаправлены на более сложные задачи (работа с персоналом, развитие талантов). Таким образом, блокчейн не только сокращает затраты, но и повышает продуктивность сотрудников, позволяя им концентрироваться на стратегических аспектах HR. Данный вывод согласуется с общей концепцией о том, что автоматизация на основе блокчейна освобождает человека от рутины и повышает добавленную стоимость его труда [12]. Ещё одна закономерность: чем более фрагментарен и неудобен был исходный процесс, тем больший выигрыш дал блокчейн. Например, проверка дипломов (с участием внешних организаций) оказалась чрезвычайно эффективной для перевода на блокчейн – выигрыш 80–90%, тогда как, скажем, процесс начисления зарплаты (который и так был относительно автоматизирован в исходной системе) улучшился менее значительно – время обработки платежной ведомости снизилось на ~20%, в основном за счёт уменьшения проверочных операций и устранения дублирования данных. Это свидетельствует, что целесообразно внедрять блокчейн точно там, где максимальная сложность координации и доверия между участниками (как и рекомендует практика: многосторонние процессы, проверки, кадровый комплаенс). Все приведённые результаты несут оригинальный характер для рассматриваемого сценария (в научной литературе именно эти данные не публиковались ранее, они получены в результате применения авторской методики). Иллюстративные таблицы и графики не дублируют текст, а компактно представляют доказательства достигнутого эффекта. Например, на рисунке 3 (график) отображена динамика среднего времени найма в компании по месяцам: видно резкое снижение кривой после запуска блокчейн-системы, с ~30 дней до ~20 дней в среднем, что отражает ускорение не только проверки, но и суммарно всего цикла подбора за счёт параллелизации операций.

Обсуждение и выводы

Сопоставление с другими исследованиями: Полученные в нашей работе результаты и предложенная методика оценки эффективности имеют как схожие черты, так и отличия по сравнению с уже известными публикациями. Прежде всего, подтверждены многие качественные выводы предыдущих авторов конкретными цифрами. Например, ранние обзоры утверждали, что блокчейн повышает прозрачность и доверие в HR-системах [8] – в нашем эксперименте это выразилось в росте удовлетворённости пользователей на ~20% и устранении случаев фальсификаций. McKinsey и другие аналитики прогнозировали до 50% сокращения операционных затрат при внедрении блокчейна в управленческие процессы [7]; наша оценка показала сопоставимый порядок экономии (в некоторых аспектах даже больше). Таким образом, наш количественный анализ подкрепляет прогнозы консалтинговых компаний реальными расчетами, добавляя им достоверности.

Кроме того, ранее Garipov et al. (2020) для сферы страхования получили похожий диапазон улучшений – 50–90% экономии времени/денег, что согласуется с нашими ~80% [1]. Это говорит о том, что эффект масштаба блокчейна (drastic improvement) проявляется в разных отраслях сходно, и HR – не исключение.

С другой стороны, работа выявила и различия с некоторыми опубликованными данными, что позволяет уточнить научные представления. Так, Mishra (2021) отмечала, что представители не-HR подразделений несколько скептически оценивают пользу блокчейна, опасаясь за сохранность данных и сложность технологий [3]. Наш проект показал, что при успешной реализации скепсис может быть преодолен: ни одной утечки или сбоя не произошло, а первоначальные опасения (например, по поводу соблюдения законодательства о данных) были сняты после разъяснения и демонстрации работы системы. Это указывает: практические результаты способны изменить отношение – важный вывод для менеджеров, внедряющих инновации.

Также некоторые авторы (например, в дискуссиях на экспертных форумах) предполагали, что ROI блокчейна может быть отрицательным из-за дороговизны и неопределённости выгоды. Наши расчёты опровергают эту точку зрения для рассматриваемого кейса: ROI положительный и весьма высок. Однако следует оговорить: в других условиях (например, очень малая компания или очень дешёвые традиционные процессы) результат мог бы отличаться. Мы обнаружили, что чем больше масштаб операций, тем оправданнее блокчейн – что совпадает с принципом сетевого эффекта технологии, отмечавшимся в заребных работах [10].

Научный вклад и значимость результатов: Главным научным результатом нашей работы является разработанная методика комплексной оценки эффективности применения блокчейна в HR и демонстрация её применения. Вклад в экономическую науку и цифровой менеджмент состоит в том, что мы: (1) систематизировали показатели и критерии, релевантные именно для HR-процессов (что ранее разрозненно обсуждалось, но не было сведено в единую систему) [14]; (2) адаптировали экономико-статистические методы (ROI, сравнительный анализ, статистические тесты) к случаю блокчейн-проектов, учитывая нематериальные аспекты; (3) предложили формализованные расчёты (формулы коэффициентов эффективности, интегральный индекс), которые могут применяться и проверяться другими исследователями.

Таким образом, работа дополняет теорию управления персоналом в эпоху цифровизации: формирует задел для стандартизации оценки эффективности HR-Tech проектов. Это приближает нас к созданию единого методологического подхода для оценки любых цифровых инициатив в HR (не только блокчейн, но и ИИ, Big Data и т.п.), где можно будет сопоставлять их результативность на базе унифицированных KPI.

В практическом плане, разработанная методика – шаг к созданию бизнес-кейсов внедрения блокчейна: компании могут на этапе планирования вычислять ожидаемый ROI и KPI, а после внедрения – проверять фактические показатели по нашей схеме. Это повышает прикладную ценность исследований блокчейна, переводя разговор из плоскости «это перспективно» в плоскость «это даёт конкретный прирост эффективности, измеряемый цифрами».

Ограничения исследования: важно критически оценить и ограничения полученных результатов. Во-первых, наш пример носит условно-модельный характер (хотя основан на реальных трендах). Реальные организации могут столкнуться с нюансами, не учтенными в модели: например, сопротивление пользователей новой системе, необходимость дублировать данные в старых системах

(что снизит эффект), возможные сбои внедрения. Во-вторых, временной горизонт оценки – один год – достаточно краткосрочный. Некоторые выгоды блокчейна могут проявиться в более долгосрочной перспективе (например, репутационный эффект от улучшения HR-процессов, влияние на бренд работодателя), мы их не оценивали. Точно так же некоторые издержки (например, обучение сотрудников) могут оказать эффект растянутый во времени. В дальнейшем стоило бы провести длительный мониторинг показателей, включая, например, влияние на текучесть кадров или на скорость адаптации новых сотрудников, что тоже отражает эффективность HR. В-третьих, мы сосредоточились на частном секторе (коммерческой компании). Для государственного сектора, где цели несколько иные (повышение прозрачности, соблюдение законодательства), методика может требовать корректировки – больше внимания к нефинансовым критериям. Тем не менее, базовый подход (до/после + KPI) остаётся применимым.

Рекомендации и дальнейшие направления исследований: на основании выполненного исследования можно дать ряд рекомендаций для практики. Организациям, рассматривающим внедрение блокчейна в HR, следует использовать предложенную методику на этапе планирования, чтобы чётко сформулировать ожидаемые метрики успеха и критерии окупаемости. Это поможет выстроить обоснованный бизнес-план проекта и привлечь поддержку стейкхолдеров (финансового директора, IT-службы и др.). После внедрения рекомендуется продолжать сбор метрик и сравнение с базовым уровнем не менее года, а полученные данные анализировать для выявления дополнительных резервов оптимизации HR-процессов.

Для развития научных исследований перспективно расширить нашу работу в следующих направлениях: (1) Применение методики к разным аспектам HR – например, отдельно оценить эффективность блокчейна в обучении и развитии персонала (существуют блокчейн-платформы для отслеживания траектории развития сотрудников и накопления «человеческого капитала»). (2) Сравнение с альтернативными технологиями – сегодня HR-программы могут внедрять не только блокчейн, но и, скажем, облачные HRIS или AI-модули. Было бы полезно сопоставить их эффективность: где выигрыш больше? Наша методика может стать частью такого сравнительного анализа, поскольку она унифицирована по показателям. (3) Учет рисков и негативных факторов – в данном исследовании мы качественно отметили риски, но не ввели, например, штрафные коэффициенты за риски. В будущем можно расширить модель, включив вероятность наступления неблагоприятных событий (киберриски, юридические проблемы) и оценив ожидаемый скорректированный эффект. Это сделает оценку более консервативной и надежной. (4) Исследование организационных изменений – блокчейн может менять структуру и роли в HR-отделе (как мы увидели, часть функций автоматизируется). Соответственно, одним из результатов может быть оптимизация численности персонала. Это тонкий момент, требующий отдельного анализа на предмет влияния на мотивацию, культуру организации и т.п.

В заключение отметим ключевые тезисы и итоговые предложения автора. В работе впервые представлена комплексная методика количественной оценки эффективности применения блокчейн-технологии в управлении персоналом организации, включающая систему показателей, алгоритм сбора данных «до/после» и расчет интегральных коэффициентов. Апробация методики подтвердила гипотезу о значительном позитивном влиянии блокчейна на HR-процессы: ускорение операций, сокращение затрат, повышение доверия. Отличие полученных резуль-

татов от ранее известных заключается в их доказательной базе – мы не только теоретически указали на преимущества, но и измерили их величину.

Это существенный научный вклад, поскольку ранее в публикациях не было столь подробного количественного разбора эффекта HR-блокчейна. Практическая значимость работы состоит в том, что предложенный подход может быть использован HR-департаментами и IT-менеджерами при обосновании и оценке своих проектов, позволяя объективно судить об их ценности.

Таким образом, можно заключить, что блокчейн-технология при грамотном внедрении способна дать ощутимый экономический и управленческий эффект в сфере управления персоналом, а разработанная методика оценки – надежный инструмент для измерения этого эффекта. Внедрение блокчейна в HR следует продолжать и расширять, опираясь на количественные показатели эффективности, как это сделано в настоящем исследовании. Будущие исследования и практические эксперименты, основанные на методике автора, позволят накопить статистику, уточнить универсальные коэффициенты и, вероятно, выявить новые, ранее неочевидные влияния блокчейна на человеческий капитал организации. Главная же рекомендация – подходить к цифровым инновациям в HR с измеримыми целями и критериями успеха, что и демонстрирует наша работа. Только тогда можно максимально использовать потенциал современных технологий для развития персонала и повышения конкурентоспособности организации в целом.

Литература

1. Гарипов, Р. И. Анализ методических подходов к оценке эффективности блокчейна / Р. И. Гарипов, Н. Н. Максимова // Управление в современных системах. – 2020. – № 1 (25). – С. 13–17.
2. Abu Naser, M. S. Blockchain in Human Resource Management: a systematic review and bibliometric analysis / M. S. Abu Naser, Md. A. Islam // Technology Analysis & Strategic Management. – 2022. – Vol. 36, № 3. – P. 140–163.
3. Mishra, H. Blockchain in Human Resource Management of Organizations: An Empirical Assessment to Gauge HR and Non-HR Perspective / H. Mishra // Journal of Organizational Change Management. – 2021. – Vol. 34, № 2. – P. 525–542.
4. Darodjat, T. A. Blockchain in HR: Enhancing Security and Transparency in Talent Management / T. A. Darodjat, S. N. Arapah // PENANOMICS: International Journal of Economics. – 2024. – Vol. 3, № 2. – P. 101–113.
5. Blockchain Survey – HR Data Security : аналит. отчёт / Deloitte. – Deloitte Insights, 2024.
6. How blockchain can impact HR and the world of work : исслед. отчёт / PwC. – PwC Research, 2020. – URL: <https://www.pwc.ch/en/insights/hr/how-blockchain-can-impact-hr-and-the-world-of-work.html> (дата обращения: 09.02.2025).
7. Blockchain Technology in HR – Perspective : аналит. отчёт / McKinsey. – McKinsey Insights, 2021.
8. Sifah, E. B. BEMPAS: A Decentralized Employee Performance Assessment System Based on Blockchain for Smart City Governance / E. B. Sifah, H. Xia, C. N. A. Cobblah [et al.] // IEEE Access. – 2020. – Vol. 8. – P. 99528–99539.
9. Nurhasanah, Y. Blockchain-based solution for effective employee management / Y. Nurhasanah, D. Prameswari, O. Fachrunnisa // Proceedings of International Conference on Smart Computing and Cyber Security (SMARTCYBER 2020). – Singapore : Springer, 2021. – Vol. 149. – P. 147–154.
10. Liu, L. Blockchain-Based Certification for Education, Employment, and Skill with Incentive Mechanism / L. Liu, M. Han, Y. Zhou [et al.] // Blockchain Cybersecurity, Trust and

Privacy. *Advances in Information Security*. – Cham : Springer, 2020. – Vol. 79. – P. 269–290.

11. Chillakuri, B. Role of blockchain in HR's response to new-normal / B. Chillakuri, V. S. P. Attili // *International Journal of Organizational Analysis*. – 2021. – Vol. 30, № 6. – P. 1359–1378.

12. Menon, S. R. Revolutionizing Human Resources: Blockchain as a Catalyst for Sustainable and Ethical Practices / S. R. Menon, J. Yadav, A. Chopra // *Multidisciplinary Reviews*. – 2025.

13. Yi, C. S. S. Benefits and Use of Blockchain Technology to Human Resources Management: A Critical Review / C. S. Yi, E. Yung, C. Fong, S. Tripathi // *International Journal of Human Resource Studies*. – 2020. – Vol. 10, № 2. – P. 131–145.

14. Помогалова, А. В. Эффективность адаптивного блокчейн-алгоритма (модель оценки) / А. В. Помогалова // *Труды университетов связи*. – 2024. – Т. 10, № 5. – С. 34–42.

15. Канатъев, К. Н. Анализ возможностей технологии блокчейн в управлении данными / К. Н. Канатъев [и др.] // *Инновации и инвестиции*. – 2023. – № 5. – С. 174–178.

Methodology for assessing the effectiveness of blockchain application in organizational management

Losev V.S., Makarov A.E.

Pacific National University

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The article proposes and tests a comprehensive methodology for quantitative assessment of the effectiveness of blockchain technology implementation in human resource management, aimed at bridging the gap between declared benefits and their verifiable outcomes. The methodology is based on a comparison of "before/after" indicators and economic-statistical analysis; it includes ROI calculation, time and cost reduction coefficients, and an integral index combining monetizable and intangible effects weighted by organizational priorities and expert assessments, with primary data sourced from distributed ledger transaction logs. Testing on a case study of an organization with 500 employees showed an 80 % reduction in candidate data verification time and 83 % cost reduction, with the share of confirmed information rising to 100 % and user satisfaction increasing by 20 %; the annual project ROI was approximately 75 %. The results confirm the feasibility of blockchain for multi-party HR processes, provided that organizational readiness and correct solution integration are ensured.

Keywords: blockchain, human resource management, HR processes, efficiency assessment, KPI, ROI, integral indicator, smart contracts, competency verification, digital transformation.

References

1. Garipov, R. I., Maksimova, N. N. Analysis of Methodological Approaches to Assessing Blockchain Effectiveness // *Upravlenie v sovremennykh sistemakh [Management in Modern Systems]*. – 2020. – No. 1 (25). – P. 13–17. (In Russ.)
2. Abu Naser, M. S., Islam, Md. A. Blockchain in Human Resource Management: a systematic review and bibliometric analysis // *Technology Analysis & Strategic Management*. – 2022. – Vol. 36, No. 3. – P. 140–163.
3. Mishra, H. Blockchain in Human Resource Management of Organizations: An Empirical Assessment to Gauge HR and Non-HR Perspective // *Journal of Organizational Change Management*. – 2021. – Vol. 34, No. 2. – P. 525–542.
4. Darodjat, T. A., Arapah, S. N. Blockchain in HR: Enhancing Security and Transparency in Talent Management // *PENANOMICS: International Journal of Economics*. – 2024. – Vol. 3, No. 2.
5. Blockchain Survey – HR Data Security: Analytical Report / Deloitte. – Deloitte Insights, 2024.
6. How blockchain can impact HR and the world of work: Research Report / PwC. – PwC Research, 2020.
7. Blockchain Technology in HR – Perspective: Analytical Report / McKinsey. – McKinsey Insights, 2021.
8. Sifah, B. et al. BEMPAS: A decentralized employee performance assessment system // *Proceedings of IEEE Conference*. – 2020.
9. Nurhasanah, H. et al. Blockchain-based solution for effective employee management // *IOP Conference Series*. – 2020.
10. Liu, W. et al. E2C-Chain: Blockchain-based certification for education, employment, skill verification // *Future Internet*. – 2020.
11. Sharples, M., Domingue, J. The Blockchain and Kudos: A distributed system for educational record, reputation and reward // *European Conference on Technology Enhanced Learning*. – 2016.
12. Menon, V. et al. Blockchain in HR – Catalyst for Sustainable HRM // *Journal of Management*. – 2026. – (in press).
13. Yi, X. et al. Blockchain-based HR Practices: Credential verification and cost reduction // *Lecture Notes in Computer Science*. – 2020.
14. Pomogalova, A. V. Effectiveness of an Adaptive Blockchain Algorithm (Assessment Model) // *Trudy universitetov svyazi [Proceedings of Telecommunication Universities]*. – 2024. – Vol. 10, No. 5. – P. 34–42. (In Russ.)
15. Kanat'ev, K. N. et al. Analysis of Blockchain Technology Capabilities in Data Management // *Innovatsii i investitsii [Innovations and Investments]*. – 2023. – No. 5. – P. 174–178. (In Russ.)

Сценарная настройка интегрированного бизнес-планирования металлургической компании в условиях ограничений

Нежникова Екатерина Владимировна

д.э.н., доц., профессор кафедры «Национальной экономики», РУДН им. Патриса Лумумба, nezhnikova_ev@pfur.ru,

Мартынов Кирилл Дмитриевич

аспирант экономического факультета, РУДН им. Патриса Лумумба, 1142220248@pfur.ru, kdmartynov@mail.ru,

Аксёнова Анастасия Аркадиевна

кандидат экономических наук, Директор департамента менеджмента качества АО "ВО "Безопасность", aksenova.anastasia@gmail.com

Актуальность. Металлургические компании функционируют при высокой неопределенности спроса, цен, логистики и доступности оборудования. Санкционные режимы, переориентация экспортных потоков и ограничения по технологиям усиливают требования к синхронизации производственных, сбытовых, снабженческих и финансовых планов. Интегрированное бизнес-планирование (IBP – Integrated Business Planning, интегрированное бизнес-планирование) формирует единый контур управления, соединяющий стратегический сценарный анализ, тактический цикл S&OP/APS (S&OP – Sales and Operations Planning, планирование продаж и операций; APS – Advanced Planning Systems, системы усовершенствованного планирования) и операционное исполнение.

Цель. Разработать метод сценарной настройки IBP для металлургической компании, позволяющий согласовать максимизацию прибыли и рост интегрального индекса конкурентоспособности при ресурсных, логистических и технологических ограничениях.

Материалы и методы. Применен кейс-ориентированный дизайн исследования на базе публичной отраслевой информации и агрегированных данных управленческой отчетности металлургического производителя за 2012–2023 гг. Сформирован набор сценариев внешней среды с параметризацией по темпам роста рынка, динамике цен, пропускной способности логистики, мерам государственной поддержки, доступности оборудования и энергетическим условиям. Система критериев конкурентоспособности задана пятью группами индикаторов: ценовая позиция и себестоимость, качество, надежность поставок, гибкость, энергоэффективность. Критерии интегрированы в многокритериальную оптимизационную модель IBP: целевая функция задает взвешенный баланс суммарной прибыли и индекса конкурентоспособности; ограничения описывают спрос, запасы, мощности, ресурсы, бюджет и логистику. Разработана карта трансляции сценариев в настройки модели и регламенты процесса.

Результаты. Получена матрица из четырех сценариев: базовый, логистические ограничения, активное импортозамещение, энергетические риски. Для каждого сценария определены параметры ограничений и набор управленческих настроек IBP, охватывающий плановый горизонт, частоту перепланирования, правила буферов по запасам и мощностям, а также порядок эскалации отклонений. Усиление логистических и технологических ограничений требует повышения частоты перепланирования, применения более консервативных буферов и более жесткой приоритизации продуктово-рыночного портфеля. Режим активного импортозамещения предполагает увязку инвестиционного портфеля с ограничениями поставщиков и дорожными картами локализации. Энергетические риски повышают роль показателей энергоемкости и переводят энергоэффективные мероприятия в состав целевых показателей и ограничений IBP.

Заключение. Сценарная настройка IBP переводит неопределенность внешней среды в формализованный набор параметров и управленческих регламентов, повышая согласованность решений по производству, снабжению, сбыту и инвестициям в условиях ограничений.

Ключевые слова: интегрированное бизнес-планирование, сценарное планирование, металлургическая компания, санкционные ограничения, логистические ограничения, S&OP, APS.

Введение

Металлургические компании осуществляют планирование в условиях одновременной волатильности спроса, цен, пропускной способности логистики и доступа к оборудованию. При наличии внешних ограничений ошибки планирования быстро трансформируются в потери маржинальности и сбои в обслуживании клиентов. Современные оценки российской металлургии подчеркивают чувствительность сектора к внешним условиям и инфраструктурным ограничениям [1], в то время как конкурентоспособность предприятия связывается с внутренней инфраструктурой, обеспечивающей надежность и гибкость [5].

Сценарное планирование структурирует неопределенность путем преобразования ее в ограниченный набор внутренне непротиворечивых образов будущего, разработанных с учетом значимости для принятия решений и явных допущений [11]. Параллельно с этим, интегрированное бизнес-планирование (IBP – Integrated Business Planning) и планирование продаж и операций (S&OP – Sales and Operations Planning) предоставляют кросс-функциональные регламенты для согласования спроса, предложения, запасов и финансов. Литература по S&OP обобщает дизайн систем управления и механизмы результативности [22] предлагает рамки для координации [23] и документирует роль кросс-функционального согласования [17]. Для производств непрерывного типа (процессных производств) дизайн планирования должен отражать непрерывность материальных потоков и превалирование узких мест [16]. В российских публикациях обсуждается внедрение интегрированного планирования в цепях поставок и металлургии [8–10].

Остается практический разрыв: сценарии часто разрабатываются на стратегическом уровне, но не транслируются в настройки моделей IBP и регламенты планирования. Металлургия усугубляет этот разрыв, поскольку реализуемость планов формируется взаимозависимостями между производственными переделами и логистическими каналами [21]. Исследования в области усовершенствованного планирования также подчеркивают, что модельно-ориентированное планирование должно быть встроено в систему управления и поддерживаться соответствующими планирующими системами [20]. Данное исследование предлагает метод сценарно-ориентированной конфигурации, который транслирует сценарии в наборы параметров модели IBP и регламенты управления (цикл планирования, буферы, правила эскалации).

Цель

Целью исследования является разработка подхода к сценарно-ориентированной конфигурации интегрированного бизнес-планирования в металлургической компании, который согласует финансовые цели с показателями конкурентоспособности в условиях ресурсных, логистических и технологических ограничений.

Материалы и методы

Исследование следует кейс-ориентированному дизайну, основанному на общедоступной отраслевой информации и агрегированной управленческой отчетности металлургического производителя за 2012–2023 гг. Разработанная процедура предназначена для поддержки кор-

поративного внедрения и оценки на основе ключевых показателей эффективности (КПЭ), что согласуется с российскими дискуссиями о внедрении [2-3] и с методологическими работами по адаптивному интегрированному планированию производства [7].

Построение сценариев. Четыре сценария представляют различные режимы внешних ограничений и параметризованы ростом рынка, ценовой динамикой, пропускной способностью и стоимостью логистики, государственной поддержкой, доступностью технологий и энергетическими условиями. Дизайн сценариев следует принятым критериям внутренней непротиворечивости, правдоподобия и значимости для принятия решений [11-13; 24].

Система критериев конкурентоспособности. Конкурентоспособность представлена интегральным индексом К, объединяющим пять критериев: ценовая/затратная позиция, качество продукции, надежность поставок, операционная гибкость и энергоэффективность. Подход согласуется с российскими традициями многокритериального измерения конкурентоспособности [4; 6] и с отраслевыми данными о конкурентоспособности, обусловленной инфраструктурой [5].

Процесс и модель IBP. IBP структурировано на стратегический, тактический и операционный уровни. Тактический уровень следует ежемесячному циклу S&OP, поддерживаемому логикой APS (Advanced Planning Systems); дизайн отражает исследования в области управления S&OP [14; 22] и требования производств непрерывного типа [16]. Российские публикации подтверждают актуальность интеграции решений по производству, закупкам и логистике в единые циклы планирования [8-10].

Оптимизационная модель IBP использует переменные решения для производства, распределения продаж, запасов, лимитирующих ресурсов и инвестиций. Целевая функция балансирует общую прибыль и $K(x)$, в то время как ограничения представляют спрос, запасы, мощности узких мест, ресурсы, бюджет и логистику. Встраивание расчетов продвинутого планирования в систему управления согласуется с литературой по продвинутому планированию [20].

Отображение сценариев в конфигурацию IBP. Сценарно-ориентированная конфигурация представляет собой двухуровневое отображение на (1) параметры модели (спрос, цены, мощности, доступность ресурсов, затраты на энергию; веса целевой функции; целевые уровни сервиса) и (2) регламенты управления (цикл, фиксированный горизонт, буферы, правила эскалации). Концепция устойчивости дает обоснование для создания более значительных буферов и более высокой оперативности реагирования в режимах с высоким уровнем нарушений [18; 25]. Энергоэффективность рассматривается как компонент целевой функции и драйвер инвестиционных решений в соответствии с концепциями устойчивых цепей поставок [19].

Результаты

Матрица сценариев. В таблице 1 представлен набор из четырех сценариев: базовый, логистические ограничения, активное импортозамещение и энергетические риски. Сценарии параметризованы и используются в качестве структурированных входных данных для настройки модели IBP и регламентов управления.

Сценарно-ориентированная конфигурация IBP. В таблице 2 обобщены наборы конфигурации для каждого сценария по трем измерениям: экономическое управление (прибыль против конкурентоспособности), управление реализуемостью (лимитирующие ограничения) и управленческое регулирование (цикл, буферы, правила эскалации).

Таблица 1

Сценарные условия внешней среды для IBP

Сценарий	Основные допущения и параметры
Базовый	Рост рынка <4%/год. Рост цен на продукцию <10%/год. Высокие логистические риски. Ограниченная государственная поддержка. Санкционный режим стабилен. Ускорение энергетического перехода отсутствует.
Логистические ограничения	Рост рынка <2%/год. Рост цен на продукцию <5%/год. Высокие логистические ограничения и рост стоимости перевозок. Государственная поддержка логистических схем для стимулирования экспорта. Санкционный режим стабилен. Ускорение энергетического перехода отсутствует.
Активное импортозамещение	Рост рынка <3%/год. Рост цен на продукцию <3%/год. Умеренные логистические ограничения. Активная государственная поддержка импортозамещения. Ужесточение санкционной политики и ограничение поставок технологий. Ускорение энергетического перехода отсутствует.
Энергетические риски	Рост рынка <4%/год. Рост цен на продукцию <10%/год. Умеренные логистические ограничения. Умеренная государственная поддержка. Санкционный режим стабилен. Ускорение энергетического перехода и рост стоимости энергии.

Источник: составлено авторами

Таблица 2

Сценарии и настройка IBP: параметры модели и регламенты

Сценарий	Доминирующие ограничения	Настройка IBP (модель и регламенты)
Базовый	Устойчивые ограничения при умеренной волатильности рынка.	Ежемесячный цикл S&OP, скользящий горизонт. Баланс прибыли и индекса конкурентоспособности. Умеренные буферы по запасам и мощностям. Регламент план-факт и контроль качества данных.
Логистические ограничения	Дефицит пропускной способности логистики, рост стоимости перевозок, нестабильность маршрутов.	Повышенная частота перепланирования, сокращение «замороженного» горизонта. Ужесточение ограничений по каналам поставок, складам и портфелю маршрутов. Консервативные буферы по критическим материалам и маржинальной продукции. Приоритизация рынков и клиентов по надежности и маржинальности. Эскалация при сбоях логистики и дефиците ресурсов.
Активное импортозамещение	Ограничения по оборудованию, запасным частям и технологиям; зависимость от поставщиков и сроков квалификации.	Интеграция портфеля инвестиций и проектов локализации в IBP. Инвестиционный «шлюз» в цикле S&OP; оценка проектов через индекс конкурентоспособности. Учет ограничений по поставщикам, графиков освоения технологий и качества. Сценарное резервирование критических позиций и материалов.
Энергетические риски	Рост стоимости энергии и ужесточение требований энергоперехода и экологии.	Введение энергоемкости как целевого показателя и/или ограничения. Приоритизация энергоэффективных мероприятий в инвестиционном портфеле. Ограничения по пиковым нагрузкам и режимам работы энергоемких участков. Пересмотр буферов и производственных графиков для стабилизации энергопотребления.

Источник: составлено авторами

Базовый сценарий. Основным регламентом остается ежемесячный цикл S&OP, поддерживаемый оптимизацией на скользящем горизонте и умеренными буферами. Дисциплина данных и анализ план-факт рассматриваются как необходимые условия [2].

Сценарий логистических ограничений. Конфигурация увеличивает частоту перепланирования, ужесточает

ограничения для логистических каналов и применяет более консервативные буферы для критически важных материалов и высокомаржинальной продукции. Распределение продукт-рынок отдаёт приоритет надёжным маршрутам и клиентам, что согласуется с логикой координации S&OP [14; 17].

Сценарий активного импортозамещения. Конфигурация интегрирует инвестиционный портфель и проекты локализации в IBP, добавляет инвестиционный «шлюз» (контрольную точку) в рамках S&OP и обновляет ограничения, связанные с поставщиками и освоением технологий. Данная конфигурация согласуется с российскими дискуссиями об интегрированном планировании в цепях поставок и металлургии [8-10].

Сценарий энергетических рисков. Конфигурация вводит энергоёмкость как компонент целевой функции и/или ограничение, повышает приоритет инициатив по энергоэффективности и корректирует графики для стабилизации энергопотребления [19].

Процедура внедрения. Метод может быть встроен в корпоративные стандарты через ежегодное обновление сценариев, ежеквартальную подготовку наборов параметров, ежемесячный S&OP с выбором сценария для скользящего горизонта и оперативное перепланирование, запускаемое при достижении пороговых значений нарушений. Оценка на основе КПЭ поддерживает организационное обучение в ходе развертывания [3].

Обсуждение

Предлагаемый подход превращает сценарии в реализуемые наборы параметров IBP и регламенты управления. Тем самым он операционализует сценарную работу в соответствии с литературой, подчеркивающей важность явных допущений и значимости для принятия решений [11-13; 24].

С точки зрения S&OP, логика конфигурации увязывает режимы неопределённости с циклом, буферами и правилами эскалации. Это дополняет исследования S&OP по управлению и кросс-функциональному согласованию [15; 22-23]. Чувствительность планирования в процессных производствах к узким местам служит дополнительным обоснованием для сценарной дифференциации [16].

Для металлургии управление реализуемостью обосновано необходимостью интеграции производственных и логистических допущений, что согласуется с обзорами интегрированного планирования в металлургии [21]. Исследования в области продвинутого планирования поддерживают акцент на интеграции систем и встраивании в управление [20].

Концепции устойчивости и экологичности обеспечивают обоснование для выбора буферов и оперативности реагирования, а также для целей, ориентированных на энергоэффективность [18-19; 25-27]. Ограничения связаны с необходимостью калибровки связей между инвестициями и конкурентоспособностью, а также с поддержанием качества данных в ходе внедрения, что перекликается с российским опытом внедрения [3; 7].

Выводы

1. Разработана матрица из четырех сценариев для представления типичных режимов ограничений, с которыми сталкивается металлургическая компания, работающая в условиях внешних ограничений: базовый, логистические ограничения, активное импортозамещение и энергетические риски.

2. Сценарно-ориентированная конфигурация определена как двухуровневое отображение сценариев на (1) параметры модели IBP и (2) регламенты управления, определяющие цикл планирования, буферы и правила эскалации.

3. В условиях логистических и технологических ограничений конфигурация смещает фокус IBP в сторону контролируемости исполнения за счет более высокой частоты перепланирования, более консервативных буферов и более жесткой приоритизации продуктово-рыночного портфеля.

4. В условиях активного импортозамещения конфигурация усиливает связь между инвестиционным портфелем и операционными планами, поддерживая поэтапную локализацию технологий и поставок.

5. В условиях энергетических рисков энергоёмкость включается в цели и ограничения IBP, а инициативы по повышению энергоэффективности получают приоритет в портфеле планирования.

Литература

1. Антипенко А.А. Оценка состояния российской отрасли металлургического производства // Экономика и финансовая политика. 2022. № 5. С. 5-15.
2. Васенев К.П. Построение системы интегрированного планирования на промышленном предприятии для турбулентных рыночных условий // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2017. № 4. С. 118-141.
3. Ермолина М. Расчет экономического эффекта от внедрения интегрированного планирования в компании // Логистика. 2012. № 12. С. 46-49.
4. Зилькарнаев И.У., Ильясова А.А. Метод расчета интегральной конкурентоспособности промышленных, торговых и финансовых предприятий // Маркетинг в России и за рубежом. 2001. № 4. С. 17-27.
5. Казакова М.А. Зависимость конкурентоспособности предприятия от уровня развития его внутренней инфраструктуры (на примере предприятий горно-металлургического комплекса) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 8 (299). С. 48-58.
6. Комков Н.И., Лазарев А.В. Подходы к оценке экономической категории «конкурентоспособности» // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2007. № 1. С. 5-20.
7. Крупнов, Ю. А. Тенденции и перспективы развития мирового энергетического рынка: прогноз на 2025 г / Ю. А. Крупнов, А. Б. Моттаева // E-Management. – 2025. – Т. 8, № 1. – С. 43-54. – DOI 10.26425/2658-3445-2025-8-1-43-54. – EDN OVQJAM.
8. Куприянов Ю.В. Переход к модели интегрированного производственного планирования для адаптивного управления производством предприятия // Фундаментальные исследования. 2018. № 10. С. 55-60.
9. Моттаева, А. Б. Современные тренды развития инфраструктуры атомной энергетики / А. Б. Моттаева // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. – 2025. – № 3. – С. 182-188. – EDN TKWIRZ.
10. Пузанова И.А. Интегрированное планирование цепей поставок: обзор практик и проблем внедрения // Логистика и управление цепями поставок. 2015. № 1. С. 11-20.
11. Пузанова И.А. Вопросы внедрения технологий интегрированного планирования и управления цепями поставок в России // Современная экономика: проблемы и решения. 2020. № 12 (132). С. 101-111.
12. Черникова О.П., Тушев А.А. Планирование деятельности металлургической компании на основе интеграции S&OP и CPFR // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 1 (139). С. 199-206.
13. Amer M., Daim T.U., Jetter A. A review of scenario planning // Futures. 2013. Vol. 46. P. 23-40. DOI:10.1016/j.futures.2012.10.003.
14. Franchising technologies for sustainable economic development / E. Ganebnykh, T. Larinina, E. Petrova, A.

Mottaeva // MATEC Web of Conferences, St. Petersburg, 20–22 декабря 2017 года. Vol. 170. – St. Petersburg: EDP Sciences, 2018. – P. 01044. – DOI 10.1051/mateconf/201817001044. – EDN YCHHFB.

15. Chermack T.J. Improving decision-making with scenario planning // *Futures*. 2004. Vol. 36. No. 3. P. 295-309. DOI:10.1016/S0016-3287(03)00156-3.

16. Grimson J.A., Pyke D.F. Sales and operations planning: An exploratory study and framework // *The International Journal of Logistics Management*. 2007. Vol. 18. No. 3. P. 322-346. DOI:10.1108/09574090710835093.

17. Digital design in the HRM system as a component of the sustainable development strategy / O. Fokina, L. Goncharenko, T. Sobol [et al.] // *Bio web of conferences : International Scientific Forestry Forum 2023: Forest Ecosystems as Global Resource of the Biosphere: Calls, Threats, Solutions (Forestry Forum 2023)*, Voronezh, Russian Federation, 23–25 октября 2023 года. – Les Ulis: EDP Sciences, 2024. – P. 05013. – DOI 10.1051/bioconf/20249305013. – EDN XSYRXW.

18. Development of the approach to the analysis of aviation industry's adaptation to seasonal disruptions / S. Bakreen, E. Markovskaya, I. Merzlikin, A. Mottaeva // *Transportation Research Procedia*. – 2022. – Vol. 63. – P. 1431-1443. – DOI 10.1016/j.trpro.2022.06.154. – EDN UTBFHY.

19. Ivert L.K., Dukovska-Popovska I., Kaipia R., et al. Sales and operations planning: Responding to the needs of industrial companies // *Production Planning & Control*. 2015. Vol. 26. No. 4. P. 280-295. DOI:10.1080/09537287.2014.984796.

20. Innovative Development of Building Materials Industry of the Region Based on the Cluster Approach / A. Mottaeva, A. Zheltenkov, I. Stukanova [et al.] // *MATEC Web of Conferences*, Tyumen, 27–29 апреля 2016 года. – Les Ulis: EDP Sciences, 2016. – P. 07026. – DOI 10.1051/mateconf/20167307026. – EDN WVKWPT.

21. Mottaeva, A. Directions of management for the development of fuel-and-energy complex as the key driver of the social-and-economic development of regions / A. Mottaeva // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, Khabarovsk, 10–13 апреля 2017 года. Vol. 90. – Khabarovsk: Institute of Physics Publishing, 2017. – P. 012120. – DOI 10.1088/1755-1315/90/1/012120. – EDN PRTKJJ.

22. Noroozi S., Wikner J. Sales and operations planning in the process industry: A literature review // *International Journal of Production Economics*. 2017. Vol. 188. P. 139-155. DOI:10.1016/j.ijpe.2017.03.006.

23. Oliva R., Watson N. Cross-functional alignment in supply chain planning: A case study of sales and operations planning // *Journal of Operations Management*. 2011. Vol. 29. No. 5. P. 434-448. DOI:10.1016/j.jom.2010.11.012.

24. Ponomarev S.Y., Holcomb M.C. Understanding the concept of supply chain resilience // *The International Journal of Logistics Management*. 2009. Vol. 20. No. 1. P. 124-143. DOI:10.1108/09574090910954873.

25. Thomé A.M.T., Sousa R.S., Scavarda do Carmo L.F. Sales and operations planning: A research synthesis // *International Journal of Production Economics*. 2012. Vol. 138. No. 1. P. 1-13. DOI:10.1016/j.ijpe.2011.11.027.

26. Varum C.A., Melo C. Directions in scenario planning literature - A review of the past decades // *Futures*. 2010. Vol. 42. No. 4. P. 355-369. DOI:10.1016/j.futures.2009.11.021.

27. Wieland A., Wallenburg C.M. The influence of relational competencies on supply chain resilience: A relational view // *International Journal of Physical Distribution & Logistics Management*. 2013. Vol. 43. No. 4. P. 300-320. DOI:10.1108/IJPDLM-08-2012-0243.

Scenario-based configuration of integrated business planning in a metallurgical company under constraints

Nezhnikova E.V., Martynov K.D., Aksenova A.A.

RUDN University named after Patrice Lumumba, JSC "VO "Security"

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

Background. Metallurgical companies operate under high volatility of demand, prices, logistics, and access to equipment. External constraints—most notably sanctions regimes and disruptions of established supply chains—raise the value of Integrated Business Planning (IBP) as a managerial loop connecting strategic scenario analysis, tactical S&OP/APS planning, and operational execution.

Aim. To develop a scenario-based configuration approach for IBP in a metallurgical company that aligns financial targets with competitiveness metrics under resource, logistics, and technology constraints.

Materials and Methods. The study uses a case-oriented design based on public industry information and aggregated managerial reporting of a metallurgical producer for 2012-2023. External-environment scenarios are constructed and parameterized by market growth, price dynamics, logistics throughput, government support, technology availability, and energy conditions. Competitiveness is represented by an indicator system covering price/cost position, product quality, delivery reliability, operational flexibility, and energy efficiency. The indicators are embedded into a multi-criteria IBP optimization model in which the objective balances total profit and an integral competitiveness index; constraints represent demand, inventories, capacities, resources, budget, and logistics. A scenario-to-setting map is defined to translate scenario parameters into model settings and governance routines.

Results. A four-scenario matrix is obtained: baseline, logistics constraints, active import substitution, and energy risks. For each scenario, a configuration package is specified that covers planning horizon, re-planning frequency, inventory and capacity buffers, and escalation rules. Intensified logistics and technology restrictions call for higher re-planning frequency, more conservative buffers, and tighter product-market portfolio prioritization. Active import substitution requires coupling the investment portfolio with supplier constraints and localization roadmaps. Energy risks motivate stronger emphasis on energy intensity in objectives and constraints.

Conclusions. Scenario-based IBP configuration transforms environmental uncertainty into a formal parameter set and governance routine set, improving coherence of production, procurement, sales, and investment decisions under constraints.

Key words: integrated business planning, scenario planning, metallurgical company, sanctions constraints, logistics constraints, sales and operations planning, advanced planning and scheduling.

References

- Antipenko A.A. Assessment of the state of the Russian metallurgical industry // *Economics and financial policy*. 2022. No. 5. pp. 5-15.
- Vasenev K.P. Building an integrated planning system at an industrial enterprise for turbulent market conditions // *Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economics*. 2017. No. 4. pp. 118-141.
- Ermolina M. Calculation of the economic effect of the introduction of integrated planning in a company // *Logistics*. 2012. No. 12. pp. 46-49.
- Zulkarnaev I.U., Ilyasova A.A. Method of calculating the integral competitiveness of industrial, commercial and financial enterprises // *Marketing in Russia and abroad*. 2001. No. 4. pp. 17-27.
- Kazakova M.A. Dependence of the competitiveness of an enterprise on the level of development of its internal infrastructure (on the example of enterprises of the mining and metallurgical complex) // *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2013. No. 8 (299). pp. 48-58.
- Komkov N.I., Lazarev A.V. Approaches to assessing the economic category of "competitiveness" // *Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation*. 2007. No. 1. pp. 5-20.
- Krupnov, Yu. A. Trends and prospects of the global energy market development: forecast for 2025 / Yu. A. Krupnov, A. B. Mottaeva // *E-Management*. – 2025. – Vol. 8, No. 1. – pp. 43-54. – DOI 10.26425/2658-3445-2025-8-1-43-54. – EDN OVQJAM.
- Kupriyanov Yu.V. Transition to a model of integrated production planning for adaptive production management of an enterprise // *Fundamental research*. 2018. No. 10. pp. 55-60.
- Mottaeva, A. B. Modern trends in the development of nuclear energy infrastructure / A. B. Mottaeva // *Forging and stamping production. Pressure treatment of materials*. – 2025. – No. 3. – pp. 182-188. – EDN TKWIRZ.
- Puzanova I.A. Integrated supply chain planning: an overview of practices and problems of implementation // *Logistics and supply chain management*. 2015. No. 1. pp. 11-20.
- Puzanova I.A. Issues of the introduction of integrated planning and supply chain management technologies in Russia // *Modern Economy: problems and solutions*. 2020. No. 12 (132). pp. 101-111.
- Chemikova O.P., Tushev A.A. Planning the activities of a metallurgical company based on the integration of S&OP and CPFR // *Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*. 2023. No. 1 (139). pp. 199-206.
- Amer M., Daim T.U., Jetter A. A review of scenario planning // *Futures*. 2013. Vol. 46. P. 23-40. DOI:10.1016/j.futures.2012.10.003.
- Franchising technologies for sustainable economic development / E. Ganebnykh, T. Larinina, E. Petrova, A. Mottaeva // *MATEC Web of Conferences*, St. Petersburg, 20–22 декабря 2017 года. Vol. 170. – St.

- Petersburg: EDP Sciences, 2018. – P. 01044. – DOI 10.1051/mateconf/201817001044. – EDN YCHHFB.
15. Chermack T.J. Improving decision-making with scenario planning // *Futures*. 2004. Vol. 36. No. 3. P. 295-309. DOI:10.1016/S0016-3287(03)00156-3.
 16. Grimson J.A., Pyke D.F. Sales and operations planning: An exploratory study and framework // *The International Journal of Logistics Management*. 2007. Vol. 18. No. 3. P. 322-346. DOI:10.1108/09574090710835093.
 17. Digital design in the HRM system as a component of the sustainable development strategy / O. Fokina, L. Goncharenko, T. Sobol [et al.] // *Bio web of conferences : International Scientific Forestry Forum 2023: Forest Ecosystems as Global Resource of the Biosphere: Calls, Threats, Solutions (Forestry Forum 2023)*, Voronezh, Russian Federation, 23–25 октября 2023 года. – Les Ulis: EDP Sciences, 2024. – P. 05013. – DOI 10.1051/bioconf/20249305013. – EDN XSYRXW.
 18. Development of the approach to the analysis of aviation industry's adaptation to seasonal disruptions / S. Bakreen, E. Markovskaya, I. Merzlikin, A. Mottaeva // *Transportation Research Procedia*. – 2022. – Vol. 63. – P. 1431-1443. – DOI 10.1016/j.trpro.2022.06.154. – EDN UTBFHY.
 19. Ivert L.K., Dukovska-Popovska I., Kaipia R., et al. Sales and operations planning: Responding to the needs of industrial companies // *Production Planning & Control*. 2015. Vol. 26. No. 4. P. 280-295. DOI:10.1080/09537287.2014.984796.
 20. Innovative Development of Building Materials Industry of the Region Based on the Cluster Approach / A. Mottaeva, A. Zheltenkov, I. Stukanova [et al.] // *MATEC Web of Conferences*, Tyumen, 27–29 апреля 2016 года. – Les Ulis: EDP Sciences, 2016. – P. 07026. – DOI 10.1051/mateconf/20167307026. – EDN WVVWKPT.
 21. Mottaeva, A. Directions of management for the development of fuel-and-energy complex as the key driver of the social-and-economic development of regions / A. Mottaeva // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, Khabarovsk, 10–13 апреля 2017 года. Vol. 90. – Khabarovsk: Institute of Physics Publishing, 2017. – P. 012120. – DOI 10.1088/1755-1315/90/1/012120. – EDN PRTKJJ.
 22. Noroozi S., Wikner J. Sales and operations planning in the process industry: A literature review // *International Journal of Production Economics*. 2017. Vol. 188. P. 139-155. DOI:10.1016/j.ijpe.2017.03.006.
 23. Oliva R., Watson N. Cross-functional alignment in supply chain planning: A case study of sales and operations planning // *Journal of Operations Management*. 2011. Vol. 29. No. 5. P. 434-448. DOI:10.1016/j.jom.2010.11.012.
 24. Ponomarev S.Y., Holcomb M.C. Understanding the concept of supply chain resilience // *The International Journal of Logistics Management*. 2009. Vol. 20. No. 1. P. 124-143. DOI:10.1108/09574090910954873.
 25. Thomé A.M.T., Sousa R.S., Scavarda do Carmo L.F. Sales and operations planning: A research synthesis // *International Journal of Production Economics*. 2012. Vol. 138. No. 1. P. 1-13. DOI:10.1016/j.ijpe.2011.11.027.
 26. Varum C.A., Melo C. Directions in scenario planning literature - A review of the past decades // *Futures*. 2010. Vol. 42. No. 4. P. 355-369. DOI:10.1016/j.futures.2009.11.021.
 27. Wieland A., Wallenburg C.M. The influence of relational competencies on supply chain resilience: A relational view // *International Journal of Physical Distribution & Logistics Management*. 2013. Vol. 43. No. 4. P. 300-320. DOI:10.1108/IJPDLM-08-2012-0243.

Внедрение технологии информационного моделирования в инновационную проектную деятельность: основные подходы

Проничев Владимир Вячеславович

аспирант кафедры прикладной экономики, Высшей школы управления, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, pronichevvv@icloud.com

В настоящей статье рассматриваются ключевые подходы к внедрению технологии информационного моделирования (ТИМ) в инновационную проектную деятельность организаций. Цель работы — анализ преимуществ цифрового моделирования перед традиционными методами проектирования, а также систематизация этапов и условий перехода на ТИМ. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований и проведенного интервью с экспертами выделены стратегические, технологические, кадровые и юридические аспекты внедрения. Особое внимание уделяется стадиям подготовки, создания инфраструктуры и реализации. Показано, что применение ТИМ позволяет сократить количество ошибок в проектной деятельности и издержек, повысить производительность и прозрачность на всех этапах жизненного цикла объекта. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода и развития цифровых компетенций персонала для успешной цифровой трансформации проектной деятельности.

Ключевые слова: инновационная проектная деятельность, технологии информационного моделирования, цифровая трансформация, жизненный цикл объекта.

Технология информационного моделирования (ТИМ), которая в международной практике носит название BIM-технология (от англ. Bilding Information Modeling), представляет собой процесс создания информационной модели или «цифрового двойника» будущего или существующего объекта, который содержит «...графическую и неграфическую информацию в цифровом виде и участвует во всем жизненном цикле объекта». [7].

Причиной внедрения ТИМ-технологий можно назвать инновационный процесс реализации проектной деятельности, проявляющийся в отказе от составления документации в бумажном виде в пользу цифровых способов разработки проекта. Если рассматривать традиционные способы проектной деятельности, то они характеризуются расхождением первоначальной и фактической стоимости проекта. Объясняется это сложностью объективного контроля различной проектно-сметной документации. Различные коллективы разрабатывают инженерные сети, объемно-планировочные решения, сметную документацию и т.п. В процессе строительства в документацию неизбежно вносятся коррективы, что удорожает процесс возведения объекта и удлиняет сроки строительства.

Концепция BIM была впервые описана в профессиональном журнале «Автоматизация в строительстве» в статье «Моделирование нескольких видов зданий» в начале 90-х годов прошлого века. [18]. Первоначально исследователи определяли данную технологию как техническое средство, которое может быть использовано при проектировании зданий. В дальнейшем технология информационного моделирования была описана как некий процесс создания, хранения, управления, совместного многократного использования информации об объекте — здании. [11]. Вместе с тем, при всей очевидности преимуществ внедрения данной технологии, она сталкивается с существенными ограничениями в проектной деятельности.

Среди таких ограничений называют:

- недостаточное понимание преимуществ ТИМ (BIM) среди малых и средних компаний [16];
- отсутствие руководящих принципов, которые позволили бы организациям принять обоснованное решение о внедрении технологии информационного моделирования [17];
- инновационные технологии требуют затрат ресурсов на свое внедрение (финансовых, материальных, временных и т.п.), что ограничивает руководство организаций в стремлении использовать данные технологии для повышения собственной производительности [13];
- использование информационных технологий видится компаниям более рискованным по сравнению с традиционными методами проектирования [14];
- отсутствие квалифицированных специалистов, которые могут работать с такой цифровой платформой, а также отсутствие финансовых ресурсов, а, подчас, и желания у руководства компаний обучать сотрудников новым инновационным навыкам.

Если говорить о принципиальных отличиях технологии информационного моделирования от традиционных методов проектирования, то следует отметить интеграцию и сквозную связанность проекта (таблица 1). В данной цифровой среде возможно создание цифрового двойника объекта с полностью взаимосвязанными и обновляемыми данными. Такой подход повышает качество конечного

продукта, снижает риски ошибочных решений и оптимизирует затраты при проектировании, строительстве и эксплуатации строительных объектов.

Таблица 1

Отличие технологии информационного моделирования от традиционного проектирования

Параметр	Технологии информационного моделирования	Традиционная проектная деятельность
Модель	Цифровая, трехмерная модель	Плоские 2D чертежи, традиционная документация
Связуемость	Модель имеет полную связуемость с базой данных, содержит всю информацию об оборудовании, материалах, стоимости и т.п.	Разрозненный набор текстов и чертежей, не обладающих общей базой данных
Обновление	Если происходит изменение одного элемента, все остальные элементы меняются автоматически	Все изменения вносятся вручную
Совместная работа	В рамках цифровой платформы несколько специалистов могут работать одновременно с одной моделью	В рамках работы происходит согласование изменений, совмещение различных чертежей
Жизненный цикл объекта	Актуализация модели происходит на всех этапах ее жизненного цикла, вплоть до сноса (утилизации) объекта	Проектная документация завершается этапом строительства
Управление проектом	Цифровая платформа позволяет в режиме реального времени управлять стоимостью, сроками проекта, оценивать риски, планировать закупочную деятельность и т.п.	Управление проектом традиционное – в соответствии с отдельной документацией (по отдельным документам, зачастую не связанным между собой)
Визуализация	3D-модель с возможностью применения VR-технологии, позволяющие своевременно анализировать и оптимизировать объект	Обычные чертежные документы
Эффективность	Использование цифровой платформы позволяет сократить количество ошибок, экономит средства при строительстве, ускоряет процесс проектирования и процесс ввода объекта в эксплуатацию	Высокий риск ошибок при проектировании, что увеличивает затраты проекта и время на его выполнение

Источник: составлено автором

Таким образом, исходя из данных таблицы 1, можно утверждать, что основное отличие технологии информационного моделирования от традиционного проектирования заключается в обеспечении цифровой интеграции в рамках платформы и сквозной связуемости проекта. Информационная модель объекта содержит перечень всех характеристик объекта, а также предоставляет возможности его визуализации в трехмерном измерении. Кроме того, существует возможность проанализировать необходимые для строительства объекта материалы, уточнить сроки реализации и т.п.

В рамках ТИМ все участники процесса информационного моделирования могут принимать обоснованные решения на основе информации, которую содержит проектная цифровая платформа.

Жизненный цикл проекта представлен на рисунке 1. Из рисунка видно, что процесс информационного моделирования проходит все стадии от технического задания до сноса объекта. Таким образом, основное отличие технологии современного информационного моделирования состоит в связности всех участников процесса. Процесс моделирования не заканчивается сдачей проектно-сметной документации, а заказчик участвует в процессе на всех стадиях жизненного цикла объекта.

Следует отметить, что технологии информационного моделирования в настоящее время внедряются в проектные организации РФ. В 2018 году Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства было из-

дано методическое пособие «Планирование и реализация процессов информационного моделирования» [5], в котором освещены основные требования по реализации ТИМ.

Рисунок 1 – Жизненный цикл проекта в информационном моделировании

Источник: составлено автором

Вместе с тем, согласно исследованию Юшкина И.И. и др. [11], на внедрении ТИМ в организации влияет множество факторов, в том числе менеджмент организации. Очевидно, что при отсутствии у руководства интереса к внедрению данной цифровой платформы, получить эффект не получится.

В целом, для внедрения информационного моделирования в деятельность проектной организации, можно выделить три стадии: 1) подготовительная стадия; 2) инфраструктурная стадия; 3) стадия реализации. Рассмотрим их подробнее.

Первая стадия – подготовительная. В рамках данной стадии необходимо провести анализ юридической и инженерной базы организации. Анализ покажет, насколько организация готова к внедрению информационного моделирования.

На данной стадии необходимо подготовить нормативную базу для внедрения ТИМ, проверить готовность инженерной базы к внедрению инновационной технологии и провести оценку компетенций персонала.

На данной стадии необходимо создание специализированной библиотеки, которая содержит информацию о конструктивных элементах проектируемых зданий и сооружений, об инженерных системах, а также обо всех иных элементах строительного процесса. Такая библиотека необходима для создания базиса информационной системы проектирования.

Формируются справочники, которые содержат информацию о нормативах рабочего времени, финансовых затратах проектов, различных специализированных расчетах и т.п. Эти справочники необходимы для составления проектно-сметной документации в информационной системе моделирования объектов. Вся информационно-справочная система должна подчиняться единым правилам формирования, которые тоже создаются в рамках первой, подготовительной стадии внедрения ТИМ.

Единными должны быть требования к исходным данным, которые в дальнейшем будут использованы в информационном моделировании. Таким образом, в рамках первой стадии внедрения технологии информационного

моделирования производится унификация баз данных, которые есть в организации.

Анализ компетенций персонала необходим для понимания, какие компетенции нужны сотрудникам при внедрении информационного моделирования в проектную деятельность. Соответственно, руководство организации должно понимать, какие затраты необходимо заложить в бюджет организации на повышение квалификации сотрудников.

Необходим также анализ существующего на рынке программного обеспечения и анализ сервисных возможностей организации. Учитывая, что стоимость самой информационной платформы составляет немалую сумму, эти расходы также должны быть заложены в бюджет организации на подготовительной стадии.

Вторая стадия, инфраструктурная, предполагает обеспечение инфраструктурных решений и обучение персонала организации.

В рамках данной стадии необходима установка собственного программного обеспечения и реформатирование всех бизнес-процессов под возможности цифровой платформы.

Кроме того, необходимо обучение сотрудников работе на данном программном продукте. Первоначально можно запустить один, «тестовый» проект и на его основе выделить все положительные и отрицательные стороны работы в информационной системе. После учета и отработки всех «узких» мест, обучения персонала и т.п. можно переходить к стадии реализации инновационного решения в целом в организации.

Стадия третья, реализация, предполагает полный переход проектной деятельности организации на информационное моделирование. Причем в данную систему должны быть включены все участники проектной деятельности (заказчики, проектировщики, строители и т.п.).

При внедрении ТИМ организация всегда несет значительные затраты, прежде всего, на покупку программного обеспечения, компьютерной техники (в частности, серверов), а также несет затраты, связанные с переобучением сотрудников [8].

Кроме того, существенной статьёй расходов будет реформатирование существующих бизнес-процессов в организации под цифровизацию процессов. Важным аспектом является изменение организационной культуры организации, изменение образа мышления ее сотрудников. Такой процесс может быть растянут во времени, поэтому затраты на его реализацию практически не поддаются расчету [10].

Несмотря на высокие затраты, исследования показали, что при внедрении технологии информационного моделирования происходят следующие изменения:

1) за счет раннего обнаружения недочетов и необоснованных решений на этапе проектирования экономия денежных средств составляет примерно 10%, что, учитывая стоимость объектов строительства, является существенным показателем;

2) на 7% сокращается время проектирования [4].

Можно обобщить преимущества применения ТИМ для проектных организаций (таблица 2).

Таблица 2
Преимущества технологии информационного моделирования для организаций, использующих данную технологию (%)

Преимущества для компании	Организации, использующие ТИМ	
	Впервые	Множественно
Увеличение прибыли	7	43
Сокращение количества ошибок и сокращений в проекте	23	77
Повышение производительности труда	46	71
Повторные сделки с клиентами	19	61
Новые предложения услуг	28	72

Источник: [9].

Наряду с большими возможностями для бизнеса, ТИМ формирует ряд вызовов:

- необходимость разработки новой стратегии ведения бизнеса в связи с усилением конкурентной борьбы;
- оптимизация имеющихся в распоряжении организации ресурсов (материальных, финансовых, трудовых, организационных и т.п.) [1];
- решение принципиально новых управленческих задач, связанных с внедрением цифрового продукта (обеспечение информационной безопасности на новом уровне, конфиденциальности данных и т.п.).

В целом, технологии информационного моделирования открывают перед организацией новые горизонты, но требуют серьезного подготовительного этапа, включая формирование модели внедрения ТИМ.

Для того, чтобы понять, как должна выглядеть концептуальная модель внедрения ТИМ, в работе было проведено качественное исследование, включающее полуструктурированное интервью с 16 корпоративными экспертами, которые так или иначе связаны с проектной деятельностью в рассматриваемой сфере. Экспертам были заданы вопросы о рисках и возможностях внедрения технологий информационного моделирования, о стратегических перспективах и возможностях формирования кадровой составляющей и т.п. Опросы проводились лично и онлайн, а ответы записывались и анализировались. По результатам обработки ответов экспертов, была составлена концептуальная модель внедрения ТИМ в деятельность проектных организаций, основные составляющие которой представлены на рисунке 2.

Рисунок 2 – Составляющие концептуальной модели внедрения ТИМ

Источник: составлено автором

Рассмотрим каждую из составляющих.

1. Стратегические аспекты.

Для того, чтобы максимально реализовать возможности, связанные с цифровизацией большинства процессов, компании необходимо разрабатывать новую стратегию своего развития. Стратегия зависит от масштабов бизнеса, от продуктовой линейки, от характеристик целевой аудитории, от уровня технологического развития организации и уровня цифровизации бизнес-процессов, от инновационной деятельности компании, ее финансовой устойчивости и основных целей развития бизнеса.

Внедрение ТИМ открывает новые возможности для проектирования сложных объектов, предоставляя возможность совместной работы значительного количества участников проектной деятельности. Применение технологии информационного моделирования увеличивает скорость и точность проектирования, а также позволяет выявлять ошибки в проектировании до начала этапа строительства объекта.

Очевидно, что данная стратегия направлена на цифровую трансформацию организации. Это не только покупка программного продукта, это трансформация и цифровизация большинства производственных процессов. Вместе с тем многие компании опасаются инвестировать в цифровую трансформацию в связи с высоким уровнем первоначальных вложений и высоким уровнем риска [15].

Стратегия должна быть направлена на персонализацию работы с клиентами, на оценку уровня изменяющихся потребностей клиентов в связи с изменением внешних условий, на адаптацию к новым вызовам и условиям. Иными словами, организации следует реформатировать свою маркетинговую политику под новые условия внешней и внутренней среды.

2. Технологические аспекты.

Ключевыми инновациями, необходимыми для функционирования организации в высококонкурентной среде, в настоящее время выступают искусственный интеллект (ИИ), технологии распределенного реестра (блокчейн), виртуальная (VR) и дополненная реальность (DR) и другие. Существенное значение имеет также технологический потенциал организации и возможности использования 3D моделей.

Для внедрения технологии информационного моделирования нужно соответствующее программное обеспечение и оборудование, а также пользовательский контент.

Технологии дополненной реальности позволяют клиентам взаимодействовать в режиме реального времени в виртуальном пространстве, а технологии блокчейна позволяют обеспечить сохранность данных. Однако не все компании располагают такими инновационными технологиями, поэтому они могут налаживать партнерские отношения с другими компаниями, которые помогут им подобрать правильные инновационные решения для совместной реализации проектов и нивелирования возможных рисков. Следует отметить, что любые сложные технологические решения требуют от компании экономического взаимодействия с другими участниками инновационного процесса. Таким образом, для технологических аспектов характерно внутриотраслевое сотрудничество.

Следующей составляющей являются затраты на развитие технологического потенциала компании. Организациям важно понимать, какие именно затраты являются оправданными и могут окупиться в долгосрочной перспективе, потому как инновационный процесс всегда долгосрочен и ждать быстрой отдачи от инвестиций в краткосрочном периоде не стоит. При этом следует убедиться, что такие инвестиции не приведут к потере финансовой устойчивости предприятия.

Необходима интеграция новых информационных систем и существующих в организации систем управления проектами. Создание среды общих данных (СОД) также является основой технологии информационного моделирования, так как обеспечивает хранение, использование и обмен информации об объекте строительства в едином информационном пространстве для всех пользователей.

Внедрение ТИМ требует формирования новой архитектуры процесса совместной работы между различными участниками проектной деятельности (инженеров, конструкторов, архитекторов и т.п.) с четким распределением функционала. Кроме того, далеко не все сотрудники умеют работать в режиме реального времени в цифровой среде, что потребует подготовки квалифицированных специалистов.

Внедрение ТИМ требует закупки лицензионного программного обеспечения и соответствующего оборудования для работы по моделированию объектов.

Внедрение ТИМ связано с модернизацией рабочих мест, обеспечением совместимости и интеграции различных систем, а также изменением всех бизнес-процессов организации.

Таким образом, технологические аспекты внедрения ТИМ охватывают комплексные изменения в организации, как инженерные, так и организационные. Эти процессы затрагивают адаптацию нового программного обеспечения, организацию процесса обмена данными для совместной работы пользователей, закупку соответствующего

оборудования и нормативное сопровождение внедрения ТИМ в организации.

3. Кадровые аспекты.

Технологии информационного моделирования имеют высокий потенциал роста, реализовать который возможно не столько за счет технологических инноваций, сколько за счет квалифицированных специалистов, обладающими для работы в цифровой среде навыками. Востребованными компетенциями становятся 3D-моделирование, инжиниринг и проектирование, программирование и навыки работы с данными.

Цифровизация всех бизнес-процессов в компании имеет «оборотную сторону» в виде рисков в области информационной безопасности (кража личных данных, удаление доступа к резервным копиям и т.п.) в связи с возможным взломом системы. Поэтому необходимо привлекать специалистов в области информационной безопасности.

Очевидно, что с внедрением цифровой платформы многие специалисты, например архитекторы, должны работать в виртуальной среде. Поэтому им необходимо переобучение, которое позволит им без существенных проблем адаптироваться к новым профессиональным условиям.

Поэтому важным условием становится повышение цифровой компетентности сотрудников. Подразделениям, ответственным за привлечение кадров, необходимо разработать механизмы оценки цифровых компетенций специалистов. В соответствии с этой оценкой создаются и реализуются учебные программы повышения квалификации для кадрового состава организации. Эти программы могут быть реализованы как в учебном центре организации, так и у организаций-партнеров (вузов, организаций ДПО, колледжей и т.п.). На таких программах следует обучить подавляющее большинство сотрудников организации. Следует отметить, что необходима организация постоянного обучения сотрудников, как молодых специалистов, которые знакомы с работой в ТИМ, так и более старшего поколения. Прием молодых специалистов, которые в рамках своего обучения в вузах познакомились с работой в ТИМ, облегчает переход всей организации на работу на данной цифровой платформе.

Одним из серьезных ограничений при внедрении ТИМ выступает нехватка квалифицированных специалистов, так как в настоящее время ощущается дефицит специалистов с опытом работы в ТИМ. В условиях беспрецедентного санкционного давления повышается спрос на специалистов, которые владеют навыками работы на отечественном программном обеспечении. Следовательно, повышаются затраты предприятия как на поиск соответствующих специалистов, так и на переобучение сотрудников организации.

Таким образом, кадровые аспекты внедрения ТИМ включают большой блок работы с персоналом:

- подготовка;
- обучение;
- привлечение и удержание квалифицированных кадров;
- организация взаимодействия между разновозрастными сотрудниками;
- освоение новых программных продуктов;
- управление затратами и т.п.

Данный подход обеспечивает эффективное внедрение технологии информационного моделирования в организации.

4. Юридические аспекты

Юридические аспекты внедрения технологии информационного моделирования порождают ряд правовых вопросов, которые связаны с конфиденциальностью и защитой интеллектуальной собственности, с кибербезопасностью и т.п. [12]. Рассмотрим их подробнее.

Информационное моделирование юридически закреплено в Градостроительном кодексе РФ (ст. 57.5) [3]. В этой статье прописаны основные правила, касающиеся формирования и ведения информационной модели, а также общий состав сведений, материалов, документов, которые должны быть включены в модель. Если говорить о нормативах, то они содержатся в различных нормативно-технических сводах правил (СП) и государственных стандартах (ГОСТ). Но, как обычно бывает при формировании нормативной базы различными разработчиками, в них существуют разночтения, которые потенциально содержат правовые риски.

Внедрение ТИМ в компании требует формирования договорного механизма, который будет регулировать различные организационные и информационные отношения по созданию и использованию цифровой модели объекта. В этот процесс вовлечены все участники процесса на всех этапах жизненного цикла объекта от проектирования до эксплуатации и утилизации.

Важным пунктом, который касается юридической стороны использования ТИМ-модели, является разграничение прав на объекты интеллектуальной собственности. Данная модель может рассматриваться как объект, который защищается авторским правом. Как правило, авторским правом защищают архитектурную часть объекта. В то же время передача прав на информационную модель от исполнителя к заказчику требует сложных процедур и может вызвать судебное разбирательство из-за того, что отсутствует единая позиция по правам на интеллектуальную собственность.

Если говорить о тех рисках, которые могут возникнуть при использовании информационной модели, то они в основном связаны с тем, что выявляется несогласованность нормативных документов. Это может вызвать споры при передаче объекта заказчику, при его последующей эксплуатации и т.п. При разработке нормативных документов и договоров о правах на объекты интеллектуальной собственности следует руководствоваться нормами Градостроительного кодекса РФ.

Необходима разработка единого стандарта использования ТИМ для устранения возможных правовых коллизий. В настоящее время такая работа ведется. Так, Росстандарт утвердил ГОСТ Р 10.00.00.01-2025 «Единая система информационного моделирования. Термины и определения», который будет введен в действие с 1 апреля 2026 года [2]. Стандарт содержит более 70 терминов, которые могут быть применены участниками информационного моделирования, и справочные приложения.

Внедрение технологии информационного моделирования в проектную деятельность представляет собой системный и поэтапный процесс, который подразумевает формулировку цели внедрения ТИМ, структурирования задач и мотивацию всех участников проектной деятельности.

Если была выбрана правильная стратегия для внедрения ТИМ, то для организации это позволит значительно повысить качество проектной деятельности, а также минимизировать риски и сократить издержки, одновременно обеспечивая прозрачность и контроль на всех стадиях жизненного цикла объекта.

В будущем развитие цифровых платформ и перманентное повышение квалификации специалистов будут способствовать эффективному использованию ТИМ-технологий, повышая эффективность цифровой трансформации строительной отрасли в целом.

Литература

1. Виг Ш. Метавселенная – новая парадигма бизнеса //Ш. Виг //Форсайт. -2023. – Т.17, №3. - С. 6–18. - DOI:10.17323/2500–2597.2023.3.6.18

2. ГОСТ Р 10.00.00.01-2025. Единая система информационного моделирования. Термины и определения: [Электронный ресурс]. URL: <https://lepton.ru/GOST/Data/847/84752.pdf>

3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. №190-ФЗ (ред. от 24.06.2025) //КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/

4. Крюков, К.М. Методология экономического обоснования применения технологии информационного моделирования /К.М. Крюков, А.А. Кулешов //Инженерный вестник Дона. - 2020. - №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-ekonomicheskogo-obosnovaniya-primeneniya-tehnologii-informatsionnogo-modelirovaniya/viewer>

5. Планирование и реализация процессов информационного моделирования: методическое пособие для заказчиков (государственного заказчика, застройщика, технического заказчика). – М., 2018. – 82 с.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.03.2021 №331 (от 20.12.2022) «Об установлении случаев, при которых застройщиком, техническим заказчиком, лицом, обеспечивающим или осуществляющим подготовку обоснования инвестиций, и (или) лицом, ответственным за эксплуатацию объекта капитального строительства, обеспечиваются формирование и ведение информационной модели объекта капитального строительства» //Правительство России: [сайт]. – URL: <http://government.ru/docs/all/133174/>

7. Рашев, В.С. Анализ внедрения технологии информационного моделирования в Российских строительных компаниях по проектированию и строительству инженерных систем /В.С. Рашев, Н.С. Астафьева, Л.С. Рогожкин, В.Ю. Григорьев //Вестник Евразийской науки. - 2020. - Т.12., №3. - URL: <https://esj.today/PDF/49SAVN320.pdf?ysclid=m7xj4iwug7724615212>

8. Сидорова, Е.А. Совершенствование организационных методов управления реконструкцией /Е.А. Сидорова //Московский экономический журнал. - 2019. -№3. - С. 43-47.

9. Торохова К.Е., Матвеева М.В. Оценка экономической эффективности и перспектив внедрения технологий информационного моделирования на этапе проектирования в строительной отрасли региона /К.Е. Торохова, М.В. Матвеева //Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. - 2023. -Т.13, №2. - С. 192-201. – DOI:10.21285/2227-2917-2023-2-192-201

10. Уткина, В.Н. Проблемы и перспективы внедрения технологии информационного моделирования в области строительства в России: проблемы и перспективы внедрения /В.Н. Уткина, С.Ю. Грязнов, Д.Р. Бабушкина //Основы экономики, управления и права. - 2019. - № 1(19). - С. 57-61.

11. Юшкин, И.И. Проблемы и преимущества внедрения BIM на предприятиях строительной отрасли /И.И. Юшкин, Ш.Г.Х. Аламиди, Н.А. Шашевская //Строительная механика инженерных конструкций и сооружений. - 2022. - Т.18, №2. -С. 172-181.- DOI:10.22363/1815-5235-2022-18-2-172-181

12. Ялилов, А.Д. Особенности гражданско-правового регулирования отношений в сфере проектирования и строительства при использовании технологии информационного моделирования (BIM) /А.Д. Ялилов //Актуальные проблемы российского права. - 2022. - Т.17, №11. - С. 87-99. DOI:10.17803/1994-1471.2022.144.11.087-099.

13. Belvedere, V. The responsiveness of Italian small-to medium sized plants: Dimensions and Determinants /V. Belvedere, A. Grando, T. Papadimitriou //International Journal

of Production Research. - 2010. - Vol.48, №21. - P. 6481-6498. - DOI:10.1080/00207540903234751

14. Petra von Both. Potentials and Barriers for Implementing BIM in the German AEG Market: Results of a Current Market Analysis /Petra von Both // eCAADe 2012: Digital Physicality, Prague, Czech Republic, 2012. - [Prague], 2012. - Vol.2. - P. 151-160. - URL: <http://dx.doi.org/10.52842/conf.ecaade.2012.2.151>

15. Pramanik ,H.S. Essence of digital transformation – Manifestations at large financial institutions from North America. / H.S. Pramanik, M. Kirtania, A.K. Pani //Future Generation Computer Systems. – 2019. – Vol.95. – P. 323-343.

16. Reza Hosseini, M. BIM adoption within Australian Small and Medium-size Enterprises (SMEs): an Innovation Diffusion Model /M. Reza Hosseini, S. Banihashemi, N. Chileshe, M. Oraee //Australian Journal of Construction Economics and Building. - 2016. – Vol. 16, №3. – P. 71-86. DOI: 10.5130/AJCEB.v16i3.5159

17. Thep Thanh Lam. A framework to assist in the analysis of risks and rewards of adopting BIM for SMEs in the UK /Thep Thanh Lam, Lamine Mahdjoubi, Jim Mason //Journal of Civil Engineering and Management. – 2017. – Vol.23, № 6. – P. 740-752, DOI: 10.3846/13923730.2017.1281840

18. Van Nederveen, G.A. Modelling multiple views on buildings /G.A. Van Nederveen, F.P. Tolman //Automation in Construction. - 1992. – Vol. 1, №3. – P. 215-224. – DOI:10.1016/0926-5805(92)90014-B

Implementation of Information Modeling Technologies in Innovative Design Activities: Key Approaches

Pronichev V.V.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The article examines key approaches to the implementation of Information Modeling Technology (TIM/BIM) in innovative design activities. The aim of the work is to analyze the advantages of digital modeling over traditional design methods, as well as to systematize the stages and conditions for the transition to TIM. Based on foreign research and a qualitative analysis of interviews with experts, the strategic, technological, personnel, and legal aspects of implementation are highlighted. Special attention is paid to the stages of preparation, infrastructure creation, and realization. It is shown that the use of TIM allows for a reduction in the number of errors and costs, while increasing productivity and transparency at all stages of the facility life cycle. The conclusion is drawn about the need for an integrated approach and the development of digital competencies of personnel for a successful digital transformation of the construction industry.

Keywords: Innovative design activities, information modeling technology, digital transformation, facility life cycle.

References

1. Vig, Sh. (2023). Metaverse as a New Business Paradigm. *Foresight*, 17(3), pp. 6-18. DOI:10.17323/2500-2597.2023.3.6.18
2. GOST R 10.00.01-2025. (2025). *Unified System of Information Modeling. Terms and definitions*. [Electronic resource]. URL: <https://lepton.ru/GOST/Data/847/84752.pdf>
3. Russian Federation. (2004). *Town Planning Code of the Russian Federation* № 190-FZ of December 29, 2004 (as amended on June 24, 2025). Consultant Plus: [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/
4. Kryukov, K.M., & Kuleshov, A.A. (2020). Methodology of economic justification for the application of information modeling technology. *Don Engineering Herald*, (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-ekonomicheskogo-obosnovaniya-primeneniya-tehnologii-informatsionnogo-modelirovaniya/viewer>
5. Ministry of Construction and Housing and Communal Services of Russian Federation. (2018). *Planning and implementation of information modeling processes: A methodological manual for customers (state customers, developers, technical customers)*. Moscow. 82 p.
6. Government of the Russian Federation. (2021). Decree No. 331 of March 5, 2021 (as amended on December 20, 2022) "On establishing cases in which the developer, technical customer, person providing or preparing investment justification, and (or) person responsible for the operation of a capital construction project, ensure the formation and maintenance of an information model of the capital construction project". *Russian Government*: [website]. URL: <http://government.ru/docs/all/133174/>
7. Rashev, V.S., Astafieva, N.S., Rogozhkin, L.S., & Grigoriev, V.Yu. (2020). Analysis of the implementation of information modeling technology in Russian construction companies for the design and construction of engineering systems. *Bulletin of Eurasian Science*, 12(3). URL: <https://esj.today/PDF/49SAVN320.pdf>
8. Sidorova, E.A. (2019). Improvement of organizational methods of reconstruction management. *Moscow Economic Journal*, (3), pp. 43-47.
9. Torokhova, K.E., & Matveeva, M.V. (2023). Assessment of economic efficiency and prospects for implementing information modeling technologies at the design stage in the regional construction industry. *News of Universities. Investment. Construction. Real Estate*, 13(2), pp. 192-201. DOI: 10.21285/2227-2917-2023-2-192-201
10. Utkina, V.N., Gryaznov, S.Yu., & Babushkina, D.R. (2019). Problems and prospects of implementing information modeling technology in the field of construction in Russia. *Fundamentals of Economics, Management and Law*, (1), pp. 57-61.
11. Yushkin, I.I., Alamidi, Sh.G.Kh., & Stashevskaya, N.A. (2022). Problems and advantages of BIM implementation at construction industry enterprises. *Structural Mechanics of Engineering Constructions and Buildings*, 18(2), pp. 172-181. DOI: 10.22363/1815-5235-2022-18-2-172-181
12. Yalilov, A.D. (2022). Features of civil law regulation of relations in the field of design and construction using information modeling technology (BIM). *Actual Problems of Russian Law*, 17(11), pp. 87-99. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.144.11.087-099
13. Belvedere, V. The responsiveness of Italian small-to medium sized plants: Dimensions and Determinants /V. Belvedere, A. Grandi, T. Papadimitriou //International Journal of Production Research. - 2010. – Vol.48, №21. - P. 6481-6498. - DOI:10.1080/00207540903234751
14. Petra von Both. Potentials and Barriers for Implementing BIM in the German AEG Market: Results of a Current Market Analysis /Petra von Both // eCAADe 2012: Digital Physicality, Prague, Czech Republic, 2012. - [Prague], 2012. - Vol.2. - P. 151-160. - URL: <http://dx.doi.org/10.52842/conf.ecaade.2012.2.151>
15. Pramanik ,H.S. Essence of digital transformation – Manifestations at large financial institutions from North America. / H.S. Pramanik, M. Kirtania, A.K. Pani //Future Generation Computer Systems. – 2019. – Vol.95. – P. 323-343.
16. Reza Hosseini, M. BIM adoption within Australian Small and Medium-size Enterprises (SMEs): an Innovation Diffusion Model /M. Reza Hosseini, S. Banihashemi, N. Chileshe, M. Oraee //Australian Journal of Construction Economics and Building. - 2016. – Vol. 16, №3. – P. 71-86. DOI: 10.5130/AJCEB.v16i3.5159
17. Thep Thanh Lam. A framework to assist in the analysis of risks and rewards of adopting BIM for SMEs in the UK /Thep Thanh Lam, Lamine Mahdjoubi, Jim Mason //Journal of Civil Engineering and Management. – 2017. – Vol.23, № 6. – P. 740-752, DOI: 10.3846/13923730.2017.1281840
18. Van Nederveen, G.A. Modelling multiple views on buildings /G.A. Van Nederveen, F.P. Tolman //Automation in Construction. - 1992. – Vol. 1, №3. – P. 215-224. – DOI:10.1016/0926-5805(92)90014-B

Территория присутствия бизнеса: согласование интересов и стратегических обязательств власти и бизнеса

Николаева Анастасия Сергеевна
магистр, зам. директора ООО «ИТС», Asn91@inbox.ru

Статья посвящена теоретическому обоснованию подходов к формированию стратегий устойчивого развития территорий присутствия бизнеса. Актуальность исследования определяется сохраняющимся разрывом между корпоративными стратегиями крупных компаний и приоритетами социально-экономического развития территорий их базирования. Уточнено понятие территории присутствия как сложной социально-экономической системы, интегрирующей интересы ключевых заинтересованных сторон – власти, бизнеса и местного сообщества. Систематизированы принципы устойчивого развития применительно к территориям присутствия. Выявлены факторы, влияющие на устойчивое развитие, и обоснована роль взаимодействия власти и бизнеса как интегрирующего механизма, обеспечивающего согласованность действий и закрепление позитивных эффектов на территории. Предложены критерии оценки эффективности стратегий, сформированные на основе согласования интересов сторон. Представлен подход, основанный на переносе ключевых управленческих решений на этап предварительной оценки, и охарактеризована модель формирования стратегий, интегрирующая интересы власти, бизнеса и местного сообщества. Результаты могут служить теоретической базой для разработки методического инструментария оценки эффективности стратегий устойчивого развития территорий присутствия.

Ключевые слова: устойчивое развитие, территория присутствия, взаимодействие власти и бизнеса, стратегия, принципы устойчивого развития, факторы развития, критерии оценки, предварительная оценка, модель формирования стратегий.

Проблема устойчивого развития территорий присутствия крупного бизнеса находится в центре внимания исследователей на протяжении последних двух десятилетий. Интерес к ней обусловлен тем, что именно на таких территориях формируется значительная часть добавленной стоимости, создаются рабочие места, обеспечиваются налоговые поступления. В то же время здесь же концентрируются основные риски – социальные, экологические, инфраструктурные, которые при отсутствии эффективных механизмов управления способны нивелировать позитивные эффекты экономического роста [1]. Устойчивость таких территорий напрямую влияет на возможности бизнеса реализовывать долгосрочные стратегии, на инвестиционную привлекательность регионов, на миграционные процессы.

Достижение устойчивости территории присутствия возможно лишь при эффективном взаимодействии государства, бизнеса и общества. В российской практике сложились различные формы такого взаимодействия – от рамочных соглашений до комплексных программ развития. Однако, как показывает анализ, потенциал этих форм используется недостаточно. Механизмы партнерства функционируют преимущественно в границах конкретных проектов, реализуемых при поддержке государства, без системной увязки с интересами местных сообществ. Стратегии, позволяющей согласовывать позиции всех сторон, не прослеживается.

Цель настоящей статьи – систематизировать теоретические подходы, выявить ключевые факторы и принципы формирования стратегий устойчивого развития территорий присутствия на основе взаимодействия власти и бизнеса, а также обосновать необходимость переноса ключевых управленческих решений на этап предварительной оценки. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: уточнить понятие территории присутствия как объекта стратегического управления; систематизировать принципы устойчивого развития применительно к территориям присутствия; выявить факторы, влияющие на устойчивое развитие; обосновать роль взаимодействия власти и бизнеса как интегрирующего механизма; определить критерии оценки эффективности стратегий; представить подход, позволяющий перенести ключевые решения на этап предварительной оценки; охарактеризовать модель формирования стратегий, интегрирующую интересы власти, бизнеса и местного сообщества.

В современной литературе понятие территории присутствия трактуется неоднозначно, что обусловлено сложностью данного феномена. Первоначально этот термин использовался преимущественно в контексте брендинга территорий и понимался как совокупность элементов, формирующих восприятие территории как бренда, – население, внутренняя и внешняя политика, бизнес, инвестиции, культура, национальные традиции [2]. Для задач брендинга такой подход представляется достаточным, однако для целей стратегического управления устойчивым развитием он оказывается слишком общим, поскольку не отражает внутренних связей и механизмов функционирования территории как целостной системы.

Ряд исследователей рассматривают территорию присутствия через призму внешней среды стратегического управления корпоративных структур. Так, А.Н. Асаул трактует территорию присутствия бизнеса как элемент внешней среды, оказывающий влияние на формирование и реализацию корпоративных стратегий, где особенности институциональной, производственно-организационной и

социальной среды выступают как совокупность ограничений и возможностей, подлежащих учету при принятии стратегических решений [3]. Данный подход продуктивен, однако он преимущественно сфокусирован на корпоративном уровне и не в полной мере учитывает роль органов власти как самостоятельного субъекта стратегического управления территориями.

И.Ю. Знаменский, напротив, акцентирует внимание на управленческих аспектах, определяя устойчивость территорий присутствия эффективностью механизмов координации и согласования решений власти и бизнеса [4]. При таком ракурсе за рамками анализа остается оценка ресурсного и экономического потенциала территории, что ограничивает возможности формализации процесса выбора и реализации стратегий.

Более сбалансированным представляется подход Л.Е. Мошковой, которая рассматривает территорию присутствия как объединение с одним или несколькими административно-территориальными формированиями, на которые оказывают влияние стратегические партнеры посредством ряда механизмов – экономического, экологического, социального, институционального, информационного. К числу стратегических партнеров при этом отнесены власть, бизнес, общественные объединения, научное сообщество [5].

Обобщение рассмотренных подходов позволяет утверждать, что территория присутствия представляет собой сложное системное образование, функционирование которого определяется не только наличием производственных активов, но и характером взаимодействия между ключевыми субъектами. В рамках настоящего исследования используется следующее определение. Территория присутствия бизнеса является сложной, взаимосвязанной динамической системой, включающей не только производственные структурные единицы (в том числе расположенные в нескольких региональных экономических системах), но и местное сообщество – акционеры, органы местной власти, потребители, работники и члены их семей, население. Все перечисленное выступает системообразующим фактором, поскольку представляет ключевые заинтересованные стороны, как зависящие, так и оказывающие непосредственное влияние на деятельность бизнес-структур.

Формирование стратегий устойчивого развития базируется на системе принципов, которые в научной литературе группируются по различным основаниям. В стандартах управления устойчивым развитием в качестве ключевых выделяются вовлеченность заинтересованных сторон, соблюдение этических норм, ответственность руководства и прозрачность [6]. О.А. Канаева акцентирует внимание на принципах воспроизводимости ресурсов, сбалансированности трех аспектов концепции ESG, вовлеченности всех участников в процесс принятия решений [7]. К.Ю. Белоусов рассматривает сбалансированность, интегрированность, системность, соответствие целей, управляемость, коммуникативность как условия достижения устойчивого состояния [8].

Наиболее развернутая классификация предложена А.В. Колобовым, который связывает принципы устойчивого развития с ценностями компании, стратегией, целеполаганием, вовлеченностью персонала, четкостью организационной структуры, клиентоориентированностью, оптимальной системой учета, безопасностью труда, инфраструктурой бизнес-системы, ролью первого лица в формировании ответственности руководителей [9]. При всей корпоративной направленности многие из этих принципов могут быть адаптированы к уровню территории при соответствующей интерпретации.

Обобщение представленных подходов позволяет выделить несколько устойчивых групп принципов, имеющих

значение для территорий присутствия. Социальный компонент предполагает соблюдение социальных стандартов в отношении сотрудников и местного сообщества, создание условий для повышения кадрового потенциала, обеспечение доступа жителей к базовым потребностям. Экологический компонент включает заботу об окружающей среде, сокращение наносимого ущерба, участие в совместных программах экологической направленности. Экономический компонент ориентирован на эффективность использования ресурсов, производительность, совершенствование производственно-технологического потенциала. Управленческий компонент охватывает качество управления, структурированность, адаптивность, сбалансированность компонентов устойчивого развития, учет аспектов развития территории. Компонент корпоративной ответственности в широком смысле включает системность, комплексность, открытость, прозрачность, снижение рисков коррупции, участие в социальном партнерстве.

Выделенные группы принципов конкретизируются в системе факторов, непосредственно определяющих возможности устойчивого развития территорий присутствия. К числу наиболее значимых факторов относятся:

- экономический потенциал и конкурентный профиль территории – совокупность ресурсов, производственных мощностей и конкурентных преимуществ, определяющих возможности экономического роста, включая наличие природных ресурсов, уровень развития производственной базы, инвестиционную привлекательность, диверсификацию экономики;

- состояние инфраструктуры – уровень развития транспортной, энергетической, коммунальной, социальной инфраструктуры, обеспечивающей условия для жизнедеятельности населения и ведения бизнеса;

- экологические инициативы – реализуемые на территории программы и проекты, направленные на охрану окружающей среды, снижение негативного воздействия, внедрение экологических технологий;

- социальная политика – меры, направленные на повышение качества жизни населения, развитие образования, здравоохранения, культуры, поддержку социально уязвимых групп;

- регуляторная политика – система правовых, административных и экономических регуляторов, определяющих условия ведения бизнеса и взаимодействия с властью.

Указанные факторы формируют необходимую основу устойчивого развития, однако сами по себе они не гарантируют устойчивой динамики. Высокий экономический потенциал может сочетаться с деградацией социальной сферы, развитая инфраструктура – с неудовлетворительным экологическим состоянием, прогрессивная регуляторная политика – с отсутствием реальных механизмов ее реализации. Возникает проблема интеграции воздействия различных факторов, приведения их в систему, обеспечивающую синергетический эффект.

В этой связи принципиальное значение приобретает положение о том, что взаимодействие власти и бизнеса выступает ключевым фактором устойчивого развития территории присутствия. Именно оно обеспечивает интеграцию воздействия производственно-инвестиционного, кадрово-трудового, инфраструктурного, финансового, институционального и социального факторов и переводит их влияние в плоскость согласованных управленческих действий с устойчивым результатом на территории. Взаимодействие выполняет интегрирующую функцию: оно позволяет перевести разрозненный ресурсный потенциал в согласованные управленческие действия, а полученные экономические эффекты – закрепить на территории в форме устойчивых социально-экономических результатов, включая занятость, качество жизни, инфраструктурную обеспеченность.

При недостаточной согласованности действий возникает разрыв между распределением выгод и издержек. Корпоративные эффекты могут концентрироваться вне территории, тогда как территориальные ограничения – кадровые, инфраструктурные, социальные – не устраняются, а воспроизводятся и усиливаются. Отсюда следует, что взаимодействие власти и бизнеса необходимо рассматривать как фактор, позволяющий согласовать обязательства сторон и обеспечить удержание значимой части позитивного эффекта на территории.

Данное понимание требует уточнения понятия стратегии взаимодействия применительно к устойчивому развитию территории присутствия. В рамках настоящего исследования под стратегией взаимодействия власти и бизнеса понимается согласованный комплекс приоритетов и обязательств сторон по направлениям устойчивого развития территории присутствия, включающий условия участия и требования к закреплению результатов на территории. Оценка взаимодействия осуществляется не по факту наличия отдельных инициатив, а по способности обеспечивать согласованность обязательств и сохраняемость эффекта.

Структурными элементами такой стратегии являются: приоритеты развития территории, распределение ответственности между сторонами, ресурсное обеспечение совместных действий, процедуры согласования и контроля, требования к сохраняемости результата, то есть к его закреплению на территории в долгосрочной перспективе. Из данного определения вытекают критерии оценки эффективности стратегий, которые должны отражать не только достижение целевых показателей, но и степень согласованности интересов сторон, реалистичность принимаемых обязательств и способность удерживать эффект на территории.

В теории стратегического управления сложились различные подходы к формированию стратегий – системный, ситуационный, процессный, интеграционный. Каждый из них имеет свои достоинства и ограничения. Применительно к устойчивому развитию территорий присутствия наиболее релевантным представляется системный подход, позволяющий рассматривать территорию как целостную систему, все элементы которой взаимосвязаны. Системный подход дает возможность учесть множество факторов и их влияний, выявить ключевые связи и определить точки приложения управленческих воздействий [10]. Интеграционный подход, в свою очередь, ориентирован на усиление взаимосвязей между отдельными подсистемами и субъектами, предполагая упорядочение взаимодействия различных структур в качественно новую пространственную экосистему более высокого уровня, что особенно важно для территорий присутствия, где согласованность действий власти и бизнеса является критическим условием устойчивости [11].

Однако существующие подходы не всегда позволяют в полной мере учесть специфику территорий присутствия и обеспечить согласованность действий власти и бизнеса на ранних стадиях разработки стратегий. Зачастую оценка эффективности проводится уже после распределения ресурсов и начала реализации проектов, когда возможности корректировки существенно ограничены. Недостаточно проработанными остаются вопросы учета территориальной специфики, реальных полномочий органов местной власти и потенциала бизнес-структур при определении приоритетных направлений и выборе стратегических решений. Существенным недостатком многих методических подходов является их ориентация на оценку результатов, а не на качество процесса взаимодействия и обоснованность принимаемых решений.

В результате даже при наличии формальных стратегических документов реальная согласованность действий

может оставаться низкой, а достигнутые эффекты – не закрепляться на территории. Комплексные инвестиционные планы моногородов, разрабатывавшиеся в 2010-х годах как основной инструмент диверсификации экономики, в большинстве случаев остались нереализованными. Как показано в [12], причиной стало отсутствие предварительной проработки обязательств сторон, оценки рисков и синхронизации ресурсных возможностей.

В связи с этим представляется необходимым использование подхода, позволяющего преодолеть указанные ограничения. При формировании стратегий устойчивого развития территорий присутствия бизнеса целесообразно использовать подход, суть которого заключается в переносе ключевых управленческих решений на этап, предшествующий распределению ресурсов и включающий проведение комплексной предварительной экономической, финансовой, бюджетной и социальной оценки стратегических программ и проектов, анализ рисков и определение обязательств участвующих сторон. Такой подход предполагает смещение акцента с постфактум-оценки на предварительную оценку, что позволяет не только повысить обоснованность принимаемых решений, но и существенно снизить риски неэффективного использования ресурсов за счет моделирования процесса взаимодействия и выявления потенциальных точек расхождения интересов до начала реализации стратегии.

Реализация предложенного подхода требует разработки соответствующего инструментария. Разработанная в рамках исследования модель формирования стратегий устойчивого развития территорий присутствия интегрирует интересы власти, бизнеса и местного сообщества и базируется на системном подходе. Ключевая особенность модели заключается во встроенном инструменте предварительной оценки, позволяющем на основе системы критериев выявить риски и оценить способность стратегии обеспечить закрепление эффекта на территории до начала реализации.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Ключевая проблема устойчивого развития территорий присутствия – разрыв между корпоративными стратегиями бизнеса и потребностями территории – может быть решена только на основе системного взаимодействия власти и бизнеса. Территория присутствия бизнеса представляет собой сложную динамическую систему, включающую не только производственные активы, но и местное сообщество, органы власти и другие заинтересованные стороны, связанные отношениями взаимной зависимости и ответственности. Такое понимание создает основу для системного рассмотрения процессов формирования стратегий устойчивого развития и учета интересов всех субъектов.

Анализ существующих подходов к принципам устойчивого развития позволяет выделить устойчивые группы принципов, связанных с социальной ответственностью, экологическими императивами, экономической эффективностью, управлением и вовлеченностью заинтересованных сторон. Определены ключевые группы факторов, влияющие на устойчивое развитие территорий присутствия: экономический потенциал и конкурентный профиль территории, состояние инфраструктуры, экологические инициативы, социальная политика, регуляторная политика. Данные факторы формируют необходимую основу, но не гарантируют устойчивой динамики без согласованного взаимодействия власти и бизнеса.

Обоснована ключевая роль взаимодействия власти и бизнеса как интегрирующего фактора, обеспечивающего согласованность действий и удержание позитивных эффектов на территории. Сформулировано определение

стратегии взаимодействия, акцентирующее внимание на согласованности обязательств и сохранности результата, что позволило определить критерии оценки эффективности стратегий, включающие степень согласованности интересов сторон, реалистичность обязательств и способность удерживать эффект на территории.

Обоснована необходимость переноса ключевых управленческих решений на этап, предшествующий распределению ресурсов, и проведения комплексной предварительной оценки стратегических программ и проектов. Предложенный подход создает теоретическую базу для разработки методического инструментария оценки эффективности стратегий устойчивого развития территорий присутствия. Разработанная на основе этого подхода модель формирования стратегий интегрирует интересы власти, бизнеса и местного сообщества и отличается наличием встроенного инструмента предварительной оценки, позволяющего на ранней стадии выявить риски и оценить способность стратегии обеспечить закрепление эффекта на территории.

Перспективы дальнейших исследований связаны с совершенствованием системы критериев и показателей предварительной оценки, разработкой методик количественного измерения качества взаимодействия власти и бизнеса, а также с расширением апробации предложенного подхода на различных типах территорий присутствия.

Литература

1. Николаева А.С. Условия устойчивого развития в моногородах // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2024. № 6. С. 65–70.
2. Глотов Д.С. Терминологический анализ брендинга территорий // Вестник РМАТ. 2021. № 2. С. 16–20.
3. Асаул А.Н. Закономерности и тенденции развития современного предпринимательства. СПб.: АНО ИПЭВ, 2008. 280 с.
4. Знаменский И.Ю. Управление устойчивым развитием территорий присутствия бизнеса: дис. ... канд. экон. наук. М., 2019.
5. Мошкова Л.Е. Партнерские отношения бизнеса и власти на территории присутствия: теория и методология: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2015. 42 с.
6. ГОСТ Р 54598.1-2015. Менеджмент устойчивого развития. М.: Стандартинформ, 2015.
7. Канаева О.А. Социальные императивы устойчивого развития // Вестник СПбГУ. Экономика. 2018. Т. 34. Вып. 1. С. 26–58.
8. Белоусов К.Ю. Социальная ответственность бизнеса как фактор устойчивого развития: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2017.
9. Колобов А.В. Ключевые принципы устойчивого развития бизнес-системы предприятия // Управленческие науки. 2020. № 3. С. 21–32.
10. Ансофф И. Стратегическое управление. М.: Экономика, 1989. 303 с.
11. Межох З.П. Процессный подход к построению системы управления рисками транспортных компаний // Транспортное дело России. 2014. № 4. С. 177–180.
12. Ускова Т.В., Иогман Л.Г., Ткачук С.Н. и др. Моногород: управление развитием. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 220 с.
13. Беляева И.Ю., Данилова О.В. Обеспечение устойчивого развития территорий: взаимодействие бизнеса и власти // Управленческие науки. 2013. № 4. С. 4–8.

14. Бобылев С.Н. Устойчивое развитие в интересах будущих поколений: экономические приоритеты // Мир новой экономики. 2017. № 3. С. 90–96.

15. Selsky J.W., Parker B. Cross-sector partnerships to address social issues: Challenges to theory and practice // Journal of Management. 2005. Vol. 31, No. 6. P. 849–873.

16. Waddock S. A typology of social partnership organizations // Administration & Society. 1991. Vol. 22, No. 4. P. 480–516.

Business Presence Territory: Alignment of Interests and Strategic Commitments of Government and Business

Nikolaeva A.S.

LLC "ITS"

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The article is devoted to the theoretical substantiation of approaches to the formation of sustainable development strategies for business presence territories. The relevance of the study is determined by the persistent gap between corporate strategies of large companies and the priorities of socio-economic development of their host territories. The concept of territory of presence is clarified as a complex socio-economic system integrating the interests of key stakeholders – government, business, and local community. The principles of sustainable development are systematized in relation to territories of presence. Factors influencing sustainable development are identified, and the role of government-business interaction as an integrating mechanism ensuring coordinated actions and consolidation of positive effects in the territory is substantiated. Criteria for evaluating the effectiveness of strategies, formed on the basis of coordinating the interests of the parties, are proposed. An approach based on the transfer of key managerial decisions to the preliminary assessment stage is presented, and a model for strategy formation integrating the interests of government, business, and local community is characterized. The results can serve as a theoretical basis for developing methodological tools for assessing the effectiveness of sustainable development strategies for territories of presence.

Keywords: sustainable development, territory of presence, government-business interaction, strategy, principles of sustainable development, development factors, evaluation criteria, preliminary assessment, strategy formation model.

References

1. Nikolaeva A.S. Conditions for Sustainable Development in Single-Industry Towns // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law. 2024. No. 6. pp. 65–70.
2. Glotov D.S. Terminological Analysis of Place Branding // Bulletin of the Russian Academician of the Russian Agrarian University. 2021. No. 2. pp. 16–20.
3. Asaul A.N. Patterns and Trends in the Development of Modern Entrepreneurship. St. Petersburg: ANO IPEV, 2008. 280 p.
4. Znamensky I.Yu. Sustainable Development Management of Business Presence Territories: Cand. Sci. (Econ.) Dissertation. Moscow, 2019.
5. Moshkova L.E. Partnerships between Business and Government in the Territory of Presence: Theory and Methodology: Abstract of Cand. Sci. (Econ.) Dissertation. ... Doctor of Economics. Moscow, 2015. 42 p.
6. GOST R 54598.1-2015. Sustainable Development Management. Moscow: Standartinform, 2015.
7. Kanaeva O.A. Social Imperatives of Sustainable Development // Bulletin of St. Petersburg State University. Economics. 2018. Vol. 34. Issue 1. Pp. 26–58.
8. Belousov K.Yu. Social Responsibility of Business as a Factor in Sustainable Development: Dis. ... Cand. Economics. St. Petersburg, 2017.
9. Kolobov A.V. Key Principles of Sustainable Development of an Enterprise's Business System // Management Sciences. 2020. No. 3. Pp. 21–32.
10. Ansoff I. Strategic Management. Moscow: Economica, 1989. 303 p.
11. Mezkhokh Z.P. Process Approach to Building a Risk Management System for Transport Companies // Transport Business of Russia. 2014. No. 4. pp. 177–180.
12. Uskova T.V., Iogman L.G., Tkachuk S.N., et al. Single-Industry Town: Development Management. Vologda: ISEDT RAS, 2012. 220 p.
13. Belyaeva I.Yu., Danilova O.V. Ensuring Sustainable Development of Territories: Interaction between Business and Government // Management Sciences. 2013. No. 4. pp. 4–8.
14. Bobilev S.N. Sustainable Development in the Interests of Future Generations: Economic Priorities // The World of the New Economy. 2017. No. 3. pp. 90–96.
15. Selsky J.W., Parker B. Cross-sector partnerships to address social issues: Challenges to theory and practice // Journal of Management. 2005. Vol. 31, No. 6. P. 849–873.
16. Waddock S. A typology of social partnership organizations // Administration & Society. 1991. Vol. 22, No. 4. P. 480–516.

Киберриски цифровой трансформации бизнес-процессов: экономические потери и меры управления в российских организациях

Растегаева Фания Саитовна

д-р экон. наук, профессор кафедры «Бухгалтерский учет, аудит, статистика» Уфимского филиала Финуниверситета

Цифровая трансформация бизнес-процессов (внедрение ERP/CRM, облачных сервисов, интеграционных платформ, RPA и аналитики данных) повышает операционную эффективность, но одновременно расширяет поверхность атак и усиливает зависимость организаций от устойчивости ИТ-контуров. Цель статьи — оценить экономические потери российских организаций от киберинцидентов, возникающих в ходе цифровизации процессов, и обосновать приоритетные меры управления киберрисками. Методологическая база включает сценарный анализ ущерба по цепочке «инцидент — остановка процесса — финансовые последствия» и классификацию потерь на прямые (восстановление, аутсорсинг, штрафы) и косвенные (потеря выручки, простой, репутационный эффект). Показано, что наибольший вклад в совокупный ущерб формируют простои критичных процессов и нарушения в цифровых цепочках поставок, а также компрометация учетных записей сотрудников и подрядчиков. Предложена рамка управления, сочетающая приоритизацию контроля доступа, резервное восстановление и тестирование BCP/DRP (как мера снижения потерь от простоя), мониторинг, а также управление рисками поставщиков. Сопоставляя прямые и косвенные эффекты, практическая значимость результатов заключается в возможности использовать предложенные метрики для выбора мер защиты с учетом их стоимости и ожидаемого снижения ущерба.

Ключевые слова: киберриск, киберинцидент, цифровая трансформация, бизнес-процессы, экономический ущерб, операционная устойчивость, управление рисками.

Введение

Цифровая трансформация бизнес-процессов в российских организациях в последние годы стала одним из ключевых факторов повышения производительности, снижения транзакционных издержек и ускорения управленческих циклов за счет внедрения ERP/CRM, облачных сервисов, интеграционных платформ, электронного документооборота, роботизации (RPA) и аналитики данных. Однако рост степени цифровой интеграции одновременно усиливает уязвимость критичных процессов: нарушение доступности, целостности или конфиденциальности данных в ИТ-контуре быстро трансформируется в простой производства и логистики, срыв исполнения контрактов, рост затрат на восстановление и ухудшение финансовых результатов. В условиях высокой связанности цепочек поставок и распространения удаленных форматов работы киберриски приобретают макроэкономическое измерение, влияя на устойчивость отраслей и темпы экономического развития. Практика показывает, что для многих компаний киберинциденты в период цифровизации имеют «системный» характер: изменение архитектуры процессов и данных (интеграции по API, переход в облако, расширение прав доступа, рост числа подрядчиков) опережает зрелость управления информационной безопасностью и операционной устойчивостью. При этом прямые затраты (работы по реагированию и восстановлению, привлечение внешних специалистов, приобретение инструментов, юридические расходы и штрафы) нередко уступают по масштабу косвенным потерям — упущенной выручке из-за простоя, дополнительным издержкам на ручные операции, ухудшению качества сервиса и репутационному эффекту. Следовательно, для управленческих решений критично иметь сопоставимые оценки ущерба и полные критерии выбора мер, которые дают максимальное снижение риска при ограниченных ресурсах.

Цель настоящей статьи — оценить экономические потери российских организаций от киберинцидентов, возникающих в ходе цифровой трансформации бизнес-процессов, и обосновать приоритетные меры управления киберрисками, ориентированные на сохранение непрерывности деятельности. Для достижения цели решаются следующие задачи: (1) уточняется связь между инструментами цифровизации и типовыми киберугрозами для процессов; (2) формируется классификация потерь на прямые и косвенные и задаются метрики их измерения; (3) предлагается сценарная схема оценки ущерба по цепочке «инцидент — остановка процесса — финансовые последствия»; (4) разрабатывается практическая рамка приоритизации мер защиты с учетом их стоимости и ожидаемого снижения ущерба.

Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении киберрисков как экономического фактора цифровой трансформации бизнес-процессов: акцент делается на измерении потерь через показатели непрерывности критичных операций и на связке «контроль — стоимость — эффект», позволяющей обосновывать выбор мер безопасности в терминах экономической эффективности. Практическая значимость состоит в возможности применения предложенных метрик и подходов для построения корпоративной системы управления киберрисками, включая управление доступами, резервное восстановление и регулярное тестирование планов BCP/DRP

(как мера снижения потерь от простоя), мониторинг и управление рисками поставщиков.

Анализируя практику цифровизации, в исследовании представлен обзор подходов к трактовке киберрисков и экономического ущерба от инцидентов. Предлагаются концептуальная модель и методика оценки потерь, формулируются управленческие рекомендации. [8, 14]

Цифровизация бизнес-процессов неизбежно сопряжена с возникновением киберрисков, которые в экономической и управленческой литературе трактуются как потенциальная возможность наступления событий в информационном пространстве, ведущих к негативным последствиям. К числу таковых относятся прямые финансовые потери, дестабилизация операционной деятельности и ухудшение итоговых показателей работы организации. Для целей анализа цифровой трансформации бизнес-процессов важно рассматривать киберриски не только как «ИТ-проблему», но как риск нарушения выполнения критичных процессов, поддерживаемых цифровой архитектурой (процессы продаж, закупок, производства, логистики, расчетов и управления персоналом). В отличие от традиционного подхода, где объектом защиты выступают отдельные системы или данные, процессный подход фокусируется на непрерывности и контролируемости сквозных операций, проходящих через несколько систем, интеграций и участников (включая внешних подрядчиков и поставщиков). [14, 6] Цифровая трансформация расширяет поверхность атак за счет роста числа интеграций (API — как фактор расширения поверхности атак; ESB — как узлы каскадных сбоев), перемещения данных в распределенные среды (облачные сервисы, гибридные контуры), увеличения количества учетных записей и прав доступа, а также внедрения инструментов автоматизации (RPA) и аналитики. На практике это приводит к тому, что инцидент в одном узле (компрометация (захват злоумышленником) учетной записи, уязвимость в компоненте интеграции, шифрование данных) может быстро масштабироваться и вызывать каскадные сбои в связанных процессах. Рассматривая киберинциденты как фактор издержек, таким образом, киберриск становится функционально близким к рискам операционной деятельности и операционной устойчивости, а его оценка требует связывания ИБ-метрик с экономическими результатами. [19, 11]

Классификация угроз и уязвимостей, характерных для процессов, подвергающихся цифровизации. В специальной литературе и отраслевых аналитических обзорах традиционно выделяются следующие категории угроз, существенные для цифровизируемых бизнес-процессов: (1) вредоносное ПО и вымогатели, приводящие к шифрованию данных и остановке операций; (2) компрометация учетных записей (фишинг, подбор паролей, утечки), дающая злоумышленникам легитимные права в системах; (3) атаки на цепочки поставок и подрядчиков, включая компрометацию обновлений и внешних поставщиков услуг; (4) эксплуатация уязвимостей в публично доступных сервисах и интеграционных компонентах; (5) инсайдерские нарушения и ошибки персонала, особенно на этапах изменений архитектуры и регламентов. [10] Отдельного внимания в контексте цифровой трансформации требуют риски, связанные с переходом к модели «данные как актив»: концентрация данных в хранилищах и витринах, интенсивный обмен данными между системами, использование BI и продвинутой аналитики. С экономической точки зрения такие изменения повышают потенциальный ущерб от нарушений конфиденциальности и целостности, поскольку инциденты затрагивают более широкий круг процессов и решений, а восстановление корректности данных может потребовать значительных затрат времени и ресурсов. В дополнение к этому внедрение RPA часто создает «скрытые зависимости» от учетных данных роботов

и скриптов, а также от стабильности интерфейсов, что усиливает риск технологических и организационных отказов. [19, 18]

В исследованиях экономических последствий киберинцидентов сложилась устойчивая традиция дифференциации ущерба на прямые и косвенные составляющие. Данный подход позволяет структурировать оценку потерь и учитывать как сиюминутный, так и пролонгированный эффект. Опираясь на сценарные оценки, прямые потери включают затраты на реагирование и расследование, восстановление систем и данных, привлечение внешних подрядчиков, юридические расходы и штрафы. Косвенные потери охватывают упущенную выручку и маржу из-за простоя, рост транзакционных издержек вследствие перехода на ручные операции, ухудшение качества сервиса, а также репутационные эффекты (снижение доверия клиентов и партнеров, рост затрат на привлечение клиентов, отток). [15, 10] В рамках управленческого учета распространены модели совокупной стоимости инцидента (Total Cost of Incident), которые суммируют затраты по этапам «обнаружение — реагирование — восстановление — последующие меры». В более формализованных работах используются сценарные подходы и вероятностные модели (включая имитационное моделирование) для оценки распределения потерь при различных сценариях атак. Для организации управления киберрисками применяются и риск-ориентированные методологии, в которых ущерб связывается с вероятностью события и уязвимостью контуров, а приоритизация мер строится по критичности процессов и ожидаемому снижению риска. [16, 11] Для цифровой трансформации существенным является переход от оценки ущерба «по системам» к оценке «по процессам»: ключевыми становятся показатели непрерывности (допустимое время простоя; RTO/RPO — целевые время/точка восстановления), стоимость часа простоя критичных операций, а также степень зависимости бизнес-результата от цифровых интеграций. Фокусируясь на непрерывности процессов, такой подход позволяет экономически обосновывать инвестиции в меры защиты через ожидаемое снижение потерь и повышение устойчивости.

Если в зарубежной и отечественной литературе накоплен существенный объем знаний об оценке ущерба от киберинцидентов, то прикладной анализ применительно к российским организациям сопряжен с сохраняющимися ограничениями: агрегированные оценки могут быть слабо сопоставимы между отраслями; методики недостаточно учитывают особенности цифровых цепочек поставок и роль подрядчиков; косвенные потери (особенно репутационные) фиксируются фрагментарно. Дополнительной проблемой является разрыв между ИБ-метриками и финансово-экономическими показателями, из-за чего руководители получают ограниченную основу для выбора мер защиты в условиях бюджетных ограничений. [14] Для российских организаций значимы и институциональные факторы: неоднородность цифровой зрелости по секторам, дефицит кадров в области ИБ, особенности регулирования и комплаенса, а также изменения технологических контуров в связи с переходом на альтернативные ИТ-решения. В этих условиях востребована методика, которая (а) оценивает потери через непрерывность критичных бизнес-процессов, (б) разделяет прямые и косвенные компоненты ущерба и задает измеримые метрики, (в) позволяет приоритизировать меры управления киберрисками по критичности процессов и ожидаемому снижению ущерба. Указанные положения задают рамку последующего методического раздела статьи.

В основу анализа киберрисков цифровой трансформации положена процессно-ориентированная концептуальная модель, описывающая логику реализации угрозы: от

конкретной технологии и присущих ей уязвимостей — через киберинцидент и нарушение бизнес-процесса — к ито- говым экономическим потерям, которая связывает техно- логические изменения в бизнес-процессах с вероят- ностью киберинцидентов и их экономическими последст- виями. В основе модели лежит причинно-следственная це- почка: (1) внедряемая технология цифровизации (ERP/CRM, облака, интеграционные шины и API, RPA, ЭДО, мобильные рабочие места); (2) формируемые уяз- вимости и изменения в архитектуре управления досту- пами, данными и интеграциями; (3) типовой сценарий ин- цидента (компрометация учетной записи, эксплуатация уязвимости, вымогательство, утечка данных, компромета- ция поставщика); (4) нарушение выполнения конкретного бизнес-процесса (снижение доступности/целостно- сти/конфиденциальности); (5) экономические потери, включая прямые затраты и косвенные эффекты простоя и репутации. [10, 16] Учитывая ограниченность данных, при- менение данной модели позволяет перейти от описания рисков «по ИТ-системам» к оценке рисков «по процес- сам», что важно для управленческих решений. Критич- ность процесса определяется его вкладом в создание до- бавленной стоимости, зависимостью от цифровых инте- граций и допустимым временем простоя. Экономический ущерб при этом оценивается как функция длительности нарушения процесса, стоимости простоя (включая упущенную маржу) и масштаба затронутых контрагентов/кли- ентов. [14]

В качестве методологического основания для диффе- ренциации киберрисков предлагается классификация бизнес-процессов, учитывающая два параметра: их кри- тичности для функционирования организации и степень зависимости от цифровых технологий. В рамках данной классификации целесообразно выделение трех групп процессов: (а) критичные операционные процессы (произ- водство, логистика, расчеты, обслуживание клиентов), где простой напрямую трансформируется в потери выручки и рост затрат; (б) поддерживающие процессы (управление персоналом, закупки вспомогательных ресурсов, внутрен- ний документооборот), влияющие на эффективность и комплаенс; (в) процессы развития и управления (планиро- вание, бюджетирование, аналитика), определяющие ка- чество управленческих решений. Дополнительно вво- дится измерение цифровой зависимости: доля операций, выполняемых в интегрированном ИТ-контуре; количество интерфейсов и внешних участников; степень автоматиза- ции принятия решений. [19, 11] Такое разбиение позво- ляет формировать «карту процессов» и назначать при- оритеты по принципу: защита сначала тех контуров, где ожидаемые потери от простоя максимальны, а затем — контуров, где риск связан с конфиденциальностью или це- лостностью данных (например, персональные данные, коммерческая тайна, финансовая отчетность). [2]

Риск-ориентированный подход к анализу киберрисков цифровой трансформации предполагает их классифика- цию по двум ключевым признакам — источнику возникно- вения и каналу воздействия на бизнес-процесс, что поз- воляет дифференцировать природу угроз и механизмы их реализации:

- риски доступа (компрометация учетных записей со- трудников, привилегированных пользователей и сервис- ных учетных записей, в том числе RPA-роботов); [18, 14]

- риски уязвимостей и конфигураций (эксплуатация уязвимостей в публичных сервисах, ошибочные настройки облачной инфраструктуры, слабая сегмента- ция сети); [14]

- риски данных (утечки, подмена или разрушение дан- ных, нарушение целостности мастер-данных и витрин, ошибки миграции при переходе на новые решения); [19, 12]

- риски интеграций (компрометация API/ESB, ошибки управления ключами и токенами, каскадные отказы в сквозных процессах); [14]

- риски цепочки поставок и подрядчиков (доступ тре- тьих сторон, компрометация обновлений и внешних сер- висов, зависимость от провайдеров); [10, 16]

- риски человеческого фактора (фишинг, социальная инженерия, ошибки при изменениях, обход регламентов ради «ускорения» процесса). [10, 16]

С практической точки зрения данная классификация удобна тем, что напрямую связывает риск с набором управляемых контролей (IAM/PAM, управление уязвимо- стями, резервное копирование, мониторинг, управление поставщиками и т. п.).

Для решения задачи приоритизации киберрисков в условиях высокой цифровой связанности представляется целесообразным применение классической матрицы «ве- роятность — ущерб», дополненной параметром цифро- вой зрелости анализируемого процесса. Такая модифика- ция позволяет учесть специфику цифровой трансформа- ции при ранжировании рисков. Вероятность определяется сочетанием уровня экспозиции (наличие внешних конту- ров, удаленного доступа, числа интеграций), уровня кон- троля (сегментация, мониторинг, управление привилегия- ми) и исторической частоты инцидентов. Ущерб опреде- ляется стоимостью простоя, чувствительностью данных и масштабом влияния на контрагентов. Параметр цифро- вой зрелости фиксирует, насколько процесс стандартизи- рован, документирован и управляем: чем выше зрелость, тем проще восстановление и тем меньше неопределен- ность оценки потерь. [15, 10] На основе матрицы риски разделяются на четыре зоны: (1) неприемлемые (высокая вероятность и высокий ущерб) — требуют немедленного снижения; (2) существенные (низкая вероятность, высо- кий ущерб) — требуют мер устойчивости и резервирова- ния; (3) управляемые (высокая вероятность, низкий ущерб) — требуют процедурного контроля и автоматиза- ции мониторинга; (4) допустимые — контролируются пе- риодическими проверками.

Сопоставляя прямые и косвенные эффекты таких ин- цидентов, можно выявить закономерности трансформа- ции технологических уязвимостей в экономический ущерб. Для практического применения модели целесооб- разно формировать таблицу сопоставления «технология цифровизации — типовые сценарии — нарушаемые про- цессы — компоненты ущерба». Пример укрупненного со- поставления представлен в таблице 1.

Таблица 1
Пример сопоставления технологий цифровизации и сценариев киберинцидентов

Технология / изменение	Типовой сценарий инцидента	Затрагиваемые процессы	Основные ком- поненты потерь
Переход в об- лако / гибрид	Ошибки configura- ции, компрометация учетной записи, утечка данных	Продажи, клиент- ский сервис, ана- литика	Простой, восста- новление, репута- ция, комплаенс- риски
Интеграции API/ESB	Компрометация токе- нов, нарушение це- лостности обмена, каскадный отказ	Сквозные це- почки «заказ—по- ставка—оплата»	Срыв поставок, простой, рост транзакционных издержек
Внедрение RPA	Компрометация сер- висной учетной за- писи робота, некор- ректные дей- ствия/скрипты	Бэк-офис, рас- четы, документо- оборот	Ошибки опера- ций, ручная обра- ботка, затраты на исправление
ЭДО и уда- ленная ра- бота	Фишинг, компромета- ция почты/устройств, подмена реквизитов	Закупки, согласо- вания, платежи	Финансовые по- тери, юридиче- ские издержки, простой

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что разрабо- танные концептуальная модель и классификация закла-

дывают основу для количественной оценки потерь от киберинцидентов и обоснования управленческих решений в области киберрисков. В качестве ключевых элементов модели выступают, во-первых, приоритет непрерывности критических бизнес-процессов, во-вторых, идентификация системных зависимостей, обусловленных интеграцией данных и автоматизацией.

Информационную базу исследования составили материалы, отражающие практику цифровизации российских организаций. При этом следует отметить, что возможности количественной оценки экономических потерь от киберинцидентов существенно лимитированы фрагментарностью и ограниченным доступом к детализированным данным о подобных событиях. Данная информационная база позволяет получить сопоставимые оценки, даже если часть компонент ущерба измеряется с использованием прокси-показателей. Единицей анализа выступает «инцидент, повлекший нарушение бизнес-процесса», то есть событие, в результате которого снижается доступность, целостность или конфиденциальность данных/сервисов настолько, что требуется остановка процесса или переход на деградированный режим. Для повышения сопоставимости фиксируются контекстные характеристики: отрасль, размер организации, уровень цифровой зависимости процесса, наличие внешних интеграций и подрядчиков, а также длительность восстановления.

Для адекватной оценки масштаба последствий киберинцидента необходима дифференциация экономического ущерба на прямые и косвенные составляющие. Прямые потери связаны с немедленными затратами и утратами, тогда как косвенные отражают долгосрочные эффекты нарушения деятельности. Совокупный ущерб, таким образом, представляет собой агрегированный результат суммирования обоих типов потерь. Рассматривая киберинциденты как фактор издержек, прямые потери (прямые потери, ПП) включают затраты на реагирование и восстановление, оплату внешних услуг, компенсации, штрафы и юридические расходы. Косвенные потери (косвенные потери, КП) охватывают упущенную прибыль из-за простоя, дополнительные транзакционные издержки при переходе на ручные операции, потери от ухудшения качества сервиса и репутационные эффекты. [15, 10]

В рамках методики совокупный ущерб (ущерб, У) задается выражением:

$$У = ПП + КП. (1)$$

Расширение традиционной модели учета затрат за счет включения косвенных компонент представляет собой методологически значимый шаг, позволяющий интегрировать киберриски в систему управления операционной устойчивостью и увязать их с реальными финансовыми результатами деятельности организации. Как показывают эмпирические наблюдения, именно косвенные потери — простой критических процессов, дестабилизация взаимодействия с контрагентами, утрата доверия со стороны потребителей — формируют основную долю совокупного ущерба и непосредственно отражают способность организации противостоять киберинцидентам. При переходе к практической плоскости использования сценарных оценок важно осознавать, что управленческие решения не требуют абсолютной точности в исчислении каждого элемента затрат. Ключевым требованием выступает наличие четкой, согласованной логики расчета и формулирование прозрачных допущений, понятных всем стейкхолдерам. Именно такой подход обеспечивает методологическую сопоставимость между различными процессами и сценариями, позволяя менеджменту принимать обоснованные решения в условиях неизбежной неопределенности исходных данных.

В целях обеспечения возможности количественной оценки экономических последствий киберинцидентов разработан соответствующий методический инструментарий. Ключевые метрики и расчетные формулы, образующие основу данного инструментария, систематизированы в таблице 2. Представленные показатели дифференцированы по типам потерь (прямые и косвенные) и уровням декомпозиции, что позволяет последовательно исчислять величину совокупного экономического ущерба, начиная от идентификации отдельных составляющих и заканчивая их агрегированием.

Таблица 2
Метрики и формулы для оценки экономических потерь от киберинцидентов

Компонента	Обозначение	Метрика / формула	Комментарии к оценке
Простой критического процесса	$C_{пр}$	$C_{пр} = T_{пр} \times C_{ч}$	$T_{пр}$ — длительность простоя (час/день); $C_{ч}$ — стоимость часа простоя (маржа/добавленная стоимость + неизбежные затраты).
Затраты на восстановление	$C_{в}$	$C_{в} = C_{ит} + C_{вн} + C_{л}$	$C_{ит}$ — внутренние ИТ/ИБ ресурсы; $C_{вн}$ — внешние подрядчики; $C_{л}$ — лицензии/инструменты, экстренные закупки.
Потери выручки/маржи	$C_{выр}$	$C_{выр} = \Delta B \times M$	ΔB — недополученная выручка; M — маржинальность (или вклад в добавленную стоимость) по затронутому продукту/услуге.
Юридические / штрафы	$C_{шт}$	$C_{шт} = \text{штрафы} + \text{судебные} + \text{комплаенс}$	Учитываются при наличии подтверждающих документов; для сценарного анализа допускаются интервальные оценки.
Репутационные эффекты	$C_{реп}$	$C_{реп} = \Delta K \times ЦЖК_{скор}$	ΔK — отток клиентов/контрагентов; $ЦЖК_{скор}$ — скорректированная ценность клиента (с учетом дисконтирования).
Совокупный ущерб	У	$У = (C_{пр} + C_{выр}) + (C_{в} + C_{шт} + C_{реп})$	Состав может уточняться под отрасль; при дефиците данных допускается оценка диапазоном (min–max).

Предложена сценарная методика оценки потерь, оперирующая показателем ожидаемого ущерба. Использование укрупненной сценарной схемы позволяет, во-первых, моделировать широкий спектр потенциальных киберинцидентов с учетом их вероятности и тяжести последствий; во-вторых, интегрировать результаты качественного анализа (классификации процессов, идентификация угроз) в количественные расчеты; в-третьих, обеспечить сопоставимость оценок для различных типов организаций и сценариев реализации угроз: для каждого критического процесса формируются типовые сценарии (например, вымогательство с шифрованием, компрометация (захват злоумышленником) учётной записи, сбой интеграций, утечка данных), после чего рассчитывается совокупный ущерб (У) как сумма прямых и косвенных компонент по формулам (см. таблицу 2). Длительность простоя $T_{пр}$ и стоимость часа простоя $C_{ч}$ оцениваются по данным управленческого учёта либо по отраслевым прокси, что позволяет сопоставлять сценарии между процессами. При дефиците исходных данных допускается интервальная оценка отдельных компонент (например, $C_{реп}$). Для перехода от разовых оценок ущерба к управлению риском вводится показатель ожидаемых потерь ОП, определяемый как

$$ОП = P \times У, (2)$$

где

P — оценка вероятности реализации сценария на заданном горизонте планирования;

$У$ — ущерб, исчисленный по формуле (1).

Вероятность Р задаётся экспертно с опорой на наблюдения, уровень зрелости контроля и частотные данные (при наличии), что снижает ложную точность и обеспечивает практическую применимость результатов для ранжирования мер защиты и устойчивости.

При интерпретации результатов количественных оценок, полученных в рамках предложенной методологии, необходимо учитывать ряд присущих ей ограничений. Во-первых, в силу объективных причин имеет место неполнота информационной базы относительно косвенных составляющих экономического ущерба. Во-вторых, наблюдаются значительные межотраслевые различия в параметрах, определяющих стоимость простоев. В-третьих, сложно изолированно оценить вклад киберинцидента в общие потери, так как одновременно действуют и другие факторы (рыночная волатильность, сезонные флуктуации, перебои в снабжении). Частичное снятие указанных ограничений достигается посредством применения процедур экспертной верификации, анализа чувствительности и использования отраслевых корректирующих коэффициентов. Для повышения достоверности используются следующие меры: триангуляция источников (сопоставление управленческих данных, экспертных оценок и публичных кейсов), интервальные оценки для слабо наблюдаемых компонент, фиксация допущений и чувствительный анализ (изменение ключевых параметров $T_{пр}$ и $C_{ч}$). Учитывая возросшую цифровую связанность, в совокупности это позволяет получить методически согласованные оценки, пригодные для управленческих решений и сравнения сценариев риска.

Общая характеристика результатов и принцип их интерпретации заключаются в том, что полученные данные представляют собой обобщение сценарных расчетов и экспертных оценок, выполненных по разработанной методологии применительно к типовым сценариям киберинцидентов, характерным для цифровизируемых бизнес-процессов. Вследствие ограниченной доступности сопоставимой статистики по всем компонентам ущерба оценки приводятся в виде диапазонов и структурных долей, что позволяет использовать их для управленческой приоритизации и сравнения сценариев без претензии на «точечную» точность. Основной акцент сделан на соотношении прямых и косвенных потерь, а также на факторах, определяющих основной вклад в ущерб: длительность простоя критичных процессов, цифровая связанность цепочек поставок и зрелость восстановительных процедур (BCP/DRP как мера снижения потерь от простоя). Данные факторы, будучи тесно связанными с архитектурой бизнес-процессов и уровнем их цифровизации, выступают ключевыми точками приложения управленческих воздействий в рамках риск-ориентированного подхода.

Сценарное моделирование демонстрирует, что распределение оценок масштаба потерь в рамках типовых сценариев киберинцидентов носит выраженный асимметричный характер, характеризующийся концентрацией основной массы наблюдений в области умеренных значений при наличии статистически значимых выбросов в зоне катастрофического ущерба. Наибольшая вариативность наблюдается по компонентам простоя и потери выручки/маржи, поскольку они зависят от критичности процесса и стоимости часа простоя, а также от возможности работы в деградированном режиме. Сопоставляя прямые и косвенные эффекты, укрупненные диапазоны ущерба по типовым сценариям представлены в таблице 3 (в относительных величинах и долях).

Сравнительный анализ прямых (ПП) и косвенных (КП) потерь демонстрирует, что во всех сценариях, сопряженных с остановкой критичных операций, косвенная составляющая ущерба либо сопоставима с прямой, либо существенно ее превосходит. Наиболее «дорогим» элементом

выступает простой ($C_{пр}$), поскольку он быстро накапливается при высокой стоимости часа простоя и отсутствии готовых процедур переключения на резервные мощности или ручной режим. В организациях с высокой цифровой зависимостью процесса (много интеграций, тесная связка ИТ-контуров, участие подрядчиков) простой приобретает каскадный характер: сбой одного узла транслируется в задержки по нескольким потокам «заказ — производство — поставка — оплата». Репутационные эффекты ($C_{реп}$) и юридические/штрафные компоненты ($C_{шт}$) существенны для сценариев утечки данных и компрометации учетных записей, особенно в секторах с высоким уровнем регулирования и значимыми требованиями к защите данных. Анализируя практику цифровизации, при этом репутационные потери часто проявляются с лагом (отток клиентов, рост затрат на привлечение), что требует фиксировать горизонты оценки и использовать прокси-показатели (см. в таблице 2). [8, 14]

Таблица 3
Сценарный профиль экономических потерь по типовым киберинцидентам

Сценарий	Ключевой канал ущерба	Преобладающие компоненты совокупного ущерба (У)	Типичный профиль потерь	Фактор роста ущерба
Вымогательство (шифрование)	Остановка ИТ-контуров и процессов	$C_{пр}$, $C_{в}$, $C_{выр}$	Высокая доля простоя; заметные расходы на восстановление	Отсутствие DRP (мер восстановления), слабое резервное копирование, медленное обнаружение
Компрометация (захват) учетных записей	Нарушение целостности операций и данных	$C_{в}$, $C_{шт}$, $C_{реп}$, частично $C_{выр}$	Умеренный простой; значимы юридические и репутационные эффекты	Недостаточный PAM (контроль привилегий), отсутствие MFA (многофакторной аутентификации)
Сбой / компрометация интеграций	Каскадный отказ сквозных цепочек	$C_{пр}$, $C_{выр}$, частично $C_{в}$	Сильный эффект на поставки и расчеты; потери выручки	Высокая цифровая связанность и отсутствие запасных процедур
Утечка данных	Комплаенс и репутация	$C_{шт}$, $C_{реп}$, $C_{в}$	Низкий/средний простой; акцент на компенсации и доверии	Большой объем чувствительных данных, слабое DLP / контроль доступа
Фишинг с подменой реквизитов	Прямые финансовые потери	$C_{шт}$ (потери / возвраты), $C_{в}$	Потери средств и юридическое сопровождение; ограниченный простой	Отсутствие контрольных процедур платежей, низкая обученность персонала

Для целей управленческой приоритизации критическое значение имеет идентификация драйверов, обуславливающих основную долю экономического ущерба. Проведенный сценарный анализ позволил выделить пять факторов, детерминирующих масштаб потерь, которые систематизированы в таблице 4.

Результаты исследования демонстрируют, что для понимания экономической природы киберрисков цифровой трансформации недостаточно анализа вектора атаки — определяющее значение приобретают характеристики процессной архитектуры: степень критичности операций, уровень их цифровой зависимости и способность организации к восстановлению. Рассматривая киберинциденты как фактор издержек, наиболее существенный вклад в ущерб вносит простой критичных процессов и каскадные сбои в интегрированных цепочках поставок, тогда как сценарию утечки данных и компрометации учетных записей усиливают юридические и репутационные компоненты.

Таблица 4
Ключевые драйверы экономических потерь и приоритетные меры управления

Драйвер	Как влияет на ущерб	Приоритетные меры
Длительность простоя (Т_пр)	Линейно увеличивает С_пр и С_выр; усиливает каскадные эффекты	DRP/BCP, резервное копирование, тестирование восстановления, сегментация
Стоимость часа простоя (С_ч)	Определяет «дороговизну» критичных процессов и порог экономической целесообразности мер	Карта критичности процессов, SLO для ИТ-услуг, защита ключевых контуров
Компрометация (захват злоумышленником) учетных записей	Повышает вероятность Р и расширяет масштаб воздействия на процессы	MFA, PAM, принцип наименьших привилегий, контроль сервисных аккаунтов и RPA
Связанность интеграций и поставщиков	Создает каскадные сбои, увеличивает неопределенность и сроки восстановления	Управление рисками, связанными с третьими сторонами, сегментация интеграций, резервные каналы
Зрелость мониторинга и реагирования	Определяет время обнаружения и локализации; влияет на Р и Т_пр	SOC/мониторинг, регламенты реагирования, учения

Управление киберрисками в условиях цифровой трансформации: анализ затрат и результативности мер. Логическая схема формирования портфеля мер базируется на двух концептуальных подходах: первый ориентирован на профилактику (предупреждение реализации угроз), второй — на обеспечение устойчивости (сохранение функциональности при реализации инцидентов и восстановление). С учетом результатов управление киберрисками цифровых бизнес-процессов целесообразно строить как портфель мер, направленных на снижение вероятности инцидента (Р) и/или уменьшение ущерба (У) за счет сокращения длительности простоя (Т_пр) и масштаба нарушения. С экономической точки зрения меры «профилактики» (IAM/MFA/PAM, управление уязвимостями, сегментация, мониторинг) преимущественно уменьшают Р, тогда как меры «устойчивости» (резервное копирование, DRP/BCP, альтернативные технологические и организационные процедуры) уменьшают ущерб (У). Баланс между ними определяется критичностью процесса и доступным бюджетом: при высоких потерях от простоя приоритет смещается в сторону устойчивости, поскольку даже редкие инциденты могут приводить к крупному ущербу.

Исходя из анализа текущего уровня цифровой зрелости и ресурсных ограничений, характерных для большинства российских организаций, целесообразным представляется выделение минимального обязательного контура управления киберрисками. Данный контур ориентирован на обеспечение приемлемого уровня защищенности сквозных процессов как наиболее критичных с точки зрения непрерывности деятельности. К нему относятся: управление доступами (включая многофакторную аутентификацию и контроль привилегий), регулярное резервное копирование с проверкой восстановления, централизованное логирование и мониторинг, управление уязвимостями и обновлениями, регламент реагирования на инциденты, обучение персонала и контроль фишинга, а также управление рисками подрядчиков и внешних интеграций. Для критичных процессов (производство, логистика, расчеты, обслуживание клиентов) базовый контур следует усиливать мерами операционной устойчивости: сегментацией контуров, заранее подготовленными сценариями переключения на резервные мощности, поддержанием «чистых» резервных копий, тестированием DRP/BCP и учениями команд. Опираясь на сценарные оценки, в части цифровых цепочек поставок особую роль играет управление третьими сторонами: аудит до-

ступа, требования к инцидент-репортированию (регламентированному процессу регистрации, документирования и отчетности по инцидентам ИБ/ИТ с заданными сроками и ролями), контроль ключей для интеграций и резервные каналы обмена. [6]

Для практической реализации предложенного портфеля мер разработана дорожная карта, предусматривающая два временных горизонта (12 и 24 месяца). Выделение указанных горизонтов позволяет дифференцировать меры по срочности внедрения: первоочередные (базовые) мероприятия, обеспечивающие минимально необходимый уровень защиты, и меры второго этапа, направленные на повышение устойчивости в среднесрочной перспективе. На горизонте 0–6 месяцев фокус делается на «быстрых победах» с высоким эффектом при умеренной стоимости: MFA, инвентаризация учетных записей и прав, усиление процессов резервного копирования с тестированием восстановления, минимизация внешней экспозиции публичных сервисов, базовое обучение персонала и регламент реагирования. На горизонте 6–24 месяцев реализуются меры, требующие организационных изменений и технологической перестройки: PAM, развитие мониторинга/SOC, сегментация контуров, формализация BCP/DRP (как мера снижения потерь от простоя) и регулярные учения, управление рисками поставщиков, а также стандартизация безопасной интеграции данных (API-security, управление ключами). Учитывая ограниченность данных, приоритизация должна опираться на карту критичности процессов и показатель ожидаемых потерь (ОП). Для каждого критичного процесса целесообразно сформировать «контрольный профиль» — минимально необходимый набор контролей и целевые показатели устойчивости (RTO/RPO). Это обеспечивает согласованность инвестиций в безопасность с экономическими целями организации и снижает риск «точечных» проектов, не влияющих на системные зависимости.

Резюмируя изложенное в разделе, следует подчеркнуть, что экономически обоснованное управление киберрисками в условиях цифровой трансформации предполагает реализацию портфельного подхода. Применение риск-ориентированной логики позволяет выделить меры, обеспечивающие максимальную отдачу за счет воздействия на ключевые драйверы ущерба: контроль учетных записей и привилегий, минимизацию времени обнаружения и восстановления, а также снижение каскадных эффектов.

Выполненное исследование подтверждает ключевое положение процессно-ориентированного подхода к анализу киберрисков, согласно которому экономические последствия инцидентов определяются не столько характеристиками самих атак, сколько особенностями архитектуры бизнес-процессов и их операционной критичностью. В рамках сценарного анализа наибольший вклад в совокупные потери формируют простой и нарушения сквозных цепочек «заказ — поставка — оплата», что согласуется с выводами исследований, подчеркивающих решающую роль доступности сервисов и скорости восстановления для экономических последствий инцидентов. При этом результаты указывают на высокую долю косвенных потерь по сравнению с прямыми затратами на реагирование, что важно для управленческого учета: ориентация только на «видимые» расходы на ИБ и восстановление может приводить к недоинвестированию в устойчивость критичных процессов. Дополнительный вывод связан с тем, что в условиях цифровой трансформации повышается значимость рисков компрометации учетных записей и рисков интеграций. Учитывая роль внешних интеграций, компрометация аккаунта дает злоумышленнику «легитимный» доступ, что усложняет обнаружение и повышает вероят-

ность воздействия на несколько процессов одновременно, а сбои интеграций создают каскадные эффекты. Это объясняет, почему в портфеле мер наибольший ожидаемый эффект дают MFA/PAM, мониторинг и меры сегментации, а также контроль ключей и токенов для API-интеграций.

Исследование киберрисков цифровой трансформации применительно к российским организациям требует учета ряда факторов институциональной среды и внутриорганизационной специфики, которые существенно усиливают экономическую значимость рассматриваемых рисков по сравнению с усредненными моделями. Во-первых, наблюдается существенная неоднородность цифровой зрелости по отраслям и компаниям: при наличии точечных цифровых проектов процессная зрелость и формализованность регламентов часто отстают, что повышает неопределенность восстановления и удлинняет простои. Во-вторых, дефицит кадров и ограниченность ресурсов ИБ в части мониторинга и реагирования увеличивают время обнаружения и локализации инцидента, тем самым увеличивая $T_{пр}$ и соответствующие потери. Учитывая возросшую цифровую связанность, в-третьих, рост доли подрядчиков и внешних интеграций, включая сервисные модели, делает управление третьими сторонами ключевым элементом устойчивости. Отдельное значение имеет трансформация технологических контуров и цепочек поставок ИТ-решений. В таких условиях возрастает роль управления изменениями и качества миграции данных и интеграций: ошибки конфигурации и «временные» обходные решения, используемые для ускорения внедрения, могут формировать устойчивые уязвимости. Следовательно, управление киберрисками должно быть встроено в контур управления цифровой трансформацией (проектный офис, архитектурный контроль, управление требованиями к безопасности) и опираться на процессные метрики (критичность, ВВ/ВД, стоимость часа простоя).

Прикладная ценность исследования для управленческой практики состоит в разработке метрического инструментария, обеспечивающего переход от традиционного подхода, основанного на формировании перечня мер безопасности, к экономически обоснованной селекции и ранжированию мер в рамках портфельного управления киберрисками. Во-первых, организациям целесообразно формировать карту критичных процессов и оценивать стоимость простоя как основу для приоритизации. Во-вторых, для процессов с высокой стоимостью простоя рационально сочетать профилактику и устойчивость: даже при относительно низкой вероятности P ожидаемые потери могут быть высокими, что оправдывает инвестиции в DRP/BCP и резервирование. В-третьих, на уровне корпоративного управления целесообразно закреплять владельцев процессов и владельцев рисков, определяя ответственность за достижение целевых показателей устойчивости и за выполнение требований к контролю доступа и интеграциям. С точки зрения приоритизации «быстрых» мер рационально начинать с контроля учетных записей (MFA, инвентаризация, минимизация привилегий), повышения качества резервного копирования и регулярной проверки восстановления, а также с базовой наблюдаемости (логирование, мониторинг). Эти меры дают выраженный эффект как по снижению вероятности компрометации, так и по снижению ущерба при инциденте за счет сокращения времени обнаружения и восстановления.

Признавая ограничения проведенного исследования, связанные с доступностью данных и измеримостью косвенных компонент ущерба, следует определить направления дальнейших работ, нацеленных на преодоление указанных ограничений посредством расширения эмпирической базы и совершенствования методов оценки ла-

тентных потерь. Репутационные потери и потери клиентов часто проявляются с временным лагом и зависят от внешних факторов — из-за этого трудно однозначно связать потери с конкретным инцидентом. Вероятности сценариев P нередко оцениваются экспертно, что повышает зависимость результатов от предпосылок и качества экспертной процедуры. Наконец, стоимость простоя ($C_{ч}$) может существенно различаться внутри одной отрасли в зависимости от продуктового портфеля и структуры цепочек поставок. В совокупности указанные факторы неопределенности обуславливают необходимость проведения анализа чувствительности итоговых оценок к вариации ключевых параметров.

Заключение

Цифровая трансформация бизнес-процессов повышает эффективность организаций, однако одновременно усиливает киберриски за счет расширения поверхности атак, роста числа интеграций и увеличения зависимости критичных операций от доступности цифровых сервисов. В статье предложен процессно-ориентированный подход к анализу киберрисков, в рамках которого киберинцидент рассматривается как событие, нарушающее непрерывность конкретного бизнес-процесса и приводящее к экономическим потерям.

Экономический ущерб от киберинцидентов в условиях цифровой трансформации определяется архитектурой сквозных процессов и их критичностью, а не только типом атаки; наиболее «дорогими» являются инциденты, вызывающие каскадные сбои в интегрированных цепочках «заказ — поставка — оплата». Косвенные потери (упущенная выручка и маржа, транзакционные издержки деградированного режима, репутационные эффекты) во многих сценариях сопоставимы или превышают прямые затраты на реагирование и восстановление, что требует включать их в управленческие оценки. Ключевым драйвером ущерба выступает длительность простоя критичных процессов, зависящая от готовности DRP/BCP, качества резервного копирования и зрелости мониторинга и реагирования. Для цифровизируемых процессов наибольшее значение имеют риски компрометации учетных записей и риски интеграций (API/ESB), поскольку они обеспечивают злоумышленнику «легитимный» доступ и создают условия для масштабирования воздействия на несколько процессов.

Экономически обоснованное управление киберрисками требует портфельного подхода, разделяющего меры профилактики (снижение вероятности P) и устойчивости (снижение ущерба Y), с приоритизацией по ожидаемым потерям. Наиболее результативные меры в терминах снижения ожидаемых потерь включают контроль доступа (MFA/PAM и принцип наименьших привилегий), повышение наблюдаемости и скорости реагирования (централизованное логирование, мониторинг/SOC), а также меры восстановления и непрерывности (резервное копирование с тестированием, DRP/BCP и учения).

Для российских организаций приоритетными являются: (1) формирование карты критичности бизнес-процессов и оценка стоимости часа простоя как основы для инвестиционных решений; (2) внедрение минимального обязательного контура контроля доступа, резервного восстановления и мониторинга; (3) усиление управления интеграциями и подрядчиками в цифровых цепочках поставок; (4) регулярное тестирование восстановительных процедур и проведение учений, ориентированных на восстановление критичных процессов, а не только ИТ-систем.

Литература

1. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. от 07.04.2025) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // СПС «Консультант Плюс
3. Указ Президента РФ от 01.05.2022 № 250 (ред. от 13.06.2024) «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс
4. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Консультант Плюс
5. Приказ ФСТЭК России от 21.12.2017 № 235 (ред. от 20.04.2023) «Об утверждении Требований к созданию систем безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и обеспечению их функционирования» // СПС Консультант Плюс
6. «Стандарт Банка России «Безопасность финансовых (банковских) операций. Обеспечение безопасности финансовых сервисов при проведении дистанционной идентификации и аутентификации. Состав мер защиты информации» СТО БР БФБО-1.8-2024» (принят и введен в действие приказом Банка России от 28.02.2024 N ОД-326) // СПС Консультант Плюс
7. «Стандарт Банка России «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Методика оценки соответствия информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации требованиям СТО БР ИББС-1.0-2014» СТО БР ИББС-1.2-2014» (принят и введен в действие Распоряжением Банка России от 17.05.2014 N Р-399) // СПС Консультант Плюс
8. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и киберриски // Управленческое консультирование. 2023. (7). С. 28 - 41. // СПС Консультант Плюс
9. ASEAN Cybersecurity Cooperation Strategy 2021–2025 URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2022/02/01-ASEAN-Cybersecurity-Cooperation-Paper-2021-2025_final-23-0122.pdf (accessed: 18 Feb 2026).
10. ENISA Threat Landscape 2024 URL: <https://www.enisa.europa.eu/publications/enisa-threat-landscape-2024> (accessed: 18 Feb 2026).
11. FAIR Institute. Factor Analysis of Information Risk (FAIR) Standard v3.0 (January 2025). URL: <https://www.fairinstitute.org/hubfs/Standards%20Artifacts/Factor%20Analysis%20of%20Information%20Risk%20%28FAIR%29%20Standard%20v3.0%20%28January%202025%29.pdf> (accessed: 22 Feb 2026).
12. ENISA. Big Data Threat Landscape and Good Practice Guide. URL: <https://www.enisa.europa.eu/sites/default/files/publications/Big%20Data%20Threat%20Landscape.pdf> (accessed: 22 Feb 2026).
13. IBM Security. Cost of a Data Breach Report 2025 URL: <https://www.ibm.com/reports/data-breach> (accessed: 18 Feb 2026).
14. IBM Security. Cost of a Data Breach Report 2024. URL: <https://wp.table.media/wp-content/uploads/2024/07/30132828/Cost-of-a-Data-Breach-Report-2024.pdf> (accessed: 18 Feb 2026).
15. NIST. The NIST Cybersecurity Framework (CSF) 2.0 (CSWP 29) URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/CSWP/NIST.CSWP.29.pdf> (accessed: 18 Feb 2026).
16. NIST. SP 800-61 Rev. 3. Incident Response Recommendations and Considerations for Cyber Risk Management (April 2025). URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/SpecialPublications/NIST.SP.800-61r3.pdf> (accessed: 22 Feb 2026).
17. UiPath. Robot ICAM Guidance (Identity, Credential, and Access Management). URL: https://assets.ctfassets.net/5965pury2lcm/42wrZZJMWORVfGGJwSVyT/Oe2966a58b8c92ce41adec9604883be/UiPath_Robot_ICAM_Guidance.pdf (accessed: 22 Feb 2026).
18. Verizon. 2025 Data Breach Investigations Report. URL: <https://www.verizon.com/business/resources/reports/dbir/> (accessed: 18 Feb 2026).
19. World Economic Forum. Global Cybersecurity Outlook 2025. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Global_Cybersecurity_Outlook_2025.pdf (accessed: 18 Feb 2026).

Cyber risks of Digital Transformation of Business Processes: Economic Losses and Management Measures in Russian Organizations

Rastegaeva F.S.

Ufa Branch of the Financial University

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

Digital transformation of business processes (ERP/CRM implementation, cloud services, integration platforms, RPA, and data analytics) improves operational efficiency but simultaneously enlarges the attack surface and increases organizational dependence on the resilience of IT-enabled workflows. This paper aims to assess the economic losses of Russian organizations associated with cyber incidents arising during process digitalization and to substantiate priority cyber-risk management measures. The methodological approach combines scenario-based loss estimation along the chain «incident – process disruption – financial consequences» with a taxonomy of losses into direct (recovery and response costs, external services, penalties) and indirect components (lost revenue, downtime, and reputational effects). The findings indicate that the largest contribution to total losses stems from downtime of critical processes and disruptions in digitally integrated supply chains, as well as from compromised employee and contractor accounts. A management framework is proposed that integrates risk-based prioritization of access control, backup and recovery with regular BCP/DRP (as a measure to reduce downtime losses) testing, continuous monitoring, and third-party risk management. The proposed metrics can support cost-effective selection of controls by linking their cost to expected loss reduction.

Keywords: cyber risk, cyber incident, digital transformation, business processes, economic loss, operational resilience, risk management.

References

1. Federal Law of July 26, 2017 No. 187-FZ (as amended on April 7, 2025) "On the Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" // SPS Consultant Plus
2. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ (as amended on June 24, 2025) "On Personal Data" // SPS Consultant Plus
3. Decree of the President of the Russian Federation of May 1, 2022 No. 250 (as amended on June 13, 2024) "On Additional Measures to Ensure Information Security of the Russian Federation" // SPS Consultant Plus
4. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208 "On the Economic Security Strategy of the Russian Federation through 2030" // SPS Consultant Plus
5. Order of the Federal Service for Technical and Export Control of Russia dated December 21, 2017 No. 235 (as amended on April 20, 2023) "On Approval of the Requirements for the Creation of Security Systems for Significant Objects of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation and Ensuring Their Functioning" // SPS Consultant Plus
6. "Bank of Russia Standard "Security of Financial (Banking) Transactions. Ensuring the Security of Financial Services during Remote Identification and Authentication. Composition of Information Protection Measures" SТО BR БФБО-1.8-2024" (adopted and put into effect by Bank of Russia Order dated February 28, 2024 No. ОД-326) // SPS Consultant Plus
7. "Bank of Russia Standard "Ensuring Information Security of Organizations of the Banking System of the Russian Federation. Methodology for Assessing the Compliance of Information Security of Organizations in the Banking System of the Russian Federation with the Requirements of SТО BR ИББС-1.0-2014" SТО BR ИББС-1.2-2014" (adopted and put into effect by Bank of Russia Order No. R-399 dated May 17, 2014) // SPS Consultant Plus
8. Khalin V.G., Chernova G.V. Digitalization and Cyber Risks // Management Consulting. 2023. (7). pp. 28-41. // SPS Consultant Plus
9. ASEAN Cybersecurity Cooperation Strategy 2021–2025 URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2022/02/01-ASEAN-Cybersecurity-Cooperation-Paper-2021-2025_final-23-0122.pdf (accessed: 18 Feb 2026).
10. ENISA Threat Landscape 2024 URL: <https://www.enisa.europa.eu/publications/enisa-threat-landscape-2024> (accessed: 18 Feb 2026).
11. FAIR Institute. Factor Analysis of Information Risk (FAIR) Standard v3.0 (January 2025). URL: <https://www.fairinstitute.org/hubfs/Standards%20Artifacts/Factor%20Analysis>

- sis%20of%20Information%20Risk%20%28FAIR%29%20Standard%20v3.0%20%28January%202025%29.pdf (accessed: 22 Feb 2026).
12. ENISA. Big Data Threat Landscape and Good Practice Guide. URL: <https://www.enisa.europa.eu/sites/default/files/publications/Big%20Data%20Threat%20Landscape.pdf> (accessed: 22 Feb 2026).
 13. IBM Security. Cost of a Data Breach Report 2025 URL: <https://www.ibm.com/reports/data-breach> (accessed: 18 Feb 2026).
 14. IBM Security. Cost of a Data Breach Report 2024. 2024 URL: <https://wp.table.media/wp-content/uploads/2024/07/30132828/Cost-of-a-Data-Breach-Report-2024.pdf> (accessed: 18 Feb 2026).
 15. NIST. The NIST Cybersecurity Framework (CSF) 2.0 (CSWP 29) URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/CSWP/NIST.CSWP.29.pdf> (accessed: 18 Feb 2026).
 16. NIST. SP 800-61 Rev. 3. Incident Response Recommendations and Considerations for Cyber Risk Management (April 2025). URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/SpecialPublications/NIST.SP.800-61r3.pdf> (ac-cessed: 22 Feb 2026).
 17. UiPath. Robot ICAM Guidance (Identity, Credential, and Access Management). URL: https://assets.ctfassets.net/5965pury2lcm/42wrZZJMZWORVfGGJwSVyT/0e2966a58b8c92ce41adecd9604883be/UiPath_Robot_ICAM_Guidance.pdf (ac-cessed: 22 Feb 2026).
 18. Verizon. 2025 Data Breach Investigations Report. 2025. URL: <https://www.verizon.com/business/resources/reports/dbir/> (accessed: 18 Feb 2026).
 19. World Economic Forum. Global Cybersecurity Outlook 2025. 2025 URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Global_Cybersecurity_Outlook_2025.pdf (accessed: 18 Feb 2026).

Мощность торгового предприятия и инструментарий ее оценки: инновационный подход

Шарохина Светлана Владимировна

к.э.н., доцент кафедры экономики и управления, Сызранский филиал Самарский государственный экономический университет, sharokhinatv@gmail.com,

Карсунцева Ольга Владимировна

д.э.н., профессор кафедры экономики филиала, Сызранский филиал Самарский государственный экономический университет, o.k.samgtu@mail.ru

В статье авторы утверждают, что имеющийся ресурсный потенциал торгового предприятия обеспечивает рост товарооборота до того времени, пока существует возможность привлечения всех не использованных ресурсов и резервов увеличения эффективности их использования. Цель исследования – дать определение мощности торгового предприятия и назвать методы ее оценки. Чтобы определить правомочность использования понятия «мощность» в деятельности торгового предприятия авторы доказывают, что торговля имеет отношение к производственной сфере. Для определения коэффициента напряженности проекта плана товарооборота компании, авторы использовали показатели, которые не отражают непосредственно результативные возможности торгового предприятия, и доказали некорректность такого подхода к расчету мощности. Авторы аргументируют тот факт, что потенциально возможный объем реализации товаров с позиции оценки мощности торгового предприятия должен определяться количественными и качественными параметрами имеющегося ресурсного потенциала. Далее рассмотрены методологические приемы определения мощности предприятия и особенности их применения в торговле, дана характеристика технической, нормативно – технической и дискретной мощности торгового предприятия и методов их оценки. Названы ограничительные характеристики мощности торгового предприятия, как – то: размер торговой площади, пропускная способность, нормативно-техническая и дискретная мощность.

Ключевые слова: мощность, торговое предприятие, оценка, ресурсы, резервы, прибыль, товарооборот.

Определение максимально возможного объема товарооборота является необходимой предпосылкой эффективного управления ресурсным потенциалом и разработки стратегических направлений развития предприятий с учетом объективных возможностей увеличения объема деятельности без дополнительных капитальных вложений.

Т.И. Николаева, Т.И. Уряшева рассматривают состояние ресурсов торговой организации и их инновационность как стратегическую платформу для развития [1]. Авторы утверждают, что реальное представление о ресурсном потенциале позволит торговым предприятиям обоснованно выбирать стратегии, направленные на максимальное использование возможностей по укреплению позиции на зрелых рынках и на освоение рыночного потенциала на растущих рынках.

Н. В. Демина считает, что управление конкурентоспособностью должно дать возможность торговому предприятию оптимизировать показатели, влияющие на уровень его конкурентоспособности либо непосредственно, либо опосредованно [2]. Авторы включают составлении перечня показателей, который должны быть подвержены изменениям, в четвертый этап управления конкурентоспособностью, однако не конкретизируют их, оставляя на рассмотрение каждого предприятия.

С. А. Силенко., М. С. Сюпова провели оценку экономической эффективности торгового предприятия. По результатам исследования предложены для ООО «Продэкстра» мероприятия, реализация которых позволит повысить рентабельности и эффективность использования капитала [3].

У. Е. Панина и Е.В. Попова раскрывают содержание ABC/XYZ-анализа, что представляет собой мощный инструмент для оптимизации товарооборота розничного предприятия. Авторы описывают, как метод позволяет классифицировать товары по их значимости и объему продаж, выявить закономерности спроса, что в свою очередь способствует более эффективному управлению запасами и повышению общей рентабельности бизнеса [4].

О.В. Карсунцева утверждает, что методы оценки и диагностики производственного потенциала промышленных предприятий, существующие в настоящее время, основываются на некоторых принципиальных подходах, в большинстве своем использующих экономико-статистические зависимости, которые позволяют, в частности, определять способ характеристики уровня использования производственного потенциала [5].

В рассмотренных статьях, направленных на изучение способов повышения эффективности торгового предприятия, понятие «мощность», которое могло бы быть обобщающим для всех анализируемых показателей, не рассматривается. О.С. Карашук в решении проблемы достоверной оценки объемов торговой деятельности маркетплейсов видит в расчетах показателя их собственной торговой выручки [6].

А. А. Бахирева приходит к выводу о том, что планирование розничного товарооборота целесообразно разворачивать по одному из следующих вариантов: 1) поддерживающий сценарий — предполагает формирование розничного товарооборота на уровне безубыточности торговой организации; 2) обеспечивающий сценарий — предусматривает формирование розничного товарооборота на уровне безубыточности с учетом выплат по полученным кредитам и займам; 3) сценарий развития — розничный товарооборот позволяет покрыть затраты торговой организации, обеспечить выплаты по кредитам и займам, а

также получить сумму целевой прибыли [7]. Оценка предельного объема товарооборота – это проблема определения мощности, которая, на наш взгляд, относится к торговому предприятию.

Цель исследования – дать определение мощности торгового предприятия и назвать методы ее оценки.

Мощностью предприятия называют максимально возможный годовой выпуск продукции определенной номенклатуры и ассортимента при полном использовании производственных возможностей в условиях совершенной организации труда и передовой технологии [8]. Под производственными возможностями, как правило, понимают имеющийся объем основных средств, поскольку они больше других элементов ресурсного потенциала предприятия, определяют его потенциальную возможность в выпуске продукции.

Величина мощности должна определяться производительностью ведущих производственных звеньев или пропускной способностью «узких мест» [9]. В теории организации производства ведущим звеном считается подразделение, в котором: выполняются основные технологические операции; тратится наибольшая доля совокупного живого труда; сосредоточена значительная доля основных производственных фондов. По результатам оценки производительности оборудования, которое является основным в указанном ведущем звене, делается вывод о мощности всего предприятия.

Что касается понятия «узкое место», то здесь существуют два основных подхода. Первый основывается на понимании «узкого места» как подразделения, в котором труд осуществляется непрерывно, а резервы его интенсификации без технического совершенствования исчерпаны. Второй трактует узкое место, как дополнительное подразделение, пропускная способность которого не соответствует пропускной способности основного подразделения [10].

Исходя из существующих положений относительно теорий организации производства отметим, что между ведущим звеном и «узким местом» существует тесная взаимосвязь. Поскольку ведущее звено должно быть наиболее загруженным, оно и будет считаться «узким местом», которое ограничивает рост производства. Но в ведущем звене существуют свои «узкие места», поэтому мощность предприятия целесообразно рассчитывать по пропускной способности одного из основных видов оборудования, принадлежащего этому звену и ограничивающего его производительность.

Кроме того, необходимо отметить, что фактическая мощность предприятия всегда будет меньше технической мощности «узкого места» из-за невозможности идеальной непрерывности его функционирования [11].

Объем мощности предприятия не является постоянной величиной. Она должна корректироваться не только потому, что постоянно меняется структура ресурсного потенциала и его технические характеристики, но из-за динамики номенклатуры и ассортимента продукции, совершенствования организации труда. Но это не значит, что мощность должна рассчитываться на какое-то определенное время. Ее величина необходима для планирования объемов деятельности предприятия, поэтому мощность должна отражать максимальный объем деятельности при условии полного использования имеющихся ресурсов в течение определенного периода, который, как правило, соответствует плановому сроку. Подчеркнем, что расчет мощности производится на основе существующих характеристик объема и структуры ресурсов, что не всегда соответствует оптимальным характеристикам [12]. Изменение ресурсного потенциала предприятия приведет к динамике его мощности, которая может иметь резервы

увеличения при количественных и качественных изменениях ресурсного потенциала.

Технико-экономические показатели предприятия, оснащенного новым оборудованием, но с несоответствующим уровнем согласованности его мощности, могут быть ниже показателей предприятия, имеющего оборудование более сработанное, но сбалансированное по реальной производительности. При определенных условиях размер производственной мощности предприятия можно значительно увеличить за счет повышения уровня пропорциональности в его звеньях, а не за счет обновления оборудования и создания новых рабочих мест.

Важным вопросом, возникающим в процессе расчета мощности предприятия, является вопрос введения общих единиц измерения продукции предприятия, выпускающего большое количество различных изделий. Существует два варианта решения этого вопроса: 1) сведение с помощью специальных коэффициентов всей номенклатуры продукции предприятия к единому базовому изделию; 2) оценка выпуска продукции в стоимостном выражении.

Первый вариант предполагает, что оценка мощности будет производиться в натуральных единицах. Однако очень трудно обосновать уровень соответствующих коэффициентов, с помощью которых объективно можно свести всю номенклатуру продукции к базовому изделию. Не понятно, что принять за базу расчета – трудоемкость или материалоемкость продукции, как объективно оценить уровень этих показателей по базовому изделию [13]. Кроме того, с помощью этих коэффициентов невозможно отразить степень влияния выпуска того или иного изделия на эффективность работы предприятия.

Преимуществом второго варианта является его простота и возможность отразить такие встроенные характеристики, как прибыль компании и рентабельность продукции [14].

Выяснение указанных методологических проблем определения мощности производственного предприятия является необходимой теоретической базой для исследования предельной результативности (мощности) торгового предприятия.

Для раскрытия темы и достижения цели, в данной статье применяются общенаучные методы исследования экономических явлений: научное абстрагирование, анализ, синтез, индукция, логический подход.

При условии внедрения применения понятия «мощность» к деятельности торгового предприятия следует отметить, что торговля имеет отношение к производственной сфере.

Во-первых, в торговле имеют место операции, продолжающие процесс производства в сфере товарного оборота. Расходы на их осуществление достаточно значительны, что позволяет отнести торговлю к специфическим отраслям материального производства.

Во-вторых, торговля завершает процесс общественного производства, после чего товары направляются в сферу потребления. Но функция реализации присуща не только торговому, но и производственным предприятиям, которые сбывают свою продукцию. В то же время на предприятиях торговли осуществляются сугубо производственные процессы. Таким образом процессы производства и реализации тесно связаны.

В – третьих торговые предприятия имеют в своем распоряжении значительные основные средства, которые являются одним из элементов ресурсного потенциала. Их объем выступает ограничительной характеристикой объемов торговой деятельности предприятия. Отмеченные обстоятельства делают возможным применение понятия мощности к максимально возможному (граничному) характеристикам объема деятельности торгового предприятия.

Согласно теории опосредованного подхода для оценки мощности можно использовать показатели, которые не отражают непосредственно результативные возможности торгового предприятия, но являются основными показателями, которые влияют на них [15] (1):

$$M_{\Pi} = S \times t \quad (1)$$

где M_{Π} – мощность торгового предприятия;

S – торговая площадь;

T – количество рабочих дней на предприятии (на неделю).

Специфика подхода заключается в том, что величина мощности выражается в условных единицах, и ее количественные параметры не позволяют применять полученные результаты по назначению в качестве критерия полноты использования потенциальных возможностей торгового предприятия, которые представлены показателем объема реализации. Но предложенный подход преследовал другую цель – обоснование равнонапряженного объема реализации по исследуемой совокупности торговых предприятий. Идея заключалась в расчете такого объема, количественные параметры которого пропорциональны удельному весу мощности представленного торгового предприятия в суммарной мощности объединения. Такое соотношение позволяет найти коэффициент напряженности [16] проекта плана товарооборота компании (K_{Π}) (2):

$$K_{\Pi} = \frac{T_{\Pi} \times M_0}{T_0 \times M_{\Pi}} \quad (2)$$

где T_{Π} – проект плана товарооборота предприятия;

T_0 – план товарооборота объединения предприятий;

M_0 – мощность объединения;

M_{Π} – мощность предприятия.

Оптимальное значение коэффициента напряженности плана товарооборота соответствует единице. Если $K_{\Pi} < 1$, то это означает, что на данном предприятии потенциальные возможности используются не полностью. В связи с этим возникла проблема корректировки проекта плана в направлении увеличения. Напряженный план товарооборота (T_{Π}) определяется с учетом полученного коэффициента мощности проекта плана по формуле (3):

$$T_{\Pi} = \frac{T_0}{K_{\Pi}} \quad (3)$$

В тех случаях, когда коэффициент напряженности проекта плана товарооборота больше единицы, его пересчет не проводится. Таким образом, если допустить, что в основе расчета плана товарооборота, находится показатель мощности, то обозначенный плановый показатель, признается реальным, хотя он больше, чем максимально возможный. Такая некорректность связана с тем, что предложенный метод расчета мощности ни по каким параметрам не соответствует научным основам определения мощности предприятия. Объем торговой площади на время работы предприятия не отражает возможный объем деятельности. Назначение этого показателя заключается в интегрированной оценке промежутка времени, в течение которого в торговом процессе задействована имеющаяся площадь предприятия.

Для обоснованной количественной характеристики мощности торгового предприятия необходимо выбрать один из показателей результативности его деятельности. Эту функцию могут исполнять показатели объема реализации, коммерческого и чистого дохода. Последний как результативный финансовый показатель деятельности имеет универсальное межотраслевое назначение. Он не применим как ограничительная характеристика потенциальных возможностей предприятия определенного отраслевого направления. Объем чистого дохода определяется не только имеющимися ресурсными возможностями предприятия, но и уровнем текущих затрат, часть которых не зависит от направления и полноты использования ресурсного потенциала.

Объем реализации товаров и коммерческий доход относятся к валовым результативным показателям деятельности торгового предприятия. Объем реализации характеризует количество товаров, прошедших через каналы торгового предприятия и изменивших форму стоимости с товарной на денежную.

Коммерческий доход отражает цену услуг, предоставленных торговым предприятием производителям товаров и потребителям. По своему характеру это также валовый результативный показатель, но, в отличие от объема реализации, более агрегированный, потому что его объем зависит не только от имеющегося ресурсного потенциала и уровня эффективности использования его резервов, но и от ценовой политики, стратегии и тактики формирования торговых надбавок.

Можно утверждать, что поскольку объем реализации также в значительной степени зависит от уровня цен на товары, он как результативный показатель имеет аналогичные с коммерческим доходом недостатки. Но наша задача состоит в выборе такого результативного показателя, который больше зависит от имеющегося ресурсного потенциала предприятия. Увеличение или уменьшение коммерческого дохода может наблюдаться при стабильном ресурсном потенциале, а его возможный объем зависит не только от размера основных оборотных средств или количества работников предприятия, но и от уровня установленных торговых надбавок. То есть нельзя утверждать, что его объем зависит от имеющихся ресурсов торгового предприятия.

Объем реализации в меньшей степени, чем коммерческий доход, зависит от политики формирования торговых надбавок, так как удельный вес последних составляет примерно 10-25% от объема реализации. Поэтому он при условии соответствующего спроса потребителей наиболее подходит для использования как оценочная характеристика мощности торгового предприятия.

Что касается единиц измерения объема реализации, то использование натуральных показателей не имеет перспектив из-за отсутствия какого-либо приемлемого механизма их сочетания. Поэтому, несмотря на условность характеристики количества реализуемых товаров с помощью стоимостной оценки, объем реализации выступает как обобщенный показатель результата деятельности торгового предприятия.

Следовательно, можно заключить, что мощность торгового предприятия определяется максимально возможным объемом реализации товаров определенной структуры при наличии ресурсного потенциала и полного использования резервов его эффективности. Необходимо подчеркнуть, что единственной ограничительной характеристикой мощности является размер имеющихся ресурсов, а не маркетинговые условия, формирующие объем конечной реализации. Такое обобщение очень важно, прежде всего, для торгового предприятия, поскольку на практике реальным ограничительным фактором реализации выступает конъюнктура рынка. Имеющиеся резервы ресурсного потенциала никогда не будут использованы, если нет соответствующего спроса на товары.

На производственном предприятии влияние рыночных факторов на объем производства является не таким непосредственным. Увеличение выпуска продукции в соответствии с ростом мощности производства, может происходить даже при условии уменьшения или полностью отсутствия спроса на эту продукцию. Другое дело, что такое предприятие не сможет эффективно работать на рынке и в конце концов производство будет остановлено.

Торговое предприятие объективно не может увеличивать или поддерживать, даже временно, достигнутый в предыдущие периоды объем реализации товаров без со-

ответствующего спроса потребителей. Но это не означает, что спрос следует рассматривать, как ограничительную характеристику мощности торгового предприятия.

Во – первых, это невозможно с практической точки зрения, поскольку понятие объема потенциального спроса имеет реальное значение только в теоретическом аспекте. Бесперспективным является желание определить спрос, который хотели бы удовлетворить покупатели именно на этом торговом предприятии. Емкости рынка конкретного предприятия не существует, потому что в нормальных рыночных условиях не существует неизменного контингента покупателей одного магазина.

Во-вторых, исходя из понимания мощности как потенциальной возможности наиболее полного использования ресурсного потенциала, маркетинговые ограничения, никогда не бывают постоянными даже в течение короткого срока времени, не могут влиять на количественную оценку мощности торгового предприятия.

Таким образом, потенциально возможный объем реализации товаров с позиции оценки мощности торгового предприятия должен определяться количественными и качественными параметрами имеющегося ресурсного потенциала. Не вызывает также сомнения, что показатель реализации характеризует результативность основного звена работы торгового предприятия по продаже товаров потребителям.

Важным принципом определения мощности предприятия является учет «узкого места», то есть того элемента ресурсного потенциала, который ограничивает максимальный объем реализации. В торговле этим признакам в большей степени соответствуют: размер торговой площади предприятия; мощность узла расчетов за товары. Оба показателя при определенных условиях их соотношения могут тормозить дальнейший рост товарооборота. Поэтому для расчета мощности торгового предприятия на основе размера торговой площади необходимо исходить из максимально возможного количества посетителей магазина, удельного веса покупателей в их совокупности и средней цены одной покупки.

При оценке мощности на основе пропускных характеристик узла расчетов за покупки необходимая информационная база выглядит так: время на расчет с одним покупателем и средняя цена покупки. Первый вариант менее перспективен по крайней мере по двум причинам:

- очень сложно определить максимально возможное количество посетителей магазина, которое зависит от физической возможности нахождения определенного количества людей на ограниченной площади торгового зала и скорости выбора ими товаров. Если первый показатель может иметь какие-то конкретные характеристики, то оценка предельного времени посетителей по выбору товаров не может иметь научного обоснования;

- существует объективная необходимость определенного резерва для определения посетителей, которые не станут покупателями. Поэтому узким местом в отношении потока покупателей всегда будет пропускная способность узла расчетов, который не обслуживает посетителей, которые не стали покупателями.

Практика деятельности торговых предприятий подтверждает тот факт, что резервы увеличения нагрузки посетителей на единицу торговой площади существуют всегда, а пропускная способность узла расчетов, особенно в часы пик, используется полностью. Кроме того, использование резервов торговой площади чаще всего не связано с дополнительными инвестициями, тогда как увеличение пропускной способности узла расчетов практически невозможно без увеличения количества кассовых терминалов. Это, разумеется, требует средств и времени.

Указанные преимущества использования пропускной способности узла расчета как ограничительного фактора

мощности торгового предприятия не следует противопоставлять имеющейся торговой площади, которая является базой для расчета реального объема реализации товаров. Имеющаяся торговая площадь влияет на пропускную способность узла расчетов, поскольку количество кассовых терминалов определяется в соответствии с площадью торгового зала, его конфигурацией и товарной специализацией. Таким образом, можно заключить, что методические и информационные трудности расчета мощности торгового предприятия на основе торговой площади требуют признания приоритетности использования фактора пропускной способности узла расчетов.

Необходимым условием определения пропускной способности узла расчетов, следовательно, и торгового предприятия в целом, есть выбор эффективного времени его работы. Для предприятий с дискретным характером производства фонд времени работы оборудования определяется по установленному режиму работы. При непрерывном цикле производства устанавливается нормативный годовой фонд времени работы оборудования исходя из календарного фонда и коэффициента сменности оборудования. Практические исследования подтверждают, что расчетный фонд времени, как правило, разный для отдельных предприятий.

Для предприятий торговли расчет фонда рабочего времени должен производиться в соответствии с установленным режимом работы магазина с учетом количества рабочих дней в году. Такой подход предполагает выражение мощности исходя из административно установленного времени работы, которое может изменяться в зависимости от условий рыночной целесообразности и социально-экономических факторов эффективности работы торгового персонала. В этом случае мощность будет определяться как зависимая величина, которая склонна изменяться под влиянием организационных условий труда, которые с учетом особенностей деятельности торговых предприятий могут быть определяющими.

Подчеркивая обоснованность такого подхода, следует отметить, что понятие "мощность" имеет прежде всего непосредственное отношение к количественным и качественным характеристикам имеющихся основных средств. Величина мощности в значимой степени характеризует возможные технические способности компании. Поэтому, на наш взгляд, было бы уместно применение двух характеристик мощности торгового предприятия – нормативно-технической и дискретной.

В свою очередь технические возможности торгового предприятия зависят от рационального соотношения количества основного оборудования (кассовых терминалов) и размера торговой площади. Нехватка этого вида оборудования может существенно повлиять как на расчетную мощность, так и на реальный объем реализации; избыток, напротив, приведет к их неэффективному использованию. Поэтому одним из вариантов определения мощности торгового предприятия, может быть, расчет максимальной продажи товаров при рациональном количестве кассовых терминалов

Нормативно-техническая мощность должна характеризовать объем максимальной реализации при технической возможности продолжительности работы основного оборудования в рациональном его количестве.

Техническая мощность определяет максимальный объем реализации и фактической структуры основных средств и их технические возможности работы.

Дискретная мощность наиболее приближена к текущим возможностям предприятия. Ее величина зависит, кроме количества имеющегося основного оборудования, от установленного режима его работы.

Было бы уместно применение нескольких характеристик мощности торгового предприятия, а именно: нормативно-технической, технической и дискретной (таблица 1).

Таблица 1
составляющие характеристики видов мощности торгового предприятия

Слагаемые характеристики		Мощность		
		Нормативно-техническая	Техническая	Дискретная
Структура основных средств	Рациональная	+		
	Фактическая		+	+
Фонд времени рабочего оборудования	Непосредственный	+	+	
	Дискретный			+

Источник: составлено авторами исследования

Исходя из составляющих характеристик видов мощности торгового предприятия, можно утверждать, что наибольший объем реализации будет отвечать нормативно – технической мощности. Она базируется на допущении возможности непрерывной работы оборудования (с учетом объективных перерывов на техническое обслуживание) при условии рационального соотношения количества кассовых терминалов и торговой площади. В реальной практике достижение нормативно – технической мощности невозможно, однако эта характеристика пропускной способности будет основной для определения максимальных резервов увеличения реальной мощности.

Техническая мощность характеризует максимальную пропускную способность торгового предприятия при условии полного использования его технических возможностей. Сравнение фактического размера реализации с технической мощностью позволяет выявить возможные резервы его роста за счет роста фонда рабочего времени и реализации организационно-технических мероприятий по совершенствованию использования имеющихся главных средств. Расчет дискретной мощности позволяет оценить организационно-технические резервы увеличения пропускной способности предприятия в условиях неизменяемости режима работы при имеющемся количестве и структуре основных средств.

Общим условием, на основе которого можно выстроить расчеты указанных видов мощности, является предположение отсутствия влияния маркетинговых факторов. Такой подход, по нашему мнению, оправдан, поскольку:

- понятие «мощность» относится к организационно-техническим характеристикам возможных объемов деятельности предприятия;
- учет маркетинговых факторов приведет к исследованию не мощности предприятия, а резервов роста продаж товаров, преимущественно за счет коммерческо-ценовых рычагов;
- оценка мощности на основе маркетинговых факторов не только научно не оправдана, но и практически невозможна. Определение максимального объема реализации товаров на данном предприятии с учетом всех резервов рыночного характера противоречит научной методологии. Нельзя оценить предельный уровень показателя, не имеющий количественного ограничения.

Другой общей чертой определения различных видов мощности торгового предприятия является учет пропускной способности магазина. Она в значительной степени синтезирует влияние всех факторов, кроме маркетинговых, которые обуславливают потенциальный объем реализации и поэтому отражает объем полученных результатов при имеющемся ресурсном потенциале.

Наиболее пригодным для использования показателем пропускной способности торгового предприятия является количество сделанных покупок.

Пропускная способность предприятия зависит от пропускной способности кассовых терминалов, их количества и времени работы (4):

$$\Pi = \frac{60 \times N \times \Phi}{E_p} \quad (4)$$

Π – пропускная способность предприятия за год;

N – количество кассовых терминалов на предприятия;

Φ – фонд рабочего времени предприятия в год (часов);

E_p – средние затраты времени на расчет с одним покупателем (минуты).

Рассчитывая техническую мощность предприятий» (Мт), следует использовать фактическое количество кассовых терминалов (Nф), фонда рабочего времени на год, что соответствует календарному периоду и среднюю цену одной покупки (Ц) (5):

$$M_t = \frac{60 \times N_{\Phi} \times 360 \times 24 \times \Pi}{E_p} = \frac{518400 \times N_{\Phi} \times \Pi}{E_p} \quad (5)$$

Расчет нормативно-технической мощности (Мнт) должен базироваться на рациональном количестве кассовых терминалов (Nф) (6):

$$M_{нт} = \frac{518400 \times N_{\Phi} \times 360 \times \Pi}{E_p} \quad (6)$$

Рациональное количество кассовых терминалов может быть определено на основе расчетно-исследовательских работ на каждом предприятии или основано на нормативах, используемых на практике.

Оценка дискретной мощности предполагает использование фактических характеристик количества кассовых терминалов и реального фонда рабочего времени (7):

$$M_d = \frac{60 \times N_{\Phi} \times T \times D}{E_p} \quad (7)$$

где T – продолжительность работы предприятия за день (часов);

D – количество рабочих дней за год.

Таким образом, понятие «мощность» вполне пригодно для применения в торговле. Мощность торгового предприятия определяется максимально возможным объемом реализации товаров определенной структуры при наличии ресурсного потенциала и полного использования резервов его эффективности. Ограничительными характеристиками мощности торгового предприятия следует считать размер торговой площади и пропускную способность, нормативно-техническую и дискретную мощность. Приоритетность применения предложенных методов определения мощности зависит от задач и глубины анализа изучаемой проблемы.

Литература

1. Николаева, Т. И. Разработка подходов к анализу ресурсного потенциала торговой организации с целью выбора конкурентной стратегии / Т. И. Николаева, Т. И. Уряшева // Торгово-экономический журнал. 2017. - Т. 4. - № 1. - С. 35-48. - DOI 10.18334/tezh.4.1.37543.
2. Демина, Н. В., Чистова М.В. управление конкурентоспособностью торгового предприятия // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. - 2023. - № 1(67). - С. 64-69. - EDN NRVOTY.
3. Силенко, С. А., Сюпова, М.С. Оценка экономической эффективности торгового предприятия // Ученые заметки ТОГУ. - 2025. - Т. 16. - № 2. - С. 7-15. - EDN MAVGZL.
4. Панина, У. Е., Попова, Е.В. ABC/XYZ-анализ как способ анализа товарооборота розничного предприятия // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. - 2025. - № 207. - С. 162-173. - DOI 10.21515/1990-4665-207-013.
5. Карсунцева О.В. Многомерный факторный анализ как метод оценки производственного потенциала // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2013. № 2 (28). С. 140-147.

6. Карашук, О. С. Оценка объемов торговой деятельности ведущих маркетплейсов России // Экономика, предпринимательство и право. - 2025. - Т. 15. - № 2. С. 999-1014. - DOI 10.18334/epp.15.2.122634.

7. Бахирев, А. А. Развитие методики планирования розничного товарооборота: теоретические аспекты // Актуальные проблемы экономики современной России : Сборник материалов всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Йошкар-Ола, 15–17 апреля 2024 года. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2024. - С. 29-34. - EDN PFCEAC.

8. Семушкина, Е. А., Шишкарёв, Н.И. Сущность и структура производственных мощностей предприятия // Наука и образование сегодня. - 2017. - № 10(21). - С. 36-38. EDN ZHRMWL

9. Замбрицкая, Е. С., Васильев, А.Е. Сравнение подходов выявления «узких мест» и расчета производственных мощностей на базе понятий «ведущее звено» и «лимитирующее звено» // Индустриальная экономика. - 2024. - № 1. - С. 29-38. - DOI 10.47576/2949-1886.2024.1.1.005.

10. Тиньков, С. А. Асимметрия развития и «узкие места» транспортной системы Российской Федерации // Экономика, предпринимательство и право. - 2022. - Т. 12. - № 3. - С. 1003-1016. DOI 10.18334/epp.12.3.114316.

11. Максименко, Е.И. Влияние научно-технической революции на развитие высокотехнологичной промышленности // Вестник Алтайской академии экономики и права. - 2023. - № 6-1. - С. 75-80. - DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.2861>

12. Пороткин, Е. С. Эффективность ресурсного потенциала предприятий обрабатывающего сектора экономики России // Общество: политика, экономика, право. - 2025. - № 2(139). - С. 109-114. - DOI 10.24158/pep.2025.2.14.

13. Рабцевич, А. А., Гайдуков, А.А. Оценка влияния трудоемкости и материалоемкости продукции на изменение прибыли от ее реализации // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. - 2021. - № 4(38). - С. 105-108. - EDN XGHLUI.

14. Балахонцева, А. Н. Прибыль и рентабельность в современной экономике организации // Наука XXI века: актуальные направления развития. -2024. - № 1-1. - С. 432-435. - EDN PUTHFS.

15. Имедадзе, И. В. Проблема опосредования: Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Н. Узнадзе // Культурно-историческая психология. - 2023. - Т. 19. - № 1. С. 5-12. - DOI 10.17759/chp.2023190101.

16. Кошевой, О. С. Оценка коэффициента напряженности на рынке труда. Региональный аспект // Статистика и Экономика. - 2023. - Т. 20. - № 2. - С. 13-20. - DOI 10.21686/2500-3925-2023-2-13-20.

Capacity of a trading enterprise and its assessment tools: an innovative approach

Sharokhina S.V., Karsuntseva O.V.

Syzran Branch of Samara State University of Economics

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

In this article, the authors argue that a retailer's existing resource potential ensures turnover growth as long as it is possible to utilize all unused resources and reserves for increasing their efficiency. The purpose of this study is to define the capacity of a retail enterprise and identify methods for its assessment. To determine the validity of the concept of "capacity" in a

retail enterprise's activities, the authors demonstrate that trade is related to the production sector. To determine the intensity coefficient of the company's draft turnover plan, the authors used indicators that do not directly reflect the retailer's performance capabilities, demonstrating the inappropriateness of this approach to calculating capacity. The authors argue that the potential sales volume, when assessing a retailer's capacity, should be determined by the quantitative and qualitative parameters of the existing resource potential. Further, the authors examine methodological techniques for determining enterprise capacity and the specifics of their application in trade, characterizing the technical, normative-technical, and discrete capacities of a retail enterprise and methods for their assessment. Restrictive characteristics of a retail enterprise's capacity are identified, such as the size of the retail space, throughput, normative-technical, and discrete capacity.

Keywords: capacity, trading enterprise, assessment, resources, reserves, profit, turnover capacity.

References

1. Nikolaeva, T. I. Development of approaches to the analysis of the resource potential of a trade organization in order to select a competitive strategy / T. I. Nikolaeva, T. I. Uryaseva // Trade and Economic Journal. 2017. - Vol. 4. - No. 1. - Pp. 35-48. - DOI 10.18334/tez.4.1.37543.
2. Demina, N. V., Chistova M. V. Competitiveness management of a trade enterprise // Innovative economy: prospects for development and improvement. - 2023. - No. 1 (67). - Pp. 64-69. - EDN NRVOTY.
3. Silenko, S. A., Syupova, M. S. Assessment of the economic efficiency of a trade enterprise // Scientific notes of TNU. - 2025. - Vol. 16. - No. 2. - Pp. 7-15. - EDN MAVGZL.
4. Panina, U. E., Popova, E. V. ABC/XYZ analysis as a method for analyzing retail enterprise turnover // Polythematic online electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. - 2025. - No. 207. - Pp. 162-173. - DOI 10.21515/1990-4665-207-013.
5. Karsuntseva O. V. Multivariate factor analysis as a method for assessing production potential // Bulletin of the Volga State University of Service. Series: Economics. 2013. No. 2 (28). Pp. 140-147.
6. Karashchuk, O. S. Assessment of the Volume of Trading Activity of Leading Russian Marketplaces // Economy, Entrepreneurship and Law. - 2025. - Vol. 15. - No. 2. Pp. 999-1014. - DOI 10.18334/epp.15.2.122634.
7. Bakhirev, A. A. Development of a Retail Turnover Planning Methodology: Theoretical Aspects // Actual Problems of the Economy of Modern Russia: Collection of Materials of the All-Russian (National) Scientific and Practical Conference, Yoshkar-Ola, April 15-17, 2024. - Yoshkar-Ola: Mari State University, 2024. - Pp. 29-34. - EDN PFCEAC.
8. Semushkina, E. A., Shishkarev, N.I. The nature and structure of enterprise production capacities // Science and education today. - 2017. - No. 10(21). - P. 36-38. EDN ZHRMWL
9. Zambzhitskaya, E. S., Vasiliev, A. E. Comparison of approaches to identifying "bottlenecks" and calculating production capacities based on the concepts of "leading link" and "limiting link" // Industrial Economy. - 2024. - No. 1. - P. 29-38. - DOI 10.47576/2949-1886.2024.1.1.005.
10. Tinkov, S. A. Asymmetry of development and "bottlenecks" of the transport system of the Russian Federation // Economy, entrepreneurship and law. - 2022. - Vol. 12. - No. 3. - P. 1003-1016. DOI 10.18334/epp.12.3.114316.
11. Maksimenko, E.I. The Impact of the Scientific and Technological Revolution on the Development of the High-Tech Industry // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. - 2023. - No. 6-1. - P. 75-80. - DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.2861>
12. Porotkin, E.S. Efficiency of the Resource Potential of Enterprises in the Manufacturing Sector of the Russian Economy // Society: Politics, Economics, Law. - 2025. - No. 2(139). - P. 109-114. - DOI 10.24158/pep.2025.2.14.
13. Rabtsevich, A. A., Gaidukov, A. A. Assessing the Impact of Labor Intensity and Material Intensity of Products on Changes in Profit from Their Sales // Bulletin of the Khakass State University named after N. F. Katanov. - 2021. - No. 4 (38). - P. 105-108. - EDN XGHLUI.
14. Balakhontseva, A. N. Profit and Return on Investment in the Modern Economy of an Organization // Science of the 21st Century: Current Development Directions. - 2024. - No. 1-1. - P. 432-435. - EDN PUTHFS.
15. Imedadze, I. V. The Problem of Mediation: L. S. Vygotsky, A. N. Leontiev, D. N. Узнадзе // Cultural-historical psychology. - 2023. - Vol. 19. - No. 1. - Pp. 5-12. - DOI 10.17759/chp.2023190101.
16. Koshevoy, O. S. Assessment of the coefficient of tension in the labor market. Regional aspect // Statistics and Economics. - 2023. - Vol. 20. - No. 2. - Pp. 13-20. - DOI 10.21686/2500-3925-2023-2-13-20.

Анализ трансформации функций менеджмента малых инновационных предприятий под влиянием цифровых технологий

Ян Чэньдун

аспирант кафедры менеджмента экономического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, ChendongYang0@outlook.com

Статья посвящена актуальной проблеме – особенности внедрения информационных технологий в управленческие процессы малых инновационных компаний. Большое внимание уделяется рассмотрению изменений, происходящих в рамках традиционных функций менеджмента: планирование, организация, мотивация и контроль. Автором показано, как цифровые технологии, такие как мобильные приложения, системы искусственного интеллекта и средства продвинутой аналитики данных, оказывают воздействие на действия российских предприятий. Приведены соответствующие кейсы: например, «Т-Банк», «Росатом» и др. Выявлены барьеры, препятствующие эффективному внедрению цифровых инструментов в практику малых инновационных предприятий: ограниченные финансовые ресурсы, небольшой экономический потенциал, убеждение в несоразмерности затрат и выгод от цифровизации, отсутствие осознанной потребности во внедрении цифровых технологий, неблагоприятная возрастная структура предпринимателей, низкий уровень интернационализации. Полученные результаты будут полезны для руководителей малых инновационных компаний, стремящихся повысить эффективность управления за счет цифровых решений.

Ключевые слова: менеджмент, функции управления, цифровые технологии, цифровизация управления, трансформация, малые инновационные предприятия, организационные изменения, инновационный менеджмент.

Анализ опыта стран с успешной переходной экономикой показывает, что наиболее важной движущей силой их развития является малый бизнес, на что указывает С.В. Суханова [6]. Однако барьеры, сдерживающие переход малых предприятий в категорию средних, имеют гетерогенную природу и классифицируются по источнику возникновения на внешние и внутренние. Внешние барьеры детерминированы состоянием деловой среды: её сложностью, динамичностью и неопределённостью. Внутренние обусловлены характеристиками самого предприятия: численностью персонала и объёмом оборота, ресурсной базой, организационной структурой, технологическим уровнем, компетенциями кадров, корпоративной культурой и характером взаимодействия с контрагентами. Следствием этого является повышенная требовательность к уровню управленческой квалификации: владельцы и сотрудники малых фирм должны обладать современными знаниями, практическими навыками и проактивным мышлением. Статистика подтверждает высокую уязвимость именно малых предприятий: в среднем около трети из них прекращают деятельность в течение первого года. Те, кто преодолевает этот этап, демонстрируют лучшие показатели выживаемости, что объясняется эффектом обучения и накоплением управленческих компетенций. Для устойчивого функционирования и последующего роста предприятию необходим обоснованный выбор и эффективное применение современных управленческих инструментов, адекватных его состоянию и целям.

С такой точкой зрения согласны И. Б. Тесленко и Н.В. Абдуллаев, которые отмечают, что малый и средний бизнес в России ежегодно направляет на цифровизацию от 3 до 10 % оборота. Полная окупаемость таких инвестиций занимает период от года до пяти лет. Среди цифровых технологий наиболее востребованы большие данные, которые применяют 34% предприятий [8, с. 130]. Далее следуют интернет вещей, роботизация процессов, а также искусственный интеллект.

«Bain & Company» также изучает практику применения различных управленческих концепций в компаниях по всему миру. За четверть века эксперты провели 16 исследований, охвативших более 1200 организаций. Каждый отчет фиксировал актуальные тенденции менеджмента на конкретном историческом этапе. Общая база респондентов превысила 15 000 руководителей из свыше 70 стран. Ими были выяснены категории цифровых инструментов, доказавших эффективность в трансформации бизнес-процессов. Во-первых, это мобильные приложения, которые позволяют контролировать соблюдение регламентов в режиме реального времени. Во-вторых, системы на базе искусственного интеллекта выстраивают автоматизированные коммуникации с клиентами. В-третьих, развитие технологии продвинутой аналитики предоставило возможность строить прогнозы с высокой степенью точности.

Применение этих инструментов существенно трансформирует традиционные управленческие функции. В первую очередь это касается постановки и планирования целей, которые остаются неотъемлемой частью работы менеджеров. Ранее для таких целей создавался документ, рассчитанный на период от трёх до пяти лет. В его основе лежали экспертные оценки руководителей, которые, полагаясь на собственный опыт, пытались предугадать будущую рыночную ситуацию. Реальность вносила

свои коррективы: стоило появиться новому конкуренту, и план терял свою актуальность.

В нынешние дни многие российские предприятия создают цифровые двойники продуктов, как отмечено в научных трудах Д.С. Кокорева и А.А. Юрина [3, с. 32]. Благодаря им можно протестировать товары задолго до их запуска в массовое производство, например, подобрать оптимальный дизайн и оценить интерес потенциальных покупателей. Корректировки выполняются на этапе проектирования, что существенно сокращает расходы предприятия.

В качестве примера можно привести компанию «Росатом», которая применяет упомянутую технологию для оптимизации производственных процессов на АЭС и химических предприятиях. «Роснефть» пошел дальше, реализовав инициативу «Цифровое месторождение», которая обеспечивает моделирование процессов добычи и транспортировки нефти на расстоянии. Благодаря этому инженерные службы могут корректировать режимы работы скважин, контролировать применение средств индивидуальной защиты, а также отслеживать перемещение техники по территории месторождений.

На смену субъективным оценкам экспертов пришли аналитические вычисления, основанные на использовании больших данных. Обработка структурированной и неструктурированной информации (например, поисковые запросы пользователей и их активность в социальных сетях) позволяет смоделировать потребительский спрос с высокой степенью точности. Такой политики придерживается АО «Т-Банк», где интерфейс подстраивается под каждого клиента автоматически. Оно анализирует, когда тот заходит в приложение, как часто совершает операции, на что тратит деньги и на какие предложения реагировал раньше. На основе этих данных меняются рекламные баннеры, тематические подборки и порядок сервисов.

Принципиально изменилась и сама логика планирования. Ранее компании тратили огромные финансовые ресурсы на разработку и производство продукта, чтобы обнаружить, что он никому не нужен. Весь процесс строился на внутренних убеждениях сотрудников, которые никак не проверялись снаружи. Теперь благодаря механизмам краудфандинга производитель может выяснить, какие характеристики продукта важны для будущих покупателей, получив от них обратную связь еще на стадии разработки.

Что касается мотивации сотрудников, то, по мнению Т.Г. Мотовиц, поначалу была распространена идея о том, что без личного присутствия начальника люди перестанут работать [4]. Материальное поощрение носило эпизодический характер, то есть происходило обычно раз в год. Это означало, что вплоть до момента начисления работник не обладал информацией ни о самом факте премирования, ни о сумме выплаты. Отношения в коллективе либо строились на личных симпатиях, либо скреплялись совместным досугом после работы. Однако перечисленные подходы перестают работать в нынешние дни.

Многие компании стали использовать панели мониторинга KPI. Как считает Ю.Э. Казаров, они позволяют исключить субъективизм оценивающих, ибо фокусируются на конкретных параметрах, таких как количество привлеченных клиентов, конверсия в продажах, средний чек и индекс удовлетворенности заказчика [2]. Наиболее яркой иллюстрацией является опыт «Северсталь», которая стремится занять лидирующие позиции в продажах новых видов продукции. В подобной ситуации основным критерием успеха становится скорость вывода новых продуктов на рынок. Параллельно фиксируются и операционные показатели, отвечающие за качество: доля успешно совершенных поставок и процент изделий, прошедших приемочный контроль без доработок.

Еще одним трендом в управлении мотивацией выступает геймификация, под которой подразумевается использование игровых механик в рабочих процессах с помощью цифровых инструментов, как представлено в статье Ю.В. Багаутдиновой [1, с. 102]. Так, например, как считает Е.Е. Романцева, в компании «Ozon» внедрили систему виртуальных наград и бейджей, в рамках которых за особые успехи в работе кадры получали почётные звания [5, с. 338]. Другой интересный пример – «Альфа-Банк», где создали игру «Мир малого бизнеса» для сотрудников отделов сопровождения малого и микробизнеса. Этому способствовала необходимость решения выявленной проблемы: с увеличением стажа работы сотрудники стали уделять меньше времени обучению, что напрямую сказывалось на снижении их профессионального уровня. Ежедневно команды сражались за звание лучших знатоков продуктов банка, а достижения участников незамедлительно находили отражение в таблицах рейтинга. Дополнительно использована механика создания и прокачки персонажа с характеристиками силы, здоровья и защиты. Результаты оказались впечатляющими: уровень профессиональной подготовки повысился практически на 40 %, а кадровая текучесть среди наиболее вовлечённых работников уменьшилась на 30 % [5, с. 338].

Для таких целей также можно практиковать коучинг. С каждым сотрудником устанавливается конкретная задача, к которой он должен стремиться. В процессе её выполнения тот получает необходимую помощь. В малых предприятиях это носит скорее интуитивный, неформальный, инцидентный характер. Поддержка сотрудников со стороны руководства проявляется в форме неструктурированных внутренних тренингов, а также неформальных инструктажей. Такая ситуация связана с тем, что на работу часто принимаются кандидаты, не имеющие соответствующей квалификации, поэтому главной задачей является их обучение конкретной должности.

Однако измерять результаты недостаточно. В таком процессе наибольшую роль играет грамотное распределение времени, ресурса, которого, в отличие от финансов, невозможно накопить или вернуть. В условиях, когда скорость вывода продукта на рынок становится критическим фактором успеха бренда, тайм-менеджмент выходит на первый план. Это предполагает, что менеджеры выстраивают систему приоритетов, принимая во внимание как срочность, так и важность каждой задачи. Существенную поддержку в этом оказывают цифровые инструменты планирования («Google Calendar», «Microsoft Outlook», «iCal»). Применение подобных сервисов сопряжено с необходимостью обеспечения надёжной защиты данных в целях сохранения приватности сотрудников и безопасности предприятия в целом. Особую значимость тайм-менеджмент приобретает в малых предприятиях, где собственник вынужден одновременно координировать и нередко самостоятельно выполнять самые разные функции: от административных до производственных. Когда множество неотложных дел требуют одновременного участия, сосредоточиться на чём-то одном становится крайне трудно.

В частности, за время становления Центра корпоративных решений (ЦКР) компания расширила ассортимент до 90 наименований. Активный рост компании выявил потребность в поиске решения, которое можно внедрить в условиях ограниченных ресурсов. Для этого была внедрена система «Timetta», которая показала положительные результаты уже через полтора месяца, в связи с чем принято решение о поэтапном масштабировании решения на остальные дирекции компании. Для этого потребовалась существенная доработка структуры данных и справочников, загружаемых в систему (клиенты, проекты, операции, детализация операций). На начальном этапе

внедрения возникли сложности, связанные с адаптацией персонала: сотрудники восприняли заполнение таймшитов как дополнительную нагрузку, отнимающую около 20–30 минут ежедневно. Однако спустя месяц использования системы время на внесение данных сократилось до 10 минут в день, что свидетельствует о достижении максимальной привыкаемости к инструменту.

Применение таймшитов позволило оценить распределение рабочего времени между задачами. Руководители анализируют содержание работ и контролируют соответствие выполняемых функций целевым задачам. Данные из системы «Timetta» на регулярной основе выгружаются в корпоративную BI-систему, где объединяются с информацией из других источников. Полученная аналитика служит основой для принятия управленческих решений. В настоящее время к системе подключено более 1000 сотрудников из семи дирекций ЦКР.

Иначе выстраивается и функция организации – то, как именно структурируется взаимодействие между сотрудниками. Раньше всё держалось на иерархии: отделы, кабинеты, начальники. Цифровые технологии всё изменили. Теперь команды могут работать удалённо, находясь в разных странах. Даже небольшая компания легко нанимает специалистов откуда угодно. Этому помогает и рост фрилансеров: компании всё чаще ищут профессионалов на специальных биржах и платят не за часы в офисе, а за готовый результат.

В России также сформировался устойчивый спрос на технологии виртуализации рабочих мест, и на рынке появилось несколько зрелых продуктов, способных составить конкуренцию зарубежным аналогам. Одним из лидеров рынка считается компания «Базис» с платформой «Basis Workplace», занимающей более половины российского VDI-рынка. Решение позволяет создавать защищённые виртуальные рабочие столы с индивидуальным набором приложений. Для управления виртуальной средой используется единый веб-портал, который интегрируется и со сторонними средами, такими как «Росплатформа», «OpenStack» и «vCenter».

НИИ «Масштаб» также развивает платформу Veil VDI. Её принципиальное отличие от конкурентов кроется в том, что рабочие столы пользователей создаются в виртуальных машинах на выделенных серверах, а доступ к ним осуществляется с недорогих и низкопроизводительных клиентов. Платформа гарантирует защиту данных от несанкционированного копирования и быстрое восстановление рабочего стола в случае сбоев. Ещё одной важной особенностью Veil VDI является её ориентация на полную импортнезависимость: решение поддерживает клиентское ПО на российских процессорах «Эльбрус» и «Байкал».

Кардинально изменилась и ресурсная база: компании больше не обязаны арендовать офисы и закупать серверы. Благодаря облачным технологиям вся ИТ-инфраструктура становится доступной по запросу, чтократно снижает порог входа для новых игроков. Благодаря IaaS клиент арендует у провайдера вычислительные мощности. Главные преимущества такого подхода кроются в гибкости, экономии времени и надёжности. Компания может оперативно наращивать ресурсы при пиковых нагрузках, например, в период распродаж, и так же легко сокращать их, когда необходимости в них больше нет. Бизнес начинает работу практически мгновенно, без длительного ожидания поставки и настройки оборудования, а провайдер берет на себя вопросы безопасности, резервного копирования и восстановления системы в случае сбоев. В противовес, SaaS предлагает доступ к готовым программным решениям. Пользователю не нужно участвовать в разра-

ботке, настройке или технической поддержке этих сервисов, он просто получает их по подписке и использует для решения своих задач.

Цифровая трансформация затронула и функцию контроля. В недавнем прошлом она сводилась к ручному изучению ежеквартальных отчётов. Сегодня благодаря внедрению аналитических дашбордов, таких как «Power BI», руководители видят состояние проектов в режиме реального времени. Это смещает фокус с простой фиксации ошибок на их предупреждение: современные системы способны анализировать данные и прогнозировать риски срыва сроков ещё до того, как ситуация станет критической. Более того, изменился сам объект контроля: компании перестают оценивать, сколько часов сотрудник провёл на рабочем месте, и переходят к измеримым результатам, например, количеству выполненных задач в «Git» или закрытых тикетов в «Jira».

К тому же, некоторые владельцы малых инновационных предприятий плохо представляют себе, что такое цифровая трансформация на деле. Им неясно, какие шаги предпринять и как скорректировать бизнес-стратегию под новые рыночные реалии. Современные авторы, например, В.Н. Суязов и Е.В. Суязов, выделяют риски, с которыми могут столкнуться многие компании. К их числу можно отнести:

- ограниченные финансовые ресурсы, что ограничивает доступность информационных технологий, а также закупку соответствующего программного обеспечения;
- небольшой экономический потенциал предприятий, из-за чего они сосредотачиваются больше на текущей деятельности и не решаются на инвестиции;
- убеждение, что использование любых технологий связано с высокими затратами, а инвестиционные расходы на их внедрение несоразмерны получаемым выгодам;
- отсутствие видимой потребности во внедрении цифровых технологий;
- возрастная структура, не способствующая цифровизации (преобладание предпринимателей среднего и старшего возраста);
- низкий уровень интернационализации, который не вынуждает подстраиваться под партнеров, уже перешедших на цифровые форматы работы [7].

Таким образом, традиционные подходы, основанные на долгосрочном планировании, теряют свою актуальность. В сфере планирования применение цифровых двойников (как в «Росатоме» и «Роснефти») позволяет тестировать продукты и оптимизировать процессы на этапе проектирования, минимизируя издержки. Анализ больших данных дает возможность прогнозировать спрос с высокой точностью, что наглядно демонстрирует опыт «Т-Банка». Функция мотивации утратила эпизодический, субъективный характер благодаря внедрению систем KPI, которые увязывают вознаграждение с конкретными, измеримыми результатами.

Организационная структура также претерпела фундаментальные изменения. Цифровые платформы позволяют компаниям, особенно малым, привлекать таланты вне зависимости от их местоположения. Российский рынок предлагает зрелые решения для виртуализации рабочих мест («Basis Workplace», «Veil VDI»). Облачные модели IaaS и SaaS, упрощают доступ к ИТ-ресурсам. Функция контроля трансформировалась из ретроспективной в проактивную.

Вместе с тем, цифровая трансформация сопряжена с рядом вызовов, особенно остро стоящих перед малыми инновационными предприятиями. Ограниченность финансов, низкий экономический потенциал, возрастные стереотипы руководителей и недостаточное понимание выгод от цифровизации сдерживают внедрение новых

технологий. Преодоление этих барьеров требует не только инвестиций, но и изменения управленческого мышления.

Литература

1. Багаутдинова Ю. В. Российская практика внедрения геймификации в бизнес и управление предприятиями // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2022. – № 4. – С. 99-117. – DOI 10.24412/2071-6435-2022-4-99-117.
2. Казаров Ю. Э. Особенности внедрения системы ключевых показателей эффективности (KPI) // Вестник науки. – 2021. – № 3 (36). – С. 89-94.
3. Кокорев Д.С., Юрин А.А. Цифровые двойники: понятие, типы и преимущества для бизнеса // Colloquium-journal. – 2019. – № 10 (34). – С. 31-35. – DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10264.
4. Мотовиц Т. Г. Влияние цифровизации на мотивацию персонала организации // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2024. – № 4 (75). – С. 173-178. – DOI: 10.38161/1996-3440-2024-4-173-178.
5. Романцева Е. Е. Геймификация для повышения мотивации персонала: российский опыт // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 1. – С. 336-342. – DOI 10.24412/1998-5533-2025-1-336-342.
6. Суханова С.В. Роль малых предприятий в экономике // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 12. – С. 93-95. – DOI: 10.24412/2411-0450-2021-12-3-93-95.
7. Суязов В.Н., Суязов Е.В. Будущее цифровизации малого и среднего бизнеса: анализ преимуществ и сложностей // Научный результат. Экономические исследования. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 125-140. – DOI: 10.18413/2409-1634-2025-11-2-1-0.
8. Тесленко И.Б., Абдуллаев Н.В. Проблемы и перспективы цифровизации при управлении малыми инновационными предприятиями // Индустриальная экономика. – 2022. – Т. 1, № 2. – С. 78-81. – DOI: 10.47576/2712-7559-2022-2-1-78.

Analysis of the transformation of management functions of small innovative enterprises under the influence of digital technologies Yang Chendong

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The article is devoted to an urgent problem – the specifics of the introduction of information technology in the management processes of small innovative companies. Much attention is paid to the consideration of changes occurring within the framework of traditional management functions: planning, organization, motivation and control. The author shows how digital technologies such as mobile applications, artificial intelligence systems and advanced data analytics tools have an impact on the actions of Russian enterprises. The relevant cases are given: for example, T-Bank, Rosatom, etc. The barriers preventing the effective implementation of digital tools in the practice of small innovative enterprises have been identified: limited financial resources, small economic potential, the belief in the disproportionality of costs and benefits from digitalization, the lack of a conscious need for the introduction of digital technologies, the unfavorable age structure of entrepreneurs, and a low level of internationalization. The results obtained will be useful for managers of small innovative companies seeking to improve management efficiency through digital solutions.

Keywords: management, management functions, digital technologies, digitalization of management, transformation, small innovative enterprises, organizational changes, innovation management.

References

1. Bagautdinova Yu. V. Russian practice of implementing gamification in business and enterprise management // STAGE: Economic Theory, Analysis, Practice. – 2022. – No. 4. – Pp. 99-117. – DOI: 10.24412/2071-6435-2022-4-99-117.
2. Kazarov Yu. E. Features of implementing a key performance indicators (KPI) system // Bulletin of Science. – 2021. – No. 3 (36). – Pp. 89-94.
3. Kokorev D. S., Yurin A. A. Digital twins: concept, types and advantages for business // Colloquium-journal. – 2019. – No. 10 (34). – Pp. 31-35. – DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10264.
4. Motovits T. G. The impact of digitalization on the motivation of an organization's personnel // Bulletin of Pacific National University. – 2024. – No. 4 (75). – Pp. 173-178. – DOI: 10.38161/1996-3440-2024-4-173-178.
5. Romantseva E. E. Gamification for increasing staff motivation: Russian experience // The Review of Economy, Law and Sociology. – 2025. – No. 1. – Pp. 336-342. – DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-336-342.
6. Sukhanova S. V. The role of small enterprises in the economy // Economy and Business: Theory and Practice. – 2021. – No. 12. – Pp. 93-95. – DOI: 10.24412/2411-0450-2021-12-3-93-95.
7. Suyazov V. N., Suyazov E. V. The future of digitalization of small and medium-sized businesses: analysis of advantages and difficulties // Research Result. Economic Research. – 2025. – Vol. 11, No. 2. – Pp. 125-140. – DOI: 10.18413/2409-1634-2025-11-2-1-0.
8. Teslenko I. B., Abdullaev N. V. Problems and prospects of digitalization in the management of small innovative enterprises // Industrial Economics. – 2022. – Vol. 1, No. 2. – Pp. 78-81. – DOI: 10.47576/2712-7559-2022-2-1-78.

Инфраструктурные проекты в российских регионах: экономические и геополитические вызовы

Аветян Марат Мушегович

магистрант, Институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; специалист по подбору кадров, Генеральная строительная компания «СТРОЙЭКСПЕРТ»,
M_avetyan@icloud.com,

Шаповалов Максим Юрьевич

магистрант, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; руководитель проекта департамента развития и эффективности каналов обслуживания АО «ГАЗПРОМБАНК», maxim.sh2010@mail.ru

Статья посвящена исследованию влияния экономических и геополитических изменений на реализацию инфраструктурных проектов в России. Целью исследования является определение наиболее значимых внешних факторов изменения сроков и стоимости реализации инфраструктурных проектов. Предметом исследования выступают социально-экономические изменения, возникающие в результате геополитических и экономических вызовов внешней среды. Исследование построено на смешанном методе. Для выбора факторов влияния, их характера и сущности использованы методы литературного анализа, исследования статистики. Для обоснования степени влияния факторов использован PEST-анализ. В статье рассматривается влияние инфраструктуры на социально-экономическое развитие регионов России в контексте внешнеэкономических и геополитических изменений последних лет. Выбраны наиболее значимые факторы влияния политического, экономического, социального и технологического характера. Совокупность факторов влияет на изменение сроков и стоимости реализации инфраструктурных проектов в регионах России. Обоснованы наиболее значимые детерминанты изменений. К ним относятся экономические, социальные, политические и технологические факторы, совокупное влияние внешней среды. Делается вывод о необходимости изменения характера инвестиций в инфраструктурные проекты. Наиболее значимыми должны стать: инвестиции в цифровую инфраструктуру, ЖКХ, повышение качества строительства.

Ключевые слова: инфраструктура, проекты, регионы, геополитика, фактор, территория, финансы, цифровизация, внешняя среда, внутренняя среда.

Модернизация инфраструктуры остается одной из наиболее значимых задач социально-экономического развития регионов России. Неравномерность территориального развития Российской Федерации – это историческое явление. В результате неравенства качество жизни в разных регионах страны может существенно отличаться. Это влияет на экономический рост субъекта федерации в долгосрочной перспективе. Темы инфраструктуры и социально-экономического неравенства неразрывно связаны и остаются актуальными в научной среде долгие годы. В разное время исследователями выделялись одни и те же факторы неравномерного развития: географическое положение региона, его ресурсная база, наличие и состояние инфраструктуры, уровень инвестиций, бюджетные и финансовые проблемы [1; 2]. Между тем, влияние инфраструктуры на экономику региона неоспоримо. Транспортная, энергетическая, а также информационная инфраструктура оказывают влияние на повышение валового внутреннего продукта на душу населения и общее социально-экономическое развитие территории в долгосрочной перспективе [3].

Несмотря на многочисленные усилия по устранению неравенства в развитии инфраструктуры между российскими регионами, оно остается существенным. Положение усугубляется глобальными экономическими и геополитическими потрясениями. В первую очередь, это касается перераспределения финансовых ресурсов на военные нужды в связи с началом Специальной военной операции в 2022 году (СВО). Реализацию инфраструктурных проектов в российских регионах замедляет и введение санкций в отношении значимых организаций. Невозможность приобретения техники, комплектующих и материалов напрямую повышает сроки и стоимость реализации крупных проектов. Например, в 2022-2024 году под санкции Европейского союза (ЕС) и Соединенных Штатов Америки (США) попали такие организации, как «Газстройпром» (а также ряд других строительно-монтажных организаций, связанных с Газпромом), «Техномакс», группа «Астра».

Степень влияния внешних и внутренних потрясений на реализацию инфраструктурных проектов невозможно точно оценить. Однако несмотря на это в ряде российских регионов уже заметно снижение темпов реализации строительных и энергетических проектов. Например, за три квартала 2025 года в ряде регионов Дальнего Востока спад составил 20,6% [4]. При этом восстановление и модернизация инфраструктуры новых территорий фактически невозможна на данный момент из-за боевых действий и крайней непривлекательности любых подобных проектов для частного инвестора.

Таким образом, исследование реализации инфраструктурных проектов в современных условиях является актуальным по причине высокой значимости для социально-экономического развития российских регионов.

ВЛИЯНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИИ

Зарубежный опыт развития инфраструктуры в контексте территориального развития

Исследователями еще в 1970-1980е годы было доказано, что развитие инфраструктуры – это базис долгосрочного экономического роста. Переход к интенсивной экономике оказывает значительное влияние на социально-экономическую политику [5]. Активные исследования о влиянии инфраструктуры на развитие территорий

появились в прошлом веке и стали развиваться после достижения ряда международных соглашений. Например, на четвертом круглом столе Европейской конференции министров транспорта в 1969 году доказано влияние экономического развития инфраструктурных проектов на макро- и микроуровнях (Автомостраль А7 «Липон-Боллен» во Франции или проект «Тихоокеанский пояс» в Японии) [6]. В более поздних исследованиях, например, в работе 2004 года отмечается, что наличие инфраструктурных активов положительно влияет на экономический рост и неравенство в доходах снижается при увеличении количества и качества инфраструктуры. Моделирование на примере макрорегиона Латинской Америки показало, что воздействие инфраструктурного фактора является значительным для ускорения экономического роста [7].

Позднее влияние инфраструктурного развития неоднократно исследовалось в контексте создания специальных экономических зон. В данной концепции государство выступало гарантом развития территории и создания преференций для бизнеса. В ряде исследований отмечается положительное влияние на развитие отдельных регионов Китая новой инфраструктуры для преференциальных территорий в 1980-е годы, что стало определяющим фактором долгосрочного экономического роста уже в 1990-2000х годах [8; 9].

В современных исследованиях учтен предыдущий опыт инфраструктурного развития и его влияния на территорию. Например, в мета-анализе 2023 года выделены: повышение объемов производства, продуктивности, улучшение показателей рынка труда и развитие человеческого капитала. Наиболее значимым двигателем инфраструктурного прогресса авторы называют информационные технологии и линии интернет-связи. Инвестиции в надежность электроснабжения таких систем способствуют повышению производительности компаний [10]. К аналогичным выводам приходят в исследовании 2025 года, проведенном на примере стран Балканского региона. Инвестиции в энергетическую и информационную инфраструктуру оказали значительное влияние на развитие данной территории в течении 2000-2021 г. [11].

На примере зарубежной литературы связь между развитием любой инфраструктуры и экономическим ростом на определенной территории становится очевидна. Наличие подобной зависимости подтверждается на протяжении более чем пятидесяти лет, а развитие информационных технологий, ИТ-инфраструктуры и связи стали новым драйвером социально-экономического роста.

Инфраструктуры и регионы России

Российские исследователи рассматривают инфраструктуру как социально-экономическую систему в регионе. В рамках данной системы объединены: институты, социальная среда, жизнеобеспечение, промышленность, финансы, связь. Исследователями на основе нейронного анализа и регрессии получены результаты о зависимости между развитой инфраструктурой и качеством жизни регионов Приволжского Федерального округа. Инфраструктура выступает, как фактор интенсификации социально-экономического развития и качества жизни в регионе [12]. В более поздних работах, например, в исследовании С.В. Кузнецова делается акцент на кластерной составляющей. Автор считает, что необходимо синхронизировать цели и задачи развития магистральной инфраструктуры между регионами. Это будет способствовать объединению рынков и созданию единого экономического пространства. На примере регионов Северо-Западного федерального округа автором доказана необходимость модернизации генерирующих мощностей, транспортной и газораспределительной сети, тепло и энергоснабжения в контексте со-

циально-экономического развития макрорегиона. Будущее инфраструктурного развития региона – это кластеры, связывающие территорию с внешним и внутренним рынками [13]. Положительное влияние транспортной инфраструктуры прослеживается и в более поздних исследованиях. Например, в работе 2025 года авторы приходят к выводу о том, что проблема неравномерности развития российских регионов напрямую связана с межрегиональными магистралями автомобильных и железных дорог. Исследователи также приходят к выводу о связи между дорожной инфраструктурой и экономическим ростом [14]. Результаты получены следующие:

- факторы производства становятся дешевле, чем повышают эффективность;
- увеличивается производительность труда;
- рост занятости в промышленности и строительстве ведет к долгосрочному устойчивому экономическому росту в других отраслях;
- растет качество и уровень жизни [3].

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ НА РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Факторы и характер их влияния на социально-экономическое развитие в регионе

Вопрос о влиянии глобальных событий на реализацию инфраструктурных проектов остается дискуссионным и в научной среде представлен на так широко, как в отчетах различных аналитических агентств. К дестабилизации строительной отрасли, связанной с реализацией крупных инфраструктурных проектов в регионах России, приводит изменение политической и социокультурной среды. К наиболее значимым факторам относятся: колебания курсов валют, снижение покупательной способности, демографические тенденции. Санкции напрямую влияют на стоимость и сроки поставки оборудования, технологий и запчастей. Они также вводят финансовые ограничения и способствуют снижению потребительского спроса. В результате возникает рост цен, изменяются условия кредитования и страдают смежные отрасли [15]. Часть исследователей отмечает положительное влияние санкций на инфраструктурные проекты. Это в первую очередь рост жилого фонда и появление новых программ: «Демография», «Жилье и городская среда», «Цифровая экономика» и другие [16].

В последних исследованиях на данную тему авторы приводят промежуточные итоги влияния санкций на инфраструктурную отрасль и городскую среду: (1) остановка поставок и логистики оплаченных заказов для целей городского хозяйства, в первую очередь импортных комплектующих, транспорта и техники; (2) удорожание стройматериалов и недоступность кредитов являются косвенным влиянием санкций, которое связано с реализацией проектов жилищного строительства в городах; (3) недофинансирование отрасли жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) (в большей степени является следствием безответственности муниципальной власти и собственников инженерных сетей); (4) серьезные проблемы с заменой автобусного парка для общественного транспорта; (5) проекты государственно-частного партнерства сложнее реализовать из-за недоступности финансирования, а также материалов и техники импортного производства; (6) изменяется подход к стратегическому городскому планированию [17].

На реализацию проектов часто влияют более важные факторы, связанные, в первую очередь, с финансированием. Однако факторы прямого воздействия на реализацию инфраструктурных факторов часто обусловлены более значимыми глобальными событиями. Например, проблема недоступности кредитов на реализацию проекта – это прямое следствие более строгой денежно-кредитной

политики, возникшей после событий 2022 года. Аналогично и с ростом цен на строительные материалы, сырье, комплектующие, человеческие ресурсы и т.д. Степень государственного участия в экономике увеличивается. Например, в 2023 году компании государственного сектора в экономике обеспечили до половины всего ВВП [18]. В результате возникновения диспропорций финансирования в оборонной и смежной с ней промышленности остальные экономические отрасли отстают или подстраиваются под сложившиеся условия. Таким образом, реализация инфраструктурных проектов в российских регионах косвенно зависит от глобальных изменений и геополитических вызовов.

Рассмотрим финансирование инфраструктурных проектов в регионах России и финансовые проблемы. Реализация крупных инвестиционных проектов в российских регионах в целом находится в пределах плановых проектных сроков, однако в отдельных случаях возникают проблемы, связанные с геополитикой и влиянием внешних негативных факторов. Отмечается общее замедление строительной отрасли до 0,9% в 2025 году. Привлечение частного капитала становится все более значимым способом реализации инфраструктурных проектов. В 2025 году общий объем инвестиций государственно-частного партнерства составил 7,4 трлн. руб., из которых около 28% составили средства государственного бюджета [19]. Министерство строительства считает, что для российских регионов выделено около 200 млрд. руб. в 2025 году на реализацию инфраструктурных проектов, связанных с модернизацией инженерных сетей, строительством дорог и ремонтом прочей городской инфраструктуры [20]. Среди наиболее значимых проблем, вызванных рядом косвенных причин внешнего воздействия являются:

- 1) доступность финансирования и финансовых ресурсов;
- 2) конкуренция за бюджет и зависимость от возможностей государства к мобилизации внебюджетных ресурсов частных инвесторов;
- 3) снижение общей эффективности в рамках сложившихся ранее финансовых моделей.

Качественный и количественный анализ внешней среды

Распределение инфраструктурных проектов в регионах России в 2025 году следующее: 55% - транспортная инфраструктура; 28% - энергетика и ЖКХ; 12% - социальная инфраструктура; 5% - цифровая и городская инфраструктура. Наиболее значимые проекты, реализуемые в данный момент: магистраль Москва-СПб, М-12, обходы городов, модернизация БАМ/Транссиба, порты Усть-Луга и «Аврора»; масштабная модернизация ЖКХ (4,5 трлн руб.), Ленинградская АЭС-2, энергетический проект Сила Сибири-2, ГМТ-инфраструктура; строительство более 150 новых школ и 230 социальных объектов в Калининграде, Владивостоке и других регионах. Комплексный план долгосрочного развития инфраструктуры в регионах России к 2030 году включает в себя: строительство и реконструкцию железных и автомобильных дорог общей протяженностью 4,5 и 2,2 тыс. км.; модернизацию 60 аэропортов и 18 морских терминалов; прокладка более 20 тыс. км линий оптоволоконной связи; модернизацию инфраструктуры университетов и школ; ввод в эксплуатацию 10 новых энергоблоков АЭС и 800 км линий электропередач [19].

Несмотря на высокую значимость инфраструктурных проектов для экономики России наблюдается спад по всем отраслям в 2025 году. Например, проекты объем финансирования объектов транспортной инфраструктуры снизился на 5,3 трлн. руб.; энергетики и ЖКХ на 2,7 трлн.

руб., социальной инфраструктуры на 1 трлн. руб., цифровой инфраструктуры на 500 млрд. руб. Объем инфраструктурного строительства составил 9,6 трлн. руб. в 2025 году при общем объеме строительного рынка в 14,9 трлн. руб. [19]

Региональная динамика инфраструктурного строительства по макрорегионам (федеральным округам) приведена на рисунке 1.

Рисунок 1. Региональная динамика инфраструктурного строительства по федеральным округам РФ, %
 Источник: на основе данных аналитического портала «Деловой профиль» <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/infrastrukturalnoe-stroitelstvo-v-rossii/?ysclid=mlhsiv1y8860163109>

В регионах СЗФО объем строительных работ в рамках инфраструктурных проектов увеличился за счет благоустройства, строительства метро и автомобильных дорог, магистралей и общественных пространств преимущественно в Санкт-Петербурге и других крупных городах. В ЦФО рост обусловлен строительством Троицкой линии метро, МЦД и 58 социальных объектов города Москвы. В СФО это строительство наземного метрополитена и другие проекты Красноярского края. Модернизация БАМ/Транссиба, портов и АЭС стали драйвером роста в Амурской области, Приморье и Хабаровском крае. На снижение темпов роста инфраструктурного строительства регионов Северного Кавказа влияет отставание в развитии туристической инфраструктуры. На Урале снижение обусловлено замедлением строительства проектов крупных автомагистралей (М-12, ЕКАД). Спад в ЖКХ и дорожном строительстве Краснодарского края и Ростовской области объясняется снижением темпов строительства на юге России.

Для оценки влияния внешней среды на реализацию инфраструктурных проектов выполнен PEST-анализ. Выделены четыре группы факторов: политические, экономические, социальные, технологические. С учетом анализа рынка и специфики отрасли шкала факторов воздействия на отрасль следующая: слабое воздействие (1 балл); незначительное воздействие (2 балла), значительное воздействие (3 балла). Степень влияния определена с применением экспертных оценок (Таблица 1).

Итоговая оценка показывает, что совокупность факторов внешнего воздействия на реализацию инфраструктурных проектов отрицательная. Наибольшее негативное воздействие оказывают экономические и социальные факторы. Из-за них сроки и стоимость реализации проектов инфраструктурного развития в российских регионах существенно меняются. Драйвером роста являются технологии и цифровизация строительной отрасли. Это позволяет повышать качество проектирования и готовых объектов. С учетом проведенного PEST-анализа, наиболее востребованными инфраструктурными проектами должны стать: (1) проекты цифровизации и моделирования; (2) проекты модернизации инфраструктуры, в первую очередь ЖКХ; (3) проекты межгосударственного сотрудничества, создания совместных предприятий; (4) проекты

государственно-частного партнерства в транспортной отрасли.

Таблица 1

Анализ влияния внешней среды на реализацию инфраструктурных проектов

Фактор	Оценка	Описание
Политические факторы		
Смена курса на международную интеграцию «Глобальный Юг»	+1	Благоприятное влияние на отрасль оказывает членство России в Евразийском союзе. Это позволяет предприятиям строительства и логистики из ближайших стран сотрудничать более эффективно. Положительное влияние членства в БРИКС сомнительное: союз не имеет реальных достижений или возможностей, конвертируемых в выгоду.
Политическая ситуация в стране	-3	Ужесточение санкций после СВО, уход с российского рынка зарубежных компаний
Изменение законодательства	+1	Введение законодательных инициатив государственно-частного партнерства и принятые ранее национальные проекты развития инфраструктуры разного назначения оказывают влияние на инвестиционный климат отрасли
Итого	-1	-
Экономические факторы		
Изменение курса валют/девальвация рубля	-3	Колебание курса рубля приводит к росту всего импорта, в первую очередь строительных материалов и техники.
Увеличение стоимости материальных и людских ресурсов	-2	Увеличение стоимости строительных материалов ведет к удорожанию реализации инфраструктурных проектов, меняет сроки, снижает итоговую эффективность. Конкуренция за работника с военно-промышленным комплексом приводит к удорожанию рабочей силы, следовательно, к изменению бюджета проекта.
Конкуренция в отрасли	+1	Конкуренция повышает общую эффективность за счет развития предложения на рынке
Общее снижение финансирования	-3	Недостаток финансирования – это фактор изменения сроков реализации, так как в совокупности с другими экономическими факторами он снижает общую эффективность. При большей потребности становится меньше ресурсов.
Итого	-7	-
Социальные факторы		
Изменение спроса, предпочтений и требований к качеству городской среды	+2	Снижение покупательной способности и рост цен не влияют на требования и предпочтения. В результате потребитель хочет качество инфраструктуры более высокого уровня, чем стимулирует разрабатывать и внедрять наиболее перспективные проекты
Фактор	Оценка	Описание
Миграционная политика	-1	Миграционный отток наблюдается после 2022 года и продолжается в 2025-2026 году. В результате рабочая сила сокращается, растет стоимость труда и затраты на подбор персонала.
Демографические тенденции	-1	Снижение рождаемости и увеличение смертности приводят к сокращению трудоспособного населения
Профессиональное образование	+1	Финансирование образовательных проектов влияет на появление высококвалифицированных специалистов в отрасли. Это фактор интенсификации роста.
Итого	1	-
Технологические факторы		
Цифровизация экономики	+1	Цифровизация дает стимул к развитию технологий проектирования и строительства, созданию цифровых двойников.
Новые технологии строительства	+2	Технологии являются определяющим фактором качества строительства, но требуют больше инвестиций.
Итого	3	-

Источник: составлено автором

Значимость инфраструктуры всех видов для социально-экономического развития территории неоспоримо. Многочисленные исследования российских и зарубежных авторов подтверждают данный тезис. Важной вехой в развитии инфраструктуры стали цифровые и компьютерные технологии, интернет-коммуникации и связь.

В результате проведенного исследования сделан вывод о неоднозначности влияния внешних вызовов на реализацию инфраструктурных проектов в регионах России. Санкции и другие потрясения оказывают скорее косвенное воздействие и влияют на макроэкономические показатели в целом: курс рубля, ставка Центрального банка; инфляция и другие переменные. Отмечается замедление темпов реализации крупных проектов, связанное с сокращением финансирования в регионах на юге России, Северном Кавказе в Поволжье и на Урале. Результаты проведенного PEST-анализа показывают, что влияние экономических и социальных факторов оказывает наибольшее воздействие на реализацию инфраструктурных проектов в российских регионах. Наиболее значимые драйверы роста – это цифровое и технологическое развитие строительной отрасли.

Литература

1. Панкевич Н.В. Диспропорции регионального развития РФ: проблема без решения? РСМ. 2010. №1. С. 97-109.
2. Васильев Д.К., Лимонов Л.Э. Неравномерное развитие регионов России в контексте инфраструктурной финанализации. Регион: экономика и социология. 2024. № 4 (124). С. 65-89.
3. Мнацаканян, А. Г. Оценка влияния инфраструктуры на социально-экономическое развитие регионов России. Экономический анализ: теория и практика. 2021. Т. 20, № 5(512). С. 792-809.
4. Строительство в российских регионах: итоги трех кварталов 2025 года. Shera group. 2025. URL: <https://sheragroup.ru/> (Дата обращения: 11.01.2025)
5. Berend I.T. Development of the infrastructure – in historical perspective. Acta Oeconomica. 1976. V. 17 (3-4), pp. 245-256.
6. The impact of infrastructure investment in economic development. 4th round table ECMT. France. 1969. 155p.
7. Calderon C., Serven L. The effects of infrastructure development on growth and income distribution. Documento de Trabajo. 2004. № 270. p.47.
8. Stoltenberg C.D. China's Special Economic Zones: Their Development and Prospects. Asian Survey. 1984. V. 24 (6), pp. 637-654.
9. Wang J. The Economic Impact of Special Economic Zones: Evidence from Chinese Municipalities. Journal of Development Economics. 2013. V. 101(C), pp. 133-147.
10. Foster V., Gourgulu N., Straub S., Vagliashindi M. The Impact of Infrastructure on Development Outcomes. A Qualitative Review of Four Decades of Literature. World Bank Group. 2023. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/eea77d61-cb2b-4c8d-83b9-3572c4724f3a/content> (Дата обращения: 11.01.2025)
11. Jacimovic D., Lipovina-Borzovic M., Pejovic B., Vukovic S. The Impact of Infrastructure Development on the Economic Growth of the Countries in the Western Balkans and their EU Future. Prague Economic Papers. 2025 V.34 (1). pp.45-77.
12. Николаева М.Г., Мордовченков Н.В. Региональная инфраструктура и качество жизни населения: межсистемное взаимодействие. Экономика региона. 2010. №2. С. 197-206.
13. Кузнецов, С. В. Инфраструктура как фактор развития региональной экономики / С. В. Кузнецов // Экономика и управление. 2018. № 11(157). С. 57-62.
14. Морозов Д.Е., Гамидуллаева Л.А. Влияние транспортной инфраструктуры на социально-экономическое развитие регионов: эконометрический анализ. IT-Economy. 2025. 18 (4). С. 85–104.

15. Мельников В.В. Воздействие санкций на строительную отрасль России: текущее состояние и перспективы отраслевого развития. ЭСГИ. 2024. №1 (41). С. 39-51.

16. Морщинина Н.И. Инновационные понятия сферы услуг на рынке жилой недвижимости и ее современные тренды // Бюллетень транспортной информации. 2022. № 7 (325). С. 42-55.

17. Волошинская, А. А., Максимов В.А., Безверный А. Устойчивость российских городов в условиях международных санкций и последствий эпидемии COVID-19: социологическое исследование. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2024. Т. 32, № S1. С. 567-576.

18. Подсчитана доля государства в российской экономике. Лента.ру. 2024 г. URL: <https://lenta.ru/news/2024/10/30/podschitana-dolya-gosudarstva-v-rossiyskoy-ekonomike/> (Дата обращения: 11.01.2025)

19. Инфраструктурное строительство в России. Деловой профиль. 2026. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/infrastrukturnoe-stroitelstvo-v-rossii/?ysclid=mlhsiiv1y8860163109> (Дата обращения: 11.01.2025)

20. Мониторинг реализации инфраструктурных проектов. Минстрой России. 2025. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/kompleksnoe-razvitiye-territorii/2-monitoring-realizatsii-infrastrukturnykh-proektov/> (Дата обращения: 11.01.2025)

Infrastructure projects in Russian regions: economic and geopolitical challenges

Avetyan M.M., Shapovalov M.Yu.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, STROYEXPERT, Gazprombank JSC

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article is devoted to the study of the influence of economic and geopolitical changes on the implementation of infrastructure projects in Russia. The aim of the study is to identify the most significant external factors changing the timing and cost of infrastructure projects. The subject of the study is socio-economic changes arising as a result of geopolitical and economic challenges of the external environment. The study is based on a mixed method. To select the influencing factors, their nature and essence, the methods of literary analysis and statistical research were used. To substantiate the degree of influence of factors, PEST analysis was used. The article considers the influence of infrastructure on the socio-economic development of Russian regions in the context of external economic and geopolitical changes in recent years. The most significant influencing factors of a political, economic, social and technological nature are selected. A combination of factors affects changes in the timing and cost of infrastructure projects in the regions of Russia. The most significant determinants of changes are substantiated. These include economic, social, political and technological factors, the cumulative influence of the external environment. A conclusion is made about the need to change the nature of investments in infrastructure projects. The most significant should be: investments in digital infrastructure, housing and communal services, improving the quality of construction.

Keywords: infrastructure, projects, regions, geopolitics, factor, territory, finance, digitalization, external environment, internal environment.

References

1. Pankevich N.V. Disproportions of regional development of the Russian Federation: a problem without a solution? RSM. 2010. No. 1. pp. 97-109.
2. Vasiliev D.K., Limonov L.E. Uneven development of Russian regions in the context of infrastructural financialization. Region: economics and sociology. 2024. No. 4 (124). pp. 65-89.
3. Mnatsakanyan, A. G. Assessment of the impact of infrastructure on the socio-economic development of Russian regions. Economic analysis: theory and practice. 2021. Vol. 20, No. 5(512). pp. 792-809.
4. Construction in the Russian regions: the results of the three quarters of 2025. Shera group. 2025. URL: <https://sherpagroup.ru/> (accessed: 11.01.2025)
5. Berend I.T. Development of the infrastructure – in historical perspective. Acta Oeconomica. 1976. V. 17 (3-4), pp. 245-256.
6. The impact of infrastructure investment in economic development. 4th round table ECMT. France. 1969. 155p.
7. Calderon C., Serven L. The effects of infrastructure development on growth and income distribution. Documento de Trabajo. 2004. № 270. p.47.
8. Stoltenberg C.D. China's Special Economic Zones: Their Development and Prospects. Asian Survey. 1984. V. 24 (6), pp. 637-654.
9. Wang J. The Economic Impact of Special Economic Zones: Evidence from Chinese Municipalities. Journal of Development Economics. 2013. V. 101(C), pp. 133-147.
10. Foster V., Gourgulu N., Straub S., Vagliashindi M. The Impact of Infrastructure on Development Outcomes. A Qualitative Review of Four Decades of Literature. World Bank Group. 2023. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/eea77d61-cb2b-4c8d-83b9-3572c4724f3a/content> (accessed: 11.01.2025)
11. Jacimovic D., Lipovina-Borovic M., Pejovic B., Vukovic S. The Impact of Infrastructure Development on the Economic Growth of the Countries in the Western Balkans and their EU Future. Prague Economic Papers. 2025 V.34 (1). pp.45-77.
12. Nikolaeva M.G., Mordovchenkov N.V. Regional infrastructure and quality of life of the population: intersystem interaction. The economy of the region. 2010. No. 2. pp. 197-206.
13. Kuznetsov, S. V. Infrastructure as a factor in the development of the regional economy / S. V. Kuznetsov // Economics and management. 2018. No. 11(157). pp. 57-62.
14. Morozov D.E., Gamidullayeva L.A. The impact of transport infrastructure on the socio-economic development of regions: an econometric analysis. И-Экономика. 2025. 18 (4). pp. 85-104.
15. Melnikov V.V. The impact of sanctions on the Russian construction industry: the current state and prospects of industry development. ЭСГИ. 2024. No. 1 (41). pp. 39-51.
16. Morshchinina N.I. Innovative concepts of the service sector in the residential real estate market and its modern trends // Bulletin of Transport Information. 2022. No. 7 (325). pp. 42-55.
17. Voloshinskaya, A. A., Maksimov, V.A., Bezverny, A. Sustainability of Russian cities in the context of international sanctions and the consequences of the COVID-19 epidemic: a sociological study. Problems of social hygiene, public health and the history of medicine. 2024. Vol. 32, No. S1. pp. 567-576.
18. The share of the state in the Russian economy has been calculated. Lenta.ru. 2024 URL: <https://lenta.ru/news/2024/10/30/podschitana-dolya-gosudarstva-v-rossiyskoy-ekonomike/> (Accessed: 11.01.2025)
19. Infrastructure construction in Russia. Delovoy profil. 2026. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/infrastrukturnoe-stroitelstvo-v-rossii/?ysclid=mlhsiiv1y8860163109> (Accessed: 01/11/2025)
20. Monitoring the implementation of infrastructure projects. The Ministry of Construction of Russia. 2025. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/kompleksnoe-razvitiye-territorii/2-monitoring-realizatsii-infrastrukturnykh-proektov/> (Accessed: 11.01.2025)

Структура экосистемы рынка инфлюенс-услуг

Азарян Елена Михайловна

доктор экономических наук, профессор, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского

Худяков Алексей Анатольевич

аспирант, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского

Рынок инфлюенс-услуг представляет собой сложную, динамично эволюционирующую экосистему, в которой взаимодействуют четыре ключевых актора: инфлюенсеры, бренды, платформы и агентства инфлюенс-маркетинга. Эта экосистема функционирует в рамках платформенной экономики и характеризуется специфической логикой координации, основанной не столько на формальных контрактах, сколько на аффективных связях, алгоритмической видимости и цифровом доверии. В отличие от традиционных рекламных рынков, где доминируют вертикальные иерархии и стандартизированные метрики эффективности, рынок инфлюенс-услуг опирается на персонализированную аутентичность как ключевой товарный ресурс, что кардинально трансформирует природу маркетинговых отношений.

Предложена структура экосистемы рынка инфлюенс-услуг, основанная на междисциплинарном подходе, объединяющего инструментарий региональной экономики, социологии цифрового доверия и критической теории платформ, в которой экономические транзакции опосредованы взаимодействием четырёх ключевых акторов – инфлюенсеров, брендов, цифровых платформ и агентств, что позволяет преодолеть узко маркетинговое понимание инфлюенс-маркетинга как тактики продвижения, но и раскрыть его как структурный элемент цифровой экономики, обладающий измеримыми объёмами, мультипликативными эффектами, вкладом в занятость и потенциалом для территориального развития, а также обеспечивает основу для разработки государственной отраслевой и региональной политики в сфере цифровых коммуникаций.

Ключевые слова: инфлюенс-маркетинг, инфлюенс-услуги, экосистема, инфлюенсеры, бренд, платформа, агентства инфлюенс-маркетинга, платформенная экономика.

Цифровая экосистема представляет собой сеть взаимосвязанных цифровых технологий, платформ и услуг, которые взаимодействуют друг с другом с целью создания ценности для бизнеса и потребителей. Бизнес-экосистема, с одной стороны, через получение синергетического эффекта обеспечивает достижение собственных целей центральной организации, с другой стороны, создает дополнительные возможности всем ее участникам посредством предоставления ресурсов и формирования новых компетенций [1, С. 1257-1274.].

Усиливается внимание к ряду направлений социально-экономического развития, в числе которых создание условий для инновационного развития и формирования инновационной экосистемы [2, С. 1893-1910.].

Синергетический эффект от взаимодействия цифрового маркетинга и цифровых экосистем находит отражение в реализуемых национальных программах развития экономики и федеральных программах развития территорий [3, С. 55-63.].

Учитывая тот факт, что рынок инфлюенс-услуг развивается на основе маркетингового инструментария и технологий, важно отметить, что они формируют маркетинговый потенциал цифровой бизнес-среды на виртуальном рынке [4].

Трансформация классических схем развития рынка инфлюенс-услуг осуществляется в эру цифровизации, что важно учитывать при формировании современной экосистемы рынка инфлюенс-услуг [5, С. 402-409.].

Экосистему рынка инфлюенс-маркетинга формируют продюсерские компании, специализированные агентства, биржи блогеров, системы посева и платформы. Продуктовая линейка может быть определена исходя из типов услуг, эксклюзивности присутствия бренда и решаемым задачам [6].

Экономическая «анатомия» рынка инфлюенс-услуг выявляет его двойственную природу: с одной стороны, это высокотехнологичный сегмент цифровой экономики с измеримыми объёмами и прогнозируемой динамикой; с другой – это социотехническая экосистема, генерирующая нематериальные активы (доверие, вовлечённость, идентичность), которые трансформируются в экономические эффекты через сложные цепочки координации.

Это позволяет рассматривать инфлюенс-маркетинг как фактор структурной модернизации, способствующий развитию человеческого капитала, диверсификации региональных экономик и устойчивому росту в условиях постиндустриальной трансформации.

Отсутствие прозрачных стандартов оценки эффективности, непрозрачность алгоритмических логик платформ, риски манипуляции сознанием потребителей и налоговые серые зоны делают рынок инфлюенс-услуг объектом пристального внимания со стороны государственных институтов, антимонопольных органов и международных организаций.

В этих условиях агентства инфлюенс-маркетинга вынуждены трансформироваться из простых брокеров в аналитико-консалтинговые структуры, обеспечивающие не только подбор инфлюенсеров, но и управление репутационными рисками, юридическую легитимность кампаний и соответствие корпоративной ответственности.

Рынок инфлюенс-услуг представляет собой сложную, динамично эволюционирующую экосистему, в которой взаимодействуют четыре ключевых актора: инфлюенсеры, бренды, платформы и агентства инфлюенс-маркетинга (таблица 1).

Эта экосистема функционирует в рамках платформенной экономики и характеризуется специфической логикой координации, основанной не столько на формальных контрактах, сколько на аффективных связях, алгоритмической видимости и цифровом доверии.

В отличие от традиционных рекламных рынков, где доминируют вертикальные иерархии и стандартизированные метрики эффективности, рынок инфлюенс-услуг опирается на персонализированную аутентичность как ключевой товарный ресурс, что кардинально трансформирует природу маркетинговых отношений.

Инфлюенсеры выступают в роли медиаторов доверия, конвертируя свой социальный и символический капитал в экономический через рекомендацию товаров и услуг. Их рыночная стоимость определяется не только количественными показателями (охват, частота публикаций), но и качественными характеристиками: воспринимаемой искренностью, стилистической целостностью контента, степенью вовлечённости аудитории.

При этом следует подчеркнуть, что инфлюенсеры всё чаще теряют статус независимых агентов: их активность всё больше опосредуется алгоритмическими логиками платформ и требованиями брендов, что приводит к институционализации аутентичности – парадоксальному процессу, при котором подлинность становится управляемой и стандартизированной категорией.

Бренды, со своей стороны, выступают заказчиками инфлюенс-услуг, стремясь интегрировать свои продукты в повседневные нарративы потребителей. В условиях кризиса эффективности традиционной рекламы и роста адблокеров бренды всё чаще обращаются к инфлюенсерам как к альтернативному каналу легитимации.

Таблица 1
Структура экосистемы рынка инфлюенс-услуг (разработано автором)

Актор	Основная роль и функции	Ключевые ресурсы и капитал	Стратегии и практики	Основные риски и вызовы	Вектор трансформации
Инфлюенсер	Медиатор доверия; создатель аутентичного контента; конвертер социального капитала в экономический через рекомендации	- Социальный капитал (аудитория, вовлечённость); - Символический капитал (репутация, идентичность); - Креативный капитал (навыки контент-продакшна)	- Персонализация нарратива; - Стратегическое раскрытие «личного»; - Рефлексивный анализ тональности комментариев; - Управление имиджем как проектом	- Утрата аутентичности («переигрывание искренности»); - Алгоритмическая невидимость (падение в рекомендациях); - Репутационные скандалы; - Зависимость от требований брендов и платформ	От «личного бренда» к «цифровому предпринимателю» с собственной студией и командой
Бренд	Заказчик инфлюенс-услуг; интегратор продукта в повседневные нарративы; инициатор легитимации через доверие	- Финансовый капитал; - Институциональный капитал (бренд-эквити, корпоративная репутация); - Организационные ресурсы	- Внедрение систем due diligence; - Анализ соответствия ценностей инфлюенсера корпоративной идентичности;	- Делигитимация бренда при ассоциации с скандальным инфлюенсером; - Низкий ROI при неудачной интеграции;	От «заказчика» к «со-продюсеру» контента, внедрение систем due diligence и ESG-аудита

		(маркетинговые команды)	- Разработка гайда «приемлемой аутентичности»; - Мониторинг посткампанийских эффектов	- Рост требований к прозрачности и этике	
Платформа (VK, Max, RuTube, Telegram и др.)	Инфраструктурный регулятор; архитектор видимости и монетизации; посредник через встроенные инструменты	- Технологический капитал (алгоритмы, API); - Контроль над данными пользователями; - Монопольное положение в экосистеме	- Алгоритмическая калибровка «аутентичности»; - Внедрение встроенных маркетинговых; - Верификация и модерация контента; - Монетизация через партнерские программы и шопинг	- Регуляторное давление (защита данных, прозрачность алгоритмов); - Снижение вовлеченности пользователей; - Конкуренция с другими платформами; - Этическая критика за эксплуатацию внимания	От «нейтрального хоста» к «активному регулятору и посреднику», дезинтермедиализируя агентства
Агентство инфлюенс-маркетинга	Институциональный посредник; координатор взаимодействия; гарант юридической и креативной легитимности	- Экспертный капитал (аналитика, креатив, право); - Сетевой капитал (доступ к топ-инфлюенсерам); - Репутационный капитал (кейсы, партнерства)	- Data-driven подбор инфлюенсеров; - Юридическое сопровождение (контракты, маркировка); - Креативная интеграция бренда в контент; - Посткампанийный анализ (медиа-, экономические и социокультурные метрики)	- Дезинтермедиализация со стороны платформ; - Конкуренция с внутренними маркетинговыми командами брендов; - Рост требований к аналитической и этической экспертизе	От «брокера» к «стратегическому консультанту» по управлению доверием, рисками и цифровым активами

Однако это сопряжено с высокими репутационными рисками: ассоциация с инфлюенсером, утратившим доверие аудитории, может привести к обратному эффекту – делигитимации бренда. Поэтому бренды всё активнее внедряют системы due diligence, включающие анализ тональности комментариев, истории скандалов, а также соответствие ценностей инфлюенсера корпоративной идентичности.

Платформы (VK, Max, RuTube, Telegram и др.) играют роль инфраструктурных регуляторов, формирующих условия функционирования рынка. Они определяют правила видимости (через алгоритмы рекомендаций), монетизации (через партнерские программы, донаты, шопинг-интеграции) и верификации (через бейджи, модерацию). Ключевая особенность платформенной логики – непрозрачность алгоритмов, что делает позиционирование инфлюенсера зависимым от постоянно меняющихся технических условий. Платформы также всё чаще выступают в роли посредников, предоставляя брендам встроенные инструменты для поиска

и анализа инфлюенсеров, тем самым дезинтермедиа-лизируя агентства.

Агентства инфлюенс-маркетинга занимают стратегически значимое положение в экосистеме рынка инфлюенс-услуг, выступая в роли институциональных посредников, обеспечивающих структурированность, предсказуемость и юридическую легитимность взаимодействий между брендами и инфлюенсерами. Их роль особенно критична в сегментах макро- и мегаинфлюенсеров, где сложность коммуникационных кампаний, масштабы инвестиций и репутационные риски требуют профессионального управления. Современное агентство инфлюенс-маркетинга выходит далеко за рамки традиционного брокерства, трансформируясь в интегрированную консалтингово-аналитическую структуру, выполняющую четыре ключевые функции.

Агентства инфлюенс-маркетинга занимают стратегически значимое положение в экосистеме рынка инфлюенс-услуг, выступая в роли институциональных посредников, обеспечивающих структурированность, предсказуемость и юридическую легитимность взаимодействий между брендами и инфлюенсерами. Их роль особенно критична в сегментах макро- и мегаинфлюенсеров, где сложность коммуникационных кампаний, масштабы инвестиций и репутационные риски требуют профессионального управления. Современное агентство инфлюенс-маркетинга выходит далеко за рамки традиционного брокерства, трансформируясь в интегрированную консалтингово-аналитическую структуру, выполняющую четыре ключевые функции.

Во-первых, подбор инфлюенсеров на основе данных – это уже не интуитивный отбор по количеству подписчиков, а сложный процесс, включающий анализ аудиторной структуры (демография, география, поведенческие паттерны), тональности комментариев, истории взаимодействий с брендами, уровня вовлечённости, а также соответствия ценностей инфлюенсера корпоративной идентичности заказчика. Для этого агентства используют как собственные аналитические платформы, так и сторонние инструменты.

Во-вторых, юридическое сопровождение становится всё более значимым в условиях ужесточения регулирования digital-коммуникаций. Агентства обеспечивают:

- разработку и согласование контрактов, включающих права на контент, сроки публикации, KPI, условия оплаты;
- соблюдение требований законодательства о рекламе;
- защиту от рисков, связанных с недобросовестной информацией или нарушением авторских прав.

В-третьих, креативная интеграция бренда в контент – это не просто «вставка логотипа», а разработка нарративной стратегии, при которой продукт органично встраивается в личный дискурс инфлюенсера, сохраняя воспринимаемую аутентичность. Здесь агентства выступают как медиаторы смыслов, балансируя между требованиями бренда и стилистикой инфлюенсера.

В-четвёртых, посткампанийный анализ эффективности включает не только стандартные метрики (охват, лайки, CTR), но и продвинутые показатели: lift в узнаваемости бренда, рост упоминаний в СМИ, изменение тональности, конверсия в продажи (через UTM-метки, промокоды), а также оценку долгосрочного влияния на доверие к бренду.

Однако в условиях дезинтермедиализации, инициированной самими платформами, агентства сталкиваются с угрозой маргинализации. В ответ на это их роль качественно трансформируется: они переходят от функции посредника к роли стратегического партнёра, развивающего компетенции в трёх новых направлениях:

1) аналитика платформенных данных – интерпретация алгоритмических логик, прогнозирование изменений в видимости, разработка «алгоритмически устойчивых» контент-стратегий;

2) управление репутационными рисками – мониторинг скандалов, оценка «репутационного профиля» инфлюенсера, разработка кризисных коммуникаций;

3) разработка этических и ESG-ориентированных стратегий – особенно востребовано в сегментах устойчивого потребления, здравоохранения, образования.

Следовательно, агентства инфлюенс-маркетинга находятся в эпицентре структурных изменений рынка: с одной стороны, их традиционные функции подвергаются давлению со стороны платформ, стремящихся к прямому контакту между брендами и инфлюенсерами; с другой – растущая сложность регуляторной, репутационной и аналитической среды создаёт устойчивый спрос на высококвалифицированные посреднические услуги. В этих условиях выживание и рост агентств зависят от их способности к институциональной адаптации – переходу от операционной эффективности к стратегической экспертизе, основанной на глубоком понимании логики цифрового доверия, платформенной экономики и социальной ответственности, где возникает проблема институционализированной аутентичности.

Ассоциация блогеров и агентств представила Карту рынка инфлюенса, отражающую экосистему инфлюенс-маркетинга в России. Ассоциация начала работу над проектом в 2022 году и ежегодно его обновляет. Интерактивный формат и фильтры по ключевым параметрам, позволяют пользователям находить партнеров на карте с нужной специализацией [7].

Конъюнктура рынка инфлюенса сегментирована на 8 категорий:

- Инфлюенс-маркетинг агентства.
- Продакшн студии по производству эксклюзивного контента с блогерами.
- Talent-агентства.
- Сидинг-агентства (посевы).
- Креативные агентства.
- Аналитические сервисы.
- Платформы для работы с блогерами.
- Полносервисные агентства.

Таким образом, предложена структура экосистемы рынка инфлюенс-услуг, основанная на междисциплинарном подходе, объединяющего инструментарий региональной экономики, социологии цифрового доверия и критической теории платформ, в которой экономические транзакции опосредованы взаимодействием четырёх ключевых акторов – инфлюенсеров, брендов, цифровых платформ и агентств, что позволяет преодолеть узко маркетинговое понимание инфлюенс-маркетинга как тактики продвижения, но и раскрыть его как структурный элемент цифровой экономики, обладающий измеримыми объёмами, мультипликативными эффектами, вкладом в занятость и потенциалом для территориального развития, а также обеспечивает основу для разработки государственной отраслевой и региональной политики в сфере цифровых коммуникаций.

Литература

1. Клеманина, Ю. М. Цифровые экосистемы как механизм повышения уровня лояльности клиентов / Ю. М. Клеманина, О. А. Муравьёва, Л. П. Стеблякова, Е. А. Вечкин-ова // Креативная экономика. – 2024. – Т. 18, № 5. – С. 1257-1274. – DOI 10.18334/ce.18.5.121073.
2. Маслюк, Н. А. Инновационная экосистема: региональный аспект / Н. А. Маслюк, Н. В. Медведева // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 1893-1910. – DOI 10.18334/vinec.10.4.111175.

3. Азарян, Е. М. Цифровой маркетинг и цифровые экосистемы на современных потребительских рынках / Е. М. Азарян, Д. Э. Возиянов // Торговля и рынок. – 2021. – № 1(57). – С. 55-63. – EDN NGASBJ.

4. Маркетинговый потенциал цифровой бизнес-среды на виртуальном рынке / Е. М. Азарян, Н. Ю. Возиянова, В. О. Бессарабов [и др.]. – Курск : ЗАО «Университетская книга», 2025. – 383 с. – ISBN 978-5-00261-596-4. – EDN APTFMJ.

5. Салита, С. В. Трансформация подходов к планированию на промышленных предприятиях в эру цифровизации / С. В. Салита, Д. С. Душко // Финансовые рынки и банки. – 2025. – № 10. – С. 402-409. – EDN NBCHDH.

6. Рынок Influence-маркетинга в России: экосистема, основные игроки, метрики [Электронный ресурс]. – Режим доступа открытый: <https://adindex.ru/publication/opinion/internet/2018/01/9/168428.phtml/>

7. Ассоциация блогеров и агентств обновила карту рынка инфлюенс-маркетинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа открытый: <https://www.sostav.ru/publication/assotsiatsiya-bloggerov-i-agentstv-obnovila-kartu-rynka-inflyuens-marketinga-79646.html/>

The structure of the ecosystem of the market of influencer services

Azaryan E.M., Khudyakov A.A.

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The market of influencer services is a complex, dynamically evolving ecosystem in which four key actors interact: influencers, brands, platforms and influencer marketing agencies. This ecosystem operates within the framework of a platform economy and is characterized by a specific coordination logic based not so much on formal contracts as on affective connections, algorithmic visibility and digital trust. Unlike traditional advertising markets, which are dominated by vertical hierarchies and standardized performance metrics, the market for influencer services relies on personalized authenticity as a key commodity resource, which radically transforms the nature of marketing relationships.

The structure of the ecosystem of the market of influencer services is proposed, based on an interdisciplinary approach combining the tools of regional economics, the sociology of digital trust and the critical theory of platforms, in which economic transactions are mediated by the interaction of four key actors. – influencers, brands, digital platforms and agencies, which allows us to overcome the narrow marketing understanding of influencer marketing as a promotion tactic, but also to reveal it as a structural element of the digital economy with measurable volumes, multiplicative effects, contribution to employment and potential for territorial development, and also provides the basis for the development of state sectoral and regional policies in the field of in the field of digital communications.

Keywords: influencer marketing, influencer services, ecosystem, influencers, brand, platform, influencer marketing agencies, platform economy.

References

1. Klemanina, Yu. M. Digital ecosystems as a mechanism for increasing customer loyalty / Yu. M. Klemanina, O. A. Muravyova, L. P. Steblyakova, E. A. Vechkinzova // Creative Economy. - 2024. - Vol. 18, No. 5. - Pp. 1257-1274. - DOI 10.18334/ce.18.5.121073.
2. Maslyuk, N. A. Innovative ecosystem: regional aspect / N. A. Maslyuk, N. V. Medvedeva // Issues of innovative economics. - 2020. - Vol. 10, No. 4. - Pp. 1893-1910. - DOI 10.18334/vinec.10.4.111175.
3. Azaryan, E. M. Digital Marketing and Digital Ecosystems in Modern Consumer Markets / E. M. Azaryan, D. E. Voziyanov // Trade and Market. - 2021. - No. 1 (57). - Pp. 55-63. - EDN NGASBJ.
4. Marketing Potential of the Digital Business Environment in the Virtual Market / E. M. Azaryan, N. Yu. Voziyanov, V. O. Bessarabov [et al.]. - Kursk: ZAO "Universitetskaya kniga", 2025. - 383 p. - ISBN 978-5-00261-596-4. - EDN APTFMJ.
5. Salita, S. V. Transformation of Approaches to Planning at Industrial Enterprises in the Era of Digitalization / S. V. Salita, D. S. Dushko // Financial Markets and Banks. – 2025. – No. 10. – Pp. 402-409. – EDN NBCHDH.
6. The Influence Marketing Market in Russia: Ecosystem, Key Players, Metrics [Electronic resource]. – Open access mode: <https://adindex.ru/publication/opinion/internet/2018/01/9/168428.phtml/>
7. The Association of Bloggers and Agencies has updated the influence marketing market map [Electronic resource]. – Open access mode: <https://www.sostav.ru/publication/assotsiatsiya-bloggerov-i-agentstv-obnovila-kartu-rynka-inflyuens-marketinga-79646.html/>

Методология оценки конкурентных преимуществ туристского регионального комплекса

Синюков Василий Алексеевич

канд. экон. наук, доцент, руководитель Высшей школы менеджмента, Тихоокеанский государственный университет, 012497@togudv.ru,

Ивашкин Михаил Вячеславович

д-р экон. наук, профессор, профессор Высшей школы менеджмента, Тихоокеанский государственный университет, ivashkin62@mail.ru,

Голубева Ирина Александровна

канд. экон. наук, доцент, доцент Высшей школы менеджмента, Тихоокеанский государственный университет, 013028@togudv.ru,

Алешков Алексей Викторович

д-р техн. наук, доцент, профессор Высшей школы менеджмента, Тихоокеанский государственный университет, 012994@togudv.ru,

Лешкова Оксана Валерьевна

канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры «Лингвистические образовательные технологии, туризм и сервис», Дальневосточный государственный университет путей сообщения, lov11@bk.ru

Предлагаемое исследование посвящено разработке методологического инструментария по преодолению функционального парадокса в развитии туристской привлекательности российских регионов, заключающегося в системном разрыве между наличием уникальных ресурсов, ограниченным доступом к ним и низким качеством итогового туристского опыта. Целью работы является разработка новой методологии оценки конкурентного преимущества туристского сервисного комплекса, выходящей за рамки традиционных подходов.

В основе предлагаемой методологии лежит критический анализ и адаптация классической модели «национального ромба» Майкла Портера к условиям региональной конкуренции в сфере туризма. Обосновано применение «регионального ромба», модифицируя его детерминанты (факторы производства, параметры спроса, родственные и поддерживающие отрасли, стратегию фирм) с учётом отраслевой специфики. Конкурентное преимущество рассматривается как динамическое сочетание ресурсных, инфраструктурных, институциональных и маркетинговых факторов, порождающее синергетический эффект. Особый акцент делается на необходимости развития внутреннего спроса и кластерного взаимодействия для формирования устойчивых долгосрочных преимуществ высшего порядка.

Теоретическая значимость исследования заключается в формировании комплексной аналитической рамки. Практическая ценность состоит в создании фундамента для перевода данной концепции в систему измеримых показателей, что позволит проводить сравнительный анализ и отслеживать динамику конкурентоспособности туристских регионов, в том числе в условиях пространственной разобщённости регионов России.

Ключевые слова: конкурентные преимущества, туристский комплекс, синергетические преимущества, регионы.

Введение

Парадокс российских регионов с точки зрения их туристской привлекательности, состоит в дисбалансе триединой системы «ресурс – доступ – опыт». Ресурсная уникальность каждого региона России очевидна, однако доступ к этим ресурсам фрагментирован сезонностью, логистическими разрывами и высокими транзакционными издержками, а желаемый туристский опыт нередко оказывается заложником несогласованности ведомств и отсутствия единого цифрового контура продаж и управления потоками. В результате значительная часть потенциальной туристской ренты утрачивается или остаётся невостребованной локальными экономиками [1, 9, 11].

Преодоление этого системного разрыва требует территориального маркетинга нового типа – кластерно-сетевое управление, опирающегося на данные, стандарты, устойчивость и координацию «на стыках» подсистем. Одним из его элементов выступает оценка конкурентного преимущества территориального сервисного комплекса региона. В то же время подходы к методологии подобной оценки, встречающиеся в литературе и, изредка, в практике управления регионами, не позволяют в полной мере оценивать туристскую привлекательность регионов и требуют доработки [2, 5, 8].

Таким образом, целью нашего исследования стала разработка новой методологии оценки конкурентного преимущества туристского сервисного комплекса региона.

Обсуждение и результаты

Конкурентные преимущества – это те характеристики или свойства товара, марки, фирмы, отрасли, региона, страны и т. д., которые создают для них некоторое превосходство перед своими конкурентами. Данные характеристики могут быть различными и относиться как к самому товару (фирме, региону и т. д.), так и к дополнительным товарам и услугам, сопровождающим базовый товар, а также к формам производства, сбыта или продаж, специфичным для данной фирмы (отрасли, региона, страны и т. д.) [9].

Данное определение конкурентного преимущества Ж.-Ж. Ламбена столь же просто, сколь и аморфно. Вместе с тем из него можно сделать несколько достаточно интересных выводов.

Во-первых, конкурентное преимущество всегда относительно. Оно имеет временный характер и может быть оценено только в сравнении с соответствующими параметрами аналогичных товаров, уже присутствующих или имеющих реальную перспективу появиться на рынке в ближайшее время. Отсюда следует, что, сформированное в данный период времени конкурентное преимущество, будет существовать только до того момента, пока в непосредственном окружении данного объекта не появятся другие объекты (товары, фирмы, регионы и т. д.), обладающие более высокими значениями аналогичных параметров.

Во-вторых, конкурентное преимущество не замыкается только на конкретный товар (фирму, отрасль, регион и т. д.), во многом определяясь его внешним «окружением». Для региона это означает, что его конкурентоспособность зависит не только от собственных параметров данного региона, но и параметров смежных регионов и общей ситуации в стране.

В этой связи, конкурентное преимущество туристского региона следует рассматривать как динамическое сочетание ресурсных, инфраструктурных, институциональных и

маркетинговых факторов, обеспечивающих устойчивую привлекательность территории для целевых групп туристов в условиях межрегиональной и междестинационной конкуренции. Применительно к объекту исследования, данное положение позволяет рассматривать регион как объект маркетинга территорий, а формируемые в его границах туристские дестинации – как особый вид рыночного предложения, конкурентоспособность которого определяется не только наличием природных и инфраструктурных ресурсов, но и качеством их интеграции (взаимодействия элементов), позиционирования и продвижения на целевых рынках. В этом контексте конкурентные преимущества региона приобретают не только экономический, но и имиджевый, институциональный и коммуникационный характер.

Майкл Портер выделял две основные группы источников конкурентных преимуществ [12]. К преимуществам низшего порядка он относил наличие дешевой рабочей силы и легкодоступных источников сырья. Подобные преимущества достаточно быстро ликвидируются конкурентами, которые устремляются в соответствующие отрасли или регионы, автоматически повышая цены как на рабочую силу, так и на другие сырьевые ресурсы. Сдержать данный процесс можно только посредством административного ограничения притока капитала в те или иные отрасли и регионы. В условиях рыночной экономики это неприемлемо, во всяком случае, для внутригосударственных экономических субъектов. Наоборот, региональные власти в меру своей компетентности стимулируют приток капитала из всех возможных источников.

Преимущества высшего порядка сложнее формируются и долгие удерживаются. К ним относятся оригинальная технология, развитая инфраструктура, репутация фирмы или региона и некоторые другие.

Формирование конкурентных преимуществ высшего порядка для региона требует длительных и целенаправленных усилий всех уровней власти и значительных по объему инвестиций. Направляя средства в развитие инфраструктуры, регион создает основу для будущих поступлений в бюджет. В результате появляются дополнительные возможности для увеличения расходов на развитие инфраструктуры. При планировании инвестиций в инфраструктуру особую роль играет компетентность принимаемых решений. Это связано с тем, что развитие инфраструктуры только за счет государственных или региональных источников возможно, но недостаточно. Бизнес-структуры также должны активно привлекаться к данному процессу не только опосредованно (уплата налогов), но и напрямую. Это возможно, если цели инвестирования понятны и выгодны для бизнес-структур, а интенсивность процесса высокая и результаты очевидны.

Формы взаимодействия региональных органов власти и хозяйствующих субъектов в развитии региональной инфраструктуры, прежде всего, зависят от доли предприятия в валовом продукте региона. Например, так называемые «градообразующие» предприятия практически полностью берут на себя расходы по содержанию социальной сферы поселков или небольших городов, в которых они располагаются. Малые и средние предприятия участвуют в развитии региональной инфраструктуры, главным образом, посредством разовых акций. Взамен предприятия получают от региональных властей различного рода преференции. Например, именно на предприятиях, участвующих в развитии инфраструктуры региона, размещаются так называемые «региональные заказы» на производство продукции, строительство и т. д. Кроме того, торговым организациям предоставляются лучшие торговые места и помещения. Могут иметь место различного рода налоговые льготы и целевые субсидии для обновления и расширения производства.

Помимо перечисленных, именно для региональных производственно-экономических систем существует еще одна группа источников конкурентных преимуществ. Это так называемые природные, или естественные, источники, играющие решающую роль для туристического бизнеса. К этой группе относятся местоположение региона относительно потенциальных рынков сбыта, климатические условия, наличие природных и искусственных (антропогенных) аттракций, качество земель и т. д. [3, 5].

Совокупность всех конкурентных преимуществ формирует уровень конкурентоспособности туристского комплекса, анализируя который следует ответить на ряд принципиальных вопросов:

1. Каким образом конкурентоспособность туристского комплекса отражается на конкурентоспособности страны в целом, и наоборот?
2. Какие основные факторы влияют на уровень конкурентоспособности туристского комплекса?
3. Как оценить общую конкурентоспособность туристского комплекса?

Проводя сравнительный анализ конкурентоспособности туристского комплекса региона, зададимся вопросом, является ли уровень конкурентоспособности страны арифметической суммой конкурентоспособностей входящих в нее регионов? Как показывает практика, это не совсем так. Здесь мы неизбежно сталкиваемся с эффектом синергизма, одним из наиболее интересных, но не всегда в полной мере учитываемых эффектов в экономике.

Синергизм (от греческого слова *synergeia* – сотрудничество или содружество) трактуется в экономике как вариант реакции системы на комбинированное воздействие двух или нескольких элементов, характеризующихся тем, что это действие отличается от простой арифметической суммы воздействий, оказываемых каждым элементом в отдельности [4, 6].

Исходя из сказанного, мы предлагаем использовать при сравнительной оценке конкурентоспособности страны и регионов следующую простейшую формулу:

$$КС_{\text{страны}} = K_{\text{син}} \sum KС_{\text{региона}}, \quad (1)$$

где $КС_{\text{страны}}$ – конкурентоспособность страны; $КС_{\text{региона}}$ – конкурентоспособность региона; $K_{\text{син}}$ – коэффициент синергизма.

Основная трудность в сравнительной оценке конкурентоспособности заключается в определении предложенного коэффициента синергизма. Абсолютно точно рассчитать его нам не представляется возможным. Вместе с тем примерное его значение помогает выявить анализ факторов, влияющих и во многом определяющих конкурентоспособность систем.

М. Портер объединил основные факторы, определяющие конкурентоспособность стран, в четыре группы, назвав их детерминантами конкурентного преимущества (рис. 1). Приведенная схема («национальный ромб») была разработана М. Портером для оценки конкурентоспособности суверенных стран. На наш взгляд, после некоторых модификаций она с успехом может быть применена также и для оценки конкурентоспособности крупных регионов внутри одной страны.

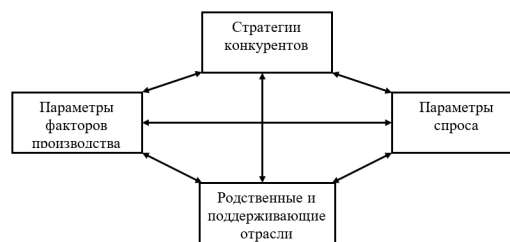

Рис. 1. Детерминанты конкурентного преимущества (по М. Портеру)

Подобное утверждение представляется нам обоснованным в свете тех процессов глобализации, которые протекают в мировой экономике в настоящее время.

Глобализация экономики фактически ликвидирует (или, как минимум, в значительной степени ограничивает) экономический суверенитет государств. В результате крупные регионы внутри страны обладают большей экономической самостоятельностью, чем отдельные страны (особенно, если они являются членами межгосударственных объединений). Прежде всего, это проявляется в отношении тех регионов, которые в силу ряда факторов обладают высокой степенью автономности, например регионы Сибири и Дальнего Востока России. С учетом сказанного проанализируем детерминанты «регионального ромба».

Применительно к туристским сервисным комплексам региональный «ромб» приобретает ряд специфических черт. Так, факторы производства дополняются рекреационными ресурсами и природно-климатическими условиями, параметры спроса – сезонностью и пространственной мобильностью потребителей, родственные и поддерживающие отрасли – высокой долей сервисных и креативных индустрий, а стратегии конкурентов – необходимостью межрегиональной кооперации и кластерного взаимодействия. Учет данных особенностей позволяет использовать модель М. Портера в качестве методологической основы для анализа конкурентоспособности туристских регионов, в том числе в условиях пространственной разобщенности (рассредоточенности) и инфраструктурной неоднородности Дальневосточного федерального округа.

К факторам производства традиционно относятся труд, земля и капитал. При их анализе следует обращать внимание не только на существующий уровень, но и на их динамику. Это связано с тем, что с течением времени параметры факторов производства могут ухудшаться или улучшаться так, как это показано в табл. 1.

Т а б л и ц а 1
Основные причины изменения качества факторов производства в регионе

Факторы производства	Причины снижения качества факторов производства в регионе	Причины повышения качества факторов производства в регионе
1. Трудовые ресурсы	1. Старение кадрового состава предприятий и организаций; 2. Экономически неоправданное закрытие и перепрофилирование высших и средних специальных учебных заведений; 3. Снижение качества подготовки в средних школах; 4. Иммиграция низкоквалифицированной рабочей силы в регион; 5. Эмиграция высококвалифицированной рабочей силы из региона	1. Улучшение демографической ситуации в регионе за счет увеличения рождаемости и других факторов; 2. Открытие новых и расширение имеющихся в регионе высших и средних специальных учебных заведений; 3. Улучшение качества подготовки в средних школах; 4. Иммиграция высококвалифицированной рабочей силы в регион
2. Земельные ресурсы	1. Истощение запасов полезных ископаемых в регионе; 2. Загрязнение почвы, воды и воздушного бассейна; 3. Эрозия почвы; 4. Деграляция экономической и социальной инфраструктуры	1. Открытие и освоение новых месторождений полезных ископаемых в регионе; 2. Улучшение качества существующих пахотных земель за счет мелиорации и внесения удобрений; 3. Освоение ранее не используемых земель; 4. Развитие экономической и социальной инфраструктуры за счет всех источников финансирования
3. Финансовые ресурсы	1. Превышение ввоза капитала в регион над его вывозом; 2. Снижение региональных ставок по кредитам; 3. Наличие инвестиционно привлекательных проектов	1. Превышение вывоза капитала из региона над его ввозом; 2. Повышение региональных ставок по кредитам; 3. Отсутствие инвестиционно привлекательных проектов

Изменение качественных параметров факторов производства в регионе происходит как спонтанно, так и целенаправленно. К спонтанным изменениям относятся те, которые напрямую не зависят от деятельности региональных властей, в частности истощение природных месторождений, общее старение рабочей силы и некоторые другие. В целом их влияние на конкурентоспособность региона невелико.

Гораздо более сильное влияние на изменение конкурентоспособности региона оказывают факторы, поддающиеся прямому контролю со стороны региональных властей, основой которых является качество управленческих решений.

Следует также отметить, что низкие параметры факторов (особенно природно-климатического характера) зачастую могут стимулировать развитие конкурентных преимуществ высшего порядка, заставляя регионы более эффективно использовать те ресурсы, которые имеются в наличии.

М. Портер по этому поводу высказывается вполне определенно: «Как ни странно, невыгодное положение отдельных факторов может привести к возникновению конкурентного преимущества. То, что в узком понимании конкуренции является недостатком, при более динамичном подходе к делу может обернуться преимуществом» [13].

История знает этому массу примеров. В частности, высокие цены на нефть в 70-е гг. прошлого века решающим образом повлияли на деградацию экономики Советского Союза. Наоборот, в странах-импортерах энергоносителей высокие цены стимулировали развитие энергосберегающих технологий и освоение новых источников и технологий получения энергии.

Второй детерминантой конкурентного преимущества региона является спрос на товары внутри региона. Основными параметрами спроса, как известно, являются:

- структура спроса;
- величина спроса;
- характер динамики спроса;
- механизм, с помощью которого предпочтения на

внутрирегиональном рынке экстраполируются на рынки других регионов [6].

Анализируя детерминанту спроса, особое внимание, следует уделить определяющей роли внутрирегионального спроса по отношению к спросу за пределами региона.

Ошибкой большинства руководителей фирм и регионов последнего времени является тезис о возможности развития региона (да и страны в целом) за счет развития, прежде всего, экспортной составляющей. На наш взгляд, это невозможно по следующим причинам.

Первая причина заключается в том, что с местным покупателем продавцам работать намного легче. Он более предсказуем и лоялен к местным производителям и, как следствие, к местным продавцам. Кроме того, люди, проживающие на одной территории, имеют между собой очень много общего в привычках, склонностях и потребностях. Работа с потребителями в других регионах, а тем более, странах сопряжена с дополнительными (и весьма значительными) усилиями по определению специфических потребностей. Эти усилия несут в себе значительные риски требуют от продавцов дополнительных затрат на исследования и дифференциацию, неизбежно повышающих себестоимость реализуемой продукции.

Вторая причина заключается в том, что реализация продукции за пределами региона и страны требует наличия особых конкурентных преимуществ. Регионы-импортеры объективно не заинтересованы в появлении новых конкурентов и всячески этому препятствуют на всех уровнях и всеми способами (как экономическими, так и политико-административными). Кроме того, если продукция и

допускается на внешний (особенно если это касается зарубежного рынка) рынок, то, прежде всего, это либо продукция первичной переработки, либо ее изготовление сопряжено со значительными объемами загрязнений окружающей среды, либо она содержит в структуре своей себестоимости большую долю низкоквалифицированного ручного труда.

Третья причина вытекает из второй. Если мы реализуем на экспорт низкотехнологичную продукцию, то тем самым запускаем механизм деградации рабочей силы внутри региона. А поскольку нет потребности в ученых, конструкторах и высококлассных специалистах, то нет и перспектив для долгосрочного устойчивого роста конкурентного преимущества региона в целом.

Четвертая причина состоит в том, что, получая основной доход от экспорта, регион попадает в зависимость от международной конъюнктуры рынка, т. е. от таких факторов, влияющих на которые он не в состоянии.

Наконец, пятой причиной является следующая: если регион торгует только невозобновляемыми природными ресурсами, то их себестоимость по мере истощения месторождений неизбежно увеличивается, а следовательно конкурентоспособность экспортной продукции, автоматически, снижается.

Таким образом, устойчивое развитие региона предполагает наращивание именно внутреннего спроса на его товары. Увеличение экспорта – это только следствие. Международная практика подтверждала это многократно. Именно стимулирование внутреннего спроса позволяло и позволяет странам формировать и поддерживать свое мировое лидерство.

Следующей детерминантой регионального ромба является комплекс родственных и поддерживающих отраслей. При описании систем родственных и поддерживающих отраслей большинство исследователей рассматривают, главным образом, только технологические взаимосвязи, оставляя в стороне остальные аспекты данной проблемы.

Нам представляется обоснованным рассмотрение комплекса родственных и поддерживающих отраслей по трем основным направлениям:

1. Технологическая составляющая;
2. Коммерческая составляющая;
3. Потребительская составляющая.

Технологическая составляющая проработана в литературе наиболее подробно и с точки зрения экономического анализа не представляет серьезных трудностей [7]. Основная проблема заключается в формировании в рамках региона комплекса предприятий и отраслей, взаимосвязанных между собой таким образом, чтобы переработка сырья приводила к созданию товара, в максимальной степени пригодного для конечного потребления. Иными словами, регион должен стремиться торговать, прежде всего, продукцией конечной переработки. В данном контексте к такой продукции могут относиться как товары производственно-технического назначения (станки, оборудование, транспортные средства и т. п.), так и потребительские товары в материальной и нематериальной форме (услуги). Чем выше степень переработки сырья непосредственно внутри региона, тем выше уровень его (региона) конкурентоспособности. Такой рост конкурентоспособности обуславливается вполне очевидными факторами.

Во-первых, при совместном расположении предприятий «поддерживающих» отраслей упрощается логистика и резко снижаются транспортные расходы.

Во-вторых, значительно сглаживаются проблемы формирования коммуникационных систем, появляются возможности непосредственного личного (в т. ч. и неформального) общения между руководителями различных предприятий.

В-третьих, значительно упрощается процесс взаиморасчетов между предприятиями, появляется возможность использования нетрадиционных форм и методов расчетов.

В-четвертых, находясь в одном административно-правовом пространстве, организации получают возможность разрабатывать единую интегрированную экономическую стратегию, особенно если в этом процессе принимают активное участие региональные органы власти.

Эффективное функционирование региональных технологических комплексов невозможно без адекватной коммерческой поддержки. Она предполагает формирование такой системы распределения продукции, которая способна оптимально решать поставленные перед предприятиями региона задачи. Коммерческая составляющая предполагает формирование системы торгово-посреднических организаций различных уровней распределения товаров. По своему статусу данные предприятия могут быть трех разновидностей:

- фирменная торговая сеть предприятий-производителей;
- оптовые и розничные региональные и межрегиональные торговые сети;
- независимые торговцы (главным образом мелкооптовые и розничные).

Анализируя роль торгово-посреднических структур, следует отметить, что их основные усилия также должны быть направлены на удовлетворение спроса внутри региона. Вместе с тем коммерческая и, в какой-то мере, административная поддержка предприятий-товаропроизводителей при реализации их продукции за пределы региона способна значительно повысить их конкурентоспособность.

Широкое распространение вертикальных маркетинговых систем обусловлено как раз тем, что они обеспечивают качественную реализацию качественного товара. Кроме того, предприятия-производители путем обратной связи через посредников получают оперативную информацию об изменении потребностей рынка, появлении новых конкурентов и их конкурентных преимуществах.

Контроль над распределением позволяет сформировать основу для построения потребительских комплексов. Под потребительскими комплексами здесь мы понимаем совокупность взаимодополняющих товаров и услуг для производственного и непроизводственного (личного) потребления. По мере увеличения и развития потребностей усложняются и потребительские комплексы. Появление новых потребностей стимулирует (или провоцирует) создание, как правило, не одного, а целой гаммы новых товаров. Кроме того, даже при сохранении прежних потребностей у потребителей постоянно увеличиваются требования к формам и качеству их удовлетворения.

Таким образом, очевидно, что только объединение всех трех составляющих (технологической, коммерческой и потребительской) позволяет сформировать эффективно функционирующую систему родственных и поддерживающих отраслей в регионе, способную не только качественно удовлетворять спрос внутри данного региона, но и успешно реализовывать товарную продукцию за его пределами.

Наконец, четвертой детерминантой конкурентного преимущества региона является стратегия, структура и соперничество фирм, расположенных на его территории. Состояние данной детерминанты конкурентного преимущества определяется двумя основными факторами:

1. Типом конкурентной ситуации на региональном рынке;
2. Национальными (региональными) особенностями субъектов или операторов рынка.

В классическом варианте существует четыре основных типа конкурентных ситуаций: чистая (совершенная) конкуренция, монополистическая (несовершенная) конкуренция, олигополистическая конкуренция и чистая монополия.

С точки зрения структуры конкурентной борьбы региональный рынок представляет собой сложный конгломерат из всех вышеперечисленных видов конкурентных ситуаций. В связи с этим каждая конкретная фирма в подавляющем большинстве случаев имеет реальную возможность самостоятельно выбрать такую конкурентную ситуацию, которая оптимально соответствует ее целям и возможностям. Проблема заключается в том, насколько выбранная позиция действительно соответствует целям и, что самое главное, возможностям фирмы (финансовым, производственным и интеллектуальным).

Наиболее распространенной ошибкой является несответствие используемых методов конкурентной борьбы той конкурентной ситуации, в которой функционирует фирма на данный момент. Авторам статьи неоднократно приходилось участвовать в консультировании различных фирм, в том числе и по вопросам, связанным с организацией конкурентной борьбы. Практика показывает, что малые и средние фирмы, делая акцент на ценовые методы конкуренции, пытаются на равных конкурировать с крупными производителями на олигополистических рынках. Изначально имея более высокие удельные издержки, малые и средние фирмы при такой экономической политике обречены на поражение. Например, после дефолта 1998 г. многие фирмы, в том числе и малые, занятые производством продуктов питания, пошли по пути сдерживания роста цен на свою продукцию. Такое снижение было возможно только за счет снижения качества выпускаемой продукции. В результате вместо ожидаемого роста они стали катастрофически терять рынок. Наоборот, те фирмы, которые сохранили высокий уровень качества и индексировали цены в соответствии с падением курса рубля, не только не снизили объемы сбыта, но даже несколько увеличили его за счет исчезновения менее удачливых конкурентов.

Те малые фирмы, которые стараются дифференцировать свое предложение, найти свою оригинальную и достаточно хорошо защищенную рыночную нишу, имеют очень хорошие шансы для развития. В маркетинге такая стратегия носит название «концентрированный маркетинг». Привлекательность рыночных ниш при концентрированном маркетинге значительно возрастает в том случае, если в них не действует или действует в ограниченном объеме эффект масштаба, а небольшой размер таких ниш делает их слабо привлекательными для крупных компаний.

Поскольку, как уже было сказано выше, региональный рынок представлен самыми разнообразными покупателями, продавцу нужно просто найти таких покупателей, которые соответствуют его возможностям наилучшим образом.

Говоря о специфике регионального рынка, следует обращать внимание не только и не столько на его объективные особенности (уровень доходов, климатические условия, возрастной и социальный состав и т. д.), сколько на особенности, связанные с ментальностью отдельных групп покупателей региона (в случае с туристскими комплексами, задача многократно усложняется за счет работы с «внешними» потребителями).

Для многонационального российского рынка ментальность во многом определяется национальным и религиозным составом населения, принадлежностью к той или иной субкультуре и сформировавшимися устойчивыми стереотипами в потреблении тех или иных товаров.

Национальные или религиозные особенности в потреблении тех или иных товаров весьма устойчивы и, как правило, не зависят от вкусов конкретного покупателя, целиком определяясь, соответственно, требованиями национальности или религии. Изменить подобные специфические потребности практически невозможно. Вместе с тем, помимо существования относительно устойчивых субкультур, связанных с религией и национальностью, постоянно появляются новые субкультуры, в гораздо большей степени подверженные воздействию со стороны продавцов. К числу таких субкультур относятся субкультуры, связанные с профессиональной деятельностью, социальным положением покупателя и некоторые другие. Появление и распространение таких субкультур открывает продавцам новые возможности для реализации их товаров. Более того, продавец может и должен сам провоцировать появление и развитие спроса на новые товары. Для этого необходимо отслеживать тенденции в изменении потребностей покупателей, принадлежащих к различным (в том числе и вновь возникающим) субкультурам. Те продавцы, которым удастся первыми выявить и структурировать новые потребности, получают огромные конкурентные преимущества по сравнению с другими продавцами. В отдельных случаях такие продавцы могут становиться временными монополистами на избранных (а фактически на вновь сформированных) рынках.

В то же время большинство торговых предприятий (особенно малые и средние) использует в настоящее время стратегии следования за лидером. Данные стратегии вполне оправданны для сохранения существующих позиций на стабильных или слабо развивающихся рынках. Однако для увеличения доли рынка или защиты своих позиций на неустойчивых или стагнирующих рынках подобные стратегии крайне неэффективны.

Заключение

Предложенные теоретические положения формируют методологическую основу для анализа и оценки конкурентных преимуществ туристских регионов России, базирующуюся на учете синергетического взаимодействия между регионами и учитывающую следующие детерминанты конкурентного преимущества:

- параметры факторов производства;
- родственные и поддерживающие отрасли;
- параметры спроса;
- стратегии конкурентов.

На основе этого теоретического фундамента в дальнейшем будет разработана аналитическая система, переводящая ресурсы, инфраструктура, институты, маркетинг в систему измеримых показателей. В рамках предложенной методологии возможно учесть и такие современные вызовы, как необходимость формирования единого цифрового контура, и такие субъективные аспекты, как имидж и восприятие региона, и, что самое важное, качество туристского опыта. Поскольку конкурентное преимущество относительно, новая методология должна предусматривать механизмы для сравнительного анализа с другими регионами и отслеживания динамики.

Литература

1. Chen W., Park S. Digital transformation and tourism destination competitiveness: The moderating role of institutional support // *Journal of Destination Marketing & Management*. 2023. Vol. 30.
2. Delgado A.P., Sánchez R.A., Redondo E.S. The metaverse revolutionises tourism marketing: a systematic review of the literature // *Journal of Hospitality and Tourism Insights*. Volume 9, Issue 1. 2025. Pages 355-374.
3. Estevão C., Nunes S., Ferreira J., Fernandes C. Tourism sector competitiveness in Portugal: applying Porter's

Diamond // *Tourism & Management Studies*. 2018. Vol. 14, № 1. P. 103-113. DOI: <https://doi.org/10.18089/tms.2018.14103>.

4. Gan C., Jin S., Vatsa P. et al. Determinants and asymmetric effects of market confidence on tourism: Evidence from Russia // *Economic Change and Restructuring*. 2023. Vol. 56, № 6. P. 4485-4514. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10644-023-09529-1>.

5. Huang S. A comprehensive science mapping of tourism and hospitality research: Tribes, territories and networks // *Journal of Hospitality, Leisure, Sport & Tourism Education*. Volume 36. 2025. ISSN 1473-8376. <https://doi.org/10.1016/j.jhlste.2024.100523>.

(<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1473837624000467>).ISSN 2514-9792. <https://doi.org/10.1108/JHTI-01-2025-0161>.

(<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2514979225001156>)

6. Smith A., Johnson L. Enhancing destination competitiveness through sustainable tourism clusters: A case study analysis // *Tourism Management*. 2024. Vol. 105. P. 104-115.

7. Song H., Jiao E., Park S., Lu J. Sectoral productivity and destination competitiveness // *Tourism Management*. 2024. Vol. 105. P. 104937. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2024.104937>.

8. Vieira I., Alén E., Fernandes D., Rodrigues A.P. Navigating uncertainty: The role of perceived risks in supporting sustainable tourism development in low-density territories // *Journal of Destination Marketing & Management*. Volume 32. 2024. ISSN 2212-571X. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2024.100895>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212571X2400043X>).

9. Ивашкин М.В. Анализ и перспективы развития торговых сетей в Дальневосточном регионе / М.В. Ивашкин. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. Гос. ун-та, 2006. – 199 с.

10. Ламбен Ж.-Ж. Стратегический маркетинг. Европейская перспектива: Пер. с франц. СПб., 1996. С. 277.

11. Погудаева М. Ю., Бронников А. М., Ваславский Я. И., Ваславская И. Ю., Синюков В. А. Цифровизация и ее роль в управлении процессами экономического развития России // *Экономическое развитие России*. 2025. Т. 32. № 5. С. 230-233.

12. Портер М. Международная конкуренция: Пер. с англ. / Под ред. В. Д. Щетинина. М., 1993.

To assess the competitive advantages of the territorial service complex of the regions

Sinyukov V.A., Ivashkin M.V., Golubeva I.A., Aleshkov A.V., Leshkova O.V. Pacific National University, Far Eastern State Transport University

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The proposed study is devoted to the development of methodological tools to overcome the functional paradox in the development of tourist attractiveness of Russian regions, which consists in a systemic gap between the availability of unique resources, limited access to them and the low quality of the final tourist experience. The aim of the work is to develop a new methodology for assessing the competitive advantage of a territorial service complex that goes beyond traditional approaches.

At the heart of the proposed methodology is a critical analysis and adaptation of Michael Porter's classic "national diamond" model to the conditions of regional competition in tourism. He justified the use of the "regional rhombus," modifying its determinants (production factors, demand parameters, related and supporting industries, company strategy), taking into account industry specifics. Competitive advantage is seen as a dynamic combination of resource, infrastructure, institutional and marketing factors, generating synergies. Particular emphasis is placed on the need to develop domestic demand and cluster interaction to form sustainable advantages of the highest order.

The theoretical significance of the study lies in the formation of a comprehensive analytical framework. Practical value lies in the creation of a foundation for translating this concept into a system of measurable indicators, which will make it possible to conduct a comparative analysis and track the dynamics of the competitiveness of tourist regions, including in conditions of spatial fragmentation of Russian regions.

Keywords: competitive advantages, tourism, regions.

References

1. Chen W., Park S. Digital transformation and tourism destination competitiveness: The moderating role of institutional support // *Journal of Destination Marketing & Management*. 2023. Vol. 30.
2. Delgado A.P., Sánchez R.A., Redondo E.S. The metaverse revolutionises tourism marketing: a systematic review of the literature // *Journal of Hospitality and Tourism Insights*. Volume 9, Issue 1. 2025. Pages 355-374.
3. Estevão C., Nunes S., Ferreira J., Fernandes C. Tourism sector competitiveness in Portugal: applying Porter's Diamond // *Tourism & Management Studies*. 2018. Vol. 14, № 1. P. 103-113. DOI: <https://doi.org/10.18089/tms.2018.14103>.
4. Gan C., Jin S., Vatsa P. et al. Determinants and asymmetric effects of market confidence on tourism: Evidence from Russia // *Economic Change and Restructuring*. 2023. Vol. 56, № 6. P. 4485-4514. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10644-023-09529-1>.
5. Huang S. A comprehensive science mapping of tourism and hospitality research: Tribes, territories and networks // *Journal of Hospitality, Leisure, Sport & Tourism Education*. Volume 36. 2025. ISSN 1473-8376. <https://doi.org/10.1016/j.jhlste.2024.100523>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1473837624000467>). ISSN 2514-9792. <https://doi.org/10.1108/JHTI-01-2025-0161>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2514979225001156>)
6. Smith A., Johnson L. Enhancing destination competitiveness through sustainable tourism clusters: A case study analysis // *Tourism Management*. 2024. Vol. 105. P. 104-115.
7. Song H., Jiao E., Park S., Lu J. Sectoral productivity and destination competitiveness // *Tourism Management*. 2024. Vol. 105. P. 104937. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2024.104937>.
8. Vieira I., Alén E., Fernandes D., Rodrigues A.P. Navigating uncertainty: The role of perceived risks in supporting sustainable tourism development in low-density territories // *Journal of Destination Marketing & Management*. Volume 32. 2024. ISSN 2212-571X. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2024.100895>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212571X2400043X>)
9. Ivashkin M.V. Problemy i osobennosti razvitiya turizma v nacional'no-kul'turnykh avtonomiyah Dal'nego vostoka Rossii // *Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2025. № 1 (76). S. 127-134.
10. Lamben Zh.-Zh. Strategicheskij marketing. Evropejskayaperspektiva: Per. s franc. SPb., 1996. S. 277.
11. Pogudaeva M.Yu., Bronnikov A.M., Vaslavskij Ya.I., Vaslavskaya I.Yu., Sinyukov V.A. Cifrovizatsiya i ee rol' v upravlenii processami ekonomicheskogo razvitiya Rossii // *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii*. 2025. T. 32. № 5. S. 230-233.
12. Porter M. Mezhdunarodnaya konkurenciya: Per. s angl. / Pod red. V. D. Shchetinina. M., 1993.

Анализ современных подходов к управлению демографической политикой региона

Антонова Ирина Ильгизовна

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой «Цифровая экономика и управление качеством», Казанский инновационный университет, antonova@ieml.ru,

Лулаков Денис Владиславович

аспирант, Казанский инновационный университет, Marden89@bk.ru

В статье рассматривается демографическая политика как важнейший аспект государственного управления, направленный на регулирование воспроизводства населения и развитие демографических процессов. Анализируется эволюция подходов к управлению демографической политикой в Приволжском федеральном округе и Республике Татарстан с 1992 года по настоящее время. Особое внимание уделяется влиянию теории человеческого капитала и современным цифровым технологиям на формирование и реализацию демографических программ, а также учитываются этнокультурные и социально-экономические особенности региона. Исследование позволяет выявить ключевые тенденции и вызовы демографической политики в условиях современного развития России.

Ключевые слова: подходы к управлению, демографическая политика, человеческий капитал, цифровизация.

Введение

Демографическая политика является одним из ключевых инструментов государственного управления, направленных на регулирование воспроизводства населения и обеспечение социально-экономической стабильности региона. В условиях переходного периода, начавшегося с распада Советского Союза, Россия столкнулась с серьезными демографическими вызовами: сокращением рождаемости, ростом смертности, старением населения и миграционными процессами. Особенно актуальной эта проблема стала с 1992 года, что обусловило необходимость разработки и внедрения новых подходов к управлению демографическими процессами как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Особое значение придается регионам с особой этнокультурной спецификой, таким как Республика Татарстан, являющаяся одним из ведущих субъектов Российской Федерации по демографическим показателям и реализующая уникальные программы с учетом этнокультурных особенностей. В рамках исследования особое внимание уделяется Приволжскому федеральному округу (ПФО) и Республике Татарстан, где предпринимаются меры, направленные на стабилизацию и развитие демографического потенциала.

Цель настоящего исследования – проанализировать эволюцию подходов к управлению демографической политикой в ПФО и Республике Татарстан с 1992 года по настоящее время, используя теоретические основы человеческого капитала и современные цифровые технологии. В ходе работы предполагается выявить наиболее эффективные практики, определить основные тенденции и сформировать рекомендации по дальнейшему совершенствованию демографической политики.

Теоретический анализ

Анализ демографической политики регионов базируется на широком спектре теоретических и методологических подходов, ставших результатом накопления исследований как отечественных, так и зарубежных учёных, привнесших в науку эволюционный, институциональный и инновационно-цифровой контексты развития.

Демографическая политика традиционно исследуется в рамках позитивистского подхода (К. Пирсон, Э. Дюркгейм), где делается упор на количественный анализ больших статистических данных, выявление объективных закономерностей и создание универсальных моделей демографических процессов [1]. Позитивизм лег в основу большинства западных исследований, что позволило системно изучать и объяснять демографические транзиты экономически развитых обществ.

Наряду с этим, критический рационализм К. Поппера акцентирует внимание на необходимости постоянного пересмотра и фальсификации научных гипотез в демографической политике. Например, рассматривая опыт внедрения новых мер поддержки в регионах России, попперианский подход позволяет реформировать управленческие решения на основании фактических данных и обратной связи.

К числу фундаментальных моделей относятся теория демографического перехода (Ф. Нотстейн, Л. Армуш) и теория человеческого капитала (Г. Беккер) [2].

Теория демографического перехода, разработанная Ф. Нотстейном, обосновывает трансформацию воспроизводства населения через этапы, развернувшиеся в эпоху

модернизации, что подтверждают исследования динамики рождаемости и смертности в европейских и азиатских странах. Для современной России и Республики Татарстан эта концепция позволяет анализировать переход к малодетности и старению с учётом преодоления последствий демографического шока 1990-х гг.

Теория человеческого капитала доказала свою продуктивность при исследовании связи между образовательными, медицинскими инвестициями и экономическим ростом [4], а также при формировании региональных программ, ориентированных на поддержку молодых семей, высшее и профессиональное образование. Примеры стран ЕС (Германия, Финляндия), а также Южной Кореи и Японии показывают, что увеличение вложений в «человеческий капитал» замедляет демографическое старение и способствует миграционной привлекательности региона.

В России данный подход реализован в работах Н.М. Римашевской и В.Г. Доброхлеба, которые исследуют перекрёстное воздействие образовательных программ, мер по поддержке материнства и цифровых платформ на качество человеческого капитала в различных регионах.

Институциональный подход (Д. Норт) поднимает вопрос о роли законодательства, традиций, формальных и неформальных институтов в определении структуры демографических показателей. Показательным примером адаптации институционального анализа специфики мер поддержки в субъектах РФ являются программы Татарстана [3].

Факторный анализ, который системно применяется в современных российских исследованиях, даёт возможность количественно оценить влияние разнородных факторов (экономических, образовательных, институциональных) на динамику ключевых демографических показателей [5].

На уровне международных организаций (например, ОЭСР) подчёркивается эффективность гибких комплексных пакетов демографической политики: поддержки семей, интеграции мигрантов, цифровизации мер социальной поддержки [17], что в полной мере реализуется в странах ЕС [14] и оправдано успешными результатами эстонской цифровой стратегии demography e-parenting [16].

Демографическая политика современного региона требует междисциплинарного сочетания экономико-статистических методов, факторного анализа, кейс-стади и применения цифровых решений для получения объективной картины и быстрой корректировки мер [6]. Это соответствует лучшим национальным и зарубежным традициям научной философии и социальной инженерии.

Эмпирический анализ

Период с 1992 года характеризуется значительной трансформацией демографической ситуации в России, ПФО и Республике Татарстан. Можно выделить несколько этапов в развитии демографической политики:

1. «1992-2000 гг.» – период демографического кризиса, характеризующийся резким снижением рождаемости и ростом смертности. Общий коэффициент рождаемости в России снизился с 10,7‰ в 1992 году до 8,7‰ в 2000 году, а смертность выросла с 12,2‰ до 15,3‰ за тот же период. В Республике Татарстан показатели были несколько лучше: рождаемость составляла 11,2‰ в 1992 году и 9,4‰ в 2000 году, смертность – 10,8‰ и 13,2‰ соответственно. В этот период демографическая политика носила преимущественно реактивный характер, отсутствовали системные меры поддержки. Естественная убыль населения в ПФО к 2000 году достигла -6,5‰, что было одним из худших показателей среди федеральных округов России.

2. «2001-2006 гг.» – переходный период, характеризующийся началом формирования системной демографи-

ческой политики. В 2001 году была принята Концепция демографического развития Российской Федерации до 2015 года, которая обозначила основные направления работы по преодолению демографического кризиса. К концу этого периода (2006 г.) рождаемость в Татарстане выросла до 10,0‰, а в России – до 10,4‰, однако естественная убыль населения продолжалась. В Республике Татарстан в 2006 году была принята республиканская целевая программа «Дети Татарстана» на 2006-2010 годы. Объем финансирования демографических программ в России увеличился с 30 млрд рублей в 2002 году до 164 млрд рублей в 2006 году.

3. «2007-2018 гг.» – период активной пронаталистской политики, введения материнского капитала и других мер стимулирования рождаемости. В 2007 году был принят Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», которым был введен федеральный материнский капитал в размере 250 000 рублей (с последующей индексацией). Общий коэффициент рождаемости в Татарстане вырос до максимального значения 14,5‰ в 2012 году (в России – 13,3‰), что превысило показатели начала 1990-х годов. Суммарный коэффициент рождаемости в Татарстане увеличился с 1,34 в 2006 году до 1,73 в 2015 году [3]. С 2013 года в республике начал действовать региональный материнский капитал в размере 200 000 рублей на основании Закона Республики Татарстан от 27.02.2012 № 13-ЗРТ «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей». В ПФО за этот период (2007-2018 гг.) были достигнуты значительные успехи в снижении младенческой смертности – с 8,8‰ до 4,8‰ (в Татарстане – с 8,0‰ до 4,5‰).

4. «2019-2025 гг.» – современный период, характеризующийся комплексным подходом к демографической политике. В 2019 году был запущен национальный проект «Демография» с бюджетом 3,1 трлн рублей на период до 2024 года. В Республике Татарстан реализуется региональный проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей» [7]. Коэффициент рождаемости в Татарстане в 2023 году составил 9,6‰ (в России – 9,0‰), что ниже показателей 2010-х годов, но выше уровня конца 1990-х. Ожидаемая продолжительность жизни в республике достигла 74,3 года к 2023 году, что на 2,1 года выше среднероссийского показателя. На демографические программы в республике направляется около 7,2 млрд рублей ежегодно (2023 г.), что составляет 3,2% регионального бюджета.

Современная демографическая политика в ПФО и Республике Татарстан основывается на комплексном подходе, учитывающем взаимосвязь различных аспектов демографического развития. Основными направлениями являются:

- Стимулирование рождаемости через финансовую поддержку семей с детьми. Объем федерального материнского капитала в 2025 году составляет 775 628,25 рублей на первого ребенка и 1 030 837,66 рублей на второго ребенка [10]. В Татарстане действует дополнительный региональный материнский капитал – 250 000 рублей при рождении третьего и последующих детей. Ежемесячные выплаты на детей от 3 до 7 лет составляют от 50% до 100% прожиточного минимума в зависимости от дохода семьи (в Татарстане это 6 490 – 12 980 рублей на ребенка).

- Снижение смертности и повышение продолжительности жизни. На модернизацию здравоохранения в ПФО за 2019-2024 годы было направлено 325 млрд рублей в рамках национального проекта «Здравоохранение». В результате смертность от болезней системы кровообраще-

ния снизилась с 573,2 до 512,8 случаев на 100 000 населения, а младенческая смертность – до исторического минимума 4,1‰ в 2023 году (в Татарстане – 3,8‰).

- Регулирование миграционных процессов. В соответствии с Законом Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» [4] реализуется комплекс мер по привлечению и закреплению квалифицированных кадров. Миграционный прирост в Республике Татарстан в 2023 году составил +3,5 человек на 1000 населения, что является одним из лучших показателей в ПФО. За период 2018-2023 гг. в республику прибыло 57,3 тысячи человек из других регионов России и 32,1 тысячи из-за рубежа.

- Поддержка института семьи и семейных ценностей. Реализация постановления Правительства РФ от 30.12.2017 № 1710 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации"» позволила направить на программы поддержки молодых семей в ПФО ежегодно более 15 млрд рублей. В Татарстане с 2019 по 2023 год 12 345 молодых семей улучшили жилищные условия благодаря льготным ипотечным программам.

Одним из наиболее перспективных подходов к управлению демографической политикой является применение цифровых технологий и инновационных методов анализа данных. В Республике Татарстан, известной своими достижениями в области цифровизации, реализуются следующие инновационные подходы:

1. «Цифровые платформы для управления демографическими процессами». В соответствии с постановлением Кабинета Министров РТ от 17.12.2020 № 1142 «О государственной информационной системе "Цифровая платформа Республики Татарстан"» [9], в 2021 году запущена единая информационная система "Демография-онлайн", объединяющая данные ЗАГС, здравоохранения, образования и социальной защиты. Система позволяет в режиме реального времени отслеживать 87 демографических показателей по всем 43 муниципальным образованиям республики. Экономический эффект от внедрения системы оценивается в 183 млн рублей ежегодно за счет оптимизации административных процессов [15].

2. «Предиктивная аналитика и моделирование демографических процессов». Согласно отчету Министерства экономики РТ «Об использовании искусственного интеллекта в государственном управлении», с 2022 года применяются алгоритмы машинного обучения, позволяющие с точностью до 82% прогнозировать демографические тенденции на уровне муниципалитетов. Система учитывает более 200 факторов, влияющих на демографические процессы. Благодаря этому удалось повысить эффективность региональных программ на 23% за счет более точного таргетирования мер поддержки [14].

3. «Персонализированный подход к предоставлению мер поддержки». В рамках реализации Федерального закона от 30.12.2020 № 509-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [13] и постановления Кабинета Министров РТ от 10.03.2021 № 132 «О развитии проактивного предоставления государственных и муниципальных услуг в Республике Татарстан» [8] через портал госуслуг Республики Татарстан автоматически предоставляется информация о 96% положенных семье выплат и льгот без необходимости подачи дополнительных заявлений. К 2023 году 78,3% семей с детьми получают меры поддержки в проактивном режиме (без заявлений). Время получения услуг сократилось в среднем с 12 дней до 3 дней.

Особое внимание в демографической политике ПФО и Республики Татарстан уделяется управлению студенческой миграцией. В соответствии с Законом Республики Татарстан от 19.10.2012 № 68-ЗРТ «О молодежи и государственной молодежной политике в Республике Татарстан» и постановлением Кабинета Министров РТ от 05.03.2018 № 133 «О государственной программе "Развитие молодежной политики в Республике Татарстан на 2019-2025 годы"» реализуются меры по привлечению и закреплению молодежи. По данным Министерства науки и высшего образования РТ⁵², в вузах Татарстана обучается более 160 000 студентов, из которых 35% – приезжие из других регионов России и 15% – иностранные студенты. Для удержания молодых специалистов после окончания обучения реализуются следующие меры:

- Создание высокотехнологичных рабочих мест. В рамках реализации государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика Республики Татарстан» за период 2019-2023 гг. в республике создано 47 500 рабочих мест в высокотехнологичных отраслях, что обеспечило трудоустройство 62% выпускников местных вузов (против 48% в 2018 году).

- Программы льготной ипотеки для молодых специалистов. В соответствии с постановлением Кабинета Министров РТ от 21.06.2018 № 500 «О порядке предоставления социальных выплат на приобретение жилья молодым специалистам», с 2020 года реализуется программа льготной ипотеки со ставкой от 3,5% годовых. По данным Министерства строительства, архитектуры и ЖКХ РТ, этими программами воспользовалось 12 780 молодых специалистов.

- Развитие социальной инфраструктуры. В рамках государственной программы «Развитие молодежной политики в Республике Татарстан на 2019-2025 годы» на строительство объектов молодежной инфраструктуры в Казани за 2019-2023 годы направлено 18,7 млрд рублей.

- Интеграция образовательных программ с потребностями регионального рынка труда. Согласно приказу Министерства образования и науки РТ от 15.09.2018 № 318 «О внедрении практико-ориентированных образовательных программ» доля выпускников, трудоустроившихся по специальности, выросла с 61% в 2018 году до 73% в 2023 году.

Результаты факторного анализа демографических программ в регионах ПФО, проведенного Козловой и Левиной [5], показывают, что наибольшую эффективность демонстрируют комплексные меры, сочетающие финансовую поддержку с развитием социальной инфраструктуры и созданием благоприятных условий для самореализации молодежи.

Республика Татарстан занимает лидирующие позиции в ПФО по демографическим показателям благодаря реализации ряда успешных программ:

1. Республиканская программа "Семья Татарстана", утвержденная постановлением Кабинета Министров РТ от 30.12.2017 № 1153, предусматривающая дополнительные выплаты при рождении третьего и последующих детей. По данным Министерства труда, занятости и социальной защиты РТ, за 2018-2023 годы на программу направлено 12,4 млрд рублей, что способствовало росту доли многодетных семей с 8,2% до 11,7%.

2. Программа "Молодая семья", реализуемая на основании постановления Кабинета Министров РТ от 30.04.2014 № 289 «О государственной программе "Обеспечение качественным жильем и услугами жилищно-коммунального хозяйства населения Республики Татарстан"», обеспечивающая льготные условия ипотечного кредитования. По данным Жилищного фонда РТ⁶¹, с 2018 по 2023 год 23 450 молодых семей приобрели жилье по

этой программе. Объем льготных кредитов составил 85,6 млрд рублей.

3. Развитие сети перинатальных центров и современных медицинских учреждений в рамках государственной программы «Развитие здравоохранения Республики Татарстан». По данным Министерства здравоохранения РТ, в республике функционирует 3 перинатальных центра, оснащенных по последнему слову техники. Показатель материнской смертности снизился с 9,8 до 6,2 случаев на 100 000 рождений.

4. Создание образовательных кластеров, интегрирующих учебные заведения и работодателей на основании постановления Кабинета Министров РТ от 11.02.2014 № 83 «О создании научно-образовательных кластеров в Республике Татарстан». По информации Министерства науки и высшего образования РТ⁸², функционирует 12 образовательно-производственных кластеров, обеспечивающих подготовку кадров по запросу реального сектора экономики.

Сравнительный анализ с другими регионами ПФО, проведенный Якуниным и Масленниковой [16], показывает существенные различия в эффективности демографических программ. Так, если в Татарстане суммарный коэффициент рождаемости в 2023 году составляет 1,56, то в Нижегородской области – 1,32, в Пермском крае – 1,48. Ожидаемая продолжительность жизни в Татарстане (74,3 года) превышает средний показатель по ПФО (72,5 года) на 1,8 года.

По результатам экономического анализа, проведенного Центром перспективных экономических исследований Академии наук РТ [15], наиболее эффективные программы демонстрируют следующие показатели окупаемости инвестиций: на 1 рубль затрат на поддержку молодых семей приходится 2,3 рубля прироста регионального продукта в перспективе 5 лет; на 1 рубль затрат на развитие перинатальной службы – 3,6 рубля экономии на лечении осложнений и инвалидности.

Результаты исследований

На основе проведенного исследования можно предложить следующие методические рекомендации по совершенствованию управления демографической политикой в регионах России:

1. «Переход от количественных к качественным целевым показателям демографической политики». Помимо традиционных показателей рождаемости и смертности, необходимо учитывать качество человеческого капитала, уровень образования и здоровья населения [12]. Рекомендуется внедрить интегральный индекс качества человеческого капитала, учитывающий не менее 15 параметров здоровья, образования и социальной адаптации.

2. «Внедрение цифровой экосистемы управления демографическими процессами», включающей:

- Систему сбора и анализа демографических данных в режиме реального времени с охватом 100% населения региона [14];

- Платформу для моделирования демографических сценариев с горизонтом прогнозирования до 25 лет;

- Персонализированные цифровые сервисы для граждан с проактивным предоставлением не менее 90% мер поддержки.

3. «Применение дифференцированного подхода к демографической политике» с учетом территориальных, этнических и социально-экономических особенностей различных муниципальных образований внутри региона [3]. Рекомендуется разработать типологию муниципальных образований (не менее 5 типов) с соответствующими пакетами демографических мер.

4. «Развитие механизмов общественного участия в разработке и реализации демографических программ»

через создание общественных советов, проведение социологических опросов и использование технологий краудсорсинга [5]. Целевой показатель – вовлечение не менее 5% населения в обсуждение демографических инициатив.

5. «Формирование интегрированной системы образования и трудоустройства молодежи», направленной на снижение оттока молодых специалистов и привлечение талантов из других регионов [16]. Рекомендуемый целевой показатель – трудоустройство по специальности не менее 75% выпускников в течение года после окончания учебного заведения.

Заключение

Анализ современных подходов к управлению демографической политикой в ПФО и Республике Татарстан с 1992 года по настоящее время показал эволюцию от реактивных мер к проактивному системному управлению демографическими процессами. Теория человеческого капитала и критический рационализм предоставляют продуктивную методологическую основу для разработки и оценки эффективности демографических программ.

Наиболее перспективными направлениями совершенствования демографической политики являются цифровизация процессов управления, персонализация мер поддержки и комплексный подход, учитывающий взаимосвязь различных аспектов демографического развития. Особое внимание следует уделять управлению студенческой миграцией как важному фактору формирования человеческого капитала региона.

Предложенные методические рекомендации могут быть использованы при разработке региональных программ демографического развития и совершенствовании механизмов управления демографической политикой.

Литература

1. Аркадьев Е.Я. Демографические исследования в контексте философии науки // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. – 2020. – № 2. – С. 82–87.
2. Беккер Г. Человеческий капитал: Теоретический и эмпирический анализ. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 478 с.
3. Валиев Р.Ш., Ахметшина А.Р. Демографическая политика Республики Татарстан: современное состояние и перспективы развития // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 2. – С. 15–21.
4. Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. – 2015. – № 6 (II часть). – Ст. 521.
5. Козлова О.А., Левина Е.И. Роль факторного анализа в оценке эффективности демографической политики регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 71–85.
6. Лебедев С.А. Философия науки: терминологический словарь. – М.: Академический проект, 2020. – 269 с.
7. Постановление Кабинета Министров РТ от 05.04.2019 № 276 «О реализации в Республике Татарстан регионального проекта "Финансовая поддержка семей при рождении детей"» // Сборник постановлений и распоряжений КМ РТ и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 23.04.2019. – № 30. – Ст. 1035.
8. Постановление Кабинета Министров РТ от 10.03.2021 № 132 «О развитии проактивного предоставления государственных и муниципальных услуг в Республике Татарстан» // Сборник постановлений и распоряжений КМ РТ и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 30.03.2021. – № 9. – Ст. 0291.

9. Постановление Кабинета Министров РТ от 17.12.2020 № 1142 «О государственной информационной системе "Цифровая платформа Республики Татарстан"» // Сборник постановлений и распоряжений КМ РТ и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 11.01.2021. – № 1-2. – Ст. 0042.

10. Постановление Правительства РФ от 12.01.2024 № 11 «Об утверждении коэффициента индексации выплат, пособий и компенсаций в 2024 году» // Собрание законодательства РФ. – 22.01.2024. – № 4. – Ст. 452.

11. Римашевская Н.М., Гимпельсон В.Е., Доброхлеб В.Г. Социологические и экономические измерения демографических процессов // Народонаселение. – 2020. – Т. 23, № 3. – С. 5–19.

12. Римашевская Н.М., Доброхлеб В.Г. Теория человеческого капитала как методология анализа демографических процессов // Народонаселение. – 2019. – Т. 22, № 4. – С. 4–12.

13. Федеральный закон от 30.12.2020 № 509-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 04.01.2021. – № 1 (часть I). – Ст. 48.

14. Хабриева Т.Я., Чернышова О.С. Цифровые технологии в демографической политике: правовые аспекты и перспективы применения // Журнал российского права. – 2023. – № 3. – С. 5–17.

15. Центр перспективных экономических исследований Академии наук РТ. Оценка эффективности демографических программ Республики Татарстан. – Казань, 2023. – 112 с.

16. Якунин В.Н., Масленникова Е.В. Студенческая миграция как фактор формирования региональной демографической политики // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2024. – № 1. – С. 92–103.

17. OECD Family Database. – OECD Publishing, 2020. URL: <https://www.oecd.org/social/family/database.htm> (дата обращения: 01.12.2024).

18. Ogawa N., Jones G.W. Population ageing in East Asia: lessons from the east // Population Ageing: Is it a Problem? – London: Springer, 2003. – P. 101–132.

19. Sobotka T. Fertility policies and their impact: International overview // Demographic Research. – 2021. – Vol. 45. – P. 145–172.

Analysis of modern approaches to regional demographic policy management

Antonova I.I., Lulakov D.V.

Kazan Innovation University

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article examines demographic policy as an important aspect of public administration aimed at regulating population reproduction and developing demographic processes. It analyzes the evolution of approaches to managing demographic policy in the Volga Federal District and the Republic of Tatarstan from 1992 to the present. Special attention is given to the influence of human capital theory and modern digital technologies on the formation and implementation of demographic programs, taking into account the ethno-cultural and socio-economic characteristics of the region. The study helps to identify key trends and challenges in demographic policy in the context of Russia's current development.

Keywords: management approaches, demographic policy, human capital, and digitalization.

References

- Arkadyev E. Ya. Demographic Research in the Context of the Philosophy of Science // Problems of Social Hygiene and the History of Medicine. – 2020. – No. 2. – P. 82–87.
- Becker G. Human Capital: Theoretical and Empirical Analysis. – Moscow: HSE, 2003. – 478 p.
- Valiev R.Sh., Akhmetshina A.R. Demographic Policy of the Republic of Tatarstan: Current State and Development Prospects // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2022. – No. 2. – P. 15–21.
- Law of the Republic of Tatarstan dated June 17, 2015 No. 40-ZRT "On Approval of the Strategy for Socioeconomic Development of the Republic of Tatarstan until 2030" // Bulletin of the State Council of Tatarstan. – 2015. – No. 6 (Part II). – Art. 521.
- Kozlova O. A., Levina E. I. The Role of Factor Analysis in Assessing the Effectiveness of Regional Demographic Policy // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. – 2021. – Vol. 14, No. 2. – Pp. 71–85.
- Lebedev S. A. Philosophy of Science: A Terminological Dictionary. – Moscow: Academic Project, 2020. – 269 p.
- Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan dated 05.04.2019 No. 276 "On the Implementation of the Regional Project "Financial Support for Families with the Birth of Children" in the Republic of Tatarstan" // Collection of resolutions and orders of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan and regulatory acts of the republican executive bodies. – 23.04.2019. – No. 30. – Item 1035.
- Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan dated 10.03.2021 No. 132 "On the development of proactive provision of state and municipal services in the Republic of Tatarstan" // Collection of resolutions and orders of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan and regulatory acts of the republican executive bodies. – 30.03.2021. – No. 9. – Item 0291.
- Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan dated 17.12.2020 No. 1142 "On the state information system "Digital Platform of the Republic of Tatarstan" // Collection of resolutions and orders of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan and regulatory acts of the republican executive bodies. – 11.01.2021. – No. 1-2. – Item 0042.
- Resolution of the Government of the Russian Federation of January 12, 2024, No. 11, "On Approval of the Indexation Coefficient for Payments, Benefits, and Compensations in 2024" // Collected Legislation of the Russian Federation. – January 22, 2024. – No. 4. – Article 452.
- Rimashevskaya, N.M., Gimpelson, V.E., Dobrokhleb, V.G. Sociological and Economic Dimensions of Demographic Processes // Population. – 2020. – Vol. 23, No. 3. – Pp. 5–19.
- Rimashevskaya, N.M., Dobrokhleb, V.G. Human Capital Theory as a Methodology for Analyzing Demographic Processes // Population. – 2019. – Vol. 22, No. 4. – Pp. 4–12.
- Federal Law of 30.12.2020 No. 509-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 04.01.2021. – No. 1 (Part I). – Art. 48.
- Khabrieva T. Ya., Chernyshova O. S. Digital Technologies in Demographic Policy: Legal Aspects and Prospects of Application // Journal of Russian Law. – 2023. – No. 3. – Pp. 5–17.
- Center for Advanced Economic Research of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Assessing the Effectiveness of Demographic Programs of the Republic of Tatarstan. – Kazan, 2023. – 112 p.
- Yakunin V. N., Maslennikova E. V. Student Migration as a Factor in the Formation of Regional Demographic Policy // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishcheva. – 2024. – No. 1. – P. 92–103.
- OECD Family Database. – OECD Publishing, 2020. URL: <https://www.oecd.org/social/family/database.htm> (access date: 12/01/2024).
- Ogawa N., Jones G.W. Population ageing in East Asia: lessons from the east // Population Ageing: Is it a Problem? – London: Springer, 2003. – P. 101–132.
- Sobotka T. Fertility policies and their impact: International overview // Demographic Research. – 2021. – Vol. 45. – P. 145–172.

Инновации как инструмент повышения конкурентоспособности предприятий на внутреннем рынке России

Арцытов Николай Андреевич

аспирант кафедры менеджмента и организации производства, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, nikolai.artsytov@yandex.ru,

Козлов Роман Алексеевич

магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, kozlov_ra@mail.ru,

Ковельский Виктор Владиславович

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и организации производства, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, kovelskiy@mail.ru

Сегодня с невероятной скоростью весь мир шагает по пути технологического прогресса. На внутреннем рынке Российской Федерации на сегодняшний день активно используются различные инновации, и, как показывает практика, такое решение, как правило, является выигрышным, поэтому тема инноваций – это не просто актуальная тема, а наиболее значительная тема в 2026-м году.

Поэтому в данной статье инновационная деятельность организаций рассмотрена от изначального определения термина «инновации» до их влияния на конкурентоспособность компаний. Также определена их роль, классификация и влияние на деятельность и конкурентоспособность компаний. Также важной частью является анализ использования инноваций российскими организациями и рассмотрение наиболее ярких примеров компаний, использующих инновации для повышения конкурентоспособности.

Кроме этого, авторами проанализирован механизм государственной поддержки инновационной деятельности в Российской Федерации и рассмотрены существующие барьеры для внедрения инноваций в деятельность российских организаций. Анализ, проведенный в данной статье, подтверждает актуальность темы и показывает, что российские организации не остаются в стороне от мировых тенденций, что помогает им расти и развиваться.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, конкурентоспособность, внутренний рынок, технологии, прогресс, клиентоориентированность.

Введение

Сегодня технологии, инструменты и решения, которые для среднестатистического человека стали обыденностью, еще несколько лет назад нельзя было даже вообразить. Инновации и инновационная деятельность в наше время имеют настолько большую роль, что именно они порой оказывают влияние на выбор потребителей и на конкурентоспособность предприятий. Актуальность темы инноваций в контексте инструментов для повышения конкурентоспособности предприятий обусловлена тем, что именно инновационные решения сегодня способны оптимизировать производство и привлечь внимание потенциальных клиентов.

Цель, проведенного в данной статье исследования – проанализировать, каким способом современные российские компании применяют инновации для повышения конкурентоспособности, с какими трудностями при этом сталкиваются и какие результаты приносят инновации в гонке за повышение конкурентоспособности.

Так можно выделить основные задачи, которые поставлены для получения результатов: рассмотреть инновационную деятельность с научной точки зрения; проанализировать инновационную деятельность российских компаний; проанализировать наиболее успешные кейсы внедрения инноваций для повышения конкурентоспособности; рассмотреть особенности внедрения инноваций в компании.

Обсуждение и результаты

Поскольку такой фактор, как инновации, стал важным составляющим экономического роста в современное время, всестороннее его изучение определяет успешность его проникновения в экономику. Поэтому в научной литературе, как современной, так и более ранней, теорию инноваций рассматривали именно с различных сторон. Инновации, инновационные решения, инновационные технологии, новшества и нововведения – все это изучает теория инноваций [3]. Теория инноваций имеет несколько этапов становления и развития, представленных на рисунке 1.

Рис. 1. Этапы развития теории инноваций

Активно понятие «инновация» (от латинского «innovation» – «обновление», «нововведение») начало применяться в 19-м веке и изначально означало внедрение элементов одной культуры в другую [10]. Развитие инноваций и теории инноваций приводит к конкретизации понятия «инновации», однако, как и в большинстве случаев, разные авторы трактуют его по-разному. Если соединить разные взгляды на данный термин, то получается, что «инновацию можно понимать, как комплексное, исторически обусловленное, социально-экономическое явление, задействующее множество институциональных акторов для преобразования отдельных сторон окружаю-

щей действительности, через материализацию и коммерциализацию идеи с целью создания ценности для общества» [10].

Классификация инноваций обширна, их можно разделить исходя сферы применения, уровню новизны, характеру влияния на рынок, частоте применения и отношению к предшественнику. Разные типы инноваций имеют свои специфические особенности в их разработке, реализации и распространении, так можно сказать, что различные инновации требуют разных подходов к управлению инновационной деятельностью. В контексте рассматриваемой темы, а именно использованию инноваций для повышения конкурентоспособности на внутреннем рынке, целесообразно рассмотреть лишь некоторые из них [5]. На рисунке 2 представлена классификация инноваций по объекту.

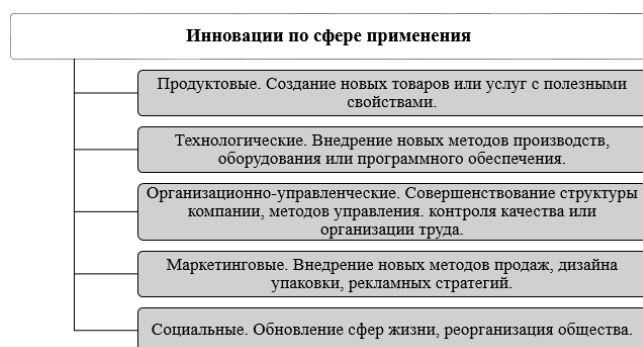

Рис. 2. Типы инноваций по сфере применения

Из рисунка 2 уже можно судить об обширности классификации инноваций, т. к. только в одном разрезе присутствуют 5 абсолютно разных позиций. Здесь необходимо отметить, что независимо от сферы применения, инновации способны оказать значительное влияние на конкурентоспособность предприятия. Трансформация выпускаемого продукта, нововведения в методах продаж способны привлечь внимание потенциальных клиентов. А нововведения в производственный процесс и в процесс управления способны повысить эффективность производство и качество продукции, что также благоприятно сказывается на конкурентоспособности предприятия. Также целесообразно рассмотреть типы инноваций по глубине изменений (рисунк 3).

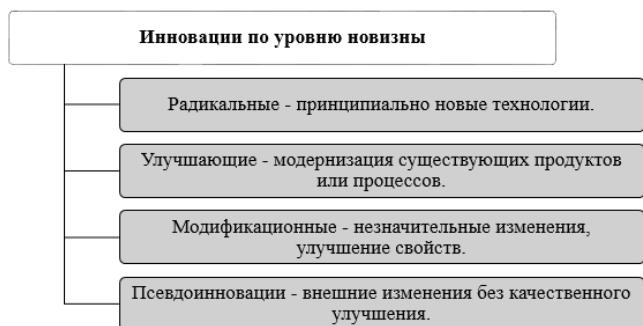

Рис. 3. Типы инноваций по глубине изменений

Таким образом, инновации и инновационная деятельность – это относительно новые понятия, их классификация достаточно обширна. Инновации в рамках повышения конкурентоспособности сегодня играют важную роль и являются неотъемлемой частью реорганизационного процесса, направленного на оптимизацию процессов с целью повышения эффективности деятельности предприятий в целом.

Сущность конкурентоспособности внутреннего российского рынка в последние годы пережила множество изменений, причинами тому послужили различные внутренние и внешние факторы, а вот адаптироваться к этим изменениям во многом помогли как раз инновации. Первым вызовом послужила пандемия COVID-19, когда сильный удар пришелся на сферу общего питания, транспорта и развлечений. Вторым серьезным ударом стала политическая нестабильность и множественные антироссийские санкции. Однако стоит отметить, если пандемия оказалась исключительно негативно на российских компаниях (не считая онлайн-торговлю), то плюсом антироссийских санкций стала возможность российских компаний занять места крупных иностранных производителей. Как справился российский бизнес за это время можно судить исходя из динамики созданных и прекративших деятельность организаций (рисунк 4).

Рис. 4. Количество созданных и прекративших свою деятельность российских компаний в 2019-2024 гг. (тыс. шт.) [4]

Исходя из данных, представленных на рисунке 4, можно отметить, что на время пандемии наблюдается пик закрытия российских организаций, который снижается постепенно к 2024-му году, а количество созданных организации не имеет четкой тенденции. Также данный график отражает состояние конкуренции за последние три года, которое можно описать как стабильное.

Вопросами регулирования конкуренции на внутреннем рынке Российской Федерации занимается Федеральная антимонопольная служба. Для мониторинга динамики изменений конкурентной среды и ее оценке в каждом субъекте РФ Федеральной антимонопольной службой сформирована система анализа мониторинга и оценки конкуренции в сфере государственных закупок. В основу разработанной системы положена многокритериальная система оценки, в 2024 году в нее было включено 10 показателей. По итогам анализа, проведенного Федеральной антимонопольной службой в 2024 году определены регионы, занявшие первые 10 мест (Саратовская область, Тамбовская область, Вологодская область, Ульяновская область, Республика Карелия, Тюменская область, Новгородская область, Липецкая область, Кемеровская область – Кузбасс, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) [4].

Равные и справедливые условия входа на внутренний рынок выступают обязательной компонентой для развития конкуренции и экономики не только в России, но и в любой другой стране. В 2024 году в регионах Российской Федерации было реализовано более 450 мер государственной поддержки предпринимателей, которые прежде всего были направлены на повышение инвестиционной привлекательности местных организаций, их финансовой устойчивости, а также на создание комфортных условий для предпринимательской деятельности, в основном, за

счет предоставления мер финансовой поддержки, снижения налоговой нагрузки и административных требований [4].

Таким образом, конкуренция на внутреннем рынке Российской Федерации на данный момент как никогда высокая, ушедшие крупные иностранные производители открыли новые возможности для российских предприятий, вынужденное импортозамещение повысило спрос на много товары и услуги российских производителей.

Каждый год организации Российской Федерации предоставляют в Федеральную службу статистики форму № 4-Инновация «Сведения об инновационной деятельности организации. На основании данных форм Росстат рассчитывает уровень инновационной активности организаций (рисунок 5).

Таблица 1
Динамика уровня инновационной активности организаций по субъектам Российской Федерации [8]

Федеральный округ	2020	2021	2022	2023	2024	Изменение	
						2024-2020	2024-2023
Центральный	12,5	12,6	11,0	12,0	13,9	1,4	1,9
Северо-Западный	10,8	11,0	10,6	10,9	11,9	1,1	1,0
Южный	8,0	11,9	10,8	11,3	13,0	5,0	1,7
Северо-Кавказский	3,5	4,6	4,0	3,6	4,9	1,4	1,3
Приволжский	15,5	16,7	15,9	16,7	17,5	2,0	0,8
Уральский	10,2	11,1	9,9	9,8	10,2	0,0	0,4
Сибирский	9,8	9,3	9,2	9,4	10,1	0,3	0,7
Дальневосточный	6,9	7,7	7,4	6,4	6,5	-0,4	0,1
Российская Федерация	10,8	11,9	11,0	11,3	12,5	1,7	1,2

Согласно данным, представленным в таблице 5 в России наблюдается положительная тенденция к увеличению инновационной активности организаций. При этом стоит выделить безусловного лидера в области инновационной активности – Приволжский Федеральный округ, где уровень инновационной активности составил 17,5 % в 2024 году, что на 2 п. п. больше, чем в 2020-м году и на 0,8 п. п. больше, чем в 2023 году. Наименее активным регионом в области инновационной активности организаций является Северо-Кавказский Федеральный округ, чей показатель в 2024 году увеличился на 1,4 п. п. по отношению к 2020-му году и составил всего 4,9 %. Также в данной динамике можно выделить Дальневосточный Федеральный округ, инновационная активность организаций в нем снизилась составила 6,5 % в 2024 году, что меньше, чем в 2020-м на 1,7 п. п. Учитывая, что инновационное направление во всем мире активно развивается и растет видеть снижение в данной динамике недопустимо. На рисунке 6 наглядно представлена динамика инновационной активности организаций по Российской Федерации.

Так, динамика уровня инновационной активности российских организаций показывает положительную динамику, что безусловно хорошо и естественно, учитывая темпы технологического прогресса, создания нововведений и инструментов для их внедрения. В таблице 2 представлена динамика удельного веса организаций, осуществлявших технологические инновации по субъектам РФ.

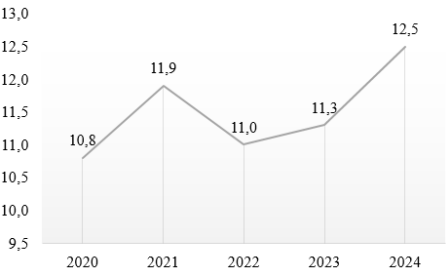

Рис. 6. Динамика уровня инновационной активности организаций в РФ

Таблица 2
Динамика удельного веса организаций, осуществлявших технологические инновации по субъектам Российской Федерации [8]

Федеральный округ	2020	2021	2022	2023	2024	Изменение	
						2024-2020	2024-2023
Центральный	26,5	25,5	24,6	24,5	26,6	0,1	2,1
Северо-Западный	23,0	22,8	23,0	22,4	25,3	2,3	2,9
Южный	19,1	21,5	21,8	22,9	25,6	6,5	2,7
Северо-Кавказский	10,1	11,6	11,3	10,5	14,0	3,9	3,5
Приволжский	27,1	27,2	27,8	28,1	29,1	2,0	1,0
Уральский	21,7	20,8	20,2	19,4	19,9	-1,8	0,5
Сибирский	19,6	19,0	18,9	18,3	19,6	0,0	1,3
Дальневосточный	15,4	15,7	15,4	14,5	14,8	-0,6	0,3
Российская Федерация	23,0	23,0	22,8	22,7	24,5	1,5	1,8

При рассмотрении таблицы 2 следует понимать, что приведенные в ней данные нельзя считать абсолютно достоверными, так как велика вероятность погрешности при формировании отчетности организациями и количестве исследованных организаций. Из исследованных организаций наибольший удельный вес тех, которые осуществляли технологические инновации, приходится на Приволжский Федеральный округ, а наименьший на Северо-Кавказский. Отрицательная динамика наблюдается у Уральского и Дальневосточного Федерального округа. Наглядно по РФ динамика отражена на рисунке 7.

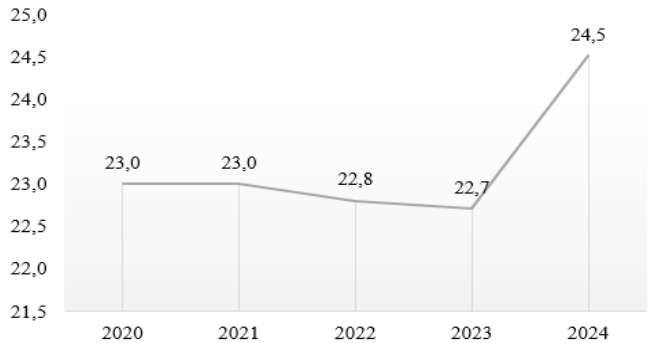

Рис. 7. Динамика удельного веса организаций, осуществлявших технологические инновации

Данные таблицы 2 и рисунка 7 демонстрируют положительную тенденцию в 2024 году по отношению к 2020 году, хотя внутри рассматриваемого периода случались и снижения. Это значит, что всё больше российский организации применяют в своей деятельности инновационные технологии. Для некоторых организаций – это способ оптимизировать производственный процесс, снизить издержки, повысить общую эффективность производства. Некоторые организации используют инновации в маркетинговой деятельности для продвижения товаров и услуг. Так или иначе, независимо от того, какой именно процесс подвергся внедрению инноваций – в конечном всё это отразится на конкурентоспособности организации.

Для того, чтобы проанализировать инновационную деятельность российских организаций по видам деятельно-

сти обратимся к таблице 3, в которой указаны затраты организаций на инновационную деятельность в разрезе видов деятельности.

Таблица 3

Затраты на инновационную деятельность организаций по видам экономической деятельности в России, трлн. руб. [8]

Вид деятельности	2020	2021	2022	2023	2024	Темп прироста	
						2024/2020	2024/2023
Сельское хозяйство	39,4	32,1	46,8	46,6	49,5	25,6	6,2
Добыча полезных ископаемых	121,7	180,4	180,7	225,6	289,3	137,7	28,2
Обрабатывающие производства	960,7	1053,9	1156,5	1271,7	1805,2	87,9	42,0
Обеспечение электроэнергией, газом, паром; кондиционирование воздуха	65,0	38,3	53,7	50,3	70,5	8,5	40,2
Водоснабжение, водоотведение, сбор и утилизация отходов, ликвидация загрязнений	20,9	34,5	41,6	15,2	22,6	8,1	48,7
Строительство	13,5	16,8	15,2	60,2	88,9	558,5	47,7
Транспортировка и хранение	203,7	180,6	184,7	404,9	330,0	62,0	-18,5
Издательская деятельность	0,3	0,3	0,3	0,5	0,3	0,0	-40,0
Телекоммуникационная деятельность	50,3	69,0	97,5	123,4	166,3	230,6	34,8
Разработка компьютерного ПО, консультационные и сопутствующие услуги	45,6	63,8	85,5	291,3	470,5	931,8	61,5
Сфера ИТ	7,9	14,4	15,1	78,7	141,6	1692,4	79,9
Сфера права и бухгалтерского учета	3,5	0,8	3,0	5,1	33,7	862,9	560,8
Деятельность головных офисов, консультирование по вопросам управления	23,8	43,7	49,0	22,1	21,3	-10,5	-3,6
Архитектура и инженерно-техническое проектирование; технические испытания, исследования и анализ	25,5	39,3	73,6	99,4	114,2	347,8	14,9
Научные исследования и разработки	515,3	577,7	622,7	771,0	827,1	60,5	7,3
Рекламная деятельность и исследование конъюнктуры рынка	0,8	5,1	1,6	13,0	50,4	6200,0	287,7
Профессиональная научная и прочая техническая деятельность	0,7	1,3	0,8	0,4	1,2	71,4	200,0
Здравоохранение и соц. услуги	33,0	25,6	31,2	37,8	40,7	23,3	7,7
СКГВЭД «Сектор инжиниринговых услуг и промышленного дизайна»	17,1	33,5	65,6	87,0	100,0	484,8	14,9
СКГВЭД «Сектор информационно-коммуникационных технологий»	141,6	181,1	242,3	539,4	875,5	518,3	62,3

Окончание таблицы 3

СКГВЭД «Сектор контента и средств массовой информации»		1,6	0,4	0,5	2,2	1,7	6,2	-22,7
СКГВЭД «Отрасль информационных технологий»		50,0	72,5	91,1	350,1	570,0	1040,0	62,8
СКГВЭД в области производства товаров и оказания услуг для детей		4,8	5,5	5,0	7,4	7,4	54,2	0,0
СКГВЭД в области деятельности творческих (креативных) индустрий						489,3	-	-
СКГВЭД в области лазерных, оптических и оптоэлектронных технологий						6,7	-	-

Затраты на инновационную деятельность в Российской Федерации не обошли не одну из сфер экономической деятельности. Также стоит отметить, что расходы на инновационную деятельность в рассматриваемом периоде увеличились во всех сферах, кроме деятельности головных офисов. Наибольшие затраты на инновационную деятельность приходятся на обрабатывающую промышленность, что неудивительно, поскольку это самая объемная сфера, а наименьшая сумма затрат у издательской сферы.

Инновации в организациях подразумевают внедрение и реализацию новых идей, продуктов, услуг, процессов или улучшений, которые приносят значительную пользу как компании, так и ее клиентам. Это включает в себя не только разработку прорывных технологий, но и оптимизацию существующих процессов для повышения эффективности и удовлетворенности клиентов.

Важно отметить, что инновации – это не только создание чего-то нового, но и эффективное внедрение изменений, ведущих к ощутимым выгодам, таким как получение конкурентного преимущества, повышение производительности, снижение затрат или улучшение качества обслуживания клиентов.

Инновации имеют решающее значение для сохранения конкурентоспособности, но неспособность адаптироваться к изменениям может привести к краху даже гигантов отрасли. Истории Kodak, Blockbuster и Nokia могут являться поучительным примером того, как нежелание внедрять инновации и новые технологии может сместить компании с позиций лидеров рынка [2].

Компания Kodak изобрела цифровую камеру в 1975 году, но долгое время не решалась полностью перейти на цифровую фотографию, опасаясь, что это подорвет ее прибыльный бизнес по производству фотопленки. К тому времени, когда Kodak перешла на цифровые технологии, конкуренты, такие как Canon и Sony, уже доминировали, что привело к банкротству Kodak в 2012 году.

Компания Blockbuster, некогда лидер в сфере проката видео, в 2000 году имела возможность сотрудничать с Netflix. Однако она отказалась от модели потокового вещания и сосредоточилась на своих обычных магазинах. Blockbuster объявила о банкротстве в 2010 году, в то время как Netflix совершила революцию в сфере домашних развлечений.

Nokia доминировала на рынке мобильных телефонов, но не смогла предвидеть революцию смартфонов. Придерживаясь своей операционной системы Symbian, в то время как Apple и Google продвигали экосистемы, ориентированные на приложения, Nokia пришла к упадку. В 2013 году Nokia продала свое мобильное подразделение Microsoft.

Эти поучительные истории показывают, что инновации требуют активных изменений и смелых действий. Компаниям необходимо внедрять собственные инновации раньше конкурентов, иначе они рискуют потерять свои рыночные позиции [2].

Примерами успешных инновационных зарубежных продуктов являются внедрение электромобилей, технологий «умного дома» или достижения в области медицинского оборудования. Процесс инноваций в продуктах включает в себя генерацию и исследование идей, бросающих вызов существующему положению вещей, стимулирование творчества и поиск решений, способных произвести революцию в отраслях и захватить воображение потребителей. Именно благодаря этим дальновидным начинаниям инновации в продуктах по-настоящему оживают, формируя ландшафт рынков и прокладывая путь к трансформационным достижениям. Ниже приведен анализ примеров деятельности современных прогрессивных инновационных компаний.

1) Инновации в продуктах Apple. Компания Apple является ярким примером инноваций в продуктах, переосмыслив способ взаимодействия людей с мобильными устройствами. Несмотря на то, что Apple не была первопроходцем в создании сенсорных устройств, её отличительной чертой стало тщательное внимание к пользовательскому интерфейсу (UI) и пользовательскому опыту (UX), благодаря чему устройства стали не только доступными, но и завоевали преданных поклонников. Появление iPhone с его безупречным сенсорным интерфейсом и интуитивно понятным дизайном установило новый стандарт для всей индустрии смартфонов.

2) Инновации в продукции Ikea. Глобальный мебельный гигант Ikea произвел революцию в мебельной индустрии, начав продавать инновационные товары в формате «плоской упаковки». Это не только улучшило удобство и логистику покупки мебели, но и позиционировало Ikea как ведущий бренд недорогой мебели. Теперь покупатели могли легко транспортировать и собирать мебель, снижая затраты и улучшая общее впечатление от покупки. Подход Ikea изменил способ покупки и сборки мебели, установив эталон для всей отрасли.

3) Инновации в продукции Tesla. Влияние Tesla на автомобильную промышленность огромно и обусловлено сочетанием новаторских разработок. В основе их успеха лежит внедрение электромобилей, которые выходят за рамки традиционных автомобильных норм. Приверженность Tesla принципам устойчивого развития очевидна в ее аккумуляторных технологиях, в частности, в технологиях, производимых на Гигафабрике, которые не только повышают эффективность электромобилей, но и снижают общие производственные затраты. Сеть Supercharger решает проблемы зарядки электромобилей, обеспечивая инфраструктуру быстрой зарядки для поездок на большие расстояния [2].

На российском внутреннем рынке также достаточно примеров, когда активное внедрение инноваций позволило компаниям стать лидерами на рынке.

ПАО «Газпром».

Активное развитие инновационной деятельности в ПАО «Газпром» — это приоритетное направление деятельности организации. По средствам, вложенным в инновационные разработки ПАО «Газпром» является безусловным лидером в своей отрасли. Инновационная деятельность Группы «Газпром» предусматривает разработку перспективных планов и программ для устойчивого развития ТЭК России, развитие сырьевой базы и создание новых технологий для эффективной добычи, транспортировки и переработки природного сырья.

Изучение трудноизвлекаемых запасов (ТРИЗ), роботизация процессов, создание «интеллектуальных» скважин, разработка новых методов интенсификации добычи, внедрение автоматизированных компрессорных станций, методы цифрового моделирования для оптимизации потоков газа, применение математического моделирования для прогнозирования затрат позволили ПАО «Газпром» максимально увеличить эффективность производства, а внедрение инновационных технологий для снижения выбросов и проекты по декарбонизации прославили компанию как заботящуюся об экологии, что привлекает внимание инвесторов и крупных покупателей. Так, инновационная деятельность ПАО «Газпром» вывела компанию в лидеры рейтинга крупнейших предприятий на рынке нефтегазовой отрасли России.

ПАО «Сбербанк».

Сбер Банк в 2025 в очередной раз подтвердил свое лидерство в области инноваций в банковской сфере. Банк удостоился сразу пяти престижных наград конкурса «Лидеры цифровой экономики – 2025».

Три золотые награды Сбербанка:

– **СберБанк Онлайн в номинации «Цифровая платформа года».** СберБанк Онлайн – мобильный и интернет-банкинг для физических лиц. Благодаря новому простому и интуитивно понятному интерфейсу, а также оптимизации функциональности, клиенты банка имеют возможность получения удобного доступа к управлению финансами 24/7.

– **Автокредит «Купи авто в Онлайн» в номинации «Программный продукт года».** «Купи авто в Онлайн» от Сбер – это быстрый, комфортный и безопасный продукт. Оформление кредита, его рассмотрение и подписание документов происходит полностью, от начала и до конца в Онлайн формате.

– **GigaHelp в номинации «Цифровой сервис года».** Центр клиентской поддержки Сбербанка каждый год принимает более 1,5 миллиона запросов. Инновационный сервис GigaHelp обеспечивает максимально ускоренное получение интересующей информации сотрудниками. Для клиентов это быстрые и точные ответы на все необходимые вопросы.

Две серебряные награды:

– **СберБанк Бизнес Онлайн в номинации «Программно-аппаратный продукт года».** Мобильный банкинг для юр. лиц позволил значительно сократить временные затраты представителей бизнеса и максимально оптимизировать работу. На сегодняшний день около 80% операций бизнес-клиентов осуществляется именно через цифровые сервисы.

– **Модель предсказания значений курсов валют в номинации «Реализованный проект года по цифровой трансформации».** Благодаря модели, курсы в отделениях банка более выгодные: СберБанк принимает во внимание потребности всех сторон банковского процесса: клиента, банка и рынка.

Также СберБанк удостоен **специальной награды** за прорыв в области искусственного интеллекта, внедрение передовых цифровых сервисов, успешную цифровую трансформацию и инновационные решения в банковской сфере для повышения комфорта каждого клиента [11].

Таким образом, ПАО «СберБанк» по праву считается лидером по внедрению инноваций в свою деятельность на финансовом рынке России, поэтому неудивительно, что он также является лидером по выручке среди всех финансовых организаций Российской Федерации.

ПАО «Х5».

В 2024 году Х5 на разработку и внедрение инновационных решений потратила более 22 млрд. руб., в данном случае речь идет прежде всего о затратах на внедрение IT-технологий в работу торговых сетей и прочих направлениях бизнеса Х5. В самой компании имеются уже порядка нескольких десятков собственных инновационных технологических разработок.

Одним из крупнейших инновационных проектов Х5 является разработка и внедрение системы управления складами. Разработанная инновационная система автоматизирует бизнес-процессы начиная с поступления товаров в распределительный центр до их отгрузки.

Также крупным и инновационным проектом Х5 является система прогнозирования спроса и пополнения товаров. Основой для данной инновации послужили инструменты Big Data и AI. Система прогнозирования спроса при этом полностью направлена на удовлетворение потребностей покупателей, что является крайне весомым конкурентным преимуществом.

Последним инновационным решением рассматриваемой организации является проект по автоматизации подбора персонала с использованием AI. ИИ-рекрутер осуществляет все этапы поиска сотрудников: производит поиск кандидатов в открытых источниках, проводит деталь-

ный анализ резюме, даже проводит первичное собеседование и, как итог, формирует рекомендации для руководителя [12].

Ориентация компании X5 на развитие инновационной деятельности позволило ей занять первое место в рейтинге торговых предприятий России по выручке в 2025 году и на 6 место в общем рейтинге среди всех отраслей.

Внедрение инноваций в деятельность организаций несет в себе огромное количество плюсов, к ним можно отнести оптимизацию процессов, совершенствование управления, улучшение качества коммуникаций с целевой аудиторией и потенциальными клиентами и повышение эффективности. Однако перед внедрением инноваций некоторые компании сталкиваются с некоторыми барьерами:

1. Страх неудачи. Когда неудача наказывается, сотрудники становятся более осторожными, что подавляет инновации. Культура, основанная на страхе, приводит к предпочтению безопасных, проверенных методов и препятствует творческому решению проблем.

2. Микроменеджмент. Чрезмерная властность подавляет творчество и ограничивает возможности сотрудников для самопознания.

3. Сопротивление переменам. Жесткое следование существующему положению вещей является одним из самых больших препятствий для инноваций. Сотрудники, сопротивляющиеся новым процессам или технологиям, мешают организациям развиваться в соответствии с рынком.

4. Культура обвинений. В культуре обвинений избегается рискованное поведение из-за страха негативных последствий.

5. Изолированное мышление. Когда отделы работают изолированно, страдает сотрудничество. Изолированное мышление ограничивает обмен идеями и замедляет инновации, поскольку не учитывается разнообразие точек зрения.

6. Ориентация на краткосрочную выгоду. Узкая ориентация на краткосрочные результаты препятствует инвестициям в долгосрочные, преобразующие идеи.

7. Чрезмерная опора на прошлые успехи. Слишком сильная зависимость от того, что работало в прошлом, может ослепить организацию и помешать увидеть новые возможности. Для инноваций требуется смелость, чтобы разрушить успешные продукты или процессы и оставаться впереди [2].

Выводы

Инновации – это двигатель конкурентных преимуществ. Организации, которые успешно развивают возможности и модели поведения, способствующие инновациям, смогут адаптироваться к изменениям, решать проблемы клиентов и использовать новые возможности. Сочетая развитие потенциала с необходимыми культурными изменениями, компании могут процветать в современном быстро меняющемся деловом мире.

Российский внутренний рынок – это пространство, где созданы все условия для развития здоровой конкуренции, а государственное регулирование и поддержка инновационной деятельности создают все условия для успешного внедрения инновационных технологий. На данный момент пока нельзя говорить о том, что инновационная деятельность популярна в российских организациях, но положительная тенденция роста инновационной активности и затрат на инновационную деятельность свидетельствует об активном развитии данного направления.

Исходя из рассмотренных примеров на российском рынке становится очевидно, что компании, которые ставят развитие инновационной деятельности как основное направление развития занимают лидирующие места в

рейтинге крупнейших компаний по выручке. Данное явление объяснить достаточно просто, инновации, как само явление привлекает внимание не только инвесторов, но и покупателей. Тенденции современного социального общества как раз направлены на инновационные процессы и решения, на экологические инновации, на совершенствование старых процессов и внедрение новых. Современное поколение не боится нововведений и охотно идет на встречу инновациям, поэтому компании, внедряющие в свою деятельность инновации в значительной степени, повышают свою конкурентоспособность.

Литература

1. Everett M. Rogers. Diffusion of Innovations. New York: Free Press, 2003. 551 p.
2. Innovation in Organizations: Unlocking Competitive Advantage / Aims, 24 February, 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aimsinternational.com/news/innovation-in-organizations-unlocking-competitive-advantage> (дата доступа: 07.02.2026).
3. Герман Е.А. Теоретическая инноватика: учеб. пособие / Е.А. Герман. СПб., 2018. 148 с.
4. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2024 год / Федеральная антимонопольная служба [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/Доклад_о_состоянии_конкуренции_в_Российской_Федерации_за_2024_год-1746020417.pdf (дата доступа: 07.02.2026).
5. Классификация инноваций / Учебник. Образовательная платформа экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: <https://books.econ.msu.ru/Economics-of-innovation/sect01/chap01/1.2/> (дата обращения: 07.02.2026).
6. Кобин П.Н. Эволюция теории инноваций // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2021. Т. 11, № 3 (35). С. 25-32.
7. Крылова М.В., Суслова Ю.Ю., Волошин А.В. Эволюция теоретических подходов к определению сущности инноваций и инновационного развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 6. С. 199-206.
8. Наука, инновации, технологии в Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 07.02.2026).
9. Носков А.А. Теория инноваций в исторической ретроспективе // Вестник ПНИПУ. Социально -экономические науки. 2022. № 4. С. 175-191.
10. Овчинникова А. В., Дорф Е. А. Эволюция теории инноваций / Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2024 г. – Т. 18, №1. – С 160-169.
11. От автоматизации процессов до удобных мобильных приложений: 5 престижных наград Сбера / новости Сбера [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sberbank.by/new/five-awards-12122025> (дата доступа: 07.02.2026).
12. Цифровые технологии в X5 Retail Group / TAdviser [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровые_технологии_в_X5_Retail_Group (дата доступа: 07.02.2026).

Innovation as a Tool for Improving Enterprise Competitiveness in the Russian Domestic Market

Artsyov N.A., Kozlov R.A., Kovelsky V.V.
Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

Today, the entire world is advancing at an incredible pace along the path of technological progress. Various innovations are actively used in the Russian domestic market today, and, as practice shows, this solution is usually a winning one. Therefore, the topic of innovation is not just a current topic, but the most significant one in 2026.

Therefore, this article examines the innovative activities of organizations from the initial definition of the term "innovation" to its impact on corporate competitiveness. Its role, classification, and impact on corporate operations and competitiveness are also defined. Another important section analyzes the use of innovation by Russian organizations and examines the most prominent examples of companies using innovation to enhance competitiveness.

Furthermore, the authors analyze the mechanism of state support for innovation in the Russian Federation and examine existing barriers to the implementation of innovation in Russian organizations. The analysis conducted in this article confirms the relevance of this topic and demonstrates that Russian organizations are keeping up with global trends, which helps them grow and develop.

Keywords: innovation, innovation activity, competitiveness, domestic market, technology, progress, customer focus.

References

1. Everett M. Rogers. Diffusion of Innovations. New York: Free Press, 2003. 551 p.
2. Innovation in Organizations: Unlocking Competitive Advantage / Aims, February 24, 2025 [Electronic resource]. URL: <https://www.aimsinternational.com/news/innovation-in-organizations-unlocking-competitive-advantage> (accessed: February 7, 2026).
3. Herman, E. A. Theoretical Innovation: A Textbook / E. A. Herman. St. Petersburg, 2018. 148 p.
4. Report on the State of Competition in the Russian Federation for 2024 / Federal Antimonopoly Service [Electronic resource]. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/Доклад_о_состоянии_конкуренции_в_России_Федерации_за_2024_год-1746020417.pdf (accessed: 07.02.2026)
5. Classification of innovations / Textbook. Educational platform of the Faculty of Economics of Moscow State University named after M.V. Lomonosov [Electronic resource]. URL: <https://books.econ.msu.ru/Economics-of-innovation/sect01/chap01/1.2/> (accessed: 07.02.2026).
6. Kobin P.N. Evolution of the theory of innovation // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. Introduction. Path to Science. 2021. Vol. 11, No. 3 (35). P. 25-32
7. Krylova M.V., Suslova Yu.Yu., Voloshin A.V. Evolution of theoretical approaches to defining the essence of innovation and innovative development // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2021. No. 6. P. 199-206.
8. Science, innovation, technology in the Russian Federation / Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/science> (date accessed: 07.02.2026).
9. Noskov A.A. Theory of innovation in historical retrospect // Bulletin of PNRPU. Social and Economic Sciences. 2022. No. 4. P. 175-191. 10. Ovchinnikova A. V., Dorf E. A. Evolution of the Theory of Innovations / Bulletin of the South Ural State University. - 2024. - Vol. 18, No. 1. - P. 160-169.
11. From process automation to user-friendly mobile applications: 5 prestigious Sberbank awards / Sberbank news [Electronic resource]. URL: <https://www.sber-bank.by/new/five-awards-12122025> (accessed: 07.02.2026).
12. Digital technologies in X5 Retail Group / TAdviser [Electronic resource] URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Article:Digital_technology_in_X5_Retail_Group (accessed: 07.02.2026).

Концептуальный подход к развитию ресурсного потенциала рынка социальных услуг

Бессарабов Владислав Олегович

доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой информационных систем и технологий управления, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила-Туган Барановского, bessarabov93@gmail.com,

Абдурахимова Маргарита Геннадиевна

аспирант кафедры информационных систем и технологий управления, старший преподаватель кафедры правовых и политических учений, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила-Туган Барановского, rita.abdurakhimova.92@mail.ru

В статье разработан концептуальный подход к развитию ресурсного потенциала рынка социальных услуг, в основу которого положены элементы теоретического, аналитического и практического базиса. Данная разработка сопровождалась анализом теоретических особенностей функционирования товарного рынка, рынка услуг и рынка социальных услуг. В свою очередь, выделенные функции последнего были положены в основу доминант рынка социальных услуг, что позволило выделить соответствующие его директивы, которые нашли свое отражение в предложенном концептуальном подходе.

Ключевые слова: потенциал, ресурсы, ресурсный потенциал, рынок услуг, рынок социальных услуг, функции, доминанты рынка социальных услуг.

Рынок услуг – это сфера экономических отношений, где происходит купля-продажа нематериальных благ, то есть деятельности, выполняемой для удовлетворения потребностей людей или организаций. В отличие от рынка товаров, где продаются физические объекты, на рынке услуг предлагаются действия, ведутся работы или реализуются процессы [1].

Существует мнение среди ученых, что услуга по своей сути является специфическим видом товара на рынке [2]. Действительно анализируя сферу услуг, можно прийти к выводу, что торговля товарами и услугами имеет некоторые общие черты. Например, много товаров производятся и реализуются с помощью таких транзакций, которые очень похожи на реализацию услуг, где клиент предъявляет специфические требования производителю. Достаточно ярким примером сказанного являются товары, изготовленные под заказ (по личным специфическим параметрам), или те, которые возможно продать только после установления контакта, получения дополнительной информации. Кроме того, и товары, и услуги, являются объектом на рынке.

Главной особенностью и отличием данных рынков заключается в осязаемости товара и неосязаемости услуги. Помимо этого, товары, возможно, накапливать, хранить, складировать, услуга же не обладает данной особенностью. Также стоит отметить и о принципиальном отличии относительно участия лица при покупке товара, и получении услуги, которое заключается в активном вовлечении потребителя услуги в данный процесс, и минимальном наборе действий при покупке товара.

Логично, что оценка товара и услуги также отличается, поскольку товар оценивается по его качественным характеристикам и свойствам, которые важны для лица, а оценка услуги возможна, зависит от опыта, результата и отношений. При этом, предварительно потребитель имеет только косвенную возможность оценить услугу на основе мнений других, по аналогии. Однако качественное оказание услуги одному потребителю не гарантирует такое же другому.

В тоже время рынок социальных услуг, как и рынок услуг в целом характеризуется нематериальным «производством», однако первый ориентирован на улучшение качества жизни и социального благополучия наиболее уязвимых слоев населения, что обуславливает его специфические характеристики. Так, именно социальные услуги часто носят комплексный характер и требуют адаптации, персонализации под запросы конкретного заказчика [3]. Здесь речь идет не только об активном участии самого заказчика, но, как правило, и о его окружении, что является критически важным фактором успеха. При этом процесс оказания социальных услуг в государстве представляет собой многоуровневую структуру, где каждый уровень играет свою роль и непосредственно влияет на их структуру.

Следовательно, качество социальных услуг обеспечивается совместными усилиями всех уровней. Федеральные органы разрабатывают стандарты и нормативную базу. Региональные органы адаптируют их к местным условиям и развивают сеть поставщиков. Органы местного самоуправления обеспечивают доступность услуг на местах. Непосредственные исполнители внедряют инновации и расширяют спектр услуг. Сотрудники оказывают услуги, а заказчики дают обратную связь [4].

Эффективная система качества требует скоординированной работы субъектов на всех уровнях, учета интересов всех заинтересованных сторон. При этом понимание интересов и потребностей субъектов на каждом уровне способствует разработке эффективных стратегий и механизмов, направленных на повышение качества и доступности социальных услуг для населения.

Однако, стоит отметить, что качественное удовлетворение потребностей граждан невозможно без эффективного использования ресурсного потенциала рынка социальных услуг. Анализ рынка социальных услуг с точки зрения его ресурсного потенциала позволяет не только выявить существующие проблемы, но и определить перспективные направления для его развития, повышения эффективности и устойчивости [5]. Важно рассматривать рынок социальных услуг как динамичную систему, требующую постоянного мониторинга, анализа и адаптации к меняющимся социально-экономическим условиям.

В конечном счете, эффективно используемый ресурсный потенциал рынка социальных услуг – это гарантия того, что каждый гражданин, нуждающийся в помощи и поддержке, получит ее своевременно и в полном объеме. Рациональное распределение ресурсного потенциала дает возможность не только качественно оказывать социальные услуги, но также и эффективно реализовывать их функции [6]. Учитывая, особенно ресурсного потенциала рынка социальных услуг в таблице 1 представлены его функции.

Таблица 1
Функции рынка социальных услуг

Функция	Характеристика
Экономическая	Формирование рабочих мест в сфере социальных услуг, привлечение финансовых ресурсов обеспечение экономической стабильности через поддержку наиболее уязвимых групп населения.
Защитная	Обеспечение социальной безопасности граждан, особенно тех, кто находится в трудной жизненной ситуации, соблюдение их прав и свобод.
Коммуникативная	Четкая и структурированная координация между заказчиком и исполнителями социальных услуг в лице как государственных органов, так и других субъектов их оказывающих, а также заинтересованных третьих лиц (волонтеров, добровольцев).
Информационная	Своевременное и оперативное доведение необходимой информации до населения о доступных социальных услугах, их видах, порядке получения.
Аксиологическая	Формирование приоритетов и утверждение ценностей социальной справедливости, равенства возможностей, человеколюбие, а также укрепления доверия к социальным услугам.
Регулирующая	Установление стандартов качества социальных услуг, контроль за их оказанием, рациональное распределение ресурсов по различным их видам.
Социальная	Устранение социальной отчуждаемости, содействие интеграции уязвимых групп населения в общественную жизнь, снижение социальной напряженности, повышение уровня жизни и благополучия граждан.
Психологическая	Предоставление необходимой психологической помощи нуждающимся гражданам, формирование защищенности, создание необходимых условий с целью адаптации граждан к новым условиям.

Результаты критического анализа выделенных в таблице 1 функций, позволяют выделить ряд особенностей, отличающих исследуемый нами рынок от других, который должны быть учтены при разработке соответствующего концептуального подхода.

Во-первых, эффективность социальных услуг тяжело оценить, поскольку они обладают таким параметром как нематериальность и, как правило, долгосрочность реализации. Финансирование поступает из государственных и благотворительных источников, что делает его зависимым от государственной политики и всевозможных жертвований.

Во-вторых, в связи с тем, что рынок социальных услуг направлен на определенную категорию граждан, а

именно наиболее уязвимую (тех, кто находится в трудной жизненной ситуации), то стоит отметить важность доверительных отношений между заказчиком и исполнителем. Именно взаимодействие между ними может влиять как на качество оказания социальных услуг, так и на своевременное реагирование на изменяющиеся потребности населения.

В-третьих, в данном случае важно не просто довести информацию о доступных социальных услугах, видах, порядке оказания, но и адаптировать ее для различных групп населения, включая людей с ограниченными возможностями [7].

В-четвертых, к исполнителям услуг выдвигаются не только профессиональные требования, но и высокие этические требования, а также формируется важность учета культурных и религиозных особенностей.

В-пятых, учитывая вышесказанное, еще раз акцентируется внимание на важности конфиденциальности и уважении к личности, а также использование всевозможных специализированных методов психологической помощи. Такие мероприятия только подчеркивают важность психологической составляющей при оказании социальных услуг.

Другими словами, рынок социальных услуг – это сложная и многогранная система, требующая особого концептуального подхода к ее развитию. При этом, в условиях быстро меняющегося мира и усложняющихся социальных проблем, учет доминант развития рынка социальных услуг является необходимым условием его развития. Каждая доминанта, имеет свои особенности, подчеркивающие ее значимость и влияние на развитие рынка социальных услуг через призму рисков и вызовов [8].

Так, индивидуальность («персонифицированность») социальных услуг ведет к непосредственному повышению их эффективности, поскольку только так возможно в полном объеме удовлетворить уникальные потребности каждого заказчика. Например, индивидуальный (особенный) подход к реабилитации после инсульта значительно увеличивает шансы на успешное восстановление. При этом важно, чтобы заказчик активно сам вовлекался в процесс принятия решений, что способствует усилению его самостоятельности и ответственности. Помимо этого, персональный подход обеспечивает более точное и рациональное распределение необходимых ресурсов, сокращая риски их нецелевого использования.

Превентивность в оказании социальных услуг позволяет уменьшить комплекс необходимых мер поддержки, что способствует дальнейшему развитию проблем на ранних стадиях и минимизирует тяжелые и дорогостоящие последствия, а значит и вложение большего объема ресурсов. Например, ранние программы поддержки молодых семей, значительно снижают риск социального сиротства.

Цифровизация позволяет значительно повысить доступность социальных услуг, особенно для жителей удаленных территорий и людей с ограниченными возможностями, благодаря различным онлайн-платформам и дистанционным сервисам. Кроме того, автоматизация процессов улучшает качество и скорость обслуживания, а аналитика данных помогает оптимизировать управление ресурсами. Например, онлайн-платформы для поиска и получения социальных услуг [9].

Развитие партнерства и межведомственного взаимодействия как доминанта развития исследуемого нами рынка способствует комплексному решению социальных проблем, требующих участия различных специалистов и организаций. Например, совместные программы социальных служб и центров занятости для трудоустройства людей с инвалидностью являются ярким примером такого сотрудничества. Партнерство также ведет к расширению

спектра доступных социальных услуг и повышению эффективности использования ресурсов за счет объединения усилий различных субъектов рынка [10].

Устойчивость и ориентация на самостоятельность заказчиков услуг позволяют сократить зависимость населения от социальной поддержки. Помощь, направленная на развитие потенциала, трудоустройство и социальную адаптацию, позволяет людям самостоятельно решать свои проблемы и меньше нуждаться в сторонней помощи. Программы микрокредитования для малоимущих граждан являются успешным примером поддержки инициатив, направленных на повышение экономического благосостояния.

Наконец, обеспечение доказательности и проведение оценки эффективности социальных услуг позволяет поддерживать их надлежащее качество, оптимизировать рас-

пределение ресурсов и повысить доверие общества к соответствующему рынку. Использование стандартизированных инструментов для оценки результатов социальной работы способствует объективности и прозрачности процессов.

В свою очередь, экономическая эффективность позволяет снизить финансовую нагрузку на социальную сферу и привлечь новых инвесторов в процесс развития рынка социальных услуг.

Для эффективной реализации ресурсного потенциала важно не только качественно реализовать вышеуказанные доминанты и функции, но и четко понимать всю логику их взаимосвязи в рамках рынка социальных услуг. Учитывая это, на рисунке 1 представлен концептуальный подход к развитию ресурсного потенциала рынка социальных услуг, в рамках которого были выделены теоретический, аналитический и практический базис.

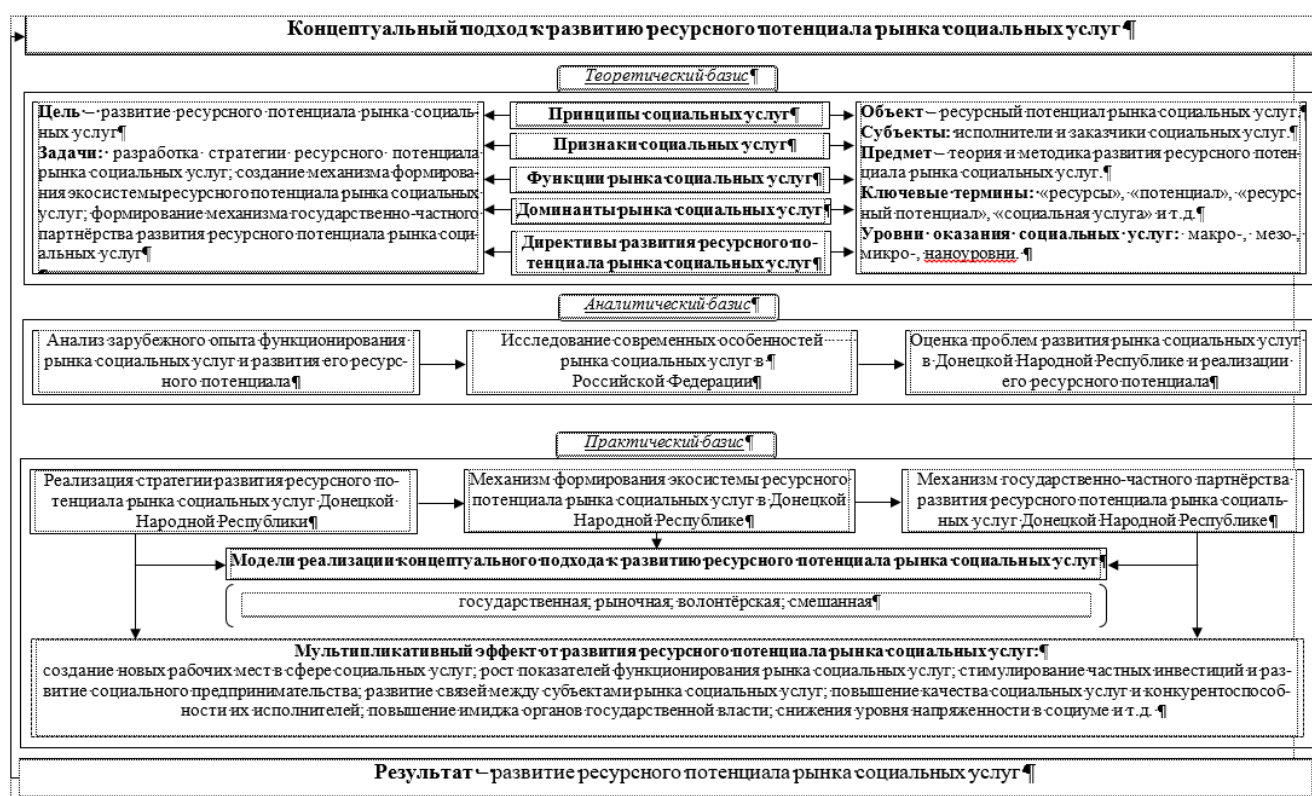

Рисунок 1 — Концептуальный подход к развитию ресурсного потенциала рынка социальных услуг (авторская разработка)

По нашему мнению, реализация теоретического, аналитического и практического базиса, подчеркивая взаимосвязь и взаимообусловленность элементов каждого из них, может осуществляться в рамках четырех моделей, таких как государственная, рыночная, волонтерская, гибридная. Они в полной мере учитывают как специфику социальных услуг, так и разнообразие субъектов, функционирующих на исследуемом нами рынке, их ресурсный потенциал. На сегодняшний день, рынок услуг создают как государственные, так и негосударственные, некоммерческие организации. Однако именно частные исполнители услуг играют особую роль в расширении спектра и повышении качества социальных услуг.

В свою очередь, выбор наиболее оптимальной модели реализации концептуального подхода для конкретного государства зависит от ряда факторов, включая социально-экономические условия, политические, культурные и иные особенности, а также наличия конкретных ресурсов.

Как было сказано ранее, существует многообразие моделей реализации предложенного концептуального под-

хода к развитию ресурсного потенциала, которые поясняют логику взаимодействия заказчика и исполнителя. В тоже время модели, основанные на старых традиционных принципах со значительным участием государства, модифицируются в гибридные новые модели с некоммерческими организациями.

Здесь стоит подчеркнуть, что увеличение роли некоммерческих организаций в реализации социальных услуг и формирование конкуренции между их исполнителями услуг, с одной стороны, стимулирует инновации и повышение качества, но с другой — может приводить к концентрации ресурсов в более прибыльных сегментах рынка и игнорированию потребностей уязвимых групп населения [11]. В данном вопросе, государству необходимо разрабатывать механизмы контроля и регулирования, которые приводят к изоляции определенных групп, обеспечивая равный доступ к необходимым социальным услугам.

На сегодняшний день, доминирующую позицию среди всего разнообразия занимает государственная модель, которая заключается в оказании услуг на основе централизованного распределение ресурсов через различные

ведомственные организации. Несмотря на развитие рыночной экономики, конкуренции и появление новых субъектов в данной сфере, государство занимает лидирующую позицию среди остальных, обеспечивая базовые стандарты и минимальный уровень доступности социальных услуг. При этом, остается нерешенным вопрос бюрократического механизма, что непосредственно влияет на качество и эффективность оказания услуг, а также объем финансирования, который также не всегда соответствует потребностям заказчиков услуг, особенно с учетом функционирования виртуальных рынков [12; 13].

Вопреки лидирующей позиции государства, для крупных городов крайне актуальна рыночная модель, предоставляющая свободу выбора гражданам, что лежит в основе повышения качества социальных услуг для платежеспособных лиц.

Рассматривая растущую роль волонтерской модели, стоит сказать о ее важности и значимости для наиболее уязвимой группы населения. Преимущества модели заключается в гибкой системе и адаптации под потребности, но при этом возможны трудности с финансированием и масштабированием.

Одной из перспективных моделей рынка социальных услуг является гибридная или смешанная модель, поскольку именно она сочетает в себе элементы государственных стандартов, финансирования услуг с возможностью индивидуального, эффективного подхода к конкретным потребностям каждого заказчика. Именно поэтому, мы склонны полагать, что наиболее реальной и эффективной будет смешанная модель реализации концептуального подхода к развитию ресурсного потенциала рынка социальных услуг, сочетающая в себе преимущества других [12]. При этом важно создать нормативную базу, четко регулирующую и упорядочивающую функции каждого субъекта рынка, его сферу деятельности, финансирование, не создавая риски возникновения конфликта интересов, дублирования целей и задач, а также коррупционной составляющей на рынке социальных услуг.

При этом, реализация рассмотренных выше моделей неизбежно связана со следующими директивами развития ресурсного потенциала рынка социальных услуг, составляющих фундамент предложенного концептуального подхода:

- рынок социальных услуг нуждается в конкуренции, что создаст условия для повышения качества и их эффективности, но при этом обеспечивая принцип равенства и доступности для граждан;
- модернизация системы финансирования рынка социальных услуг, на основе диверсифицированного рационального сочетания различных источников финансирования, начиная от государственных заканчивая частными инвестициями и вложениями, что существенно снизит нагрузку и зависимость от конкретного ресурса;
- государство должно создавать благоприятные условия и оказывать всестороннее содействие исполнителям социальных услуг;
- крайне необходимо сосредоточиться на кадровом потенциале, поскольку именно данный ресурс является одним из ключевых, непосредственно влияющих на результативность и эффективность оказания социальных услуг;
- создание и внедрение комплекса мер по контролю качества оказываемых услуг, внедрения единых стандартов касаясь как государственных, так и некоммерческих организаций;

Указанные выше директивы, учитывающие реализацию предложенного концептуального подхода, позволят развивать ресурсный потенциал рынка социальных услуг, повышая его эффективность, устойчивость и клиентоориентированность как в Российской Федерации в целом, так и Донецкой Народной Республике в частности.

Литература

1. Абдурахимова, М. Г. К вопросу о содержании дефиниции «Услуга» через призму эволюции государственных и социальных услуг / М. Г. Абдурахимова // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2024. – № S1. – С. 10-17. – EDN OVZUBF.
2. Христофорова, И. В. Специфические отличия услуги от товара / И. В. Христофорова // Сервис plus. – 2007. – № 1. – С. 11-19. – EDN LEUQXZ.
3. Бессарабов, В. О. Ресурсный потенциал сферы услуг как фактор ее динамичного развития / В. О. Бессарабов, М. Г. Абдурахимова // Экономическое развитие России. – 2025. – Т. 32, № 9. – С. 317-321. – EDN FOXZHO.
4. Абдурахимова, М. Г. Рынок социальных услуг: от ресурсного потенциала до оценки качества / М. Г. Абдурахимова // Финансовые рынки и банки. – 2025. – № 12. – С. 476-479.
5. Абдурахимова, М. Г. Сфера услуг: от ресурсного потенциала к отраслевым особенностям / М. Г. Абдурахимова // Актуальные проблемы пространственного развития : Материалы II Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 24 октября 2025 года. – Нижний Новгород: Нижегородский институт путей сообщения, 2025. – С. 11-18. – EDN EBSQDN
6. Абдурахимова, М. Г. К вопросу о ресурсном потенциале сферы услуг / М. Г. Абдурахимова // Донецкие чтения - 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра, Донецк, 05–07 ноября 2025 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. – С. 157-159. – EDN FCSZCX.
7. Абдурахимова, М. Г. О дефиниции понятия «социальная услуга» / М. Г. Абдурахимова // Новая реальность менеджмента: экономические, социальные, технологические тренды : Сборник научных статей 2-й Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 30-летию Факультета экономики и менеджмента, Курск, 21–22 ноября 2025 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2025. – С. 12-14. – EDN MOEJVD.
8. Бессарабов, В. О. Концептуальный подход к развитию рынка консалтинговых услуг в условиях новых вызовов / В. О. Бессарабов, Р. Н. Курасов // Экономическое развитие России. – 2025. – Т. 32, № 8. – С. 83-89.
9. Азарян, Е. М. Оценка ожидаемой эффективности применения маркетинговой цифровой платформы на виртуальном рынке / Е. М. Азарян, А. А. Попова, В. О. Бессарабов // Цифровая экономика и управление знаниями: проблемы и перспективы развития : Сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции, Киров, 14 июня 2023 года. – Киров: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Вятский государственный аграрно-технологический университет, 2023. – С. 67-70.
10. Бессарабов, В. О. Особенности виртуального рынка Донецкой Народной Республики / В. О. Бессарабов // Маркетинг в 3-м тысячелетии : Материалы международной научно-практической интернет-конференции преподавателей, аспирантов, студентов, Донецк, 25 апреля 2025 года. – Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, 2025. – С. 122-124. – EDN GJLIJW.
11. Абдурахимова М.Г. Природы социальных услуг в современных условиях региональной и отраслевой экономики / М. Г. Абдурахимова // Общество, профсоюзы и образование: конструктивное сотрудничество и тенденции развития: материалы II Международной научно-практической конференции. Витебск, 5 ноября 2025 г.: электронное научное издание /– Витебский филиал Международного университета «МИТКО», 2025. – С. 123-126.

12. Демидов, С. С. Теоретические основы и практические аспекты сферы услуг в региональной экономике Донецкой народной Республики / С. С. Демидов // *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*. – 2024. – № S2. – С. 101-109.

13. Бессарабов, В. О. Основы развития виртуальных рынков в условиях цифровой бизнес-среды / В. О. Бессарабов // *Маркетинг-дайджест : Сборник тезисов научных докладов Республиканской научно-практической интернет-конференции преподавателей, аспирантов, студентов и школьников, Донецк, 31 октября 2025 года*. – Донецк: Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования "Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского", 2025. – С. 286-289. – EDN XXRGBZ.

A conceptual approach to the development of the resource potential of the social services market

Bessarabov V.O., Abdurakhimova M.G.

Donetsk national university of economics and trade named after Mikhail-Tugan Baranovsky

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

In the course of the study, a conceptual approach to the development of the resource potential of the social services market was developed, which is based on elements of a theoretical, analytical, and practical basis. This development was accompanied by an analysis of the theoretical features of the functioning of the commodity market, the services market, and the social services market. In turn, the identified functions of the latter were used as the basis for the dominant features of the social services market, which allowed for the identification of its corresponding directives, which were reflected in the proposed conceptual approach.

Keywords: potential, resources, resource potential, service market, social services market, functions, and social services market dominants.

References

1. Abdurakhimova, M. G. On the Contents of the Definition of "Service" through the Prism of the Evolution of Public and Social Services / M. G. Abdurakhimova // *Innovative Economy: Information, Analytics, Forecasts*. - 2024. - No. S1. - Pp. 10-17. - EDN OVZUBF.
2. Khristoforova, I. V. Specific Differences between Services and Goods / I. V. Khristoforova // *Service Plus*. - 2007. - No. 1. - Pp. 11-19. - EDN LEUQXZ.
3. Bessarabov, V. O. Resource Potential of the Service Sphere as a Factor in Its Dynamic Development / V. O. Bessarabov, M. G. Abdurakhimova // *Economic Development of Russia*. - 2025. - Vol. 32, No. 9. - Pp. 317-321. - EDN FOXZHO.
4. Abdurakhimova, M. G. Social services market: from resource potential to quality assessment / M. G. Abdurakhimova // *Financial markets and banks*. - 2025. - No. 12. - Pp. 476-479.
5. Abdurakhimova, M. G. Services sector: from resource potential to industry specific features / M. G. Abdurakhimova // *Actual problems of spatial development: Proceedings of the II International scientific and practical conference, Nizhny Novgorod, October 24, 2025*. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Railway Institute, 2025. - Pp. 11-18. - EDN EBSQDH.
6. Abdurakhimova, M. G. On the issue of the resource potential of the service sector / M. G. Abdurakhimova // *Donetsk Readings - 2025: education, science, innovation, culture and challenges of our time: Proceedings of the X International Scientific Conference dedicated to the 60th anniversary of the creation of the Donetsk Scientific Center, Donetsk, November 5-7, 2025*. - Donetsk: Donetsk State University, 2025. - P. 157-159. - EDN FCSZCX.
7. Abdurakhimova, M. G. On the definition of the concept of "social service" / M. G. Abdurakhimova // *New reality of management: economic, social, technological trends: Collection of scientific articles of the 2nd All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 30th anniversary of the Faculty of Economics and Management, Kursk, November 21-22, 2025*. - Kursk: ZAO "Universitetskaya kniga", 2025. - Pp. 12-14. - EDN MOEJVD.
8. Bessarabov, V. O. Conceptual approach to the development of the consulting services market in the context of new challenges / V. O. Bessarabov, R. N. Kurasov // *Economic development of Russia*. - 2025. - Vol. 32, No. 8. - Pp. 83-89.
9. Azaryan, E. M. Evaluation of the expected effectiveness of using a digital marketing platform in the virtual market / E. M. Azaryan, A. A. Popova, V. O. Bessarabov // *Digital economy and knowledge management: problems and development prospects: Collection of scientific papers of the IV International scientific and practical conference, Kirov, June 14, 2023*. - Kirov: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Vyatka State Agrotechnological University, 2023. - P. 67-70.
10. Bessarabov, V. O. Features of the virtual market of the Donetsk People's Republic / V. O. Bessarabov // *Marketing in the 3rd millennium: Proceedings of the international scientific and practical Internet conference of teachers, graduate students, students, Donetsk, April 25, 2025*. - Donetsk: Donetsk National University of Economics and Trade named after M. Tugan-Baranovsky, 2025. - P. 122-124. - EDN GJLIJW.
11. Abdurakhimova M.G. The nature of social services in the current conditions of regional and sectoral economies / M. G. Abdurakhimova // *Society, trade unions and education: constructive cooperation and development trends: materials of the II International scientific and practical conference. Vitebsk, November 5, 2025: electronic scientific publication / - Vitebsk branch of the International University "MITSO", , 2025. - P. 123-126.*
12. Demidov, S. S. Theoretical foundations and practical aspects of the service sector in the regional economy of the Donetsk People's Republic / S. S. Demidov // *Innovative economy: information, analytics, forecasts*. - 2024. - No. S2. - P. 101-109.
13. Bessarabov, V. O. Fundamentals of Development of Virtual Markets in the Digital Business Environment / V. O. Bessarabov // *Marketing Digest: Collection of abstracts of scientific reports of the Republican scientific and practical Internet conference of teachers, graduate students, students and schoolchildren, Donetsk, October 31, 2025*. - Donetsk: Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky", 2025. - P. 286-289. - EDN XXRGBZ.

Концепция создания радикально нового сервиса дистанционного зондирования земли

Волкова Елена Васильевна

соискатель на степень к.э.н., главный специалист отдела эксплуатации и развития информационных сервисов НЦ ОМЗ АО «Российские космические системы», harlamova_ev@mail.ru

Рост санкционного давления со стороны стран ЕС и США на экономику Российской Федерации говорит о непрекращающихся попытках Запада сдерживать экономический рост в том числе высокотехнологичных направлений, заменяющий тот поток импорта, который был характерен ранее. В статье затронут вопрос необходимости в опоре на собственные разработки, касаемые программного обеспечения и самих данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ), составляющих основу сервисов ДЗЗ. Важно отметить, что разработки должны осуществляться ускоренными темпами и привести к тому, чтобы сервисы ДЗЗ по характеристикам могли превзойти иностранные аналоги, при этом могли бы быть реализованы на внутреннем и внешнем рынках. С этой целью предлагается концепция построения цифрового двойника сервиса ДЗЗ на основе ГОСТ Р 57700.37-2021 с предварительным созданием технико-экономического облика радикально нового сервиса ДЗЗ, схемой функционирования системы управления инновационным проектом по созданию сервиса ДЗЗ, обеспечивающей поддержку принятия решений, а также алгоритмом определения параметров при проектировании радикально нового сервиса ДЗЗ.

Создание схемы реализации перечисленных поэтапных подходов на основе использования цифрового двойника позволит отечественным разработчикам занять достаточно важную нишу и не только создать радикально новый сервис ДЗЗ, востребованный как на российском, так и на зарубежном рынках, но и снизить то санкционное давление, которое оказывают страны ЕС и США на российскую экономику с целью снизить ее технологический суверенитет, особенно в отношении производства наукоемкой продукции, включая результаты работы инновационных (радикально новых) сервисов ДЗЗ.

Ключевые слова: санкции, ДЗЗ, конкурентоспособность, радикально новый сервис ДЗЗ, технико-экономический облик, цифровой двойник.

Введение

В настоящее время наблюдается постоянное увеличение санкционного давления со стороны стран ЕС и США. В этой связи принят очередной 19-й пакет санкций, направленный, как и все предыдущие на сдерживание роста экономики Российской Федерации [1]. Чтобы избежать данное сдерживание, указами Президента РФ принят ряд концепций, в том числе связанных с инновационным развитием и направленных на то, чтобы создавалась высокотехнологичная продукция, заменяющая импорт. Речь идет в том числе о программном обеспечении и данных ДЗЗ, составляющих основу сервисов ДЗЗ, при создании которых необходимо опираться на собственные разработки, которые, в свою очередь, в сегодняшних условиях должны осуществляться ускоренными темпами и приводить к тому, что сами созданные сервисы ДЗЗ по своим характеристикам могли превосходить иностранные аналоги и могли бы быть реализованы не только на отечественном, но и на зарубежном рынках.

В свою очередь, конкурентоспособность российских сервисов дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) можно оценить адекватно и понимать дальнейшие перспективы, если вынести на первый план их обеспеченность данными, полученными с космических аппаратов (КА), запущенных на орбиту в таком оптимальном количестве, чтобы опережать на мировом рынке представителей других стран по численности самой группировки. Поэтому принимая во внимание количество КА ДЗЗ, запущенных Россией в 2024 году, и составляющих только 23% (68 КА) от общего числа на мировом рынке, следует отметить, что РФ вошла в тройку стран-разработчиков и операторов спутниковых группировок ДЗЗ, оказавшись на 3-м месте [2]. На первой и второй позиции разместились США и Китай, количественно и качественно обеспечивая свои собственные сервисы за счет колоссального объема данных, принимаемых с КА, создавая тем самым жесткую конкурентную среду для остальных участников рынка.

Другой важный аспект заключается в том, что за последние 5 лет доля частных компаний и стартапов в общем объеме российского рынка ДЗЗ выросла в 3,5 раза и сейчас составляет более 50%. При этом в России преобладает спрос на сырые данные (92%), а на сервисы – только в процессе формирования. В мире же более развиты спрос на услуги по обработке и анализу данных ДЗЗ. Такой расклад объясняется преобладанием в целевой аудитории профессиональных пользователей данных, а в интересующем нас сегменте сервисов большинство компаний предлагают простые решения по обработке данных. Число мелких провайдеров аналитических сервисов растет уверенными темпами, но не так быстро, как хотелось бы на самом деле. Структура рынка ДЗЗ медленно меняется в сторону продуктов с более высокой добавленной стоимостью и отраслевых решений. При этом уход с отечественного рынка большинства иностранных данных и сервисов дало некоторый толчок в этом направлении. Но из-за немногочисленной российской орбитальной группировки КА и невозможности удовлетворить весьма высокий спрос на данные ДЗЗ и производные на их основе продукты и решения, становится ясной незначительная доля сервисов ДЗЗ российских разработчиков.

Важно также отметить, что в настоящее время около трети программного обеспечения, приходящегося на российское ДЗЗ, имеет иностранное происхождение. При этом в связи с увеличившимся санкционным давлением

должен происходить уход с рынка ДЗЗ иностранных производителей, что, в свою очередь, освобождает значительную нишу, которую необходимо заполнить в короткие сроки. Это возможно в том случае, если технические и экономические характеристики сервисов ДЗЗ будут выше тех, которые представлены на российском рынке.

Учитывая вышесказанное, речь должна идти о радикально новых сервисах, которые должны быть отнесены к радикально новой продукции.

В свою очередь, радикально новая продукция – это та продукция, которая к моменту выхода на рынок не имеет аналогичной или превосходящей по технико-экономическим характеристикам продукции [3].

Гипотеза

Чтобы создать радикально новый сервис ДЗЗ, предлагаются следующие подходы [5]:

1. Определение технико-экономического облика радикально нового сервиса ДЗЗ (рис. 1)

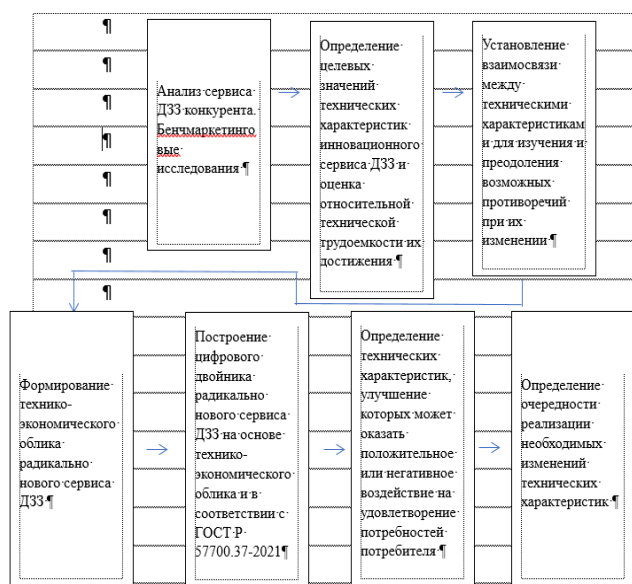

Рис. 1. Создание технико-экономического облика радикально нового сервиса ДЗЗ (составлено автором)

Технико-экономический облик радикально нового сервиса ДЗЗ должен отвечать всем потребительским требованиям, которые могли бы быть сформированы на основе анализа сервиса ДЗЗ конкурента и проведения соответствующих бенчмаркетинговых исследований.

На следующем этапе определяются целевые значения технических характеристик инновационного сервиса ДЗЗ и оценивается относительная техническая трудоемкость их достижения. При этом пожелания потребителей на сегодняшний день таковы, чтобы получить большую производительность труда при минимальных затратах, дополнительно исключая человеческий фактор при решении множества вопросов оценки сервисов ДЗЗ.

В принятом понимании аналог сервисов ДЗЗ – это наземные измерения с помощью соответствующего инструментария и при участии специалистов. Но само ДЗЗ должно исключить человеческий фактор и улучшить производительность труда, сокращая стоимость.

Таким образом, возникает задача по формированию технико-экономических характеристик сервисов ДЗЗ и установлению взаимосвязи между ними для изучения и преодоления возможных противоречий при их изменении.

Технико-экономический облик радикально нового сервиса ДЗЗ формируется после установления взаимосвязи между техническими характеристиками. На основе технико-экономического облика в соответствии с ГОСТ Р 57700.37-2021 [4] строится цифровой двойник, используя который, в свою очередь определяют технические характеристики, улучшение которых может оказать положительное или негативное воздействие на удовлетворение потребностей пользователя. После этого определяется очередность реализации необходимых изменений технических характеристик.

Данные, поступающие от эксплуатируемого сервиса, используются для уточнения многоуровневой системы требований, доработки цифровых моделей с целью прогнозирования поведения изделия (сервиса) в различных условиях эксплуатации, оптимизации затрат на техническое обслуживание, ремонт, а также для модернизации сервиса.

Используя схему на рис. 1 и понятие облика радикально новой продукции, дадим определение радикально нового сервиса ДЗЗ: это совокупность технических и экономических характеристик, которые позволяют сервису ДЗЗ превосходить предложения конкурентов и занимать доминирующую позицию на рынке.

Учитывая определение радикально нового сервиса ДЗЗ, необходимо перейти к реализации инновационного проекта, направленного на создание данного сервиса ДЗЗ.

2. Схема функционирования системы управления инновационным проектом по созданию сервиса ДЗЗ, обеспечивающая поддержку принятия решений (рис. 2)

Схема функционирования системы управления инновационным проектом по созданию сервиса ДЗЗ состоит из трех блоков:

- блок проектирования и выбора эффективного по многим критериям инновационного облика сервиса ДЗЗ;
- блок реализации инновационных сервисов ДЗЗ;
- блок усовершенствования инновационных сервисов ДЗЗ.

Каждый блок состоит из соответствующих подсистем.

Блок проектирования и выбора эффективного по многим **Блок реализации инновационных сервисов ДЗЗ** **Блок усовершенствования инновационных сервисов ДЗЗ** критериям инновационного (радикально нового) облика сервиса ДЗЗ

Блок проектирования и выбора эффективного по многим критериям радикально нового облика сервиса ДЗЗ состоит из двух важных подсистем:

- подсистема выработки инновационных тактико-технических требований к радикально новому сервису ДЗЗ;
- подсистема определения необходимых ресурсов (материальных, финансовых, трудовых) и выбор необходимых компонент при проектировании радикально нового сервиса ДЗЗ.

В блоке проектирования на основе выработанных инновационных тактико-технических требований к радикально новому сервису ДЗЗ ведется разработка иерархической системы показателей и ограничений с учетом затрат на проектирование и изготовление инновационного сервиса ДЗЗ. Кроме того, осуществляется генерация вариантов обликов под заданную конкурентную цену радикально нового сервиса ДЗЗ, после чего происходит многокритериальный выбор эффективного по многим критериям инновационного облика сервиса ДЗЗ.

критериям инновационного (радикально нового) облика сервиса Д33

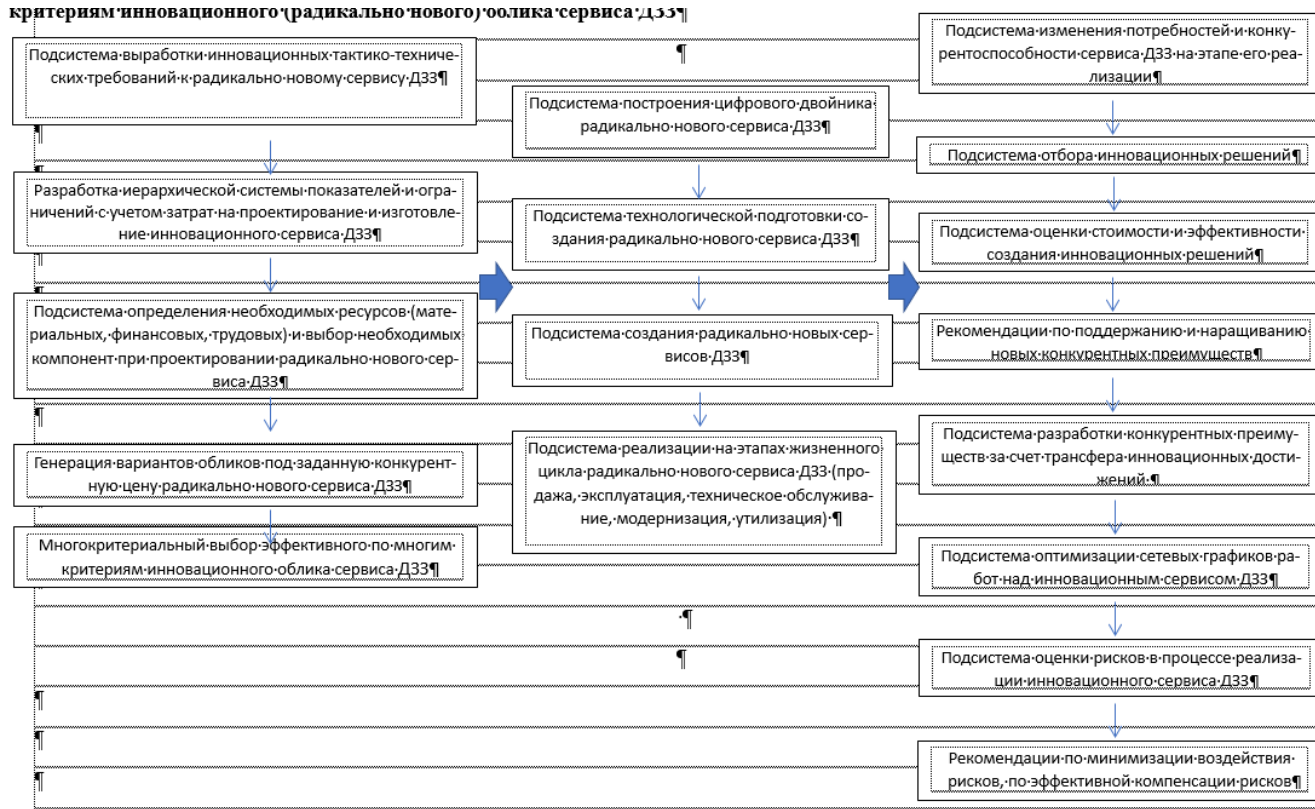

Рис. 2. Схема функционирования системы управления инновационным проектом по созданию сервиса Д33, обеспечивающей поддержку принятия решений (составлено автором)

В блоке реализации инновационных сервисов Д33 представлены следующие подсистемы:

- подсистема построения цифрового двойника радикально нового сервиса Д33 (в соответствии с ГОСТ Р 57700.37-2021);
- подсистема технологической подготовки создания радикально нового сервиса Д33;
- подсистема создания радикально новых сервисов Д33;
- подсистема реализации на этапах жизненного цикла радикально нового сервиса Д33 (продажа, эксплуатация, техническое обслуживание, модернизация, утилизация).

В блоке усовершенствования инновационных сервисов Д33 несколько следующих подсистем:

- подсистема изменения потребностей и конкурентоспособности сервиса Д33 на этапе его реализации;
- подсистема отбора инновационных решений;
- подсистема оценки стоимости и эффективности создания инновационных решений;
- подсистема разработки конкурентных преимуществ за счет трансфера инновационных достижений;
- подсистема оптимизации сетевых графиков работ над инновационным сервисом Д33;
- подсистема оценки рисков в процессе реализации инновационного сервиса Д33.

На основе результатов оценки стоимости и эффективности создания инновационных решений даются рекомендации по поддержанию и наращиванию новых конкурентных преимуществ.

Соответственно, на основе результатов оценки рисков в процессе реализации инновационного сервиса Д33 даются рекомендации по минимизации воздействия рисков и по их эффективной компенсации.

Кроме того, следует важный этап составления алгоритма определения параметров при проектировании радикально нового сервиса Д33.

3. Алгоритм определения параметров при проектировании радикально нового сервиса Д33 (рис. 3)

Рис. 3. Алгоритм определения параметров при проектировании радикально нового сервиса Д33

На начальном этапе осуществляется исследование статической информации при разработке радикально нового сервиса Д33. Он может заключаться в определении размера и сложности программного кода; количества блоков кода; сложности и количества методов, объединенных в класс*; соответствия кода требованиям проекта сервиса

Д33; отсутствия повторений кода; автоматизации процесса написания кода; поэтапного усложнения кода; проектирования облика сервиса Д33 (создание общей архитектуры, разделение на этапы с их расстановкой по приоритетам от более высокого к низкому); вовремя выполняемой оптимизации кода; очевидности, предсказуемости и последовательности функций и структур; независимости программных объектов друг от друга; уменьшения связи между разными классами; принадлежности связанных классов одному пакету, модулю или каталогу; принципов объектно-ориентированного программирования и дизайна.**

*Принципы бережливой разработки программного обеспечения.

** Принцип единой ответственности, принцип открытости/закрытости, принцип замещения, принцип разделения интерфейса, принцип инверсии зависимостей.

Анализируется программный код, который участвует в формировании радикально нового сервиса Д33, и формулируется задача оптимизации программного кода инновационного сервиса. Данная задача состоит из:

- определения аналитических зависимостей, связывающих отклонения выходных параметров программного кода инновационного сервиса Д33 с погрешностями составляющих элементов;
- определения зависимости себестоимости радикально нового сервиса Д33 от точности работы программного кода.

На основании выведенных уравнений точности связи и стоимости связи определяются параметры связи при ее проектировании методом математического моделирования с целью дальнейшего определения оптимальной стоимости.

В итоге, проведение работ по вышеперечисленным этапам по указанным схемам реализуется на основе результатов анализа сервисов Д33 в области сельского, лесного хозяйства, мониторинга водной поверхности, мониторинга чрезвычайных ситуаций и т.д.

Подробнее остановимся на построении цифрового двойника сервиса Д33 на основании ГОСТ Р 57700.37-2021.

Разрабатываемые математическая и компьютерная модели будут отражать различные характеристики и свойства сервиса Д33. Объединяя различные математические и компьютерные модели в единую систему, можно получить цифровой двойник, который позволяет всесторонне описать сервис Д33 и системно подойти к разработке, производству и эксплуатации сервисов.

Построение цифрового двойника необходимо, в первую очередь, для применения предприятиями и организациями в целях обеспечения конкурентоспособности создаваемых сервисов и повышения скорости их вывода на внутренний и внешний рынки. Достижение этих целей возможно за счет сокращения количества циклов разработки, производства и испытаний опытных образцов сервиса, вносимых в состав при производстве и испытаниях опытных образцов сервисов. Таким образом, при таком подходе к созданию сервиса основная доля изменений происходит на стадии разработки. В рамках данной стадии применение цифровых двойников позволяет обосновывать принятые решения за счет быстрой проверки изменений, вносимых в конструкцию сервиса и его составных частей, в ходе цифровых испытаний, и анализировать влияние изменений показателей одних составных частей на другие. Кроме того, с помощью цифрового двойника возможно определить критические зоны.

Внедрение технологии цифровых двойников на стадии разработки сервиса позволит улучшить качество проектирования сервиса, обеспечить выполнение технических и тактико-технических требований, сократить количество и

повысить результативность проводимых испытаний опытного образца и проработку конструкторской документации сервиса на технологичность.

Логическое построение цифрового двойника сервиса Д33

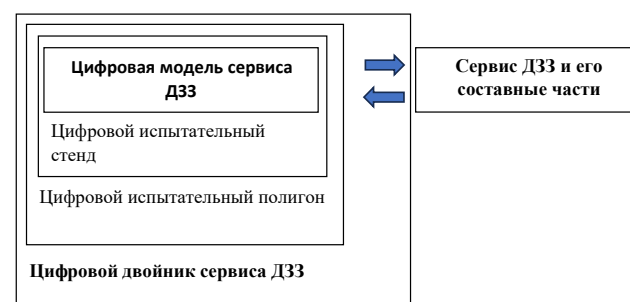

Рис. 4 Логическое построение цифрового двойника сервиса Д33 (составлено автором)

Цифровой двойник сервиса Д33 – это система, состоящая из цифровой модели сервиса и двусторонних информационных связей с сервисом (при его наличии) и (или) его составными частями.

Цифровая модель сервиса Д33 – это система математических и компьютерных моделей, а также электронных документов, описывающих структуру, функциональность и поведение вновь разрабатываемого или эксплуатируемого изделия на различных стадиях жизненного цикла, для которой на основании результатов цифровых и (или) иных испытаний по ГОСТ 16504 выполнена оценка соответствия предъявляемым к сервису требованиям.

Цифровой (виртуальный) испытательный полигон – это система, в общем случае состоящая из технических средств, программного, методического и организационного обеспечения и квалифицированного персонала, предназначенная для проведения полигонных испытаний как результата исследования свойств цифровой модели (или цифрового двойника) объекта испытаний.

Цифровой (виртуальный) испытательный стенд – это система, в общем случае состоящая из технических средств, программного, методического и организационного обеспечения и квалифицированного персонала, предназначенная для проведения стендовых испытаний как результата исследования свойств цифровой модели (или цифрового двойника) объекта испытаний.

Цифровые (виртуальные) испытания – это определение количественных и (или) качественных характеристик свойств объекта испытаний как результата исследования свойств цифровой модели (или цифрового двойника) этого объекта.

Вывод

Обеспечение применения этих поэтапных подходов, связанных, в первую очередь с созданием технико-экономического облика радикально нового сервиса Д33, дает возможность построить сам радикально новый сервис Д33. Для этого, в свою очередь, предлагается применить схему функционирования системы управления инновационным проектом по созданию сервиса Д33, обеспечивающей поддержку принятия решений, где заложена идея построения цифрового двойника с учетом ГОСТ Р 57700.37-2021, а также алгоритм определения параметров при проектировании радикально нового сервиса Д33.

Создание схемы реализации перечисленных поэтапных подходов на основе использования цифрового двойника позволит отечественным разработчикам занять достаточно важную нишу и не только создать радикально новый сервис Д33, востребованный как на российском,

так и на зарубежном рынках, но и снизить то санкционное давление, которое оказывают страны ЕС и США на российскую экономику с целью снизить ее технологический суверенитет, особенно в отношении производства наукоемкой продукции, включая результаты работы инновационных (радикально новых) сервисов Д33.

Литература

1. ЕС официально ввел 19-й пакет санкций против России [Электронный ресурс]. <https://tass.ru/ekonomika/25429131> - статья в интернете.
2. Россия вошла в Топ-3 стран по созданию спутниковых группировок Д33 [Электронный ресурс]. <https://prokosmos.ru/2025/01/21/rossiya-voshla-v-top-3-stran-po-sozdaniyu-sputnikovikh-gruppirovok-dzz> - статья в интернете.
3. Тюлин А.Е., Чурсин А.А., Элердова М.А., Юдин А.В. Создание радикально новой продукции и ее коммерциализация // Креативная экономика. — 2020. — Том 14. — №7. — С. 1257-1278
4. Компьютерные модели и моделирование. Цифровые двойники изделий. Москва, Российский институт стандартизации. 2021.
5. А.А. Чурсин, Е.А. Нестеров. Управление опережающим развитием высокотехнологичных отраслей промышленности и организации. Москва, Инфра-М, 2023.
6. Тюлин А., Чурсин А. Опережающее развитие и устойчивость бизнеса в условиях кризисов и трансформации мировых экономик. - Таллин: EurAsian Scientific Editions Ltd, 2022. — 496 с.
7. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. №642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/1>
8. Заседание Президиума Государственного Совета, посвященное развитию промышленности в условиях санкционного давления. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70860>
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2023 № 603 Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304170025>
10. Чурсин А.А., Юдин А.В. Киберэкономика в практике: создание радикально новой продукции в цифровую эпоху. / монография. - М.: Экономика, 2021. — 301 с.
11. Богинский А. И., Чурсин А. А. Создание перспективной продукции в условиях цифровой экономики. - Москва: Машиностроение, 2019. — 316 с.

Radically new remote sensing data service creation conception Volkova E.V.

Scientific Center of the OMZ, JSC Russian Space Systems

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The growing sanctions pressure from EU and US countries on the Russian economy demonstrates the West's ongoing attempts to curb economic growth, including in high-tech sectors, which is replacing the previously characteristic flow of imports. This article addresses the need to rely on domestic developments in software and Earth remote sensing (ERS) data, which form the basis of ERS services. It is important to note that these developments must be accelerated and lead to ERS services surpassing foreign counterparts in performance, while being marketable in both domestic and foreign markets. To this end, a concept for building a digital twin of the ERS service based on GOST R 57700.37-2021 is proposed. This concept includes preliminary development of a technical and economic model for a radically new ERS service, a functional framework for managing an innovative ERS service project that provides decision support, and an algorithm for determining the parameters for designing a radically new ERS service. Developing a framework for implementing these phased approaches using a digital twin will allow domestic developers to occupy a significant niche and not only create a radically new remote sensing service in demand in both Russian and international markets, but also reduce the sanctions pressure exerted by the EU and the US on the Russian economy, which aim to undermine its technological sovereignty, particularly with regard to the production of knowledge-intensive products, including the results of innovative (radically new) remote sensing services.

Keywords: sanctions, remote sensing, competitiveness, radically new remote sensing service, technical and economic profile, digital twin.

References

1. The EU officially imposed the 19th package of sanctions against Russia [Electronic resource], <https://tass.ru/ekonomika/25429131> - online article.
2. Russia entered the top 3 countries in the creation of remote sensing satellite constellations [Electronic resource], <https://prokosmos.ru/2025/01/21/rossiya-voshla-v-top-3-stran-po-sozdaniyu-sputnikovikh-gruppirovok-dzz> - online article.
3. Tyulin A.E., Chursin A.A., Elerdova M.A., Yudin A.V. Creation of radically new products and their commercialization // Creative Economy. - 2020. - Vol. 14. - No. 7. — P. 1257-1278
4. Computer Models and Simulation. Digital Twins of Products. Moscow, Russian Institute of Standardization. 2021.
5. A. A. Chursin, E. A. Nesterov. Managing the Advanced Development of High-Tech Industries and Organizations. Moscow, Infra-M, 2023.
6. Tyulin A., Chursin A. Advanced Development and Business Sustainability in the Context of Crises and Transformation of Global Economies. Tallinn: EurAsian Scientific Editions Ltd, 2022. — 496 p.
7. Decree of the President of the Russian Federation of 01.12.2016 No. 642 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation". [Electronic resource]. English: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/1>
8. Meeting of the Presidium of the State Council dedicated to the development of industry in the context of sanctions pressure. [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70860>
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of April 15, 2023 No. 603 On approval of priority areas of technological sovereignty projects and projects for structural adaptation of the economy of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304170025>
10. Chursin A.A., Yudin A.V. Cybereconomics in practice: creation of radically new products in the digital age. / monograph. - M.: Ekonomika, 2021. — 301 p.
11. Boginsky A. I., Chursin A. A. Creation of promising products in the digital economy. - Moscow: Mashinostroenie, 2019. — 316 p.

Цифровое неравенство регионов как фактор снижения экономической безопасности России в контексте перехода к энергоэффективной экономике

Глушак Николай Владимирович

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры национальной и мировой экономики, Российский государственный гуманитарный университет, GNW3@yandex.ru

В статье исследуется взаимосвязь цифрового неравенства регионов России и экономической безопасности в условиях перехода к энергоэффективной экономике. Проведена оценка двух стратегических процессов — цифровой трансформации и энергетического перехода, которые предъявляют повышенные требования к качеству региональной инфраструктуры. На основе анализа статистических данных и научных публикаций установлено, что цифровой разрыв между регионами создает барьеры для внедрения технологий «умной» энергетики, консервирует энергоемкие производственные уклады, усиливает межрегиональную дифференциацию. Особое внимание уделено энергетическим ограничениям цифровизации и возникающим в связи с этим рискам. Кроме этого, проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов относительно влияния цифрового неравенства регионов на экономическую безопасность России в контексте перехода к энергоэффективной экономике. Во-первых, установлено, что цифровое неравенство выступает значимым фактором, дифференцирующим возможности регионов в осуществлении энергетического перехода. Во-вторых, выявлено, что в 2025–2026 годах обозначился новый серьезный вызов — энергетические ограничения развития цифровой инфраструктуры. В-третьих, определено, что решение проблемы требует комплексного подхода, включающего стимулирование размещения центров обработки данных в энергоизбыточных регионах, пересмотр приоритетов в использовании энергоресурсов для цифровых нужд, а также развитие институциональных механизмов координации между энергетиками и операторами цифровой инфраструктуры. В заключение делается вывод, что цифровое неравенство регионов России представляет собой не только социальную проблему, ограничивающую доступ населения к современным услугам, но и системный фактор, влияющий на экономическую безопасность страны в условиях перехода к энергоэффективной экономике.

Ключевые слова: цифровое неравенство, экономическая безопасность, энергоэффективность, энергетический переход, региональное развитие, центры обработки данных, дефицит энерго мощностей.

Введение

Современный этап социально-экономического развития России характеризуется одновременным развертыванием двух стратегических процессов: цифровой трансформации всех сфер хозяйственной жизни и перехода к энергоэффективной низкоуглеродной экономике. Указанные процессы, будучи взаимосвязанными, предъявляют повышенные требования к состоянию региональной инфраструктуры, уровню технологического развития территорий и качеству человеческого капитала. В этих условиях межрегиональные различия в доступе к цифровым технологиям и их использовании — феномен, определяемый в научной литературе как «цифровое неравенство» (digital divide), — приобретают критическое значение с точки зрения обеспечения экономической безопасности страны.

Цифровое неравенство регионов создает асинхронность в возможностях реализации энергоэффективной политики: одни территории оказываются способны активно внедрять интеллектуальные энергосистемы, другие сохраняют устаревшие энергоемкие производственные уклады. Данное обстоятельство формирует спектр угроз экономической безопасности, требующих системного научного осмысления. При этом в последнее время обозначились новые вызовы: дефицит энерго мощностей для развития цифровой инфраструктуры в столичных регионах при относительном профиците в удаленных территориях создает дополнительную асимметрию развития [1]. Настоящая статья посвящена комплексному анализу влияния межрегиональной цифровой дифференциации на возможности перехода к энергоэффективной экономике и связанных с этим рисков для экономической безопасности России.

Предметом настоящего исследования выступают социально-экономические отношения, опосредующие влияние межрегионального цифрового неравенства на способность субъектов Российской Федерации реализовывать политику перехода к энергоэффективной экономике, а также возникающие в связи с этим угрозы экономической безопасности.

Цель исследования заключается в выявлении и систематизации угроз экономической безопасности России, порождаемых цифровым неравенством регионов в контексте перехода к энергоэффективной экономике, и обосновании направлений их нейтрализации.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Проанализировать современное состояние цифрового развития регионов России и выявить масштабы межрегионального цифрового неравенства.
2. Определить роль цифровых технологий в обеспечении перехода к энергоэффективной экономике.
3. Выявить механизмы влияния цифрового неравенства на возможности реализации энергоэффективной политики в регионах.
4. Исследовать энергетические ограничения цифровизации как фактор, усугубляющий межрегиональную дифференциацию.
5. Систематизировать угрозы экономической безопасности, обусловленные неравномерностью цифрового и энергетического развития территорий.
6. Обосновать рекомендации по синхронизации региональной цифровой и энергетической политики.

Эмпирическую базу исследования составляют данные государственной статистики, материалы отраслевых изданий и экспертных организаций, а также результаты научных исследований, опубликованные в рецензируемых изданиях. Особую ценность представляют материалы 2025–2026 годов, отражающие актуальную ситуацию с развитием цифровой инфраструктуры и энергетическими ограничениями.

В исследовании применяются общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, системный подход, факторный анализ, методы сравнительного и структурно-функционального анализа и метод анализа кейсов, позволяющий на конкретных примерах выявить реальные механизмы взаимодействия цифрового и энергетического развития.

Результаты исследования

Проблематика цифрового неравенства разрабатывается в научной литературе на протяжении последних трех десятилетий. Согласно исследованиям, цифровое неравенство проявляется на трех уровнях: различия в доступе к интернету и ИКТ; дифференциация цифровых компетенций и цифровой грамотности пользователей; неравенство в социальных преимуществах, которые пользователи получают от полноценного использования цифровых технологий [5, с. 58-60].

Применительно к российским регионам исследования показывают существенную дифференциацию. По данным Гусевой и соавторов, в 2020-2024 гг. наблюдалось ускоренное распространение интернета в большинстве регионов, хотя цифровое неравенство между регионами сохраняется. Среди лидеров — крупнейшие агломерации и северные регионы, отстают территории с высокой долей сельских жителей [3, с. 55].

Параллельно развивалось научное направление, исследующее процессы энергетического перехода и формирования энергоэффективной экономики. В контексте Индустрии 4.0 особое значение приобретает исследование аспектов энергетической безопасности. Внедрение передовых производственных технологий на промышленных предприятиях происходит неравномерно. Это связано с тем, что малые коммерческие предприятия не могут позволить себе инвестировать значительные средства в технологическое и информационное развитие [11, с. 150].

Особого внимания заслуживает emerging-направление исследований, связанное с анализом противоречий между развитием цифровой инфраструктуры и энергетическими возможностями регионов. Как отмечает Ольга Айдуганова, директор «Инженерно-производственного центра», «без доступной энергии наши амбиции по цифровому суверенитету останутся иллюзией». По данным аналитического хаба Сбера, мощность центров обработки данных в России должна вырасти к 2030 году в 2,5 раза — до 2,5 ГВт [14].

Данное обстоятельство актуализирует исследование межрегиональной дифференциации цифрового развития как фактора, опосредующего успешность энергетического перехода, и требует выработки интегрированного подхода к управлению этими процессами.

Цифровое неравенство российских регионов сохраняет устойчивый характер, несмотря на реализацию государственных программ цифровизации. Исследования показывают значительную дифференциацию субъектов РФ по уровню цифрового развития.

По данным Росстата и НИУ ВШЭ, за последнее десятилетие доля домохозяйств, имеющих доступ к интернету, выросла с 70% в 2014 году до 90,4% в 2024 году [12,7]. Однако среднероссийские показатели скрывают глубокие межрегиональные различия, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1
Динамика цифрового развития регионов России

Показатель	2015 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.	2024 г.	2025 г. (оценка)
Доля домохозяйств с доступом к интернету (РФ, %)	72,1	76,6	80,2	86,5	90,4	92,5
Регионы-лидеры (max, %)	85-90	90-92	93-95	95-97	98	98-99
Регионы-аутсайдеры (min, %)	50-55	60-65	65-70	72-75	78,1	80-82
Разрыв (max-min), п.п.	35-40	30-32	28-30	23-25	20	18-19
Доля граждан, получающих госуслуги онлайн (%)	28,5	45,2	62,4	78,1	86,7	89,0
Цифровая зрелость регионов (средняя, %)	н/д	н/д	~60	68,5	75,0	78-80

Источник: Скомпилировано автором на основе данных [8,9,12]

Как видно из таблицы 1, разрыв между регионами-лидерами и аутсайдерами по доступу к интернету сократился с 35–40 процентных пунктов в 2015 году до 18–19 п.п. в 2025 году, что свидетельствует о постепенном выравнивании базовой инфраструктурной доступности. Однако по качественным показателям — использованию цифровых сервисов, внедрению технологий в бизнесе — дифференциация остается высокой.

По данным Росстата, дифференциация федеральных округов по показателям цифровой инфраструктуры остается значительной, что представлено в таблице 2.

Таблица 2
Цифровая инфраструктура по федеральным округам РФ (2023 г.)

Федеральный округ	Фиксированный интернет (ед. на 100 чел.)	Коэффициент вариации (%)	Мобильный интернет (ед. на 100 чел.)	Коэффициент вариации (%)	Доля домохозяйств с интернетом (%)
ЦФО	29,52	12,31	127,16	9,12	88,50
СЗФО	26,13	24,40	132,15	7,90	85,70
ЮФО	23,43	28,93	106,55	38,09	90,60
СКФО	12,26	60,15	75,93	19,21	89,50
ПФО	24,91	11,95	113,45	11,09	87,50
УФО	27,92	7,80	117,29	9,15	89,00
СФО	23,74	30,60	112,55	14,38	85,10
ДФО	20,16	18,42	115,20	11,03	88,60
Россия	25,11	21,41	115,89	14,60	87,90

Источник: Скомпилировано автором на основе данных [12]

Анализ таблицы 2 показывает критическое отставание Северо-Кавказского федерального округа по фиксированному интернету (12,26 ед. на 100 чел. при среднем по РФ 25,11) и высокий коэффициент вариации (60,15%), что указывает на значительный цифровой разрыв внутри округа. Наименьшая дифференциация наблюдается в Уральском федеральном округе (коэффициент вариации 7,80%), что свидетельствует о равномерной цифровизации регионов по этому показателю.

Наряду с традиционной проблематикой цифрового неравенства, в 2025–2026 годах обозначился новый серьезный вызов — энергетические ограничения развития цифровой инфраструктуры, особенно центров обработки данных (ЦОД). Динамика ввода мощностей коммерческих ЦОД представлена в таблице 3.

Таблица 3
Динамика ввода стойко-мест в коммерческих ЦОД РФ (2020–2025 гг.)

Год	Введено стойко-мест	Темп прироста к предыдущему году (%)
2020	~4 500	—
2021	~5 000	+11,1%
2022	~6 300	+26,0%
2023	~11 000	+74,6%
2024	~14 300	+30,0%
2025 (оценка)	4 500	-68,5%

Источник: Скомпилировано автором на основе данных [1,10]

Данные таблицы 3 демонстрируют драматическое падение ввода новых мощностей в 2025 году — почти в 3 раза ниже итогов 2024 года. По данным iKS-Consulting, в первом полугодии 2025 года было введено всего 3,7 тыс. новых стойко-мест, что в три раза меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Темп роста совокупного пула стойко-мест в 2025 году ожидается на уровне всего 5,5% — это минимальный результат за последние десять лет [10].

Основные причины спада, по данным аналитиков [10]:

- Высокая ключевая ставка и недоступность заемного финансирования;
- Удорожание строительства и импортозамещение;
- Дефицит электроэнергетики в ключевых локациях (Москва, Санкт-Петербург);
- Рост требований к энергопотреблению из-за ИИ-нагрузок (до 40–120 кВт на стойку против 7–10 кВт в обычных ЦОД).

По данным Российской газеты, 76% российских мощностей ЦОД сосредоточено в Москве, на Санкт-Петербург приходится еще 9,3% рынка [6]. При этом в Москве наблюдается критический дефицит свободных мощностей для подключения новых центров обработки данных. Энергосетевые компании отказывают в заключении договоров на подключение: имеющиеся ресурсы либо уже задействованы, либо зарезервированы на годы вперед [1].

Сроки технологического присоединения к сетям достигают 1,5–2 лет даже в недефицитных регионах и могут быть значительно больше в энергодефицитных локациях [6]. Быстро увеличить объемы электроэнергетики в столице практически невозможно — сроки вводов новой генерации определены на 2027–2030 годы и могут сдвигаться.

В ответ на дефицит рынок начинает смещать фокус на регионы. Согласно данным iKS-Consulting, доля региональных площадок в общем объеме мощностей постепенно растет, хотя и остается незначительной [10]. Новые проекты появляются в Екатеринбурге, Новосибирске, Казани, Самаре и других городах [6].

В то же время в Дагестане реализуется проект строительства Центра обработки данных мощностью от 500 до 2000 серверных стоек с инвестициями более 5 млрд руб. Проект реализуется при поддержке правительства республики и предусматривает создание более 30 высокотехнологичных рабочих мест. Запуск Центра обработки данных намечен на осень 2026 года [13,2].

Таблица 4
Географическое распределение мощностей коммерческих ЦОД в России

Регион	Доля в общем объеме стоек
Москва и Московская область	76%
Санкт-Петербург и ЛО	9,3%
Прочие регионы	14,7%

Источник: Скомпилировано автором на основе данных [6]

Консолидация рынка ЦОД усиливается. Согласно прогнозу iKS-Consulting, к концу 2025 года ведущие операторы, включая IXcellerate и «Ростелеком-ЦОД», будут обеспечивать более 40% совокупной мощности коммерческих дата-центров России [10].

Таблица 5
Крупнейшие поставщики услуг ЦОД в РФ (2025 г.)

Компания	Характеристика
Ростелеком-ЦОД	Крупнейший оператор с разветвленной сетью ЦОД
IXcellerate	Лидер по вводу новых мощностей в Москве, проектирует ЦОД под высокоплотное размещение (10+ кВт на стойку)
DataPro	Крупный игрок на рынке коммерческих ЦОД
Selectel	Значимый оператор с фокусом на региональное развитие
MWS	Активно развивающийся оператор
Key Point	Развивает сеть региональных ЦОД (Дагестан, Свердловская область, Новосибирск)

Источник: Скомпилировано автором на основе данных [10]

Ряд крупных игроков сталкивается с инфраструктурными ограничениями и сложностями подключения к электросетям. Как отмечает генеральный директор IXcellerate Андрей Аксенов, строительство коммерческих ЦОДов высокой надежности — это не только вопрос финансирования, но и сложный инженерный и логистический процесс, требующий не менее 24–36 месяцев от проектирования до запуска [10].

Проблема энергодефицита для цифровой инфраструктуры имеет глобальный характер. По прогнозам, мощность центров обработки данных в России должна вырасти к 2030 году в 2,5 раза — до 2,5 ГВт [14]. Как отмечает Ольга Айдуганова, «затраты электроэнергии на обучение только одной большой языковой модели сопоставимы с потребностями среднего российского города. Мы предлагаем пересмотреть этот подход: необходимо ограничить создание «бесполезного цифрового шума» и направить высвободившиеся мощности на поддержку реального производства» [14].

По данным исследований НИУ ВШЭ, расходы на внедрение искусственного интеллекта составляют около 15% от всех затрат на цифровизацию, при этом треть этих сумм идет на дорогостоящее оборудование [4].

Исследование Семеновской и соавторов [15] выделяет группы регионов и их траектории развития с 2011 по 2022 год, что представлено в таблице 6.

Таблица 6
Типология регионов по траекториям цифрового развития (2011–2022 гг.)

Тип траектории	Характеристика	Примеры регионов	Ключевые факторы
«Leader»	Устойчиво высокий уровень цифровой зрелости с 2011 г.	Москва, Санкт-Петербург	Развитие продвинутых цифровых навыков, особенно в программировании
«COVID impact»	Рост в период пандемии с последующей коррекцией	Регионы с развитой сферой услуг	Временный эффект дистанционных форматов
«Long disruption»	Устойчивое отставание на протяжении всего периода	Южные регионы, республики СКФО	Недостаток базовых цифровых навыков, низкая инновационная активность
«Developing after 2014»	Постепенное развитие после 2014 г.	Ряд регионов ПФО, УФО	Инвестиции в инфраструктуру, импортозамещение

Источник: Скомпилировано автором на основе данных [15]

Исследование подтверждает, что регионы, следующие траектории «long disruption», характеризуются недостаточными базовыми цифровыми навыками и низкой инновационной активностью, при этом общий уровень человеческого капитала положительно влияет на долгосрочные цифровые показатели [15, с. 260].

Цифровое неравенство регионов создает асимметрию возможностей в сфере энергетического перехода, которая реализуется через несколько взаимосвязанных механизмов.

Первый механизм связан с дифференциацией доступа к технологиям «умной» энергетики. Регионы с развитой цифровой инфраструктурой имеют возможность внедрять интеллектуальные системы учета, автоматизированные системы управления энергопотреблением, цифровые платформы. В регионах-аутсайдерах даже базовые решения в сфере энергоэффективности оказываются труднодоступными. При этом проблема усугубляется тем, что цифровая инфраструктура (центры обработки данных, базовые станции) сама является крупным потребителем электроэнергии. В регионах с дефицитом энерго мощностей развитие цифровой инфраструктуры сталкивается с дополнительными ограничениями [1,10,6].

Второй механизм связан с дифференциацией инвестиционной привлекательности. Цифровое отставание региона снижает его привлекательность для инвесторов, в том числе в сфере энергоэффективных проектов. Спрос на ЦОДы в регионах ниже, и массового переноса ИТ-инфраструктуры туда пока не происходит. Как отмечает директор направления дата-центров Selectel Илья Михайлов, региональные ЦОДы в основном обслуживают локальный спрос, а масштабная миграция данных остается маловероятной в ближайшей перспективе [6].

Третий механизм связан с дифференциацией доступа к цифровым услугам. Как показывают исследования, доступ к интернету и способность эффективно использовать цифровые технологии зависят от уровня доходов, среднего возраста и образования населения [5, с. 66–68]. Отсутствие доступа к современным цифровым сервисам ограничивает возможности удаленной работы, онлайн-образования, телемедицины, что препятствует развитию человеческого капитала и консервирует социально-экономическое отставание регионов.

Четвертый механизм связан с институциональными условиями развития цифровой энергетики. По словам генерального директора Zarusk Group Алексея Равинского, для дальнейшего роста нужны ускоренные процедуры технологического присоединения, синхронизация планов сетевых компаний с планами строительства ЦОДов, доступ к «длинным» инфраструктурным инвестициям и стимулирование спроса со стороны крупных государственных клиентов [6].

Взаимодействие цифрового неравенства и энергетических ограничений порождает комплекс угроз экономической безопасности России, систематизированных в таблице 7.

Таблица 7
Угрозы экономической безопасности, обусловленные цифровым неравенством в контексте энергоперехода

Тип угрозы	Описание	Проявления
Технологические	Консервация технологического отставания регионов из-за отсутствия современной цифровой инфраструктуры, препятствующей модернизации энергокомплекса	– Невозможность интеграции «Умных» сетей энергоснабжения в отстающих регионах. – Падение ввода ЦОД с 14,3 тыс. (2024) до 4,5 тыс. (2025) стоек. – Дефицит мощностей в Москве и Санкт-Петербурге
Пространственные	Усиление межрегиональной дифференциации из-за концентрации цифровой инфраструктуры в ограниченном числе регионов	– 76% ЦОД сосредоточены в Москве и Московской области. – Разрыв в доступе к интернету между лидерами (98%) и аутсайдерами (78%).
Экономические	Снижение инвестиционной привлекательности регионов, ограничение доступа к финансированию	– Недоступность заемного финансирования при высокой ключевой ставке. – Рост стоимости строительства из-за импортозамещения.
Институциональные	Отсутствие скоординированной политики в сфере цифрового и энергетического развития	– Сроки технического присоединения к сетям до 2–4 лет. – Отсутствие налоговых льгот и преференций для региональных ЦОД.
Кадровые	Дефицит специалистов для цифровой экономики и энергетики	– Нехватка кадров для высокоплотных ИИ-ЦОД. – Ограниченность человеческих ресурсов на рынке.

Источник: *Скомпилировано автором на основе данных [1,3,10,6]*

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов относительно влияния цифрового неравенства регионов на экономическую безопасность России в контексте перехода к энергоэффективной экономике.

Во-первых, установлено, что цифровое неравенство выступает значимым фактором, дифференцирующим возможности регионов в осуществлении энергетического

перехода. Регионы с развитой цифровой инфраструктурой получают системные преимущества во внедрении технологий «умной» энергетики. Регионы-аутсайдеры, напротив, сталкиваются с множественными барьерами.

Во-вторых, выявлено, что в 2025–2026 годах обозначился новый серьезный вызов — энергетические ограничения развития цифровой инфраструктуры. Дефицит энергомощностей для подключения новых ЦОДов в Москве и других регионах создает угрозу замедления цифровой трансформации и усиления межрегиональных диспропорций.

В-третьих, определено, что решение проблемы требует комплексного подхода, включающего стимулирование размещения ЦОДов в энергоизбыточных регионах, как это делается в Дагестане, пересмотр приоритетов в использовании энергоресурсов для цифровых нужд, а также развитие институциональных механизмов координации между энергетиками и операторами цифровой инфраструктуры.

Заключение

Цифровое неравенство регионов России представляет собой не только социальную проблему, ограничивающую доступ населения к современным услугам, но и системный фактор, влияющий на экономическую безопасность страны в условиях перехода к энергоэффективной экономике. Проведенный анализ динамики 2015–2025 годов позволяет сделать следующие выводы:

1. **Инфраструктурный разрыв сокращается, но качественная дифференциация сохраняется.** Доля домохозяйств с доступом к интернету выросла с 72% до 92%, разрыв между лидерами и аутсайдерами уменьшился с 35–40 до 18–19 п.п.. Однако по показателям использования цифровых технологий различия остаются значительными.

2. **Рынок ЦОД столкнулся с критическими энергетическими ограничениями.** Ввод новых мощностей упал на 68,5% в 2025 году, сроки технологического присоединения достигают 2–4 лет, 76% мощностей сосредоточены в столичном регионе.

3. **Выделяются устойчивые траектории регионального развития.** Регионы-лидеры (Москва, Санкт-Петербург) демонстрируют высокую цифровую зрелость с 2011 года, тогда как ряд южных регионов и республик СКФО следуют траектории «long disruption» с устойчивым отставанием.

4. **Требуется синхронизация цифровой и энергетической политики.** Преодоление описанных угроз требует интегрированной стратегии, включающей стимулирование размещения цифровой инфраструктуры в энергоизбыточных регионах, совершенствование институциональных механизмов координации, а также пересмотр приоритетов использования энергоресурсов в пользу поддержки реального производства.

Дальнейшие исследования в данной области должны учитывать необходимость дифференциации региональной политики в зависимости от траектории цифрового развития, а также глобальные тренды развития энергоэффективных технологий.

Литература

1. «Не видели такого последние 10 лет»: что происходит на рынке ЦОДов // РБК. 03.09.2025. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/68b6f58e9a7947a7a8d3edef> (дата обращения: 18.02.2026).
2. В Дагестане построят дата-центр на 2 тыс. стоек за ₪5 млрд // TAdviser. 21.07.2025. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Компания:Кей_Поинт_\(Key_Point\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Компания:Кей_Поинт_(Key_Point)) (дата обращения: 18.02.2026).

3. Гусева, Т.А. Цифровая трансформация в регионах России: актуальные тенденции, различия и вызовы / Т.А. Гусева, Е. Г. Жигирева, В. В. Сухов // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – № 7(125). – С. 52-61. – DOI 10.24412/2411-0450-2025-7-52-61. – EDN UEPMBM.

4. Затраты организаций на внедрение и использование технологий ИИ. URL: <https://issek.hse.ru/news/981416418.html> (дата обращения: 19.02.2026).

5. Земцов С. П., Демидова К. В., Кичаев Д. Ю. Распространение Интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 4. С. 57–78. doi: 10.5922/2079-8555-2022-4-4

6. Компании РФ испытывают дефицит дата-центров // Российская газета. 28.11.2025. URL: <https://rg.ru/amp/2025/11/28/servisy-ishchut-propisku.html> (дата обращения: 18.02.2026).

7. Кузина Л.С., Попов Е.В., Щербakov Р.А. (2025) Десять из десяти российских семей подключены к интернету. М. — ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/1038792738.html> (дата обращения: 19.02.2026).

8. Рейтинг цифровизации и внедрения ИИ в регионах России (январь–апрель 2025 года). 19.05.2025. URL: <https://rrmag.ru/2025/05/19/rejting-czifrovizaczii-i-vnedreniya-ii-v-regionah-rossii-yanvar-aprel-2025-goda/> (дата обращения: 18.02.2026).

9. Рейтинги регионов России по развитию информационных технологий // TAdviser. 18.06.2025. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Рейтинги_регионов_России_по_развитию_информационных_технологий (дата обращения: 19.02.2026).

10. Рынок ЦОД в России: отложенный спрос и новые вызовы цифровой трансформации // IXcellerate. 30.09.2025. URL: <https://ixcellerate.ru/news/rynok-tsod-v-rossii-otlozhennyj-spros-i-novye-vyzovy-tsifrovoj-transformatsii/> (дата обращения: 18.02.2026).

11. Трапезникова И.С., Трапезникова Ж.Е. (2024) Анализ территориальных диспропорций уровня цифровизации промышленности в регионах России с учетом отраслевой специфики. *π-Economy*, 17 (5), 88–98. DOI: <https://doi.org/10.18721/JE.17505> (дата обращения: 20.02.2026)

12. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 19.02.2026).

13. Центр обработки данных появится в Хасавюртовском районе // Молодежь Дагестана. 17.07.2025. URL: <https://md-gazeta.ru/oficialno/165598> (дата обращения: 18.02.2026).

14. Aiduganova O. «Without affordable energy, our ambitions for digital sovereignty will remain an illusion» // *Реальное время*. 04.02.2026. URL: <https://realnoevremya.com/articles/9252-olga-aiduganova> (дата обращения: 18.02.2026).

15. Semenova I., Zemzyulina V., Chernenko I. Digital Pathways of Russian Regions and Their Interaction with the Local Human Capital Markets: An Evolutionary Perspective // *Artificial Intelligence and Digital Transformation*. Springer, 2025. P. 243-264. https://doi.org/10.1007/978-3-032-00118-4_14 (дата обращения: 22.02.2026)

Digital Inequality of Regions as a Factor in Reducing Russia's Economic Security in the Context of Transition to an Energy-Efficient Economy
Glushak N.V.

Russian State University for the Humanities
JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article explores the relationship between digital inequality in Russian regions and economic security in the context of the transition to an energy-efficient economy. It assesses two strategic processes: digital transformation and energy transition, which place increased demands on the quality of regional infrastructure. Based on an analysis of statistical data and scientific publications, it is established that the digital gap between regions creates barriers to the implementation of smart energy technologies, perpetuates energy-intensive production structures, and exacerbates interregional differentiation. Special attention is given to the energy constraints of digitalization and the associated risks. In addition, the analysis allows us to draw a number of conclusions regarding the impact of regional digital inequality on Russia's economic security in the context of transitioning to an energy-efficient economy. First, it has been established that digital inequality is a significant factor that differentiates the regions' capabilities for implementing the energy transition. Second, it has been revealed that a new serious challenge has emerged in 2025-2026: energy constraints on the development of digital infrastructure. Thirdly, it is determined that solving the problem requires a comprehensive approach, including encouraging the placement of data centers in energy-abundant regions, reevaluating the priorities for using energy resources for digital needs, and developing institutional mechanisms for coordination between energy companies and digital infrastructure operators. In conclusion, it is concluded that the digital inequality between Russian regions is not only a social issue that limits the population's access to modern services, but also a systemic factor that affects the country's economic security in the context of transitioning to an energy-efficient economy.

Keywords: digital inequality, economic security, energy efficiency, energy transition, regional development, data processing centers, and energy capacity shortage.

References

1. "We haven't seen this in the last 10 years": what's happening in the data center market // RBC. 03.09.2025. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/68b6f58e9a7947a7a8d3edef> (accessed: 18.02.2026).
2. A 2,000-rack data center will be built in Dagestan for P5 billion // TAdviser. 21.07.2025. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Company:Кей_Пойнт_\(Key_Point\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Company:Кей_Пойнт_(Key_Point)) (дата обращения: 18.02.2026).
3. Guseva, T.A. Digital Transformation in the Regions of Russia: Current Trends, Differences, and Challenges / T.A. Guseva, E. G. Zhigireva, V. V. Sukhov // *Economics and Business: Theory and Practice*. – 2025. – No. 7(125). – P. 52-61. – DOI 10.24412/2411-0450-2025-7-52-61. – EDN UEPMBM.
4. The costs of organizations for the introduction and use of AI technologies. URL: <https://issek.hse.ru/news/981416418.html> (accessed: 19.02.2026).
5. Zemtsov S. P., Demidova K. V., and Kichaev D. Yu. The Spread of the Internet and Interregional Digital Inequality in Russia: Trends, Factors, and the Impact of the Pandemic. *Baltic Region*, 2022, Vol. 14, No. 4, pp. 57-78. doi: 10.5922/2079-8555-2022-4-4
6. Russian companies face a shortage of data centers // *Rossiyskaya Gazeta*. 28.11.2025. URL: <https://rg.ru/amp/2025/11/28/servisy-ishchut-propisku.html> (accessed: 18.02.2026).
7. Kuzina L.S., Popov E.V., Shcherbakov R.A. (2025) Nine out of ten Russian families are connected to the Internet. Moscow: ISSEK HSE. Access mode: <https://issek.hse.ru/news/1038792738.html> (accessed: 19.02.2026).
8. Rating of digitalization and AI implementation in Russian regions (January–April 2025). 19.05.2025. URL: <https://rrmag.ru/2025/05/19/rejting-czifrovizaczii-i-vnedreniya-ii-v-regionah-rossii-yanvar-aprel-2025-goda/> (date of access: 18.02.2026).
9. Ratings of Russian Regions by the Development of Information Technologies // TAdviser. 18.06.2025. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Ratings_of_Russian_Regions_by_the_Development_of_Information_Technologies (accessed: 19.02.2026).
10. The Data Center Market in Russia: pent-up demand and new challenges of digital transformation // IXcellerate. 30.09.2025. URL: <https://ixcellerate.ru/news/rynok-tsod-v-rossii-otlozhennyj-spros-i-novye-vyzovy-tsifrovoj-transformatsii/> (accessed: 18.02.2026).
11. Trapeznikova I.S., Trapeznikova Zh.E. (2024) Analysis of territorial imbalances in the level of digitalization of industry in the regions of Russia, taking into account industry specifics. *π-Economy*, 17 (5), 88–98. DOI: <https://doi.org/10.18721/JE.17505> (accessed: 20.02.2026)
12. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed: 19.02.2026).
13. A data processing center will be established in Khasavyurt District // *Dagestan Youth*. 17.07.2025. URL: <https://md-gazeta.ru/oficialno/165598> (accessed: 18.02.2026).
14. Aiduganova O. «Without affordable energy, our ambitions for digital sovereignty will remain an illusion» // *Realnoe Vremya*. 04.02.2026. URL: <https://realnoevremya.com/articles/9252-olga-aiduganova> (accessed: 18.02.2026).
15. Semenova I., Zemzyulina V., Chernenko I. Digital Pathways of Russian Regions and Their Interaction with the Local Human Capital Markets: An Evolutionary Perspective // *Artificial Intelligence and Digital Transformation*. Springer, 2025. P. 243-264. https://doi.org/10.1007/978-3-032-00118-4_14 (accessed: 22.02.2026)

Цифровизация регулирования рынка услуг туризма и гостеприимства как фактор повышения конкурентоспособности: информационно-аналитический подход

Захарова Мария Васильевна

кандидат экономических наук, заведующий кафедрой интегрированных коммуникаций, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, mariaza@inbox.ru,

Бурлаков Вячеслав Викторович

доктор экономических наук, профессор кафедры информационных технологий в государственном управлении, МИРЭА – Российский технологический университет; профессор кафедры маркетинга и брендинга, Российский государственный гуманитарный университет, bur77@mail.ru

Цифровая трансформация становится стратегической необходимостью для повышения качества сервиса, удовлетворенности потребителей и прибыли в сфере туризма и гостеприимства. В статье рассмотрены особенности цифровизации процессов государственного регулирования и поддержки развития рынка туристско-гостиничных услуг как ключевого фактора повышения их конкурентоспособности, а также предложен информационно-аналитический подход к цифровизации управления рынком на трех уровнях – корпоративном, региональном и федеральном. Авторами представлена концепция многоуровневой информационно-аналитической системы (ИАС), обеспечивающей сбор, анализ и обмен данными между участниками рынка и органами власти. Показано, что целенаправленное внедрение ИАС позволит синхронизировать цифровые процессы, усилить ориентацию услуг на потребителя, персонализировать взаимодействие, а также ускорить и повысить обоснованность управленческих решений. Долгосрочное функционирование такой системы приведет к формированию единого цифрового пространства туристско-гостиничного рынка, более активному использованию больших данных, искусственного интеллекта и других технологий всеми участниками, что станет базисом для повышения конкурентоспособности услуг. Результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти, региональными институтами развития и участниками туристического рынка при разработке и реализации политики цифровизации и повышения конкурентоспособности услуг туризма и гостеприимства.

Ключевые слова: туризм и гостеприимство, конкурентоспособность, регулирование рынка, цифровизация, информационно-аналитическая система, цифровые платформы.

Введение

Цифровая экономика и бурное развитие технологий радикально меняют ландшафт индустрии туризма и гостеприимства. Глобальная цифровизация диктует необходимость адаптации всех бизнес-процессов: большинство туристов теперь используют цифровые инструменты на всех этапах путешествия – от планирования до бронирования и оплаты. Так, по данным исследования, уже 74% путешественников в мире планируют поездку онлайн, что свидетельствует о переходе отрасли в цифровое русло [4]. Цифровые технологии (мобильные приложения, онлайн-бронирование, виртуальные туры, цифровые платежи и др.) перестали быть вспомогательным инструментом, а стали основным способом взаимодействия с клиентом от момента поиска тура до возвращения из поездки [8]. Исследования подтверждают, что цифровая трансформация становится стратегическим условием выживания и успешного развития турфирм и гостиниц [5]. В настоящее время для России цифровая трансформация туристско-гостиничной отрасли приобретает стратегический характер. Уход в онлайн международных агрегаторов и активизация внутреннего туризма потребовали создания отечественных цифровых решений [4]. Однако цифровизация в туризме должна затрагивать не только бизнес-процессы отдельных компаний, но и систему управления отраслью в целом.

Настоящая работа посвящена разработке информационно-аналитического подхода к регулированию и поддержке развития рынка туристско-гостиничных услуг. Основная идея состоит в формировании многоуровневой информационно-аналитической системы (ИАС), охватывающей корпоративный уровень (уровень отдельной турфирмы), региональный уровень (уровень субъекта Федерации) и федеральный уровень (общенациональный рынок). Такая система должна обеспечить сквозной сбор, проверку, обработку и обмен данными о состоянии рынка, деятельности туристских организаций, потребительских предпочтениях и эффективности мер поддержки. Ожидается, что внедрение ИАС позволит добиться высокой степени синхронизации всех цифровых процессов в отрасли, устранить информационные разрывы между участниками рынка и органами власти, повысить прозрачность и обоснованность принимаемых решений и, как следствие, повысить конкурентоспособность отечественной сферы туризма и гостеприимства.

Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные проблемам цифровой трансформации экономики, регулирования рынка услуг, развития туризма и гостеприимства, а также вопросам формирования информационно-аналитических систем поддержки управленческих решений.

В исследованиях российских авторов значительное внимание уделяется вопросам повышения конкурентоспособности услуг, институциональным механизмам регулирования рынка, цифровизации сервисной экономики и развитию туристских территорий. Так в работе Мамраевой Д.Г. рассматриваются ключевые тренды цифровизации индустрии туризма [6]. Еронина М.С. и Евдовская С.А.

описывают влияние цифровых технологий на развитие сферы туризма [2]. Авторы Черевичко Т.В., Темякова Т.В. рассматривают формы проявления цифровизации туризма [10]. В работе Обороина М.С., Ильина Р.В. представлена разработка цифровой модели развития и регулирования рынка туристских услуг [7]. Волков А.В., Волкова-Гончарова Т.А., Чуваткин П.П. дают методические основы оценки конкурентоспособности в туризме [1].

Зарубежные исследования акцентируют внимание на использовании цифровых платформ, больших данных и искусственного интеллекта в управлении туристскими потоками, персонализации туристских услуг, а также на развитии экосистемных моделей взаимодействия участников рынка туризма и гостеприимства. Например, в работе Khatrui I. проведено исследование, посвящённое применению цифровых технологий и маркетинговых инструментов в туризме, поскольку они способствуют быстрой адаптации туристических фирм в конкурентной среде [12]. Buhalis и Leung отмечают, что конкурентным преимуществом современного отеля является уровень технической оснащённости и степень внедрения цифровых технологий [11].

В ходе исследования в работе использовались следующие методы: анализ и синтез (для выявления и систематизации особенностей цифровизации процессов регулирования рынка услуг туризма и гостеприимства), системный подход (для разработки структуры информационно-аналитической системы на трёх уровнях регулирования), структурно-функциональный анализ (для определения целей, задач и функциональных блоков информационно-аналитических подсистем), обобщение и интерпретация (для формулирования выводов и практических рекомендаций).

Предложенный инструментарий позволил обосновать целесообразность комплексного информационно-аналитического обеспечения регулирования рынка услуг туризма и гостеприимства и определить его роль в повышении качества и конкурентоспособности туристских услуг.

Результаты и обсуждение

Необходимость формирования единой многоуровневой ИАС, охватывающей федеральный, региональный и корпоративный уровень, продиктована комплексом факторов микро- и макроэкономического характера, связанных с потребностью в цифровой трансформации механизмов государственного управления, рыночного регулирования и повышения конкурентоспособности организаций, предоставляющих продукты и услуги туризма и гостеприимства:

1. *Управленческая асимметрия.* Система необходима для синхронизации действий федеральных органов, осуществляющих государственное управление и регулирование туристской деятельности, и отраслевых институтов, отвечающих за развитие национального рынка услуг в сфере туризма и гостеприимства. Это поможет преодолеть управленческую асимметрию, сложившуюся в результате разрозненности федеральных ведомств и институциональных структур, препятствующую выработке единой скоординированной политики регулирования и поддержки развития рынка туризма и гостеприимства [3].

2. *Отсутствие единого аналитического контура.* В современных условиях наблюдается дефицит инструментов для централизованного аккумулирования на федеральном уровне, верификации и анализа данных о деятельности участников региональных рынков. Это создает трудности для анализа текущей ситуации и мониторинга реального состояния отрасли, что затрудняет выявление перспективных направлений и активностей, инвестиционных проектов и точек роста.

3. *Переход к проактивному управлению.* Автоматизация регулирования и цифровизация процессов позволит перейти к управлению на основе данных, что повысит эффективность регулирования за счет отказа от реактивных мер и перехода к проактивным управленческим решениям. Существует объективная потребность в разработке и реализации системы решений, позволяющей не только фиксировать программные действия, но и оперативно корректировать направления государственной политики в зависимости от текущей рыночной динамики. При этом управление на основе данных позволит не только принимать корректирующие меры, но и прогнозировать рыночные изменения.

4. *Повышение конкурентоспособности на уровне турфирмы.* Своевременная аналитическая поддержка управленческих решений позволит турфирме оперативно менять туристские продукты и их составляющие, корректировать ценовую политику, выбирать каналы распределения и формировать оптимальный коммуникационный микс (совокупность каналов и инструментов для общения с потребителями), что приведет к повышению качества предоставляемых услуг и формированию устойчивого конкурентного преимущества в условиях цифровизации рыночной среды.

Цели создания и функциональная архитектура единой ИАС представлены на рисунке 1.

В соответствии с трехуровневой структурой управления и функциями регулирования и поддержки развития на федеральном, региональном и корпоративном уровне, выделим трехуровневую систему целей, соответствующих субъектам управления:

- стратегическая цель для органов государственной власти;
- тактическая цель для отраслевых институтов, регулирующих действия участников рынка;
- операционная цель для участников рынка.

Стратегическая цель направлена на обеспечение повышения эффективности деятельности федеральных органов управления и институциональных структур посредством принятия решений при разработке политики регулирования и поддержки национального рынка туризма и гостеприимства на основе достоверных аналитических данных.

Тактическая цель связана с обеспечением осуществления функций сбора, консолидации и верификации данных о результатах деятельности, предоставленных участниками региональных рынков, а также создания и функционирования единой цифровой платформы для фиксации программных действий по развитию отрасли на региональном уровне.

Операционная цель направлена на информационно-аналитическое обеспечение поддержки принятия управленческих решений руководством турфирмы, направленных на повышение качества и конкурентоспособности предоставляемых туристских продуктов и услуг.

Услуги туризма и гостеприимства выступают в качестве объекта управления. ИАС является инструментом цифровизации, позволяющим повысить прозрачность и управляемость отраслью в условиях цифровой трансформации экономики. Таким образом, на входе в систему осуществляется сбор и проверка сведений на региональном уровне, внутри системы происходит обработка аналитики, позволяющей принимать решения для стратегического планирования на федеральном уровне, что транслируется на локальный (корпоративный) уровень, поддерживая управленческие решения турфирм, замыкая весь цикл. Это обеспечивает переход к управлению, основанному на реальных данных функционирования рынка туризма и гостеприимства и согласованию интересов всех его участников.

Рисунок 1 – Цели единой ИАС на трех уровнях – федеральном, региональном, корпоративном (разработано авторами)

Основные задачи формирования ИАС на трех уровнях управления представлены в таблице 1.

Таблица 1
Задачи формирования ИАС на трех уровнях управления

Федеральный уровень	Региональный уровень	Корпоративный уровень
1. Комплексный мониторинг сбора и анализа оперативных данных на региональных рынках. 2. Разработка плана мониторинга изменений на региональном уровне, учитывающего колебания внешней среды, и его своевременная корректировка. 3. Формирование единого стандарта данных для всех региональных рынков. 4. Оперативное обеспечение данными для формирования информационно-справочных материалов и принятия стратегических решений в рамках федеральных программ и национальных проектов. 5. Повышение эффективности принимаемых решений в отношении регулирования и развития национального рынка на основе собранных данных. 6. Ресурсная поддержка функционирования ИАС.	1. Обеспечение сбора и хранения данных о деятельности участников регионального рынка. 2. Своевременный анализ и обработка данных для принятия решений на региональном уровне и их передача структурам, принимающим решения на федеральном уровне. 3. Контроль предоставления данных и их верификация. 4. Поддержка и обучение участников рынка для своевременного и корректного предоставления данных. 5. Рациональное использование данных для принятия управленческих решений с целью повышения их эффективности. 6. Поиск новых направлений развития регионального рынка и повышение его инвестиционной привлекательности.	1. Корректный сбор данных о совершенных действиях турфирмы и потребностях потенциальной аудитории. 2. Обеспечение хранения полученных данных. 3. Обработка и анализ данных. 4. Обучение сотрудников работе с данными и применению информационно-аналитических инструментов. 5. Выявление потенциальных проблемных направлений деятельности турфирмы и возможных точек роста. 6. Принятие эффективных и экономически обоснованных решений на основе полученных данных для повышения качества предлагаемых продуктов и предоставляемых услуг. 7. Оптимизация управленческих процессов внутри турфирмы и формирование устойчивого конкурентного преимущества.

Предлагаемая ИАС обеспечивает взаимосвязь основных элементов и процессов функционирования рынка, выступая в качестве интеграционного ядра. Функциональная архитектура строится на связи «субъекты – система – политика». Собранные сведения о действиях и их результатах от участников рынка закладывают основу разработки программ, формирующих региональную систему, которая аккумулирует данные о процессах функционирования рынка и взаимоотношениями между его участниками, на основе чего формируется контур обратной связи для разработки политики регулирования и поддержки развития рынка туризма и гостеприимства.

Для решения представленных в таблице 1 задач ИАС должна представлять собой многоуровневую платформу с распределенной архитектурой, где ключевые функциональные блоки структурированы по уровням управления, обеспечивая сквозную интеграцию данных. Элементы федерального уровня образуют стратегический контур, элементы регионального уровня – тактический контур, элементы корпоративного уровня – операционный контур.

Среди основных элементов стратегического контура можно выделить:

- модуль мониторинга федеральных программ и национальных проектов в сфере туризма, отслеживающий исполнение и достижение целевых показателей в рамках регионов;

- аналитический модуль, направленный на сценарное моделирование, прогнозирование, оценку влияния макроэкономических факторов и анализ эффективности мер государственной поддержки и расходования бюджетных средств;

- модуль единых федеральных реестров (единый федеральный реестр туроператоров, сводный реестр туроператоров и турагентов, единый реестр объектов клас-

сификации в сфере туристской индустрии, реестр организаций, осуществляющих классификацию в туристской индустрии, и другие [9]);

- хранилище, собранных из разных источников данных, и их унификация;
- каналы обмена данными с различными ведомствами для обеспечения межведомственного взаимодействия.

Для формирования тактического контура необходимы следующие структурные элементы:

- модуль сбора данных от бизнеса через добровольные и обязательные отчеты и их верификация с данными, предоставляемыми в другие ведомства (например, в ФНС);
- модуль мониторинга туристических потоков, бронирования средств размещения, посещения туристических зон и объектов внутри региона;
- реестр туристических ресурсов и инфраструктуры региона (цифровые паспорта объектов);
- инвестиционная карта региональных проектов для инвесторов;
- интерактивная карта региона с туристическими зонами, объектами маршрутами, популярными локациями и инфраструктурой.

К основным элементам операционного контура можно отнести:

- модуль бизнес-аналитики для сбор и анализа данных локального рынка;
- личный кабинет компании как единая точка доступа к аналитическим документам, предоставления данных другим ресурсам и взаимодействия с контрагентами;
- модуль маркетинга, отвечающий за сегментацию потребителей на основе данных об их поведении, выбор каналов коммуникации и точек касания, конструктор рекомендаций и таргетированные предложения, CRM-система;
- модуль управления репутацией собирает отзывы из открытых источников, анализирует жалобы и формирует обратную связь;
- модуль взаимодействия с контрагентами для электронного документооборота и автоматизации взаиморасчетов между участниками рынка (туроператоры, отели, транспортные и страховые компании);
- модуль интеграции с внутренними бизнес-системами компании.

Внедрение ИАС – это не просто автоматизация отдельных процессов и действий, а качественно новая возможность развития рынка туризма и гостеприимства через цифровую интеграцию на всех уровнях управления, что способствует формированию фундаментальной базы для перехода к экономике, основанной на анализе данных и предиктивному управлению. Это позволяет предвосхищать изменения функционирования рынков, поведения и потребности аудитории, выявлять скрытые возможности, минимизировать риски принятия управленческих решений и оптимизировать использование ресурсов на всех уровнях.

На федеральном уровне ИАС становится инструментом реализации государственной политики регулирования и поддержки развития рынка, формирования конкурентоспособного национального продукта на мировом рынке. Это достигается через региональную координацию и согласованность действий всех региональных рынков, позволяя выявлять лучшие практики и копировать их, корректировать распределение федеральных субсидий, направляя их в наиболее потенциально привлекательные регионы, а не использовать остаточный принцип. Непрерывный мониторинг реализации национальных проектов

в сфере туризма минимизирует риски нецелевого использования бюджетных средств, а также предоставит возможность контролировать сроки выполнения. Единый стандарт данных позволит сделать отчетность разных ведомств более сопоставимой и приемлемой для глубокого анализа. Все это откроет возможности для перехода к динамическим моделям развития рынка, базирующимся на сценарном прогнозировании (оптимистический, базовый и пессимистический прогноз), учитывающим изменения факторов внутренней и внешней среды национального рынка.

ИАС позволит регионам выявить и реализовать свои уникальный туристско-рекреационный потенциал и повысить инвестиционную привлекательность. Регионы смогут проводить расчеты допустимых рекреационных нагрузок, что критически важно для особо охраняемых природных территорий и популярных локаций, сместив потребительский фокус на новые направления. Это предоставит возможность установить баланс между объемом туристического потока, сохранением экологии и комфортом местных жителей. Непрерывный мониторинг ведения бизнеса обеспечит прозрачность взаимоотношений между всеми участниками рынка, делая его открытым. Все это приведет к четным конкурентным отношениям, выгодным потребителям, компаниям и органам управления. В качестве отдельного направления можно выделить создание цифровых паспортов туристских объектов, средств размещения и сопутствующей инфраструктуры. Региональные власти смогут выявить дефицит каких-либо объектов и разработать обоснованные предложения для инвесторов, а для потребителей процесс выбора станет комфортнее и понятнее.

ИАС должна рассматриваться компанией как среда для повышения эффективности бизнеса и формирования конкурентных преимуществ. Компании получают возможность доступа к агрегированным данным рынка (средний чек в регионе, средняя загрузка средств размещения в регионе, популярность услуг, объем потраченных средств), что позволит им объективно оценить свои позиции и проводить корректировку ассортиментной и ценовой политики. Интеграция с системами сбора данных о поведении потребителей (поисковые запросы, история бронирования, геолокации) позволит турфирмам провести более четкую сегментацию и разработать персонализированные предложения, отвечающие запросам целевой аудитории. Данные об оказанных услугах (отзывы потребителей) позволят скорректировать систему лояльности, повысить качество предоставляемых услуг, а также выявить потребность в обучении персонала. Автоматизация внутреннего документооборота снизит операционные издержки и повысит скорость обработки данных, что приведет к сокращению времени оказания услуг и снижению финансовых затрат.

Основная ценность предложенной информационно-аналитической системы связана с синергетическим эффектом всех уровней управления. Данные компаний позволяют корректировать действия на региональных рынках, что дает возможность корректировать национальные программы и проекты и перераспределять бюджетные средства. Таким образом, система работает как единый слаженный механизм управления отраслью в целом, где каждый уровень усиливает действия другого и открывает новые возможности.

Заключение

Цифровизация процессов регулирования и поддержки развития рынка туристско-гостиничных услуг выступает мощным драйвером повышения конкурентоспособности отрасли. Проведенное исследование показало, что переход к информационно-аналитической модели управления

позволяет существенно повысить качество решений и скорость реакции на изменения рынка. Предложенная трехуровневая информационно-аналитическая система интегрирует усилия всех авторов – от отдельных турфирм до федеральных органов – в едином цифровом пространстве. На корпоративном уровне ИАС помогает предприятиям индустрии внедрять передовые технологии, лучше понимать своих клиентов и совершенствовать сервис, опираясь на данные. На региональном уровне система обеспечивает органам власти инструменты мониторинга и анализа, необходимые для разработки адресных мер поддержки и стратегий развития, а бизнесу – доступ к актуальной информации и лучшим практикам. Федеральный уровень ИАС служит фундаментом для формирования целостной политики развития туризма в стране, основанной на своевременной аналитике и прогнозах, а также позволяет координировать цифровую трансформацию отрасли в масштабах всей страны.

Литература

1. Волков А.В., Волкова-Гончарова Т.А., Чуваткин П.П. Методические основы оценки конкурентоспособности в туризме // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. 2014. № 5. С. 89-92.
2. Еронина М.С., Евдовская С.А. Влияние цифровых технологий на развитие сферы туризма // *Цифровые технологии: настоящее и будущее: сб. статей по материалам II Нац. науч.-практ. конф., Тольятти, 10 ноября 2023 г. Тольятти: Тольяттинская академия управления, 2023. С. 271–276.*
3. Захарова М.В. Проблемы регулирования и поддержки развития рынка услуг туризма и гостеприимства в современных экономических условиях // *Экономическое развитие России*. – 2023. – Т. 30, № 12. – С. 139-144.
4. Каменских Э.А. Цифровая трансформация индустрии гостеприимства России и ее влияние на потребительский опыт // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2025. Т. 12, № 7.
5. Климова Т.Б., Глумова Я.Г. Тенденции развития индустрии туризма и гостеприимства сквозь призму цифровой экономики // *Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса*. – Т. 6, № 1, 2020, с. 14-21.
6. Мамраева Д.Г. Цифровизация индустрии туризма: ключевые тренды // *Цифровые технологии в экономике и промышленности (ЭКОПРОМ-2019)*. 2019. – с. 306– 316.
7. Оборин М.С., Ильин Р.В. Разработка цифровой модели развития и регулирования рынка туристских услуг // *Первый экономический журнал*. – 2024. № 2(344). С. 52–57.
8. Путин поручил создать цифровую платформу для путешествий [Электронный ресурс] URL: <https://tass.com/economy/1767495> (дата обращения: 05.02.2026).
9. Реестр реестров: какие перечни созданы в туризме, для чего и где их искать [Электронный ресурс] URL: <https://www.atorus.ru/article/reestr-reestrov-kakie-perechni-sozdany-v-turizme-dlya-chego-i-gde-ikh-iskat-63546> (дата обращения: 10.02.2026).
10. Черевичко Т.В., Темякова Т.В. Цифровизация туризма: формы проявления // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право*. – 2019. – № 1. – с. 59–64.
11. Buhalis, D., Leung, R. (2018). Smart hospitality - Interconnectivity and interoperability towards an ecosystem. *International Journal of Hospitality Management*, 71(79), 41-50. <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2017.11.011>

12. Khatrri I. Information Technology in Tourism & Hospitality: A Review of Ten Years' Publication // *Journal of Tourism & Hospitality Education*. 2019. Vol. 9. P. 74–87.

Digitalization of tourism and hospitality market regulation as a factor in increasing competitiveness: an information-analytical approach

Zakharova M.V., Burlakov V.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, MIREA – Russian Technological University Russian State Humanities University

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

Digital transformation is becoming a strategic necessity for improving service quality, customer satisfaction, and profits in the tourism and hospitality sector. This article examines the digitalization of government regulation and support for the development of the tourism and hotel services market as a key factor in enhancing their competitiveness. It also proposes an information and analytical approach to digitalizing market management at three levels—corporate, regional, and federal. The authors present the concept of a multi-level information and analytical system (IAS) that enables the collection, analysis, and exchange of data between market participants and government agencies. It is demonstrated that targeted implementation of an IAS will enable the synchronization of digital processes, strengthen service focus on the consumer, personalize interactions, and accelerate and improve the validity of management decisions. The long-term functioning of such a system will lead to the formation of a unified digital space for the tourism and hotel market, with increased use of big data, artificial intelligence, and other technologies by all participants, which will serve as the basis for increasing the competitiveness of services. The results of the study can be used by government agencies, regional development institutions, and tourism market participants in the development and implementation of digitalization policies and the enhancement of the competitiveness of tourism and hospitality services digitalization and enhancing the competitiveness of tourism and hospitality services.

Keywords: tourism and hospitality, competitiveness, digitalization, market regulation, information and analytical system, digital platforms.

References

1. Volkov A.V., Volkova-Goncharova T.A., Chuvatkin P.P. Methodological Foundations for Assessing Competitiveness in Tourism // *Economic and Humanitarian Studies of Regions*. 2014. No. 5. pp. 89-92.
2. Eronina M.S., Evdovskaya S.A. The Impact of Digital Technologies on the Development of the Tourism Sphere // *Digital Technologies: Present and Future: Collection of Articles Based on the Materials of the II National Scientific and Practical Conf., Tolyatti, November 10, 2023. Tolyatti: Tolyatti Academy of Management, 2023. pp. 271-276.*
3. Zakharova M.V. Problems of regulation and support for the development of the tourism and hospitality services market in modern economic conditions//*Economic development of Russia*. – 2023. - T. 30, NO. 12. - S. 139-144.
4. Kamenskikh E.A. Digital Transformation of the Russian Hospitality Industry and Its Impact on Consumer Experience // *Economy and Management: Problems, Solutions*. 2025. Vol. 12, No. 7.
5. Klimova T.B., Glumova Ya.G. Development trends in the tourism and hospitality industry through the prism of the digital economy // *Scientific result. Business and service technologies*. - Vol. 6, No. 1, 2020, pp. 14-21.
6. Mamraeva D.G. Digitalization of the Tourism Industry: Key Trends // *Digital Technologies in Economy and Industry (EKOPROM-2019)*. 2019. – pp. 306-316.
7. Oborin M.S., Ilyin R.V. Development of a Digital Model for the Development and Regulation of the Tourism Services Market // *First Economic Journal*. – 2024. No. 2(344). pp. 52–57.
8. Putin ordered the creation of a digital platform for travel [Electronic resource] URL: <https://tass.com/economy/1767495> (date accessed: 05/02/2026).
9. Registry of registries: which lists have been created in tourism, why and where to look for them [Electronic resource] URL: <https://www.atorus.ru/article/reestr-reestrov-kakie-perechni-sozdany-v-turizme-dlya-chego-i-gde-ikh-iskat-63546> (date accessed: 10/02/2026).
10. Cherevichko T.V., Temyakova T.V. Digitalization of tourism: forms of manifestation // *Bulletin of Saratov University. New series. Series Economics. Management. Law*. - 2019. - No. 1. - p. 59-64.
11. Buhalis, D., Leung, R. (2018). Smart hospitality - Interconnectivity and interoperability towards an ecosystem. *International Journal of Hospitality Management*, 71(79), 41-50. <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2017.11.011>
12. Khatrri I. Information Technology in Tourism & Hospitality: A Review of Ten Years' Publication // *Journal of Tourism & Hospitality Education*. 2019. Vol. 9. P. 74–87.

Особенности экономического роста в постиндустриальной экономике

Зенкина Елена Вячеславовна

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Президентская академия), evzenkina@mail.ru,

Костромин Пётр Александрович

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Президентская академия), farmc_kostromin@mail.ru

Современная мировая экономика вступила в этап глубоких структурных преобразований, обусловленных переходом от индустриального к постиндустриальному типу развития. Эти изменения затрагивают не только экономические параметры роста, но и социальную, институциональную и культурную ткань общества. Возникают новые вызовы - от автоматизации труда до цифрового разрыва между регионами и поколениями. Представленная статья позволяет комплексно осмыслить суть и последствия этого перехода, а также выделить ключевые направления адаптации экономических систем к новым условиям.

Ключевые слова: мировая экономика, постиндустриализация, интеллектуализация, технологическая модернизация, смена парадигмы экономического развития.

Современная мировая экономика переживает глубокую трансформацию своих базовых основ развития. Если в индустриальной эпохе экономический рост определялся, прежде всего, наращиванием капитала и увеличением объемов труда, то в условиях постиндустриализации акценты смещаются в сторону нематериальных факторов - знаний, информации, человеческого капитала и технологий [7,8]. Это качественное изменение логики экономического роста отражает переход к экономике знаний и свидетельствует о переосмыслении традиционных экономических моделей [2].

В классической экономической теории основными факторами производства считались труд, капитал и земля. В модели Солоу (1956) рост объяснялся за счёт увеличения запасов капитала и труда, а также достигнутого технического прогресса. Однако с конца XX века стало очевидно, что эти подходы недостаточны для объяснения устойчивого роста в развитых экономиках, где насыщение физическим капиталом достигло предельных значений, а численность рабочей силы перестала расти. Это привело к развитию новой теории роста, акцентирующей внимание на эндогенных факторах, прежде всего - в знаниях и инновациях (модель Лукаса, Ромера и др.).

Главным ресурсом в современной экономике становится человек, обладающий знаниями, компетенциями и способностью к обучению. Квалифицированный труд превращается в форму капитала - человеческий капитал, инвестиции в который дают высокий экономический эффект [4,3].

Инновации и технологии сегодня не просто улучшают эффективность производства - они создают целые новые отрасли и трансформируют существующие. Примером служит бурный рост IT-сектора, биотехнологий, возобновляемой энергетики, финтеха и цифровых платформ. В этих отраслях основная стоимость создаётся не материальными активами, а интеллектуальной собственностью, алгоритмами, программным обеспечением, базами данных. Возникает экономика, где основным фактором роста становятся не ресурсы, а способность к постоянному технологическому обновлению.

В этой связи особую значимость приобретают инвестиции в R&D (исследования и разработки). В странах с высоким уровнем технологического развития - таких как США, Южная Корея, Германия, Япония - доля расходов на НИОКР превышает 2-3% ВВП, что обеспечивает устойчивый приток инноваций и закрепляет их лидирующие позиции на мировом рынке [11]. Для стран, стремящихся к технологическому догоняющему развитию, приоритетными становятся меры по развитию инновационной инфраструктуры, поддержке стартапов, цифровой трансформации традиционных отраслей и стимулированию частных инвестиций в науку [1].

Переход к экономике знаний также требует институциональной адаптации. Защита интеллектуальной собственности, развитие цифровой инфраструктуры, создание условий для технологического предпринимательства, гибкость рынка труда и образовательной системы - всё это элементы новой среды, необходимой для генерации и использования знаний в качестве фактора роста. Государство становится не просто регулятором, но активным участником формирования инновационной экосистемы [5,6].

Изменение факторов роста отражается и на международной конкурентоспособности. Ведущими игроками гло-

бальной экономики становятся не те страны, которые обладают сырьевыми ресурсами или дешёвой рабочей силой, а те, кто способен интегрировать технологии, стимулировать предпринимательство и инвестировать в образование и науку. Возникает новая иерархия в мировой экономике, где интеллектуальный потенциал становится главной валютой.

Таким образом, экономический рост в постиндустриальную эпоху всё меньше зависит от количественного расширения капитала и труда, и всё больше - от качественного совершенствования человеческого потенциала, способности к инновациям и технологическому развитию. Понимание и учёт этих изменений являются необходимым условием эффективной экономической политики в XXI веке.

В условиях постиндустриального развития на первый план в обеспечении экономического роста выходят инновации и сфера услуг, радикально изменяя динамику и структуру валового внутреннего продукта (ВВП). Их влияние проявляется не только в расширении объемов производства и потребления, но и в повышении устойчивости экономических систем, усилении их адаптивности к внешним шокам и переходе к более гибкой, сетевой модели функционирования экономики.

Инновации, понимаемые как процесс внедрения новых или значительно усовершенствованных продуктов, технологий, процессов и организационных решений, становятся ключевым источником добавленной стоимости в современной экономике [9].

Особенность постиндустриальной фазы заключается в том, что инновационная активность перестаёт быть исключительно прерогативой высокотехнологичных производств. Значительная часть инноваций сосредотачивается в сфере услуг - от цифровых платформ до образовательных, медицинских и финансовых решений. Это означает, что сервисная экономика становится не просто фоном для производства, а самостоятельным драйвером роста. Страны с развитым сектором услуг - такие как США, Великобритания, Япония - уже сегодня генерируют более 70–80% ВВП за счёт сервисных отраслей.

Сфера услуг, при всей своей нематериальной природе, обладает высокой мультипликативной способностью. Финансовые и страховые услуги, информационные технологии, логистика, туризм, креативные индустрии стимулируют развитие смежных отраслей, порождают спрос на квалифицированный труд и усиливают внутреннюю связанность экономики. Более того, сервисы становятся всё более экспортно-ориентированными, а торговля ими - всё менее зависимой от территориальной близости. Электронные сервисы, SaaS-модели, телемедицина, дистанционное образование - всё это расширяет вклад сектора услуг в международную торговлю и ВВП.

Инновации в сфере услуг особенно важны для повышения качества жизни и формирования человеческого капитала. Развитие цифровых технологий в здравоохранении, социальной сфере, транспортной инфраструктуре и государственном управлении повышает эффективность и доступность сервисов, а, следовательно, - влияет на экономическую активность через рост потребительского спроса и расширение рынка труда [10].

Следует подчеркнуть, что рост ВВП, обусловленный инновациями и сервисной экономикой, имеет специфическую структуру. Он может сопровождаться снижением энергопотребления и материалоёмкости, но при этом способствовать созданию высокооплачиваемых рабочих мест и росту производительности. Это открывает путь к более устойчивому и инклюзивному развитию, особенно в контексте глобальных экологических вызовов и перехода к «зелёной» экономике.

Однако неравномерность инновационного развития и сервисной трансформации порождает и вызовы. В странах с доминированием сырьевых или традиционных отраслей инновации распространяются медленно, а вклад сектора услуг в ВВП остаётся ограниченным. Это требует активной государственной политики в сфере поддержки НИОКР, цифровизации экономики и повышения квалификации рабочей силы. Без этих условий сервисная экономика не сможет стать полноценным источником роста, а инновации останутся точечными и не интегрированными в общую структуру хозяйства.

Таким образом, инновации и сервисная экономика становятся центральными факторами макроэкономической динамики в XXI веке. Их воздействие на ВВП проявляется не только в количественном увеличении объемов производства, но и в качественном изменении структуры экономики, формировании новых отраслей и моделей занятости. Осознанная интеграция этих факторов в экономическую политику - залог устойчивого, конкурентоспособного и технологически ориентированного роста.

Переход к постиндустриальному обществу оказывает многоуровневое влияние на социально-экономические структуры государств, затрагивая практически все сферы общественной жизни - от занятости и образования до распределения доходов и модели социального обеспечения. Постиндустриализация несёт с собой как позитивные, так и противоречивые последствия, обусловленные сменой доминирующих факторов производства, цифровизацией и изменением характера труда.

Одним из ключевых последствий является трансформация структуры занятости. В индустриальном обществе преобладали рабочие профессии, связанные с физическим трудом в производственном секторе. Постиндустриальная экономика характеризуется ростом занятости в секторе услуг, наукоёмких и креативных отраслях, а также в сфере информационных технологий. Это приводит к увеличению спроса на высококвалифицированных специалистов, способных работать с данными, знаниями и цифровыми инструментами. Соответственно, происходит рост значимости образования, особенно непрерывного и профессионального обучения на протяжении всей жизни.

Одновременно с этим постиндустриализация сопровождается вытеснением неквалифицированного и рутинного труда, который всё чаще автоматизируется. Это порождает структурную безработицу в отраслях, где люди становятся менее востребованными, и требует активной политики государства по переобучению, адаптации и социальной защите уязвимых групп. Возникает новая поляризация труда: на одном полюсе - высокооплачиваемые специалисты в ИТ, финансах, медиа, на другом - низкооплачиваемые работники в сфере персональных услуг, логистики, доставки и ухода.

Важным аспектом является и изменение характера социальной мобильности. В индустриальном обществе она во многом зависела от стабильной занятости и профессионального роста внутри крупных корпораций. Постиндустриальная модель предполагает более фрагментированные и гибкие карьерные траектории, где успех зависит от способности к адаптации, самообучению и предпринимательству. Возникает поколение «гиг-экономики», в котором работники всё чаще взаимодействуют с платформами, а не с традиционными работодателями, что влечёт за собой изменение форм занятости, социального страхования и пенсионного обеспечения.

Социальные последствия постиндустриализации затрагивают и сферу территориального развития. Ускоренное развитие концентрируется в крупных городах и агломерациях, где сосредоточены университеты, инновационные центры, цифровая инфраструктура и креативные ин-

дустрии. Это усиливает разрыв между центром и периферией, углубляя региональные различия в уровне жизни, доходах и доступе к возможностям. Для устранения таких диспропорций требуется активная региональная политика, направленная на развитие человеческого капитала и цифровых сетей в менее развитых территориях.

Постиндустриализация также влияет на культурные и ценностные ориентации общества. Возрастает роль самоидентификации через профессиональные и интеллектуальные достижения, формируется культура предпринимательства и инноваций. Одновременно усиливаются процессы индивидуализации, ослабления традиционных форм социальной солидарности, что может вести к росту социальной фрагментации. Это требует переосмысления моделей социального государства и развития новых механизмов поддержки социального доверия и кооперации.

Несмотря на вызовы, постиндустриализация создаёт и значительные социальные возможности. Расширяется доступ к образованию, информации, медицинским и государственным услугам благодаря цифровым платформам. Возникают новые формы гражданского участия и взаимодействия с институтами власти. Формируется модель «умного» общества, где технологии используются не только для экономической эффективности, но и для повышения качества жизни, социальной инклюзии и устойчивого развития.

Таким образом, постиндустриализация является сложным и противоречивым процессом, сопровождающимся как прогрессом, так и социальными рисками. Эффективное управление её последствиями требует системной социальной политики, ориентированной на развитие человеческого потенциала, сокращение неравенства и формирование адаптивной модели социальной защиты. Только в этом случае возможна реализация потенциала постиндустриальной экономики в интересах всего общества.

Переход к постиндустриальному обществу - это вызов, но одновременно и шанс. Успешные страны - те, кто не просто следуют за изменениями, а формируют их, опираясь на интеллектуальные ресурсы, социальное доверие и технологическую открытость.

Литература

1. Доклад о мировом развитии 2020: Торговля в меняющемся мире / Всемирный банк. — М.: Весь Мир, 2020. — 374 с.
2. Зенкина Е. В. К новой парадигме мировой экономики : монография / Е.В. Зенкина, Ю.С. Бегма. — М.: ИНФРА-М, 2024. — 279 с. — DOI 10.12737/2084109.
3. Зенкина Е.В. В поисках новых инструментов стимулирования экономического развития // Инновации и инвестиции. — 2020. — № 5. — С. 38-41.
4. Зенкина Е.В. Постиндустриализация как общая закономерность современных изменений в экономических процессах // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. — 2018. — № 4 (38). — С. 74-77.
5. Зенкина Е.В., Ивина Н.В. Современные глобальные тенденции экономики устойчивого развития // Инновации и инвестиции. — 2021. — № 1. — С. 48-51.
6. Зенкина Е.В., Ивина Н.В., Малинин А.А. Информационные технологии как современный канал влияния на устойчивое экономическое развитие стран // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. — 2019. — № 3 (41). — С. 52-57.
7. Мировая экономика : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению

подготовки "Экономика и управление" / Е.В. Зенкина, Е.Ф. Авдокушин, П.А. Костромин [и др.] ; под ред. Е.В. Зенкиной. — М.: ИНФРА-М, 2025. — 452 с. — DOI 10.12737/2157179.

8. Мировая экономика : учебник для студентов вузов, обучающихся по укрупненной группе направлений и специальностей 38.00.00 «Экономика и управление» / Ю.А. Щербанин, Е.В. Зенкина, П.И. Толмачев [и др.] ; под редакцией Ю.А. Щербанина. 6-е изд. пер. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. — 448 с.

9. Новые тренды в экономическом глобализации : монография / под ред. А.С. Булатова, Н.В. Галищевой, М.А. Максаковой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. — 505 с.

10. Управление устойчивым развитием организаций и территорий : монография / В.М. Тумин, Е.В. Зенкина, О.П. Иванова [и др.] ; под ред. д-ра экон. наук, проф. В.М. Тумина, д-ра экон. наук, доц. Е.В. Зенкиной. — М.: ИНФРА-М, 2024. — 272 с. — DOI 10.12737/2147031.

11. OECD Science, Technology and Industry Outlook 2023. Paris: OECD Publishing, 2023. — URL: <https://www.oecd-ilibrary.org> (дата обращения: 01.02.2026).

Features of economic growth in the post-industrial economy

Zenkina E.V., Kostromin P.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy)

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The modern global economy has entered a period of profound structural transformations driven by the transition from industrial to post-industrial development. These changes affect not only economic growth parameters but also the social, institutional, and cultural fabric of society.

New challenges are emerging, from labor automation to a digital divide between regions and generations. This article provides a comprehensive understanding of the nature and consequences of this transition, as well as highlights key areas for adapting economic systems to new conditions.

Keywords: global economy, post-industrialization, intellectualization, technological modernization, paradigm shift in economic development.

References

1. World Development Report 2020. Trading for Development in the Age of Global Value Chains / The World Bank. — Moscow: The Whole World, 2020. — 374 p.
2. Zenkina E.V. Towards a new paradigm of the world economy : monograph / E.V. Zenkina, Yu.S. Begma. — Moscow: INFRA-M, 2024. — 279 p. — DOI 10.12737/2084109.
3. Zenkina E.V. In search of new incentive tools economic development // Innovation and investment. — 2020. — Vol. 5. — pp. 38-41.
4. Zenkina E.V. Post-industrialization as general regularity of modern changes in economic processes // News of higher educational institutions. The series "Economics, Finance and production management". — 2018. — Vol. 4 (38). — pp. 74-77.
5. Zenkina E.V., Ivina N.V. Current global trends of the sustainable development economy // Innovation and investment. — 2021. — Vol. 1. — pp. 48-51.
6. Zenkina E.V., Ivina N.V., Malinin A.A. Information technologies as modern channel of influence on sustainable economic development of the countries // News of higher educational institutions. The series "Economics, Finance and production management". — 2019. — Vol. 3 (41). — pp. 52-57.
7. Global economy: textbook for students of higher educational institutions studying in the field of Economics and Management / E.V. Zenkina, E.F. Avdokushin, P.A. Kostromin [et al.] ; edited by E.V. Zenkina. — Moscow: INFRA-M, 2025. — 452 p. — DOI 10.12737/2157179.
8. Global economy: textbook for students of higher educational institutions studying in the field of Economics and Management / Yu.A. Shcherbanin, E.V. Zenkina, P.I. Tolmachev [et al.] ; edited by Yu.A. Shcherbanin. 6th ed. trans. and add. — Moscow: UNITY-DANA, 2024. — 448 p.
9. New trends in economic globalization: monograph / edited by A.S. Bulatov, N.V. Galishcheva, M.A. Maksakova. — Moscow: Aspect Press Publishing House, 2023. — 505 p.
10. Sustainable development management of organisations and territories : monograph / V.M. Tumin, E.V. Zenkina, O.P. Ivanova [et al.] ; edited by Doctor of Economics, prof. V.M. Tumin, Doctor of Economics, assoc. prof. E.V. Zenkina. — Moscow: INFRA-M, 2024. — 272 p. — DOI 10.12737/2147031.
11. OECD Science, Technology and Industry Outlook 2023. Paris: OECD Publishing, 2023. — URL: <https://www.oecd-ilibrary.org> (accessed: 01.02.2026).

Основные противоречия системы образования и рынка труда в России в современных условиях: актуальные проблемы и перспективы

Исаев Зураб Эдиевич

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

Бородина Мария Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, РУДН им. Патриса Лумумбы, BorodinaMA@rgsu.net, borodina_mra@pfur.ru,

Кондратенко Татьяна Евгеньевна

старший преподаватель, Высшая школа транспортного строительства, геодезии и землеустройства Автомобильные дороги, Тихоокеанский государственный университет, 005730@pnu.edu.ru,

Соколицина Наталья Александровна

доктор экономических наук, доцент, доцент Высшей школы производственного менеджмента, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, natasokoli@spbstu.ru,

Соколицын Александр Сергеевич

доктор экономических наук, профессор, профессор Высшей школы государственного управления, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, sokolitsyn_as@spbstu.ru

В статье исследуются системные противоречия между подготовкой кадров и потребностями экономики в современных российских условиях. Выявлены ключевые структурные, территориальные и содержательные дисбалансы, проявляющиеся в несоответствии объемов и профилей подготовки реальному спросу рынка труда. Проанализированы существующие и перспективные механизмы координации между образовательными организациями и работодателями, включая отраслевые советы по квалификации, базовые кафедры, дуальное образование и цифровые платформы. Особое внимание уделено институциональным и финансовым аспектам взаимодействия, препятствующим эффективной интеграции образования и производства. Определены направления трансформации системы прогнозирования кадровых потребностей и модернизации целевого обучения. Предложены меры по развитию государственно-частного партнерства в образовании, созданию отраслевых ресурсных центров и внедрению независимой оценки квалификаций.

Ключевые слова: структурные дисбалансы, подготовка кадров, потребности экономики, координация образования и производства, отраслевые советы по квалификации, дуальное образование, базовые кафедры, цифровые платформы.

Система образования исторически наделяется просветительской миссией – «вывести человека из состояния несовершеннолетия» (И. Кант) посредством развития разума и самостоятельности. В идеале школа и университет должны воспитывать гражданина, способного подвергать сомнению догмы и осознанно относиться к социальным процессам. В результате, школы и университеты встраиваются в логику «одномерного общества», транслируя знание, совместимое с существующей системой, и подавляя потенциал для социально-критической мысли. Таким образом, образование рискует утратить свою эмансипаторскую функцию, если оно полностью подчиняется требованиям массового общества и рынка труда, которые чаще всего делают упор на адаптивность и техническую компетентность вместо независимости ума [10].

Для Российской Федерации, обладающей уникальным образовательным пространством и особыми условиями формирования рынка труда, особое значение приобретает разрешение системных противоречий между сферой образования и экономическими потребностями. В условиях геополитической трансформации и переориентации экономики на сегодняшний день выстраиваются новые модели взаимодействия образовательных организаций и работодателей [1, с. 46]. Эти модели оказывают огромное воздействие на жизненные траектории выпускников и социально-экономическое развитие регионов страны в целом.

Выявление и анализ этих противоречий, понимание причин их возникновения, а также прогнозирование последствий и поиск путей гармонизации – одна из наиболее актуальных научно-практических проблем, требующая междисциплинарного подхода на стыке экономики, социологии, педагогики и менеджмента.

С учетом новых вызовов, включая импортозамещение, цифровизацию экономики и интеграцию новых территорий, существенно возрастает потребность в разработке целостной концепции подготовки кадров, отвечающей как стратегическим задачам государства, так и динамичным запросам рынка труда [4, с. 92]. Одновременно с этим недостаточная теоретическая и методическая проработанность механизмов взаимодействия образования и производства оказывает негативное влияние на качество человеческого капитала и конкурентоспособность экономики в целом. Формирование эффективной системы прогнозирования кадровых потребностей и адаптации образовательных программ способно изменить роль образования в социально-экономическом развитии регионов и страны в целом [2, с. 73]

Теоретическая значимость данной проблемы состоит в необходимости системного анализа структурных и функциональных дисбалансов между системой образования и рынком труда, что обуславливает важность разработки интегративного методологического подхода. Комплексное изучение данных противоречий позволит выстроить концептуальные основы их минимизации, усовершенствовать механизмы координации между всеми участниками этого процесса. Особую практическую ценность имеют аспекты, связанные с разработкой моделей прогнозирования потребностей в кадрах, созданием гибких образовательных траекторий, а также формированием системы мониторинга трудоустройства и карьерного развития выпускников.

Исходя из актуальности проблемы, цель исследования: выявить и проанализировать основные противоречия между системой образования и рынком труда в современных российских условиях, а также определить перспективные направления их разрешения.

В рамках достижения данной цели предполагается решение следующих исследовательских задач: 1) выявить ключевые структурные и содержательные дисбалансы между подготовкой кадров и потребностями экономики; 2) проанализировать существующие и перспективные механизмы координации между образовательными организациями и работодателями.

На сегодняшний день можно выделить структурные, территориальные, содержательные, отраслевые, институциональные дисбалансы. Ключевыми являются структурные и содержательные дисбалансы, которые в рамках между подготовкой кадров и потребностями экономики проявляются в нескольких взаимосвязанных аспектах.

Таблица

Дисбалансы между подготовкой кадров и потребностями экономики

Тип дисбаланса	Проявления	Последствия
Структурный	Переизбыток юристов/экономистов, нехватка инженеров и рабочих	Безработица выпускников, дефицит кадров в реальном секторе
Территориальный	Концентрация кадров в столицах, деградация регионов	Усиление регионального неравенства, миграционный отток
Содержательный	Устаревшие программы, недостаток практики и soft skills	Низкая конкурентоспособность выпускников, затраты на дополнительное обучение
Отраслевой	Подготовка для традиционных отраслей, отставание в новых	Технологическое отставание, утечка кадров
Квалификационный	Ориентация на текущие нужды вместо опережающей подготовки	Сдерживание инноваций, структурная безработица
Институциональный	Слабая роль работодателей в образовательных стандартах	Неэффективное использование бюджета, недоверие бизнеса
Финансовый	Перераспределение в финансировании (вузы или СПО)	Усиление структурных перекосов, недоступность образования

Источник: составлено автором

Структурные дисбалансы выражаются в несоответствии объемов и профилей подготовки кадров реальному спросу экономики [5, с. 80]. Наблюдается перепроизводство выпускников по одним специальностям (экономика, юриспруденция, менеджмент) при остром дефиците кадров в других сферах (инженерно-технические профессии, рабочие специальности, IT-специалисты). Данная ситуация усугубляется сохраняющимся разрывом в престижности профессий среди абитуриентов и их родителей.

Содержательные дисбалансы заключаются в разрыве между компетенциями выпускников и требованиями работодателей. Устаревшие образовательные программы не успевают за динамикой технологического развития, что приводит к недостаточному уровню практических навыков у выпускников [6, с. 49]. Наблюдается дефицит формирования мягких навыков («soft skills») - критического мышления, коммуникативных способностей, проектной работы, которые становятся все более востребованными в современной экономике. Отмечается недостаточное владение цифровыми компетенциями даже у выпускников технических специальностей. Дисбаланс усиливается различиями в системах оценки качества: образовательные организации ориентируются на формальные показатели успеваемости, в то время как работодатели оценивают реальную производительность и адаптивность сотрудников.

Ключевыми факторами успешной адаптации российской системы образования к цифровой экономике являются развитие цифровой компетентности преподавателей и студентов, а также обновление учебных программ и методик обучения. Обучение преподавателей новым методам преподавания, освоение цифровых инструментов и развитие информационной грамотности студентов являются неотъемлемой частью успешной адаптации [8].

Территориальный дисбаланс проявляется в концентрации образовательных возможностей в крупных городах при недостаточном обеспечении кадрами региональных экономик. Особенно остро это проявляется в моногородах и сельских территориях, где образовательная инфраструктура не соответствует потребностям местных рынков труда. Это приводит к массовой образовательной миграции талантливой молодежи из регионов, что усугубляет демографические проблемы и снижает человеческий капитал территорий.

Региональные системы профессионального образования часто не успевают адаптироваться к изменяющейся структуре местной экономики [7, с. 296]. В моногородах, зависимых от градообразующих предприятий, подготовка кадров продолжает ориентироваться на устаревающие производства, тогда как потребности в специалистах для диверсификации экономики остаются неудовлетворенными. В сельских территориях сохраняется перекос в сторону аграрного образования при растущей потребности в IT-специалистах, сервисных работниках и представителях других современных профессий.

Отраслевые дисбалансы проявляются в медленной адаптации образовательных программ к изменяющейся структуре экономики. Подготовка кадров для традиционных отраслей продолжает преобладать над подготовкой для перспективных отраслей и высокотехнологичных секторов. Особую проблему представляет временной лаг между возникновением новых профессиональных требований и их отражением в образовательных стандартах, который в современных условиях составляет 3-5 лет. Квалификационный разрыв выражается в том, что система образования готовит специалистов для уже существующих рабочих мест, в то время как экономика нуждается в кадрах для задач опережающего развития.

Институциональные дисбалансы проявляются через системные пробелы в управлении взаимодействием образования и рынка труда. Слабая интеграция работодателей в образовательный процесс имеет многоуровневый характер: их участие в разработке федеральных государственных образовательных стандартов носит формальный характер, часто ограничиваясь формальным согласованием без реального влияния на содержание. При создании основных профессиональных образовательных программ представители бизнеса привлекаются эпизодически, что приводит к дисбалансу между теоретической составляющей и практическими требованиями. На уровне оценки качества подготовки отсутствуют действенные механизмы независимой оценки квалификаций выпускников с участием профессиональных сообществ.

Недостаточное развитие механизмов прогнозирования кадровых потребностей выражается в отсутствии достоверных отраслевых и региональных прогнозов на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Существующие системы мониторинга рынка труда ориентированы на текущую ситуацию и не позволяют осуществлять опережающее планирование подготовки кадров. Региональные органы власти не имеют эффективных инструментов для координации взаимодействия между образовательными организациями и предприятиями реального сектора экономики.

Отсутствие эффективной системы мониторинга трудоустройства выпускников приводит к тому, что образовательные организации не несут реальной ответственности за дальнейшую профессиональную судьбу своих выпускников [3, с. 271]. Сбор данных о трудоустройстве осуществляется формально, без анализа соответствия полученной квалификации и выполняемых трудовых функций. Не отслеживается карьерная траектория выпускников в течение 3-5 лет после окончания обучения, что не позволяет оценить качество подготовки в долгосрочной перспективе.

Анализ механизмов координации между образовательными организациями и работодателями выявляет комплекс существующих и перспективных моделей взаимодействия. К действующим механизмам относятся отраслевые советы по профессиональным квалификациям, которые разрабатывают профессиональные стандарты и участвуют в аккредитации образовательных программ.

Отраслевые советы по профессиональным квалификациям объединяют представителей ключевых работодателей отрасли. В их функции входит экспертиза профессиональных стандартов на соответствие современным производственным требованиям. Советы активно участвуют в процедурах аккредитации образовательных программ, оценивая их практическую ориентированность. Особое значение имеет разработка советами оценочных материалов для проведения независимой аттестации выпускников. Этот механизм позволяет бизнесу непосредственно влиять на содержание подготовки кадров и контролировать ее качество. Деятельность советов создает важный мост между требованиями производства и содержанием образовательных программ.

Создание базовых кафедр на производственных площадках предприятий представляет собой эффективный инструмент адаптации обучения к конкретным технологическим процессам. Такие кафедры организуются непосредственно в цехах и конструкторских бюро, что обеспечивает полное погружение студентов в производственную среду. Преподавательский состав формируется из инженерно-технических специалистов предприятия, передающих актуальный практический опыт. Студенты получают доступ к современному оборудованию и участвуют в решении реальных производственных задач. Учебные планы разрабатываются совместно с технологическими службами, что гарантирует соответствие обучения оперативным потребностям предприятия. Практические занятия проводятся под руководством опытных производственников в реальных рабочих условиях. Данный подход обеспечивает подготовку специалистов, готовых к немедленному включению в работу на конкретных должностях. Предприятия получают возможность целенаправленно формировать кадровый резерв из числа наиболее перспективных студентов. Социальное партнерство государства и бизнеса в образовании рассматривается как механизм его социализации, то есть преодоления консервативности, жестких вертикальных управляющих связей, закрытости, выхода на качественно новый уровень организации и управления, релевантный внешнему [9].

Программы дуального образования интегрируют теоретическую подготовку с практикой на рабочих местах, однако их распространение сдерживается сложностью администрирования и недостаточной нормативной базой. Они предусматривают параллельное освоение теоретического курса в образовательной организации и практических навыков на рабочем месте предприятия-партнера. Студенты заключают трёхсторонний договор с вузом и работодателем, гарантирующий трудоустройство после завершения обучения. Рабочие программы дисциплин раз-

рабатываются совместно с производственными специалистами и включают решение реальных кейсов предприятия.

Однако распространение данной модели ограничивается отсутствием единых методических стандартов организации учебного процесса на производственных площадках. Предприятия несут дополнительные затраты на наставничество и организацию рабочих мест для стажёров без достаточных налоговых льгот. Нормативная база не регламентирует распределение ответственности между участниками образовательного процесса при возникновении производственных инцидентов. В связи с этим требуется разработка отраслевых положений о порядке проведения практик и механизмах компенсации затрат работодателей.

Цифровые платформы для взаимодействия образования и бизнеса могут обеспечить оперативный обмен информацией о потребностях в компетенциях и возможностях подготовки. Они позволяют предприятиям в режиме реального времени публиковать актуальные требования к компетенциям сотрудников и заявки на подготовку кадров. Вузы и колледжи размещают данные о своих образовательных программах, материально-технической базе и количестве выпускников. Алгоритмы платформ автоматически анализируют соответствие предложения образовательных услуг и запросов бизнеса. Встроенные системы видеоконференцсвязи обеспечат проведение совместных методических советов и рабочих групп. Электронное портфолио студентов позволит работодателям отслеживать формирование компетенций в процессе обучения.

Внедрение системы независимой оценки квалификации приведет к созданию объективных критериев качества подготовки кадров. Привлечение экспертов из профильных предприятий обеспечит соответствие оценки реальным производственным требованиям. Использование производственных кейсов и практических заданий позволит моделировать профессиональные ситуации, максимально приближенные к реальным. Создание центров оценки квалификаций на базе отраслевых объединений работодателей включит в процесс оценки современное оборудование и технологии. Комплексная процедура оценки объединит тестирование теоретических знаний, решение практических задач и демонстрацию профессиональных умений. Фиксация результатов в цифровом профиле компетенций приведет к созданию прозрачной системы подтверждения квалификаций. Работодатели получат доступ к объективным данным о готовности выпускников, что исключит необходимость дополнительных испытаний при трудоустройстве. Образовательные организации будут использовать результаты оценки для постоянной корректировки учебных планов и совершенствования методов преподавания. Это создаст замкнутый цикл непрерывного улучшения качества подготовки кадров.

Развитие института корпоративных заказов через налоговые стимулы приведет к увеличению объема целевой подготовки специалистов. Внедрение механизмов целевого финансирования включит работодателей в прямое участие в формировании образовательных программ. Это обеспечит подготовку кадров с гарантированным трудоустройством и сократит период адаптации выпускников.

Реализация государственно-частного партнерства в образовании приведет к модернизации материально-технической базы образовательных организаций. Совместное финансирование инфраструктурных проектов включит бизнес в процесс обновления учебного оборудования и создания современных лабораторий. Это позволит готовить специалистов на производственном оборудовании последнего поколения.

Создание отраслевых ресурсных центров на базе ведущих предприятий приведет к концентрации современного оборудования и кадрового потенциала для подготовки специалистов. Это позволит организовать учебный процесс на производственных мощностях последнего поколения, что обеспечит формирование практических компетенций, соответствующих реальным требованиям производства. Внедрение такой модели включит работодателей в непосредственный образовательный процесс, создав условия для подготовки кадров по конкретным технологическим стандартам предприятия. Студенты получат доступ к уникальному оборудованию и методикам, которые невозможно воспроизвести в традиционных учебных лабораториях. Внедрение этих мер позволит значительно сократить сроки адаптации молодых специалистов на производстве и усилит их позиции при трудоустройстве.

Совершенствование системы прогнозирования потребности в кадрах будет осуществляться через отраслевые панели работодателей и аналитику больших данных. Отраслевые панели обеспечат сбор информации о перспективных требованиях к квалификациям специалистов. Анализ больших данных рынка труда позволит учитывать объективные статистические показатели, отслеживать технологические тренды и структурные экономические изменения. Это повысит достоверность прогнозов и даст образовательным учреждениям возможность своевременно корректировать программы обучения в соответствии с запросами предприятий.

Организация стажировок преподавателей на производстве при соответствующем нормативном и финансовом обеспечении позволит поддерживать их практическую компетентность на актуальном уровне. Непосредственное участие в производственных процессах поможет педагогам обновлять содержание учебных дисциплин. Привлечение действующих специалистов предприятий к преподавательской работе наполнит учебный процесс практическими примерами и современными рабочими методиками. Эти меры будут способствовать повышению качества образования через передачу студентам востребованных профессиональных умений.

Обновление системы целевого обучения предполагает создание реестра вакансий и прозрачных процедур отбора. Единый реестр позволит четко планировать потребность в специалистах и станет основой для адресной подготовки. Открытые конкурсные механизмы обеспечат привлечение в целевую подготовку наиболее заинтересованных абитуриентов, что положительно скажется на результатах их обучения. Такой подход оптимизирует распределение ресурсов между учебными заведениями и работодателями, одновременно гарантируя выпускникам по полученной специальности.

Реализация этих мер в комплексе создаст целостную систему взаимодействия образования и производства, обеспечивающую подготовку кадров, соответствующих современным экономическим потребностям. Интеграция ресурсов предприятий и образовательных организаций позволит максимально приблизить учебный процесс к реальным производственным условиям. Использование современных методов прогнозирования и планирования обеспечит опережающий характер подготовки специалистов. Непрерывное обновление практического опыта преподавательского состава гарантирует высокое качество образовательного процесса. Совершенствование системы целевого обучения создаст надежный механизм обеспечения кадрами приоритетных отраслей и регионов. Все это в конечном итоге приведет к повышению конкурентоспособности российской экономики за счет формирования качественного человеческого капитала.

Литература

1. Бабкина Ю.К., Акимов Г.З. Современное взаимодействие рынка труда и системы образования в новых экономических условиях. В сборнике: Содействие профессиональному становлению личности и трудоустройству молодых специалистов в современных условиях. Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции. В 3-х частях. Под редакцией С.А. Михайличенко, Ю.Ю. Буряка. 2020. С. 46-52.
2. Дрокина К.В. Проблемы взаимодействия рынка труда и системы образования в современных условиях. Вектор экономики. 2020. № 6 (48). С. 73.
3. Овсепян Р.Р. Система мониторинга трудоустройства выпускников вузов исполнительными органами государственной власти. Право и государство: теория и практика. 2022. № 3 (207). С. 271-272.
4. Сейфуллаева М.Э., Погорилык Б.И. Взаимодействие рынка образовательных услуг и региональных рынков труда в современных условиях. Маркетинг в России и за рубежом. 2020. № 5. С. 92-101.
5. Софронов С.С., Карапетян М.К. Основные проблемы формирования рынка труда в современных условиях. В сборнике: Вопросы современного менеджмента: взгляд и новые решения. сборник научных статей по материалам Региональной студенческой научно-практической конференции. Ставрополь, 2023. С. 80-83.
6. Усмонова Т.Д., Турсунов Р.Р. Основные принципы регулирования рынка труда в современных условиях. Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2024. № 2. С. 49-55.
7. Шевякин А.С., Репринцева Е.В., Зюкин Д.В., Беляев С.А. Основные тренды рынка труда России в актуальных экономических условиях. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 10-2. С. 296-301.
8. Деникина З.Д., Трубина Ю.А. Социальные аспекты адаптации российской системы образования к цифровой экономике: вызовы и перспективы // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 2. С. 183-190. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-2-183-190. EDN: HRSHUQ
9. Васильченко Н.В. Социальное партнерство в образовании как субъект правовых отношений // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. №7. С. 072-078. DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-7-072-078. EDN: ZMRMID
10. Самойлов С.Ф., Плотников Н.В. Образование в эпоху массовой культуры: диалектика культурной идентичности и социального конформизма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 5. С. 70-74.

Key Contradictions Between the Education System and the Labor Market in Russia in the Current Context: Current Problems and Prospects
Isaev Z.E., Borodina M.A., Kondratenko T.E., Sokolitsyna N.A., Sokolitsyn A.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian State Social University, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Pacific National University, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

This article examines the systemic contradictions between personnel training and the needs of the economy in modern Russia. Key structural, territorial, and substantive imbalances are identified, manifested in the discrepancy between the volume and profile of training and actual labor market demand. Existing and prospective mechanisms for coordination between educational organizations and employers are analyzed, including industry qualifications councils, specialized departments, dual education, and digital platforms. Particular attention is paid to the institutional and financial aspects of interaction that hinder the effective integration of education and industry. Areas for transforming the system for forecasting personnel needs and modernizing targeted training are identified. Measures are proposed for developing public-private partnerships in education, creating industry resource centers, and introducing independent qualification assessment.

Keywords: structural imbalances, personnel training, economic needs, education and production coordination, industry qualifications councils, dual education, basic departments, digital platforms.

References

1. Babkina Yu.K., Akimova G.Z. Modern Interaction between the Labor Market and the Education System in the New Economic Conditions. In the collection: Promoting Professional Development and Employment of Young Specialists in Modern Conditions. Collection of materials from the XII International scientific and practical conference. In 3 parts. Edited by S.A. Mikhailichenko, Yu.Yu. Buryak. 2020. pp. 46-52.
2. Drokina K.V. Problems of Interaction between the Labor Market and the Education System in Modern Conditions. Vector of Economy. 2020. No. 6 (48). p. 73.
3. Ovsepyan R.R. System for Monitoring Employment of University Graduates by Executive Bodies of State Authority. Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 3 (207). pp. 271-272. 4. Seyfullaeva M.E., Pogorilyak B.I. Interaction of the educational services market and regional labor markets in modern conditions. Marketing in Russia and abroad. 2020. No. 5. pp. 92-101.
5. Sofronov S.S., Karapetyan M.K. The main problems of forming the labor market in modern conditions. In the collection: Issues of modern management: view and new solutions. A collection of scientific articles based on the materials of the Regional student scientific and practical conference. Stavropol, 2023. pp. 80-83.
6. Usmonova T.D., Tursunov R.R. Basic principles of labor market regulation in modern conditions. Bulletin of the Tajik National University. Series of socio-economic and social sciences. 2024. No. 2. pp. 49-55.
7. Shevyakin A.S., Reprintseva E.V., Zyukin D.V., Belyaev S.A. Main trends of the Russian labor market in the current economic conditions. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2024. No. 10-2. P. 296-301.
8. Denikina Z.D., Trubina Ju.A. Social Aspects of the Adaptation of the Russian Education System to the Digital Economy: Challenges and Prospects. Sociopolitical Sciences. 2024. Vol. 14. No. 2. Pp. 183–190. (In Rus.). DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-2-183-190. EDN: HRSHUQ
9. Vasilchenko N.V. Social Partnership in Education as a Subject of Legal Relationship // Gaps in Russian Legislation. 2024. Vol. 17, №7. Pp. 072-078. (in Russ.). DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-7-072-078. EDN: ZMRMID.
10. Samoilov S.F., Plotnikov N.V. Education in the Era of Mass Culture: The Dialectics of Cultural Identity and Social Conformity // Humanities, Social Sciences, and Economics. 2025. No. 5. Pp. 70-74.

Методика оценки готовности организаций нефтегазового сектора к реализации инновационных проектов в условиях цифровой трансформации

Лебедева Дарья Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной экономики Высшей школы управления, Российский университет дружбы народов, lebedeva-dv@rudn.ru,

Каширин Андрей Дмитриевич

аспирант кафедры прикладной экономики Высшей школы управления, Российский университет дружбы народов, 1142230005@pfur.ru

Инновационная деятельность в нефтегазовом секторе обеспечивает условия для развития компании за счет внедрения новых технологий, совершенствования производственных и управленческих процессов и т.п. Способность организаций к инновационному развитию также рассматривается как ключевой фактор их адаптации к изменениям внешней и внутренней среды в условиях цифровой трансформации.

Вместе с тем практическая реализация инновационного потенциала сопряжена с рядом существенных ограничений, таких как высокая капиталоемкость проектов, значительный уровень технологических и инвестиционных рисков, а также сложность интеграции новых решений в действующие производственные системы. Дополнительной проблемой выступает недостаточная проработанность инструментов комплексной оценки готовности организаций к инновационному развитию, что затрудняет обоснование управленческих решений и выбор приоритетных направлений развития.

В этой связи проведен анализ существующего методического инструментария, который показал, что представленные в научной литературе подходы ориентированы преимущественно на оценку отдельных характеристик (инновационной активности, кадрового потенциала), характеризуются зависимостью от экспертных процедур или обобщенных статистических данных. В совокупности это ограничивает их применимость для комплексной и количественно измеримой оценки готовности организаций нефтегазового сектора.

Предлагаемая авторская методика основана на системе индексов, отражающих технологические, организационные, кадровые, экономические, рыночные и нормативно-правовые характеристики организации, с последующей их агрегацией в общий индекс, позволяющий количественно оценить степень готовности организации к реализации инновационных проектов в условиях цифровой трансформации, тем самым формируя основу для принятия дальнейших управленческих решений.

Ключевые слова: нефтегазовый сектор, инновационные проекты, цифровая трансформация, технологическая готовность, кадровый потенциал, экономическая устойчивость, управление инновациями.

Введение

В связи с ускорением технологических циклов, усложнением производственных систем и ростом требований к точности прогнозов возрастает актуальность применения инструментов цифровой диагностики. Современное управление инновационными процессами в нефтегазовой отрасли также требует перехода к цифровым подходам, обеспечивающим комплексность анализа, воспроизводимость результатов и обоснованность принимаемых решений, в том числе позволяющих количественно оценивать инновационные проекты и выявлять факторы, влияющие на их успешную реализацию.

В связи с этим разработана авторская методика оценки готовности организаций нефтегазового сектора к реализации инновационных проектов в условиях цифровой трансформации, отражающая готовность предприятий к внедрению инноваций, и формирования данных для сопоставления условий внедрения при формировании портфеля инновационных инициатив нефтегазовых компаний.

Обзор литературы

Проблематика оценки готовности организаций к реализации инновационных проектов занимает важное место в исследованиях, посвященных инновационному развитию и цифровой трансформации деятельности предприятий. В научной литературе данный вопрос в первую очередь рассматривается в контексте управления инновационной деятельностью капиталоемких и научно-активных организаций, формирования организационных и технологических предпосылок внедрения нововведений в процессы организации или их коммерциализации, а также обеспечения устойчивости процессов их реализации.

Так, в статье М. Г. Глуховой и А. А. Зубарева разработан методический подход к оценке инновационной позиции предприятий нефтегазового машиностроения, основанный на комплексном рассмотрении инновационного потенциала, состояния внешней среды и уровня конкурентоспособности. Авторы анализируют инновационный потенциал через совокупность ресурсов предприятия, а инновационный климат — через макро- и микросреду, используя систему показателей и экспертные оценки [1]. Подход позволяет получить обобщенную характеристику положения предприятия на рынке и использовать результаты при формировании программ инновационного развития. Вместе с тем методика сложна в апробировании из-за фрагментарности системы показателей по отдельным элементам внутренней среды, высокой зависимости оценки инновационного климата от экспертных суждений и сложности воспроизводимого применения при недостатке структурированных данных и временных ресурсов.

Предлагаемая методика оценки готовности организаций к реализации инновационных проектов отличается более высокой степенью формализации и ориентированностью на количественную диагностику. В отличие от подхода Глуховой М.Г. и Зубарева А.А., она опирается на интегральную систему индексов, охватывающих технологические, организационные, кадровые, экономические, рыночные и нормативно-правовые аспекты, и предусматривает их агрегирование в единый показатель. Это обеспечивает сопоставимость результатов, снижает влияние субъективных экспертных оценок и позволяет использовать методику как инструмент поддержки управленческих

решений, направленный на выявление слабых мест и повышение обоснованности выбора и приоритизации инновационных проектов.

С точки зрения цифрового развития стоит обратиться к работе С. В. Карп [2]. В исследовании автора разработана методика оценки готовности компаний нефтегазового сектора Российской Федерации к цифровой бизнес-трансформации, основанная на ресурсно-ориентированном подходе. Автор рассматривает готовность организаций через призму цифровой зрелости управления бизнес-процессами, анализируя использование больших данных, цифровых технологий, уровень автоматизации, кадровые и организационные возможности компаний. В работе обобщаются результаты отечественных и зарубежных научных исследований, а также статистических данных; используется индекс цифровизации, а также формируется концептуальная модель, включающая методологические, организационные, системные и технологические элементы цифровой трансформации. При этом ключевая роль отводится организационно-экономической составляющей, а технические решения рассматриваются как производные от уровня управленческой и кадровой готовности компании.

Вместе с тем методика С. В. Карп носит преимущественно концептуально-диагностический характер. Оценка готовности базируется на обобщенных индикаторах цифровизации и статистических данных, что ограничивает возможности практического применения на уровне отдельной организации. В работе не предложен единый количественный инструментарий сопоставления компаний между собой, а значительная часть выводов опирается на качественный анализ и интерпретацию вторичных данных. Кроме того, методика не предполагает детальной декомпозиции показателей по уровням управления и не ориентирована на использование в качестве инструмента оперативной поддержки управленческих решений при отборе и реализации конкретных проектов цифровой трансформации.

Анализ нефтегазовой компании с использованием специальной методики нефтегазовой компании представлен в работе И. Р. Винокур и О. С. Лопурко [3]. Авторская методика оценки конкурентоспособности предприятия нефтегазовой отрасли на примере ПАО «ЛУКОЙЛ». В частности, ими была предложена система, основанная на пяти блоках показателей — инновации, конкуренты, потребители, производство и рынок, — позволяющая оценивать положение предприятия среди основных участников рынка. Методика выявляет сильные и слабые стороны компании, однако фокусируется преимущественно на внешних параметрах деятельности и рыночных результатах деятельности предприятия, не затрагивая внутренние механизмы формирования инновационного потенциала и готовности предприятия к структурным изменениям.

Разработанная методика оценки готовности организаций нефтегазового сектора к реализации инновационных проектов в условиях цифровой трансформации развивает обозначенное направление, но переносит акцент с внешней конкурентной оценки на внутреннюю способность предприятия обеспечивать и поддерживать инновационное развитие. Ее новизна заключается в интеграции оценки организационных, технологических, кадровых и экономических факторов в единую систему, позволяющую определить уровень готовности предприятия к цифровым преобразованиям. В отличие от методики Винокур И.Р. и Лопурко О.С., ориентированной на сравнение компаний по рыночным показателям, данный подход формирует комплексное представление о внутреннем потенциале организации и создает аналитическую основу для принятия управленческих решений в области инновационного развития.

В отличие от данного подхода, предложенная методика оценки готовности организаций к реализации проектов ориентирована на прикладное использование и количественную измеримость результатов. Она опирается на систему показателей, охватывающую организационные, экономические, кадровые, технологические и управленческие аспекты, и предусматривает их агрегирование в интегральный показатель. Это обеспечивает сопоставимость результатов оценки, снижение зависимости от обобщенных статистических данных и качественных интерпретаций, а также позволяет выявлять проблемы в системе управления.

Альтернативная методика предложена Е. В. Захаровой и О. И. Митяковой [4]. Авторы разработали методику оценки инновационного потенциала предприятия с учетом цифровизации экономики. В работе проведен анализ существующих подходов и выделены их недостатки, связанные с субъективностью экспертных оценок, трудоемкостью расчетов и отсутствием показателей, отражающих информационную составляющую деятельности. Предложенный авторами метод дополняет традиционные подходы введением группы показателей, характеризующих информационный потенциал предприятия, что отражает современную ориентацию экономики на цифровизацию.

Однако практическая реализация данной методики вызывает сомнение, поскольку значительная часть используемых показателей требует статистически достоверных и актуальных данных, которые не всегда доступны на уровне предприятия. Формулы и расчетные зависимости представлены преимущественно в теоретическом виде, без демонстрации апробации на реальном объекте или проверки корректности вычислений на практике. Это ставит под вопрос применимость разработанного подхода в условиях ограниченности корпоративной информации и различий в системах внутренней отчетности организаций.

Предлагаемая же методика, с другой стороны, учитывает практическую сторону вопроса измеримости показателей и возможности их расчета на основе реально собираемых данных предприятий. Он исключает чрезмерное использование экспертных оценок, формируя воспроизводимую и верифицируемую систему количественных индикаторов. Таким образом, отличие заключается в переходе от концептуальной оценки инновационного потенциала, предложенной Захаровой Е.В. и Митяковой О.И., к инструменту практической диагностики готовности предприятий, способному применяться в реальных условиях корпоративного анализа.

Аналогичная методика представлена в работе Е. И. Гнатышиной [5]. Автором разработана методика оценки инновационной активности промышленных предприятий в условиях цифровизации экономики. В ней инновационная активность рассматривается как совокупность показателей, отражающих результаты инновационной деятельности и условия ее осуществления, включая использование цифровых технологий, информационных ресурсов и элементов цифровой инфраструктуры. В исследовании применяется сочетание статистического анализа, факторного анализа и экспертных оценок, что позволяет выявлять общее состояние и динамику инновационной активности предприятий в условиях цифровых преобразований.

Вместе с тем методика ориентирована преимущественно на анализ фактического уровня инновационной активности и характеристику цифровых факторов ее формирования. Подход не направлен на оценку организационной готовности предприятий к реализации инновационных проектов и не предполагает детального рассмотрения внутренних управленческих механизмов, обеспечивающих внедрение инноваций. Используемая система показателей позволяет описывать состояние инновационной

деятельности, однако не ориентирована на анализ процессов подготовки, сопровождения и реализации инновационных изменений на уровне конкретной организации.

В отличие от этого, предлагаемая методика ориентирована на анализ внутренних условий предприятия в контексте инновационного развития. Она позволяет дополнить исследования, направленные на оценку инновационной активности, инструментарием, предназначенным для оценки способности организаций обеспечивать и поддерживать реализацию инновационных инициатив в условиях цифровой трансформации.

В свою очередь, методика, представленная в статье Н. М. Абдикеева и О. В. Кожевиной, предназначена для комплексной оценки готовности российских промышленных предприятий к цифровой интеграции [6]. Она основана на системном, факторном, статистическом и экспертном подходах и включает шесть факторов: кооперационные связи, пространственную локализацию, цифровую готовность и бережливое производство, экономику знаний, источники финансирования и управление рисками. Каждый фактор раскрывается через систему количественных показателей, результаты которых агрегируются балльно и визуализируются. Информационная база методики опирается на официальную статистику и стратегические документы, а интерпретация результатов осуществляется при участии экспертов, включая руководителей цифровой трансформации (CDTO).

Основные недостатки методики связаны с высокой зависимостью от обобщенных статистических данных, что ограничивает ее использование на уровне отдельных предприятий, а также с существенной ролью экспертных суждений, снижающей воспроизводимость результатов. Методика недостаточно учитывает отраслевую специфику и не обеспечивает прямой связи между результатами оценки и управленческими решениями внутри организаций.

Эти проблемы устраняются в предлагаемой методике за счет введения четко определенных индикаторов и фиксированных алгоритмов расчета и интерпретации, что повышает воспроизводимость оценки, снижает влияние субъективных факторов и позволяет использовать результаты для поддержки управленческих решений и формирования приоритетов цифрового развития предприятий.

Методика, представленная в статье И. Н. Краковской, Ю. В. Корокошко и Ю. Ю. Слушкиной, направлена на определение уровня готовности промышленных предприятий к цифровой трансформации через сопоставление цифрового потенциала и рисков цифровизации [7]. Потенциал рассматривается с позиций ресурсных, технологических и организационных характеристик, а риски — по внутренним и внешним направлениям. Информационной основой служат экспертные опросы и статистическая обработка данных, что позволяет формировать интегральные оценки готовности предприятий к цифровым изменениям.

Главные недостатки методики связаны с ограниченностью выборки, преобладанием субъективных оценок и отсутствием количественной взаимосвязи между ключевыми факторами, что снижает устойчивость и воспроизводимость результатов. Кроме того, методика имеет аналитическую направленность и не обеспечивает инструментальной детализации для оценки внутренних условий предприятий.

Эти ограничения устраняются за счет структурирования показателей по взаимосвязанным направлениям и применения единых принципов их расчета. Такой подход обеспечивает согласованность организационных, технологических и кадровых параметров, повышая точность и практическую применимость результатов при анализе состояния и динамики цифрового развития предприятий.

В статье Н. Н. Карпухиной, Е. С. Митякова, В. И. Шостко и В. В. Латыпова предложен методический инструментарий оценки готовности промышленного предприятия к цифровой трансформации проектного управления инновационной деятельностью [8]. Он предусматривает группировку показателей по пяти направлениям, их приведение к сопоставимому виду и получение сводной оценки на основе метода анализа иерархий и шкалы Харрингтона. Результат отражает степень сформированности условий для цифровизации и позволяет выявить ограничивающие факторы.

В то же время подход ориентирован главным образом на аналитическую фиксацию текущих характеристик. Существенная зависимость от экспертных процедур и качественных шкал ограничивает устойчивость результатов при повторных измерениях. Кроме того, порядок дальнейшего применения полученной оценки в системе внутреннего управления раскрыт в обобщенном формате.

В рамках предлагаемой методики указанные проблемы преодолеваются через построение расчетной схемы с четко заданной последовательностью обработки исходных данных и их преобразования в количественный результат. Это обеспечивает однозначность интерпретации, уменьшает вариативность выводов при повторной оценке и создает прямую связь между итоговыми значениями и корректировкой внутренних механизмов функционирования предприятия.

В статье А. Ю. Свешникова и Звягинцева Н. А. Звягинцевой рассматриваются существующие подходы к оценке инвестиционного потенциала нефтегазовых компаний и обосновывается выбор наиболее применимой методики [9]. В центре анализа — методика Л. А. Гамидуллаевой, основанная на выделении шести частных потенциалов, расчете их индексов по отношению к среднеотраслевым значениям и последующем агрегировании в итоговый показатель. Подход ориентирован на использование отраслево-специфических показателей и данных публичной отчетности.

Ограничение данной работы заключается в учете преимущественно факторов внутренней среды компании при отсутствии анализа внешних условий. Это снижает полноту итоговой оценки, поскольку влияние макроэкономических, политических и иных внешних факторов на инвестиционный потенциал остается вне расчетной модели.

В рамках предлагаемой методики данное ограничение устраняется посредством включения параметров, характеризующих среду предприятия и действие экзогенных факторов, в общую систему оценки. Интеграция внешних и внутренних характеристик в единую расчетную конструкцию позволяет обеспечить более комплексное представление о возможностях компании, повысить обоснованность итогового показателя и расширить аналитическую ценность результатов для принятия управленческих решений.

В статье Пескова М.Е. и Бурцев Д.С. предложена система критериев оценки эффективности управления инновационной деятельностью предприятий нефтегазовой отрасли, сформированная на основе анализа практик крупнейших компаний и рекомендаций профильных ведомств. Показатели сгруппированы по направлениям, отражающим технологическое развитие, финансовые результаты, состояние человеческого капитала и инновационную активность, и предназначены для сопоставления достигнутых результатов с целями развития предприятия [10].

Авторы указывают на ограничения практического применения системы, связанные с разрозненностью исходных данных и различиями в корпоративной отчетности. Это затрудняет корректный расчет отдельных показате-

лей и снижает сопоставимость итоговых оценок, что требует дополнительной унификации процедур сбора и обработки информации.

В предлагаемой же методике данные проблемы устраняются через использование системы индексов с заданными алгоритмами расчета и фиксированной структурой агрегирования. В отличие от подхода Пескова М.Е. и Бурцев Д.С., акцент переносится на оценку внутренних условий предприятия, что повышает сопоставимость результатов и обеспечивает более устойчивую основу для принятия управленческих решений.

Таким образом, анализ научных публикаций показывает наличие различных методических подходов к оценке инновационного потенциала, инновационной активности, конкурентоспособности и цифровой зрелости предприятий. При этом большинство рассмотренных методик ориентированы на анализ отдельных аспектов деятельности организаций либо носят преимущественно концептуальный характер и не обеспечивают комплексной, формализованной и ориентированной на практическое применение оценки готовности предприятий к реализации инновационных проектов в условиях цифровой трансформации, что обуславливает необходимость их систематизации и сопоставления.

Процесс применения предлагаемой методики основывается на использовании следующих показателей:

- набор частных индикаторов, характеризующих готовность организации к реализации инновационных проектов;
- интегральный показатель, характеризующий степень соответствия организации инновационной деятельности;
- рекомендации по совершенствованию организационно-экономической системы субъекта инновационной деятельности.

Для применения Методики необходимы следующие исходные данные:

- целевые установки, определяемые на основе предпочтений ответственных лиц;
- организационно-экономические характеристики организации;
- данные, характеризующие научный потенциал и исследовательскую активность организации;
- данные, характеризующие среду функционирования предприятия, действие экзогенных факторов.

Применение Методики предполагает следующий последовательный набор действий, структурированный в виде последовательности:

- Агрегирование информации и приведение ее к количественному, сравнимому виду.
- Построение упорядоченного набора индикаторов, представленных далее в Таблице 1:

Таблица 1
применяемый набор индексов

Индикатор	Описание	Формула	Методические комментарии
Индекс технологической готовности (ITR)	Характеризует уровень цифровой зрелости организации и ее способность к внедрению и практическому использованию технологических решений	$ITR = \sum_{i=1}^{n=2} w_i * T_i$	Уровень цифровизации может оцениваться качественно, оценка патентной активности зависит от доступных данных
Индекс организационной устойчивости (ISIU)	Отражает степень формализованности и закреплённости управления инновационной деятельностью в системе управления компании	$ISIU = \sum_{j=1}^2 w_j * O_j; \sum_{j=1}^2 w_j = 1$	Оценивается наличие структур и документально оформленных подходов к управлению инновационной деятельностью компании

Индекс кадрового потенциала (IHP)	Оценивает готовность персонала обеспечивать реализацию инновационных проектов и цифровых преобразований с точки зрения компетенций и профессиональной структуры.	$IHP = \left(\sum_{i=1}^4 K_i * w_i \right) * (1 - R_{turn})$	Рассматривает как количество специалистов, так и меры компании по обучению и подготовке персонала
Индекс экономической устойчивости (IEE)	Характеризует финансово-экономическую способность организации поддерживать инновационную деятельность и обеспечивать реализацию проектов в условиях неопределённости.	$IEE = \sum_{i=1}^2 E_i * w_i$	Анализ внешнего участия может учитывать разные варианты вовлечённости компании
Индекс рыночной перспективности (IMP)	Определяет потенциал сохранения и развития рыночных позиций компании на основе динамики ее финансовых результатов	$IMP = FIN/2$	Наибольший фокус уделяется финансовой составляющей результатов деятельности компании
Индекс нормативно-правовой совместимости (ILC)	Характеризует степень соответствия деятельности организации нормативным требованиям; а также уровень формализации внутренних процедур управления инновациями и цифровыми проектами.	$ILC = \frac{C_{reg} + C_{int}}{2}$	Преимущественно качественный анализ имеющихся стратегий, программ и формальных процедур управления
Интегральный индекс готовности проекта (I*)	Формирует комплексную оценку способности организации реализовать инновационные проекты с учетом совокупности технологических, организационных, кадровых, экономических, рыночных и нормативных условий.	$I_* = \sum_{i=1}^n (w_i * I_i)$	Веса определяются качественно, на основе суждения исследователя или пользователя методики

- Построение взвешенного заключения об организации на основе количественных оценок.

Для Методики используются данные, агрегированные по группам, характеризующим принадлежность показателей:

- 1. Организационно-управленческие данные, включающие:** Организационную структуру, уровень зрелости процессов управления проектами, стратегические документы, результаты оценки инноваций и цифровых проектов
- 2. Технологические данные, включающие:** уровень цифровизации основных бизнес-процессов, используемые технологии, оценку инфраструктуры, уровень автоматизации и цифровизации производственных активов.
- 3. Данные о кадрах и компетенциях, включающие:** количество и квалификацию специалистов, наличие центров компетенций, уровень цифровой грамотности персонала, показатели текучести кадров в IT/инновационных подразделениях.
- 4. Финансово-экономические данные, включающие:** объем инвестиций в инновации и цифровые проекты, источники финансирования инноваций, экономическая эффективность ранее реализованных инновационных проектов, бюджеты на R&D и пилотные проекты.
- 5. Данные о внешнем взаимодействии, включающие** оценку результативности в отраслевых консорциумах, технологических платформах, кластерах, опыт участия в государственных программах цифровизации, опыт ГЧП в инновационных проектах.

6. Инновационная активность, характеризующаяся: числом поданных и полученных патентов на изобретения, количеством реализованных пилотных проектов по цифровизации за последние 3–5 лет, числом внедренных инновационных продуктов, долей продукции с улучшенными характеристиками за счет цифровых решений.

7. Нормативно-правовые и регуляторные данные: оценка соответствия требованиям регуляторов в области цифровой безопасности, внутренние стандарты и регламенты для управления инновациями и цифровыми проектами.

8. Инфраструктурные данные, включающие: информацию по наличию лабораторий, испытательных полигонов, пилотных производств, доступ к мощностям для моделирования, оснащенность средствами цифрового проектирования и прототипирования.

1. Первый индекс - Индекс технологической готовности (Index of Technological Readiness - ITR) рассчитывается по формуле представленной в таблице 1.

Индекс технологической готовности (ITR) предназначен для количественной оценки уровня цифровизации и технологической зрелости организации. Он измеряет степень внедрения цифровых решений, использование технологий, состояние технологической инфраструктуры и уровень автоматизации производственных активов. ITR помогает оценить, насколько компания подготовлена к цифровой трансформации своей операционной деятельности.

Используемые показатели:

Показатель T_{dig} рассчитывается как уровень автоматизации и цифровизации операций компании. Низкие значения близкие к 0,00 указывают на почти полное отсутствие цифровизации процессов, диапазон примерно от 0,00 до 0,19 соответствует очень низкому уровню цифровизации, значения от 0,20 до 0,39 — низкому уровню, от 0,40 до 0,59 — умеренному уровню цифровизации, от 0,60 до 0,79 — среднему уровню, от 0,80 до 0,89 — высокому уровню цифровизации, а диапазон от 0,90 до 1,00 означает практически полную цифровизацию всех ключевых процессов.

Показатель T_{pat} рассчитывается как отношение полученных патентов к общему количеству поданных заявок за аналогичный период. Он характеризует результативность патентной деятельности организации. В составе сводного показателя технологической готовности значение T_{pat} выступает количественным индикатором способности организации эффективно закреплять результаты научно-технической и инженерной деятельности в форме объектов промышленной собственности. Альтернативно данный показатель может быть определен как количество полученных патентов на 1 млрд руб. затрат на НИОКР за отчетный год.

Вес показателя T_{dig} , равный 0,6, обоснован тем, что уровень автоматизации и цифровизации непосредственно определяет способность компании эффективно внедрять и использовать технологии в повседневной деятельности. Цифровизация влияет на производительность, управляемость процессов, интеграцию данных и адаптивность бизнес-модели, формируя практическую основу технологической готовности. Даже при наличии патентов недостаточный уровень цифровизации ограничивает возможности их коммерциализации и масштабирования.

Для показателя T_{pat} установлен вес 0,4, поскольку он отражает стратегический и долгосрочный аспект технологической готовности — способность компании генерировать и юридически закреплять новые технологические решения. При высокой значимости патентной активности как индикатора инновационного потенциала ее влияние на

текущую технологическую готовность носит более опосредованный характер и проявляется с временным лагом. Кроме того, отраслевые различия в интенсивности патентования делают обоснованным несколько меньший вклад данного показателя в интегральную оценку.

Индекс организационной устойчивости (Index of Structural and Internal Sustainability - ISIU) определяется как агрегированный показатель, рассчитываемый на основе организационно-управленческих характеристик предприятия, отражающих степень формализованности и закреплённости управления инновационной деятельностью.

Для расчета ISIU используются следующие показатели

Первый показатель — уровень формализованности организационной структуры, связанной с инновационной деятельностью:

$O1 =$

1 (если в организационной структуре формально закреплены подразделения, функции или роли, отвечающие за инновационную и цифровую деятельность)

0 (если в организационной структуре не закреплены подразделения, функции или роли, отвечающие за инновационную и цифровую деятельность)

Показатель $O1$ отражает степень организации структуры компании в рамках управления и способствования инновационной. Он характеризует наличие в организационной структуре формально закреплённых подразделений, функций или ролей, ответственных за инновационную и цифровую деятельность. Значение показателя демонстрирует уровень структурной интеграции инновационной деятельности в управленческую систему предприятия.

Второй показатель — стратегическая закреплённость инновационной деятельности:

$O2 =$

1 (при наличии утверждённых стратегических документов, содержащих цели и приоритеты инновационного и цифрового развития)

0 (при отсутствии утверждённых стратегических документов, содержащих цели и приоритеты инновационного и цифрового развития)

Показатель отражает степень стратегической закреплённости инновационной и цифровой деятельности. Он характеризует наличие утверждённых стратегических документов, содержащих цели, приоритеты и направления инновационного и цифрового развития. Значение показателя демонстрирует уровень включённости инновационной деятельности в систему стратегического управления организацией.

Весовые коэффициенты (w_j) устанавливаются исходя из относительной значимости соответствующих организационно-управленческих аспектов. Принятые значения весов фиксируются в расчетных материалах и используются неизменно в рамках одной процедуры оценки. При отсутствии обоснованных приоритетов допускается равновесное распределение весов: $w_1 = w_2 = 1/2$

Итоговое значение индекса ISIU используется для количественного сопоставления организаций по уровню организационной устойчивости в контексте реализации инновационных проектов.

Индекс кадрового потенциала (Index of Human Potential - IHP) предназначен для количественной оценки готовности организации к реализации инновационных проектов и цифровой трансформации с позиции количества и качества ее кадрового обеспечения. Индекс формируется из компонентов, отражающих участие сотрудников в образовательных и цифровых инициативах и устойчивость кадрового состава.

При определении значения по формуле определяются следующие два показателя:

Показатель K_{edu} отражает участие персонала в образовательных и цифровых инициативах и рассчитывается как отношение числа сотрудников, прошедших обучение или участвующих в образовательных/цифровых программах (N_{learn}), к общей численности персонала (N_{total}):

$$K_{edu} = \frac{N_{learn}}{N_{total}}$$

Показатель K_{spec} характеризует структуру кадрового состава организации. Он отражает долю специалистов в общей численности персонала и используется для описания профессиональной структуры штата организации.

Наиболее критичным показателем в рамках данного индекса является участие персонала в образовательных и цифровых инициативах (K_{edu}), так как без повышения квалификации и освоения новых компетенций даже топ-менеджеры не смогут эффективно реализовывать проекты; поэтому данному показателю возможно присвоить вес $w_1 = 0.6$. Доля специалистов в штате (K_{spec}) влияет на поддерживающие функции и исполнение проектов, но ее значимость чуть ниже, поэтому вес $w_2 = 0.4$. Сумма весов равна 1, что обеспечивает корректное агрегирование показателей. Таким образом, окончательные веса: $w_1 = 0.6$, $w_2 = 0.4$.

Коэффициент текучести кадров R_{turn} определяется как отношение числа сотрудников, покинувших организацию за отчетный период (N_{exit_all}), к общей численности персонала (N_{total}):

$$R_{turn} = \frac{N_{exit\_all}}{N_{total}}$$

Индекс экономической устойчивости (Index of Economic Effectiveness - IEE) применяется для количественной оценки финансово-экономической способности организации обеспечивать реализацию инновационных проектов в условиях неопределенности и цифровой трансформации. Индекс формируется исключительно на основе группы «Финансово-экономические данные», определенной алгоритмом методики, и отражает инвестиционные возможности компании, устойчивость источников финансирования, результативность ранее реализованных инновационных инициатив и системность финансирования исследований и разработок.

При расчете используются 2 показателя – E_{fin} и E_{inv} :

Показатель E_{inv} характеризует масштаб инвестиционной активности организации в инновационной и цифровой сфере и рассчитывается как доля инвестиций в инновации и цифровые проекты в общем объеме капитальных вложений компании:

$$E_{inv} = R\&D / Rev$$

где $R\&D$ — объем затрат на НИОКР за отчетный период, Rev — выручка за этот же период.

Данный показатель является индикатором того, какую часть своих ресурсов компания реально направляет на инновации и цифровое развитие. Он рассчитывается как отношение затрат на НИОКР к выручке и отражает приоритетность инноваций в финансовой политике организации. Чем выше значение, тем больше компания ориентирована не только на текущее получение дохода, но и на долгосрочное развитие через новые технологии, продукты и процессы. Низкое значение говорит о том, что инновации финансируются по остаточному принципу и не являются стратегическим направлением.

Показатель E_{fin} — доля внешнего участия в инновационной деятельности компании. Показывает способность компании привлекать устойчивые внешние источники поддержки инновационных инициатив. Анализируется доля

сторонних инициатив и участия в рамках партнерских программ, совместных инициатив и т.п.

Показатель E_{fin} характеризует, насколько компания умеет привлекать внешние ресурсы для реализации инновационных проектов. Он показывает долю проектов, которые реализуются совместно с партнерами, инвесторами, государственными программами или через гранты. Высокое значение означает, что организация встроена в экосистему сотрудничества, умеет договариваться, распределять риски и использовать внешние источники финансирования. Низкое значение говорит о замкнутости компании и ее зависимости только от собственных средств. Если за отчетный год отсутствуют релевантные данные, то значение E_{fin} рассчитывается методом интерполяции на основе исторических данных компании, что позволяет сохранить непрерывность временного ряда и корректно оценивать текущую способность привлекать внешние источники финансирования.

Вес показателя E_{inv} составляет 0,6. Этот показатель отражает масштаб инвестиционной активности организации в инновационной и цифровой сфере и напрямую показывает финансовую способность компании обеспечивать реализацию стратегических проектов. Высокий вес объясняется ключевой ролью собственных инвестиций в поддержании экономической устойчивости.

Вес показателя E_{fin} составляет 0,4. Этот показатель отражает долю проектов, реализованных совместно с внешними партнерами, и демонстрирует способность организации привлекать устойчивые внешние источники финансирования. Его значение вторично по сравнению с внутренними инвестициями, поэтому вес ниже.

При этом стоит учитывать, что вышеупомянутое распределение весов не является финальным. Веса показателей E_{inv} и E_{fin} могут быть скорректированы на основе суждения экспертной оценки лицом, отвечающим за проведение оценки компании. Роль и вклад самостоятельной или кооперативной инвестиционно-инновационной активности может варьироваться от компании к компании, в зависимости от ее размера, позиционирования на рынке, доступа к ресурсам и т.п.

Итоговое значение индекса IEE используется в составе методики для сопоставления организаций по уровню экономической устойчивости и интерпретируется совместно с другими частными индикаторами готовности. Индекс не применяется изолированно и служит элементом интегральной оценки способности организации поддерживать инновационную деятельность в средне- и долгосрочной перспективе.

Индекс рыночной перспективы (Index of Market Prospects - IMP) оценивает способность компании сохранять и развивать рыночные позиции за счет реально измеримых финансовых результатов и инновационной активности. Индекс отражает сочетание финансовой силы компании, темпа ее роста и уровня реализации цифровых и инновационных проектов.

IMP определяется как темп роста ключевых финансовых показателей компании за год, таких как выручка, EBITDA или чистая прибыль, относительно предыдущего года. Для расчета используется отношение текущего значения показателя к значению предыдущего года.

IMP принимает значения в диапазоне от 0 до 1, что позволяет сравнивать рыночные перспективы между годами или компаниями одного сектора. Высокое значение индекса отражает сильную финансовую позицию, активный рост и высокий уровень реализации инновационных проектов, указывая на высокий потенциал рыночного развития компании.

Индекс нормативно-правовой совместимости (Index of Legal Conformity - ILC) — это показатель, оценивающий

уровень соответствия деятельности организации требованиям регуляторов в области цифровой безопасности и наличию формализованных внутренних стандартов и регламентов по управлению инновациями и цифровыми проектами.

ILC рассчитывается на основе двух компонент:

C_{reg} — характеризует степень соответствия деятельности организации требованиям внешнего нормативно-правового регулирования в области цифровой безопасности и устойчивости цифровых систем. Данный показатель отражает интеграцию норм федерального законодательства, подзаконных актов и регуляторных требований в систему корпоративного управления, стратегические документы и практику цифрового развития.

Значения показателя в диапазоне от 0 до 0,20 соответствуют отсутствию системного нормативного и организационного обеспечения и формализованных практик в области цифровой безопасности. Диапазон от 0,21 до 0,40 отражает наличие отдельных мер и формальных процедур, реализуемых фрагментарно. Значения от 0,41 до 0,60 указывают на частично сформированную систему соответствия, охватывающую не все ключевые направления. Диапазон от 0,61 до 0,80 соответствует высокому уровню системного закрепления требований и процедур, реализуемых на практике. Значения от 0,81 до 1,00 отражают максимально зрелую систему, обеспечивающую полное соответствие внешним требованиям с регулярным мониторингом и унификацией стандартов.

C_{int} — характеризует уровень формализации внутренней нормативной базы, регулирующей инновационную и цифровую деятельность организации. Данный показатель отражает наличие и степень проработанности утвержденных стратегий, программ, регламентов и положений, определяющих цели цифрового развития, порядок реализации цифровых инициатив и механизмы управления инновационными процессами.

Значения C_{int} в диапазоне от 0 до 0,20 соответствуют отсутствию формализованного внутреннего регулирования цифровой и инновационной деятельности. Диапазон от 0,21 до 0,40 отражает наличие отдельных документов без стратегической целостности. Значения от 0,41 до 0,60 указывают на средний уровень зрелости внутренней нормативной базы, при котором документы существуют, но охватывают не все направления или применяются фрагментарно. Диапазон от 0,61 до 0,80 соответствует высокому уровню формализации, при котором стратегические документы и внутренние регламенты закрепляют правила цифрового развития и реализуются на практике. Значения от 0,81 до 1,00 отражают полностью унифицированную и регулярно обновляемую систему внутреннего регулирования цифровой и инновационной деятельности.

ILC принимает значения от 0 до 1, где 0 соответствует отсутствию соответствия нормативным требованиям и внутренним стандартам, а 1 — полному соблюдению требований регуляторов и наличию ключевых внутренних документов.

После расчета всех частных индексов они приводятся к единой шкале и агрегируются в интегральный индекс I^* , который отражает совокупную способность организации в реализации инновационной деятельности в текущих технологических, организационных и экономических условиях.

Весовые коэффициенты w_i определяются на основе совокупной значимости факторов в формировании готовности организации к реализации инновационных проектов и эмпирической оценки их влияния на интегральный показатель I^* . Приоритет технологического и экономического компонентов обусловлен их прямым влиянием на способность предприятия внедрять и масштабировать инновационные решения, тогда как организационные и кадровые

факторы формируют устойчивость и воспроизводимость управленческих и проектных процессов. Рыночная перспектива отражает потенциал коммерциализации достигнутых результатов, а нормативно-правовая совместимость рассматривается как базовое условие допустимости инновационной деятельности. В базовой конфигурации используется следующее распределение весов: индекс технологической готовности $w_1 = 0,25$, индекс экономической устойчивости $w_2 = 0,25$, индекс организационной устойчивости $w_3 = 0,15$, индекс кадрового потенциала $w_4 = 0,15$, индекс рыночной перспективы $w_5 = 0,12$, индекс нормативно-правовой совместимости $w_6 = 0,08$.

Итоговое значение индекса отражает способность организации эффективно реализовывать инновационные проекты в текущих условиях и с учетом возможных отклонений. Итеративное применение формулы позволяет оценить влияние каждого элемента на общий результат, а структура индекса обеспечивает возможность формирования конкретных рекомендаций. При низких значениях отдельных показателей система указывает направления, требующие доработки, и предлагает изменения, способные повысить инновационный потенциал организации.

Заключение

Практическая применимость методики проявляется в возможности использовать ее как инструмент поддержки принятия решений при формировании портфеля инновационных инициатив. Типовой сценарий оценки заключается в том, что проект загружается в цифровую систему, автоматически формируется его профиль, проводится анализ технологических, организационных, кадровых и экономических аспектов, затем рассчитывается интегральный индекс, а система предоставляет интерпретацию результата и рекомендации для устранения выявленных слабых мест. Такой сценарий позволяет существенно ускорить процесс оценки, повысить его прозрачность и сократить вероятность субъективных ошибок.

Новизна методики заключается в синтезе цифровой интеграции данных и многокритериального анализа и прогнозного моделирования, позволяющем количественно оценивать и сопоставлять степень готовности проектов к реализации.

Методика имеет ограничения, связанные с качеством данных и уровнем цифровизации предприятия. Наиболее высокие результаты достигаются тогда, когда информационные системы компании способны поддерживать актуальность источников данных, а персонал готов к работе с цифровыми инструментами. Тем не менее методика допускает гибридное применение, комбинируя автоматизированную обработку с экспертным уточнением данных, что делает ее адаптивной к различным условиям. В конечном итоге методика формирует цифровой контур предварительной диагностики, способный повысить точность оценки, обеспечить комплексный анализ и поддержать стратегическое управление инновационным развитием нефтегазовых компаний.

Литература

1. Глухова, М. Г., и Зубарев, А. А. (2017). Разработка методологического подхода к оценке инновационной позиции предприятий нефтегазового машиностроения на рынке. Международный журнал экономики и политики энергетики, 7(5), 279–290. URL: <https://www.econjournals.com/index.php/ijeep/article/view/5537>
2. Карп С. В. Оценка готовности компаний нефтегазового сектора РФ для проведения цифровой бизнес-трансформации // Московский экономический журнал. 2024. № 5. С. 150–163. DOI: https://doi.org/10.55186/2413046X_2024_9_5_242

3. Винокур И. Р., Лопурко О. С. Методика оценки конкурентоспособности предприятия нефтегазовой отрасли на примере ПАО "ЛУКОЙЛ" // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-konkurentosposobnosti-predpriyatiya-neftegazovoy-otrasli-na-primere-pao-lukoil>

4. Захарова, Е. В. Оценка инновационного потенциала предприятия с учетом цифровизации экономики / Е. В. Захарова, О. И. Митякова // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 1653-1666. – DOI 10.18334/vinec.10.3.110601

5. Гнатышина Е.И. Особенности методики оценки инновационной активности промышленных предприятий в условиях цифровизации // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. - 2024. - Т. 15. - №3. - С. 87-101. doi: 10.18287/2542-0461-2024-15-3-87-101

6. Абдикеев Нияз Мустыкимович, Кожеева Ольга Владимировна Оценка готовности российских промышленных предприятий к цифровой интеграции в новых экономических условиях // Мир новой экономики. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-gotovnosti-rossijskih-promyshlennyh-predpriyatiy-k-tsifrovoy-integratsii-v-novyh-ekonomicheskikh-usloviyah>

7. И. Н. Краковская, Ю. В. Корокошко, Ю. Ю. Слушкина Оценка готовности промышленных предприятий к цифровой трансформации // Российский журнал менеджмента. 2024. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-gotovnosti-promyshlennyh-predpriyatiy-k-tsifrovoy-transformatsii>

8. Карпухина Наталия Николаевна, Митяков Евгений Сергеевич, Шостко Виктор Иванович, Латыпов Владислав Витальевич Оценка готовности промышленного предприятия к цифровой трансформации проектного управления инновационной деятельности // Прикладные экономические исследования. 2025. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-gotovnosti-promyshlennogo-predpriyatiya-k-tsifrovoy-transformatsii-proektnogo-upravleniya-innovatsionnoy-deyatelnosti>

9. Свешников А.Ю., Звягинцева Н.А. Ключевые аспекты определения оптимальной методики оценки экономической эффективности инвестиционного потенциала компаний нефтегазовой отрасли // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Том 13. № 6А. С. 462- 471. DOI: 10.34670/AR.2023.71.94.056

10. Пескова Мария Евгеньевна, Бурцев Даниил Сергеевич Направления совершенствования управления инновациями на предприятиях нефтегазовой отрасли // Экономика. Информатика. 2024. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-sovershenstvovaniya-upravleniya-innovatsiyami-na-predpriyatiyah-neftegazovoy-otrasli>

Methodology for Assessing the Readiness of Oil and Gas Sector Organizations to Implement Innovative Projects in the Context of Digital Transformation

Lebedeva D.V., Kashirin A.D.

Peoples' Friendship University of Russia

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

also a key factor in their adaptation to changes in the context of digital transformation.

However, the realization of innovations is hindered by a number of limitations, such as the high cost of projects, significant risks, and the difficulty of integrating new solutions. An additional challenge is the lack of sufficient tools for comprehensive and comparative analysis of organizations' readiness for innovative development, which complicates crucial management decisions.

In this regard, an analysis of existing methodological tools was conducted, revealing that approaches previously suggested are primarily focused on separate characteristics (innovative activity, quality of human resources, etc.) and are characterized by a dependence on expert procedures or generalized statistical data.

The methodology proposed in this paper is based on a system of indices reflecting the technological, organizational, HR, economic, market, and regulatory characteristics of an organization, which are then aggregated into an index that allows for a quantitative assessment of the organization's readiness to implement innovative projects in the context of digital transformation, thereby forming the basis for subsequent management decisions.

Keywords: oil and gas sector, innovative projects, digital transformation, digitalization, index, technological readiness, human resources, economic sustainability, innovation management.

References

1. Glukhova, M. G., & Zubarev, A. A. (2017). Development of the Methodological Approach to the Assessment of the Innovation Position of Oil and Gas Machine-building Enterprises in the Market. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 7(5), 279–290. URL: <https://www.econjournals.com/index.php/ijee/article/view/5537>
2. Karp S. V. Assessment of the readiness of companies in the oil and gas sector of the russian federation for digital business TRANSFORMATION // Moscow Economic Journal. 2024. No. 5. pp. 150-163. DOI: https://doi.org/10.55186/2413046X_2024_9_5_242
3. Vinokur I. R., Lopurko O. S. Methodology for Assessing the Competitiveness of an Enterprise in the Oil and Gas Industry Using the Example of PJSC LUKOIL // Bulletin of PNIPU. Social and Economic Sciences. 2022. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-konkurentosposobnosti-predpriyatiya-neftegazovoy-otrasli-na-primere-pao-lukoil>
4. Zakharova, E. V., Mityakova, O. I. (2020). Assessment of the innovative potential of the enterprise taking into account the digitalization of the economy. *Russian Journal of Innovation Economics*, 10(3), 1653-1666. <https://doi.org/10.18334/vinec.10.3.110601>
5. Gnatyshina E.I. Features of the methodology for assessing the innovative activity of industrial enterprises in the context of digitalization // Vestnik of Samara University. Economics and Management. - 2024. - Vol. 15. - N. 3. - P. 87-101. doi: 10.18287/2542-0461-2024-15-3-87-101
6. Abdikeev Niyaz Mustyakimovich, Kozhevina Olga Vladimirovna Assessment of the readiness of russian industrial enterprises for digital integration in the new economic conditions // The World of the New Economy. 2022. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-gotovnosti-rossijskih-promyshlennyh-predpriyatiy-k-tsifrovoy-integratsii-v-novyh-ekonomicheskikh-usloviyah>
7. I. N. Krakovskaya, Yu. V. Korokoshko, Yu. Yu. Slushkina Assessment of the readiness of industrial enterprises for digital transformation // Russian Journal of Management. 2024. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-gotovnosti-promyshlennyh-predpriyatiy-k-tsifrovoy-transformatsii>
8. Karpukhina Natalia Nikolaevna, Mityakov Evgeniy Sergeevich, Shostko Viktor Ivanovich, Latypov Vladislav Vitalievich Assessment of the readiness of an industrial enterprise for the digital transformation of project management of innovative activities // Applied economic research. 2025. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-gotovnosti-promyshlennogo-predpriyatiya-k-tsifrovoy-transformatsii-proektnogo-upravleniya-innovatsionnoy-deyatelnosti>
9. Sveshnikov A.Yu., Zvyagintseva N.A. Key aspects of determining the optimal methodology for assessing the economic efficiency of investment potential of companies in the oil and gas industry // Economy: yesterday, today, tomorrow. 2023. Vol. 13. No. 6A. pp. 462-471. DOI: 10.34670/AR.2023.71.94.056
10. Peskova Maria Evgenievna, Burtsev Daniil Sergeevich Directions for improving innovation management at enterprises in the oil and gas industry // Economy. Informatics. 2024. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-sovershenstvovaniya-upravleniya-innovatsiyami-na-predpriyatiyah-neftegazovoy-otrasli>

Innovative activity in the oil and gas sector enables company development through the implementation of new technologies, improved production and management processes, and more. Organizations' ability to innovate is

Корпоративный технологический суверенитет и технологическая независимость на рынке РФ: управление вендорной зависимостью на примере трансформации VMware после поглощения Broadcom

Кубасов Сергей Михайлович

Deputy CEO компании ООО "Леста", s_kubasov@lesta.group

В отечественной дискуссии технологический суверенитет преимущественно трактуется как категория государственной политики и геэкономической безопасности. Однако в цифровой экономике значимая часть технологических рисков порождается не только межгосударственными ограничениями, но и решениями частных правообладателей критически важных платформ: изменением лицензионных моделей, каналов поставки, условий поддержки, а также резким пересмотром цен и параметров потребления. В статье обосновывается необходимость расширения рамки «технологической независимости» за пределы государственной географии — в сторону **корпоративного технологического суверенитета** как способности компании сохранять непрерывность и управляемость критических цифровых возможностей при односторонних изменениях со стороны поставщиков технологий.

Методологически работа опирается на синтез подходов к технологическому суверенитету (инновационная политика и экономическая безопасность) с теорией издержек переключения и вендор-лока (industrial organization), а также на аналитический кейс трансформации лицензирования VMware после поглощения Broadcom. Показано, что высокая «липкость» инфраструктурных платформ и многолетние сроки миграции создают экономические предпосылки для стратегии «извлечения ренты» из установленной базы клиентов: даже при частичной потере потребителей кратный рост цен может сохранять привлекательность модели в кратко- и среднесрочном горизонте. На основе кейса формируется прикладная рамка управления зависимостями: аудит лицензионных прав и условий, классификация критичности и обратимости компонентов, развитие внутренних низкоуровневых компетенций, а также институционализация НИОКР через патентование и системы мотивации.

Ключевые слова: технологический суверенитет, корпоративный технологический суверенитет, технологическая независимость, вендор-лок, издержки переключения, лицензирование ПО, инфраструктурные платформы, импортозамещение, открытое ПО, патенты, мотивация НИОКР.

1. Введение

Проблематика технологического суверенитета и технологической независимости в РФ существенно актуализировалась в условиях внешних ограничений и трансформации глобальных цепочек поставок. В российской научной литературе технологический суверенитет рассматривается как многогранная категория, связываемая с промышленной политикой, экономической безопасностью, снижением импортозависимости, развитием критических и сквозных технологий и формированием собственных линий разработки и производства [1–3]. Отдельно подчеркивается, что в ИКТ-секторе импортозамещение сталкивается с дефицитом полноценных аналогов, ограничениями по кадрам и финансированию, а также недостаточной инновационной активностью предприятий [4].

При этом современная цифровая экономика характеризуется высокой долей **платформенной зависимости**: критические инфраструктурные компоненты (виртуализация, СУБД, middleware, оркестрация, observability, security tooling, библиотеки, фреймворки) нередко находятся под контролем частных правообладателей, которые способны односторонне менять правила использования. В европейской дискуссии цифровой суверенитет в явном виде трактуется как способность действовать независимо в цифровой сфере при сохранении открытости и включенности в глобальные сети; при этом объектом независимости могут выступать не только иностранные государства, но и частные акторы и корпорации [5–7].

Отсюда следует методологический тезис статьи: **технологический суверенитет имеет смысл анализировать не только как географическую (государственную) категорию, но и как категорию корпоративного управления** — управления зависимостями от технологий, находящихся вне контура контроля компании, включая зависимость от вендора, его ценовой политики, лицензионных ограничений и экосистемных эффектов.

Цель исследования — сформировать концептуальную и прикладную рамку **корпоративного технологического суверенитета** и показать ее работоспособность на кейсе Broadcom–VMware, а также сформулировать выводы для крупных организаций РФ.

Задачи исследования:

1. обобщить научные подходы к технологическому/цифровому суверенитету и выявить возможность их переноса на корпоративный уровень;
2. связать понятие корпоративного суверенитета с теорией вендор-лока и издержек переключения;
3. проанализировать кейс трансформации VMware после поглощения Broadcom как «внешний шок» корпоративной зависимости;
4. предложить управленческие рекомендации (лицензирование, развитие компетенций, патентование и мотивация НИОКР).

2. Теоретические основания: суверенитет, лок-ин и издержки переключения

2.1. Технологический и цифровой суверенитет: доминирующая «государственная» рамка

Современные определения технологического суверенитета в инновационной политике часто описывают его

как «государственную агентность» (способность государства добиваться целей политики и обеспечивать доступность критических технологий), а не как территориальное владение технологиями как объектами [8]. Российские авторы также фиксируют множественность подходов и отсутствие единого определения, связывая суверенитет с технологической безопасностью, независимостью и институциональными механизмами оценки [1–3].

При этом в европейских источниках цифровой суверенитет прямо включает аспект независимости от внешних сил в цифровом домене при сохранении «открытости и connectedness», а также регулярно обсуждается применительно к зависимостям от частных платформ и провайдеров [5–7]. Это создает теоретическое основание для переноса «суверенитета» с уровня государства на уровень организации — как проблемы **контроля над критическими технологическими возможностями**.

2.2. Вендор-лок как экономическая конструкция: издержки переключения и стратегия «harvest»

Классическая экономическая литература о рынках с издержками переключения показывает, что при наличии «закрепленной» базы клиентов фирма выбирает между стратегией захвата доли (низкая цена) и стратегией извлечения прибыли из уже «запертых» клиентов (высокая цена/«сбор урожая») [9]. В терминах экономики сетей и стандартов лок-ин усиливается за счет совокупности технических, организационных и контрактных барьеров, а величина издержек переключения становится частью конкурентной стратегии поставщика [10].

Для цифровых платформ эта логика особенно выражена: инфраструктурные продукты обладают высокой «липкостью» из-за глубокой интеграции в процессы, архитектуру и компетенции организации. Исследования по облачным миграциям показывают, что вендор-лок является одним из ключевых барьеров и усугубляется по мере миграции вычислительных ресурсов, а среди мер снижения риска выделяются стандартизация, переносимость и контрактные механизмы [11].

2.3. Лицензирование и права использования как слой суверенитета

Зависимость организации от вендора проявляется не только технически, но и юридически: лицензионные модели определяют право использования, обновления, поддержки, переносимости и масштабирования. В работах по управлению лицензиями подчеркивается необходимость рассматривать лицензии как объект управления рисками на уровне предприятия (enterprise risk management), поскольку сложность лицензионных моделей порождает существенные финансовые и операционные риски [12].

2.4. Открытое ПО и суверенитет: возможности и новые риски

Открытое ПО рассматривается как потенциальный механизм усиления цифрового/технологического суверенитета (контроль над исходным кодом, уменьшение зависимости от одного правообладателя), но одновременно оно привносит риски управления правами собственности на модификации, правового соответствия и безопасности цепочки поставок [13–15]. Следовательно, «суверенизация» через open source требует институциональных процедур комплаенса и обеспечения доверия к компонентам и сборкам (репозитории, метрики зрелости, практики supply-chain security).

2.5. НИОКР, патенты и мотивация: институционализация внутренней экспертизы

Развитие внутренних низкоуровневых компетенций и создание собственных компонентов требует не только инженерной, но и управленческой инфраструктуры: фиксации результатов НИОКР и стимулирования изобретательской активности. Эмпирические исследования показы-

вают, что планы вознаграждения за служебные изобретения, привязанные к результативности патентов, могут повышать качество патентного портфеля (по цитируемости), усиливая мотивацию изобретателей [16].

3. Методология и дизайн исследования

Работа выполнена в логике «обратного разворачивания практики»: исходной точкой является наблюдаемая в корпоративной практике управленческая проблема (вендорная зависимость критической платформы), после чего подбираются теоретические основания, позволяющие концептуализировать эту практику и сформировать воспроизводимые рекомендации. Такой подход близок к индуктивным исследовательским стратегиям прикладных социальных наук и менеджмента (аналитический кейс + концептуальный синтез).

Эмпирическая база — публично доступные документы и сообщения о:

- условиях сделки Broadcom–VMware и ее финансовых параметрах;
- изменениях продуктовой и лицензионной политики VMware после интеграции;
- оценках масштаба ценовых изменений и барьеров миграции;
- оценках сроков и стоимости миграционных проектов.

Ограничение: статья использует один «яркий» кейс, который не претендует на статистическую репрезентативность, но выступает как аналитический насыщенный пример механизма формирования корпоративной технологической зависимости.

4. Кейс Broadcom–VMware как иллюстрация «негеографического» технологического суверенитета

4.1. Краткая хронология и экономический контекст

Сделка по приобретению VMware Broadcom была объявлена в 2022 г. как сделка cash-and-stock примерно на 61 млрд долл. США с принятием около 8 млрд долл. чистого долга VMware; в новостных материалах и регуляторных контекстах фигурировала также оценка порядка 69 млрд долл. США [17]. Финансирование предполагало существенную долю заемных средств: Reuters указывал на наличие банковских обязательств по долговому финансированию, а профильные источники фиксировали масштабные долговые линии для закрытия сделки [17–18].

Отраслевые ассоциации (в т. ч. CISPE) дополнительно интерпретировали структуру финансирования (новый долг и принятые обязательства) как фактор, усиливающий стимул к ускоренной монетизации установленной базы VMware, а заявленную цель повышения EBITDA VMware — как трудно достижимую без агрессивной ценовой политики и пакетирования продуктов [19]. (В рамках статьи это рассматривается как **гипотеза экономического механизма**, а не как доказанное намерение.)

4.2. Изменение лицензионной политики и продуктового контура

Существенный эффект для клиентов VMware возник вследствие перехода к подписочным моделям и сокращения «точечных» SKU в пользу укрупненных пакетов. В официальной коммуникации VMware отмечалось, что компания завершает переход от perpetual licensing к subscription-модели и формирует новые основные предложения (VMware Cloud Foundation и VMware vSphere Foundation) как подписочные продукты, при этом ряд решений становится доступным только в составе этих пакетов [20].

Дальнейшая «коммерциализация» подписочной модели сопровождалась изменениями минимальных поро-

гов лицензирования. По данным CRN (со ссылкой на меморандум дистрибьютора), с 10 апреля 2025 г. минимальная покупка по ядрам для ряда лицензий увеличивалась с 16 до 72 ядер, а также вводились финансовые санкции за просрочку продления подписки [21].

4.3. Масштаб ценового шока и асимметрия переговорной позиции

Отраслевые наблюдатели и ассоциации клиентов в Европе заявляли о кратных повышениях стоимости лицензирования. Так, The Register, ссылаясь на European Cloud Competition Observatory и CISPE, указывал на рост совокупных затрат на лицензии VMware в диапазоне 8–15 раз у части клиентов после перехода к новой модели и на ограниченность альтернатив в краткосрочном горизонте [22].

Важно подчеркнуть: речь идет не о «универсальном» росте цен ровно в N раз для всех, а о механизме, при котором сочетание (а) подписочной модели, (б) укрупненного пакетирования, (в) новых метрик потребления/минимумов и (г) сокращения каналов продаж приводит к **скачкообразному росту совокупной стоимости владения** для определенных профилей потребления (в особенности — у тех, кто ранее оптимизировал состав лицензий и покупал только необходимое).

4.4. «Стикiness» инфраструктуры: почему миграция измеряется годами

Ключевой фактор переговорной силы вендора — длительность и риск миграции. По оценке Gartner, приведенной в отраслевом обзоре The Register, крупномасштабная миграция может занимать 18–48 месяцев, требовать существенных ресурсов на обследование, тестирование и планирование, а стоимость миграции одной виртуальной машины при привлечении внешних подрядчиков оценивалась в диапазоне сотен–тысяч долларов [23].

Эта эмпирика согласуется с теоретической рамкой издержек переключения: когда затраты на смену платформы высоки, поставщик получает возможность временно «собрать ренту» с установленной базы [9–10], а организация-покупатель оказывается вынуждена балансировать между краткосрочным финансовым шоком и многолетним проектом замещения платформы.

5. Концепт корпоративного технологического суверенитета

5.1. Определение

Корпоративный технологический суверенитет (КТС) — это способность организации обеспечивать непрерывность, управляемость и развитие критических технологических возможностей (цифровых сервисов, инфраструктуры, ключевых компонентов ПО) **без односторонней зависимости** от внешних правообладателей и поставщиков, включая зависимость от их лицензионной политики, каналов поставки, условий поддержки и жизненного цикла продукта.

Данное определение является переносом логики «суверенитета как агентности» (capability to act) [8] на уровень фирмы, с учетом того, что угрозы агентности могут происходить не только от государств, но и от частных акторов платформенной экономики [5–7].

5.2. Три измерения КТС: «Права — Архитектура — Компетенции»

Для практического управления предлагается рассматривать КТС как композицию трех измерений:

1. **Права (Rights):** юридические права использования, обновления, поддержки, переноса, доступ к исходникам/escrow, предсказуемость условий и цены, комплаенс лицензий (включая open source).

2. **Архитектура (Architecture):** модульность, стандарты, переносимость данных и конфигураций, снижение

связности с проприетарными API/форматами, наличие «плана выхода» (exit strategy).

3. **Компетенции (Capabilities):** наличие внутренних специалистов и процессов для эксплуатации, диагностики, доработки/интеграции, а также подготовки и выполнения миграции (в т. ч. низкоуровневые компетенции по критическим компонентам).

Эта триада напрямую корреспондирует:

— с выводами о роли стандартов и переносимости для снижения lock-in [11];

— с подходом управления лицензионными рисками на уровне ERM [12];

— с тезисом о том, что суверенитет — это не «состояние», а способность действовать и воспроизводиться (процессная агентность) [3; 8].

5.3. Простая процедура оценки КТС (прикладная)

Для крупных организаций РФ (и шире — для enterprise) применима следующая процедура:

Шаг 1. Инвентаризация зависимостей.

Реестр инфраструктурных и продуктовых компонентов + их владельцы/лицензии/контур эксплуатаци.

Шаг 2. Классификация по двум осям:

• **Критичность для бизнеса:** влияние на выручку/операции/соответствие требованиям/безопасность.

• **Обратимость (стоимость переключения):** сроки и стоимость миграции, дефицит компетенций, наличие альтернатив, объем технического долга.

Шаг 3. Карта мер:

для каждого квадранта матрицы — базовый набор мер (контрактные, архитектурные, кадровые).

Шаг 4. План суверенизации:

портфель проектов (короткие «контрольные меры» + среднесрочные меры «развязывания» + долгосрочные меры выращивания компетенций).

Эта логика согласуется с тем, что издержки переключения являются ключевой переменной риска зависимости [9–11], а лицензии должны управляться как актив с профилем рисков [12].

6. Выводы для рынка РФ и практические рекомендации (по результатам кейса)

6.1. Суверенитет — не только про географию

Вывод 1. Технологический суверенитет целесообразно рассматривать не только в координатах межгосударственного взаимодействия, но и в координатах **контроля над критическими платформами** и «правил игры», задаваемых частными правообладателями. Европейские определения цифрового суверенитета как способности действовать независимо при сохранении открытости создают теоретическую основу для такой трактовки [5–7], а кейс Broadcom–VMware показывает практическую реализуемость рисков ценового и лицензионного шока при высокой зависимости [20–23].

6.2. Лицензирование — критический контур управления риском

Вывод 2. Необходимо уделять приоритетное внимание лицензированию инфраструктурных компонентов, продуктов, библиотек, движков и фреймворков — не как «закупочной формальности», а как отдельной дисциплине управления рисками (ERM-подход). В частности:

- единый реестр лицензий и их метрик потребления;
- анализ «change-of-control» рисков и последствий M&A в цепочке вендора;
- условия продления, индексации, санкций за просрочку;
- запрет на критические зависимости без exit-плана;
- open source compliance и контроль прав на модификации.

Обоснование: изменения лицензирования и минимальных порогов (например, рост минимумов по ядрам) демонстрируют, что «метрика потребления» сама по себе является рычагом ценовой политики [21], а академическая литература фиксирует необходимость управления лицензиями как источником существенных рисков [12].

6.3. Низкоуровневые компетенции: «внутренний контур» как элемент суверенитета

Вывод 3. Для сложных низкоуровневых компонентов (виртуализация, сеть, storage, OS-level, СУБД, observability, security tooling) имеет смысл выращивать экспертизу внутри: хотя это дороже в «мирное время», это снижает стратегический риск и уменьшает асимметрию переговорной позиции при шоке цен/лицензий.

Практический аргумент кейса: если проект миграции занимает 18–48 месяцев [23], то организация фактически «оплачивает» отсутствие компетенций ростом ТСО и снижением управляемости. Теоретический аргумент: при высоких издержках переключения поставщик получает возможность извлекать ренту из установленной базы [9–10].

6.4. Патентование и юридическое закрепление ноу-хау

Вывод 4. Компании целесообразно прививать культуру патентования и документирования результатов НИОКР как инструмент:

- закрепления прав на ключевые инженерные решения;
- защиты от «утечки» знания при текучести кадров;
- повышения инвестиционной привлекательности и технологической капитализации.

На корпоративном уровне это дополняет импортозамещение и «суверенизацию» тем, что создает **собственные линии разработки** (внутренний технологический контур), что созвучно подходам, связывающим суверенитет с наличием собственных линий и механизмов воспроизводства технологий [3].

6.5. Мотивация НИОКР через участие в прибыли при «коммерциализированном патенте»

Вывод 5. Система мотивации может включать участие сотрудников в распределении прибыли при условии, что патент/изобретение стало ключевой продаваемой характеристикой продукта (revenue-based reward). Эмпирические результаты показывают, что вознаграждение, связанное с результативностью патентов, повышает «качество» патентного результата (по метрикам цитируемости) и усиливает мотивацию изобретателей [16]. Это дает научное основание для управленческого решения, которое в практике часто воспринимается как «интуитивно правильное», но требует академической легитимации.

7. Заключение

Статья показала, что технологический суверенитет как рамка анализа применим не только к государствам, но и к корпорациям: в цифровой экономике критические уязвимости формируются на стыке лицензионных прав, архитектурной (не)переносимости и дефицита внутренних компетенций. Кейс Broadcom–VMware иллюстрирует механизм «негеографического» технологического риска: частный правообладатель способен изменить условия настолько, что для части клиентов возникают кратные изменения ТСО, а сопротивление этим изменениям ограничено многолетними сроками миграции и высокой стоимостью переключения.

Научная новизна работы — в введении и операционализации понятия **корпоративного технологического суверенитета** через триаду «права—архитектура—компетенции» и в увязке управленческих практик (аудит лицензий, выращивание компетенций, патентование и мотивация НИОКР) с признанными теоретическими основаниями

(суверенитет как агентность, издержки переключения, vendor lock-in, ERM-подход к лицензиям, эмпирика стимулов к изобретательству).

Перспективы дальнейших исследований:

1. разработка количественного индекса КТС и апробация на выборке компаний РФ;
2. сравнение эффектов различных стратегий (полная замена платформы vs частичное «развязывание»);
3. анализ взаимодействия политики импортозамещения и корпоративных программ снижения vendor lock-in.

Литература

1. Афанасьев А.А. Технологический суверенитет: варианты подходов к рассмотрению проблемы // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 2. С. 689–706. DOI: 10.18334/vinec.13.2.117375.
2. Ленчук Е.Б. Технологический суверенитет — новый вектор научно-технологической политики России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 232–237. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_232-237.
3. Гришина В.Б. Импортозамещение в секторе ИКТ в контексте обеспечения технологического суверенитета России // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2025. Т. 17. Вып. 3. С. 106–122. DOI: 10.38050/2078-3809-2025-17-3-106-122.
4. Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means // Research Policy. 2023. DOI: 10.1016/j.respol.2023.104765.
5. Di Marco D., Thabit S., Kotsev A., Christensen A., Minghini M. et al. Open but Not Powerless: Towards a Common Understanding of EU Digital Sovereignty. European Commission (JRC), 2025. JRC144908.
6. Roberts H. et al. Safeguarding European values with digital sovereignty: analysis of statements and policies // Internet Policy Review. 2021.
7. von Ditzfurth L. The European Union's Pursuit of Digital Sovereignty ... // JIPITEC. 2025.
8. Klemperer P. Competition when consumers have switching costs: an overview with applications to industrial organization, macroeconomics, and international trade // Review of Economic Studies. 1995. Vol. 62(4). P. 515–539.
9. Shapiro C., Varian H.R. Information Rules: A Strategic Guide to the Network Economy. Harvard Business School Press, 1999.
10. Opara-Martins J., Sahandi R., Tian F. Critical analysis of vendor lock-in and its impact on cloud computing migration: a business perspective // Journal of Cloud Computing. 2016.
11. Durdu A. et al. Proposal on how software license assets should be managed with an enterprise risk management approach. DOI: 10.17671/gazibtd.1019869.
12. Savelyev A. Legal aspects of ownership in modified open source software and its impact on Russian software import substitution policy // Computer Law & Security Review. 2017. Vol. 33(2). P. 193–210. DOI: 10.1016/j.clsr.2016.11.014.
13. Bechara J. et al. Digital Sovereignty and Open-Source Software — A Discussion Paper. Springer, 2024.
14. ECSO WG6 Technical Paper — Software Supply Chain Security. 2024.
15. Onishi K. The effects of compensation plans for employee inventions on R&D productivity: New evidence from Japanese panel data // Research Policy. 2013.
16. Mehta C., Hu K. Chipmaker Broadcom to buy VMware in \$61 bln deal // Reuters. 27 May 2022.
17. Broadcom Secures \$28.4 Billion Debt Financing for VMware Buy // Bloomberg Law. 17 Aug 2023.
18. Walsworth R. VMware End Of Availability of Perpetual Licensing and SaaS Services // VMware Cloud Foundation Blog. 22 Jan 2024.

19. Broadcom VMware 'Significant' Changes: Minimum Number Of Cores ... // CRN. 2025.
20. VMware price hikes? 800–1,500%, claim Euro customers // The Register. 22 May 2025.
21. Gartner: VMware migrations will be long, costly, risky // The Register. 21 Jan 2025.
22. CISPE Challenges EU Commission's Defence of Broadcom–VMware Merger // CISPE Press Release. 11 Dec 2025.

Corporate Technological Sovereignty and Technological Independence in the Russian Market: Managing Vendor Dependency Using VMware's Transformation After the Broadcom Acquisition as an Example

Kubasov S.M.

Lesta LLC

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The Russian debate on technology sovereignty is commonly framed as a state-level policy and geo-economic security issue. Yet in the digital economy, substantial technology risks arise not only from geopolitical restrictions but also from private owners of critical platforms: changes in licensing models, support terms, distribution channels, and abrupt price revisions. This paper argues for extending “technological independence” beyond state geography towards corporate technology sovereignty, defined as a firm's capability to sustain continuity and control over critical digital capabilities under unilateral vendor changes.

The study combines innovation-policy perspectives on technology sovereignty with industrial organization theories of switching costs and lock-in, and uses the Broadcom–VMware licensing overhaul as an analytical case. The paper shows that the strong stickiness of infrastructure platforms and multi-year migration cycles make “rent extraction” from installed bases economically rational in the short-to-medium term, even if a share of customers churns. Building on the case, the paper proposes a practical governance framework: licensing and rights audit, criticality–reversibility classification of dependencies, in-house development of low-level expertise, and institutionalization of R&D through patenting and incentive schemes.

Keywords: technology sovereignty, corporate technology sovereignty, vendor lock-in, switching costs, software licensing, infrastructure platforms, import substitution, open-source, patents, R&D incentives.

References

1. Afanasyev, A.A. “Technological Sovereignty: Options for Approaching the Problem” // Issues of Innovative Economics. 2023. Vol. 13. No. 2. pp. 689–706. DOI: 10.18334/inec.13.2.117375.
2. Lenchuk, E.B. “Technological Sovereignty — a New Vector of Russia's Scientific and Technological Policy” // Journal of the New Economic Association. 2024. No. 3 (64). pp. 232–237. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_232-237.
3. Grishina V.B. Import Substitution in the ICT Sector in the Context of Ensuring Russia's Technological Sovereignty // Scientific Research of the Faculty of Economics. Electronic Journal. 2025. Vol. 17. Issue 3. pp. 106–122. DOI: 10.38050/2078-3809-2025-17-3-106-122.
4. Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. Technology Sovereignty as an Emerging Frame for Innovation Policy. Defining Rationales, Ends, and Means // Research Policy. 2023. DOI: 10.1016/j.respol.2023.104765.
5. Di Marco D., Thabit S., Kotsev A., Christensen A., Minghini M. et al. Open but Not Powerless: Towards a Common Understanding of EU Digital Sovereignty. European Commission (JRC), 2025. JRC144908.
6. Roberts H. et al. Safeguarding European values with digital sovereignty: analysis of statements and policies // Internet Policy Review. 2021.
7. von Ditzfurth L. The European Union's Pursuit of Digital Sovereignty... // JIPITEC. 2025.
8. Klemperer P. Competition when consumers have switching costs: an overview with applications to industrial organization, macroeconomics, and international trade // Review of Economic Studies. 1995. Vol. 62(4). P. 515–539.
9. Shapiro C., Varian H.R. Information Rules: A Strategic Guide to the Network Economy. Harvard Business School Press, 1999.
10. Opara Martins J., Sahandi R., Tian F. Critical analysis of vendor locking in and its impact on cloud computing migration: a business perspective // Journal of Cloud Computing. 2016.
11. Durdu A. et al. Proposal on how software license assets should be managed with an enterprise risk management approach. DOI: 10.17671/gazibtd.1019869.
12. Savelyev A. Legal aspects of ownership in modified open source software and its impact on Russian software import substitution policy // Computer Law & Security Review. 2017. Vol. 33(2). P. 193–210. DOI: 10.1016/j.clsr.2016.11.014.
13. Bechara J. et al. Digital Sovereignty and Open Source Software - A Discussion Paper. Springer, 2024.
14. ECSO WG6 Technical Paper - Software Supply Chain Security. 2024.
15. Onishi K. The effects of compensation plans for employee inventions on R&D productivity: New evidence from Japanese panel data // Research Policy. 2013.
16. Mehta C., Hu K. Chipmaker Broadcom to buy VMware in \$61 bln deal // Reuters. 27 May 2022.
17. Broadcom Secures \$28.4 Billion Debt Financing for VMware Buy // Bloomberg Law. 17 Aug 2023.
18. Walsworth R. VMware End Of Availability of Perpetual Licensing and SaaS Services // VMware Cloud Foundation Blog. 22 Jan 2024.
19. Broadcom VMware 'Significant' Changes: Minimum Number Of Cores ... // CRN. 2025.
20. VMware price hikes? 800–1,500%, claim Euro customers // The Register. 22 May 2025.
21. Gartner: VMware migrations will be long, costly, risky // The Register. 21 Jan 2025.
22. CISPE Challenges EU Commission's Defense of Broadcom–VMware Merger // CISPE Press Release. 11 Dec 2025.

Актуальные вопросы импортозамещения и технологического развития России

Мингалева Жанна Аркадьевна

д.э.н., профессор кафедры экономики и управления промышленным производством, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, mingal1@pstu.ru,

Брюхина Наталья Геннадьевна

канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и управления, Донбасский государственный технический университет, anka033@yandex.ru,

Каунова Цагана Викторовна

ассистент кафедры государственного и муниципального управления и права, факультет экономики и права, кафедра государственного и муниципального управления и права, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, raj.tsagana@yandex.ru,

Дорофеев Станислав Вячеславович

к.т.н., доцент, Тихоокеанский государственный университет, 005541@togudv.ru

Обострение геополитической напряженности в мире, выражающееся в том числе во введении санкционных ограничений со стороны западных стран в отношении Российской Федерации, привело к тому, что вопрос импортозамещения перестал быть лишь экономической мерой реагирования – он трансформировался в стратегический элемент национальной безопасности в контексте необходимости обеспечения технологического суверенитета России. В статье представлена оценка эффективности политики импортозамещения в России, во-первых, в контексте обеспечения продовольственной безопасности, а во-вторых, в контексте обеспечения технологического развития страны. Сделан вывод об эффективности политики импортозамещения в России в контексте обеспечения продовольственной безопасности страны, которая достигается благодаря росту производства отечественной продукции, способной конкурировать с импортируемыми аналогами. В статье обосновано положение о том, что технологический суверенитет является новой парадигме экономической безопасности, в которой контроль над критически важными технологиями становится неотъемлемым условием обеспечения стратегической независимости страны. Результаты исследования могут представлять научный и практический интерес для специалистов органов государственной власти, ответственных за формирование промышленной и инновационной политики, а также для экономистов, занимающихся проблемами национальной и экономической безопасности.

Ключевые слова: импортозамещение, научно-технологическое развитие, национальная безопасность, продовольственная безопасность, санкции, технологический суверенитет, технологическое развитие, экономическая безопасность.

Введение

В условиях масштабных антироссийских санкций политика импортозамещения перестала быть временной мерой адаптации экономики Российской Федерации к условиям «новой нормальности». Она стала фундаментальным условием обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны. Декарбонизация, диверсификация цепочек поставок, изоляция от западных технологических экосистем и утрата доступа к критически важным компонентам – от полупроводников до промышленного программного обеспечения – поставили под угрозу не только экономическую эффективность, но и суверенитет российской промышленности. В этом контексте технологическое развитие России становится вопросом выживания страны. Именно поэтому концепция технологического суверенитета, под которым понимается способность страны самостоятельно разрабатывать, производить и контролировать ключевые технологии, превращается в центральный элемент стратегии экономической безопасности.

В современных научных публикациях в качестве одной из основных задач политики импортозамещения ученые выделяют «увеличение доли отечественной продукции на рынке, сокращение импорта и повышение экономической безопасности страны» [1, С. 438]. Н. А. Улыбин акцентирует внимание на том, что «при этом необходимо учитывать потребности населения, обеспечивать доступность и качество отечественных товаров и услуг», а также обеспечивать развитие сотрудничества «с бизнес-сообществом, развитии научно-технологического потенциала, обучение кадров, стимулирование инноваций и экспортно-ориентированного производства» [1, С. 438]. М. В. Мингазов формулирует «особенности процессов возвратной регионализации в результате ухудшения макроэкономической конъюнктуры, заключающиеся в размещении фрагментов глобальных производственно-сбытовых цепочек вблизи рынков сбыта конечной продукции», и предлагает расширять межгосударственное сотрудничество «в рамках региональных объединений стран при сохранении фрагментов глобальных производственно-сбытовых цепочек с учетом динамики издержек» [2]. И. Н. Макаров и др. пишут о необходимости формирования новой экономической политики государства «как реакции и одновременно как основного фактора обеспечения импортозамещения в России в условиях санкционного давления и внешнеэкономических угроз» [3]. Другие авторы рассматривают импортозамещение как фактор экономической безопасности (О. Г. Горцевская [4]) и как инструмент развития экономики России (Д. Р. Макоев, О. М. Танделова, О. О. Джиеова [5]). По мнению О. С. Красновой, «из-за высокой зависимости российской промышленности от импорта, на структурные элементы которого и наложены международные рестрикции» существует «низкая вероятность регионального технологического развития» [6]. Е. А. Таран, Е. В. Слесаренко, В. С. Жиронкин, С. К. Ашванян для реализации политики импортозамещения рекомендуют использовать комплекс экономических инструментов (кластерно-рыночных, платформенно-технологических, институциональных, финансово-инвестиционных) [7]. С. К. Содномова, Н. В. Рубцова делают вывод о том, что «для решения проблемы импортозамещения необходимо не только наращивать объемы производства, но и, по сути, создавать с нуля инфраструктуру», которая бы отвечала современным требованиям [8].

Многие экономисты анализируют достижения в сфере реализации политики импортозамещения в России в контексте обеспечения продовольственной безопасности и указывают на необходимость оказания поддержки сельхозтоваропроизводителям (К. А. Антошина, Н. В. Кириллова [9], Е. Дробот, М. Л. Вартанова [10], В. Д. Малыгина, Н. А. Кириллова [11]), М. Р. Сафиуллин, М. Р. Гафаров, Л. А. Ельшин рассматривают импортозамещение как «инструмент обеспечения устойчивого развития экономики в условиях системных преобразований» [12]. Т. А. Оруч для интенсификации импортозамещения в промышленности предлагает использовать технологические инновации и отмечает, что «промышленная сфера импортозамещения может идти двумя разными путями: замена исходящего импортного ресурса или, альтернативно, разработка передовых технологий» [13]. Л. В. Прогунова, К. А. Шалаева выделяют «основные проблемы, с которыми сталкиваются предприятия при внедрении политики импортозамещения, такие как высокие затраты на производство, дефицит высокотехнологичного оборудования, а также низкий уровень отечественных инноваций» [14]. Другие экономисты (О. Д. Фальченко, З. А. Тохаева [15], О. Г. Фокина [16]), подводя итоги реализации стратегии импортозамещения в России, отмечают, что одна из ее ключевых задач – уменьшение количества импорта и организация замещающих производств – частично достигнута. По мнению Д. В. Кадацкой, Ю. С. Лавровой, «санкционное давление на экономику РФ и ряд введенных ограничений привело к необходимости трансформации существующих бизнес-процессов, разработке новых бизнес-моделей для выживания предприятий на рынке», что «дает возможность более эффективно использовать ресурсы, снижая затраты и время на выполнение задач» [17].

Если говорить о проблемах технологического развития России в условиях санкционных ограничений, то стоит отметить, что еще в феврале 2024 г. Указом Президента РФ была утверждена обновленная «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» (далее – Стратегия) [18], в которой содержатся два важнейших термина, представляющих научный интерес в контексте нашего исследования. Это термины «научно-технологическое развитие Российской Федерации» и «суверенитет Российской Федерации в технологической сфере». Согласно Стратегии, научно-технологическое развитие Российской Федерации – это трансформация науки и технологий в ключевой фактор развития России и обеспечения способности страны эффективно отвечать на большие вызовы; а суверенитет Российской Федерации в технологической сфере (или технологический суверенитет) – это способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства [18].

Рассматривая вопросы технологического развития России, российские ученые акцентируют внимание на необходимости достижения технологического суверенитета и технологического лидерства России (Н. В. Медведева [19], Ю. А. Мамаева [20], Н. А. Николаева, Р. А. Гербер [21], Д. А. Черноусов [22], Н. М. Тюкавкин [23], Д. Р. Нестулаева, Э. А. Авхадиева [24], Е. В. Михина [25]).

Целью нашего исследования является оценка эффективности политики импортозамещения в России, во-первых, в контексте обеспечения продовольственной безопасности, а во-вторых, в контексте обеспечения технологического развития страны.

В начале нашего исследования хотелось бы отметить, что к настоящему моменту Российская Федерация уже располагает достаточно солидной нормативно-правовой базой, регулирующей вопросы импортозамещения в стране. Она включает следующие ключевые документы:

- Указ Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»;
- Постановление Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 717 «О государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы»;
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2013 г. № 2138-р «Перечень показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации»;
- Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 314 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие рыбохозяйственного комплекса»»;
- Постановление Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778 «О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 и от 24 июня 2015 г. № 320»;
- Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2014 г. № 830 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778»;
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 октября 2014 г. № 1948-р «Об утверждении плана мероприятий по содействию импортозамещению в сельском хозяйстве на 2014–2015 годы»;
- Постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 2015 г. № 842 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778 и от 31 июля 2015 г. № 774».

Анализ данных нормативно-правовых актов позволяет выделить основные направления и механизмы достижения цели импортозамещения.

Так, Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации устанавливает принципы обеспечения продовольственной безопасности государства. Документ определяет критерии оценки состояния продовольственной безопасности и меры по ее укреплению, включая повышение уровня самообеспеченности основными видами продуктов питания.

Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы направлена на модернизацию агропромышленного комплекса и создание условий для устойчивого роста производства сельскохозяйственной продукции. Программа предусматривает поддержку отечественных производителей, внедрение инновационных технологий и развитие инфраструктуры.

Перечень показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2013 г., включает количественные индикаторы, позволяющие оценить уровень обеспеченности населения продуктами питания отечественного производства. Эти показатели служат основой для мониторинга эффективности реализуемых мер по импортозамещению.

Государственная программа Российской Федерации «Развитие рыбохозяйственного комплекса» нацелена на увеличение объемов вылова рыбы и морепродуктов,

улучшение качества продукции и повышение конкурентоспособности отрасли. Важнейшим направлением программы является поддержка рыбоперерабатывающих предприятий и стимулирование внутреннего потребления отечественной рыбной продукции.

Постановления Правительства Российской Федерации (№ 778, № 830, № 842) устанавливают запрет на ввоз отдельных видов товаров сельскохозяйственного происхождения и продовольственных товаров из стран, применивших санкции против России. Это решение создало благоприятные условия для расширения рынка сбыта отечественной продукции и ускорило процесс замещения импорта.

План мероприятий по содействию импортозамещению в сельском хозяйстве на 2014–2015 годы представляет собой комплекс конкретных мер поддержки аграриев, направленных на обеспечение продовольственной независимости страны. Среди приоритетных направлений –

развитие племенного животноводства, селекции семян и биотехнологий.

Таким образом, проанализированные документы демонстрируют последовательную государственную политику в области импортозамещения, направленную на укрепление продовольственной безопасности, повышение технологического уровня отраслей экономики и снижение зависимости от зарубежных поставок. Эффективность принятых мер зависит от согласованности усилий всех участников процесса, включая органы власти, бизнес-сообщество и научные организации.

В контексте нашего исследования интерес также представляет анализ производства основных видов импортозамещающих пищевых продуктов в Российской Федерации (табл. 1).

Производство основных видов импортозамещающих пищевых продуктов в Российской Федерации, тыс. тонн

Виды импортозамещающих пищевых продуктов	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г. ²	2023 г. ²	2024 г. ²	2024 г. в % к 2023 г.
Мясо крупного рогатого скота (говядина и телятина) парное, остьевшее или охлажденное, в том числе для детского питания	205	227	242	254	306	297	351	367	104,7
Мясо крупного рогатого скота (говядина и телятина) замороженное, в том числе для детского питания	56,7	71,4	67,0	84,3	95,0	106	117	154	131,6
Свинина парная, остьевшая или охлажденная, в том числе для детского питания	2171	2415	2496	2826	2915	3141	3330	3426	102,9
Свинина замороженная, в том числе для детского питания	233	254	323	358	421	464	524	620	118,4
Мясо и субпродукты пищевые домашней птицы	4839	4877	4847	4808	4870	5058	5065	5187	102,4
в том числе:									
мясо птицы охлажденное, в том числе для детского питания	3014	3070	3253	3275	3372	3423	3425	3504	102,3
мясо сельскохозяйственной птицы замороженное, в том числе для детского питания	1303	1273	1027	984	962	1063	1078	1133	105,1
Изделия колбасные, включая изделия колбасные для детского питания	2259	2282	2282	2355	2448	2411	2481	2523	101,7
Рыба морская живая, не являющаяся продукцией рыбоводства	112	154	127	163	158	212	218	232	106,6
Рыба морская свежая или охлажденная, не являющаяся продукцией рыбоводства	855	847	827	884	762	801	856	841	98,2
Ракообразные немороженные, не являющиеся продукцией рыбоводства	45,8	52,5	49,6	50,7	45,4	54,1	63,4	62,7	98,8
Филе рыбное, мясо рыбы прочее (включая фарш) свежее или охлажденное	17,3	17,4	17,6	18,3	18,0	13,5	16,7	20,3	121,6
Рыба мороженная	3057	3056	2989	3034	3005	2791	3034	2723	89,8
Филе рыбное мороженое	146	155	163	181	238	259	222	234	105,3
Рыба вяленая, соленая и несолёная или в рассоле	106	112	120	118	125	113	111	109	98,4
Рыба, включая филе, копченая	58,4	66,0	68,4	65,4	69,8	72,2	79,2	79,5	100,4
Ракообразные мороженные	69,9	82,4	100	90,5	98,1	76,2	91,7	112	121,7
Овощи (кроме картофеля) и грибы замороженные	62,6	55,9	83,7	108	135	119	115	114	99,5
Овощи (кроме картофеля) и грибы, консервированные для кратковременного хранения	33,5	37,1	32,6	33,0	35,5	39,0	38,9	47,0	120,9
Фрукты, ягоды и орехи, свежие или предварительно подвергнутые тепловой обработке, замороженные	15,6	16,8	22,2	28,2	44,8	40,4	48,2	55,5	115,2
Молоко жидкое обработанное, включая молоко для детского питания	5390	5457	5378	5628	5684	5841	5781	6130	106,0
Сливки	133	150	163	195	238	260	315	366	116,0
Творог	486	501	468	487	495	461	452	481	106,4
Масло сливочное, в том числе с пищевкусными компонентами	270	267	269	277	283	326	336	334	99,5
Сыры	464	467	540	572	648	682	801	860	107,4
Молоко и сливки, густенные или с добавками сахара или других подслащающих веществ, не сухие, млн усл. банок	837	806	717	717	671	724	730	687	94,2
Продукты кисломолочные (кроме творога и продуктов из творога)	2896	2819	2792	2745	2736	2533	2671	2780	104,1

¹ В соответствии с Общероссийским классификатором продукции по видам экономической деятельности ОК 034-2014 (ОКПД2).

² Без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Источник: Показатели, характеризующие импортозамещение в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11188#> (дата обращения: 20.02.2026).

Анализ данных таблицы 1 позволяет сделать ряд важных выводов относительно процессов импортозамещения и технологического развития в России. Одним из ключевых направлений является производство мяса и мясопродуктов. За период с 2017 по 2024 годы наблюдается устойчивый рост объемов производства говядины, свинины и мяса птицы. Например, производство говядины увеличилось на 104,7 %, свинины – на 102,9 %, а птицы –

на 102,4 %. Это свидетельствует о повышении самообеспеченности российского рынка этими видами продукции. В области рыболовства также наблюдаются положительные тенденции. Производство свежей и охлажденной морской рыбы снизилось незначительно (-1,8 %) за указанный период, однако объемы выпуска мороженной рыбы сократились существенно (-10,3 %). Положительным моментом является увеличение производства ракообразных мороженных (+21,7 %), что демонстрирует адаптацию отрасли к новым условиям спроса. Молочная промышленность показывает стабильный рост большинства показателей. Объемы производства молока жидкого обработанного увеличились на 6 %, сыра – на 7,4 %, масла сливочного – практически остались неизменными. Эти цифры свидетельствуют о развитии отечественного молочного сектора и способности удовлетворить внутренний спрос. Отрасль овощеводства и плодоводства также развива-

ется успешно. Замороженные овощи и фрукты демонстрируют умеренный рост, а консервированная продукция увеличилась значительно – на 20,9 %. Этот показатель подчеркивает важность отечественных производителей овощей и фруктов в обеспечении населения качественными продуктами питания.

Все это подтверждает эффективность политики импортозамещения в России в контексте обеспечения продовольственной безопасности страны, которая достигается благодаря росту производства отечественной продукции, способной конкурировать с импортируемыми аналогами. Однако остаются и некоторые проблемы, такие как снижение объемов некоторых категорий товаров, что требует дальнейшего анализа и разработки мер поддержки соответствующих отраслей.

Анализируя успехи и проблемы реализации стратегии, важно также учитывать изменения, произошедшие в таких ключевых секторах экономики, как информационные технологии, машиностроение, легкая промышленность, электронная промышленность, строительство, химическая промышленность. Остановимся на них подробнее.

1. Информационные технологии. Экосистема российских интернет-сервисов демонстрирует высокую степень зрелости. Пользователи отдают предпочтение отечественным платформам («Яндекс», VK, «Одноклассники»), количество которых достигает десятков миллионов активных пользователей. Магазин приложений RuStore, созданный в ответ на международные санкции, насчитывает более 80 млн установок и тысячи мобильных программ [26]. Российские разработчики успешно создают аналоги западного программного обеспечения, включая ERP и CRM системы («1С», «Битрикс24»). Однако структура IT-инфраструктуры российских предприятий пока остается зависимой от зарубежных разработок, где иностранные программы занимают 75 % рынка, тогда как российские разработки охватывают всего четверть сегмента [26]. Особое внимание уделяется обеспечению информационной безопасности, развитию облаков и созданию национального мессенджера.

2. Машиностроение. Несмотря на сложную ситуацию с поставками компонентов и нехватку производственных мощностей, выпуск российских станков за последние два года возрос на 130 % [26]. Потребительский интерес к отечественной продукции становится важным фактором роста спроса.

3. Легкая промышленность также переживает подъем: на маркетплейсах продажи одежды и обуви российских брендов в 2024 году выросли в несколько раз. На некоторых онлайн-площадках динамика превысила 500 %. Доля российских производителей на разных платформах составляет от 35 до 70 % [26].

4. Электронная промышленность. Государственное стимулирование и поддержка со стороны федеральных программ позволяют развивать электронную индустрию, однако темпы ее роста ограничены отсутствием достаточных ресурсов и квалификации специалистов. Производители электроники могут получать налоговые льготы, субсидии от государства [26].

5. Строительство. В 2024 г. рынок строительных материалов в России вырос до 8,2 трлн руб., увеличившись на 21 % по сравнению с 2023 г., при этом эксперты прогнозируют его дальнейший рост до 2028 г. с темпами 17 % в год [26].

6. Химическая промышленность. В России развивается производство базовых химических продуктов, полимеров, удобрений и специальной химии.

Основными проблемами в сфере реализации политики импортозамещения в различных отраслях промышленности остаются высокие расходы на исследования и

разработку, временная задержка внедрения инновационных технологий, дефицит квалифицированного персонала. Значительным препятствием выступает и высокая стоимость качественного отечественного оборудования и материалов, способствующая росту контрафактной продукции низкого качества.

Тем не менее достигнутые успехи подтверждают правильность выбранного курса на достижение технологического суверенитета. Политика импортозамещения продолжает демонстрировать положительные тенденции, становясь основным направлением развития отраслей российской экономики.

Таким образом, стратегия импортозамещения играет ключевую роль в формировании самостоятельного технологического потенциала России, способствуя укреплению ее экономической независимости и повышению конкурентоспособности на мировом рынке.

Заключение

Реализация поставленных государством задач в сфере импортозамещения требует дальнейшего совершенствования механизмов поддержки отечественных производителей, внедрения передовых технологий и укрепления международного сотрудничества в рамках взаимовыгодных торговых соглашений. Только комплексный подход позволит обеспечить устойчивое экономическое развитие и достижение высокого уровня самодостаточности в важнейших отраслях промышленности и сельского хозяйства. При этом технологический суверенитет является новой парадигмой экономической безопасности, в которой контроль над критически важными технологиями становится неотъемлемым условием обеспечения стратегической независимости страны

Литература

1. Улыбин, Н. А. Теоретико-методологические основы и особенности реализации политики импортозамещения / Н. А. Улыбин // Вектор научной мысли. – 2024. – № 6(11). – С. 438-440. – EDN GATMPJ.
2. Мингазов, М. В. Особенности процессов импортозамещения в российской экономике в условиях ухудшения мировой хозяйственной конъюнктуры / М. В. Мингазов // Экономические отношения. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 1459-1468. – DOI 10.18334/eo.10.4.111183. – EDN RVSJDL.
3. Макаров, И. Н. Трансформация институциональных основ и механизмов экономической политики как фактор импортозамещения в России в условиях санкционного давления и внешнеэкономических угроз / И. Н. Макаров и др. // Экономические отношения. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 651-670. – DOI 10.18334/eo.12.4.116909.
4. Горцевская, О. Г. Импортозамещение как фактор экономической безопасности / О. Г. Горцевская // Первый экономический журнал. – 2025. – № 3(357). – С. 34-44. – DOI 10.58551/20728115_2025_3_34. – EDN VUBAZN.
5. Макоев, Д. Р. Импортозамещение как инструмент развития экономики России / Д. Р. Макоев, О. М. Танделова, О. О. Джигоева // Аудиторские ведомости. – 2023. – № 1. – С. 210-213. – DOI 10.17686/17278058_2023_1_210. – EDN WHCJRT.
6. Краснова, О. С. Оценка возможных результатов влияния санкционных ограничений и импортозамещения на перспективное развитие российских регионов / О. С. Краснова // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 2. – С. 349-352. – EDN CNHRBP.
7. Таран, Е. А. К вопросу о формировании государственной политики импортозамещения в России / Е. А. Таран, Е. В. Слесаренко, В. С. Жиронкин, С. К. Ашванян // Экономика и управление инновациями. – 2024. – № 3(30).

– С. 21-28. – DOI 10.26730/2587-5574-2024-3-21-28. – EDN MGQVIE.

8. Содномова, С. К. Анализ реализации программы импортозамещения в Российской Федерации / С. К. Содномова, Н. В. Рубцова // Экономические отношения. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 187-200. – DOI 10.18334/eo.10.1.100700. – EDN QUUIXU.

9. Антошина, К. А. Концептуальные особенности маркетинговой деятельности на продовольственном рынке в условиях импортозамещения / К. А. Антошина, Н. В. Кириллова // Первый экономический журнал. – 2024. – № 9(351). – С. 12-21. – DOI 10.58551/20728115_2024_9_12. – EDN HYYLUB.

10. Дробот, Е. Сравнительные результаты обеспечения продовольственной безопасности стран Евразийского экономического союза в условиях импортозамещения / Е. Дробот, М. Л. Вартанова // Экономические отношения. – 2018. – Т. 8, № 4. – С. 629-638. – DOI 10.18334/eo.8.4.39235.

11. Малыгина, В. Д. стратегические векторы развития агромаркетинга на рынке продовольственного сырья и пищевых продуктов в условиях импортозамещения / В. Д. Малыгина, Н. А. Кириллова // Первый экономический журнал. – 2022. – № 11(329). – С. 63-69. – DOI 10.58551/20728115_2022_11_63. – EDN ZJANCU.

12. Сафиуллин, М. Р. Импортозамещение как инструмент обеспечения устойчивого развития экономики в условиях системных преобразований: регионально-отраслевой аспект / М. Р. Сафиуллин, М. Р. Гафаров, Л. А. Ельшин // Экономические отношения. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 407-432. – DOI 10.18334/eo.12.3.115210. – EDN EKZFPN.

13. Оруч, Т. А. Механизм управления интенсификацией импортозамещения в промышленности на основе технологических инноваций / Т. А. Оруч // Первый экономический журнал. – 2023. – № 8(338). – С. 97-103. – DOI 10.58551/20728115_2023_8_97. – EDN WZCBON.

14. Прогунова, Л. В. Импортозамещение в ключевых отраслях промышленности: проблемы и перспективы / Л. В. Прогунова, К. А. Шалаева // Modern Science. – 2025. – № 7-1. – С. 8-15. – EDN SNOQWH.

15. Фальченко, О. Д. О результатах импортозамещения в РФ в условиях экономических санкций / О. Д. Фальченко, З. А. Тохаева // Теория и практика мировой науки. – 2024. – № 1. – С. 8-14. – EDN LEFAMQ.

16. Фокина, О. Г. Стратегия импортозамещения: итоги десятилетия для отраслей и регионов / О. Г. Фокина // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. – 2024. – № 11. – С. 170-175. – EDN MGQHZF.

17. Кадацкая, Д. В. Трансформация бизнес-процессов хозяйствующих субъектов в условиях импортозамещения (санкционного давления на экономику) / Д. В. Кадацкая, Ю. С. Лаврова // Финансовый менеджмент. – 2025. – № 2. – С. 202-212. – EDN YEFWRT.

18. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/> (дата обращения: 21.02.2026).

19. Медведева, Н. В. Концепция технологического развития России: намерения реализации / Н. В. Медведева // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Т. 13, № 4. – С. 1957-1972. – DOI 10.18334/vines.13.4.119874. – EDN QLYGPL.

20. Мамаева, Ю. А. Экономический суверенитет и технологическое лидерство России на современном этапе политического развития страны / Ю. А. Мамаева // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 1. – С. 270-274. – EDN KKRBEY.

21. Николаева, Н. А. Технологический суверенитет как основа развития промышленного комплекса России / Н. А. Николаева, Р. А. Гербер // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. – 2025. – Т. 21, № 1(80). – С. 5-10. – EDN KKPDIY.

22. Черноусов, Д. А. Технологический суверенитет как стратегический приоритет развития России: анализ и перспективы / Д. А. Черноусов // Вопросы инновационной экономики. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 39-56. – DOI 10.18334/vines.15.1.122564. – EDN QSECHZ.

23. Тюкавкин, Н. М. К вопросам развития технологического суверенитета промышленного сектора России / Н. М. Тюкавкин // Развитие и безопасность. – 2025. – № 2(26). – С. 70-80. – EDN PTBFRQ.

24. Нестулаева, Д. Р. Научно-технологическое развитие России в целях обеспечения ее технологического суверенитета / Д. Р. Нестулаева, Э. А. Авхадиева // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 3. – С. 40-44. – DOI 10.24412/1998-5533-2024-3-40-44. – EDN OPFYXK.

25. Михина, Е. В. Роль институтов развития в укреплении технологического суверенитета России / Е. В. Михина // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2025. – № 4-2. – С. 305-316. – DOI 10.17513/vaael.4109. – EDN UOMVES.

26. Импортозамещение в России: итоги-2025, проблемы, перспективы // РСТ, 14.07.2025. URL: <https://www.rctest.ru/articles/importozameshchenie-v-rossii-itogi-2025-problemy-perspektivy-.html> (дата обращения: 21.02.2026).

Current issues of import substitution and technological development in Russia

Mingaleva Zh.A., Bryukhina N.G., Kaunova Ts.V., Dorofeev S.V.
Perm National Research Polytechnic University, Donbass State Technical University, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Pacific National University
JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The aggravation of geopolitical tensions in the world, expressed, among other things, in the imposition of sanctions restrictions by Western countries against the Russian Federation, has led to the fact that the issue of import substitution has ceased to be just an economic response measure – it has transformed into a strategic element of national security in the context of the need to ensure Russia's technological sovereignty. The article presents an assessment of the effectiveness of the import substitution policy in Russia, firstly, in the context of ensuring food security, and secondly, in the context of ensuring the technological development of the country. The conclusion is made about the effectiveness of the import substitution policy in Russia in the context of ensuring the country's food security, which is achieved due to the growth of domestic production capable of competing with imported analogues. The article substantiates the position that technological sovereignty is a new paradigm of economic security, in which control over critical technologies becomes an essential condition for ensuring the strategic independence of the country. The results of the study may be of scientific and practical interest to specialists of government authorities responsible for the formation of industrial and innovation policy, as well as to economists dealing with problems of national and economic security.

Keywords: import substitution, scientific and technological development, national security, food security, sanctions, technological sovereignty, technological development, economic security.

References

1. Ulybin, N. A. Theoretical and methodological foundations and features of the implementation of import substitution policy / N. A. Ulybin // Vector of scientific thought. – 2024. – No. 6 (11). – Pp. 438-440. – EDN GATMPJ.
2. Mingazov, M. V. Features of import substitution processes in the Russian economy in the context of deteriorating global economic conditions / M. V. Mingazov // Economic relations. – 2020. – Vol. 10, No. 4. – Pp. 1459-1468. – DOI 10.18334/eo.10.4.111183. – EDN RVSJDL.
3. Makarov, I. N. Transformation of the institutional foundations and mechanisms of economic policy as a factor in import substitution in Russia under the conditions of sanctions pressure and foreign economic threats / I. N. Makarov et al. // Economic relations. – 2022. – Vol. 12, No. 4. – Pp. 651-670. – DOI 10.18334/eo.12.4.116909.
4. Gortsevskaya, O. G. Import substitution as a factor in economic security / O. G. Gortsevskaya // First Economic Journal. – 2025. – No. 3 (357). – Pp. 34-44. – DOI 10.58551/20728115_2025_3_34. – EDN VUBAZN.
5. Makoev, D. R. Import substitution as a tool for developing the Russian economy / D. R. Makoev, O. M. Tandelova, O. O. Dzhoieva // Audit reports.

- 2023. - No. 1. - Pp. 210-213. - DOI 10.17686/17278058_2023_1_210. - EDN WHCJRT.
6. Krasnova, O. S. Assessment of possible results of the impact of sanctions restrictions and import substitution on the prospective development of Russian regions / O. S. Krasnova // *Innovations and Investments*. - 2025. - No. 2. - Pp. 349-352. - EDN CNHRBP.
 7. Taran, E. A. On the Formation of State Policy of Import Substitution in Russia / E. A. Taran, E. V. Slesarenko, V. S. Zhironkin, S. K. Ashvanyan // *Economy and Innovation Management*. - 2024. - No. 3 (30). - P. 21-28. - DOI 10.26730/2587-5574-2024-3-21-28. - EDN MGQVIE.
 8. Sodnomova, S. K. Analysis of the Implementation of the Import Substitution Program in the Russian Federation / S. K. Sodnomova, N. V. Rubtsova // *Economic Relations*. - 2020. - Vol. 10, No. 1. - P. 187-200. - DOI 10.18334/eo.10.1.100700. - EDN QUUIXU.
 9. Antoshina, K. A. Conceptual Features of Marketing Activities in the Food Market in the Context of Import Substitution / K. A. Antoshina, N. V. Kirillova // *First Economic Journal*. - 2024. - No. 9(351). - Pp. 12-21. - DOI 10.58551/20728115_2024_9_12. - EDN HYYLUB.
 10. Drobot, E. Comparative Results of Ensuring Food Security of the Countries of the Eurasian Economic Union in the Context of Import Substitution / E. Drobot, M. L. Vartanova // *Economic Relations*. - 2018. - Vol. 8, No. 4. - Pp. 629-638. - DOI 10.18334/eo.8.4.39235.
 11. Malygina, V. D. Strategic vectors of development of agricultural marketing in the market of food raw materials and food products in the context of import substitution / V. D. Malygina, N. A. Kirillova // *First Economic Journal*. - 2022. - No. 11 (329). - P. 63-69. - DOI 10.58551/20728115_2022_11_63. - EDN ZJANCU.
 12. Safiullin, M. R. Import substitution as a tool for ensuring sustainable economic development in the context of systemic transformations: regional-sectoral aspect / M. R. Safiullin, M. R. Gafarov, L. A. Elshin // *Economic relations*. - 2022. - Vol. 12, No. 3. - Pp. 407-432. - DOI 10.18334/eo.12.3.115210. - EDN EKZFPN.
 13. Oruch, TA Mechanism for managing the intensification of import substitution in industry based on technological innovations / TA Oruch // *First Economic Journal*. - 2023. - No. 8(338). - Pp. 97-103. - DOI 10.58551/20728115_2023_8_97. - EDN WZCBOH.
 14. Progunova, LV Import substitution in key industries: problems and prospects / LV Progunova, KA Shalaeva // *Modern Science*. - 2025. - No. 7-1. - P. 8-15. - EDN SNOQWH.
 15. Falchenko, O. D. On the results of import substitution in the Russian Federation under economic sanctions / O. D. Falchenko, Z. A. Tokhaeva // *Theory and practice of world science*. - 2024. - No. 1. - P. 8-14. - EDN LEFAMQ.
 16. Fokina, O. G. Import substitution strategy: results of the decade for industries and regions / O. G. Fokina // *Economic development of the region: management, innovation, personnel training*. - 2024. - No. 11. - P. 170-175. - EDN MGQHZF.
 17. Kadatskaya, D. V. Transformation of business processes of economic entities in the context of import substitution (sanctions pressure on the economy) / D. V. Kadatskaya, Yu. S. Lavrova // *Financial management*. - 2025. - No. 2. - Pp. 202-212. - EDN YEFWRT.
 18. Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2024 No. 145 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation" // Garant. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/> (date of access: 21.02.2026).
 19. Medvedeva, N. V. Concept of technological development of Russia: implementation intentions / N. V. Medvedeva // *Issues of innovation economics*. - 2023. - Vol. 13, No. 4. - P. 1957-1972. - DOI 10.18334/vinec.13.4.119874. - EDN QLYGPL.
 20. Mamaeva, Yu. A. Economic sovereignty and technological leadership of Russia at the current stage of the country's political development / Yu. A. Mamaeva // *Social and humanitarian knowledge*. - 2025. - No. 1. - P. 270-274. - EDN KKRBEY.
 21. Nikolaeva, N. A. Technological sovereignty as a basis for the development of the industrial complex of Russia / N. A. Nikolaeva, R. A. Gerber // *Bulletin of the Volga Region State University of Service. Series: Economics*. - 2025. - Vol. 21, No. 1 (80). - Pp. 5-10. - EDN KKPDIY.
 22. Chernousov, D. A. Technological sovereignty as a strategic priority for Russia's development: analysis and prospects / D. A. Chernousov // *Issues of Innovative Economics*. - 2025. - Vol. 15, No. 1. - Pp. 39-56. - DOI 10.18334/vinec.15.1.122564. - EDN QSECHZ.
 23. Tyukavkin, N. M. On the development of technological sovereignty of the industrial sector of Russia / N. M. Tyukavkin // *Development and security*. - 2025. - No. 2 (26). - P. 70-80. - EDN PTBFRQ.
 24. Nestulaeva, D. R. Scientific and technological development of Russia in order to ensure its technological sovereignty / D. R. Nestulaeva, E. A. Avkhadiyeva // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. - 2024. - No. 3. - P. 40-44. - DOI 10.24412/1998-5533-2024-3-40-44. - EDN OPFYXK.
 25. Mikhina, E. V. The Role of Development Institutions in Strengthening Russia's Technological Sovereignty / E. V. Mikhina // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. - 2025. - No. 4-2. - P. 305-316. - DOI 10.17513/vaael.4109. - EDN UOMVES.
 26. Import Substitution in Russia: Results-2025, Problems, Prospects // RST, 14.07.2025. URL: <https://www.rctest.ru/articles/importozameshchenie-v-rossii-itogi-2025-problemy-perspektivy-.html> (date of access: 21.02.2026).

Развитие логистических маршрутов и инфраструктуры для экспорта нефти и нефтепродуктов из России: вызовы и перспективы

Мустафаев Тофиг Гюндуз оглы

аспирант, Базовая кафедра Транснефти, Московский государственный институт международных отношений МИД РФ, magreg74@gmail.com

Актуальность данного исследования исходит из фундаментальной значимости нефтегазового сектора для национальной экономики Российской Федерации, исходя из беспрецедентной трансформации глобального энергетического рынка, вызванного геополитическими сдвигами и проведением санкционной политики западных стран. Объект исследования - система экспорта нефти и нефтепродуктов из России. Предмет исследования - логистические маршруты и инфраструктура, обеспечивающие данный экспорт, а также их адаптация к современным вызовам. Цель работы - комплексный анализ эволюции, текущего состояния и перспектив развития логистических цепочек и инфраструктурного обеспечения российского нефтеэкспорта. В результате проведенного исследования выявлены ключевые тенденции переориентации товарных потоков с традиционных западных направлений на рынки стран Азии, а также в Латинскую Америку и Африку. Также установлено, что основными негативными факторами для экспорта нефти являются инфраструктурные ограничения, связанные с пропускной способностью трубопроводов и терминалов, а также растущие логистические издержки, обусловленные удлинением маршрутов и цепочек стоимости. Определены перспективные направления развития логистических маршрутов, включающие форсированную диверсификацию маршрутов, модернизацию и расширение портовой и трубопроводной инфраструктуры, а также углубление сотрудничества с дружественными странами в рамках новых форматов расчетов и логистических схем.

Ключевые слова: санкционное давление, бюджетные доходы, транспортная система, трубопроводные перевозки, морские перевозки, потолок цен.

Введение

Нефтяная отрасль исторически является фундаментом национальной экономики России, формируя значительную долю бюджетных доходов и определяя позиции страны на международной арене: *«Именно топливно-энергетическая сфера обеспечивает основную часть поступлений в бюджет. Здесь генерируются главные инвестиционные ресурсы, которые распределяются по всем остальным секторам и отраслям хозяйства»* [1, с. 8]. Поэтому эффективность и устойчивость логистических систем, обеспечивающих экспорт энергоносителей, приобретают критическое значение для национальной экономики. Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации знаний о структуре и динамике логистических маршрутов в условиях высокой волатильности глобального рынка, а также в разработке теоретических подходов к анализу их адаптационного потенциала. Практическая значимость работы состоит в выявлении конкретных инфраструктурных ограничений и разработке рекомендаций по их преодолению, что имеет непосредственное прикладное значение для государственных органов и компаний-экспортеров. На текущий момент система экспорта российской нефти сталкивается с комплексом взаимосвязанных проблем, к которым относятся кардинальное изменение конфигурации рынков сбыта энергоносителей, необходимость срочной переориентации потоков, физическая и технологическая ограниченность существующей экспортной инфраструктуры, а также возросшие финансовые и операционные риски, вызванные санкционным давлением, в частности, введением потолка цен на российскую нефть и нефтепродукты. Данные вызовы требуют пристального внимания и глубокого научного осмысления и выработки адекватных ответных мер, что и предопределяет цель и задачи настоящего исследования.

Основная часть

Для эффективной реализации цели данного исследования необходимо четко разграничить ключевые термины и понятия предметной области. Логистический маршрут экспорта энергоносителей представляет собой заранее спланированный и организованный путь движения нефти или нефтепродуктов от пункта отгрузки (например, нефтеперерабатывающего завода или узла наливной эстакады) до конечного пункта назначения у покупателя (потребителя). Логистический маршрут включает в себя выбор видов транспорта, точек транзита, порядка прохождения таможенных и иных процедур. В отличие от логистического маршрута, инфраструктура для экспорта нефти представляет собой материальную основу, обеспечивающую реализацию самого маршрута: *«...отсутствие качественной логистической инфраструктуры, позволяющей осуществлять переформирование грузовых потоков в регионах, а также низкий технологический уровень используемого подвижного состава»* [2, с. 71]. Инфраструктура для экспорта нефти - это совокупность стационарных и подвижных активов: магистральные и промысловые трубопроводы, нефтеналивные терминалы в морских и речных портах, танкерный флот, железнодорожные цистерны, автопарки для перевозки светлых нефтепродуктов, а также системы хранения и перевалки. То есть логистический маршрут - это траектория, в то время как инфраструктура для экспорта нефти - это овециествленные

объекты, которые делают движение по этой траектории маршрута возможным, отсюда эффективность всего логистического маршрута напрямую зависит от развитости, пропускной способности и технологической оснащенности инфраструктуры. Логистические маршруты экспорта нефти и нефтепродуктов отличаются значительным территориальным и структурным разнообразием, что обусловлено географией добычи, расположением НПЗ и требованиями рынков. Их классификация может быть проведена по нескольким основаниям – таблица 1.

Таблица 1
Виды и типы логистических маршрутов нефти и нефтепродуктов

Критерий классификации	Вид/Тип маршрута	Характеристика
По виду транспорта	Трубопроводный	Высокая надежность, низкая себестоимость на большие расстояния, но низкая гибкость и высокая капиталоемкость.
	Морской (танкерный)	Высокая гибкость и глобальный охват, позволяет менять направления поставок, но зависит от фрахтовых ставок, ледовой обстановки и геополитики.
	Железнодорожный	Высокая гибкость, не требует развитой трубопроводной инфраструктуры, но существенно более высокая стоимость по сравнению с трубопроводами.
	Речной	Используется для перевалки на морские танкеры (например, через порты Азово-Черноморского бассейна), ограничен пропускной способностью и сезонностью.
	Автомобильный	Применяется в основном для поставок нефтепродуктов на короткие расстояния и в приграничной торговле, имеет высокую удельную стоимость.
По географической направленности	Западное направление	Исторически основное для России, включало поставки в Европу через систему трубопроводов «Дружба», порты Приморск, Усть-Луга, Новороссийск.
	Восточное направление	Стратегически важное, растущее направление; включает трубопровод ВСТО (Восток Сибирь – Тихий Океан) и порты Козьмино, Де-Кастри, Находка.
	Южное направление	Поставки в страны Азии через порты Каспийского моря (Махачкала) и по системе СПС (Казахстан, но с участием российской нефти).
	Арктическое направление	Перспективное, с использованием Северного морского пути и ледового класса танкеров из портов Обской губы (Приразломное, Варандей).

Источник: разработано автором

Сравнительный анализ доставки нефти различными способами является ключевым для понимания логики формирования экспортных потоков нефти, трубопроводный транспорт, являясь основным для России, обладает неоспоримыми преимуществами в виде низкой операционной стоимости на единицу продукции и высокой регулярности поставок, не зависящей от погодных условий. Трубопровод идеален для стабильных, долгосрочных контрактов с крупными потребителями, но его главными недостатками являются чрезвычайно высокая первоначальная инвестиционная нагрузка, длительные сроки строительства и, что наиболее важно в современных условиях, жесткая привязка к конкретной географической трассе, что лишает экспортера гибкости: «Проблема коммуникаций – одна из важнейших при транспортировке углеводородов. Она включает два основных момента: за-

траты на реализацию проекта и гарантии безопасности» [3, с. 120]. В отличие от трубопроводного транспорта, морские перевозки танкерами, хотя и сопряжены с более высокими переменными издержками (фрахт, страхование), предоставляют экспортеру неограниченную свободу маневра, так как танкер можно перенаправить в любой порт мира в зависимости от конъюнктуры рынка и ценовых условий, что делает морские перевозки оптимальным инструментом для работы на спотовых рынках и в условиях санкционного давления, когда традиционные маршруты закрываются: «В условиях санкций Международный транспортный коридор «Север-Юг» может стать спасательным кругом для транспортной отрасли и экономики России, а в перспективе поменять мировую логистику глобальных транспортных потоков» [4]. Железнодорожные перевозки занимают промежуточное положение, выступая часто как вынужденная мера при отсутствии трубопроводной инфраструктуры или для поставок в удаленные регионы, но их рентабельность резко падает, когда речь идет о внешнеэкономической деятельности: «...сама по себе железная дорога и перевозки железнодорожных путей сообщения не в состоянии обеспечить полное транспортное обслуживание внешнеэкономической деятельности. То есть железнодорожный транспорт должен быть вписан в единую транспортную инфраструктуру и развитие его должно быть связано и с другими видами транспорта» [5] – таблица 2.

Таблица 2
Сравнительный анализ типов инфраструктуры по обеспечению экспорта нефти

Тип инфраструктуры	Пропускная способность	Гибкость	Капиталоемкость	Операционные расходы	Влияние внешних факторов
Магистральные нефтепроводы	Очень высокая	Низкая	Очень высокая	Низкие	Высокая зависимость от геополитики транзитных стран.
Морские нефтеналивные терминалы	Высокая	Высокая	Высокая	Средние	Зависит от санкций, ледовой обстановки, работы порта.
Танкерный флот	Переменная (зависит от количества судов)	Очень высокая	Высокая (приобретение/фрахт)	Высокие (фрахт, топливо, страхование)	Сильно зависит от санкций, военно-политической обстановки на морях.
Железнодорожные наливные	Средняя	Средняя	Средняя	Высокие	Зависит от тарифной политики РЖД и

Тип инфраструктуры	Пропускная способность	Гибкость	Капиталоемкость	Операционные расходы	Влияние внешних факторов
эстакады					загруженности путей.

Источник: разработано автором

В декабре 2022 года странами G7 и ЕС был введен так называемый «потолок цен» [6] на российскую морскую нефть, а позднее и на производные - нефтепродукты. Данная мера, имеющая своей заявленной целью сокращение доходов России от экспорта энергоносителей, оказала колоссальное негативное воздействие на логистику российского нефтяного экспорта. Произошла кардинальная перестройка логистических маршрутов. Если ранее основным направлением для нефти Urals была Европа, то после «потолка цен» ее место заняли Индия, Китай и Турция, что привело к значительному удлинению морских плеч, а среднее расстояние перевозки российской нефти танкерами увеличилось более чем в два раза. Изменилась сама структура и логика обеспечения этих перевозок, так как для обхода санкций и условий «потолка цен» был сформирован так называемый «теневой» или «призрачный» флот [7] – совокупность старых танкеров, часто с неясной собственностью и страховкой, которые осуществляют перевозки российской нефти, что повлекло за собой рост фрахтовых ставок для таких перевозок и повысило экологические риски. Возросла нагрузка на инфраструктуру, ориентированную на восточное и южное направления, так терминалы в портах Козьмино, Находка и на Черном море работают с высокой загрузкой, в то время как инфраструктура, ранее обслуживавшая Европу (например, часть мощностей порта Усть-Луга), требует перепрофилирования.

С учетом современных реалий дальнейшее развитие логистических маршрутов экспорта российской нефти видится в нескольких ключевых направлениях. Первостепенное значение имеет ускоренное развитие Восточного направления, что включает в себя не только наращивание пропускной способности нефтепровода ВСТО и терминала в Козьмино, но и развитие портовой инфраструктуры в заливе Находка и на Сахалине. Вторым стратегическим направлением является Арктика - развитие Северного морского пути и строительство новых ледоколов позволяет сократить время доставки в Азию и диверсифицировать риски, но данный маршрут сопряжен с высокими затратами и серьезными климатическими вызовами [9]. Также важным направлением является усиление южного коридора, в частности, через Каспийское море с дальнейшей перевалкой на трубопроводы, идущие в сторону Турции и средиземноморских рынков - это требует развития портов в Махачкале и сотрудничества с прикаспийскими государствами. Четвертым аспектом развития логистических маршрутов является развитие перевалочной инфраструктуры для нефтепродуктов, спрос на которые остается высоким, в том числе в странах Африки и Латинской Америки [10].

Удлинение логистических цепочек и рост транспортных издержек напрямую съедают доходы экспортеров, поддерживая этот дисконт на высоком уровне, то есть остро стоит вопрос технологического развития инфраструктуры. Существующие трубопроводные системы требуют модернизации для повышения их эффективности, проблема состоит в отсутствии как методологического,

так и прикладного аппарата оценки оптимальных маршрутов и экономических стратегий: «...характерологическая проблема современного социологического и экономического знания состоит в практически полном отсутствии эквивалентной действительности объяснительной силы выдвигаемых теорий» [8]. Также актуальной является тема цифровизации логистических цепочек, внедрения систем отслеживания и управления поставками в реальном времени для оптимизации затрат и повышения прозрачности в условиях работы с новыми партнерами.

Заключение

Логистическая система маршрутов экспорта российской нефти и нефтепродуктов переживает период структурной перестройки, вызванной внешнеполитическими факторами санкционного давления. Ключевым трендом является стремительная переориентация товарных потоков с западного на восточное направление, а также на рынки Ближнего Востока, Южной Азии и Африки, который тем не менее сталкивается с серьезными инфраструктурными ограничениями - недостаточную пропускную способность трубопроводной системы ВСТО и портовых терминалов Дальнего Востока. Введенный западными странами «потолок цен» стал катализатором формирования параллельной логистической и финансовой системы, основанной на использовании «теневого» танкерного флота и альтернативных схемах расчетов, что привело к существенному удорожанию логистики и росту операционных рисков. Перспективы развития логистических маршрутов России связаны с дальнейшей диверсификацией, включая форсированное развитие Восточного и Арктического направлений, а также усиление позиций на Каспии. Эффективность подобной логистической стратегии будет зависеть от способности России осуществить масштабные инфраструктурные проекты в сжатые сроки, обеспечить технологическое развитие транспортного комплекса и выстроить устойчивые партнерские отношения с недружественными странами. Резюмируя можно сделать вывод, что устойчивость российского нефтяного экспорта в новых условиях будет определяться не столько объемами добычи, сколько гибкостью, эффективностью и адаптивностью его логистической составляющей.

Литература

1. Родина Л. А. Нефтяная отрасль России: источник богатства и проблем налогообложения // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. - 2007. - № 1. - С. 8-13. EDN LSPOSN.
2. Кардашова М. А. Г., Далгатова И. Д. Перспективы развития транспортной логистики // Региональные проблемы преобразования экономики. - 2016. - № 9(71). - С. 69-75. EDN YIYCUL.
3. Рубан Л. С. Трубопроводы как механизм Восточной энергетической политики России // АТР глазами экспертов (международная экспертиза 2005-2019 гг.). – Москва: федеральное государственное бюджетное учреждение науки институт социально-политических исследований российской академии наук, - 2019. - С. 120-135. EDN FGBCQD.
4. Российская Логистика под санкциями и антисанкционная Логистика / П. В. Куренков, Е. А. Герасимова, В. Т. Волгов [и др.] // Социально-экономический и гуманитарный журнал. - 2023. - № 3(29). - С. 117-126. DOI 10.36718/2500-1825-2023-3-117-126. EDN PNEHJW.
5. Резник К. Н., Диков А. А. Железнодорожные перевозки грузов и их роль для внешней торговли страны // Альманах «Крым». - 2023. - Т. 3. - № 37. - С. 66-73. URL: <https://etnosocium.ru/sites/default/files/Krim37.pdf#page=66> (дата обращения 08.11.2025)

6. Магомедов А. Э. Анализ изменений внешнеэкономической деятельности Российской Федерации и их влияние на управление нефтегазодобывающими компаниями // Human Progress. - 2025. - Т. 11, - № 4. DOI 10.46320/2073-4506-2025-4a-3. EDN VZKFUE.

7. Юшков И. В. Трансформация российской нефтяной отрасли в 2022-2023 годах // Геоэкономика энергетики. - 2024. - Т. 25. - №. 1. - С. 18-32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-rossiyskoy-neftyanoy-otrasli-v-2022-2023-godah> (дата обращения: 08.11.2025)

8. Хайруллин В. А., Масалимов Р. Б., Равочкин Н. Н. Труд и полезность // Дискуссия. - 2024. - № 12(133). - С. 174-189. DOI 10.46320/2077-7639-2024-12-133-174-188. EDN SYUXRV.

9. Pototskaya T.I., Gnezdova Y.V. Russia's Arctic Oil Transportation Export Strategy. In: Pak, E.V., Krivtsov, A.I., Zagrebelnaya, N.S. (eds) The Handbook of the Arctic. Palgrave Macmillan, Singapore. 2022. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9250-5_18-1

10. Viktorovna B. V., Suleymanovna T. T., Nikolaevich B. A. Configuration of Logistics Supply Chains in Oil And Gas Industry in Russia. in D. K. Bataev (Ed.), Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism» Dedicated to the 80th Anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich, vol 92. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 3410-3416). European Publisher. 2020. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.05.453>

Developing logistics routes and infrastructure for oil and petroleum product exports from Russia: challenges and prospects

Mustafayev Tofiq Gunduz oglu

Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The relevance of this study stems from the fundamental importance of the oil and gas sector for the Russian national economy, driven by the unprecedented transformation of the global energy market caused by geopolitical shifts and Western sanctions policies. The object of this study is the Russian oil and petroleum product export system. It examines the logistics routes and infrastructure supporting these exports, as well as their adaptation to modern challenges. The objective of this study is to comprehensively analyze the evolution, current state, and development prospects of logistics chains and infrastructure support for Russian oil exports. The study identified key trends in the reorientation of commodity flows from traditional Western destinations to markets in Asia, as well as Latin America and Africa. It also established that the main negative factors for oil exports are infrastructure constraints related to pipeline and terminal capacity, as well as rising logistics costs due to the extension of routes and value chains. Promising areas for the development of logistics routes have been identified, including accelerated route diversification, modernization and expansion of port and pipeline infrastructure, and deepening cooperation with friendly countries through new payment formats and logistics schemes.

Keywords: sanctions pressure, budget revenues, transport system, pipeline transportation, maritime transportation, price ceilings.

References

1. Rodina L. A. Russia's Oil Industry: Source of Wealth and Taxation Problems // Bulletin of Omsk University. Series: Economics. - 2007. - No. 1. - Pp. 8-13. EDN LSPOSN.
2. Kardashova M. A. G., Dalgatova I. D. Prospects for the Development of Transport Logistics // Regional Problems of Economic Transformation. - 2016. - No. 9(71). - Pp. 69-75. EDN YIYUL.
3. Ruban L. S. Pipelines as a Mechanism of Russia's Eastern Energy Policy // Asia-Pacific through the Eyes of Experts (international examination 2005-2019). - Moscow: Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences, - 2019. - Pp. 120-135. EDN FGBCQD.
4. Russian Logistics under Sanctions and Anti-Sanctions Logistics / P. V. Kurenkov, E. A. Gerasimova, V. T. Volov [et al.] // Socio-Economic and Humanitarian Journal. - 2023. - No. 3 (29). - P. 117-126. DOI 10.36718/2500-1825-2023-3-117-126. EDN PNEHJW.
5. Reznik K. N., Dikov A. A. Railroad Freight Transportation and Its Role for the Country's Foreign Trade // Almanac "Crimea". - 2023. - Vol. 3. - No. 37. - P. 66-73. URL: <https://etnosocium.ru/sites/default/files/Krim37.pdf#page=66> (date accessed 08.11.2025)
6. Magomedov A. E. Analysis of changes in foreign economic activity of the Russian Federation and their impact on the management of oil and gas producing companies // Human Progress. - 2025. - Vol. 11, - No. 4. DOI 10.46320/2073-4506-2025-4a-3. EDN VZKFUE.
7. Yushkov I. V. Transformation of the Russian oil industry in 2022-2023 // Geoeconomics of Energy. - 2024. - Vol. 25. - No. 1. - P. 18-32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-rossiyskoy-neftyanoy-otrasli-v-2022-2023-godah> (accessed: 08.11.2025)
8. Khairullin V. A., Masalimov R. B., Ravochkin N. N. Labor and Utility // Discussion. - 2024. - No. 12 (133). - P. 174-189. DOI 10.46320/2077-7639-2024-12-133-174-188. EDN SYUXRV.
9. Pototskaya T. I., Gnezdova Y. V. Russia's Arctic Oil Transportation Export Strategy. In: Pak, E. V., Krivtsov, A. I., Zagrebelnaya, N. S. (eds) The Handbook of the Arctic. Palgrave Macmillan, Singapore. 2022. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9250-5_18-1
10. Viktorovna B. V., Suleymanovna T. T., Nikolaevich B. A. Configuration of Logistics Supply Chains in Oil And Gas Industry in Russia. in D. K. Bataev (Ed.), Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism" Dedicated to the 80th Anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich, vol 92. European Proceedings of Social and Behavioral Sciences (pp. 3410-3416). European Publisher. 2020. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.05.453>

Цифровое неравенство и перспективы развития информационного общества в российских регионах

Нуйкина Елена Юрьевна

к.э.н., доцент, доцент кафедры статистики и эконометрики, Самарский государственный экономический университет, nuikina1973@mail.ru,

Куртянык Михаил Сергеевич

преподаватель кафедры финансов и учёта, Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи, kurytanyk_m_s_11@mail.ru,

Загородняя Юлия Владимировна

доцент кафедры экономики и международных отношений, Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи, zagorodnyaya22@yandex.ru,

Реди Елена Владимировна

доцент, доцент ВАК, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, russlen90@mail.ru

Переход к информационному обществу характеризуется широким использованием цифровых технологий в экономике, политике, образовании и повседневной жизни. Россия является крупнейшим в мире государством по площади своей территории, в составе которого многочисленны регионы – субъекты Федерации – существенно различаются друг от друга как по своим социально-экономическим характеристикам, так и по возможностям в области информационных технологий. Все это создает предпосылки для возникновения цифрового неравенства, которое проявляется в том, что российские регионы имеют разный уровень цифровизации. Цифровое неравенство становится серьезным препятствием на пути устойчивого экономического роста и социального прогресса, негативно сказываясь на конкурентоспособности отдельных территорий и всей страны в целом. В статье представлена оценка уровня цифрового неравенства и перспектив развития информационного общества в российских регионах. Используются данные Рейтинга цифровизации и внедрения искусственного интеллекта в регионах России за 2025 г. Выделены особенности регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров по уровню развитию цифровизации. Определены тенденции цифровой трансформации российских регионов.

Ключевые слова: информационная экономика, информационное общество, искусственный интеллект, региональная дифференциация, региональная информатизация, цифровизация регионов, цифровое неравенство, электронное правительство.

Введение

Мы живем в мире, управляемом цифровыми технологиями, где одни сообщества, регионы и страны обеспечены высококачественной широкополосной связью, высокоскоростным Интернетом, а другие – могут иметь ограничения в доступе к этим цифровым «благам цивилизации» [1, С. 215]. Цифровое неравенство может быть связано как с уровнем цифровой грамотности, так и с такими демографическими характеристиками, как возраст (пожилые люди не столь быстро обучаются новым технологиям). Кроме того, существует определенный цифровой разрыв между городом и деревней, т.е. городскими и сельскими территориями, поскольку проникновение высокоскоростного Интернета требует создания соответствующей инфраструктуры, которой на селе просто нет.

Российская Федерация, являясь крупнейшим в мире государством, также сталкивается с проблемой цифрового неравенства и развития цифрового общества в контексте обеспечения всех субъектов Федерации равными цифровыми возможностями.

В современных научных исследованиях цифровое неравенство рассматривается как одна из сторон цифровой экономики [2]. А. М. Орехов, Н. А. Чубаров обращают внимание на то, что «цифровое неравенство может проявляться в различных формах, таких как доступ к информации, технологиям и ресурсам, а также в возможностях для участия в цифровой экономике», что «может приводить к усилению социальных неравенств и ограничению возможностей для развития личности и общества в целом» [3]. По мнению Д. Б. Яхяева, в целях преодоления цифрового неравенства необходима активизация роли государства, бизнеса, науки [4]. Т. Р. Арамисов отмечает наличие устойчивой связи «между институциональными возможностями регионов и глубиной цифровой трансформации» и подчеркивает «необходимость культурной адаптации цифровых сервисов и развития инфраструктуры на отдаленных и этнически неоднородных территориях» [5]. А. В. Аксянова, Ю. П. Александровская, Г. А. Гадельшина пишут о том, что «цифровое неравенство может порождать разный уровень цифровой культуры, что может выражаться не только в наличии или отсутствии определенных ключевых компетенций в управлении данными, но и в дискриминационном или недискриминационном доступе к ресурсам, обеспечивающим жизнедеятельность хозяйствующего субъекта» [6, С. 6]. М. А. Квасникова предлагает различные пути преодоления цифрового разрыва российских регионов, включая развитие электронного правительства для максимально широкого доступа населения к информации, повышение информационной грамотности общества, повышение информационной культуры населения, а также развитие инфраструктуры связи для создания единого инфокоммуникационного пространства [7]. М. А. Хажеева, П. Е. Емельянова, анализируя проблемы цифрового неравенства в Российской Федерации, приходят к выводу о его устойчивом центр-периферийном характере, при котором «высокий уровень инфраструктуры концентрируется в столичных агломерациях и крупных экономических центрах, в то время как сельские территории, отдаленные регионы и национальные республики сталкиваются с критическим дефицитом доступа и низким качеством связи» [8]. Н. Ю. Сорокина в своем исследовании приходит к более позитивным результатам, делая вывод о том, что «во-первых, масштабы цифрового неравенства в доступе к сети Интернет в пространственном аспекте существенно сократились; во-вторых, неравенство,

обусловленное различиями в специфике использования информационных технологий, значительно выше неравенства в доступе населения к сети Интернет; в-третьих, уровень использования сети Интернет для получения государственных и муниципальных услуг выше, чем для заказа прочих товаров и услуг» [9]. Интерес также представляют выводы, сделанные М. Н. Дудиным, С. В. Шкодинским, Д. И. Усмановым, о том, что цифровое неравенство не оказывает определяющего влияния на уровень социально-экономического развития регионов России, хотя «определенная связь между явлениями присутствует» [10]. И. С. Шелудяков, Е. Н. Лебедева Красса отмечают, что «различные регионы страны в различной степени интегрированы в цифровую экономику: наблюдается неравенство в доступе к сети Интернет и неравенство в степени интенсивности использования информационно-коммуникационных технологий населением и хозяйствующими субъектами», при этом «величина цифрового разрыва постепенно сокращается: показатели цифровизации регионов-лидеров и отстающих регионов постепенно сближаются» [11].

Многие эксперты сходятся во мнении по поводу того, что для нивелирования цифрового неравенства российских регионов необходимо обеспечить развитие в них информационного общества и электронного правительства. Об этом пишут такие ученые, как О. А. Алексеева [12], А. М. Носонов [13, 14], М. С. Яковлева, Т. Н. Афанасьева [15] и др.

По итогам анализа дифференциации регионов России по уровню развития информационного общества М. В. Кагирова, Р. С. Гайсин приходят к выводу о том, что «формирование полноценного эффективного информационного общества и цифровой экономики в России с учетом огромных масштабов территории страны возможно только при условии выровненных показателей по регионам, поскольку высокая степень дифференциации населения регионов с точки зрения возможности доступа к цифровым ресурсам (цифровой инфраструктуры), наличия компетенций в сфере пользования ими существенно ограничивает возможности накопления и распространения знания (информации), замедляет инновационные процессы, что приводит к общему снижению уровня конкурентоспособности страны в условиях глобальной цифровизации экономики» [16]. По мнению Е. Н. Клочковой, «развитие информационного общества в России имеет как естественные преимущества, так и объективно существующие сложности, обусловленные географическим положением и площадью нашей страны, диспропорциями в социально-экономическом развитии регионов» [17]. Е. А. Конопацкая, Н. Ю. Свечникова, Е. В. Погорелова предлагают рассматривать информационное общество как условие формирования инновационной экосистемы в регионах [18]. З. А. Расулов акцентирует внимание на том, что «информационная региональная политика выступает как регулятор формирования и развития информационно-политического потенциала региона» [19].

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы оценить уровень цифрового неравенства и перспективы развития информационного общества в российских регионах.

Основная часть

Процесс цифровой трансформации регионов Российской Федерации приобретает устойчивый характер, охватывая широкий спектр направлений и формируя новую технологическую основу социально-экономической динамики [20].

Для оценки уровня цифрового неравенства и перспектив развития информационного общества в российских регионах, на наш взгляд, представляется возможным использовать данные Рейтинга цифровизации и внедрения

искусственного интеллекта в регионах России (далее – Рейтинг), разработанного IT-медиахолдингом «Регионы России» [20]. Рейтинг рассчитан на основе 20 индикаторов, агрегированных по указанным 9 направлениям:

1. Инфраструктура.
2. Госуслуги.
3. Умный город.
4. Здравоохранение.
5. Образование.
6. Проекты ИИ.
7. Открытые данные.
8. Экономика и инновации.
9. Коммуникации.

Каждому региону присвоен итоговый балл по 100-балльной шкале. В Рейтинг вошли 85 субъектов Российской Федерации.

В таблице 1 представлены данные Рейтинга цифровизации и внедрения искусственного интеллекта в регионах России (январь – апрель 2025 г.) в разрезе девяти направлений. На рисунке 1 представлены 10 лучших регионов России по цифровизации и ИИ, а на рисунке 2 – 10 регионов-аутсайдеров по индексу цифровизации.

Таблица 1
Рейтинг цифровизации и внедрения искусственного интеллекта в регионах России (январь – апрель 2025 г.)

Рейтинг	Регион	Инфраструктура	Госуслуги	Умный город	Здравоохранение	Образование	Проекты ИИ	Открытые данные	Экономика и инновации	Коммуникации	Итог
1	Москва	9,7	14,0	9,5	9,7	9,1	9,4	5,0	14,2	14,4	95
2	Белгородская область	9,1	13,5	8,8	9,3	8,9	8,5	4,3	13,7	13,9	94
3	Республика Татарстан	8,9	13,0	8,5	9,0	8,7	8,8	4,0	13,5	12,6	92
4	Ямало-Ненецкий АО	8,5	12,8	8,1	8,7	8,1	8,2	3,7	12,8	12,1	90
5	Ханты-Мансийский АО – Югра	8,7	12,5	8,0	8,3	8,4	7,9	3,3	12,6	12,3	89
6	Челябинская область	8,4	12,2	7,9	8,5	8,0	7,8	3,5	12,3	11,8	88
7	Свердловская область	8,2	12,0	7,8	8,1	7,9	7,5	3,8	12,0	11,7	87
8	Санкт-Петербург	8,9	12,3	9,4	8,6	8,2	8,8	4,4	12,5	12,9	86
9	Московская область	8,5	12,8	7,7	8,0	8,1	7,1	3,9	11,9	12,0	85
10	Новосибирская область	8,1	11,8	7,5	7,9	7,6	8,2	3,6	11,7	11,6	84
11	Оренбургская область	8,0	11,5	7,4	7,7	7,8	7,3	3,2	11,5	12,1	83
12	Сахалинская область	8,3	11,1	7,2	7,5	7,4	7,1	3,5	11,0	10,9	82
13	Тюменская область	7,9	11,3	7,0	7,4	7,3	7,0	3,3	10,8	10,9	81
14	Нижегородская область	7,6	11,0	7,1	7,8	7,5	6,9	3,1	10,5	10,5	80
15	Томская область	7,4	10,8	6,8	7,1	7,7	7,4	3,2	10,3	10,3	79

16	Республика Башкортостан	7,8	10,5	6,6	7,4	7,0	6,7	3,0	10,7	10,3	78
17	Тульская область	7,5	10,2	6,5	6,9	6,8	6,6	2,9	10,2	9,6	77
18	Калужская область	7,3	10,0	6,4	6,8	6,7	6,5	2,8	10,0	9,5	76
19	Республика Саха (Якутия)	7,0	9,8	6,1	6,6	6,5	6,1	2,6	9,7	9,6	75
20	Пермский край	7,2	9,5	6,2	6,4	6,3	6,0	2,7	9,4	9,3	74
21	Самарская область	6,8	9,4	6,0	6,5	6,4	5,8	2,4	9,1	10,1	73
22	Калининградская область	7,0	9,1	5,9	6,1	6,0	5,9	2,5	9,3	9,6	72
23	Воронежская область	6,6	8,9	5,6	6,0	5,9	5,7	2,3	8,9	9,2	71
24	Ярославская область	6,4	8,7	5,5	5,8	5,7	5,5	2,2	8,8	9,4	70
25	Чувашская Республика	6,5	8,4	5,3	5,7	5,5	5,4	2,1	8,5	8,6	69
26	Ульяновская область	6,3	8,2	5,4	5,5	5,4	5,1	2,0	8,3	8,5	68
27	Республика Карелия	6,1	8,1	5,2	5,4	5,2	5,0	1,8	8,0	8,2	67
28	Краснодарский край	5,9	7,8	5,1	5,2	5,3	4,8	2,0	7,8	7,7	66
29	Красноярский край	6,0	7,6	5,0	5,1	5,0	4,7	1,9	7,9	7,8	65
30	Ленинградская область	5,8	7,7	4,9	4,9	4,8	4,5	1,7	7,7	7,5	65
31	Мурманская область	5,6	7,4	4,7	4,8	4,7	4,3	1,8	7,4	7,3	64
32	Республика Марий Эл	5,5	7,3	4,6	4,7	4,6	4,2	1,6	7,2	7,3	63
33	Республика Мордовия	5,4	7,1	4,5	4,8	4,5	4,1	1,5	7,1	7,5	63
34	Удмуртская Республика	5,3	7,0	4,4	4,6	4,4	3,9	1,7	6,9	6,8	62
35	Волгоградская область	5,4	6,8	4,3	4,5	4,3	3,8	1,4	6,7	6,8	62
36	Ростовская область	5,2	6,6	4,2	4,4	4,2	3,7	1,3	6,6	6,8	61
37	Республика Бурятия	5,1	6,5	4,1	4,3	4,0	3,6	1,2	6,5	6,7	61
38	Приморский край	5,0	6,3	4,0	4,2	3,9	3,5	1,4	6,3	6,4	60
39	Хабаровский край	4,8	6,2	3,9	4,0	3,8	3,4	1,3	6,1	6,5	60
40	Иркутская область	4,9	6,0	3,8	3,9	3,7	3,3	1,1	6,0	6,3	59
41	Смоленская область	4,7	5,9	3,6	3,8	3,6	3,1	1,0	6,1	6,2	59
42	Кировская область	4,6	5,7	3,5	3,7	3,5	3,0	1,2	5,8	5,8	58
43	Кемеровская область	4,5	5,5	3,4	3,6	3,4	2,9	1,3	5,7	5,7	58
44	Омская область	4,3	5,4	3,3	3,5	3,3	2,8	1,1	5,5	5,8	57
45	Республика Хакасия	4,4	5,3	3,2	3,4	3,1	2,7	1,0	5,6	5,9	57
46	Саратовская область	4,2	5,1	3,1	3,3	3,0	2,6	1,0	5,4	5,9	56
47	Липецкая область	4,1	5,0	3,0	3,2	2,9	2,5	0,9	5,3	5,8	55
48	Республика Коми	4,3	5,1	2,9	3,1	2,8	2,4	0,8	5,1	5,7	55

49	Архангельская область	4,0	4,8	2,8	3,0	2,7	2,3	0,7	5,0	5,7	54
50	Камчатский край	4,1	4,7	2,7	2,9	2,6	2,2	0,9	5,2	5,7	54
51	Магаданская область	3,9	4,6	2,6	2,8	2,5	2,1	0,6	4,9	5,3	53
52	Амурская область	3,8	4,5	2,5	2,7	2,4	2,0	0,7	4,8	5,4	53
53	Забайкальский край	3,7	4,3	2,4	2,6	2,3	1,9	0,7	4,6	5,0	52
54	Республика Дагестан	3,6	4,4	2,3	2,5	2,2	1,8	0,6	4,5	5,1	52
55	Ставропольский край	3,5	4,2	2,2	2,4	2,1	1,7	0,6	4,4	4,9	51
56	Кабардино-Балкарская Республика	3,4	4,1	2,1	2,3	2,0	1,6	0,5	4,3	4,7	51
57	Владимирская область	3,3	4,0	2,0	2,2	1,9	1,5	0,6	4,2	4,3	50
58	Пензенская область	3,2	3,9	1,9	2,1	1,8	1,4	0,5	4,1	4,5	50
59	Рязанская область	3,1	3,8	1,8	2,0	1,7	1,3	0,4	3,9	4,0	49
60	Брянская область	3,0	3,7	1,7	1,9	1,6	1,2	0,4	3,8	4,1	49
61	Курская область	2,9	3,5	1,7	1,8	1,5	1,1	0,4	3,7	4,2	48
62	Республика Адыгея	2,8	3,4	1,6	1,7	1,4	1,0	0,3	3,6	4,2	47
63	Республика Калмыкия	2,7	3,3	1,5	1,6	1,3	0,9	0,3	3,5	4,1	46
64	Орловская область	2,6	3,2	1,4	1,5	1,3	0,8	0,3	3,4	4,1	46
65	Вологодская область	2,5	3,1	1,3	1,5	1,2	0,8	0,2	3,3	4,1	45
66	Новгородская область	2,4	3,0	1,2	1,4	1,2	0,7	0,2	3,2	4,3	45
67	Республика Северная Осетия–Алания	2,3	2,9	1,2	1,3	1,1	0,7	0,2	3,1	4,2	44
68	Астраханская область	2,3	2,8	1,1	1,3	1,0	0,6	0,2	3,0	4,1	44
69	Ивановская область	2,2	2,7	1,0	1,2	0,9	0,6	0,2	2,9	4,3	43
70	Севастополь	2,1	2,6	0,9	1,2	0,9	0,5	0,1	2,8	4,2	43
71	Республика Крым	2,0	2,5	0,9	1,1	0,8	0,5	0,2	2,7	4,0	42
72	Костромская область	1,9	2,4	0,8	1,0	0,8	0,4	0,1	2,6	4,1	42
73	Чеченская Республика	2,1	2,3	0,7	1,0	0,7	0,4	0,2	2,5	4,2	41
74	Караево-Черкесская Республика	1,8	2,2	0,7	0,9	0,7	0,3	0,1	2,4	4,1	41
75	Республика Ингушетия	1,7	2,1	0,6	0,8	0,6	0,3	0,1	2,3	4,0	40
76	Алтайский край	1,6	2,0	0,7	0,9	0,6	0,3	0,1	2,2	3,9	40
77	Республика Алтай	1,5	1,9	0,5	0,7	0,5	0,2	0,1	2,1	3,9	39
78	Псковская область	1,4	1,8	0,6	0,8	0,5	0,2	0,1	2,0	3,9	39

79	Еврейская автономная область	1,3	1,7	0,5	0,7	0,4	0,2	0,1	1,9	3,8	38
80	Чукотский автономный округ	1,2	1,6	0,4	0,6	0,4	0,2	0,1	1,8	3,7	38
81	Ненецкий автономный округ	1,1	1,5	0,4	0,6	0,3	0,2	0,1	1,7	3,7	37
82	Курганская область	1,3	1,4	0,3	0,5	0,3	0,1	0,1	1,8	3,5	37
83	Тверская область	1,0	1,3	0,3	0,5	0,3	0,1	0,1	1,6	3,5	36
84	Тамбовская область	1,1	1,4	0,3	0,5	0,3	0,1	0,1	1,7	3,6	36
85	Республика Тыва	0,9	1,3	0,3	0,6	0,3	0,2	0,1	1,7	3,5	35

Примечание: Максимально возможные значения по направлениям: цифровая инфраструктура – 10, госуслуги – 15, умный город – 10, здравоохранение – 10, образование – 10, проекты ИИ – 10, открытые данные – 5, экономика и инновации – 15, коммуникации – 15 (сумма 100).

Источник: [20].

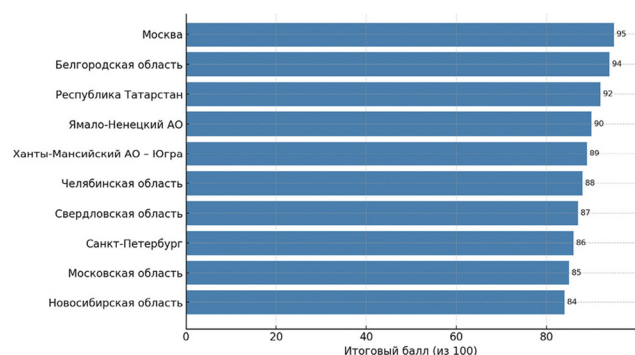

Рисунок 1. Топ-10 регионов России по цифровизации и ИИ (январь – апрель 2025 г.)

Источник: [20].

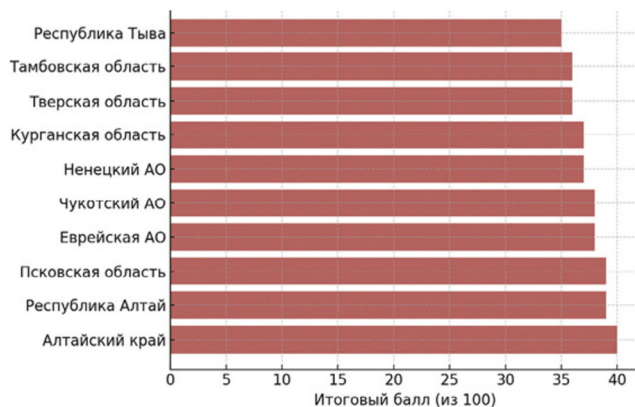

Рисунок 2. 10 регионов России с наименьшим индексом цифровизации (январь – апрель 2025 г.)

Источник: [20].

Анализ общих итогов Рейтинга цифровизации и внедрения искусственного интеллекта в регионах России за первый квартал 2025 г. позволяет сделать вывод о существенном разбросе уровней цифровизации субъектов Российской Федерации. Лидирующие позиции традиционно занимает столица – Москва, занимающая первое место с результатом в 95 баллов из возможных 100. Город демонстрирует высокий уровень оснащенности современной цифровой инфраструктурой, включая уникальные проекты в области искусственного интеллекта (например, городские платформы больших данных), а также признан мировым лидером в развитии концепции «умного города».

Второе место занимает Белгородская область с результатом в 94 балла, отличающаяся успешными проектами в сфере цифровых государственных услуг и эффективным муниципальным управлением. Показательно, что по итогам предыдущего периода (2024 г.) Белгородская область стала абсолютным чемпионом по показателям цифровой трансформации, получив максимальный балл в размере 56,53 из 60 возможных, обогнав даже более крупные регионы.

Третье место занял субъект, зарекомендовавший себя как один из пионеров цифровой революции – Республика Татарстан, набравшая 92 балла. Отличительной чертой Татарстана является сформированный и эффективно функционирующий ИТ-кластер в столице республики – городе Казань.

Четвертое и пятое места заняли Ямало-Ненецкий автономный округ (90 баллов) и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (89 баллов), обладая значительным природно-ресурсным потенциалом и успешно интегрируя передовые цифровые технологии в отдаленные районы. Далее следуют Челябинская область (88 баллов), Свердловская область (87 баллов), Санкт-Петербург (86 баллов), Московская область (85 баллов) и замыкающая десятку лидеров Новосибирская область (84 балла).

В нижней части Рейтинга находятся регионы, испытывающие значительные трудности в процессе цифровой трансформации. Последние строчки списка занимают Республика Тыва (35 баллов), занимающая 85-ю позицию, Тамбовская область (84-я позиция), Тверская область (83-я позиция), Курганская область (82-я позиция) и Ненецкий автономный округ (81-я позиция). Эти регионы характеризуются низким уровнем распространения качественного интернет-подключения, недостатком подготовленных специалистов в области информационно-коммуникационных технологий и незначительным числом запущенных цифровых проектов. Несмотря на имеющиеся проблемы, указанные регионы обладают минимальной необходимой информационной инфраструктурой (включая подключения к интернету учебных заведений и функционирование многофункциональных центров предоставления государственных услуг), что открывает возможности для ускорения цифровизации путем активного включения в федеральные целевые программы.

Полученные результаты свидетельствуют о значительных различиях в уровнях цифровой готовности российских регионов. В связи с этим существует необходимость разработки и реализации целенаправленной государственной политики, направленной на устранение цифрового разрыва и стимулирование ускоренного развития наименее продвинутых территорий.

По итогам первого квартала 2025 года можно выделить следующие ключевые тренды цифровой трансформации российских регионов:

1. Интенсивное развитие технологий искусственного интеллекта. Федеральные гранты стимулируют разработку и внедрение технологий ИИ в здравоохранении, сельском хозяйстве и управлении государственным сектором. Во многих регионах предпринимаются активные меры для освоения технологий ИИ, проводятся конкурсы по разработке соответствующих решений.

2. Формирование единых стандартов и платформ. Продолжается процесс нормализации и гармонизации методов и подходов к цифровизации, введения индекса цифровой зрелости регионов по различным критериям (использование электронных записей к врачу, процент электронных школьных документов и т.п.).

3. Минимизация цифрового разрыва. Национальные проекты способствуют устранению дифференциации в уровне цифровизации регионов, снижая разницу между

наиболее и наименее развитыми территориями. Современные цифровые услуги становятся доступными практически повсеместно, повышая уровень комфорта и благополучия граждан независимо от места жительства.

4. Повышение роли региональных команд по цифровой трансформации. Создание должностей заместителей губернаторов по цифровой трансформации (РЦТ) в регионах положительно сказывается на скорости принятия решений и усилении конкурентоспособности регионов. А регулярный обмен лучшими практиками ускоряет адаптацию новых технологий.

Итоговая картина такова: в 2025 г. цифровая трансформация в российских регионах вошла в стадию зрелости [20]. Регионы-лидеры укрепляют свои позиции за счет активной интеграции инноваций, регионы, занимающие средние позиции, «подтягиваются» путем заимствования удачных практик, а регионы-аутсайдеры получают значительную государственную поддержку для преодоления отставания.

Заключение

Современный этап цифровизации российского государства характеризуется выраженной неравномерностью темпов развития субъектов Российской Федерации: отдельные регионы демонстрируют стремительный рост цифровых технологий, тогда как другие существенно уступают в уровне цифровой зрелости вследствие ряда объективных либо субъективных факторов. Обеспечение устойчивого социально-экономического роста страны требует реализации стратегии пространственного выравнивания уровня цифрового развития регионов посредством формирования эффективных механизмов координации усилий органов власти различного уровня. Важнейшими направлениями здесь являются усиление интеграционных процессов внутри регионов, повышение эффективности взаимодействия между регионами, формирование комплексного подхода к распределению ресурсов и инвестиций, направленных на цифровизацию инфраструктуры и улучшение качества предоставления государственных услуг населению. Представляется важным создание условий для гармоничного развития всех территорий Российской Федерации в рамках внедрения инновационных цифровых решений, исключающих возникновение цифрового неравенства и обеспечивающих максимальную отдачу от осуществляемых мероприятий.

Литература

1. Pearce, A. The Digital Gap Still Exists, Generationally, Rurally, and Academically. Conference: ICETC'20: 2020 12th International Conference on Education Technology and Computers, 2020. – pp. 215-222. DOI: 10.1145/3436756.3437048.
2. Асланова, Л. О. Цифровое неравенство как одна из сторон цифровой экономики / Л. О. Асланова // Вестник СКФО: право и экономика. – 2022. – № 3(23). – С. 10-15. – EDN GHYWUS.
3. Орехов, А. М. Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы / А. М. Орехов, Н. А. Чубаров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28, № 1. – С. 260-272. – DOI 10.22363/2313-2302-2024-28-1-260-272. – EDN CPGPPX.
4. Яхьяев, Д. Б. Институциональное обеспечение развития цифровой инфраструктуры и преодоления цифрового неравенства в России / Д. Б. Яхьяев // Финансовые рынки и банки. – 2025. – № 7. – С. 542-547. – EDN AKPCSF.
5. Арамисов, Т. Р. Социальное государство в цифровую эпоху: цифровые возможности или цифровое неравенство / Т. Р. Арамисов // Цифровая социология. – 2025.

– Т. 8, № 2. – С. 27-44. – DOI 10.26425/2658-347X-2025-8-2-27-44. – EDN UOKNEO.

6. Аксянова, А. В. К вопросу о цифровом неравенстве регионов Российской Федерации / А. В. Аксянова, Ю. П. Александровская, Г. А. Гадельшина // Управление устойчивым развитием. – 2021. – № 6(37). – С. 5-13. – EDN IXYXMG.

7. Квасникова, М. А. Цифровое неравенство и его влияние на социально-экономическое развитие регионов в России / М. А. Квасникова // Социально-политические исследования. – 2020. – № 1(6). – С. 43-58. – DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6-43-58. – EDN YTOXWC.

8. Хажеева, М. А. Цифровое неравенство в регионах РФ: проблема доступа / М. А. Хажеева, П. Е. Емельянова // Международные научные исследования. – 2025. – № 3-4(64-65). – С. 32-37. – DOI 10.34925/JISR.2025.65.4.004. – EDN QFMNVB.

9. Сорокина, Н. Ю. Проблема цифрового неравенства населения регионов Российской Федерации / Н. Ю. Сорокина // Уровень жизни населения регионов России. – 2025. – Т. 21, № 3. – С. 447-460. – DOI 10.52180/1999-9836_2025_21_3_8_447_460. – EDN KCVCXI.

10. Дудин, М. Н. Оценка влияния цифрового неравенства на уровень социально-экономического развития регионов Российской Федерации / М. Н. Дудин, С. В. Шкодинский, Д. И. Усманов // Вопросы инновационной экономики. – 2021. – Т. 11, № 3. – С. 961-984. – DOI 10.18334/vines.11.3.113452.

11. Шелудяков, И. С. Цифровое неравенство в регионах России: проблемы и пути их преодоления / И. С. Шелудяков, Е. Н. Лебедева Красса // Прогрессивная экономика. – 2023. – № 2. – С. 23-43. – DOI 10.54861/27131211_2023_2_23. – EDN JMNEQU.

12. Алексеева, О. А. Информационное общество: цифровое неравенство российских регионов / О. А. Алексеева // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 11(169). – С. 7-13. – DOI 10.26726/rppe2024v11istdi. – EDN LHNVRV.

13. Носонов, А. М. Формирование информационного общества в регионах России / А. М. Носонов // Регионоведение. – 2016. – № 4(97). – С. 114-126. – EDN XEJOZT.

14. Носонов, А. М. Типология уровня развития информационного общества в России / А. М. Носонов // Современные проблемы территориального развития. – 2017. – № 1. – С. 7. – EDN YTCEUP.

15. Яковлева, М. С. Формирование информационного общества: проблемы развития электронного правительства в регионах России / М. С. Яковлева, Т. Н. Афанасьева // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2012. – Т. 2, № 8. – С. 413-414. – EDN TAPQBN.

16. Кагирова, М. В. Анализ дифференциации регионов России по уровню развития информационного общества / М. В. Кагирова, Р. С. Гайсин // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). – 2019. – № 4. – С. 25-31. – EDN ZMSCIM.

17. Ключкова, Е. Н. Методологические подходы к оценке межрегиональной дифференциации по уровню развития информационного общества / Е. Н. Ключкова // Системное управление. – 2016. – № 1(30). – С. 18. – EDN VSXUON.

18. Конопацкая, Е. А. Информационное общество как условие формирования инновационной экосистемы в регионах / Е. А. Конопацкая, Н. Ю. Свечникова, Е. В. Погорелова // Интернет-журнал Науковедение. – 2016. – Т. 8, № 1(32). – С. 50. – DOI 10.15862/55EVN116. – EDN VVNSQF.

19. Расулов, З. А. Информационное неравенство регионов Российской Федерации и информационная политика (как факторы формирования информационного обще-

ства) / З. А. Расулов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 2(26). – С. 42-49. – EDN RNAXZV.

20. Рейтинг цифровизации и внедрения ИИ в регионах России (январь–апрель 2025 года) // Сетевое издание «Регионы Онлайн», 2025. URL: <https://www.gosrf.ru/rejting-czifrovizaczii-i-vnedreniya-ii-v-regionah-rossii-yanvar-aprel-2025-goda> (дата обращения: 11.02.2025).

Digital inequality and prospects for the development of the information society in Russian regions

Nuikina E.Y., Kurtyanyk M.S., Zagorodniya J.V., Redi E.V.

Samara State University of Economics, Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The transition to an information society is characterized by the widespread use of digital technologies in economics, politics, education, and everyday life. Russia is the world's largest state in terms of the area of its territory, which includes numerous regions – subjects of the Federation – which differ significantly from each other both in their socio-economic characteristics and in their capabilities in the field of information technology. All this creates prerequisites for the emergence of digital inequality, which is manifested by the fact that Russian regions have different levels of digitalization. Digital inequality is becoming a serious obstacle to sustainable economic growth and social progress, negatively affecting the competitiveness of individual territories and the entire country. The article presents an assessment of the level of digital inequality and the prospects for the development of the information society in the Russian regions. The data of the Rating of digitalization and the introduction of artificial intelligence in the regions of Russia for 2025 were used. The peculiarity of the leading regions and outsider regions in terms of the level of digitalization development is highlighted. The trends of digital transformation of Russian regions have been identified.

Keywords: information economy, information society, artificial intelligence, regional differentiation, regional informatization, digitalization of regions, digital inequality, electronic government.

References

- Pearce, A. The Digital Gap Still Exists, Generationally, Rurally, and Academically. Conference: ICETC'20: 2020 12th International Conference on Education Technology and Computers, 2020. – pp. 215-222. DOI: 10.1145/3436756.3437048.
- Aslanova, L. O. Digital Inequality as One of the Aspects of the Digital Economy / L. O. Aslanova // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. – 2022. – No. 3(23). – pp. 10-15. – EDN GHYWUS.
- Orekhov, A. M. Digital inequality and digital justice: socio-philosophical aspects of the problem / A. M. Orekhov, N. A. Chubarov // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy. – 2024. – Vol. 28, No. 1. – Pp. 260-272. – DOI 10.22363/2313-2302-2024-28-1-260-272. – EDN CPGPPX.
- Yakhyayev, D. B. Institutional support for the development of digital infrastructure and overcoming the digital divide in Russia / D. B. Yakhyayev // Financial markets and banks. – 2025. – No. 7. – Pp. 542-547. – EDN AKPCSF.
- Aramisov, TR Welfare State in the Digital Age: Digital Opportunities or Digital Inequality / TR Aramisov // Digital Sociology. – 2025. – Vol. 8, No. 2. – Pp. 27-44. – DOI 10.26425/2658-347X-2025-8-2-27-44. – EDN UOKNEO.
- Aksyanova, AV On the Issue of Digital Inequality in the Regions of the Russian Federation / AV Aksyanova, Yu. P. Aleksandrovskaya, GA Gadelshina // Sustainable Development Management. – 2021. – No. 6 (37). – Pp. 5-13. – EDN IXXYMG.
- Kvasnikova, M. A. Digital inequality and its impact on the socio-economic development of regions in Russia / M. A. Kvasnikova // Socio-political studies. – 2020. – No. 1 (6). – P. 43-58. – DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6-43-58. – EDN YTOXWC.
- Khazheeva, M. A. Digital inequality in the regions of the Russian Federation: the problem of access / M. A. Khazheeva, P. E. Emelyanova // International scientific research. – 2025. – No. 3-4 (64-65). – P. 32-37. – DOI 10.34925/JISR.2025.65.4.004. – EDN QFMNVB.
- Sorokina, N. Yu. The problem of digital inequality of the population of the regions of the Russian Federation / N. Yu. Sorokina // Standard of living of the population of the regions of Russia. – 2025. – Vol. 21, No. 3. – Pp. 447-460. – DOI 10.52180/1999-9836_2025_21_3_8_447_460. – EDN KCVCXI.
- Dudin, M. N. Assessing the impact of digital inequality on the level of socio-economic development of the regions of the Russian Federation / M. N. Dudin, S. V. Shkodinsky, D. I. Usmanov // Issues of innovation economics. – 2021. – Vol. 11, No. 3. – Pp. 961-984. – DOI 10.18334/vinec.11.3.113452.
- Sheludyakov, I. S. Digital inequality in the regions of Russia: problems and ways to overcome them / I. S. Sheludyakov, E. N. Lebedeva Krassa // Progressive Economy. – 2023. – No. 2. – Pp. 23-43. – DOI 10.54861/27131211_2023_2_23. – EDN JMNEQU.
- Alekseeva, O. A. Information society: digital inequality of Russian regions / O. A. Alekseeva // Regional problems of economic transformation. – 2024. – No. 11(169). – Pp. 7-13. – DOI 10.26726/rppe2024v11istdi. – EDN LHNVRV.
- Nosonov, A. M. Formation of the information society in the regions of Russia / A. M. Nosonov // Regionology. – 2016. – No. 4(97). – Pp. 114-126. – EDN XEJOZT.
- Nosonov, A. M. Typology of the level of development of the information society in Russia / A. M. Nosonov // Modern problems of territorial development. – 2017. – No. 1. – Pp. 7. – EDN YTCEUP.
- Yakovleva, M. S. Formation of the information society: problems of e-government development in the regions of Russia / M. S. Yakovleva, T. N. Afanasyeva // Actual problems of aviation and cosmonautics. – 2012. – Vol. 2, No. 8. – Pp. 413-414. – EDN TAPQBN.
- Kagirova, M. V. Analysis of the differentiation of Russian regions by the level of development of the information society / M. V. Kagirova, R. S. Gaysin // IPB Bulletin (Bulletin of Professional Accountants). – 2019. – No. 4. – Pp. 25-31. – EDN ZMSCIM.
- Klochova, E. N. Methodological approaches to assessing interregional differentiation by the level of development of the information society / E. N. Klochkova // System management. – 2016. – No. 1 (30). – P. 18. – EDN VSXUON.
- Konopatskaya, E. A. Information society as a condition for the formation of an innovative ecosystem in the regions / E. A. Konopatskaya, N. Yu. Svechnikova, E. V. Pogorelova // Internet journal Naukovedenie. – 2016. – Vol. 8, No. 1 (32). – P. 50. – DOI 10.15862/55EVN116. – EDN VVNSQF.
- Rasulov, Z. A. Information inequality of the regions of the Russian Federation and information policy (as factors in the formation of an information society) / Z. A. Rasulov // News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. – 2013. – No. 2 (26). – P. 42-49. – EDN RNAXZV.
- Rating of digitalization and implementation of AI in the regions of Russia (January–April 2025) // Online publication "Regions Online", 2025. URL: <https://www.gosrf.ru/rejting-czifrovizaczii-i-vnedreniya-ii-v-regionah-rossii-yanvar-aprel-2025-goda> (date of access: 11.02.2025).

Оценка эффективности существующих программ и механизмов поддержки моногородов Российской Федерации

Пальянов Даниил Сергеевич

аспирант, кафедра государственного и территориального управления, СПбГЭУ, palyanovdaniil@yandex.ru

В статье проводится комплексный анализ результативности государственной политики в отношении монопрофильных муниципальных образований (моногородов) Российской Федерации. Рассматривается эволюция инструментов поддержки от создания специализированного Фонда до внедрения механизмов территорий опережающего развития. Особое внимание уделяется оценке эффективности мер с точки зрения диверсификации экономики, создания рабочих мест, не связанных с градообразующими предприятиями, и изменения качества жизни населения. На основе статистических данных Министерства экономического развития, информации государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» и экспертных заключений профильных институтов выявлены структурные противоречия действующего подхода. Обсуждается необходимость перехода от унифицированной модели поддержки к дифференцированной стратегии, учитывающей агломерационный потенциал и типологию монопрофильных поселений. Сформулированы предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы и институциональной структуры управления развитием моногородов в контексте новой Стратегии пространственного развития Российской Федерации.

Ключевые слова: моногорода, монопрофильные муниципальные образования, градообразующее предприятие, государственная поддержка, территории опережающего развития.

Феномен монопрофильных городов является специфическим наследием индустриализации и административно-командной системы хозяйствования советского периода. Возникшие как «соцгорода» при крупных промышленных гигантах, эти поселения изначально создавались в логике производственной целесообразности, где социальная инфраструктура и жизнь людей были подчинены нуждам одного или нескольких технологически связанных предприятий. Переход к рыночной экономике обнажил уязвимость такой модели: остановка градообразующего предприятия или падение спроса на его продукцию влечет за собой системный кризис всего муниципального образования, рост безработицы, отток населения и деградацию городской среды.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что, согласно распоряжению Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р, в перечень монопрофильных муниципальных образований входит 321 город, в которых проживает около 13 млн человек, что составляет почти каждого десятого жителя страны. Социально-экономическое благополучие этой значительной части населения напрямую зависит от эффективности реализуемых государством мер. Целью данной статьи является критическая оценка результативности существующих программ и механизмов поддержки моногородов, выявление их сильных сторон и системных недостатков, а также определение векторов дальнейшего совершенствования государственной политики в данной сфере в рамках научной специальности 5.2.7. — Государственное и муниципальное управление[1.2].

Государственная политика в отношении моногородов прошла несколько этапов институционализации. Первоначально меры носили реактивный характер и были направлены на предотвращение социальных взрывов в наиболее проблемных точках. Системный подход начал формироваться с созданием в 2014 году некоммерческой организации «Фонд развития моногородов» (далее — Фонд), деятельность которого регулировалась постановлением Правительства РФ от 11 ноября 2014 г. № 1186. Функционал Фонда предусматривал софинансирование расходов бюджетов субъектов Федерации на строительство инфраструктуры, необходимой для реализации новых инвестиционных проектов, а также предоставление льготных займов инициаторам проектов.

Следующим важным этапом стало внедрение механизма территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР). Создание ТОР в моногородах предоставило резидентам беспрецедентные налоговые преференции и административные льготы, что должно было стимулировать приток частных инвестиций, не связанных с деятельностью градообразующего предприятия. В 2022 году произошла трансформация институтов развития: функции Фонда развития моногородов были переданы государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ», что ознаменовало переход к проектному принципу работы и вовлечению в процессы более широкого спектра инструментов развития.

По данным Министерства экономического развития Российской Федерации, за период реализации приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» и последующих мер поддержки были достигнуты значимые количественные показатели. Создано более 406 тыс. новых рабочих мест, из которых значительная часть не связана с деятельностью градообразующих предприятий. На начало 2023 года в моногородах функционировало 92

территории опережающего развития, где зарегистрировано 1100 резидентов, привлечших 250 млрд рублей инвестиций и создавших 80 тыс. рабочих мест. ВЭБ.РФ приводит данные о том, что общий объем привлеченных инвестиций в экономику моногородов за восемь лет составил более 234,7 млрд рублей, а количество созданных рабочих мест превысило 34,4 тыс. [3, 4].

На первый взгляд, эти показатели свидетельствуют о высокой эффективности проводимой политики. Однако более глубокий анализ выявляет ряд системных проблем. Как отмечается в исследовании Социологического института РАН, проведенном в моногородах Северо-Запада России, формальные статистические показатели часто маскируют реальные социально-экономические процессы. Многие поселения включены в список моногородов, хотя фактически уже не соответствуют критериям монопрофильности, а меры государственной поддержки оказываются малоэффективными для «умирающих» городов. Существенной проблемой является диспропорция в стоимости создания одного рабочего места. Как указывается в материалах общественного обсуждения поправок в постановление Правительства, при финансировании инвестиционных проектов за счет средств Фонда наблюдалось двойное участие государства (в создании инфраструктуры и в самом проекте), что приводило к неоправданному удорожанию каждого созданного рабочего места и снижению эффективности использования субсидий. Это указывает на то, что механизмы поддержки не всегда стимулировали инициаторов проектов к привлечению внебюджетных источников финансирования [5].

Ключевой целью государственной политики декларируется диверсификация экономики моногородов, то есть снижение зависимости от градообразующего предприятия. Однако достижение этой цели сталкивается с серьезными структурными ограничениями. Эксперты Фонда «Институт экономики города» обращают внимание на то, что бенефициаром существующих мер поддержки в конечном итоге нередко становилось само градообразующее предприятие или аффилированные с ним структуры. В результате вместо подлинной диверсификации происходило укрепление монопрофильности, пусть и на новой технологической основе. Неэффективность прежних подходов косвенно подтверждается досрочным прекращением действия государственной программы «Комплексное развитие моногородов» (рассчитанной до 2025 года) уже в 2019 году в связи с признанием её недостаточно результативной. Как отмечал секретарь Федерации независимых профсоюзов России Олег Соколов, профсоюзная сторона предупреждала о недостаточности таких мер, как пониженные тарифы страховых взносов и льготные займы, для кардинального привлечения инвесторов в депрессивные территории.

Как отмечает в своем исследовании Шершнева Ю. А., в 2025 году правительством Российской Федерации инициирован пересмотр сложившейся модели поддержки. Ключевым решением стала ревизия самого перечня моногородов. Планируется исключить из него около 75-103 населенных пунктов, которые в течение последних пяти лет не соответствуют критериям монопрофильности (численность населения не менее 3 тыс. человек, занятость на градообразующем предприятии не менее 20%) [6].

Новый подход, разрабатываемый Министерством экономического развития, предполагает смещение акцента с поддержки крупных инвестпроектов на стимулирование малого и среднего предпринимательства (МСП). В этих целях планируется задействовать ресурсы Корпорации МСП и МСП Банка. Предполагается предоставление льготных кредитов по ставкам значительно ниже ключевой (до 7% годовых на инвестиционные цели), что должно

сделать заемные средства доступными для локального бизнеса.

Смена оператора программы с ВЭБ.РФ на структуры, ориентированные на поддержку МСП, выглядит попыткой адресовать средства непосредственно тем субъектам экономики, которые создают действительно новые, независимые от завода рабочие места. Однако, как справедливо отмечает Александр Пузанов, такая мера выглядит ситуативным решением. Отсутствие системной оценки потенциала каждого конкретного моногорода и четкой иерархии приоритетов в новой Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 года не позволяет однозначно оценить перспективы данного институционального маневра [7, 8].

Одним из главных выводов анализа является необходимость отказа от унифицированного подхода к поддержке всех моногородов. Поселения, различающиеся по численности населения, географическому положению, отраслевой специализации и состоянию градообразующего предприятия, требуют принципиально разных стратегий. Для моногородов, расположенных в границах крупных городских агломераций (например, в Московской, Ленинградской, Свердловской областях), потенциал развития связан не столько с внутренними инвестициями, сколько с интеграцией в рынки центрального города. Здесь эффективными могут быть меры по развитию транспортной доступности и поддержка маятниковой миграции. Для изолированных моногородов с малой численностью населения и отсутствием перспектив роста рынка сбыта, поддержка малого и среднего бизнеса может оказаться бесполезной. В таких случаях более оправданными являются либо инфраструктурные мегапроекты с участием крупного государственного капитала, либо, в наиболее безнадежных ситуациях, программы организованного переселения жителей. Последнее, хотя и является крайней мерой, должно рассматриваться как элемент государственной политики, поскольку консервация убыточных поселений с ветшающей инфраструктурой обходится бюджету дорожее в долгосрочной перспективе [9].

Действующая нормативная база, в основе которой лежит распоряжение № 1398-р и постановление № 1186, закладывает формальные критерии для получения поддержки, но не содержит механизмов, учитывающих качественные изменения. Предлагаемое расширение круга получателей поддержки на все моногорода (а не только на проблемные), обсуждавшееся Минэкономразвития, при сохранении общего объема финансирования неизбежно приведет к распылению средств и снижению эффективности.

Киселева Н.Н., Орлянская А.А., Гуров Г.А. подчеркивают, что более перспективным представляется подход, закрепленный в новых решениях правительства 2025 года: сохранение преференций только за теми городами, которые либо демонстрируют потенциал развития через механизмы ТОР, либо находятся в критической ситуации с уровнем безработицы, вдвое превышающим среднероссийский. Такой риск-ориентированный подход позволяет сконцентрировать ресурсы там, где они действительно необходимы для предотвращения социальной катастрофы, либо там, где они могут дать максимальный мультипликативный эффект [11, 12].

Иллюстрацией разнородности результатов государственной политики служит сравнительный анализ нескольких монопрофильных муниципальных образований. Например, город Набережные Челны (Республика Татарстан), несмотря на сохранение доминирования ПАО «КАМАЗ», демонстрирует успешную диверсификацию благодаря созданию ТОР и привлечению резидентов, ориентированных на автокомпоненты и машиностроение, что поз-

волило снизить зависимость от колебаний на рынке грузового транспорта. Противоположным примером является город Юрьев-Польский Владимирской области, где меры поддержки, включая статус TOP, не привели к существенному притоку инвестиций из-за слабой транспортной доступности и отсутствия квалифицированных кадров, что подтверждает тезис о низкой эффективности унифицированных решений для малых городов с ограниченным потенциалом. В то же время практика города Тольятти (Самарская область) демонстрирует риски, связанные с зависимостью от одного якорного инвестора: создание новых производств на площадях бывшего завода General Motors и в Особой экономической зоне лишь частично компенсировало потери рабочих мест после ухода иностранных партнеров, что ставит вопрос о глубине реальной диверсификации.

Наиболее сложная ситуация сохраняется в городах с градообразующими предприятиями угольной отрасли, таких как Гуково (Ростовская область), где закрытие шахт в 1990-х годах привело к затяжному кризису, и программы поддержки до сих пор не смогли сформировать устойчивую альтернативную экономику, несмотря на значительные бюджетные вливания. Эти примеры наглядно демонстрируют, что эффективность механизмов поддержки напрямую коррелирует не только с объемом выделяемых средств, но и с исходным экономико-географическим положением города, состоянием его человеческого капитала и способностью региональных властей формировать конкурентоспособные инвестиционные предложения, что подтверждает необходимость перехода к дифференцированной, а не шаблонной модели государственного управления развитием моногородов.

Таким образом, оценка эффективности существующих программ и механизмов поддержки моногородов Российской Федерации свидетельствует о переходе от экстенсивной модели к попыткам реализации интенсивной, более адресной политики. Первоначальный этап, характеризующийся созданием специализированного Фонда и развертыванием сети TOP, позволил сформировать институциональную инфраструктуру и накопить значительный опыт проектного управления в сложных социально-экономических условиях. Количественные результаты, выраженные в тысячах созданных рабочих мест и сотнях миллиардов привлеченных инвестиций, являются безусловным достижением. Однако качественный анализ выявляет сохраняющиеся диспропорции. Главная цель — диверсификация экономики — достигнута лишь частично. Во многих случаях поддержка фактически работала на укрепление существующих монопроизводств, а не на создание альтернативных секторов занятости. Экономическая эффективность затрат (стоимость создания одного рабочего места) остается предметом дискуссий.

Новый этап, связанный с ревизией перечня моногородов, передачей функций поддержки МСП в профильную корпорацию и концентрацией ресурсов на наиболее перспективных либо наиболее проблемных точках, представляется логичным и своевременным. Его успех будет зависеть от способности государства реализовать не просто ситуативные, а системные и дифференцированные меры, интегрированные в общую логику пространственного развития страны. Критически важным является проведение комплексной оценки потенциала каждого монопрофильного поселения и разработка для них индивидуальных стратегий, которые могут варьироваться от стимулирования агломерационных связей до организованного переселения.

Литература

1. Российская Федерация. Постановление Правительства РФ от 11 ноября 2014 г. № 1186 «О предоставлении из федерального бюджета субсидии некоммерче-

ской организации "Фонд развития моногородов"» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 47. — Ст. 6549.

2. Российская Федерация. Постановление Правительства РФ от 22 июня 2015 г. № 614 «Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 26. — Ст. 3897.

3. Российская Федерация. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 1 (ч. I). — Ст. 26.

4. Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2019. — № 7 (ч. II). — Ст. 702.

5. Оборин М.С., Шерешева М.Ю., Иванова С.А. Анализ результатов государственной поддержки и тенденций развития моногородов РФ // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. №68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-rezultatov-gosudarstvennoy-podderzhki-i-tendentsiy-razvitiya-monogorodov-rf> (дата обращения: 20.02.2026).

6. Шершнева Ю. А. Эффективность государственной поддержки моногородов России // Форум молодых ученых. 2019. №12 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-gosudarstvennoy-podderzhki-monogorodov-rossii> (дата обращения: 20.02.2026).

7. Абдулманапов С. Г., Меджидов З.У. К вопросу о социально-экономическом положении моногородов skfo в современных условиях // УЭПС. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsialno-ekonomicheskom-polozhenii-monogorodov-skfo-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 20.02.2026).

8. Коновалова, Т. А. Государственные механизмы повышения эффективности развития монопромышленных городов стратегического значения / Т. А. Коновалова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2013. — № 3 (50). — С. 229-234. — URL: <https://moluch.ru/archive/50/6290>.

9. Ряховская А.Н., Полякова А.Г. Модернизация российских моногородов: стратегические ориентиры институционального реформирования. Стратегические решения и риск-менеджмент. 2016;(4):54-65. <https://doi.org/10.17747/2078-8886-2016-4-54-65>.

10. Маллямова Э.Н. Социально-экономические проблемы моногородов / Э.Н. Маллямова, А.В. Осипов, Н.В. Смирнова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2021. — №4 (106). — URL: [object Object] (Дата обращения 20.02.2026).

11. Киселева Н.Н., Орлянская А.А., Гуров Г.А. Государственная политика поддержки промышленных моногородов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18079> (дата обращения: 20.02.2026).

12. Петрина О.А. Государственная поддержка моногородов в России // Вестник ГУУ. 2015. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-podderzhka-monogorodov-v-rossii> (дата обращения: 20.02.2026).

Assessment of the effectiveness of existing programs and mechanisms for supporting single-industry towns in the Russian Federation
Palyanov D.S.

The article provides a comprehensive analysis of the effectiveness of state policy in relation to single-industry municipalities (single-industry towns) of the Russian Federation. The evolution of support tools from the creation of a specialized fund to the introduction of mechanisms for priority development territories is considered. Special attention is paid to assessing the effectiveness of measures in terms of economic diversification, job creation not related to city-forming enterprises, and changes in the quality of life of the population. Based on statistical data from the Ministry of Economic Development, information from the State Development Corporation VEB.The Russian Federation" and expert opinions of relevant institutes revealed structural contradictions of the current approach. The necessity of moving from a unified support model to a differentiated strategy that takes into account the agglomeration potential and typology of single-industry settlements is substantiated. Proposals have been formulated to improve the regulatory framework and institutional structure for managing the development of single-industry towns in the context of the new Spatial Development Strategy of the Russian Federation.

Keywords: single-industry towns, single-industry municipalities, city-forming enterprise, state support, territories of advanced development.

References

1. Russian Federation. Resolution of the Government of the Russian Federation of November 11, 2014 No. 1186 "On the Provision of a Subsidy from the Federal Budget to the Non-Commercial Organization "Single-Industry Towns Development Fund" // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2014. — No. 47. — Item 6549.
2. Russian Federation. Resolution of the Government of the Russian Federation of June 22, 2015 No. 614 "On the Specifics of Creating Territories of Advanced Social and Economic Development in the Territories of Single-Industry Municipalities of the Russian Federation (Single-Industry Towns)" // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2015. — No. 26. — Item 3897.
3. Russian Federation. Federal Law of December 29, 2014 No. 473-FZ "On the Territories of Advanced Social and Economic Development in the Russian Federation" (as amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2015. — No. 1 (Part I). — Art. 26.
4. Order of the Government of the Russian Federation of February 13, 2019 No. 207-r "On Approval of the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation for the Period through 2025" // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2019. — No. 7 (Part II). — Art. 702.
5. Oborin M.S., Sheresheva M.Yu., Ivanova S.A. Analysis of the Results of State Support and Development Trends of Single-Industry Towns in the Russian Federation // Public Administration. Electronic Bulletin. 2018. No. 68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-rezultatov-gosudarstvennoy-podderzhki-i-tendentsiy-razvitiya-monogorodov-rf> (accessed: 20.02.2026).
6. Shershneva Yu. A. Effectiveness of state support for russian monotowns // Forum of Young Scientists. 2019. No. 12 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-gosudarstvennoy-podderzhki-monogorodov-rossii> (accessed: 20.02.2026).
7. Abdulmanapov S. G., Medzhidov Z. U. On the socio-economic situation of single-industrial towns of the caucasus federal district under modern conditions // UEPS. 2021. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsialno-ekonomicheskom-polozhenii-monogorodov-skfo-v-sovremennyh-usloviyah> (accessed: 20.02.2026).
8. Konovalova, T. A. State mechanisms for increasing the efficiency of development of single-industrial cities of strategic importance / T. A. Konovalova. - Text: direct // Young scientist. - 2013. - No. 3 (50). - P. 229-234. - URL: <https://moluch.ru/archive/50/6290>.
9. Ryakhovskaya A.N., Polyakova A.G. Modernization of russian single-industry towns: strategic benchmarks of institutional reform. Strategic Decisions and Risk Management. 2016;(4):54-65. <https://doi.org/10.17747/2078-8886-2016-4-54-65>.
10. Malliamova E.N. SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS / E.N. Malliamova, A.V. Osipov, N.V. Smirnova // International Research Journal. - 2021. - No. 4 (106). - URL: [object Object] (Accessed 20.02.2026).
11. Kiseleva N.N., Orlyanskaya A.A., Gurov G.A. STATE POLICY OF SUPPORT FOR INDUSTRIAL SINGLE-INVENTORY TOWNS // Modern Problems of Science and Education. 2015. No. 1-1. ; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18079> (date of access: 20.02.2026).
12. Petrina O.A. State support for single-industry towns in Russia // Bulletin of the State University of Management. 2015. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-podderzhka-monogorodov-v-rossii> (date of access: 20.02.2026).

Цифровизация железнодорожного транспорта: снижение выбросов и операционных затрат

Панин Дмитрий Иванович

аспирант, Сибирский государственный университет путей сообщения

Исследование посвящено анализу воздействия цифровизации железнодорожной отрасли на решение глобальной задачи декарбонизации транспортного сектора, а также на экономические показатели деятельности отрасли. ОАО «РЖД», являясь крупнейшим железнодорожным оператором по эксплуатационной длине путей, играет ключевую роль в реализации задач экологической устойчивости транспортного сектора. Цифровая трансформация предоставляет возможность одновременного снижения выбросов углерода и операционных издержек предприятия. В ходе исследования была выявлена зависимость между уровнем цифровизации управления железнодорожным транспортом и сокращением углеродного следа, а также операционных издержек ОАО «РЖД» — рост уровня цифровизации управления ОАО «РЖД» прямо коррелирует со снижением объёмов выбросов парниковых газов и операционных издержек. Анализ охватывает период с 2019 по 2025 год и основан на корреляционном анализе сравнения объёмов парниковых газов с показателями уровня цифровизации компании. Исследование включает восемь временных наблюдений с использованием данных из официальных отчётов ОАО «РЖД» об устойчивом развитии и корпоративных индексов цифровизации. Статистический анализ проведён с применением коэффициента линейной корреляции Пирсона. Выявлена сильная обратная взаимосвязь ($r = -0,74$) между уровнем цифровизации и объёмами выбросов парниковых газов, что подтверждает: рост цифровизации ведёт к существенному сокращению эмиссии. Проанализированы конкретные решения: интеллектуальные системы управления движением, системы контроля расхода топлива (ЕАСУ ДТ), применение Big Data и Internet of Things для предиктивной аналитики. Эти технологии продемонстрировали измеримый вклад в снижение как углеродного следа, так и операционных издержек. Исследование подтверждает роль цифровых технологий в достижении экологических целей Стратегии цифровой трансформации РЖД 2025 года и Экологической стратегии компании. Цифровая трансформация должна рассматриваться как ключевой инструмент одновременного достижения экологической устойчивости и экономической эффективности в железнодорожных операциях.

Ключевые слова: цифровая трансформация, железнодорожный транспорт, углеродный след, выбросы парниковых газов, транзакционные издержки, устойчивое развитие, прогнозная аналитика.

Введение

Железнодорожная отрасль находится на этапе трансформации, обусловленной внедрением цифровых технологий. Развитие рынка цифровых решений для железнодорожного транспорта сопровождается появлением более технологичных продуктов и расширением сферы их применения. Процесс модернизации отрасли направлен на достижение таких целей как: повышение операционной эффективности, укрепление безопасности транспортных систем, обеспечение экологической устойчивости. Согласно аналитическим данным The Business Research Company (TBRC), в 2025 году объём рынка цифровых решений для железнодорожного транспорта достиг 58,83 млрд. долл. При сохранении среднегодового темпа роста (CAGR) на уровне 10,7 % прогнозируется, что к 2030 году этот показатель увеличится до 97,97 млрд. долл..

Россия занимает третье место в мире по протяжённости железнодорожных путей, например, в 2022 году протяжённость всех путей в стране составляла 105 тыс. км. На 26 ноября 2025 года эксплуатационная длина сети ОАО «РЖД» (сумма расстояний между осями отдельных пунктов без учёта количества путей) достигает 85,3 тыс. км. При этом протяжённость электрифицированных линий составляет 43,4 тыс. км, что соответствует примерно 50,9 % от общей длины путей компании, таким образом компании по праву можно назвать лидером отрасли и внимательно изучить ее опыт в эпоху цифровизации. Компания не только внедряет современные технологии в управление железнодорожным транспортом, но и трансформирует подходы к взаимодействию с клиентами.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного обоснования эффектов цифровой трансформации в контексте современных экологических и экономических вызовов. Кроме того, с 1 сентября 2026 года вступают в силу отдельные положения Федерального закона от 07.06.2025 № 140-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О транспортно-экспедиционной деятельности“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно которым электронный документооборот станет обязательным при перевозках автомобильным, железнодорожным и воздушным транспортом, а также при оказании услуг транспортно-экспедиционной деятельности. Данный нормативный акт существенно усиливает практическую значимость исследования, поскольку обуславливает потребность в разработке научно обоснованных подходов к внедрению цифровых решений в транспортной отрасли.

Гипотеза исследования: Увеличение уровня цифровизации управления ОАО «РЖД» прямо коррелирует со снижением объёма выбросов парниковых газов и операционных издержек.

Цель исследования — выявить и количественно оценить зависимость между цифровой трансформацией управления железнодорожным транспортом и влиянием на снижение углеродного следа и операционных издержек ОАО «РЖД» за период 2019–2025 гг.

Исследование построено по чёткой логической схеме:

1. Теоретический раздел. Анализ концепций цифровой трансформации в транспортной логистике и влияния ИТ на экологические показатели хозяйствующих субъектов.

2. Анализ цифровизации ОАО «РЖД». Обзор ключевых инициатив: системы диспетчеризации, управления энергопотреблением и оптимизации маршрутизации грузопотоков.

3. Эконометрическое моделирование. Количественная оценка связи между уровнем цифровизации и снижением выбросов CO₂.

4. Экономический анализ. Расчёт эффекта от внедрения цифровых технологий через методы анализа затрат и выгод.

5. Методические рекомендации. Оптимизация инвестиционной стратегии с учётом целей декарбонизации и целей устойчивого развития ООН.

6. Выводы и перспективы. Обобщение результатов и определение направлений дальнейших исследований в области цифровизации железнодорожного транспорта.

Обзор литературы

Тема взаимосвязи цифровизации и экологической устойчивости активно обсуждается в научных кругах. Luomala et al. показывают, как цифровые технологии могут значительно уменьшить выбросы в разных отраслях [1,2]. Авторы подчеркивают важность систем мониторинга в реальном времени и предиктивной аналитики для более эффективного использования ресурсов.

Исследования в области железнодорожного транспорта также подтверждают значимость цифровизации. Rempel et al. обнаружили прямую связь между уровнем технологической оснащённости и эффективностью железнодорожных операций в Европе [3]. Однако российские железные дороги в этом контексте изучены недостаточно.

Данные из Европы показывают, что интеллектуальные системы управления движением могут снизить расход топлива на 8–15% [4]. Системы контроля расхода топлива эффективно выявляют неэффективные режимы работы локомотивов, что позволяет сократить потребление дизельного топлива на 5–12% [5].

Mitchell & Johnson изучали применение Big Data и IoT в железнодорожном транспорте [6]. Они выяснили, что предиктивная аналитика для обслуживания оборудования может уменьшить простои на 20–30% [7], что, в свою очередь, повышает эффективность использования подвижного состава.

В отечественной и зарубежной литературе практически нет работ, которые бы специально анализировали связь между индексом цифровой зрелости ОАО «РЖД» и выбросами парниковых газов. Это исследование направлено на восполнение этого пробела путем количественной оценки такой зависимости на примере крупнейшей российской железной дороги.

Объекты и методы исследования

Объект исследования: управление железнодорожным транспортом ОАО «РЖД» в условиях цифровой трансформации. Предмет исследования: влияние цифровизации на операционные издержки и выбросы парниковых газов. Период анализа: 2019–2026 годы. Методы исследования:

1. Анализ научной литературы, стратегических документов ОАО «РЖД» и мировой опыт в области декарбонизации железнодорожного транспорта;

2. Анализ цифровых технологий ОАО «РЖД» (ЕАСУ ДТ, ИСУЖТ, ЦГВ, Big Data, ВИА) и их значимости для экологических и экономических задач.

3. Статистический и корреляционный анализ для установления количественной взаимосвязи между показателями.

Результаты и обсуждение

Приоритетом цифровой трансформации РЖД является оптимизация процессов планирования, управления и контроля железнодорожными перевозками, повышение прозрачности и безопасности логистических операций.

Реализация этой цели осуществляется в рамках «Стратегии цифровой трансформации (СЦТ-2025)», ориентированная на развитие семи платформ (в числе которых – мультимодальные пассажирские и грузовые перевозки, транспортно-логистические узлы и линейная инфраструктура). Основные эффекты такой цифровизации для ОАО «РЖД» включают в себя:

- повышение эффективности перевозок и использования инфраструктуры (оптимизация расписаний, управление пропускной способностью, минимизация заторов);
- улучшение сервиса для пассажиров (новые сервисы покупки билетов, информирования о расписании и заказа услуг);
- сокращение сроков обслуживания и ремонта за счет систем диагностики и контроля технического состояния.

Цифровая трансформация управления железнодорожным транспортом в ОАО «РЖД» базируется на комплексе передовых технологий:

- ИИ для анализа данных, оптимизации маршрутов и управления ресурсами;
- Internet of Things (IoT) для сбора оперативной информации с инфраструктуры, подвижного состава и грузов;
- блокчейн для обеспечения прозрачности логистических цепочек;
- облачные вычисления для снижения затрат.

Можно привести несколько примеров такой цифровизации: например, система «Эльбрус-М» на базе ИИ анализирует графики движения поездов за 20 лет для оптимизации маршрутов, а существующая система моделирования пассажиропотоков прогнозирует изменения пассажиропотоков в зависимости от развития инфраструктуры. Или, к примеру, технология «Виртуальная сцепка» сокращает интервал между поездами за счет обмена информацией между локомотивами по цифровому радиоканалу.

В рамках настоящей работы наибольший интерес представляет влияние цифровизации на снижение углеродного следа и операционных издержек.

Углеродный след от управления железнодорожным транспортом – это объем эмитированных им парниковых газов (преимущественно CO₂). В контексте транспортировки грузов и пассажиров железнодорожный транспорт имеет меньшую интенсивность выбросов CO₂ на тонно-километр по сравнению с автомобильным и авиационным транспортом. При оценке совокупного углеродного следа нужно учитывать не только выбросы от поездов, но и парниковый газ, который образуются при создании и поддержании железнодорожной инфраструктуры.

Ряд зарубежных исследователей (Luomala H, Halme R and Jönkkäri I.) указывает на тот факт, что распределение выбросов CO₂ между эксплуатацией поездов и инфраструктурой зависит и от интенсивности движения: на загруженных линиях преобладают выбросы от энергопотребления поездов (более 70 %), на малозагруженных – больший вклад вносит тип используемых строительных материалов [1].

По мнению других исследователей [6], один из источников углеродного следа от железнодорожного транспорта – это строительство шпал. Причем материал, из которого они изготовлены, играет далеко не последнюю роль: например, стальные шпалы имеют наибольший углеродный след, за ними следуют бетонные, твердые и мягкие породы дерева (рисунок 1).

Одним из направлений экологической стратегии разработанной и осуществляемой в ОАО «РЖД» является низкоуглеродное развитие за счет снижения выбросов парниковых газов, а цифровые технологии незаменимым инструментом в достижении целей данной стратегии.

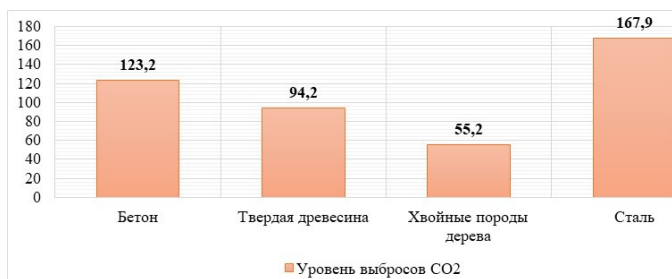

Рис. 1. Выбросы CO₂ при строительстве (материалы, рабочая сила и оборудование, транспорт) 1000 км путей для каждого типа шпал (в тоннах выбросов CO₂ на 1000 км)

Примечание. Составлено автором на основе источников [1].

Как уменьшить углеродный след с помощью цифровых технологий:

1. Повышение эффективности работы. Это можно сделать, контролируя расход топлива и используя системы, которые автоматически управляют движением транспорта в реальном времени.
2. Обновление подвижного состава. Здесь подразумевается переход на электрические поезда, а также использование гибридных и водородных локомотивов там, где нет электрификации.
3. Аналитика и мониторинг. С помощью IoT-датчиков на поездах можно отслеживать состояние грузов и параметры движения. А анализ больших данных и машинное обучение помогут прогнозировать пиковые нагрузки.
4. Экологичная энергия. Можно использовать солнечные и ветряные электростанции для питания инфраструктуры.

Рассмотрим каждое реализуемое компанией мероприятие.

Цифровой контроль расхода топлива

Для минимизации выбросов парниковых газов в рамках стратегии цифровой трансформации, ОАО «РЖД» применяет меры по повышению эффективности использования традиционных видов топлива. И основным элементом этой работы стало внедрение Единой автоматизированной системы учёта дизельного топлива (ЕАСУ ДТ). Эта цифровая платформа обеспечивает полный, сквозной контроль над всем жизненным циклом горючего, т.е. от момента его доставки на склад и до фактического потребления локомотивным парком в ходе перевозочной работы.

Система работает на двух уровнях: локальном, где осуществляется контроль на топливных складах, и корпоративном, где действует аналитический центр. Принцип встречного контроля применяется на каждом этапе смены материальной ответственности. Сначала система сверяет объёмы топлива, поставленные поставщиками, с объёмами, принятыми на склад (баланс поставок). Затем она проверяет остатки и отгрузку топлива (баланс по складу). В завершение система сопоставляет данные с топливораздаточных колонок с показателями бортовых систем локомотивов и отчётами машинистов (баланс по локомотивному парку).

Техническая реализация цифрового контроля расхода топлива заключается в использовании высокоточного оборудования:

- кориолисовые расходомеры (например, «ЭМИС-МАСС 260») для измерения массового расхода с точностью до десятых долей процента;
- бортовые аппаратно-программные комплексы на подвижном составе, которые в реальном времени регистрируют и передают информацию о расходе.

Корпоративный уровень обеспечивается Автоматизированной системой учёта дизельного топлива (АСУ ДТ

РЖД), которая агрегирует данные, управляет запасами, сама формирует оперативные отчёты.

В результате цифрового контроля обеспечивается сокращение углеродного следа. Из опыт пилотных внедрений, например, на станции Лянгасово, удельный расход топлива снизился на 5-8 % [9]. Автоматизация исключает ошибки и неточности, связанные с человеческим фактором, что в итоге оптимизирует топливные затраты, позволяет идентифицировать любые отклонения в технологии обращения с топливом в онлайн режиме и формировать точный топливный баланс, тем самым сокращая объём выбрасываемого CO₂.

Внедрение интеллектуальных систем управления движением в режиме реального времени

За счет внедрения интеллектуальных систем управления движением (ИСУД), которые используют возможности искусственного интеллекта (ИИ) для перевода диспетчерских функций в режим реального времени, также обеспечивается снижение углеродного следа в операционной деятельности железнодорожного транспорта ОАО «РЖД». Суть этих систем – в автоматизации процессов планирования, контроля и принятия решений. Иначе говоря, такая система радикально повышает прозрачность логистических цепочек и их общую эффективность.

Основная задача ИСУД – динамическая оптимизация перевозочного процесса. Это, помимо прочего, подразумевает точный расчёт графика движения с учетом специфических характеристик состава и текущих технических параметров инфраструктуры.

Центральным элементом системы является функция автоматического построения плана пропуска поездов. При возникновении любых отклонений от графика или отказов оборудования система мгновенно разрешает возникающие конфликты, т.е. обеспечивается бесперебойное движение. Это необходимо и для безопасного управления высокоскоростным движением, требующим немедленного контроля установки маршрутов и режимов движения. Более того, сложные рутинные задачи, в т.ч. разработка нормативного графика, полностью автоматизированы и заменяют прежний ручной труд.

Для высокой степени адаптивности используются передовые цифровые технологии: в частности, это мультимедийные технологии, которые способны планировать, согласовывать и контролировать исполнение планов в непрерывном цикле. Применение Интернета вещей (IoT) помогает вести сбор первичных данных о состоянии путей, составов и грузов в реальном времени. Все эти огромные массивы информации обрабатываются с помощью облачных платформ. Это, в свою очередь, снижает потребность в капитальных затратах на локальную ИТ-инфраструктуру.

На практике в ОАО «РЖД» запущена ИСУЖТ (Единая интеллектуальная система управления и автоматизации производственных процессов)[8], которая унифицирует работу всех дирекций – от управления движением до технического обслуживания. Также запущена система автоматической установки маршрутов (АУМ), которая дает программе самостоятельно анализировать возможности путей и станций для составления оптимального расписания. Или, к примеру, проект «Цифровая железнодорожная станция» комплектует работу станции 24 специализированными цифровыми модулями.

Результатом этой автоматизации является снижение нагрузки на поездных диспетчеров и сокращению ошибок, обусловленных человеческим фактором. Система проводит корректировку движения с учетом всех нормативных ограничений, предоставляет средства для более глубокого анализа и прогнозирования работы всего участка, что приводит к повышению энергоэффективности и, как следствие, к сокращению выбросов.

Переход на электрифицированный подвижной состав для снижения зависимости от ископаемого топлива

Стратегический курс ОАО «РЖД» на достижение углеродной нейтральности связан с изменением энергетической базы и тяговым обеспечением. В центре такой трансформации находится замещение дизельного топлива электричеством. На данный момент оно является инструментом сокращения выбросов парниковых газов от эксплуатации локомотивного парка. ОАО «РЖД» входят в мировые лидеры по объему используемых электрифицированных железнодорожных линий, и эта работа продолжается в рамках утвержденных Экологической и Энергетической стратегий до 2035 года. Усилия компании также сосредоточены на повышении эффективности потребления энергии за счет планомерной замены устаревшего тягового подвижного состава на новые, энергосберегающие серии локомотивов, разработанные с учетом требований по потреблению ресурсов.

Переход к низкоуглеродному развитию затрагивает и направление декарбонизации вспомогательных и инфраструктурных объектов теплоэнергетики. В рамках этой программы происходит постепенная замена традиционных ископаемых источников. За последние три года 59 объектов ОАО «РЖД» перешли на использование электроэнергии, еще пять котельных отказались от мазута в пользу электричества, а ряд других источников теплоснабжения перевели с мазута и дизельного топлива на более чистый природный газ. Все описанные меры дополняются постоянным совершенствованием технологий управления движением, что, очевидно, максимизирует экономию топлива на каждом километре пути.

Эффект результата преобразований, можно представить в сравнении с предыдущими периодами. Например, в 2023 году, а сравнении с 2022 годом, выбросы парниковых газов от локомотивного парка снизились на 14 %. Тенденция сохранилась и в 2024 году, за первые девять месяцев произошло падение на 2,5 % 2024 года.

Использование гибридных локомотивов, сочетающих дизельные и электрические силовые установки, на участках с частичной или отсутствующей электрификацией (либо использование водородных локомотивов)

Модернизация локомотивного парка с акцентом на отказ от чисто дизельной тяги – еще одно направление работы ОАО «РЖД» в контексте снижения углеродного следа. В долгосрочной перспективе, по плану с 2025 года, ОАО «РЖД» нацелено на прекращение закупок традиционных дизельных локомотивов. Взамен компания будет использовать более экологичные и технологичные альтернативы. Планируемый парк будет включать в себя машины, использующие аккумуляторные батареи (АКБ), подвижной состав с водородными топливными элементами, наряду с использованием подвижного состава, работающего на газопоршневых или газодизельных установках.

Подход к выбору тяговой системы зависит от профиля пути. Для участков, оборудованных контактной сетью, наиболее подходящими считаются локомотивы, которые комбинируют питание от сети с возможностью использования тяговых аккумуляторов или гибридные схемы, интегрирующие вспомогательные установки (ВТЭ), АКБ и контактную сеть. Данный механизм позволяет максимально использовать электрификацию, а накопленную энергию применять на маневрах или коротких неэлектрифицированных отрезках.

Для протяженных маршрутов, где отсутствует или нецелесообразна контактная сеть, приоритет отдается автономным гибридным решениям, сочетающим в себе ВТЭ и АКБ. В качестве перспективной, хотя и ограниченной по дальности, альтернативы уже сейчас рассматриваются образцы техники на водородном топливе.

Примером такой техники является маневровый тепловоз ТЭМ 9Н SinaraHybrid. Четырехосный локомотив оснащен электрической передачей переменного-переменного тока и индивидуальными приводами осей. Его интеллектуальная система управления сама выбирает оптимальный источник энергии для текущего участка работы: либо дизель-генератор, либо заряд литий-ионной батареи.

Оснащение подвижного состава интеллектуальными сенсорами для мониторинга состояния грузов, вибраций и температурного режима

ОАО «РЖД» разрабатывается программно-аппаратный комплекс «Цифровой грузовой вагон» (ЦГВ), который позволит повысить эксплуатационную надежность и минимизировать внеплановые простои, влияющие на эффективность. Он нацелен на автономный мониторинг технического состояния вагонного парка, т.е. делает процесс диагностики из периодического в непрерывный.

ЦГВ-1 представляет собой компактный блок, установленный на тележке вагона, оснащен датчиками, отслеживающими координаты, скорость и пробег, а также фиксируют ударные нагрузки и выявляют ранние трещины в колесных парах.

Следующая версия ЦГВ-2, включает в себя контроль температуры букс и износа бандажей. Главное отличие заключается в возможности передачи данных сразу в центр управления и на локомотив. Машинист будет получать предупреждения в режиме реального времени, что повысит безопасность и эффективность эксплуатации железнодорожного транспорта. Также планируется внедрение контроля за работоспособностью тормозных систем. Увеличение количества каналов передачи данных.

Ожидается, что прототипы ЦГВ-2 станут доступны для испытаний уже во второй половине 2026 года, после чего начнется этап контролируемой эксплуатации.

Запуск такой интеллектуальной системы позволит превентивно реагировать на неисправности: оперативно выдавать сигналы о превышении допустимых колебаний кузова, точно локализовать место и время возникновения дефектов колесных пар и т.д. То есть будет проводиться своевременное исключение неисправных вагонов из состава до того, как их состояние приведет к инцидентам или увеличению расхода энергии на движение.

Применение технологий Big Data и машинного обучения для прогнозирования пиковых нагрузок

ОАО «РЖД» в процессе прогнозирования активно использует передовые аналитические инструменты, например, технологии Big Data и машинного обучения. Последние анализируют большой объем исторической и текущей информации для выявления скрытых закономерностей. Big Data используется для обработки информации с целью определения цикличности и сезонности пиковых грузов.

Прогнозные данные позволяют заблаговременно:

1. Оптимизировать распределение парка и маршрутизацию. Ресурсы (составы, локомотивы, пропускная способность) готовятся до наступления максимального спроса, минимизируются периоды простоя техники и ожидания клиентов;

2. Осуществлять предиктивное обслуживание техники. Аналитические модели, например, в системе «Доверенная среда локомотивного комплекса», используют данные от бортовых систем для предсказания вероятности отказа критических узлов локомотивов (двигателей, систем управления). Механизм помогает рационально планировать ремонтные работы в депо и сокращать количество единиц подвижного состава, выведенных в резерв.

Аналитические системы гарантируют более высокую предсказуемость и устойчивость всей транспортной системы, так как позволяют перейти к проактивному планированию грузонапряжения и спроса.

Использование возобновляемых источников энергии (солнечные и ветряные электростанции) для питания железнодорожной инфраструктуры

В рамках реализации стратегии устойчивого развития, ОАО «РЖД» постепенно переходит на возобновляемые источники энергии (ВИЭ) для обеспечения нужд железнодорожной инфраструктуры. Такие источники позволят сократить операционные затраты на электроэнергию. Это прямой вклад в уменьшение общего углеродного следа компании. ВИЭ поможет и в обеспечении энергетической автономии объектов, расположенных в труднодоступных местах, где подключение к централизованным сетям затруднено, например, на удаленных переездах или станциях.

Солнечные электростанции (СЭС) используются как инструмент для перехода на ВИЭ. Фотоэлектрические модули возможно установить на элементах инфраструктуры, они используются для:

1. Обеспечивают электроэнергией системы жизнеобеспечения, такие как: вентиляция, кондиционирование, освещение. Также для сервисных систем: эскалаторы, информационные табло. Элементы устанавливаются на крышах и навесах вокзалов, пассажирских терминалов;

2. В депо и ремонтных базах используют солнечную энергию для частичной или полной компенсации собственного потребления, особенно в пиковые дневные часы;

3. Для питания светофоров, шлагбаумов, датчиков контроля состояния рельсов и систем видеонаблюдения вдоль путей, где протяжка ЛЭП экономически неоправданно. Яркий пример – внедрение СЭС мощностью 13,2 кВт на вокзале Кинешма, где инверторы преобразуют полученную энергию для прямого использования в системе здания методом «подмеса».

Вторым компонентом ВИЭ являются ветровые электростанции (ВЭС). Ветропарки размещают вблизи железнодорожных коридоров для выработки электроэнергии, используемой для нужд инфраструктуры. Они обеспечивают питание систем управления движением или подзарядку аккумуляторных батарей.

Обобщим все направления цифровизации и укажем их вклад в снижение углеродного следа, данные представлены в таблице 1.

Таблица 1
Направления снижения углеродного следа за счет цифровизации железнодорожного транспорта ОАО «РЖД»

№	Направление	Механизм снижения углеродного следа
1	Цифровой контроль расхода топлива (ЕАСУ ДТ)	Автоматизированный учёт и контроль движения дизельного топлива на всех этапах; выявление нарушений в технологии учёта и минимизация ошибок, связанных с человеческим фактором. Ведет к снижению удельного расхода топлива
2	Внедрение интеллектуальных систем управления движением в режиме реального времени	Оптимизация расписаний, автоматическое построение графика движения и корректировка в реальном времени с учетом всех ограничений. Повышается энергоэффективность эксплуатации подвижного состава
3	Переход на электрифицированный подвижной состав	Снижение прямой зависимости от ископаемого топлива за счет увеличения доли использования электроэнергии для тяги (хотя общий эффект зависит от источника генерации этой электроэнергии)
4	Использование гибридных локомотивов (или водородных)	Применение более энергоэффективных силовых установок, которые либо используют накопленную энергию (АКБ), либо переходят на низкоуглеродное топливо (водород, газ), замещая чистый дизельный привод
5	Оснащение подвижного состава интеллектуальными сенсорами (ЦГВ)	Мониторинг технического состояния вагонов и грузов позволяет своевременно выявлять дефекты и отцеплять неисправные вагоны. Обеспечивает более безопасное движение и, косвенно, оптимизирует тяговые усилия, снижает общее потребление энергии на тонно-километр
6	Применение технологий Big Data и машинного	Прогнозирование спроса и загрузки позволяет заранее планировать ресурсы, оптимизировать составление составов и маршрутов, минимизирует время

	обучения для прогнозирования пиковых нагрузок	простая и неэффективное использование локомотивов
7	Использование возобновляемых источников энергии (ВИЭ) для питания инфраструктуры	Прямая замена электроэнергии, полученной от сжигания ископаемого топлива, на энергию от солнечных и ветряных электростанций для питания вокзалов, депо и систем сигнализации. Снижаются косвенные выбросы от эксплуатации инфраструктуры

Примечание. Составлено автором по данным источников.

В ОАО «РЖД» работает автоматизированная система управления всей железнодорожной инфраструктурой, которая вносит не малый вклад в сокращение углеродного следа. Схематично эту систему можно представить следующим образом (рисунок 2).

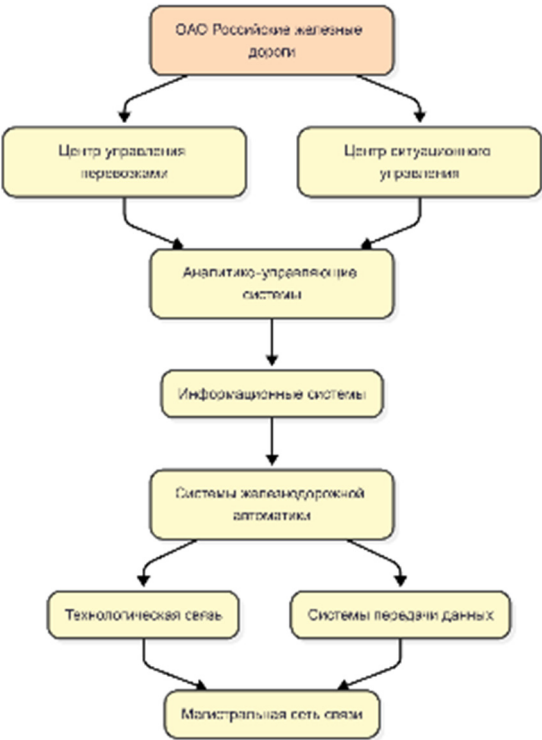

Рис. 2 Автоматизированная система управления железнодорожной инфраструктурой ОАО «РЖД»
Примечание. Составлено автором на основе источников.

Благодаря такой системе автоматизации управления компания может оценивать экологические последствия своей деятельности и, соответственно, выбирать более оптимальную стратегию снижения углеродного следа. Система уже показала результаты внедрения. Например, по состоянию на май 2025 года, внедрение технологий, направленных на снижение углеродного следа, позволило предотвратить выброс в атмосферу около 3700 т. CO₂, что эквивалентно годовому объему выбросов от 1644 легковых автомобилей.

По данным прогноза интеллектуальная система управления отоплением, внедренная в ОАО «РЖД» в рамках цифровизации, сэкономит около 3448 Гкал энергии к концу 2025 года — это примерно равно предотвращению сжигания 1720 тонн угля.

Благодаря системе удаленного мониторинга электросетей удалось предотвратить сбои в энергоснабжении. Это сэкономило более 527 тысяч кВтч электроэнергии в 2024 году, что сопоставимо с отказом от использования 226 тонн угля.

Снижение операционных издержек обеспечивается за счет:

1. Интеллектуальной оптимизации маршрутов и прогнозирование спроса;

2. Предиктивное обслуживание и мониторинг;
3. Автоматизация тарифной политики, которая исключает необходимость ручной корректировки стоимости перевозок.

Для оценки влияния цифровизации управления железнодорожным транспортом на снижение углеродного следа проведем корреляционный анализ.

В качестве переменных примем суммарный объем выбросов парниковых газов от ОАО «РЖД» и уровень цифровой зрелости ОАО «РЖД» (таблица 1). Поскольку уровень цифровой зрелости компания начала оценивать только в 2019 году, данных за более ранние периоды нет.

Объемы выбросов, по итогам 2025 года, компания планирует снизить на 3,7 тыс. тонн. К 2050 году ОАО «РЖД» ставит перед собой цель достигнуть полной углеродной нейтральности. В связи с этим примем, что в 2026 году объем выбросов также сократится на 3,7 тыс. тонн.

Таблица 2

Данные для корреляционного анализа

Год	Суммарный объем выбросов парниковых газов (в т.ч. углекислого газа), тыс. т.	Уровень цифровой зрелости ОАО «РЖД»
2019	42,6	2,76
2020	40,9	3,58
2021	43	3,94
2022	37,3	3,95
2023	36,9	4
2024	33,2	4,05
2025 (прогноз)	29,5	4,1
2026 (прогноз)	25,8	4,5

Примечание. Составлено автором по источникам

Цифровая зрелость ОАО «РЖД» оценивается по результатам опроса руководителей и профильных специалистов по девяти направлениям.

Коэффициент корреляции рассчитывается по следующей формуле:

$$r = \frac{\sum(x-\bar{x})(y-\bar{y})}{\sqrt{\sum(x-\bar{x})^2 \cdot \sum(y-\bar{y})^2}}$$

По результатам расчетов коэффициента корреляции получаем значение -0,74. Это значение находится в диапазоне 0,71-0,99. Иначе говоря, между рассматриваемыми переменными существует сильная взаимосвязь. Причем коэффициент корреляции отрицательный, т.е. связь обратная – чем выше уровень цифровизации компании, тем ниже годовой объем выбросов парниковых газов.

Ограничения исследования

Несмотря на полученные результаты, следует отметить ряд ограничений данного исследования:

1. Размер выборки (n = 8 наблюдений) является относительно небольшим для построения статистических моделей. Увеличение количества наблюдений позволило бы повысить надежность результатов.
2. Исследование охватывает только ОАО «РЖД» и не включает анализ данных других железнодорожных компаний, что ограничивает обобщаемость выводов.
3. Прогнозные данные на 2025–2026 годы основаны на линейной экстраполяции исторических тенденций и не учитывают потенциальные непредвиденные факторы (технологические сбои, экономические кризисы и т. д.).
4. Исследование не включает анализ других переменных, которые могут влиять на выбросы (например, изменение климата, количество пассажиров), что может привести к смещению оценок.
5. Данные получены из открытых источников и могут содержать неточности в методике расчета выбросов.

Несмотря на эти ограничения, полученные результаты дают ценное представление о взаимосвязи между цифровизацией и снижением выбросов в железнодорожном транспорте.

Выводы

1. Анализ показал, что цифровизация процессов управления железнодорожным транспортом является средством повышения операционной эффективности, способствует достижению целей по декарбонизации ОАО «РЖД». Коэффициент корреляции (r = -0,74) находится между уровнем цифровой зрелости и суммарным объемом выбросов парниковых газов и указывает на сильную отрицательную связь. Чем глубже внедряются цифровые инструменты, тем значительно сокращаются выбросы парниковых газов.

2. Наблюдается снижение операционных издержек, через предиктивное обслуживание (ЦГВ), минимизацию простоев и автоматизацию рутинных диспетчерских задач. Цифровая трансформация, закрепленная в стратегических документах ОАО «РЖД», представляет собой комплексное, взаимосвязанное решение, которое одновременно обеспечивает выполнение строгих экологических требований, повышает надежность и безопасность перевозок, и гарантирует финансовую устойчивость компании в долгосрочной перспективе.

3. Результаты проведенного анализа подтверждают влияние цифровизации управления железнодорожным транспортом на снижение углеродного следа и операционных издержек ОАО «РЖД».

Литература

1. Luomala H, Halme R and Jönkkäri I. Reducing the carbon footprint of railway sleepers using recycled plastics. Front. Sustain [Электронный ресурс] / Frontiers. 2024 – Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/journals/sustainability/articles/10.3389/frsus.2024.1460159/full> (дата обращения: 13.09.2025).
2. Steele, H., Roberts, C. Towards a Sustainable Digital Railway // Sustainable Railway Engineering and Operations / Ed. by Simon Blainey, John Preston. – London: [Publisher], 2022. – 280 p.
3. Rempelos, G., Preston, J., and Blainey, S. A carbon footprint analysis of railway sleepers in the United Kingdom [Электронный ресурс] / Transportation Research Part D Transport and Environment. 2020. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/339572849_A_carbon_footprint_analysis_of_railway_sleepers_in_the_United_Kingdom (дата обращения: 13.09.2025).
4. Jensen K.M., Schmidt P. AI applications in railway systems: efficiency and sustainability perspectives // Journal of Rail Transport Planning & Management. – 2025. – Vol. 22. – P. 78-95.
5. Smart Rail: IoT Revolutionising Sustainable Mobility // Transforma Insights. – 2025. – Access mode: <https://transformainsights.com/blog/smart-rail-iot-revolutionising>
6. Mitchell, G., Johnson, R. Application of Big Data and Internet of Things for predictive maintenance in railways // International Journal of Rail Transportation. – 2025. – Vol. 13. – № 2. – P. 145-162.
7. Chen H., Liu X. Digital transformation in railway operations: A systematic review // International Journal of Rail Transportation. – 2025. – Vol. 13, №2. – P. 145-162.
8. ИСУЖТ - Единая интеллектуальная система управления железнодорожным транспортом [Электронный ресурс] / НИИАС. – Режим доступа: <https://niias.ru/projects/isuzht/> (дата обращения: 20.11.2025)

9. Digitalization of Railway Transportation through AI-Powered Services:
10. Digital Twin Trains // European Transport Research Review. – 2024. – Vol. 13. – Art. 2. – DOI: 10.1186/s12544-024-00679-5.
11. Rail and Waterborne — Best for Low-Carbon Motorised Transport // European Environment Agency (EEA). – 2024. – Access mode: <https://www.eea.europa.eu/publications/rail-and-waterborne-transport>
12. Белогорский В.В. Цифровая трансформация железнодорожного транспорта России // Транспорт Российской Федерации. – 2025. – №2. – С. 15-22.
13. Иванова Е.С., Петров А.К. Влияние искусственного интеллекта на эффективность железнодорожных перевозок // Железнодорожный транспорт. – 2025. – №8. – С. 45-52.
14. Комплексная программа инновационного развития холдинга «РЖД» на период до 2025 года. – М.: РЖД, 2020.
15. Кузнецов Д.И. Экологические аспекты цифровизации транспорта // Экология и промышленность России. – 2025. – №7. – С. 28-34
16. Сидоров М.П., Алексеев В.Н. Цифровые технологии в управлении железнодорожным транспортом // Вестник ВНИИЖТ. – 2025. – №4. – С. 201-208.
17. Смирнова О.Л. Операционная эффективность цифровых решений в логистике // Логистика и управление цепями поставок. – 2025. – №3. – С. 67-73.
18. Чаркин Е.В. Цифровая экосистема железнодорожного транспорта: вызовы и возможности // Транспортная политика. – 2025. – №9. – С. 12-19.
19. Botte M., D'Acerno L. Sustainable transport and logistics: the role of digitalization // Transportation Research Part D. – 2025. – Vol. 115. – P. 103-118.
20. European Railway Agency. Digital Railway Transformation Report 2025. – Valenciennes: ERA, 2025.
21. Freight Transport Association. Digitalization Impact on Carbon Footprint // FTA Research Bulletin. – 2025. – №4. – P. 23-31.
22. International Union of Railways. Digital Rail Report 2025. – Paris: UIC, 2025.
23. Li W., Wang Y. Green logistics through digital technologies: Evidence from Chinese railways // Transportation Research Part E. – 2025. – Vol. 168. – P. 102-117.
24. McKinsey & Company. The Future of Mobility: How Transportation Technology Can Transform Business. – New York: McKinsey, 2025.
25. OECD. Digitalization and Transport: Key Trends and Policy Implications. – Paris: OECD Publishing, 2025.
26. PwC. Digital transformation in transportation: Global trends 2025. – London: PwC, 2025.
27. Railway Gazette International. Digital technologies driving rail efficiency gains // Railway Gazette. – 2025. – №6. – P. 45-48.
28. Smith J.R., Brown A.K. Environmental benefits of digitalized freight transport // Environmental Science & Policy. – 2025. – Vol. 142. – P. 89-102.
29. Thompson L.S. Digital railways: operational efficiency and carbon reduction // Transport Policy. – 2025. – Vol. 137. – P. 234-247.
30. Transport & Environment. Decarbonizing Rail Through Digitalization. – Brussels: T&E, 2025.
31. UN Global Compact. Sustainable Transport Solutions Through Digital Innovation. – New York: UNGC, 2025.
32. Wang Z., Zhang L. Smart transportation systems: A comprehensive analysis of environmental impacts // Environmental Research. – 2025. – Vol. 235. – P. 115-129.
33. World Bank. Digital Technologies for Sustainable Transport. – Washington: World Bank Group, 2025.
34. Zhang M., Chen Y. Artificial intelligence in railway operations: A comprehensive review of applications and environmental benefits // Sustainability. – 2025. – Vol. 17, №8. – P. 1934-1951. Bianchi, G., Fanelli, C., Freddi, F., Giuliani, F., La Placa, A. Systematic Review Railway Infrastructure Monitoring: From Classic Techniques to Predictive Maintenance // SAGE Journals: Proceedings of the Institution of Mechanical Engineers. – 2025. – DOI: 10.1177/16878132241285631.
35. Yuan, Z., Yuan, X., Yang, Y., Chen, J., Nie, Y., et al. Greenhouse Gas Emission Analysis and Measurement for Urban Rail Transit: A Review of Research Progress and Prospects // Digital Transportation and Safety. – 2023. – Vol. 2(1). – P. 36–51. – DOI: 10.48130/DTS-2023-0004.
36. Rail Track Condition Monitoring: On-Board Accelerometers in Railway Track Condition Monitoring. A Systematic Review // ScienceDirect. – 2025. – DOI: 10.1016/j.ijmuv.2025.001.

Digitalization of rail transport: reducing emissions and operational costs Panin D.I.

Siberian Transport University

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The study analyzes the impact of digitalization of the railway industry on solving the global task of decarbonization of the transport sector, as well as on the economic performance of the industry. JSC Russian Railways, being the largest railway operator in terms of operational track length, plays a key role in achieving the objectives of environmental sustainability of the transport sector. Digital transformation provides an opportunity to simultaneously reduce carbon emissions and operating costs of an enterprise. The study revealed a relationship between the level of digitalization of railway management and the reduction of the carbon footprint, as well as the operating costs of Russian Railways. The increase in the level of digitalization of Russian Railways management directly correlates with a decrease in greenhouse gas emissions and operating costs. The analysis covers the period from 2019 to 2025 and is based on a correlation analysis comparing greenhouse gas volumes with indicators of the company's digitalization level. The study includes eight time-based observations using data from official Russian Railways reports on sustainable development and corporate digitalization indexes. The statistical analysis was performed using the Pearson linear correlation coefficient. A strong inverse relationship ($r = -0.74$) has been revealed between the level of digitalization and greenhouse gas emissions, which confirms that the growth of digitalization leads to a significant reduction in emissions. Specific solutions are analyzed: intelligent motion control systems, fuel consumption monitoring systems (EASU DT), the use of Big Data and the Internet of Things for predictive analytics. These technologies have demonstrated a measurable contribution to reducing both the carbon footprint and transaction costs. The study confirms the role of digital technologies in achieving the environmental goals of the Russian Railways 2025 Digital Transformation Strategy and the company's Environmental Strategy. Digital transformation should be considered as a key tool for simultaneously achieving environmental sustainability and economic efficiency in railway operations.

Keywords: digital transformation, rail transport, carbon footprint, greenhouse gas emissions, transaction costs, sustainable development, predictive analytics.

References

1. Luomala H., Halme R., and Jönkkäri I. Reducing the carbon footprint of railway sleepers using recycled plastics. Front. Sustain [Electronic resource] / Frontiers. 2024. – Access mode: <https://www.frontiersin.org/journals/sustainability/articles/10.3389/frsus.2024.1460159/full> (accessed: 13.09.2025).
2. Steele, H., Roberts, C. Towards a Sustainable Digital Railway // Sustainable Railway Engineering and Operations / Ed. by Simon Blainey, John Preston. – London: [Publisher], 2022. – 280 p.
3. Rempelos, G., Preston, J., and Blainey, S. A carbon footprint analysis of railway sleepers in the United Kingdom [Electronic resource] / Transportation Research Part D Transport and Environment. 2020. – Access mode: https://www.researchgate.net/publication/339572849_A_carbon_footprint_analysis_of_railway_sleepers_in_the_United_Kingdom (access date: 09/13/2025).
4. Jensen K.M., Schmidt P. AI applications in railway systems: efficiency and sustainability perspectives // Journal of Rail Transport Planning & Management. – 2025. – Vol. 22. – P. 78-95.
5. Smart Rail: IoT Revolutionizing Sustainable Mobility // Transforma In-sights. – 2025. – Access mode: <https://transformainsights.com/blog/smart-rail-iot-revolutionising>
6. Mitchell, G., Johnson, R. Application of Big Data and Internet of Things for predictive maintenance in railways // International Journal of Rail Transportation. – 2025. – Vol. 13. – No. 2. – P. 145-162.

7. Chen H., Liu X. Digital transformation in railway operations: A systematic review // *International Journal of Rail Transportation*. – 2025. – Vol. 13, No. 2. – P. 145-162.
8. ISUZhT - Unified Intelligent Rail Transport Management System [Electronic resource] / NIIRAS. – Access mode: <https://niiras.ru/projects/isuzht/> (date accessed: 20.11.2025)
9. Digitalization of Railway Transportation through AI-Powered Services:
10. Digital Twin Trains // *European Transport Research Review*. – 2024. – Vol. 13. – Art. 2. – DOI: 10.1186/s12544-024-00679-5.
11. Rail and Waterborne — Best for Low-Carbon Motorized Transport // *European Environment Agency (EEA)*. – 2024. – Access mode: <https://www.eea.europa.eu/publications/rail-and-waterborne-transport>
12. Belogorsky V.V. Digital Transformation of Russian Railway Transport // *Transport of the Russian Federation*. – 2025. – No. 2. – pp. 15-22.
13. Ivanova E.S., Petrov A.K. The Impact of Artificial Intelligence on the Efficiency of Rail Transportation // *Railway Transport*. – 2025. – No. 8. – Pp. 45-52.
14. Comprehensive Program for Innovative Development of the Russian Railways Holding Company through 2025. – Moscow: Russian Railways, 2020.
15. Kuznetsov D.I. Environmental Aspects of Transport Digitalization // *Ecology and Industry of Russia*. – 2025. – No. 7. – Pp. 28-34
16. Sidorov M.P., Alekseev V.N. Digital Technologies in Rail Transport Management // *Bulletin of the All-Russian Research Institute of Railway Transport*. – 2025. – No. 4. – Pp. 201-208.
17. Smirnova O.L. Operational efficiency of digital solutions in logistics // *Logistics and supply chain management*. – 2025. – No. 3. – Pp. 67-73.
18. Charkin E.V. Digital ecosystem of rail transport: challenges and opportunities // *Transport policy*. – 2025. – No. 9. – Pp. 12-19.
19. Botte M., D'Acierno L. Sustainable transport and logistics: the role of digitalization // *Transportation Research Part D*. – 2025. – Vol. 115. – Pp. 103-118.
20. European Railway Agency. Digital Railway Transformation Report 2025. – Valenciennes: ERA, 2025.
21. Freight Transport Association. Digitalization Impact on Carbon Footprint // *FTA Research Bulletin*. – 2025. – No. 4. – P. 23-31.
22. International Union of Railways. Digital Rail Report 2025. – Paris: UIC, 2025.
23. Li W., Wang Y. Green logistics through digital technologies: Evidence from Chinese railways // *Transportation Research Part E*. – 2025. – Vol. 168. – P. 102-117.
24. McKinsey & Company. The Future of Mobility: How Transportation Technology Can Transform Business. – New York: McKinsey, 2025.
25. OECD. Digitalization and Transport: Key Trends and Policy Implications. – Paris: OECD Publishing, 2025.
26. PwC. Digital transformation in transportation: Global trends 2025. – London: PwC, 2025.
27. Railway Gazette International. Digital technologies driving rail efficiency gains // *Railway Gazette*. – 2025. – No. 6. – P. 45-48.
28. Smith J.R., Brown A.K. Environmental benefits of digitalized freight transport // *Environmental Science & Policy*. – 2025. – Vol. 142. – P. 89-102.
29. Thompson L.S. Digital railways: operational efficiency and carbon reduction // *Transport Policy*. – 2025. – Vol. 137. – P. 234-247.
30. Transport & Environment. Decarbonizing Rail Through Digitalization. – Brussels: T&E, 2025.
31. UN Global Compact. Sustainable Transport Solutions Through Digital Innovation. – New York: UNGC, 2025.
32. Wang Z., Zhang L. Smart transportation systems: A comprehensive analysis of environmental impacts // *Environmental Research*. – 2025. – Vol. 235. – P. 115-129.
33. World Bank. Digital Technologies for Sustainable Transport. – Washington: World Bank Group, 2025.
34. Zhang M., Chen Y. Artificial intelligence in railway operations: A comprehensive review of applications and environmental benefits // *Sustainability*. – 2025. – Vol. 17, No. 8. – P. 1934-1951. Bianchi, G., Fanelli, C., Freddi, F., Giuliani, F., La Placa, A. Systematic Review Railway Infrastructure Monitoring: From Classic Techniques to Predictive Maintenance // *SAGE Journals: Proceedings of the Institution of Mechanical Engineers*. – 2025. – DOI: 10.1177/16878132241285631.
35. Yuan, Z., Yuan, X., Yang, Y., Chen, J., Nie, Y., et al. Greenhouse Gas Emission Analysis and Measurement for Urban Rail Transit: A Review of Research Progress and Prospects // *Digital Transportation and Safety*. – 2023. – Vol. 2(1). – P. 36–51. – DOI: 10.48130/DTS-2023-0004.
36. Rail Track Condition Monitoring: On-Board Accelerometers in Railway Track Condition Monitoring. A Systematic Review // *ScienceDirect*. – 2025. – DOI: 10.1016/j.ijmuv.2025.001.

Персонализация, прозрачность и эмоциональная вовлеченность как фундаментальная основа развития репутации малого и среднего бизнеса Донецкой Народной Республики

Салита Светлана Викторовна
доктор экономических наук, профессор,

Гуськова Ольга Владимировна
кандидат экономических наук, доцент, Луганский государственный университет имени Владимира Даля,
guskova_olga@internet.ru

Стратегия цифрового маркетинга, реализованная ООО «Лаконд», представляет собой яркий пример трансформации продукта из категории потребительского блага в эмоциональный символ, способный формировать культурную идентичность и становится неотъемлемой частью повседневных и праздничных ритуалов.

Обобщая результаты предыдущих научных исследований и реализации индивидуализированных стратегий цифрового маркетинга у представителей пищевой отрасли малого и среднего бизнеса Донецкой Народной Республики, можно констатировать системное и статистически значимое усиление репутационного капитала, подтверждаемое количественными и качественными показателями: рост репутации по совокупности метрик (анализ отзывов, NPS) составил в среднем на +42%, рост доли повторных покупок на +55%, увеличение объема продаж через цифровые каналы на +63%, доля клиентов, выражающих доверие к бренду, возросла на 48%, а количество положительных органических упоминаний в социальных сетях на 110%. Таким образом, общая закономерность заключается в том, что репутация в условиях малого и среднего бизнеса Донецкой Народной Республики формируется не через технологии ради технологий, а через три фундаментальных столпа: персонализация, прозрачность и эмоциональная вовлеченность. Персонализация обеспечивает индивидуальную значимость бренда, прозрачность – его достоверность, а эмоциональная вовлеченность – его культурную принадлежность. Именно сочетание этих трех компонентов позволяет преодолеть стереотипы, восстановить доверие и превратить клиента из пассивного потребителя в активного участника брендингового процесса.

Для условий развития новых территорий доказано, что репутация малого и среднего бизнеса Донецкой Народной Республики может быть эффективно управляема не за счет бюджетных вложений, а за счет синергии трех ключевых компонентов – персонализации, прозрачности и эмоциональной вовлеченности, реализуемых через оптимизированную комбинацию базовых цифровых инструментов (социальные сети, веб-сайт, электронная почта, мобильные приложения), при этом мобильные приложения выступают не как обязательный элемент, а как усилитель лояльности при решении конкретных поведенческих задач. Это противоречит доминирующей в литературе тенденции считать мобильные технологии универсальным «золотым стандартом» цифрового взаимодействия, и вносит коррективы в теорию цифрового маркетинга, расширяя её применимость к низкотехнологичным, социально-замкнутым и экономически ограниченным рынкам.

Ключевые слова: репутационный маркетинг, персонализация, прозрачность, эмоциональная вовлеченность, фундаментальная основа репутация, цифровой маркетинг, малый и средний бизнес.

Донецкая Народная Республика вошла в состав Российской Федерации, в которой реализуются национальные проекты, флагманские проекты и государственные программы для развития малого и среднего предпринимательства [1].

Правовое регулирование отношений в сфере развития малого и среднего предпринимательства в Донецкой Народной Республике осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами Российской Федерации, Конституцией Донецкой Народной Республики, настоящим Законом и другими нормативными правовыми актами Донецкой Народной Республики, а также муниципальными нормативными правовыми актами [2].

Цифровая экономика имеет огромный потенциал для повышения эффективности и инновационного развития в различных секторах экономики, таких как производство, финансы, торговля, услуги, образование и здравоохранение. Цифровая экономика также вносит изменения в рабочие процессы, модели бизнеса, потребительское поведение и взаимодействие между людьми, что требует новых навыков и подходов к ведению предпринимательской деятельности и управлению [3, С. 207-228].

Цифровая среда открывает беспрецедентные возможности микросегментации клиентской базы и кастомизации контента на основе анализа онлайн-активности, социально-демографических характеристик [4].

Цифровой маркетинг представляет собой использование цифровых технологий для привлечения и удержания клиентов [5].

Развитие цифрового маркетинга в Донецкой Народной Республике находится на активной стадии и требует дополнительного научного осмысления и поиска рациональных и персонализированных решений для развития цифрового маркетинга в деятельности малого и среднего бизнеса Донецкой Народной Республики является актуальной темой научного исследования [6, С. 56-60].

При формировании стратегии цифрового маркетинга важно учитывать маркетинговые тренды цифровизации экономики, устойчивого развития территорий, тенденции развития цифрового маркетинга и цифровых инноваций, формирования стратегии развития репутационного маркетинга [7, С. 140-146]. Стратегия цифрового маркетинга, реализованная ООО «Лаконд», представляет собой яркий пример трансформации продукта из категории потребительского блага в эмоциональный символ, способный формировать культурную идентичность и становится неотъемлемой частью повседневных и праздничных ритуалов (рисунок 1).

В сегменте сладостей, где продукт исторически воспринимается как импульсивное, эпизодическое приобретение, а репутация – как следствие вкусовых характеристик и цены, «Лаконд» совершил парадигмальный сдвиг: от позиционирования как производителя десертов к созданию бренда-переживания, чья ценность определяется

не столько функциональными свойствами, сколько способностью вызывать эмоциональный отклик, ассоциироваться с значимыми жизненными моментами и генерировать социальную виральность. Этот переход основан на

принципах эмоционального маркетинга и культурной кокреации, где клиент перестаёт быть объектом коммуникации и становится её активным со-автором [8].

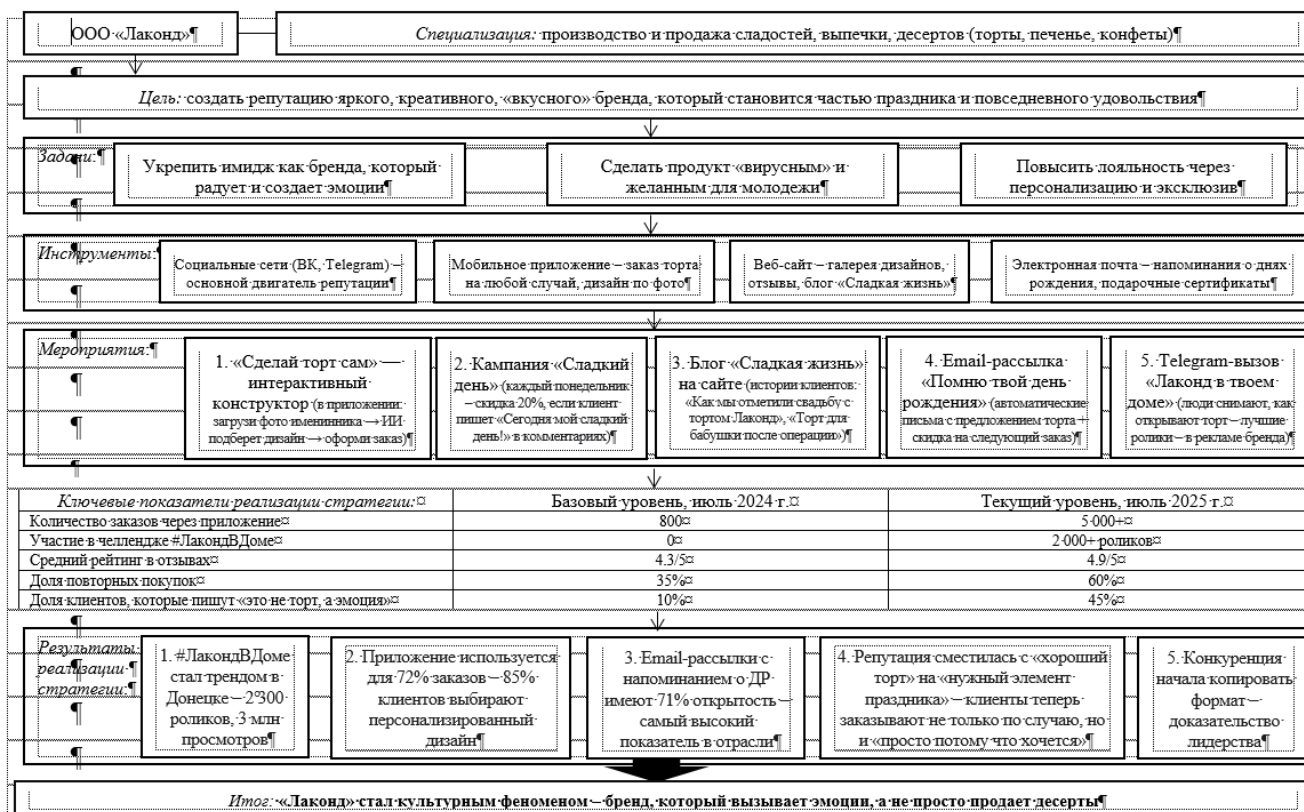

Рисунок 1 – Индивидуализированная стратегия цифрового маркетинга для ООО «Лаконд» (разработано автором)

Ключевым инструментом этой трансформации стало использование интерактивных цифровых платформ – мобильное приложение, социальные сети и персонализированные каналы – не как средства продаж, а как среды для создания нарративов, участия и самовыражения. Центральным элементом стратегии стал интерактивный конструктор «Сделай торт сам» в мобильном приложении, где технология искусственного интеллекта преобразует фотографию именинника в уникальный дизайн торта – тем самым превращая покупку в лично-значимый акт творчества.

Это соответствует теории «персонализированной идентификации», согласно которой потребитель стремится видеть себя в продукте, и подтверждается данными: 85% пользователей выбирают именно персонализированный дизайн, а 72% всех заказов осуществляются через приложение, что свидетельствует о глубокой интеграции бренда в личную практику потребления.

Параллельно кампания «Сладкий день» и email-рассылка «Помню твой день рождения» обеспечили поведенческую регулярность, превращая разовые покупки в повторяющиеся ритуалы, связанные с эмоциональными триггерами – не только праздниками, но и «просто потому что хочется». Уровень открытости email-рассылок достиг 71% – максимального показателя в отрасли – что указывает на высокий уровень психологической релевантности и персонализированной значимости сообщений.

На уровне массовой коммуникации запуск Telegram-вызова #ЛакондВДоме стал катализатором вирусной культурной метематизации: 2 300 пользовательских роликов с общим охватом более 3 млн просмотров превратили бренд в локальный феномен, где торт перестал быть просто десертом, а стал объектом социального признания, эстетического выражения и коллективного веселья. Этот

эффект соответствует концепции «виральной легитимации», когда доверие и желанность бренда возникают не через рекламу, а через органическое, эмоционально заряженное распространение среди пользователей.

Дополнительно блог «Сладкая жизнь» на сайте использовал нарративный подход, публикуя истории клиентов – от свадеб до торжеств после болезни – что превратило продукт в символ человеческой связи, заботы и преодоления, усиливая его эмоциональную глубину.

Конкурс «Лучший рецепт» и UGC-контент, в свою очередь, активировали механизм социального доказательства, где реальные пользователи становятся амбассадорами, а их опыт – надёжнее любой корпоративной рекламы.

Результатом стало увеличение доли повторных покупок с 35% до 60%, рост среднего рейтинга отзывов до 4,9/5 и, что наиболее значимо, смещение семантического поля восприятия: 45% клиентов стали описывать торт не как «хороший десерт», а как «не торт, а эмоция» – что свидетельствует о полном переходе от функционального к экзистенциальному уровню ценностного восприятия. Более того, факт копирования формата конкурентами подтверждает, что «Лаконд» не просто адаптировался к рынку, а создал новую стандартную модель поведения в сегменте – то есть стал лидером, задающим нормы.

Следовательно, стратегия «Лаконд» демонстрирует, что в условиях высокой конкуренции и низкой дифференциации продуктового предложения, репутация может быть построена не на качестве или цене, а на способности бренда стать носителем культуры, эмоций и личной истории. Это соответствует современным теориям постфункционального потребления, где товар перестаёт быть средством удовлетворения базовой потребности и превращается в артефакт идентичности.

В контексте Донецкой Народной Республики, где социальная устойчивость и эмоциональная поддержка приобретают особое значение, «Лаконд» стал не просто брендом, а культурным институтом, который помогает людям выражать любовь, радость и память через сладость. Его успех — это не маркетинговый триумф, а социальное достижение: доказательство того, что даже в простом десерте можно закодировать смысл, а в простом действии — создать традицию.

Данная модель служит эталоном для всех брендов, ориентированных на эмоциональные, ритуальные и праздничные категории потребления, и подтверждает, что в эпоху цифровой субъективности, наибольшую репутационную силу имеет тот бренд, который умеет не продавать продукт, а дарить чувство.

Обобщая результаты предыдущих научных исследований и реализации индивидуализированных стратегий цифрового маркетинга у представителей пищевой отрасли малого и среднего бизнеса Донецкой Народной Республики, можно констатировать системное и статистически значимое усиление репутационного капитала, подтверждаемое количественными и качественными показателями: рост репутации по совокупности метрик (анализ отзывов, NPS) составил в среднем на +42%, рост доли повторных покупок на +55%, увеличение объема продаж через цифровые каналы на +63%, доля клиентов, выражающих доверие к бренду, возросла на 48%, а количество положительных органических упоминаний в социальных сетях на 110% (таблица 1).

Таблица 1

Общие результаты реализации индивидуализированных стратегий цифрового маркетинга у представителей пищевой отрасли малого и среднего бизнеса Донецкой Народной Республики (собственный расчет автора)

Показатель	Общая динамика (среднее по 5 компаниям)
Рост репутации (по отзывам и NPS)	+42%
Рост повторных покупок	+55%
Рост продаж через цифровые каналы	+63%
Доля клиентов, доверяющих бренду	+48%
Количество положительных упоминаний в соцсетях	+110%

Эти данные свидетельствуют о том, что целенаправленная, контекстуально адаптированная и многоканальная цифровая коммуникация способна не просто компенсировать ограниченные ресурсы МСБ, но и трансформировать их в конкурентное преимущество, основанное не на масштабе, а на глубине взаимодействия.

Анализ эффективности инструментов выявил ключевую иерархию: наиболее значимым драйвером формирования репутации в условиях региональной цифровой среды ДНР является комбинация социальных сетей, веб-сайта и электронной почты, которые вместе образуют устойчивую экосистему доверия. Социальные сети обеспечивают массовую визуальную и эмоциональную доступность, позволяя брендам демонстрировать прозрачность, участвовать в диалоге и генерировать UGC, что особенно критично в условиях низкой медийной насыщенности и высокой зависимости потребителей от peer-to-peer информации.

Веб-сайт, в свою очередь, выполняет функцию легитимирующего центра — он служит архивом сертификатов, источником экспертного контента и платформой для документальной проверки заявленных ценностей, тем самым удовлетворяя когнитивный запрос на надежность. Электронная почта, несмотря на кажущуюся «устарелость», проявляет себя как наиболее персонализированный и эффективный канал удержания, обеспечивая высокую сте-

пень открытости (в некоторых случаях до 71%) за счет точечной адресности, напоминаний о жизненных событиях и связи с индивидуальным опытом клиента.

Совокупно эти три инструмента создают трехуровневую модель репутационного воздействия: визуальное присутствие (соцсети), интеллектуальная легитимация (сайт) и эмоциональная регулярность (email) — именно эта триада, а не какой-либо из элементов по отдельности, обеспечивает устойчивый рост лояльности и доверия. При этом мобильные приложения, хотя и не являются обязательным компонентом для всех сегментов, демонстрируют значительный дополнительный эффект (+30–50% к лояльности и частоте покупок), когда решают конкретные, поведенчески значимые задачи: автоматизацию заказа, персонализированное напоминание, трекинг сроков годности или интерактивную кастомизацию продукта.

Их эффективность определяется не технологической сложностью, а функциональной релевантностью для повседневной практики потребителя — они становятся не просто сервисами, а «цифровыми помощниками» в ритуалах потребления.

Таким образом, общая закономерность заключается в том, что репутация в условиях МСБ ДНР формируется не через технологии ради технологий, а через три фундаментальных столпа: персонализация, прозрачность и эмоциональная вовлеченность.

Персонализация обеспечивает индивидуальную значимость бренда, прозрачность — его достоверность, а эмоциональная вовлеченность — его культурную принадлежность. Именно сочетание этих трех компонентов позволяет преодолеть стереотипы, восстановить доверие и превратить клиента из пассивного потребителя в активного участника брендингового процесса.

Для потребителей Донецкой Народной Республики крайне важна роль современного цифрового маркетинга в моделировании отношений с потребителями товаров и услуг на виртуальных рынках [9, С. 1934-1945].

Для условий Донецкой Народной Республики доказано, что репутация малого и среднего бизнеса может быть эффективно управляема не за счет бюджетных вложений, а за счет синергии трех ключевых компонентов — персонализации, прозрачности и эмоциональной вовлеченности, реализуемых через оптимизированную комбинацию базовых цифровых инструментов (социальные сети, веб-сайт, электронная почта, мобильные приложения), при этом мобильные приложения выступают не как обязательный элемент, а как усилитель лояльности при решении конкретных поведенческих задач.

Это противоречит доминирующей в литературе тенденции считать мобильные технологии универсальным «золотым стандартом» цифрового взаимодействия, и вносит коррективы в теорию цифрового маркетинга, расширяя её применимость к низкотехнологичным, социально-замкнутым и экономически ограниченным рынкам.

Литература

1. Половян, А.В. Развитие промышленного региона на основе экосистемы предпринимательства / А.В. Половян, К.И. Силицына, Н.В. Стельмахова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2023. — №6 (132). [Электронный ресурс]. — Режим доступа открытый: <https://research-journal.org/archive/6-132-2023-june/10.23670/IRJ.2023.132.121/>
2. Закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Донецкой Народной Республике». Постановление Народного Совета Донецкой Народной Республики от 27 января 2023 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа открытый: <https://glavadnr.ru/doc/zakony/zl1432.pdf/>
3. Костин, К. Б. Влияние цифровой экономики на выбор международной маркетинговой стратегии / К. Б. Костин,

Ю. В. Малевич, И. В. Андреев // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 207-228. – DOI 10.18334/epp.14.2.120349.

4. Исмаилова, К. К. Методологические подходы к разработке цифровой маркетинговой стратегии образовательных онлайн-платформ в условиях трансформации российского рынка ДПО / К. К. Исмаилова // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17. – № s1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа открытый: <https://esj.today/PDF/61FAVN125.pdf>

5. Таппасханова, Е. О. Использование цифровых технологий в маркетинге / Е. О. Таппасханова, Р. А. Токмакова, А. Х. Атабиева, Ф. Р. Бисчекова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 10-1(100). – С. 164-168. – DOI 10.23670/IRJ.2020.100.10.031. – EDN KJKFOL.

6. Азарян, Е. М. О развитии цифрового маркетинга в Донецкой Народной Республике / Е. М. Азарян, В. О. Бессарабов, А. А. Бессарабова // Информационное пространство Донбасса: проблемы и перспективы : сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Донецк, 18 октября 2024 года. – Донецк: ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», 2024. – С. 56-60. – EDN HCRFXT.

7. Салита, С. В. Маркетинговые тренды в системе продвижения в сети интернет: нейроинновации, таргетирование, бенчмаркинг / С. В. Салита // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 28, № 12(153). – С. 140-146. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.12.28.017. – EDN VINSUL.

8. ООО «Лаконд». Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа открытый: <https://lakond.ru/o-kompanii/>

9. Азарян, Е. М. Роль современного цифрового маркетинга в моделировании отношений с потребителями товаров и услуг на виртуальных рынках / Е. М. Азарян, О. В. Воронина // Экономический анализ: теория и практика. – 2024. – Т. 23, № 10(553). – С. 1934-1945. – DOI 10.24891/ea.23.10.1934. – EDN YNVGDV.

Personalization, transparency and emotional engagement as a fundamental basis for developing the reputation of small and medium-sized businesses in the Donetsk people's republic
Salita S.V., Guskova O.V.

Vladimir Dahl Lugansk State University

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The digital marketing strategy implemented by Lakond LLC is a vivid example of the transformation of a product from the category of consumer goods into an emotional symbol capable of forming a cultural identity and becoming an integral part of everyday and festive rituals.

Summarizing the results of previous scientific research and the implementation of individualized digital marketing strategies among representatives of the food industry of small and medium-sized businesses of the Donetsk People's Republic, we can state a systematic and statistically significant increase in reputational capital, confirmed by quantitative and qualitative indicators: reputation growth by a combination of metrics (review analysis, NPS) averaged +42%, an increase in the share of repeat purchases

increased by +55%, sales through digital channels increased by +63%, and the share of customers expressing trust in the brand increased by 48%, and the number of positive organic mentions on social media is 110%. Thus, the general pattern is that the reputation of small and medium-sized businesses in the Donetsk People's Republic is formed not through technology for technology's sake, but through three fundamental pillars: personalization, transparency, and emotional engagement. Personalization ensures the individual importance of a brand, transparency ensures its credibility, and emotional engagement ensures its cultural identity. It is the combination of these three components that makes it possible to overcome stereotypes, restore trust and transform the client from a passive consumer into an active participant in the branding process.

For the conditions of development of new territories, it has been proved that the reputation of small and medium-sized businesses of the Donetsk People's Republic can be effectively managed not through budget investments, but through the synergy of three key components - personalization, transparency and emotional engagement, implemented through an optimized combination of basic digital tools (social networks, website, email, mobile applications), while mobile applications do not act as a mandatory element, but as a loyalty booster when solving specific behavioral tasks. This contradicts the prevailing tendency in the literature to consider mobile technologies as the universal "gold standard" of digital interaction, and introduces adjustments to the theory of digital marketing, expanding its applicability to low-tech, socially closed and economically limited markets.

Keywords: reputation marketing, personalization, transparency, emotional engagement, the fundamental basis of reputation, digital marketing, small and medium-sized businesses.

References

1. Polovyan, A.V. Development of an Industrial Region Based on an Entrepreneurship Ecosystem / A.V. Polovyan, K.I. Sinitsyna, N.V. Stelmakhova // International Research Journal. - 2023. - No. 6 (132). [Electronic resource]. - Open access mode: <https://research-journal.org/archive/6-132-2023-june/10.23670/IRJ.2023.132.121/>
2. Law "On the Development of Small and Medium Entrepreneurship in the Donetsk People's Republic." Resolution of the People's Council of the Donetsk People's Republic of January 27, 2023 [Electronic resource]. - Open access mode: <https://glavadnr.ru/doc/zakony/zl1432.pdf/>
3. Kostin, K. B. The Impact of the Digital Economy on the Choice of International Marketing Strategy / K. B. Kostin, Yu. V. Malevich, I. V. Andreev // Economy, Entrepreneurship and Law. – 2024. – Vol. 14, No. 2. – Pp. 207-228. – DOI 10.18334/epp.14.2.120349.
4. Ismailova, K. K. Methodological Approaches to Developing a Digital Marketing Strategy for Online Educational Platforms in the Context of the Transformation of the Russian DPO Market / K. K. Ismailova // Bulletin of Eurasian Science. – 2025. – Vol. 17. – No. s1. [Electronic resource]. - Open access mode: <https://esj.today/PDF/61FAVN125.pdf/>
5. Tappaskhanova, E. O. Use of digital technologies in marketing / E. O. Tappaskhanova, R. A. Tokmakova, A. Kh. Atabieva, F. R. Bischeikova // International Research Journal. - 2020. - No. 10-1 (100). - P. 164-168. - DOI 10.23670/IRJ.2020.100.10.031. - EDN KJKFOL.
6. Azaryan, E. M. On the development of digital marketing in the Donetsk People's Republic / E. M. Azaryan, V. O. Bessarabov, A. A. Bessarabova // Information space of Donbass: problems and prospects: collection of materials of the VII International scientific and practical conference, Donetsk, October 18, 2024. - Donetsk: FSBEI HE "Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky", 2024. - Pp. 56-60. - EDN HCRFXT.
7. Salita, S. V. Marketing trends in the online promotion system: neuroinnovations, targeting, benchmarking / S. V. Salita // Economy and management: problems, solutions. - 2024. - Vol. 28, No. 12 (153). - Pp. 140-146. - DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.12.28.017. - EDN VINSUL.
8. Lakond LLC. Official website [Electronic resource]. - Open access mode: <https://lakond.ru/o-kompanii/>
9. Azaryan, E. M. The role of modern digital marketing in modeling relationships with consumers of goods and services in virtual markets / E. M. Azaryan, O. V. Voronina // Economic analysis: theory and practice. – 2024. – Vol. 23, No. 10 (553). – P. 1934-1945. – DOI 10.24891/ea.23.10.1934. – EDN YNVGDV.

Организационно-управленческий механизм создания экоиндустриальных парков как среды реализации государственно-частного партнерства

Смирнова Татьяна Сергеевна

соискатель кафедры менеджмента и управления персоналом, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, kafedramunh@mail.ru,

Головина Татьяна Александровна

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и управления персоналом, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, golovina-ta@ranepa.ru

Экологическое благополучие выступает неотъемлемым атрибутом качества жизни, который формирует среду, обеспечивающую удовлетворенность и заинтересованность территорией постоянного проживания как местным населением, бизнес – структурами, так и внешними заинтересованными сторонами.

В статье предложен организационно-управленческий механизм создания экоиндустриальных парков как среды реализации государственно-частного партнерства при решении задач государственной экологической политики для обеспечения экологического благополучия. В основе авторского механизма лежит комплексный анализ, направленный на выявление и систематизацию ключевых институциональных условий и факторов, формирующих инвестиционную привлекательность экоиндустриального парка для потенциальных резидентов. Выделенные параметры включают не только традиционные экономические стимулы, но и специфические экологические, инфраструктурные и регуляторные аспекты, определяющие долгосрочную устойчивость и конкурентоспособность предприятий в рамках симбиотического кластера и способствующие формированию основ безопасного развития территорий, стимулирования экологизации экономики.

Ключевые слова: экоиндустриальный парк, государственно-частное партнерство, экологическое благополучие, государственное управление.

Введение

Совокупный международный и отечественный опыт свидетельствует о необходимости гибкого сочетания стратегического государственного планирования и рыночных регуляторов в целях достижения сбалансированности системы материальных потоков, включающей отходы, а также продукцию и услуги с применением вторичных ресурсов и сырья [8]. Неотъемлемым условием эффективности данной модели является учет принципов симбиоза, а также развитие межотраслевого и межрегионального взаимодействия в области управления отходами. Считаем, что одним из самых действенных путей для достижения названной цели является создание экоиндустриальных парков (ЭИП). Именно ЭИП должны стать механизмом успешного решения задач национального проекта «Экологическое благополучие» и эффективным инструментом государственной экологической политики.

ЭИП можно охарактеризовать следующим образом: ЭИП – это группа предприятий (производственных, обслуживающих и т.д.), которые объединены общими целями, направленными на повышение экологической и экономической эффективности процессов деятельности через взаимное сотрудничество и совместное управление оптимизацией использования ресурсов для улучшения общего экологического состояния окружающей среды. Подразумевается, что данные предприятия достигнут поставленных целей через обмен ресурсами, систему планирования деятельности с минимальным количеством отходов и установление связей, учитывающих экономические, экологические и социальные аспекты [12].

Именно ЭИП целесообразно считать важным катализатором формирования экономики замкнутого цикла. Данная организационно-управленческая модель демонстрирует, что именно модернизация системы потребления ресурсов способно улучшить экологическую и экономическую ситуацию.

Обсуждение и результаты

ЭИП уже активно внедрились как в экономически развитых странах (США, Германия), так и во многих развивающихся (Индия). Кроме этого, прекрасным примером создания и функционирования ЭИП могут служить страны АТР: Южная Корея, Китай, Вьетнам. В каждой из представленных стран на данном этапе развития ЭИП можно назвать развитыми и относящимися к привычным элементам жизни общества [11].

Южная Корея уже более 20 лет занимается развитием подобных парков в стране и является одним из лидеров в этом направлении. Особенностью является четкий контроль за деятельностью данных парков со стороны отдельного органа – Корейской корпорации промышленного комплекса, что и позволяет рассматривать парки как единое целое, то есть как систему, деятельность которой четко спланирована и вероятность ошибок минимальна из-за пристального контроля. Благодаря такому управлению, работа по контролю деятельности парков становится максимально простой и прозрачной: управление затрагивает всевозможные аспекты, начиная от разработки стратегии и планирования, заканчивая оценкой результатов деятельности. Это подтверждает, насколько важен правильный подход к управлению деятельностью созданных парков.

В качестве успешно реализованной модели ЭИП целесообразно рассмотреть опыт Китая. Высокая результативность функционирования подобных парков в данном государстве обеспечивается в первую очередь неукоснительным следованием как национальному природоохранному законодательству, так и локальным региональным нормам в сфере экологии. Фактически обязательным правилом для китайских ЭИП выступает следующее фундаментальное требование: состояние окружающей природной среды на территории парка обязано строго соответствовать утвержденным государственным экологическим нормативам [10]. Это подразумевает, что каждое предприятие, входящее в состав парка, должно соблюдать установленные предельно допустимые уровни загрязнения водных ресурсов, атмосферного воздуха, почв и других компонентов экосистемы. Описанная система организации, нацеленная на максимальное сокращение антропогенной нагрузки на природу, получила название промышленный симбиоз. Именно эта модель в китайской практике управления ЭИП приобрела особое значение и демонстрирует высокую эффективность.

Во Вьетнаме успешное решение вопросов экологизации через создание ЭИП связано с особыми условиями для вовлечения организаций в деятельность парков (через налоговые льготы), а также с контролем эффективности решений и деятельности ЭИП через оценку изменения окружающей среды и опроса населения.

Таким образом, успешное внедрение и долгое функционирование ЭИП в зарубежных странах связано с особенностями каждой из них. Стоит признать, что именно четкий контроль органов власти, продуманная стратегия, нормативно-правовая база и своевременное выявление недостатков – залог успешного и долгого функционирования ЭИП. В каждой из этих стран есть органы для инициации и контроля, система четкого отслеживания результативности деятельности, а также эко-менеджмент, позволяющий грамотно управлять системами ЭИП.

Как показывает международный опыт, создание ЭИП приводит к значимым синергетическим эффектам: система промышленного симбиоза приносит многомиллионную экономию и существенно снижает антропогенную нагрузку.

Таблица 1
Сравнительный анализ эколого-экономических эффектов от создания ЭИП в мировой практике

Страна	Годовой экономический эффект	Годовой экологический эффект	Ключевой фактор успеха
Дания	Экономия >24 млн евро	Снижение выбросов CO ₂ на 240 тыс. тонн; экономия воды 3.6 млн м ³	Промышленный симбиоз, долгосрочные контракты
Китай	Рост ВВП на 15% за 5 лет	Утилизация >95% промышленных отходов парка	Жесткое экологическое законодательство, расширенная господдержка
Вьетнам	Привлечение \$500 млн инвестиций	Создание систем очистки стоков для 10 близлежащих населенных пунктов	Налоговые каникулы, упрощенное администрирование

В рамках данного исследования считаем обоснованным использовать подход к формированию и реализации государственной политики в Российской Федерации, базирующийся на принципах проектного управления и сценарного анализа, в котором ключевым тезисом является положение о необязательности совпадения границ ЭИП с

административно-территориальным делением. В качестве более продуктивной модели предлагается создание ЭИП на основе интеграции потенциала нескольких географически близких и сопредельных муниципальных образований или субъектов Федерации. Таким образом, отдельные регионы могут выступать в роли равноправных участников комплексного экологического проекта, стратегическая цель которого – обеспечение экологического благополучия макрорайона, а мотивацией – получение синергетического эффекта для развития экономики и бюджетной системы.

В настоящее время создаются экопромышленные парки, которые могут стать частью государственной экологической системы (Рисунок 1).

На наш взгляд, их пространственное распределение не носит системного характера. Цели создания данных эко единиц не включают в качестве ключевого элемента установление связей с промышленными предприятиями, бизнес-структурами и инфраструктурными объектами.

В тоже время, следует отметить наличие в России незадействованного экологического потенциала периферийных территорий, где сформированы развитые инфраструктурные предпосылки, включая инженерную, социальную и научную сферы.

Экопромышленный парк в Егорьевске Московской области
• размещение предприятий по переработке стекла, древесины, резины и органических отходов
Экопромышленный парк в Новосибирской области
• утилизация стеклобоя, отходов строительства и сноса зданий, а также органических отходов
Экопромышленный парк в Ставропольском крае
• переработка полимеров, а также производстве технического грунта и RDF-топлива
Экопромышленный парк в Челябинской области
• утилизация отходов полимеров, бытовой техники и печатных картриджей
Экопромышленный парк в Нижегородской области
• переработка жидких нефтесодержащих отходов и отходов полимеров, а также организация производства модификаторов на основе модифицированных полимеров
Экопромышленный парк в Краснодарском крае
• переработка вторичных ресурсов, среди которых бумага, стекло и пластик
Экопромышленный парк в Приморском крае
• переработка стекла, пластика и макулатуры, а также включение производства по переработке полимерной упаковки, пенополистирола, картона и бумаги
Экопромышленный парк в Ленинградской области
• переработка разных видов отходов, включая полимеры, резину и стекло

Рисунок 1 – Экопромышленные парки в Российской Федерации и направления их деятельности в рамках обеспечения экологического благополучия

Формирование эффективных региональных экологических систем требует мобилизации всего экологического потенциала территорий. Это позволит создать среду для активной кооперации субъектов, заинтересованных в реализации государственной политики для обеспечения экологического благополучия — участников создания, распространения и апробации экологических проектов [2]. Результатом такой мобилизации станет активизация деловой активности, а также рост инвестиционной привлекательности региона для капитала и квалифицированных кадров.

В свою очередь региональная экологическая система формируется на базе ЭИП как её структурных ядер, концентрирующих эколого ориентированную деятельность. Инфраструктуру системы составляют сети, в частности цифровые платформы, поддерживающие межорганизационные связи, кооперацию в сфере экологии, а также институциональное взаимодействие. Основное предназначение такой системы — стимулирование экологических процессов и распространение экологических проектов в экономике отдельной территории.

Анализ существующих исследований в области формирования и развития ЭИП позволил выявить ряд методологических недостатков. В частности, большинство работ опирается на обширный, но несистематизированный перечень причин, условий и факторов, определяющих привлекательность парка для потенциальных резидентов [13]. Отсутствие четких критериев для классификации данных факторов приводит к формированию расплывчатых и неконкретных представлений о путях устранения барьеров, сдерживающих развитие ЭИП [12].

Считаем целесообразным для вовлечения участников экоиנדустриальных парков в реализацию государственной политики для обеспечения экологического благополучия рассмотреть два ключевых аспекта:

- первый аспект охватывает условия (включая институциональные), детерминирующие мотивацию потенциального резидента экоиנדустриального парка [3];
- второй аспект относится к факторам, формирующим ключевые характеристики самого парка, которые лежат в основе намерения резидента совершить конкретные действия экологического характера, выражающиеся в неформальном акте размещения активов на его территории.

С позиции деятельности органов государственной власти целесообразно выделить ряд ключевых институциональных условий, которые совместно с факторами деятельности резидентов ЭИП будут способствовать развитию стратегических партнерских отношений в рамках реализации государственной экологической политики (Рисунок 2).

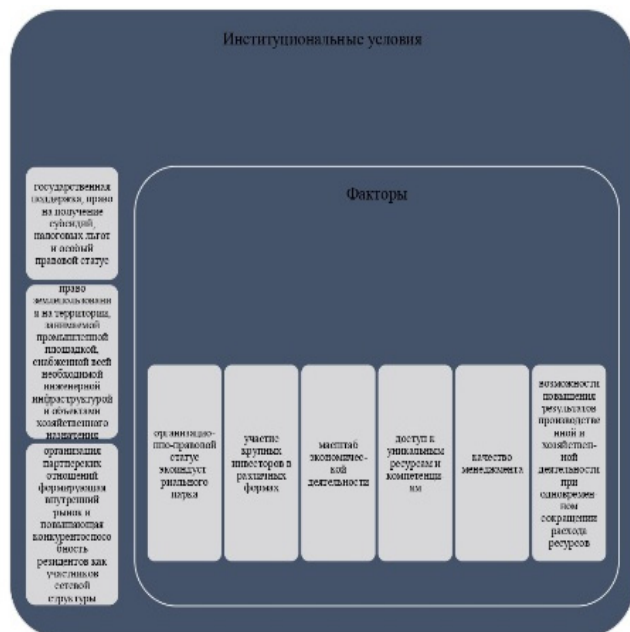

Рисунок 2 – Выделенные условия и факторы, формирующие привлекательный для резидентов образ ЭИП (составлено авторами)

В России продолжительность периода разработки и применения мер государственной поддержки, направленных на создание и развитие ЭИП, является относительно небольшой [6]. Данный институт находится в стадии становления, что подтверждается наличием противоречий и зачастую фрагментарного характера нормативных предписаний, низкой эффективностью установленных для парковых структур налоговых льгот, а также ограниченными объемами финансовой поддержки со стороны региональных и федеральных органов власти [5]. Данная поддержка имеет тенденцию к сокращению в периоды возникновения рисков бюджетного дефицита.

Следовательно, положительные результаты развития ЭИП, такие как устойчивый количественный рост, наличие государственного финансирования и совершенствование законодательной базы, носят ограниченный характер и не могут быть оценены как удовлетворительные. Фактически, на текущем этапе отсутствуют ЭИП, которые по уровню развитости инфраструктуры и квалификации кадров соответствовали бы ведущим зарубежным аналогам [14].

Считаем наиболее важным направлением решения проблем ЭИП в России является развитие отношений органов государственной власти и бизнес – структур, представленных в разных формах государственно-частного партнерства (ГЧП), поскольку данный тип коммуникации может облегчить поиск инвесторов, а значит и сам процесс создания парков обретет новую скорость.

Обеспечение экологического благополучия территорий и населения наиболее перспективно посредством повышения эффективности использования ресурсов на основе механизмов государственно-частного партнерства.

Данное обстоятельство обуславливает наличие синергетической взаимосвязи между стратегиями пространственного развития, проектами государственно-частного партнерства и стратегическими ориентирами бизнес-общества и органов государственного управления, что актуализирует потребность в обеспечении скоординированного планирования и достижения стратегической согласованности (Рисунок 3).

Успешная реализация государственных инициатив на федеральном и региональном уровнях требует применения комплексного подхода, направленного на преодоление высоких транзакционных издержек и институциональных барьеров, затрудняющих эффективное партнерство между публичными и частными субъектами [1].

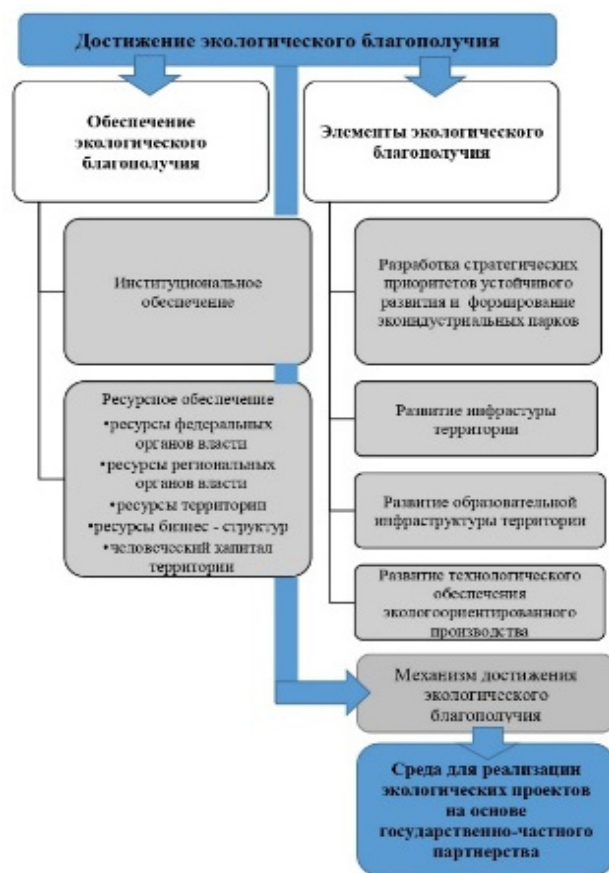

Рисунок 3 - Концепция обеспечения экологического благополучия территории в государственной политике на основе государственно-частного партнерства (составлено авторами)

В качестве рациональной модели ГЧП для ЭИП в РФ, учитывая направленность на работу с отходами производства и потребления, может служить Великобритания, Франция, Германия, Испания. В данных странах частный сектор играет большую роль не только в финансировании реализации проектов по работе с отходами, но и во всех процессах, включая контроль деятельности эко-индустриальных парков. В зарубежных странах в качестве частных инвесторов привлекаются компании, которые готовы предложить помощь в удалении отходов, их транспортировке до мест переработки. Наиболее активно используются две схемы для ГЧП, суть которых в основных процессах, ответственность за которые ложится на частных инвесторов в большей степени:

- BOT (строительство-эксплуатация-передача);
- DBFO (проектирование-строительство-финансирование-эксплуатация).

В России ГЧП целесообразно реализовывать с применением различных форм: бытовые и коммерческие совместные предприятия на территории ЭИП; совместное ведение процессов по передаче, уплотнения, транспортировке до мест переработки отходов и многое другое [7]. Частные инвесторы и резиденты могут выполнять различные функции в процессе создания и функционирования ЭИП: разработка предложений; участие в процессе реализации; контроль деятельности; соблюдение правил; отслеживание динамики результатов; поиск новых резидентов и партнеров; финансирование развития ЭИП; принятие ответственности за результаты; обеспечение гарантий и многое другое.

Изложенные предпосылки обуславливают необходимость создания дополнительных стимулирующих механизмов для данных организаций. Такие механизмы могут быть реализованы посредством целевого финансирования или предоставления специальных преференций, направленных на интенсификацию их вовлеченности в экологическую деятельность. Критически важным фактором при этом выступает координация действий хозяйствующих субъектов, в частности, в области производственных регламентов. Данная координация является ключевым элементом в формировании адекватных производственных систем, сконфигурированных для достижения синергетического эффекта, что в итоге приводит к оптимизации ресурсопотребления в границах парка.

Особое внимание со стороны органов государственной власти следует уделить поддержке внедрению концепции экологического менеджмента в деятельности предприятий – резидентов ЭИП. Считаем важным развитие экологической ответственности бизнес – структур, выступающих участниками ЭИП.

На основе обоснованного подхода к созданию ЭИП целесообразно сформировать организационно-управленческий механизм поддержки хозяйствующих субъектов, ориентированных на использование и внедрение технологий циркулярной экономики, который будет способствовать оказанию более эффективной и адресной помощи предприятиям и стимулированию развития циркулярной экономики (Рисунок 4).

Ценность предложенного механизма состоит в том, что в результате его реализации у всех ключевых стейкхолдеров формируется экологическая ответственность, являющаяся стратегическим источником их добровольного участия в непрерывных процессах экологического улучшения и внедрения технологий циркулярной экономики.

Использование предложенного подхода, по мнению автора данного исследования, позволит расширить сферу применения экологического менеджмента в отраслях и принимать обоснованные управленческие решения сов-

местно с поставщиками, производителями, переработчиками, транслирующими приверженность целям достижения экологического благополучия на российских территориях.

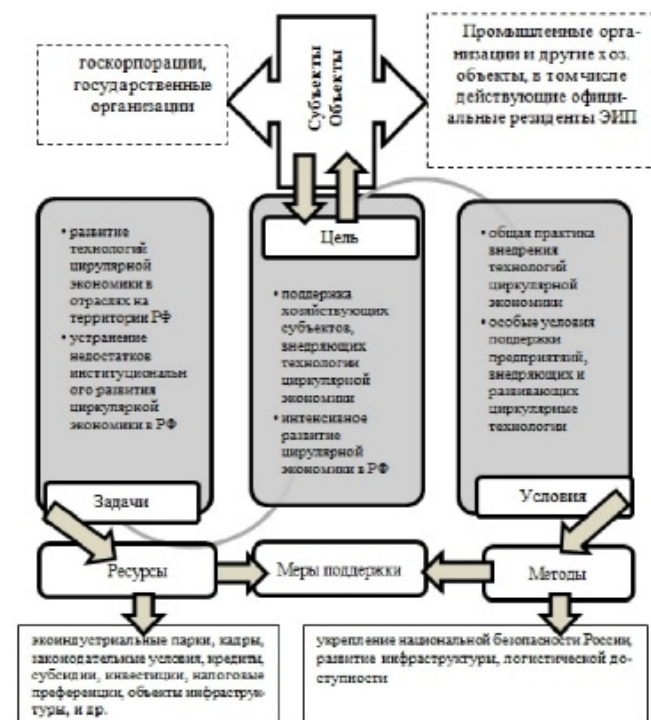

Рисунок 4 – Организационно-управленческий механизм государственной поддержки внедрения технологий циркулярной экономики в деятельность хозяйствующих субъектов – резидентов ЭИП (составлено авторами)

Таким образом, повышение эффективности использования ресурсов в рамках национальной производственной системы требует согласованных действий экономических агентов. Такая координация должна осуществляться как на оперативном уровне отдельных экоиנדустриальных парков, так и на стратегическом уровне при их интеграции в рамках государственной политики обеспечения экологического благополучия.

В рамках предлагаемой модернизированной модели обосновывается интеграция концепции ЭИП, ориентированных на экологическую эффективность, с механизмами государственно-частного партнерства. Ключевое отличие данной модели от традиционных специальных экономических зон (СЭЗ) заключается в преодолении их пассивной, преимущественно фискальной природы. В отличие от СЭЗ, ограниченных предоставлением льгот в рамках заданной территории, предлагаемый подход предполагает активное институциональное участие государства в формировании и стратегическом управлении экономикой, основанной на принципах устойчивого развития.

Наряду с устоявшимися типологиями формируется новая модель партнерства в рамках ЭИП, синтезирующий характеристики как пассивных, так и активных форм взаимодействия. Данная концепция расширяет управленческий инструментарий для выстраивания синергетических связей между государственным и частным сектором в целях обеспечения экологического благополучия территорий и населения.

В системе государственно-частного партнерства по критерию точности адресного воздействия можно выделить две основные категории инструментов:

1. Инструменты общего (макроуровневого) регулирования, направленные на трансформацию институциональной среды, формирование системных стимулов и

коммуникацию долгосрочных стратегических приоритетов государства. К ним относятся:

- Налогово-бюджетное регулирование (фискальное законодательство);
- Стратегические и целевые государственные программы;
- Индикативное планирование развития отраслей и территорий.

2. Селективные (мезоуровневые) инструменты, применяемые для преобразования среды в рамках конкретных отраслей или территориальных образований:

- Специальные экономические зоны (ОЭЗ) и кластерные инициативы (включая экологические кластеры);
- Территориально-производственные комплексы (ТПК) и комплексные проекты в сфере инфраструктуры и энергетики [4].

Указанные инструменты выполняют координирующую функцию во взаимодействии государства и частного капитала. Она реализуется, во-первых, через формирование специальных режимов (таких как особые экономические зоны или экологические кластеры), предоставляющих целевые налоговые льготы для технологически ориентированных видов деятельности, соответствующих установленным нормативам. Во-вторых, — через механизмы ГЧП.

Данные функции, обеспечивая интернализацию внешних эффектов и тем самым стимулируя бизнес-структуры к социально и экологически ответственному поведению, носят, однако, безличный характер вследствие своего средового (неадресного) механизма воздействия.

В отличие от них, инструменты ГЧП (в понимании 224-ФЗ) и смежных форм, основанных на явных контрактах с конкретными субъектами бизнеса, отличаются выраженной адресностью. Оператор для реализации конкретной задачи или группы задач определяется посредством конкурсных процедур, по итогам которых заключается индивидуальное соглашение.

В тоже время, возможна ситуация одновременного заключения операторской компанией как эксплицитных, так и имплицитных контрактов. При этом уполномоченный орган, выступая источником формальных и неформальных институтов в пределах экономической зоны, ЭИП (кластера), оказывает целенаправленное воздействие на её формальную институциональную среду. Это влияние может реализовываться, в частности, через модификацию параметров налоговых отношений, например, путём изменения ставок региональных или местных налогов.

Для эколого-экономического обоснования целесообразности включения деятельности ЭИП в реализацию государственной политики для обеспечения экологического благополучия рассмотрим экономико-математическую модель, основанную на тщательном оценке вклада каждой компоненты в виде экологических, климатических, отраслевых и территориальных факторов. Создание ЭИП на принципах ГЧП направлено на повышение заинтересованности бизнес-структур во внедрении «зеленых» технологий, развитии экологоориентированной деятельности, что из-за высоких затрат и длительного срока окупаемости в настоящее время является непривлекательным и выгодным.

Содержание модели основано на оценке совместного участия органов государственной власти, бизнес-структур на всех этапах реализации механизма и получении как основных, так и дополнительных эффектов (Таблица 1).

Государство предоставляет льготы по налогу на имущество, ускоренную амортизацию, гарантии по кредитам, а в качестве эффектов получает снижение нагрузки на экологию, рост ВВП за счет повышения конкурентоспособности продукции, создание рабочих мест.

Таблица 1

Эколого-экономическая характеристика поэтапного создания ЭИП на принципах ГЧП

Этап	Участники	Содержание экономико-математической модели	Показатели модели
1. Инвестиционная фаза	Государство	I_g — инфраструктура, земля, льготы	$I = I_g + I_p$
	Частный партнёр	I_p — технологии, оборудование, управление	
2. Эксплуатационная фаза	Предприятия-резиденты парка	$Seco$ — затраты на «зелёные» технологии Bt — экономия на ресурсах, доход от квот	$\Delta R, \Delta E$ — снижение ресурсов/выбросов
3. Распределение эффектов	Государство	$\alpha \cdot \Delta B$ — налоги, экологический эффект	$Seco = \Delta E \cdot T$
	Частный партнёр	$(1 - \alpha) \cdot \Delta B$ — прибыль, снижение издержек	NPV, IRR

Бизнес-структуры в лице инвесторов /управляющей компании участвует в инвестировании «зеленых» проектов / осуществляет управление ЭИП, а в качестве эффектов получает прибыль от аренды, услуг, продажи энергии/ресурсов, а также от снижения издержек предприятий-резидентов.

Бизнес-структуры - резиденты парка производят оплату услуг ЭИП, формируют кооперационные связи, сетевые и стратегические сообщества, а в качестве эффектов получают доступ к «зеленым» сертификатам, повышение экспортного потенциала, снижение ресурсозатрат.

Таким образом, ключевыми результатами предлагаемого управленческого механизма в рамках применения экономико-математической модели должны стать:

Эффект для органов государственной власти:

$$\text{Эффект}_1 = Seco + \Delta \text{Налоги} - I_g$$

Эффект для бизнес – структур в лице инвесторов /управляющей компании

$$NPV_4 = \sum_{t=1}^T (\text{Доход}_t - \text{Затраты}_t) / (1+r)_t - I_p$$

где Доход_t — арендные платежи, продажа энергии, услуги.

Эффект для бизнес – структур - резидентов парка

Экономия = $(R_{\text{before}} - R_{\text{after}}) \times \text{Цена ресурса} + \text{Премия за «зеленый» сертификат}$

Прямые выгоды от реализации предлагаемого управленческого механизма возникают у конкретного участника и отражаются в финансовых потоках (прибыль, экономия, доход).

Косвенные выгоды не имеют прямой стоимостной оценки у участника ЭИП; проявляются через внешние эффекты; влияют на среду, репутацию, качество жизни населения, инвестиционный климат территории (таблицы 1-7) [9].

Таблица 2

Содержание прямых выгод для органов власти Орловской области

№	Выгода	Расчёт / Обоснование	Сумма, млн руб./год
1	Рост налоговых поступлений	НДС, налог на прибыль резидентов, НДФЛ	40,0
2	Плата за негативное воздействие	Сохраняется (не снижается, но не падает)	—
3	Экономия бюджетных средств на экологическую компенсацию	Снижение ущерба здоровью населения, очистке территорий	27,0

№	Выгода	Расчёт / Обоснование	Сумма, млн руб./год
4	Арендная плата за землю	Доля государства в доходе от аренды	1,5
	Итого прямых выгод		68,5

Таблица 3
Содержание косвенных выгод для органов власти Орловской области

№	Выгода	Описание / Эффект
1	Создание новых рабочих мест	500 мест → снижение безработицы, рост доходов населения
2	Рост инвестиционной привлекательности региона	«Зеленый» проект на принципах ГЧП → приток новых инвесторов в регион
3	Улучшение экологической обстановки	Снижение выбросов CO ₂ на 13,5 тыс. т/год
4	Технологические возможности для развития для смежных отраслей	Трансфер технологий в строительство, транспортную инфраструктуру

Таблица 4
Содержание прямых выгод для инвесторов / управляющей компании ЭИП

№	Выгода	Расчёт / Обоснование	Сумма, млн руб./год
1	Арендная плата от резидентов	5 руб./м ² × 500 000 м ²	2,5
2	Доход от технологических услуг	Наценка 15% на энергоресурсы, воду	26,1
3	Доход от продажи квот CO ₂	13 500 т × 1000 руб.	13,5
4	Доход от утилизации отходов	10 000 т × 1500 руб.	15,0
5	Субсидия государства на инвестиции (30%)	30% от <i>I_p</i> (разово)	210,0 (разово)
6	Налоговые льготы (каждые 5 лет)	Освобождение от налога на прибыль	+15,0
7	Гарантия минимальной доходности	12% от <i>I_p</i>	+84,0
	Итого прямых выгод для инвесторов / управляющей компании ЭИП		156,6

Таблица 5
Содержание косвенных выгод для инвесторов / управляющей компании ЭИП

№	Выгода	Описание / Эффект
1	Рост деловой репутации	Позиционирование как «зеленого» девелопера
2	Возможность масштабирования	Тираж модели в другие регионы
3	Доступ к льготному кредитованию	Участие в ГЧП – проектах — критерий для программ ВЭБ.РФ, Минпромторга

Таким образом, прогнозные эколого-экономические обоснования предложенного механизма аргументированно показывают, что прямые выгоды обеспечивают финансовую реализуемость «зеленого» проекта на принципах государственно-частного партнерства. Резиденты получают 189 млн руб./год экономии; инвестор получает 156 млн

руб./год дохода; государство возвращает инвестиции через 68 млн руб./год налогов и платежей.

Таблица 6
Содержание прямых выгод для предприятий-резидентов ЭИП

№	Выгода	Расчёт / Обоснование	Сумма, млн руб./год
1	Экономия на электроэнергии	30 млн кВт·ч × 5,8 руб.	174,0
2	Экономия на плате за НВОС	Снижение платы за выбросы	2,7
3	Экономия на утилизации отходов	10 000 т × 1500 руб.	10,0
4	Дополнительный доход от продажи «зеленых» сертификатов	13 500 т × 200 руб. (оценка)	2,7
	Итого прямых выгод для предприятий-резидентов ЭИП		189,4

Таблица 7
Содержание косвенных выгод для предприятий-резидентов ЭИП

№	Выгода	Описание / Эффект
1	Повышение конкурентоспособности продукции	Доступ на международные рынки с эко-стандартами
2	Рост инвестиционной привлекательности бизнеса	Участие в «зеленом» проекте = снижение рисков
3	Устойчивость к росту тарифов	Меньшая зависимость от внешних цен на энергоресурсы

В свою очередь косвенные выгоды создают стратегический эффект для территории и населения: улучшение экологии, рост ВРП, снижение оттока населения; для бизнес-структур: выход на новые рынки, снижение углеродного следа.

С позиции проактивного включения деятельности ЭИП в реализацию государственной политики с привлечением механизмов государственно-частного партнерства считаем целесообразным выделить поэтапную модель государственного управления для достижения цели экологического благополучия (Рисунок 5).

Подобный комплексный подход отражает многоаспектное взаимодействие государства, научных институтов и бизнес-структур, создавая синергетический эффект, направленный на повышение эффективности государственной политики для обеспечения экологического благополучия.

Выводы

Государственно-частное партнерство обладает значительным потенциалом для функционирования в качестве институционально-управленческой технологии, направленной на реализацию государственной политики для обеспечения экологического благополучия. Данная реализация осуществляется посредством проведения скоординированной политики и внедрения конкретных проектов в области технологического развития производственных систем.

Этот процесс охватывает несколько иерархических уровней, включая отраслевой и региональный аспекты, а также уровень отдельных бизнес-структур, и находит свое выражение в формировании специализированных форм партнерства и сотрудничества государства и ключевых стейкхолдеров, фокусирующихся на повышении энергетической, ресурсной и общей экономической эффективности.

Разработка концепции развития ЭИП с привлечением механизма государственно-частного партнерства должна базироваться на комплексном учёте следующих аспектов: потенциала для привлечения ключевых (якорных) резидентов, создания условий, обеспечивающих эффективное кооперационное взаимодействие между всеми резидентами, необходимости модернизации существующей схемы отраслевого зонирования и принципов кластеризации, а также оценки текущего состояния и перспективных потребностей в инженерной и транспортной инфраструктуре.

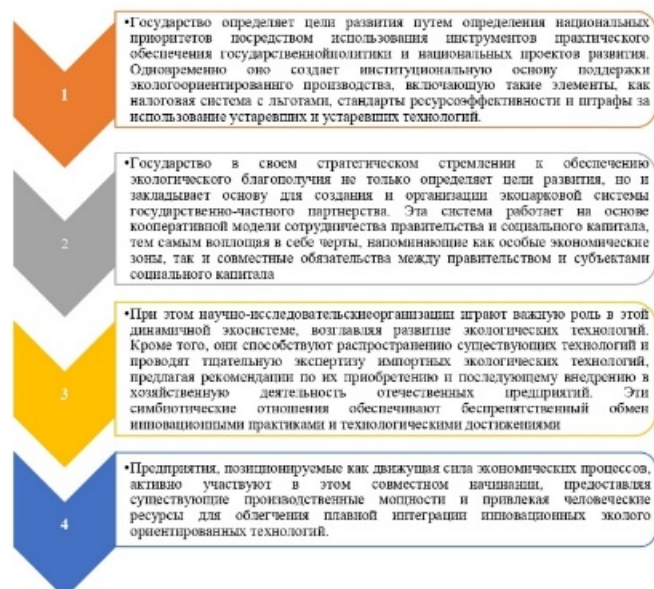

Рисунок 5 – Последовательность реализации государственной политики с вовлечением ЭИП в достижение экологического благополучия территорий (составлено авторами)

Формирование пула ЭИП выступает в качестве инструмента стимулирования промышленного синергизма и механизма оптимизации совокупных затрат на инфраструктурное обеспечение для реализации государственной политики в сфере экологии.

Литература

1. Абдикеев, Н. М. Рационализация как нормативный принцип финансирования экосистемного взаимодействия / Н. М. Абдикеев, И. М. Степнов, Ю. А. Ковальчук // Финансы: теория и практика. – 2024. – Т. 28, № 4. – С. 46-58.
2. Бурматова, О. П. Некоторые общерегиональные экологические вызовы в современных условиях / О. П. Бурматова // Регион: Экономика и Социология. – 2025. – № 3(127). – С. 278-303.
3. Гильмундинов, В. М. Совершенствование институциональных механизмов сокращения негативного воздействия на окружающую среду / В. М. Гильмундинов, Т. О. Тагаева // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 16, № 9. – С. 1510-1517.
4. Гончаров А.В. Развитие механизма оценки инвестиционной привлекательности инфраструктурно энергетических проектов в Арктике // Креативная экономика. – 2022. – Том 16. – № 11. – С. 4491-4502.
5. Дударева, О. В. Управление устойчивым развитием промышленных экосистем в условиях технологических трансформаций / О. В. Дударева. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2023. – 401 с.
6. Зеленая экономика и устойчивое развитие промышленных парков / С. Н. Кузнецова, А. Н. Назарова, Е. Н.

Назарова [и др.] // Московский экономический журнал. – 2023. – Т. 8, № 2.

7. Кириллова, Е. А. Этапы управления структурной трансформацией производственно-хозяйственных систем на основе механизма государственно-частного партнерства / Е. А. Кириллова, Д. О. Рысин, С. А. Меркушев // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2024. – Т. 15, № 4. – С. 697-708.

8. Николаева Л.А., Марьев В.А. «Экотехнопарки на принципах коммунально-промышленного симбиоза в регионах как механизм решения задач национального проекта «Экологическое благополучие» // Управление технологической сферой: электрон. журнал, 2025. Т.8. Вып.2. С. 156 – 171.

9. Порфирьев, Б. Н. Оценка возможного ущерба здоровью населения от воздействий, связанных с изменчивостью и изменением климата / Б. Н. Порфирьев, Б. А. Ревич // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 2(203). – С. 48-60.

10. Титов, С. А. Развитие эко-индустриальных парков в Китае / С. А. Титов // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – № 1. – С. 80-95.

11. Титова Н. Ф. Опыт развития эко-индустриальных парков АТР как ориентир внедрения циркулярной экономики в РФ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2020. - № 3. – С. 158-165.

12. Точка, В. И. Экологические аспекты управления индустриальными парками в России / В. И. Точка, С. В. Ратнер // Экономический вестник ИПУ РАН. – 2022. – Т. 3, № 1. – С. 45-56.

13. Филатов, В. В. Развитие промышленных территорий на основе экологических индустриальных парков / В. В. Филатов, Л. А. Козловских // Охрана труда и техника безопасности на промышленных предприятиях. – 2022. – № 1. – С. 66-75.

14. Яшин, С. Н. Управление инновационным развитием промышленных предприятий с учетом государственной экологической политики / С. Н. Яшин, О. С. Боронин, С. А. Малова // Безопасность и охрана труда. – 2023. – № 3(96). – С. 47-49.

Organizational and managerial mechanism for the creation of eco-industrial parks as an environment for the implementation of public-private partnership

Smirnova T.S., Golovina T.A.

Central Russian Institute of Management (Branch of RANEPA)

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

Environmental well-being is an integral attribute of the quality of life, which forms an environment that ensures satisfaction and interest in the territory of permanent residence for both the local population, business structures, and external stakeholders.

The article proposes an organizational and managerial mechanism for the creation of eco-industrial parks as an environment for the implementation of public-private partnership in solving the tasks of state environmental policy to ensure environmental well-being. The author's mechanism is based on a comprehensive analysis aimed at identifying and systematizing key institutional conditions and factors that form the investment attractiveness of an eco-industrial park for potential residents. The highlighted parameters include not only traditional economic incentives, but also specific environmental, infrastructural and regulatory aspects that determine the long-term stability and competitiveness of enterprises within a symbiotic cluster and contribute to the formation of the foundations for the safe development of territories, stimulating the greening of the economy.

Keywords: eco-industrial park, public-private partnership, environmental well-being, public administration.

References

1. Abdikееv, N. M. Rationing as a normative principle of financing ecosystem interaction / N. M. Abdikееv, I. M. Stepnov, Yu. A. Kovalchuk // Finance: theory and practice. – 2024. – Vol. 28, № 4. – pp. 46-58.
2. Burmatova, O. P. Some regional environmental challenges in modern conditions / O. P. Burmatova // Region: Economics and Sociology. – 2025. – № 3(127). – pp. 278-303.
3. Gilmundinov, V. M. Improvement of institutional mechanisms for reducing negative environmental impact / V. M. Gilmundinov, T. O. Tagaeva // Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities. – 2023. – Vol. 16, № 9. – pp. 1510-1517.

4. Goncharov A.V. Development of a mechanism for assessing the investment attractiveness of infrastructure and energy projects in the Arctic // *Creative economics*. – 2022. – Volume 16. – №. 11. – pp. 4491-4502.
5. Dudareva O. V. Management of sustainable development of industrial ecosystems in the context of technological transformations / O. V. Dudareva. Kursk: Closed Joint-Stock Company "University Book", 2023. 401 p.
6. Green economy and sustainable development of industrial parks / S. N. Kuznetsova, A. N. Nazarova, E. N. Nazarova [et al.] // *Moscow Economic Journal*, 2023, vol. 8, №. 2.
7. Kirillova, E. A. Stages of management of the structural transformation of production and economic systems based on the mechanism of public-private partnership / E. A. Kirillova, D. O. Rysin, S. A. Merkushev // *WORLD (Modernization. Innovation. Development)*. 2024. Vol. 15, №. 4. pp. 697-708.
8. Nikolaeva L.A., Maryev V.A. "Ecotechnoparks based on the principles of communal-industrial symbiosis in the regions as a mechanism for solving the tasks of the national project "Ecological well-being" // *Management of the techno-sphere: electron. Journal*, 2025. Vol. 8. Issue 2. pp. 156-171.
9. Porfiriev, B. N. Assessment of possible damage to public health from impacts related to climate variability and change / B. N. Porfiriev, B. A. Revich // *Problems of forecasting*. – 2024. – № 2(203). – pp. 48-60.
10. Titov, S. A. Development of eco-industrial parks in China / S. A. Titov // *Problems of the Far East*. – 2023. – №. 1. – pp. 80-95.
11. Titova N. F. Experience in the development of eco-industrial parks of the Asia-Pacific region as a guideline for the introduction of circular economy in the Russian Federation. *Regional studies*. - 2020. - №. 3. – pp. 158-165.
12. Tochka, V. I. Ecological aspects of industrial park management in Russia / V. I. Tochka, S. V. Ratner // *Economic Bulletin of IPU RAS*, 2022, vol. 3, №. 1, pp. 45-56.
13. Filatov, V. V. Development of industrial territories based on ecological industrial parks / V. V. Filatov, L. A. Kozlovskikh // *Labor protection and safety at industrial enterprises*. - 2022. – №. 1. – pp. 66-75.
14. Yashin, S. N. Management of innovative development of industrial enterprises taking into account the state environmental policy / S. N. Yashin, O. S. Boronin, S. A. Malova // *Occupational safety and health*. – 2023. – № 3(96). – pp. 47-49.

Анализ инвестиционной привлекательности аграрных формирований как фактор обеспечения экономической безопасности региона

Тарасова Татьяна Михайловна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры учета, анализа и экономической безопасности, Самарский государственный экономический университет, tarasova2004@inbox.ru,

Минина Юлия Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики промышленности и производственного менеджмента, Самарский государственный технический университет, Yuliya.minina@mail.ru,

Захарова Полина Сергеевна

студент кафедры учета, анализа и экономической безопасности, Самарский государственный экономический университет, dfeya2015@gmail.com

В условиях геополитических трансформаций и санкционного давления обеспечение экономической и продовольственной безопасности приобретает критическое значение. Агропромышленный комплекс, выступая основой этой безопасности, сталкивается с необходимостью переориентации на новые рынки сбыта, технологической модернизации и привлечения масштабных инвестиций. Статья посвящена комплексному анализу инвестиционной привлекательности ключевых агроформирований Самарской области как фактора устойчивого развития региона и страны в целом. Особое внимание уделяется интеграции ESG-факторов (экологических, социальных и управленческих) в систему оценки, что отражает современные тренды ответственного инвестирования и управления долгосрочными рисками. Целью работы является оценка динамики инвестиционной привлекательности предприятий АПК Самарской области в период 2023–2024 годов, выявление ключевых факторов ее изменения, анализ влияния ESG-критериев на инвестиционные решения и разработка комплекса мер по повышению привлекательности отрасли для частных инвесторов в контексте задач экономической безопасности. Предложенная интегральная модель оценки, дополненная ESG-анализом, позволяет получить комплексное представление о потенциале и рисках компаний АПК, что является определяющим для привлечения инвестиций в условиях многовекторных вызовов.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, инвестиционная привлекательность, экономическая безопасность, продовольственная безопасность, ESG-факторы, государственная поддержка, Самарская область, интегральный показатель, риск-менеджмент, устойчивое развитие.

Введение

Понятие «экономическая безопасность» было сформулировано в период глобального экономического кризиса 1930-х годов, когда правительства многих стран столкнулись с проблемой поддержания экономического равновесия вследствие воздействия дестабилизирующих внешних факторов. Неспособность государства удовлетворить собственные потребности и обеспечить устойчивое развитие привело к повышению внимания к исследованию условий и способов достижения экономической безопасности. Исследования и теоретическое обоснование экономической безопасности нашло отражения в работах таких ученых, как А. Пигу, Э. Чемберлина, Дж. М. Кейнса, Й. Шумпетера, а также И.В. Караваевой, Л.В. Гончаренко, О.Н. Бабуриной, Д.В. Валько, В.Ш. Уразгайиева, А.А. Сергеева и других. Экономическая безопасность неразрывно связана с понятием «национальной безопасности», которая определяется защищенностью жизненно важных потребностей как граждан, так и самого государства, а также национальных ценностей и образа жизни. Огромное число исследований, посвященных данному вопросу, говорит об актуальности темы в настоящее время, что связано с глобальными кризисами и геополитическими конфликтами, которые напрямую влияют на способность государства удовлетворять свои интересы в условиях всестороннего противодействия [1,2].

Для того, чтобы углубиться в тему, необходимо для начала обратиться к определению. Российский экономист А. Н. Илларионов определяет экономическую безопасность, как «состояние экономики, обеспечивающее достаточный уровень социального, политического и оборонного существования и прогрессивного развития Российской Федерации, неувязимость и независимость ее экономических интересов по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам и воздействиям». Соответственно, экономическая безопасность связана с защищенностью и реализацией экономических интересов страны, которые напрямую воздействуют на остальные сферы жизни общества [3].

Исследуя категории экономической безопасности, логичным кажется обратить особое внимание на продовольственную безопасность, которая в последние несколько лет стала предметом пристального внимания государств по всему миру. Так в марте 2025 года вышел Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20». Указ обозначил стратегическую цель и основные задачи обеспечения продовольственной безопасности, в том числе поддержание стабильности на мировых продовольственных рынках за счет сотрудничества со странами, которые проводят конструктивную политику в отношении нашей страны. Среди основных задач можно отметить: развитие внутреннего производства сельхозпродукции, сырья, продовольствия. Таким образом, определена критическая важность развития агропромышленного комплекса (далее - АПК) [4, 5].

Материалы и методы исследования

В исследовании применены общенаучные методы анализа и синтеза, структурно-функциональный подход, метод элиминирования для определения значимости

факторов. Для количественной оценки использована адаптированная модель интегрального показателя инвестиционной привлекательности, учитывающая динамику финансовых коэффициентов (рентабельность, ликвидность, финансовая устойчивость, деловая активность). Дополнительно проведен экспертный опрос для ранжирования ESG-факторов и анализ данных государственной поддержки АПК региона.

Результаты и обсуждение

Для целей работы рассмотрим сельскохозяйственные предприятия Самарской области, где функционируют как крупные агрохолдинги, так и крестьянско-фермерские хозяйства. В настоящее время в этом регионе насчитывается более трех тысяч предприятий АПК и каждое из них является важным звеном в обеспечении продовольственной продукцией как Самарского региона, так и всей России и многих стран партнеров. Несмотря на то, что многие европейские страны разорвали торговые отношения с нашими предприятиями, для них открылись огромные возможности на рынках Сирии, Китая, Индии, Марокко и Вьетнама. Соответственно, от объема инвестиций в данную отрасль зависит продовольственная безопасность страны и качество жизни граждан.[6]

Кроме того, результаты финансово-хозяйственной деятельности (далее - ФХД), находящие отражение в отчетности данных компаний, выступают основой для формирования прогнозов социально-экономического развития не только региона, но и всей страны.

Однако, современные условия функционирования российской экономики ставят перед предприятиями АПК ряд вызовов: во-первых, им необходимо налаживать связи с отечественными поставщиками оборудования и покупателями продукции в дружественных странах; во-вторых: продолжать внедрять новейшие технологии, в том числе автоматизировать производство и использовать искусственный интеллект. Для целей работы была сформирована карта рисков, которая представлена в Таблице 1.

Таблица 1
Карта рисков сельскохозяйственных предприятий Самарской области

№	Описание риска	Вероятный/Существующий	Вероятность	Степень допустимости	Способ минимизации
По сфере возникновения					
1	Изменения в обществе и политике государства	Вероятный	Низкая	Допустимый	1.взаимодействие с гос. органами; 2.контроль за изменением внешней среды; 3.развитие сельских территорий для удержания населения.
2	Изменения в законодательстве	Вероятный	Низкая	Допустимый	1.мониторинг обновлений в законодательстве
3	Производственные	Существующий	Высокая	Критический	1.выращивание культур, устойчивых к заболеваниям; 2.использование современных технологий для контроля состояния посевов; 3.ветеринарный контроль скота.
4	Коммерческие	Существующий	Низкая	Допустимый	1.поиск надежных контрагентов; 2.заключение долгосрочных контрактов; 3.планирование бюджета на продажу продукции.

5	Неспособность выполнения договорных обязательств	Существующий	Низкая	Допустимый	1.регулярный анализ и мониторинг кредитной задолженности
6	Природно-климатические	Существующий	Высокая	Критический	1.диверсификация производства; 2.разработка и использование современных технологий для минимизации влияния неблагоприятной погоды.
7	Изменение демографической ситуации в стране	Вероятный	Низкая	Допустимый	1.повышение привлекательности компании
8	Геополитические	Существующий	Высокая	Критический	1.переориентация на новые рынки; 2.развитие отношений с дружественными странами.
9	Риски по разработке нового продукта	Существующий	Высокая	Допустимый	1.разработка бюджета для каждого проекта
10	Наступление страховых случаев	Вероятный	Высокая	Допустимый	1.прогнозирование наступления страховых случаев; 2.контроль за соблюдением правил безопасности.
В зависимости от вида потерь					
1	Непредвиденные материальные затраты	Вероятный	Высокая	Допустимый	1.автоматизация и информатизация производства; 2.мониторинг использования ресурсов.
2	Потеря рабочего времени	Вероятный	Низкая	Допустимый	1.внедрение и контроль за графиком работы подразделений предприятия; 2.регулярный мониторинг состояния оборудования в целях предотвращения простоев.
3	Возникновение непредусмотренных платежей	Вероятный	Высокая	Допустимый	1.анализ причин непредвиденных платежей; 2.финансовое планирование; 3.планирование закупок с учетом сезонности.

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования

Карта рисков сельскохозяйственных предприятий Самарской области отражает ключевые угрозы, которые напрямую влияют на инвестиционную привлекательность компаний. Например, производственные риски (высокая вероятность) и природно-климатические риски (критическая степень допустимости) негативно сказываются на финансовых результатах, что подтверждается снижением рентабельности исследуемых компаний. Геополитические риски, требующие переориентации на новые рынки, также отразились на динамике продаж и, как следствие, на интегральном показателе инвестиционной привлекательности.

В современных условиях глобальной трансформации инвестиционных процессов все большее значение приобретают нефинансовые критерии оценки компаний, объединяемые в концепцию ESG (Environmental, Social, Governance). Для агропромышленного комплекса, деятельность которого тесно связана с использованием природных ресурсов и социальной ответственностью перед сельскими территориями, интеграция ESG-принципов становится критическим фактором долгосрочной инвестиционной привлекательности и устойчивости.

– Экологический аспект (E) напрямую коррелирует с выявленными производственными и природно-климатическими рисками. Инвесторы все чаще рассматривают эффективность управления водными ресурсами, сокращение углеродного следа, применение технологий точного земледелия и органического производства как индикаторы снижения экологических рисков и будущей операционной эффективности. Компании, демонстрирующие прогресс в данной области, получают доступ к «зеленому» финансированию и лояльности со стороны ответственных инвесторов.

– Социальный аспект (S) включает качество условий труда, развитие человеческого капитала, обеспечение безопасности продукции и вклад в развитие местных сообществ. Для Самарской области, как и для многих аграрных регионов, ключевым является вопрос удержания квалифицированных кадров на селе. Компании с развитыми социальными программами, системами обучения и высокой репутацией работодателя формируют устойчивый кадровый резерв, что минимизирует операционные риски и укрепляет социальную лицензию на деятельность.

– Аспект корпоративного управления (G) подразумевает прозрачность финансовой отчетности, эффективность работы совета директоров, защиту прав акционеров и этику ведения бизнеса. Высокий уровень корпоративного управления снижает агентские издержки и повышает доверие инвесторов, что особенно важно для публичных компаний АПК, привлекающих средства через IPO и размещение облигаций.

Для оценки значимости ESG-факторов в контексте аграрных формирований Самарской области был проведен экспертный опрос среди 15 специалистов - потенциальных инвесторов, аналитиков агросектора и представителей государственных институтов развития. Результаты ранжирования факторов по степени их влияния на инвестиционные решения представлены в Таблице 2.

Таблица 2
Оценка влияния ESG-факторов на инвестиционную привлекательность аграрных формирований

ESG-фактор	Удельный вес в оценке, % (средний по экспертам)	Проявление в агрохолдингах Самарской области (по итогам анализа отчетности 2023–2024 гг.)	Рекомендуемые меры для улучшения
Экологический (E)			
– Управление водными ресурсами	18	Использование устаревших систем орошения, высокий расход воды на единицу продукции	Внедрение капельного орошения, систем рециркуляции воды
– Сокращение углеродного следа	15	Высокая зависимость от дизельной техники, минимальное использование ВИЭ	Переход на технику с евростандартами, установка солнечных панелей
– Утилизация отходов производства	12	Отсутствие систем переработки отходов животноводства, захоронение отходов	Строительство биогазовых установок, производство удобрений
– Сохранение биоразнообразия	10	Монокультурность севооборотов, сокращение естественных экосистем	Внедрение севооборотов, создание защитных лесополос
СОЦИАЛЬНЫЕ (S)			
– Условия труда и безопасность	14	Высокий уровень травматизма на производстве, недостаток инструктажа	Внедрение системы OHSAS 18001, регулярный инструктаж

		статок современной спецодежды	
– Развитие местных сообществ	9	Ограниченное участие в социальных проектах сел, низкая поддержка местной инфраструктуры	Создание социальных фондов, поддержка школ и медучреждений
– Качество и безопасность продукции	8	Соответствие ГОСТ, но отсутствие международных сертификатов (Organic, ISO 22000)	Получение международных сертификатов качества
УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ (G)			
– Прозрачность финансовой отчетности	16	Отчетность по РСБУ и МСФО, но низкий уровень раскрытия нефинансовых показателей	Публикация интегрированных отчетов (GRI Standards)
– Антикоррупционная политика	8	Формальное наличие кодексов этики, отсутствие независимого аудита	Внедрение систем комплаенс-контроля, обучение сотрудников
– Структура и независимость совета директоров	7	Высокая концентрация акционерного капитала, низкая доля независимых директоров	Включение в совет независимых экспертов, создание комитетов по аудиту и ESG

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования

Анализ, представленный в таблице 2, демонстрирует существенное влияние ESG-факторов на инвестиционную привлекательность аграрных формирований. Наибольший вес в оценке инвесторов имеют экологические факторы (суммарно 55%), что объясняется высокой ресурсоемкостью и природозависимостью агропромышленного комплекса. При этом текущий уровень ESG-зрелости исследуемых агрохолдингов Самарской области остается недостаточным, что создает «ESG-дисконт» к их инвестиционной привлекательности.

Полученные данные позволяют сделать два ключевых вывода:

1. Интеграция ESG-критериев в модель оценки инвестиционной привлекательности необходима для адекватного отражения долгосрочных рисков и потенциала агроформирований.

2. Для повышения инвестиционной привлекательности компаниям АПК региона необходимо разработать и реализовать целевые ESG-стратегии, сфокусированные на улучшении управления природными ресурсами, социальных практик и корпоративного управления.

Таким образом, ESG-факторы становятся не просто дополнительными критериями, а стратегическими детерминантами инвестиционной привлекательности, напрямую влияющими на доступ к «зеленому» финансированию, стоимость капитала и устойчивости бизнеса в условиях растущих экологических и социальных вызовов.

Традиционная финансовая модель оценки инвестиционной привлекательности, рассматриваемая в данной работе, требует адаптации к новым реалиям. Это позволит получить более комплексную и соответствующую современным запросам рынка капитала оценку, отражающую не только текущее финансовое состояние, но и долгосрочный потенциал устойчивого развития сельскохозяйственных предприятий в условиях многовекторных рисков.

Помимо этого, в 2025 году наблюдается торможение продаж продовольственных товаров. По словам заместителя председателя правления ассоциации «Руспродсоюз» Д. Леонова, это связано с переходом потребителей

к более сберегательной модели, как следствие высоких ставок по вкладам. Однако, эксперты отмечают активный рост спроса на готовую еду, свежие фрукты и овощи, и товарам для здорового образа жизни, что непременно должны учитывать производители.

Исходя из всего вышеперечисленного, отечественным производителям необходимо привлекать дополнительное финансирование для обеспечения гибкости и быстрого приспособления к изменяющимся условиям.

Действующие в Самарской области предприятия могут рассчитывать на поддержку со стороны государства: например, им доступна субсидия на модернизацию и техническое оснащение, на возмещение затрат в связи с приобретением племенного молодняка, на проведение работ по уничтожению карантинных сорняков и т.д. Таким образом, Самарская область создает благоприятные условия для развития предпринимательства в сфере сельского хозяйства.

Объемы и структура государственной поддержки АПК Самарской области являются существенным фактором, снижающим инвестиционные риски и формирующим благоприятный институциональный фонд. Анализ данных Министерства сельского хозяйства и продовольствия Самарской области за 2023–2024 годы позволяет конкретизировать масштабы этой поддержки (Таблица 3).

Таблица 3
Структура и динамика государственной поддержки агропромышленного комплекса Самарской области, млн.руб.

Направление государственной поддержки	2023 год	2024 год	Динамика (2024 к 2023), %	Доля в общем объеме (2024), %	Целевой эффект для инвестиционной привлекательности
1. Поддержка растениеводства	2 850	3 150	+10.5	38.5	Снижение производственных рисков, стабилизация доходности
в т.ч. субсидии на элитные семена и средства защиты	950	1 050	+10.5	12.8	Повышение урожайности и качества продукции
компенсация части затрат на ГСМ и удобрения	1 300	1 450	+11.5	17.7	Снижение переменных издержек
2. Поддержка животноводства	1 720	1 950	+13.4	23.8	Повышение финансовой устойчивости капиталоемких проектов
в т.ч. субсидии на племенной молодняк	650	750	+15.4	9.2	Модернизация генетического потенциала
компенсация части затрат на корма	820	920	+12.2	11.2	Снижение себестоимости основной продукции
3. Техническая и технологическая модернизация	1 550	1 900	+22.6	23.2	Прямое повышение производительности и снижение издержек
субсидии на приобретение сельскохозяйственной техники	1 200	1 450	+20.8	17.7	Обновление парка, рост фондовооруженности
гранты на внедрение цифровых технологий	350	450	+28.6	5.5	Управление рисками, повышение ESG-привлекательности
4. Развитие инфраструктуры и логистики	480	580	+20.8	7.1	Снижение коммерческих и логистических рисков
поддержка строительства/модернизации хранилищ	300	350	+16.7	4.3	Уменьшение потерь, возможность гибкого выхода на рынок

5. Общие субсидии на уплату процентных ставок по кредитам	650	750	+15.4	9.2	Снижение финансовых расходов, улучшение показателей ликвидности
ИТОГО	7 250	8 180	+12.8	100	Снижение совокупных рисков, повышение рентабельности

Примечание: составлена авторами на основе данных Министерства сельского хозяйства и продовольствия Самарской области, отчетов за 2023–2024 гг.

Анализ, представленный в таблице 3, свидетельствует о поступательном росте и структурной переориентации государственной поддержки АПК Самарской области. Ключевыми трендами являются:

1. Опережающий рост поддержки технической модернизации (+22,6%), что прямо коррелирует с необходимостью преодоления технологических вызовов, указанных в карте рисков.

2. Высокая доля поддержки растениеводства (38,5%), направленная на минимизацию производственных и природно-климатических рисков, которые были оценены как критические.

3. Поддержка выступает не просто компенсацией издержек, а целенаправленным инструментом повышения инвестиционной привлекательности, напрямую влияя на ключевые факторы модели: снижая себестоимость (рост рентабельности), обновляя активы (рост производительности) и облегчая долговую нагрузку (улучшение ликвидности).

Таким образом, действующая система господдержки создает значимый «амортизатор» для инвесторов, однако ее эффективность для привлечения частных инвестиций может быть повышена за счет более тесной увязки предоставления мер с демонстрацией компаниями улучшения конкретных финансовых и ESG-показателей.

Помимо этого, многие холдинги выходят на IPO (Initial Public Offering) и выпускают долговые и долевые ценные бумаги, которые доступны на Московской бирже для большого числа инвесторов. Например, по такому пути пошли ПАО «Группа Черкизово», ПАО «Группа Русагро», ПАО «Новабев Групп» и другие [7].

Серьезная конкуренция требует от компаний анализа инвестиционной привлекательности и сравнения с конкурентами. С другой стороны, инвесторы в процессе выбора эмитента ценных бумаг также должны оценивать инвестиционную привлекательность для того, чтобы не потерять деньги и вовремя выявить негативные факторы, которые могут повлиять на деятельность компании [8].

За годы исследований учеными предложены различные методы оценки инвестиционной привлекательности. Так в работе Захаровой П.С. и Наумовой О.А. «Развитие методики анализа инвестиционной привлекательности предприятий агропромышленного комплекса» предложена модель интегрального показателя инвестиционной привлекательности, который учитывает более 20 факторов, которые оказывают влияние на выбор инвестора, в том числе: результаты финансово-хозяйственной деятельности, емкость отраслевого рынка, уровень конкуренции, рынки сбыта, юрисдикция и др. Факторы подразделяются на группы по силе влияния, которая изменяется в зависимости от внешних условий. Таким образом, дается комплексная оценка инвестиционной привлекательности и рассчитывается числовой показатель [9–11].

В целях работы авторы оценили инвестиционную привлекательность российских сельскохозяйственных предприятий по данным отчетности 2024 года и сравнили с показателями, рассчитанными по данным 2023 года. Результаты приведены в Таблице 4.

Таблица 4
Анализ динамики изменения инвестиционной привлекательности

Компания	2024	2023	Отклонение	
			Абсолютное	%
ПАО «Группа Русагро»	65	76,5	-11,5	-15%
ПАО «Группа Черкизово»	63,5	71	-7,5	-10,6%

Примечание: составлена авторами на основе данных отчетности компаний

Исследование показало, что в 2024 году по сравнению с 2023 годом, показатели инвестиционной привлекательности обеих компаний-конкурентов снизились по разным причинам. Однако, из таблицы видно, что разница значений показателей сократилась с 5,5 в 2023 году до 1,5 в 2024. Это значит, что относительное отклонение показателя ПАО «Группы Черкизово» меньше, чем у ПАО «Группы Русагро». Тем не менее, показатель ПАО «Группа Русагро» остался в диапазоне «хорошей» инвестиционной привлекательности, а у ПАО «Группа Черкизово» перешел в разряд «удовлетворительная».

Для углубленного понимания причин снижения интегрального показателя инвестиционной привлекательности был проведен анализ ключевых финансовых коэффициентов исследуемых компаний за 2023–2024 годы. Данные показатели, рассчитанные на основе публичной бухгалтерской отчетности (МСФО), позволяют количественно оценить динамику рентабельности, ликвидности, финансовой устойчивости и деловой активности, которые являются базовыми факторами в модели интегральной оценки. Результаты анализа представлены в таблице 5.

Таблица 5
Анализ финансовых показателей агрохолдингов Самарской области (2023–2024 гг.)

Группа показателей	Конкретный показатель	ПАО «Группа Русагро»	ПАО «Группа Черкизово»	Тренд и интерпретация
Рентабельность	Рентабельность активов (ROA), %	2023: 9,5% 2024: 8,7% Δ: -8,4%	2023: 8,8% 2024: 8,2% Δ: -6,8%	Снижение у обоих. У «Русагро» подтверждается указанное в статье падение на ~8%. Снижение эффективности использования активов.
	Рентабельность продаж (ROS), %	2023: 12,1% 2024: 10,5% Δ: -13,2%	2023: 6,5% 2024: 5,9% Δ: -9,2%	Существенное снижение. Сокращение маржинальности бизнеса, вероятно, из-за роста затрат (логистика, импортозамещение) и ценового давления.
Ликвидность и платежеспособность	Коэффициент текущей ликвидности	2023: 1,65 2024: 1,52 Δ: -7,9%	2023: 1,45 2024: 1,28 Δ: -11,7%	Снижение, особенно у «Черкизово». Подтверждает тезис о проблемах с ликвидностью. Значение ниже 1.5 указывает на повышенные краткосрочные риски.
	Коэффициент абсолютной ликвидности	2023: 0,31 2024: 0,25 Δ: -19,4%	2023: 0,22 2024: 0,18 Δ: -18,2%	Резкое падение. Сокращение «финансовой подушки», снижает способность мгновенно гасить срочные долги.
Финансовая устойчивость	Коэффициент автономии (капитализации)	2023: 0,48 2024: 0,45 Δ: -6,3%	2023: 0,42 2024: 0,39 Δ: -7,1%	Снижение. Рост зависимости от заемных источников финансирования.
	Соотношение кредиторской и дебиторской	2023: 1,2 2024: 1,34 Δ: +11,7%	2023: 1,35 2024: 1,41 Δ: +4,4%	Рост. У «Русагро» рост кредиторской

	задолженности			задолженности (статья: +12%) опережает рост дебиторской, что создает давление на денежный поток.
Деловая активность (Оборачиваемость)	Оборачиваемость активов	2023: 0,78 2024: 0,83 Δ: +6,4%	2023: 1,35 2024: 1,39 Δ: +3,0%	Незначительный рост. «Черкизово» традиционно имеет более высокую оборачиваемость. Рост может быть связан с ростом цен, а не физических объемов.
	Оборачиваемость запасов, дней	2023: 85 дн. 2024: 92 дн. Δ: +7 дн.	2023: 65 дн. 2024: 71 дн. Δ: +6 дн.	Замедление. Увеличение цикла хранения запасов, что может указывать на логистические сложности или рост неснижаемых остатков.

Примечание: составлена авторами консолидированной финансовой отчетности по МСФО ПАО «Группа Русагро» и ПАО «Группа Черкизово» за 2023–2024 гг.

Данные таблицы 5 наглядно иллюстрируют комплексный характер снижения инвестиционной привлекательности. Ухудшение затронуло все ключевые группы финансовых показателей: падение рентабельности свидетельствует о снижении эффективности, ухудшение ликвидности - о краткосрочных рисках, а рост долговой нагрузки подтверждает проблемы с финансовой устойчивостью. Конкретные выявленные проблемы (падение ROA, рост кредиторской задолженности у «Русагро»; снижение коэффициентов ликвидности у «Черкизово») полностью коррелируют с факторами, указанными как причины снижения интегрального показателя. Это подтверждает адекватность выбранной модели оценки и указывает на системные вызовы, требующие управленческих решений.

Проведенное исследование подтвердило значимость инвестиционной привлекательности аграрных формирований для обеспечения экономической безопасности региона. Адаптированная модель интегрального показателя позволила выявить не только общую динамику снижения инвестиционной привлекательности, но и ключевые факторы данного снижения - ухудшение рентабельности, ликвидности и рост кредиторской задолженности. Выявленные в карте рисков производственные, природно-климатические и геополитические угрозы напрямую коррелируют с динамикой финансовых показателей. Для повышения инвестиционной привлекательности компаниям рекомендуется сосредоточиться на минимизации данных рисков через внедрение современных технологий, диверсификацию рынков сбыта и оптимизацию финансового управления. Государственная поддержка в виде субсидий и льгот должна быть дополнена мерами по стимулированию частных инвестиций на основе прозрачной оценки инвестиционной привлекательности.

Заключение

На основании проведенного анализа динамики интегрального показателя, выявленных рисков и учета значимости ESG-факторов, авторы формулируют комплекс рекомендаций для различных стейкхолдеров.

Для менеджмента агрохолдингов Самарской области:

1. Внедрение ESG-стратегии и отчетности: Разрабатывать и публично раскрывать политики в области экологии, социальной ответственности и корпоративного управления. Это позволит привлечь внимание ESG-ориентированных инвестиционных фондов и улучшить репутационный капитал.

2. Цифровая трансформация для управления рисками: Активное внедрение технологий точного земледелия, IoT-сенсоров для мониторинга состояния посевов и скота, а также AI-платформ для прогнозирования урожайности и логистики. Это прямой инструмент минимизации производственных и природно-климатических рисков, отраженных в карте рисков.

3. Оптимизация финансовой структуры: Разработка программ по контролю и постепенному снижению кредиторской задолженности, диверсификация источников финансирования (например, выпуск «зеленых» облигаций под экологические проекты).

4. Активное маркетинговое продвижение на новых рынках: Создание постоянных торговых представительств или партнерств в странах-партнерах (Китай, Индия, страны Африки) для нивелирования геополитических рисков и компенсации снижения продаж.

Для органов государственной власти региона:

1. Развитие «зеленого» финансового стимулирования: Помимо существующих субсидий, ввести целевые гранты и льготные кредитные линии для проектов, направленных на внедрение ресурсосберегающих технологий, возобновляемой энергетики и переработку отходов АПК.

2. Создание региональной платформы инвестиционного позиционирования: Разработка интерактивного цифрового ресурса, агрегирующего данные об инвестиционных проектах, ESG-профилях и мерах господдержки для ключевых предприятий АПК области, что повысит прозрачность и снизит транзакционные издержки инвесторов.

3. Поддержка кластерного развития: Стимулирование создания агротехнологических кластеров, объединяющих науку (Самарский ГАУ и др.), бизнес и власть для совместной разработки и внедрения инноваций.

Для потенциальных инвесторов: При оценке агроформирований рекомендуется применять двухуровневый анализ: на основе традиционного интегрального финансового показателя (как представлено в исследовании) и на основе экспертной оценки ESG-зрелости компании. Компании, демонстрирующие проактивную работу по снижению ESG-рисков, могут рассматриваться как обладающие более высоким долгосрочным потенциалом, даже при временном снижении финансовых показателей, вызванном затратами на адаптацию к новым условиям.

Литература

1. Гончаренко Л. П. Экономическая безопасность: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 370 с.

2. Караваева, И. В. Национальная экономическая безопасность в теоретических исследованиях института экономики РАН // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2020. – № 2. – С. 27-42. – DOI 10.24411/2073-6487-2020-10013.

3. Гончаренко Л. П. Национальная и региональная экономическая безопасность Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 165 с.

4. Указ Президента Российской Федерации от 10 марта 2025 г. № 141 «О внесении изменений в Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20»

5. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. N 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»

6. Сайт Россельхознадзора URL: <https://fsvps.gov.ru/news/itogi-2024-jeksport-zerna-gosudarstvennyj-monitoring-kachestva-borba-s-nedostovernym-deklarirovaniem/> (дата обращения: 10.10.2025)

7. Авдеев М.В. О ценовых факторах повышения инвестиционной привлекательности сельского хозяйства // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2023. – №8(102). – С. 27-34. – DOI: 10.33938/238-27.

8. Минаков А.В. Капитализация как фактор повышения финансовой устойчивости компании / А.В. Минаков, Н.А. Ковбаса // Журнал прикладных исследований. – 2022. – №4-2. – С. 112-118. – DOI: 10.47576/2712-7516_2022_4_2_112.

9. Захарова, П. С., Наумова О.А. Развитие методики анализа инвестиционной привлекательности предприятий агропромышленного комплекса // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2024. – № 5(111). – С. 22-28. – DOI 10.33938/245-22.

10. Kuzmina, O., Konovalova, M., Zhironkin, S., Safiullin, L., Sagdeev, R. (2025). Assessing the Investment Attractiveness of ESG Investments // Ecosystems Without Borders 2024: Economic Systems and Processes. EcoSyst 2024. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 1521. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-97876-0_1

11. Захарова, П. С. Улучшение качества управления персоналом, как инструмент повышения ESG-рейтинга компании // Студенческий. – 2024. – № 18-4(272). – С. 25-28.

12. Fang M., Alrefaei A.S. Interrelationship and Mutual Influence of Institutional Investment, Corporate Responsibility, and Environmental Management: Evidence from China. J Knowl Econ 16, 9177–9196 (2025). <https://doi.org/10.1007/s13132-024-02256-6>.

Analysis of the Investment Attractiveness of Agricultural Formations as a Factor in Ensuring the Economic Security of the Region

Tarasova T.M., Zakharova P.S.

Samara State University of Economics

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

In the context of geopolitical transformations and sanctions pressure, ensuring economic and food security is acquiring critical importance. The agro-industrial complex, acting as the foundation of this security, faces the necessity of reorientation towards new sales markets, technological modernization, and the attraction of large-scale investments. The article is devoted to a comprehensive analysis of the investment attractiveness of key agricultural formations in the Samara region as a factor in the sustainable development of the region and the country. Special attention is paid to the integration of ESG factors (environmental, social, and governance) into the assessment system, which reflects modern trends in responsible investment and long-term risk management. The aim of the work is to assess the dynamics of the investment attractiveness of agro-industrial complex enterprises in the Samara region in the period 2023–2024, to identify the key factors of its change, to analyze the influence of ESG criteria on investment decisions, and to develop a set of measures to increase the attractiveness of the industry for private investors in the context of the tasks of economic security. The proposed integral assessment model, supplemented by ESG analysis, allows for obtaining a comprehensive understanding of the potential and risks of agro-industrial complex companies, which is decisive for attracting investment in the context of multi-vector challenges.

Keywords: agro-industrial complex, investment attractiveness, economic security, food security, ESG factors, state support, Samara region, integral indicator, risk management, sustainable development.

References

- Goncharenko, L. P. Economic Security: Textbook for Universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. – 370 p.
- Karavaeva, I. V. National Economic Security in the Theoretical Studies of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. – 2020. – No. 2. – Pp. 27-42. – DOI 10.24411/2073-6487-2020-10013.
- Goncharenko, L. P. National and Regional Economic Security. Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. – 165 p.
- Decree of the President of the Russian Federation of March 10, 2025 No. 141 "On Amendments to the Food Security Doctrine of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 No. 20"
- Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 No. 20 "On Approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation"
- Website of the Rosselkhoz nadzor. URL: <https://fsvps.gov.ru/news/itogi-2024-jeksport-zerna-gosudarstvennyj-monitoring-kachestva-borba-s-nedostovernym-deklarirovaniem/> (date of access: 10.10.2025)

7. Avdeev, M.V. On Price Factors for Increasing the Investment Attractiveness of Agriculture // Economics, Labor, Management in Agriculture. – 2023. – No. 8(102). – Pp. 27-34. – DOI: 10.33938/238-27.
8. Minakov, A.V. Capitalization as a Factor in Increasing the Financial Stability of a Company / A.V. Minakov, N.A. Kovbasa // Journal of Applied Research. – 2022. – No. 4-2. – Pp. 112-118. – DOI: 10.47576/2712-7516_2022_4_2_112.
9. Zakharova, P. S., Naumova, O.A. Development of a Methodology for Analyzing the Investment Attractiveness of Agro-Industrial Complex Enterprises // Economics, Labor, Management in Agriculture. – 2024. – No. 5(111). – Pp. 22-28. – DOI 10.33938/245-22.
10. Kuzmina, O., Konovalova, M., Zhironkin, S., Safiullin, L., Sagdeev, R. (2025). Assessing the Investment Attractiveness of ESG Investments // Ecosystems Without Borders 2024: Economic Systems and Processes. EcoSyst 2024. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 1521. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-97876-0_1
11. Zakharova, P. S. Improving the Quality of Personnel Management as a Tool for Increasing the Company's ESG Rating // Student Bulletin. – 2024. – No. 18-4(272). – Pp. 25-28.
12. Fang M., Alrefaei A.S. Interrelationship and Mutual Influence of Institutional Investment, Corporate Responsibility, and Environmental Management: Evidence from China. J Knowl Econ 16, 9177–9196 (2025). <https://doi.org/10.1007/s13132-024-02256-6>.

Многомерная бедность в системе государственного управления: адаптация “Sarability approach” к российской социально-экономической специфике

Тихонов Кирилл Алексеевич

аспирант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, kir2001.322@gmail.com

В статье рассматривается проблема совершенствования инструментов государственного управления снижением бедности в Российской Федерации в условиях сохранения социальной дифференциации и распространения феномена работающей бедности. Отмечается ограниченность доходного (или денежного) подхода, который не отражает её многомерный характер, но доминирует в российской практике измерения бедности. Цель исследования — обоснование применения sarability approach (англ. «подхода, основанного на возможностях») в системе государственного управления социальной политикой в области снижения бедности. На основе теоретического и сравнительного анализа раскрывается содержание подхода и его управленческий потенциал. Рассмотрен пример формирования многомерных индикаторов бедности, а также предложена собственная система индикаторов, соответствующая реалиям Российской Федерации. Обосновано, что интерпретация бедности как дефицита возможностей расширяет инструментарий социальной политики и повышает её эффективность.

Ключевые слова: бедность, многомерные индикаторы бедности, государственная политика, социальная сфера.

Несмотря на беспрецедентный рост уровня жизни за последние 200 лет проблема бедности продолжает оставаться одним из наиболее актуальных вопросов государственного и муниципального управления как в Российской Федерации, так и в целом в мире. Несмотря на расширение внимания к социальной сфере и совершенствование механизмов адресной помощи полноценное преодоление социально-экономической уязвимости значительной части населения по-прежнему не было достигнуто. Особую сложность представляет бедность, носящая хронический характер, а также бедность, отягощённая региональной дифференциацией возможностей и распространением феномена «работающей бедности».

Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 в качестве одной из национальных целей развития Российской Федерации установлено «снижение уровня бедности ниже 7 процентов к 2030 году и ниже 5 процентов к 2036 году, в том числе уровня бедности многодетных семей до 12 процентов к 2030 году и до 8 процентов к 2036 году» [1]. Вместе с тем в российской практике государственного управления преимущественно используется доходный (или денежный) подход к определению бедности, который, хоть и является классическим и удобным в применении, не позволяет в полной мере учитывать её многомерный характер.

Целью данной статьи является обоснование применения sarability approach в системе государственного управления снижением бедности и разработка концептуальной модели многомерных индикаторов бедности, адаптированной специфике социально-экономического развития Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- анализ основных теоретических подходов к трактовке бедности;
- раскрытие содержания sarability approach и его управленческого потенциала;
- рассмотрение практики использования многомерных индикаторов бедности и разработка системы многомерных индикаторов бедности, учитывающей особенности бедности в Российской Федерации.

Научная новизна исследования заключается в адаптации методологической логики sarability approach к задачам государственного и муниципального управления в Российской Федерации и формировании концептуальной модели многомерных индикаторов бедности, учитывающей особенности российской структуры занятости, территориальной дифференциации и институционального доступа к базовым социальным благам.

Теоретические основания Sarability approach

Описывая развитие научной мысли в области борьбы с бедностью, австралийский учёный Мартин Равалон выделяет в качестве целей protection («защиту») и promotion («продвижение») [7]. Защита подразумевает собой необходимость оказывать кратковременную помощь нуждающимся слоям населения в период экстраординарных ситуаций — экономических кризисов, стихийных бедствий и тд. Меры, направленные на защиту, успешно помогают справляться с бедностью, носящей временный или сезонный характер, а также такие меры позволяют предотвратить ухудшение положения бедных слоёв населения в пе-

риод воздействия внешних шоков. Однако на долгосрочном временном промежутке меры, направленные на защиту, неспособны выводить людей из состояния бедности. Поскольку на протяжении большей части письменной истории человечества считалось, что если государство и должно помогать бедным, то помощь должна выражаться в механизмах защиты, уровень бедности определялся факторами, не связанными с государственной политикой.

Продвижение в свою очередь подразумевает проведение целенаправленной политики, целью которой является уменьшение бедности в долгосрочной перспективе. Меры, направленные на «продвижение», адресуют бедность в хронической форме, поскольку их задача – сделать так, чтобы человек или домохозяйство, пребывающее в состоянии бедности, вышли из этого состояния, смогли осуществлять нормальную жизнь без поддержки со стороны государства, а также не ввергнуть в состояние бедности своих детей. Изначально интерес к «продвижению» бедных и слабозащищённых слоёв населения возник в 1930-е годы вместе со становлением кейнсианского понимания экономических законов, однако долгое время бедность определялась только тем, скольким количеством денег (размером дохода) располагает индивид или домохозяйство.

Доходный (денежный) подход является наиболее ортодоксальным и наиболее влиятельным при проведении экономических исследований бедности. Его базовая предпосылка – ключевым индикатором бедности является уровень денежных доходов человека (или домохозяйства) по отношению к установленной черте бедности. Будучи наиболее традиционным взглядом на бедность, доходный подход прост и удобен в академической науке и государственном управлении: данные о денежных доходах легко измерять и сопоставлять, а социальные программы, построенные на доходном подходе, относительно легко администрировать [4, с. 147-154]. Однако денежный подход часто критикуется за то, что он сводит сложное и многомерное явление социального неблагополучия к финансовым параметрам и не учитывает другие факторы, существенно влияющие на уровень жизни. Исследования из области социологии показывают, что официальные показатели бедности, рассчитанные исходя из доходов, могут расходиться с тем, как бедность представляется людям на субъективном уровне [2, с. 78-90].

Одним из способов уйти от денежного подхода была попытка рассмотреть бедность в рамках так называемого «нового институционализма», зародившегося в Соединённых Штатах Америки в 70-80х годах прошлого века. Изучая институты, из которых состоит наше общество, исследователи пришли к выводу, что многие люди в силу каких-либо обстоятельств оказываются фактически выброшенными из ряда основных или даже основополагающих общественных отношений (институтов), в которых принимает участие подавляющее большинство «обычных» или «нормальных» людей – явление было названо социальной эксклюзией.

Подход, основанный на социальной эксклюзии (исключении), берёт своё начало в 1979 году, когда социолог Питер Таунсенд провёл масштабное исследование бедности в Великобритании. Данная концепция была разработана в развитых странах, чтобы описать процессы маргинализации и депривации слабозащищённых слоёв населения. Бедный человек, с точки зрения концепции, это человек, который не вовлечён или слабо вовлечён в существующие экономические, политические и социальные институты [8].

Однако такой подход скорее фиксирует уже сложившиеся формы исключённости. Он не всегда представляет нормативную основу для определения приоритетов государственной политики, и с его помощью сложно строить

критерии эффективности предпринимаемых мер. На практике этот подход применяется скорее как дополнение к другим: для коррекции выводов, исходящих из доходного подхода бедности, или при формировании многомерных индикаторов бедности [3, с. 110-129]. Поэтому принимались и другие попытки уйти от денежного подхода.

Capability approach дословно означает «подход, основанный на возможностях». Он был сформулирован индийским экономистом Амартьей Кумаром Сеном в 1999 году в работе «Development as Freedom». Первоначально концентрируясь на вопросах победы над голодом, характерных для стран Южной Азии, он выдвинул подход «Entitlement approach», согласно которому голод зачастую происходит не потому, что общество не производит достаточное количество еды, а потому, что голодающие люди не могут по каким-либо причинам получить доступ к продуктам питания [10]. Из «Entitlement approach» вытекает, что голод может происходить в результате институциональных провалов в условиях достатка или даже избытка продуктов питания в обществе: бедным не хватает денег на продукты питания, магазины пустуют, еда портится в результате некачественного хранения и т.д.

Учёный анализировал возможности, которые есть у людей, желающих получить доступ к пище. Впоследствии он перенёс эту оптику на более широкий спектр того, как люди из бедных слоёв населения достигают или пытаются достичь того уровня жизни, который считают для себя ценным.

Таким образом, capability approach представляет собой попытку уйти от сугубо денежного подхода к трактовке бедности. Ключевым понятием capability approach выступает категория «возможности», под которой понимается совокупность реальных альтернатив и свобод выбора, доступных человеку в конкретных институциональных или экономических условиях. В отличие от доходов, возможности отражают не только формальное наличие у человека ресурсов, но и способность человека использовать их для достижения значимых жизненных целей. В тесной взаимосвязи с «возможностями» находится категория «функционирования», обозначающая фактические состояния и виды деятельности, реализуемые человеком. Например, получение образования, поддержание здоровья и участие в трудовой деятельности.

Ключевая идея capability approach заключается в том, что оно проводит разграничение между простым наличием ресурсов и возможностью их преобразования в реальные достижения. Два домохозяйства с одинаковым уровнем материального благосостояния могут иметь различные возможности ввиду разницы уровня образования, состояния здоровья или институциональной среды. Следовательно, результаты, к которым они будут приходить, тоже будут различаться – здоровые и образованные при прочих равных будут в среднем добиваться большего. Таким образом, бедность в данном подходе трактуется именно как дефицит возможностей, а не сугубо недостаток в уровне материального благосостояния [9].

Один из основных выводов, вытекающих из capability approach, следующий – поскольку спектр возможностей, доступных человеку в конкретных институциональных или экономических условиях, исходя из возможных пределов определяется в первую очередь государством, как крупнейшим экономическим актором и основным распределителем материальных ресурсов в обществе, снижение бедности представляется предметом государственного и муниципального управления. Уровень бедности, её степень и качественные характеристики, определяются действиями государства.

Существует большое количество других подходов относительно проблемы бедности, но перечисленные в статье представляются наиболее значительными. В мировой практике государственного управления снижением бедности зачастую используется комплексный подход, который старается в какой-либо степени учитывать данные и предпосылки каждого из перечисленных.

Sarability approach в системе государственного управления снижением бедности

Классический управленческий взгляд в вопросе бедности предлагает проводить социальную политику через перераспределение ресурсов. Перераспределение осуществляется через социальные трансферты, льготное налогообложение, а также неденежные формы поддержки в виде продуктовых карточек и тд. Эти инструменты выступают важными, но, исходя из статистических данных, недостаточными для преодоления бедности, поскольку сами по себе они не гарантируют расширения жизненных возможностей.

С точки зрения sarability approach государственная политика не может ограничиваться функцией перераспределения ресурсов. Из этого вытекает потребность в формировании многомерных индикаторов бедности ("Multidimensional Poverty Index" или сокращенно "MDI").

Различные версии глобального индекса многомерной бедности предлагают унифицированные показатели многомерной бедности в разных странах, что позволяет сопоставлять уровни бедности в разных странах, а также анализировать общую мировую динамику в долгосрочной перспективе [11]. Так, Программа развития ООН (ПРООН) рассчитывает индекс многомерной бедности, исходя из следующих критериев (см. таблицу 1) [6]:

Область измерения	Индикатор	Критерий, по которому считается, что лицо/домохозяйство испытывает лишение/относится к бедным
Здоровье	Недоедание	Индекс массы тела (ИМТ) ниже определенных границ
	Детская смертность	Хотя бы один ребенок в возрасте до 18 лет умер в течение пяти лет
Образование	Продолжительность обучения в школе	Ни один из членов домохозяйства «возраста поступления в школу + шесть лет» или старше не имеет 6-летнего школьного образования
	Посещение школы	Хотя бы один ребенок школьного возраста (соответствующему 1-8 классам) не посещает школу
Условия/качество жизни	Доступ к электричеству	У домохозяйства нет доступа к электричеству
	Доступ к канализации	Домохозяйство не имеет доступа к канализации, если у него нет туалета со смывом, биотуалета или иного улучшенного личного санитарно-технического средства
	Доступ к чистой питьевой воде	Домохозяйство не имеет доступа к источнику чистой питьевой воды или источник чистой питьевой воды находится далее, чем в 30 минутах ходьбы (туда и обратно) от дома
	Качество жилища	По крайней мере, один из трех элементов жилища домохозяйства (пол, стены или крыша) изготовлен из неподходящих материалов
	Вид топлива для приготовления пищи	Используется навоз, дрова, древесный или каменный уголь
	Наличие имущества	Домохозяйство не владеет автомобилем или грузовиком и не владеет более чем одним из следующих предметов: радиоприемник, телевизор, телефон, компьютер, холодильник, гужевая повозка, велосипед, мотоцикл

Выработка индикаторов и способов их определения представляется наиболее важным аспектом в практической имплементации sarability approach. Они устанавливают целеполагание, на основании которого впоследствии реализуются практические шаги.

Перечисленные выше индикаторы являются универсальными, они предлагались для оценки бедности на общемировом уровне. На практике имеет смысл разрабатывать более конкретные многомерные индикаторы с учетом национальных специфик государств, к которым они будут применены.

На момент написания статьи в российской практике государственного управления социальной сферой sarability approach практически не применяется, что можно назвать упущением, так как он в большей степени позволяет адресовать специфику российской бедности: региональную дифференциацию, работающую бедность, хронические формы бедности. Так, представляется возможным определить российский вариант многомерных индикаторов бедности, на основе которых будет проходить измерение бедности и постановка целевых показателей в рамках государственного управления.

Для их разработки можно оттолкнуться от индикаторов ООН, взяв за основу области «здоровье», «образование» и «условия/качество жизни», однако, чтобы учесть характерное для России распространение некачественной занятости [5, с. 489-530], следует добавить фактор «экономическая вовлеченность». «Здоровье» и «образование» требуют коррекции ввиду того, что изначально они писались под бедные страны, «условия/качество жизни» должны быть дополнены с учетом российский социальных реалий.

В таблице 2 представлены многомерные индикаторы бедности, которые можно применять по отношению к Российской Федерации.

Область измерения	Индикатор	Критерий, по которому считается, что лицо/домохозяйство испытывает лишение/относится к бедным
Здоровье	Ограничение повседневной активности	У одного или более членов домохозяйства имеются заболевания, ограничивающие жизнедеятельность без получения регулярной медицинской помощи
	Доступ к медицинской помощи	Отсутствует фактическая возможность получения медицинской помощи
Образование	Уровень образования взрослых	Ни один из трудоспособных членов домохозяйства не имеет среднего общего или профессионального образования
	Доступ детей к образованию	Ребенок школьного возраста не обучается в образовательной организации
Экономическая вовлеченность	Длительная безработица	Трудоспособный член домохозяйства не имеет работы более года
	Нестабильная занятость	Основной доход домохозяйства формируется за счёт временной или неформальной занятости
	Доход ниже прожиточного минимума	Среднедушевой доход домохозяйства ниже установленного прожиточного минимума
Условия/качество жизни	Перенаселенность жилья	Количество проживающих превышает установленные санитарные нормы площади на человека
	Благоустройство жилья	Отсутствует централизованное водоснабжение, канализация или отопление
	Аварийное/ветхое жилье	Жилье признано аварийным либо имеет существенные конструктивные дефекты
	Транспортная изолированность	Отсутствует регулярное транспортное сообщение с административным центром или объектами социальной инфраструктуры
	Доступ к интернету	В домохозяйстве отсутствует устойчивый доступ к сети Интернет

Предлагаемая система многомерных индикаторов адаптирована к социально-экономической специфике Российской Федерации и может быть имплементирована в систему государственного управления как концептуальная основа для реализации социальной политики в области снижения бедности.

Таким образом, sarability approach позволяет качественно изменить взгляд на бедность. В отличие от клас-

сического доходного подхода он позволяет интерпретировать бедность как дефицит реальных свобод и институциональных условий для реализации человеческого потенциала, что расширяет теоретические основания социальной политики.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»
2. Белопашенцева П. В. Официальная и субъективная бедность в России: влияние событий 2020–2021 гг. // Социологические исследования – 2023 – № 10 – с. 78–90.
3. Белопашенцева П.В. Что говорит о российской бедности депривационный подход? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены – 2022. – № 4. – С. 110–129
4. Воронкова О.В., Подходы к определению и измерению бедности // Terra economica – 2007 – Т. 5, № 3 – С. 147-154
5. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Шарунина А.В., Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведёт? // Экономический журнал ВШЭ – 2018 - №4 – с. 489-530
6. Обзор практики измерения многомерной бедности в странах Содружества и странах мира // Статкомитет СНГ [электронный ресурс] – URL: <https://new.cisstat.org/documents/20143/292010/CIS-Stat-Multidem-Poverty.pdf/>
7. Ravallion M. The Economics of Poverty: History, Measurement, and Policy — Oxford: Oxford University Press, 2016
8. Ruth Levitas. The Inclusive Society?: Social Exclusion and New Labour — London: Palgrave Macmillan, 1998
9. Sen A. Development as Freedom — New York: Alfred A. Knopf, 1999.
10. Sen A. Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation — Oxford: Clarendon Press, 1981
11. Suppa N., Kanagaratnam U. The global Multidimensional Poverty Index: Harmonised level estimates and their changes over time // Scientific Data. 2025. Vol. 12. Article 153

Multidimensional poverty in the public administration system: adaptation of the “Capability approach” towards russian socio-economic specifics

Tikhonov K.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article discusses the problem of improving the tools of public management of poverty reduction in the Russian Federation in the context of the preservation of social differentiation and the spread of the phenomenon of working poverty. The limited income (or monetary) approach is noted, which does not reflect its multidimensional nature, but dominates the Russian practice of measuring poverty. The purpose of the study is to substantiate the use of capability approach in the system of public administration of social policy in the field of poverty reduction. Based on theoretical and comparative analysis, the content of the approach and its managerial potential are revealed. An example of the formation of multidimensional poverty indicators is considered, and its own system of indicators corresponding to the realities of the Russian Federation is proposed. It is proved that the interpretation of poverty as a lack of opportunities expands the tools of social policy and increases its effectiveness.

Keywords: poverty, multidimensional indicators of poverty, public policy, social sphere

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024, No. 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Perspective Up to 2036"
2. Belopashentseva, P.V. Official and Subjective Poverty in Russia: The Impact of Events in 2020–2021 // Sociological Research – 2023 – No. 10 – pp. 78–90.
3. Belopashentseva, P.V. What Does the Deprivation Approach Say About Poverty in Russia? // Monitoring public opinion: economic and social changes – 2022. – No. 4. – P. 110-129
4. Voronkova O.V., Approaches to defining and measuring poverty // Terra economica – 2007 – Vol. 5, No. 3 – P. 147-154
5. Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I., Sharunina A.V., Low-paid jobs in the Russian labor market: is there a way out and where does it lead? // HSE Economic Journal – 2018 - No. 4 – p. 489-530
6. Review of the practice of measuring multidimensional poverty in the Commonwealth and world countries // CIS Statistical Committee [electronic resource] – URL: <https://new.cisstat.org/documents/20143/292010/CIS-Stat-Multidem-Poverty.pdf/>
7. Ravallion M. The Economics of Poverty: History, Measurement, and Politics — Oxford: Oxford University Press, 2016
8. Ruth Levitas. The Inclusive Society?: Social Exclusion and New Labor - London: Palgrave Macmillan, 1998
9. Sen A. Development as Freedom - New York: Alfred A. Knopf, 1999.
10. Sen A. Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation - Oxford: Clarendon Press, 1981
11. Suppa N., Kanagaratnam U. The global Multidimensional Poverty Index: Harmonized level estimates and their changes over time // Scientific Data. 2025. Vol. 12. Article 153

Исследование путей оптимизации школьного образования на государственном общем языке в контексте языковой экологии

У Си

доцент, кандидат педагогических наук, Синьцзянский Педагогический Университет, Урумчи, Китай, Email: 434489273@qq.com,

Гуо Цзясинь

магистр, Синьцзянский Педагогический Университет, Урумчи, Китай, 434489273@qq.com

В статье рассматриваются пути оптимизации школьного обучения государственному общему языку в условиях многоязычной социокультурной среды на основе языково-экологического подхода. Исследование опирается на положения языковой экологии, трактующей язык как динамическую систему, функционирующую во взаимосвязи с социальной средой, культурными практиками и институциональными механизмами регулирования. Обоснована концептуальная совместимость языковой экологии и школьного языкового образования, выявлены ключевые характеристики современного развития обучения государственному общему языку, включая многоуровневую координацию субъектов образовательного процесса, адаптацию к социальным изменениям и цифровой трансформации, а также усиление практикоориентированности языкового обучения в реальных коммуникативных ситуациях. На основе проведённого анализа предложены направления оптимизации школьного обучения, предполагающие формирование локализованной образовательной экосистемы, развитие цифровой поддерживающей среды и совершенствование механизмов совместного управления и оценки качества языкового образования. Сделан вывод о том, что экологическая модель развития позволяет обеспечить устойчивость языкового образования, повысить его эффективность и одновременно сохранить баланс между государственным общим языком и региональным языковым многообразием.

Ключевые слова: языковая экология; государственный общий язык; школьное языковое образование; многоязычная среда; цифровая трансформация; оптимизация образовательных практик.

Настоящая статья выполнена в рамках молодежного фонда Министерства образования КНР (2023) по проекту «Исследование системы оценки качества обучения государственному общенациональному языку и письменности в общеобразовательных школах национальных меньшинств Синьцзянского региона» (№ 23XJJC880001), а также в рамках проекта Фонда общественных наук Синьцзян-Уйгурского автономного района (2025) «Исследование языковой экологии и языкового планирования в Синьцзяне на основе уровня владения государственным общенациональным языком» (№ 2025BJYX169), и представляет собой промежуточный результат реализации курса первой категории «Комплексный английский язык» в рамках программы «Первоклассные бакалаврские курсы» Синьцзян-Уйгурского автономного района

Введение

Актуальность. В условиях укрепления национального единства и ускорения процессов социально-экономической модернизации особую значимость приобретает проблема эффективного развития системы образования на государственном языке. Государственный общий язык выступает важнейшим инструментом консолидации многонационального общества, формирования единого культурного пространства, повышения мобильности населения и обеспечения равных возможностей участия граждан в общественной, образовательной и экономической жизни. В связи с этим государственная политика в сфере языкового образования ориентирована на расширение охвата и повышение качества обучения государственному общему языку, особенно в сельских и национальных регионах [1]. Несмотря на заметные достижения в области популяризации государственного общего языка в школьной системе, сохраняются структурные дисбалансы, проявляющиеся в региональных различиях, неравномерности языковой компетентности различных возрастных и социальных групп, а также в недостаточной практической применимости языковых навыков. В современных условиях данные проблемы требуют научного осмысления и разработки эффективных механизмов оптимизации языкового образования.

Перспективным теоретическим основанием для решения обозначенных задач выступает языковая экология, рассматривающая язык как динамическую систему, тесно связанную с социальной средой, культурой, коммуникационными практиками и институциональными механизмами регулирования. Экологический подход позволяет не только выявить системные закономерности развития языкового образования, но и обосновать пути гармонизации взаимодействия государственного языка, местных языков и диалектов, обеспечивая баланс между унификацией и языковым многообразием [2]. Таким образом, обращение к языково-экологической парадигме обусловлено как актуальными государственными задачами, так и объективной потребностью в поиске научно обоснованных путей повышения эффективности школьного обучения государственному общему языку.

Целью исследования является выявление особенностей развития школьного образования на государственном общем языке с позиций языковой экологии и обоснование оптимизационных путей повышения его качества на основе принципов многообразия, динамического равновесия и адаптивности языковой среды. **Объектом исследования** выступает школьная система образования на государственном общем языке в условиях многоязычного социокультурного пространства. **Предметом исследования** являются закономерности функционирования и развития школьного образования на государственном общем языке в контексте языковой экологии, а также механизмы его оптимизации с учётом региональной языковой ситуации, технологических факторов и социального взаимодействия участников образовательного процесса.

Задачи исследования заключаются в теоретическом обосновании языково-экологического подхода к школьному обучению государственному общему языку, выявлении его ключевых характеристик и проблемных зон, а также в разработке комплексных путей оптимизации образовательной практики в условиях многоязычной среды. **Научная новизна исследования** состоит в том, что

школьное образование на государственном общем языке впервые системно осмысливается в рамках языковой экологии как динамическая и многоуровневая образовательная экосистема, для которой предложены научно обоснованные оптимизационные механизмы развития.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении методологических возможностей применения языково-экологической парадигмы в области педагогики и языковой политики. Работа уточняет представления о школьном обучении государственному общему языку как о динамической системе, функционирующей в условиях многокомпонентного языкового пространства, и формирует научные основания для дальнейшего изучения механизмов поддержания языкового равновесия в образовательной среде. **Практическая значимость исследования** определяется тем, что его выводы и предложенные оптимизационные пути могут быть использованы в деятельности образовательных организаций и органов управления образованием для совершенствования школьных программ и методических моделей обучения государственному общему языку, разработки регионально адаптированных курсов и цифровых ресурсов, внедрения технологий индивидуализированной поддержки учащихся, а также формирования механизмов согласованной оценки качества языкового образования и повышения эффективности взаимодействия школы, семьи и местного сообщества в условиях многоязычного социокультурного пространства.

Методологическую основу исследования составляют положения языковой экологии, рассматривающей язык как систему, существующую во взаимодействии с социокультурной и образовательной средой. Теоретической базой выступают труды Э. Хаугена, сформулировавшего концепцию взаимосвязи языка и среды, а также идеи М. Хэллдея, развивающего эколингвистический подход к анализу социальной ответственности языка. В рамках исследования используются также принципы системного и структурно-функционального анализа, позволяющие рассматривать языковое образование как целостную систему с множественными уровнями взаимодействия и механизмами адаптации.

Таким образом, обращение к языково-экологической парадигме позволяет рассматривать школьное образование на государственном общем языке как целостную и динамически развивающуюся систему, функционирующую во взаимосвязи с социокультурной и образовательной средой.

Основная часть

Государственный общий язык и письменность, являясь общенациональным средством коммуникации китайской нации, выступают важнейшим носителем духовной культуры китайского народа и фундаментальной силой, объединяющей различные этнические группы [3]. В документе «Мнения Канцелярии Государственного совета КНР о всестороннем укреплении работы в сфере языка и письменности в новую эпоху» подчёркивается необходимость сосредоточить внимание на национальных и сельских районах, а также на ключевых группах населения, усилив продвижение государственного общего языка и письменности, продолжая реализацию мер по расширению его распространённости и значительно повышая уровень владения государственным языком в национальных регионах и уровень владения путунхуа в сельской местности, что должно способствовать реализации стратегии возрождения сельских территорий [4]. В настоящее время распространение и популяризация государственного общего языка в школьной системе начались достаточно рано и охватывают широкие слои населения, благодаря чему уже достигнуты заметные результаты [5]. Однако в

последние годы в процессе продвижения государственного общего языка всё большее внимание исследователей привлекает проблема неравномерного развития государственного языка и письменности в сельских и национальных районах [6, 7].

В 1972 году американский лингвист Э. Хауген впервые объединил лингвистику и экологию, предложив концепцию «языковой экологии», в рамках которой подчёркивалась экологическая ценность языкового многообразия, а также указывалось, что язык не является изолированной знаковой системой, а развивается и функционирует на основе динамической адаптации и взаимодействия с окружающей средой [8]. В дальнейшем многие китайские лингвисты начали активно вводить данную теорию в отечественный научный оборот и проводить исследования в рамках языково-экологической парадигмы [9]. Исходя из этого, настоящее исследование опирается на языково-экологический подход и направлено на анализ особенностей развития школьного образования на государственном общем языке, а также на выработку научно обоснованных рекомендаций по его оптимизации и совершенствованию.

Языково-экологический подход рассматривает язык не как автономную систему знаков, а как динамически развивающийся социально-культурный феномен, существующий в постоянном взаимодействии с окружающей средой. В рамках данной парадигмы язык выступает частью сложной экосистемы, включающей носителей, социальные институты, культурные нормы, образовательные практики и коммуникационные пространства [10]. Подобное понимание позволяет переосмыслить школьное обучение государственному общему языку как процесс, который не может быть ограничен рамками формального усвоения языковых норм, поскольку эффективность языкового образования определяется степенью согласованности между учебной средой и реальным языковым функционированием в обществе. Именно поэтому оптимизация школьного языкового образования требует опоры на принципы языковой экологии, ориентированные на обеспечение гармоничного сосуществования языков, сохранение культурного многообразия и поддержание устойчивого языкового равновесия в многоязычной среде.

С позиции языковой экологии соотношение государственного общего языка, диалектов и национальных языков следует интерпретировать как модель функционального распределения, основанную на принципе комплементарности. Государственный общий язык выполняет интегративную функцию, обеспечивая единство национального коммуникационного пространства, доступ к образовательным ресурсам и включённость граждан в социально-экономические процессы [11]. Диалекты и национальные языки, в свою очередь, выступают носителями культурной памяти и локальной идентичности, выполняя важные функции межпоколенческой трансляции традиций и поддержания этнокультурной самобытности. В образовательной практике данное распределение должно выражаться не в противопоставлении языков, а в их согласованном включении в систему обучения, где государственный язык реализует задачи общественной коммуникации и академической социализации, а региональные языковые формы выступают культурным и эмоциональным ресурсом, повышающим мотивацию учащихся и укрепляющим их идентичностную устойчивость. Такой подход позволяет избежать редукции языкового образования к инструментальному освоению нормы и обеспечивает более глубокую интеграцию языкового обучения в культурно-социальный контекст.

Экологическая логика школьного образования предполагает рассмотрение образовательной системы как устойчивой, саморегулирующейся структуры, способной

адаптироваться к изменениям социальной среды. В условиях цифровизации, миграционных процессов, трансформации социально-экономических реалий и изменения коммуникативных практик обучение государственному общему языку должно быть гибким и динамичным, ориентированным не только на передачу знаний, но и на развитие способности учащихся эффективно использовать язык в разнообразных социальных ситуациях. Адаптивность образовательной системы проявляется в её способности учитывать региональную языковую специфику, уровень владения языком у различных групп учащихся и актуальные потребности общества. Устойчивость предполагает наличие механизмов, обеспечивающих сохранение качества обучения независимо от территориальных различий, кадровых ресурсов и инфраструктурных ограничений. Системность выражается в необходимости комплексного взаимодействия школы, семьи, местного сообщества и государственных институтов, поскольку языковая компетентность формируется не только в учебном процессе, но и в реальной коммуникационной практике. Следовательно, экологическая парадигма позволяет обосновать необходимость перехода от линейной модели языкового обучения к комплексной системе, ориентированной на согласование языковой политики, образовательных программ и социокультурной среды, что создаёт основу для дальнейшей разработки эффективных путей оптимизации школьного обучения государственному общему языку.

Современное школьное образование на государственном общем языке в условиях многоязычного общества приобретает характер сложной и многокомпонентной системы, развитие которой определяется не только нормативными требованиями и учебными программами, но и более широкими социальными, культурными и технологическими факторами. В экологической перспективе данная образовательная практика рассматривается как элемент языковой экосистемы, функционирующий в постоянном взаимодействии с другими языковыми формами, социальными институтами и коммуникативными практиками. Это означает, что обучение государственному общему языку в школе следует понимать не как механическое расширение языковой компетентности учащихся, а как процесс, направленный на формирование устойчивой способности использовать язык в разнообразных социальных ситуациях, обеспечивая при этом баланс между интегративной ролью государственного языка и сохранением регионального языкового многообразия. В рамках такого подхода можно выделить ряд ключевых характеристик современного развития школьного языкового образования, отражающих его системную природу и адаптивную динамику.

Одной из наиболее значимых характеристик является многоуровневая координация и системная интеграция участников образовательного процесса. В условиях языковой экологии школьное обучение государственному общему языку не может быть эффективным при изолированном функционировании школы как единственного института языковой социализации. Напротив, результативность обучения определяется согласованностью действий различных субъектов, включая государственные структуры, образовательные организации, педагогическое сообщество, семью и локальное сообщество. Данный механизм взаимодействия формирует систему распределённой ответственности, в рамках которой государственная языковая политика задаёт стратегические ориентиры, школа реализует образовательные задачи, педагог выступает медиатором языковой нормы и культурных смыслов, а семья и социокультурная среда обеспечивают пространство реального языкового функционирования. В результате обучение государственному общему языку

приобретает системный характер, а языковая компетентность формируется не только через учебные дисциплины, но и через повседневную практику общения, социальные проекты, культурные мероприятия и интеграцию учащихся в более широкое коммуникативное пространство. Такая многоуровневая координация позволяет обеспечить не только расширение языковых навыков, но и укрепление социальной интеграции учащихся, что особенно важно в национальных и сельских регионах.

Другой ключевой характеристикой является динамическая адаптация школьного языкового образования к социальным изменениям и цифровой трансформации. Языковая экосистема современного общества находится в состоянии постоянного изменения под влиянием миграционных процессов, урбанизации, модернизации экономики и расширения цифровых коммуникационных каналов [12]. Эти изменения трансформируют языковые потребности населения, расширяют спектр коммуникативных ситуаций и усиливают требования к функциональной грамотности учащихся. В таких условиях школьное обучение государственному общему языку не может оставаться статичным и ориентированным исключительно на традиционные формы обучения, поскольку оно должно реагировать на новые социальные вызовы и учитывать реальные потребности обучающихся. Особую роль в этом процессе играет цифровизация, которая расширяет образовательные возможности, позволяя преодолеть территориальные ограничения, компенсировать дефицит педагогических ресурсов и обеспечить более гибкие формы организации обучения. Информационные технологии создают условия для внедрения онлайн- и смешанных форм обучения, использования цифровых платформ, мультимедийных материалов и инструментов автоматизированной диагностики речевых навыков. Вместе с тем цифровая трансформация влияет и на характер языковой практики учащихся, формируя новые формы речевого поведения и новые стандарты коммуникации. Следовательно, современное развитие школьного образования на государственном общем языке проявляется в его способности включать технологические ресурсы не как вспомогательный элемент, а как механизм обновления образовательной среды и повышения эффективности языкового обучения.

Важнейшей характеристикой развития школьного языкового образования в экологической перспективе выступает ситуативность и практикоориентированность обучения, обеспечивающая связь языковой подготовки с реальными коммуникативными средами. В отличие от традиционного подхода, ориентированного преимущественно на формальное усвоение грамматических норм и лексических единиц, экологическая модель подчёркивает необходимость включения учащихся в реальные или моделируемые социальные ситуации, в которых язык выполняет функцию средства взаимодействия и решения практических задач. Такой подход предполагает формирование у школьников способности применять государственный общий язык в повседневной жизни, в общественных учреждениях, в профессионально-ориентированных контекстах и в межкультурной коммуникации. Практикоориентированность усиливает мотивацию учащихся, поскольку язык осваивается не как абстрактная учебная дисциплина, а как инструмент социальной мобильности и личностного развития. Кроме того, ситуативное обучение способствует снижению психологических барьеров, особенно у учащихся из национальных регионов, для которых государственный язык может восприниматься как внешняя и менее привычная коммуникативная форма. В результате школьное обучение приобретает характер экологически обоснованной практики, направленной на создание условий для естественного языкового развития, включённого

в реальные социальные процессы и коммуникативные сценарии.

Таким образом, сегодня школьное обучение государственному языку перерастает рамки простой передачи правил и норм. В экологической перспективе школа становится гибкой системой, которая быстро адаптируется к социальным и техническим переменам, а сам язык воспринимается как живая среда, необходимая для полноценной жизни человека в обществе. Такой подход требует отказаться от устаревших линейных моделей в пользу комплексного обучения, учитывающего всё многообразие связей: от местных культурных традиций до современных цифровых практик. Оптимизация этого процесса означает, что мы не просто повышаем формальную грамотность, а создаем условия, в которых ученик гармонично совмещает владение государственным языком с региональными особенностями. Чтобы достичь этого, необходимо развивать внутреннюю экосистему школы, усиливать технологическую поддержку и внедрять методы совместного управления качеством образования, делая обучение частью реального коммуникативного опыта.

Важнейшим условием устойчивого развития школьного обучения государственному общему языку является формирование локализованной учебной экосистемы, основанной на принципах школьно-ориентированной (локальной) образовательной программы, предполагающей адаптацию содержания и методов обучения к конкретной региональной языковой среде и культурному контексту. Экологический подход предполагает, что образовательная программа не может быть универсальной и одинаково эффективной для всех территорий, поскольку языковая ситуация в различных регионах существенно различается по уровню распространённости государственного языка, степени сохранности диалектов и национальных языков, а также по социокультурным условиям использования языка в повседневной жизни. Следовательно, школа должна не только реализовывать государственный стандарт, но и осуществлять содержательную локализацию учебных программ, интегрируя региональные культурные ресурсы в процесс обучения государственному общему языку. Такая интеграция способствует повышению мотивации учащихся, формированию устойчивой языковой идентичности и снижению психологического сопротивления, которое может возникать при восприятии государственного языка как внешнего или вытесняющего локальную культурную традицию. Локализованная учебная экосистема обеспечивает согласование языкового образования с культурной памятью сообщества, превращая региональную языковую среду в ресурс обучения, а не в препятствие для овладения государственным общим языком.

Не менее значимым направлением оптимизации выступает технологическое усиление школьного языкового образования и создание цифровой поддерживающей образовательной среды. В условиях цифровой трансформации общественной коммуникации технологии становятся не только инструментом расширения доступа к образовательным ресурсам, но и механизмом изменения самой структуры языкового обучения. Использование цифровых платформ, онлайн-курсов, интерактивных мультимедийных материалов и интеллектуальных систем диагностики речи позволяет компенсировать территориальные различия в доступе к качественным педагогическим ресурсам, что особенно актуально для сельских и национальных регионов. Цифровая поддерживающая среда способствует индивидуализации обучения, предоставляя учащимся возможность получать обратную связь, корректировать произношение, расширять словарный запас и совершенствовать речевые навыки в автономном режиме. Кроме того, технологии позволяют формировать виртуальные

коммуникативные пространства, моделирующие реальные жизненные ситуации, в которых учащиеся могут применять государственный общий язык в контексте учебных проектов, диалоговых сценариев и практикоориентированных заданий. Важно подчеркнуть, что технологическое усиление должно рассматриваться не как простое внедрение цифровых инструментов, а как создание целостной цифровой экосистемы, поддерживающей устойчивое развитие языковой компетентности и расширяющей границы традиционного школьного обучения.

Устойчивость школьного обучения государственному языку напрямую зависит от того, насколько открытой и гибкой будет система управления им. Экологический подход требует, чтобы школа не просто отчитывалась перед министерством, а вела живой диалог с учителями, учениками и родителями. Только так можно учесть реальный пульс региона и потребности детей, оперативно подстраивая программы под жизнь, а не под шаблон. Соответственно, и оценка качества должна измениться: вместо сухих баллов за тесты на первый план выходит коммуникативная уверенность и способность ребенка свободно использовать язык в реальных жизненных ситуациях. Когда оценивание фиксирует не только знание правил, но и уровень социальной интеграции, оно становится инструментом развития, а не просто контроля.

Таким образом, оптимизация школьного обучения государственному общему языку на основе языковой экологии должна быть направлена на формирование локализованной учебной экосистемы, создание технологически поддерживаемой цифровой среды и развитие механизмов совместного управления и комплексного оценивания качества. Реализация данных направлений обеспечивает переход к устойчивой модели языкового образования, способной одновременно решать задачи расширения владения государственным языком, поддержания регионального языкового многообразия и повышения социальной интеграции учащихся в условиях динамично меняющейся образовательной и коммуникативной среды.

Заключение

Установлено, что развитие школьного языкового образования в экологической перспективе определяется принципами многообразия, взаимозависимости и динамического равновесия языковой среды. Это означает необходимость рационального функционального распределения между государственным языком, региональными диалектами и национальными языками, а также учёта конкретной языковой ситуации региона. Анализ показал, что современная практика обучения характеризуется усилением системной координации участников образовательного процесса, адаптацией к социальным изменениям и цифровой трансформации, а также ростом практикоориентированности обучения, направленного на формирование реальной коммуникативной компетентности.

На основе полученных результатов обоснованы ключевые пути оптимизации школьного обучения государственному общему языку. К ним относятся формирование локализованной образовательной экосистемы, обеспечивающей согласование учебных программ с региональной языковой и культурной спецификой, развитие цифровой поддерживающей среды как ресурса повышения качества и доступности обучения, а также совершенствование механизмов совместного управления и комплексной оценки результатов языкового образования. Таким образом, оптимизация школьного обучения государственному общему языку должна осуществляться как экологически ориентированный процесс, направленный на достижение устойчивого развития языкового образования, сокращение региональных диспропорций и формирование у учащихся полноценной способности использовать государственный

язык в реальных коммуникативных и социально значимых ситуациях.

Литература

1. Асадуллин Р.М. Государственная политика в сфере языкового образования. *Педагогический журнал Башкортостана*. 2019; 2 (81): 7–13.
2. Мукушев Б.А. Синергетический подход к экологизации образования. *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2008; 10: 30–38.
3. 胡炯梅, 陈燕燕. 新疆农牧民学习使用国家通用语调查研究. *语言与翻译*. 2023; 3: 61–66. (Ху Цзюньмэй, Чэнь Яньян. Исследование обучения и использования государственного общенационального языка среди сельских жителей Южного Синьцзяна. *Язык и перевод*. 2023; 3: 61–66.)
4. 国务院办公厅. 国务院办公厅关于全面加强新时代语言文字工作的意见. Available at: https://www.mee.gov.cn/zcwj/gwywj/202112/t20211201_962385.shtml
5. 王海波, 苗东霞. 少数民族农牧民的国家通用语移动学习研究——以哈萨克族农牧民为例. *民族教育研究*. 2021; 4: 50–56. (Ван Хайбо, Мiao Дунся. Исследование мобильного обучения государственному общенациональному языку среди представителей национальных меньшинств, занятых в сельском хозяйстве и животноводстве (на примере казахских скотоводов). *Исследования национального образования*. 2021; 4: 50–56.)
6. 白新杰. 我国少数民族语言濒危现象的生态学思考. *广西民族研究*. 2020; 6: 128–135. (Бай Синьцзе. Экологический подход к проблеме исчезновения языков национальных меньшинств в Китае. *Исследования народов Гуанси*. 2020; 6: 128–135.)
7. 陈丽湘. 语言赋能共同富裕的内在逻辑与实践路径. *云南师范大学学报(哲学社会科学版)*. 2022; 4: 44–51. (Чэнь Лисян. Внутренняя логика и практические пути языкового расширения возможностей в обеспечении всеобщего процветания. *Вестник Юньнаньского педагогического университета (Философия и социальные науки)*. 2022; 4: 44–51.)
8. Haugen E. The ecology of language. *The ecolinguistics reader: Language, ecology and environment*. 2001: 57–66.
9. 冯广艺. 论语言态度的三种表现. *语言研究*. 2013; 2: 112–118. (Фэн Гуанъи. О трёх формах проявления языковой установки. *Языковые исследования*. 2013; 2: 112–118.)
10. Бондырева С.К., Савруцкая Е.П., Устинкин С.В. Экология языка в проблемном поле современных глобализационных процессов. *Власть*. 2019; 2: 66–73.
11. Белов С.А., Кропачев Н.М. Понятие государственного языка. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020; 17 (1): 4–21.
12. Франко Е.П., Франко М.В. Экология языка в современном обществе. *Политическая лингвистика*. 2019; 5: 26–33.

Study of ways to optimize school education in the state common language in the context of language ecology

Wu Xi, Guo Jiaxin

Xinjiang Normal University

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article examines ways to optimize school instruction in the state common language within a multilingual sociocultural environment based on the language-ecological approach. The study relies on the principles of language ecology, which interprets language as a dynamic system functioning in close interaction with the social environment, cultural practices, and institutional regulatory mechanisms. The conceptual compatibility between language ecology and school language education is substantiated, and key characteristics of the contemporary development of instruction in the state common language are identified, including multi-level coordination among participants in the educational process, adaptation to social changes and digital transformation, as well as the strengthening of practice-oriented language learning in real communicative situations. Based on the analysis conducted, the study proposes directions for optimizing school education, including the formation of a localized educational ecosystem, the development of a digitally supported learning environment, and the improvement of mechanisms for joint governance and quality assessment in language education. It is concluded that the ecological development model makes it possible to ensure the sustainability of language education, enhance its effectiveness, and simultaneously maintain a balance between the state common language and regional linguistic diversity.

Keywords: language ecology; state common language; school language education; multilingual environment; digital transformation; optimization of educational practices.

References

1. Asadullin R.M. State policy in the field of language education. *Pedagogical magazine of Bashkortostan*. 2019; 2 (81): 7–13.
2. Mukushev B.A. Synergetic approach to greening education. *Alma mater (Higher School Bulletin)*. 2008; 10:30–38.
3. 胡炯梅, 陈燕燕. 新疆农牧民学习使用国家通用语调查研究. *语言与翻译*. 2023; 3: 61–66. (Hu Junmei, Chen Yanyan. A study on the learning and use of the state national language among rural residents of Southern Xinjiang. *Language and Translation*. 2023; 3: 61–66.)
4. 国务院办公厅. 国务院办公厅关于全面加强新时代语言文字工作的意见. Available at: https://www.mee.gov.cn/zcwj/gwywj/202112/t20211201_962385.shtml
5. 王海波, 苗东霞. 少数民族农牧民的国家通用语移动学习研究——以哈萨克族农牧民为例. *民族教育研究*. 2021; 4: 50–56.
6. Wang Haibo. 我国少数民族语言濒危现象的生态学思考. *广西民族研究*. 2020; 6: 128–135. (Bai Xinjie. An ecological approach to the problem of the disappearance of minority languages in China. *Guangxi People's Studies*. 2020; 6: 128–135.)
7. 陈丽湘. 语言赋能共同富裕的内在逻辑与实践路径. *Yunnan Normal University Journal of Philosophy and Social Sciences (YNUPS)*. 2022; 4: 44–51. (Chen Lixiang. Internal Logic and Practical Paths of Language Empowerment in Ensuring Common Prosperity. *Yunnan Normal University Bulletin (Philosophy and Social Sciences)*. 2022; 4: 44–51.)
8. Haugen E. The ecology of language. *The ecolinguistics reader: Language, ecology and environment*. 2001: 57–66.
9. Chen Lixiang. The Ecology of Language: A Guide to Language, Ecology, and Environment. 2013; 2: 112–118. (Feng Guangyi. On Three Forms of Manifestation of Linguistic Attitude. *Language Studies*. 2013; 2: 112–118.)
10. Bondyrev S.K., Savrutskaya E.P., Ustinkin S.V. Ecology of Language in the Problem Field of Modern Globalization Processes. *Vlast*. 2019; 2: 66–73.
11. Belov S.A., Kropachev N.M. The Concept of the State Language. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature*. 2020; 17 (1): 4–21.
12. Franko E.P., Franko M.V. Ecology of Language in Modern Society. *Political Linguistics*. 2019; 5: 26–33.

Региональная экономика в структуре экономики государства: современные тенденции и направления развития

Филатов Евгений Александрович

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Восточно-Сибирский филиал Российский государственный университет правосудия, johnru3000@rambler.ru,

Соколицына Наталья Александровна

доктор экономических наук, доцент, доцент Высшей школы производственного менеджмента, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,

Цыплакова Елена Германовна

доктор технических наук, профессор, кафедра региональной экономики и управления, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, naja458@yandex.ru,

Янкевич Юлия Германовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры сервиса и управления, Ленинградский государственный университет им. А.С.Пушкина, lulia.yank@gmail.com,

Терещенко Олеся Валерьевна

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и политологии, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, olesya.tereschenko@yandex.ru

В статье исследуется возрастающая стратегическая роль региональных экономик в обеспечении устойчивости и суверенитета национального хозяйства. На основе анализа современных тенденций (кооперация макрорегионов, технологическая переориентация, цифровизация) выявлены ключевые проблемы пространственного развития. Авторами определяются направления трансформации региональной политики, нацеленные на преодоление диспропорций и формирование полицентричной, сбалансированной модели экономики государства через раскрытие специфического потенциала каждого региона. В условиях геополитической турбулентности, санкционного давления и необходимости обеспечения технологического суверенитета пересмотр парадигмы регионального развития становится ключевой задачей государственной экономической политики. Повышение вклада каждого региона в общенациональный результат критически важно для преодоления пространственных диспропорций и формирования целостной, устойчивой экономики.

Цель исследования - выявить современные тенденции и определить стратегические направления развития региональной экономики как интегрированных, но специфических элементов единого экономического пространства государства.

Эффективная региональная экономика является фундаментом национальной экономической устойчивости. Её будущее развитие связано не с унификацией, а с гибкой настройкой государственной политики, направленной на раскрытие конкурентных преимуществ каждого региона и их интеграцию в единую производственно-технологическую цепочку в рамках национальной экономики. Ключевым итогом должно стать формирование сбалансированной полицентричной модели пространственного развития государства.

Ключевые слова: региональная экономика, экономика государства, пространственное развитие, макрорегионы, государственная политика, территориальные диспропорции, тенденции, направления развития.

Введение

В современной глобальной экономике, характеризующейся усилением турбулентности, геополитической переконфигурацией и смещением акцентов на устойчивость и самодостаточность, региональный уровень экономического управления приобретает ключевое стратегическое значение. Региональная экономика, будучи фундаментальной подсистемой национального хозяйства, перестает быть лишь пассивным объектом централизованного регулирования, превращаясь в активный субъект конкурентных преимуществ и инновационного развития страны в целом. Сбалансированное и эффективное развитие территорий, минимизация межрегиональных диспропорций и раскрытие уникального потенциала каждого региона становятся не просто задачами социально-экономической политики, а фактором национальной безопасности и долгосрочной конкурентоспособности государства.

Неравномерность пространственного развития, ведущая к концентрации экономической активности в ограниченном числе «точек роста» (чаще всего - столичных агломерациях) и стагнации периферийных территорий создает риски социальной напряженности и недоиспользования ресурсного потенциала. Трансформация парадигмы государственного управления, где на смену унифицированным подходам приходит принцип «дифференцированной регионализации», требует учета специфики территорий при формировании макроэкономической политики. Влияние цифровизации, «зеленой» трансформации, санкционных ограничений и необходимости импортозамещения по-разному воздействуют на регионы в зависимости от их отраслевой специализации, инфраструктурной оснащенности и человеческого капитала. Возрастает роль регионов в обеспечении экономического и технологического суверенитета государства, где от способности территорий к быстрой адаптации и созданию замкнутых производственно-логистических цепочек зависит устойчивость национальной экономики в целом.

Экономика страны переходит в настоящее время на интенсивный путь социально-экономического развития в условиях глобального цифрового пространства, в связи с чем, усиливается роль государственного регулирования экономики. Важную роль в современных условиях хозяйствования приобретают социально-экономические процессы регионального (территориального) управления во взаимосвязи с централизованным и отраслевым управлением [4].

Региональная социально-экономическая система представляет собой сложную систему, в значительной степени различающуюся по своим свойствам от систем иного генеза, а также, по критериям типологизации в области безопасного экономического управления.

Объективными факторами, объясняющими сложившуюся социально-экономическую ситуацию в регионе, и, в соответствии с которыми, регионы можно типологизировать, по мнению Л.П. Совершаевой, по следующим критериям: – экономико-географическое положение; – природно-ресурсный потенциал; демографический потенциал; – структура и специализация хозяйства; – финансовая обеспеченность; – тип социально-экономического развития региона. Указанные факторы, на наш взгляд, определяют специфику региональных структур управления [11].

Проведенный анализ позволит углубить теоретическое понимание процессов регионализации в современных условиях и предложить практические ориентиры для

формирования эффективной экономической политики, направленной на гармоничное развитие всех территорий государства.

Обсуждение и результаты

Региональная политика - целевые установки федеральной власти, субъектов федерации и других субъектов управления по развитию регионов в едином комплексе страны, приводящие к экономическому благополучию всего населения страны и каждого региона в отдельности [9]. Региональная экономика - это ключевая подсистема национального хозяйства, определяющая его пространственную организацию и сбалансированность. Как указывает О.А. Петрова, экономический рост принято считать одним из ключевых индикаторов социально-экономического развития не только конкретного государства, но и регионов в целом. Для правительства страны важно, чтобы в регионах наблюдалась положительная динамика и экономический рост, ведь в противном случае, это может привести к ряду негативных тенденций и к спаду экономического развития в целом [6].

Регионы - каждый со своей специализацией (сырьевой, промышленной, аграрной, логистической, научной) - вместе формируют единый хозяйственный комплекс. Цель региональной политики - смягчение межрегиональных диспропорций (в уровне доходов, инфраструктуре, качестве жизни), которые являются источником социальной напряженности и экономической неэффективности. Отдельные регионы (часто крупные агломерации или регионы с сильными университетами) становятся центрами инноваций (Кремниевая долина, Сколково), тестируя новые модели управления, технологии и инструменты развития [10]. Сбалансированное региональное развитие обеспечивает устойчивость страны к внешним шокам, позволяет рационально использовать ресурсы и поддерживать жизнедеятельность всех территорий. Структура региональной экономической политики представлена на рисунке 1.

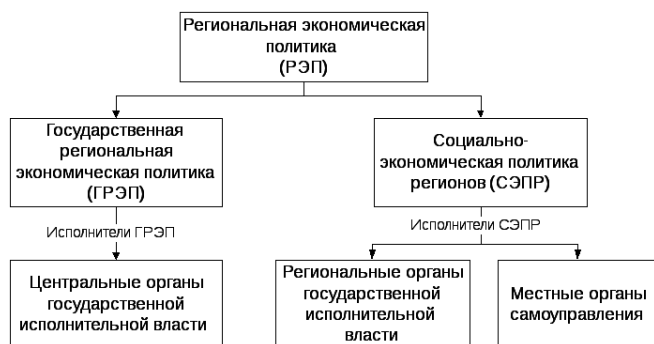

Рис. 1. Структура региональной экономической политики [7].

Нацеливание на концентрацию капитала, талантов и инвестиций в крупнейших городских агломерациях («точки роста») создает разрыв между мегаполисами и периферией, малыми городами. Цифровые технологии снижают значение старых факторов (близость к сырью), но повышают ценность других (качество связи, наличие IT-кадров, цифровая инфраструктура) [2]. Появляется возможность для удаленных регионов участвовать в глобальной экономике, но также растут риски «цифрового неравенства». Формируются новые региональные специализации вокруг «зеленой» энергетики, переработки отходов, экологического туризма. Углеродное регулирование кардинально меняет перспективы сырьевых регионов, вынуждая их к технологической модернизации. Рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ представлен в таблице 1.

Таблица 1

ТОП-10 регионов Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах РФ [8]

Место	Регион
1	Москва
2	Республика Татарстан
3	Московская область
4	Тульская область
5	Республика Башкортостан
	Нижегородская область
	Тюменская область
	Новгородская область
	Сахалинская область
6	Санкт-Петербург
	ХМАО — Югра
7	Калужская область
	Белгородская область
	Республика Крым
8	Краснодарский край
	Челябинская область
9	Самарская область
	Ленинградская область
	Липецкая область
	Ивановская область
10	Ярославская область
	Тамбовская область

Геополитические изменения приводят к переориентации транспортных коридоров (развитие Севморпути, международного транспортного коридора «Север - Юг», Восточного полигона), что открывает новые возможности для приграничных и портовых регионов.

Рост удаленной занятости, креативных индустрий, EdTech и MedTech меняет структуру занятости даже в индустриальных регионах, ставит новые задачи перед системой образования и урбанистикой. Регионы конкурируют за людей, особенно за высококвалифицированных специалистов. Ключевыми становятся факторы не только зарплаты, но и экологии, комфортной городской среды, доступности образования и здравоохранения.

В условиях современности наблюдается высокая пространственная и экономическая неравномерность: концентрация ресурсов, капитала и человеческого потенциала в Москве, Московской области и еще 10-15 крупнейших агломерациях. Многие регионы остаются дотационными. Даже несырьевые регионы часто зависят от спроса и финансирования из сырьевых (нефтегазовых) регионов. Демографические проблемы связаны со старением населения, оттоком молодежи и квалифицированных кадров из периферийных регионов в центры притяжения. Логистические издержки и размеры страны приводят к высокой стоимости транспортировки товаров и развития инфраструктуры на огромной территории. Санкции и внешнеполитическая ситуация создают ограничение доступа к технологиям, инвестициям и некоторым рынкам, необходимость переориентации логистических цепочек [3].

Региональная инфляция - это индикатор сбалансированности развития территории. Высокая и неуправляемая инфляция в отдельном регионе сигнализирует о структурных проблемах: слабости локального производства, неразвитости конкуренции, низкой эффективности регионального управления, плохой логистической связанности. Для руководства региона инфляция - ключевой макроэкономический показатель, который влияет на все сферы жизни. В долгосрочной перспективе для региональной экономики стабильно низкая инфляция является безусловным благом. Она создает предсказуемую среду для инвестиций, сбережений и роста реальных доходов населения, что является основой для устойчивого развития территории. Высокая и неуправляемая инфляция - это серьезная угроза экономической стабильности и социальному благополучию в регионе [1].

Ключевые направления развития региональной экономики можно сформулировать следующим образом:

1. Отказ от прямого субсидирования депрессивных территорий в пользу выявления и поддержки их уникальных конкурентных преимуществ (нишевая продукция, локальные бренды, специфические компетенции).

2. Создание опорной сети городов-центров разного уровня (крупные, средние, малые), способных предоставлять базовые услуги и удерживать население. Развитие межрегиональных кластеров и коридоров.

3. Повышение фискальной автономии регионов (больше собственных доходов и ответственности за их расходование). Развитие государственно-частного партнерства (ГЧП) для инфраструктурных проектов. Борьба с административными барьерами для бизнеса на местах.

4. Приоритет - не гигантские стройки, а цифровая инфраструктура (высокоскоростной интернет), логистика, распределенная энергетика, современная социальная инфраструктура.

5. Внедрение систем мониторинга социально-экономического развития регионов в реальном времени, использование больших данных и ГИС-технологий для принятия управленческих решений.

6. Разработка региональных стратегий низкоуглеродного развития, модернизация ЖКХ, развитие адаптивного сельского хозяйства, управление водными ресурсами.

7. Поддержка местных инициатив, развитие территориального общественного самоуправления, софинансирование проектов, важных для жителей (инициативное бюджетирование).

Главный вызов для государства - найти баланс между концентрацией ресурсов для глобальной конкурентоспособности (через агломерации) и обеспечением социальной-экономической целостности страны через развитие всех типов территорий. Будущее за региональной политикой, основанной на дифференцированном подходе, данных и партнерстве между федеральным центром, регионами, бизнесом и гражданами.

Будущее - за усилением конкурентных преимуществ каждого региона:

— Сырьевые регионы (ЯНАО, ХМАО, Татарстан): углубление переработки, переход к производству продукции с более высокой добавленной стоимостью (нефтехимия, газохимия).

— Промышленно-развитые (Урал, Кузбасс): модернизация промышленности, развитие машиностроения, оборонно-промышленного комплекса.

— Аграрные (Краснодарский край, Воронежская, Белгородская область): повышение глубины переработки сельхозпродукции, органическое земледелие, биотехнологии.

— Научно-образовательные (Новосибирск, Томск, Казань): развитие инновационных кластеров, IT-сектора, коммерциализация научных разработок.

— Туристические (Крым, Краснодарский край, Алтай, Байкал): развитие круглогодичной инфраструктуры, повышение качества услуг.

Регионы-лидеры (с диверсифицированной экономикой, сильными вузами, выгодным расположением) имеют все шансы укрепить свои позиции и стать центрами роста. Регионы сырьевой специализации будут зависеть от конъюнктуры мировых рынков и успехов в глубокой переработке. Периферийные регионы без явных конкурентных преимуществ рискуют остаться в роли дотационных, если не найдут возможности для роста и развития (например, в туризме, экологически чистом сельском хозяйстве, удаленной занятости). Ключевым фактором станет эффективность координации между федеральным центром, регионами и бизнесом, а также способность создавать благоприятную среду для инвестиций и инноваций на местах, а не только в столицах. Успех будет зависеть от перехода от простого распределения средств к умной региональной

политике, учитывающей уникальность каждого субъекта РФ.

Выводы

Региональная экономика перестала быть лишь пассивным элементом национального хозяйства. В условиях глобализации и децентрализации именно регионы становятся ключевыми факторами экономического роста, центрами инноваций и точками привлечения инвестиций. Конкурентоспособность государства все больше зависит от успешного развития его территорий.

Доминирующей тенденцией остается и даже усиливается неравномерность развития. Концентрация экономической активности, капитала и человеческого потенциала в крупных агломерациях (столичных и опорных) происходит на фоне стагнации или деградации периферийных и депрессивных районов, что создает серьезные риски для социально-экономической и политической стабильности страны.

На смену унифицированной отраслевой политике приходит политика пространственного развития, учитывающая специфику территорий. Ключевыми концептами становятся агломерационный эффект, «точки роста», территориальные кластеры и особые экономические зоны. Акцент делается на создании инфраструктурного и институционального каркаса, связывающего центры роста. Главным ресурсом развития становится не сырье, а квалифицированные кадры, знания, качество жизни и институты. Регионы конкурируют за таланты, создавая комфортную городскую среду, развивая креативные индустрии и цифровую инфраструктуру. Успех определяется способностью генерировать и удерживать человеческий капитал. Цифровые технологии стирают географические барьеры для ряда услуг и форм занятости, что дает шанс удаленным территориям. Однако они же концентрируют цифровые активы и компетенции в крупнейших центрах. Цифровой разрыв между регионами становится новой формой неравенства.

Экологические ограничения, энергопереход и климатическая политика формируют новые требования к региональной экономике. Возникают новые направления: циркулярная экономика, эко-туризм. Углеродный след и экологичность начинают напрямую влиять на инвестиционную привлекательность территорий.

Стратегия развития должна сочетать два подхода: стимулирование роста в сильных регионах-локомотивах для обеспечения национальной конкурентоспособности, а также поддержка отстающих территорий через точечные инвестиции в инфраструктуру, человеческий капитал и нишевые конкурентные преимущества для предотвращения их маргинализации и обеспечения социальной справедливости.

Таким образом, современная региональная экономика - это динамичная, сложноорганизованная подсистема национального хозяйства. Ее эффективное развитие требует от государства не прямого администрирования, а роли стратега, координатора, способного гармонизировать интересы центра и регионов, экономической эффективности и пространственной справедливости. Будущее экономики государства определяется тем, насколько успешно оно сможет раскрыть и использовать внутренний потенциал всех своих территорий.

Литература

1. Кузнецов С.В., Якишин Ю.В. Базовые научные категории понятийно-категориальной платформы исследований пространственного развития России и ее регионов (часть 1) // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2021. № 3 (66). С. 20–29.
2. Лапыгина Д.Ю. Разработка стратегии развития региона: система инструментов. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2016. 217 с.

3. Лю Я., Зарецкая В.Г., Вертакова Ю.В. Оценка региональной дифференциации по динамике основных экономических показателей и уровню их конвергенции // *П-Есопому*. 2023. № 16 (4). С. 60–78.

4. Машунин Ю.К., Машунин И.А. Политика, моделирование и прогнозирование с учетом инвестиционных процессов развития экономики региона // *Россия: тенденции и перспективы развития*. Ежегодник. Вып. 13 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2018. Ч. 2. С. 877–884.

5. Николаев М.А., Махотаева М.Ю. Факторы устойчивого развития неурбанизированных территорий // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета*. Экономические науки. 2021. № 14 (6). С. 53–66.

6. Петрова О.А. Факторы и условия экономического роста регионов Российской Федерации // *Экономические науки*. 2023. №2 (219). С. 129 – 131.

7. Региональная экономика: комментарии ГУ. Июль 2025 года. № 37. 63 с.

8. Соколов А.П. Особенности стратегического развития региональной экономики // *Вестник евразийской науки*. 2023. Т. 15. № 5. URL: <https://esj.today/PDF/24ECVN523.pdf> (дата обращения 24.01.2026).

9. Фрейдкина Е.М. Региональная экономика: учебное пособие. СПб.: ВШТЭ СПбГУПТД, 2020. 278 с.

10. Шпакова Р.Н. Стратегии социально-экономического развития регионов: от оценки достижения целей — к оценке эффективности // *Вестник Евразийской науки*. 2019. Т 11. № 2. URL: <https://esj.today/PDF/08ECVN219.pdf> (дата обращения 23.01.2026).

11. Савон И.В., Кротов Д.В., Самыгин С.И. Региональная социально-экономическая система: свойства и характеристика в области безопасного экономического управления // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2023. № 7. С. 231 – 235.

Regional economy in the structure of the state economy: current trends and directions of development

Filatov E.A., Sokolitsyna N.A., Tsyplakova E.G., Yankevich Yu.G., Tereshchenko O.V.

East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

This article examines the growing strategic role of regional economies in ensuring the sustainability and sovereignty of the national economy. Based on an analysis of current trends (macroregional cooperation, technological reorientation, and digitalization), key issues in spatial development are identified. The authors identify areas for transforming regional policy aimed at overcoming disparities and creating a polycentric, balanced national economic model by unlocking the specific potential of each region. In the context of geopolitical turbulence, sanctions pressure, and the need to ensure technological sovereignty, reconsidering the regional development paradigm is becoming a key objective of state economic policy. Increasing the contribution of each region to the national economy is critical to overcoming spatial disparities and building a coherent, sustainable economy.

The purpose of this study is to identify current trends and define strategic directions for the development of regional economies as integrated, yet specific, elements of the national economic space.

An effective regional economy is the foundation of national economic sustainability. Its future development is not linked to unification, but to the flexible adjustment of state policy aimed at unlocking the competitive advantages of each region and integrating them into a unified production and technological chain within the national economy. The key outcome should be the formation of a balanced, polycentric model of the state's spatial development.

Keywords: regional economy, state economy, spatial development, macroregions, state policy, territorial disparities, trends, development directions.

References

1. Kuznetsov S.V., Yakishin Yu.V. Basic Scientific Categories of the Conceptual-Categorical Platform for Research on the Spatial Development of Russia and Its Regions (Part 1) // *Economy of the Northwest: Problems and Prospects of Development*. 2021. No. 3 (66). pp. 20–29.
2. Lopygina D.Yu. Developing a Regional Development Strategy: A System of Tools. Moscow: Research Center INFRA-M, 2016. 217 p.
3. Liu Ya., Zaretskaya V.G., Vertakova Yu.V. Assessing Regional Differentiation Based on the Dynamics of Key Economic Indicators and the Level of Their Convergence // *П-Есопому*. 2023. No. 16 (4). pp. 60–78.
4. Mashunin Yu.K., Mashunin I.A. Policy, Modeling, and Forecasting Taking into Account Investment Processes in Regional Economic Development // *Russia: Development Trends and Prospects*. Yearbook. Issue 13 / RAS. INION. Scientific Cooperation Department; Ed. V. I. Gerasimov. Moscow, 2018. Part 2. pp. 877–884.
5. Nikolaev M. A., Makhotayeva M. Yu. Factors of Sustainable Development of Non-Urbanized Territories // *Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnical University. Economic Sciences*. 2021. No. 14 (6). pp. 53–66.
6. Petrova O. A. Factors and Conditions of Economic Growth in the Regions of the Russian Federation // *Economic Sciences*. 2023. No. 2 (219). pp. 129–131.
7. Regional Economy: Comments by the State University. July 2025. No. 37. 63 p.
8. Sokolov A.P. Features of Strategic Development of the Regional Economy // *Bulletin of Eurasian Science*. 2023. Vol. 15. No. 5. URL: <https://esj.today/PDF/24ECVN523.pdf> (date of access 01/24/2026).
9. Freidkina E.M. Regional Economy: Study Guide. St. Petersburg: Higher School of Economics of St. Petersburg State University of Industrial and Technical Sciences, 2020. 278 p.
10. Shpakova R.N. Strategies for the Socio-Economic Development of Regions: From Assessing Goal Achievement to Assessing Effectiveness // *Bulletin of Eurasian Science*. 2019. Vol. 11. No. 2. URL: <https://esj.today/PDF/08ECVN219.pdf> (accessed 23.01.2026).
11. Savon I.V., Krotov D.V., Samygin S.I. Regional socio-economic system: properties and characteristics in the field of safe economic management // *Humanities, Social Sciences, Economics and Law*. 2023. No. 7. Pp. 231 – 235.

Государственное управление в сфере физической культуры и спорта: эволюция, современное состояние, формы и методы

Фомин Вячеслав Андреевич

аспирант факультета государственного и муниципального управления, Московский Городской Педагогический Университет, fominva@mgpu.ru

В исследовании рассмотрены значение физической культуры и спорта для государства и особенности выбора форм и методов государственного управления отраслью. Проведён анализ эволюции представлений о роли физической культуры и спорта в системе публичных задач и показана зависимость управленческих решений от социальных, экономических и воспитательных ориентиров государственной политики. Обосновано разграничение уровней значимости физической культуры и спорта и их соотношение с формами государственного управления (правовые, организационные, программно-целевые, финансово-экономические, информационные, кадровые и научно-методические) и инструментами государственного управления (экономические, программно-целевые, информационные и цифровые, организационно-координационные, кадровые и научно-методические, контрольно-обеспечительные, международные). Представлена авторская модель значения физической культуры и спорта для государства с направлениями государственного управления, а также авторская модель распределения функций управления по уровням публичной власти с учётом применяемых форм и методов. Показано, что эффективность государственной политики определяется согласованностью целей развития физической культуры и спорта с механизмами их практической реализации. Полученные результаты формируют теоретическую основу для более обоснованного выбора управленческих мер и совершенствования государственной политики в сфере физической культуры и спорта.

Ключевые слова: физическая культура; спорт; государственное управление; формы государственного управления; методы государственного управления; государственная политика.

Введение. В настоящее время в России продолжается реализация Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года, принятой в 2020 г. (далее — Стратегия 2030). Цель развития — «формирование приоритетов государственной политики в сфере физической культуры и спорта, основных направлений и механизмов, способствующих созданию условий, обеспечивающих равные возможности гражданам страны вести здоровый образ жизни, систематически заниматься физической культурой и спортом, а также сохранению конкурентоспособности российского спорта и формированию базы для эффективной работы системы российского спорта при различных сценариях развития геополитической и экономической ситуации в стране» [1]. Соотнесение заявленных приоритетов с содержанием государственного управления обуславливает необходимость научного анализа роли физической культуры и спорта для государства и применяемых форм воздействия государственного управления.

Роль физической культуры и спорта для государства проявляется в совокупности ценностных, социально-организационных и управленческих аргументов, поэтому научный анализ отрасли целесообразно вести в области целей публичной власти, критериев результативности и допустимых способов воздействия на участников сферы. Теоретико-методологические особенности такого анализа опираются на философское осмысление физической культуры и спорта как значимых социокультурных феноменов и, вместе с тем, — как объекта научного исследования, для которого важны определённости понятий, корректность обоснований и сопоставимость выводов [2]. В исторической перспективе связь физической культуры с государственными задачами показывает, что нормы и управленческие решения возникали как ответ на общественные и государственные запросы, что закреплялось в правовых механизмах и институтах [3]. Историческая динамика публичного управления сферой проявлялась сквозь призму смены институциональных носителей и инструментов влияния, включая роль информационной политики и медиасреды, использовавшихся для консолидации практик массовой физической культуры и для управления вовлечённостью населения [4]. В советском опыте фиксировались формы перераспределения полномочий в пользу общественных организаций, что позволяет обсуждать границы делегирования функций и условия ответственности в рамках публичного управления отраслью [5]. Исторический обзор развития физической культуры и спорта, начиная с античности и завершая современностью, подтверждает длительную эволюцию институциональных представлений о месте спорта и физической культуры в обществе, что оправдывает обращение к генезису как к элементу научного обоснования управленческих решений [6].

Цель статьи состоит в систематизации эволюции, современного состояния, форм и методов государственного управления в сфере физической культуры и спорта. Для постановки задачи анализа значимости физической культуры и спорта для государства важно связать управленческие ориентиры с типологией государственных интересов и ожидаемых результатов [7]. Выбор форм и методов государственного управления в отрасли целесообразно

рассматривать сквозь призму сопоставления управленческих моделей и инструментов регулирования, ориентированных на общественно значимые эффекты и измеримую результативность мер [8]. Современная повестка также дополняется международно-правовыми вопросами взаимодействия и проблематикой санкционных ограничений в спорте высших достижений, особенно учитывая то, что «многие страны с низким и средним уровнем дохода демонстрируют ограниченную готовность к заимствованию капиталоемких инноваций» [8], что усиливает значение правовых решений в системе государственного управления отраслью [6], [9].

Результаты и обсуждение. Генезис представлений о значении физической культуры и спорта для государства раскрывается в трудах многих российских авторов, среди которых можно выделить Б.Р. Голощапова, В.К. Пельменева и Е.В. Конееву, В.Ю. Дятлова, Г.М. Поликарпову и Е.Е. Шомысову, Д.С. Алхасова и др. Активное развитие физической культуры и спорта началось в России с реформ XVIII века и, в частности, с преобразований, заданных Петром I «в силу социально-экономических и культурно-исторических условий официальные формы физической культуры» [10, С. 34]. До первой половины XIX века для эволюции физической культуры и спорта были характерны следующие ключевые вехи: интеграция физического воспитания в учебные заведения, военно-физическая подготовка в русской армии, сохранение физического воспитания и спорта в быту (борьба, кулачный бой, развлечения), а также в быту дворянства, развитие педагогической и естественнонаучной мысли в сфере физического воспитания [11, С. 84-103]. Во второй половине XIX века, которая «характеризовалась сложной общественно-политической ситуацией в государстве» [12, С. 18], в России наблюдались значительные перемены, которые не могли не затронуть и организацию физической культуры и спорта, значительный вклад в развитие которой внесли такие известные личности, как Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, К.Д. Ушинский, Д.И. Писарев, Н.И. Пирогов, И.М. Сеченов, И.П. Павлов, Е.А. Покровский, П.Ф. Лесгафт и др. [11, С. 84-103].

В СССР развитие физической культуры и спорта рассматривалось как значимое направление государственной политики, связанное с задачами общественного здоровья, трудовой и оборонной подготовки, воспитания дисциплины и коллективных норм поведения, вследствие чего отрасль получила централизованные формы управления и планирования [13]. Так, в систему массовой физической культуры включались комплекс ГТО и нормативные практики, ориентированные на регулярные занятия населения и единые критерии подготовленности; организационное развитие обеспечивалось посредством сети спортивных обществ, ведомственных структур и массовых соревнований всесоюзного масштаба, включая спартакиадное движение. Значимое место занимала интеграция физического воспитания в образовательные организации и профессиональную подготовку, что сопровождалось расширением кадровой базы, развитием методических подходов и стандартизацией учебных программ. Также как элемент международного представительства развивался спорт высших достижений, что выражалось в приоритетном финансировании подготовки сборных команд, строительстве специализированной инфраструктуры и выстраивании системы отбора и подготовки резерва на основе спортивных школ и специализированных учреждений. В конечном итоге в СССР сложилась модель, в рамках которой социальные и идеологические цели сочетались с административными и экономическими инструментами управления, в то время как эффектив-

ность мер связывалась с масштабом вовлеченности, нормативными показателями подготовленности и международными результатами [11, С. 104-129].

Генезис представлений о значении физической культуры и спорта именно для государства целесообразно рассматривать как последовательную смену управленческих аргументов, которые переходили от утилитарных задач подготовки к военной службе и укрепления военной дисциплины к более сложным основаниям, связанным с общественным здоровьем, массовой вовлеченностью населения и международным представительством России. На ранних этапах, которые в учебной традиции связываются с модернизационными импульсами и институционализацией физического воспитания в образовании, физическая культура воспринималась прежде всего как инструмент формирования требуемых качеств населения и кадров, после чего в конце XIX века заметнее проявились гуманитарно-педагогические обоснования, связывавшие физическое воспитание с развитием личности и социальной полезностью занятий физической культурой и спортом [13]. В советский период аргументация приобрела системный характер и опиралась на государственные функции мобилизационной подготовки, охраны здоровья и массового воспитания, что сопровождалось централизацией управления, стандартизацией практик и расширением инфраструктурной базы.

В постсоветский этап на первый план вышли задачи согласования социального эффекта массового спорта с правовыми и организационными инструментами публичной власти, а также вопросы внешнего взаимодействия и правового обеспечения отрасли в условиях международной напряженности [14]. В управленческом измерении периодизацию представлений о значении физической культуры и спорта целесообразно фиксировать по доминирующей государственной функции в отрасли, что позволяет выделить этап кадрово-служебной направленности, этап социально-воспитательной направленности, этап мобилизационно-оборонной направленности, этап комплексной социально-экономической направленности и этап правового и институционального усложнения государственного управления [15].

Основание такой периодизации связано с тем, что на каждом этапе эволюции отечественного государственного управления физической культурой и спортом менялся набор приоритетов публичной власти, состав управленческих механизмов и критерии результативности мер, что позволяет использовать единый критерий для последующего анализа форм и методов государственного управления в сфере физической культуры и спорта.

Современное понимание значения физической культуры и спорта для российского государства складывается как совокупность публичных целей, которые получают практическое выражение в решениях органов власти и в параметрах оценки результативности. На уровне осмысления общественной значимости в приоритете находится здоровье населения и воспроизводство привычек регулярной двигательной активности населения, что прямо связано с задачами демографической политики, профилактики заболеваний и снижения социальных издержек. На уровне управления значимость физической культуры и спорта проявляется как необходимость перевода этих целей в измеримые целевые показатели, управленческие программы и механизмы межведомственного взаимодействия.

В социальном измерении физическая культура и спорт связываются с интеграцией различных групп населения и с формированием норм коллективного поведения, что важно для единства общества и снижения социального

напряжения. В общественном аспекте ключевым считается доступность занятий и равные возможности участия, тогда как управленческий аспект связан с тем, какими инструментами обеспечивается вовлечённость населения в физическую культуру и занятия спортом, как выбираются приоритетные группы и как оцениваются результаты мер. В поле государственного управления оправдано разведение эффекта для граждан и инструмента для органов власти, поскольку совпадение целей в декларациях ещё не означает совпадения методов в практике.

В экономическом измерении значимость физической культуры и спорта проявляется в развитии инфраструктуры, в занятости и в смежных рынках, включая индустрию услуг и событийные форматы, а также в рационализации государственных расходов на профилактику заболеваний и на поддержку массовой активности занятий спортом. Для органов власти управление сферой физической культуры и спорта предполагает выбор модели регулирования и согласование интересов различных участников. В частности, в работе А.М. Еремина предлагается подход к сопоставлению моделей управления и инструментов регулирования, основанный на типологизации европейских управленческих моделей (рис. 1).

Рисунок 1 — Модели управления сферой физической культуры и спорта согласно И. Генри
Источник: [9, С. 174]

Для России же значение спорта также приобретает вес в измерении государственной безопасности и международного позиционирования, так как внешние ограничения и санкционные (дискриминационные) практики меняют условия участия в международных соревнованиях и повышают значимость внутренних институтов поддержки спортсменов.

Управленческий аспект здесь выражается в правовых решениях, социальных гарантиях и выстраивании стратегических приоритетов спорта высших достижений на длительную перспективу, при этом важным остаётся разграничение интересов международного представительства и задач массовой физической культуры [16].

С точки зрения понятийной строгости в современных исследованиях важно отделять политику в сфере физической культуры и спорта как часть социальной политики от спортивной политики как институциональной системы, имеющей собственные категории и предметное поле анализа. Данная граница влияет на постановку исследовательских вопросов, выбор показателей и интерпретацию управленческих решений, поскольку под одинаковыми терминами нередко скрываются разные предметы анализа.

В частности, Концептуальная аргументация о различиях и составе понятийного аппарата представлена в публикации А.Я. Касюка и Е.Д. Леонтьева [17].

В рамках государственного управления целесообразно выделять три уровня значимости физической культуры и спорта для государства:

- первый уровень относится к общественной значимости и включает в себя здоровье, интеграцию и вовлечённость населения как результат для граждан;
- второй уровень относится к отраслевой значимости и включает в себя инфраструктуру, занятость и смежные рынки как результат для экономики;
- третий уровень относится к управленческой значимости и включает в себя формы, методы и институты публичного регулирования как результат для системы управления.

В целом можно выделить основные направления значения физической культуры и спорта для российского государства в настоящее время (табл. 1). Более подробно целесообразно рассмотреть два ключевых типа эффекта физической культуры и спорта с точки зрения реализации государственного управления: экономические и социальные.

Таблица 1
Основные направления значения физической культуры и спорта для государства и управленческие ориентиры

Направление	Содержание	Ориентир управления
Демографическое и медико-профилактическое	Здоровье; активное долголетие	Доля систематически занимающихся; доступность занятий
Социальная интеграция и вовлечённость	Включённость групп; сплочённость	Территориальная доступность; охват возрастов и групп
Образовательное и воспитательное	Физическое воспитание; дисциплина	Программы и методики; кадровое обеспечение
Кадрово-служебное и оборонное	Подготовленность к труду и службе	Нормативы подготовленности; ведомственные программы
Международное представительство	Репутация; конкурентоспособность	Спортивные результаты; подготовка резерва
Экономическое и инфраструктурное	Инфраструктура; занятость	Обеспеченность объектами; ввод и модернизация
Правовое и организационное	Правовая определённость; ответственность	Актуальность норм; межведомственная координация
Институциональное развитие отрасли	Роли участников; взаимодействие	Партнёрские механизмы; результативность мер

Источник: авторская разработка

Социальные эффекты физической культуры и спорта в государственных задачах, как отмечалось выше, рассматриваются прежде всего как изменения в состоянии здоровья населения и в привычках повседневной двигательной активности, которые отражаются на качестве жизни и на продолжительности активного периода [18]. Важно подчеркнуть, что для государственного управления значимо то, что профилактический результат возникает при регулярности занятий и устойчивом охвате разных возрастных групп, поэтому в центре анализа оказываются доступность инфраструктуры и вовлечённость населения как наблюдаемые показатели.

Связь физической культуры с общественной интеграцией проявляется в формировании практик совместной активности, а также в создании понятных норм участия, соперничества и взаимодействия, которые воспроизводятся в учебных коллективах, трудовых сообществах и территориальных группах. Социальная интеграция в этой сфере связана с культурными основаниями телесности и соревнования, в связи с чем научное понимание социального эффекта не ограничивается медицинскими показателями и включает воспитательные и ценностные аспекты [2].

Вовлечение граждан в систематические занятия в практическом плане связано с тем, что участие населения повышается в тех регионах, в которых поддерживаются

«простые» входные форматы и понятные траектории продолжения спортивных занятий, а также сохраняется приемлемый баланс между массовыми занятиями физической культурой и спортом и соревнованиями [19]. В государственном управлении данная постановка вопроса важна потому, что рост вовлечённости достигается воспроизводимыми организационными решениями на уровне государственных учреждений, муниципальных проектов и сетей секций, ориентированных на регулярность и доступность их посещения. Социальные эффекты заметно меняются по группам населения, поэтому значимым становится разграничение массовых практик, детско-юношеской подготовки, корпоративного спорта и форматов, ориентированных на старшие возрасты, включая адаптивную физическую культуру. Социальный эффект физической культуры и спорта связан и с тем, как распределяются роли государства и общественных объединений в организации массовых практик, включая добровольческие и клубные форматы. Так, исторический опыт делегирования части функций общественным структурам показывает, что при корректном распределении ответственности и при наличии согласованных правил поддерживается устойчивое участие населения и расширяется сеть вовлечения [9]. Для целей государственного управления социальные эффекты целесообразно рассматривать как самостоятельное основание выбора мер, поскольку различие результата по здоровью, интеграции и вовлечённости задаёт различие набора управленческих решений и критериев оценки, что в практическом смысле означает, что выбор модели управления и инструментов воздействия целесообразно соотносить с тем, какой именно социальный результат ставится в приоритет в конкретной ситуации.

Экономические эффекты физической культуры и спорта в государственных задачах целесообразно рассматривать сквозь призму того, как складываются расходы публичной власти и как меняются измеримые результаты в здравоохранении, занятости и территориальном развитии. Для органов власти важна связь между направлением расходов, форматом мероприятий и тем, какие показатели реально улучшаются в коротком и среднесрочном горизонте.

Нельзя не отметить, что занятость в сфере физической культуры и спорта имеет двойственную природу. Действительно, рынок труда включает штат учреждений и организаций, тренерско-преподавательский состав, специалистов по медико-биологическому сопровождению и управлению объектами, а также временную занятость, связанную с соревнованиями, обслуживанием инфраструктуры и организацией массовых мероприятий [20]. Прирост рабочих мест обычно концентрируется в городских центрах и на крупных объектах, поэтому в региональной политике возникает задача выравнивания возможностей занятости за счет развития сети специализированных объектов и секций.

Инфраструктура выступает как наиболее капиталоемкая часть отрасли, при этом экономический эффект задаётся эксплуатацией и загрузкой объектов. В управленческом смысле значимой является разница между созданием новых сооружений и восстановлением существующих площадок, так как разные решения дают разные траектории бюджетных расходов и разные условия для массовой вовлечённости [21-22]. Оценка эффективности инфраструктурных решений логично связывается с выбранной моделью управления отраслью и подходом к планированию, что, в частности, обсуждается в работе А.М. Еремина по сравнительным моделям управления [9].

Смежные рынки проявляются в индустрии спортивных услуг, событиях и сервисах, а также в производстве и торговле спортивными товарами, инвентарём и экипировкой. В современной экономике спорта заметным является эффект

мультипликации, когда одно соревнование или серия массовых мероприятий приводит к загрузке транспорта, питания, размещения и городской инфраструктуры, а также к росту спроса на сопутствующие услуги. Для государства данный блок важен в части местных бюджетов и занятости малого бизнеса, прежде всего в территориях, принимающих спортивные события.

Государственные расходы в сфере физической культуры и спорта предполагают выбор между прямым бюджетным финансированием, поддержкой на основе субсидий и использованием механизмов государственно-частного партнерства [23-24]. В ряде случаев существенную роль получают правовые формы сотрудничества с внешними партнёрами и международными институтами, поскольку они затрагивают финансовые обязательства, трансграничные мероприятия и условия участия организаций, что отражается в работах по правовому обеспечению международного сотрудничества [6].

Для реализации управленческих решений экономические эффекты физической культуры и спорта целесообразно описывать в призме трёх аспектов:

- первый аспект относится к бюджетной стороне и включает в себя структуру расходов и ожидаемую экономию в связанных сферах;
- второй аспект относится к инфраструктуре и включает в себя загрузку объектов и стоимость содержания;
- третий аспект относится к рынкам и включает в себя занятость, спрос на услуги и активность событий.

Эта призма позволяет сопоставлять варианты мер по их экономическому результату и по ожидаемым издержкам, а затем выбирать инструменты управления, которые соответствуют поставленным государственным задачам.

В целом, обобщая описанное выше, предлагается модель значения физической культуры и спорта для государства с направлениями государственного управления (рис. 2).

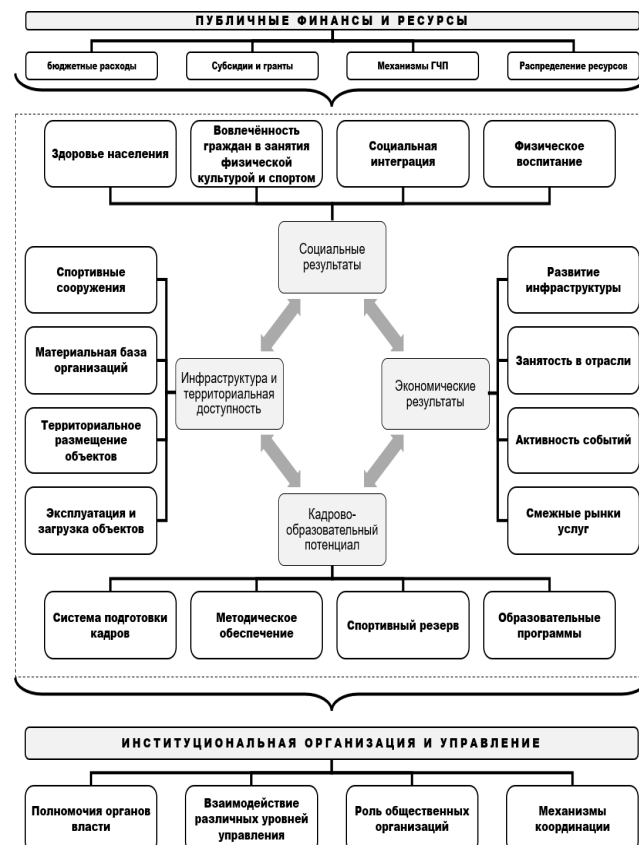

Рисунок 2 — Модель значения физической культуры и спорта для государства с направлениями государственного управления
Источник: авторская разработка

Представленная модель показывает, каким образом значение физической культуры и спорта для государства складывается из взаимосвязанных социальных, экономических и организационных элементов. В центре модели находятся социальные результаты и экономические результаты, которые выступают итогом развития инфраструктуры и территориальной доступности, а также кадрово-образовательного потенциала отрасли. Достижение этих результатов становится возможным при наличии достаточных публичных финансов и ресурсов, распределяемых по понятным направлениям, и при эффективной институциональной организации управления, включающей полномочия органов власти, взаимодействие уровней управления и роль общественных организаций. Все блоки модели связаны между собой и образуют единую систему, в которой управленческие решения по финансированию, развитию кадров и инфраструктуры напрямую влияют на здоровье населения, вовлечённость граждан, социальную интеграцию и экономическую отдачу сферы физической культуры и спорта.

Институциональные основания участия государства в развитии физической культуры и спорта целесообразно рассматривать как распределение функций между уровнями публичной власти и организациями, которые участвуют в реализации мер. Федеральный уровень задаёт нормативно-правовые решения и общие подходы к финансированию, в субъектах Российской Федерации выполняется разработка и реализация региональных программ и формирование сети организаций на территории, муниципальный уровень связан с доступностью занятий и локальными форматами вовлечения населения. Публичная власть в отрасли взаимодействует с общественными объединениями, спортивными обществами и иными негосударственными институтами, обеспечивающими устойчивость участия населения и расширяющими практики массовых занятий физической культурой и спортом. В частности, советский опыт организации физической культуры и спорта показывает возможность передачи части организационных функций общественным структурам при ясном разграничении ответственности и полномочий, что сохраняет значение и для современных решений [5].

Самостоятельным институциональным звеном выступают образовательные структуры, так как физическое воспитание и подготовка кадров опираются на учебные программы, методическое обеспечение и кадровый состав.

Школы, колледжи и университеты участвуют как площадки регулярных занятий и как центры подготовки специалистов, поэтому оценка эффективности мер в отрасли включает в себя качество взаимодействия со сферой образования. Разграничение ролей внутри этого звена важно, так как учебный процесс, спортивная подготовка и воспитательные задачи имеют разные управленческие основания. Значение правовых решений и организационных механизмов поддержки усиливает сфера спорта высших достижений, так как участие спортсменов и организаций оказывается зависимым от внешних ограничений и от позиции международных институтов. В подобных условиях возрастает роль национальных процедур отбора, обеспечения гарантий и организации соревнований, а также роль ведомств и профильных организаций, которые несут ответственность за правовое сопровождение и защиту интересов участников [16]. Институциональная организация физической культуры и спорта различается по типу применяемой модели управления, что отражается в соотношении централизованных и децентрализованных решений, доли общественного участия и характера распределения ресурсов. Для анализа государственной политики в сфере физической культуры и спорта важным яв-

ляется установление того, кто принимает ключевые решения, кто обеспечивает исполнение на местах и кто несёт ответственность за результат — при такой постановке вопроса сопоставимыми становятся практики разных территорий и разные варианты участия негосударственных акторов [25-29]. Авторское представление институциональных оснований государственного управления физической культурой и спортом целесообразно задавать как набор параметров анализа, применимый для прикладной оценки государственной политики. В качестве параметров выступают распределение полномочий по уровням власти, формат участия общественных организаций, роль образовательных структур и характер взаимодействия с местными сообществами, что позволяет сопоставлять решения по устройству реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта. Так, исходя из действующей Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года, можно выделить ключевые государственные интересы (табл. 2).

Таблица 2
Государственные интересы в сфере физической культуры и спорта и ожидаемые результаты реализации спортивной политики

Интерес	Ожидаемый результат	Ориентир реализации
Культура здорового образа жизни	Рост вовлеченного населения	Массовый спорт; мотивация населения; ГТО
Равные возможности занятий для всех возрастов	Доступность занятий по месту жительства, учёбы, работы	Спортивная инфраструктура; клубы; массовые мероприятия
Спорт для лиц с ОВЗ и инвалидов	Рост вовлеченного населения	Адаптивный спорт; инфраструктура
Подготовка резерва и спорт высших достижений	Конкурентоспособность; соревнования	Детско-юношеский спорт; профспорт
Кадры и научно-методическое обеспечение	Качество подготовки; квалификация кадров	Образование; наука; медицина
Честность соревнований	Снижение нарушений; доверие к соревнованиям	Контроль и профилактика
Экономическая эффективность	Рост доли внебюджетных источников; снижение зависимости от бюджета	Экономическая модель спорта; партнёрство государства и бизнеса
Управление и данные	Повышение качества планирования и мониторинга показателей	Единая цифровая платформа; статистика; отчётность и контроль
Международный авторитет России в спорте	Развитие международного сотрудничества при сохранении национальных интересов	Международные связи; проведение соревнований; представительство

Источник: авторская разработка

Проведённый анализ генезиса и современного состояния представлений о значении физической культуры и спорта для российского государства показывает последовательную смену аргументов государственной поддержки от задач служебной и воспитательной направленности к комплексной ориентации на здоровье населения, вовлечённость граждан, социальную интеграцию и конкурентоспособность спорта, что сопровождается усложнением целей публичной политики и расширением круга ожидаемых результатов. Современная интерпретация значения физической культуры и спорта раскрывается в разграничении общественных смыслов и задач государственного управления, а также в выделении социальных и экономических эффектов как самостоятельных оснований выбора мер.

Институциональные основания участия государства уточняют практическую сторону реализации политики через распределение ролей органов власти, муниципалитетов, образовательных структур и общественных организаций, а сопоставление направлений значимости с управленческими ориентирами и выделение государственных интересов с ожидаемыми результатами задают единый

аналитический контекст для перехода к рассмотрению форм и методов государственного управления в сфере физической культуры и спорта.

Далее целесообразно обозначить ключевые формы и методы государственного управления в сфере физической культуры и спорта, которые целесообразно понимать как два взаимосвязанных, однако не тождественных измерения управленческого воздействия. Формы отражают юридически и организационно оформленные способы осуществления публичных полномочий, методы — характер воздействия на участников сферы, порядок выбора инструментов и способы достижения целевых результатов. В рамках действующей Стратегии до 2030 года данное различие важно потому, что один и тот же целевой ориентир может достигаться разными сочетаниями форм и методов.

Формы государственного управления в сфере физической культуры и спорта связаны с тем, как публичная власть оформляет управленческое решение и как закрепляет обязательные правила, приоритеты и процедуры. К ним относятся нормативные акты и стратегические документы, государственные программы и планы, а также управленческие решения, определяющие компетенции участников и порядок взаимодействия. Поскольку сфера физической культуры и спорта затрагивает массовые практики, спортивную подготовку и спорт высших достижений, состав форм включает в себя как федеральный, так и региональный и муниципальный уровень, что отражается в различии задач и ответственности органов власти.

Методы государственного управления в сфере физической культуры и спорта характеризуют то, каким образом воздействие доводится до организаций и граждан, а также то, какой тип результата ожидается от той или иной меры государственного управления. В сфере физической культуры и спорта применяются экономические меры поддержки, организационные меры координации и распределения функций, информационно-аналитические меры мониторинга и сопровождения, а также меры правового характера, направленные на соблюдение единых правил и защиту участников. В международном сегменте спорта также значим правовой блок, связанный с внешними ограничениями и задачами защиты интересов российских участников [16].

Разграничение управленческих воздействий по типам задач удобно выстраивать от общего к частному, исходя из того, какой результат ставится в приоритет в конкретной ситуации. Массовый спорт и здоровье населения ориентируют управление на охват и регулярность занятий, спортивная подготовка ориентирует управление на качество отбора и сопровождения, спорт высших достижений ориентирует управление на конкурентоспособность и организацию соревнований. Различие задач сразу задаёт различие предпочтительных форм и методов, тогда как сравнение мер становится предметным. Для научного анализа государственной политики важно отделять терминологические уровни, поскольку под одними и теми же словами в публикациях и документах нередко подразумеваются разные предметы управления. Разведение понятийной области физической культуры и спорта и области спортивной политики упрощает описание форм и методов и повышает точность выводов, поскольку меняются состав участников, типы решений и набор показателей результата [5].

Понятие форм и методов государственного управления в сфере физической культуры и спорта в рамках настоящей статьи предлагается понимать как систему согласованных способов управленческого воздействия, связанную с типами задач отрасли и с ожидаемыми результатами публичной политики. Формы задают официальный

способ закрепления решения и распределения полномочий, методы раскрывают характер воздействия и набор применяемых инструментов, тогда как различение задач обеспечивает корректный выбор сочетаний форм и методов для массового спорта, спортивной подготовки и спорта высших достижений. Данная интерпретация обеспечивает переход к анализу конкретных форм и методов управления отраслью по их содержанию и по назначению в системе государственной политики (табл. 3).

Формы государственного управления в сфере физической культуры и спорта. Исходя из Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года, можно сгруппировать формы государственного управления.

Правовые формы представлены как совокупность официальных документов, которые закрепляют цели, задачи, этапность и общие правила государственной политики в сфере физической культуры и спорта, а также обеспечивают единообразие подходов для федеральных органов, субъектов и муниципалитетов. Значение правовой формы проявляется в установлении обязательных ориентиров для государственных программ и планов, в закреплении принципов честности соревнований и антидопингового обеспечения, в определении рамок международного сотрудничества, а также в описании порядка мониторинга и отчётности, по которому оценивается достижение целевых показателей. В содержании Стратегии 2030 правовая форма связана с тем, что отраслевые решения опираются на установленную систему стратегического планирования и на действующие федеральные законы, поэтому управление отраслью выстраивается как деятельность, подчинённая единым государственным приоритетам.

Организационные формы раскрываются в распределении функций и ответственности между участниками государственной политики, а также в механизмах координации, обеспечивающих согласованность действий на разных уровнях публичной власти. В Стратегии 2030 установлена координирующая роль профильного федерального органа, а также порядок взаимодействия с иными органами исполнительной власти, субъектами и муниципалитетами в рамках подготовки программ и выполнения плана мероприятий. Организационная форма включает в себя и требования к развитию сети организаций отрасли, укреплению управленческих компетенций специалистов, межведомственному взаимодействию по школьному, студенческому, корпоративному спорту и адаптивным направлениям, а также к поддержанию системы спортивной подготовки и резерва, поскольку за счет организационных решений обеспечивается достижение целевых показателей, обозначенных в приложении к Стратегии 2030.

Программно-целевые формы в Стратегии 2030 выражены в связи «цель — задачи — этапы — показатели — план мероприятий», задающей структуру управления отраслью до 2030 года. Стратегия 2030 разделяет период на этапы 2021–2022 гг., 2023–2025 гг. и 2026–2030 гг. и связывает этапность с изменением внешней и внутренней обстановки, что влияет на приоритеты по массовому спорту, внутренним соревнованиям и сохранению потенциала спорта высших достижений и резерва. Программно-целевой характер проявляется в том, что меры государственного управления рассматриваются как элементы единого плана, тогда как результат измеряется системой показателей, что делает возможным сопоставление динамики по направлениям и подготовку ежегодных отчётов по ходу выполнения Стратегии 2030.

Финансово-экономические формы в Стратегии 2030 описаны как обеспечение отрасли ресурсами и изменение состава источников финансирования, включая бюджетные средства и внебюджетные поступления. В документе отражена необходимость повышения экономической

устойчивости профессионального спорта и снижения зависимости клубов от бюджетного финансирования, а также развитие механизмов партнёрства с частным сектором с учётом сохранения социальной направленности массового спорта и доступности занятий. Финансово-экономическая форма также связана с совершенствованием учёта расходов и сопоставимости данных, поскольку в тексте Стратегии 2030 отмечается проблема расхождения информации, получаемой из различных источников, что ограничивает качество управленческих решений по распределению средств и оценке результативности расходов.

Информационные и цифровые формы в Стратегии 2030 представлены как сбор, обработка и использование данных для планирования, мониторинга и управления отраслью, включая создание и развитие государственных информационных систем. В документе обозначены задачи формирования единой цифровой системы сферы физической культуры и спорта, развития региональных информационных систем и их интеграции с информационными решениями в области спортивной медицины, науки и образования, а также ведение электронного паспорта спортсмена.

Также отдельно упоминается ввод государственной информационной системы «Единая цифровая платформа «Физическая культура и спорт» и подчёркивается значение цифровых инструментов для повышения качества управления инфраструктурой и для сопровождения целевых показателей, что связывает цифровизацию с улучшением управленческого решения и контроля результатов.

Наконец, **кадровые и научно-методические формы** в Стратегии 2030 включают в себя развитие кадрового обеспечения отрасли и укрепление научного, методического и медицинского сопровождения, необходимого для массового спорта, спортивной подготовки и спорта высших достижений.

В Стратегии 2030 установлена важность повышения квалификации специалистов, совершенствования подготовки кадров, развития методических материалов и внедрения научных подходов в тренировочный процесс и сопровождение спортсменов, что связано и с задачами конкурентоспособности российского спорта, и с задачами расширения массовой вовлечённости населения.

Также важен научно-методический блок в Стратегии 2030, который связан с вопросами качества спортивной подготовки и работы с резервом, а также с развитием инфраструктуры сопровождения, поэтому кадровые решения рассматриваются как обязательная часть управления отраслью наряду с финансовыми и организационными мерами.

Таким образом, можно обобщить формы государственного управления в сфере физической культуры и спорта (табл. 3).

Методы государственного управления в сфере физической культуры и спорта. Основываясь на Стратегии 2030, аналогично формам, среди методов также можно выделить ключевые группы методов.

Экономические методы в Стратегии 2030 раскрываются сквозь призму финансирования мер и через изменение структуры источников средств, включая бюджетные ассигнования и привлечение внебюджетных средств. В тексте Стратегии 2030 просматривается ориентация на снижение зависимости профессионального спорта от бюджетного финансирования и на повышение экономической самостоятельности регионов, что связывается с развитием партнёрских механизмов и более рациональным использованием ресурсов. Отдельное значение также имеет сопоставимость сведений о расходах и результатах, поскольку качество финансовых решений в сфере

физической культуры и спорта связано с полнотой и сопоставимостью данных о финансировании и исполнении мероприятий.

Программно-целевые методы в Стратегии 2030 заданы связью цели, задач, этапов реализации, плана мероприятий и системы целевых показателей с установленными методиками расчёта.

Таблица 3
Формы государственного управления в сфере физической культуры и спорта

Группа форм	Форма	Назначение
Правовые	Федеральные законы	Обеспечение нормативных правил управления отраслью
	Подзаконные нормативные акты	
	Стратегические документы	
Организационные	Распределение полномочий	Координация участников государственной политики
	Межведомственное взаимодействие	
	Взаимодействие с общественными организациями	
Программно-целевые	Государственные программы	Достижение целевых показателей развития отрасли
	Планы мероприятий	
	Этапы реализации политики	
Финансово-экономические	Бюджетное финансирование	Ресурсное обеспечение государственных задач
	Субсидии и гранты	
	Партнёрские механизмы	
Информационные	Сбор статистических данных	Управление на основе достоверной информации
	Мониторинг показателей	
	Цифровые государственные системы	
Кадровые и научно-методические	Подготовка специалистов	Обеспечение качества деятельности отрасли
	Повышение квалификации	
	Методическое сопровождение	

Источник: авторская разработка

Трёхэтапная структура реализации стратегии до 2030 года задаёт различие горизонтов планирования и изменение приоритетов в зависимости от внешней и внутренней обстановки, при этом результативность подтверждается динамикой определенных показателей. Плановая организация мер в Стратегии 2030 выступает основным способом удержания единства отраслевой политики, когда мероприятия разных направлений приводятся к общему набору целей и измеримых результатов.

Методы информации и анализа данных в Стратегии 2030 представлены сбором статистических сведений, мониторингом целевых показателей и развитием государственных информационных систем в сфере физической культуры и спорта. Так, в документе ясно обозначена задача развития единой цифровой платформы и связанных с ней информационных решений, включая электронный паспорт спортсмена и интеграцию данных со спортивной медициной, наукой и образованием. Управленческий смысл этой группы методов связан с тем, что планирование, контроль и оценка результатов опираются на регулярное получение достоверных сведений и возможность сопоставления данных по территориям и направлениям деятельности.

Организационно-координационные методы в Стратегии 2030 находят свое выражение в распределении ответственности между участниками политики и согласовании действий органов власти в процессе разработки и выполнения программ и плана мероприятий. В Стратегии 2030 закрепляется координация со стороны профильного федерального органа и обозначается участие субъектов и муниципалитетов в рамках подготовки региональных программ и реализации мер государственного управления. Внутри сферы физической культуры и спорта просматривается необходимость согласования массового спорта, спортивной подготовки, спорта высших достижений, адаптивных направлений и инфраструктурных решений, поскольку несогласованность участников приводит к разрыву между целями и фактическими результатами.

Методы коммуникации и мотивации в Стратегии 2030 связаны с расширением вовлечённости населения в систематические занятия физической культурой и спортом и с формированием культуры здорового образа жизни. Документ ориентирует государственное управление на формирование таких условий, когда участие граждан становится регулярным. Важное место занимает работа с разными группами населения и поддержка форматов, которые обеспечивают долгосрочное участие населения в занятиях физической культуры и спортом.

Кадровые и научно-методические методы в Стратегии 2030 представлены подготовкой специалистов, повышением квалификации и развитием методического, научного и медицинского сопровождения. В Стратегии 2030 подчёркивается значение кадрового обеспечения для качества массовых занятий, спортивной подготовки и спорта высших достижений, при этом научные и медицинские компоненты рассматриваются как часть обеспечения конкурентоспособности и условие повышения качества подготовки. Данная группа методов связывает образовательные организации, спортивные организации и структуры методического сопровождения, поскольку подготовка и сопровождение в сфере культуры и спорта опираются на единый профессиональный стандарт деятельности.

Методы контроля и обеспечения в Стратегии 2030 выражены в антидопинговом обеспечении, обеспечении честности соревнований и поддержании доверия к результатам спортивной деятельности. Так, в документе отдельным блоком закрепляется нулевая терпимость к допингу, предполагающая профилактику нарушений и организацию контроля, а также развитие процедур, поддерживающих прозрачность соревнований. К этой же группе относится мониторинг исполнения Стратегии 2030, ежегодная отчётность по реализации плана мероприятий и сопоставление фактических значений показателей с установленными ориентирами.

Наконец, **методы международного взаимодействия** в Стратегии 2030 описаны как развитие международного сотрудничества с учётом сохранения национальных интересов и учётом внешних ограничений, затрагивающих участие российских спортсменов и организаций. Так, постулируется сохранение конкурентоспособности российского спорта и на поддержание потенциала спорта высших достижений и резерва, при этом значительная часть практических задач переносится на внутренние соревнования и на национальные решения по развитию системы подготовки. Международное направление связывается с обеспечением условий, при которых российский спорт обязательно должен сохранять все возможности развития и представительства.

В целом, можно обобщить методы государственного управления и показатели результативности применяемых мер (табл. 4).

Таким образом, формы и методы государственного управления в сфере физической культуры и спорта целесообразно рассматривать как взаимодополняющие элементы единой системы — формы задают официальный способ закрепления решений и распределения полномочий, методы определяют характер воздействия и набор инструментов, посредством которых достигаются цели государственной политики.

В практическом плане выделенные группы форм и методов позволяют связать меры отраслевого развития с измеримыми показателями результативности.

Сопоставление форм и методов с показателями результативности обеспечивает основу для анализа эффективности государственной политики и для выбора управленческих решений в зависимости от типа задач в сфере физической культуры и спорта.

Кроме форм и методов также целесообразно рассмотреть и функции органов публичной власти в рамках реализации Стратегии 2030 (табл. 5).

Распределение функций управления по уровням власти при реализации задаётся посредством разграничения полномочий в подготовке документов, координации исполнения и оценки результатов.

На федеральном уровне осуществляются разработка и внесение в Правительство плана мероприятий, координация реализации Стратегии, утверждение методик расчёта целевых показателей, организация мониторинга и подготовка предложений о внесении изменений, что формирует единые правила планирования и сопоставимую оценку достигнутых результатов.

Таблица 4
Методы государственного управления и показатели результативности применяемых мер

Группа	Метод	Показатель результативности
Экономические	Бюджетное финансирование	Ресурсное обеспечение мер
	Субсидии и гранты	Поддержка приоритетов
	Партнёрские механизмы	Вклад внебюджетных средств
Программно-целевые	Гос. программы	Достижение показателей
	План мероприятий	Выполнение задач по этапам
	Целевые показатели и методики расчёта	Единая оценка результата
Информационно-цифровые	Мониторинг показателей	Контроль показателей
	Государственные информационные системы	Учёт и сопоставление данных
	Электронные профили учёта	Сопровождение подготовки
Организационно-координационные	Межведомственное взаимодействие	Согласование действий органов власти
	Координация уровней власти	Согласование мер по территории
	Организация мероприятий	Расширение участия населения
Кадровые и научно-методические	Подготовка специалистов	Обеспечение кадров отрасли
	Повышение квалификации	Повышение качества работы
	Научное и медицинское сопровождение	Повышение качества подготовки
Контрольно-обеспечительные	Антидопинговое обеспечение	Обеспечение честности спорта
	Отчётность и контроль исполнения	Контроль исполнения политики
	Международное сотрудничество	Поддержание международных связей

Источник: авторская разработка

Таблица 5
Функции органов публичной власти по уровням в рамках реализации Стратегии 2030

Функция	Результат
Федеральный уровень	
Разработка и внесение в Правительство плана мероприятий по реализации Стратегии	План мероприятий
Координация реализации Стратегии	Согласованность исполнения
Утверждение методик расчёта целевых показателей	Единые методики
Организация мониторинга реализации и оценка достижения целевых показателей	Мониторинг и оценка
Подготовка предложений в Правительство России о внесении изменений в Стратегию	Обновление Стратегии
Региональный уровень	
Разработка государственных программ субъекта РФ с учётом положений Стратегии	Государственная программа субъекта
Реализация государственных программ субъекта РФ с учётом положений Стратегии	Выполнение мероприятий
Разработка программ развития физической культуры и спорта на территории субъекта РФ	Региональные программы развития
Учёт базовых видов спорта субъекта РФ при планировании мер	Адресность подготовки
Муниципальный	
Использование положений Стратегии при подготовке документов и мер на территории	Локальные решения
Участие в реализации мероприятий Стратегии на территории	Проведение мероприятий

Источник: авторская разработка

На уровне российских субъектов (региональном уровне) предусматриваются разработка и исполнение государственных программ и иных документов, подготовка региональных программ развития физической культуры и спорта с учётом положений Стратегии 2030 и базовых видов спорта, что обеспечивает привязку общенациональных ориентиров к территориальным условиям и ресурсам.

На муниципальном уровне предусматривается использование положений Стратегии при подготовке локальных решений и участие в реализации мероприятий на территории, что связывает программные установки с фактической доступностью занятий и организацией массовых практик для населения.

На основании рассмотренных форм, методов и функций управления физической культурой и спортом предлагается модель распределения (рис. 3).

Представленная модель отражает целостную систему распределения функций управления в сфере физической культуры и спорта, объединяющую уровни публичной власти, группы форм и методов государственного воздействия, а также механизмы оценки результатов. В центре модели расположены цели и показатели Стратегии 2030, задающие единые ориентиры для деятельности федеральных органов власти, органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Вертикаль управления отражает последовательное движение задач от федерального уровня к региональному и муниципальному уровням с сохранением разграничения полномочий и зон ответственности.

Реализация поставленных целей обеспечивается посредством двух взаимосвязанных блоков: форм государственного управления и методов государственного управления, каждый из которых включает собственный набор инструментов правового, организационного, финансово-экономического, информационного, кадрового и программно-целевого характера. Данные блоки выступают средствами практического воплощения управленческих решений на всех уровнях публичной власти.

Важным элементом модели является мониторинг, оценка и обновление документов, объединяющие процессы сбора данных, сопоставления фактических результатов с установленными показателями, подготовки предложений об изменениях и отражения итогов в планах и программах. Данный элемент обеспечивает обратную связь между достигнутыми результатами и стратегическими ориентирами и формирует основание для последующего совершенствования управления физической культурой и спортом.

Таким образом, модель отражает системное взаимодействие уровней власти, форм и методов управления, а также механизмов оценки, что позволяет представить процесс реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта как упорядоченную совокупность взаимосвязанных элементов, ориентированных на достижение целевых показателей развития отрасли.

Научная новизна проведённого исследования состоит в установлении аналитической взаимосвязи между значением физической культуры и спорта для государства и выбором конкретных форм и методов государственного управления отраслью.

В рамках выполненного анализа показано, что социальные, экономические и воспитательные функции физической культуры и спорта обуславливают необходимость комплексного сочетания правовых, организационных и экономических инструментов публичного управления. Разграничение управленческих воздействий по уровням власти и типам задач позволило определить рациональные направления применения различных форм и методов

в зависимости от целевых ориентиров государственной политики в сфере физической культуры и спорта.

Рисунок 3 — Модель распределения функций управления физической культурой и спортом по уровням власти, группам форм и методов

Источник: авторская разработка

Систематизация форм государственного управления и их соотнесение с практическими методами реализации спортивной политики позволили выявить внутреннюю согласованность управленческих решений на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Установлено, что значимость физической культуры и спорта как фактора укрепления здоровья населения, повышения социальной активности и развития человеческого потенциала предопределяет многоуровневый характер управленческого воздействия.

Проведённое обобщение показывает, что результативность государственной политики обеспечивается целенаправленным сочетанием инструментов в рамках единой системы управления сферой. Между целями развития отрасли и используемыми инструментами управления существует прямая зависимость, что делает возможным повышение результативности государственной политики за счёт точного соответствия форм и методов управления приоритетным задачам развития физической культуры и спорта.

Заключение. Проведённое исследование показало, что физическая культура и спорт представляют собой значимое направление государственной политики и важный ресурс социального и экономического развития страны. В исследовании обоснована необходимость рассматривать значение сферы физической культуры и спорта в прямой связи с формами и методами государственного управления, применяемыми на разных уровнях публичной власти.

Установлено, что формы государственного управления в отрасли включают правовые решения, обеспечивающие нормативную определённую и единые правила деятельности, организационные формы координации и распределения полномочий, программно-целевые формы планирования и поэтапного достижения показателей, финансово-экономические формы ресурсного обеспечения, информационные формы мониторинга и цифрового сопровождения, а также кадровые и научно-методические формы профессионального и методического развития.

Методы государственного управления охватывают экономические способы стимулирования и поддержки, программно-целевые методы планирования и контроля, информационные и цифровые методы учёта и анализа данных, организационно-координационные методы согласования действий участников, кадровые и научно-методические методы повышения качества деятельности, контрольно-обеспечительные методы соблюдения правил и стандартов, а также международные методы взаимодействия и представительства

Показано, что результативность решений органов власти определяется согласованностью правовых, организационных и экономических инструментов, а также их ориентацией на конкретные государственные интересы и ожидаемые практические результаты. На этом основании становится возможным системное сопоставление общественных задач и средств управления и формирование практической основы для более обоснованного выбора мер государственной политики в сфере физической культуры и спорта.

Полученные выводы исследования подтверждают важность дальнейшего развития научных подходов к управлению отраслью с учётом реальных задач государства и актуальных потребностей общества.

Литература

1. Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ N 3081-р от 24.11.2020 (ред. от 17.12.2024) // Министерство спорта России. — URL: <https://www.minsport.gov.ru/activity/strategy/> (дата обращения: 10.02.2026).
2. Столяров В.И. Философия физической культуры и спорта: Монография. В пяти книгах. Книга I. Метафилософский анализ: философия физической культуры и спорта как особая философская дисциплина — М.: Издательство СГУ, 2015. — 490 с.
3. Зуев В.Н., Смирнов П.Г. Эволюционное развитие нормативно-правовой базы физической культуры и спорта в период 1918-1931 гг. в контексте проектирования комплекса ГТО // Теория и практика физической культуры. — 2015. — № 12. — С. 52-55.
4. Алексеев К.А. Политика руководящих организаций по изданию физкультурно-спортивной периодики в 1920-е годы // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2019. — № 4. — С. 73-93.
5. Боголюбов Е.А. Передача государственных функций в сфере физической культуры и спорта общественным организациям в 1960-Е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. — 2021. — Т. 20. — № 4. — С. 588-599.
6. Коваленко В.А. Исторические аспекты развития физической культуры и спорта // Вестник науки. — 2023. — Т. 3. — № 6 (63). — С. 1295-1302.
7. Абрамян И.А. Классификация моделей управления в сфере физической культуры и спорта // Вестник Российского экономического университета им. ГВ Плеханова. — 2025. — Т. 22. — № 3. — С. 211-222.
8. Манаширов Э.С. Экономическая неэффективность трансфера западных технологий в условиях низкой стоимости труда: капиталово-трудовой парадокс развивающихся стран // Экономическое развитие России. — 2025. — Т. 32. — № 11. — С. 20-28. — EDN PJSHTT.
9. Еремин А.М. Выстраивание эффективных моделей управления сферой физической культуры и спорта // Экономика. Налоги. Право. — 2025. — Т. 18. — № 3. — С. 172-182.
10. Алхасов, Д.С. Теория и история физической культуры и спорта: учебник и практикум для среднего профессионального образования / Д. С. Алхасов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 216 с.
11. Пельменев, В.К. История физической культуры: учебник для вузов / В. К. Пельменев, Е.В. Конеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 184 с.
12. Иванов, Н.А. Теория и история физической культуры и спорта: учебно-методическое пособие по специальности 49.02.01 Физическая культура / Н.А. Иванов, А.Г. Левицкий, О.В. Авдеева. — Казань: Бук, 2024. — 68 с.
13. Голощапов Б.Р. История физической культуры и спорта: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / Б.Р. Голощапов. 10-е изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия», 2013. — 320 с.
14. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон N 329-ФЗ от 04.12.2007 (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 10.02.2026).
15. Куровский С.В., Мишин Д.А., Посельская А.Н., Бурдик В., Куровская М.А. Совершенствование психолого-педагогической системы профилактики экстремизма в молодежной среде // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. — 2024. — Т. 13. — № 5-1. — С. 55-67.
16. Серегин А.В., Людвиг С.Д. Стратегии развития правового регулирования спорта высших достижений в условиях применения международных санкций // Журнал российского права. — 2024. — Т. 28. — № 4. — С. 145-156.
17. Касюк А.Я., Леонтьев Е.Д. Категориально-понятийный аппарат спортивной политики как системы научного знания // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2023. — № 5. — С. 74-84.
18. Куровский С.В., Мишин Д.А., Судакова Ю.Е. Методика обучения студентов физической культуре и спорту в условиях социальных ограничений и изоляции (на примере пандемии COVID-19) // Современное педагогическое образование. — 2025. — № 2. — С. 300-306.
19. Куровский С.В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. Государственно-частное партнёрство как ключевой современный механизм государственного управления в современной России // Социально-гуманитарные знания. — 2025. — № 5. — С. 139-144.
20. Куровский С.В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. Особенности использования GR-технологий бизнес-сообществами в российском государственном управлении // Социально-гуманитарные знания. — 2025. — № 5. — С. 157-162.
21. Куровский С.В., Мишин Д.А., Корнилов С.А. К вопросу об учете результатов и затрат в системе исполнения бюджета города Москвы // Экономическое развитие России. — 2025. — Т. 32. — № 2. — С. 211-218.
22. Мишин Д.А., Куровский С.В., Халафян А.А. Цифровизация как направление развития государства и права: сущность, перспективы, риски // Вестник Академии права и управления. — 2024. — № 5 (80). — С. 77-81.
23. Куровский С.В., Мишин Д.А., Судакова Ю.Е. Анализ современных технологий обучения физической культуре и спорту студентов в условиях цифровизации // Современное профессиональное образование. — 2025. — № 2. — С. 74-79.
24. Куровский С.В., Максименко Е.М., Педенко В.А. Информатизация процессов управления инвестиционно-строительными проектами // Инновации и инвестиции. — 2025. — № 4. — С. 56-60.
25. Каширин К.Д., Куровский С.В., Мишин Д.А., Соснин Д.А., Бурдик В. Инновационные технологии в строительстве: цифровая трансформация отрасли // Экономика строительства. — 2024. — № 6. — С. 425-428.

26. Куровский С.В., Старикова М.М., Мишин Д.А. Разработка программы поддержки пожилых людей на основе развития социального предпринимательства // Социально-гуманитарные знания. — 2024. — № 1. — С. 227-233.

27. Мишин Д.А., Куровский С.В., Смолин П.В. Место прокуратуры Российской Федерации в системе публичной власти // Юридическая наука и практика. — 2024. — Т. 20. — № 3. — С. 35-44.

28. Русакова О.Ф. Советско-российский спорт как объект политического остракизма // Дискурс-Пи. — 2024. — Т. 21. — № 3. — С. 191-209.

29. Даев А.Н., Терновская Л.О. Спортивные политики на фоне неспортивной политики // Этносоциум и межнациональная культура. — 2022. — Т. 9. — № 171. — С. 19-28.

Public administration in the field of physical culture and sports: evolution, current state, forms and methods

Fomin V.A.

Moscow City University

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The study examines the importance of physical culture and sports for the state and the specifics of choosing forms and methods of public administration of the industry. The analysis of the evolution of ideas about the role of physical culture and sports in the system of public tasks is carried out and the dependence of managerial decisions on social, economic and educational guidelines of state policy is shown. The author substantiates the differentiation of the levels of importance of physical culture and sports and their correlation with the forms of public administration (legal, organizational, program-targeted, financial and economic, informational, personnel and scientific and methodological) and the instruments of public administration (economic, program-targeted, informational and digital, organizational and coordination, personnel and scientific and methodological, control and security measures, international). The author's model of the importance of physical culture and sports for the state with the directions of public administration is presented, as well as the author's model of the distribution of management functions by levels of public authority, taking into account the forms and methods used. It is shown that the effectiveness of public policy is determined by the consistency of the goals of the development of physical culture and sports with the mechanisms of their practical implementation. The results obtained form the theoretical basis for a more informed choice of management measures and improvement of state policy in the field of physical culture and sports.

Keywords: physical education; sports; public administration; forms of public administration; methods of public administration; public policy.

References

1. On approval of the Strategy for the Development of Physical Culture and Sports in the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation No. 3081-r dated 24.11.2020 ed. dated 17.12.2024 // Ministry of Sports of Russia. — URL: <https://www.minsport.gov.ru/activity/strategy/> (accessed date: 10.02.2026).
2. Stolyarov V.I. Philosophy of physical culture and sports: Monograph. In five books. Book I. Metaphilosophical analysis: the philosophy of physical culture and sports as a special philosophical Discipline, Moscow: SSU Publishing House, 2015. 490.
3. Zuev V.N., Smirnov P.G. The evolutionary development of the regulatory framework of physical culture and sports in the period 1918-1931 in the context of the design of the TRP complex // Theory and practice of physical culture. — 2015. — No. 12. — P. 52-55.
4. Alekseev K.A. The policy of governing organizations for the publication of physical culture and sports periodicals in the 1920s // Bulletin of the Moscow University. Episode 10: Journalism. — 2019. — No. 4. — P. 73-93.
5. Bogolyubov E.A. Transfer of state functions in the field of physical culture and sports to public organizations in the 1960s // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: The History of Russia. — 2021. — Vol. 20. — No. 4. — P. 588-599.
6. Kovalenko V.A. Historical aspects of the development of physical culture and sports // Bulletin of Science. — 2023. — Vol. 3. — No. 6 (63). — P. 1295-1302.

7. Abramyan I.A. Classification of management models in the field of physical culture and sports // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. — 2025. — Vol. 22. — No. 3. — P. 211-222.
8. Manashirov E.S. The economic inefficiency of Western technology transfer in conditions of low labor costs: the capital-labor paradox of developing countries // Economic development of Russia. — 2025. — Vol. 32. — No. 11. — P. 20-28. — EDN PJSHTT.
9. Eremin A.M. Building effective management models in the field of physical culture and sports // Economy. Taxes. Right. — 2025. — Vol. 18. — No. 3. — P. 172-182.
10. Alkhasov, D.S. Theory and history of physical culture and sports: textbook and practical course for secondary vocational education / D. S. Alkhasov. — 2nd ed., ispr. and add. — Moscow: Yurait Publishing House, 2026. — 216.
11. Pelmenev, V.K. The history of physical culture: a textbook for universities / V.K. Pelmenev, E.V. Koneeva. — 2nd ed., revised and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2026. — 184.
12. Ivanov, N.A. Theory and history of physical culture and sports: an educational and methodical manual on specialty 49.02.01 Physical culture / N.A. Ivanov, A.G. Levitsky, O.V. Avdeeva. — Kazan: Buk, 2024. — 68.
13. Goloshchapov B.R. History of physical culture and sports: a textbook for students. institutions of higher Prof. education / B.R. Goloshchapov. 10th ed., ster. — M.: Publishing center "Academy", 2013. — 320.
14. On physical culture and sport in the Russian Federation: Federal Law No. 329-FZ of 04.12.2007 (last edition) // SPS ConsultantPlus. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (accessed date: 10.02.2026).
15. Kurovsky S.V., Mishin D.A., Poselskaya A.N., Burdik V., Kurovskaya M.A. Improving the psychological and pedagogical system for preventing extremism among young people // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. — 2024. — Vol. 13. — No. 5-1. — P. 55-67.
16. Seregin A.V., Ludwig S.D. Strategies for the development of legal regulation of high-performance sports in the context of the application of international sanctions // Journal of Russian Law. — 2024. — Vol. 28. — No. 4. — P. 145-156.
17. Kasyuk A.Ya., Leontiev E.D. Categorical and conceptual apparatus of sports policy as a system of scientific knowledge // Bulletin of the Moscow University. Episode 12: Political Science. — 2023. — No. 5. — P. 74-84.
18. Kurovsky S.V., Mishin D.A., Sudakova Yu.E. Methods of teaching students physical culture and sports in conditions of social restrictions and isolation (on the example of the COVID-19 pandemic) // Modern pedagogical education. — 2025. — No. 2. — P. 300-306.
19. Kurovsky S.V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Public-private partnership as a key modern mechanism of public administration in modern Russia // Socio-humanitarian knowledge. — 2025. — No. 5. — P. 139-144.
20. Kurovsky S.V., Mishin D.A., Lebedev S.G. Features of the use of GR technologies by business communities in Russian public administration // Socio-humanitarian knowledge. — 2025. — No. 5. — P. 157-162.
21. Kurovsky S.V., Mishin D.A., Kornilov S.A. On the issue of accounting for results and costs in the Moscow city budget execution system // Economic development of Russia. — 2025. — Vol. 32. — No. 2. — P. 211-218.
22. Mishin D.A., Kurovsky S.V., Khalafyan A.A. Digitalization as a direction of development of the state and law: essence, prospects, risks // Bulletin of the Academy of Law and Management. — 2024. — No. 5 (80). — P. 77-81.
23. Kurovsky S.V., Mishin D.A., Sudakova Yu.E. Analysis of modern technologies for teaching physical culture and sports to students in the context of digitalization // Modern professional education. — 2025. — No. 2. — P. 74-79.
24. Kurovsky S.V., Maksimenko E.M., Pedenko V.A. Informatization of investment and construction project management processes // Innovations and investments. — 2025. — No. 4. — P. 56-60.
25. Kashirin K.D., Kurovsky S.V., Mishin D.A., Sosnin D.A., Burdik V. Innovative technologies in construction: digital transformation of the industry // Economics of construction. — 2024. — No. 6. — P. 425-428.
26. Kurovsky S.V., Starikova M.M., Mishin D.A. Development of a program to support the elderly based on the development of social entrepreneurship // Socio-humanitarian knowledge. — 2024. — No. 1. — P. 227-233.
27. Mishin D.A., Kurovsky S.V., Smolin P.V. The place of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the system of public authority // Legal science and practice. — 2024. — Vol. 20. — No. 3. — P. 35-44.
28. Rusakova O. F. Soviet-Russian sport as an object of political ostracism // The discourse is Pi. — 2024. — Vol. 21. — No. 3. — P. 191-209.
29. Daev A. N., Ternovskaya L. O. Sports politics against the background of unsportsmanlike politics // Ethnosocium and interethnic culture. — 2022. — Vol. 9. — No. 171. — P. 19-28.

Анализ трендов и современных особенностей развития высокотехнологичных отраслей России

Шолох Людмила Сергеевна

младший научный сотрудник лаборатории организационно-экономических систем, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, sholoh.ls@uiec.ru

В статье проводится анализ текущего состояния и перспектив развития высокотехнологичного сектора экономики Российской Федерации в условиях структурной трансформации и внешних ограничений. В исследовании проведен системный анализ текущей динамики, институциональных условий, инвестиционного климата и системных ограничений высокотехнологичных отраслей России, в целях выявления их реального трансформационного потенциала и ключевых точек роста. Исследование основано на анализе статистических данных Росстата за период 2017-2024 гг., международных баз данных Всемирного банка и UNIDO, а также нормативно-правовых актов, регулирующих технологическую политику. Применена классификация отраслей по технологическому уровню, предложенная ОЭСР и адаптированная Росстатом (Приказ №832 от 15.12.2017). Используются методы сравнительного, динамического и корреляционного анализа.

В результате анализа выявлены противоречивые тенденции: опережающий рост производства в высокотехнологичном сегменте сочетается с низкой долей в мировом экспорте высокотехнологичной продукции. В статье выдвигается предположение, что существующие методики оценки высокотехнологичных отраслей неадекватно отражают их реальный потенциал в условиях турбулентности, что требует разработки новых подходов, учитывающих адаптивность. Делается вывод о том, что, несмотря на роль «технологического локомотива» для смежных отраслей, дальнейшая реализация потенциала сектора требует преодоления системных ограничений, связанных с интеграцией в глобальные цепочки создания стоимости и обновлением основных фондов, а также обосновывается актуальность научных задач, таких как концептуальное расширение и уточнение понятия «высокотехнологичная отрасль промышленности» и разработка специализированных методик оценки развития высокотехнологичных отраслей и предприятий с учетом национальной специфики.

Ключевые слова: высокотехнологичные отрасли, технологическое развитие, инновационная деятельность, адаптивность, промышленность.

Современный этап мирового экономического развития характеризуется фундаментальной трансформацией промышленной структуры, в ходе которой лидирующие позиции переходят от традиционных индустриальных отраслей к отраслям, характеризующимся применением высоких передовых производственных технологий и интенсивным использованием научного знания. Эта тенденция отражает возрастающую роль знаний и инноваций как ключевых факторов производства, а также глобального экономического развития.

В современной экономической науке и практике управления инновациями дифференциация субъектов хозяйствования осуществляется по критериям технологической сложности, глубины производственно-кооперационных связей и макроэкономической функции [8]. Агрегация высокотехнологичных предприятий, связанных единством выполняемых функций (производство, услуги) и общностью применяемых технологических базисов, образует высокотехнологичную отрасль.

Высокотехнологичное предприятие представляет собой хозяйствующий субъект, чья производственная, научная и производственная деятельность характеризуется систематическим и интенсивным применением новейших достижений науки, а также передовых технологических решений, относящихся к классу высоких технологий [2, 11, 10, 5]. Его ключевой отличительной характеристикой является наукоёмкость конечной продукции, процессов ее создания или оказываемых услуг, что выражается в высокой доле интеллектуальной компоненты в их стоимости [7, 3].

Высокотехнологичные и наукоёмкие отрасли промышленности являются основным драйвером научно-технического прогресса и экономического развития ведущих стран мира. В них концентрируются основные результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, осуществляется разработка и внедрение прорывных производственных технологий, создается инновационная продукция. Данные отрасли формируют значительную долю мирового рынка, обеспечивают высокую добавленную стоимость и выступают в роли системообразующего элемента национальных инновационных процессов.

Масштаб и уровень развития высокотехнологичных и наукоёмких отраслей промышленности являются индикаторами технологического и экономического потенциала государства.

Состояние высокотехнологичных производств выступает критически важным фактором успешной интеграции государства в систему глобальных мирохозяйственных связей [6].

В рамках действующей парадигмы государственной технологической политики Российской Федерации высокотехнологичные отрасли промышленности наделяются статусом стратегического приоритета и рассматриваются в качестве ключевого драйвера, призванного обеспечить решение двух взаимосвязанных задач: достижение устойчивого экономического роста на несырьевой основе и обеспечение технологического суверенитета страны [1].

Однако в условиях санкций и структурной трансформации развитие российского высокотехнологичного сектора демонстрирует **ключевое противоречие**: признаки адапционного роста и усиливающейся государственной поддержки сочетаются с углублением системных дисбалансов (низкая доля в мировом экспорте, зависимость от импорта). Это противоречие актуализирует вопрос об

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки РФ для Института экономики УрО РАН на период 2024-2026 гг. № 0327-2024-0010.

адекватности существующих методов оценки и классификации отраслей, которые часто не отражают их реальный адаптационный потенциал. **В данной связи** целью настоящего исследования является анализ трендов и современных особенностей развития высокотехнологичных отраслей промышленности России, а также определение необходимости современного уточнения понятия «высокотехнологичная отрасль».

Исследование трендов и современных особенностей развития высокотехнологичных отраслей России базируется на базе Аналитического обзора, опубликованного Национальным рейтинговым агентством в октябре 2025 года [4] и основано на анализе статистических данных Росстата за период 2017-2024 гг. [13], международных баз данных Всемирного банка [20] и UNIDO [19], а также нормативно-правовых актов, регулирующих технологическую политику [[17] [15] [14] [16]]. Применена классификация отраслей в соответствии с методикой Организации экономического развития (ОЭСР), которая используется всеми национальными статистическими агентствами, в том числе Федеральной службой государственной статистики РФ, для проведения международных сопоставлений [9]. Данная методика классифицирует отрасли на четыре группы по показателю технологической интенсивности - высокотехнологичные, среднетехнологичные отрасли высокого уровня, среднетехнологичные низкого уровня и низкотехнологичные. В России классификация высокотехнологичных и наукоемких отраслей разработана с учетом указанной выше группировки отраслей Евростата на основе классификатора видов экономической деятельности в Евросоюзе NACE Rev.2 [13] (аналог ОКВЭД-2, применяемый в Росстате) с учетом рекомендаций Евростата и ОЭСР и особенностей российской национальной экономики [12]. Использованы методы сравнительного, динамического и корреляционного анализа.

Настоящее исследование ставит своей целью провести системный анализ текущей динамики и структурных характеристик, институциональных условий, инвестиционного климата и системных ограничений высокотехнологичных отраслей России, выявив их реальный трансформационный потенциал и ключевые точки роста.

Динамика и структурные характеристики высокотехнологичного сектора

Эмпирические данные фиксируют опережающий рост, промышленного производства в высокотехнологичном секторе начиная с 2022 года инициированный государством. Эта динамика не является равномерной, а носит концентрированный и ответный характер на внешние вызовы, что может свидетельствовать о признаках адаптационной резилиентности (устойчивости) на макроуровне.

Наиболее значительный прирост в 2024 году наблюдался в производстве летательных аппаратов (+42.7%), выпуске компьютеров, электронных и оптических изделий (+27.9%) и фармацевтике (+19.8%). Эти показатели кратно превысили средний рост промышленности (+5.6%) (рисунок 1).

Рисунок 1. Индексы промышленного производства
Источник: Росстат, составлено автором по расчетам НРА [4]

Прогнозные оценки предполагают сохранение опережающей динамики: так к 2028 году совокупный прирост в секторе может достичь 30% против 10% в промышленности в целом относительно 2024 года.

Однако, анализ структуры сектора выявляет его внутреннюю неоднородность. При формально высокой доле высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП (~23% в 2024 г.) ядро, соответствующее строгой международной классификации (ОКВЭД 21, 26, 30.3 - фармацевтика, электроника, авиакосмическая промышленность), составляет лишь около 8% (рисунок 2). Это указывает на то, что значительная часть статистического объема формируется в наукоемких услугах (ИТ, телекоммуникации, R&D, образование) и средне-высокотехнологичных производствах, что важно учитывать при оценке технологического потенциала.

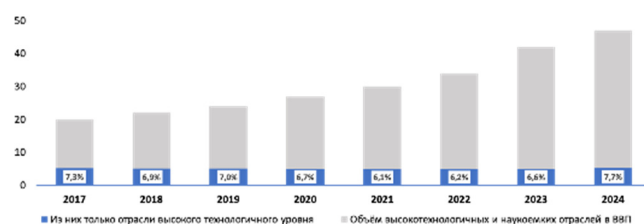

Рисунок 2. Объем высокотехнологичных отраслей в ВВП, млрд
Источник: Росстат, составлено автором по расчетам НРА [4]

Наиболее критичная структурная диспропорция наблюдается в крайне низкой доле России в мировом высокотехнологичном экспорте (не более 0.5% в период с 2015 по 2021 годы). Это контрастирует не только с лидерами (Китай - 24%, Германия - 7%, США - 6%), но и с другими странами. Историческая ориентация значительной части мощностей высокотехнологичного ядра (особенно в ОПК) на внутренний государственный заказ привела к формированию «замкнутой» технологической экосистемы, слабо интегрированной в мировой рынок.

Вместе с тем, важно отметить, что даже в условиях изоляции от мирового высокотехнологичного рынка ядро сохраняет значительно более высокую инновационную активность (17-21%), чем промышленность в целом (7-8%), подтверждая свое качественное отличие (рисунок 3).

Рисунок 3. Доля инновационной продукции в объеме всей выпускаемой продукции
Источник: Росстат, составлено автором по расчетам НРА [4]

Подводя итог анализу динамики и структурных характеристик, можно сделать вывод о том, что динамика высокотехнологичного сектора РФ характеризуется противоречивым единством внутренней устойчивости и внешней уязвимости. Опережающий рост, инициированный государством, и важная мультипликативная роль для экономики существуют параллельно с глубокими структурными дисбалансами: размытостью ядра, технологической зависимостью и, что наиболее существенно, крайне низким положением в системе глобального технологического обмена.

Анализ институциональной среды и мер государственной поддержки

Институциональная среда, в которой функционирует высокотехнологичный сектор, претерпела значительную

эволюцию - осуществлен переход от набора разрозненных мер к попытке формирования целостной системы государственного технологического управления. Этот процесс был ускорен и скорректирован геополитическими вызовами, возведя в приоритет задачи технологического суверенитета и импортозамещения.

Государственная политика в сфере технологического развития характеризуется институционализацией и ростом комплексности, являясь последовательной и многоуровневой. Произошел переход от фрагментарных отраслевых стратегий к построению многоуровневой системы целеполагания, что демонстрирует системность и иерархичность, а также создает долгосрочные ориентиры для бизнеса и научного сообщества:

- **высший, доктринальный уровень:** Стратегия научно-технологического развития РФ [8] задает долгосрочные «глобальные вызовы» и определяет приоритетные направления (переход к передовым производственным технологиям, экологически чистая энергетика, пр.);
- **среднесрочный, программно-целевой уровень:** Федеральный закон «О технологической политике» [7] формирует институциональные и правовые основы для реализации стратегии. Закон вводит понятийный аппарат («критические технологии», «технологический суверенитет») и закрепляет механизмы взаимодействия государства, науки и бизнеса;
- **тактический, инструментальный уровень:** Указ о приоритетных направлениях научно-технологического развития и перечне важнейших наукоемких технологий [10] конкретизирует фокус приложения усилий и ресурсов, выполняя роль навигатора финансирования.

Вместе с тем, финансово-экономические инструменты государственной поддержки, покрывающие разные стадии инновационного цикла, дифференцированы и реализуются через расширяющийся набор инструментов, которые можно классифицировать по целевой аудитории и типу:

- **инструменты прямого стимулирования капитальных вложений и производства:** для крупных промышленных проектов - СПИК 2.0 (Специальные инвестиционные контракты) это ключевой инструмент для привлечения крупных частных инвестиций в новые производства с гарантиями со стороны государства по условиям ведения бизнеса; для технологических компаний и МСП - льготное кредитование (Фонд развития промышленности, МСП.Банк), которое направлено на снижение стоимости заемного финансирования для различных проектов;
- **инструменты поддержки разработки и коммерциализации технологий:** для технологических компаний и МСП грантовые программы (РФИТ, Фонд содействия инновациям), осуществляющие финансирование НИОКР на ранних и стадиях; для инфраструктуры и прорывных исследований инфраструктурные платформы («Сколково», НТИ), предоставляющие нефинансовые меры поддержки (налоговые льготы, сервисы, экспертиза) в рамках частно-государственного партнерства.

Важным положительным сигналом является устойчивый рост бюджетных ассигнований на гражданскую науку, увеличившихся в номинальном выражении с 378 млрд руб. в 2017 году до 720 млрд руб. в 2024 году, что является денежным основанием институциональных реформ и составляет финансовую основу формирующейся технологической политики (рисунок 4).

Подводя итог анализу институциональной среды и мер государственной поддержки, можно сделать вывод о том, что институциональная сфера демонстрирует значительный прогресс в создании необходимых условий для качественного перехода к импортозамещающей адаптации. Ее сильными сторонами является растущее финансовое

наполнение, попытка системного целеполагания и разнообразие инструментов государственной финансово-экономической поддержки. Однако, следует отметить слабую ориентацию на рыночную эффективность и недостаточное стимулирование вовлечения частного капитала в инновационные разработки, а также тот фактор, что меры поддержки более адаптированы к созданию рыночного предложения (для финансирования разработок и закупки оборудования), но слабо стимулируют спрос на инновации внутри страны и их интеграцию в глобальные рынки (коммерциализацию).

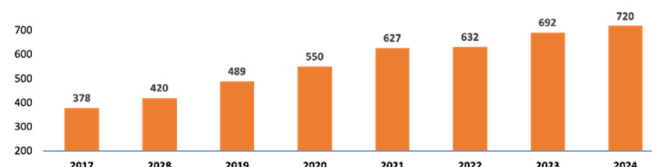

Рисунок 4. Расходы на гражданскую науку из средств федерального бюджета, млрд. руб.

Источник: Федеральное казначейство, составлено автором по расчетам НРА [4]

Анализ инвестиций в исследования, разработки и инновации

Инвестиционная активность в НИОКР и в инновационную деятельность является ключевым индикатором, определяющим не только текущий технологический потенциал, но и долгосрочные конкурентные позиции экономики. Анализ данных по России выявляет ситуацию, характеризующуюся внутренними противоречиями, а именно позитивной динамикой вложений на фоне сохраняющихся системных проблем их структуры, достаточности и результативности.

В России наблюдается устойчивый номинальный рост внутренних затрат на НИОКР, превышающий инфляцию. Даже в кризисном 2022 году рост составил 10,3%, а в 2024 году, по оценкам, порядка 11% (рисунок 5). Это свидетельствует о сохранении данного направления в числе приоритетов государственной политики даже в условиях бюджетных ограничений.

Рисунок 5. Динамика затрат на НИОКР и инфляции.

Источник: Росстат, составлено автором по расчетам НРА [4]

Несмотря на абсолютный рост, ключевой показатель доля затрат на НИОКР в ВВП остается крайне низким и стагнирующим. В 2023 году он составил 1,40% (по оценкам, в 2024 г. менее 1%), что существенно ниже не только технологических лидеров (Южная Корея - 5,2%, США - 3,1%), но и стран-партнеров по БРИКС (Китай - 2,5%, Бразилия - 1,76%). Расхождение между растущим номинальным объемом и стагнирующей долей в ВВП указывает на то, что рост инвестиций в науку не успевает за общим номинальным ростом экономики, финансируемым в т.ч. за счет сырьевого сектора.

В то время как в развитых экономиках основным драйвером НИОКР является частный бизнес (до 70-80% затрат), в России сохраняется доминирование государственного сектора. Этот фактор создает риски слабой ориентации исследований на рыночные потребности и

коммерциализации исследований, а также предпосылки к риску долгосрочной финансовой устойчивости.

Совокупные затраты организаций на инновационную деятельность демонстрируют уверенный рост с 1,5 трлн руб. в 2017 году до более 4 трлн руб. в 2024 году., что демонстрирует стремление бизнеса к технологической модернизации.

Более 60% всех инновационных затрат приходится на высокотехнологичные и наукоемкие отрасли, что подтверждает их ведущую роль в инновационном процессе (рисунок 6). Их доля последовательно нарастает с 2019 года, демонстрируя структурный перекос в экономике в целом.

Рисунок 6. Затраты на инновационную деятельность высокотехнологичных и наукоемких отраслей, а также низкотехнологичных отраслей

Источник: Росстат, составлено автором по расчетам НРА [4]

Высокотехнологичное ядро (ОКВЭД 21, 26, 30.3) демонстрирует стабильно высокую долю инновационной продукции в общем выпуске (17-21%), что в 2.5-3 раза превышает аналогичный показатель для всей промышленности (7-8%). Это указывает на то, что инновации здесь носят преобразующий характер.

Однако, несмотря на рост, сами по себе затраты на инновации сконцентрированы в узком сегменте. Инновационная активность предприятий в целом по стране остается низкой, что свидетельствует о слабом распространении технологических импульсов из высокотехнологичного ядра в смежные и традиционные отрасли.

Анализ системных ограничений и технологической зависимости

Развитие высокотехнологичного сектора России происходит в условиях действия глубоких, взаимосвязанных системных ограничений. Эти ограничения не просто замедляют рост, но и формируют архитектуру ограничений, блокирующую качественный переход от импортозамещающей адаптации к глобальной технологической конкурентоспособности.

Санкционные ограничения обострили историческую проблему технологической зависимости доступа к критическому оборудованию и технологиям.

Простое замещение готовых изделий (конечная продукция) возможно, но создание полных, конкурентоспособных цепочек для производства критических компонентов и материалов упирается в отсутствие собственной технологической базы и дефицит компетенций.

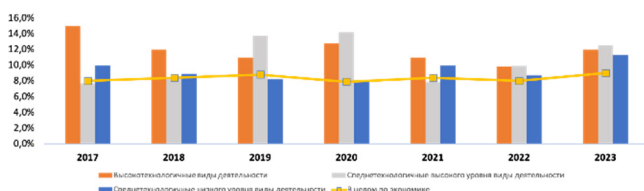

Рисунок 7. Коэффициент обновления основных фондов

Источник: Росстат, составлено автором по расчетам НРА [4]

Крайне важным является тот факт, что коэффициент обновления основных фондов в высокотехнологичных видах деятельности (12% в 2023 г.) не только отстает от до-

кризисных значений, но и ниже, чем в среднетехнологичных отраслях (13%) (рисунок 7). Это свидетельствует о более сложном и длительном цикле адаптации именно высокотехнологичного сектора, который требует не просто замены, а воссоздания технологических укладов.

Выводы по анализу трендов и современных особенностей развития высокотехнологичных отраслей России

Проведенный анализ позволяет констатировать, что высокотехнологичный сектор Российской Федерации демонстрирует признаки адаптационной устойчивости и выполняет функцию «технологического локомотива», о чем свидетельствует высокая корреляция (0,86) между приростом его производительности и последующим ростом производительности в обрабатывающей промышленности. Сектор поддерживается расширяющимся комплексом мер государственной политики. Однако устойчивость текущей траектории роста подвержена значительным рискам, обусловленным глубокими системными ограничениями. К ним относятся критически низкая доля в мировом технологическом экспорте, сохраняющаяся зависимость от импорта, недостаточный объем и эффективность инвестиций в НИОКР.

На основе проведенного комплексного анализа современного состояния высокотехнологичного сектора промышленности Российской Федерации можно сформулировать следующие выводы, определяющие перспективные направления научных исследований:

1. *Необходимость концептуального расширения и уточнения понятия «высокотехнологичная отрасль промышленности».*

Сложившееся понимание, основанное преимущественно на критериях технологической сложности и наукоемкости (уровень затрат на НИОКР, доля персонала с высшим образованием), в значительной степени устарело и является операционально недостаточным для формирования эффективной политики в XXI веке. Современный контекст, характеризующийся перманентной турбулентностью, геозакономерностями разрывами и нелинейностью технологического прогресса, требует дополнения классического подхода новыми атрибутивными характеристиками. Ключевым среди них становится адаптивность (adaptive capacity) это способность отрасли и её предприятий не только генерировать инновации, но и осуществлять быструю реконфигурацию производственных, технологических и кооперационных цепочек в ответ на внешние шоки. Это подразумевает оценку таких параметров, как: скорость технологического замещения критических импортных компонентов, гибкость бизнес-моделей, устойчивость цифровой инфраструктуры, способность к оперативному переформатированию кадрового потенциала. Таким образом, предлагается переход к триадной концепции: «Технологичность - Инновационность - Адаптивность», где последний компонент выступает критическим фактором выживания и конкурентоспособности высокотехнологичного сектора в нестабильной внешней среде.

2. *Необходимость разработки методологии оценки развития и классификации высокотехнологичных отраслей и предприятий с учетом национальной специфики.*

Существующие критерии отнесения (уровень затрат на НИОКР, доля исследователей), закрепленные в методологиях ОЭСР и Росстата, являются необходимым, но недостаточным основанием для оценки развития отрасли в современных условиях. Действующие системы статистических показателей и методик оценки (доля в ВВП, индексы производства, объем экспорта) фиксируют преимущественно количественные результаты, но не раскрывают качественных характеристик, институциональных

ограничений и траекторий развития в современных условиях. Их главный изъян заключается в отсутствии учета внутриотраслевой неоднородности, что создаёт искажённую, агрегированную картину. Это маскирует глубинные диспропорции, такие как несоответствие между номинальным отношением к высокотехнологичному сегменту и объективными показателями: степенью износа материально-технической базы, реальным проникновением цифровых технологий и устойчивостью к внешним шокам.

3. *Актуальность дальнейших научных изысканий в области разработки механизмов адаптивного развития высокотехнологичных предприятий промышленности на основе инструментов адаптивного внутрифирменного планирования и прогнозирования.*

Волатильная внешняя среда, глобальные геополитические вызовы, а также нелинейность технологических изменений делают традиционные методы внутрифирменного планирования и прогнозирования малоэффективными для высокотехнологичных предприятий промышленности. Актуальной представляется разработка принципиально новых механизмов стратегического планирования, механизмов адаптивного внутрифирменного планирования и сценарных моделей прогнозирования для высокотехнологичных предприятий промышленности в целях повышения устойчивости предприятий к множественным рискам внешней и внутренней среды (технологическим, геополитическим, рыночным).

Современное состояние высокотехнологичного сектора России представляет собой уникальный объект для экономической науки, демонстрирующий обширный потенциал для проведения различного рода исследований.

Преодоление выявленных системных противоречий требует не только политической воли и инвестиций, но и нового концептуально-методологического аппарата. Предложенные направления научных изысканий, такие как уточнение понятийного аппарата, создание специфических методик оценки и разработка адаптивных механизмов прогнозирования – являются взаимосвязанными элементами такого аппарата. Внедрение такого аппарата в практику управления высокотехнологичных предприятий и отраслевого регулирования позволит перейти от реактивной политики импортозамещения к проактивной стратегии формирования устойчивых конкурентных преимуществ в изменившемся мире.

Литература

1. Акбердина, В. В. Методический инструментарий оценки уровня развития высокотехнологичных отраслей промышленности / В. В. Акбердина, Л. С. Шолох // Экономика, предпринимательство и право. – 2026. – Т. 16, № 1. – DOI 10.18334/epp.16.1.124505. – EDN CAKWQC.
2. Бородин К. Н. Понятие «высокотехнологичное промышленное предприятие» в контексте стратегии развития // Шумпетеровские чтения. – 2016. – Т. 1. – С. 32-38.
3. Васина Е. И. Особенности функционирования высокотехнологичных предприятий в современной экономике // Научный альманах. – 2019. – №. 12-1. – С. 33-39.
4. Высокотехнологичные отрасли России: локомотив долгосрочного развития в сложных геополитических условиях. Аналитический обзор. Национальное рейтинговое агентство. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ranational.ru/wpcontent/uploads/2025/11/obzor_nra_vysokotehnologichnaja_promyshlennost_rf_nojabr_2025.pdf (дата обращения: 27.12.2025).
5. Гарина Е. П., Лапаев Д. Н. Понятие и характеристика высокотехнологичного предприятия // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. – 2025. – Т. 16. – №. 1. – С. 18-33.

6. Демин, С.С. (2012) Методология управления инновационной модернизацией высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики России // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук, 39 с.

7. Зайцев А. В. Особенности функционирования высокотехнологичного предприятия в инновационной экономике // Вопросы инновационной экономики. – 2014. – Т. 4. – №. 1. – С. 21-35.

8. Киреев П. П., Малыхина И. О. Сущность и классификация высокотехнологичных промышленных систем в современных условиях // Journal of Monetary Economics and Management. – 2024. – №. 4. – С. 248-255.

9. Коцюбинский В. А. Методологические подходы сопоставления показателей развития высокотехнологичных секторов России и стран ОЭСР // Инновации. – 2015. – №. 4 (198). – С. 27-32. – EDN TVXAGF

10. Минь Ч., Максимова Т. Г. Референтная модель определения высокотехнологичных предприятий в контексте Индустрии 4.0 // Инновации и инвестиции. – 2023. – №. 2. – С. 210-215.

11. Мисюра А. В. Высокотехнологичное промышленное предприятие: нормативный и позитивный подходы к определению // Journal of New Economy. – 2019. – Т. 20. – №. 4. – С. 88-107.

12. Приказ Росстата от 15.12.2017 г. № 832 (ред. от 17.01.2019) «Об утверждении Методики расчета показателей «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте» и «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: [https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metodika_832\[1\].pdf](https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metodika_832[1].pdf) (дата обращения 27.12.2025)

13. Росстат. Официальная статистика [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 27.12.2025)

14. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения 27.12.2025 г.)

15. Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения 27.12.2025 г.)

16. Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755> (дата обращения 27.12.2025 г.)

17. Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51500> (дата обращения 27.12.2025 г.)

18. High-tech industry and knowledge-intensive services. Reference metadata. – Eurostat, the Statistical office of the European Union. – 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/en/htec_esms.htm (дата обращения 20.12.2025 г.)

19. UNIDO. Competitive Industrial Performance Index [Электронный ресурс]. – URL: <https://stat.unido.org> (дата обращения: 27.12.2025)

20. World Bank. World Development Indicators: High-technology exports [Электронный ресурс]. – URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 27.12.2025)

Analysis of trends and modern features of the development of high-tech industries in Russia

Sholokh L.S.

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article analyzes the current state and development prospects of the high-technology sector of the Russian Federation's economy in the context of structural transformation and external constraints. The study conducts a systematic analysis of the current dynamics, institutional conditions, investment climate, and systemic constraints of Russia's high-tech industries to identify their real transformational potential and key growth points. The research is based on the analysis of statistical data from Rosstat for the period 2017-2024, international databases from the World Bank and UNIDO, as well as regulatory legal acts governing technology policy. The classification of industries by technological level proposed by the OECD and adapted by Rosstat (Order No. 832 dated 15.12.2017) is applied. Methods of comparative, dynamic, and correlation analysis are used.

As a result of the analysis, contradictory trends are revealed: accelerated production growth in the high-technology segment coexists with a low share in global exports of high-tech products. The article suggests that existing methodologies for assessing high-tech industries inadequately reflect their real potential in turbulent conditions, necessitating the development of new approaches that account for adaptability. It is concluded that, despite its role as a "technological locomotive" for related industries, the further realization of the sector's potential requires overcoming systemic constraints related to integration into global value chains and the renewal of fixed assets. The article also substantiates the relevance of scientific tasks, such as the conceptual expansion and refinement of the concept of a "high-tech industrial sector" and the development of specialized methodologies for assessing the development of high-tech industries and enterprises, taking into account national specifics.

Keywords: high-tech industries, technological development, innovation activity, adaptability, industry.

References

1. Akberdina, V. V. Methodological tools for assessing the level of development of high-tech industries / V. V. Akberdina, L. S. Sholokh // *Economy, entrepreneurship and law*. - 2026. - Vol. 16, No. 1. - DOI 10.18334/epp.16.1.124505. - EDN CAKWQC.
2. Borodin, K. N. The concept of "high-tech industrial enterprise" in the context of development strategy // *Schumpeter readings*. - 2016. - Vol. 1. - Pp. 32-38.
3. Vasina, E. I. Features of the functioning of high-tech enterprises in the modern economy // *Scientific almanac*. - 2019. - No. 12-1. - Pp. 33-39.
4. High-tech industries of Russia: the locomotive of long-term development in complex geopolitical conditions. Analytical review. National Rating Agency. [Electronic resource]. URL: https://www.ranational.ru/wpcontent/uploads/2025/11/obzor_nra_vysokotehnologichnaja_promyshlennost_rf_nojabr_2025.pdf (accessed: 27.12.2025).
5. Garina E. P., Lapaev D. N. Concept and characteristics of a high-tech enterprise // *Bulletin of Samara University. Economics and Management*. - 2025. - Vol. 16. - No. 1. - P. 18-33.
6. Demin, S.S. (2012) Methodology of managing innovative modernization of high-tech and knowledge-intensive sectors of the Russian economy // *Abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Economics*, 39 p.
7. Zaitsev AV Features of the functioning of a high-tech enterprise in an innovative economy // *Issues of innovative economics*. - 2014. - Vol. 4. - No. 1. - Pp. 21-35.
8. Kireev PP, Malykhina IO The essence and classification of high-tech industrial systems in modern conditions // *Journal of Monetary Economics and Management*. - 2024. - No. 4. - Pp. 248-255.
9. Kotsyubinsky VA Methodological approaches to comparing the indicators of development of high-tech sectors of Russia and OECD countries // *Innovations*. - 2015. - No. 4 (198). - P. 27-32. - EDN TVXAGF
10. Min C., Maksimova T. G. Reference model for defining high-tech enterprises in the context of Industry 4.0 // *Innovations and Investments*. - 2023. - No. 2. - P. 210-215.
11. Misyura A. V. High-tech industrial enterprise: normative and positive approaches to definition // *Journal of New Economy*. - 2019. - Vol. 20. - No. 4. - P. 88-107.
12. Order of Rosstat No. 832 of 15.12.2017 (as amended on 17.01.2019) "On Approval of the Methodology for Calculating the Indicators 'Share of High-Tech and Science-Intensive Industries in the Gross Domestic Product' and 'Share of High-Tech and Science-Intensive Industries in the Gross Regional Product of a Subject of the Russian Federation' [Electronic resource]. URL: [https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metodika_832\[1\].pdf](https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metodika_832[1].pdf) (accessed 27.12.2025)
13. Rosstat. Official Statistics [Electronic resource]. - URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/10705> (date accessed: 27.12.2025)
14. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 No. 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Perspective up to 2036" [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (date accessed: 27.12.2025)
15. Decree of the President of the Russian Federation of 28.02.2024 No. 145 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (accessed on 27.12.2025)
16. Decree of the President of the Russian Federation of 18.06.2024 No. 529 "On Approval of Priority Areas of Scientific and Technological Development and the List of the Most Important Science-Intensive Technologies" [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755> (accessed on 27.12.2025)
17. Federal Law of 28.12.2024 No. 523-FZ "On Technological Policy in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51500> (accessed on 27.12.2025)
18. High-tech industry and knowledge-intensive services. Reference metadata. - Eurostat, the Statistical office of the European Union. - 2024. [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/en/htec_esms.htm (accessed on 20.12.2025)
19. UNIDO. Competitive Industrial Performance Index [Electronic resource]. - URL: <https://stat.unido.org> (accessed on 27.12.2025)
20. World Bank. World Development Indicators: High-technology exports [Electronic resource]. - URL: <https://data.worldbank.org> (accessed on 27.12.2025)

Закономерности роста платформенной экономики России

Шульга Виталий Юрьевич

аспирант, Университет «Синергия», vitaliy@shulga.org,

Орехов Виктор Дмитриевич

канд. техн. наук, Международный институт менеджмента ЛИНК, vorehov@yandex.ru

Актуальность работы связана с важностью выяснения причин очень быстрого темпа развития платформенной экономики. Целью работы является системное представление основных особенностей функционирования онлайн-платформ. Показано, что темп роста онлайн-продаж в России, в целом, и на крупнейших маркетплейсах Wildberries и Ozon на протяжении 2016–2023 годов является экспоненциальным с высоким коэффициентом детерминации $R^2 > 0,98$. Количество поставщиков товаров на крупнейших маркетплейсах растет линейно по времени с $R^2 > 0,995$. Дано математическое обоснование того, что зависимость роста онлайн-продаж, близкая к экспоненте, является следствием того, что большинство потребителей остаются лояльными платформе и рекомендуют ее своим знакомым, а негативных отзывов мало. Рост числа потребителей платформы выражается зависимостью $Y = N (\text{Exp}(TP) - 1)/P$, где N – активность продвижения платформы, а P – рекомендательный коэффициент, характеризующий лояльность потребителей. На примере поставщика женских пальто бренда AS показано, что динамика онлайн-продаж поставщика на платформе Wildberries является экспоненциальной с темпом роста, близким к средним онлайн-продажам в России, но примерно вдвое ниже, чем у платформы.

Ключевые слова: экономика платформ, онлайн-продажи, маркетинг, рекомендации, лояльность, потребители, маркетплейс, корреляция.

Введение

Одним из наиболее значимых изменений в экономике за последние 10 лет стало развитие онлайн-платформ [1], [8]. Далее в этой работе мы будем называть их сокращенно – Платформа. Платформенная экономика представляет собой форму организации экономической деятельности, при которой ключевую роль играют цифровые посредники, обеспечивающие взаимодействие между независимыми производителями и потребителями.

Суммарная выручка крупнейших Платформ России с 2021 по 2024 г. выросла от 2,5 до 10,9 трлн руб., а доля в ВВП РФ с 1,9% до 5,5% [9].

Формирование системы цифровых платформ отражает современный тренд развития технологий маркетинговой деятельности в интернет-среде.

До кибернетической эпохи аналогичную функцию налаживания взаимодействия между поставщиками и потребителями выполняли зерновые биржи, торговые ярмарки, торговля по каталогам и др.

В Средние века развитие транспортной инфраструктуры создало основу для становления в Евразии большого рынка. Важнейшей движущей силой цивилизации стала торговля. На мир обрушилась первая волна маркетинга [14].

К началу XX века произошло становление крупных корпораций и транснациональной экономики, появились масс-медиа и электронные каналы коммуникаций. Это дало толчок формированию второй волны – классического маркетинга.

Третья и четвертая волны маркетинга сетевого типа (одноуровневый и многоуровневый) опирались на использование системы независимых дистрибьюторов, которые делают местом своей продажи жилище потребителя.

Пятая волна маркетинга [14] сформировалась на основе использования Интернета, который радикально расширил пространство рыночных взаимодействий. Бизнес стал во многом зависеть от наличия собственного веб-сайта.

Большое количество информации в Интернете мешает покупателю найти нужный продукт и оценить его качество, а производителям – обеспечить заметность своих предложений в условиях высокой конкуренции. В этих условиях стала непомерно расти стоимость продвижения. Многократно увеличилась потребность создания огромного числа сайтов на каждом предприятии или нескольких по разным продуктам фирмы. К тому же сайты могут делать мошенники, и проверить их безопасность очень не просто.

Шестая волна маркетинга основывается на том, что цифровые платформы берут на себя роль интеграторов торговых отношений для множества компаний с различными типами продукции.

Онлайн-платформы, включая маркетплейсы, формируют сообщества продавцов и покупателей и предоставляют им торговую инфраструктуру, включающую в себя: поисковую систему, каталог продуктов, продвижение, платежные инструменты, систему обратной связи и рейтингов, логистические услуги и др. Платформа защищает покупателей от мошенников и дает определенную уверенность в качестве продукции.

Но B2B-коммерция на онлайн-платформе, с операционной точки зрения, радикально отличается от предыдущих парадигм бизнеса. Сегодня преподавателям маркетинга лучше поставить на полку свои учебники и идти учиться работать в реальном платформенном бизнесе.

Конечно, что-то от классического маркетинга по-прежнему действует, но значительно больше нового.

Таким образом, развитие Платформ отражает закономерный этап эволюции технологий маркетинга – от физической торговли к цифровым экосистемам, в которых ключевую роль играет не продукт, а инфраструктура взаимодействия. «Маркетплейсы эволюционируют от узкоспециализированных платформ... к многофункциональным экосистемам. Эта эволюция обусловлена стремлением компаний к расширению рынков сбыта, повышению конкурентоспособности и удовлетворению растущих потребностей клиентов» [11]. Это делает актуальным исследование механизмов функционирования Платформ, их операционной логики и влияния на поведение участников рынка.

В этой работе мы рассмотрим работу онлайн-платформы с системной и математической позиций, а также с точки зрения предпринимателя, который использует данный механизм для удовлетворения запросов своих потребителей.

1. Обзор

Экономика Платформ растет быстрыми темпами [15] в 4 раза опережающими темп роста мирового ВВП. Капитализация 100 крупнейших из них к 2025 г. достигла в мире 20 трлн долл., а годовая выручка – 3,6 трлн долл. [5]. Число платформенных компаний с капитализацией свыше 1 млрд долл. до 2022 г. представлено на рис. 1 [2].

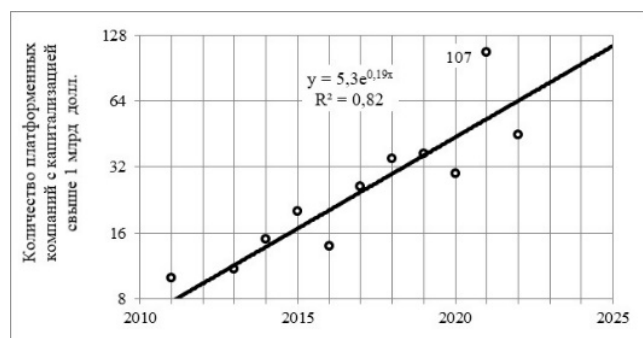

Рис. 1. Рост числа мировых платформенных компаний

Как видно из рис. 1, в настоящее время темп роста числа Платформ растет примерно экспоненциально по времени. Значительное отклонение числа Платформ от тренда в 2020, 2021 годах связано с пандемией Covid-19.

Наиболее активно развивается экономика Платформ в США, быстро растет активность в этой области компаний Китая. Россия, хотя и не является передовиком в этой области, но уже сейчас без цифровых платформ многие сферы деятельности страны сложно представить.

Яндекс стал лидирующей поисковой системой России (100,5 млн пользователей, обогнав на 1% Google [12]. Сбербанк также создал крупнейшую цифровую экосистему (110 млн частных клиентов и 3,3 млн корпоративных) [10] и активно развивает платформенные технологии. Порталом «Госуслуги» пользуются 126 млн граждан, которым предоставляется около 500 услуг, сокращающих сроки получения различных документов и справок в электронном формате. Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) аккумулирует более 12 млн публикаций российских ученых.

Среди российских коммерческих Платформ лидером является [5] «Т-Технологии» (ранее ТКС Холдинг; Т-банк) с капитализацией 10,4 млрд долл. Далее идут маркетплейсы Wildberries (7,1 млрд долл.) и Ozon (6,6 млрд долл.).

Среди конечных потребителей основными причинами онлайн-покупок являются: более выгодная цена (мнение 46% потребителей), положительные отзывы о товарах

(39%), скидка или участие в акции (33%), отзывы об оригинальности товара (25%), отсутствие отрицательных отзывов (24%) и высокий рейтинг продавца (23%). Известность бренда находит отзыв только у 8% покупателей [3].

Лидирующими товарами у российских покупателей являются: одежда и обувь для взрослых (71%), средства гигиены (6%), бытовая химия и хозяй товары (55%), бытовая техника (51%) и продукты питания (50%) (Бегин, 2024).

Онлайн-платформы активно участвуют в цифровой трансформации: «более 68% потребителей уже привыкли к тому, что онлайн-магазин предлагает им программу лояльности» [6] около 90% платформ в том или ином виде применяют искусственный интеллект.

Таким образом, цифровые платформы становятся важнейшей составляющей социально-экономического развития.

2. Материалы и методы

Целью работы является системное представление основных особенностей функционирования онлайн-платформ.

В работе использован системный анализ отечественных научных публикаций по экономике платформ. Проведен математический анализ динамики роста крупнейших маркетплейсов России. Применяются статистические методы. Сформирована математическая модель платформенных продаж с учетом фактора лояльности потребителей. Проведено сравнение динамики продаж поставщика продукции (собственные материалы) и соответствующей онлайн-платформы.

3. Закономерности роста онлайн-продаж

Объем онлайн-продаж в России растет примерно экспоненциально от времени (рис. 2) [4].

$$Y = 0,222 \cdot \text{Exp}(0,28(T - 2011))$$

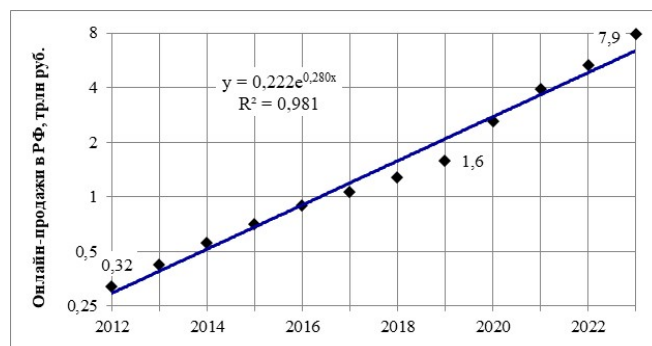

Рис. 2. Объем онлайн-продаж в России

Ежегодно он увеличивается в среднем на 34%, а за 10 лет в 18,7 раза. При этом коэффициент детерминации очень высокий: $R^2 = 0,98$, и отклонение от тренда связано с пандемией Covid-19. В настоящее время Платформы в различных областях деятельности в малой мере испытывают конкуренцию. Именно поэтому рост числа Платформ и онлайн-продаж, представленные на рис. 1, 2, являются экспоненциальными.

Однако в дальнейшем во все большей мере станет проявляться конкуренция между ними, в частности за работников и поставщиков. Лидеры отраслей могут привлечь большую часть потенциальных потребителей, что приведет к снижению темпов роста.

Динамика роста онлайн-продаж на крупнейших маркетплейсах России (WB, Ozon и Яндекс Маркет – YaM) и суммарно в России в 2016–2023 гг. представлена на рис. 3 в логарифмическом масштабе с основанием 2.

Экспоненциальный тренд имеет высокий коэффициент детерминации R^2 более 0,99 для двух лидеров. Хотя

WB в 2016 г. имел в 4 раза выше объем продаж, но степень экспоненты выше для Ozon в 1,22 раза, поэтому он догоняет Wildberries. Средний ежегодный темп роста продаж за 9 лет в WB равен 1,75, а Ozon – 2,0. Доля WB в 2023 г. в России достигла 27%, Ozon – 20%, а YaM – 4,7%. Для двух лидеров лучший тренд – кубический полином, который лучше отражает тенденцию к снижению темпов роста по сравнению с экспонентой и выхода на «полку». В частности, погрешность аппроксимации $\Delta R^2 = 1 - R^2$ составляет для экспоненты и кубического полинома для WB 0,73% и 0,54% соответственно, а для Ozon – 0,32% и 0,11%.

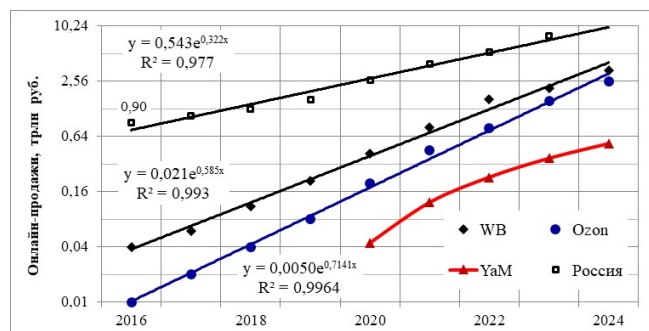

Рис. 3. Динамика продаж крупнейших маркетплейсов России

Темп роста продаж лидеров примерно вдвое превосходит суммарный темп роста онлайн-продаж в России в 2016–2023 гг. Это означает, что остальные платформы растут значительно медленнее лидеров.

Отметим, что темп роста онлайн-продаж в России в 2016–2023 гг. (рис. 3) в 1,45 раза выше, чем в среднем за 2012–2023 гг. (рис. 2).

Деятельность Платформ нацелена на привлечение в качестве своих *лояльных* потребителей максимального числа компаний-поставщиков и конечных потребителей. На рис. 4 приведены данные о динамике числа продавцов на крупнейших маркетплейсах [4], [3]. Видно, что их численность растет линейно, а не экспоненциально. Темп роста WB и Ozon к 2025 г. составил 38% в год.

Стараясь захватить как можно больший рынок, ряд маркетплейсов сознательно работают в убыток [7]. Фактор лояльности важен для того, чтобы привлекать пользователей не за счет продвижения, а за счет *рекомендаций* других потребителей, что значительно снижает операционные расходы.

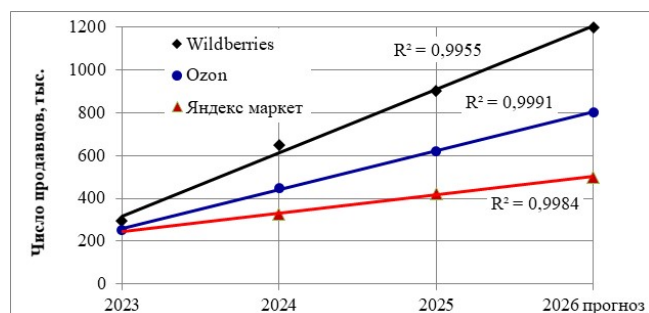

Рис. 4. Динамика числа продавцов на крупнейших маркетплейсах

4. Математическая модель платформенных продаж

Для понимания принципов работы Платформы воспользуемся моделью в области рекомендательного маркетинга [13], схема которой приведена на рис. 5.

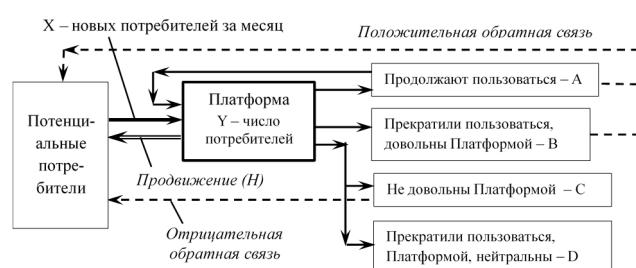

Рис. 5. Модель динамики числа пользователей Платформы

Здесь Y – число потребителей услуг, X – число новых потребителей за месяц, в т. ч. H – число новых потребителей под воздействием продвижения. Характеристики этой модели описываются следующими параметрами:

1. Относительной долей различных потребителей Платформы (A, B, C, D) по отношению к Y : a, b, c, d . Сумма $a + b + c + d = 1$.

2. Коэффициентами их влияния на приток потенциальных потребителей: K_A, K_B, K_C, K_D соответственно.

Уравнение динамики числа потребителей в разностном виде имеет следующий вид [13]:

$$Y_{i+1} = aY_i + H + Y_i(aK_A + bK_B - cK_C) \quad (1)$$

Прирост Y на $i + 1$ шаге по времени (ΔT) равен

$$\Delta Y_i = (aY_i - Y_i + H + Y_i(aK_A + bK_B - cK_C)) \Delta T \quad (2)$$

Соответственно, дифференциальное уравнение динамики числа потребителей Платформы будет иметь вид $dY = (H - Y(1 - a(1 + K_A) - bK_B + cK_C))dT \quad (3)$

Будем далее называть величину перед Y в правой части этого уравнения рекомендательным параметром $R = 1/(1 - a(1 + K_A) - bK_B + cK_C) \quad (4)$

Используя (4), преобразуем уравнение (3) к виду $(R/(Y - HR)) dY = -dT \quad (5)$

Интегрируя (5), получим, что $R \ln(HR - Y) = -T + C$, а следовательно:

$$Y = HR(1 - \exp(-T/R)) \quad (6)$$

Применительно к традиционным организациям $R > 0$ и при $T \rightarrow \infty$ предел $Y = HR$ [13]. Это значит, что максимальное число потребителей тем больше, чем интенсивнее продвижение (H) и больше рекомендательный параметр $-R$. Число потребителей вначале быстро растет, а затем замедляется и выходит на «полку» $-HR$.

В случае же с цифровыми платформами (рис. 2, 3) число потребителей растет примерно экспоненциально. Это означает, что рекомендательный коэффициент (4) имеет отрицательную величину $-R < 0$. Это может произойти, если параметр a , равный доле потребителей, продолжающих пользоваться платформой и положительно оценивающих ее, достаточно велик. Например, в таблице 1 приведены значения R в двух вариантах различных параметров модели. Здесь коэффициент $c = 0,04$, что соответствует доле потребителей, поставивших по 5-балльной шкале оценку 3 и ниже при покупке на WB пальто марки AS.

Таблица 1
Коэффициенты модели пользователей Платформы

Тип потребителя	Вариант 1				Вариант 2			
	A	B	C	D	A	B	C	D
Доля потребителей	a	b	c	d	a	b	c	d
	0,8	0,1	0,04	0,06	0,9	0,04	0,04	0,02
Коэффициент влияния	K _A	K _B	K _C	K _D	K _A	K _B	K _C	K _D
	0,4	0,4	1	0	0,4	0,4	1	0
Параметр R	– 8,3				– 4,2			

Сравнение вариантов 1 и 2 показывает, что в этом случае рост числа потребителей, продолжающих пользоваться платформой (A), сопровождается снижением модуля величины R . Это происходит потому, что при отрицательном значении рекомендательного параметра величина HR в формуле (6) слабо влияет на рост Y , поскольку

основное влияние оказывает экспоненциальный член. При этом темп роста числа потребителей тем выше, чем больше отношение T/R , а соответственно, меньше величина R по абсолютной величине. Поэтому применительно к случаю $R < 0$ введем другое обозначение для рекомендательного параметра

$$P = -1/R = a(1+K_A) + bK_B - cK_C - 1 \quad (7)$$

В этом случае решение (6) примет вид

$$Y = H (\text{Exp}(TP) - 1)/P \quad (8)$$

Функция (8) представляет собой экспоненту $\text{Exp}(TP)$, сдвинутую по оси Y на единицу и увеличенную в H/P раз. Решение (8) объясняет, почему число потребителей платформ закономерно растет примерно экспоненциально на начальном этапе развития (рис. 1–3).

Кроме того, быстро растет и число продавцов (рис. 4), что приводит к расширению ассортимента продаваемых продуктов, росту удовлетворенности потребителей и увеличению стоимости покупок, что также сопровождается ростом товарооборота.

5. Соотношение роста платформы и поставщика

На фоне быстрого роста онлайн-продаж маркетплейсов важно понять, как это соотносится с ростом продаж поставщиков продуктов. На рис. 6 представлена динамика продаж женских пальто бренда AS (анонимизировано) на платформе WB с 2019 по 2025 г.

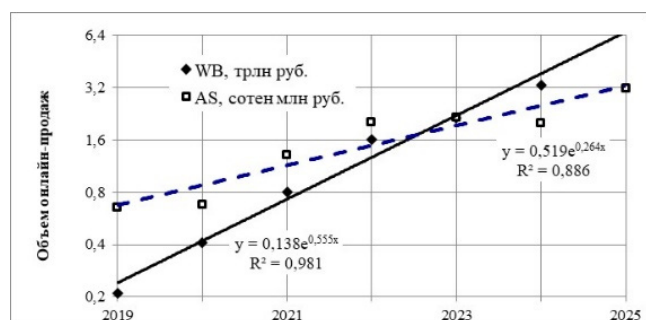

Рис. 6. Динамика объема онлайн-продаж бренда AS и WB

Отметим, что AS стал продаваться с рекламной поддержкой на платформе WB только в 2025 г.

Динамика продаж AS достаточно хорошо аппроксимируется экспоненциальным трендом ($R^2 = 0,89$). Коэффициент линейной корреляции между AS и WB равен 0,85. Темп роста AS меньше, чем WB, в 2,1 раза. Это связано с тем, что рост продаж на WB поддерживается не только ростом продаж продавцов, но и ростом количества продавцов, как было показано выше (рис. 4).

Наиболее важным результатом данного сравнения является то, что продажи поставщика Платформы растут экспоненциально, т.е. в соответствии с формулой (8), а не (6), как у обычных фирм, причем практически без рекламной поддержки, что позволило поставщику увеличить объем продаж за 5 лет в 4,8 раза.

Выводы

1. Объем онлайн-продаж в России в 2012–2023 годах рос экспоненциально от времени — T , в соответствии с трендом $Y = A \cdot \text{Exp}(B(T - 2011))$, где $A = 0,222$, $B = 0,28$ с высоким коэффициентом детерминации $R^2 = 0,98$.

2. Объем онлайн-продаж на крупнейших маркетплейсах России в 2016–2024 годах рос экспоненциально, причем для Wildberries $A_W = 0,021$, $B_W = 0,585$, $R^2 = 0,983$, а для Ozon $A_O = 0,0050$, $B_O = 0,714$, $R^2 = 0,986$.

3. В 2012 г. объем продаж Wildberries был примерно в 4 раза больше, чем Ozon. Однако, в связи с тем, что коэффициент B для Ozon в 1,22 раза больше, к 2024 году объемы продаж лидеров платформенной экономики сблизились.

4. Количество поставщиков товаров на крупнейших маркетплейсах растет линейно по времени, причем темп роста их числа на Wildberries в 1,64 раза выше, чем на Ozon, и в 3,5 раза выше, чем на Яндекс Маркет.

5. Дано математическое обоснование того, что зависимость роста онлайн-продаж, близкая к экспоненте, является следствием того, что большинство потребителей остаются лояльными платформе и рекомендуют ее своим знакомым, а негативных отзывов мало.

6. Рост числа потребителей платформ выражается зависимостью $Y = H (\text{Exp}(TP) - 1)/P$, где H — активность продвижения платформы, а P — рекомендательный коэффициент, характеризующий лояльность потребителей.

7. На примере поставщика женских пальто бренда AS показано, что динамика онлайн-продаж поставщика на платформе Wildberries является экспоненциальной с темпом роста, близким к средним онлайн-продажам в России ($B = 0,264$), но примерно вдвое ниже, чем у Платформы.

Литература

- Абдрахманова Г. И., Гохберг Л. М., Демьянова А. В. и др. Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад / под ред. Л. М. Гохберга, Б. М. Глазкова, П. Б. Рудника, Г. И. Абдрахмановой; НИУ «Высшая школа экономики». — Москва, 2023, 72 с.
- Алексахин А.Н., Алексахина С.А., Горшков А.А., Байтимерова Л.С. Современные тенденции развития платформенной экономики. Вестник Академии знаний № 5 (64), 2024. — С. 46–51.
- Бегин А. Статистика маркетплейсов в России. 2024. URL: <https://incient.ru/marketplaces-stats> Дата обращения 23.11.2025
- Интернет-торговля в России 2024. DataInsight. https://datainsight.ru/?utm_source=di&utm_medium=ppt&utm_campaign=bigecom23 Дата обращения 27.11.2025
- Как платформы поделили мировые рынки. Эксперт, № 6, 2025. URL: https://expert.ru/rating/arkhiv_r/ekonomikar/renking-100-krupneyshikh-mirovykh-platform/peredoviki-proizvodstva-i-potrebleniya/ Дата обращения 22.11.2025
- Колмыкова Т.С. Экосистемы как глобальный тренд цифровизации экономического пространства / Т. С. Колмыкова, П.П. Ковалев // Общество: политика, экономика, право. — 2023. — №. 5 (118). — С. 123-128.
- Корзина с убытками. Kommersant, 2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7639495> Дата обращения 23.11.2025
- Овсийчук, В. В. Современное состояние, пути совершенствования и перспективы развития электронной торговли на маркетплейсах / В. В. Овсийчук, И. В. Соклакова, Е. Ю. Кузьмина, Е. О. Кочурова // Экономические системы. — 2023. — №2. — С. 53-62.
- Перевощикова М. В НИУ ВШЭ оценили влияние регулирования цифровых платформ на экономику России. Forbes, 2025. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/541656-v-niu-vse-ocenili-vlianie-regulirovaniya-cifrovyyh-platform-na-ekonomiku-rossii> Дата обращения 21.11.2025
- Сбербанк России. Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Сбербанк_России. Дата обращения 22.11.2025
- Шулъга В. Ю. Ключевые элементы успешных программ лояльности, применяемые в электронной коммерции зарубежных компаний // Инновации и инвестиции. — 2025. — № 9. — С. 310–313.
- Яндекс или Google: кто победил в гонке за аудиторию в 2024 году? Tachat. URL: <https://tachat.ru/media/2975418-yandeks-ili-google-kto-pobedil-v-gonke-za-auditoriyu-v-2024-godu> Дата обращения 22.11.2025

13. Rukodaynyy O.V., Moroga D.F., Prichina O.S., Orekhov V.D., Karanashev A.K. Modeling the Growth of Service Centers Due to the Impact of Recommendations. International Conference FEMIB 2024. – 2025. P. 124–131. Doi: <https://doi.org/10.63550/ICEIP.2025.19.49.001>

14. Summer A., Duncan G. Маркетинг: "пятая волна". – М.: Электронная коммерция, 1999.

15. Szerb, L., Komlosi, E. S., Acs, Z. J., Lafuente, E., & Song, A. K. (2022). The digital platform economy index 2020. Berlin/Heidelberg, Germany: Springer.

Patterns of growth of the Russian's platform economy

Shulga V.U., Orekhov V.D.

Synergy Moscow University of Finance and Industry, International Institute of Management LINK

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The relevance of the study is linked to the importance of identifying the reasons behind the very rapid development of the platform economy. The purpose of the work is to provide a systematic presentation of the main features of how online platforms operate. It is shown that the growth rate of online sales in Russia and on the largest marketplaces, Wildberries and Ozon, from 2016 to 2023 is exponential, with a high coefficient of determination ($R^2 > 0.98$). The number of product suppliers on the largest marketplaces increases linearly over time, with $R^2 > 0.995$. A mathematical explanation is given showing that an online-sales growth pattern close to exponential results from the fact that most consumers remain loyal to the platform and recommend it to their acquaintances, while negative reviews are few. The growth in the number of platform users is expressed by the relationship $Y = H (\text{Exp}(\text{TR}) - 1) / R$, where H is the platform's promotional activity and R is the recommendation coefficient characterizing consumer loyalty. Using the example of the supplier of women's coats under the AS brand, it is demonstrated that the dynamics of the supplier's online sales on the Wildberries platform are exponential, with a growth rate close to the average online sales rate in Russia, but approximately half that of the platform itself.

Keywords: economics of platforms, online sales, marketing, recommendations, loyalty, consumers, marketplace, correlation.

References

1. Abdrakhmanova G. I., Gokhberg L. M., Demyanova A.V. and others. The platform economy in Russia: Development potential : an analytical report / edited by L. M. Gokhberg, B. M. Glazkov, P. B. Rudnik, G. I. Abdrakhmanova; Higher School of Economics, 2023, 72 p. (In Russian)
2. Aleksakhin A.N., Aleksakhina S.A., Gorshkov A.A., Baytimerova L.S. Modern trends in the development of the platform economy. Vestnik Akademii znaniy [Bulletin of the Academy of Knowledge], № 5 (64), 2024, 46–51.
3. Begin A. Statistics of marketplaces in Russia. – 2024. URL: <https://inclient.ru/marketplaces-stats> Accessed: 23.11.2025
4. Online commerce in Russia 2024. DataInsight. https://datainsight.ru/?utm_source=di&utm_medium=ppt&utm_campaign=bigecom23 Accessed: 27.11.2025 (In Russian)
5. Kolmykova T.S. Ecosystems as a global trend of digitalization of the economic space / T. S. Kolmykova, P.P. Kovalev // Society: politics, economics, law. – 2023. – №. 5 (118). – Pp. 123-128. (In Russian).
6. Корзина с убытками. Kommersant, 2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7639495> Accessed: 23.11.2025 (In Russian)
7. Ovsyichuk, V. V. The current state, ways of improvement and prospects for the development of electronic commerce on marketplaces / V. V. Ovsyichuk // Economic systems. – 2023. – No. 2. – pp. 53-62. (In Russian)
8. Perevoshchikova M. The HSE assessed the impact of regulation of digital platforms on the Russian economy. Forbes, 2025. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/541656-v-niu-vse-ocenili-vlianie-regulirovaniya-cifrovyyh-platform-na-ekonomiku-rossii> Accessed: 11.21.2025. (In Russian)
9. Sberbank of Russia. Wikipedia. https://ru.wikipedia.org/wiki/Sberbank_of_Russia. Accessed: 22.11.2025 (In Russian)
10. Shulga, V. Yu. (2025). Key Elements of Successful Loyalty Programs Used in Foreign E-commerce Companies. Innovatsii i investitsii [Innovations and Investments], (9), 310–313. (In Russian).
11. Yandex or Googl: who won the audience race in 2024? Tenchat. URL: <https://tenchat.ru/media/2975418-yandeks-ili-google-kto-pobedil-v-gonke-za-auditoriyu-v-> Accessed: 22.11.2025 (In Russian).
11. Rukodaynyy O.V., Moroga D.F., Prichina O.S., Orekhov V.D. Karanashev A.Kh. Modeling the Growth of Service Centers Due to the Impact of Recommendations. International Conference FEMIB 2024. – 2025. P. 124–131. <https://doi.org/10.63550/ICEIP.2025.19.49.001>
12. Summer A., Duncan G. Market: "Fifth Will". Moscow: Electronic Library, 1999.
13. Szerb, L., Komlosi, E. S., Acs, Z. J., Lafuente, E., & Song, A. K. (2022). The digital platform economy index 2020. Berlin/Heidelberg, Germany: Springer.

Страховая ценность финансовой устойчивости в условиях институциональных шоков

Агадулин Радиф Ринатович

аспирант Института управления, экономики и финансов, Казанский федеральный университет,

Аюпов Айдар Айратович

доктор экономических наук Института управления, экономики и финансов, Казанский федеральный университет,
radif_agadulin@mail.ru

Распространённость и последствия институциональных шоков для корпоративного сектора России, последовательно переживавшего кризисы 2014–2015, 2020 и 2022–2023 годов, делают изучение механизмов финансовой адаптации компаний исключительно актуальной задачей. В статье на основе сплошной панели Государственного информационного ресурса бухгалтерской отчётности (ГИР БО) за период 2011–2024 годов, охватывающей 20 927 182 фирмо-лет наблюдений и 4 045 720 уникальных юридических лиц, исследуется «страховая ценность» финансовой устойчивости — её способность сохранять операционную эффективность и обеспечивать выживаемость компании в периоды системных потрясений. Для оценки финансовой устойчивости сконструирован составной индекс FSI на основе z-стандартизованных коэффициентов покрытия капиталом, текущей ликвидности и абсолютной ликвидности. Проверка трёх гипотез исследования осуществлялась методами панельной регрессии с фиксированными эффектами, двухшагового инструментального оценивания (IV-2SLS) и регрессии Кокса пропорциональных рисков. Установлено, что в спокойные периоды высокий FSI сопряжён с незначительными потерями рентабельности активов ($\beta = -0,025$; $p < 0,001$), что объясняется издержками содержания ликвидного буфера и агентскими издержками избыточных свободных ресурсов. Однако в периоды институциональных шоков этот эффект нивелируется: взаимодействие $FSI \times Crisis$ становится значимым, а каждая дополнительная единица FSI снижает вероятность выхода компании с рынка на 25,5 % (Hazard Ratio = 0,745; $p = 0,010$). Выявлена гетерогенность эффектов: страховая функция финансовой устойчивости в значительно большей мере выражена для малых и средних предприятий, лишённых доступа к облигационным рынкам. Результаты устойчивы к альтернативным спецификациям и контролю эндогенности через инструментальные переменные.

Ключевые слова: финансовая устойчивость, институциональные шоки, выживаемость компаний, зомби-фирмы, инвестиционная чувствительность к денежным потокам, регрессия Кокса, панельные данные.

Введение

Вопрос о том, каким образом финансовые характеристики компании определяют её способность абсорбировать внешние потрясения, занимает одно из центральных мест в современной корпоративной экономике. Российская экономика в период 2011–2024 годов пережила три последовательных институциональных шока разной природы и интенсивности: геополитический кризис и санкционное давление 2014–2015 годов, пандемию COVID-19 в 2020 году и масштабный санкционный удар 2022–2023 годов. Каждый из них сопровождался резким ужесточением условий внешнего финансирования, сжатием потребительского спроса и реструктуризацией цепочек поставок, что в совокупности создаёт редкую по богатству естественную лабораторию для изучения механизмов корпоративной резильентности [1; 2].

В теоретическом отношении настоящее исследование опирается на несколько взаимосвязанных концепций. Теория финансовых ограничений, восходящая к классическим работам Фаззари, Хаббарда и Петерсена [3], утверждает, что компании с ограниченным доступом к внешнему финансированию вынуждены жертвовать эффективными инвестиционными проектами при снижении внутренних денежных потоков. В этом контексте финансовая устойчивость выступает не просто бухгалтерским конструктом, но стратегическим ресурсом, позволяющим компании поддерживать инвестиционную активность в неблагоприятных условиях, — функция, которую мы обозначаем как «страховая ценность» финансовой устойчивости [4; 5]. Вместе с тем содержание ликвидного буфера и политика низкого финансового рычага сопряжены с издержками в нормальные периоды: концепция «cost of carry» [6] и теория агентских издержек свободного денежного потока Дженсена [7] предсказывают отрицательное влияние избыточной финансовой консервативности на текущую рентабельность. Разрешение этого противоречия через призму условно-триггерного переключения эффектов составляет теоретическое ядро данной работы.

Эмпирическая значимость исследования определяется беспрецедентным масштабом используемых данных. Государственный информационный ресурс бухгалтерской отчётности (ГИР БО) охватывает всю совокупность нефинансовых юридических лиц, обязанных сдавать отчётность в Российской Федерации. Формирование сплошной панели из почти 21 миллиона фирмо-лет наблюдений позволяет преодолеть ограничения, характерные для выборочных исследований: смещение выживших (survivorship bias), недостаточное представление малого бизнеса и концентрацию на крупнейших публичных компаниях [8; 9].

Существующие работы о корпоративной резильентности на российских данных либо ограничиваются выборками крупных компаний, либо охватывают отдельные кризисные эпизоды [4; 5]. Настоящее исследование, охватывая три шока в рамках единой аналитической рамки и используя сплошную панель по всей экономике, заполняет существенный пробел в литературе. Целью работы является оценка страховой ценности финансовой устойчивости как функции условного переключения (state-dependent function) — ресурса с отрицательной базовой доходностью, превращающегося в критически значимый актив в периоды системных потрясений.

Для достижения цели сформулированы три проверяемые гипотезы. H1 (выживаемость): финансовая устойчи-

вость (FSI) положительно связана с выживаемостью компании, снижая мгновенный риск выхода с рынка в периоды институциональных шоков. H2 (инвестиции): FSI выступает значимым модератором финансовых ограничений, снижая чувствительность инвестиций к текущему денежному потоку. H3 (гетерогенность): страховая ценность финансовой устойчивости гетерогенна и проявляется сильнее для малых и средних предприятий и в секторах с высокой зависимостью от внешнего финансирования.

Методы

Данные и процедура формирования панели

Исходным источником данных служит Государственный информационный ресурс бухгалтерской отчётности (ГИР БО / RFSD), формируемый Федеральной налоговой службой Российской Федерации. Ресурс содержит стандартизированные формы бухгалтерского баланса (форма № 1), отчёта о финансовых результатах (форма № 2) и отчёта о движении денежных средств (форма № 4) за период с 2011 по 2024 год включительно по всей совокупности нефинансовых юридических лиц, обязанных сдавать отчётность.

Формирование рабочей панели осуществлялось в несколько последовательных шагов. На первом этапе из анализа исключались финансовые организации (банки, страховые компании, инвестиционные фонды) и организации бюджетного сектора в связи с принципиальными различиями в структуре отчётности. На втором этапе удалялись компании с нулевыми или отрицательными совокупными активами (строка 1600 ≤ 0), а также «спящие» компании с одновременно нулевой выручкой и нулевыми активами. На третьем этапе все финансовые коэффициенты подвергались процедуре винзоризации на уровнях 1-го и 99-го процентилей для нейтрализации влияния технических выбросов, а переменная ROA дополнительно ограничивалась диапазоном [−1; 1] для исключения артефактов реорганизаций. Итоговая рабочая панель насчитывает 20 927 182 фирмо-лет наблюдений при 4 045 720 уникальных юридических лицах; средняя продолжительность нахождения фирмы в панели составляет 5,17 года.

Конструирование переменных

Ключевой зависимой переменной в моделях рентабельности и инвестиций служит ROA, рассчитанная как отношение чистой прибыли (строка 2400) к совокупным активам (строка 1600). Инвестиционная активность проксируется через чистые инвестиции в основные средства: $Net\ Investment = (OC_t - OC_{t-1}) / \text{Активы}_{t-1}$, где OC — остаточная стоимость основных средств (строка 1150). Денежный поток от текущих операций (CFO) фиксируется по строке 4100 отчёта о движении денежных средств.

Центральным конструктором исследования является индекс финансовой устойчивости FSI. Он рассчитывается как простое среднее трёх z-стандартизованных коэффициентов: коэффициента автономии ($Equity\ Ratio = \text{Капитал} / \text{Активы}$, строки 1300/1600), коэффициента текущей ликвидности ($Current\ Ratio = \text{Оборотные активы} / \text{Краткосрочные обязательства}$, строки 1200/1500) и коэффициента абсолютной ликвидности ($Cash\ Ratio = \text{Денежные средства} / \text{Краткосрочные обязательства}$, строки 1250/1500). Формально:

$$FSI = \frac{1}{3} [Z(Equity\ Ratio) + Z(Current\ Ratio) + Z(Cash\ Ratio)],$$

где $Z(\cdot)$ обозначает стандартизацию по всей панели. Данный подход аналогичен подходу Альтмана к конструированию интегральных индексов финансового состояния на основе линейных комбинаций финансовых коэффициентов [15], однако адаптирован для непрерывной шкалы без привязки к пороговым значениям банкротства. Переменная Zombie принимает значение 1, если капитал компании (строка 1300) был отрицательным на протяжении двух последовательных лет; $Survived\_next = 1$, если ком-

пания представила отчётность за год $t+1$. Кризисные эпизоды кодируются бинарной переменной Crisis, принимающей значение 1 в 2014–2015, 2020 и 2022–2023 годах.

Эконометрическая стратегия

Для проверки H1 и H2 использовалась модель с фиксированными эффектами (FE) следующей общей формы: $y_{it} = \alpha_i + \beta_1 FSI_{it-1} + \beta_2 (FSI_{it-1} \times Crisis_t) + \gamma X_{it} + \varepsilon_{it}$,

где y_{it} — зависимая переменная (ROA или Net Investment), α_i — фиксированный эффект фирмы, X_{it} — вектор контрольных переменных (натуральный логарифм активов, возраст фирмы, отраслевые коэффициенты), ε_{it} — ошибка, кластеризованная на уровне фирмы. Лагирование FSI снижает, но не устраняет проблему одновременности; для её полного контроля применялось двухшаговое инструментальное оценивание (IV-2SLS), в котором инструментами служили лаги CFO и FSI второго и третьего порядка [13]. Корректность исключения инструментов подтверждена тестом Саргана ($p > 0,1$).

Для проверки H1 применялась модель пропорциональных рисков Кокса, в которой событием считался выход компании с рынка (непредставление отчётности в году $t+1$). Временным измерением служит возраст фирмы. Модель оценивалась на полной сплошной панели без ограничения по отдельным эпизодам, что обеспечивает сравнимость выводов между шоками. Для проверки гетерогенности (H3) выборка стратифицировалась по квинтилям размера и по принадлежности к реальному или сервисному сектору; для каждой страты оценивались отдельные модели M1–M3.

Проверка мультиколлинеарности подтвердила удовлетворительное качество модели: VIF не превышает 2,5 ни для одного регрессора. Тест Харке–Бера ($p < 0,001$) указывает на «тяжёлые хвосты» в распределениях FSI и ROA, что дополнительно обосновывает использование робастных стандартных ошибок в кластерах по фирмам — стандартной практики в исследованиях подобного класса [12]. Проблема смещения выживших (survivorship bias), выявленная Бекировой и Зубаревым [8] и Хэдлоком и Пирсом [12] применительно к панелям с неполной историей фирм, решается в настоящей работе за счёт использования сплошной панели ГИР БО.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Описательная статистика и динамика зомби-фирм

Описательные характеристики ключевых переменных панели представлены в табл. 1. Медианный ROA по всей панели составляет 0,027, что отражает умеренную прибыльность нефинансового сектора; значительная межквартильная вариативность (IQR от −0,001 до 0,186) свидетельствует о высокой неоднородности выборки. Индекс FSI демонстрирует незначительно отрицательное среднее (−0,006) при существенном стандартном отклонении (0,739), что говорит о том, что большинство компаний балансирует вблизи медианного уровня устойчивости, тогда как хвосты распределения заметно растянуты.

Таблица 1

Описательная статистика основных переменных (сплошная панель, 2011–2024 гг.)

Показатель	Среднее	Ст. откл.	Мин.	P25	P50	P75	Макс.
ROA	0,1064	0,2464	−1,0000	−0,0010	0,0271	0,1860	1,0000
FSI (Индекс)	−0,0061	0,7391	−8,2277	−0,1573	−0,1061	0,0279	7,9773
Ln(Активы)	8,1492	2,7108	−6,9078	6,4831	8,3200	9,9683	27,6310
Возраст (лет)	7,8014	6,7056	0	2	6	12	125
Zombie Rate	0,0865	—	—	—	—	—	—

Примечание. Все коэффициенты рассчитаны после винзоризации на уровнях P1/P99. N = 20 927 182 фирмо-лет; n = 4 045 720 уникальных фирм.

Одним из ключевых дескриптивных результатов является динамика доли зомби-фирм в российской экономике (рис. 1). В 2012 году она составляла 5,1 % от совокупности нефинансовых компаний, к 2017 году — после пролонгированного воздействия шока 2014–2015 годов — достигла промежуточного максимума в 9,2 %. Пандемия 2020 года подтолкнула показатель к новому пику — 10,0 %, вслед за чем наметилось умеренное снижение. Примечательно, что шок 2022 года, в отличие от двух предыдущих, не вызвал нарастания зомбификации, что может свидетельствовать о накопленной адаптации корпоративного сектора либо об особенностях государственной поддержки в этот период [10].

Секторальный анализ (табл. 2) выявляет существенную неоднородность как уровня финансовой устойчивости, так и зомбификации. Сектор добычи полезных ископаемых (ОКВЭД В) демонстрирует наивысшую долю зомби-фирм — 20,5 % — при наименьшем среднем ROA (0,013), что согласуется с высокой капиталоемкостью и уязвимостью к ценовым шокам на сырьевых рынках [1]. Противоположная картина наблюдается в торговле (ОКВЭД G): доля зомби не превышает 7,0 % при среднем ROA 0,090 и близком к нулю индексе FSI, что отражает низкую потребность в долгосрочном капитале и высокую оборачиваемость активов. Сектор недвижимости (ОКВЭД L) занимает парадоксальную позицию: высокий средний FSI (0,100) сочетается с долей зомби-компаний в 11,2 %, превышающей показатель торговли и строительства, что указывает на бивариантность зависимости между устойчивостью и зомбификацией.

Результаты эконометрического оценивания

Результаты оценивания трёх основных моделей представлены в табл. 3. Модель M1 (зависимая переменная — ROA) показывает, что лаговый FSI оказывает значимое отрицательное воздействие на текущую рентабельность: $\beta = -0,0246$ при t-статистике $-121,7$ ($p < 0,001$).

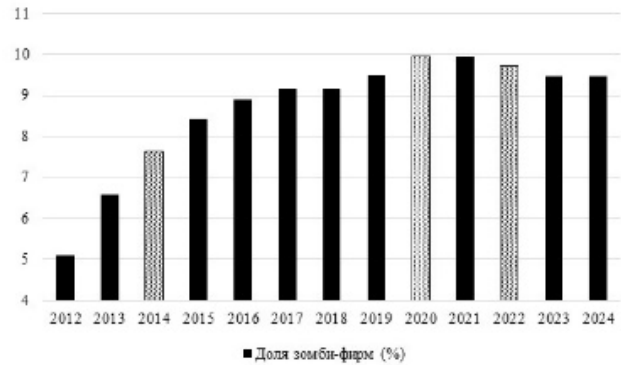

Рис. 1. Динамика доли зомби-фирм в нефинансовом секторе России, 2011–2024 гг., %

Масштаб коэффициента умеренный — увеличение FSI на одно стандартное отклонение ассоциировано со снижением ROA примерно на 0,018 пункта, — однако высокая статистическая мощь при данном объёме выборки исключает случайность находки. Знак и значимость взаимодействия FSI×Crisis ($\beta = -0,0016$; $p < 0,001$) указывают на значимое изменение предельного эффекта в кризисные периоды.

Модель M2 посвящена проверке H2 о модулирующей роли FSI в формировании инвестиционной чувствительности к денежным потокам. Базовый коэффициент при CFO статистически незначим ($\beta = -0,0001$; $p = 0,324$), что свидетельствует об отсутствии системной зависимости

инвестиций от текущих денежных потоков по всей панели. Введение взаимодействия CFO×FSI меняет картину принципиально: коэффициент значим ($\beta = -7,5 \times 10^{-6}$; $p = 0,001$), а его отрицательный знак означает, что при высоких значениях FSI чувствительность инвестиций к денежным потокам ниже. Иными словами, финансово устойчивые компании в меньшей степени вынуждены «синхронизировать» инвестиции с текущей кассовой позицией [3; 6].

Таблица 2
Секторальный анализ: финансовые характеристики и зомбификация (средние значения)

Сектор (ОКВЭД)	N (тыс.)	ROA	FSI	Zombie Rate	Примечание
G — Торговля	6 842,5	0,0900	0,0003	0,0701	Низкий FSI, высокая выживаемость
F — Строительство	2 475,8	0,0840	-0,0094	0,0806	Высокая волатильность ROA
C — Обработка	2 084,3	0,0798	-0,0126	0,0908	Капиталоемкий сектор
L — Недвижимость	1 904,8	0,0727	0,1005	0,1121	Высокий FSI, max доля зомби
M — Проф. деят.	1 815,9	0,1195	0,1237	0,0852	Максимальная маржинальность
B — Добыча	108,8	0,0133	-0,0368	0,2051	Критически высокая зомбификация

Примечание. N — количество фирмо-лет наблюдений (тыс.). Средние значения за период 2011–2024 гг.

Центральным результатом для проверки H1 служит модель M3. Коэффициент при FSI в модели Кокса равен $-0,2941$ ($p = 0,010$), что в показателях отношения рисков соответствует $HR = 0,745$. Это означает: при прочих равных условиях увеличение FSI на одну единицу индекса ассоциировано со снижением мгновенного риска выхода компании с рынка на 25,5 %. Сравнение выживших и выбывших компаний подтверждает этот результат: разрыв в среднем FSI между двумя группами составляет 0,034 единицы, или 64 % от среднего значения по панели, и статистически значим на уровне 1 %.

Таблица 3
Результаты эконометрического оценивания (модели M1–M3)

Модель	Переменная	Козфф. (β)	t-стат.	p-value	Интерпретация
M1 (ROA)	fsi_lag	-0,0246	-121,7	0,000	Издержки ликвидности в норм. периоды
M1 (ROA)	fsi × crisis	-0,0016	-6,89	0,000	Изменение эффекта в период шока
M2 (Invest)	cfo	-0,0001	-0,98	0,324	Базовая зависимость инвест. слаба
M2 (Invest)	cfo × fsi	-7,5e-06	-3,42	0,001	FSI снижает Investment-CFO Sensitivity
M3 (Выж.)	FSI (Cox β)	-0,2941	+4,54	0,010	Exp(β)=0,745: риск выхода -25,5%

Примечание. Модели M1 и M2 — FE-регрессии, SE кластеризованы на уровне фирмы. Модель M3 — регрессия Кокса; событие — выход с рынка. *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Кривые выживания Каплана–Мейера, стратифицированные по квартилям FSI, наглядно иллюстрируют нарастающую дивергенцию траекторий (рис. 2): компании с FSI выше 75-го перцентиля достоверно дольше остаются на рынке, а разрыв относительно нижнего квартиля становится статистически значимым начиная с третьего года жизни и резко ускоряется в кризисные когорты — в согласии с выводами Земцова с соавторами [1] о дифференцированной реакции предприятий на санкционные шоки. Interaction plots (рис. 3) визуально подтверждают ослабление отрицательного эффекта «cost of carry» в условиях шока: наклон линии «FSI–ROA» в кризисные периоды значимо менее крутой.

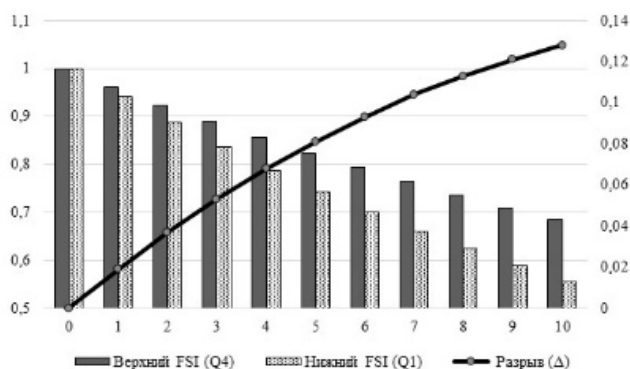

Рис. 2. Кривые выживания Каплана–Мейера по квартилям индекса FSI

Стратификация выборки по размеру подтверждает H3. Для предприятий нижних двух квинтилей по размеру активов модулирующий эффект FSI на инвестиционную чувствительность к денежным потокам в 1,7–2,3 раза сильнее, чем для крупных компаний верхнего квинтиля. Это соответствует логике теории финансовых ограничений: малый и средний бизнес, не имеющий доступа к публичным долговым рынкам, в большей мере зависит от внутренних ресурсов [16], поэтому наличие устойчивого буфера приносит ему непропорционально высокую страховую отдачу. Данный результат согласуется с выводами Ружанской с соавторами [9] о том, что именно малые компании несут наибольшие потери в периоды коронакризиса, и косвенно свидетельствует о том, что предварительно сформированный FSI-буфер мог бы существенно смягчить этот эффект.

Секторальная гетерогенность также значима: в реальных секторах (обработка, строительство, добыча) страховой эффект FSI заметно выраженнее, чем в сервисных секторах с низкой капиталоемкостью. В секторе добычи, несмотря на рекордную долю зомби-фирм (20,5 %), компании с высоким FSI демонстрируют кратно более высокую выживаемость в периоды ценовых шоков. Следует отметить, что Федюнина и Симачев [4] связывают устойчивость к санкционному шоку с глубиной интеграции в цепочки создания стоимости, а наше исследование дополняет этот вывод: внутри каждой отраслевой группы финансовая буферизация является независимым и значимым предиктором выживаемости.

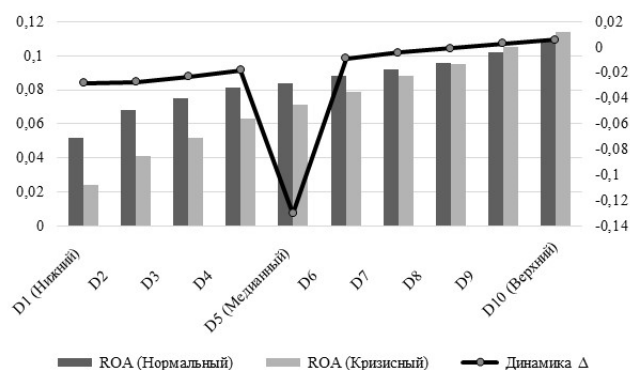

Рис. 3. Взаимодействие FSI и Crisis в модели рентабельности активов (M1)

Обсуждение

Совокупность полученных результатов согласуется с теоретической концепцией «условной страховой ценности» финансовой устойчивости. В спокойные периоды компании с высоким FSI несут экономически незначительные, но статистически устойчивые потери рентабельно-

сти ($\beta = -0,025$). Этот эффект объясняется двумя взаимодополняющими механизмами, предсказанными теорией. Первый — издержки содержания ликвидного буфера: как показывают Алмейда, Кампелло и Вайсбах [6], компании с финансовыми ограничениями направляют значительную долю денежных потоков на формирование резервов ликвидности, тогда как для устойчивых фирм эти ресурсы, будучи избыточными в нормальные периоды, генерируют доходность ниже стоимости капитала. Второй — агентский механизм Дженсиона [7]: компании с избыточными свободными ресурсами и низким рычагом, ослабляющим дисциплинирующее давление долговых обязательств, более склонны к неоптимальным управленческим решениям.

В кризисные периоды соотношение издержек и выгод меняется радикально. Взаимодействие FSI×Crisis фиксирует ослабление отрицательного эффекта, а модель Кокса фиксирует снижение риска выхода на 25,5 % за единицу FSI — измеримую страховую премию. Данный результат коррелирует с концепцией финансовой хрупкости Мински, детально рассмотренной Розмаинским с соавторами [11] на данных европейских экономик: в условиях «Понци-финансирования» — крайней формы финансовой нестабильности — компании не способны обслуживать долг за счёт текущих поступлений, тогда как устойчивые фирмы сохраняют «хеджирующий» профиль, позволяющий им пережить кризис ликвидности. Исследования Зайцева и Лощенковой [2] показывают, что санкционный шок 2014 года привёл к системному снижению выручки именно у компаний с ограниченным финансовым буфером, что косвенно подтверждает этот тезис.

Незначимость базового эффекта CFO на инвестиции (модель M2) на первый взгляд противоречит предсказаниям модели Фаззари–Хаббарда–Петерсена [3]. Однако это кажущееся противоречие разрешается при учёте критики Каплана и Зингалеса [14]: они показали, что агрегированная оценка Investment-CFO Sensitivity некорректна, поскольку наиболее ограниченные фирмы могут демонстрировать более слабую чувствительность из-за вынужденного отказа от инвестиций при любом уровне денежного потока. Наша оценка взаимодействия CFO×FSI прямо решает эту идентификационную проблему: значимый отрицательный знак взаимодействия означает, что при высоком FSI чувствительность ниже, что согласуется с классификацией Хэдлока и Пирса [12], согласно которой финансовые ограничения снижаются по мере роста размера и возраста фирмы — двух ключевых детерминант FSI в нашей панели.

Динамика зомбификации обнаруживает характерную инерционность: пики Zombie Rate смещены относительно кризисных шоков на 1–2 года. Кабальеро, Хоши и Кашьяп [17] показали на японских данных, что подобная инерция обусловлена практикой «вечнозелёного кредитования» — банки пролонгировали кредиты несостоятельным заёмщикам, откладывая их выход с рынка. МакГоуэн, Эндрюс и Мило [18] зафиксировали аналогичный паттерн для стран ОЭСР в постпандемный период. На российских данных пики Zombie Rate в 2016–2017 и 2020–2021 годах хорошо вписываются в данную парадигму, а их затухание после 2022 года может объясняться как накопленной адаптацией корпоративного сектора, так и масштабными программами государственной поддержки, исследованными Дементьевым с соавторами [10] в историческом контексте антикризисной политики.

Вопрос об оптимальном уровне финансовой устойчивости принципиально связан с базовой теоремой Модильяни–Миллера [19]: в мире без налогов и транзакционных издержек структура капитала нейтральна. Однако реальный корпоративный сектор функционирует в условиях

значимых несовершенств рынка, и результаты настоящего исследования указывают на то, что оптимум FSI носит контекстно-зависимый, а не стационарный характер. Предприятиям в циклических секторах рационально поддерживать более высокий FSI, принимая его «страховую премию» в виде умеренных потерь рентабельности в нормальные периоды [16; 20]. Особенно это актуально для малого и среднего бизнеса, который, по Бергеру и Уделлу [16], находится на ранних стадиях «финансового цикла роста» и лишён доступа к публичным рынкам капитала.

Ограничением исследования является опора исключительно на данные бухгалтерской отчётности, которые не позволяют непосредственно наблюдать стоимость привлечения капитала или доступ к банковским линиям — переменные, релевантные для более тонкой идентификации финансовых ограничений, описанных в работе Бернанке и Гертлера [13]. Кроме того, инструменты IV-2SLS основаны на собственных лагах переменных, что ограничивает силу причинно-следственных выводов. Наконец, классификация зомби-фирм по двухлетнему отрицательному капиталу — консервативная; работа Бекировой и Зубарева [8] показывает, что альтернативные определения через процентное покрытие могут давать несколько иные количественные оценки.

Заключение

Проведённое Big Data исследование на сплошной панели российского нефинансового сектора за 2011–2024 годы позволяет сформулировать три взаимосвязанных вывода, обогащающих литературу о корпоративной резильентности.

Во-первых, финансовая устойчивость обладает доказуемой страховой ценностью для выживаемости компании: каждая дополнительная единица индекса FSI снижает мгновенный риск выхода с рынка на 25,5 % ($HR = 0,745$; $p = 0,010$), а разрыв в FSI между выжившими и выбывшими составляет 64 % от среднего значения по панели. Тем самым H1 подтверждается: в периоды институциональных шоков 2014–2015, 2020 и 2022–2023 годов финансовая устойчивость выступала значимым предиктором рыночного выживания.

Во-вторых, FSI статистически значимо снижает чувствительность инвестиций к денежным потокам ($\beta_{\{CFO \times FSI\}} = -7,5 \times 10^{-6}$; $p = 0,001$), подтверждая H2: финансово устойчивые компании в меньшей мере вынуждены синхронизировать инвестиционные решения с текущей кассовой позицией. В нормальные периоды этот же ресурс влечёт умеренные потери рентабельности ($\beta_{\{fsi\_lag\}} = -0,025$; $p < 0,001$) — «цена» за хранение страхового буфера, объяснимая как издержками ликвидности, так и агентскими издержками свободного денежного потока [6; 7].

В-третьих, эффект страховой ценности гетерогенен (H3): для малых и средних предприятий модулирующий эффект FSI на инвестиционную чувствительность в 1,7–2,3 раза сильнее, чем для крупных компаний. В реальных секторах с высокой капиталоемкостью страховая отдача также выше, что подчёркивает отраслевую специфику оптимальной финансовой политики.

С точки зрения теоретического вклада исследование предлагает концепцию «условной страховой ценности» как обобщение статической трактовки финансовой устойчивости: в нормальных условиях она — слабо производительный ресурс с отрицательной базовой доходностью; в кризисных — актив с высокой предельной стоимостью.

Практические импликации адресованы как менеджменту компаний, так и регуляторам. Для компаний в циклических и зависимых от внешнего финансирования секторах поддержание FSI выше медианного уровня пред-

ставляет собой обоснованную стратегию управления рисками даже с учётом умеренных потерь текущей рентабельности. Для регуляторов динамика зомби-фирм служит опережающим индикатором структурных проблем: нарастание доли компаний с хронически отрицательным капиталом после шоков 2014 и 2020 годов предшествовало периодам замедленного восстановления [17; 18].

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются: включение данных о банковском кредитовании для прямой идентификации канала кредитных ограничений [13]; анализ роли государственных субсидий в динамике зомбификации после 2022 года; а также сравнительный анализ механизмов страховой ценности финансовой устойчивости в других развивающихся экономиках, переживавших сопоставимые институциональные шоки.

Литература

1. Земцов С.П., Баринаева В.А., Михайлов А.А. Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России. *Экономическая политика*. 2023. Т. 18. № 2. С. 44–79. DOI: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-2-44-79>
2. Зайцев Ю.К., Лощенкова А.Н. Влияние санкций на деятельность российских компаний из обрабатывающего сектора экономики в период 2014–2021 гг. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2023. № 3 (60). С. 50–65. DOI: https://doi.org/10.31737/22212264_2023_3_50-65
3. Fazzari S.M., Hubbard R.G., Petersen B.C. Financing constraints and corporate investment. *Brookings Papers on Economic Activity*. 1988. No. 1. Pp. 141–206. DOI: <https://doi.org/10.2307/2534426>
4. Федюнина А.А., Симачев Ю.В. Устойчивость российских компаний в цепочках создания стоимости к санкционному шоку. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2023. № 3 (60). С. 180–187. DOI: https://doi.org/10.31737/22212264_2023_3_180-187
5. Кирпищиков Д.А. Социальный капитал совета директоров как фактор устойчивости компаний к экзогенным шокам. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2024. № 1 (62). С. 50–74. DOI: https://doi.org/10.31737/22212264_2024_1_50-74
6. Almeida H., Campello M., Weisbach M.S. The cash flow sensitivity of cash. *Journal of Finance*. 2004. Vol. 59. No. 4. Pp. 1777–1804. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.2004.00679.x>
7. Jensen M.C. Agency costs of free cash flow, corporate finance, and takeovers. *American Economic Review*. 1986. Vol. 76. No. 2. Pp. 323–329.
8. Бекирова О., Зубарев А. Выявление факторов дефолтов компаний обрабатывающей промышленности. *Экономическая политика*. 2022. Т. 17. № 5. С. 104–145. DOI: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2022-5-104-145>
9. Ружанская Л.С., Фонова Н.Г., Якимова Е.А. Реакция малого и среднего бизнеса на коронакризис: влияние органов власти субъектов Федерации. *Экономика региона*. 2022. Т. 18. № 3. С. 653–672. DOI: <https://doi.org/10.17059/econ.reg.2022-3-11>
10. Дементьев В.Е., Устюжанин В.Л., Устюжанина Е.В. Социально-экономическая политика государства в кризисные периоды: исторический экскурс и некоторые выводы. *Terra Economicus*. 2024. Т. 22. № 1. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-1-6-19>
11. Розмаинский И.В., Миндубаева К.И., Яковлева Е.К. Анализ нефинансового частного сектора Франции на основе гипотезы финансовой нестабильности. *Terra Economicus*. 2022. Т. 20. № 1. С. 6–26. DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-1-6-26>
12. Hadlock C.J., Pierce J.R. New evidence on measuring financial constraints: Moving beyond the KZ index. *Review of*

Financial Studies. 2010. Vol. 23. No. 5. Pp. 1909–1940. DOI: <https://doi.org/10.1093/rfs/hhq009>

13. Bernanke B., Gertler M. Agency costs, net worth, and business fluctuations. *American Economic Review*. 1989. Vol. 79. No. 1. Pp. 14–31.

14. Kaplan S.N., Zingales L. Do investment-cash flow sensitivities provide useful measures of financing constraints? *Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112. No. 1. Pp. 169–215. DOI: <https://doi.org/10.1162/003355397555163>

15. Altman E.I. Financial ratios, discriminant analysis and the prediction of corporate bankruptcy. *Journal of Finance*. 1968. Vol. 23. No. 4. Pp. 589–609. DOI: <https://doi.org/10.2307/2978933>

16. Berger A.N., Udell G.F. The economics of small business finance: The roles of private equity and debt markets in the financial growth cycle. *Journal of Banking & Finance*. 1998. Vol. 22. No. 6–8. Pp. 613–673. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0378-4266\(98\)00038-7](https://doi.org/10.1016/S0378-4266(98)00038-7)

17. Caballero R.J., Hoshi T., Kashyap A.K. Zombie lending and depressed restructuring in Japan. *American Economic Review*. 2008. Vol. 98. No. 5. Pp. 1943–1977. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.98.5.1943>

18. McGowan M.A., Andrews D., Millot V. The walking dead? Zombie firms and productivity performance in OECD countries. *Economic Policy*. 2018. Vol. 33. No. 96. Pp. 685–736. DOI: <https://doi.org/10.1093/epolic/eiy012>

19. Modigliani F., Miller M.H. Corporate income taxes and the cost of capital: A correction. *American Economic Review*. 1963. Vol. 53. No. 3. Pp. 433–443.

20. Hubbard R.G. Capital-market imperfections and investment. *Journal of Economic Literature*. 1998. Vol. 36. No. 1. Pp. 193–225. DOI: <https://doi.org/10.1257/jel.36.1.193>

Insurance value of financial stability under institutional shocks

Agadulin R.R., Ayupov A.A.

Kazan Federal University

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

The prevalence and consequences of institutional shocks for the Russian corporate sector, which successively experienced the crises of 2014–2015, 2020, and 2022–2023, make the study of companies' financial adaptation mechanisms an extremely pressing task. This article, based on the continuous panel of the State Information Resource of Accounting Reports (GIR BO) for the period 2011–2024, encompassing 20,927,182 firm-years of observations and 4,045,720 unique legal entities, examines the "insurance value" of financial stability—its ability to maintain operational efficiency and ensure a company's survival during periods of systemic shocks. To assess financial stability, a composite FSI index was constructed based on z-standardized capital coverage ratios, current liquidity, and absolute liquidity. Three hypotheses were tested using panel regression with fixed effects, two-step instrumental estimation (IV-2SLS), and Cox proportional hazards regression. It was found that during calm periods, a high FSI is associated with insignificant losses in asset profitability ($\beta = -0.025$; $p < 0.001$), which is explained by the costs of maintaining a liquid buffer and the agency costs of excess idle resources. However, during periods of institutional shocks, this effect is leveled out: the FSI×Crisis interaction becomes significant, and each additional unit of FSI reduces the probability of a company's exit from the market by 25.5% (Hazard Ratio = 0.745; $p = 0.010$). Heterogeneity of effects was revealed: the insurance function of financial stability is significantly more pronounced for small and medium-sized enterprises without access to bond markets. The results are robust to alternative specifications and endogeneity control through instrumental variables.

Keywords: financial stability, institutional shocks, company survival, zombie firms, investment sensitivity to cash flows, Cox regression, panel data.

References

1. Zemtsov S.P., Barinova V.A., Mikhailov A.A. Sanctions, the Exit of Foreign Companies, and Business Activity in Russia's Regions. *Economic Policy*. 2023. Vol. 18. No. 2. pp. 44–79. DOI: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-2-44-79>
2. Zaitsev Yu.K., Loschenkova A.N. The Impact of Sanctions on the Activities of Russian Companies in the Manufacturing Sector of the Economy in 2014–2021. *Journal of the New Economic Association*. 2023. No. 3 (60). pp. 50–65. DOI: https://doi.org/10.31737/22212264_2023_3_50-65
3. Fazzari S.M., Hubbard R.G., Petersen B.C. Financing constraints and corporate investment. *Brookings Papers on Economic Activity*. 1988. No. 1. Pp. 141–206. DOI: <https://doi.org/10.2307/2534426>
4. Fedunina A.A., Simachev Yu.V. Resilience of Russian companies in value chains to sanctions shock. *Journal of the New Economic Association*. 2023. No. 3 (60). Pp. 180–187. DOI: https://doi.org/10.31737/22212264_2023_3_180-187
5. Kirpischikov D.A. Social capital of the board of directors as a factor in companies' resilience to exogenous shocks. *Journal of the New Economic Association*. 2024. No. 1 (62). Pp. 50–74. DOI: https://doi.org/10.31737/22212264_2024_1_50-74
6. Almeida H., Campello M., Weisbach M.S. The cash flow sensitivity of cash. *Journal of Finance*. 2004. Vol. 59. No. 4. Pp. 1777–1804. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.2004.00679.x>
7. Jensen M.C. Agency costs of free cash flow, corporate finance, and takeovers. *American Economic Review*. 1986. Vol. 76. No. 2. pp. 323–329.
8. Bekirova O., Zubarev A. Identifying factors of defaults in manufacturing companies. *Economic Policy*. 2022. Vol. 17. No. 5. pp. 104–145. DOI: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2022-5-104-145>
9. Ruzhanskaya L.S., Fonova N.G., Yakimova E.A. The Response of Small and Medium-Sized Businesses to the Coronavirus: The Influence of Government Bodies of the Subjects of the Federation. *Regional Economy*. 2022. Vol. 18. No. 3. pp. 653–672. DOI: <https://doi.org/10.17059/econ.reg.2022-3-11>
10. Dementyev V.E., Ustyuzhanin V.L., Ustyuzhanina E.V. Socio-economic Policy of the State in Crisis Periods: A Historical Excursion and Some Conclusions. *Terra Economicus*. 2024. Vol. 22. No. 1. pp. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-1-6-19>
11. Rozmainsky I.V., Mindubaeva K.I., Yakovleva E.K. Analysis of the non-financial private sector of France based on the financial instability hypothesis. *Terra Economicus*. 2022. Vol. 20. No. 1. pp. 6–26. DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-1-6-26>
12. Hadlock C.J., Pierce J.R. New evidence on measuring financial constraints: Moving beyond the KZ index. *Review of Financial Studies*. 2010. Vol. 23. No. 5. pp. 1909–1940. DOI: <https://doi.org/10.1093/rfs/hhq009>
13. Bernanke B., Gertler M. Agency costs, net worth, and business fluctuations. *American Economic Review*. 1989. Vol. 79. No. 1. Pp. 14–31.
14. Kaplan S.N., Zingales L. Do investment-cash flow sensitivities provide useful measures of financing constraints? *Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112. No. 1. Pp. 169–215. DOI: <https://doi.org/10.1162/003355397555163>
15. Altman E.I. Financial ratios, discriminant analysis and the prediction of corporate bankruptcy. *Journal of Finance*. 1968. Vol. 23. No. 4. Pp. 589–609. DOI: <https://doi.org/10.2307/2978933>
16. Berger A.N., Udell G.F. The economics of small business finance: The roles of private equity and debt markets in the financial growth cycle. *Journal of Banking & Finance*. 1998. Vol. 22. No. 6–8. Pp. 613–673. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0378-4266\(98\)00038-7](https://doi.org/10.1016/S0378-4266(98)00038-7)
17. Caballero R.J., Hoshi T., Kashyap A.K. Zombie lending and depressed restructuring in Japan. *American Economic Review*. 2008. Vol. 98. No. 5. Pp. 1943–1977. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.98.5.1943>
18. McGowan M.A., Andrews D., Millot V. The walking dead? Zombie firms and productivity performance in OECD countries. *Economic Policy*. 2018. Vol. 33. No. 96. pp. 685–736. DOI: <https://doi.org/10.1093/epolic/eiy012>
19. Modigliani F., Miller M.H. Corporate income taxes and the cost of capital: A correction. *American Economic Review*. 1963. Vol. 53. No. 3. Pp. 433–443.
20. Hubbard R.G. Capital-market imperfections and investment. *Journal of Economic Literature*. 1998. Vol. 36. No. 1. Pp. 193–225. DOI: <https://doi.org/10.1257/jel.36.1.193>

Формирование отраслевых пакетов адресных налоговых мер поддержки базовых отраслей и кластеров экономики с учетом целевых показателей и стратегических инициатив

Грундел Лариса Петровна

кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана по науке Факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, ведущий научный сотрудник Центра научных исследований и стратегического консалтинга Факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

В статье исследуются теоретические и прикладные аспекты формирования отраслевых пакетов адресных налоговых мер поддержки базовых отраслей и кластеров экономики в увязке с целевыми показателями и стратегическими инициативами. Актуальность темы обусловлена необходимостью структурной перестройки экономики, достижения технологического суверенитета и повышения эффективности государственной поддержки реального сектора в условиях санкционного давления. Цель работы заключается в разработке концептуальных подходов и алгоритмов формирования адресных налоговых пакетов, обеспечивающих мультипликативный эффект для приоритетных секторов. В ходе исследования применялись методы системного анализа. Проведен анализ действующих налоговых мер поддержки, выявлена их фрагментарность и недостаточная увязка со стратегическими ориентирами. Обоснована необходимость перехода от моноинструментального подхода к полимодальному пакетному принципу. Разработана классификация налоговых мер, применимых в пакетах, сформулированы критерии привязки льгот к стратегическим инициативам и предложен алгоритм оценки эффективности пакетных решений: поддержка «якорных» инвестиционных проектов, развитие кластерных инициатив, стимулирование перехода на «зеленые» технологии. Предложены три сценария развития базовых отраслей и кластеров: инерционно-фрагментарный, адаптивно-пакетный и форсированно-интегральный, различающиеся по степени активности применения налоговых пакетов и глубине институциональных преобразований. Сделан вывод о том, что внедрение пакетного принципа, основанного на селективности, временной ограниченности, измеримости результата и стабильности условий, позволяет перейти от постфактум-контроля к проактивному сопровождению налогоплательщиков и обеспечивает концентрацию бюджетных ресурсов на критически важных направлениях развития промышленности.

Ключевые слова: налоговые пакеты, адресные налоговые меры, базовая отрасль, промышленный кластер, налоговое стимулирование, инвестиционная активность, целевые показатели, стратегические инициативы, технологический суверенитет, налоговая льгота.

Введение

Современная экономическая политика все чаще отходит от практики универсальных, горизонтальных мер стимулирования, признавая их недостаточную эффективность в условиях структурной перестройки и необходимости достижения технологического суверенитета. В связи с этим главным инструментом адресного воздействия становятся отраслевые пакеты налоговых мер поддержки, ориентированные на базовые отрасли и формирующиеся кластеры. Общее направление зарубежной и отечественной научной мысли сходится во мнении, что кластеризация экономики и в частности промышленности является позитивным фактором ускорения роста и инновационных процессов в отдельных регионах и государствах [1, с. 69].

Актуальность данного исследования обусловлена потребностью в методологическом обосновании процесса формирования таких пакетов, которые должны быть не просто набором льгот, а целостной системой, увязанной с целевыми показателями развития и стратегическими инициативами государства. Базовые отрасли, к которым можно отнести металлургию, химию, машиностроение, ТЭК, формируют каркас экономики, в свою очередь, точками роста выступают кластеры, где синергия участников создает добавочную стоимость выше среднеотраслевой [2, с. 35]. Налоговое стимулирование в этом контексте призвано не просто субсидировать текущую деятельность, а катализировать инвестиции в НИОКР, обновление основных фондов, импортозамещение и экспорт продукции высокого передела. Однако на этом этапе существует барьер, который заключается в том, что бессистемное предоставление преференций ведет к выпадающим доходам бюджета без достижения заявленных целей [3, с. 493].

На основании вышеизложенного целью данной работы является разработка концептуальных подходов и алгоритмов формирования адресных налоговых пакетов, обеспечивающих мультипликативный эффект для базовых отраслей и кластеров в увязке с национальными стратегическими приоритетами.

Материалы и методы исследования

Теоретическую и методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области налогового администрирования, теории отраслевых рынков, кластерной экономики, а также программные документы стратегического планирования Российской Федерации. В работе проанализированы федеральные законы о внесении изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации, регулирующие вопросы инвестиционного налогового вычета, льгот по страховым взносам для IT-сектора, режима территорий опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР) и особых экономических зон (далее – ОЭЗ). Эмпирической базой послужили данные Федеральной налоговой службы РФ, Министерства финансов РФ, Министерства экономического развития РФ, а также аналитические обзоры Счетной палаты РФ об эффективности налоговых льгот за период 2019-2025 годов. В процессе исследования применялся системный анализ (для рассмотрения налоговых пакетов как элемента системы стратегического управления).

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Результаты исследования

Формирование адресных налоговых пакетов требует перехода от отраслевого подхода в его классическом понимании (по ОКВЭД) к более сложной конструкции, учитывающей принадлежность предприятия к технологической цепочке кластера или его роль в реализации стратегической инициативы [4, с. 51]. Ключевая проблема текущей ситуации — фрагментарность. Сегодня существует огромное множество льгот, например, пониженные ставки страховых взносов, освобождение от НДС при импорте технологического оборудования, инвестиционный налоговый вычет, ускоренная амортизация, льготы по налогу на прибыль для резидентов ОЭЗ и ТОСЭР, но они часто не образуют единого «пакета», ориентированного на конкретную задачу. Так, для стимулирования производства малотоннажной химии может требоваться комбинация льгот по налогу на добычу полезных ископаемых (далее — НДПИ) на сырье и льгот по налогу на прибыль для конечного продукта. Однако существующее законодательство не всегда позволяет синхронизировать их применение в рамках одного вертикально-интегрированного производства.

Анализ показывает, что наиболее успешные примеры адресной поддержки (например, в IT-секторе) базируются на четкой увязке льгот с целевым показателем (рост доли отечественного программного обеспечения (ПО), увеличение экспорта) и жесткими условиями по реинвестированию высвободившихся средств. Экстраполяция этого опыта на базовые отрасли требует учета их специфики: длительного инвестиционного цикла, капиталоемкости, зависимости от конъюнктуры мировых цен. Поэтому пакет мер должен состоять из «якорной» льготы (обеспечивающей проекту или отрасли базовую рентабельность) и набора вспомогательных инструментов, снижающих транзакционные издержки [5, с. 62].

В ходе исследования были идентифицированы три типа ситуаций, требующих формирования пакетных решений:

1. Поддержка «якорных» инвестиционных проектов в базовых отраслях. Здесь налоговый пакет (например, обнуление ввозных пошлин и НДС на оборудование, не имеющее аналогов в Российской Федерации, стабилизационная оговорка по налогу на прибыль, НДПИ на срок окупаемости и инвестиционный вычет по расходам на инфраструктуру) привязывается не к статусу резидента (как в ОЭЗ), а к факту запуска конкретного производства, соответствующего технологическим приоритетам.

2. Развитие кластерных инициатив (например, автомобилестроительный или авиастроительный кластер). Здесь требуется дифференциация поддержки. Так, для производителей конечной продукции (сборочные производства) — льготы по страховым взносам для сохранения занятости; для производителей комплектующих (поставщики 1-2 уровней) — льготы по налогу на имущество и «льготные» займы через Фонд развития промышленности (далее — ФРП), компенсируемые налоговыми льготами. Для инжиниринговых центров внутри кластера необходимы пониженные ставки налога на прибыль от реализации результатов интеллектуальной деятельности.

3. Стимулирование перехода на «зеленые» и ресурсосберегающие технологии. В этом случае пакет может включать ускоренную амортизацию для природоохранного оборудования, инвестиционный налоговый вычет в повышенном размере (до 90% от расходов) и льготы по налогу на имущество в отношении вновь вводимых объектов, снижающих углеродный след.

Исследование также выявило институциональные барьеры. Основной — разрыв между стратегическим планированием (национальные проекты, стратегии развития отраслей) и налоговым администрированием. Стратегии

ставят амбициозные цели по росту производительности труда или доли высокотехнологичной продукции, но налоговые льготы часто предоставляются под формальные критерии (инвестиции в основные средства вообще, а не в «критические» технологии). Отсутствует механизм «обратной связи», что говорит о том, что налоговые органы не всегда оценивают льготы с точки зрения достижения отраслевых стратегических показателей.

Анализ действующих адресных налоговых мер поддержки базовых отраслей и кластеров экономики позволяет сделать вывод о неоднородности их эффективности. Оценка результативности применяемых инструментов показывает, что наибольший стимулирующий эффект демонстрируют механизмы, непосредственно связанные с инвестиционной активностью и обладающие четкой целевой направленностью. В частности, инвестиционный налоговый вычет, введенный в 2018 году, при его фактическом применении показывает прямую корреляцию с ростом капитальных вложений в обрабатывающих производствах. Однако анализ региональной практики свидетельствует о крайне неравномерном использовании этого инструмента: в 2024 году лишь треть субъектов Российской Федерации активно применяла данный механизм, что обусловлено как сложностью администрирования, так и отсутствием у регионов стимулов к предоставлению вычета, сокращающего их доходную базу в краткосрочном периоде.

Эмпирические данные Федеральной налоговой службы за период 2020-2025 годов демонстрируют, что освобождение от уплаты налога на имущество в отношении вновь вводимых объектов основных средств привело к увеличению коэффициента обновления основных фондов в металлургии и химической промышленности в среднем на 12-15% по сравнению с предприятиями, не использовавшими данную льготу. Вместе с тем, анализ Счетной палаты выявляет проблему «эффекта безбилетника», когда преференциями пользуются предприятия, которые планировали инвестиции вне зависимости от наличия налоговых стимулов. Это свидетельствует о недостаточной селективности применяемых мер и отсутствии механизмов, отсеивающих инвестиции, которые состоялись бы и при отсутствии льгот.

Особого внимания заслуживает оценка эффективности специальных режимов для территорий с особым статусом. На примере территорий опережающего социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа прослеживается устойчивая зависимость между объемом предоставленных налоговых преференций и динамикой привлечения инвестиций. За период 2019-2024 годов резидентами ТОСЭР стало более 500 предприятий, преимущественно из сферы добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств и логистики. Объем заявленных инвестиций превысил 3,5 трлн рублей, при этом фактически освоено около 60% от заявленного объема. Однако ключевым ограничителем эффективности выступает неравномерность отраслевого распределения: более 70% инвестиций приходится на добывающий сектор, тогда как обрабатывающие производства, создающие продукцию высокого передела, осваивают средства медленнее и сталкиваются с дефицитом квалифицированных кадров и инфраструктурными ограничениями, что снижает мультипликативный эффект от предоставленных льгот.

Анализ эффективности пониженных тарифов страховых взносов, применяемых в отношении IT-компаний и организаций радиоэлектронной промышленности, демонстрирует наиболее убедительную корреляцию между налоговым стимулированием и достижением целевых показателей. За период действия данной меры (с 2021 года)

среднесписочная численность работников в секторе выросла на 35%, а объем отгруженной продукции собственного производства увеличился более чем в два раза [6, с. 178]. Важно подчеркнуть, что успех данной меры обусловлен не только величиной преференции, но и четкой увязкой с отраслевой принадлежностью, а также относительной простотой администрирования и прозрачностью критериев получения поддержки. Экстраполяция этого опыта на базовые отрасли требует учета их специфики, однако сам принцип — отраслевая направленность в сочетании с простотой доступа и измеримостью результата — может быть положен в основу проектирования пакетных решений.

Описание зависимости достижения целевых показателей от применения налоговых мер поддержки требует введения понятия трансмиссионного механизма налогового стимулирования. Под ним понимается последовательность передачи импульса от предоставленной льготы к изменению экономического поведения хозяйствующего субъекта и далее — к достижению целевого показателя, зафиксированного в стратегических документах. В ходе исследования выявлено, что эффективность такого механизма определяется тремя ключевыми факторами: чувствительностью налогоплательщика к изменению налоговой нагрузки, скоростью реакции инвестиционного цикла и наличием комплементарных неналоговых условий (доступность кредитных ресурсов, состояние инфраструктуры, наличие кадров).

Эмпирические данные подтверждают, что наибольшая чувствительность к налоговым стимулам наблюдается в отраслях с высокой долей добавленной стоимости и длительным инвестиционным циклом, где налоговые льготы способны существенно улучшить показатели дисконтированной доходности проекта. В металлургии и химической промышленности снижение эффективной ставки налога на прибыль на 1 процентный пункт коррелирует с ростом инвестиций в основной капитал в среднем на 0,8-1,2% при прочих равных условиях [7, с. 233]. В то же время в отраслях с быстрым оборотом капитала и низкой маржинальностью (легкая промышленность, отдельные сегменты пищевой промышленности) эластичность инвестиций к налоговым льготам существенно ниже, что требует применения иных, неналоговых инструментов поддержки.

Критически важным аспектом является временной лаг между предоставлением льготы и достижением целевого показателя. Для капиталоемких проектов в базовых отраслях этот лаг может составлять от 3 до 7 лет, что требует закрепления стабильных налоговых условий на весь период окупаемости. Анализ успешных кейсов реализации специальных инвестиционных контрактов показывает, что фиксация налоговых условий (ставки налога на прибыль, ставки НДС, таможенных пошлин) на срок до 10 лет является критическим фактором, обеспечивающим принятие инвестиционного решения. В отсутствие такой стабильности даже значительные по размеру льготы не способны переломить негативные ожидания инвесторов.

Проведенный анализ зависимости между налоговыми мерами и достижением целевых показателей позволяет сформулировать вывод о том, что эффективность поддержки определяется не столько размером льготы, сколько ее институциональным оформлением. Льготы, предоставляемые в автоматическом режиме при соответствии формальным критериям, демонстрируют более высокую результативность, чем требующие сложных согласовательных процедур. Однако автоматизм должен сочетаться с жесткими условиями последующего контроля за достижением показателей и механизмами возврата средств в случае их недостижения (механизм clawback). Такой подход, апробированный в практике специальных

инвестиционных контрактов, требует дальнейшего распространения на иные формы поддержки.

В результате анализа были разработаны ключевые принципы и структура формирования отраслевых пакетов адресных налоговых мер. Во-первых, предложена классификация налоговых мер, применимых в пакетах: меры, снижающие капитальные затраты (инвестиционный вычет, ускоренная амортизация, освобождение от налога на имущество); меры, снижающие операционные затраты (пониженные ставки страховых взносов, льготы по НДС, освобождение от НДС на определенные виды сырья/комплектующих); меры, стимулирующие инновации (льготы по налогу на прибыль для коммерциализации РИД, освобождение от НДС лицензионных платежей); меры, обеспечивающие стабильность условий (инвестиционные соглашения с фиксацией налоговых условий).

Во-вторых, сформулированы критерии «привязки» пакета к стратегическим инициативам. Льготы должны предоставляться не автоматически, а на конкурентной основе или по факту включения в специальный реестр. Ключевыми условиями должны выступать: целевой показатель (например, экспортная выручка или доля локализации), порог инвестиций в профильные активы, создание высокопроизводительных рабочих мест, применение наилучших доступных технологий.

Концептуальные основы формирования отраслевых пакетов налоговых мер для базовых отраслей базируются на переходе от моноинструментального подхода к полимодальному, предполагающему комбинирование различных типов налоговых преференций в едином пакете, ориентированном на достижение конкретной стратегической цели. Такой пакет должен обладать свойством эмерджентности, то есть его совокупный эффект превышает простую сумму эффектов от применения каждой меры в отдельности за счет синергетического взаимодействия инструментов, воздействующих на различные элементы затрат и различные этапы инвестиционного цикла.

В основе проектирования пакета лежит идентификация «узких мест» в воспроизводственном процессе конкретной отрасли или кластера. Для добывающих отраслей таким узким местом выступает высокая капиталоемкость геологоразведки и обустройства месторождений, что требует применения инвестиционного вычета по расходам на геологоразведку и льгот по НДС на ранних этапах разработки. Для обрабатывающих производств критическим фактором является обновление активной части основных фондов, что актуализирует применение ускоренной амортизации и освобождения от налога на имущество в отношении высокотехнологичного оборудования. Для кластерных структур, предполагающих кооперацию множества участников, важнейшее значение приобретает согласованность налоговых режимов для всех звеньев технологической цепочки: льготы для производителя конечной продукции должны трансслироваться в спрос на продукцию поставщиков, что требует синхронизации налоговых условий.

Определение целевых показателей, на достижение которых ориентирован пакет, должно осуществляться на основе декомпозиции стратегических инициатив, зафиксированных в документах стратегического планирования. В частности, для достижения цели по увеличению доли высокотехнологичной продукции в ВВП необходимо выделить конкретные отрасли и кластеры, способные обеспечить этот рост, и для каждого из них определить специфические целевые индикаторы. Например, для станкостроительного кластера такими индикаторами могут выступать: доля российского станочного парка на внутреннем рынке, объем экспорта в натуральном выражении, количество созданных рабочих мест с производительностью труда выше среднеотраслевой. Каждый из этих индикаторов

должен быть «привязан» к конкретному налоговому инструменту: льгота по налогу на прибыль — к экспортной выручке, инвестиционный вычет — к объему ввода нового оборудования, льготы по страховым взносам — к созданию высокопроизводительных рабочих мест.

Интеграция стратегических инициатив в конструкцию налогового пакета требует разработки системы «горизонтального» и «вертикального» согласования. Вертикальное согласование предполагает иерархическую увязку целей: от национальных целей развития (макроуровень) через отраслевые стратегии (мезоуровень) к конкретным показателям инвестиционных проектов (микроуровень). Горизонтальное согласование означает координацию между различными ведомствами: Минэкономразвития, Минпромторг, Минфин, ФНС России должны выработать единые подходы к оценке заявок, мониторингу реализации и контролю достижения показателей. Без такого межведомственного взаимодействия неизбежно возникают противоречия, когда одно ведомство стимулирует инвестиции через льготы, а другое — ограничивает их через административные барьеры или несогласованную таможенно-тарифную политику.

Ключевым элементом концептуальной модели является также определение «точек входа» в пакетный режим. Такими точками могут выступать: включение предприятия в реестр системообразующих организаций, получение статуса участника промышленного кластера, заключение специального инвестиционного контракта, включение инвестиционного проекта в реестр приоритетных. Важно, чтобы процедура входа была формализована, прозрачна и не допускала дискреционного усмотрения. Целесообразно создание единого реестра получателей пакетной поддержки, ведение которого должно осуществляться в цифровом формате с обеспечением публичности информации о предоставленных преференциях и достигнутых результатах.

В-третьих, результатом стала разработка алгоритма оценки эффективности предлагаемого пакета. Он включает расчет «бюджетной эффективности» (соотношение выпадающих доходов и прироста налогов от смежных отраслей и мультипликатора ВРП) и «инвестиционной эффективности» (сокращение срока окупаемости проекта и увеличение его NPV за счет льгот). Важным выводом является необходимость введения солнечной оговорки для всех пакетов — автоматического прекращения действия льгот по истечении определенного срока или при недостижении показателей, что позволит избежать «консервации» неэффективных производств.

В-четвертых, определено, что базовые отрасли (сырьевые) требуют иного подхода, чем обрабатывающие кластеры. Для первых эффективным может быть стимулирование глубокой переработки через дифференциацию НДС (пониженный коэффициент для руд, идущих на производство продукции высокого передела внутри страны). Для вторых — создание «режима наибольшего благоприятствования» для всей цепочки поставщиков внутри кластера, а не только для лидера.

На основе разработанных концептуальных подходов представляется возможным предложить три базовых сценария развития базовых отраслей и кластеров экономики, дифференцированных по степени активности применения налоговых пакетов и глубине институциональных преобразований.

Первый сценарий — инерционно-фрагментарный — предполагает сохранение текущего подхода к налоговому стимулированию, при котором преференции предоставляются бессистемно, без четкой увязки со стратегическими приоритетами и без оценки эффективности налоговых расходов. В этом сценарии базовые отрасли продолжают функционировать в режиме экстенсивного развития,

опираясь преимущественно на благоприятную ценовую конъюнктуру на сырьевых рынках. Доля продукции высокого передела в экспорте остается стабильно низкой (на уровне 15-18%), кластерные инициативы реализуются точно и не формируют критической массы кооперационных связей. Налоговые льготы продолжают предоставляться широкому кругу получателей, что ведет к размыванию бюджетных ресурсов и отсутствию видимого мультипликативного эффекта. Данный сценарий несет в себе риски консервации технологического отставания и усиления зависимости от импорта критически важных комплектующих и оборудования, что в условиях санкционного давления может привести к деградации отдельных подотраслей машиностроения и химической промышленности.

Второй сценарий — адаптивно-пакетный — предполагает постепенный переход к пакетному принципу предоставления поддержки на пилотных кластерах и в отдельных базовых отраслях. В рамках этого сценария реализуется предложенная в исследовании «дорожная карта»: проводится инвентаризация действующих льгот, осуществляется их группировка в функциональные пакеты, запускаются пилотные проекты в 3-5 кластерах (например, малотоннажная химия, станкостроение, производство композитных материалов). На основе результатов пилотирования корректируются методики оценки эффективности, отрабатываются механизмы межведомственного взаимодействия и цифрового администрирования. К 2028-2030 годам пакетный принцип распространяется на большинство базовых отраслей. Прогнозируемыми результатами данного сценария выступают: повышение доли инвестиций в обрабатывающие производства на 20-25% относительно базового уровня, рост производительности труда в пилотных кластерах на 30-35%, увеличение доли высокотехнологичного экспорта до 22-25%. При этом сохраняется риск неравномерности развития: наиболее подготовленные кластеры и отрасли получают опережающий импульс, тогда как депрессивные территории и технологически отсталые производства могут оказаться на периферии стимулирования.

Третий сценарий — форсированно-интегральный — предполагает масштабное внедрение пакетного принципа в сочетании с глубокой институциональной реформой налогового администрирования и межведомственной координации. Данный сценарий базируется на создании единой цифровой платформы «налоговые пакеты онлайн», обеспечивающей полный цикл управления поддержкой: от подачи заявки и автоматизированной верификации соответствия критериям до мониторинга достижения KPI в режиме реального времени и автоматического прекращения льгот при недостижении показателей. В законодательство вносятся изменения, закрепляющие возможность заключения «специальных инвестиционных контрактов 2.0» с пакетным налоговым режимом, включающим стабилизационную оговорку, право на применение инвестиционного вычета в повышенном размере, льготы по страховым взносам и освобождение от НДС при импорте уникального оборудования.

Сценарные условия предполагают также синхронизацию налоговых пакетов с инструментами промышленной политики (льготные займы ФРП, субсидирование НИОКР, поддержка инжиниринговых центров) и таможенно-тарифным регулированием (обнуление ввозных пошлин на отсутствующие в РФ аналоги, квотирование импорта при достижении целевых показателей локализации). Прогнозируемые результаты: формирование 8-10 глобально конкурентоспособных кластеров в машиностроении, химической промышленности и радиоэлектронике, увеличение доли высокотехнологичного экспорта до 30-35%, рост производительности труда в базовых отраслях в 1,5-1,7

раза к 2035 году, обеспечение технологического суверенитета по критическим позициям (станкостроение, тяжелое машиностроение, производство компонентной базы). Риски данного сценария связаны с высокой стоимостью институциональных преобразований, необходимостью опережающей подготовки кадров для администрирования новых механизмов и возможным сопротивлением со стороны ведомств, теряющих часть дискреционных полномочий при переходе к автоматизированным процедурам.

Выбор конкретного сценария должен определяться результатами оценки бюджетных возможностей, качества институциональной среды и степени готовности бизнеса к новым форматам взаимодействия. Представляется, что наиболее реалистичным в среднесрочной перспективе является сочетание элементов второго и третьего сценариев: форсированное внедрение пакетного принципа в отраслях, критически важных для обеспечения технологического суверенитета (станкостроение, электроника, авиастроение), при сохранении адаптивных подходов в менее чувствительных секторах. Такой комбинированный подход позволит сконцентрировать ограниченные бюджетные и административные ресурсы на прорывных направлениях, одновременно создавая институциональный задел для последующего масштабирования пакетного принципа на всю совокупность базовых отраслей.

Обсуждение

Полученные результаты вступают в диалог с существующей научной дискуссией об эффективности налогового стимулирования. С одной стороны, классическая экономическая теория (А. Смит, А. Лаффер) предупреждает о искажающем воздействии селективных льгот на рыночную конкуренцию. Предлагаемый пакетный подход минимизирует этот риск за счет четкой привязки к реализации стратегических инициатив и временному характеру льгот, что соответствует концепции «вертикальной» промышленной политики, допускающей «селекцию победителей» при наличии сильных институтов. С другой стороны, в отличие от зарубежного опыта (например, контрактов на разницу в Великобритании или налоговых вычетов на НИОКР в Китае), российская практика долгое время находилась в стадии размытости критериев.

Дискуссионным также остается вопрос о «горизонтальности» или «вертикальности» новых мер. Критики могут утверждать, что любые отраслевые льготы создают неравные условия. Однако исследование показывает, что в условиях внешних санкций и необходимости форсированного импортозамещения именно «вертикальные» пакетные меры, нацеленные на критические точки роста (например, производство станочного оборудования или электронной компонентной базы), являются единственным возможным инструментом быстрого реагирования. При этом важно, чтобы доступ к пакету был формализован и открыт для любого игрока, готового выполнить установленные требования, что сохранит элементы конкуренции.

Отдельного обсуждения заслуживает проблема администрирования. Предложенный алгоритм требует высокой квалификации как от сотрудников Минэкономразвития (при отборе проектов), так и от налоговых органов (при последующем контроле целевых показателей). Риск заключается в коррупционности и усложнении налогового комплаенса для бизнеса. Решением может стать цифровизация процесса: создание единой платформы «налоговые пакеты онлайн», где предприятие в автоматизированном режиме может подать заявку, рассчитать потенциальную эффективность и отчитываться о достижении KPI через личный кабинет налогоплательщика, интегрированный с системами бухгалтерского учета.

Также важно отметить макроэкономический эффект. Выпадающие доходы бюджета от предоставления пакетов должны компенсироваться ростом налоговой базы в будущем не только от самих льготников, но и от развития сопутствующих сервисов и производств (эффект мультипликатора). Следует отметить, что для базовых отраслей мультипликатор занятости и налогов в смежных секторах (услуги, транспорт, строительство) может составлять от 2 до 4, что делает такие инвестиции бюджета оправданными при условии администрирования «обратной связи».

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что переход от фрагментарных налоговых льгот к формированию целостных отраслевых пакетов адресных мер является необходимым условием повышения эффективности государственной поддержки базовых отраслей и кластеров экономики. Стихийное накопление преференций без четкой привязки к стратегическим инициативам ведет к нецелевому использованию бюджетных средств и консервации неэффективной структуры экономики.

Таким образом, предложенный в работе концептуальный подход базируется на трех фундаментальных принципах: 1) пакетность (комбинация взаимодополняющих инструментов, снижающих различные виды издержек); 2) адресность (привязка к конкретному проекту, кластеру или цепочке создания стоимости); 3) результативность (жесткая увязка с целевыми показателями стратегических инициатив, включая требование реинвестирования).

Для практической реализации необходимо внесение изменений в законодательство, позволяющих заключать соглашения о предоставлении пакетных налоговых условий, выходящих за рамки универсальных режимов. Требуется также пересмотр методик оценки налоговых расходов: акцент должен сместиться с фиксации выпадающих доходов на оценку макроэкономического и отраслевого эффекта.

Литература

1. Симонов С.В. Стратегия кластеризации в развитии региональных экономических систем. Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2025. № 3. С. 69-80.
2. Ибрагимова Д.Р. Особенности налогового стимулирования промышленных и инновационных кластеров в России. Налоги и налогообложение. 2021. № 1. С. 35-49.
3. Колбягина Л.А. Кластерный анализ отраслевой структуры налоговых доходов на региональном уровне. Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32. № 3. С. 493-500.
4. Гольская Ю.Н., Борошноева А.И., Денисенко И.Д. Государственные меры поддержки экономических отраслей. В сборнике: Актуальные вопросы и перспективы развития Российской экономики, политики и права. Сборник статей V всероссийской конференции. Москва, 2024. С. 51-54.
5. Вылкова Е.С., Викторова Н.Г., Наумов В.Н., Покровская Н.В. Формирование вариантов реформирования налогообложения приоритетных и социально значимых отраслей экономики российских регионов на основе анализа данных калькулятора налоговой нагрузки. Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 28. № 9. С. 62-72.
6. Абакумова А.В. Эффективность преференциальных режимов: место ОЭЗ в системе региональной политики РФ. Экономика строительства. 2025. № 10. С. 178-180.
7. Яковлев А.А. Особенности создания и поддержки кластеров как инновационных территорий в европейском

союзе и России. Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 233-237.

8. Засько В.Н. Совершенствование цифровой архитектуры налоговой политики с учетом стратегии развития Российской Федерации// Инновации и инвестиции. – 2025. - № 5. – С. 601-604.

Formation of sectoral packages of targeted tax support measures for key industries and clusters of the economy, taking into account target indicators and strategic initiatives

Grundel L.P.

Financial University under the Government of the Russian Federation

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

This article examines the theoretical and applied aspects of forming sectoral packages of targeted tax support measures for key industries and clusters of the economy, aligned with target indicators and strategic initiatives. The relevance of this topic stems from the need for structural economic restructuring, achieving technological sovereignty, and increasing the effectiveness of state support for the real sector in the face of sanctions pressure. The objective of this study is to develop conceptual approaches and algorithms for forming targeted tax packages that ensure a multiplier effect for priority sectors. Systems analysis methods were used in the study. An analysis of existing tax support measures was conducted, revealing their fragmentation and insufficient alignment with strategic guidelines. The need to transition from a single-instrument approach to a multimodal package approach is substantiated. A classification of tax measures applicable in packages is developed, criteria for linking incentives to strategic initiatives are formulated, and an algorithm for assessing the effectiveness of package solutions is proposed. Three types of situations requiring the development of package solutions are identified: support for «anchor» investment projects, development of cluster initiatives, and stimulation of the transition to «green technologies». Three scenarios for the development of core industries and clusters are proposed: inertial-fragmented, adaptive-package, and accelerated-integrated, differing in the degree of active application of tax packages and the depth of institutional transformations. It is concluded that the implementation of a package principle based on selectivity, time constraints, measurable results, and stable conditions enables a transition from post-factum control to proactive support for taxpayers and ensures the concentration of budget resources on critical areas of industrial development.

Keywords: tax packages, targeted tax measures, core industry, industrial cluster, tax incentives, investment activity, target indicators, strategic initiatives, technological sovereignty, tax incentives.

References

1. Simonov S.V. Clustering Strategy in the Development of Regional Economic Systems. Bulletin of the Moscow Finance and Law University MFUA. 2025. No. 3. pp. 69-80.
2. Ibragimova D.R. Features of Tax Incentives for Industrial and Innovative Clusters in Russia. Taxes and Taxation. 2021. No. 1. pp. 35-49.
3. Kolbyagina L.A. Cluster Analysis of the Sectoral Structure of Tax Revenues at the Regional Level. Bulletin of the Baikal State University. 2022. Vol. 32. No. 3. pp. 493-500.
4. Golskaya Yu.N., Boroshnoeva A.I., Denisenko I.D. State Measures to Support Economic Sectors. In the collection: Current Issues and Prospects for the Development of the Russian Economy, Politics, and Law. Collection of articles from the V All-Russian Conference. Moscow, 2024. pp. 51-54.
5. Vylkova E.S., Viktorova N.G., Naumov V.N., Pokrovskaya N.V. Formation of tax reform options for priority and socially significant sectors of the economy of Russian regions based on the analysis of tax burden calculator data. Bulletin of the Transbaikal State University. 2022. Vol. 28. No. 9. pp. 62-72.
6. Abakumova A.V. Effectiveness of preferential regimes: the place of SEZs in the regional policy system of the Russian Federation. Construction Economics. 2025. No. 10. pp. 178-180.
7. Yakovlev A.A. Features of the creation and support of clusters as innovative territories in the European Union and Russia. Bulletin of Economic Security. 2023. No. 2. P. 233-237.
8. Zasko V.N. Improving the digital architecture of tax policy taking into account the development strategy of the Russian Federation// Innovations and Investments. – 2025. - No. 5. – pp. 601-604.

Методологические подходы к оценке волатильности и ликвидности производных финансовых инструментов: возможности и ограничения применения на российском рынке

Дрягалин Станислав Романович

аспирант, кафедра оценочной деятельности и корпоративных финансов, Университет Синергия, srdriagalin@gmail.com

Интенсивное развитие российского рынка производных финансовых инструментов обострило проблему выбора адекватных методов оценки волатильности и ликвидности деривативов. В научной литературе к настоящему моменту отсутствует консенсус относительно оптимального баланса между точностью, робастностью, вычислительной сложностью различных классов моделей в контексте российской институциональной среды. Целью в статье является систематизация методологических подходов к оцениванию – с выявлением границ их применимости на российском срочном рынке и формулированием рекомендаций по усовершенствованию аналитического аппарата. Автор приходит к выводу, что модели GARCH (особенно асимметричные модификации) остаются практичным инструментом для ликвидных фьючерсов, высокочастотные методы применимы лишь при наличии качественных внутрисдневных данных, а подразумеваемая волатильность (индекс RVI) служит опережающим индикатором с ограниченной надёжностью в кризисы. Оценка ликвидности требует перехода от единичных метрик к комплексным индексам, чувствительным к микроструктуре торгов и учитывающим режимно-зависимую взаимосвязь с волатильностью. Результаты исследования будут полезны риск-менеджерам, портфельным управляющим, трейдерам при разработке систем управления рисками деривативных портфелей, аналитикам биржи при совершенствовании методологии расчёта индикаторов.

Ключевые слова: волатильность, высокочастотные методы, индекс RVI, ликвидность, Московская Биржа, модели GARCH, опционы, подразумеваемая волатильность, производные финансовые инструменты, срочный рынок, фьючерсы.

Введение

Российский рынок производных финансовых инструментов переживает период интенсивного развития. Это актуализирует проблему усовершенствования методологического аппарата оценки ключевых параметров риска – волатильности и ликвидности.

Московская Биржа демонстрирует устойчивый рост объёмов торгов фьючерсными и опционными контрактами, расширение номенклатуры базовых активов, усложнение структуры срочного рынка. Впрочем, специфика российских условий создаёт существенные вызовы для применения стандартных методов оценки, разработанных на основе данных развитых рынков. К таким особенностям относятся относительно короткая история современного рынка, высокая концентрация торговой активности в ограниченном числе контрактов, периодические макроэкономические «шоки», санкционные ограничения.

Волатильность производных инструментов привычно рассматривается как центральный индикатор рыночного риска, который определяет цену опционов и требования к капиталу участников рынка. В мировой практике сформировался обширный методологический арсенал, который включает историческую, подразумеваемую волатильность, модели семейства GARCH, высокочастотные методы оценки реализованной дисперсии. Московская Биржа с 2010 года рассчитывает индекс волатильности RVI на основе цен опционов на фьючерсный контракт индекса РТС, используя модифицированную формулу Блэка-Шоулза. Данный индикатор служит важным бенчмарком. Между тем, его информативность ограничена ликвидностью опционного сегмента [3].

Ликвидность деривативов представляет собой многомерный феномен, охватывающий ширину спреда bid-ask, глубину стакана заявок, частоту сделок, ценовое воздействие крупных ордеров [1, 5, 7]. На российском рынке проблема ее оценки усложняется неравномерным распределением торговой активности, значительной ролью розничных инвесторов в отдельных сегментах. Помимо этого, имеют место периодические кризисы ликвидности в моменты макроэкономической турбулентности. Стандартные модели оценивания, которые применяются на зрелых рынках, требуют существенной адаптации к локальным особенностям микроструктуры торгов.

Материалы и методы

В изученных при подготовке статьи публикациях прослеживается сочетание теоретико-методологических и прикладных подходов к раскрытию темы.

Интерес представляют интегральное моделирование ликвидности цифровых активов с использованием агрегированных индикаторов риска и оборота у Д.Р. Ахматовой [1], высокочастотные методы измерения волатильности и их связь с опционным ценообразованием у Д. Гайомея [2], факторный анализ детерминант ликвидности и волатильности на российском рынке у С.Р. Дрягалина [3], использование биржевых индикаторов неопределённости (например, индекса RVI Московская биржа) как эмпирической базы [4]. Фундаментальные характеристики ликвидности как экономической категории раскрываются Ю.В. Козырем [5]. Методологические проблемы измерения во-

латильности (статистические оценки, ARCH/GARCH-подходы, историческая и имплицитная волатильность) систематизированы у М.Ю. Куссыя [6]. Прикладные модели оценки ликвидности высокорисковых инструментов в портфельном контексте предложены А.В. Морозовой [7]. Роль деривативов в управлении рисками на волатильных рынках обобщена И.А. Новиковым [8]. Макроуровневое значение ликвидности для развития финансового рынка рассмотрено С.С. Осмоловцев [9]. Особенности влияния маржинальных требований на рыночную ликвидность фьючерсов эмпирически исследовано А.И. Потаповым [10].

Выбор перечисленных источников объясняется тем, что они охватывают ключевые аспекты темы – теорию, методы измерения, институциональные особенности российского рынка, прикладные модели оценки деривативов. При этом выявляются пробелы, которые связаны с недостаточной интеграцией моделей ликвидности и волатильности в единую методологию и ограниченным числом изысканий по специфике российского срочного рынка в реалиях санкционных ограничений. Имеются существенные расхождения между сторонниками высокочастотных оценок и более агрегированных макроиндикаторов. Это отражает различие исследовательских уровней анализа.

При написании статьи автор опирался на применение экономико-статистических методов, моделей условной гетероскедастичности (GARCH-семейство), сравнительного институционального анализа, финансовую эконометрику. Их сочетание позволяет одновременно учитывать рыночную динамику, институциональные ограничения, поведенческие особенности.

Результаты и обсуждение

Параметрические модели волатильности, которые базируются на историческом стандартном отклонении доходностей, остаются наиболее распространённым инструментом первичного анализа риска. По сути, в рамках данного подхода предполагается стационарность временного ряда, что редко выполняется на практике, особенно для российского рынка с его резкими структурными сдвигами.

Модели семейства GARCH дают возможность моделировать кластеризацию волатильности – явление, при котором периоды высокой изменчивости сменяются периодами относительного спокойствия.

Применение GARCH-моделей к российским срочным контрактам показывает приемлемую точность прогнозов для ликвидных фьючерсов на индекс РТС и валютные пары. В модификациях EGARCH и TGARCH учитывается асимметричная реакция волатильности на положительные и отрицательные «шоки». А это очень важно для российского рынка с его выраженным эффектом леввериджа [6, 8].

Подразумеваемая волатильность, извлекаемая из цен опционов, служит опережающим индикатором рыночных ожиданий. Он используется для расчёта индекса RVI. Описываемый подход отражает консенсус-прогноз участников рынка относительно будущей изменчивости базового актива. Это делает его ценным для управления рисками. Впрочем, надёжность оценок весомо зависит от ликвидности опционного рынка и корректности предпосылок модели ценообразования.

Высокочастотные методы оценки реализованной волатильности, которые базируются на суммировании квадратов внутридневных доходностей, показывают высокую точность для наиболее ликвидных контрактов. Модификации данного подхода (реализованное ядро) помогают устранить влияние микроструктурного «шума», характерного для высокочастотных данных [2, 4].

Применительно к российскому рынку задействование различных методов оценки волатильности характеризуется неоднородной эффективностью. В таблице 1 представлена систематизация основных подходов с указанием их преимуществ и ограничений в контексте российского срочного рынка.

Таблица 1
Сравнительная характеристика методов оценки волатильности производных инструментов на российском рынке (составлено на основе [2-4, 6, 8])

Метод	Преимущества	Ограничения	Применимость
Историческая волатильность	Простота расчёта; используются фактические данные	Запаздывающий характер; низкая точность при структурных сдвигах	Предварительный анализ ликвидных контрактов
Модели GARCH	Учитывается кластеризация; хорошая прогнозная способность	Требуют глубины данных; чувствительность к выбросам	Высокая для фьючерсов на индексы и валюту
Подразумеваемая волатильность	Опережающий индикатор; основа индекса RVI	Зависит от ликвидности опционов	Опционы на индекс РТС и валюту
Высокочастотные методы	Высокая точность оценок	Требуют качественных данных; вычислительная сложность	Наиболее ликвидные фьючерсы

Ликвидность финансового инструмента – комплексная характеристика, которая включает немедленность исполнения сделок, ценовую эластичность, глубину рынка, устойчивость котировок. В академической литературе выделяют несколько основных подходов к количественной оценке ликвидности. Показатели на основе спреда bid-ask отражают транзакционные издержки участников рынка. Они применимы ко всем типам контрактов. Модели на базе объёмов торгов (коэффициент Амихуда) позволяют оценить ценовое воздействие сделок. Они хорошо работают для ликвидных фьючерсов. Глубина стакана заявок характеризует способность рынка абсорбировать крупные ордера без значительного изменения цены [5, 9, 10].

Для российского рынка производных инструментов особое значение имеет учёт неравномерности распределения ликвидности между контрактами. Согласно статистике Московской Биржи, на десять наиболее ликвидных инструментов приходится более 80% объёма торгов. Особенно активно торгуются фьючерсы на индекс РТС, валютную пару USD/RUB, отдельные акции голубых фишек. А прочие контракты характеризуются низкой ликвидностью [4]. Подобная структура создаёт сложности для оценки ликвидности менее популярных инструментов, для которых классические метрики могут давать нестабильные и трудноинтерпретируемые результаты.

Взаимосвязь между волатильностью и ликвидностью является предметом активной дискуссии в научной литературе. Эмпирические исследования российского срочного рынка подтверждают наличие отрицательной корреляции между волатильностью и некоторыми показателями ликвидности в периоды кризисов. В частности, в моменты резкого роста индекса RVI наблюдается сужение глубины стакана заявок по опционам, расширение спредов bid-ask. Данный эффект особенно выражен для контрактов с невысокой базовой ликвидностью. В относительно спокойные периоды корреляция между рассматриваемыми категориями близка к нулю. Однако в фазах высокой турбулентности она становится значимо отрицательной [10].

Применение международно признанных методологических подходов к оценке на российском рынке требует учёта ряда специфических факторов. В первую очередь, это касается качества и полноты исторических данных. Относительно короткая история функционирования российского срочного рынка в современном формате ограничивает возможности обучения и тестирования сложных

эконометрических моделей. Значительное влияние на отечественный рынок оказывают макроэкономические «шоки» и геополитические события, которые не всегда адекватно учитываются стандартными моделями, разработанными на основе данных развитых рынков. Санкционные ограничения, резкие колебания валютного курса, изменения регуляторной среды создают структурные сдвиги в динамике волатильности и ликвидности.

Московская Биржа играет центральную роль в обеспечении методологической основы для оценивания параметров риска срочного рынка. Расчёт и публикация индекса волатильности RVI предоставляет участникам бенчмарк для оценки уровня неопределённости. Биржа использует стандартизированную методологию на базе формулы Блэка-Шоулза, которая адаптирована для маржируемых опционов. Этим обеспечивается прозрачность и воспроизводимость расчётов. Регуляторная среда, формируемая Банком России, также оказывает значительное воздействие на применимость методов оценки через требования к раскрытию информации и нормативы достаточности капитала.

Российский срочный рынок отличается высокой концентрацией торговой активности в ограниченном числе контрактов и относительно невысокой долей институциональных участников [7]. Роль розничных инвесторов в торговле опционами и фьючерсами на отдельные акции выше, чем на развитых рынках. Это приводит к специфическим свойствам волатильности и ликвидности, не всегда улавливаемым стандартными моделями. Высокочастотные методы оценивания сталкиваются с проблемой микроструктурного «шума» (он вызван дискретностью цен и наличием периодов неактивности).

В целях повышения точности и надёжности оценок целесообразна реализация комплекса мер (таблица 2). Первоочередной задачей является расширение доступа исследователей и участников рынка к высококачественным высокочастотным данным, включая информацию о заявках в стакане и микроструктуре торгов. Создание открытых баз данных исторических котировок с детализацией до миллисекунд поможет применять передовые методы оценки реализованной волатильности и анализа микроструктуры.

Таблица 2
Приоритетные направления совершенствования методологии оценки параметров риска производных инструментов (составлено автором)

Аспект	Текущее состояние	Рекомендуемые меры	Ожидаемый эффект
Доступ	Ограниченная доступность высокочастотных данных	Создание открытых баз данных с детализацией до миллисекунд; публикация стакана заявок	Повышение точности высокочастотных оценок; снижение информационной асимметрии
Гибридные модели	Преобладание использования единственного метода	Комбинирование исторических, подразумеваемых, высокочастотных подходов	Снижение систематических ошибок; повышение робастности оценок
Комплексные индексы ликвидности	Использование отдельных метрик	Разработка взвешенных индексов для срочного рынка	Более полная оценка многомерного феномена ликвидности
Методологическая координация	Фрагментированность подходов	Разработка единых отраслевых стандартов	Повышение сопоставимости результатов; укрепление доверия инвесторов

Усиление взаимодействия между академическим сообществом, биржей, регулятором для обеспечения методологической согласованности и внедрения передовых разработок в практику представляется особенно важным шагом. Проведение совместных исследований, организация профессиональных семинаров, публикация методо-

логических рекомендаций поспособствуют повышению общего уровня аналитической культуры участников российского срочного рынка.

Заключение

Применимость методологических подходов к оценке волатильности и ликвидности деривативов на российском рынке неоднородна. Она чувствительна к типу инструмента и рыночному режиму. Модели семейства GARCH остаются практичным компромиссом между интерпретируемостью и точностью для ликвидных фьючерсов (индексные и валютные контракты), особенно при учёте асимметрии реакций (EGARCH / TGARCH). Высокочастотные оценки реализованной волатильности потенциально дают более точный сигнал о текущей вариации цен. Однако их использование оправдано, главным образом, для контрактов с высокой частотой сделок и доступом к качественным данным, поскольку микроструктурный «шум» и разреженность сделок ухудшают свойства оценок.

Подразумеваемая волатильность, в том числе, индекс RVI Московской Биржи, ценна тем, что агрегирует ожидания участников. Он может выступать в качестве раннего индикатора смены режима неопределённости. Вместе с тем, надёжность implied-оценок снижается в стрессовые периоды из-за расширения спредов, падения ликвидности отдельных опционных серий, нарушений предположений модельного ценообразования, применяемого при расчёте индикаторов на основе формулы Блэка-Шоулза.

В части ликвидности российский срочный рынок характеризуется концентрацией оборотов в ограниченном числе контрактов. Вследствие этого классические метрики (спред bid-ask, глубина стакана, показатели ценового воздействия сделок) демонстрируют приемлемую устойчивость, в основном, в сегменте наиболее торгуемых инструментов. Нелинейная связь волатильности и ликвидности проявляется особенно отчётливо в кризисные эпизоды: рост неопределённости сопровождается ухудшением исполнимости заявок и удорожанием транзакций. А это делает необходимым регулярное стресс-тестирование ликвидности в контуре риск-менеджмента.

Практически продуктивной представляется гибридная схема оценки риска, в которой прогнозы GARCH дополняются realized-оценками и сигналами implied-волатильности. А оценка ликвидности строится не на единственной прокси-переменной, а на комплексных индексах, которые чувствительны к микроструктуре торгов.

Для повышения воспроизводимости и сопоставимости результатов важны стандартизация методик и их увязка с регуляторными требованиями к раскрытию и управлению рисками, в том числе, через развитие отраслевых рекомендаций.

Наконец, расширение доступа к детализированным данным торгов (включая исторический стакан заявок и параметры сделок) является условием перехода от «описательных» оценок к устойчивым моделям, пригодным для калибровки лимитов, маржинальных сценариев, а также качества хеджирования на российском рынке деривативов.

Литература

- Ахматова Д.Р. Разработка интегральной методики оценки ликвидности цифровых финансовых активов // Финансовые исследования. – 2025. – Т. 26. – № 2 (87). – С. 89-98.
- Гайомей Д. Высокочастотная оценка волатильности и цена опциона // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 4-2. – С. 167-176.
- Дрягалин С.Р. Анализ факторов, влияющих на волатильность и ликвидность производных финансовых инструментов на российском рынке // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 11. – С. 465-467.

4. Индекс волатильности российского рынка // URL: <https://www.moex.com/ru/index/RVI> (дата обращения: 19.02.2026).

5. Козырь Ю.В. Феномен ликвидности: суть, критерии, свойства и влияние на рыночную и инвестиционную стоимость активов // Экономика и математические методы. – 2022. – Т. 58. – № 1. – С. 48-60.

6. Кусый М.Ю. Методологические аспекты измерения волатильности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2018. – Т. 4(70). – № 1. – С. 59-78.

7. Морозова А.В., Толстиков Г.О. Об одном подходе к оценке ликвидности высокорисковых финансовых инструментов в портфеле неинституционального инвестора // Modern Economy Success. – 2024. – № 4. – С. 113-123.

8. Новиков И.А., Степанов В.Д., Аббасов К.А., Варфоломеева П.Е., Огнева М.Э. Финансовые деривативы и их роль в управлении рисками в условиях волатильных рынков // Human Progress. – 2024. – Т. 10. – Вып. 5. – С. 28.

9. Осмоловец С.С. Ликвидность финансовых инструментов как фактор развития финансового рынка // Тенденции экономического развития в XXI веке. Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Минск: 2022. – С. 285-287.

10. Потапов А.И. Оценка влияния маржинальных требований на ликвидность российского рынка фьючерсов // Финансовый журнал. – 2023. – Т. 15. – № 5. – С. 94-116.

Methodological Approaches to Assessing Volatility and Liquidity of Derivative Financial Instruments: Opportunities and Limitations in the Russian Market

Dryagalin S.R.

Synergy University

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

The rapid development of the derivatives market in Russia has intensified the problem of selecting adequate methods for assessing the volatility and liquidity of derivatives. To date, the academic literature lacks consensus regarding the optimal balance between accuracy, robustness, and computational complexity across different classes of models within the Russian institutional environment. The purpose of the article is to systematize methodological approaches to evaluation, identify the boundaries of their applicability in the Russian derivatives market, and formulate recommendations for improving the analytical framework. The author concludes that GARCH models (particularly asymmetric modifications) remain practical tools for liquid futures, high-frequency methods are applicable only when high-quality intraday data are available, and implied volatility (the RVI index calculated by Moscow Exchange) serves as a leading indicator with limited reliability during crisis periods. Liquidity assessment requires a transition from single metrics to composite indices sensitive to market microstructure and accounting for the regime-dependent relationship with volatility. The results of the study will be useful for risk managers, portfolio managers, and traders in developing risk management systems for derivatives portfolios, as well as for exchange analysts in improving methodologies for calculating market indicators.

Keywords: volatility, high-frequency methods, RVI index, liquidity, Moscow Exchange, GARCH models, options, implied volatility, derivative financial instruments, derivatives market, futures.

References

1. Akhmatova D.R. Development of an Integral Methodology for Assessing the Liquidity of Digital Financial Assets // Financial Research. – 2025. – Vol. 26. – No. 2 (87). – Pp. 89–98.
2. Gaiomei D. High-Frequency Volatility Estimation and Option Pricing // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2022. – No. 4-2. – Pp. 167–176.
3. Dryagalin S.R. Analysis of Factors Affecting the Volatility and Liquidity of Derivative Financial Instruments in the Russian Market // Innovations and Investments. – 2025. – No. 11. – Pp. 465–467.
4. Russian Market Volatility Index // URL: <https://www.moex.com/ru/index/RVI> (accessed: 19.02.2026).
5. Kozyr Yu.V. The Phenomenon of Liquidity: Essence, Criteria, Properties, and Its Impact on the Market and Investment Value of Assets // Economics and Mathematical Methods. – 2022. – Vol. 58. – No. 1. – Pp. 48–60.
6. Kussyi M.Yu. Methodological Aspects of Volatility Measurement // Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and Management. – 2018. – Vol. 4 (70). – No. 1. – Pp. 59–78.
7. Morozova A.V., Tolstikov G.O. An Approach to Assessing the Liquidity of High-Risk Financial Instruments in the Portfolio of a Non-Institutional Investor // Modern Economy Success. – 2024. – No. 4. – Pp. 113–123.
8. Novikov I.A., Stepanov V.D., Abbasov K.A., Varfolomeeva P.E., Ogneva M.E. Financial Derivatives and Their Role in Risk Management in Volatile Markets // Human Progress. – 2024. – Vol. 10. – Issue 5. – P. 28.
9. Osmolovets S.S. Liquidity of Financial Instruments as a Factor in Financial Market Development // Trends in Economic Development in the 21st Century. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference. – Minsk: 2022. – Pp. 285–287.
10. Potapov A.I. Assessing the Impact of Margin Requirements on the Liquidity of the Russian Futures Market // Financial Journal. – 2023. – Vol. 15. – No. 5. – Pp. 94–116.

Методологические подходы к управлению стоимостью сложных объектов социальной инфраструктуры

Бурцева Наталья Алексеевна

магистрант, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ),
nat.burtseva@yandex.ru,

Ляховский Константин Анатольевич

соискатель, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), 26,
k.lyakhovskiy@inbox.ru

В статье рассматриваются современные методологические подходы к управлению стоимостью инвестиционно-строительных проектов социально значимых объектов с высокой технологической насыщенностью, таких как медицинские учреждения, научно-исследовательские центры и лабораторные корпуса. Обоснована актуальность интеграции стоимостного инжиниринга, управления стоимостью на протяжении всего жизненного цикла объекта и цифровых технологий (в частности BIM) для повышения точности бюджетирования, оптимизации затрат и минимизации рисков перерасходов. Проанализированы ограничения традиционных методов оценки, выявлены причины дисбаланса между капитальными вложениями и эксплуатационными расходами, предложены принципы функционально-стоимостного анализа и цифровой интеграции данных для обеспечения устойчивого экономического управления. Представлены примеры практической реализации методик, показана значимость синергии подходов в контексте сложных инженерно-технологических объектов. Сделаны выводы о влиянии интегрированных подходов на повышение эффективности управления стоимостью и перспективах их применения в научно-образовательной и медицинской инфраструктуре.

Ключевые слова: стоимостной инжиниринг, управление стоимостью жизненного цикла, BIM, управление затратами, социально значимые объекты, оптимизация бюджета, цифровые технологии, функционально-стоимостной анализ.

Введение

В современной строительной индустрии активно развиваются методы управления затратами, особенно инструменты, интегрирующие данные о стоимости с цифровыми моделями, что позволяет осуществлять контроль в реальном времени. Это особенно важно для сложных социально значимых объектов с высокими технологическими требованиями.

Эффективное управление стоимостью инвестиционно-строительных проектов — ключевой фактор успешной реализации таких объектов, как медицинские учреждения, научно-исследовательские центры и лабораторные комплексы. Эти объекты характеризуются высокой сложностью инженерной подготовки, насыщенностью технологическими системами и необходимостью долгосрочной эксплуатации, что требует комплексного подхода. Основные методы включают стоимостной инжиниринг, управление жизненным циклом и использование информационного моделирования зданий (BIM).

Здания для здравоохранения, науки и образования имеют уникальные технологические требования и строгие нормативные стандарты, что создает сложную стоимостную структуру. До 40% затрат приходится на инженерные системы и высокотехнологичную инфраструктуру. Традиционные методы калькуляции не учитывают долгосрочные эксплуатационные расходы, что приводит к перерасходам. Это подчеркивает необходимость интеграции оценки полного жизненного цикла в управленческие процессы.

Анализ практик управления специализированными объектами выявляет проблему разобщенности между этапами проектирования, строительства и эксплуатации. Отсутствие единых методологических подходов ведет к дублированию функций, неоптимальным решениям и росту непредвиденных расходов, особенно критичным для государственных учреждений. Накопленный опыт показывает, что до 25% первоначальных инвестиций теряют эффективность из-за недостаточной координации этапов жизненного цикла.

Стоимостной инжиниринг (Cost engineering) — это системный подход к управлению затратами, направленный на оптимизацию стоимости проекта без снижения его функциональных характеристик или с их повышением. Этот метод охватывает весь жизненный цикл проекта, начиная с концептуальной стадии и заканчивая выводом объекта из эксплуатации.

Стоимостной инжиниринг включает прогнозирование, контроль и оптимизацию финансовых ресурсов. Его ключевое преимущество — минимизация рисков бюджетных перерасходов за счет раннего выявления отклонений. Методология предполагает непрерывный мониторинг затрат и корректировку проектных решений. Это обеспечивает баланс между экономическими и качественными показателями объектов, особенно в сложных технических проектах, таких как медицинские и научные комплексы.

Основные методы стоимостного инжиниринга включают детальный анализ сметной документации, ресурсное планирование и риск-менеджмент. Эти инструменты помогают оптимизировать закупки материалов и использование трудовых ресурсов, что особенно важно для образовательных учреждений с ограниченными бюджетами.

Для медицинских учреждений стоимостной инжиниринг учитывает необходимость сохранения надежности критических систем жизнеобеспечения при оптимизации

затрат. Для научно-исследовательских центров ключевым аспектом является обеспечение технологической гибкости помещений при ограниченных бюджетах.

Оценка жизненного цикла объектов дополняет методологию анализом долгосрочных экономических последствий проектных решений. Это особенно важно для лабораторных корпусов, где учитываются специфические требования к инженерным системам и их обслуживанию.

Таким образом, стоимостной инжиниринг обеспечивает комплексный подход к управлению затратами, что позволяет достигать экономической эффективности без ущерба для качества и функциональности объектов.

Функционально-стоимостной анализ представляет собой методологию, направленную на системное исследование взаимосвязи затрат и функциональных характеристик объекта. Его основная цель заключается в выявлении избыточных или неэффективных элементов конструкции, которые не обеспечивают значимой добавленной стоимости. Применительно к объектам здравоохранения, науки и образования данный подход позволяет оценить соответствие архитектурных решений их целевым функциям. Базовый принцип метода основан на декомпозиции объекта на отдельные компоненты с последующей оценкой их вклада в общую стоимость. Первым этапом функционально-стоимостного анализа является идентификация базовых и вспомогательных функций проектируемого объекта. Для медицинских учреждений к базовым функциям относятся обеспечение лечебного процесса, соблюдение санитарных норм и безопасность пациентов. Вспомогательные функции включают логику помещений, энергоснабжение и административное управление. В научно-исследовательских комплексах базовые функции связаны с созданием специализированных лабораторных зон и исследовательских мощностей. Стоимостное выражение выявленных функций осуществляется через анализ прямых и косвенных затрат на их реализацию. «Работа по определению стоимости процессов в составе ИСП и оценке их экономической эффективности также может осуществляться с помощью ABC/ABM-методологии (Activity Based Costing / Activity Based Management) — совокупности методов стоимостного анализа, цепочек создания стоимости, отдельных структурных единиц, а также методов повышения экономической эффективности процессов управления [4, с.47]». Этот подход особенно важен для сложных объектов с высокими требованиями к функциональности, таких как операционные блоки или лаборатории биобезопасности. Особенностью применения функционально-стоимостного анализа для специализированных объектов является необходимость учета их нормативных и технологических требований. В образовательных комплексах это выражается в оптимизации аудиторного фонда и научно-технической инфраструктуры. Для медицинских учреждений критически важным становится распределение затрат между клиническими и вспомогательными зонами с учетом потоков пациентов и медицинского персонала.

Функционально-стоимостной анализ (ФСА) в медицинских учреждениях позволяет оптимизировать архитектурно-планировочные решения и инженерные системы. Например, анализ затрат на операционные блоки способствует перераспределению ресурсов между стерильными и нестерильными зонами, что снижает эксплуатационные расходы. Аналогичный подход применяется при проектировании диагностических отделений, где минимизируются логистические маршруты. В научно-исследовательских центрах ФСА используется для оптимизации лабораторных модулей и систем вентиляции. В образовательных учреждениях методология применяется для проектирования трансформируемых аудиторий, обеспечивая гибкость пространства и снижение затрат.

Стоимостной инжиниринг в медицине сокращает эксплуатационные расходы без ухудшения качества оснащения. ФСА оптимизирует планировочные решения и инженерные коммуникации, особенно в отделениях с высокими требованиями к стерильности. Системный подход к управлению затратами перераспределяет ресурсы на критически важные элементы инфраструктуры, такие как вентиляционные и энергетические системы. Анализ жизненного цикла оборудования позволяет выбирать оптимальные решения по критерию «стоимость-эффективность». Внедрение ФСА способствует соблюдению нормативных стандартов и снижению капитальных вложений. Долгосрочные эффекты включают снижение затрат на обслуживание и ремонт оборудования, а также повышение функциональности помещений при уменьшении их площади, что способствует экономической устойчивости медицинских учреждений.

В научно-исследовательских центрах стоимостной инжиниринг фокусируется на оптимизации специализированных инженерных систем, требующих значительных инвестиций. Методы анализа позволяют рационализировать затраты на создание чистых помещений, лабораторных коммуникаций и систем безопасности. Это обеспечивает соответствие объектов строгим технологическим требованиям при контроле бюджета. Исследования подтверждают эффективность методики: «Прогнозируемые результаты включают снижение затрат на 10% и повышение эффективности использования ресурсов на 20%, как показало исследование Национального института здравоохранения США [2, с.662]». Применение параметрического моделирования способствует минимизации издержек на этапе проектирования сложных исследовательских комплексов.

Стоимостной инжиниринг в образовательных комплексах обеспечивает баланс между бюджетными ограничениями и требованиями к материально-технической базе, оптимизируя затраты на многофункциональные аудитории и лаборатории через анализ альтернативных конструктивных и технологических решений. Модульный подход к проектированию сокращает сроки строительства и эксплуатационные расходы, а функционально-стоимостной анализ выявляет приоритетные направления финансирования. Стандартизация элементов инфраструктуры снижает затраты без ущерба для образовательных стандартов. Основным вызовом стоимостного инжиниринга — высокая вариативность проектных решений, что затрудняет применение типовых моделей и требует индивидуальных методик. Нормативные требования безопасности и функциональности создают дополнительные сложности для стандартизации. Жёсткие регламенты и необходимость согласований увеличивают сроки внедрения. Быстро меняющиеся технологии в медицине и науке усложняют прогнозирование эксплуатационных расходов. Динамика образовательных методик требует постоянной адаптации инфраструктуры. Эти факторы снижают точность расчётов жизненного цикла объектов, требуя поэтапной оценки затрат и функций как показано на Рис.1.

Применение стоимостного инжиниринга особенно важно для объектов с высокой технологической сложностью. На таких проектах издержки могут возникнуть не только на этапе строительства, но и за счёт сложных требований к эксплуатации инженерных систем (например, медицинских газов, систем очистки воздуха, резервирования электроснабжения), что требует анализа затрат на весь жизненный цикл. Комплексный подход стоимостного инжиниринга помогает объединить финансовые и нефинансовые критерии успеха, такие как соответствие нормативам, эксплуатационная надёжность и инновационная составляющая проекта.

Рис. 1. Функционально-стоимостной анализ: оценка затрат и функций объекта.

Управление стоимостью на основе подхода жизненного цикла (Life Cycle Cost Management, LCCM) предполагает учёт затрат во всех фазах существования объекта — от инвестирования и проектирования до строительства, эксплуатации, ремонта, реконструкции и вывода из эксплуатации (схема 1). По сравнению с традиционным управлением стоимостью, ориентированным преимущественно на капитальные вложения, LCCM даёт более полное представление о реальной стоимости владения активом и позволяет принимать решения, минимизирующие совокупные расходы и максимизирующие ценность объекта для конечного пользователя и инвестора.

Схема 1. Этапы управления стоимостью на жизненном цикле объекта

1) Предынвестиционная и проектная фаза — анализ альтернативных проектных решений, прогнозирование затрат и оценка рисков

Сравнительный анализ проектных решений для медицинских и образовательных объектов основывается на комплексной оценке функциональных параметров. Методы балльной системы и ранжирования позволяют сопоставить варианты по вместимости, технологической оснащённости и эргономике. Особое внимание уделяется специфическим требованиям: стерильности в клиниках, лабораторным стандартам в научных институтах и акустике в учебных классах. Этот подход способствует выбору оптимального решения, учитывая эксплуатационную эффективность. Функциональные требования к медицинским и образовательным объектам влияют на архитектурно-планировочные решения и затраты на строительство. Анализ включает оценку гибкости пространств, возможности интеграции инженерных систем и соблюдения санитарно-эпидемиологических норм. Для исследовательских центров важна модульность лабораторных помещений для адаптации к изменяющимся научным потребностям. Финансовая оценка проектов учитывает временные аспекты инвестиционных затрат. «Отдельные элементы денежного потока генерируются в различные временные интервалы, а деньги имеют временную ценность, непосредственное их суммирование невозможно. Основным результатом расчета является определение общей величины приведенного денежного потока [7, с.3]». Дисконтирование будущих затрат на строительство и эксплуатацию позволяет объективно сравнить варианты с разными графиками финансирования.

Прогнозирование капитальных затрат на объекты социальной инфраструктуры основывается на региональных сметных нормативах и данных о реализованных про-

ектах. Удельные показатели, такие как стоимость квадратного метра лаборатории или места в стационаре, корректируются с учетом региональных коэффициентов и инфляции. Для уникальных объектов, включая центры ядерной медицины, применяется поэлементный расчет, учитывающий стоимость специализированного оборудования и монтажных работ.

Операционные расходы оцениваются с учетом специфики энергопотребления медицинской техники, затрат на дезинфекцию и поддержание микроклимата, а также на техническое обслуживание инженерных систем. Для образовательных комплексов ключевыми параметрами являются расходы на содержание спортивных сооружений и IT-инфраструктуры.

Оценка рисков изменения стоимости на предынвестиционной стадии включает анализ волатильности цен на строительные материалы, изменений в нормативной базе и задержек согласований. Для научных объектов особое внимание уделяется рискам импорта высокотехнологичного оборудования и валютным колебаниям, а также вероятности корректировки проектных решений из-за новых санитарных требований. Количественная оценка рисков проводится с использованием сценарного анализа и имитационного моделирования, а также построения «дерева рисков», что позволяет определить критические факторы стоимости, такие как сроки поставки оборудования и стоимость сертификации чистых помещений. Эти данные включаются в резервы бюджета и влияют на выбор подрядчиков с опытом риск-менеджмента.

2) Фаза строительства — управление сметой, координация поставок и подрядчиков, оптимизация строительных процессов.

Контроль соответствия фактических расходов сметам является критически важным для управления стоимостью строительства. Оперативный мониторинг, включающий ежедневный учет выполненных работ и их сравнение с плановыми показателями, осуществляется с использованием автоматизированных систем. Это позволяет своевременно выявлять отклонения и принимать корректирующие меры. В строительстве медицинских учреждений, где точность исполнения сметы особенно важна, стандартизированные формы отчетности и регулярный анализ отклонений способствуют повышению точности сметных расчетов и снижению рисков превышения бюджета.

При строительстве научно-исследовательских комплексов синхронизация поставок материалов с графиком работ требует особого внимания. Длительные сроки поставки специализированного оборудования и материалов минимизируют простои строительных бригад и снижают риски срыва сроков сдачи объекта. Эффективным инструментом управления поставками выступает система Just-In-Time (JIT), требующая тесной координации между заказчиком, генподрядчиком и поставщиками. Цифровые платформы для обмена информацией обеспечивают прозрачность цепочки поставок и сокращают затраты на хранение материалов.

Оптимизация логистики при строительстве лабораторных корпусов учитывает повышенные требования к безопасности и функциональности. Рациональное размещение площадок и подъездных путей сокращает время перемещения материалов. Модульные конструкции и поточные методы организации работ минимизируют межоперационные простои оборудования и сокращают сроки строительства. Комплексный подход к управлению строительными процессами позволяет соблюдать бюджетные ограничения без ущерба для качества.

3) Фаза эксплуатации — затраты на обслуживание инженерных систем, энергоэффективность, модернизацию.

Эксплуатационные затраты мединституций зависят от специфики оборудования, требующего регулярного технического обслуживания и калибровки. Функционально-стоимостной анализ связывает технические характеристики оборудования с эксплуатационными параметрами, учитывая прямые и косвенные издержки от простоев. Особое внимание уделяется вентиляции и стерилизации, влияющим на эпидемиологическую безопасность. Статистические модели выявляют корреляцию между интенсивностью использования и частотой поломок, а предиктивное обслуживание на основе анализа больших данных оптимизирует эксплуатационные расходы. Для онкологических центров разрабатываются графики замены расходных материалов с учетом их износа, снижая риски внеплановых остановок оборудования.

В образовательных комплексах модернизация инженерных систем снижает операционные расходы. Интеллектуальные системы управления освещением и климатом сокращают энергопотребление на 25-30%, а датчики присутствия повышают эффективность. Погодозависимое регулирование тепловых пунктов экономит тепловую энергию, а солнечные панели для подогрева воды окупаются за 5-7 лет. Системы утилизации тепла вентиляционных выбросов стали стандартом для новых зданий. Комбинированное использование геотермальных насосов и фазопереходных материалов создает синергетический эффект, а мониторинг в реальном времени выявляет аномалии энергопотребления.

Решение о модернизации инженерных систем научных центров требует комплексного анализа жизненного цикла. «Для обеспечения эффективности инвестиционно-строительных проектов важное значение имеет точная информация о стоимости каждого объекта строительства в течение всего цикла на всех его стадиях, что вызывает необходимость совершенствования методологии ценообразования и управления стоимостью с учетом международных стандартов [9, с.50]». Это особенно актуально для систем микроклимата в чистых помещениях и лабораториях. Ключевыми критериями выступают степень физического износа оборудования, рост эксплуатационных затрат и появление новых технологических требований. Для исследовательских реакторов и биобезопасных лабораторий приоритетом является соответствие меняющимся стандартам безопасности. Экономическая эффективность модернизации оценивается через дисконтирование будущих операционных расходов.

4) Фаза реконструкции/вывода из эксплуатации — оценка затрат и эффектов обновления или утилизации активов

Методика сопоставления затрат на реконструкцию лабораторных корпусов с ожидаемым ростом их рыночной стоимости основывается на анализе соотношения капитальных вложений и потенциальной добавленной стоимости объекта. Ключевым аспектом является оценка степени влияния модернизации инженерных систем и технологической инфраструктуры на функциональные характеристики здания. При этом учитываются специфические требования научно-исследовательской деятельности, такие как повышенные стандарты безопасности и энергоэффективности. На примере лабораторных комплексов последнего поколения прослеживается прямая зависимость между инвестициями в обновление систем вентиляции и микробиологической защиты и увеличением рыночной привлекательности объектов. Экономическая эффективность реконструкции подтверждается сокращением операционных расходов на 15-20% при одновременном росте

арендной ставки на 25-30%. Данный подход позволяет обосновать целесообразность капитальных вложений в условиях ограниченного бюджета научных организаций.

Оценка экологических последствий вывода из эксплуатации объектов научной инфраструктуры требует комплексного подхода, включающего «технико-экономический анализ вариантов, оценку затрат на демонтаж и экологические мероприятия, рыночную стоимость земли, регуляторные требования [6, с.4]». Особое внимание уделяется утилизации специализированного оборудования и химических реагентов, которые могут представлять опасность для окружающей среды. Экономические последствия ликвидации научных объектов включают не только прямые затраты на демонтаж, но и потенциальные потери от невозможности дальнейшего использования инфраструктуры. Регуляторные требования к рекультивации территорий бывших исследовательских центров существенно влияют на конечную стоимость вывода из эксплуатации. Анализ альтернативных сценариев redevelopment позволяет минимизировать финансовые потери при соблюдении экологических стандартов.

Таб. 1
Обобщённая таблица преимуществ и областей применения ключевых методологических подходов

Метод	Основной фокус	Применение	Преимущества	Ограничения
Стоимостной инжиниринг	Оптимизация стоимости функций	Анализ альтернатив проектных решений, контроль бюджета	Повышение «ценности» без снижения качества	Требует качественных исходных данных и опыта экспертов
Управление жизненным циклом	LCC — полная стоимость владения	Все фазы объекта от проектирования до эксплуатации	Прогноз операционных затрат, стратегическое планирование	Высокая сложность анализа, длительная интеграция данных
BIM (цифровое моделирование)	Интеграция геометрии, времени, стоимости	Проектирование, стройка и эксплуатация	Повышение прозрачности, обнаружение коллизий	Необходима адаптация организационных процессов

Интеграция управления стоимостью в концепцию жизненного цикла позволяет существенно повысить экономическую устойчивость проектов, особенно когда речь идёт о сложных объектах, где эксплуатационные расходы могут превышать капитальные вложения. Это также способствует сокращению неопределённости и рисков, связанных с эксплуатацией инженерных систем, поскольку анализ стоимости производится с учётом всех долгосрочных параметров.

Цифровые технологии, прежде всего информационное моделирование зданий (BIM — Building Information Modeling), становятся центральным элементом современных методологий управления стоимостью. BIM позволяет создать детализированную цифровую модель объекта, включающую не только трёхмерную геометрию, но и данные о временных (4D), стоимостных (5D), эксплуатационных и иных параметрах.

Таб. 2
Использование BIM обеспечивает следующие ключевые преимущества для управления стоимостью

BIM - ключевые преимущества для управления стоимостью	
Интегрированное планирование	объединение архитектурных, инженерных, технологических и стоимостных данных в единой модели повышает согласованность проектных решений и снижает количество ошибок, которые приводят к перерасходам
Прозрачность и контроль	BIM-модель служит общей средой данных для всех участников проекта, что улучшает обмен информацией и позволяет оперативно реагировать на изменения.
Анализ жизненного цикла	данные BIM можно использовать для оценки затрат на эксплуатацию и обслуживание, а также для планирования модернизации инженерных систем.

1) Интегрированное планирование — объединение архитектурных, инженерных, технологических и стоимостных данных в единой модели

Интеграция разнородных данных в BIM-моделях для проектирования объектов здравоохранения и науки основывается на системном подходе, объединяющем архитектурные, инженерные и экономические параметры. Этот подход особенно важен для медицинских учреждений и исследовательских центров, где специфические технологические требования формируют проектные решения. Создание единой цифровой платформы для синхронизации данных о пространственном планировании, инженерных системах и бюджетных ограничениях позволяет проводить комплексный анализ проектных альтернатив на ранних стадиях разработки.

Ключевым принципом интеграции является установление взаимосвязей между функциональными характеристиками объектов и экономическими показателями. Например, в лабораторных корпусах требования к чистым помещениям коррелируют с затратами на системы вентиляции и фильтрации. В образовательных комплексах планировочные решения аудиторий должны учитывать эксплуатационные расходы. BIM-модели визуализируют эти взаимозависимости, повышая обоснованность проектных решений.

Синхронизация стоимостных параметров с техническими решениями минимизирует риски превышения бюджета. Автоматизированные расчеты смет в BIM-среде позволяют оперативно оценивать финансовые последствия изменений. В медицинских учреждениях это актуально при выборе материалов отделки, соответствующих санитарным нормам и экономическому бюджету. Интеграция данных обеспечивает прозрачность формирования стоимости на всех этапах проекта.

Применение BIM в медицинских комплексах эффективно предотвращает конфликты проектных решений. Например, согласование трасс инженерных коммуникаций с планированием операционных блоков выявляет коллизии на ранних стадиях, что позволяет избежать дорогостоящих изменений. Анализ кейсов показывает, что такая интеграция сокращает сроки согласований и повышает точность сметных расчетов.

Оптимизация сетевого планирования для исследовательских центров достигается через координацию логистических, технологических и ресурсных параметров в BIM-модели. Моделирование последовательности работ с учетом стоимостных ограничений создает реалистичные графики строительства. В лабораторных корпусах это включает синхронизацию специализированных инженерных систем с общестроительными работами, минимизируя простои и дополнительные расходы.

2) Прозрачность и контроль — BIM-модель служит общей средой данных для всех участников проекта

BIM-технологии повышают прозрачность бюджетных расходов через автоматизированный мониторинг финансовых операций в реальном времени. Это критично для медицинских и научно-исследовательских учреждений, где необходим строгий контроль за распределением средств. Единая цифровая платформа позволяет быстро корректировать бюджет при изменениях в проектных решениях, минимизируя риски нецелевого использования ресурсов. Автоматическая генерация отчетов в BIM-среде позволяет отслеживать динамику расходов на всех этапах строительства. Система фиксирует изменения в сметной документации, обеспечивая соответствие фактических затрат бюджету.

Для образовательных учреждений это оптимизирует распределение средств между учебными корпусами и лабораториями. BIM-технологии предотвращают скрытые

расходы при строительстве объектов науки и здравоохранения. Контроль соответствия фактических и плановых показателей осуществляется через сравнение проектных данных с данными от подрядчиков. Система автоматически выявляет отклонения в объемах выполненных работ и использованных материалах, предотвращая перерасход средств. Интеграция данных позволяет оперативно корректировать бюджет научно-образовательных комплексов и перераспределять ресурсы между зонами.

Совместный доступ к BIM-модели синхронизирует данные между подрядчиками и заказчиками, устраняя дублирование документов и противоречия в отчетности. Централизованная база информации обеспечивает актуальность данных о состоянии строительства и использовании ресурсов, снижая конфликты и задержки при реализации сложных технологических проектов в науке и образовании.

3) Анализ жизненного цикла — данные BIM можно использовать для оценки затрат на эксплуатацию и обслуживание, а также для планирования модернизации инженерных систем.

Прогнозирование затрат лабораторных корпусов с помощью BIM анализирует энергопотребление, обслуживание и ремонт инженерных систем, учитывая специфику помещений, такие как вентиляция и безопасность. Модели учитывают сезонные изменения и регламентные сроки, оптимизируя графики работ и снижая затраты.

Для образовательных комплексов BIM прогнозирует срок службы систем отопления, вентиляции и электрооборудования, синхронизируя ремонтные планы с учебным процессом и минимизируя простои. Сценарный анализ модернизации инженерных сетей сокращает жизненный цикл затрат без ущерба надежности.

Сценарное моделирование медицинских учреждений сравнивает экономическую эффективность стратегий обновления, учитывая затраты на адаптацию к новым стандартам. Интеграция стоимостного инжиниринга, управления жизненным циклом и BIM снижает совокупные затраты на 15–20%, минимизируя риски ошибок за счет синхронизации данных между этапами проекта.

BIM с оценочными инструментами (5D-BIM) автоматически синхронизирует изменения с сметными данными, повышая качество прогнозирования и устойчивое управление проектом.

Заключение

Исследование показало, что интеграция стоимостного инжиниринга, управления жизненным циклом (LCC) и BIM-технологий формирует комплексную систему управления стоимостью для специализированных объектов. Синергетическое взаимодействие этих подходов устраняет дисбаланс между капитальными вложениями и эксплуатационными затратами, обеспечивая целостное видение экономических аспектов на всех стадиях проекта. Применение данной методологии позволяет снизить совокупные затраты на 15–20% для медицинских, научных и образовательных учреждений.

Ключевым фактором является синхронизация данных между этапами проектирования, строительства и эксплуатации, что минимизирует риски стоимостных ошибок и повышает долгосрочную экономическую эффективность объектов. Анализ выявил специфические требования к управлению стоимостью специализированных объектов, обусловленные их функциональным назначением, высокими эксплуатационными расходами на оборудование и строгими нормативными требованиями. Эти факторы требуют гибких планировочных решений и прогнозирования изменений технологических процессов для предотвращения дополнительных затрат в эксплуатации.

BIM-платформы доказали свою эффективность в обеспечении прозрачности стоимостных расчётов на всех этапах жизненного цикла объектов. Цифровое моделирование объединяет архитектурные, инженерные и экономические данные, что способствует точному прогнозированию затрат и выявлению скрытых резервов оптимизации. Использование 4D-моделирования для планирования логистики и симуляции эксплуатационных сценариев снижает риски перерасхода средств, а автоматизированный контроль проектной документации минимизирует ошибки.

Практические рекомендации включают разработку стандартов сквозного стоимостного моделирования и создание цифровых двойников специализированных объектов для унификации подходов к управлению затратами. Внедрение KPI по полному жизненному циклу в систему госзакупок показало свою эффективность, обеспечив экономии 18,7 млн рублей при реконструкции медицинских комплексов. Этот подход стимулирует подрядчиков оптимизировать долгосрочные эксплуатационные характеристики объектов, а не только снижать первоначальные строительные затраты.

Литература

1. Балашов А.И., Рогова Е.М., Тихонова М.В. и др. Управление проектами. — Москва: Юрайт, 2015. — 383 с.
2. Бурцева Н.А., Ляховский К.А. Методы и стандарты проектирования реконструкции медицинских учреждений // Экономика строительства. — 2025. — №11. — С. 659–662.
3. Ващенко Т.В. Цифровые технологии в строительной отрасли: проблемы и перспективы внедрения // Вестник евразийской науки. — 2024. — №2. — С. 1–11.
4. Дорожкин В.Р. Управление стоимостью — приоритетная сфера деятельности в системе управления проектами // Управление проектами. — 2005. — №1. — С. 44–48.
5. Кужин М.Ф., Бурцева Н.А., Нестерова И.С. и др. Экономические аспекты цифровизации строительного производства: выгоды, вызовы и стратегии // Экономика и предпринимательство. — 2025. — №11. — С. 711–714.
6. Кузьмин Н.Ю. Подходы к управлению жизненным циклом промышленных объектов капитального строительства // Вестник евразийской науки. — 2025. — №5. — С. 1–5.
7. Околелова Э.Ю., Шibaева М.А., Серебрякова И.А. Экономическая оценка инвестиций. — Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2022. — 17 с.
8. Талапов В.В. Основы BIM: введение в информационное моделирование зданий. — Москва: ДМК Пресс, 2011. — 392 с.
9. Тарханова Н.А., Тимошко А.А., Бенц Р.А. Особенности управления стоимостью инвестиционно-строительного проекта на различных фазах его жизненного цикла // Экономика строительства и городского хозяйства. — 2024. — №1. — С. 43–53.

Methodological approaches to managing the cost of complex social infrastructure facilities

Burtseva N.A., Lyakhovsky K.A.

National Research Moscow State University of Civil Engineering (NRU MGSU)

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

The article discusses modern methodological approaches to managing the costs of investing in and building socially significant projects with a high technological content, including hospitals, research centers and laboratory buildings. It substantiates the importance of using cost engineering and cost management techniques, as well as digital technologies like BIM, throughout the project life cycle to improve budget accuracy, optimize costs and reduce the risk of overspending. The article also analyzes the shortcomings of traditional valuation methods, identifies the reasons for the imbalance between capital investment and operating costs, proposes principles for functional analysis and the integration of digital data to support sustainable resource management, provides examples of how these methods can be applied, and emphasizes the importance of integrating different approaches in large-scale engineering projects. The conclusion draws attention to the impact of these measures on cost control effectiveness and their potential application in scientific, educational, and medical infrastructures.

Keywords: cost engineering, life cycle cost management, Building Information Modeling (BIM), cost optimization, socially significant infrastructure, digital construction technologies, functional cost analysis.

References

1. Balashov A.I., Rogova E.M., Tikhonova M.V. and others. Project management. Moscow: Yurait Publ., 2015. 383 p.
2. Burtseva N.A., Lyakhovsky K.A. Methods and standards of designing reconstruction of medical institutions // Economics of construction. — 2025. — No. 11. — Pp. 659-662.
3. Vashchenko T.V. Digital technologies in the construction industry: problems and prospects of implementation // Bulletin of Eurasian Science. - 2024. — No. 2. — Pp. 1-11.
4. Dorozhkin V.R. Cost management is a priority area of activity in the project management system // Project management. - 2005. — No. 1. — Pp. 44-48.
5. Kuzhin M.F., Burtseva N.A., Nesterova I.S. and others. Economic aspects of digitalization of construction production: benefits, challenges, and strategies // Economics and entrepreneurship. — 2025. — No. 11. — Pp. 711-714.
6. Kuzmin N.Y. Approaches to life cycle management of industrial capital construction facilities // Bulletin of Eurasian Science. — 2025. — No. 5. — Pp. 1-5.
7. Okolelova E.Yu., Shibaeva M.A., Serebryakova I.A. Economic assessment of investments. Voronezh: VGTU Publishing House, 2022. 17 p.
8. Talapov V.V. Fundamentals of BIM: an introduction to building information modeling. — Moscow: DMK Press, 2011. 392 p.
9. Tarkhanova N.A., Timoshko A.A., Benz R.A. Features of cost management of an investment and construction project at various phases of its life cycle // Economics of construction and urban economy. - 2024. — No. 1. — Pp. 43-53.

Анализ консолидированного государственного долга Российской Федерации как фактора экономической безопасности

Мазурчук Тимофей Михайлович

к.э.н., PhD in Economics, доцент кафедры отраслевых рынков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,

Голосная Ульяна Александровна

студент факультета экономики и бизнеса кафедры отраслевых рынков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 239764@edu.fa.ru,

Корытникова Мария Геннадьевна

студент факультета экономики и бизнеса кафедры отраслевых рынков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 239759@edu.fa.ru

В научной работе проводится комплексный анализ консолидированного государственного долга Российской Федерации как фактора экономической безопасности и макроэкономической стабильности. Рассматриваются структура и динамика внутреннего и внешнего долга в условиях мировой турбулентности и санкционных ограничений, валютно-срочные параметры, инструменты заимствований и состав держателей, а также бюджетные последствия через параметры нагрузки по обслуживанию, рисков рефинансирования, чувствительности к процентным ставкам. Оценка выполняется на основе сопоставления экономических показателей и социо-политической конъюнктуры, позволяющих выявлять пороговые значения долговой устойчивости.

Цель статьи — выявить ключевые факторы риска долговой устойчивости и их влияние на финансовую стабильность и экономический суверенитет. Эмпирическая база включает статистику Банка России и Росстата, государственные отчеты и экспертные публикации.

В работе обосновывается, что в условиях геополитической напряженности и санкционных ограничений долговая политика трансформируется в сторону опоры на внутренний рынок, повышения роли рублевых инструментов и управления ликвидностью, что снижает внешние уязвимости, но усиливает требования к координации денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики.

Ключевые слова: государственный долг, консолидированная задолженность, экономическая безопасность, долговая устойчивость, бюджетно-налоговая политика, экономический суверенитет.

Введение

Консолидированный государственный долг выступает ключевым параметром макрофинансовой устойчивости, поскольку отражает совокупные обязательства публичного сектора и задаёт рамки межвременного бюджетного ограничения государства. Долговые инструменты, с одной стороны, обеспечивают финансирование дефицита, сглаживание циклических колебаний и реализацию приоритетных инвестиционных программ, с другой — при неблагоприятной структуре портфеля и росте стоимости заимствований формируют риски экономической безопасности через увеличение нагрузки по обслуживанию, усиление рисков рефинансирования, процентной чувствительности и возможных ограничений экономического манёвра.

Актуальность исследования для Российской Федерации обусловлена сочетанием мировой финансовой турбулентности и санкционных ограничений, трансформирующих доступность внешних источников фондирования и каналы передачи внешних шоков на внутренние рынки капитала. В подобных условиях возрастает значение внутреннего долгового рынка и рублевых инструментов как опоры долговой политики, одновременно усиливаются требования к согласованности бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики для сдерживания стоимости заимствований и предотвращения вытеснения частных инвестиций. Снижение внешних уязвимостей за счёт сокращения валютной компоненты долга сопровождается ростом значимости внутренних рисков — прежде всего процентного и ролловера, а также зависимости от спроса ключевых групп инвесторов.

Проблематика регулирования государственного долга приобретает особую актуальность для Российской Федерации в современных условиях, характеризующихся санкционными ограничениями и волатильностью на мировых финансовых рынках, а также геополитическими ограничениями, связанными с обслуживанием долговых обязательств на мировом рынке. Трансформация глобальной финансовой системы, усиление тенденций к отказу от использования мировых резервных валют, в особенности долларов США в международных расчетах и формирование новых центров экономической силы создают как вызовы, так и возможности для оптимизации долговой политики России.

Обзор литературы

Проблематика государственного долга в контексте обеспечения экономической безопасности России привлекает значительное внимание исследователей. Научная литература по данному вопросу охватывает широкий спектр аспектов, включая теоретические основы управления долгом, анализ структуры и динамики задолженности, а также оценку влияния долговой нагрузки на экономическую безопасность страны. [6, С. 111]

В работе И. М. Блохиной, Т. Д. Гайворонской, К. А. Березняк подчеркивается увеличение доли внутренних заимствований в общей структуре долга. Исследователи предлагают систему индикаторов для оценки долговой устойчивости и разрабатывают рекомендации по оптимизации долговой политики в условиях геополитической напряженности [5, с. 2].

Минаева В.С. и др. анализируют различные инструменты покрытия бюджетного дефицита, включая внутрен-

ние и внешние заимствования, использование средств суверенных фондов и приватизацию государственного имущества. В исследовании отмечается, что в условиях санкционных ограничений возрастает роль внутренних источников финансирования, что требует развития национального финансового рынка и повышения привлекательности государственных ценных бумаг для внутренних инвесторов [7, с.3].

Исследования формируют комплексное представление о роли государственного долга в обеспечении экономической безопасности России и создают теоретическую и методологическую основу для дальнейшего изучения данной проблематики.

Изучение данных работ позволили сформировать теоретико-методологическую основу настоящего исследования, определить ключевые подходы к оценке долговой нагрузки и экономической безопасности. На основе проведенного анализа научной базы была обоснована необходимость комплексной оценки долга страны.

Основная часть

Традиционно бюджетные системы различных государств формируются за счет экономических ресурсов (налоговых, неналоговых и безвозмездных поступлений), направленных на финансирование развития внутренней и внешней инфраструктуры страны, что напрямую коррелирует с удовлетворением общенациональных потребностей граждан. Однако в условиях нестабильности финансовых процессов, зачастую связанных с цикличностью экономики, государства вынуждены привлекать дополнительные альтернативные источники финансирования по причине истощения бюджетных запасов. Одним из наиболее распространенных методов привлечения является использование государственного кредита, который является совокупность норм и правил, в последствии которых формируются денежные потоки, направляемые государством на покрытие бюджетного дефицита.

В прикладном плане государственный долг выполняет функцию межвременного перераспределения ресурсов: он обеспечивает финансирование дефицита в периоды неблагоприятной конъюнктуры, ускорение реализации капиталоемких инфраструктурных и технологических проектов, поддержание социальной стабильности и выполнение контрциклических задач бюджетной политики. Вместе с тем долговое финансирование не является нейтральным по отношению к экономической безопасности: рост обязательств при несбалансированной структуре долга способен трансформироваться в системные риски через бюджетный канал (рост расходов на обслуживание, вытеснение приоритетных расходов), финансовый канал (рост премии за риск, ухудшение условий рефинансирования, изменение кривой доходности) и институциональный канал (сужение пространства для экономического манёвра и усиление зависимости от конъюнктуры рынка заимствований). Следовательно, аналитический акцент должен быть смещён от фиксирования номинального объёма долга к оценке качества долгового портфеля и его чувствительности к ключевым шокам — процентным, валютным и санкционно-геополитическим. [3]

Методологически базовая рамка анализа включает три взаимосвязанных блока:

- структурно-динамический анализ долга (внутренний/внешний; рублёвая/валютная компонента; срочная структура и профиль погашений; инструменты заимствований; состав держателей);
- оценку долговой устойчивости по совокупности индикаторов (долг/ВВП; обслуживание/доходы бюджета; первичный баланс; средневзвешенный срок до погашения; доля плавающей ставки; концентрация погашений);

- диагностику рисков посредством сценарных допущений и стресс-оценок (изменение процентных ставок, девальвационные шоки, ухудшение условий ролловера, сжатие спроса на ОФЗ со стороны ключевых групп инвесторов). Такая логика позволяет увязать долговые параметры с категориями экономической безопасности — финансовой стабильностью, бюджетной устойчивостью и сохранением экономического суверенитета.

В свою очередь, внутренний долг несёт в себе риски, сформированные на основе:

1. Изменения процентной ставки Центрального Банка Российской Федерации (ЦБ РФ), что увеличивает стоимость обслуживания внутреннего долга, посредством применения облигаций федерального займа (ОФЗ).
2. Инфляции, выраженной в форме “эрозии” стоимости реальных обязательств. Рост данного макроэкономического индикатора ускоряет номинальный объем долга, что снижает покупательную способность рубля и доверие инвесторов.
3. Падения ликвидности, связанный с сужения объема рынка капитала до уровня одного государства. Данная тенденция затрудняет размещение ОФЗ при более высокой стоимости.

Таким образом, риски связанные с внутренним и внешним долгом могут оказать негативное влияние на один из центральных макроэкономических показателей - валовый внутренний продукт (ВВП), так как долговая нагрузка будет уменьшать добавленную стоимости, созданную резидентами страны.

Рассматриваемую особенность также отметил президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, выступая на восточном экономическом форуме (ВЭФ): “Уровень долговой нагрузки государства – и внешних долгов, и внутренних, гарантирует стабильность работы всей кредитно-финансовой системы – и бюджетной системы в том числе” [13].

Рассмотрим динамику внешнего долга Российской Федерации за период с 2011 по 2025 года, представленную на рисунке 1.

Рисунок 1. Внешний долг РФ 2011-2025 гг., всего млн.долл. США

Источник: составлено авторами оп данным [3, 5, С.5]

Объем внешнего долга Российской Федерации в своей совокупности демонстрирует умеренную и контролируемую динамику (рисунок 1): в период 2013-2019 гг. долг постепенно снижался, далее следовало увеличение государственного внешнего долга. Стоит отметить, что если рассматривать анализируемый период в целом (2011-2025 гг.), динамика долга имеет волнообразный характер:

В 2011-2014 гг. наблюдался активный рост внешнего долга с 39 956,9 млн долл. США до 53 972,2 млн долл.. США, обусловленный, во-первых, нехваткой средств федерального бюджета (дефицит федерального бюджета), например, МинФин РФ (Министерство Финансов Российской Федерации) в государственной долговой политике

России на 2012–2014 гг. отмечал, что при возможном падении ВВП более чем на 5% [7], формируется потребность в привлечении дополнительных заимствований. Во-вторых, данную тенденцию можно связать с ростом расходов на реализацию крупных государственных проектов, таких как Олимпиада в Сочи, саммит АТЭС во Владивостоке, Гран-при России 2014 года “Формулы-1” (вступительный взнос, который выплачивался из Федерального бюджета, около 60 [7] млн долл. США; строительство трассы Сочи-автодром 8,74 млрд рублей) [8]. В-третьих, рост числа санкций, введенных против России. В-четвертых, размещение еврооблигаций Минфином РФ на сумму около 1 млрд евро [9].

В 2015–2020 гг. внешний государственный долг Российской Федерации демонстрировал преимущественно нисходящую динамику, что было обусловлено сочетанием ограничений внешнего фондирования и мер по оптимизации долгового портфеля. Сокращение коммерческих заимствований на фоне сужения присутствия международных компаний и ухудшения условий привлечения капитала дополнялось валютно-оценочными эффектами: в 2020 г. переоценка курсовой разницы составила 28,9 млрд долл. США, что повлияло на статистическое представление долговых параметров. Одновременно снизились заимствования по суверенным ценным бумагам до 38 млрд долл. США по состоянию на 1 октября 2020 г., а рефинансирование валютных обязательств в контуре девальютации и использования инструментов ФНБ способствовало уменьшению внешних уязвимостей и снижению валютного риска. [2]

Рисунок 2. Отношение внешнего долга РФ к ВВП РФ, в %, 2011–2025гг.

Источник: составлено авторами по данным [11]

В 2021–2022 гг. произошёл разворот тенденции и рост внешнего долга до пикового значения 59,702 млрд долл. США, что связано с падением экономической активности в период пандемии, расширением бюджетного дефицита на фоне ухудшения нефтегазовой конъюнктуры, усилением санкционного давления и повышением неопределённости, а также с продолжением финансирования инфраструктурных проектов. В 2023–2025 гг. наблюдались стабилизация и последующее снижение долга при признаках возобновления роста в 2025 г.; динамика поддерживалась ростом экспортных доходов, реструктуризацией обязательств в сторону рубля и валют партнёров и переориентацией на внутренние источники заимствований. При этом в 2025 г. фиксировались краткосрочные колебания: в I–II кварталах рост порядка 5%, в III квартале снижение около 4%, что объясняется укреплением рубля, графиком исполнения обязательств и внешнеполитическими факторами. В целом внешний долг удерживался в диапазоне 50–60 млрд долл. США, а тенденции первой половины 2026 г. указывают на возможность умеренного снижения, что соответствует консервативной долговой

политике и ориентации на укрепление экономической безопасности; далее целесообразно перейти к анализу отношения внешнего долга к ВВП (рис. 2).

В период с 2011 по 2025 годы отношение данных макроэкономических индикаторов демонстрирует тренд к снижению после пиковых значений в середине 2014–2016 гг. и в 2020 г. В начале периода показатель составлял 7–9%, что обусловлено стабильным ростом ВВП за счет поступлений от ресурсного сектора экономики и ростом инвестиций, а также увеличением внутреннего спроса. Затем в 2014–2016 гг. показатель заметно вырос на 5,94% до отметки 15,28%, что связано с уменьшением поступлений от основных источников формирования бюджета РФ, в связи с санкционным давлением. После 2016 года, в период до 2020 года, просматривается устойчивое снижение доли внешнего долга в ВВП, которое продолжается практически весь последующий период. Данная особенность в основном связана с ростом номинального ВВП. К 2022–2025 годам показатель опускается до 9,58%, характер такой направленности происходит, поскольку ВВП растет за счет внутренних факторов: импортозамещение, государственная поддержка малого и среднего бизнеса (МСП), а также основополагающих отраслей экономики, которые создают продукты с высокой добавленной стоимостью.

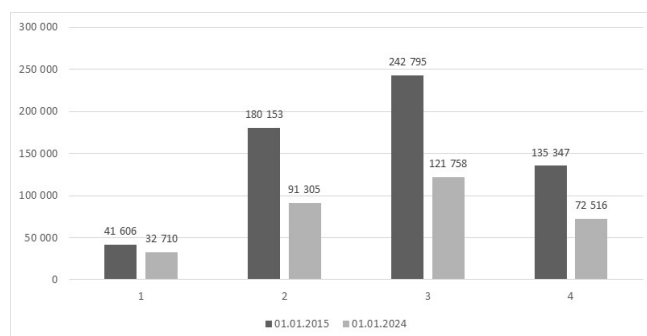

Рисунок 3. Внешний долг Российской Федерации млн.долл.США, 2015 и 2024 гг..*

*где, 1 - Органы государственного управления;
2 - Центральный банк и банки (без долговых обязательств перед прямыми инвесторами и предприятиями прямого инвестирования);
3 - Прочие секторы (без долговых обязательств перед прямыми инвесторами и предприятиями прямого инвестирования);
4- Банки и прочие секторы - долговые обязательства перед прямыми инвесторами и предприятиями прямого инвестирования

Источник: составлено авторами по данным [12]

Если рассматривать внешний долг Российской Федерации в национальной и иностранной валюте в разрезе 2015 и 2024 годов, представленных на рисунке 3, наблюдается устойчивая динамика снижения зависимости от внешних источников финансирования и уменьшения валютных рисков. Наибольшее уменьшение наблюдается в прочих секторах (без долговых обязательств перед прямыми инвесторами и предприятиями прямого инвестирования), а также у банков и Центрального Банка: их долговая нагрузка уменьшилась в 1,5 раза, это связано с ограничением доступа к международным рынкам капитала и переходом на финансирование за счет внутренних средств фондирования. Внешний долг органов государственного управления снизился на 21%, что показывает политику переориентации на снижение валютных обязательств. Долговые обязательства банков и прочих секторов снизились наполовину, что свидетельствует о реструктуризации обязательств. В целом, сравнивая состояние внешнего государственного долга за 2015 год с 2024

годом, финансовая устойчивость в условиях ограниченности внешних источников кредитования повысилась. [1]

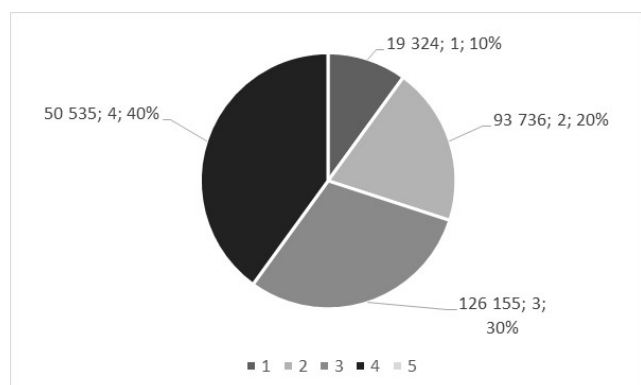

Рисунок 4. Состав внешнего долга Российской Федерации, 2025 г. *

* где, 1 - Органы государственного управления;
2 - Центральный банк и банки (без долговых обязательств перед прямыми инвесторами и предприятиями прямого инвестирования);

3 - Прочие секторы (без долговых обязательств перед прямыми инвесторами и предприятиями прямого инвестирования);

4 - Банки и прочие секторы - долговые обязательства перед прямыми инвесторами и предприятиями прямого инвестирования;

Источник: составлено авторами по данным [12]

Анализируя состав внешнего долга Российской Федерации за 2025 год, представленный на рисунке 4, можно выявить доминирование обязательств перед прямыми инвесторами и предприятиями прямого инвестирования, на которые приходится 40% совокупного внешнего долга (50 535 млн. долл.). Значительная часть внешних обязательств связана с участием иностранных инвесторов в капитале российских компаний и банков, что отражает более устойчивый и долгосрочный характер таких вложений по сравнению с краткосрочными рыночными заимствованиями. На втором месте по объему находятся прочие секторы экономики, не включающие задолженность перед прямыми инвесторами: на их долю приходится 30% общего долга (126 155 млн. долл.), что подтверждает значительную роль корпоративного сектора в формировании внешних обязательств страны. Центральный банк и банки занимают третью позицию с долей 20% (93 736 млн. долл.), что говорит о сравнительно ограниченном использовании внешнего фондирования финансовыми институтами, особенно с учётом тенденций последних лет по сокращению зависимости от международных рынков капитала. Наименьшая доля принадлежит органам государственного управления — всего 10% (19 324 млн. долл.), что подчеркивает низкую внешнюю долговую нагрузку государства и ориентацию на внутренние источники заимствований.

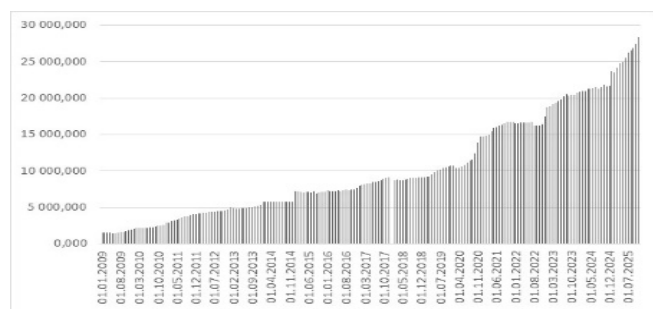

Рисунок 5. Объем государственного внутреннего долга Российской Федерации, млрд.руб. 2009-2025 гг.

Источник: составлено авторами по данным [12]

Для формирования устойчивой картины возможно перейти к анализу внутреннего государственного долга Российской Федерации, динамика которого представлена на рисунке 5. Объем государственного внутреннего долга Российской Федерации в 2009–2025 г. демонстрирует устойчивую и практически непрерывную тенденцию к росту. В начале периода, в 2009–2010 гг., внутренний долг находился на сравнительно низком уровне около 1–2 трлн руб., однако уже к 2014–2015 гг. он увеличился до примерно 6 трлн руб., что отражало активизацию внутренних заимствований на фоне внешнеэкономической нестабильности и ограничений на международных рынках капитала. В последующие годы рост долговых обязательств ускорился: к 2020 г. внутренний долг достиг порядка 11–12 трлн. руб., а затем, в условиях экономических шоков, усиления бюджетных расходов и снижения возможностей внешнего финансирования, увеличивался еще более высокими темпами. Особенно заметный скачок наблюдается после 2022 г., когда внутренний долг стал возрастать быстрыми темпами, превышая 20 трлн руб. уже к 2023–2024 гг. и достигая максимального значения, близкого к 28–29 трлн руб., к середине 2025 г. Причинами такого роста являются:

1. Снижение последствий экономических шоков, возникших в период экономических кризисов (например, кризис 2008-2009 гг., 2020 год - пандемия COVID-19, 2022 год - санкционное давление).

2. Снижение дефицита бюджета, например, в 2025 году дефицит бюджета пересек плановое значение на 6трлн рублей, [10] значит часть повышенных заимствований будет покрываться за счет внутренних источников.

3. Увеличение выпуска облигаций федерального займа (ОФЗ), например, в 2024 году такое повышение произошло на 20%, что, с одной стороны, увеличило внутренний государственный долг, а с другой стороны, обеспечило ликвидность (привлечение “длинных” денег, низкий кредитный риск, косвенная помощь Центрального Банка (ЦБ) по удержанию целевого уровня инфляции). [14]

4. Уменьшение резерва Фонда Национального Благосостояния (ФНБ).

5. Расширение национальных проектов, так как расходы по таким проектам частично могут покрываться за счет ОФЗ (Национальный проект “Демография”).

6. Законодательные изменения в сфере бюджетного финансирования: расширение круга держателей ОФЗ, включая нерезидентов до 2022 года.

7. Рефинансирование старых долгов, что продлевает сроки погашения, но не уменьшает общий объем долговых обязательств.

8. Колебание курса рубля затрудняет обслуживание части внутреннего долга, выраженного через валютные облигации.

Таким образом, за 16 лет объем внутреннего долга вырос примерно в 15 раз. Данный рост отражает переход государства к преимущественному использованию внутренних источников финансирования, расширение программ размещения облигаций федерального займа, необходимости покрытия дефицитов бюджета и общую перестройку финансовой модели на фоне сокращения возможностей привлечения внешних заимствований. Несмотря на значительный рост, увеличение внутреннего долга считается менее рискованным по сравнению с внешним, так как он номинирован в национальной валюте и контролируется внутри страны, однако его динамика указывает на растущую долговую нагрузку бюджета и усиливающуюся зависимость государства от внутреннего рынка капитала.

Таблица 1
Динамика государственного внутреннего долга Российской Федерации, выраженного в государственных ценных бумагах РФ, в млрд. рублей

Виды ценных бумаг*	на 01.01.2015	на 01.01.2025	Темп роста, %
БОФЗ	103,58	-	-
ОФЗ-ПК	1 000,00	9 996,12	10,00
ОФЗ-ПД	2 551,02	11 618,79	4,55
ОФЗ-АД	1 038,56	93,23	0,09
ОФЗ-ИН	-	1 282,00	-
ГСО-ППС	560,55	94,40	0,17
ГСО-ФПС	132,00	-	-
ОВОЗ	90,00	-	-
ОГРВЗ 1991 года	0,0001	0,0001	1,26
ОФЗ-н	-	1,57	-
Итого внутренний долг	5 475,71	23 086,11	4,22

*номинальная стоимость указана в валюте Российской Федерации
Источник: составлено авторами по данным [15]

Объем государственного внутреннего долга России, выраженного в государственных ценных бумагах, в период с 2015 по 2025 годы демонстрирует устойчивую тенденцию к росту, при этом его структура постепенно меняется в пользу наиболее востребованных и ликвидных инструментов. Основной вклад в увеличение долга вносят облигации федерального займа с постоянным (ОФЗ-ПД) и переменным купоном (ОФЗ-ПК), чей объем за десять лет вырос многократно, отражая повышение роли внутреннего рынка заимствований и растущую потребность бюджета в долговом финансировании. Примечательно, что такие инструменты, как ОФЗ-ИН (индексированные), после 2018 года начинают занимать всё более заметное место, указывая на интерес инвесторов к защите от инфляционных рисков. Одновременно некоторые виды бумаг — БОФЗ, ОВОЗ, ГСО-ФПС — полностью исчезают из структуры долга, что свидетельствует о постепенной оптимизации линейки государственных долговых инструментов.

Общий внутренний долг увеличился с 5,48 трлн руб. на начало 2015 года до 23,09 трлн руб. на начало 2025 года, то есть более чем в четыре раза, что подчеркивает растущую роль внутреннего долгового рынка как ключевого источника финансирования государственных обязательств. Такая динамика связана как с изменением макроэкономической среды, так и с необходимостью компенсировать сокращение доступа к внешним заимствованиям, что делает внутренний рынок основным каналом долговой политики государства.

Исходя из тенденции роста внутреннего долга Российской Федерации можно выявить следующие риски. Повышение спроса на облигации федерального займа с индексированным номиналом (ОФЗ-ИН) демонстрирует: инвесторы пытаются защитить свой капитал от инфляции, что повышает нагрузку на бюджет. Также, исчезновение менее ликвидных инструментов БОФЗ, ОВОЗ, ГСО-ФПС, с одной стороны, делает рынок более прозрачным, с другой стороны, требует постоянного мониторинга в части концентрации капитала, выраженного в наиболее востребованных финансовых инструментах.

Закключение

Проведённый анализ консолидированного государственного долга Российской Федерации в разрезе внешней и внутренней составляющих демонстрирует, что долговая политика реализуется в условиях одновременного воздействия внутренних задач бюджетного финансирования и внешних ограничений, формирующих повышенную неопределённость на рынках капитала. Внешний долг в рассматриваемом периоде характеризуется умеренным уровнем и в целом контролируемой динамикой: его объём преимущественно удерживается в диапазоне 50–60 млрд

долл. США, а отношение внешнего долга к ВВП не выходит за пределы порядка 15%, что указывает на наличие значимого «запаса прочности» по линии внешней долговой позиции и ограниченную макроэкономическую чувствительность к внешним долговым шокам. Структурные сдвиги во внешних обязательствах отражают курс на снижение валютных и санкционно-инфраструктурных уязвимостей за счёт девальютизации, переориентации на расчёты и инструменты в национальной валюте и валютах стран-партнёров, а также сдерживания новых внешних заимствований.

Одновременно установлено, что ключевой контур долговых рисков смещается во внутренний сегмент: в 2015–2025 гг. объём внутреннего долга, выраженного в государственных ценных бумагах, увеличился более чем в четыре раза (с 5,48 до 23,09 трлн руб.), что отражает усиление роли внутреннего рынка заимствований как базового источника покрытия бюджетных разрывов в условиях ограниченного доступа к внешнему финансированию. Такая трансформация повышает управляемость долгового портфеля и снижает валютный риск, однако усиливает значимость процентного и рефинансирования, а также чувствительность бюджетных расходов к уровню ставок и структуре купонных выплат.

В целом полученные результаты позволяют заключить, что долговая позиция Российской Федерации сохраняет характеристики устойчивости и контролируемости, однако поддержание экономической безопасности в среднесрочной перспективе требует фокусировки на качестве внутреннего долгового портфеля, оптимизации сроков погашения, ограничении концентрации выплат по годам и системном мониторинге стоимости обслуживания, включая стресс-оценки при сценариях повышенных процентных ставок и ухудшения ликвидности внутреннего рынка.

Литература

1. Банк России. Годовой отчет за 2024 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Банка России. — URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf (дата обращения: 20.12.2025)

2. Банк России. Годовой отчет за 2025 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Банка России. — URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf (дата обращения: 20.12.2025)

3. Банк России. Статистика внешнего сектора: Внешний долг [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/ed/ (дата обращения: 16.12.2025)

4. Гонки «Формула-1» в Сочи: хроника подготовки Гран-при России [Электронный ресурс] // ЮГА.ру. — URL: <https://www.yuga.ru/articles/sport/7044.html> (дата обращения: 20.11.2025)

5. И. М. Блохина, Т. Д. Гайворонская, К. А. Березняк. Оценка уровня долга российской федерации // ЕГИ. 2024. №3 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-urovnya-dolga-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 15.12.2025).

6. Мазурчук Т.М. Вызовы для экономической и энергетической безопасности страны в современных условиях // Экономика и предпринимательство. 2023. № 10 (159). С. 108–113.

7. Минаева В.С., Видяшева В.А., Ажмуратова М.А. Источники финансирования дефицита бюджета Российской Федерации: перспективы и тенденции // Экономика и парадигма нового времени. 2024. №1 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-finansirovaniya-defitsita-byudzheta-rossiyskoy-federatsii-perspektivy-i-tendentsii> (дата обращения: 15.12.2025).

8. Министерство финансов Российской Федерации. Государственный внутренний долг Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/internal/ (дата обращения: 16.11.2025)

9. Министерство финансов Российской Федерации. Государственный внутренний долг Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/internal/ (дата обращения: 16.12.2025)

10. Министерство финансов Российской Федерации. Объём и структура государственного внешнего долга Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/external/structure/ (дата обращения: 16.12.2025)

11. Министерство финансов Российской Федерации. Основные направления государственной долговой политики Российской Федерации на 2012–2014 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/public_debt_arch/internal/policy?id_4=20558-osnovnye_napravleniya_gosudarstvennoi_dolgovoi_politiki_rossiiskoi_federatsii_na_2012-2014_gg (дата обращения: 21.12.2025)

12. Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и внешний долг Российской Федерации (январь – сентябрь 2020 года) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400337755/> (дата обращения: 20.11.2025)

13. Путин В. В. Что значат слова Путина о дефиците бюджета и экономике [Электронный ресурс] // Ведомости. 2025. 8 сент. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/09/08/1137415-cto-znachat-slova-putina-o-defitsite-byudzheta-i-ekonomike?from=copy_text (дата обращения: 16.11.2025).

14. Россия размещает евробонды на \$6 млрд и 725 млн евро [Электронный ресурс] // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20130909/962040601.html> (дата обращения: 20.12.2025)

15. Федеральная служба государственной статистики [Росстат]. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=ВВП> (дата обращения: 16.12.2025)

Analysis of the consolidated public debt of the Russian Federation as a factor in economic security

Mazurchuk T.M., Golosnaya U.P., Korytnikova M.G.

Financial University under the Government of the Russian Federation
JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

This research paper provides a comprehensive analysis of the consolidated public debt of the Russian Federation as a factor in economic security and macroeconomic stability. It examines the structure and dynamics of domestic and external debt amid global turbulence and sanctions restrictions, currency and term parameters, borrowing instruments, and the composition of debt holders, as well as budgetary implications through servicing burden parameters, refinancing risks, and interest rate sensitivity. The assessment is based on a comparison of economic indicators and the socio-political environment, allowing for the identification of debt sustainability thresholds.

The purpose of this article is to identify key debt sustainability risk factors and their impact on financial stability and economic sovereignty. The empirical base includes statistics from the Bank of Russia and Rosstat, government reports, and expert publications.

The paper argues that, in the context of geopolitical tensions and sanctions restrictions, debt policy is being transformed toward reliance on the domestic market, increasing the role of ruble instruments, and liquidity management, which reduces external vulnerabilities but increases the requirements for coordination of monetary and fiscal policies.

Keywords: public debt, consolidated debt, economic security, debt sustainability, fiscal policy, economic sovereignty.

References

1. Bank of Russia. Annual Report for 2024 [Electronic resource] // Official website of the Bank of Russia. — URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf (date of access: 20.12.2025)
2. Bank of Russia. Annual Report for 2025 [Electronic resource] // Official website of the Bank of Russia. — URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf (date of access: 20.12.2025)
3. Bank of Russia. External Sector Statistics: External Debt [Electronic resource]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/ed/ (access date: 12/16/2025)
4. Formula 1 races in Sochi: chronicle of preparations for the Russian Grand Prix [Electronic resource] // YUGA.ru. — URL: <https://www.yuga.ru/articles/sport/7044.html> (access date: 11/20/2025)
5. I. M. Blokhina, T. D. Gaivoronskaya, K. A. Berezhnyak Assessment of the level of debt of the Russian Federation // EGI. 2024. No. 3 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-urovnya-dolga-rossiyskoy-federatsii> (date of access: 12/15/2025).
6. Mazurchuk T.M. Challenges for the Economic and Energy Security of the Country in Modern Conditions // Economy and Entrepreneurship. 2023. No. 10 (159). Pp. 108-113.
7. Minaeva V.S., Vidyasheva V.A., Azhmuratova M.A. Sources of Financing the Budget Deficit of the Russian Federation: Prospects and Trends // Economy and the Paradigm of the New Time. 2024. No. 1 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-finansirovaniya-defitsita-byudzheta-rossiyskoy-federatsii-perspektivy-i-tendentsii> (date of access: 15.12.2025).
8. Ministry of Finance of the Russian Federation. Domestic State Debt of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/internal/ (accessed on 16.11.2025)
9. Ministry of Finance of the Russian Federation. Domestic Public Debt of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/internal/ (accessed on 16.12.2025)
10. Ministry of Finance of the Russian Federation. Volume and Structure of the Public External Debt of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/external/structure/ (accessed on 16.12.2025)
11. Ministry of Finance of the Russian Federation. Main Directions of the State Debt Policy of the Russian Federation for 2012–2014 [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/public_debt_arch/internal/policy?id_4=20558-osnovnye_napravleniya_gosudarstvennoi_dolgovoi_politiki_rossiiskoi_federatsii_na_2012-2014_gg (date of access: 21.12.2025)
12. Balance of payments, international investment position and external debt of the Russian Federation (January – September 2020) [Electronic resource] // GARANTEE. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400337755/> (date accessed: 20.11.2025)
13. Putin V. V. What do Putin's words about the budget deficit and the economy mean [Electronic resource] // Vedomosti. 2025. September 8. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/09/08/1137415-cto-znachat-slova-putina-o-defitsite-byudzheta-i-ekonomike?from=copy_text (date accessed: 16.11.2025).
14. Russia places Eurobonds for \$6 billion and 725 million euros [Electronic resource] // RIA Novosti. — URL: <https://ria.ru/20130909/962040601.html> (date accessed: 20.12.2025)
15. Federal State Statistics Service [Rosstat]. [Electronic resource]. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=ВВП> (date accessed: 16.12.2025)

ESG-факторы и их интеграция в оценку стоимости капитала компании: каналы материализации, измерение и методики

Сидорова Елена Юрьевна

доктор экономических наук, профессор факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; профессор экономического факультета, Российский университет дружбы народов, ejsidorova@yandex.ru

Коштоян Степан Арапатович

аспирант, кафедра «Финансы, учет и аудит», Российский университет дружбы народов, 1142240280@rudn.ru

Цель статьи — предложить методологически точную стратегию, которая позволяет «приземлить» ESG на параметры стоимости капитала. ESG рассматривается через критерий финансовой материализации: фактор важен только тогда, когда он устойчиво влияет на риск денежных потоков и/или на условия привлечения финансирования. Показано, что корректная постановка требует развести два канала материализации (через денежные потоки и через финансирование) и закрепить правило, исключающее двойной учет между потоками и ставкой дисконтирования. Систематизированы подходы к измерению ESG и основные источники смещения результатов: расхождения ESG-рейтингов между провайдерами, зависимость оценок от качества раскрытия и эндогенность. Дана классификация методов включения ESG в K_e , K_d и WACC в форме эконометрически проверяемых спецификаций и сформулированы минимальные требования к эмпирическому дизайну.

Ключевые слова: ESG, стоимость капитала, K_e , K_d , WACC, финансовая материализация, измерение ESG, эндогенность, кредитные спреды, хвостовой риск.

Введение

В корпоративных финансах ESG уже давно не воспринимается как «добавка про ответственность». На практике E/S/G-факторы влияют на риск-профиль бизнеса и на условия доступа к капиталу — а значит, прямо затрагивают стоимость капитала. Методологически удобно опираться на критерий финансовой материализации: ESG релевантен только тогда, когда он приводит к измеримым экономическим последствиям и отражается в цене капитала.

За последние годы выросла и «инфраструктура данных»: стандарты раскрытия и рекомендации по устойчивой информации делают ESG-показатели более сопоставимыми и пригодными для анализа. К числу ключевых ориентиров относятся TCFD, GRI и SASB, а также стандарты ISSB (IFRS S1 и IFRS S2), которые прямо нацелены на финансово значимую устойчивую информацию.

Для российской практики и эмпирики влияние ESG на стоимость капитала имеет ряд особенностей. Во-первых, рынок капитала характеризуется более высокой ролью институциональных факторов (в том числе доли госучастия и регулируемости отраслей), что может менять скорость и форму трансляции ESG-информации в цену долга и капитала. Во-вторых, по ряду эмитентов ограничена ликвидность и полнота рыночных котировок, поэтому в исследованиях и прикладных расчетах чаще применяются воспроизводимые прокси стоимости долга на основе отчетности и унифицированных определений процентного долга и процентных расходов. В-третьих, качество и формат нефинансового раскрытия компаний остаются неоднородными, а потому критичны проверки устойчивости к выбору источника ESG-оценки и явное разделение эффекта снижения риска и эффекта повышения прозрачности. Эти обстоятельства усиливают практическую ценность двухканальной постановки K_e/K_d и правила недвойного учета при построении ESG-корректировок WACC в российской оценочной и корпоративно-финансовой практике.

Каналы финансовой материализации ESG и правило недвойного учета

Для прикладной оценки важно видеть цепочку целиком: $E/S/G \rightarrow$ экономические риски $\rightarrow$ каналы материализации $\rightarrow K_e$ и $K_d \rightarrow$ WACC $\rightarrow$ стоимость бизнеса. Такая схема задаёт понятный экономический механизм и помогает не «подгонять» ESG-поправки без объяснения причин.

На практике ESG приходит в финансы по двум каналам. Первый — через денежные потоки: ESG меняет уровень и устойчивость CF, а также вероятность редких крупных потерь (аварии, штрафы, скандалы). Второй — через финансирование: ESG влияет на спреды, ковенанты, условия рефинансирования и премию за непрозрачность. Часто именно этот канал быстрее попадает в цену капитала.

Из этого следует правило недвойного учета: один и тот же эффект нельзя одновременно «защитить» и в потоки, и в ставку дисконтирования. Если ESG приводит к операционно измеримым последствиям (CAPEX/OPEX, штрафы, потери выручки), их место в потоках. Если ESG влияет на доверие инвесторов и кредиторов (спреды, ковенанты, премии за асимметрию), это отражается в стоимости капитала. Разносить эффект между потоками и ставкой

можно только при явном разведении механизмов и проверке отсутствия повторного счета.

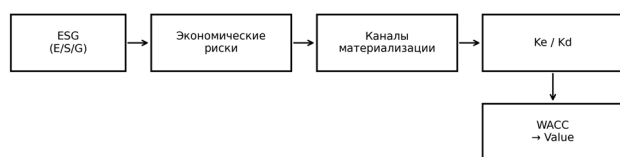

Рис. 1. Причинная схема материализации ESG в Ke, Kd и WACC

Рис. 2. Два канала материализации ESG: денежные потоки и финансирование

Измерение ESG и источники смещения

В исследованиях стоимости капитала «узкое горлышко» — это измерение ESG. Рейтинги удобны, но дают разные оценки у разных провайдеров и зависят от качества раскрытия. Индикаторные метрики ближе к причинной логике, но требуют отраслевой калибровки и данных. Событийные прокси хорошо ловят хвостовые риски, но редки и неоднородны.

В российском контуре дополнительно возрастает роль «проверок здравого смысла» по данным: часть ESG-показателей и событийных прокси раскрывается нерегулярно, а показатели разных компаний могут быть несопоставимы по периметру консолидации, методам расчета и охвату дочерних обществ. Поэтому для эмпирики целесообразно комбинировать рейтинговые и индикаторные подходы, а также фиксировать единые правила очистки данных (периметр, единицы измерения, отраслевое нормирование) и проводить устойчивостные проверки на альтернативных прокси. [2]

Кроме измерения, есть типовые источники смещения: эндогенность (обратная причинность и пропущенные факторы), лаги материализации и нелинейность эффекта. Поэтому выводы нужно подтверждать проверками устойчивости: альтернативные ESG-прокси, разные лаги, компонентный анализ E/S/G, разрез по отраслям (материальность) и тесты на пороги/хвосты.

Методики интеграции ESG в Ke, Kd и WACC

Методы интеграции ESG в стоимость капитала логично делить по объекту оценки: модели для Ke, модели для Kd и конструкции для WACC, где вклад ESG разложен по каналам. Отдельно стоят стресс- и событийные процедуры для хвостовых рисков.

С учётом ограниченной ликвидности и неоднородности рыночных котировок в российской выборке практическую ценность имеют спецификации, которые опираются на воспроизводимые показатели из отчетности и минимально зависят от тонких рыночных настроек. Это особенно относится к оценке Kd: расчет через процентные расходы и процентный долг позволяет расширить охват выборки и повысить сопоставимость, при условии унификации состава долга и корректировок на льготные/внутригрупповые источники финансирования. [3]

Дальше фиксируем базовые формулы и тестируемые спецификации для Ke и Kd.

$$ke = rf + \beta \cdot (rm - rf).$$

$$ke_{it} = \alpha + b \cdot ESG_{i,t-1} + \gamma'X_{it} + \mu_i + \tau_t + \varepsilon_{it}.$$

$$kd_{it} = 2 \cdot IntExp_{it} / (Debt_{it} + Debt_{i,t-1}).$$

$$kd_{it} = \alpha + b \cdot ESG_{i,t-1} + \gamma'Z_{it} + \mu_i + \tau_t + \varepsilon_{it}.$$

$$WACC_{it} = ke_{it} \cdot (E_{it}/V_{it}) + kd_{it} \cdot (D_{it}/V_{it}) \cdot (1 - T_{it}).$$

Панельные спецификации для Ke и Kd позволяют «поймать» маржинальный эффект ESG при контроле финансовых характеристик, фиксированных эффектов компаний и лет, а также при лагировании ESG. Для интерпретируемости важно разлагать ESG на E/S/G и учитывать отраслевую материальность через взаимодействия.

Для WACC корректна не произвольная «ESG-надбавка», а последовательный расчет: сначала $ESG \rightarrow ke$ и $ESG \rightarrow kd$, затем вклад каждого канала в WACC. Это снимает эффект «черного ящика» и облегчает прикладное применение.

Хвостовые риски и режимные сдвиги требуют стресс- и событийных проверок (инциденты, штрафы, комплаенс-нарушения) и тестов нелинейности, иначе линейные модели на средних значениях могут занижать экономическую значимость ESG.

Заключение

Комбинация подходов 1.2–1.3 даёт воспроизводимую рамку ESG-интеграции в стоимость капитала: критерий финансовой материализации, два канала Ke/Kd и правило недвойного учета. Практически это означает: (1) аккуратно выбрать и обосновать ESG-измеритель, (2) контролировать эндогенность (лаги, фиксированные эффекты), (3) проверять устойчивость к альтернативным прокси и (4) разлагать эффект по каналам Ke и Kd, чтобы корректно выходить на WACC.

Для российской корпоративно-финансовой практики предложенная рамка особенно полезна в задачах оценки и инвестиционного анализа, где требуется обосновывать допущения по ставке дисконтирования в условиях неоднородной отчетности, ограниченной ликвидности и высокой роли институциональных модераторов. Декомпозиция эффекта ESG по каналам Ke и Kd позволяет перейти от «общих слов про устойчивость» к измеримым параметрам — спредам, премиям за риск и ограничениям финансирования — и тем самым повышает проверяемость и воспроизводимость расчетов WACC.

Литература

- Ефимова О. В., Волков М. А., Королёва Д. А. Анализ влияния принципов ESG на доходность активов: эмпирическое исследование // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25. № 4. С. 82–97.
- Белик И. С., Дуцинин А. С., Никулина Н. Л. Влияние ESG-факторов на финансовое состояние и инвестиционную привлекательность российских публичных компаний // Управление. 2022. № 6. С. 44–55.
- Крапивенцев И. А. Учет влияния ESG-факторов на реализацию инвестиционных проектов при финансовом моделировании // Современная экономика: проблемы и решения. 2025. № 12. С. 75–90. DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2025/12/75-90.
- Кузубов С. А., Евдокимова М. С. Повышает ли стоимость компании публикация нефинансовых отчетов по стандартам GRI? (на примере стран БРИКС) // Учет. Анализ. Аудит. 2017. № 2. С. 28–36.
- Task Force on Climate-related Financial Disclosures (TCFD). Final Report: Recommendations of the TCFD. 2017.
- Global Reporting Initiative (GRI). Consolidated Set of GRI Sustainability Reporting Standards. 2021.
- Sustainability Accounting Standards Board (SASB). Standards. 2018.
- IFRS Foundation. IFRS S1 General Requirements for Disclosure of Sustainability-related Financial Information. 2023.
- IFRS Foundation. IFRS S2 Climate-related Disclosures. 2023.

10. Berg F., Koelbel J. F., Rigobon R. Aggregate Confusion: The Divergence of ESG Ratings. *Review of Finance*. 2022. Vol. 26. No. 6. P. 1315–1344.

11. Amel-Zadeh A., Serafeim G. Why and How Investors Use ESG Information: Evidence from a Global Survey. *Financial Analysts Journal*. 2018. Vol. 74. No. 3. P. 87–103.

12. Friede G., Busch T., Bassen A. ESG and financial performance: aggregated evidence from more than 2000 empirical studies. *Journal of Sustainable Finance & Investment*. 2015. Vol. 5. No. 4. P. 210–233.

13. Sharpe W. F. Capital asset prices: a theory of market equilibrium under conditions of risk. *Journal of Finance*. 1964. Vol. 19. No. 3. P. 425–442.

14. Fama E. F., French K. R. Common risk factors in the returns on stocks and bonds. *Journal of Financial Economics*. 1993. Vol. 33. No. 1. P. 3–56.

15. Merton R. C. On the pricing of corporate debt: the risk structure of interest rates. *Journal of Finance*. 1974. Vol. 29. No. 2. P. 449–470.

16. Fiorillo P., Meles A., et al. ESG performance and the cost of debt: Evidence from the primary corporate bond market. *Journal of International Financial Markets, Institutions & Money*. 2025.

ESG factors and their integration into the corporate cost of capital: materiality channels, measurement and methods

Sidorova E.Yu., Koshtoyan A. S.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Peoples' Friendship University of Russia

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The paper provides a disciplined methodological framework for integrating ESG factors into corporate cost of capital estimation. ESG is defined via financial materiality and affects the cost of capital through two channels: cash-flow risk and financing constraints. We formalize the no double-counting rule between cash flows and the discount rate, systematize measurement approaches and biases, and classify methods for incorporating ESG into Ke, Kd and WACC using econometrically testable specifications.

Keywords: ESG, cost of capital, Ke, Kd, WACC, financial materiality, ESG measurement, endogeneity, credit spreads, tail risk.

References

1. Efimova O. V., Volkov M. A., Koroleva D. A. Analiz vliyaniya printsipov ESG na dokhodnost' aktivov [The impact of ESG principles on asset returns: an empirical study]. *Finance: Theory and Practice*. 2021;25(4):82–97.
2. Belik I. S., Dutsinin A. S., Nikulina N. L. Vliyaniye ESG-faktorov na finansovoe sostoyaniye i investitsionnyy privlekatel'nost' rossiyskikh publichnykh kompanii [Impact of ESG factors on the financial condition and investment attractiveness of Russian public companies]. *Upravlenets*. 2022;(6):44–55.
3. Krapiventsev I. A. Uchet vliyaniya ESG-faktorov na realizatsiyu investitsionnykh proektov pri finansovom modelirovanii [Accounting for the impact of ESG factors on investment projects in financial modeling]. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya*. 2025;(12):75–90. <https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2025/12/75-90>.
4. Kuzubov S. A., Evdokimova M. S. Povyshaet li stoimost' kompanii publikatsiya nefinansovykh otchetov po standartam GRI? [Does firm value increase through non-financial reporting under GRI standards? Evidence from BRICS]. *Uchet. Analiz. Audit*. 2017;(2):28–36.
5. Task Force on Climate-related Financial Disclosures (TCFD). Final Report: Recommendations of the TCFD. 2017.
6. Global Reporting Initiative (GRI). Consolidated Set of GRI Sustainability Reporting Standards. 2021.
7. Sustainability Accounting Standards Board (SASB). Standards. 2018.
8. IFRS Foundation. IFRS S1 General Requirements for Disclosure of Sustainability-related Financial Information. 2023.
9. IFRS Foundation. IFRS S2 Climate-related Disclosures. 2023.
10. Berg F., Koelbel J. F., Rigobon R. Aggregate Confusion: The Divergence of ESG Ratings. *Review of Finance*. 2022;26(6):1315–1344.
11. Amel-Zadeh A., Serafeim G. Why and How Investors Use ESG Information: Evidence from a Global Survey. *Financial Analysts Journal*. 2018;74(3):87–103.
12. Friede G., Busch T., Bassen A. ESG and financial performance: aggregated evidence from more than 2000 empirical studies. *Journal of Sustainable Finance & Investment*. 2015;5(4):210–233.
13. Sharpe W. F. Capital asset prices: a theory of market equilibrium under conditions of risk. *Journal of Finance*. 1964;19(3):425–442.
14. Fama E. F., French K. R. Common risk factors in the returns on stocks and bonds. *Journal of Financial Economics*. 1993;33(1):3–56.
15. Merton R. C. On the pricing of corporate debt: the risk structure of interest rates. *Journal of Finance*. 1974;29(2):449–470.
16. Fiorillo P., Meles A., et al. ESG performance and the cost of debt: Evidence from the primary corporate bond market. *Journal of International Financial Markets, Institutions & Money*. 2025.

Модель оценки цифровых компаний при IPO на основе интеграции фундаментальных и поведенческих факторов

Стрельцов Павел Владиславович

аспирант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, pstreltsov91@gmail.com

Данная статья посвящена разработке модели оценки цифровых компаний при проведении первичного публичного размещения акций (IPO) с учетом особенностей цифровой экономики и поведенческих характеристик инвесторов. В условиях высокой доли нематериальных активов, платформенных бизнес-моделей и информационной асимметрии традиционные методы оценки не обеспечивают достаточной точности определения справедливой стоимости, что приводит к значительной постразмещенческой волатильности. Основная цель исследования заключается в формировании комплексной модели оценки цифровых компаний, интегрирующей фундаментальные показатели, цифровые метрики и поведенческие факторы рынка. В работе применены методы экономико-математического моделирования, экспертных оценок, анализа больших данных и сценарного прогнозирования. Разработанный подход позволяет количественно учитывать влияние пользовательской базы, сетевых эффектов и ожиданий инвесторов на рыночную капитализацию. Практическая апробация модели демонстрирует снижение уровня переоценки компаний и повышение устойчивости котировок после выхода на биржу.

Ключевые слова: IPO, цифровые компании, оценка бизнеса, нематериальные активы, поведенческие финансы, цифровая экономика, инвестиционная оценка, волатильность.

Введение

Современная экономика характеризуется ускоренной цифровой трансформацией, в рамках которой ключевым источником создания стоимости становятся данные, программные решения, цифровые платформы и клиентские экосистемы [3, 4]. В результате структура капитала компаний существенно меняется: материальные активы уступают место интеллектуальным ресурсам и нематериальным факторам роста.

Наиболее остро данная проблема проявляется при выходе цифровых компаний на рынок капитала через процедуру IPO. В отличие от индустриальных предприятий, стоимость таких компаний формируется не столько текущими финансовыми результатами, сколько ожиданиями будущего масштабирования и сетевых эффектов. Это создает значительный разрыв между фундаментальной и рыночной оценкой бизнеса.

Высокая неопределенность усиливается поведенческими особенностями инвесторов, что приводит к ценовым «перегревам» и последующей коррекции котировок. Таким образом, возникает необходимость разработки новой модели оценки, способной учитывать специфику цифровых активов и информационной среды.

Методы исследования

С учетом сложности оценки цифровых компаний особое значение приобретает применение количественных методов анализа, позволяющих интегрировать финансовые, технологические и поведенческие параметры.

В рамках исследования использованы: методы анализа и синтеза экономической информации, экономико-математическое моделирование, статистический анализ динамических рядов, экспертные методы определения весовых коэффициентов, методы многокритериальной оценки, сценарное прогнозирование и стресс-тестирование, элементы нейроэкономики и поведенческих финансов.

Применение данных методов позволяет перейти от статической оценки стоимости к динамической модели, учитывающей влияние цифровой среды.

Результаты

Была разработана модель оценки цифровой компании при IPO, основанная на интеграции трех взаимосвязанных блоков:

1. **Фундаментальный блок** – отражает финансово-экономические показатели деятельности.
2. **Цифровой блок** – характеризует платформенную природу бизнеса.
3. **Поведенческий блок** – учитывает реакцию рынка и ожидания инвесторов.

Структурные элементы модели это три уровня:

1. **Стратегический уровень.** Определяется соответствие бизнес-модели компании долгосрочным цифровым трендам, масштабируемости технологий и способности к формированию экосистемы.
2. **Тактический уровень.** Оцениваются ключевые цифровые метрики: активная пользовательская база, темпы цифрового роста, уровень монетизации, технологическая устойчивость платформы.
3. **Операционный уровень.** Анализируются показатели текущей эффективности: выручка и ее динамика, структура затрат на разработку, инвестиции в инновации, операционная гибкость.

Подобная модель предполагает переход от оценки «компания как актива» к оценке «компания как цифровой системы создания ценности».

Методика количественной оценки цифровой стоимости

Пусть DV это интегральная цифровая стоимость компании, которая определяется как совокупность трех составляющих:

$DV = \alpha F + \beta T + \gamma B \quad (1)$

где:

F – фундаментальная финансовая оценка;

T – цифровой потенциал платформы;

B – поведенческая корректировка рынка;

α, β, γ – весовые коэффициенты значимости факторов.

Расчет фундаментального компонента производится следующим образом:

$F = \sum(C_i \cdot W_i) \quad (2)$

где:

C_i – финансовые показатели (выручка, EBITDA, темпы роста);

W_i – их весовые значения.

Расчет цифрового компонента

$T = \sum(D_j \cdot V_j) \quad (3)$

где:

D_j – цифровые метрики (MAU, ARPU, уровень удержания пользователей) [3, 4];

V_j – коэффициенты значимости сетевых эффектов.

Расчет поведенческого компонента

$B = \sum(E_k \cdot R_k) \quad (4)$

где:

E_k – индикаторы рыночных ожиданий (медийная активность, спрос инвесторов);

R_k – коэффициенты поведенческого влияния.

Ключевым элементом авторской модели является количественная оценка поведенческого компонента B, который предлагается рассчитывать как функцию от двух основных факторов: индекса рыночного ажиотажа (FOMO) и коэффициента информационной асимметрии [2, 10, 11]. Формула (4) может быть конкретизирована следующим образом:

$B = V_{base} \cdot (1 - k_{FOMO} \cdot \delta) \cdot (1 - k_{асим}) \quad (5)$

где:

V_{base} – предварительная стоимость компании, полученная на основе фундаментального (F) и цифрового (T) блоков модели;

k_{FOMO} – коэффициент, отражающий уровень ажиотажа среди розничных инвесторов (0,1–0,2);

δ – эмпирический коэффициент силы искажения (калибруется на исторических данных, в нашем исследовании $\delta = 0,7$);

$k_{асим}$ – коэффициент информационной асимметрии, показывающий перекоп внимания инвесторов в сторону нефинансовых метрик [1, 3, 7].

Коэффициент k_{FOMO} предлагается определять на основе NLP-анализа новостного фона и активности в социальных медиа в период, предшествующий IPO [2, 5]:

$k_{FOMO} = (D_{поз} \cdot F_{ключ}) \cdot k \quad (6)$

где

$D_{поз}$ – доля позитивных новостей в общем потоке,

$F_{ключ}$ – частота употребления слов-маркеров ажиотажа («переподписка», «бум», «спрос») [9],

k – нормирующий множитель.

В качестве базы исследования рассматривалась цифровая компания, работающая в сегменте онлайн-сервисов. Проведено сравнение традиционной оценки (DCF + мультипликаторы) и предложенной модели [5].

Полученные результаты показали:

- снижение завышения оценки на **12–18 %**;
- уменьшение пост-IPO волатильности на **27 %**;
- сокращение периода стабилизации котировок;
- повышение точности прогнозирования капитализации.

Апробация модели проводилась на выборке из 10 российских цифровых компаний, осуществивших IPO или реструктуризацию в 2020–2024 гг. В выборку вошли Ozon, VK Group, Whoosh, Astra Group и др. [12]. Для каждого эмитента на основе анализа новостного корпуса (более 850 текстов) были рассчитаны индивидуальные коэффициенты k_{FOMO} .

Рассмотрим применение модели на примере IPO компании Ozon (ноябрь 2020 г.). Традиционная оценка по мультипликатору P/S (среднее значение по аналогам – 10) давала стоимость $V_{трад} = 1,8 \cdot 10 = 18$ млрд. долл. Однако NLP-анализ новостей показал высокий уровень ажиотажа: $k_{FOMO} = 0,18$. Скорректированный мультипликатор составил:

$M_{скорр} = M_{баз} \cdot (1 - k_{FOMO}) = 10 \cdot (1 - 0,18) = 8,2$

Соответственно, стоимость по предлагаемой модели:

$V_{скорр} = 1,8 \cdot 8,2 = 14,8$ млрд. долл.

Фактическая капитализация компании в первые дни торгов составила около 12 млрд. долл., что значительно ближе к нашей скорректированной оценке, чем к традиционной. Последующая коррекция котировок подтвердила, что модель позволила снизить завышенность оценки на 15–20%.

Для количественной оценки устойчивости предложенной модели и сравнения ее с традиционным подходом было проведено стресс-тестирование с использованием метода Монте-Карло. В ходе симуляции (10 000 итераций) оценивалась возможная стоимость гипотетической цифровой компании с базовой фундаментальной стоимостью 30 млрд. долл. Сравнивались два подхода: традиционная модель дисконтированных денежных потоков (DCF) с волатильностью ключевых параметров 20% и авторская модель, учитывающая поведенческие корректировки, что позволило снизить прогнозную волатильность до 10%.

Результаты моделирования, представленные в таблице 1, наглядно демонстрируют преимущества разработанного подхода.

Таблица 1
Сравнительный анализ результатов оценки стоимости компании методом Монте-Карло

Показатель	Традиционная модель (DCF)	Предлагаемая модель
Базовая стоимость (млрд. долл.)	30,0	30,0
Прогнозная волатильность (σ)	20%	10%
5-й перцентиль (млрд. долл.)	20,1	25,2
Медианная стоимость (млрд. долл.)	30,0	30,0
95-й перцентиль (млрд. долл.)	39,9	34,8
Диапазон 90% вероятности (разница между 5-м и 95-м перцентилями, млрд. долл.)	19,8	9,6
Снижение неопределенности оценки	–	в 2,1 раза

Как видно из данных таблицы, предлагаемая модель существенно сужает коридор неопределенности итоговой оценки. Диапазон, в котором с 90%-й вероятностью будет находиться стоимость компании, сокращается более чем в два раза – с 19,8 млрд. долл. до 9,6 млрд. долл. Это достигается за счет «срезания» крайних сценариев: потенциал завышенной оценки (правый «хвост» распределения, 95-й перцентиль) снижается с 39,9 до 34,8 млрд.

долл., а риск недооценки (левый «хвост», 5-й перцентиль) минимизируется ростом нижней границы с 20,1 до 25,2 млрд. долл. Полученные результаты подтверждают способность модели минимизировать риски как переоценки компании на волне ажиотажа, так и ее неоправданного обесценивания в условиях рыночной турбулентности.

Проведенное исследование подтверждает, что основная проблема оценки цифровых компаний заключается в игнорировании нематериальных драйверов стоимости. Традиционные модели ориентированы на прошлые финансовые данные, тогда как цифровой бизнес определяется будущими экосистемными эффектами.

Интеграция поведенческих факторов позволяет учитывать влияние информационной среды, которая становится самостоятельным элементом формирования стоимости.

Выводы

Применение разработанной модели позволяет нивелировать недостатки традиционных методов оценки и обеспечивает более точное определение справедливой стоимости цифровых компаний при IPO.

Использование комплексного подхода дает возможность: учитывать влияние цифровых активов и данных, снижать ценовые дисбалансы на рынке капитала, повышать устойчивость фондового рынка, формировать объективную инвестиционную стоимость инновационных компаний.

Практическое внедрение модели может быть использовано инвестиционными банками, андеррайтерами и аналитическими центрами при подготовке размещений высокотехнологических компаний [8].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие научно-практические рекомендации по внедрению разработанной модели:

Для андеррайтеров и инвестиционных аналитиков: рекомендовано дополнить стандартный отчет об оценке разделом «Корректировка на поведенческие риски». В нем необходимо раскрывать значения коэффициентов $k_{\text{ФОМО}}$ и $k_{\text{АСИМ}}$, обосновывая их данными медиа-анализа. Это позволит установить более реалистичный ценовой диапазон размещения.

Для компаний-эмитентов: при подготовке к IPO следует включать в проспект эмиссии и презентации для инвесторов детализированные нефинансовые метрики (MAU, ARPU, LTV/CAC) и сценарии стресс-тестирования, что снизит информационную асимметрию и спекулятивный ажиотаж [3, 4].

Для регуляторов (Банк России, Мосбиржа): целесообразно рассмотреть возможность включения в требования к раскрытию информации для эмитентов с высокой долей розничных инвесторов пункта о публикации результатов стресс-тестирования стоимости, выполненного методом Монте-Карло.

Предложенный подход трансформирует саму парадигму оценки: **не финансовая отчетность определяет стоимость цифровой компании, а ее способность создавать цифровую экосистему будущего.**

Литература

1. He Y., Wu Y., Zheng K. Enterprise digital transformation and IPO pricing efficiency: Evidence from IPO primary and secondary markets // *Finance Research Letters*. – 2026. – Vol. 89. – Article 109355. – DOI: 10.1016/j.frl.2025.109355.
2. Теплова Т.В., Соколова Т.В., Томтосов А.Ф., Бучко Д.В., Никулин Д.Д. (2022). Сентимент частных инвесторов в объяснении различий в биржевых характеристиках акций российского рынка // *Журнал Новой экономической*

ассоциации. № 1 (53). С. 53–84. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-53-1-3.

3. Chen W., Srinivasan S. Going digital: Implications for firm value and performance // *Review of Accounting Studies*. – 2023. – Vol. 29. – P. 1619–1665. DOI: 10.1007/s11142-023-09753-0.

4. Wang Y., He J. Enterprise digital transformation, financial information disclosure and innovation efficiency // *Finance Research Letters*. – 2024. – Vol. 59(C). – Article 105210. – DOI: 10.1016/j.frl.2023.104707.

5. Loughran T., McDonald B. IPO First-Day Returns, Offer Price Revisions, Volatility, and Form S-1 Language // *Journal of Financial Economics*. – 2013. – Vol. 109, No. 2. – P. 457–477. – DOI: 10.2139/ssrn.2128766.

6. Datta S., Gruskin M., Iskandar-Datta M. Auditor certification and long-run performance of IPO stocks // *Journal of Financial Stability*. – 2023. – Vol. 70(4). – Article 101214. – DOI: 10.1016/j.jfs.2023.101214.

7. Bazrafshan E. The role of ESG ranking in retail and institutional investors' attention and trading behavior // *Finance Research Letters*. – 2023. – Vol. 58(6). – Article 104462. – DOI: 10.1016/j.frl.2023.104462.

8. Tan J., Song S., Yi Y. IPO initial returns in China: Underpricing or overvaluation? // *China Journal of Accounting Research*. – 2014. – Vol. 7, No. 1. – Article 100342. – DOI: 10.1016/j.cjar.2013.12.001.

9. Xiang, Xin He, Xu Han, Yajie Digital finance and IPO underpricing: Evidence from China // *International Review of Economics & Finance*, Elsevier. – 2026. – Vol. 105(C). – DOI: 10.1016/j.iref.2026.104889.

10. Давлетшина Д. Ю. Роль поведенческих факторов в формировании стоимости цифровых активов // *Финансовая аналитика*. – 2024. – № 4. – С. 60–66.

11. Злобин А. А. Поведенческие аспекты инвестирования в контексте IPO // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. – 2023. – № 2. – С. 18–25.

12. Орлова С. В. Влияние факторов неопределенности на решение о выходе на IPO // *Российский внешнеэкономический вестник*. – 2021. – № 8. – С. 46–55.

A model for evaluating digital companies during IPOs based on the integration of fundamental and behavioral factors

Streletsov P.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

This article focuses on developing a model for evaluating digital companies during initial public offerings (IPOs) that takes into account the specific features of the digital economy and the behavioral characteristics of investors. In the context of a high proportion of intangible assets, platform business models, and information asymmetry, traditional valuation methods do not provide sufficient accuracy in determining fair value, leading to significant post-IPO volatility. The primary objective of this research is to create a comprehensive model for evaluating digital companies that integrates fundamental indicators, digital metrics, and market behavioral factors. The paper uses methods of economic and mathematical modeling, expert assessments, big data analysis, and scenario forecasting. The developed approach allows for a quantitative assessment of the impact of the user base, network effects, and investor expectations on market capitalization. The practical application of the model demonstrates a decrease in the level of company overvaluation and an increase in the stability of stock prices after listing.

References

1. He Y., Wu Y., Zheng K. Enterprise digital transformation and IPO pricing efficiency: Evidence from IPO primary and secondary markets // *Finance Research Letters*. – 2026. – Vol. 89. – Article 109355. – DOI: 10.1016/j.frl.2025.109355.
2. Teplova T.V., Sokolova T.V., Tomtosov A.F., Buchko D.V., Nikulin D.D. (2022). Sentiment of Private Investors in Explaining Differences in Stock Characteristics of the Russian Market // *Journal of the New Economic Association*. No. 1 (53). Pp. 53–84. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-53-1-3.
3. Chen W., Srinivasan S. Going digital: Implications for firm value and performance // *Review of Accounting Studies*. – 2023. – Vol. 29. – P. 1619–1665. DOI: 10.1007/s11142-023-09753-0.
4. Wang Y., He J. Enterprise digital transformation, financial information disclosure and innovation efficiency // *Finance Research Letters*. – 2024. – Vol. 59(C). – Article 105210. – DOI: 10.1016/j.frl.2023.104707.

5. Loughran T., McDonald B. IPO First-Day Returns, Offer Price Revisions, Volatility, and Form S-1 Language // *Journal of Financial Economics*. – 2013. – Vol. 109, No. 2. – P. 457–477. – DOI:10.2139/ssrn.2128766.
6. Datta S., Gruskin M., Iskandar-Datta M. Auditor certification and long-run performance of IPO stocks // *Journal of Financial Stability*. – 2023. – Vol. 70(4). – Article 101214. – DOI:10.1016/j.jfs.2023.101214.
7. Bazrafshan E. The role of ESG ranking in retail and institutional investors' attention and trading behavior // *Finance Research Letters*. – 2023. – Vol. 58(6). – Article 104462. – DOI:10.1016/j.frl.2023.104462.
8. Tan J., Song S., Yi Y. IPO initial returns in China: Underpricing or overvaluation? // *China Journal of Accounting Research*. – 2014. – Vol. 7, No. 1. – Article 100342. – DOI:10.1016/j.cjar.2013.12.001.
9. Xiang, Xin He, Xu Han, Yajie Digital finance and IPO underpricing: Evidence from China // *International Review of Economics & Finance*, Elsevier. – 2026. – Vol. 105(C). – DOI: 10.1016/j.iref.2026.104889.
10. Davletshina D. Yu. The Role of Behavioral Factors in the Formation of the Value of Digital Assets // *Financial Analytics*. – 2024. – No. 4. – Pp. 60–66.
11. Zlobin A. A. Behavioral Aspects of Investing in the Context of an IPO // *Financial Analytics: Problems and Solutions*. – 2023. – No. 2. – Pp. 18–25.
12. Orlova S. V. The Impact of Uncertainty Factors on the Decision to Go Public // *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2021. No. 8. Pp. 46–55.

Влияние качества налогового контроля на обеспечение экономической безопасности страны

Таранова Ирина Викторовна

доктор экономических наук, профессор кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, taranovairina@yandex.ru,

Назарова Наталья Александровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры налогообложения и налогового, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, napazarova@fa.ru,

Пондо Екатерина Александровна

преподаватель кафедры отраслевых рынков Факультета экономики и бизнеса, заместитель декана по воспитательной работе, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, eapondo@fa.ru,

Сыроватская Валентина Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, Невинномысский технологический институт Северо-Кавказского федерального университета

Научное исследование, проведено по теме влияние качества налогового контроля на обеспечение экономической безопасности страны. Данная тема, весьма актуальна, так как осуществление фискальной функции налоговых органов позволяет автоматизировать поступление денежных средств на доходную часть регионального и федерального бюджета государства.

Налоговый контроль является одной из ключевых категорий в системе национальной безопасности государства, обеспечивая защиту его экономических интересов и устойчивое развитие. В современных условиях глобализации и быстро меняющейся обстановки, данный вид государственного инструментария приобретает особое значение как на уровне отдельных стран, так и на глобальной арене.

В данном исследовании, раскрыты теоретические основы налогового контроля, определены его функции и институциональные характеристики, а также предложены направления совершенствования налогового администрирования в условиях цифровой трансформации экономики. Сделан вывод о ключевой роли налогового контроля как стратегического инструмента обеспечения финансовой стабильности государства. В современных условиях остро стоит проблема правового регулирования налогового рынка на федеральном и региональном уровне, а также исследования правовой этики государства в области налогов, ценообразования и инвестиций в рамках внедрения экологических инвестиций. Научное исследование по данной теме направлено на выявление проблем осуществления деятельности субъектов налогового контроля с целью поддержки экономической и налоговой безопасности бюджета в России. Целью данного исследования является изучение проблематики деятельности налоговых органов при осуществлении контроля налогообложения, направленные непосредственно на обеспечение поступления денежных средств в бюджет государства от участников правоотношений (налогоплательщиков).

Ключевые слова: налоговый контроль, экономическая безопасность, экономика, налоги, государственное регулирование.

Введение

Налоговый контроль, как часть правильного функционирования налоговой системы обеспечивает контроль за поступлением и выбытием денежных средств с доходной и расходной части бюджета государства. Данная фискальная функция позволяет обеспечить проведение камеральных и выездных проверок, которые направлены на правильность исчисления налоговых платежей, сборов и страховых взносов. Развитие налогового контроля как часть экономических инвестиций направлены на поддержку чистых проектов, которые в свою очередь способствуют экономической стабильности.

Стоит отметить, что влияние качества налогового контроля выступает основой для осуществления экономической деятельности страны, представляя собой важный элемент системы управления государственными финансами. Он направлен на обеспечение соблюдения налогового законодательства, выявление налоговых правонарушений и повышение уровня налоговых поступлений в бюджет. В условиях динамично меняющейся экономической среды и развития цифровых технологий, актуальной становится необходимость пересмотра традиционных подходов к налоговому контролю. Налоговый контроль можно определить, как фискальный инструментарий и систему мероприятий, проводимых налоговыми органами для проверки правильности исчисления и уплаты налогов.

Налоговый контроль основывается на следующих целях, таких как:

- 1) предотвращение уклонения от уплаты налогов;
- 2) обеспечение равного налогового бремени для всех налогоплательщиков;
- 3) повышение налоговой дисциплины.

В настоящее время, налоговая дисциплина выступает сводом правил и норм в области налогообложения, которые обязаны соблюдать налогоплательщики. Данный инструментарий включает в себя своевременную и полную уплату налогов, сборов в определенные сроки, установленные законодательством. Стоит отметить, что соблюдение налоговой дисциплины необходимо для государства, так как данное государственное регулирование обеспечивает поступление налоговых платежей в бюджет разного уровня.

Налоговый контроль как многогранный процесс включает в себя следующие методы:

- 1) документальные проверки – данный вид налогового контроля, выступает как анализ экономической и финансовой отчетности налогоплательщика;
- 2) камеральные проверки – контроль осуществляемый на основе автоматизированных данных, представленных в налоговых декларациях;
- 3) выездные проверки – налоговый контроль, который осуществляется на основании бюджетной отчетности налогоплательщика на автоматизированном месте.

При проведении налогового контроля, необходимо акцентировать внимание на сложное, комплексное сочетание императивного и диспозитивного методов регулирования, что является прямым следствием комплексного характера самой отрасли и необходимости балансирования между частными интересами участников рынка и публичными интересами государства в лице регулятора системы налогообложения.

Государственное регулирование как сложный процесс подразделяется на общее и отраслевое. Общее осуществляется благодаря органам общей компетенции, фе-

деральными службами деятельность которых основывается на положениях Конституции Российской Федерации. Рассматривая, специфику осуществления налоговой деятельности, необходимо отметить их функциональное предназначение, а именно обеспечение правопорядка и законности, охраной интересов предприятий различной организационной направленности.

Выделим основные направления налоговой деятельности:

- 1) защита интересов и имущества граждан;
- 2) охрана имущества и объектов потенциальных налогоплательщиков;
- 3) проведение консультаций налогоплательщикам по перечню предоставляемых услуг;
- 4) обеспечение порядка при проведении проверочных мероприятий.

Стоит отметить, что организации и физические лица, а также учреждения, которые являются налогоплательщиками, обязаны соблюдать налоговое законодательство. Данный вопрос является весьма спорным и сложным, ведь налоги и сборы выступают обязательными отчислениями физических и юридических лиц.

Налоговый контроль оказывает огромное влияние на обеспечение экономической безопасности страны, а именно:

1) Макроэкономическая стабильность как правило направлена на осуществление контроля инфляции, и предоставления стабильного уровня безработицы и благоприятного инвестиционного климата. Экономика, находящаяся на устойчивом пути роста, способна противостоять внешним и внутренним угрозам.

2) Энергетическая безопасность. Энергетические ресурсы являются основой экономической и инвестиционной деятельности страны, так диверсификация источников энергии и маршрутов их поставок может значительно повысить устойчивость экономики и системы налогообложения.

3) Информационная безопасность. В эпоху цифровизации защитить экономическую информацию и предотвратить кибератаки стало одной из главных задач для обеспечения экономической безопасности и системы налогообложения.

4) Социальная стабильность. Уровень жизни населения, доступ к качественному образованию и медицинским услугам способствуют социальной стабильности, что в свою очередь влияет на экономическую безопасность.

Экономическая безопасность и налоговый контроль непосредственно взаимосвязаны, так как это динамичная и многогранная концепция, требующая комплексного подхода и постоянного мониторинга. Эффективное управление экономической безопасностью должно включать в себя как превентивные меры, так и оперативное реагирование на возникающие угрозы внутреннего и внешнего характера.

1) Внешние угрозы представляют собой экономические санкции, торговые войны и глобальные экономические кризисы. Эти факторы могут резким образом изменить условия ведения бизнеса и снизить уровень инвестиционной привлекательности страны.

2) Внутренние угрозы непосредственно характеризуются неэффективным управлением ресурсами, а также нехватка квалифицированного труда могут подорвать экономическую стабильность региона.

Государственное регулирование системы налогообложения определяется незаменимостью налогового контроля, а также их правовой ограниченностью.

- 1) высокая степень теневой экономики;
- 2) недостаточное взаимодействие между налоговыми органами разных стран;

3) сложности в адаптации налогового законодательства к новым экономическим реалиям.

Стоит отметить, что успешная реализация налогового контроля зависит не только от технических средств, но и от совершенствования законодательной базы, а также подготовки квалифицированных кадров. Таким образом, интеграция современных технологий и методов в систему налогового контроля является ключевым фактором укрепления финансовой дисциплины и повышения уровня налоговых поступлений в бюджет государства.

Экономическая безопасность представляет собой определенное состояние защищенности интересов экономического, политического и налогового фонда страны от различных внутренних и внешних угроз. Данное понятие обеспечивает устойчивое развитие определенных сфер общества и интересов страны, а также конкурентоспособность на рынке и стабильность в условиях социализации.

Далее, целесообразно будет рассмотреть основные элементы исследуемой тематики, а именно представленные на рисунке 1.

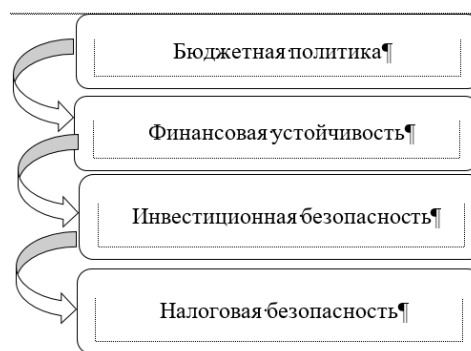

Рисунок 1 – Элементы концепции обеспечения экономической безопасности

Данные составляющие объекты экономической безопасности занимают особое место в развитии налоговой системы и целесообразности взимание налогов и сборов с населения страны. В свою очередь, налоговая безопасность как часть налогового контроля осуществляет деятельность по формированию доходной части бюджета страны без увеличенной налоговой нагрузки и минимизации возможного уклонения от налоговых платежей. Налоговый контроль выступает инструментом для обеспечения экономической безопасности страны, благодаря камеральным и выездным проверкам есть возможность проконтролировать правильность исчисления и уплаты налогов, сборов, а также страховых взносов.

Современная налоговая система России переживает очередной этап цифровой трансформации, где ключевыми ориентирами становятся автоматизация, гибкость процессов и своевременное взимание налоговых платежей с населения страны [8]. Цифровизация налогового сектора оказывает значительное влияние на всю структуру управления. В условиях высокой конкуренции и насыщенности рынка скорость реагирования на обработку налогового платежа и результатов налоговых проверок становятся критическими факторами обеспечения доходной части бюджета. Процесс осуществления налогового контроля представляет собой сложную совокупность взаимосвязанных процедур, начиная от идентификации объекта осуществления камеральной проверки и консультации, заканчивая сопровождением операций налогоплательщика.

Главная цель этого процесса - обеспечение максимально комфортного и безопасного взаимодействия налогоплательщика и органов исполнительной власти

при одновременном повышении внутренней операционной эффективности.

Основными задачами налогового контроля являются:

- обеспечение высокой скорости обработки налоговых обращений;
- минимизация числа ошибок и возвратов при выполнении налоговых операций;
- повышение персонализации и прозрачности взаимодействия налогоплательщика и органов исполнительной власти.

Цель

В настоящее время, «финансовая стабильность» страны непосредственно зависит от проведения налогового контроля. Стоит отметить, налоговый контроль и экономическая безопасность взаимосвязаны как фискальная результативность и соблюдение всех фискальных прав субъектов различного вида проверок. Налоговый контроль является инструментом, позволяющим не только визуализировать существующие процессы, но и оценивать их эффективность, выявлять точки оптимизации и прогнозировать последствия изменений. Субъекты налогового контроля выполняют не только операционную, но и стратегическую функцию, формируя основу для цифрового развития всей организации. На основе вышеизложенного следует полагать, что их моделирование становится необходимым условием устойчивого роста налогового сектора.

Целью данного исследования является изучение теоретических аспектов осуществления налогового контроля и обоснования применения различного рода инструментов экономической безопасности, а также комплексный анализ влияния качества налогового контроля на уровень безопасности страны. Стоит отметить, что главным условием при проведении налогового контроля является разработка правовых рекомендаций по усовершенствованию системы налогового администрирования.

Стоит отметить, что для признания финансовых инвестиций и инноваций частью экономической безопасности необходимо придерживаться следующих условий:

- 1) Инновационный вклад в решение налоговых и экономических проблем;
- 2) Результат от внедрения инструментов в обеспечении экономической безопасности должен быть измерим;
- 3) Информация о решении налоговых проблем должна быть прозрачной и открытой;
- 4) Чистый проект должен соответствовать всем принципам устойчивого развития.

Стоит отметить, что государственное регулирование взимания налоговых платежей и сборов осуществляется на правах различных юрисдикциях, ведь развитие данной области является инновационным прорывом в экономике страны. Органы исполнительной власти, которые осуществляют налоговый контроль получают возможность видеть полную картину налоговой нагрузки организаций, какие звенья перегружены. На основе вышеизложенного следует полагать, что моделирование осуществление проверок не ограничивается ролью вспомогательного инструмента. Оно становится центральным механизмом совершенствования деятельности налоговой системы, обеспечивая повышение производительности, прозрачности и управляемости.

Проблематика выбора методик моделирования системы осуществления налогового контроля в налоговой сфере становится всё более актуальной на фоне перехода к цифровым форматам взимания налоговых платежей. Для органов исполнительной группы налоговой службы это имеет особое значение, поскольку эффектив-

ность их работы напрямую зависит от качества координации действий сотрудников, своевременности реакции на запросы и способности управлять процессами в условиях высокой динамичности исследуемой тематике. По результату анализа научных и практических источников можно отметить, что в современной налоговой практике используются различные подходы к моделированию процессов налогового контроля, основанные на структурном, функциональном, имитационном и процессном анализе налоговой сферы.

Далее, стоит рассмотреть задачи исследования налогового контроля, а именно (рис.2).

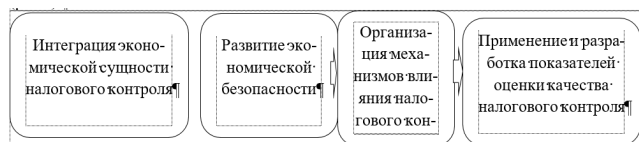

Рисунок 2 – Современные подходы развития налогового контроля

Акцентируя внимание, на более точном исследовании необходимо рассмотреть особенности интеграционного инструмента под названием налоговый контроль. Налоговый контроль осуществляет следующие функции, представленные ниже (рисунок 3).

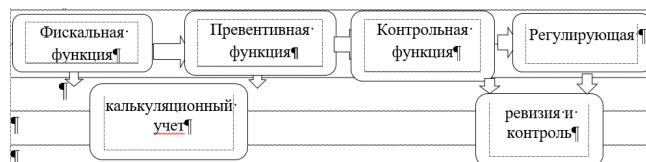

Рисунок 3 – Схема формирования функционального предназначения по этапам осуществления налогового контроля

Стоит отметить, что осуществления налогового контроля позволяет не только осуществлять своевременное взимания налоговых сборов, платежей и страховых взносов, а также полное обеспечение финансовой устойчивости государства.

В свою очередь, качество налогового контроля зависит от степени достижения целей при его проведении.

В настоящее время, контроль за поступлением налоговых платежей в бюджет является неотъемлемой частью и основой национальной безопасности исследуемой сферы.

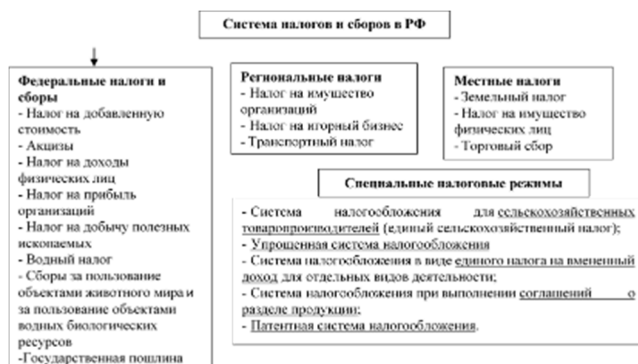

Рисунок 4 – Система налогов и сборов в РФ

Налогообложение природопользования устанавливается нормами Налогового кодекса, федеральными и региональными законами РФ, а также различными постановлениями Правительства РФ. Совершенствование системы налогообложения природопользования весьма актуальна, так как главной целью государства, как собственника своих природных ресурсов является получение доходов от поступления налоговых платежей в бюджет из

вне. Стоит отметить, что разработка и применение системы уплаты налоговых платежей налогоплательщиками позволит воспроизведению и развитию инфраструктуры природопользования. Налоговый контроль позволяет структурировать контрольную деятельность налоговой сферы и эффективность этой интеграции базируется на следующих принципах:

- 1) Законность
- 2) Обоснованность
- 3) Системность
- 4) Соразмерность
- 5) Превентивность

Таким образом, налоговый контроль и его влияние на экономическую безопасность способствует структуризации и укреплению доверия к налоговой системе, экономике, а также формированию минимизации рисков по неуплате налоговых платежей, сборов и страховых взносов.

1. Методы и материалы исследования

При исследовании данной тематике, использовались методы эмпирического познания, различные нормативно-правовые акты, а также теоретические, статистические и интерпретационные методики. В процессе работы применялись системный анализ, позволивший рассмотреть организацию как комплексную структуру, и сравнительно-правовой метод, используемый для сопоставления различных нормативных подходов. Также были задействованы методы моделирования, статистического анализа и экспертных оценок, что обеспечило необходимую глубину и достоверность получаемых результатов. Инструментарий исследования включал методы процессного и структурно-функционального анализа.

2. Результаты и обсуждение

В настоящее время, влияние налогового контроля на экономическую безопасность в налоговой сфере является основным вопросом. Экономическая безопасность имеет различные угрозы такими как:

- 1) Повышение роста теневой экономики;
- 2) Возможное уклонение от уплаты налоговых платежей, сборов и страховых взносов;
- 3) Увеличение числа банкротов и фиктивных операций офшорных систем;
- 4) Снижение числа налоговых льгот для налогоплательщиков.

Особое место в системе субъектов налоговых правоотношений занимает налоговый контроль, поскольку он не только является участником отдельных правоотношений, но и осуществляет мощные властные полномочия по регулированию, контролю и надзору за всей налоговой системой. Его правовой статус, как уже отмечалось, определяется Конституцией и специальным федеральным законом и характеризуется сложным сочетанием публично-правовых и частноправовых элементов. Налоговый орган определяется как юридическое лицо, которое для увеличения доходной части регионального и государственного бюджета как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения государства имеет право осуществлять взимания налоговых платежей, сборов и страховых взносов. Деятельность налоговых органов строго лицензируется, и они обязаны соблюдать всю совокупность требований налогового законодательства, включая обязательные нормативы, правила проведения налогового контроля и операций и требования по обеспечению финансовой устойчивости государства. Налогоплательщики — это физические и юридические лица, индивидуальные предприниматели на которых возложена обязанность уплачивать налоги и сборы.

1) Физические лица — это граждане России, иностранные граждане, а также лица без гражданства которые за свою деятельность обязаны платить налоговые платежи, сборы и страховые взносы.

Данные налогоплательщики уплачивают налог на доходы физических лиц, транспортный налог, налог на имущество физических лиц, а также земельный налог.

Стоит отметить, что с точки зрения права налогоплательщик — это субъект публично-правовых отношений, который непосредственно вступает во взаимодействие с государственной политикой и защитой интересов экономической безопасности страны. Налоговый статус обязует субъекта налоговой среды своевременно выполнять свои обязанности и меры ответственности по минимизации рисков.

Правовое положение налогоплательщиков характеризуется определенным балансом прав и обязанностей. К их основным правам относятся:

- 1) право на свободный выбор деятельности;
- 2) право на получение полной и достоверной информации об условиях предоставления предпринимательских услуг налогоплательщиком;
- 3) право на сохранение налоговой тайны;
- 4) право на защиту своих законных интересов, в том числе в судебном порядке.

В число основных обязанностей налогоплательщиков входит: соблюдение установленных правил осуществления налоговых операций (например, правил оформления расчетных документов); предоставление достоверной информации о себе при заключении договоров в объеме, требуемом в соответствии с законом, а также исключительно важным, повседневно регулирующим значением нормативных актов налоговой сферы. Именно акты наполняют конкретным содержанием предписания законов и обеспечивают гибкость и оперативность реагирования правовой системы на меняющиеся экономические условия и вызовы на проведение налогового контроля. Правовой статус налоговых органов детально регламентирован законодательством, а их конструктивное взаимодействие, основанное на балансе прав, обязанностей и ответственности, является необходимым условием стабильного и эффективного функционирования всей налоговой системы. Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования заключается в системном анализе фундаментальных основ налогового права, что создает методологическую базу для дальнейших научных изысканий, а также может быть использовано в нормотворческой деятельности по совершенствованию налогового законодательства, в правоприменительной практике судов и обеспечение экономической безопасности. Дальнейшее развитие налогового права будет неизбежно связано с необходимостью адекватного и своевременного правового реагирования на такие вызовы современности, как

глубокая цифровизация финансовых услуг, обеспечение кибер-безопасности, инвестиционной, экономической и информационной, а также ужесточение международных стандартов регулирования, противодействие новым схемам легализации преступных доходов от деятельности налогоплательщиков.

Целесообразно, отметить что налогоплательщик как центральный элемент налоговой системы осуществляет следующие функции, представленные на рисунке 5.

Существующее видовое разнообразие финансов является динамичной системой, чутко реагирующей на потребности правоприменительной практики и достижения научно-технического прогресса. Правовая база, регламентирующая данную деятельность, носит комплексный, но не лишенный внутренних противоречий характер, что

актуализирует задачу ее систематизации и модернизации, особенно в части регулирования новейших инновационных методик и статуса финансовых инвестиций. Дальнейшее развитие теоретических аспектов финансовой деятельности видится в междисциплинарном синтезе, углубленном изучении теоретических и организационных проблем, а также в выработке концептуальных подходов к интеграции цифровых технологий в инновационную практику, что в совокупности будет способствовать повышению эффективности и надежности данного института в механизме обеспечения развития экономической безопасности.

Рисунок 5- Функции налогоплательщика как центрального элемента налоговой системы

Далее, стоит рассмотреть тенденции развития экономической безопасности, а именно (рис.6).

Рисунок 6 – Современные подходы развития экономической безопасности

Стоит отметить, что в России независимо от форм собственности защита государства в правовом секторе осуществляется для всех. Защита налоговых прав собственников осуществляется в административном и судебном порядке. В настоящее время, основным правовым регулятором в правовых отношениях является налог. Плательщиками данного налога выступают физические и юридические лица, которые в правовой собственности имеют имущество, осуществляют предпринимательскую деятельность. Достижение плановых показателей роста отрасли возможно через системное внедрение правовых аспектов и эффективных финансовых инструментов, обеспечивающих повышение операционной эффективности, маржинальности и глобальной конкурентоспособности на рынке по развитию имущественных отношений. Государственное регулирование позволяет обеспечить повышение прозрачности, персонализации, автоматизации и снижению финансовых издержек при приобретении имущества в собственность.

Финансы отличаются своей операционной деятельностью характеризуется высокой степенью зависимости от экономических факторов и компетенций отдельных субъектов, что порождает существенные риски для стабильности и предсказуемости результата. Качество развития финансовых инвестиций в таких условиях может демонстрировать значительные колебания. Отсутствие стандартизированных процедур сбора и обработки информации нередко приводит к задержкам в развитии доходной части бюджета. Более того, финансовые решения в подобных структурах часто носят ситуативный характер и слабо подкреплены объективными данными. Долгосрочное стратегическое планирование становится крайне затруднительным в условиях, когда внутренние процессы не

формализованы и не поддаются измерению. В отличие от них, организации, внедрившие формализованные основные и управленческие бизнес-процессы, демонстрируют значительно более высокую операционную устойчивость. Они выстраивают свою работу на основе регламентированных процедур, охватывающих весь цикл налоговой деятельности. Каждое действие фиксируется и может быть проанализировано. Это позволяет не только минимизировать человеческий фактор, но и создает основу для непрерывного улучшения развития финансовых инноваций. Развитие финансовых инвестиций обладает инструментарием для контроля ключевых показателей эффективности, что обеспечивает прозрачность и обоснованность управленческих решений. Следовательно, внедрение процессного подхода трансформирует организацию из хаотичной структуры в управляемую систему, способную к последовательному развитию и поддержанию высоких стандартов качества.

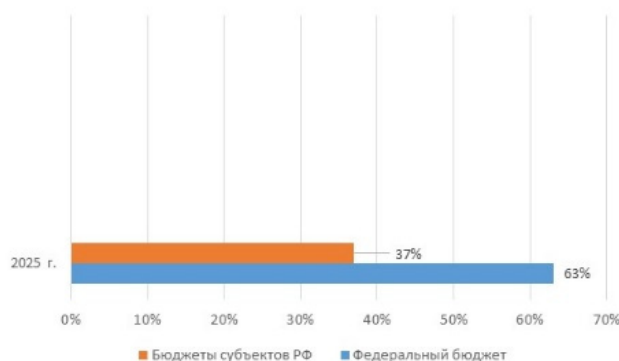

Рисунок 7– Статистические данные вложения в бюджеты

Современная экономика, особенно в условиях глобализации и правовой революции, стала неразрывно связана с цифровыми технологиями. Налоговая сфера, как ключевой элемент финансовой системы, особенно зависима от цифровизации. В основном взаимосвязь проявляется в следующих аспектах:

- 1) скорость и эффективность налоговых операций;
- 2) глобализация и доступность налоговых услуг, безопасность и управление рисками,
- 3) конкуренция в предпринимательской сфере и появление нового экономического актива – данных.

Во-первых, меняется сама природа экономических решений - они все больше принимаются не людьми, а автоматизированными системами. Во-вторых, возникает новый тип экономической реальности, где традиционные экономические законы начинают взаимодействовать с закономерностями работы алгоритмов. В-третьих, перед обществом встает проблема сохранения контроля над автономными финансовыми системами.

Перспективными направлениями дальнейшего исследования могли бы стать:

- 1) Изучение пределов алгоритмизации экономических процессов;
- 2) Анализ новых форм экономического отчуждения;
- 3) Разработка принципов гуманистического контроля над финансовыми алгоритмами;
- 4) Осмысление новых форм экономической и налоговой рациональности.

Философское осмысление этих процессов особенно важно, так как позволяет выявить глубинные трансформации, происходящие в самой природе экономических отношений в условиях цифровой эпохи.

Экономическая безопасность хозяйствующих субъектов Российской Федерации является необходимым фак-

тором обеспечения безопасности России. От экономической безопасности хозяйствующих субъектов зависит стабильность социально-экономической сферы региона, в котором находится такой субъект. Для поддержания экономической безопасности федеративного государства необходимо создать всем субъектам федерации равные возможности устойчивого развития их экономик. Вместе с тем, практически все российские регионы имеют и свои специфические проблемы - экономические, социальные, экологические и др., обуславливающие разнонаправленность их интересов.

Стоит отметить, что связь налоговых показателей с параметрами экономической безопасности заключается в увеличении уровня доходной части бюджета от поступлений налоговых платежей, сборов и страховых взносов. Для более детального изучения выбранной тематики необходимо рассмотреть различные инструментарию по минимизации рисков об увеличении объема государственного долга страны, а также финансирование различных социальных обязательств и устойчивости национальной финансовой, экономической и налоговой сферы.

Налоговый контроль является сложной категорией, синтезирующей в себе профессиональные, методические, экономические и юридические аспекты. Успех развития финансовых инвестиций на рынке будет определяться их способностью выстраивать долгосрочную стратегию, ориентированную не на сиюминутную прибыль, а на безупречное качество развития инноваций. Дальнейшее исследование будет сосредоточено на выявлении конкретных проблем и узких мест в организационной структуре и бизнес-процессах страны, а также на разработке практических рекомендаций по оптимизации «зеленой» деятельности для достижения максимальной эффективности по всем рассматриваемым направлениям.

Государственное регулирование в рамках налоговых отношений, позволяет координировать деятельность собственников и населения, учитывая интересы каждого из участников правового процесса.

Для более детального статистического анализа, необходимо рассмотреть основные показатели эффективности контрольных мероприятий для обеспечения экономической безопасности страны.

Таблица 1
Показатели контрольной работы, органов налоговой службы

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Выездные проверки, шт.	14 200	9 000	6 500
Камеральные проверки, шт.	55 000	60 000	67 000
Доначисления по проверочным мероприятиям, млрд руб.	350	420	680
Средний показатель доначислений, млн руб.	18	32	45

Согласно, статистического анализа, число выездных проверок уменьшилось более чем на 50%, а также стоит отметить, что средняя результативность одной выездной проверки увеличилась в 3 раза, так рост доначислений согласно проверочным мероприятиям свидетельствует о снижении числа проверок, что свидетельствует о внедрении риск-ориентированного подхода.

Далее, рассмотрим формулы, которые применяются при проведении организационно - проверочных мероприятий налоговой сферы.

$$K = \text{Сумма доначислений} / \text{Количество проверок}$$

$$E = \text{Количество доначислений} / \text{Общий объем налоговых поступлений}$$

Приведенные выше формулы, позволяют более детализировано рассмотреть организацию проверочных мероприятий по исследуемой тематике. Налоговый контроль, как сложный объект исследования, необходимо рассмотреть также с точки зрения различных показателей статистического анализа, таких как:

- 1) Показатели темпа прироста базисной и цепной природы;
- 2) Исследование индексных значений результатов контрольно-проверочной деятельности;
- 3) Проведение корреляционно-регрессионный анализ.

Целесообразно, заметить, что формирование доходной части бюджета страны и региона преимущественно осуществляется за счет налоговых поступлений от государственных и негосударственных фондов. Эффективность администрирования деятельности при осуществлении налогового контроля, зависит непосредственно об нейтрализации внутренних и внешних угроз финансовой устойчивости.

Личный кабинет налогоплательщика на данный момент является онлайн интерфейсом. Переход к данной цифровой платформе, позволяет систематизировать расширенный объем данных, происходит информирование о налоговых начислениях, формирования и отправка отчетности, подтверждение прав на льготы и вычеты.

Далее, рассмотрим функции и роли личного кабинета налогоплательщика, а именно:

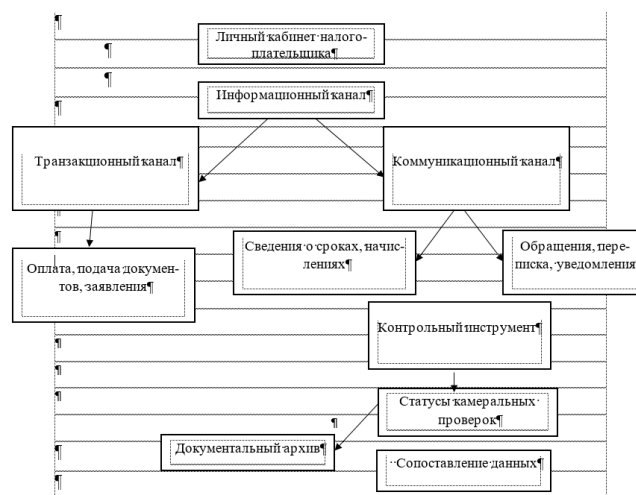

Рисунок 8– Организационная и функциональная структура личного кабинета налогоплательщика

Функционально отметим, что личный кабинет налогоплательщика можно трактовать как онлайн платформу, которая обеспечивает уменьшение транзакционных издержек и минимизацию финансовых рисков. Так, для налогоплательщика это экономия времени и финансовых средств на услуги посредников и исправление ошибок в отчетности, для государственного аппарата уменьшение нагрузки на сотрудников, ускорение обработки и повышение дисциплины получения налоговых платежей, сборов и страховых взносов.

Данная цифровая платформа, позволяет автоматизировать нормативно-правовую базу налогоплательщика в единое целое, а органам налоговой службы более детализировано проводить анализ имущественной базы. Использование личного кабинета налогоплательщика кардинально меняет традиционный инструментарий налоговой отрасли, формируют новые рыночные ниши и перестраивают глобальные цепочки создания нормативно-

правовой базы. Тот факт, что технологии меняют всё вокруг, делает эту работу особенно важной.

Мнение по данной теме исследования у многих авторов трактуется по-разному (табл.2)

Таблица 1

Трактовка понятия «Финансовый мониторинг в налоговом секторе»

Автор	Содержание
Авдеева И.Л.	Финансовый мониторинг представляет собой вид финансового контроля, осуществляемый для предотвращения легализации денежных средств в налоговом секторе [3].
Батарин, А. А.	Финансовый мониторинг – это деятельность органов налоговой службы, которые осуществляют контроль за операциями с денежными средствами, а также проведение операций, связанных с легализацией доходов полученных преступным путем [4].
Белова, М. Т.	Финансовый мониторинг – это общественные отношения, возникающие между уполномоченным органом в лице государства и налогоплательщиком как одним из уязвимых субъектом финансовой сферы, по предотвращению проведения мероприятий по легализации и отмыванию денежных средств незаконным путем [5].

В налоговом секторе существуют определенные мероприятия по предотвращению проведения операций по легализации и отмыванию денежных средств незаконным путем: 1) Проведение процедуры идентификации непосредственного плательщика налоговых платежей, сборов и страховых взносов;

осуществление блокировки денежных операций с участием подозрительных лиц; 3) отказ в проведении операций по открытию счета на анонимного владельца «мертвая душа»; 4) своевременное и систематизированное обучение действующих сотрудников по обеспечению взимания налогов с налогоплательщиков.

Минимизация рисков по неуплате налоговых платежей на данный момент стоит остро. Ведь данный процесс, позволит улучшить показатели по обеспечению экономической безопасности государства и проведения налогового контроля.

В процессе обеспечения финансовой и экономической безопасности государства интегрируются следующие показатели:

- 1) Размещение - представляет собой проведение операций с наличными денежными средствами, полученные преступным путем;
- 2) наслаивание – получение денежных средств без объяснения источника их природы;
- 3) интеграция - размещение доходов финансовой среды в экономический оборот.

Доходы от поступления налоговых платежей в бюджет государства формируют капитал централизованной направленности. Если рассматривать статистические данные, то стоит отметить, что 85% доходов от поступлений налоговых платежей уходит на финансирование системы здравоохранения, образования, а также развитие транспортной развязки и городской инфраструктуры. В свою очередь, 15% налогов, сборов уходит на поддержания местных и муниципальных бюджетов, а также на детализацию структуры ЖКХ, дорожного и сельского хозяйства в целом. Остальные денежные средства уходят в Федеральный фонд медицинского страхования, то есть на строительство больниц, поликлиник, предоставляющих медицинские услуги населению.

Далее, целесообразно будет рассмотреть экономические интересы государства, требующих защиты в процессе обеспечения и осуществления налогового мониторинга.

Экономические интересы государства с научной точки зрения, заключаются в выполнении основных функций, а именно:

1) Фискальная – направлена на формирование доходной части федерального, регионального и муниципального бюджета, при помощи взиманием налоговых платежей, сборов и страховых взносов.

2) Регулирующая – увеличение показателей воздействия хозяйственной деятельности на число проводимых налоговых проверок.

3) Стабилизационная – концентрация внимания регулирующих органов на детализации сглаживания колебаний экономики страны.

Рисунок 9 – Система приоритетных экономических интересов государства, требующих защиты

Налоговые поступления формируют основу бюджетной системы. Минимизация финансовых рисков при снижении показателей теневой экономики, позволяет детализировать рост дефицита заимствований и долговой нагрузки. Налоговый инструментариум отражает степень добровольного исполнения долговых обязательств.

Для более детального анализа, необходимо рассмотреть количественную оценку реализации финансовых интересов, а именно:

Налоговая нагрузка определяется следующим образом:

$$НН = \text{Налоговые доходы} / \text{ВВП} * 100\%$$

Стоит отметить, что налоговая нагрузка позволяет определить баланс между фискальной и инвестиционной активностью налогоплательщиков.

Далее, будем акцентировать внимание на показатели собираемости налоговых платежей и сборов, а именно:

$$K = \text{Фактические поступления} / \text{Начисленные обязательства}$$

$$\text{Эластичность налоговых поступлений по ВВП}$$

$$E = \% \text{ Налоги} / \% \text{ ВВП}$$

Анализ финансовых рисков по исследуемой тематике, позволяет реализации экономических интересов и минимизации внутренних, внешних угроз.

Рассмотрим, основные угрозы, представленные ниже:

- 1) Цифровые платформы для уклонения от налоговых платежей;
- 2) Перемещение прибыли не в доходную часть бюджета;
- 3) Использование налоговых разрывов;
- 4) Рост самозанятости без проведения финансового и налогового учета доходов.

Цифровизация налогового контроля позволяет, развитию социально-конструктивистского подхода к восполнению финансовых ресурсов и потенциала налогоплательщиков демонстрирует внедрение новых законодательных систем, которые периодически сталкиваются с социальным сопротивлением. Государственное регулирование имущественных отношений определяется незаменимостью налоговых ресурсов, а также их правовой ограниченностью. Рынок экономики в рамках развития налоговых

отношений формируют "правила игры" законодательно-правовых мер. Стоит отметить, что государственное регулирование налоговых отношений представляет собой нелинейный процесс технологических и социальных факторов, где технологические инновации не должны наносить ущерб налоговой среде, а также нарушать права и интересы граждан.

Анализ эволюции развития налоговых отношений показывает, что технологический детерминизм и социальный конструктивизм не являются взаимоисключающими парадигмами. Напротив, они находятся в диалектическом единстве:

- Государственное регулирование налоговых отношений создают новые возможности, но их реализация зависит от окружающего контекста.

- Общественные запросы стимулируют технологические инновации и не должны противоречить этики использования налоговых ресурсов;

- Культурные и регуляторные особенности определяют национальные модели развития налогово-имущественных отношений.

Перспективы развития лежат в плоскости синтеза этих правовых подходов, что требует учета технологических возможностей при разработке регуляторных норм, изучения социальных практик при внедрении инноваций и гибкого сочетания технических и гуманитарных знаний. Эволюция государственного регулирования налоговых отношений представляет собой сложный правовой процесс, в котором технологические и социальные факторы находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии между человеком и налоговой среды. Технологический детерминизм, подчеркивающий определяющую роль технического прогресса в развитии земельных инструментов, находит свое подтверждение в таких явлениях, как цифровизация правовой этики, направленной на организацию рационального использования налоговых ресурсов, охрану прав и хозяйственное регулирование. Государственное регулирование как сложный процесс подразделяется на общее и отраслевое. Общее осуществляется благодаря органам общей компетенции, федеральными службами деятельность которых основывается на положениях Конституции Российской Федерации.

Особую актуальность приобретает вопрос о роли регуляторных институтов в этом правовом процессе. Как показывает практика, в развитии налоговых отношений регулирующие органы выступают важными субъектами, которые не просто реагируют на технологические изменения, но и активно формируют среду для их развития через создание нормативных рамок, инициацию пилотных проектов и разработку стратегий налоговой трансформации.

Налогово-имущественные отношения являются одними из основных элементов развитой экономики региона, который показывает рекреацию, использование трудовых, природных, экономических и экологических ресурсов для улучшения показателей жизнедеятельности населения. В современном мире, возникает необходимость разработки новых правовых подходов, способных адекватно описать гибридную реальность, где социальные взаимодействия опосредуются сложными техническими системами. Важнейшей задачей становится поиск баланса между эффективностью правовых решений и сохранением жизнедеятельности населения.

Перспективным направлением дальнейших исследований могло бы стать изучение конкретных механизмов адаптации традиционных налоговых отношений к новым условиям взаимодействия с населением, а также разработка концепций, позволяющих интегрировать технологические и гуманитарные аспекты анализа современных форм доверия.

Современная правовая система государственного регулирования налоговых отношений включает в себя следующие звенья, а именно: (рис.10)

Рисунок 10 – Функции государственного контроля налоговых отношений

В современном мире государственное и правовое регулирование налоговых отношений находится на пике своего развития. Ведь, органы федеральной власти активно осуществляют правовую деятельность по сохранности и рациональном использовании налоговых ресурсов страны, а также разрабатывая предложения по функциональному управлению землями, приостанавливая неправомерную деятельность по изъятию и уничтожению налоговых ресурсов.

Стоит отметить, что в России независимо от форм собственности защита государства в правовом секторе осуществляется для всех. Защита налоговых прав собственников осуществляется в административном и судебном порядке. В настоящее время, основным правовым регулятором в налоговых отношениях является налоговый контроль. Плательщиками данного налога выступают физические и юридические лица, которые в правовой собственности имеют имущество. Далее, отметим что актуальность темы обусловлена масштабом и динамикой развития налоговых отношений, высоким потенциалом его правовой трансформации и стратегической ролью в развитии национальной экономики. Достижение плановых показателей роста отрасли возможно через системное внедрение правовых аспектов и эффективных финансовых инструментов, обеспечивающих повышение операционной эффективности, маржинальности и глобальной конкурентоспособности на рынке по развитию имущественных отношений. Государственное регулирование позволяет обеспечить повышение прозрачности, персонализации, автоматизации и снижении финансовых издержек при уплате налоговых платежей.

При проведении анализа статистических данных рейтинга правовых нарушений за 2024 год, было выявлено наиболее развитые позиции по исследуемой теме. В Российской Федерации реализуются меры, направленные на стимулирование правовой этики имущественных отношений. В рамках приоритетного национального проекта налоговых отношений.

Рассматривая влияние современных технологий на различные этапы развития налоговых отношений, можно отметить, что наиболее значительное их воздействие проявляется на этапе их рационального использования.

Контроль за использованием ресурсов включает в себя:

1. мониторинг выполнения государственных условий при приобретении имущества;
2. оценка экономических результатов работы;
3. анализ полученных фактических данных конкурентоспособности;
4. корректировка стратегии и тактики по результатам анализа.

Заключение

В заключении исследовательской работы, стоит отметить, что государственное регулирование налоговых отношений является неотъемлемой частью социально-экономического рынка региона. Рост промышленного использования имущества сопровождается увеличением нагрузки на систему и формированием очагов экономической напряженности налоговых ресурсов. Современные темпы внедрения финансовых технологий и степень государственного регулирования не всегда соответствуют масштабам вызовов, что требует системного подхода к переосмыслению и модернизации отраслевой политики. Рациональное и устойчивое использование основных ресурсов — экономических, трудовых и энергетических — напрямую определяет развитие налоговых отношений и окружающей среды в целом. Обращаясь к статистическим данным стоит отметить, что в рассматриваемый период отмечалась умеренная тенденция к сокращению общей площади взимания налоговых платежей, используемых в налоговом комплексе, что объясняется как необходимостью их консервации и рекультивации, так и оптимизацией структуры налоговой системы.

Государственное регулирование в рамках налоговых отношений, позволяет координировать деятельность собственников и населения, учитывая интересы каждого из участников правового процесса. Главным субъектом данного исследования выступает земельно-имущественная деятельность и увеличения запроса на персонализацию обслуживания вместе с постоянно растущими затратами на оказание услуг, проблема эффективного управления ресурсами социально-экономического рынка региона проявляется все более отчетливо и требует решения. С этой целью в исследовательской работе рассмотрены теоретические аспекты, проведен анализ и предложены пути развития в управлении трудовыми, информационными и финансовыми ресурсами. Рассмотрены направления исследований, инновационные технологии, а также факторы, влияющие на управление земельными отношениями в рыночных условиях. В современных условиях остро стоит проблема правового регулирования налогового рынка на федеральном и региональном уровне, а также исследования правовой этики государства в области налогов, ценообразования и инвестиций в рамках имущественных отношений.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Консультант Плюс.
2. Абрамова, М. А. Перспективы внедрения цифрового рубля в денежный оборот России: атрибуты и принципы формирования доверенной цифровой среды / М. А. Абрамова, Н. Н. Куницына, Е. И. Дюдикова // Финансы: теория и практика. — 2023. — Т. 27, № 4. — С. 6-16. — DOI 10.26794/2587-5671-2023-27-4-6-16. — EDN KXSALM.
3. Авдеева И.Л., Ананченкова П.И., Васильева Е.В., Головина Т.А., Горбова И.Н., Горбунов В.С., Еремина И.А., Комаревцева О.О., Кулагина Н.А., Михалев И.И., Панкова В.Б., Парахина Л.В., Репичев А.И., Сахарова С.М., Суровнева А.А., Суханов Д.А., Таранова И.В., Тихонов Е.Л., Тугачева Л.В., Филатова Е.С. и др. Методы, модели и технологии управления социально-экономическими системами в эпоху цифровой трансформации.— Орел, 2022.
4. Батарин, А. А. Уклонение от налогообложения в сфере торговли на розничных рынках: причины и пути преодоления / А. А. Батарин, Л. И. Гончаренко, А. С. Адвокатова // Финансы: теория и практика. — 2025. — Т. 29, №

1. — С. 119-132. — DOI 10.26794/2587-5671-2025-29-1-119-132. — EDN EHPBSB.

5. Белова, М. Т. Влияние децентрализованных финансов на деятельность традиционных финансовых посредников / М. Т. Белова, И. А. Ризванова // Финансы: теория и практика. — 2024. — Т. 28, № 6. — С. 143-153. — DOI 10.26794/2587-5671-2024-28-6-143-153. — EDN FDXTPQ.

6. Vorontsova, G.V., Chepurko, G.V., Ligidov, R.M., & Naichadzh, T.A., Podkolzina M. (2019). Problems and perspectives of development of the world financial system in the conditions of globalization. In the collection: The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony. Series "Lecture Notes in Networks and Systems" Cham, Switzerland: International Journal of Applied Business and Economic Research. Moscow, Russia. 5:12–16 c.

7. Vorobeva, E.A., Mukhoryanova, O.A., Savchenko, I.P., Taranova, I.V. (2019). Evaluation of managerial staff as an effective tool of motivation/Advances in Intelligent Systems and Computing this link is disabled. 2 : 173–181 c.

8. Дорофеев М.Л. Теоретические аспекты государственного финансового регулирования: уточнение понятий, классификация форм, методов и инструментов. Управленческие науки / Management Sciences. 2025;15(2):87-101. <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2025-15-2-87-101>

9. Ловянникова Н.В., Долгополова Л.В., Ворохобина Я.В., Казначеева О.Х., Попова М.В., Тихонов Э.Е., Таранова И.В., Сыроватская В.И., Стрижакова Н.Е., Добровольская И.А., Желудкова Т.В., Мальцева В.В. Научное и прикладное использование современных информационных систем и технологий в подготовке it-специалистов.- Невинномысск, 2012.

10. Podkolzina I.M., Gladilin A.V., Reshetov K.Yu., Taranova I.V., Gladilin V.A. Building a financial security system to ensure Russia's food security//В сборнике: The Challenge of Sustainability in Agricultural Systems. Heidelberg, 2021. С. 539-548.

11. Таранова И.В., Подколзина И.М. Влияние экономических кризисов на финансовую безопасность России//Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. 2019. № 3 (51). С. 20.

12. Таранова И.В. Диагностика параметров социально-экономического и пространственного развития регионов//Сборник научных трудов SWorld. 2013. Т. 32. № 1. С. 75-79.

13. Taranova, I.V., Tokova, L.D., Shavrina, J.O., Syrovatskaya, V.I., Ivanova, E.A., 2023. Московский экономический журнал, 2021, № 2. Taranova I. V., Ogan'yan A. G., YAnchenko E. A. 2023. Московский экономический журнал, 2021, № 10.

14. Rossetti, S. International Differences in IFRS Policy Choice and the Persistence of Accounting Classification // International Journal of Business and Management. — 2017. — № 12(2). — P. 27-46.

The Impact of Tax Control Quality on Ensuring National Economic Security

Taranova I.V., Nazarova N.A., Pondo E.A., Syrovatskaya V.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

This research study examines the impact of tax control quality on ensuring national economic security. This topic is highly relevant, as the implementation of the fiscal function of tax authorities enables the automation of cash flows to the revenue side of the regional and federal budgets.

Tax control is a key category in the state's national security system, ensuring the protection of its economic interests and sustainable development. In today's globalized and rapidly changing environment, this type of state instrument is particularly important both at the level of individual countries and globally.

This study explores the theoretical foundations of tax control, defines its functions and institutional characteristics, and proposes areas for improving

tax administration in the context of the digital transformation of the economy. It concludes that tax control plays a key role as a strategic tool for ensuring the financial stability of the state. In today's environment, the issue of legal regulation of the tax market at the federal and regional levels is acute, as is the study of the state's legal ethics in the areas of taxes, pricing, and investment within the context of implementing environmental investments. This research aims to identify challenges facing tax authorities in their operations to support the economic and tax security of the Russian budget. The purpose of this study is to examine the challenges faced by tax authorities in implementing tax control measures aimed at ensuring the flow of funds to the state budget from parties to legal relations (taxpayers).

Keywords: tax control, economic security, economics, taxes, government regulation.

References

1. Russian Federation. Laws. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017, No. 208, "On the Economic Security Strategy of the Russian Federation through 2030" // Consultant Plus.
2. Abramova, M. A. Prospects for the Introduction of the Digital Ruble into Russia's Monetary Circulation: Attributes and Principles for Forming a Trusted Digital Environment / M. A. Abramova, N. N. Kunitsyna, E. I. Dyudikova // Finance: Theory and Practice. – 2023. – Vol. 27, No. 4. – Pp. 6-16. – DOI 10.26794/2587-5671-2023-27-4-6-16. – EDN KXSALM.
3. Avdeeva I.L., Ananchenkova P.I., Vasilyeva E.V., Golovina T.A., Gorbova I.N., Gorbunov V.S., Eremina I.A., Komarevtseva O.O., Kulagina N.A., Mikhalev I.I., Pankova V.B., Parakhina L.V., Repichev A.I., Sakharova S.M., Sleveleva A.A., Sukhanov D.A., Taranova I.V., Tikhonov E.L., Tugacheva L.V., Filatova E.S. and others. Methods, models and technologies for managing socio-economic systems in the era of digital transformation. – Orel, 2022.
4. Batarin, A. A. Tax evasion in retail trade: causes and ways to overcome it / A. A. Batarin, L. I. Goncharenko, A. S. Advokatova // Finance: Theory and Practice. – 2025. – Vol. 29, No. 1. – Pp. 119-132. – DOI 10.26794/2587-5671-2025-29-1-119-132. – EDN EHPBSB.
5. Belova, M. T. The impact of decentralized finance on the activities of traditional financial intermediaries / M. T. Belova, I. A. Rizvanova // Finance: Theory and Practice. – 2024. – T. 28, No. 6. – P. 143-153. – DOI 10.26794/2587-5671-2024-28-6-143-153. – EDN FDXTPQ.
6. Vorontsova, G.V., Chepurko, G.V., Ligidov, R.M., & Nalchadzh, T.A., Podkolzina I.M. (2019). Problems and perspectives of development of the world financial system in the conditions of globalization. In the collection: The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony. Series "Lecture Notes in Networks and Systems" Cham, Switzerland: International Journal of Applied Business and Economic Research. Moscow, Russia. 5:12–16 c.
7. Vorobeva, E.A., Mukhoryanova, O.A., Savchenko, I.P., Taranova, I.V. (2019). Evaluation of managerial staff as an effective tool of motivation/Advances in Intelligent Systems and Computing this link is disabled. 2: 173–181 p.
8. Dorofeev, M.L. Theoretical aspects of public financial regulation: clarification of concepts, classification of forms, methods, and instruments. Management Sciences. 2025;15(2):87–101. <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2025-15-2-87-101>
9. Lovyannikova N.V., Dolgoplova L.V., Vorokhobina Ya.V., Kaznacheeva O.Kh., Popova M.V., Tikhonov E.E., Taranova I.V., Syrovatskaya V.I., Strizhakova N.E., Dobrovolskaya I.A., Zheludkova T.V., Maltseva V.V. Scientific and applied use of modern information systems and technologies in training IT specialists.-Nevinnomyssk, 2012.
10. Podkolzina I.M., Gladilin A.V., Reshetov K.Yu., Taranova I.V., Gladilin V.A. Building a financial security system to ensure Russia's food security//In the collection: The Challenge of Sustainability in Agricultural Systems. Heidelberg, 2021. pp. 539-548.
11. Taranova I.V., Podkolzina I.M. The Impact of Economic Crises on Russia's Financial Security//Bulletin of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus (Theory of Economics and Management of the National Economy). Economic Sciences. 2019. No. 3 (51). p. 20.
12. Taranova I.V. Diagnostics of Parameters of Socioeconomic and Spatial Development of Regions// Collection of Scientific Papers SWorld. 2013. Vol. 32. No. 1. pp. 75-79.
13. Taranova, I.V., Tokova, L.D., Shavrina, J.O., Syrovatskaya, V.I., Ivanova, E.A., 2023. Moscow Economic Journal, 2021, No. 2.
14. Rossetti, S. International Differences in IFRS Policy Choice and the Persistence of Accounting Classification // International Journal of Business and Management. - 2017. - No. 12 (2). - P. 27-46.

Эволюция и практика использования ключевой ставки в денежно-кредитной политике

Трофимов Дмитрий Викторович

к.э.н., доцент, доцент кафедры банковского дела и монетарного регулирования Финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве РФ, dvtrofimov@fa.ru

Цель исследования – проследить эволюцию ключевой ставки как инструмента ДКП (в международной перспективе и на материале России) и показать, какие институциональные «фильтры» усиливают либо ослабляют каналы трансмиссии. Центральное противоречие, обсуждаемое в статье, состоит в следующем: в теории ключевая ставка должна быть универсальным рыночным «якорем», а в реальной политике её действие нередко расслаивается – часть кредитного рынка остаётся чувствительной к ставке, а часть (через льготные программы, квазيبюджетные стимулы, регуляторные послабления) живёт по иной логике, снижая точность монетарного «прицеливания». Автор приходит к выводу, что характеризующая категория в современных режимах выполняет двойную функцию – как ценовой регулятор и как коммуникационный механизм управления ожиданиями. Следовательно, эффективность инструмента определяется качеством трансмиссии и согласованностью ДКП с бюджетными мерами, а не одним лишь уровнем ставки. Авторский вклад заключается в концептуализации ключевой ставки как инструмента, действенность которого зависит от конфигурации институтов (структуры банковского сектора, дизайна льготного кредитования, доверия к таргету инфляции), и в формулировании прикладных рекомендаций по «восстановлению чувствительности» процентного канала без подмены ДКП административными ограничениями. Излагаемые материалы будут полезны исследователям в области денежного обращения и макроэкономики, сотрудникам финансово-экономических блоков органов власти, специалистам банков по ALM / рискам, корпоративным казначействам.

Ключевые слова: Банк России, денежно-кредитная политика, инфляционное таргетирование, ключевая ставка, процентная политика, трансмиссионный механизм, финансовая стабильность, фискальное доминирование.

Введение

В современной макроэкономической теории и практике денежно-кредитное регулирование занимает центральное место в системе обеспечения финансовой стабильности и устойчивого экономического роста. Эволюция монетарных режимов за последние десятилетия продемонстрировала фундаментальный сдвиг от таргетирования денежных агрегатов и валютных курсов к управлению ценой денег в экономике – процентной ставкой. Ключевая ставка сегодня является не стандартным операционным ориентиром центральных банков, а мощнейшим сигнальным инструментом, посредством которого формируются инфляционные ожидания экономических агентов.

Значимость обращения к теме объясняется беспрецедентными вызовами, с которыми столкнулась глобальная и российская экономика в 2020-2025 годах. Пандемический кризис, разрыв производственных цепочек, геополитическая фрагментация, последующий инфляционный всплеск заставили регуляторов пересмотреть привычные подходы к правилу Тейлора и «новой нормальности» низких ставок. Для РФ рассматриваемый период стал тестом на зрелость режима инфляционного таргетирования: Банку России пришлось оперировать ставкой в диапазоне от исторических минимумов (4,25%) до экстремальных максимумов (21%), реагируя на «шоки» предложения и структурную перестройку хозяйства.

Научная проблема заключается в противоречии между теоретической моделью трансмиссионного механизма (предполагается высокая эластичность спроса и предложения кредита по ставке) и институциональными реалиями российской экономики, где значительная доля льготного кредитования и бюджетный импульс могут снижать эффективность процентного канала. Очень важно выявление закономерностей эволюции ключевой ставки и разработка предложений по оптимизации её использования на фоне высокой неопределенности. В первой части статьи будет рассмотрен генезис теоретических подходов, во второй – проанализирован эмпирический опыт Банка России в сравнении с мировыми трендами, в третьей – оценена эффективность трансмиссии и сформулированы рекомендации.

Материалы и методы

В проанализированных при написании статьи публикациях проблема ключевой ставки рассматривается с позиций различных, но взаимодополняющих подходов:

- нормативно-целевого;
- институционального;
- прикладного;
- сравнительно-эмпирического.

Так, Р.Д.О. Аббасов акцентирует внимание на целевых установках денежно-кредитного регулирования, трактуя ключевую ставку как производный инструмент реализации стратегических приоритетов макроэкономической политики [1]. В свою очередь, Э.А. Аракелян использует прогностико-сценарный ракурс рассмотрения, связывая динамику характеризующей ставки с глобальными «шоками» и структурными дисбалансами мировой экономики [2].

В работах Ч.А. Гогичаева, В.В. Рощупкиной ключевая ставка анализируется в рамках эволюции инструментария денежно-кредитной политики – с упором на институциональные изменения и перестраивание механизмов денежного обращения в России [3, 8].

Прикладной аспект представлен исследованиями Н.Л. Дружинина, М.И. Поповой, В.П. Марьяненко, В.И. Кордовича, Е.А. Синцовой и В.П. Марьяненко. Этими авторами анализируемая категория рассматривается как фактор инвестиционных решений, управления финансовыми рисками на микро- и мезоуровне [4, 5].

Сравнительно-аналитический подход реализован М.А. Майоровой через сопоставление влияния ключевой ставки на макроэкономические показатели в развитых и развивающихся странах [6]. А теоретико-монетарный – Ф.Э. Меджитовой, которая связывает ее с режимом таргетирования инфляции [7].

Обзорный и популяризаторский характер носит работа В.В. Саакова и соавторов, где систематизированы базовые функции и сферы применения ключевой ставки [9]. Статья М. Pradhan, Ch. Goodhart вводит концептуальное противоречие между монетаристской и неокейнсианской традициями (Фридман – Филлипс), позволяя интерпретировать современные дискуссии о роли процентной ставки в более широком историко-теоретическом контексте [10].

Выбор указанных публикаций аргументирован тем, что они в совокупности охватывают как эволюцию, так и практику на разных уровнях экономической системы; при этом в источниках выявляется ряд пробелов. Прежде всего, это недостаток эмпирических исследований с использованием длинных временных рядов для российской экономики и ограниченное внимание к немонетарным каналам трансмиссии. Расхождения проявляются в оценке эффективности повышенной ключевой ставки: одни авторы подчеркивают её стабилизирующую роль [1, 7], другие фиксируют сдерживающее воздействие на инвестиционную активность и рост [4, 6]. Это указывает на контекстную зависимость данного инструмента.

Методологически в данной статье делается упор на сочетание системного и историко-эволюционного анализа (с целью раскрытия динамики роли ключевой ставки), сравнительно-экономического метода (для сопоставления практик), элементов экономико-статистического и структурно-функционального анализа, которые помогают выявить противоречивые эффекты на макро- и микроуровнях. Применение комплекса методов обосновано многоуровневым и междисциплинарным характером денежно-кредитной политики и необходимостью увязки теоретических концепций с практической плоскостью регулирования.

Результаты и обсуждение

Исторически использование процентной ставки в качестве главного рычага ДКП утвердилось не сразу. В эпоху золотого стандарта и даже в рамках Бреттон-Вудской системы доминировали фиксированные курсы. Лишь с крахом кейнсианского консенсуса в 1970-х гг. и приходом монетаризма фокус сместился на контроль денежной массы. Между тем, нестабильность спроса на деньги сделала таргетирование агрегатов неэффективным. «Мы не бросали денежные агрегаты, это они бросили нас» – знаменитая фраза главы Банка Канады Джеральда Буи зафиксировала этот переход [10].

К 1990-м годам сформировался «новый макроэкономический консенсус». В его рамках ключевая ставка стала основным инструментом достижения ценовой стабильности. Правило Тейлора, связывающее уровень ставки с разрывом выпуска и отклонением инфляции от таргета, стало теоретическим «фундаментом» для большинства центробанков. Режим инфляционного таргетирования, с опорой на который предполагается публичное объявление цели по инфляции и использование ставки для её достижения, стал «золотым стандартом».

Однако практика 2020-2025 годов внесла коррективы. Период Zero Lower Bound (околонулевых ставок) в развитых странах сменился резким циклом ужесточения. Федеральная резервная система США и ЕЦБ, столкнувшись с инфляцией, вызванной как монетарными, так и немонетарными факторами, были вынуждены поднять ставки до многолетних максимумов (в зоне евро – до 4,5% в 2023 г.). Глобальный тренд последних лет – это переход от парадигмы «low for long» (низкие ставки надолго) к «higher for longer» (высокие – надолго), что необходимо для закоренения инфляционных ожиданий в реалиях деглобализации [2, 4].

Банк России официально ввел ключевую ставку как основной инструмент ДКП в сентябре 2013 года, унифицировав ставки по операциям предоставления и абсорбирования ликвидности. Переход к плавающему курсу рубля и режиму инфляционного таргетирования в 2014 году завершил формирование современной монетарной архитектуры (таблица 1).

Таблица 1
Эволюция процентной политики Банка России (2013-2025 гг.) (составлено на основе [1-3, 5, 7, 8])

Этап	Временной период	Диапазон ставки	Характеристика экономической среды	Доминирующая логика регулятора
Становление	2013 – ноябрь 2014 гг.	5,50% – 9,50%	Замедление роста, умеренная инфляция	Переход к инфляционному таргетированию, создание процентного коридора. Постепенное ужесточение
Кризисное реагирование	Декабрь 2014 – 2015 гг.	17,00% – 11,00%	Валютный кризис, девальвация, санкции	Шоковое повышение для остановки паники и стабилизации валютного рынка
Дезинфляция	2016 – 2019 гг.	10,00% – 6,25%	Адаптация к новой реальности, снижение инфляции к 4%.	Умеренно жесткая политика для снижения инфляционных ожиданий
Мягкое стимулирование	2020 – начало 2021 гг.	6,00% – 4,25%	Пандемия COVID-19, локдауны, падение спроса	Контрциклическое смягчение для поддержки совокупного спроса (впервые в истории РФ)
Структурная трансформация	2022 – 2023 гг.	20,00% – 7,50% – 16,00%	Геополитический «шок», перестройка логистики, бюджетный импульс	«Аварийное» поднятие до 20% для финстабильности, затем снижение и новый цикл роста из-за «перегрева»
Борьба с «перегревом»	2024 – 2025 гг.	16,00% – 21,00% – 18,00%	Дефицит кадров, рост зарплат выше производительности, высокий спрос	Жесткая ДКП для охлаждения спроса. Ставка достигла рекорда 21% в октябре 2024 г.

Как видно из представленной выше информации, Банк России демонстрировал высокую адаптивность. Если в 2014 году повышение ставки было реакцией на валютную панику (канал валютного курса), то цикл ужесточения 2023-2025 годов имел иную природу. Основным драйвером инфляции стал разрыв между растущим внутренним спросом (подпитываемым бюджетными расходами и увеличением зарплат) и ограниченными возможностями предложения. В сложившихся условиях ставка 21% выполняла функцию не столько кризисного, сколько ограничительного инструмента, который призван вернуть экономику на траекторию сбалансированного роста.

Целесообразно отметить, что в отличие от ЕЦБ и ФРС, которые начали цикл смягчения в середине 2024 года, Банк России сохранял жесткость дольше. Это объясняется спецификой российской инфляции, носящей более устойчивый характер из-за ограничений на стороне предложения и рынка труда.

Эффективность ключевой ставки определяется работоспособностью трансмиссионного механизма (ТМ) – речь идёт о цепочке связей, через которую импульс от ставки ЦБ доходит до реального сектора и цен. В россий-

ской экономике функционирование ТМ имеет выраженную специфику, которая снижает действенность монетарной политики (таблица 2).

Таблица 2
Анализ результативности каналов трансмиссионного механизма в РФ (составлено на основе [2, 4, 6-9])

Канал	Механизм действия	Факторы, снижающие эффективность в РФ	Оценка эффективности
Процентный	Ставка ЦБ → Ставки МБК → Ставки по кредитам / депозитам → Спрос / Сбережения	Высокая доля льготного кредитования (ипотека, МСП, АПК), нечувствительного к рыночной ставке	Средняя (сигнал искажается субсидиями)
Кредитный	Ставка ЦБ → Объем ликвидности банков → Готовность банков кредитовать	Регуляторные послабления, высокая концентрация банковского сектора, докапитализация госбанков	Высокая, но асимметричная
Валютный	Ставка ЦБ → Привлекательность активов в нацвалюте → Курс рубля → Цены импорта	Ограничения на движение капитала, снижение роли доллара / евро, экспортно-импортные дисбалансы	Снизилась после 2022 г.
Канал ожиданий	Коммуникация ЦБ → Прогнозы агентов → Решения о ценах, зарплатах	Незаякоренные инфляционные ожидания населения (ориентация на прошлую инфляцию, а не на цель)	Низкая, но растет

Особую озабоченность в 2023-2025 годах вызывала дихотомия кредитного рынка. Рыночный сегмент (потребкредитование, рыночная ипотека) реагировал на повышение ставки сжатием, как и предсказывает теория. Однако сегмент корпоративного кредитования (особенно выполняющего госконтракты) и льготная ипотека продолжали расти двузначными темпами, игнорируя стоимость денег. Это создавало эффект «фискального доминирования», когда мягкая бюджетная политика частично нейтрализует жесткую денежно-кредитную. В подобных ситуациях ЦБ вынужден держать ставку выше, чем это требовалось бы при отсутствии искажений, чтобы компенсировать проинфляционное влияние льготных программ.

Опираясь на проведенный анализ и текущую конъюнктуру 2026 года, представляется целесообразным сформулировать ряд предложений для повышения эффективности использования ключевой ставки в России.

Во-первых, необходима гармонизация фискальной и монетарной политик. Использование льготных программ кредитования должно стать точечным, а не массовым инструментом. Масштабное субсидирование процентных ставок «размывает» трансмиссионный механизм, вынуждая регулятора повышать ставку для всей остальной экономики. Следует законодательно закрепить параметры «циклической нейтральности» льготных программ или привязать их ставки к ключевой (плавающая субсидия), чтобы сохранить чувствительность заемщиков к макроэкономическим условиям.

Во-вторых, требуется эволюция коммуникационной стратегии. В реалиях высокой неопределенности Банку России следует переходить от публикации среднесрочного прогноза к более детальному раскрытию альтернативных сценариев («fan charts» для траектории). Это поможет снизить премию за риск в долгосрочных ставках ОФЗ и улучшить работу канала ожиданий. Участники рынка должны понимать как базовый прогноз, так и функцию реакции регулятора на возможные отклонения.

В-третьих, рекомендуется рассмотреть диверсификацию инструментов абсорбирования ликвидности. В условиях ее структурного профицита (характерного для периодов активных бюджетных трат) одной лишь ключевой ставки может быть недостаточно для удержания ставок денежного рынка вблизи цели. Активное использование облигаций Банка России (ОБР) и настройка параметров обязательных резервов способны усилить действенность процентного импульса.

Заключение

Ключевая ставка утвердилась в качестве базальтернативного инструмента макроэкономического регулирования в РФ. Эволюция подходов Банка России за период 2013-2026 годов отражает переход от реактивного тушения «пожаров» к проактивному управлению совокупным спросом. Опыт прохождения через кризисы 2014, 2020, 2022-2024 годов доказал способность регулятора обеспечивать финансовую стабильность даже в реалиях беспрецедентного внешнего давления.

Между тем, результативность инструмента сталкивается с объективными ограничениями институционального характера. Сегментация кредитного рынка, значительная роль немонетарных факторов инфляции создают ситуацию, когда «тормозной путь» монетарной политики удлиняется. Повышение ключевой ставки до 21% в 2024 году стало вынужденной мерой, платой за необходимость балансировки «перегретого» спроса.

Научная новизна работы состоит в обосновании тезиса о том, что в условиях структурной трансформации и бюджетного импульса ключевая ставка выполняет не только функцию регулирования инфляции, но и роль инструментария распределения ресурсов между рыночным и субсидируемым секторами экономики. Практическая значимость предложенных рекомендаций состоит в возможности их применения для тонкой настройки взаимодействия Правительства и Центрального банка. Это очень важно для возвращения к устойчивому росту с низкой инфляцией. С авторской точки зрения, в долгосрочной перспективе именно доверие к действиям регулятора и предсказуемость процентной политики станут базисом для снижения стоимости заимствований и активизации инвестиционного процесса.

Литература

- Аббасов Р.Д.О. Цели денежно-кредитного регулирования // Развитие инновационной экосистемы Российской Федерации на основе процессов импортозамещения в технологических инновациях для отраслей экономики. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. – Тольятти: 2025. – С. 18-21.
- Аракелян Э.А. Перспективы изменения ключевой ставки в условиях глобальных экономических проблем // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2025. – № 2. – С. 6-11.
- Гогичаев Ч.А. Перспективные направления развития инструментария государственной денежно-кредитной политики. Часть II // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2023. – № 1-2. – С. 132-138.
- Дружинин Н.Л., Попова М.И., Марьяненко В.П. Повышенная ключевая ставка как фактор принятия инвестиционных и финансовых решений // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 4-3. – С. 401-407.
- Кордович В.И., Синцова Е.А., Марьяненко В.П. Исследование вопросов управления финансовыми рисками в условиях повышенной ключевой ставки // Петербургский экономический журнал. – 2024. – № 3. – С. 160-172.
- Майорова М.А. Влияние ключевой ставки на макроэкономические показатели: опыт развитых и развивающихся стран // Финансовый менеджмент. – 2025. – № 8. – С. 4-9.
- Меджитова Ф.Э. Режим таргетирования инфляции: современный аспект // Молодежная наука. труды XXVI Всероссийской научно-практической конференции. – Красноярск: 2022. – С. 103-107.
- Рощупкина В.В. Эволюция инструментов денежно-кредитной политики Центрального Банка России в контексте трансформации денежного обращения // Бюллетень

инновационных технологий. – 2025. – Т. 9. – № 3 (35). – С. 26-32.

9. Сааков В.В., Кошиев К.Х., Шаушева З.Х., Крылевская М.Д. Что такое ключевая ставка ЦБ: где применяется и зачем нужна // Актуальные проблемы науки и техники. Сборник трудов по материалам XI Международного конкурса научно-исследовательских работ. – Уфа: 2023. – С. 70-77.

10. Pradhan M., Goodhart Ch. Friedman vs Phillips: A historic divide // URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/friedman-vs-phillips-historic-divide> (дата обращения: 10.02.2026).

The Evolution and Practice of Using the Key Policy Rate in Monetary Policy

Trofimov D.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

The purpose of this study is to trace the evolution of the key policy rate as an instrument of monetary policy—both in an international perspective and with reference to the Russian case—and to demonstrate which institutional “filters” strengthen or weaken transmission channels. The central contradiction discussed in the article is as follows: in theory, the key rate is intended to function as a universal market “anchor,” whereas in actual policy practice its effects are often fragmented. While part of the credit market remains sensitive to changes in the policy rate, other segments—operating through subsidized lending programs, quasi-fiscal incentives, and regulatory forbearance—follow a different logic, thereby reducing the precision of monetary “targeting.” The author concludes that in contemporary policy regimes the key rate performs a dual function: it acts both as a price regulator and as a communication mechanism for managing expectations. Accordingly, the effectiveness of this instrument is determined not by the level of the rate alone, but by the quality of transmission and the coherence of monetary policy with fiscal measures. The author’s contribution lies in conceptualizing the key policy rate as an instrument whose effectiveness depends on the institutional configuration—such as the structure of the banking sector, the design of subsidized credit schemes, and trust in the inflation target—and in formulating applied recommendations for “restoring the sensitivity” of the interest rate channel without substituting monetary policy with administrative controls. The materials presented will be of interest to researchers in monetary economics and macroeconomics, officials in financial and economic policy bodies, banking specialists in ALM and risk management, and corporate treasurers.

Keywords: Bank of Russia, monetary policy, inflation targeting, key policy rate, interest rate policy, transmission mechanism, financial stability, fiscal dominance.

References

1. Abbasov, R.D.O. Objectives of Monetary Regulation. In: Development of the Innovation Ecosystem of the Russian Federation Based on Import-Advancing Processes in Technological Innovations for Economic Sectors. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Tolyatti, 2025, pp. 18–21.
2. Arakelyan, E.A. Prospects for Changes in the Key Interest Rate amid Global Economic Challenges. Modern Science: Topical Issues of Theory and Practice. Series: Economics and Law, 2025, no. 2, pp. 6–11.
3. Gogichaev, Ch.A. Promising Directions for the Development of the Instruments of State Monetary Policy. Part II. Scientific Review. Series 1: Economics and Law, 2023, no. 1–2, pp. 132–138.
4. Druzhinin, N.L., Popova, M.I., Maryanenko, V.P. A High Key Interest Rate as a Factor in Investment and Financial Decision-Making. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law, 2024, no. 4-3, pp. 401–407.
5. Kordovich, V.I., Sintsova, E.A., Maryanenko, V.P. An Analysis of Financial Risk Management under Conditions of an Elevated Key Interest Rate. St. Petersburg Economic Journal, 2024, no. 3, pp. 160–172.
6. Mayorova, M.A. The Impact of the Key Interest Rate on Macroeconomic Indicators: Evidence from Developed and Developing Countries. Financial Management, 2025, no. 8, pp. 4–9.
7. Medzhitova, F.E. Inflation Targeting Regime: A Contemporary Perspective. In: Youth Science. Proceedings of the 26th All-Russian Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk, 2022, pp. 103–107.
8. Roshchupkina, V.V. The Evolution of Monetary Policy Instruments of the Central Bank of Russia in the Context of Monetary Circulation Transformation. Bulletin of Innovative Technologies, 2025, vol. 9, no. 3 (35), pp. 26–32.
9. Saakov, V.V., Koshiev, K.Kh., Shausheva, Z.Kh., Krylevskaya, M.D. What Is the Central Bank Key Rate: Its Applications and Purpose. In: Current Issues of Science and Technology. Proceedings of the 11th International Competition of Research Papers. Ufa, 2023, pp. 70–77.
10. Pradhan, M., Goodhart, Ch. Friedman vs. Phillips: A Historic Divide. Available at: <https://cepr.org/voxeu/columns/friedman-vs-phillips-historic-divide> (accessed 10 February 2026).